

8Р
Д56. Добролюбов
Сочинения.

Т 1. изд. 6-е.

Сочинения

Добролюбова

W. S. Foster Sr.

СОЧИНЕНІЯ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Т О М Ъ I.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА И ЕГО БІОГРАФІЕЙ, СОСТАВЛЕННОЙ
М. М. ФИЛИПОВЫМЪ.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

ЦѢНА ЗА ВСѢ ЧЕТЫРЕ ТОМА СЕМЬ РУБЛЕЙ.

С.-Петербургъ

Изданіе Л. Л. Сойкина

12, Стремянная, 12.

523 866

Отъ издателя.

Шестое изданіе сочиненій Н. А. Добролюбова напечатано безъ измѣненій съ пятаго изданія.

Біографическій очеркъ составленъ для настоящаго изданія М. М. Филипповымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

	Стр.
Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ. Біографическій очеркъ М. Филиппова	I—LXV
Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова („Современникъ“, 1856, №№ 7 и 8).	1
Отвѣтъ на замѣчанія г. А. Галахова по поводу предыдущей статьи („Совр.“, 1856, № 11, изъ «Замѣтокъ о журналахъ»).	90
Русская сатира въ вѣкъ Екатерины („Совр.“ 1859, № 10)	97

Описаніе Главнаго Педагогическаго Института („Совр.“ 1856, № 8)	184
Краткое историческое обзорѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго Института („Совр.“ 1859, № 8).	189

О значеніи авторитета въ воспитаніи („Совр.“ 1857, № 5)	199
Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова („Совр.“ 1859, № 2).	220
Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ („Совр.“ 1860, № 1).	230
Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами („Совр.“ 1860, № 1)	238
Отъ дождя да въ воду („Совр.“ 1861, № 8)	262

Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы („Совр.“ 1858, № 3)	291
Разныя сочиненія С. Аксакова („Совр.“ 1859, № 2).	327

„Современникъ“, 1857.

Сочиненія графа Соллогуба (№ 7)	338
Стихотворенія Полежаева (№ 8)	360
Походъ аѣинянъ въ Сицилію, Владиміра Ведрова (№ 9).	365
У пристани. Романъ графини Евдокіи Растопчиной (№ 10)	370
Сборникъ, издаваемый студентами С.-Петербургскаго Университета (№ 11).	387
Библіотека римскихъ писателей. Сочыненія Саллюстія и Юлія Цезаря, переводъ А. Клеванова (№ 11)	393
Губернскіе очерки, Щедрина, томъ 3-й (№ 12)	407

„Современникъ“, 1858.

	Стр.
Сочиненія Пушкина, томъ 7-й (№ 1)	434
Новыя стихотворенія В. Бенедиктова (№ 1)	447
Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ, М. Семевскаго (№ 1)	459
О степени участія народности въ развитіи русской литературы. Очеркъ исторіи русской поэзіи, А. Милюкова (№ 2).	464
Жизнь Магомета, соч. Вашингтона Ирвинга (№ 2)	516
Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ материка, полковника Лебедева З. (№ 2).	523
Физиологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни, сочин. заслуженнаго профессора В. Берви (№ 3).	526
Аттила и Русь IV и V вѣка. Сводъ историческихъ и народныхъ преданій, сочин. А. Вельтмана (№ 3)	534
Стихотворенія Н. М. Языкова	538

Николай Александровичъ Добролюбовъ.

Біографическій очеркъ М. М. Филиппова.

I.

Дѣтство.—Характеръ отца и матери.—Раннее развитіе.—Первые учителя.—Литературныя игры, придуманыя Добролюбовымъ.—Семинарія.

Николай Александровичъ Добролюбовъ родился 24 января 1836 года, умеръ 17 ноября 1861 года. Онъ умеръ на 26-мъ году жизни, оставивъ послѣ себя собраніе сочиненій, которое даетъ Добролюбову въ исторіи русской критики мѣсто рядомъ съ Бѣлинскимъ. Самъ Добролюбовъ передъ смертью видѣлъ, что слава и любовь «улыбнутся ему надъ гробовой доской» и что тогда явится все, чего онъ «такъ жадно и напрасно искалъ живой»...

Жизнь очень рѣдко улыбалась Добролюбову. Правда, были въ ней и счастливыя минуты; имѣлъ онъ немногихъ, но преданныхъ друзей, но въ то же время сколько у него было враговъ, завистниковъ и даже клеветниковъ, которыхъ заставила умолкнуть на время лишь его ранняя могила. Много лѣтъ спустя, въ эпоху общественной реакціи, вновь слышались голоса, провозгласившіе Добролюбова «вреднымъ отрицателемъ», обвинявшіе его въ «глумленіи надъ авторитетами», въ посягательствѣ на репутацію такихъ великихъ людей, каковы Тургеневъ и Пироговъ, въ развращеніи вкусовъ толпы и т. п. Эти голоса произвели нѣкоторое впечатлѣніе; но теперь они снова забыты, а имя Добролюбова остается такимъ же чистымъ и свѣтлымъ, какимъ оно было всегда, и его благородныя мысли и пламенные рѣчи находятъ откликъ во всѣхъ неиспорченныхъ сердцахъ. Немного есть у насъ писателей, чтеніе которыхъ дѣйствовало бы такимъ облагораживающимъ образомъ, въ особенности на молодое поколѣніе, какъ критическія статьи Добролюбова, въ особенности такія, какъ, напр., «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ».

Николай Александровичъ Добролюбовъ былъ старшій сынъ священника нижегородской Никольской церкви, Александра Ивановича. Нѣкоторые біографы утверждаютъ, что семья Добролюбовыхъ была «домостроевскаго типа», «съ непрекословнымъ подчиненіемъ младшихъ суровой волѣ старшихъ».

Такой приговоръ слишкомъ строгъ и противорѣчитъ истинѣ. Отецъ Добролюбова мало былъ похожъ на деспота, и если сынъ чуждался отца

и робѣль передъ нимъ, то это частью зависѣло отъ его собственнаго характера, частью же, конечно, отъ образа жизни отца. Семья Добролюбовыхъ была изъ достаточныхъ: она причислялась къ нижегородской аристократіи, и многіе изъ товарищей Николая Александровича побурсѣ даже не рѣшались приходить къ нему, считая его домъ слишкомъ знатнымъ для себя. Отецъ Добролюбова не былъ ни золъ, ни даже слишкомъ суровъ, но былъ слишкомъ озабоченъ своими дѣлами, и когда дѣла шли неудачно, онъ изливалъ свою горечь на домашнихъ. Не ограничиваясь церковной службой и законоучительствомъ, отецъ Добролюбова вздумалъ строить дома, постоянно возился съ своими постройками, нерѣдко залутывалъ дѣла и рѣдко бывалъ дома, предоставляя воспитаніе дѣтей всецѣло своей женѣ, Зинаидѣ Васильевнѣ. Мать Добролюбова, по общимъ отзывамъ, была женщина рѣдкой доброты, отличалась умомъ и привѣтливостью и была натурой въ высшей степени цѣльной; эти нравственные качества перешли отъ нея по наслѣдству къ сыну, который многимъ былъ ей обязанъ. Въ дневникѣ Добролюбова, найденномъ послѣ его смерти, находятся слѣдующія строки, относящіяся къ его матери: «Отъ нея получилъ я свои лучшія качества, съ ней сроднился я съ первыхъ дней моего дѣтства, къ ней летѣло мое сердце, гдѣ бы я ни былъ, для нея было все, что я ни дѣлалъ».

Трехлѣтній Добролюбовъ уже лепеталъ наизусть нѣкоторыя басни Крылова, повторяя ихъ вслѣдъ за матерью; нѣкоторые изъ біографовъ, конечно, преувеличили, увѣряя, что «въ этомъ возрастѣ Добролюбовъ уже прекрасно декламировалъ».

Достовѣрно, что въ очень раннемъ возрастѣ, лѣтъ пяти, Добролюбовъ научился отъ матери читать и писать (по крайней мѣрѣ азбуку), а когда мальчику окончилось восемь лѣтъ, онъ началъ брать уроки сначала у кончившаго семинарію студента Садовскаго, а два мѣсяца спустя у семинариста философскаго класса, Михаила Алексѣевича Кострова, впоследствии женившагося на сестрѣ Добролюбова, Антонинѣ. Занятія Кострова съ Добролюбовымъ продолжались около трехъ лѣтъ. Костровъ былъ чловѣкъ недюжинный и немало способствовалъ умственному развитію даровитаго ученика. Онъ старался пріохотить мальчика къ ученію и далеко не прибѣгалъ къ господствовавшему тогда въ школахъ методу, состоявшему въ требованіи зубренья наизусть. Наоборотъ, учитель старался, по его собственнымъ словамъ, добиться того, чтобы ученье стало для ученика не мученьемъ, а насущною потребностью, и чтобы ученикъ достигалъ по возможности полного и отчетливаго понятія о каждомъ предметѣ. Мать Добролюбова, слѣдившая за занятіями сына, часто замѣчала, что изъ классной комнаты почти только и слышно: «почему», да «отчего» и «какъ». Отецъ обыкновенно не вмѣшивался въ занятія сына и только изрѣдка, для провѣрки его знаній, задавалъ тѣ или иные вопросы и оставался очень доволенъ его успѣхами. Замѣчая даровитость сына, отецъ сталъ гордиться его успѣхами и любилъ иногда похвастать имъ передъ чужими.

Костровъ прекрасно подготовилъ Добролюбова по русскому языку, а также греческому и латинскому, и когда, въ 1847 году, Добролюбова отдали въ высшій классъ духовнаго училища, одиннадцатилѣтній мальчикъ поразилъ своей начитанностью и осмысленностью своихъ отвѣтовъ учите-

лей и возбудилъ зависть въ ученикахъ, изъ которыхъ большинство были значительно старше его—среди его товарищей попадались и пятнадцатилѣтніе юноши. Удивлялись познаніямъ Добролюбова по латинскому языку. говорили о томъ, что у его отца обширная библіотека и что мальчикъ прочелъ много отцовскихъ книгъ.

Въ 1848 году Добролюбовъ былъ переведенъ въ нижегородскую семинарію, гдѣ всѣ пять лѣтъ курса шелъ однимъ изъ первыхъ. Не только съ отцомъ, но и съ товарищами Добролюбовъ былъ застѣнчивъ и робокъ, сторонился отъ забавъ и игръ товарищей и цѣлые дни проводилъ надъ чтеніемъ учебныхъ и неучебныхъ книгъ.

По свидѣтельству Н. Г. Чернышевскаго, собравшаго важнѣйшіе матеріалы для біографіи Добролюбова. Добролюбовъ находилъ для себя бесполезными уроки почти всѣхъ семинарскихъ профессоровъ и преподавателей, исключая уроковъ нѣмецкаго языка, преподавателемъ котораго былъ Сладкопѣвцевъ. Добролюбову было скучно на бесполезныхъ для него урокахъ. Но отецъ и мать огорчились бы, если бы сынъ сталъ пропускать уроки, и не столько изъ сыновней почтительности (хотя и она была въ немъ велика), сколько изъ сознанія своей нравственной обязанности, Добролюбовъ за всѣ пять лѣтъ пребыванія въ семинаріи не пропустилъ ни одного дня, ни одного урока, кромѣ тѣхъ дней, когда былъ боленъ. Это подтверждается таблицей посѣщенія уроковъ, составленной самимъ Добролюбовымъ съ необычайной тщательностью,—можно даже сказать—педантичностью.

Уже въ духовномъ училищѣ, т. е. до поступленія въ семинарію, Добролюбовъ поражалъ сверстниковъ и учителей оригинальностью во всемъ. Судя по воспоминаніямъ одного изъ его товарищей, Добролюбовъ былъ мальчикъ нѣжный, барской наружности, скромный, застѣнчивый, какъ дѣвочка; но вскорѣ онъ успѣлъ пріобрѣсти уваженіе товарищей своими знаніями и умомъ. Такъ, онъ въ особенности поразилъ товарищей самостоятельнымъ составленіемъ латинскихъ фразъ, что поощрялось толковымъ, хотя и жестокимъ учителемъ духовнаго училища. Таковы же были успѣхи Добролюбова и по другимъ наукамъ. Въ семинаріи онъ также всегда былъ однимъ изъ первыхъ.

Нѣкоторое попятіе о раннихъ внѣклассныхъ занятіяхъ Добролюбова даетъ придуманная имъ въ одиннадцатилѣтнемъ возрастѣ, какъ разъ передъ поступленіемъ въ духовное училище, литературная игра, для которой онъ нашелъ товарища въ лицѣ нѣкоего Владиміра Наркисовича, мальчика лѣтъ 13 или 14, повидимому помѣщичьяго сына. Эта забавная игра состояла въ томъ, что онъ писалъ письма отъ имени царей и полководцевъ, извѣстныхъ изъ исторіи, къ другимъ подобнымъ же историческимъ личностямъ. Уцѣлѣли два русскихъ письма Добролюбова и третье латинское. Въ письмахъ нарочно придумывались самыя невѣроятныя комбинаціи корреспондентовъ: напр., Наполеонъ переписывался съ рабомъ Джембулатомъ изъ поэмы Лермонтова Хаджи Абрекъ, Аннибалъ писалъ Наполеону, объявляя ему войну и т. п. Латинское письмо Аннибала римскимъ сенаторамъ написано довольно правильно, но смѣха ради отнесено къ 1848 году. Игра эта свидѣтельствуется, во всякомъ случаѣ, о начитанности и нѣкоторыхъ познаніяхъ мальчика.

Кто былъ товарищъ этихъ его игръ—доподлинно неизвѣстно; но нѣ-

сколько лѣтъ спустя, именно въ 1852 г., Добролюбовъ адресовалъ тому же Владиміру Наркисовичу любопытное письмо, изъ котораго можно получить нѣкоторое понятіе о дальнѣйшемъ ходѣ развитія Добролюбова. По словамъ Добролюбова, «глупое зубреніе уроковъ» не далось ему ни до семинаріи, ни во время семинарскаго курса. Гораздо болѣе нравилось ему чтеніе книгъ, ставшее лучшимъ отдыхомъ отъ «тупыхъ и скучныхъ» семинарскихъ занятій. Онъ читалъ все, что попадалось подъ руку: историческія сочиненія, путешествія, разсужденія, оды, романы,—больше всего романы, начиная отъ Жанлисъ и Ратклифъ до Дюма и Жоржъ Занда, отъ Нарвѣжнаго до Гоголя. Все поглощалось имъ съ необычайною жадностью. Въ семинаріи Добролюбовъ научился, правда, писать разныя хриіи и диссертациі на русскомъ и латинскомъ языкахъ, но все это чисто по семинарски. Передъ окончаніемъ семинарскаго курса, Добролюбовъ уже вполнѣ сознавалъ, что ему придется не только учиться новому, но очищать и сглаживать многое изъ стараго, для того чтобы сбросить съ себя всю пыль и шероховатость школьнаго обученія. Онъ былъ, однако, полонъ надеждъ и мечталъ о томъ, что передъ нимъ «жизни даль лежитъ свѣтла, необозрима».

Настроеніе это нѣсколько портилось домашними дразгмами. Хотя мы рѣшительно отвергаемъ мнѣніе, будто отецъ Добролюбова былъ грубымъ деспотомъ, но было уже замѣчено, что между отцомъ и сыномъ не установилось того взаимнаго пониманія, какое существовало между сыномъ и матерью. Мальчикъ былъ вообще впечатлительный, близко принимавшій къ сердцу отношеніе къ себѣ другихъ людей, а отецъ нерѣдко отталкивалъ его отъ себя суровыми правоученіями, порою отражавшими лишь его случайное настроеніе духа. Объ этой эпохѣ въ жизни Добролюбова и объ отношеніяхъ его къ отцу любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ братъ его, Владиміръ Александровичъ ¹⁾.

„Хотя я былъ ребенкомъ, мой братъ Николай оставилъ во мнѣ особенное впечатлѣніе и его личность выдѣляется несравненно яснѣе, чѣмъ личности отца и матери. Когда умеръ отецъ, мнѣ было пять лѣтъ. Тихій, молчаливый, какъ казалось мнѣ—робкій, съ какимъ то особеннымъ выраженіемъ, останавливавшимъ на немъ безотчетно мой взглядъ, сидящій гдѣ нибудь въ углу, углубившись въ книгу, никогда не игравшій, тихо двигавшійся, какъ будто желавшій остаться незамѣченнымъ, братъ являлся для меня какимъ то особеннымъ существомъ, внушавшимъ удивленіе, влекшимъ меня къ себѣ и въ то же время сдерживавшимъ всякое проявленіе моего чувства.

Однажды ночью я былъ разбуженъ голосомъ отца, бранившаго кого то. Я соскочилъ съ постели и пробрался къ отворенной двери комнаты, желая узнать, на кого могъ такъ разсердиться отецъ ночью. Я увидѣлъ въ маленькой, темной комнатѣ стоявшаго съ книгой въ рукѣ брата и отца съ лампадкой въ рукѣ, указывавшаго на образъ и сердито говорившаго ему. Лицо брата произвело на меня такое впечатлѣніе, что я убѣждалъ и долго не могъ уснуть, не понимая, что могъ сдѣлать мой братъ, чтобы разсердить такъ отца. Впослѣдствіи я узналъ, что всѣ свѣчи запирались на ночь, такъ какъ братъ вставалъ съ постели и читалъ ночью, когда всѣ спали. Не имѣя свѣчи, братъ взялъ лампадку отъ образа и углубился въ чтеніе. Проповѣдь отца должна

¹⁾ При составленіи біографіи Н. А. Добролюбова, я пользовался, кромѣ печатныхъ матеріаловъ, рукописными замѣтками родного брата знаменитаго критика, Владиміра Александровича, которому выражаю здѣсь искреннюю признательность за содѣйствіе.

была произвести на брата удручающее впечатлѣніе, такъ какъ въ то время онъ былъ очень религіозенъ, что говорили мнѣ потомъ всѣ какъ родные, такъ и знакомые его“.

Объ отношеніяхъ Добролюбова къ отцу свидѣтельствуется и его дневникъ, который онъ велъ уже въ очень молодые годы. Описывая встрѣчу новаго года, а именно день 1 января 1852 г., Добролюбовъ изображаетъ въ своемъ дневникѣ разныя душевныя состоянія, испытанныя имъ по этому случаю. Въ общемъ получается довольно невеселая картина. Встрѣчая новый годъ, Добролюбовъ заснулъ надъ книгой; утромъ пошелъ къ обѣднѣ. Ему пришла, по его словамъ, нелѣпая фантазія поздравить одну даму, которая только живнула ему на его привѣтствіе. Затѣмъ онъ пошелъ поздравить крестную мать, но встрѣтилъ сухой пріемъ, былъ раздосадованъ невниманіемъ къ себѣ и получилъ порученіе, которое забылъ выполнить. «Дома оскорбилъ маменьку, но вскорѣ помирился». Потомъ онъ побывалъ у постояльцевъ (жильцовъ дома), чтобы поиграть съ ихъ прекрасными дѣтьми, особенно «одною», къ которой уже стремились мечты мальчика (то была, кажется, дѣвочка его же возраста, Щепотьева). Но, возвратясь домой, онъ узналъ о крайне непріятномъ происшествіи. Сбѣжала корова, и на этомъ основаніи отецъ былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, а какъ нарочно мать уѣхала и сынъ остался съ отцомъ одинъ. Начались упреки сыну за то, что ему «все равно, хоть тутъ все гори или пропади». Отецъ сталъ бранить сына негодяемъ, упрекать его въ нелюбви къ себѣ. «Ты дуракъ»,—говорилъ онъ сыну,—«изъ тебя толку немного выйдетъ; ты ученъ, хорошо читаешь, но все это вздоръ». Затѣмъ отецъ сталъ говорить, что вообще всѣ дѣти его не слушаютъ и сведутъ въ могилу, и что всѣ науки никуда негодны для того, кто не умѣетъ беречь деньгу. Все это пришлось сыну слушать ровно три часа. Говорилось это не въ гнѣвѣ, а очень спокойно, только въ необыкновенно мрачномъ и грустномъ тонѣ. Добролюбовъ отвѣчалъ на все только: «такъ-съ» и не имѣлъ духу возражать, а отца, повидимому, еще болѣе сердило такое отсутствіе оправданій и возраженій.

Сынъ самъ понималъ, что отношенія его къ отцу не такія, какія должны были бы быть. «Нужно прежде побѣдить эту робость, побѣдить это чувство приличія предъ роднымъ отцомъ,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ,—нужно, смирить эту недовѣрчивость и тогда явится младенческая искренность и простота... Впрочемъ, что винить папашу—я виноватъ, одинъ я. Должно быть, я гордъ и изъ этого источника происходитъ весь мой гадкій характеръ. Это, впрочемъ, кажется у насъ наследственное качество, хотя въ довольно благородномъ значеніи».

Конечно, «папаша» былъ виноватъ еще болѣе сына; но Добролюбовъ вполне справедливо отвесилъ въ тѣ уже молодые годы къ нѣкоторымъ недостаткамъ своего характера: главнымъ образомъ, это была застенчивость, смѣшанная, дѣйствительно, съ своеобразной гордостью: эти свойства характера отталкивали отъ него и многихъ товарищей. Изъ нихъ лишь одинъ, нѣкто В. Л., сумѣлъ на время подчинить Добролюбова своему вліянію; но этимъ вліяніемъ самъ Добролюбовъ былъ недоволенъ и старался освободиться отъ него, чего вскорѣ и достигъ. Товарищъ этотъ, по словамъ самого Добролюбова, научилъ его, «человѣка довольно основательнаго и надменнаго», относиться ко всему поверхностно и надъ всѣмъ смѣяться. «Быть

можетъ, это мнѣ и пригодится», — писалъ Добролюбовъ, — «но теперь это дурно, не говоря уже о томъ, что отъ этого страждетъ мое необъятное самолюбіе».

Было уже замѣчено, что семинарское преподаваніе почти ничего не дало Добролюбову. Разумѣется, нельзя винить въ этомъ собственно нижегородскую семинарію. Наоборотъ, она была одна изъ лучшихъ. Въ ней не было ни мелочнаго надзора за соблюденіемъ мертвой формалистики, ни шпионства; не было и той крайней жестокости, какая господствовала въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ бурсахъ. Отношенія начальства къ ученикамъ вообще были порядочныя. Программа семинаріи была плоха, плохи были и методы преподаванія, но то-же можно сказать и обо всѣхъ тогдашнихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ бы то ни было, семинарія не давала никакой пищи уму, кромѣ мертвой схоластики. Не удивительно, что въ бумагахъ Добролюбова не сохранилось никакихъ слѣдовъ занятій по исполненію требованій семинарской программы: наоборотъ, сохранились доказательства крайне отрицательнаго отношенія къ семинарскимъ знаніямъ.

Въ семинаріяхъ того времени чрезвычайно развита была, между прочимъ, система подсказыванія, и при чемъ тотъ, кому подсказывали, порою совершенно незнакомый съ содержаніемъ урока, не дослышавъ, нелѣпо искажалъ подсказываемыя фразы. Были также нерѣдки примѣры, когда отупѣвшіе отъ схоластики семинаристы говорили необычайныя глупости въ разговорахъ съ товарищами. Добролюбову пришло на умъ мысль записывать наиболѣе выдающіяся изъ такихъ глупостей: кромѣ того, онъ и самъ нарочно придумывалъ подобныя же и даже еще большія нелѣпости. Такимъ образомъ, составила рукопись, названная имъ «Лѣтописью классическихъ глупостей». Въ ней уже есть намеки на талантъ будущаго главнаго сотрудника «Свистка».

Въ примѣчаніи къ заголовку Добролюбовъ замѣчаетъ: «не подумайте, что мы говоримъ о классической древности: какъ можно, избави насъ отъ этого Боже! Производите это просто отъ слова классъ, т. е. глупости, сдѣланныя въ классѣ учениками».

Другой сборникъ нелѣпостей, характеризующихъ семинарское преподаваніе, былъ составленъ Добролюбовымъ, по словамъ Чернышевскаго, въ началѣ того учебнаго года, который Добролюбовъ провелъ въ богословскомъ классѣ. Въ это время, т. е. въ 1852 году, Добролюбову было уже 17 лѣтъ, и онъ обнаруживалъ большую начитанность и способность критическаго отношенія къ преподавателямъ. Главнымъ предметомъ преподаванія въ богословскомъ классѣ было догматическое богословіе. Профессоромъ этого предмета былъ іеромонахъ, впоследствии архимандритъ, Паисій, воображавшій себя знатокомъ по многимъ наукамъ, хотя на самомъ дѣлѣ его познанія были ниже, чѣмъ у большинства профессоровъ нижегородской семинаріи. На лекціяхъ богословія Паисій часто отвлекался въ сторону и предавался глубокомысленнымъ разсужденіямъ обо всемъ на свѣтѣ, но главнымъ образомъ о происхожденіи русскихъ словъ отъ латинскихъ и греческихъ. Съ перваго же урока Паисія, Добролюбовъ вздумалъ составить тобраніе курьезовъ изъ его лекцій подъ заглавіемъ: «Замѣчательныя изреченія». Вотъ примѣръ такихъ изреченій: «Утопая въ блаженствѣ, онъ все-таки несчастливъ». «Ни одна пословица не переводится на другой языкъ»

буквально, исключая нѣкоторыхъ». «Однажды какой-то ораторъ въ англійскомъ департаментѣ (можетъ быть въ парламентѣ) говорилъ... не помню о чемъ, бишь, онъ говорилъ-то».

Присматриваясь ко всему, что извѣстно о пребываніи Добролюбова въ семинаріи, нельзя не подтвердить словъ Чернышевскаго, что школа не расширяла знаній Добролюбова, а скорѣе задерживала ходъ его развитія. По мѣрѣ возможности, Добролюбовъ, однако, продолжалъ свое самообразование, не имѣя никого, кто могъ бы руководить его чтеніемъ. Съ одиннадцати лѣтъ онъ уже задумывалъ планы трудовъ; лѣтъ пятнадцати уже умѣлъ серьезно работать.

Чтеніе Добролюбовъ любилъ страстно. Съ начала 1849 года мы имѣемъ, къ счастью, полную возможность прослѣдить за тѣмъ, что именно онъ читалъ. Аккуратность и точность, какою вообще отличался Добролюбовъ, характеризовала и его занятія чтеніемъ. Онъ велъ съ 1849 года полные списки прочитанныхъ имъ книгъ и эти списки въ значительной мѣрѣ уцѣлѣли. Кромѣ этихъ списковъ сохранился, къ сожалѣнію неполный, каталогъ бібліотеки его отца, относительно которой извѣстно, что большая часть книгъ, въ ней находившихся, была прочитана Добролюбовымъ еще до начала 1849 года. Каталогъ писанъ рукою отца Добролюбова: отъ него уцѣлѣло лишь первые четыре листка. Каталогъ этотъ любопытенъ еще въ томъ отношеніи, что среди книгъ попадаетъ не мало хорошихъ, указывающихъ на извѣстное литературное образованіе и вкусъ у самого отца Добролюбова. Книги были, впрочемъ, исключительно русскія, въ общемъ свыше 650 томовъ. Кромѣ журналовъ были, на примѣръ, такія книги, какъ «Англія и Италія» Архенгольца, «Опытъ о челоуѣкѣ» Попе (Попа), «О разумѣ законовъ Монтеスキю», (т. е. «Духъ Законовъ Монтеские»), «Сочиненія Карамзина», «Естественная исторія» Двигубскаго, «Энциклопедическій лексиконъ» Плюшара, «Мученики» Шатобріана, разныя путешествія и т. п. Съ 1849 по 1853 г. юноша Добролюбовъ ведетъ уже реестры прочитанныхъ книгъ, блѣдными, порою разведенными водою чернилами, но необычайно тщательно. Онъ читаетъ всѣхъ сколько-нибудь извѣстныхъ русскихъ писателей, начинаетъ увлекаться Бѣлинскимъ, знакомится со всѣми выдающимися произведеніями изящной русской литературы.

Говоря о вліяніи семинарскихъ преподавателей, которое, какъ мы видѣли, сводилось къ нулю или было чисто отрицательнымъ, мы должны однако, сдѣлать исключеніе для одного изъ нихъ, Ивана Максимовича Сладкопѣвцева, преподавателя нѣмецкаго языка. Вліяніе его на Добролюбова было, несомнѣнно, довольно значительно и благотворно. Оно имѣло, однако, скорѣе нравственный, чѣмъ умственный характеръ: въ этомъ не трудно убѣдиться, сравнивая ту часть дневника Добролюбова 1852—53 годовъ, которая была написана до знакомства съ Сладкопѣвцевымъ, съ тою, которая написана послѣ его отъѣзда изъ Нижняго.

Дружескія бесѣды съ Сладкопѣвцевымъ возбуждали въ Добролюбовѣ добрыя чувства, помогали ему выносить печаль, устраняли его врожденную застѣнчивость и робость; но собственно въ понятіяхъ Добролюбова Сладкопѣвцевъ не произвелъ никакого переворота. Слѣдуетъ замѣтить, что Сладкопѣвцевъ вообще пользовался любовью и уваженіемъ окружающихъ, такъ что Добролюбовъ, еще ни разу не видавъ его, успѣлъ, по слухамъ, соста-

вить себѣ о немъ прекрасное мнѣніе. Узнавъ, что Сладкопѣвцевъ брюнетъ, изъ Петербургской академіи, благородный и умный, Добролюбовъ, какъ онъ самъ писалъ о томъ въ письмѣ къ своему учителю, уже заочно смутно представлялъ себѣ что то прекрасное. Добролюбовъ написалъ это письмо Сладкопѣвцеву съ выраженіемъ самыхъ восторженныхъ чувствъ, но по своей застѣнчивости не рѣшился отправить письма по назначенію. Оно такъ и осталось въ его бумагахъ, гдѣ и было найдено уже послѣ смерти Добролюбова. Письмо, дѣйствительно, чрезвычайно восторженное, почти любовное. «Я люблю эти гордыя, энергическія фізіономіи»,—писалъ Добролюбовъ своему новому наставнику.—«Признаюсь, я нѣсколько ошибся, когда признавалъ васъ существомъ гордымъ и недоступнымъ, но это было тогда полезно мнѣ тѣмъ, что я сталъ съ того времени считать васъ чѣмъ-то высшимъ, неприступнымъ, передъ чѣмъ я долженъ только благоговѣть и смиренно посматривать вслѣдъ, жалѣя, что я не могу посмотрѣть прямо въ глаза».

Цѣлый годъ Добролюбовъ обожалъ Сладкопѣвцева, не рѣшаясь къ нему приблизиться; наконецъ случайно сошелся съ нимъ ближе. «Что-то особенно возбуждало во мнѣ благоговѣніе къ нему»,—писалъ Добролюбовъ въ своемъ дневникѣ.—«Какъ собака я былъ привязанъ къ нему и для него былъ готовъ сдѣлать все, не разсуждая о послѣдствіяхъ». Когда Сладкопѣвцева перевели въ Тамбовъ, Добролюбовъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. «Я страдаю, и еще какъ страдаю»,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ.—«Я теперь надѣлалъ бы чортъ знаетъ что, весь міръ перевернулъ бы вверхъ дномъ, выцарапалъ бы глаза, откусилъ бы пальцы тому, который подписалъ увольненіе Ивана Максимовича».

На-ряду съ этими романтическими порывами, у Добролюбова явились и крайне экзальтированныя религіозныя чувства. Онъ сталъ глубоко вѣрующимъ, старался вникать въ сокровенный смыслъ обрядовъ и выполнялъ ихъ съ такою строгостью, что послѣ исповѣди до причастія не пилъ даже воды. Въ своемъ дневникѣ онъ писалъ, напримѣръ, въ 1853 году послѣ причащенія: «Не знаю, будетъ ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчетъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но, по крайней мѣрѣ, прошу Бога моего, чтобы онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое». Добролюбовъ слѣдитъ за каждымъ своимъ поступкомъ и помышленіемъ, вездѣ усматриваетъ у себя тяжкія прегрѣшенія и горько кается въ нихъ. Онъ упрекаетъ себя за разные суетные помыслы, за славолубіе и гордость, за разсѣянность во время молитвы, за осужденіе другихъ людей.

Однако, молодость брала свое, и, мало-по-малу, эта экзальтація уступаетъ мечтамъ о земной жизни. Мысль о литературномъ призваніи начинаетъ все чаще мелькать въ умѣ Добролюбова. Уже въ семинаріи онъ поражалъ преподавателей огромными сочиненіями листовъ въ сто писчей бумаги, на заданныя темы. Тринадцати лѣтъ онъ переводилъ Горація, а въ 1851 г. рѣшилъ написать въ редакцію «Москвитянина» письмо, обѣщая редакціи около 30 стихотвореній, если ему вышлютъ 100 рублей. Отвѣта, разумѣется, не послѣдовало и въ послѣдствіи Добролюбовъ очень стыдился этого письма. Въ 1852 году онъ попыталъ счастья въ «Сынѣ Отечества», куда также послалъ 12 стихотвореній, подписавшись: Владиміръ Ленскій. Эти стихотворенія погибли, такъ же какъ и статейки, посланныя имъ въ «Нижего-

родскія Вѣдомости»: одну изъ статей о погодѣ не пропустилъ цензоръ, заподозривъ въ ней нѣчто зловредное; другія двѣ погибли въ самой редакціи.

На-ряду съ попытками проникнуть въ литературный міръ, Добролюбова начинаетъ преслѣдовать мысль о поступленіи въ университетъ. Отецъ былъ противъ этого, впрочемъ вовсе не вслѣдствіе враждебнаго отношенія вообще къ свѣтской наукѣ, но исключительно по соображеніямъ матеріальнаго характера. Содержать сына въ университетѣ отцу, дѣйствительно, было трудно, такъ какъ дѣла его запутались. Добролюбовъ сознается, однако, въ своемъ дневникѣ, что еслибъ онъ самъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе, ему удалось бы склонить отца. вмѣсто выраженія твердой воли, Добролюбовъ говорилъ «грустно, почти съ отчаяніемъ» и никого не тронулъ. «Мучать сомнѣнія душу тревожную»,—писалъ Добролюбовъ въ своемъ дневникѣ, видя, что его завѣтныя мечты рушатся. Но вскорѣ онъ сталъ мириться съ мыслью, что мечты эти неосуществимы. «Я сдѣлался гораздо положителнѣе и серьезнѣе», писалъ онъ въ дневникѣ. —«Нынѣ я въ своихъ мечтахъ не забываю и деньги и, рассчитывая на славу, рассчитываю также на барыши».

Это былъ, впрочемъ, довольно наивный расчетъ и будущее показало, что слава дала Добролюбову все, что угодно, только не денежные выгоды. Романтическое настроеніе, навѣянное отчасти чтеніемъ комедіи «Горе отъ ума», повѣсти «Герой нашего времени» и другихъ подобныхъ произведеній, уступало, однако, мѣсто болѣе прозаическому взгляду на жизнь. Реалистическая литература сороковыхъ годовъ и, въ особенности, романы Писемскаго произвели на Добролюбова глубокое впечатлѣніе не только съ эстетической точки зрѣнія, но и какъ школа жизни. Изображеніе такихъ типовъ, какъ Вихляевъ и Шамиловъ, какъ говоритъ о томъ самъ Добролюбовъ въ своемъ дневникѣ, глубоко укололо его самолюбіе. Онъ устыдился своихъ воздушныхъ замковъ, сталъ критически относиться къ своимъ романтическимъ порывамъ, началъ переводить поэзію на прозу, созналъ потребность серьезнаго труда и пересталъ заноситься въ высшія сферы. Такъ какъ и въ самый университетъ Добролюбовъ стремился столько же съ цѣлью учиться, сколько потому, что надѣялся попасть въ кругъ петербургскихъ литераторовъ, то, въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ пойти на соглашеніе съ отцомъ, т. е. сталъ просить отца объ отправкѣ въ Петербургъ съ цѣлью поступить въ духовную академію. На это отецъ довольно легко согласился. Запасшись рекомендательнымъ письмомъ нижегородскаго архіерея къ ректору петербургской духовной академіи, Добролюбовъ отправился въ 1853 году изъ Нижняго въ Петербургъ. Это былъ рѣшительный поворотный моментъ въ его жизни.

II.

Поступленіе въ Главный Педагогическій институтъ.—Отношеніе къ политическимъ событіямъ.—Смерть матери и отца.

Добролюбовъ поѣхалъ въ Петербургъ въ сопровожденіи своего товарища по семинаріи Ивана Гавриловича Журавлева, который былъ вызванъ въ петербургскую духовную академію по указанію семинарскаго начальства, тогда какъ Добролюбовъ ѣхалъ безъ вызова, единственно по

хлопотамъ родныхъ. Обширная переписка Добролюбова съ отцомъ и съ матерью, а также съ родственниками и знакомыми, лучше всего обрисовываетъ состояніе его духа, его надежды и опасенія и даже чисто внѣшнія событія его жизни въ началѣ его пребыванія въ Петербургѣ. Первые письма съ дороги, присланныя Добролюбовымъ отцу и матери, рисуютъ его не только «маменькинымъ сыночкомъ», какъ показалось одному біографу, обратившему, вѣроятно, главное вниманіе на количество чаю и мятныхъ лепешекъ, которыми снабдила сына мать, отправляя его въ дорогу.

Письма Добролюбова живы, остроумны, обнаруживаютъ нѣкоторую наблюдательность и бодрое настроеніе духа. Москва поразила его не своими святынями, а тѣмъ, что совершенно подтвердила впечатлѣніе, составившееся въ немъ подъ вліяніемъ статьи Бѣлинскаго «Петербургъ и Москва».

По пріѣздѣ въ Петербургъ, съ Добролюбовымъ, тотчасъ же послѣ перваго посѣщенія духовной академіи, случилось еще до экзаменовъ обстоятельство, которое онъ самъ, въ письмѣ къ отцу и матери, называетъ: «весьма важнымъ и можетъ быть счастливымъ». Поселившись до экзаменовъ на вольной квартирѣ, Добролюбовъ сталъ сожителемъ одного студента педагогическаго института, — учебнаго заведенія, пользовавшагося тогда отличною репутаціею. Студентъ этотъ два года тому назадъ не выдержалъ экзамена въ духовную академію, что и побудило его тогда же поступить въ институтъ. Другіе семинаристы замыслили то-же. Ихъ еще болѣе подогрѣлъ одинъ студентъ института, увѣрявшій, что изъ 56 вакансій въ институтѣ замѣщены лишь 23, вслѣдствіе чего пріемъ тамъ необычайно облегченъ. Добролюбову пришло на умъ, если онъ не выдержитъ въ академію, послѣдовать примѣру своего соквартиранта и поступить въ институтъ. Добролюбову посовѣтовали пойти въ институтъ и проэкзаменоваться тамъ на всякій случай, такъ какъ тамъ экзаменуютъ, даже не спрашивая документовъ, а потому онъ можетъ быть спокойнымъ, даже если провалится въ академію.

Мысль о поступленіи въ институтъ настолько улыбнулась Добролюбову, что онъ писалъ родителямъ о своемъ рѣшеніи воспользоваться этимъ случаемъ и бросить всякіе планы поступленія въ академію, если только выдержитъ экзаменъ въ институтѣ. Добролюбовъ писалъ, однако, что не рѣшится на подобный шагъ безъ согласія родителей и приводилъ даже такія наивныя соображенія, какъ то, что въ случаѣ поступленія въ институтъ у него сохранятся тридцать пять рублей, которые жалко отдать за академическій сюртукъ и неуклюжую шляпу. Письмо это было написано 10 августа 1853 г. Не дожидаясь отвѣта родителей, Добролюбовъ 23 августа писалъ уже о томъ, что проситъ ихъ прощенія, что онъ, «по своему легкомыслію и неопытности, не устоялъ». Отвѣтъ родителей пришелъ слишкомъ поздно, когда Добролюбовъ былъ уже студентомъ Главнаго Педагогическаго Института. Письмо Добролюбова дышитъ искреннимъ раскаяніемъ и скорбью по причинѣ огорченія, по его мнѣнію, причиненнаго имъ родителямъ: онъ говоритъ, что по первому слову родителей готовъ подать прошеніе объ увольненіи. Отецъ Добролюбова, получивъ письмо сына, однако, не только не разсердился, но прослезился и, прочитавъ это письмо нѣсколько разъ іеромонаху Антонію, сказалъ: «видно такъ угодно Богу!» а затѣмъ вмѣстѣ съ знакомыми пилъ за сына шампан-

ское. Опасенія Добролюбова были совершенно напрасны,—онъ боялся, что отецъ будетъ поставленъ въ неловкое положеніе передъ хлопотавшимъ за него архіереемъ, что архіерей разсердится и такъ далѣе въ томъ же родѣ.

Нижегородскій архіерей Іеремія, котораго Добролюбовъ въ перепискѣ съ отцомъ довольно фамиллярно называлъ Еремою, въ первыя минуты, не сообразивъ обстоятельствъ дѣла, дѣйствительно немного разсердился, но тутъ же разсудилъ, что извѣстіе, на которое онъ сталъ ворчать, пріятно для него и высказалъ удовольствіе по поводу успѣха, съ которымъ выдержалъ испытаніе въ свѣтское учебное заведеніе воспитанникъ подчиненной ему семинаріи. По словамъ Чернышевскаго, такой результатъ могъ на мѣстѣ Добролюбова предвидѣть «каждый, не запугавшій себя фантастическими страхами всякихъ нравственныхъ наказаній за мнимое преступленіе», что было замѣтною чертою характера Добролюбова, особенно въ ранніе юношескіе годы. Все, такимъ, образомъ, кончилось благополучно и, подъ вліяніемъ успокоительныхъ словъ архіерея, отецъ Добролюбова написалъ самое ласковое письмо. 6 сентября Добролюбовъ писалъ уже родителямъ: «Такъ вы на меня не сердитесь, такъ вы благословили меня и даже ни одного упрека за своевольство! Какъ теперь я веселъ, спокоенъ и счастливъ, этого невозможно высказать!» На этотъ разъ онъ подробно рассказываетъ объ экзаменѣ и о первыхъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ въ институтѣ. Разсказъ блестятъ юморомъ и показываетъ, что, несмотря на испытанное имъ счастье, Добролюбовъ умѣлъ ко всему относиться критически. Пришедши въ институтъ, онъ долженъ былъ прежде всего написать сочиненіе «о своемъ призваніи къ педагогическому званію». «Написать что-нибудь дѣльное на такую пошлую тему нельзя было»,—говоритъ по этому поводу Добролюбовъ. «Я и напицкалъ туда всякаго вздору: и то, что я хорошо учился, и то, что я имѣю иногда страшную охоту поучить кого-нибудь, и то, что мнѣ самому хочется поучиться у своихъ знаменитыхъ наставниковъ. Знаменитый наставникъ посмотрѣлъ сочиненіе, посмѣялся, показалъ другимъ и рѣшилъ, что оно написано очень хорошо». Въ юмористическомъ духѣ описанъ и врачебный осмотръ, при чемъ Добролюбовъ сообщаетъ, что оказался здоровымъ, какъ нельзя больше. Что касается экзаменовъ, Добролюбовъ сдалъ ихъ превосходно, исключая однако новыхъ языковъ, въ которыхъ былъ въ то время еще очень слабъ—французскаго онъ не зналъ вовсе, нѣмецкій зналъ, но менѣе чѣмъ удовлетворительно.

О поступленіи въ духовную академію болѣе не было и рѣчи. Добролюбовъ давно уже понималъ, что никакой склонности къ духовному званію и къ богословію онъ не имѣетъ. Приливъ экзальтированнаго благочестія если и не вполне миновалъ, то значительно ослабѣлъ, и въ духовную академію Добролюбовъ поступилъ бы только въ случаѣ крайности. Поступленіе въ главный педагогическій институтъ, гдѣ курсъ не уступалъ университетскому, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоялъ даже выше, было выполненіемъ его давнишней мысли поступить въ университетъ. И отношенія между студентами показались Добролюбову въ институтѣ гораздо лучшими, чѣмъ въ академіи. Почти всѣ нижегородскіе родные Добролюбова, несмотря на свою принадлежность къ духовному званію, вполне одобряли его рѣшеніе. Такъ, одна изъ его тетокъ, Варвара Васильевна, отличавшаяся веселымъ нравомъ и остроуміемъ, горячо поздравляла племянника. Въ духов-

ПЕРЕДВИЖНАЯ БИБЛИОТЕКА
Фонд общаго
СОЮЗА СВЯЗИ

ной академіи, при бѣгломъ ознакомленіи съ нею, Добролюбова неприятно поразила семинарская дикость, заставлявшая студентовъ чуждаться другъ друга; не нравились ему и высококомѣрные отношенія старшихъ студентовъ къ младшимъ; ко всему этому онъ скоро успѣлъ присмотрѣться, хотя не держалъ экзамена въ академію. Въ педагогическомъ институтѣ былъ совсѣмъ иной духъ — чисто товарищескій.

Внѣшній порядокъ жизни въ институтѣ былъ, впрочемъ, очень строгій и стѣснительный. Въ шесть часовъ всѣ вставали по пронзительному звонку. Передъ завтракомъ читали утреннія молитвы, Апостолъ и Евангеліе, затѣмъ читались лекціи съ перерывами до и послѣ завтрака, и точно также до и послѣ обѣда, заканчиваясь лишь въ 6 часовъ вечера. Въ десять часовъ студенты должны были ложиться спать: такимъ образомъ свободнаго отъ лекцій времени почти не оставалось. Подъ рукою не было ни газетъ, ни журналовъ, да и некогда было бы ихъ читать. Тѣмъ не менѣе Добролюбовъ на первыхъ порахъ былъ очень доволенъ институтомъ и даже всячески ограждалъ его честь отъ нареканій тѣхъ людей, которые не безъ основанія говорили, что золотые дни института прошли, что это учебное заведеніе положительно падаетъ. Добролюбовъ еще не успѣлъ разочароваться: онъ хвалитъ всѣхъ, начиная съ директора Давыдова, бывшаго московскаго профессора и извѣстнаго философа, вполнѣ далеко не пользовавшагося симпатіями Добролюбова. Добролюбовъ былъ въ восхищеніи отъ лекцій многихъ профессоровъ: Благовѣщенскій, по его словамъ, «живо и увлекательно» читалъ Энеиду и дѣлалъ къ ней прекрасныя объясненія на латинскомъ языкѣ. Лоренцъ читалъ «съ дивнымъ одушевленіемъ», но Добролюбовъ, по недостаточному знанію нѣмецкаго языка, могъ понять лишь ничтожную часть его лекцій, такъ какъ Лоренцъ читалъ по нѣмецки. Устряловъ, Срезневскій, Ленцъ, Остроградскій, Михайловъ—все это были люди знающіе и даже знаменитости; и тѣмъ не менѣе институтъ дѣйствительно падалъ, главнымъ образомъ, благодаря дѣйствіямъ директора Давыдова. Но Добролюбовъ считалъ тогда Давыдова прекраснѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ. Насколько оптимистически былъ настроенъ Добролюбовъ вслѣдствіе своего удачнаго поступленія въ институтъ, показываютъ его первыя письма, въ которыхъ онъ хвалитъ все, начиная съ петербургскаго климата и воды и кончая институтскимъ обѣдомъ, который онъ находитъ очень удовлетворительнымъ. Онъ видитъ особое преимущество даже въ томъ, что каждому подають, какъ дома, особую тарелку, тогда какъ въ духовной академіи «кажется нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ хлебають изъ общей чаши». Директоръ очень внимателенъ, инспекторъ просто удивительный человѣкъ, начальство вообще превосходное—все это Добролюбовъ пишетъ не отцу и матери, что можно было бы еще счесть желаніемъ успокоить ихъ на свой счетъ, а теткѣ (сестрѣ матери) Варварѣ Васильевнѣ и ея мужу Лукѣ Ивановичу Колосовскому. Имъ же онъ сообщаетъ объ отзывѣ инспектора, сильно польстившемъ его самолюбію. Одинъ студентъ заговорилъ съ инспекторомъ по поводу своего незнанія нѣмецкаго языка и спрашивалъ, какъ быть? Инспекторъ успокоилъ его и прибавилъ: «Да вотъ вамъ, напр. Добролюбовъ, тоже по французски не знаетъ,—т. е. совсѣмъ не знаетъ, и не учился—а я увѣренъ, что онъ будетъ у насъ отличный студентъ, лучше этихъ гимназистовъ». Французскимъ языкомъ, впрочемъ, Добролюбовъ за-

ялся, но дѣло не шло на ладъ, такъ какъ преподаватель, французъ Кресси, ни слова не зналъ по русски, а Добролюбовъ ровно столько же зналъ по французски и понять другъ друга они никакъ не могли.

Занятія Добролюбова произвели благопріятное впечатлѣніе на его домашнихъ. Отецъ, посылая деньги сыну, писалъ очень ласковыя письма, и если величалъ въ нихъ сына Николаемъ Александровичемъ (что мать дѣлала лишь въ исключительныхъ случаяхъ), то никакъ не изъ холодности, а въ знакъ почтенія къ его студенческому званію. Отецъ просилъ сына не отказывать себѣ ни въ чемъ необходимомъ, покупать лучшаго чаю и не жалѣть денегъ даже на дорогія книги, вродѣ учебника исторіи Лоренца, если эти книги дѣйствительно нужны. Мать писала своему Николаенькѣ письма, полныя нѣжности, материнской заботливости и разныхъ опасеній на счетъ его здоровья и обстановки. Опасенія матери были не совсѣмъ напрасны. Несносная регламентація институтской жизни стала сразу ясною для нея послѣ того, какъ Добролюбовъ послалъ матери книгу съ описаніемъ 25-лѣтняго юбилея института, въ которой содержались также институтскія правила. Одинъ изъ семинарскихъ преподавателей, увидѣвъ эту книгу у родителей Добролюбова и просмотрѣвъ ее, сказалъ, что не поступилъ бы въ институтъ, даже если бы тамъ кормили манной небесной. Да и самъ Добролюбовъ постепенно сталъ сознавать, что онъ черезчуръ увлекался институтскими порядками. Институтскій актъ онъ описываетъ еще довольно сочувственно, говоритъ о томъ, какъ качали извѣстнаго путешественника Рикорда и директора института, который расцѣловалъ всѣхъ студентовъ, описываетъ, какъ студенты шумѣли, свободно курили и пили, причемъ многіе даже порядочно нализались. Но въ томъ же письмѣ есть и другія нотки: между прочимъ Добролюбовъ неволью проговорился на счетъ того, что въ институтѣ кормили далеко недостаточно, такъ что приходилось покупать на свой счетъ невѣроятное количество булокъ, чтобы какъ-нибудь пополнить недостатокъ пищи. Съ покупкою книги Лоренца дѣло разстроилось изъ-за институтскихъ порядковъ. Оказалось, что Давыдовъ, давно интриговавшій противъ Лоренца, но не имѣвшій столько силы, чтобы выжить этого знаменитаго профессора, повелъ интриги противъ его книги. Правда, «Всеобщая исторія» Лоренца за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ была поводомъ къ непріятной цензурной исторіи. Въ 1853 году, однако, само цензурное вѣдомство успѣло объ этомъ забыть, но Давыдовъ выкопалъ дѣло изъ-подъ спуда, запретилъ книгу къ употребленію въ институтѣ, и велѣлъ запереть институтскій экземпляръ въ шкафъ, чтобы не выдавать никому изъ студентовъ.

Болѣе рѣшительные студенты, разумѣется, стали покупать книгу, дорожа ею особенно какъ запретнымъ плодомъ, но Добролюбовъ пишетъ родителямъ о томъ, что готовъ пока обойтись безъ книги, «имѣть которую и пріятно и опасно».

Если мать заботилась о здоровьи сына и о томъ, не распечатываетъ ли начальство его писемъ, то отецъ высказывалъ совершенно основательныя опасенія относительно того, что распредѣленіе занятій въ институтѣ не дастъ возможности сыну заниматься чѣмъ-либо самостоятельно. Добролюбовъ возражалъ на это,—но довольно слабо, такъ какъ, дѣйствительно, имѣвшіеся въ его распоряженіи свободные часы были крайне неудобно распо-

ложены. Правда, онъ все-же находилъ время заниматься даже въ публичной библіотекѣ, но неудобствъ институтской формалистики нельзя было скрыть ни отъ отца, ни, въ концѣ концовъ, отъ самого себя.

Въ концѣ октября начались важныя политическія событія — былъ объявленъ манифестъ о турецкой войнѣ. Добролюбовъ сообщаетъ объ этомъ событіи своему двоюродному брату Михаилу Ивановичу Благообразову (сыну тетки Фавсты Васильевны), но пишетъ не столько въ патріотическомъ, сколько въ юмористическомъ духѣ. Онъ совѣтуетъ брату стремиться на поле брани, гдѣ удастся, быть можетъ, поймать за бороду султана; о себѣ же и товарищахъ замѣчаетъ, что турецкая война, по общему признанію, не просвѣщаетъ народа, «а мы обязаны непременно прослужить восемь лѣтъ по министерству народнаго просвѣщенія».

Институтскимъ преподаваніемъ Добролюбовъ, по прежнему, былъ, въ общемъ, доволенъ. Въ лекціяхъ многихъ профессоровъ господствовалъ критическій духъ, вполне соответствовавшій склонностямъ Добролюбова. Устряловъ постоянно полемизировалъ противъ взглядовъ Карамзина, рѣзко критиковалъ Эверса, Лерберга, Байера, указывалъ на ту или иную, непростительную по его мнѣнію, ошибку Соловьева. Срезневскій разбивалъ въ пухъ и прахъ всѣ существующія грамматики русскаго языка. Были, однако, и профессора, о которыхъ Добролюбовъ могъ писать только въ юмористическомъ тонѣ. Таковъ былъ батюшка, протоіерей Солярскій, имѣвшій еще нѣсколько названій «неудобныхъ для письма», и отмѣчавшій уроки «отъ сихъ до сихъ». Таковъ былъ и нѣмецъ Бессеръ, человекъ не глупый, но очень плохо говорившій по русски и тѣмъ не менѣе пытавшійся читать политическую экономію на русскомъ языкѣ, причемъ въ руководство студентамъ онъ далъ «Опытъ о народномъ богатствѣ» Бутовскаго—книгу, по отзыву Добролюбова, весьма нелѣпую. Лекціи лучшихъ профессоровъ Добролюбовъ записывалъ прекрасно, и вообще по всѣмъ предметамъ, кромѣ новыхъ языковъ, былъ однимъ изъ первыхъ.

Неудобства институтской регламентаціи и, въ особенности, нелѣпаго распредѣленія времени становились, однако, все болѣе чувствительными, и отецъ Добролюбова, давно понявшій это, просилъ сына по возможности не затруднять себя длинными письмами къ многочисленнымъ роднымъ, такъ какъ Добролюбовъ былъ большой охотникъ до такихъ писемъ. Въ концѣ концовъ и самъ Добролюбовъ созналъ, что времени у него, дѣйствительно, очень мало. Это онъ почувствовалъ, какъ только студентамъ задали темы для сочиненій. Занятія были многочисленны и сложны; кромѣ лекцій были еще репетиціи, понапрасну отнимавшія много времени. Съ ноября началась подготовка къ репетиціямъ. Кромѣ того Добролюбовъ составлялъ для Срезневскаго, съ которымъ вступилъ въ самыя дружескія отношенія, словарь областныхъ словъ Нижегородской губерніи. Изъ множества предложенныхъ для сочиненія темъ онъ избралъ сравненіе первой пѣсни перевода Энеиды, сдѣланнаго Шершеневичемъ, съ подлинникомъ. Къ репетиціямъ Добролюбовъ готовился весьма усердно и сразу отличился у Устрялова, который задалъ ему вопросъ объ основаніи Руси и, главнымъ образомъ, о норманнахъ. Въ рассказѣ Добролюбова объ этой репетиціи любопытенъ отзвукъ его религіозности, хотя уже значительно преобразованной и просвѣщенной: съ утра онъ молился объ удачномъ отвѣтѣ. Добролюбовъ

пишетъ по этому случаю родителямъ, что изъ письма его они могутъ усмотрѣть его «настроенность» и замѣчаетъ, что вообще въ институтѣ болѣе благочестія, чѣмъ въ духовной академіи. Замѣчанія Добролюбова показываютъ, что, обращаясь къ родителямъ, онъ зналъ, что они вполне поймутъ и оцѣнятъ его слова. «Мы съ большимъ благоговѣніемъ,—пишетъ Добролюбовъ,—смотримъ на все священное именно потому, что оно дальше отъ насъ. Для студентовъ академіи, которыхъ часто изъ-подъ палки заставляютъ учить наизусть мертвую букву закона и находить таинственное знаменованіе въ каждой ленточкѣ — все это дѣлается ужъ слишкомъ обыкновеннымъ, чтобы не сказать пошлымъ—и они очень неприлично ведутъ себя въ этомъ отношеніи. Напр., недавно въ здѣшней духовной академіи одинъ іеромонахъ N былъ уволенъ отъ преподаванія введенія въ богословіе именно за вольномысліе». Здѣсь Добролюбовымъ подмѣчена любопытная психологическая черта, отличающая «близкое» отъ «дальняго», и если онъ писалъ такимъ образомъ отцу, который самъ былъ священникомъ и стоялъ «близко» къ священнымъ предметамъ, то лишь потому, что заранѣе ожидалъ полного сочувствія.

Между тѣмъ политическія событія шли своимъ чередомъ, мало задѣвая мирную жизнь института. Хотя родители Добролюбова читали газеты, Добролюбовъ сообщалъ имъ извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ, вродѣ Синопской побѣды. Но особеннаго патріотическаго одушевленія, вопреки утвержденію одного изъ біографовъ, Добролюбовъ не обнаруживалъ: стѣснительность и тяжесть институтской жизни были для него теперь болѣе важнымъ вопросомъ, чѣмъ политика. Хотя Добролюбовъ все еще крѣпился и не желалъ огорчать родителей, однако порою у него уже проскальзывали замѣчанія вродѣ слѣдующаго: «Я какъ будто нахожусь въ какомъ-то забытіи. Здѣшняя жизнь, здѣшнія занятія для меня то же, что, бывало, классъ въ семинаріи, только несравненно продолжительнѣйшій».

Тревожили Добролюбова также извѣстія о нездоровьи матери. Въ свою очередь мать постоянно беспокоилась о немъ, въ особенности узнавъ, что Добролюбовъ провелъ нѣсколько дней въ больницѣ: скудное институтское питаніе и усиленный трудъ, наконецъ, успѣли на немъ отозваться.

Политика, какъ сказано, мало воодушевляла Добролюбова. Съ одинаковой добросовѣстностью передавалъ онъ краткія извѣстія объ удачахъ и слухи о неудачахъ русскихъ войскъ, и при томъ на ряду съ другими свѣдѣніями, доходившими въ институтъ изъ разныхъ сферъ. Говоря объ изданіи «Русско-греческихъ разговоровъ для русскихъ войскъ», Добролюбовъ упоминаетъ объ этомъ, главнымъ образомъ, для сопоставленія этой книги съ изданіемъ пословицъ, собранныхъ Далемъ, причѣмъ сообщаетъ такой слухъ: попались онѣ для просмотра одному духовному академику, и тотъ, нашедши много насмѣшливыхъ пословицъ о попахъ и т. п. объявилъ, что печатать пословицъ нельзя, потому что въ нихъ много противнаго религіи, что здѣсь «кадка меду, да ложка дегтю». «Вѣдь пословицей же и подтвердилъ, бестія», иронизируетъ по этому случаю Добролюбовъ.

Въ Петербургѣ въ то время обращалось въ спискахъ и въ печатномъ видѣ множество патріотическихъ стихотвореній. Добролюбовъ нерѣдко списывалъ ихъ и посылалъ родителямъ, но почти всегда безъ какихъ-либо одобрительныхъ замѣчаній; иногда же прямо замѣчалъ, что большинство

такихъ стихотвореній никуда не годятся и что хорошихъ очень мало. Въ числѣ переписанныхъ есть и пресловутое стихотвореніе Кукольника: «Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ». Въ одномъ изъ писемъ Добролюбовъ пишетъ родителямъ о патриотическихъ стихотворныхъ изліяніяхъ: «Здѣсь считаютъ ихъ десятками. Нѣкоторыя, дѣйствительно, стоятъ вниманія, другія — такъ себѣ, безцвѣтны и ничѣмъ не выдаются... Если не навезли этого хлама въ Нижній, то вѣрно многія изъ этихъ стихотвореній не извѣстны у васъ. Не угодно ли нѣсколько?» И тутъ же приводятся такія стихотворенія, какъ Ѳ. Глинки «Ура! на трехъ ударимъ разомъ» и другія въ этомъ родѣ. «Всюду разлилась стихотворная горячка», замѣчаетъ Добролюбовъ; онъ ждетъ, впрочемъ, что изъ этого хаоса вдругъ встанетъ могучая душа и силою поэтическаго чувства вызоветъ къ жизни упавшую поэзію. Надеждамъ этимъ не суждено было сбыться, такъ какъ не въ военномъ одушевленіи лежалъ тогда свѣжій источникъ русской поэзіи.

Между тѣмъ наступилъ 1854 годъ. По прежнему Добролюбовъ пишетъ обо всемъ, что его занимаетъ, но менѣе всего о политикѣ. «Новости петербургскія нечего и рассказывать, пишетъ онъ въ письмѣ отъ 6 января; Петербургъ движется и кружится непрерывно, каждый день онъ въ новыхъ положеніяхъ, каждый день стремится поймать на лету какую-нибудь новость, повертѣтъ ее въ рукахъ и на языкѣ, опощить, превратить въ давно извѣстную истину и бросить безъ сожалѣнія, чтобы повторить подобный же процессъ съ другою, третьей и четвертой новостью. Давно ли, напр., было снопское сраженіе, а нынѣ у насъ уже шумно толкуютъ, что подъ этимъ названіемъ поставлена драма въ здѣшнемъ театрѣ. Завтра это уже не будетъ новостью и что нибудь другое займетъ здѣшнихъ жителей. Недавно статейка преосвященнаго Филарета возбудила опять толки о стологаданіи; но выходитъ, что почтенный пастырь напрасно беспокоится: надъ этимъ гаданіемъ только шутятъ и никто не думаетъ, чтобы черти въ самомъ дѣлѣ говорили посредствомъ столовъ». Черты легкомыслія аристократически-чиновнаго Петербурга, его погоня за газетными сплетнями, скандалами, театральными эффектами, неспособность отличить представленіе сраженія отъ настоящей, гдѣ-то далеко происходящей войны, все это тонко подмѣчено Добролюбовымъ и почти безъ измѣненія могло бы быть примѣнено и къ нынѣшнимъ петербургскимъ нравамъ.

Работа надъ институтской темой отнимала у Добролюбова много времени. Съ досадою замѣчаетъ онъ, что переводчикъ Энеиды, такъ сказать, надулъ его: Добролюбовъ былъ увѣренъ, что потребуется лишь немного замѣчаній; на дѣлѣ же пришлось провѣрять и комментировать чуть не каждый стихъ. Добролюбовъ вполне сознавалъ свои умственные и нравственные силы и безъ ложной скромности писалъ родителямъ, что готовъ въ этомъ отношеніи помѣряться съ любымъ изъ товарищей; но въ то же время онъ видѣлъ, что далеко не обладаетъ тою степенью усидчивости, которая свойственна даже многимъ бездарностямъ и результатомъ которой являются не столько научные труды, сколько геморрой, а порою и медали. Странно, что при всей своей наблюдательности, Добролюбовъ все еще продолжалъ восхищаться директоромъ института, называя его въ интимныхъ письмахъ къ родителямъ прекраснѣйшимъ, благороднѣйшимъ человѣкомъ и усматривая его заботливость и вниманіе къ студентамъ даже въ томъ, что Давыдовъ замѣчалъ «какъ:

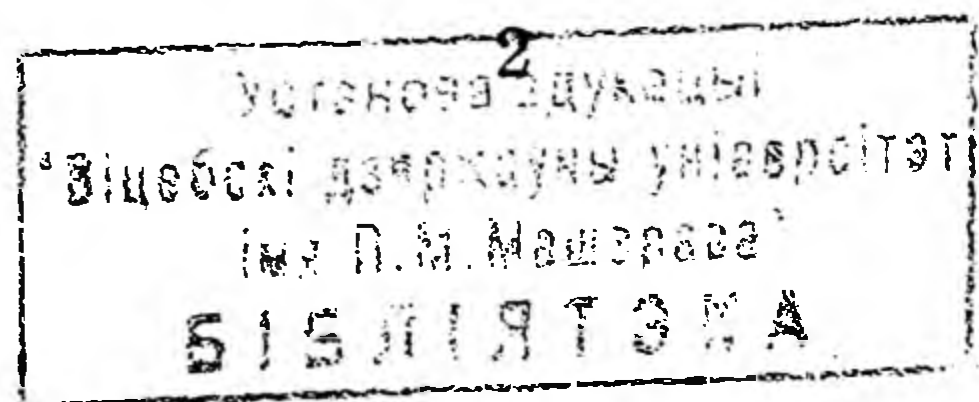
кто пройдетъ и поклонится». Это лишь одинъ изъ примѣровъ того, что Добролюбовъ, подобно многимъ хорошимъ, искреннимъ, но мягкимъ и черезчуръ довѣрчивымъ людямъ, очень долго вѣрилъ искренности и честности другихъ людей: требовалось какое-либо уже слишкомъ рѣзкое событіе, чтобы разъ навсегда разрушить его иллюзіи; тогда сразу мѣнялось и его отношеніе и онъ становился опаснымъ противникомъ разоблаченнаго лицемеря.

Родные Добролюбова очевидно ожидали отъ него болѣе подробныхъ извѣстій о военныхъ и политическихъ событіяхъ. По этому выводу онъ писалъ въ одномъ изъ писемъ, адресованныхъ теткѣ Фавстѣ Васильевнѣ и ея сыну: «Къ несчастью, я не обладаю талантомъ сообщать новости. Пожалуй я стану говорить о Рашели, которой не видалъ, о первомъ представленіи Севастопольскаго праздника, на которомъ не былъ... Я скоро рѣшусь подняться на фуфу и съ высоты петербургскаго величія написать фельетонъ со всевозможными пуфами, обманами, слухами и т. д. Студенты послѣ праздника принесли ровно тридцать три слуха, я считалъ... И все одинъ другого занимательнѣе, одинъ другого и нелѣпнѣе». Мать Добролюбова нѣсколько огорчалась тѣмъ, что сынъ мало интересуется также нижегородскими событіями, въ родѣ пожара театра. Сынъ отвѣчаетъ, что, наоборотъ, очень интересуется и указываетъ на то, что его занимаютъ всѣ сколько-нибудь замѣчательные люди, родившіеся или жившіе въ Нижнемъ.

Онъ хотѣлъ бы очень найти могилу О. Надежина, его сильно занимала также личность механика-самоучки Кулибина. Добролюбовъ просилъ мать и отца узнать о Кулибинѣ все, что только удастся. Очень интересовали его также статистическія свѣдѣнія о нижегородской губерніи и онъ просилъ родителей доставлять все, что встрѣтится въ этой области. Литературные и научные интересы вездѣ въ его письмахъ выдвигаются на первый планъ. Отецъ, какъ могъ, удовлетворялъ просьбы сына: между прочимъ указалъ ему на обширную статью о Кулибинѣ въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1845 годъ; но оказалось, что и эту статью сынъ давно прочелъ. Мать сообщала о разныхъ происшествіяхъ: одно изъ ея сообщеній объ ограбленіи почты и слѣдствіи по этому дѣлу послужило впоследствии Добролюбову основой для одной изъ его повѣстей.

Работа надъ институтской темой была окончена лишь въ февралѣ: осталась, впрочемъ, еще самая трудная часть—переписка. Подобно многимъ авторамъ, привыкшимъ много мыслить и мало выписывать изъ чужихъ трудовъ, Добролюбовъ ничего такъ не ненавидѣлъ, какъ переписываніе: онъ предпочелъ бы сочинить вновь. «Въ учителя каллиграфіи я рѣшительно не гожусь»,—писалъ онъ по этому поводу. Это слѣдуетъ понять въ вышеуказанномъ смыслѣ, такъ какъ собственно почеркъ у Добролюбова былъ хорошій.

Энергичный манифестъ о войнѣ съ Англіей и Франціей задѣлъ за живое даже Добролюбова, вообще мало склоннаго къ увлеченію военнымъ пыломъ. «Всѣ теперь ждуть съ началомъ весны чего-то необыкновеннаго» — писалъ Добролюбовъ. «На насъ собственно большое впечатлѣніе произвело извѣстіе о томъ, что кончившіе курсъ студенты Московскаго университета пожелали поступить въ дѣйствующую армію. Не знаю только, какъ бы это не пропало» — добавляетъ однако Добролюбовъ, привыкшій относиться

скептически ко всевозможнымъ слухамъ и не разъ осмѣивавшій ихъ въ своихъ письмахъ. «Война послѣ Рашели, теперь, кажется, занимаетъ всѣ умы,—иронизируетъ Добролюбовъ въ другомъ письмѣ. Пробудились теперь политики, патріоты, хвастуны, поэты. Рассказываютъ, что нѣкоторые купцы жертвуютъ милліонами; въ особенности указываютъ на Алексѣева и Яковлева. Графъ Шереметевъ будто-бы хочетъ содержать полкъ на свой счетъ. Все это можетъ быть, но еще не достоверно. Зато достоверно, что поэты дѣятельно вооружились приемами, осѣдлали Пегаса и начинаютъ служить отечеству перомъ». И тутъ же Добролюбовъ выписываетъ не совсѣмъ цензурные стихи князя Вяземскаго, полученные изъ заграницы и сообщенные студентамъ профессоромъ Срезневскимъ. Стихи начинаются такъ: «Отдохнувъ отъ непогодъ, забывается Европа»... Добролюбовъ интересуется въ свою очередь извѣстіемъ о чудесахъ, якобы происшедшихъ въ Нижнемъ. «Что за счастье нашему городу?» спрашиваетъ онъ, «то лжехристосъ появится, то чудотворецъ, то ясновидящій какой-нибудь, въ родѣ содержавшагося когда то въ больницѣ Ивана Ивановича».

Отдѣлавшись, наконецъ, отъ институтской темы, Добролюбовъ принялся за другія работы. Онъ усердно занимался нѣмецкимъ языкомъ и старославянскимъ нарѣчіемъ, возился съ Остромировымъ евангеліемъ, читалъ грамматику Добровскаго и усиленно готовился къ предстоящимъ экзаменамъ.

Предаваясь этимъ занятіямъ, Добролюбовъ не подозревалъ, что его ждетъ тяжелый ударъ—одно изъ самыхъ крупныхъ событій въ его недолгой жизни.

8 марта 1854 года мать Добролюбова умерла, послѣ того какъ родила дѣвочку, названную Елизаветой. Отецъ медлилъ сообщить сыну о смерти матери. 13 марта Добролюбовъ получилъ отъ отца письмо съ извѣщеніемъ, что мать опасно больна. Уже это письмо сильно разстроило Добролюбова, который боготворилъ мать. «Ужасная вещь поразила меня какъ нельзя болѣе, и только слабая надежда меня поддерживаетъ», писалъ Добролюбовъ отцу. «Богъ знаетъ, какъ много, какъ постоянно нужна была для насъ милая, нѣжная, кроткая, любящая мамаша наша, нашъ благодѣтельный геній, нашъ милый другъ и хранитель». И онъ взываетъ къ Богу, въ немъ со всею силою пробуждается дѣтская вѣра. «Пишите каждый день,—умоляетъ онъ отца,—если не все кончено». Онъ обращается къ сестрамъ и братьямъ, умоляя ихъ не плакать и не шумѣть, къ докторамъ, къ нянюшкѣ, хватается за соломенку, надѣясь на выздоровленіе матери. 25 марта онъ снова пишетъ домой и, все еще не зная полной истины, обращается главнымъ образомъ къ матери, стараясь утѣшить ее и ободрить. Добролюбовъ дѣлаетъ надъ собою усилія и старается показать матери, что веселъ и что можетъ еще шутить, описываетъ свое посѣщеніе кунсткамеры, т. е. зоологическаго музея, гдѣ онъ хотя замѣтилъ слона, но какъ то не примѣтилъ кита. Въ тотъ же день онъ пишетъ, однако, и бывшему своему учителю, Михаилу Алексѣевичу Кострову, и въ этомъ письмѣ сказывается уже почти полная утрата надежды: томительная неизвѣстность мучитъ его. «И для чего же я буду жить, буду работать, пишетъ онъ, когда не будетъ сердца, которое одно можетъ со всей горячностью, со всѣмъ простодушіемъ материнской любви приласкать, обод-

рить, успокоить меня... Цѣлую недѣлю я брожу какъ шальной, ничего не дѣлая, ни за что не умѣя взяться, хотя берусь за все».

Оба эти письма были уже сданы на почту, когда Добролюбовъ получилъ (не сохранившееся въ его бумагахъ) письмо, въ которомъ отецъ, наконецъ, извѣщалъ его о смерти матери. Въ тотъ же день, 25 марта, Добролюбовъ отвѣтилъ на это письмо. «Всего болѣе беспокоюсь я о Васъ, мой милый несравненный Папаша», пишетъ Добролюбовъ отцу, и горе вызываетъ у него самыя нѣжныя утѣшенія, обращенныя къ отцу, сестрамъ и братьямъ. Отецъ отвѣтилъ ему на это письмо почти такъ же нѣжно. Вообще, съ этихъ поръ отношенія отца къ сыну становятся необычайно сердечными. Добролюбовъ былъ страшно пораженъ смертью матери: на одномъ изъ писемъ отца онъ сдѣлалъ какую-то, впоследствии имъ же самимъ уничтоженную надпись, въ которой вполне вылилось его отчаяніе. Черезъ нѣсколько времени, взглянувъ на эту надпись, онъ ужаснулся ея, такъ какъ былъ въ то время еще человѣкомъ религіознымъ, и, по словамъ Чернышевскаго, въ раскаяніи уничтожилъ свою, какъ ему казалось, преступную, хулу. Мать передъ смертью много думала о старшемъ сынѣ. Сохранилось извѣстіе, что, умирая въ полномъ сознаніи, она, на вопросъ своей сестры Фавсты Васильевны, что передать сыну, сказала: «Я благословляю его и пусть онъ живетъ такъ же, какъ жилъ до сихъ поръ». Въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» былъ помѣщенъ некрологъ матери Добролюбова, написанный протоіереемъ Павломъ Ивановичемъ Лебедевымъ: отецъ прислалъ этотъ некрологъ сыну, который много разъ его перечитывалъ и плакалъ надъ нимъ.

Среди товарищей Добролюбова по институту нашелся одинъ, значительно поддержавшій его въ эти грудные дни. Это былъ Щегловъ, человѣкъ умный и развитый. Добролюбовъ писалъ о немъ: «Онъ прекрасно говоритъ и имѣетъ стремленія, до которыхъ еще не можетъ подняться большая часть нашихъ студентовъ. Онъ много видалъ людей и свѣта, имѣетъ большую любознательность, даже любопытство, и стремится уяснить себѣ высокіе вопросы о конечныхъ причинахъ и цѣляхъ бытія». Добролюбовъ находилъ, правда, что товарищъ его нерѣдко попадаетъ на ложный путь: здѣсь онъ подразумѣвалъ нѣкоторыя радикальныя мнѣнія Щеглова, которыя шли въ разрѣзъ съ обычными взглядами, раздѣлявшимися тогда Добролюбовымъ. Во всякомъ случаѣ Добролюбовъ высоко цѣнилъ въ этомъ товарищѣ человѣка, который хотѣлъ жить сознательно, а не бессмысленно.

Этотъ-то товарищъ сразу понялъ положеніе Добролюбова, его характеръ и чувства: этотъ либераль и отрицатель сталъ лучшимъ утѣшителемъ товарища. «Онъ сначала сталъ спрашивать меня о моей матери, — писалъ Добролюбовъ, — и въ рыданіяхъ моихъ при этомъ рассказѣ вылилась грусть моя, и мнѣ стало легче. Безъ этого слезы задушили бы меня, сожгли бы сердце мое». Щегловъ насильно тащилъ Добролюбова изъ института, по цѣлымъ часамъ ходилъ съ нимъ по берегу Невы, которая текла подъ окнами институтскаго зданія. Онъ терпѣливо слушалъ жалобы Добролюбова, совѣтовалъ ему какъ можно чаще писать отцу и завязать переписку съ сестрами. Добролюбовъ выполнялъ этотъ совѣтъ, писалъ также часто теткамъ, особенно Фавстѣ Васильевнѣ, которая очень заботилась объ оставшихся малолѣтнихъ сиротахъ. Въ особенности она любила Володю, кото-

рый уже кое-что понималъ и все собирался ѣхать въ Петербургъ отыскивать мать: младшій Ваня совсѣмъ еще не понималъ значенія утраты. Получивъ письмо отъ тетки, Добролюбовъ былъ впервые пораженъ сходствомъ ея почерка съ почеркомъ матери,—ему казалось, что онъ читаетъ материнское письмо. Писалъ онъ и ея сыну, Михаилу Ивановичу, въ отвѣтъ на упреки въ томъ, что будто письма Добролюбова «холодны и романтичны». По этому поводу Добролюбовъ даетъ свою собственную характеристику, какъ всегда, слишкомъ суровую. Онъ считаетъ себя эгоистомъ, холоднымъ, нечувствительнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ о немъ слѣдовало сказать какъ разъ противоположное: но все же онъ почувствовалъ несправедливость упрека. Добролюбовъ говоритъ, что надо различать характеры. Есть люди, горящіе любовью ко всему человѣчеству, для которыхъ, однако, не слишкомъ чувствительна потеря одного любимаго существа. Себя онъ не причисляетъ къ такимъ характерамъ: онъ считаетъ себя, наоборотъ, холоднымъ ко всему въ мірѣ, принадлежащимъ къ тѣмъ людямъ, которые сосредоточиваютъ всю свою любовь на одномъ какомъ-либо близкомъ существѣ: для него такимъ существомъ была мать. Тутъ же онъ, однако, самъ себя упрекаетъ въ резонерствѣ, въ томъ, что онъ разсуждаетъ тамъ, гдѣ другіе чувствуютъ. «Я не знаю этихъ порывовъ сильныхъ чувствованій, говоритъ Добролюбовъ, я всегда разсуждаю, всегда владѣю собой и потому мое положеніе такъ безотраднo, такъ горько... Слезы душатъ меня, но не льются изъ глазъ. За этимъ письмомъ едва-ли не въ первый разъ я плакалъ». Вѣчно кающійся, вѣчно бичующій самого себя, Добролюбовъ готовъ сравнивать себя даже съ Лермонтовскимъ Демономъ: онъ упрекаетъ себя въ надменной холодности и боится остаться въ одиночествѣ, безъ упованья и любви. «Пожалѣй меня, подумай обо мнѣ», — взываетъ онъ къ брату. Кроткій образъ матери постоянно представляется ему: для этого достаточно одной черты, одного незначительнаго намека; тѣмъ ярче представляется ему ея образъ въ значительныхъ обстоятельствахъ. Такъ, сообщая отцу о похвальному отзывѣ профессора словесности Лебедева относительно своего сочиненія о переводѣ Энеиды, Добролюбовъ тотчасъ же вспоминаетъ о матери и говоритъ, какъ порадовалась бы она, если бы могла узнать объ успѣхѣ его труда. Отецъ поэтому ошибался, когда изъ успокоительныхъ писемъ сына вывелъ заключеніе, что тотъ уже сталъ преодолевать свою печаль. Даже въ письмѣ отъ 3 мая въ каждой строкѣ Добролюбова все еще замѣтна такая тоска по матери, какъ будто онъ только на дняхъ узналъ объ ея смерти.

Только экзамены заставили Добролюбова нѣсколько забыть о своемъ горѣ. Предметами институтской программы онъ занимался въ теченіе года очень мало, а потому пришлось усиленно готовиться: экзамены, однако, прошли у него блистательно. Въ два-три дня онъ «обрабатывалъ цѣлую науку», т. е. годичный курсъ предмета и получалъ на экзаменахъ высшіе баллы. Ему даже никто не завидовалъ, такъ какъ всѣ товарищи сознавали, что успѣхъ Добролюбова вполне заслуженъ. Экзамены не отвлекали его отъ заочныхъ заботъ о сестрахъ и братьяхъ. Онъ горячо принималъ къ сердцу все, что писалъ отецъ о прислугѣ, объ отношеніи няньки и кухарки къ дѣтямъ, давалъ свои совѣты, какъ слѣдить за воспитаніемъ дѣтей: вообще онъ былъ настоящимъ совѣтчикомъ и другомъ отца. Онъ

часто обращается съ вопросами къ обѣимъ теткамъ—Фавстѣ и Варварѣ Васильевнѣ и въ свою очередь получаетъ отъ нихъ подробныя извѣщенія о дѣтяхъ и хозяйствѣ. Вся эта патриархальная семья, крѣпкая своими устоями—родственными чувствами и взаимной поддержкой, превосходно обрисовывается въ перепискѣ Добролюбова съ родными; по всему видно, что всѣ родные уважали Добролюбова и дорожили его мнѣніемъ, цѣня его не по лѣтамъ, а по уму и нравственнымъ качествамъ. Особенно симпатизировала Добролюбову его тетка Варвара Васильевна. Она выражала надежду, что племянникъ потерялъ окончательно весь семинарскій духъ въ столицѣ, писала ему, что по пріѣздѣ его домой, пожалуй, «не рѣшится назвать его Николенкой», но пока называла его этимъ именемъ и искренне утверждала, что у нея на сердцѣ то-же, что и на языкѣ. Добролюбовъ былъ очень обрадованъ этимъ ласковымъ письмомъ всегда доброй, веселой, искренней тетуски. Экзамены кончились, между тѣмъ, для Добролюбова прекрасно: если бы не сравнительно слабыя отмѣтки по новымъ языкамъ, онъ былъ бы первымъ, но вслѣдствіе этого обстоятельства онъ перешелъ на второй курсъ четвертымъ. Недостаточное знаніе языковъ повредило ему и по всеобщей исторіи, которая читалась Лоренцомъ по-нѣмецки.

По окончаніи экзаменовъ Добролюбовъ поспѣшилъ домой, въ Нижній. Хотя отецъ ничего не жалѣлъ для него, но самъ Добролюбовъ, заботясь о возможномъ сокращеніи расходовъ, поѣхалъ отъ Петербурга до Твери не въ третьемъ классѣ пассажирскаго поѣзда, а въ открытомъ вагонѣ товарнаго: товарищъ его Радонежскій, послѣдовавшій примѣру Добролюбова, всю дорогу проклиналъ свою судьбу,—такъ удобно было это путешествіе.

Свои впечатлѣнія изъ Нижняго Добролюбовъ описываетъ въ письмѣ къ лучшему своему институтскому другу Дмитрію Ѳедоровичу Щеглову, о которомъ уже было упомянуто. По пути въ Нижній, на пароходѣ, Добролюбовъ встрѣтился, между прочимъ, съ однимъ человѣкомъ, котораго онъ описываетъ, какъ второго Жлестакова. Это былъ помѣщикъ, владѣлецъ нѣсколькихъ тысячъ душъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, бывшій разгульный студентъ московскаго университета, богачъ и энциклопедистъ, любитель искусствъ и древностей. Ѳхалъ онъ съ нѣмцемъ живописцемъ и, проѣхавшись по Волгѣ на пароходѣ, хотѣлъ издать описаніе своего путешествія во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ—«археологическомъ, этнографическомъ, статистическомъ и прочихъ и—ческихъ», иронизируетъ по этому поводу Добролюбовъ.

Подъѣзжали къ Нижнему. Сильныя чувства овладѣли Добролюбовымъ при приближеніи къ родному городу. По свойству своего характера всегда склонный къ самобичеванію, онъ считалъ себя «деревяннымъ человѣкомъ». Онъ самъ былъ удивленъ, когда сердце его учащенно забилось, въ лицѣ появилась краска и по щекамъ потекли слезы. «Вѣрно это ваша родина?»—сказалъ помѣщикъ, замѣчая его волненіе. «Да». «И вѣрно много близкихъ сердцу?» «Меньше, нежели сколько бы нужно. Я много потерялъ въ этотъ годъ»,—отвѣтилъ Добролюбовъ и, конечно, не сталъ вдаваться въ дальнѣйшія откровенности. Помѣщикъ продолжать хвастать принадлежащими ему человѣческими душами; но его болѣе не слушали. Добролюбовъ уже явственно различалъ церкви, дома, сады, видѣлъ и ту церковь, въ которой служилъ его отецъ, видѣлъ знакомые дома и могъ

опредѣлить мѣсто, гдѣ находился ихъ собственный домъ. Наконецъ, пароходъ причалилъ. Добролюбову было и пріятно, и грустно, и страшно ѣхать въ свой домъ. Во всѣхъ церквахъ благовѣстили къ обѣднѣ.—Въ тотъ день былъ храмовой праздникъ одного изъ придѣловъ той церкви, гдѣ служилъ его отецъ,—поэтому тамъ обѣдня была позже обыкновеннаго. Отца Добролюбовъ въ церкви не встрѣтилъ; церковь была по дорогѣ домой и Добролюбовъ заѣхалъ сначала туда. Онъ поѣхалъ далѣе. Мрачнымъ показался ему знакомый съ дѣтства переулочекъ; грусть охватила его при видѣ родного дома, гдѣ умерла его мать. Отецъ выбѣжалъ встрѣтить сына на крыльцо. Они обнялись и заплакали оба, ни слова еще не сказавъ другъ другу. «Не плачь, мой другъ!» были первыя слова отца, послѣ годовой разлуки. Потомъ его встрѣтили сестры, изъ которыхъ старшая, Антонина, играла роль хозяйки въ домѣ. Маленькіе братья были еще въ постели. Младшій Ваня, которому не исполнилось и трехъ лѣтъ, даже не узналъ его, но пятилѣтній Володя (Владиміръ Александровичъ, рукописными замѣтками котораго я часто пользуюсь въ этомъ очеркѣ) узналъ тотчасъ. Отецъ провелъ сына по всѣмъ комнатамъ, а тотъ шелъ за нимъ, какъ будто все еще ожидая увидѣть мать. Отецъ пошелъ потомъ къ обѣднѣ, а Добролюбовъ остался одинъ и долго плакалъ, сидя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ умирала его мать. Ему казалось, что, хотя невидимо, мать присутствуетъ здѣсь, слышитъ и видитъ сына.

Мало-по-малу Добролюбовъ сталъ чувствовать себя спокойнѣе. Сознаніе долга пересиливало печаль; онъ почувствовалъ, насколько возросло его значеніе въ семьѣ, какъ нужна его помощь отцу и сестрамъ и особенно братьямъ. Всѣ его «великолѣпныя предположенія» объ усиленныхъ научныхъ занятіяхъ на каникулы рухнули. За цѣлый мѣсяцъ онъ съ трудомъ могъ прочесть нѣсколько книжекъ «Современника». Не говоря уже о частыхъ посѣщеніяхъ родныхъ и знакомыхъ, что отнимало у него пропасть времени, Добролюбовъ возился почти цѣлый день съ братьями, да еще съ двумя гимназистами, братомъ и племянникомъ одного изъ жильцовъ дома Добролюбовыхъ, князя Трубецкого. Одинъ изъ этихъ гимназистовъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати, впрочемъ, въ свою очередь, оказалъ Добролюбову услугу, а именно взялся учить его французскому языку.

Вскорѣ Добролюбова постигъ новый, столько же неожиданный ударъ. Казалось даже, что ему придется навсегда проститься съ Петербургомъ: 6 августа 1854 года умеръ его отецъ,—умеръ неожиданно, отъ холеры. На рукахъ Добролюбова остались семеро дѣтей и запутанная дѣла по дому; а между тѣмъ онъ самъ еще, по закону, считался несовершеннолѣтнимъ и былъ подверженъ опецѣ. Добролюбовъ писалъ своему институтскому другу Щеглову: онъ былъ почти убѣжденъ, что болѣе не вернется въ институтъ, что придется зарыться въ Нижнемъ, посвятивъ себя исключительно семьѣ. Отца его въ городѣ многіе любили и въ семьѣ приняли живое участіе. «Подличаютъ съ нами одно только духовенство и архіерей»,—писалъ Добролюбовъ.—«Вчера на похоронахъ я былъ страшно золъ. Не выронилъ ни одной слезы, но разругалъ дьяконовъ, которые хохотали, неся гробъ моего отца, разругалъ моего бывшего профессора, который оказалъ пренелѣпную рѣчь, увѣряя въ ней, что Богъ знаетъ, что дѣлаетъ, что онъ любитъ сиротъ и прочъ». «Чувствую, что ничего хорошаго не могу

сдѣлать»,—писалъ Добролюбовъ, и, между тѣмъ, знаю, что все долженъ сдѣлать я, за всѣхъ сестеръ и братьевъ. Къ счастью еще я деревянный, иначе я бы непременно разбился».

Впослѣдствіи мы обратимся къ воспоминаніямъ брата Добролюбова, Владиміра Александровича, изъ которыхъ будетъ видно, что на самомъ дѣлѣ Добролюбовъ сдѣлалъ много хорошаго для своихъ братьевъ и сестеръ. Онъ внесъ въ семью много добрыхъ чувствъ и, несмотря на свои молодые годы, могъ уже наставлять другихъ. Мы увидимъ, что братъ Добролюбова, Владиміръ Александровичъ, когда былъ мальчикомъ лѣтъ девяти, испытывалъ сильнѣйшее нравственное вліяніе со стороны старшаго брата. Пока достаточно замѣтить, что, конечно, такое вліяніе, хотя и въ меньшей степени, испытывалось въ семьѣ и раньше, съ того времени, когда Добролюбовъ, послѣ смерти отца, сталъ смотрѣть на себя, какъ на воспитателя младшихъ дѣтей. Если это вліяніе и не могло тогда же оказаться болѣе глубокимъ, то лишь потому, что, благодаря содѣйствію родныхъ и знакомыхъ, Добролюбову все-же удалось въ весьма непродолжительномъ времени оставить Нижній и поѣхать въ Петербургъ для окончанія курса.

III.

Погоня за уроками.—Начало литературной дѣятельности Добролюбова.—Борьба съ Давыдовымъ.—Окончаніе курса.

Потерявъ мать и отца, Добролюбовъ долженъ былъ усиленно заботиться о братьяхъ и сестрахъ, хотя и самъ еще не кончилъ курса и не достигъ гражданскаго совершеннолѣтія. Правда, родные и добрые знакомые Добролюбовыхъ приняли живое участіе въ сиротахъ. Одна изъ сестеръ Добролюбова, Юленька, была взята княгиней Трубецкою, другія жили у тетокъ, какъ и младшій братъ Ваня; брата Володю взялъ богатый купецъ Мичуринъ. Опекунами надъ имуществомъ сиротъ были также близкіе люди: въ сущности всѣмъ завѣдывалъ дядя Добролюбова, младшій братъ его отца, Василій Ивановичъ, писавшій обо всемъ подробно племяннику, котораго онъ очень уважалъ. Однимъ словомъ, съ внѣшней стороны можетъ показаться, что всѣ сироты были устроены. Однако, Добролюбовъ отлично сознавалъ тяжелое положеніе сестеръ, которымъ приходилось жить, хотя-бы и у родныхъ, но безъ отца и матери. Въ письмахъ его къ сестрамъ, изъ которыхъ старшая Антонина была пятью годами моложе его, высказывается безконечная нѣжность и жалость къ нимъ и къ маленькимъ братьямъ.

Онъ умоляетъ старшую сестру быть съ нимъ вполне откровенной и искренней, смущается тѣмъ, что она, обращаясь къ нему, пишетъ вы, а не ты, упрекаетъ себя и сестру въ томъ, что они, когда были дѣтьми, часто ссорились и, быть можетъ, какъ онъ думалъ, огорчая мать, тѣмъ самымъ ускорили ея смерть. Задѣвали Добролюбова разныя непріятности, которыя происходили въ Нижнемъ: архіерей, напр., былъ недоволенъ даже тѣмъ, что сиротамъ назначили пенсію и отозвался, что у нихъ, яко-бы, богатые дома, а потому никакой пенсіи собственно назначать не слѣдовало. Въ концѣ концовъ, однако, пенсія была разрѣшена.

Не обходилось и безъ разныхъ недоразумѣній и непріятностей съ

родственниками. Добролюбова упрекали, напимѣрь, въ томъ, что онъ знается въ Петербургѣ съ знатными людьми, въ родѣ родственниковъ Трубецкихъ, Галаховыхъ, а своихъ родныхъ, будто-бы, забываетъ. Двоюродный братъ Добролюбова, Благообразовъ, утверждалъ даже, что печаль Добролюбова по отцѣ и матери вовсе не глубока и искалъ какихъ-то темныхъ причинъ тому, что Добролюбовъ просилъ свою сестру Антонину писать отдѣльно—вѣроятно въ этомъ было усмотрѣно желаніе получать закулисныя свѣдѣнія о томъ, какъ родственники обращаются съ сиротами. Подъ вліяніемъ подобныхъ писемъ, Добролюбовъ отвѣтилъ, наконецъ, въ раздраженномъ тонѣ, что онъ могъ не писать, быть неаккуратнымъ, но никогда не унижался до лжи, до пошлыхъ выдумокъ, чтобы оправдать свое молчаніе. Опровергая разныя предположенія на свой счетъ, Добролюбовъ писалъ, что никто не вправѣ считать его «совершеннымъ дуракомъ». Успокоительныя увѣренія, что его сестрамъ очень хорошо, мало дѣйствовали на Добролюбова. «Я не двухлѣтній мальчикъ»,—писалъ онъ тому же Благообразову,—«и хорошо понимаю всю горестъ, всю безвыходность нашихъ дѣлъ въ матеріальномъ отношеніи. Если все останется въ настоящемъ положеніи, то черезъ три года мои сестры будутъ имѣть неотъемлемое (даже твоею хитрою логикою) право назваться нищими невѣстами или запереться въ монастырь послушницами».

По поводу же предположеній Михаила Ивановича относительно чувствъ къ родителямъ, Добролюбовъ писалъ: «Я храню письма, которыя ты писалъ мнѣ по смерти моей матери; я помню, что ты говорилъ мнѣ лично касательно моей тоски по матери и отцѣ... Ты имѣлъ жестокость смѣяться надо мною, не вѣрить мнѣ, сравнивать мои страшныя бѣдствія съ твоими мелкими неприятностями, состоявшими въ твоихъ капризахъ. У меня сердце повернулось, когда ты говорилъ мнѣ это, и во всю жизнь мою не забуду я того, какъ принялъ мою самую искреннюю горестъ одинъ изъ ближайшихъ моихъ родственниковъ».

И, дѣйствительно, такой недурной, но легкомысленный человекъ, какимъ былъ Благообразовъ, вовсе не могъ оцѣнить истинныхъ чувствъ Добролюбова. Совсѣмъ иначе отнеслась къ горю Добролюбова умная и впечатлительная княгиня Трубецкая. Она писала ему, между прочимъ: «Я сама перешла черезъ непостижимую, невыносимую скорбь. Вы это знаете и помните, о чемъ я хочу говорить: были минуты отчаянія. Покойный батюшка вашъ много мнѣ помогалъ, и помогалъ не пустыми увѣщаніями, которыя считаются обязанностью говорить человеку истерзанному, страданіями... онъ плакалъ вмѣстѣ со мною и говорилъ, что онъ чувствуетъ, что мнѣ такъ горько». Княгиня напоминала Добролюбову и о томъ, что ему есть для кого жить, что въ его рукахъ будущность его сестеръ и братьевъ. Изъ писемъ ея видно, что она серьезно привязалась къ сестрѣ Добролюбова, Юленькѣ, дѣвчкѣ умной и вдумчивой. Княгиня съ любовью слѣдила за развитіемъ дѣвочки и часто поражалась ея отвѣтами. Однажды, по словамъ княгини, когда Юленькѣ рассказали о всемірномъ потоцѣ, посланномъ на людей за ихъ прегрѣшенія, дѣвочка спросила: «а животныхъ - то за что-же? Чѣмъ они были виноваты?»

Немного прошло времени послѣ отправки этого письма, какъ Добролюбовъ получилъ новое письмо отъ княгини съ грустнымъ извѣщеніемъ о

томъ, что Юленька умерла послѣ непродолжительной болѣзни. «Смерть Юленьки—эта капля въ чашѣ нашихъ горестей—перелила черезъ край»,—писалъ онъ теткѣ Фавстѣ Васильевнѣ.

Къ семейнымъ горестямъ Добролюбова прибавились и крупныя неприятности въ его институтской жизни.

Въ то время Добролюбовъ все еще относился довольно хорошо къ директору института, Давыдову, и съ этой стороны ему пока не угрожало никакой опасности.

Добролюбовъ вообще всегда велъ себя въ институтѣ тихо и скромно и былъ до поры до времени на хорошемъ счету у начальства. Но произошло событіе, вдругъ сдѣлавшее Добролюбова героемъ дня.

Въ 1855 году праздновался юбилей извѣстнаго Греча, имя котораго было такъ тѣсно связано съ именемъ знаменитаго въ своемъ родѣ сикофанта Булгарина. Добролюбовъ имѣлъ уже вполне опредѣленные литературные вкусы. По его собственнымъ словамъ, онъ былъ «приверженцемъ новой литературной школы» и подлости старичковъ, подвизавшихся въ «Сѣверной Пчелѣ», раздражали его, какъ нельзя болѣе. Въ началѣ академическаго года, воспользовавшись юбилеемъ Греча, Добролюбовъ написалъ ѣдкую сатиру на этого дѣятеля. Стихи эти быстро разошлись по городу въ спискахъ: ихъ читали на литературныхъ вечерахъ—разумѣется въ частныхъ домахъ—многіе профессора открыто хвалили ихъ, не зная, впрочемъ, автора. Нѣкоторые изъ товарищей Добролюбова, знавшіе въ чемъ дѣло, по неосторожности разболтали, кто авторъ. Институтское начальство переполошилось. Давыдовъ велѣлъ допросить и обыскать Добролюбова. Подлинника стихотворенія не нашли, но нашли нѣкоторыя другія бумаги, довольно смѣлаго содержанія. Дѣло это, однако, не имѣло для Добролюбова дальнѣйшихъ послѣдствій. Не изъ расположенія къ Добролюбову и не по благородству души, но изъ нежеланія выметать соръ изъ избы, Давыдовъ самъ постарался о томъ, чтобы дѣло это было потушено. Добролюбовъ не только не сталъ заператься передъ директоромъ, но «признался въ своемъ либеральномъ направленіи», при чемъ, однако, выразилъ раскаяніе въ своемъ поступкѣ, который могъ обойтись ему очень дорого. Давыдовъ вполне удовлетворился этимъ, принявъ, конечно, во вниманіе и заступничество вліятельнаго человѣка, Галахова, родственника князей Трубецкихъ. Обо всемъ этомъ Добролюбовъ написалъ секретно своему двоюродному брату Благообразову, прося скрыть отъ другихъ родныхъ, чтобы не тревожить ихъ понапрасну, тѣмъ болѣе, что все кончилось благополучно. Слѣдуетъ добавить, что Добролюбовъ отсидѣлъ за это дѣло въ карцерѣ и что для внушенія ему страха его пугали даже Сибирью...

Еще раньше, весною 1855 года, незадолго до полученія извѣстія о смерти сестры Юленьки, Добролюбовъ слегъ въ лазаретъ, такъ что извѣстіе застало его больнымъ. Онъ скоро оправился; однако, весь этотъ годъ чувствовалъ себя не вполне хорошо. Неприятности и тревоженія не прошли безслѣдно.

Не успѣли еще миновать опасенія относительно исторіи съ Гречемъ, какъ явились новыя. Дѣло въ томъ, что въ своихъ стихахъ, направленныхъ противъ Греча, Добролюбовъ задѣлъ и другихъ лицъ, какъ напр. князя Вяземскаго, котораго назвалъ продажнымъ поэтомъ и который былъ

теперь назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Добролюбовъ опасался, что изъ угодничества передъ княземъ Вяземскимъ ему начнутъ мстить въ стѣнахъ института, да и самъ Вяземскій будетъ имѣть случай насолить ему. Эти опасенія оказались неосновательными. По всей вѣроятности, Вяземскій не узналъ, кто былъ авторомъ стихотворенія, а если узналъ, то, отличаясь великодушнымъ характеромъ, простилъ юношѣ. Впослѣдствіи Добролюбовъ могъ убѣдиться въ томъ, что Вяземскій вмѣсто зла дѣлаетъ ему добро. Когда Добролюбовъ, полагая, что не будетъ въ состояніи продолжать образованіе, подалъ товарищу министра прошеніе объ увольненіи изъ института, мотивируя это недостаткомъ средствъ и необходимостью ѣхать на родину, Вяземскій принялъ въ немъ участіе, совѣтовалъ окончить курсъ, обѣщалъ даже мѣсто по окончаніи института. Тому же Вяземскому сестра Добролюбова Антонина была обязана тѣмъ, что приходъ отца остался за нею, несмотря на сопротивленіе мѣстнаго архіерея, который неожиданно вспомнилъ о томъ, что Добролюбовъ когда-то поступилъ въ институтъ противъ его воли, хотя въ свое время самъ архіерей, какъ мы уже говорили, былъ доволенъ этимъ поступленіемъ, какъ доказательствомъ успѣшности семинарскаго ученія.

Занятія Добролюбова въ институтѣ шли, попрежнему, очень успѣшно. Въ томъ самомъ письмѣ, въ которомъ онъ сообщалъ двоюродному брату объ исторіи съ стихотвореніемъ противъ Греча, Добролюбовъ выражалъ надежду, что ему удастся выдержать экзаменъ вторымъ. Ожиданія его оправдались: онъ отвѣчалъ очень хорошо. Однако и тутъ онъ усмотрѣлъ на смѣшку судьбы въ томъ, что на послѣднемъ экзаменѣ ему пришлось отвѣчать послѣднимъ по списку: ему попался вопросъ объ испанской литературѣ, по которому онъ зналъ меньше всего. Пришлось довольствоваться тѣмъ, что слышалъ на лекціяхъ, а Добролюбову очень хотѣлось блеснуть на экзаменѣ познаніями. И все-таки отвѣтъ вышелъ очень хорошій. О настроеніи духа Добролюбова въ эту эпоху его жизни и объ его самостоятельныхъ занятіяхъ можно судить какъ по его письмамъ, такъ и по воспоминаніямъ нѣкоторыхъ институтскихъ друзей и другихъ лицъ.

Еще на второмъ курсѣ, глубоко потрясенный смертью отца и матери и стараясь заглушить чѣмъ-нибудь свое горе, Добролюбовъ усиленно занялся французскимъ языкомъ—на этотъ разъ гораздо успѣшнѣе прежняго. Цѣлые два мѣсяца онъ не выпускалъ изъ рукъ романа Сю *Les Mystères de Paris* (Парижскія тайны), пока не одолѣлъ его въ подлинникѣ: такимъ образомъ первое солидное начало знанію языка было положено.

Одинъ изъ товарищей Добролюбова, Радонежскій, пишетъ объ этой эпохѣ его жизни: «Добролюбовъ, при отличныхъ способностяхъ, владѣлъ какимъ-то особеннымъ тактомъ въ занятіяхъ. Довольствуясь записываніемъ лекцій въ аудиторіяхъ, онъ никогда не тратилъ времени на черную работу, т. е. на переписку, на составленіе лекцій, на репетиціи, какъ большая часть студентовъ. Онъ читалъ, читалъ всегда и вездѣ, по временамъ внося содержаніе прочитаннаго (хотя онъ и безъ того хорошо помнилъ), въ имѣвшуюся у него толстую библиографическую тетрадь въ алфавитномъ порядкѣ писателей. Въ столѣ у него было столько разнаго рода замѣтокъ, рѣдкихъ рукописей, тетрадей, корректуръ, держа которыя онъ въ первое время зарабатывалъ копѣйку, въ шкафу столько книгъ, что и ящикъ въ столѣ и

полки въ шкафу ломались... Но что бы Добролюбовъ ни дѣлалъ, какимъ бы серьезнымъ и срочнымъ трудомъ ни занимался, всегда онъ съ удовольствіемъ оставлялъ занятіе для живого разговора, откровенной бесѣды, которыя, при его участіи, начинаясь литературою и профессорскими лекціями, всегда сводились на вопросы житейскіе».

Еще въ семинаріи Добролюбовъ писалъ стихи, и, какъ мы видѣли, въ институтѣ прибѣгъ къ своему поэтическому и сатирическому дарованію для борьбы съ представителями реакціонныхъ литературныхъ теченій. Мысль о постоянномъ литературномъ трудѣ все болѣе и болѣе укрѣплялась въ умѣ Добролюбова. Въ іюнѣ 1855 года онъ писалъ Благообразову (въ томъ же письмѣ, гдѣ писалъ о Гречѣ),—что началъ повѣсть и что если удастся ее окончить во время каникулъ, то онъ постарается пристроить ее въ какомъ-нибудь изъ петербургскихъ журналовъ. На каникулы Добролюбовъ на этотъ разъ домой не поѣхалъ. Осенью того же года Добролюбовъ сталъ издателемъ и редакторомъ рукописной студенческой газеты «Слухи», которая стала выходить съ 1 сентября, дошла до № 19 и прекратилась къ концу года, по причинамъ, объясненнымъ самой редакціей слѣдующимъ образомъ: «Редакторъ «Слуховъ»,—говорится еще въ № 13,—«не имѣетъ даже удобнаго мѣста и удобнаго времени для изложенія на бумагѣ того, что онъ знаетъ. Апатическое молчаніе подписчиковъ, заставляя въ нихъ подозрѣвать полное равнодушіе къ газетѣ, отнимаетъ бодрость у издателя и сообщаетъ ему самому небрежность въ этомъ дѣлѣ, которое сначала онъ хотѣлъ считать общимъ. Если это такъ продолжится, газета должна будетъ съ концомъ нынѣшняго года прекратиться». Это и случилось въ дѣйствительности и, конечно, къ добру, такъ какъ Добролюбовъ вскорѣ имѣлъ возможность примѣнить свои литературныя познанія гораздо болѣе производительнымъ образомъ.

Здѣсь умѣстно рассказать одинъ эпизодъ, относящійся къ той же эпохѣ жизни Добролюбова и характеризующій его взглядъ на нѣкоторые житейскіе вопросы.

Въ то время самъ Добролюбовъ даже не мечталъ о какой-нибудь страстной любви; теоретически онъ требовалъ возможно болѣе чистыхъ отношеній между мужчиной и женщиной. Любовь чисто плотская сильно возмущала его нравственное чувство. Этимъ объясняется рѣзкое, можно даже сказать слишкомъ энергичное вмѣшательство Добролюбова въ сердечныя дѣла своего двоюроднаго брата, не разъ уже упомянутаго сына Фавсты Васильевны, Михаила Ивановича Благообразова. Отъ дяди Василія Ивановича, своего опекуна, Добролюбовъ узналъ, что Благообразовъ связался съ какою-то нижегородской дѣвушкой сомнительнаго поведенія и во что бы то ни стало хочетъ жениться на ней. Мать Благообразова была въ отчаяніи, но сынъ сумѣлъ настолько повліять на мать, что она дала свое согласіе. Требовалось еще разрѣшеніе начальства, такъ какъ Благообразовъ состоялъ на службѣ. Добролюбовъ разразился громовымъ посланіемъ къ двоюродному брату, гдѣ заклиналъ его, во имя матери, уступить и бросить нелѣпую мысль о женитьбѣ на такой дѣвушкѣ. Въ письмѣ своемъ Добролюбовъ не поскупился даже на самые рѣзкіе и грубые эпитеты. Не ограничившись этимъ, онъ написалъ начальнику Благообразова, умоляя его ни въ какомъ случаѣ не давать разрѣшенія, что начальникъ сдѣлалъ впрочемъ

еще раньше безъ его просьбы. Такое вмѣшательство въ интимныя дѣла Благообразова, понятно, крайне разсердило этого молодого человѣка и нѣкоторое время онъ переписывался съ двоюроднымъ братомъ не иначе, какъ оффиціально. Добролюбовъ, однако, хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, т. е. былъ твердо увѣренъ, что рѣчь идетъ здѣсь не о какой-либо глубокой привязанности: онъ надѣялся, что любовь къ матери возьметъ у Благообразова верхъ надъ безразсуднымъ увлеченіемъ. У Добролюбова въ этомъ вопросѣ, конечно, не было и тѣни какого-либо аристократическаго предубѣжденія противъ неравнаго брака. Онъ просто понялъ, что у его двоюроднаго брата нѣтъ ничего, кромѣ плотской страсти и что опытная развратница прекрасно водить юношу за носъ.

Въ концѣ концовъ Благообразовъ уступилъ настояніямъ родственниковъ, разошелся съ своей возлюбленной и сталъ искать другой невѣсты, которая ему вскорѣ и представилась въ лицѣ племянницы извѣстнаго музыкальнаго критика Улыбышева. Но еще долго послѣ того Михаилъ Ивановичъ сохранилъ досаду противъ Добролюбова и не могъ простить ему его энергическаго вмѣшательства въ свои сердечныя дѣла.

Лѣто 1855 года Добролюбовъ провелъ, главнымъ образомъ, на дачѣ у Малоземовыхъ подлѣ Петербурга, въ семьѣ, гдѣ онъ готовилъ мальчика къ поступленію въ корпусъ. За лѣто онъ долженъ былъ получить всего 30 рублей. «Какъ ни ничтожна эта сумма,—писалъ Добролюбовъ,—я не раскаялся». Онъ легко привязывался къ своимъ ученикамъ и вообще къ дѣтямъ; дѣти, въ свою очередь, его очень любили. Жизнь у Малоземовыхъ была удобная, Добролюбовъ имѣлъ даже маленькія развлеченія, вродѣ катанья на лодкѣ, посѣщенія сада графа Безбородки, прогулокъ и посѣщенія, вмѣстѣ съ семьей Малоземовыхъ, разныхъ лѣтнихъ увеселительныхъ мѣстъ. Осенью, по возвращеніи въ институтъ, Добролюбовъ, кромѣ усиленныхъ институтскихъ занятій, былъ заваленъ уроками, которыхъ усердно искалъ для добыванія средствъ. Вотъ описаніе одного изъ его дней: вставъ въ 6 часовъ, онъ до половины 9 занимался приготовленіемъ къ лекціи греческой литературы, затѣмъ французской литературы. Съ половины 9-го до 9 завтракъ и чай; затѣмъ готовился къ вечернимъ урокамъ, съ половины 11-го до 2 лекція, въ 3 обѣдъ, въ 4 пришлось быть на урокъ въ Семеновскомъ полку, т. е. болѣе чѣмъ въ 3 верстахъ отъ института: урокъ этотъ былъ въ частномъ пансіонѣ съ дѣвочками. Отсюда отправился на другой урокъ, гдѣ надо было сидѣть съ 6 до 8; въ половинѣ 9 пришелъ въ институтъ ужинать. Усталый и измученный провелъ полчаса въ болтовнѣ и легкомъ чтеніи, а затѣмъ въ половинѣ 11 опять принялся за работу. Такъ проходили и другіе дни. Въ пятницу не было ни одного частнаго урока, а потому Добролюбовъ пользовался этимъ днемъ, чтобы посѣщать публичную бібліотеку. Такимъ-то образомъ, работая до изнеможенія, Добролюбовъ зарабатывалъ до 25 р. въ мѣсяцъ, что позволяло ему удовлетворять своимъ нуждамъ и сверхъ того посылать небольшія суммы сестрамъ.

Позднѣе Добролюбовъ имѣлъ еще больше уроковъ—до 8 или 9 въ недѣлю, при чемъ долженъ былъ не мало тратить на извозчиковъ. Оставалось ему въ лучшемъ случаѣ 32 рубля въ мѣсяцъ. Но въ то время Добролюбовъ имѣлъ уже основательныя надежды на литературный заработокъ.

О самыхъ первыхъ неудачныхъ попыткахъ Добролюбова на литера-

турномъ поприщѣ, когда онъ посылалъ статейки въ «Нижегородскія Вѣдомости» и стихотворенія въ «Москвитянинъ», было уже сказано раньше. Пребываніе въ Петербургѣ, куда онъ поѣхалъ отчасти именно съ цѣлью завязать литературныя знакомства, рано или поздно должно было привести его въ соприкосновеніе съ редакціей журнала, стоявшаго во главѣ тогдашней періодической печати, именно «Современника». Первую свою повѣсть, о которой Добролюбовъ писалъ еще въ серединѣ 1855 года Благообразову, онъ снесъ, повидимому, въ тотъ-же «Современникъ». Можетъ быть это была и какая-нибудь иная повѣсть. Во всякомъ случаѣ, повѣсть принята не была. Относительно этой первой попытки Добролюбова проникнуть въ «Современникъ» сохранился рассказъ жены издателя «Современника», Панаева, Головачовой-Панаевой. Хотя ея «Воспоминанія» — источникъ довольно тенденціозный и не всегда надежный, однако въ данномъ случаѣ нѣтъ особыхъ основаній не довѣрять главнымъ пунктамъ повѣствованія. Вотъ что, по словамъ Головачовой, рассказалъ ей самъ Добролюбовъ, когда онъ былъ уже постояннымъ сотрудникомъ «Современника». Онъ прислалъ свою рукопись съ письмомъ на имя Панаева, а затѣмъ, выждавъ нѣкоторое время, пришелъ за отвѣтомъ. Панаевъ возвратилъ рукопись съ довольно суровымъ наставленіемъ, посоветовавъ юношѣ «лучше прилежнѣе готовить уроки, чѣмъ тратить бесполезно время на сочиненіе повѣстей».

«Такъ это были вы», — сказала Головачова, услышавъ этотъ рассказъ отъ Добролюбова: она припомнила затѣмъ всѣ подробности этого эпизода. Добролюбовъ, получивъ отъ Панаева рукопись, былъ до того смущенъ, что не зналъ, какъ выйти изъ передней. Головачовой стало жаль юношу. Она поспѣшила къ нему на помощь, взяла у него забракованную мужемъ рукопись и сказала, что передастъ ее Некрасову, котораго въ то время не было дома, прося зайти за отвѣтомъ черезъ нѣсколько дней. Когда Добролюбовъ ушелъ, Головачова заговорила съ мужемъ по поводу перекофуженнаго «юноши въ казенномъ мундирчикѣ». Панаевъ возразилъ, что хотя только пробѣжалъ рукопись, но увидѣлъ, что она плоха, а потому и сказалъ юношѣ правду. «Ну что можетъ написать такой мальчикъ», — прибавилъ онъ. Головачова прочла по этому поводу наставленіе своему мужу, чтобы онъ не разыгрывалъ, какъ это дѣлаютъ многіе, недоступнаго директора-чиновника въ литературѣ.

Немного погодя, она узнала отъ Некрасова, что онъ принялъ было рукопись и хотѣлъ ее напечатать; но самъ авторъ, явившись, взял рукопись назадъ. «Не захотѣлъ самъ», — прибавилъ Некрасовъ. — «Онъ поразилъ меня, когда я съ нимъ побесѣдовалъ: такой умный, развитой юноша, но главное, когда онъ могъ успѣть такъ хорошо познакомиться съ русской литературой? Оказалось, что онъ прочелъ массу книгъ и съ большимъ толкомъ».

Некрасовъ, умѣвшій цѣнить молодые таланты, тогда-же предложилъ Добролюбову принять сотрудничество по библиографическому отдѣлу. Головачова забыла фамилію юноши, а потому и была такъ удивлена, когда впоследствии узнала отъ самого Добролюбова, что была его первой покровительницей на литературномъ поприщѣ.

Можетъ быть, въ этомъ рассказѣ и есть со стороны Головачовой нѣ-

которая, вообще присущая ей, доля излишняго выставленія своей собственной особы; но въ основѣ разскавъ ея, по всей вѣроятности, точенъ, т. е., дѣйствительно, Добролюбовъ былъ гораздо лучше оцѣненъ Некрасовымъ, нежели Панаевымъ.

Но еще въ большей мѣрѣ, нежели Некрасову, былъ обязанъ Добролюбовъ при первыхъ своихъ шагахъ на литературномъ поприщѣ своему новому другу—Чернышевскому, съ которымъ онъ познакомился въ концѣ 1855 или въ началѣ 1856 года. Было бы ошибочно, какъ это иногда дѣлали (частью подъ вліяніемъ словъ самого Добролюбова), считать Чернышевскаго учителемъ Добролюбова. Нельзя, однако, отвергать того, что Чернышевскій былъ лучшимъ изъ его друзей и что эта дружба была въ высшей степени благотворна для обоихъ, но въ особенности для Добролюбова, какъ младшаго изъ двухъ.

Когда именно познакомился Добролюбовъ съ Чернышевскимъ—установить въ точности довольно трудно. Товарищъ Добролюбова, Радонежскій, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о Добролюбовѣ, очевидно, самъ сбивается въ хронологіи. Говоря о первой повѣсти Добролюбова, которую тотъ началъ, по его словамъ, писать въ лазаретѣ въ началѣ 1855 года, Радонежскій тутъ же поясняетъ, что Добролюбовъ хотѣлъ показать эту повѣсть Чернышевскому. Было бы странно, если бы знакомство съ Чернышевскимъ, начавшееся, судя по этимъ словамъ, еще въ началѣ 1855 года, не отразилось на письмахъ Добролюбова въ теченіе всего этого года, а между, тѣмъ, мы дѣйствительно видимъ, что о Чернышевскомъ Добролюбовъ начинаетъ писать лишь со второй половины 1856 года. Одно несомнѣнно, а именно, что Добролюбова познакомилъ съ Чернышевскимъ одинъ изъ учениковъ послѣдняго, вѣроятно, Турчаниновъ. Дѣло было такъ. До крымской войны Чернышевскій былъ учителемъ словесности въ Саратовской гимназіи, гдѣ пользовался огромной популярностью среди учениковъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ Чернышевскаго попали въ педагогическій институтъ, а Чернышевскій въ 1854 году переѣхалъ въ Петербургъ. Студенты стали посѣщать бывшаго учителя, приводили къ нему и своихъ товарищей: такимъ образомъ Добролюбовъ былъ приведенъ Н. П. Турчаниновымъ. Чернышевскій сразу оцѣнилъ познанія и способности Добролюбова и послѣ перваго же посѣщенія его сказалъ своимъ домашнимъ: «у меня только что былъ человекъ ума необыкновеннаго». Добролюбовъ, познакомившись съ Чернышевскимъ, помимо бесѣдъ съ нимъ, вскорѣ принесъ къ нему на просмотръ свою первую статью о «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», которая и была помѣщена въ «Современникѣ» въ іюлѣ и августѣ 1856 года, подъ псевдонимомъ Лайбовъ—сокращеніе имени и фамиліи Добролюбова (*Николай Добролюбовъ*).

Въ свою очередь Чернышевскій произвелъ на Добролюбова сильное впечатлѣніе. Несомнѣнно, что Добролюбовъ познакомился съ Чернышевскимъ еще до каникулъ 1856 года, такъ какъ Добролюбовъ пишетъ Турчанинову 1 августа 1856 г. въ Саратовъ, куда тотъ уѣхалъ на каникулы къ роднымъ, и въ этомъ письмѣ говоритъ о Чернышевскомъ, уже какъ о знакомомъ. Это письмо къ Турчанинову доставляетъ вообще богатый матеріалъ для сужденія о первыхъ литературныхъ знакомствахъ Добролюбова и объ его новыхъ институтскихъ отношеніяхъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что къ этому времени институтскій кружокъ, къ которому принадлежалъ Добролюбовъ, выступилъ уже самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ директора института Давыдова, который, впрочемъ, имѣлъ своихъ приверженцевъ среди студентовъ, окончившихъ курсъ въ 1855 году и остававшихся въ институтѣ до полученія учительской должности.

Рѣшительнымъ моментомъ этой борьбы, начатой добролюбовскимъ кружкомъ противъ Давыдова, была статья Добролюбова, помѣщенная, разумѣется безъ подписи автора, въ восьмой книжкѣ «Современника» за 1855 годъ. Статья имѣетъ форму библиографической замѣтки, относящейся къ оффиціальному описанію института и къ оффиціальной же брошюрѣ объ институтскомъ актѣ 21 іюня 1856 года. Статья написана чрезвычайно тонко: она имѣетъ видъ похвальнаго слова, но въ каждой похвалѣ звучитъ иронія. Приведа, напримѣръ, изъ рѣчи профессора Лоренца слова, гласившія, что институтъ былъ основанъ, между прочимъ, для укорененія повиновенія къ начальству, Добролюбовъ замѣчаетъ: «Къ достиженію этихъ высокихъ цѣлей направлено все устройство института. Строжайшій надзоръ и повѣрка всѣхъ дѣйствій студентовъ, предупрежденіе всякаго случая, гдѣ бы студенты могли дѣйствовать сами по себѣ, подведеніе всѣхъ возможныхъ случайностей подъ неизмѣнныя правила устава, доведены здѣсь до изумительнаго совершенства. Студенты ни въ чемъ не предоставлены самимъ себѣ. Попечительное начальство слѣдитъ за ними на каждомъ шагу и опредѣляетъ ихъ дѣйствія до малѣйшихъ подробностей. Даже предметы разговора, мѣста въ классахъ и за столомъ, свиданія съ знакомыми—все опредѣляется уставомъ до мельчайшихъ подробностей». Въ такомъ же духѣ написана и вся замѣтка. Понятно, что она должна была произвести сильное впечатлѣніе и взбудоражить весь институтъ. Некрасовъ, какъ человѣкъ осторожный, боясь, что Давыдовъ будетъ жаловаться на эту статью, предварительно спросилъ разрѣшенія у князя Щербатова, бывшаго тогда попечителемъ петербургскаго учебнаго округа и, по тогдашнимъ правиламъ, по этой должности вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдательствовавшего въ Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ. Щербатовъ сказалъ очень просто: «Да, помилуйте, въ чемъ же вы затрудняетесь? Печатайте смѣло. Вѣдь это (т. е. Давыдовъ) уже извѣстный негодяй».

Борьба продолжалась съ тѣхъ поръ до конца институтскаго курса Добролюбова и стоила ему много усилій и еще болѣе неприяностей.

Лѣто 1856 года Добролюбовъ провелъ въ Петербургѣ, живя въ 3-ей линіи, напротивъ церкви Благовѣщенія, за Среднимъ проспектомъ, въ домѣ своего однофамильца и въ квартирѣ извѣстнаго ученаго, институтскаго профессора Срезневскаго. Въ первыхъ числахъ іюля Срезневскій пріѣхалъ изъ Новгорода, перебрался на эту квартиру и опять уѣхалъ, поручивъ Добролюбову разобрать и разставить свои книги. Пока шла славянская филологія, Добролюбовъ удивлялся богатству бібліотеки, но когда дѣло дошло до русской литературы, удивленіе его уступило мѣсто ужасу. Не было не только Лермонтова и Кольцова, но даже Карамзина (кромѣ, конечно, «Исторіи») Державина, Ломоносова (кромѣ опять-таки «Грамматики»). Пушкинъ и Гоголь были только въ новыхъ изданіяхъ, т. е. лишь съ 1855 года. «Мертвыя души» Срезневскій бралъ изъ академической бібліотеки. По этому поводу Добролюбовъ писалъ: «Самъ Срезневскій оказывается чело-
вѣкомъ

весьма добродушнымъ и благороднымъ. Я даже думаю, что онъ былъ бы способенъ къ нѣкоторому образованію, если бы не имѣлъ такой сильной учености въ своемъ специальномъ занятіи и если бы въ сотняхъ своихъ статей не находилъ точки опоры для своего невѣжества въ вопросахъ человѣческой науки».

Добролюбовъ, уже потому, что давалъ уроки, приобрѣлъ много знакомыхъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества; но теперь онъ вошелъ въ литературные кружки. Симпатично отзывается онъ объ Островскомъ и о славиствѣ Владимірѣ Ивановичѣ Ламанскомъ. Но совершенно особымъ характеромъ отличается его отзывъ о Чернышевскомъ. «Я до сихъ поръ не могу различить время, когда сижу у него»,— писалъ Добролюбовъ. Два раза онъ засидѣлся до того, что долженъ былъ ночевать у Чернышевскаго. Въ его квартирѣ онъ встрѣчалъ многихъ литераторовъ и ученыхъ. Между прочимъ, бывалъ у Чернышевскаго Петръ Петровичъ Пекарскій, впоследствии академикъ, приходившій обыкновенно вмѣстѣ съ Іакинѳомъ Ивановичемъ Шишкинымъ. Несмотря на свои серьезныя ученныя занятія, оба эти посѣтителя вели довольно разсѣянную жизнь и были большими любителями скандальныхъ анекдотовъ. На Добролюбова они произвели невыгодное впечатлѣніе; да и Чернышевскому разговоры ихъ были довольно скучны. Зато бесѣды Чернышевскаго съ Добролюбовымъ одинаково занимали обоихъ. Друзья толковали не только о литературѣ, но и о философіи. Добролюбовъ въ своихъ письмахъ сравнивалъ себя съ другими литераторами, которые учились у друзей, какъ напр., Бѣлинскій у Станкевича и Герцена, Некрасовъ у Бѣлинскаго, Забѣлинъ у Грановскаго. «Для меня, конечно,— писалъ Добролюбовъ,— сравненіе было бы слишкомъ лестно, но въ моемъ смыслѣ вся честь сравненія относится къ Николаю Гавриловичу».

Необычайная скромность Добролюбова сказывается и въ этомъ отзывѣ о самомъ себѣ: нельзя отрицать, что если Чернышевскій и повліялъ на него, то и самъ не остался безъ нѣкотораго вліянія со стороны своего молодого друга. Такъ, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Добролюбовымъ, Чернышевскій смягчилъ свои, въ то время очень неблагоприятныя, отзывы о Герценѣ и его «Колоколѣ». Чернышевскій въ то время довольно значительно разошелся съ идеями Герцена и, сохраняя уваженіе къ нему, уже не интересовался новыми его произведеніями. Такое отношеніе огорчало Добролюбова. Онъ съ большимъ трудомъ досталъ для Чернышевскаго одну изъ написанныхъ въ то время Герценомъ за границей книгъ, касавшуюся развитія извѣстныхъ идей оппозиціоннаго характера. Въ то же время Добролюбову удалось достать и второй нумеръ «Колокола». Прочитавъ книгу и № журнала, Чернышевскій вынужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки и перешелъ отъ разъясненія своихъ причинъ недовольства Герценомъ къ тому, что находилъ у него хорошимъ. Между прочимъ онъ сказалъ Добролюбову, что, даже независимо отъ согласія или несогласія съ тѣми или иными идеями Герцена, нельзя не признать въ немъ самаго блестящаго публициста не только въ русской, но и въ европейской литературѣ. Этотъ отзывъ въ значительной степени удовлетворилъ Добролюбова, такъ какъ, по его словамъ, и Чернышевскій, и Герценъ были для него въ одинаковой степени авторитетами, почему его такъ и огорчали холодные отзывы Чернышевскаго о Герценѣ.

Другимъ свидѣтельствомъ горячаго отношенія Добролюбова къ произведеніямъ Герцена является слѣдующій эпизодъ: онъ досталъ у Срезневскаго романъ Герцена «Кто виноватъ» и принесъ товарищамъ, студентамъ четвертаго курса. Но товарищи эти занимались больше картежною игрою и, предаваясь лѣности и апатіи, не смогли одолѣть романа въ двѣ недѣли. Это чрезвычайно возмутило Добролюбова. Онъ замѣчаетъ, что тѣ-же товарищи отнесли не лучше и къ «Запутанному дѣлу» Щедрина, напечатанному еще въ 1848 году и въ свое время надѣлавшему большаго шума. «Не только не прочли, но даже потеряли книгу...»—жалуется Добролюбовъ.

Институтскій кружокъ Добролюбова былъ теперь невеликъ — съ нѣкоторыми изъ прежнихъ друзей Добролюбовъ разошелся — но зато въ своемъ тѣсномъ кружкѣ онъ видѣлъ настоящихъ единомышленниковъ. Сюда принадлежали, напр., Б. И. Сциборскій и Н. П. Турчаниновъ.

Стремясь все болѣе къ живому общественному дѣлу, Добролюбовъ все менѣе интересовался чисто книжною ученостью. Такъ, лѣтомъ 1856 года онъ задумалъ было заняться изданіемъ Амартола, но вскорѣ совершенно разочаровался.

«Григорій Амартоль просто дуракъ, котораго издавать не стоитъ»,—писалъ онъ,—«а переписчики его болваны, которыхъ совсѣмъ нѣтъ надобности сличать. Я жалѣю, что взялся тратить время на такое бесплодное занятіе. Работа подвигается медленно, особенно потому, что съ начала іюля я имѣю девять уроковъ въ недѣлю». Тѣмъ не менѣе, Добролюбовъ былъ вполне способенъ выполнить и самую кропотливую научную работу, если таковая требовалась. Въ одномъ изъ писемъ къ нему, Срезневскій выражаетъ благодарность за библиографическія замѣчанія, которыя Добролюбовъ составилъ, по его просьбѣ, къ одной изъ его ученыхъ статей. Благодарить онъ Добролюбова и за замѣчанія объ «Обзорѣ русской богословской литературы» Филарета, архіепископа Черниговскаго.

О настроеніи Добролюбова и объ его тогдашнихъ, вполне уже сложившихся убѣжденіяхъ, даетъ понятіе въ особенности письмо, написанное В. В. Лаврскому, одному изъ нижегородскихъ знакомыхъ, съ которымъ онъ не видѣлся съ 1854 года, т. е. со времени смерти отца. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Въ прежнее время, главное чувство, одушевлявшее Добролюбова, была вѣчно неудовлетворенная жажда дѣятельности. Теперь онъ повидимому приблизился къ завѣтной цѣли, сталъ литераторомъ, сотрудникомъ лучшаго въ Россіи журнала — но сколько надеждъ было разбито! Жизнь со всѣми ея горькими утратами, разочарованіями, суровой борьбой за существованіе держала въ напряженіи всѣ его силы. Пути его и Лаврскаго далеко разошлись. Лаврскій поступилъ въ казанскую духовную академію. И вотъ Добролюбовъ интересуется узнать, что вышло изъ его стараго знакомаго? «Утвердились ли Вы еще больше въ добродѣтели, спрашиваетъ онъ Лаврскаго и интересуется узнать, не проникся ли его товарищъ всецѣло извѣстнымъ тройственнымъ девизомъ славянофильства. Или же, можетъ быть, говоритъ Добролюбовъ,—«тлетворное дыханіе буйнаго Запада проникло и въ казанское убѣжище»? «Утѣшаюсь надеждою»,—пишетъ далѣе Добролюбовъ»,—что Васъ не совратитъ съ вашего пути ни Штраусъ, ни Бруно-Бауэръ, ни самъ Фейербахъ, не говоря уже о какомъ

нибудь Герценъ или Бѣлинскомъ». О себѣ самомъ Добролюбовъ пишетъ уже безъ всякихъ аллегорій и фигуръ. «Живу и работаю»,—говоритъ онъ, и поясняетъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ ведетъ борьбу съ внутренними и внѣшними врагами.—«Вышелъ я на бой безъ заносчивости, но и безъ трусости — гордо и спокойно. Взглянулъ я прямо въ лицо этой загадочной жизни и увидѣлъ, что она совсѣмъ не то, о чемъ твердили о. Паисій и преосвященный Іеремія. Нужно было идти противъ прежнихъ понятій и противъ тѣхъ, кто внушилъ ихъ. Я пошелъ сначала робко, осторожно, потомъ смѣлѣе, и, наконецъ, передъ моимъ холоднымъ упорствомъ склонились и пылкія мечты и горячіе враги мои. Теперь я покоюсь на своихъ лаврахъ, зная, что мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя, зная, что не упрекнуть меня и тѣ, чьимъ мнѣніемъ и любовью я дорожу. Говорятъ, что путь смѣлой правды приведетъ когда-нибудь къ гибели. Это очень можетъ быть; но я съумѣю погибнуть не даромъ. Слѣдовательно и въ самой послѣдней крайности будетъ со мной мое всегдашнее неотъемлемое утѣшеніе—что я трудился и жилъ не безъ пользы».

Добролюбовъ все болѣе и болѣе примыкалъ къ литературнымъ кругамъ: разумѣется, всего тѣснѣе онъ былъ связанъ съ редакціей «Современника». Мысль о службѣ въ Нижнемъ послѣ окончанія курса окончательно была оставлена Добролюбовымъ. Некрасовъ просилъ его писать въ «Современникъ», сколько онъ успѣетъ,—чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Въ томъ же смыслѣ вліялъ на него и Чернышевскій. Кромѣ «Современника» Добролюбовъ принималъ участіе и въ «Журналѣ для воспитанія», такъ какъ тогда уже живо интересовался вопросами педагогіи, тѣсно связанными съ его учительскою дѣятельностью. Наконецъ онъ занимался и переводами, доставлявшими ему нѣкоторый заработокъ. Путемъ упорнаго труда онъ, еще недавно знавшій лишь по-нѣмецки и кое-что по французски, одолѣлъ нѣсколько новыхъ языковъ и зналъ ихъ въ послѣдствіи въ совершенствѣ.

Переписка Добролюбова съ родными, нѣкогда отнимавшая у него такъ много времени, все болѣе и болѣе сокращается. Зависѣло это не только отъ недосуга,—при своей любви къ писанію писемъ Добролюбовъ всегда могъ бы найти время написать хотя нѣсколько строкъ,—но, главнымъ образомъ, отъ того, что образъ жизни Добролюбова и его литературная дѣятельность все болѣе удаляли его отъ интересовъ и понятій того провинціального круга, который онъ оставилъ въ Нижнемъ. Добролюбовъ дѣлалъ все, что могъ, для сестеръ и братьевъ; въ извѣстномъ смыслѣ можно было сказать, что и теперь онъ жилъ для нихъ, но онъ не могъ болѣе жить *ихъ жизнью*; бесѣдовать съ родными было для него все труднѣе, онъ утрачивалъ иногда даже пониманіе ихъ словъ и дѣлалъ не всегда справедливые упреки, хотя и внушенные благородными чувствами. По поводу одного изъ родственныхъ изліяній своей сестры Антонины, Добролюбовъ обратился къ ней съ нравоученіемъ. Онъ писалъ ей, что всѣ ея увѣренія въ искренней любви къ нему представляются ему писаніемъ отъ нечего дѣлать и предостерегалъ ее отъ такого же отношенія къ постороннимъ. Затѣмъ, тономъ опытнаго человѣка, хотя ему самому было въ то время двадцать лѣтъ, Добролюбовъ предостерегалъ сестру отъ минутныхъ увлеченій. «Помни»,—писалъ онъ ей,—«что тебѣ предстоитъ

великое дѣло. Съ тобой я не буду жеманиться и говорить обиняками. Заговариваютъ о женихахъ для тебя, но выборъ долженъ зависѣть отъ твоего рѣшенія». Многое въ этомъ письмѣ Добролюбова было, конечно, вызвано справедливымъ опасеніемъ, чтобы родные не навязали шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ какого-нибудь непригоднаго жениха: одинъ такой женихъ дѣйствительно былъ на виду. Добролюбовъ просилъ сестру быть откровеннѣе въ письмахъ. Нѣкоторые упреки не имѣли, однако, никакого основанія. Знавшіе его сестру утверждали, что она далеко не отличалась ни вѣтренностью, ни легкомысліемъ; скорѣе ея недостаткомъ была слишкомъ большая для такого юнаго возраста разсудительность. Чернышевскій въ своихъ примѣчаніяхъ къ перепискѣ Добролюбова становится даже безусловно на сторону его сестры. По его словамъ, Добролюбовъ, «насмотрѣвшись въ Петербургѣ на свѣтскихъ барышенъ, безпрестанно танцующихъ и мечтающихъ о романической любви, вообразилъ свою сестру подвергающейся такимъ же опасностямъ увлеченія». «Это была»,—по словамъ Чернышевскаго,—«ошибка, очень забавная со стороны,—но оскорбительная для скромной дѣвушки того тихаго, бѣднаго круга». Какъ бы то ни было, сестра отвѣтила Добролюбову безъ всякой досады и даже съ выраженіемъ благодарности за совѣты, высказавъ только, что пока она никого не знаетъ и ни за кого вообще не думаетъ выйти замужъ и что она будетъ стараться выйти за того, кого ей назначутъ старшіе, а теперь ко всѣмъ равнодушна. Что же касается откровенности, она ни отъ кого не имѣетъ ничего тайнаго.

Между тѣмъ, положеніе Добролюбова въ институтѣ съ каждымъ днемъ все болѣе ухудшалось. Литературная дѣятельность его не могла укрыться отъ начальства. «Начальство мое»,—писалъ Добролюбовъ 3 апрѣля 1857 г., «послѣ всѣхъ исторій, какими я насолилъ ему, радо будетъ отправить меня въ Иркутскъ или въ Колу, а никакъ не оставить въ Петербургѣ. Директоръ давно уже порывался меня выгнать, да профессора не позволили. Это вѣдь обыкновенная моя исторія: ярое вольнодумство, непокорство начальству, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличные успѣхи и безукоризненная нравственность во всемъ остальномъ».

Положеніе Добролюбова въ институтѣ стало, наконецъ, настолько неудобнымъ, что и онъ счелъ необходимымъ, на всякій случай, обезпечить себя послѣ окончанія курса. Князь и княгиня Куракины, у которыхъ раньше онъ давалъ уроки, выразили желаніе оказать ему въ этомъ содѣйствіе. По тогдашнимъ институтскимъ правиламъ, мѣсто домашняго учителя освобождало учившихся на казенный счетъ отъ обязанности служить, по окончаніи института, на должности учителя въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Добролюбовъ рѣшился быть у Куракиныхъ домашнимъ учителемъ не по названію только, а на самомъ дѣлѣ; если это будетъ необходимо для устраненія придирокъ Давыдова; однако, обошлось и такъ: онъ только считался домашнимъ учителемъ.

Съ этимъ эпизодомъ тѣсно связанъ новый фазисъ борьбы между Добролюбовымъ и Давыдовымъ. Послѣдній, не успѣвъ выжить Добролюбова изъ института во время прохожденія курса, постарался насолить ему, по крайней мѣрѣ, по окончаніи курса, т. е. послѣ экзаменовъ 1857 г. Еще раньше Давыдовъ, ссылаясь на исторію съ пасквилемъ противъ Греча

обвинялъ Добролюбова въ «неблагодарности». Упрекъ этотъ Добролюбовъ могъ всегда отразить ссылкой на то, что велъ борьбу противъ Давыдова не на личной, а на чисто общественной почвѣ. На этотъ разъ Давыдовъ пустилъ въ ходъ по просту клевету. Въ срединѣ 1857 года, вскорѣ послѣ окончанія института, Добролюбовъ къ удивленію замѣтилъ, что лучшіе его институтскіе товарищи, какъ, напр., Турчаниновъ, А. П. Златовратскій и др., едва подають ему руку и вообще относятся къ нему крайне недовѣрчиво и враждебно. По своей врожденной гордости Добролюбовъ не старался даже дознаться причины подобной перемѣны. Позднѣе онъ, однако, узналъ слѣдующее.

Давыдовъ, воспользовавшись тѣмъ, что Добролюбовъ по окончаніи курса имѣлъ съ нимъ частный разговоръ (о которомъ будетъ подробнѣе сказано ниже), распространилъ слухъ, будто бы Добролюбовъ усиленно просилъ у него хорошаго учительскаго мѣста. Нечего и говорить, что ничего подобнаго не могло быть: стоитъ принять во вниманіе, какія усилія дѣлалъ Добролюбовъ для того, чтобы обезпечить себя отъ интригъ Давыдова, чтобы убѣдиться въ голословности направленной противъ него клеветы. Далѣе мы узнаемъ, впрочемъ, подробности ихъ бесѣды. Но, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, клевета сдѣлала свое дѣло. Благороднѣйшаго человѣка, какимъ былъ Добролюбовъ, заподозрили въ угодливости и въ крайне двусмысленномъ поведеніи; увѣряли, что онъ, будто бы, ласковый теленокъ, сосущій двухъ матокъ, т. е. при товарищахъ выставлющій себя первымъ врагомъ Давыдова, а потомъ втихомолку выпрашивающій у того же Давыдова милостей. Добролюбовъ считалъ ниже своего достоинства оправдываться въ томъ, что утверждалось безъ всякаго основанія, просто по человѣческой склонности скорѣе вѣрить худому, чѣмъ хорошему. Тѣмъ не менѣе отчужденіе товарищей было ему крайне тяжело и онъ вздохнулъ свободнѣе, когда, наконецъ, интрига Давыдова была раскрыта.

Однимъ изъ товарищей, который менѣе другихъ повѣрилъ клеветѣ, — былъ Александръ Петровичъ Златовратскій; однако, и онъ порою колебался. Въ перепискѣ Добролюбова съ этимъ товарищемъ можно найти указанія на ходъ всей исторіи. Вскорѣ по окончаніи курса, Добролюбовъ писалъ ему о книгѣ «Донесенія слѣдственной комиссіи 1825 г.», которую онъ досталъ у студента Кишіани и не успѣлъ отдать до отъѣзда этого студента, обстоятельство, сильно озаботившее Добролюбова; затѣмъ писалъ также о книгѣ Бруно-Бауэра, которую ему обѣщаль достать Сциборскій для Турчанинова. Сообщая обо всемъ этомъ, Добролюбовъ прибавляетъ: «Кланяйся имъ всѣмъ. Не пишу имъ потому, что они на меня дуются». Онъ шутливо добавляетъ:—«Я подожду, пока они станутъ ко мнѣ писать, потому что съ нѣкоторыхъ поръ я возгордился страшно».

Чернышевскій комментируетъ эти слова въ томъ смыслѣ, что на вопросъ кого-нибудь изъ товарищей, правда ли, что Добролюбовъ хотѣлъ помириться съ Давыдовымъ, Добролюбовъ не хотѣлъ дать никакого отвѣта. Письмо написано было Добролюбовымъ изъ Твери, по дорогѣ въ Нижній, куда онъ поѣхалъ по окончаніи курса навѣстить родныхъ. Другое письмо адресовано тому же товарищу съ дороги уже изъ Рыбинска. Добролюбовъ начинаетъ съ описанія маленькаго приключенія—по дорогѣ камнемъ пробило дно парохода и пассажиры чуть не пошли ко дну. За не-

достаткомъ рабочихъ и Добролюбовъ участвовалъ въ выкачиваніи воды. Но эта дорожная неприятность гораздо менѣе его занимаетъ, чѣмъ мысли о Давыдовѣ и о товарищахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что студенческій кружокъ, къ которому принадлежалъ Добролюбовъ, между прочимъ, подписывался на два журнала «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ» (въ то время еще либеральный). Подпиской завѣдывалъ Добролюбовъ, а по окончаніи подписного года, студенты вырѣзывали наиболее интересныя статьи и дѣлились ими между собою. Добролюбовъ проситъ Златовратскаго устроить этотъ дѣлежъ и прибавляетъ: «Изъ ноябрьской книжки стихотворенія Некрасова можешь самъ у нихъ спросить для себя, а безъ того не смѣй брать, иначе», поясняетъ онъ съ горечью, «меня обвинять въ воровствѣ, какъ обвинили въ подлости». Письмо заканчивается сообщеніемъ, что Добролюбовъ съ нѣкоторыхъ поръ «получилъ пассію къ презрѣнному металлу», который, по его словамъ, доставилъ ему нѣсколько пріятнѣйшихъ минутъ въ жизни. Необходимо пояснить, что Добролюбовъ далъ денегъ одной бѣдной одинокой дѣвушкѣ, находившейся въ долгу, чрезвычайно ее тяготившемъ.

На это письмо Добролюбова, Златовратскій, оставшійся въ Петербургѣ и жившій временно въ институтѣ, писалъ, между прочимъ, объ интригахъ Давыдова: «Встрѣча твоя съ Бордюговымъ избавляетъ меня отъ пріятной обязанности рассказывать тебѣ походы почтеннаго нашего отца и благодѣтеля противъ насъ. Тебѣ, вѣроятно, передалъ Бордюговъ приказъ Давыда (Давыдова) къ 1 іюля выбираться намъ всѣмъ изъ института. Вѣроятно, также извѣстно, что у насъ и за нами Иванъ Ивановичъ учредилъ тайную полицію». Златовратскій замѣчаетъ въ томъ же письмѣ, что наиболее занимаютъ пересудами на счетъ Добролюбова какъ разъ тѣ изъ окончившихъ студентовъ, которые всего болѣе заискиваютъ передъ начальствомъ. Онъ упрекаетъ Добролюбова въ томъ, что тотъ, будто бы «дружилъ съ такой толпой». «Не сближаясь съ ними,» — пишетъ Златовратскій, — «ты, по крайней мѣрѣ, выдержалъ бы характеръ. А тутъ всякій изъ господъ такъ и посылаетъ тебѣ взадъ самые неприятные эпитеты». Двое изъ товарищей, особенно угодничавшихъ передъ Давыдовымъ, утверждали даже, что начальство признаетъ Добролюбова «человѣкомъ малаго ума». Это было уже настолько явно пристрастно или просто глупо, что, когда проф. Срезневскій услышалъ отъ Златовратскаго о подобной аттестаціи Добролюбову, то просто не хотѣлъ вѣрить, чтобы нашлись люди, сказавшіе нѣчто подобное.

До чего враждебно нѣкоторые товарищи были настроены противъ Добролюбова, видно изъ того, что одинъ изъ нихъ, Сциборскій, не хотѣлъ вернуть другому лицу взятой у него Добролюбовымъ и переданной ему книги Бруно-Бауэра, пока Добролюбовъ не вернетъ, въ свою очередь, книги Поттера. Выходило, что Добролюбову нельзя повѣрить даже въ такомъ дѣлѣ, какъ возвращеніе книги, не удержавъ съ него залога. Это недовѣріе крайне огорчило и возмутило Добролюбова и онъ писалъ Сциборскому: «Мѣра съ твоей стороны хороша, какъ понудительная по отношенію ко мнѣ; но умоляю, не приводи ея въ исполненіе. Чѣмъ же виноватъ Н. (владелецъ Бруно-Бауэра), что я тебѣ не отдалъ книги?... Сдѣлай милость, не мѣшай этого человѣка въ наши дразги и не смѣшивай его съ такими негодяями, какъ я. Я прошу объ этомъ не для себя, а во имя твоего соб-

ственнаго достоинства: тебѣ послѣ будетъ стыдно вспомнить о подобной штукѣ».

9 іюля Добролюбовъ пишетъ изъ Нижняго Златовратскому. Онъ отвѣчаетъ на его упреки въ томъ, что будто водилъ дружбу съ толпою поклонниковъ Давыдова. «Неужели», говоритъ онъ, «тебѣ мало было моихъ объясненій, неужели ты до сихъ поръ считаешь меня, вмѣстѣ съ институтскимъ начальствомъ, человѣкомъ малаго ума, что приписываешь мнѣ намѣреніе привлечь къ себѣ расположеніе этихъ людей?»

Затѣмъ Добролюбовъ говоритъ, что ни въ какія дальнѣйшія объясненія по этому поводу онъ вдаваться не станетъ. Онъ, по его словамъ, работалъ въ институтѣ, сколько хватало силъ, подвергался опасностямъ и непріятностямъ, пока не утратилъ вѣры въ тѣхъ, для кого работалъ.— «И передъ этими людьми»,—говоритъ Добролюбовъ,—«я долженъ былъ, по твоему мнѣнію, выдерживать характеръ!... Великій пошлякъ былъ бы я, если-бы вздумалъ стѣснить себя и направить свои мысли къ тому, чтобы остерегаться говорить съ № 1, смотрѣть на № 2, смѣяться надъ № 3, подать руку № 4».

«Вотъ мое несчастье», — поясняетъ Добролюбовъ. — «котораго кромѣ меня никто не видитъ. А я и вижу, да не стараюсь отъ него избавиться, а, наоборотъ, благословляю судьбу за него. Во мнѣ мало исключительности: у меня недостаетъ духу для повальной оцѣнки человѣка, и я, умѣя презирать мерзости, не гнушаюсь добромъ. А если его нѣтъ, я не нахожу особеннаго удовольствія охотиться за зломъ, а просто оставляю его безъ вниманія и ищу добра въ другомъ мѣстѣ».

Здѣсь, по нашему мнѣнію, Добролюбовъ очень близко подходитъ къ одной изъ основныхъ чертъ своего характера, уже однажды отмѣченной. Онъ только не совсѣмъ точно характеризуетъ эту черту. Бѣда въ излишнемъ оптимизмѣ по отношенію къ людямъ, не заслуживавшимъ этого, въ излишней довѣрчивости, — глубокой вѣрѣ въ добро, скрывающееся даже въ самомъ негодномъ человѣкѣ. Эта искра добра слишкомъ часто ослѣпляла Добролюбова, заставляя его долго довѣрять негодьямъ и считать ихъ вполне порядочными людьми. Вѣдь было же время, когда онъ былъ въ восторгѣ отъ того же Давыдова; потребовалось многое для того, чтобы заставить его признать полную нравственную несостоятельность этого человѣка.

Слишкомъ снисходительный и довѣрчивый къ другимъ, Добролюбовъ въ то же время былъ слишкомъ строгъ, можно сказать слишкомъ недоовѣрчивъ, къ самому себѣ. Подъ вліяніемъ же начатой противъ него травли Добролюбовъ еще болѣе былъ склоненъ бичевать себя, но въ то же время изъ гордости не хотѣлъ объясняться передъ другими.

Ближайшіе друзья Добролюбова, Шемановскій и Бордюговъ, впрочемъ, нравственно поддержали его во всей этой исторіи. Бордюговъ писалъ ему, что вмѣстѣ съ нимъ отдыхаетъ теперь отъ такихъ людей, какъ Давыдовъ. Шемановскій разсуждалъ то серьезно, то шутя, но въ совершенно дружескомъ духѣ: одно изъ его писемъ содержитъ упрекъ относительно продолжительнаго молчанія Добролюбова, выраженный въ такой формѣ: «Любезный другъ, Николай Александровичъ! Чортъ бы тебя взялъ, скотина. М. Шемановскій». Добролюбовъ отвѣтилъ въ такомъ-же шутливомъ тонѣ, но въ концѣ концовъ, признался, что у него на сердцѣ кошки скребутъ.

Долго упорствовали въ своихъ обвиненіяхъ противъ Добролюбова изъ товарищей, принадлежавшихъ къ его тѣсному кружку, тотъ самый Щегловъ, который въ свое время оказалъ нѣкоторое вліяніе на Добролюбова. Такъ, въ началѣ 1858 года, Добролюбовъ, посылая въ то время примирившемуся уже съ нимъ Сциборскому послѣднія книжки «Современника» за 1857 годъ, писалъ ему, что обвелъ краснымъ карандашемъ статьи, которыя были имъ самимъ написаны, но не подписаны. Книжки предназначались для одного общаго знакомаго, испытывающаго много бѣдъ и интересовавшагося узнать, насколько справедливы обвиненія относительно перемѣны образа мыслей, направленные противъ Добролюбова Щегловымъ, а также, какъ мы сейчасъ увидимъ, и нѣкоторыми другими товарищами.

Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ была пущена противъ Добролюбова клевета, а послѣдствія ея все еще ощущались. Въ іюль 1858 года, Добролюбовъ писалъ Златовратскому все о томъ же. Даже въ статьяхъ Добролюбова въ «Современникѣ» нѣкоторые изъ пріятелей умудрились усмотрѣть какое-то угодничество передъ сильными. Это должно было, наконецъ, переполнить чашу терпѣнія. «Помнится», пишетъ Добролюбовъ, отвѣчая на одно изъ писемъ Златовратскаго, — «что ты тамъ меня бранилъ за что то, находилъ, что я, кажется, каждый мѣсяцъ мѣняю убѣжденія, только не къ лучшему, виляю безпрестанно изъ стороны въ сторону. Я ожидалъ окончанія въ родѣ слѣдующаго: такъ какъ ты, дескать, почтеннѣйшій, палъ духомъ, унизился передъ авторитетами, въ родѣ Аксакова, не имѣешь никакихъ убѣжденій или торгуешь ими, то — извини — переписка наша должна этимъ кончиться. Я уже заранѣе сокрушался духомъ, предчувствуя, что и ты, *et tu quoque*, хочешь оставить меня, подобно Турчанинову, Александровичу, Сциборскому, Щеглову, котораго, впрочемъ, не нужно смѣшивать съ первыми. Къ счастью, предчувствіе мое не оправдалось».

Отказываясь оправдываться въ чемъ бы то ни было, Добролюбовъ пишетъ: «По моему, если я сказалъ или сдѣлалъ что-нибудь такое, за что меня осуждаютъ другіе, то ужъ тутъ нѣтъ оправданія. Значитъ, мои слова и поступки имѣли такой видъ, что могли подать поводъ къ осужденію. Слѣдовательно, или я виноватъ, что не умѣлъ придать имъ добраго вида, и тогда я дѣйствительно виноватъ, или же и видъ ихъ былъ добрый, да только не по вкусу осуждающихъ... По симъ соображеніямъ не оправдывайся и ты передо мной въ томъ, что обвинялъ меня въ подлости, измѣнѣ убѣжденіямъ, горькомъ паденіи и прсч. Если ты въ этомъ раскаялся, то извѣсти меня. Если же нѣтъ, прочти послѣдовательно и внимательно всю критику и библіографію нынѣшняго года, написанную мною»...

На это письмо Златовратскій отвѣтилъ полуизвиненіемъ. Онъ писалъ, по его увѣренію, вовсе не о перемѣнѣ убѣжденій, а о перемѣнѣ научныхъ взглядовъ Добролюбова. При этомъ Златовратскій привелъ объясненія, которыя Чернышевскій, въ своихъ примѣчаніяхъ къ этой перепискѣ, справедливо называетъ рядомъ «наивныхъ недоразумѣній». Суть дѣла была въ томъ, что Добролюбовъ, крайне недовольный запоздалымъ появленіемъ одной изъ его статей, напечатанной въ «Русскомъ Иллюстрированномъ Альманахѣ» Крылова, писалъ о запоздалости этой статьи; Златовратскій же понималъ это такъ, что Добролюбовъ отрекается отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, а иронію Добролюбова надъ своими литературными противни-

ками Златовратскій понялъ какъ разъ наоборотъ, — именно, въ томъ смыслѣ, что будто Добролюбовъ иронизировалъ надъ своими же прежними статьями. И вотъ, исходя, въ сущности, все изъ той же клеветы Давыдова и имѣя такимъ образомъ предвзятое мнѣніе противъ Добролюбова, его пріятели старались усмотрѣть у Добролюбова между строкъ какъ разъ противоположное тому, что онъ говорилъ на самомъ дѣлѣ. Такъ, напр., ѣдкое осмѣяніе тенденцій «Семейной Хроники» Аксакова было понято въ обратномъ смыслѣ и принято за панегирикъ старомоднымъ взглядамъ автора «Хроники». Въ концѣ концовъ, Златовратскій все-же понялъ, что онъ не совсѣмъ правъ и просилъ Добролюбова имѣть къ нему «побольше снисхожденія», но все же упорствовалъ на счетъ частныхъ въ пониманіи статей Добролюбова.

Окончательное разъясненіе исторіи съ Давыдовымъ и взведенной на Добролюбова клеветы мы находимъ только въ іюнѣ 1859 года, въ письмѣ, адресованномъ другому институтскому товарищу Турчанинову, съ которымъ Добролюбовъ все еще не успѣлъ примириться.

По словамъ Добролюбова, когда онъ былъ еще на второмъ курсѣ — а въ то время онъ еще не успѣлъ вполне раскусить Давыдова, — онъ дѣйствительно, однажды, «унизился» передъ нимъ. Это, вѣроятно, относится къ извѣстному случаю съ Гречемъ, когда Давыдовъ отчасти выручилъ Добролюбова обѣщаніями хлопотать о судьбѣ его семейства. «Тогда убитый, безпріютный сирота» — писалъ Добролюбовъ, — «имѣя на рукахъ еще семерыхъ безпріютныхъ, я самъ себя не помнилъ отъ радости, если хотя малѣйшая надежда подавалась мнѣ на устройство ихъ участи. Тогда Давыдовъ могъ, дѣйствительно, привлечь меня къ себѣ. Но къ счастью, ему не суждено было сдѣлаться моимъ благодѣтелемъ ни въ чемъ. Съ конца второго курса, когда я сидѣлъ въ карцерѣ и писалъ ему умиленные письма, залуганный Сибирью и гражданскимъ позоромъ, — послѣ этого я уже ни разу не унижался передъ нимъ». Весьма возможно, что потомъ Давыдовъ показывалъ эти письма своимъ приверженцамъ, умышленно спутывая хронологію...

По окончаніи курса, когда кончилась послѣдняя конференція о выпускныхъ студентахъ, произошло слѣдующее: Добролюбовъ встрѣтилъ въ институтской пріемной проф. Срезневскаго, который сообщилъ ему, что Давыдовъ «ругалъ Добролюбова на чемъ свѣтъ стоитъ», лишивъ его безъ всякаго основанія золотой медали и едва согласившись дать ему званіе старшаго, а не младшаго учителя. Между тѣмъ, князь Вяземскій, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, потребовалъ отъ Давыдова изъ института учителя словесности въ четвертую петербургскую гимназію. Профессора единогласно указали на Добролюбова. Давыдовъ сначала колебался, но наконецъ далъ согласіе. Въ заключеніе Срезневскій посоветывалъ Добролюбову самому переговорить съ Давыдовымъ и взять съ него слово въ томъ, что будетъ опредѣлено. Добролюбовъ пошелъ, по его словамъ, не потому, чтобы вѣрилъ слову Давыдова, а больше затѣмъ, чтобы увидѣть, до какой степени вѣроятно, что Давыдовъ его надуетъ. Давыдовъ вышелъ къ нему мрачный, воображая, что Добролюбовъ будетъ говорить о медали. «Что вы?» спросилъ онъ отрывисто. «Я долженъ поблагодарить ваше превосходительство», — сказалъ Добролюбовъ, — «за доброе

мнѣніе, которое вы вчера въ конференціи обо мнѣ высказали». Давыдовъ смутился отъ неожиданности, наконецъ заговорилъ: «Да... а если вы не получили большаго, то сами виноваты. Мы еще были къ вамъ... милостивы». Добролюбовъ возразилъ, что милостей онъ никогда и не ожидалъ, но услышавъ про мѣсто въ четвертой гимназіи и про представленія профессоровъ, хотѣлъ узнать, рѣшено ли это дѣло. Давыдовъ тотчасъ принялъ тонъ благодѣтеля.—сказалъ, что мѣсто точно есть, но что Добролюбовъ долженъ оправдать свое назначеніе не только умомъ, но и поведеніемъ. «За эту рацею,—пишетъ Добролюбовъ,—слѣдовало выругаться... и уйти съ шумомъ. Я этого не сдѣлалъ, а выслушалъ молча, и это я признаю, дѣйствительно, дурнымъ поступкомъ».

Изъ этого разсказа ясно, въ какой мѣрѣ основательно было утвержденіе, что Добролюбовъ просилъ мѣста у Давыдова, какъ особой милости.

На другой день студенты узнали результаты конференціи, вообще неблагоприятныя для противниковъ Давыдова. Поднялся гвалтъ. Златовратскій уговорилъ Добролюбова написать прошеніе, направленное противъ Давыдова. Объ этомъ узналъ инспекторъ. Давыдовъ призвалъ Добролюбова, сталъ упрекать его въ неблагодарности и въ писаніи каверзъ. Добролюбовъ потребовалъ доказательствъ того, что онъ точно «пишетъ каверзы». На это Давыдовъ отвѣтилъ, что людей, подобныхъ Добролюбову, называютъ безчестными. «Понятія о чести различны»,—отвѣтилъ на это Добролюбовъ.—«Вамъ кажется безчестнымъ писать прошенія противъ васъ тому, кому вы обѣщали мѣсто, мнѣ кажется напротивъ, что стоять за неправду въ ожиданіи получить мѣсто безчестно». Давыдовъ, не зная что отвѣтить, накинулся на Добролюбова за то, что онъ смѣетъ ночевать въ институтѣ, не возобновивъ свидѣтельства объ отпускѣ. Это было послѣднее свиданіе между Добролюбовымъ и Давыдовымъ наединѣ, а на другой день была уже пущена клевета о «подлости и коварствѣ» Добролюбова...

Послѣ всего сказаннаго выше, становится очевиднымъ, что во всемъ дѣлѣ играли роль подлость однихъ и легкомысліе другихъ, но что Добролюбовъ былъ, отъ начала до конца, совершенно чистъ во всей этой исторіи.

Здѣсь уместно будетъ привести отрывокъ изъ воспоминаній о Добролюбовѣ одного изъ его товарищей, Радонежскаго. Изъ этого разсказа будетъ ясно, каковъ былъ образъ мыслей Добролюбова въ послѣдній годъ его пребыванія въ институтѣ.

По словамъ Радонежскаго, Добролюбовъ не любилъ, если при немъ товарищи распѣвали какіе-нибудь сердечные романсы: онъ любилъ въ поэзіи общественныя темы. Онъ просилъ Радонежскаго лучше читать стихотворенія Некрасова, чѣмъ пѣть о любви и цвѣтахъ. Единственная пѣсня, которую Добролюбовъ охотно слушалъ, была: «Не слышно шуму городского»—онъ часто просилъ Радонежскаго пѣть ее и слушалъ со вниманіемъ.

Однажды вечеромъ сидѣли въ своей камерѣ Добролюбовъ, Радонежскій и еще три студента. Не задолго передъ тѣмъ въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» былъ напечатанъ указъ, въ которомъ говорилось что-то о крѣпостныхъ. Какъ извѣстно, то было время напряженнаго ожиданія, когда въ народѣ ходили всевозможныя слухи.

Вѣсть объ «указѣ» быстро распространилась по городу и извозчики,

дворники, мастеровые—какъ о томъ рассказываетъ самъ Добролюбовъ въ своемъ дневникѣ—толпами бросились въ сенатъ, увѣряя, что въ сенатской лавкѣ «продаются вольныя». Многие извозчики оставили своихъ хозяевъ, рассчитавъ, что оброка платить болѣе не надо. Все это привело и Добролюбова въ напряженное состояніе. Вечеромъ въ компаніи Добролюбова зашелъ разговоръ объ этомъ мнимомъ сенатскомъ указѣ и о волненіи въ городѣ. Добролюбовъ читалъ что-то, сдвинувъ на лобъ очки. Является какой-то студентъ изъ барчуковъ, считавшій себя аристократомъ. Онъ въ свою очередь сталъ утверждать, что слухи объ освобожденіи крестьянъ имѣютъ основаніе, причемъ выражалъ крайнее неудовольствіе и опасеніе за свои будущія имѣнія. «Впрочемъ,—добавилъ онъ обращаясь къ товарищамъ,—для васъ все это не можетъ быть интересно, такъ какъ у васъ нѣтъ крестьянъ»—и онъ началъ затѣмъ тупо острить. Тогда, по словамъ Радонежскаго, Добролюбовъ, нѣкоторое время слушавшій молча, наконецъ не выдержалъ, поблѣднѣлъ, вскочилъ съ своего мѣста и голосомъ, какого никогда еще отъ него не слышали, закричалъ: «Господа, гоните этого подлеца вонъ. Вонъ, бездѣльникъ! Вонъ, безчестье нашей камеры!»

Самъ Добролюбовъ, сообщая тотъ же эпизодъ въ своемъ дневникѣ, передаетъ дѣло нѣсколько иначе: онъ сначала сказалъ этому барчуку, что между товарищами его навѣрное есть много людей, которымъ интересъ русскаго народа ближе къ сердцу, чѣмъ какой-нибудь чухонской свиньѣ. Задѣтый за живое, товарищъ отвѣтилъ на это, въ свою очередь, грубостью. Добролюбовъ отвѣтилъ ему и, наконецъ, сдѣлалъ движеніе, которое можно было истолковать, какъ намѣреніе прибить товарища, который, повидимому, послѣ этого струсилъ и отретировался. Насколько былъ строгъ Добролюбовъ къ самому себѣ, видно изъ того, что даже въ этомъ своемъ порывѣ негодованія онъ усмотрѣлъ у себя двѣ стороны—хорошую и дурную. Сначала онъ, по про словамъ, дѣйствовалъ вполне искренне, но его грозный жестъ былъ неискреннимъ, такъ какъ серьезнаго намѣренія побить товарища у него вовсе не было.

Такъ или иначе, но это событіе произошло въ началѣ 1857 года, за полгода до Давыдовской исторіи, которая заставила нѣкоторыхъ товарищей Добролюбова счесть его чуть-ли не ренегатомъ, отказавшимся отъ всѣхъ своихъ прежнихъ либеральныхъ убѣжденій.

Пора, однако, возвратиться къ семейнымъ обстоятельствамъ Добролюбова. Было уже сказано, что онъ на всякій случай обезпечилъ себя фиктивнымъ мѣстомъ учителя у князей Куракиныхъ. Вскорѣ, однако, ему удалось устроиться еще удобнѣе и этимъ окончательно освободиться отъ Давыдова. Инспекторъ второго кадетскаго корпуса, Г. Г. Даниловичъ, зачислилъ Добролюбова номинально служащимъ въ этомъ корпусѣ. Это дало Добролюбову полную возможность ѣхать въ Нижній къ роднымъ съ совершенно развязанными руками, тѣмъ болѣе, что, благодаря литературному заработку, и его матеріальное положеніе значительно улучшилось—ему не приходилось болѣе бѣгать такъ много по урокамъ для зарабатыванія ничтожныхъ грошей. Нѣкоторые уроки онъ, однако, оставилъ за собою и впоследствии.

Лѣто 1857 года Добролюбовъ провелъ въ Нижнемъ. Велика была радость родныхъ, давно его не видѣвшихъ. Тетки, особенно Фавста Ва-

силъевна, кормили его на убой, о чемъ онъ весьма комично рассказывалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Въ Нижнемъ онъ узналъ о планахъ замужества сестры Антонины, къ которой сватался его бывший учитель Костровъ; повидаль и другихъ сестеръ и братьевъ.

Возвратясь въ Петербургъ, Добролюбовъ предался всецѣло литературѣ. Въ ноябрѣ 1857 года Добролюбовъ писалъ теткѣ Фавстѣ Васильевнѣ о своихъ дѣлахъ. Здоровье его нерѣдко разстраивалось. Занятія его были, по его словамъ, хлопотливы, но зато явилась возможность зарабатывать гораздо больше прежняго. Добролюбовъ ждалъ лишь окончательной установки цифры своего заработка для того, чтобы взять къ себѣ въ Петербургъ брата Володю, который до того росъ у купца Мичурина. Слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на огромный успѣхъ «Современника», денежные дѣла этого журнала въ то время еще не окончательно установились. Во второй половинѣ года, въ кассѣ журнала былъ постоянный недостатокъ въ деньгахъ. По словамъ Чернышевскаго, приходилось занимать ихъ въ счетъ будущей подписки у Базунова, при магазинѣ котораго была московская контора «Современника». По возвращеніи Добролюбова изъ Нижняго, Некрасовъ объяснилъ ему это и сказалъ, что до новой подписки будетъ давать ему по 150 р. въ мѣсяць, а что будетъ дальше, это будетъ зависѣть отъ дальнѣйшей подписки. Впрочемъ, по свидѣтельству Чернышевскаго, раньше Некрасовъ давалъ иногда Добролюбову и больше 150 р., такъ что эту послѣднюю сумму Некрасовъ опредѣлилъ лишь какъ минимумъ.

Еще раньше того, Добролюбовъ отказался отъ своей доли отцовскаго наслѣдства, а когда лѣтомъ 1857 года, уѣзжая изъ Нижняго, взялъ у опекуна (дяди Василя Ивановича) 96 р. изъ опекунскихъ денегъ, то вскорѣ уплатилъ всю эту сумму по частямъ.

Дядя этотъ вообще относился очень хорошо къ Добролюбову. Онъ просилъ его даже не брать въ Петербургъ брата, чтобы не имѣть новыхъ заботъ, умолялъ также Добролюбова отказаться отъ корректуры—дядя вообразилъ, что Добролюбовъ сдѣланъ корректоромъ «Современника». На самомъ дѣлѣ Некрасовъ поручилъ Добролюбову часть редакторской корректуры, сдѣлавъ его однимъ изъ фактическихъ редакторовъ «Современника».

Зиму 1858 года Добролюбовъ провелъ плохо: здоровье его расшаталось отъ усиленнаго труда и въ апрѣлѣ онъ писалъ Златовратскому, «что вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ боленъ и хандрить».

Лѣтомъ Добролюбову стало лучше. Онъ провелъ это лѣто въ Старой Руссѣ. Въ августѣ онъ возобновляетъ между прочимъ, переписку съ однимъ изъ лучшихъ своихъ товарищей, малороссомъ Иваномъ Ивановичемъ Бордюговымъ, котораго Добролюбовъ специально избралъ повѣреннымъ по своимъ сердечнымъ дѣламъ. По этому поводу придется вернуться нѣсколько назадъ.

Въ первые годы своего пребыванія въ институтѣ Добролюбовъ совсѣмъ не помышлялъ ни о какихъ романахъ. Мало-по-малу, однако, возрастъ взялъ свое: молодая кровь заговорила въ немъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ вообразилъ себя суровымъ аскетомъ.

Еще въ 1857 году, какъ видно изъ дневника Добролюбова, онъ много разъ влюблялся то въ знакомыхъ барышень, то въ незнакомыхъ

актрисъ, поразившихъ его на сценѣ. Побывавъ однажды въ театрѣ на представленіи «Горя отъ ума», Добролюбовъ возвратился домой влюбленнымъ въ одну изъ актрисъ, такъ что даже охладѣлъ къ какой-то барышнѣ, къ которой до тѣхъ поръ былъ равнодушенъ. Но актрису вскорѣ вытѣснила изъ его сердца другая барышня... Ему приходила порою даже охота учиться танцовать—искусство, къ которому онъ былъ рѣшительно неспособенъ—и Добролюбовъ возмущался тѣмъ, что начинаетъ такимъ образомъ мириться съ общественными обычаями и глупостями. Вскорѣ послѣ того онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Бѣда, если теперь я встрѣчу хорошенькую дѣвушку, съ которой близко сойдуся—влюблюсь непременно и сойду съ ума на нѣкоторое время.—А я, дурачокъ, думалъ въ своей педагогической и метафизической отвлеченности, въ своей книжной сосредоточенности, что я уже «пережилъ свои желанья». Я думалъ, что выйду на поприще общественной дѣятельности чѣмъ-то въ родѣ Катона безстрастнаго или Зенона стойка».

Но жизнь взяла свое. Во время своего пребыванія въ Старой Руссѣ Добролюбовъ сблизился съ дѣвушкой доброй и честной, но совершенно необразованной и невоспитанной. Дѣвушка эта (нѣмка или шведка) известна изъ переписки Добролюбова подъ вымышленными инициалами В. З. Д. или просто В. Такъ и мы будемъ ее здѣсь называть.

По словамъ Чернышевскаго, дѣло это было «очень обыкновенное и притомъ такое, въ которомъ Добролюбовъ даже нисколько не былъ виноватъ, но онъ воображалъ его ужаснымъ, а себя виновникомъ его». Вскорѣ Добролюбовъ пишетъ о той же дѣвушкѣ Бордюгову, что В. теперь живетъ отдѣльно отъ него, что она довольно спокойна и безъ особыхъ затрудненій согласилась жить отдѣльно, хотя не перестаетъ упрекать его за это.

Въ сентябрѣ 1858 года у Добролюбова явилась новая забота: его давнишнее желаніе было исполнено и къ нему былъ привезенъ его девятилѣтній братъ Володя. Здѣсь я обращаюсь снова къ нѣкоторымъ воспоминаніямъ, сообщеннымъ мнѣ Владиміромъ Александровичемъ Добролюбовымъ.

Было замѣчено, что самое раннее воспоминаніе Володи о братѣ относилось еще къ 1854 году, когда былъ живъ ихъ отецъ. Затѣмъ, по словамъ Владиміра Александровича, образъ брата на время какъ-бы ступшевался изъ его памяти: онъ воскресаетъ вновь лишь съ 1858 года. Нѣкоторыя отрывочныя воспоминанія относятся впрочемъ и къ болѣе ранней эпохѣ, повидимому къ 1857 г., когда Добролюбовъ пріѣзжалъ въ Нижній. Я привожу рассказъ Владиміра Александровича его подлинными словами:

„Мой братъ прожилъ въ Нижнемъ недолго, рѣшивъ взять меня въ Петербургъ осенью, а отъѣздъ брата Ивана, который былъ моложе меня двумя годами и котораго обожала тетушка Фавста Васильевна Благообразова, у которой онъ воспитывался, отложилъ почти на полтора года. Не смотря на то, что онъ сталъ, по моему мнѣнію, большимъ, онъ остался такимъ-же тихимъ, спокойнымъ, добрымъ, какимъ и былъ, что меня крайне удивляло; но передъ отъѣздомъ его случилась у меня ссора съ младшимъ братомъ на котораго я замахнулся ножомъ передъ обѣдомъ, и наказаніе, придуманное мнѣ братомъ Николаемъ, перепутало все въ моей головѣ. Мой братъ взялъ у меня ножъ, затѣмъ вилку, отодвинулъ мой приборъ дальше отъ прибора брата Ивана, и сказалъ, чтобы мнѣ отнюдь не давали ничего остраго въ руки, кромѣ ложки, запирали-бы отъ меня все, чѣмъ я могъ-бы повредить не только Ванѣ, который моложе на 2 года, но и всѣмъ, живущимъ со мной. Мясо братъ нарѣзалъ самъ

и далъ мнѣ. Помню, что мнѣ было не до обѣда: спокойствіе брата, постигшее меня наказаніе, затронувшее мое самолюбіе, подѣйствовало на меня сильнѣе, чѣмъ лишеніе обѣда, запираніе въ чуланъ и даже если-бы меня высѣкли, такъ какъ голодъ, лишеніе свободы, физическая боль занимають исключительно вниманіе ребенка, который думаетъ о причиненномъ ему страданіи болѣе, чѣмъ о совершенномъ имъ, чѣмъ отнимается возможность сознать вину. Я созналъ что братъ Николай правъ, что я виноватъ и я былъ необычайно счастливъ, когда на другой день я сидѣлъ за столомъ и мнѣ были положены вилка и ножикъ. Этотъ случай произвелъ на меня впечатлѣніе на всю жизнь и я смотрѣлъ на брата Николая какъ на свою совѣсть, думая потомъ всегда, какъ онъ отнесется къ моему поступку.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, братъ жилъ на углу Бассейной и Литейной, во дворѣ, въ квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ и передней. Черезъ площадку лѣстницы, мы ходили къ И. И. Панаеву съ которымъ обѣдали, и къ Н. А. Некрасову. Въ нашей квартирѣ царила полная тишина. Единственное исключеніе составилъ для меня день майскаго парада, когда къ моему брату влетѣлъ рано утромъ офицеръ въ красивомъ мундирѣ, со шпорами, горячо его привѣтствовалъ, громко говорилъ, смѣялся. Говорили потомъ, что это былъ Всеволодъ Крестовскій. Чтобы я не мѣшалъ брату, А. Я. Панаева, (вышедшая замужъ потомъ за Головачова) присылала за мной и меня увозили къ ней.

Иногда я видѣлъ брата озабоченнымъ; онъ всегда въ такомъ состояніи куда-то уѣзжалъ, иногда долго не возвращался, но, по возвращеніи, опять былъ такимъ-же спокойнымъ какъ и всегда. Сколько я помню изъ разговоровъ у И. И. Панаева и Н. А. Некрасова, мой братъ ѣздилъ къ цензору. Благодаря убѣдительности брата, его такту, обаянію его личности и ума, мы читаемъ почти всѣ его статьи такими, какими они вышли изъ подъ его пера *).

Изъ дома Краевскаго мы переѣхали на Моховую улицу въ д. № 7 (въ 1859 г.) гдѣ у насъ было три комнаты. Я поступилъ въ гимназію. Знанія брата облегчили мое ученіе: на всѣ мои вопросы я получалъ самые ясные, обстоятельные отвѣты. Книги, брошюры, газеты на неизвѣстныхъ мнѣ языкахъ поражали меня разнообразіемъ. Братъ зналъ латинскій, старо-греческій, новогреческій, на которомъ онъ получалъ газету, кажется санскритскій, нѣмецкій, французскій.—хотя стѣснялся или не желалъ говорить на нихъ,—какъ я слышалъ потомъ, итальянскій языкъ и всѣ славянскія нарѣчія. Я слышалъ, что онъ изучалъ языкъ въ совершенствѣ въ теченіе не болѣе 3 мѣсяцевъ. Онъ обладалъ, сколько я могу судить, необыкновенной, исключительной памятью. Я видѣлъ его читающимъ, но никогда не видѣлъ книги на его письменномъ столѣ, когда онъ писалъ. Прочтенная книга ставилась въ шкафъ или возвращалась по принадлежности.

На этой квартирѣ осталось у меня въ памяти посѣщеніе какого-то молодого человѣка, говорившаго очень громко и заявившаго брату, что Бога нѣтъ, что меня поразило. Я не могу, конечно, привести разговоръ, но помню, что братъ, начавъ говорить, все болѣе и болѣе смущалъ посѣтителя и довелъ его наконецъ до того, что тотъ весь покраснѣлъ, сконфузился и имѣлъ такой видъ, что мнѣ стало его жалко, какъ наказаннаго слишкомъ строго“.

Эти воспоминанія слѣдуетъ дополнить свѣдѣніями, которыя мы находимъ въ перепискѣ Добролюбова и въ «Воспоминаніяхъ» Головачовой-Панаевой.

Нѣкоторыя письма Добролюбова позволяютъ судить о томъ, какъ заботился онъ о воспитаніи брата. Лишь на нѣсколько дней Добролюбовъ поселилъ брата у своей В., потому что у него самого на квартирѣ

*) Въ послѣдній годъ жизни Добролюбова, вслѣдствіе особаго стеченія условій, положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось, что будетъ ясно изъ разсказа о послѣдней болѣзни Добролюбова. (Прим. М. Филиппова).

было совсѣмъ не устроено. Добролюбовъ рѣшилъ заниматься съ мальчикомъ прежде всего, главнымъ образомъ, по естественной исторіи — въ этомъ сказалося настроеніе, ставшее потомъ еще болѣе сильнымъ у передовыхъ русскихъ писателей шестидесятыхъ годовъ. Добролюбовъ писалъ Бордюгову, какъ занимавшемуся естественными науками: «Сдѣлай милость, брось свою лѣнь, сядь сію минуту и отвѣть. Скажи мнѣ, какую-бы книжку употребить при этомъ. «Міръ Божій», по моему ни къ чорту не годится. «Дараганъ» не лучше-ли? А то хотя и французскую или нѣмецкую книжку укажи, я буду переводить ему вслухъ. Не забудь при назначеніи книжки одного условія: нужно, чтобы она была съ рисунками, которые бы подошли хоть немножко на тѣ предметы, какіе ими изображаются. А то у меня недавно была въ рукахъ книжка, въ которой заяцъ ужасно похожъ на тигра, а корова на бегемота. По моему, подобное сближеніе вовсе не нужно для дѣтей, начинающихъ учиться».

Изъ переписки Добролюбова съ мужемъ его сестры Антонины, Костровымъ, видно, что Добролюбовъ былъ не особенно доволенъ временнымъ проживаніемъ Володи (послѣ Мичурина) у сестры: Добролюбовъ находилъ, что мальчика слишкомъ много учили катехизису, вмѣсто русской исторіи и языковъ нѣмецкаго и французскаго, и что даже физическій уходъ былъ плохъ. Въ ноябрѣ 1858 года Добролюбовъ снова пишетъ Бордюгову, который передъ тѣмъ пріѣзжалъ въ Петербургъ лѣчиться, и опять говоритъ ему о своихъ отношеніяхъ къ той же В. По словамъ Добролюбова она поручила ему отъ ея лица поцѣловать Бордюгова и объяснила, что у него «характеръ болѣе понятливый», чѣмъ у Добролюбова. По словамъ Чернышевскаго, Добролюбовъ имѣлъ сначала твердое намѣреніе жениться на В., но намѣреніе это Чернышевскій признавалъ безразсуднымъ. Правда, В. была дѣвушка вполне честная; но во всякомъ случаѣ изъ брака между нею и Добролюбовымъ едва-ли могло-бы выйти что-либо путное. Она не умѣла, по словамъ Чернышевскаго, «держаться такъ, какъ приличная горничная». Въ концѣ концовъ самъ Добролюбовъ понялъ, что жениться на ней значило-бы убить и себя и ее. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшилъ прекратить связь съ ней; однако до самой смерти поддерживалъ ее матеріально. Черезъ нѣсколько времени она уѣхала изъ Петербурга, чтобы научиться какому-нибудь ремеслу. Впослѣдствіи, уѣзжая за-границу, Добролюбовъ «поручилъ одному солидному человѣку высылать ей денегъ, сколько понадобится для безбѣдной жизни». По смерти Добролюбова, деньги высылались ей еще нѣкоторое время изъ кассы «Современника». Мало-по-малу она и сама научилась добывать себѣ кусокъ хлѣба, а когда она пріѣхала на время въ Петербургъ, друзья Добролюбова руководили ею и оказывали ей помощь изъ уваженія къ его памяти.

Между тѣмъ редакторская роль, которая была теперь отведена Добролюбову въ «Современникѣ», еще болѣе погрузила его въ литературныя занятія. На этотъ разъ мы обратимся къ воспоминаніямъ Головачовой, какъ наиболѣе полно характеризующимъ литературныя отношенія Добролюбова. Показанія ея о квартирѣ Добролюбова, впрочемъ, не точны.

11 августа 1858 года Добролюбовъ переѣхалъ въ домъ Краевскаго, на углу Бассейной и Литейной — (бывшій домъ Норова) — и поселился подлѣ Некрасова, — черезъ площадку съ нимъ и съ Панаевыми. Дѣло устроилось

по увѣренію Головачовой, такъ: Некрасовъ принанялъ къ общей квартирѣ, которую онъ занималъ вмѣстѣ съ Панаевыми, двѣ комнаты для Добролюбова и велѣлъ пробить дверь(?), чтобы Добролюбовъ могъ имѣть теплое сообщеніе съ редакціей. При квартирѣ Добролюбова была кухня съ особымъ выходомъ.

Когда Панаевы вернулись съ дачи, Добролюбовъ встрѣтилъ ихъ словами: «Вотъ и я попалъ на литературное подворье». Головачева-Панаева замѣтила, что опасается какъ бы занятіямъ Добролюбова не помѣшалъ шумъ въ сосѣдней (?) людской. Онъ возразилъ на это, что въ меблированныхъ комнатахъ было бы еще хуже, да, кромѣ того, тамъ можно испортить себѣ желудокъ Богъ знаетъ откуда принесенными обѣдами.

По утрамъ Добролюбовъ пилъ чай у Панаевыхъ: приходилъ онъ къ чаю иногда совсѣмъ не лежа спать, т. е. проработавъ всю ночь.

Головачова, вообще относившаяся очень заботливо къ Добролюбову, съ трудомъ настояла на томъ, чтобы Добролюбовъ послѣ ѣды отдыхалъ съ полчаса. Когда ей удалось добиться этого, то къ чаю стали являться и Чернышевскій нарочно для того, чтобы, пользуясь свободнымъ временемъ, поговорить съ Добролюбовымъ. Отношенія между Добролюбовымъ и Чернышевскимъ, по словамъ Головачовой, были такія, какихъ она потомъ ни прежде, ни послѣ не встрѣчала. Хотя Чернышевскій былъ на восемь лѣтъ старше Добролюбова, а на видъ казался и еще старше, но держалъ себя съ Добролюбовымъ вполне какъ товарищъ: оба они никогда не рисовались своими чувствами, но трудно было бы найти болѣе близкихъ друзей. Замѣчательно, что по тону большинства писемъ Добролюбова къ Чернышевскому вовсе нельзя было бы судить о характерѣ ихъ взаимныхъ отношеній. Въ этихъ письмахъ нѣтъ тѣхъ дружескихъ изліяній, какія мы находимъ, напр., въ перепискѣ между Добролюбовымъ и Бордюговымъ. Но во всѣхъ серьезныхъ обстоятельствахъ жизни, вездѣ, гдѣ рѣчь шла объ общественныхъ интересахъ и идейной общности, два друга дѣйствовали какъ одинъ человекъ, а когда Добролюбовъ умеръ, Чернышевскій отнесся съ любовью къ каждой написанной имъ строкѣ и взялъ на себя заботы относительно оставшихся послѣ Добролюбова рукописей и писемъ.

Когда Добролюбовъ выписалъ къ себѣ брата Владиміра, онъ, по словамъ Головачовой, обратился къ ней съ просьбою помочь ему въ заботахъ о братѣ. Головачова, заботившаяся уже о гигиеническомъ образѣ жизни самого Добролюбова, охотно взялась ему помочь въ дѣлѣ физическаго воспитанія брата. Вмѣстѣ съ тѣмъ она просила Добролюбова беречь самого себя и не запрягать себя въ каторжную работу. «Иначе нельзя вести журнальное дѣло, если имъ добросовѣстно не заниматься», возразилъ Добролюбовъ.

Въ занятіяхъ съ братомъ Добролюбовъ обнаруживалъ такое же рвеніе и такую же добросовѣстность, какъ и въ журнальной работѣ. Головачова должна была иногда сдерживать его пылъ, такъ какъ братъ его былъ мальчикъ нервный, да и самому Добролюбову вредили слишкомъ продолжительныя прибавки къ литературнымъ занятіямъ.

Почти въ то самое время, когда Добролюбовъ устраивался съ братомъ, ему пришлось вынести одну изъ непріятныхъ исторій, связанныхъ съ описанной уже давыдовской сплетней. Одинъ изъ лучшихъ институтскихъ друзей Добролюбова, Шемановскій, получившій мѣсто учителя Ковенской гимназіи, въ свою очередь подвергся «либеральной» клеветѣ

со стороны лицъ, упрекавшихъ его въ томъ, что онъ будто бы благодарилъ за что-то какого-то негодяя и поклонился ему. Узнавъ объ этомъ эпизодѣ съ пріятелемъ, Добролюбовъ пишетъ ему въ крайне мрачномъ настроеніи духа. Онъ начинаетъ упрекать и себя и все свое поколѣніе въ «вялости, дряхлости и трусости». «Бывшіе до насъ люди», говоритъ онъ, — «вступившіе въ разладъ съ обществомъ, обыкновенно спивались съ кругомъ, а иногда попадали на Кавказъ, въ Сибирь, въ іезуиты вступали или застрѣливались. Мы, кажется, и этого не въ состояніи сдѣлать. Полное нравственное разслабленіе, отвращеніе отъ борьбы»... Съ горечью замѣчаетъ Добролюбовъ: «На тебя воздвиглось негодование въ родѣ того, какъ на меня за то, что я валялся въ ногахъ у Давыдова... Мнѣ странно и жалко всегда смотрѣть на людей, которые ни на какой степени сближенія не могутъ найти въ душѣ своей достаточно довѣрія къ человѣку. Имъ все нужно казаться хорошимъ, нужно употреблять условныя учтивости и приличія, нужно танцовать на фразѣхъ». — Затѣмъ Добролюбовъ сообщаетъ новую воздвигнутую противъ него клевету. Дѣло было такимъ образомъ.

Еще въ сентябрьской книжкѣ «Современника» 1857 года Добролюбовъ написалъ подъ псевдонимомъ Н. Турчинова статью: „Взглядъ на современное состояніе Остѣ-Индіи. Статья была написана по поводу начавшагося въ маѣ того года возстанія сипаевъ. Здѣсь утверждается, между прочимъ, что въ общественномъ мнѣніи Англіи уже обнаруживается теченіе, направленное противъ эксплуатаціи Индіи, указывается также на безпощадность разоблаченій всякихъ общественныхъ и правительственныхъ недостатковъ и замѣчено, что въ этой гласности и состоитъ настоящая сила Англіи. Въ августѣ того-же года въ «Современникѣ» появилась повѣсть Добролюбова «Доносъ», за подписью Александровичъ, а въ майской книжкѣ 1858 года другая повѣсть «Дѣлецъ», за тою же подписью.

Обѣ эти повѣсти были написаны въ обычномъ въ то время обличительномъ духѣ и прогрессивная часть читающей публики была въ восторгѣ. Но какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, здѣсь оправдалась пословица, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. Добролюбовъ былъ признанъ всѣми прогрессивными людьми, исключая — нѣкоторыхъ изъ своихъ институтскихъ товарищей. Изъ нихъ одинъ написалъ двумъ другимъ, что Добролюбовъ будто-бы сталъ водить дружбу съ генералами, съ барономъ Корфомъ и другими, и, поддѣлываясь подъ ихъ тонъ, сталъ сочинять статьи, въ которыхъ будто бы ругаетъ Герцена. И это писалось о томъ самомъ Добролюбовѣ, который, какъ мы знаемъ, долженъ былъ отстаивать Герцена даже передъ Чернышевскимъ. Распространители этой новой сплетни утверждали, что, для вящаго позора, Добролюбовъ подписывается подъ своими будто бы либеральными статьями фамиліями своихъ товарищей, въ числѣ которыхъ одинъ былъ дѣйствительно Александровичъ, и хотя не было никакого Турчинова, но былъ зато Турчаниновъ. Весьма возможно, что псевдонимъ Турчинова былъ составленъ Добролюбовымъ, сознательно или безсознательно, по созвучію съ именемъ товарища. Что же касается псевдонима Александровичъ, то сплетники забыли о томъ простомъ соображеніи, что самъ Добролюбовъ назывался Николаемъ Александровичемъ, такъ что онъ просто воспользовался своимъ собственнымъ отчествомъ. Но наиболѣе существенное въ этомъ вопросѣ было, конечно, то,

что самыя статьи не давали ни малѣйшаго повода къ обвиненію, такъ какъ были написаны въ томъ же гуманно-прогрессивномъ духѣ, какой характеризуетъ всѣ произведенія Добролюбова, главною отличительною чертою которыхъ является именно гуманность, уваженіе къ человѣческому достоинству. О томъ, какъ составляли себѣ мнѣніе о Добролюбовѣ, можно судить изъ слѣдующаго: Турчаниновъ, получивъ письмо съ сообщеніемъ сплетни, но не имѣя подъ руками «Современника», обратился къ Михалевскому. Тотъ, не читавъ статьи, обратился къ Спиборскому, а послѣдній къ другому товарищу Михайловскому, который и передалъ все Добролюбову; но пока обо всемъ узналъ Добролюбовъ, сплетня уже успѣла достаточно распространиться.

Въ декабрѣ 1858 года Добролюбовъ снова изливаетъ свою душу передъ пріятелемъ Бордюговымъ и говоритъ объ отношеніяхъ къ В., которыя приняли, по его словамъ, «похоронно-унылый характеръ». Добролюбовъ понималъ, что собственно никогда не любилъ этой дѣвушки, что онъ былъ просто увлеченъ жалостью, которую принялъ за любовь. «Нельзя», говоритъ онъ, «любить женщину, надъ которой чувствуешь свое превосходство во всѣхъ отношеніяхъ». Добролюбовъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы продолжать связь съ этой дѣвушкой на чисто чувственныхъ основаніяхъ. Онъ объявилъ ей о своемъ безповоротномъ рѣшеніи разойтись съ нею: но это стоило ему тяжелой борьбы. «Если бы ты видѣлъ», пишетъ онъ Бордюгову, «какъ горько, какъ безумно плакалъ я, объявляя В. о своемъ рѣшеніи».

И, какъ всегда, Добролюбовъ начинаетъ анализировать свои чувства и бичевать самого себя. «О чемъ были эти слезы»?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «всего скорѣе это былъ плачъ обиднаго сознанія въ прошломъ обманѣ самого себя, плачъ о томъ, что такъ долго не умѣлъ понять своей души и въ своей ничтожности довольствовался такимъ мизернымъ чувствованьемъ, принимая его даже за святое чувство любви». Трудно привести лучшее доказательство того, что Добролюбовъ, даже во всѣхъ своихъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, оставался натурою глубокою и любящею, и что отъ своихъ ошибокъ всегда болѣе всего страдалъ онъ самъ.

Подъ вліяніемъ разрыва съ В., Добролюбова охватила жажда любви и женской ласки. Но онъ былъ особенно несчастливъ въ любви и имѣлъ мало успѣха по своей застѣнчивости. Мрачное настроеніе, охватившее Добролюбова, объясняетъ одну вырвавшуюся у него въ то время фразу: онъ, жившій исключительно для литературы, дошелъ до того, что работа стала ему на время тяжела и отвратительна, и Добролюбовъ пишетъ слѣдующія жестокія по отношенію къ самому себѣ строки: „Если бы не нужда въ деньгахъ, не взялся бы за перо. Разрѣши послѣ этого нравственную разницу между мною и дѣвцами, продающими свои прелести?»

Конечно, это было лишь мимолетное настроеніе. Правда, еще въ январѣ 1859 года Добролюбовъ удивлялся своей способности писать остроумныя статейки для «Современника», въ то время, когда у самого кошки скребли на сердцѣ; но вскорѣ онъ совершенно погрузился въ журналистику. Къ тому же, въ это время у Добролюбова явились новыя увлеченія.

Было время, когда онъ чуть не влюбился въ жену своего лучшаго друга, Чернышевскаго. Знавшіе г-жу Чернышевскую утверждаютъ, что она была вообще дама, легко влюблявшая въ себя многихъ. Она вела

свѣтскій образъ жизни: несмотря на необычайную умѣренность самого Чернышевскаго, несклоннаго ни къ какимъ свѣтскимъ развлеченіямъ, домъ Чернышевскихъ былъ одинъ изъ самыхъ открытыхъ въ Петербургѣ и посѣщался самыми разнообразными людьми, начиная съ литераторовъ и кончая гвардейскими офицерами, одинъ изъ которыхъ былъ даже впоследствии министромъ, а въ то время принадлежалъ къ числу горячихъ поклонниковъ литературнаго таланта Чернышевскаго. Офицера эти, заодно съ Панаевымъ, хотѣли немного отшлифовать Добролюбова, т. е. превратить его въ свѣтскаго человѣка. Панаевъ повезъ однажды Добролюбова въ маскарадъ (въ то время даже очень серьезные литераторы не пренебрегали маскарадными интригами),—но попытки навязать Добролюбова маскамъ оказались неудачными и онъ бродилъ одинъ, сумраченъ и одинокъ. Встрѣтился офицеръ, котораго Добролюбовъ не разъ видѣлъ у Чернышевскихъ; онъ также попытался напустить на Добролюбова знакомую маску, но та, взглянувъ на Добролюбова, отвѣтила какою-то дерзостью.

Относительно г-жи Чернышевской самъ Добролюбовъ очень скоро обуздалъ себя. Онъ твердо рѣшилъ, что «это будетъ уже слишкомъ». Въ свою очередь Чернышевская, кокетничавъ съ Добролюбовымъ, рѣшила, что самое лучшее это выдать за него свою сестру; но та и слышать объ этомъ не хотѣла, отдѣлываясь шутками. Въ мартѣ 1859 года Добролюбовъ писалъ еще своему всегдашнему повѣренному въ сердечныхъ дѣлахъ, Бордюгову, о Чернышевской: «Нѣсколько прогулокъ вдвоемъ по Невскому, между двумя и пятью часами, нѣсколько бесѣдъ съ нею въ домѣ, двѣ-три поѣздки въ театръ и наконецъ два-три катанья на тройкѣ за городъ въ небольшомъ обществѣ совершенно помutilи меня. Я знаю, что тутъ ничего нельзя добиться, потому что ни одинъ разговоръ не обходится безъ того, чтобы она не сказала, что хотя человѣкъ я и хорошій, но ужъ слишкомъ неуклюжъ и почти что противенъ. Я понимаю, что и не долженъ ничего добиваться, потому что Николай Гавриловичъ, все же таки, мнѣ дороже ея. Но въ то же время я не имѣю силъ отстать отъ нея». Между тѣмъ, кокетство г-жи Чернышевской было очень тонко: она повѣряла Добролюбову всѣ свои тайны, объясняя это тѣмъ, что «собственно не считаетъ его за мужчину». Добролюбовъ былъ увѣренъ, что эти ея слова вполне искренни: впрочемъ, и Чернышевскій, какъ тогда, такъ и впоследствии раздѣлялъ эту увѣренность. Чернышевскому и въ голову не приходило ревновать жену, а послѣ смерти Добролюбова онъ писалъ, что жена его «любила Добролюбова, какъ брата, и безъ слезъ никогда не могла вспомнить о немъ». Все это вполне вѣроятно и возможно; но, читая письмо Добролюбова къ Бордюгову, встрѣтивъ его отчаянный вопросъ: «неужели я баба»? трудно отрѣшиться отъ мысли, что г-жа Чернышевская, при всей своей добротѣ и любви къ Добролюбову, поступала съ нимъ тогда не совсѣмъ хорошо въ томъ смыслѣ, что злоупотребляла его застѣнчивостью и наивностью въ сердечныхъ дѣлахъ. Наивность эта въ особенности обнаружилась нѣсколько времени спустя, когда Добролюбовъ сталъ ухаживать за сестрою г-жи Чернышевской, А. С. Онъ, который въ отншеніяхъ съ женщинами велъ себя какъ шестнадцатилѣтній юноша, такъ какъ отличался дѣтски чистою душою, вдругъ вообразилъ себя лермонтовскимъ Печоринымъ и серьезно думалъ, что можетъ по желанію увлечь А. С., тогда какъ на самомъ дѣлѣ она играла его чувствомъ. «Теперь я

только догадываюсь, писалъ Добролюбовъ, — что могу заставить ее полюбить себя». На самомъ дѣлѣ, какъ замѣтилъ о немъ уже Чернышевскій, Добролюбовъ, анализируя свое чувство, увлекся вычитанными изъ романовъ тонкостями игры самолюбія въ мужчинахъ, привыкшихъ къ побѣдамъ, тогда какъ онъ любилъ А. С. «простымъ беззавѣтнымъ чувствомъ благороднаго юноши». Изъ отдѣльныхъ выраженій Добролюбова вѣрность утвержденія Чернышевскаго становится очевидною. «Недавно мнѣ показалось, — пишетъ Добролюбовъ, — что въ обращеніи А. С. со мной проглянула какая-то нѣжность, какъ будто начало возникающей любви. Это было для меня такъ ново и такъ пріятно, что я не могъ не обратить своего вниманія на чувство, возбужденное во мнѣ этимъ случаемъ». Развѣ такъ пишутъ лермонтовскіе герои? А между тѣмъ, чего только не взводитъ на себя Добролюбовъ! Онъ увѣряетъ, что его чувство было не болѣе, какъ пріятнымъ щекотаніемъ самолюбія и что вся любовь пропадетъ въ немъ самомъ, если только онъ узнаетъ, что А. С. любитъ его. Теперь онъ сомнѣвается, а потому и привязанъ къ ней. И тутъ же онъ добавляетъ, что еслибъ А. С. могла держать его всю жизнь въ подобномъ пріятномъ колебаніи, онъ тотчасъ бы женился на ней. Ошибочность этого самоанализа очевидна. Совершенно правъ былъ Чернышевскій, утверждая, что стоило бы А. С. сказать слово, и Добролюбовъ женился бы на ней, даже не завтра, а въ тотъ же день. Только въ своей фантазіи онъ былъ эгоистомъ и повторялъ лермонтовскіе стихи: «пускай она поплачетъ, ей ничего не значитъ». Даже впоследствии, когда, дѣйствительно, любовь Добролюбова къ А. С. прошла, онъ сохранилъ къ ней навсегда чувство особой нѣжности. Романъ его съ А. С. окончился, какъ и слѣдовало ожидать: предложеніе Добролюбова, переданное А. С. черезъ г-жу Чернышевскую, было отвергнуто наотрѣзъ. Добролюбовъ напрасно повторялъ это предложеніе нѣсколько разъ.

Вскорѣ послѣ отправки перваго письма Бордюгову, Добролюбовъ сообщилъ пріятелю слѣдующій эпизодъ. Онъ обѣщаль быть у Чернышевскихъ въ 6 часовъ, но обѣдалъ въ этотъ день не дома и замѣшкался. Придя домой, Добролюбовъ нашель у себя на столѣ конфетку въ видѣ сердца, изъ котораго торчитъ пламя, обернутую въ записку такого содержанія: «Я васъ жду, Добролюбовъ, уже половина седьмого, а васъ нѣтъ. Если можно придите. Цѣлую васъ». Записка была отъ А. С., внизу была приписка: «Скорѣе, скорѣе, скорѣе», и еще ниже другая: «посылаю вамъ сердце съ пламенемъ». Въ первую минуту Добролюбовъ, можетъ быть, и былъ восхищенъ, но тотчасъ понялъ, что это скорѣе шутка, чѣмъ любовное посланіе. «Я увидѣлъ, — писалъ онъ Бордюгову, — что комедія, разыгрываемая надо мною, грозитъ оставить меня въ круглыхъ дуракахъ, и не пошелъ. Вчера также не ходилъ къ нимъ и сегодня не собираюсь». Но онъ сознавался другу, что если его постараются привлечь дальнѣйшими знаками вниманія, то онъ погибъ. «Ясно, — писалъ онъ, что судьба моя зависитъ теперь не отъ меня». Онъ просилъ товарища похитить его въ Харьковъ, хотя бы противъ воли, чтобы удалить отъ обольстительныхъ ручекъ, пишущихъ такіа записки.

Романъ этотъ окончился очень скоро. Черезъ нѣкоторое время, А. С. прислала другую записку, еще нѣжнѣе прежней — и такъ далѣе, прогрессивно. Все это была съ ея стороны не болѣе, какъ неумѣстная шутка.

Ни малѣйшаго чувства къ Добролюбову она не питала: она была уже въ то время невѣстой другого. Между тѣмъ какіе-то московскіе сплетники успѣли распространить новую гнусную сплетню на Добролюбова, о которой онъ съ негодованіемъ сообщалъ все тому же Бордюгову. Увѣряли, что будто Добролюбовъ хочетъ жениться на сестрѣ г-жи Чернышевской для прикрытія интриги, сведенной имъ будто-бы съ самою г-жею Чернышевскою. Добролюбовъ немедленно явился къ Чернышевскому и самъ сообщилъ ему объ этой гнусной сплетнѣ. Чернышевскій просто разсмѣялся и сказалъ: «Полно, Николай Александровичъ, всѣ эти глупости не заслуживаютъ никакого вниманія». Чернышевскій передалъ все женѣ, которая въ свою очередь со смѣхомъ стала при мужѣ говорить Добролюбову, что на такія сплетни просто не стоитъ обращать вниманія. Но Добролюбовъ не могъ успокоиться и ради этого отказался даже жить на дачѣ въ Старой Руссѣ. «Никогда ни одной нечистой мысли не приходило мнѣ въ голову относительно этого семейства,—писалъ онъ Бордюгову,—а тутъ вонъ что говорятъ. Непріятно всего болѣе то, что я опять себя чувствую какъ бы одинокимъ».

Чернышевскій вскорѣ послѣ этого уѣхалъ на время за границу. А. С. уѣхала еще въ іюль въ родной городъ и вскорѣ вышла замужъ за жениха, познакомившагося съ ней въ Петербургѣ и уѣхавшаго на службу въ тотъ городъ. У Добролюбова остался только ея портретъ; онъ нерѣдко любовался имъ и писалъ: «чувствую, что влюбляюсь наконецъ». «Еще любви безумно сердце просить», писалъ онъ въ сентябрѣ Бордюгову...

IV.

Основаніе „Свистка“.—Цензурныя непріятности для „Современника“.—Отношенія Тургенева къ „Современнику“.—Разрывъ Тургенева съ „Современникомъ“.—Новый романическій эпизодъ.—Поѣздка Добролюбова за границу.—Его послѣдняя любовь.—Развитіе болѣзни.—Послѣдніе дни жизни Добролюбова.—Его смерть.

Съ октября 1858 года при «Современникѣ» сталъ издаваться сатирическій листокъ подъ названіемъ «Свистокъ», въ которомъ главнымъ и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ былъ Добролюбовъ, писавшій здѣсь подъ псевдонимами Конрада Лиліеншвагера, Аполлона Капелькина, Д. Свиристелева и Якова Хама. Если уже до того Добролюбовъ имѣлъ не мало враговъ, особенно среди своихъ бывшихъ институтскихъ пріятелей, то неудивительно, что со времени изданія «Свистка» у него во множествѣ явились враги въ литературномъ мірѣ. Многія бездарности и пошлости были задѣты его остроумной сатирой, въ которой одинаково доставалось и представителямъ крѣпостничества и славянофиламъ и, наконецъ, нѣкоторымъ грошовымъ либераламъ. Органъ тогдашняго умѣреннаго либерализма «Московскія Вѣдомости», издававшіяся въ то время В. Коршемъ, порицали «Свистокъ», не говоря уже о консерваторахъ разныхъ оттѣнковъ. Добролюбовъ, по словамъ Чернышевскаго, не ждалъ болѣе ничего отъ той неопредѣленной, вялой и подобострастной обличительной публицистики, какая нашла себѣ пріютъ въ разныхъ органахъ умѣреннаго и аккуратнаго либерализма. Онъ смѣялся надъ разными, въ дѣйствительности смѣшными, протестами, въ родѣ бури, поднявшейся противъ «Иллюстраціи».

а его, въ свою очередь, обвиняли въ томъ, что онъ, будто бы, врагъ прогресса и гласности. Отвѣчать на такія обвиненія серьезнымъ негодующимъ тономъ было невозможно: ихъ можно было только осмѣивать, что и сдѣлалъ Добролюбовъ съ большимъ успѣхомъ.

По словамъ Головачовой-Панаевой, самая мысль объ изданіи «Свистка» принадлежала Добролюбову. Сочинялся «Свистокъ» всегда послѣ обѣда, за чашкою кофе. Добролюбовъ, Панаевъ и Некрасовъ импровизировали тутъ стихотворенія. Участіе въ «Свисткѣ» принималъ и извѣстный поэтъ, переводчикъ Беранже, Курочкинъ. Вскорѣ послѣ появленія перваго № «Свистка», противъ «Современника» поднялась буря. На замѣчаніе Головачовой, что ихъ самихъ теперь освистали, Добролюбовъ отвѣтилъ ей: «А мы еще громче будемъ свистать. Эта руготня только подзадоритъ насъ, какъ жаворонковъ въ клѣткѣ, когда начинаютъ, во время ихъ пѣнія, стучать ножомъ о тарелку. «Свистокъ» сдѣлаетъ свое дѣло, осмѣетъ все прошлое, что лишутъ бездарные поэты. Seriously разбирать эту глубокомысленную пошлость не стоитъ, за что утруждать бѣднаго читателя? А «Свистокъ» онъ прочтетъ легко и посмѣется».

Въ 1859 году лѣтомъ Добролюбовъ снова поѣхалъ, по совѣту доктора, на шесть недѣль въ Старую Руссу, но вернулся раньше срока. Лѣченіе, по его словамъ, не принесло ему никакой пользы, а, между тѣмъ, за время его отсутствія была помѣщена одна статья, по его мнѣнію, противорѣчившая духу журнала. Мы знаемъ, впрочемъ, что Добролюбовъ возвратился такъ скоро въ Петербургъ частью по причинѣ своихъ отношеній къ семьѣ Чернышевскихъ. Къ тому же Некрасовъ уѣхалъ въ Ярославскую губернію на охоту, а Панаевъ жилъ на дачѣ и въ городъ не заглядывалъ, такъ что весь матеріалъ для августовской книжки «Современника» за 1859 годъ Добролюбовъ долженъ былъ заготовить самъ. Такимъ образомъ въ іюль Добролюбовъ всецѣло погрузился въ редакторскую дѣятельность. Онъ усиленно просилъ друзей писать ему побольше о «Современникѣ», откровенно указывать на недостатки, сообщать о впечатлѣніяхъ. «Современникъ» все болѣе становился для Добролюбова «настоящимъ, кровнымъ дѣломъ», какъ онъ самъ выразился въ письмѣ къ Бордюгову. На заявленіе одного изъ друзей, Шемановскаго (избравшаго учительскую дѣятельность и крайне тиготившагося ею), что по внѣшнимъ условіямъ честная дѣятельность невозможна, Добролюбовъ отвѣтилъ горячимъ протестомъ. «Вотъ что значитъ, — писалъ онъ, — любить добро и даже честную дѣятельность по принципу, а не по влеченію природы». «Наша дѣятельность, — писалъ онъ далѣе, должна состоять прежде всего во внутренней работѣ надъ собою, которая довела бы насъ до того, чтобы всякое зло не по велѣнію свыше и не по принципу только отвергалось нами, но сдѣлалось противнымъ, невыносимымъ нашей натурѣ. Тогда честная дѣятельность сама собою создается. Мы можемъ потерять внѣшнюю возможность для такой дѣятельности: въ такомъ случаѣ мы умремъ. Но мы умремъ всетаки не даромъ».

Цензурныя непріятности, и раньше того преслѣдовавшія «Современникъ», разумѣется еще усилились съ появленіемъ «Свистка», что было слѣдствіемъ столько же строгости самой цензуры, сколько обилія литературныхъ интригъ.

Въ сентябрѣ 1859 года Добролюбовъ писалъ Бордюгову о цѣломъ рядѣ цензурныхъ запрещеній. Было запрещено писать дурно про Наполеона III и на этомъ основаніи была задержана статья, приготовленная для сентябрьской книжки «Современника». Пострадали многія статьи, въ которыхъ шла рѣчь о крѣпостномъ правѣ. Въ августовской книжкѣ «Современника» Добролюбовъ помѣстилъ новую статью о Главномъ педагогическомъ институтѣ по поводу его закрытія. Статья эта была очень замѣчена и причинила не мало хлопотъ. Перемѣнили пропустившаго ее цензора, хотѣли задержать книжку и почти каждую статью разсматривали въ цѣломъ цензурномъ комитетѣ. Былъ запрещенъ, наконецъ, цѣлый романъ въ 11 печатныхъ листовъ ¹⁾.

Запрещали писать не только о губернаторахъ и о Наполеонѣ третьемъ, но даже о Кокоревѣ и объ откупахъ. Половина октябрьской книжки «Современника» погибла: въ томъ числѣ было запрещено даже стихотвореніе Полонскаго, гдѣ говорилось о сынѣ Наполеона. «Только энергія Некрасова,— писалъ Добролюбовъ,— да совершенная невозможность Чернышевскому написать безцвѣтную пошлость, даетъ надежду на то, что «Современникъ» выдержитъ до конца года свое направленіе».

Помимо цензурныхъ столкновеній, было не мало хлопотъ и съ авторами рукописей, особенно съ новичками. Добролюбовъ былъ необыкновенно добросовѣстнымъ редакторомъ. Никогда онъ не заставлялъ автора прійти за отвѣтомъ вторично, но всегда прочитывалъ въ обѣщанный срокъ, и читалъ внимательно, не обращая вниманія на то, имѣетъ ли дѣло съ извѣстнымъ или съ начинающимъ литераторомъ. Начинающимъ онъ охотно давалъ совѣты и относился къ нимъ всегда гуманно и привѣтливо.

Добролюбовъ вообще терпѣть не могъ генеральства въ литературѣ. Въ тѣ времена главнымъ литературнымъ генераломъ былъ Тургеневъ, достигшій вершины своей славы. Познакомившись у Панаевыхъ съ Добролюбовымъ, Тургеневъ на первыхъ порахъ относился къ молодому критику свысока.

У Тургенева каждую недѣлю бывали литературные обѣды. Разъ, придя въ редакцію «Современника», онъ пригласилъ бывшихъ тутъ Панаева,

¹⁾ Романъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ написанъ отцомъ автора настоящаго біографическаго очерка, покойнымъ М. А. Филиповымъ. Стецьмой былъ ровесникомъ Чернышевскаго и товарищемъ его по университету, а въ то время жилъ въ Одессѣ, гдѣ состоялъ на службѣ, въ комитетѣ объ иностранныхъ поселенцахъ. Служба эта доставляла ему не мало случаевъ ознакомленія съ дореформенной администраціей и плодомъ его наблюденій былъ сатирическій романъ „Полиціймейстеръ Бубеньчиковъ“, отправленный имъ Чернышевскому въ Современникъ. Некрасовъ очень дорожилъ этимъ романомъ и поэтому, узнавъ отъ Добролюбова объ запрещеніи, началъ вмѣстѣ съ нимъ хлопоты въ цензурномъ вѣдомствѣ, лишь на половину увѣнчавшіяся успѣхомъ. Удалось отстоять этотъ романъ, поступившись цѣлой третью текста: цензурный комитетъ потребовалъ выбросить изъ романа всѣхъ лицъ выше извѣстнаго ранга и всѣ самыя сильныя мѣста. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное этимъ романомъ въ провинціи, было довольно значительное: между прочимъ, одинъ исправникъ хотѣлъ вызвать моего отца на дуэль, увѣряя, что именно его изобразили, тогда какъ мой отецъ никогда не видѣлъ этого исправника въ глаза и даже не зналъ до тѣхъ поръ о его существованіи.

Некрасова и нѣсколькихъ старыхъ литераторовъ, а затѣмъ, обратившись къ Добролюбову, сказалъ: «Приходите и вы, молодой человѣкъ». Добролюбовъ ничего не отвѣтилъ и только улыбнулся. Конечно онъ не пришелъ. Тургеневу кто-то намекнулъ, что Добролюбовъ, вѣроятно, недоволенъ тономъ приглашенія. Тотъ сталъ относиться къ Добролюбову внимательнѣе и началъ заводить съ нимъ разговоры. Между тѣмъ литературная извѣстность Добролюбова быстро росла. Въ 1859 году онъ былъ уже авторомъ статьи «Темное царство». Появившаяся въ началѣ того же года статья Добролюбова «Робертъ Овенъ и его попытки общественныхъ реформъ» возбудила также большіе толки, но была напечатана безъ его подписи и долгое время приписывалась всѣми, кромѣ близкихъ знакомыхъ Добролюбова, не ему, а Чернышевскому, тѣмъ болѣе, что касалась вопросовъ, о которыхъ Чернышевскій писалъ постоянно, тогда какъ они выходили изъ сферы обычной дѣятельности Добролюбова. Статья эта показываетъ, чего могъ бы достигъ Добролюбовъ и въ областяхъ, далекихъ отъ литературной критики, если бы не умеръ такъ преждевременно.

Прежде чѣмъ перейти къ исторіи литературной распри, возникшей между Добролюбовымъ и окружавшей Тургенева литературной кликой, необходимо сообщить одинъ романическій эпизодъ, еще разъ характеризующій младенческую душу Добролюбова, которая дѣлала его въ одинаковой мѣрѣ жертвою и литературныхъ интригъ, и женскаго кокетства.

Въ февралѣ 1860 года Добролюбовъ опять влюбился. Мы передадимъ этотъ трогательный эпизодъ почти его собственными словами. Добролюбовъ ѣздилъ по дѣламъ въ Москву. Возвратясь оттуда, онъ нашелъ на столѣ письмо отъ своей старой любви, В., которая жила въ другомъ городѣ и узналъ изъ письма, что она больна. Съ тревогою ждалъ онъ слѣдующей почты, но долго не получалъ писемъ. Нервы у него совершенно разстроились; онъ плакалъ по цѣлымъ часамъ, рѣшилъ было уѣхать къ ней. Наконецъ, онъ получилъ успокоительное письмо. И вотъ Добролюбовъ, съ нѣкоторымъ укоромъ противъ самого себя, замѣчаетъ, что не успѣлъ онъ успокоиться послѣ этой тревоги, какъ съ нимъ произошла «настоящая исторія». Онъ поѣхалъ въ одинъ домъ, гдѣ праздновалось совершеннолѣтіе дочери хозяина. Между танцующими онъ увидѣлъ дѣвушку, поразившую его красотою. Особенно были хороши ея глаза. Въ первый разъ Добролюбовъ въ глубинѣ души проклялъ свое неумѣнье танцовать. Узнавъ ея фамилію, онъ поспѣшилъ познакомиться съ ея отцомъ и тотчасъ предложилъ себя въ партнеры по карточной игрѣ, чѣмъ снискалъ расположеніе отца. Добролюбовъ пренаивно сознается, что на этотъ разъ онъ, дѣйствительно, первый разъ въ жизни «егозилъ» какъ могъ съ генераломъ—отецъ ея былъ генералъ со звѣздой. Вскорѣ Добролюбовъ получилъ приглашеніе въ домъ ея отца, засталъ тамъ глуповатаго и плюгавенькаго путейскаго офицера, который спрашивалъ его, живъ ли Кольцовъ и тому подобное. Добролюбова посадили за карты съ генераломъ. Наконецъ, уставши до нельзя, онъ пошелъ къ дамамъ: тамъ оказался и офицерикъ. Дамы играли въ дурачки. Какъ нарочно, Добролюбова посадили также играть—какъ разъ рядомъ съ тою, въ которую онъ уже совсѣмъ влюбился. По словамъ Добролюбова, она была умна и имѣла живое сердце: онъ былъ окончательно очарованъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующей среды. Въ среду опять засталъ офи-

церика, разговорился съ нимъ о томъ и семъ и вдругъ... узналъ, что тотъ ни болѣе не менѣе, какъ женихъ красавицы. У Добролюбова голова закружилась отъ волненія. Весь вечеръ онъ былъ самъ не свой; плохимъ утѣшеніемъ было то, что «она» ему одинъ разъ ласково улыбнулась. По дорогѣ домой онъ ѣхалъ въ самомъ мрачномъ настроеніи: грудь его душили рыданія. Возвратясь, не могъ даже приняться за срочную журнальную работу. Такъ кончился этотъ романическій эпизодъ и Добролюбовъ остался попрежнему одинокимъ, съ неудовлетворенной жаждою кроткой женской ласки.

Весною 1860 г. здоровье Добролюбова настолько стало внушать опасенія друзьямъ Добролюбова, что они стали убѣждать его поѣхать за границу. Кромѣ заботъ о журналѣ, онъ имѣлъ хлопоты теперь даже съ двумя братьями, такъ какъ выписалъ къ себѣ и младшаго Ваню. Правда, по хозяйству Добролюбову стали помогать давно овдовѣвшій дядя Василій Ивановичъ, но Добролюбову, въ свою очередь, пришлось хлопотать объ опредѣленіи дяди на службу.

Головачова слѣдующимъ образомъ описываетъ тогдашнюю жизнь Добролюбова.

«Надо было удивляться, когда Добролюбовъ успѣвалъ перечитать всѣ русскія и иностранныя газеты, журналы, всѣ выходящія новыя книги, массы рукописей, которыя тогда присылались и принесли въ редакцію. Много времени терялось у Добролюбова на бесѣды съ новичками писателями. Если Добролюбовъ видѣлъ какія-нибудь литературныя способности въ молодомъ авторѣ, то охотно давалъ совѣты и поощрялъ дальнѣйшими работами. Не мало труда и времени также надо было употреблять на исправленіе нѣкоторыхъ рукописей. Наконецъ, приходилось безпрестанно отрывать отъ дѣла и для объясненій съ авторами. Такимъ образомъ, Добролюбовъ могъ приниматься за писаніе своихъ статей только вечеромъ и часто засиживался за работой до 4 часовъ утра. Изрѣдка онъ, для отдыха, приходилъ на нашу половину къ вечернему чаю и былъ доволенъ, если его братья, бесѣдуя съ нимъ, высказывали умно и толково свои мнѣнія о прочитанной книгѣ, которую онъ дарилъ имъ». Каждое утро Добролюбовъ бесѣдовалъ съ Некрасовымъ относительно состава книжекъ «Современника» и вообще о статьяхъ, предназначавшихся для напечатанія. Главною его заботою было, чтобы ни одна фраза не противорѣчила направленію журнала: сверхъ того, онъ терпѣть не могъ разведенія мыслей водою. Иногда даже Некрасовъ спорилъ съ нимъ по этому поводу, боясь задѣть то или иное мелочное самолюбіе и усилить сплетни, и безъ того распространявшіяся постоянно на счетъ сотрудниковъ «Современника». Добролюбовъ горячо возражалъ, что если бояться сплетенъ, то ужъ лучше совсѣмъ не издавать журнала. Рано или поздно сплетня будетъ изобличена и клеветѣ клеймитъ самихъ же клеветниковъ.

Между прочимъ въ то время пущенъ былъ слухъ, будто Добролюбовъ и Чернышевскій всюду являются на сборища молодежи и льстятъ ей до самоуничженія, добиваясь популярности. Головачова самымъ категорическимъ образомъ отрицаетъ самый фактъ участія Добролюбова въ подобныхъ сборищахъ. У Чернышевскаго въ домѣ, дѣйствительно, собиралась масса молодежи, но у него бывали вообще самые разнообразныя эле-

менты общества. Добролюбовъ же былъ домосѣдъ, да сверхъ того и не любилъ говорить въ многолюдномъ обществѣ.

О манерѣ работы Добролюбова Головачова рассказываетъ между прочимъ, что онъ, когда ему приходилось дѣлать ссылки на книги, журналы или газеты, не прибѣгалъ при этомъ ни къ какимъ мѣрамъ, облегчающимъ справки, такъ какъ всегда могъ смѣло положиться на свою удивительную память и сразу находилъ то, что ему было нужно.

1860 годъ ознаменовался въ литературной дѣятельности Добролюбова двумя статьями, которыя вновь возбудили противъ него бурю, на этотъ разъ сильнѣйшую изъ всѣхъ, какія ему приходилось испытывать.

Въ январской книжкѣ «Современника» за 1860 годъ появилась знаменитая статья Добролюбова: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами». Статья эта была направлена противъ Николая Ивановича Пирогова, человѣка, пользовавшагося тройнымъ авторитетомъ: знаменитаго хирурга, педагога и, наконецъ, администратора. Мало того: смѣло выступивъ противъ Пирогова, Добролюбовъ рисковалъ возбудить противъ себя даже многихъ изъ своихъ собственныхъ почитателей, такъ какъ прежде онъ самъ хвалилъ Пирогова и высоко ставилъ его педагогическія теоріи. И не смотря на все это, Добролюбовъ не колебался ни минуты, такъ какъ девизомъ всей его дѣятельности было: правда прежде всего. Добролюбовъ восхищался Пироговымъ, пока знаменитый хирургъ, не смущаясь голосами десятковъ и сотенъ педагоговъ, кричавшихъ, что безъ розги будутъ потрясены основы, написалъ брошюру «Нужно ли сѣчь дѣтей», въ которой твердо и ясно высказалъ, что сѣчь не надо. Но съ появленіемъ пресловутыхъ «Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій кievскаго учебнаго округа» положеніе дѣла круто измѣнилось. Бывшій рѣшительный противникъ розогъ, ставъ попечителемъ кievскаго округа, неожиданно вступилъ на путь постыднаго компромисса съ общественнымъ мнѣніемъ или, точнѣе, съ мнѣніемъ худшей части педагоговъ; этотъ компромиссъ Добролюбовъ назвалъ «балансированіемъ на розгахъ» и съ горечью воскликнулъ по адресу Пирогова: «и ты Брутъ»!

Утвержденіе Пирогова, что пока въ школы поступаютъ сѣченныя дома дѣти, до тѣхъ поръ трудно будто бы придумать «въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства», иное наказаніе кромѣ сѣченія,—это утвержденіе возмутило Добролюбова. «Не ѣсть, не пить—это дѣйствительно нельзя, писалъ онъ,—но не сѣчь—это очень можно, кажется». Съ горечью замѣтилъ Добролюбовъ, «что даже самыя лучшія, повидимому, личности, вродѣ Пирогова, могутъ подвергнуться вліянію тлетворной среды».

Отецъ автора настоящаго очерка, жившій въ то время на югѣ Россіи и слѣдившій за «Современникомъ» не только какъ читатель, но и какъ одинъ изъ его сотрудниковъ, сообщалъ мнѣ, лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ этого событія, о томъ впечатлѣніи, какое произвела въ свое время статья Добролюбова въ провинціи, особенно въ кievскомъ учебномъ округѣ, гдѣ Пироговъ былъ попечителемъ. Статью читали на расхватъ. Вездѣ пѣлись также стихи Конрада Лиліеншвагера (т. е. того же Добролюбова) изъ «Свистка» на мотивъ «Выхожу одинъ я на дорогу». Въ стихахъ изображенъ школьникъ, жаждущій, чтобы его высѣкли по правиламъ, изданнымъ Пироговымъ. Безъ всякаго сомнѣнія, педагогическому авторитету Пирогова былъ

нанесенъ жестокий ударъ. Многие изъ поклонниковъ Пирогова ставили это въ вину Добролюбову; но лучшая часть общества рукоплескала ему... Съ другой стороны, конечно, поднялась и буря нападокъ, порою въ высшей степени неприличныхъ и прямо гнусныхъ. Мы уже довольно далеки отъ тѣхъ временъ, а потому предоставимъ слово современнику, который писалъ, можно сказать, подъ впечатлѣніемъ свѣжей могилы Добролюбова. Я говорю объ изданной въ 1862 году книгѣ П. А. Бибикова «О литературной дѣятельности Добролюбова». Отражая нападки хулителей Добролюбова, Бибиковъ говоритъ: «Всѣ посланные ему (Добролюбову) упреки, перемѣшанные съ извѣстнымъ количествомъ брани, главнымъ образомъ состояли въ томъ, что Добролюбовъ напалъ въ своей статьѣ на Пирогова, какъ будто измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ, а между тѣмъ онъ (Пироговъ) вовсе имъ не измѣнялъ, а только уступилъ, во-первыхъ—большинству комитета, а во-вторыхъ—статьямъ училищнаго устава, котораго онъ не вправѣ былъ отмѣнить»... Говорили, что подчиненіе Пирогова рѣшенію коллегіи не только не порокъ, а даже добродѣтель; защищали Пирогова съ грошово-либеральной точки зрѣнія, требовавшей, чтобы администраторъ всегда подчинялся рѣшенію большинства. Говорили, что вся административная дѣятельность Пирогова основана именно на проведеніи въ жизнь коллегіальнаго начала и обвиняли Добролюбова въ «либеральномъ деспотизмѣ», требующемъ, чтобы попечитель отвергъ мнѣніе комитета и насильно заставилъ большинство педагоговъ быть гуманными. Возражая на это, Бибиковъ пишетъ: «Вотъ въ томъ то и дѣло, что все это не только несправедливо, но недобросовѣстно. Пироговъ не просто уступилъ рѣшенію комитета, не просто склонился передъ необходимостью. Кто писалъ предисловіе и текстъ объясненій къ таблицѣ наказаній? Пироговъ. Отъ чьего лица пишетъ онъ? Коллективно или нѣтъ? Нѣтъ, онъ говоритъ: я предлагаю, я нахожу; мало того, онъ говоритъ въ заключеніе предисловія: я предлагаю дирекціямъ слѣдующія положенія комитета, вполне раздѣляемые и мною. И противъ этихъ словъ нигдѣ нѣтъ никакого протеста, никакой отговорки! Пироговъ могъ уступить мнѣнію комитета, но могъ тутъ же, ясно и рѣшительно, заявить свои пункты несогласія съ нимъ. Тогда вышло бы совсѣмъ другое. Къ тому же Пироговъ мотивировалъ ненавистный параграфъ о розгахъ желаніемъ комитета удержать ихъ, а тѣмъ, что нельзя вдругъ вывести розгу изъ употребленія и проч. Много-ли требовалъ Добролюбовъ отъ Пирогова на основаніи своей теоріи либеральнаго деспотизма?»

Въ статьѣ Добролюбова дѣйствительно есть одна фраза, къ которой, по словамъ Бибикова, тогда особенно придирались: «попечитель могъ положить, чтобы не стали сѣчь—и не стали бы сѣчь». Бибиковъ замѣчаетъ, что эта отважная фраза была вовсе не проповѣдью административнаго произвола, а была вызвана преувеличеннымъ довѣріемъ Добролюбова къ моральному авторитету Пирогова. «Приверженцы законности и антагонисты либеральнаго деспотизма Добролюбова, писалъ тотъ же Бибиковъ, съ неменьшимъ правомъ могли бы доказывать, что запретить самодуру драться значитъ сдѣлать его насильно либераломъ». Были люди, увѣрявшіе, что Добролюбовъ отнесся къ Пирогову не гуманно, что его цѣлью было втоптать знаменитаго педагога въ грязь. Лучшимъ возраженіемъ на это являются не только прежнія статьи Добролюбова о Пироговѣ, но и

весь тонъ той самой статьи, о которой идетъ рѣчь. На Бибикова, напр., тонъ этотъ произвелъ то впечатлѣніе, что во всей статьѣ проглядываетъ главный мотивъ горячности, состоящій въ томъ, что Добролюбовъ очень высоко цѣнилъ Пирогова и что самому Добролюбову больно было разстаться со своими «иллюзіями».

Не успѣла еще улечься буря, поднятая походомъ Добролюбова противъ розогъ, какъ началась другая, хотя собственно и заслуживающая названія бури въ стаканѣ воды, но тѣмъ не менѣе сильно взволновавшая петербургскіе литературные кружки. Рѣчь идетъ о столкновеніи Добролюбова съ Тургеневымъ.

Здѣсь мы будемъ пользоваться показаніями Головачовой и хотя ея «Воспоминанія» вообще нѣсколько пристрастны тамъ, гдѣ она пишетъ противъ Тургенева, но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ основныхъ чертахъ факты переданы ею вѣрно.

Тотъ литературный кружокъ, въ которомъ вращался Добролюбовъ, состоялъ изъ людей, преданныхъ, главнымъ образомъ, дѣлу, а не лицамъ: въ этомъ кружкѣ были, кромѣ Добролюбова и Чернышевскаго, Пыпинъ, Антоновичъ и др.

Головачова пишетъ, что когда члены этого кружка собирались, они никого не бранили, и никто изъ нихъ не интересовался литературными сплетнями и дразгмами: ей, съ непривычки, это казалось даже страннымъ.

Совершенно иной духъ господствовалъ въ кружкѣ поклонниковъ Тургенева, гдѣ занимались, по преимуществу, сплетнями. Самъ Тургеневъ былъ очень недоволенъ господствомъ Добролюбова и Чернышевскаго въ «Современникѣ». Онъ утверждалъ Панаеву, что пренебреженіе къ авторитетамъ сочетается у молодого поколѣнія литераторовъ съ отсутствіемъ всякаго эстетическаго вкуса. Его коробило даже отъ очковъ, которыя носили какъ Чернышевскій, такъ и Добролюбовъ: Тургеневъ и въ этомъ усматривалъ недостатокъ эстетичности. Онъ постоянно говорилъ о вторженіи семинаристовъ въ литературу. Панаевъ сначала держалъ сторону Тургенева, но, частью подъ вліяніемъ жены, частью же недовольный сплетнями, возникшими противъ него самого, охладѣлъ къ тургеневскому кружку, гдѣ Добролюбова обвиняли въ инквизиторскихъ приемахъ, въ осмѣиваніи благородныхъ порывовъ, въ грубомъ матеріализмѣ и такъ далѣе. Рѣшительное столкновеніе произошло, однако, изъ за статьи Добролюбова: «Когда же придетъ настоящій день», составляющей разборъ повѣсти Тургенева «Наканунъ», напечатанной въ № 3 «Современника» за 1860 годъ.

Статья эта одинъ изъ лучшихъ критическихъ этюдовъ Добролюбова. Хотя она начинается словами, что «эстетическая критика сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышень» — однако она содержитъ и лучшую эстетическую оцѣнку повѣсти Тургенева. Разумѣется, общественный элементъ у Добролюбова здѣсь, какъ и всегда, стоитъ на первомъ планѣ. Добролюбовъ указываетъ на то, что отъ типовъ разныхъ «лишнихъ людей» Тургеневъ долженъ былъ, уступая вѣянію времени, перейти, наконецъ, къ типамъ людей съ сильной волей, людей живого дѣла, не довольствующихся мертвыми принципами. И, однако, такихъ людей Тургеневъ не нашелъ въ русской дѣйствительности: онъ вывелъ поэтому болгарина Инсарова,

одушевленнаго идеей освобожденія своей родины, и Елену, хотя русскую, но въ концѣ концовъ вынужденную бѣжать изъ Россіи. И вотъ Добролюбовъ ждетъ того великаго дня, когда, наконецъ, появится нашъ русскій Инсаровъ. Таковъ вкратцѣ смыслъ статьи Добролюбова. Статья эта была послана цензору Бекетову, который находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Тургеневымъ и угодничалъ передъ великимъ романистомъ. Всѣ читавшіе статью находили, что она написана превосходно и съ полнымъ уваженіемъ къ Тургеневу. Но самъ Тургеневъ, быть можетъ отчасти подъ вліяніемъ окружавшихъ его льстецовъ, почему-то оскорбился статьею и потребовалъ выбросить все начало, въ которомъ онъ усмотрѣлъ не насмѣшку надъ чистыми эстетиками, а глумленіе надъ авторитетомъ его, Тургенева, и сверхъ того какіе то «ехидные намеки». Некрасовъ, опасаясь разрыва съ Тургеневымъ, который былъ сотрудникомъ «Современника», первоначально стоялъ за выполненіе требованія литературнаго свѣтила. Добролюбовъ былъ возмущенъ и предположеніями Тургенева, и дѣйствіями цензора, и стараніями Некрасова угодить Тургеневу. Онъ наотрѣзъ отказался измѣнить статью. Некрасовъ увидѣлъ, что Добролюбовъ непоколебимъ и написалъ Тургеневу письмо, гдѣ старался разъяснить дѣло; но Тургеневъ отвѣтилъ ему лаконической запиской: «Выбирай: я или Добролюбовъ». Положеніе Некрасова между двухъ огней было крайне затруднительнымъ. По совѣсти онъ былъ вполнѣ на сторонѣ Добролюбова, но не хотѣлось утратить такую литературную силу, какъ Тургеневъ. Онъ поручилъ Головачовой дипломатическіе переговоры съ Добролюбовымъ, указывая ему на то, что выше всего слѣдуетъ поставить интересъ дѣла, т. е. журнала. Мотивъ былъ избранъ очень удачный; но Добролюбовъ отвѣтилъ вполнѣ рѣшительно, что самъ не желаетъ быть сотрудникомъ журнала, гдѣ надо подлаживаться къ авторамъ, произведенія которыхъ онъ разбираетъ.

Въ то же время Панаевъ встрѣтился въ театрѣ съ Анненковымъ, который былъ главнымъ изъ сторонниковъ Тургенева. Анненковъ накинулся на Панаева, упрекалъ его въ черной неблагодарности, говорилъ о безобразномъ походѣ на такого великаго человѣка, каковъ Тургеневъ и т. д.

На другое утро, послѣ переговоровъ съ Добролюбовымъ, Некрасовъ окончательно принялъ его сторону и выразилъ надежду, что Тургеневъ пойметъ недоразумѣніе. Но уладить дѣла не удалось и Тургеневъ порвалъ окончательно съ «Современникомъ». Событіе это всполошило все петербургское литературное болото. Смятеніе, по словамъ Головачовой, произошло такое, какъ будто въ Петербургѣ землетрясеніе. До появленія книжки «Современника» увѣряли, что статья Добролюбова состоитъ изъ сплошныхъ ругательствъ противъ Тургенева, а когда книжка вышла и всякій могъ судить самъ, тогда стали увѣрять, что Добролюбовъ струсилъ и смягчилъ статью. Цензоръ Бекетовъ оказался на столько честенъ и храбръ, что опровергалъ эту сплетню: тогда стали увѣрять, что Некрасовъ будто бы подкупилъ цензора, чтобы онъ выгораживалъ его и Добролюбова. Предсказаніе, что съ уходомъ Тургенева «Современникъ» погибнетъ, не оправдалось, и, подписка, наоборотъ, значительно увеличилась. Тогда были пущены въ ходъ всякія средства. Одни обвиняли Добролюбова въ разрушеніи основъ, — въ проповѣди, подъ видомъ женскаго вопроса, чего то вродѣ

мормонства и т. п. Другіе стали дѣйствовать съ противоположнаго конца и обманули даже такого человѣка, какъ Герценъ, передъ которымъ Добролюбовъ благоговѣлъ: Герцену была послана нелѣпая статья противъ Добролюбова, которая, къ сожалѣнію, попала въ «Колоколъ». Наконецъ, литературные приживальщики Тургенева стали распространять слухи, будто Тургеневъ напишетъ заграницею повѣсть «Нигилистъ», въ которой изобразить Добролюбова. Въ то же время повели атаку и противъ Некрасова, распространивъ клевету, будто онъ проигралъ въ карты 30,000 р., принадлежавшихъ умершей женѣ Огарева и ввѣренныхъ ему будто-бы на храненіе. Дальше этого уже нельзя было идти. Выведенный изъ терпѣнія, Панаевъ, наконецъ, написалъ письмо Огареву, послѣ чего никакихъ статей о Добролюбовѣ и Некрасовѣ въ заграничныхъ органахъ болѣе не появлялось. Всѣ эти тревоженія и интриги еще болѣе разстроили и безъ того расшатанное здоровье Добролюбова. Уступая настояніямъ Головачовой и другихъ, онъ, наконецъ, собрался за границу.

Братъ Добролюбова, Владиміръ Александровичъ, сообщаетъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о послѣдней эпохѣ жизни знаменитаго критика:

«Изъ квартиры на Моховой, сколько я помню, братъ уѣхалъ за границу лѣчиться, а нашъ дядя Василій Ивановичъ Добролюбовъ, бывший потомъ управляющимъ отдѣленіемъ Госуд. Банка въ Каменецъ Подольскъ, я и мой братъ Иванъ, переѣхали на Басковую улицу въ домъ Юргенса, выходящій также и на Литейную (теперь домъ Духовнаго Вѣдомства). Квартира была въ 4-мъ этажѣ, состояла изъ 4 комнатъ, передней и кухни. Сюда братъ пріѣхалъ изъ-за границы. Его посѣтилъ здѣсь раза два попечитель учебнаго округа, впослѣдствіи министръ народ. просв. графъ И. Д. Деляновъ—для меня, гимназиста, избѣгнувшаго преслѣдованія учителя латинскаго языка вслѣдствіе его вниманія ко мнѣ, особа чрезвычайно важная, и я не мало былъ пораженъ тѣмъ же спокойнымъ, достойнымъ отношеніемъ къ нему брата, какъ и ко всѣмъ прочимъ. Посѣщалъ его и Н. Г. Чернышевскій. Если кто посѣщалъ брата, то эти посѣщенія были, вѣроятно, въ то время, когда я былъ въ гимназіи. Въ мое присутствіе вечеромъ, въ будни, я не помню, чтобы кто-либо бывалъ у брата, котораго видѣлъ всегда за работой.

Поѣздка за границу не принесла пользы брату и онъ, по возвращеніи, чувствовалъ себя все хуже и хуже, что и я замѣтилъ. Вѣроятно, сознавая свое положеніе, братъ не обращался къ докторамъ и только въ послѣднее время, вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ А. Я. Панаевой, Некрасова и Чернышевскаго, братъ обратился къ П. С. Боткину. Помню посѣщенія и ассистента П. С. Боткина, П. И. Бокова.

Мой братъ никогда никому не жаловался; я не слыхалъ ни оховъ, ни стонувъ и не подозрѣвалъ, что смерть его близка. Когда я, поднимаясь съ нимъ по лѣстницѣ, спросилъ его, отчего онъ такъ тихо идетъ, останавливается, тяжело дышитъ и у него выступаетъ потъ, братъ, кротко улыбаясь, сказалъ: „это оттого, что я выросъ такимъ большимъ“. Онъ былъ высокаго роста. Со времени пріѣзда изъ-за границы, братъ все время писалъ и я не знаю, когда онъ спалъ.

Когда я вставалъ—братъ былъ за работой, приходилъ изъ гимназіи—тоже; послѣ обѣда, во время котораго онъ ѣлъ очень мало, если совсѣмъ не отказывался отъ него, чѣмъ ежедневно повергалъ въ слезы кухарку, старавшуюся всячески угодить ему, онъ писалъ весь вечеръ; когда я просыпался ночью, я видѣлъ всегда свѣтъ въ его комнатѣ. Подойдя тихонько къ двери его комнаты, я видѣлъ его склонившимся надъ бумагой и пишущимъ. Когда дядя сказалъ моему брату, что работа убьетъ его, онъ отвѣтилъ: «меня страшитъ не смерть, а неувѣренность, что я успѣю возратить «Современнику» деньги взятые для лѣченія и поѣздки за границу; мнѣ нельзя терять и минуты».

Такъ таялъ мой братъ молча, никому не жалуясь, никого не тревожа

не затрудняя ничѣмъ, не ища ни у кого утѣшеніе не обманывая себя. Меня съ братомъ Иваномъ не пускали уже къ нему. А. Я. Панаева бывала ежедневно, облегчая чѣмъ могла его положеніе. Наканунѣ смерти его, А. Я. Панаева сказала, что братъ хочетъ насъ видѣть и привела къ нему меня и Ивана. Братъ лежалъ на спинѣ, худой, съ впавшими глазами, не могшій уже говорить, видимо сильно страдавшій. Когда онъ приласкалъ насъ, я разрыдался и насъ увели. Послѣ этого прощанія А. Я. Панаева увезла меня и Ивана къ себѣ. На мой вопросъ, зачѣмъ насъ разлучили съ братомъ, зачѣмъ оставили его одного, А. Я. Панаева отвѣтила, что на это было желаніе нашего брата, требующаго отдыха. Послѣ я узналъ, что братъ просилъ увезти насъ, чтобы избавить отъ впечатлѣнія приближающейся его кончины. Онъ просилъ даже друзей, какъ А. Я. Панаеву, оставить его одного, чтобы не причинять скорби, и много, сколько я могу судить, нужно было ей такту, увѣреній, чтобы братъ успокоился и ея присутствіе не волновало его.

На похороны собралось много народу. Сколько я помню. вся Литейная отъ дома Юргенса далеко къ Невѣ была занята экипажами, извозчиками. На могилѣ говорили рѣчи. Особенно горячо говорилъ Н. Г. Чернышевскій, не замѣтившій, не смотря на сильный морозъ, что его енотовая шуба распахнулась и грудь его была совсѣмъ открыта».

Дополняю эти свѣдѣнія данными, заимствованными изъ переписки Добролюбова и изъ «Воспоминаній» Головачовой, исправляя ихъ мѣстами по указаніямъ Владиміра Александровича Добролюбова.

Въ декабрѣ 1860 года Добролюбовъ пріобрѣлъ сильный хроническій бронхитъ, который при его образѣ жизни грозилъ перейти въ чахотку. Зимой былъ серьезно боленъ и въ теченіе мѣсяца никуда не выходилъ. Весною сталъ поправляться, но плохо, а тутъ явились непріятности и огорченія. Къ литературнымъ дѣламъ добавилась печальная вѣсть о смерти самой младшей изъ сестеръ Добролюбова, Лизы,—смерти, происшедшей отъ полученныхъ дѣвочкою жестокихъ ожоговъ. Наконецъ, Добролюбова выпроводили за границу. Дрезденскіе врачи послали его въ Интерлакенъ. Какъ нарочно, погода въ это лѣто во всей западной Европѣ была дождливая. 30 іюня Добролюбовъ писалъ дядѣ Василю Ивановичу: «Въ Нижній Новгородъ написалъ бы самое короткое, что я умираю и за границу за саваномъ поѣхалъ». Болѣзнь препятствовала Добролюбову слѣдить за общественной жизнью Запада. Онъ всей душою оставался въ Россіи. Его интересуется каждая книжка каждаго русскаго журнала, не говоря уже о книжкахъ «Современника», о которыхъ онъ пишетъ безпрестанно. Многія свѣдѣнія сообщалъ ему дядя, успѣвшій уже значительно проникнуться литературными интересами. Между прочимъ, дядя сообщалъ Добролюбову, что цензоръ Бекетовъ получилъ выговоръ за пропускъ статьи Добролюбова о Тургеневѣ. Добролюбова не оставляли въ покоѣ даже послѣ отъѣзда: какой-то господинъ написалъ карандашомъ на дверяхъ редакціи «Современника», что Добролюбовъ «безнравственный семинаристъ». Въ іюлѣ 1860 года Добролюбовъ писалъ теткѣ Фавствѣ Васильевнѣ и ея сыну Михаилу Ивановичу: «Я былъ самъ не свой всю осень и зиму. Грудь болѣла, кашель душилъ меня такъ, что только стонъ стоялъ по комнатѣ». Мало-по-малу пребываніе за границей принесло Добролюбову слабое облегченіе. «Теперь спокойнѣе и веселѣе смотрю на все», пишетъ Добролюбовъ. Онъ начинаетъ любоваться издали Альпами. Въ августѣ мы видимъ Добролюбова уже въ Діеппѣ на морскихъ купаньяхъ, но отвратительная погода испортила все. Въ октябрѣ онъ пишетъ изъ Парижа, что предпочитаетъ оста-

ваться здѣсь, чѣмъ ѣхать въ такую подлую погоду въ Швейцарію. Зимой мы находимъ Добролюбова въ Италиі. Замѣчательно, что здѣсь, можно сказать, почти передъ лицомъ смерти, Добролюбову улыбнулась любовь, которой онъ такъ долго искалъ. Онъ даже чуть было не женился. Въ іюнѣ онъ поѣхалъ въ Неаполь, ѣздилъ осматривать Помпею и влюбился, по его собственнымъ словамъ, «не въ помпейскую тавцовщицу, а въ одну мессинскую барышню». Отецъ ея далъ свой адресъ и очень радушно приглашалъ къ себѣ, да и она сама склонялась выйти замужъ за Добролюбова, требуя лишь того, чтобы онъ навсегда остался въ Италиі. Въ свою очередь, Добролюбовъ былъ готовъ это сдѣлать—по крайней мѣрѣ ему такъ казалось. 1 іюня 1861 года Добролюбовъ писалъ Чернышевскому, что рѣшился «отказаться отъ будущихъ великихъ подвиговъ на поприщѣ російской словесности и ограничиться, пока не выучится другому ремеслу, нѣсколькими статьями въ годъ». Онъ хотѣлъ также узнать по этому поводу, сколько могъ бы получать отъ «Современника», живя за границей. Онъ задумалъ писать статьи о заграничной жизни и первой его статьею въ этомъ родѣ была послѣдняя изъ напечатанныхъ въ «Современникѣ» статей Добролюбова, именно о графѣ Кавурѣ. Все письмо это къ Чернышевскому дышитъ, впрочемъ, крайнею безотрадною. Не радуютъ Добролюбова даже свѣдѣнія объ освобожденіи крестьянъ. Онъ пишетъ Чернышевскому: «Въ вашемъ изложеніи изумительныхъ переменъ, происшедшихъ въ русскомъ обществѣ во время моего отсутствія, я мало понялъ. Вспомнилъ только ваши же слова. Всѣ мы очень хорошо знаемъ историческіе законы, а чуть дѣло коснется до насъ, мы сейчасъ же готовы увѣрять себя, что мы то и должны составить исключеніе».

О себѣ лично Добролюбовъ пишетъ, что онъ потерялъ способность различать, что именно для него лучше, а что хуже. Поѣхавъ въ Байи, описанныя профессоромъ Благовѣщенскимъ, Добролюбовъ простудился и снова получилъ бронхитъ. Онъ рѣшилъ, наконецъ, бросить лѣченіе, не приносящее ему пользы, и поѣхалъ на югъ Россіи, въ Одессу. Здѣсь онъ только наглотался одесской пыли и 13 іюля у него кровь хлынула горломъ. Путешествіе на почтовыхъ окончательно доканало его. Въ августѣ онъ, наконецъ, снова возвратился въ Петербургъ, совершенно больной и разбитый. Помпейской знакомки Добролюбовъ такъ и не дождался, а въ Одессѣ, какъ онъ самъ писалъ о томъ, «вздумалъ влюбиться въ одну жидовку, да раздумалъ». Незадолго до смерти, Добролюбовъ сильно интересовался судьбою сестеръ, особенно Анны Александровны, которая была тогда невѣстой. 5 ноября Добролюбовъ написалъ свое послѣднее письмо двоюродному брату, Михаилу Ивановичу, всего въ четыре строчки. Оно заканчивается словами: «пишу въ постели, вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ лежу». Вскорѣ его не стало.

О кончинѣ Добролюбова Головачова рассказываетъ слѣдующее:

Въ половинѣ сентября Головачова получила отъ Панаева письмо съ извѣстіемъ, что Добролюбовъ простудился и опасно боленъ: у него находили серьезную болѣзнь въ почкахъ. Головачова утверждаетъ, что Добролюбовъ умеръ отъ сахарной болѣзни. Братъ Добролюбова, Владиміръ Александровичъ, сообщаетъ, что, по словамъ Боткина, Добролюбовъ умеръ отъ болѣзни почекъ, и ни въ какомъ случаѣ не отъ чахотки. Не была ли

это инфлуэнца на почвѣ расшатаннаго переутомленіемъ организма? Добролюбовъ прислалъ Головачовой короткое письмо, въ которомъ просилъ ее вернуться поскорѣе въ Петербургъ, такъ какъ безъ нея онъ не знаетъ, что дѣлать. «Я никуда не гожусь,—писалъ онъ,—меня раздражаетъ всякая мелочь въ моей домашней обстановкѣ». Головачова была въ это время за границей. Она телеграфировала Добролюбову, что скоро пріѣдетъ. Когда она увидѣла Добролюбова, то поразила происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Онъ имѣлъ видъ тяжело больного. Однако, по случаю пріѣзда Головачовой, Добролюбовъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Осмотрѣвъ квартиру Добролюбова, бывшую въ домѣ Юргенса, Головачова нашла, что квартира эта совершенно не годится для больного. Дядя Василій Ивановичъ, много заботился о племянникѣ; но недостатокъ женскихъ рукъ чувствовался во всемъ.

Между тѣмъ Добролюбовъ, несмотря на свою болѣзнь, не обращая вниманія ни на какую погоду, ѣздилъ въ типографію и къ цензорамъ.

Въ началѣ октября Добролюбовъ пріѣхалъ отъ цензора въ десятомъ часу вечера. Онъ былъ сильно раздраженъ тѣмъ, что не могъ отстоять вычеркнутыхъ мѣстъ въ чьей-то статьѣ. Некрасовъ довольно флегматически замѣтилъ, что «охота Добролюбову ѣздить такъ поздно и что можно было бы набрать другую статью». Это еще болѣе раздражило Добролюбова. Онъ сдѣлалъ Некрасову нѣсколько горькихъ упрековъ и объявилъ, что постарается самъ передѣлать вычеркнутыя мѣста такъ, чтобъ статья все таки не утратила смысла. Затѣмъ онъ ушелъ въ редакціонную комнату.

Не прошло и часа, какъ слуга пришелъ сказать Головачовой, что Добролюбову худо. Онъ лежалъ на диванѣ, дрожа отъ лихорадки, и просилъ согрѣть его, но не посылать за докторомъ. Домой онъ не былъ въ состояніи идти и остался ночевать въ квартирѣ Некрасова. Чтобы развлечь Добролюбова, Головачова стала говорить ему о Бѣлинскомъ, котораго знала когда-то лично. Рано утромъ пришелъ докторъ и нашелъ положеніе очень серьезнымъ. Добролюбовъ сталъ беспокоиться о братьяхъ. Головачова обѣщала взять ихъ на время его болѣзни къ себѣ. Силы Добролюбова уже не возстановлялись; онъ, однако, продолжалъ заниматься журналомъ, просматривалъ цензорскіе корректурные листы, читалъ рукописи. Посторонніе тяготили его: онъ просилъ Головачову не впускать никого, кромѣ Чернышевскаго.

По утверженію Владиміра Александровича Добролюбова, братъ его въ тотъ же день былъ перевезенъ къ себѣ домой.

Чернышевскій каждый вечеръ приходилъ посидѣть съ больнымъ, который съ нетерпѣніемъ ждалъ его прихода и всегда оживлялся, бесѣдуя съ нимъ. Несмотря на физическую слабость, Добролюбовъ живо интересовался общественными вопросами и литературой и голова его была вполне свѣжа.

Съ каждымъ днемъ Добролюбовъ замѣтно угасалъ. Въ послѣднихъ числахъ октября ему было уже трудно держать въ рукахъ толстыя рукописи.

Со дня переѣзда Добролюбовъ уже не вставалъ съ постели и не могъ болѣе двухъ минутъ держать въ рукахъ газету. Но онъ былъ совершенно спокоенъ. Чернышевскій навѣщалъ его два раза въ день, но чтобы не утомлять его, оставался не болѣе получаса.

10 ноября Головачова застала Добролюбова совсѣмъ ослабѣвшимъ; онъ понялъ, что дни его сочтены. Онъ былъ удивительно терпѣливъ, но его мучила мысль, что онъ умираетъ, далеко не сдѣлавъ всего, что могъ бы сдѣлать.

На другой день уже не было сомнѣнія, что агонія началась. Чернышевскій безвыходно сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, но агонія длилась долго, и что было тяжелѣе всего, умирающій все время не терялъ сознанія.

За часъ или два до смерти, Добролюбовъ позвалъ Головачову и явственно произнесъ: «дайте руку». Его рука была холодна. «Прощайте, сказалъ онъ,—пойдите домой... скоро». Это были его послѣднія слова. Въ два часа ночи Добролюбовъ скончался.

Въ теченіе двухъ дней квартиру умершаго посѣтила масса публики. Въ день похоронъ на дворѣ и на лѣстницѣ собралась уже масса народу. Вся улица была запружена, хотя, по разнымъ обстоятельствамъ, не было ни депутацій, ни вѣнковъ. Нѣсколько священниковъ явились безъ приглашенія проводить покойника. Простой дубовый гробъ, безъ вѣнковъ и цвѣтовъ, понесли на рукахъ, а парныя дроги и двѣ-три наемныя кареты слѣдовали за процессіей...

Кладбищенскій священникъ увѣдомилъ Панаева и Некрасова, что на Волковомъ кладбищѣ осталось мѣсто подлѣ могилы Бѣлинскаго. Это мѣсто поспѣшили занять для Добролюбова.

Надъ могилою Добролюбова возвышается каменная плита съ простою надписью, въ которой означено его имя и время его рожденія и смерти.

Едва ли не лучшей эпитафіей на могилѣ Добролюбова было бы его собственное стихотвореніе, въ которомъ содержатся слова:

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ,
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ...

Предсказаніе это сбылось пока на половину. Настанетъ день, когда имя Добролюбова будетъ извѣстно не только «верхнимъ десяткамъ тысячъ», но и многомилліонной массѣ русскаго народа, для котораго Добролюбовъ сдѣлалъ многое, такъ какъ онъ былъ борцомъ за просвѣщеніе, свободу и человѣческое достоинство всѣхъ людей безъ различія... Говоря о забытыхъ людяхъ, изображенныхъ Достоевскимъ, Добролюбовъ писалъ объ «общемъ стремленіи къ возстановленію человѣческаго достоинства и полноправности во всѣхъ и каждомъ». Это убѣжденіе было главнымъ мотивомъ всей его писательской дѣятельности.

СТАТЬИ О ЛИТЕРАТУРѢ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

I.

СОВЕСѢДНИКЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА.

Изданіе кн. Дашковой и Екатерины II.

1783 — 1784.

Послѣ отвлеченныхъ философскихъ разсужденій, которыми отличалась наша критика въ сороковыхъ годахъ, наступило время обращенія къ фактамъ исторіи литературы. Любопытно наблюдать этотъ крутой поворотъ направленія, — одинъ изъ тѣхъ, которыхъ такъ много представляетъ исторія нашей словесности. За 15—20 лѣтъ передъ этимъ, ко всему хотѣли прилагать эстетическія и философскія начала, во всемъ искали внутренняго смысла, всякій предметъ оцѣнивали по тому значенію, какое имѣетъ онъ въ общей системѣ знаній или между явленіями дѣйствительной жизни. Тогда господствовали высшіе взгляды, тогда старались уловить духъ, характеръ, направленіе, оставляя въ сторонѣ мелкія подробности, не выставляя на показъ всѣхъ данныхъ, а выбирая изъ нихъ только наиболѣе характерныя. Тогда критика обыкновенно рисовала намъ прежде всего фасадъ зданія, потомъ представляла намъ его планъ, говорила о матеріалахъ, изъ которыхъ оно построено, рассказывала о внутреннемъ убранствѣ и затѣмъ анализировала впечатлѣніе, которое производитъ это зданіе.

Нынѣ это дѣлается не такъ ¹⁾. Прежде всего намъ показываютъ отдѣльно каждый кирпичъ, каждое бревно, каждый гвоздикъ, употреблен-

¹⁾ Разумѣемъ здѣсь большинство случаевъ, изъ которыхъ съ прошедшаго года начали появляться пріятныя исключенія.

ный при постройкѣ дома, рассказывая подробно, гдѣ каждый изъ нихъ купленъ, откуда привезенъ, гдѣ лежалъ до того времени, какъ занялъ свое настоящее мѣсто. Затѣмъ, занимаются изслѣдованіемъ, насколько, кѣмъ и какъ обрубленъ и обсѣченъ сырой матеріалъ, приготовленный для стройки. Наконецъ, представляютъ смѣту, сколько эти матеріалы стоили во время самой постройки и сколько они теперь стоятъ. Теперь дорожатъ каждымъ малѣйшимъ фактомъ біографіи и даже бібліографіи. Гдѣ первоначально были помѣщены такіе-то стихи, какія въ нихъ были опечатки, какъ они измѣнены при послѣднихъ изданіяхъ, кому принадлежитъ подпись А или В въ такомъ-то журналѣ или альманахѣ, въ какомъ домѣ бывалъ извѣстный писатель, съ кѣмъ онъ встрѣчался, какой табакъ курилъ, какіе носилъ сапоги, какія книги переводилъ по заказу книгопродавцевъ, на которомъ году написалъ первое стихотвореніе,—вотъ важнѣйшія задачи современной критики, вотъ любимые предметы ея изслѣдованій, споровъ, соображеній. Верхъ ея искусства, апогей ея благотворности—если она захочетъ и съумѣетъ показать значеніе произведеній того или другаго писателя для его времени и потерю этого значенія въ наше время. Но часто и этого не видимъ мы въ современной критикѣ. Она занимается фактами, она собираетъ факты,—а что ей за дѣло до выводовъ! Выводы дѣлайте сами: при помощи современной критики это очень легко. Она вамъ указываетъ, гдѣ помѣщено то-то и то-то: возьмите и прочтите! Если хотите сличеній, и здѣсь вамъ критика поможетъ. Она представляетъ вамъ весьма подробно всѣ перемѣны, какія сдѣланы въ этомъ произведеніи при различныхъ его редакціяхъ. Мало того: она расскажетъ вамъ, гдѣ и въ какихъ обстоятельствахъ писано такое-то произведеніе, она откроетъ вамъ гдѣ-нибудь надпись: село такое-то, мѣсяць такой-то, или обстоятельно, посредствомъ множества хитрыхъ соображеній, докажетъ, что это стихотвореніе, вѣроятно, писано было уже послѣ того времени, какъ авторъ переѣхалъ съ Мойки въ Галерную улицу, но еще прежде, нежели онъ купилъ собственный домъ. Результаты, по истинѣ, блестятельны! Можно надѣяться, что далеко уйдетъ съ ними молодое поколѣніе. Много эта критика сообщитъ ему живыхъ воззрѣній, много породитъ отрадныхъ, прекрасныхъ явленій въ области умственной жизни, много подѣйствуетъ на развитіе общества! Имѣя своими высшими, совершеннѣйшими идеалами—Сопикова и Анастасевича, бойко и твердо пойдутъ наши гениальные, но тѣмъ не менѣе трудолюбивые ученые по дорожкѣ, проторенной этими бессмертными основателями русской бібліографіи... Наполняя литературу указателями, помѣщая въ журналахъ указатели, основывая свою ученую славу на составленіи указателей, они смѣло будутъ говорить всей Россіи: вотъ гдѣ истинное ученое достоинство, вотъ гдѣ осно-

вательные, дѣльные труды, заслуживающіе безсмертія въ потомствѣ! Это не то, что какія-нибудь философскія умствованія, эстетическія соображенія, историческіе, литературные и всевозможные общіе взгляды, которые можетъ бросать всякій мальчишка со школьной скамьи, для которыхъ слѣдуетъ только подумать нѣсколько часовъ, а не нужно проводить мѣсяцы и годы въ переборкѣ, сличеніи, переписываніи и выпискахъ изъ десятковъ и сотенъ книгъ.

Такъ думаютъ и говорятъ представители фактическаго, или, лучше, библиографическаго направленія критики. Такъ еще долго будутъ говорить они и, нельзя не сознаться, въ словахъ ихъ есть частица правды. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ занятія трудны и почтенны, и если достоинство каждаго дѣла мѣрятъ его трудностью, то едва-ли въ области умственной найдется трудъ болѣе достойный. Это несчастные носильщики, перетаскивающіе камни къ мѣсту стройки; это жалкіе рудокопы, копающіе землю, чтобы отыскать въ ея грудахъ зернышко золота. Они полезны, они необходимы, они даже достойны уваженія; но позвольте мнѣ все-таки болѣе уважать архитектора, распорядкающагося стройкой, геолога, указывающаго руду. Ихъ дѣло, можетъ быть, требуетъ менѣе постояннаго, тяжкаго, изнурительнаго труда; но я знаю, что они-то именно и придаютъ значеніе трудамъ каменщиковъ и рудокоповъ, что отъ нихъ-то міръ можетъ ожидать открытій и плановъ, на исполненіе которыхъ всегда найдется довольно людей. Уважаю я трудъ библиографа, знаю, что для него нужно нѣкоторое приготовленіе, предварительныя знанія, какъ для почтальона нужно знаніе городскихъ улицъ; но позвольте же мнѣ болѣе уважать критика, который даетъ намъ вѣрную, полную, всестороннюю оцѣнку писателя или произведенія, который произноситъ новое слово въ наукѣ или искусствѣ, который распространяетъ въ обществѣ свѣтлый взглядъ, истинныя, благородныя убѣжденія. Отъ этого критика я не узнаю, можетъ быть, даже названій всѣхъ произведеній писателя, и тѣмъ менѣе то, гдѣ они были помѣщены и гдѣ писаны, но за то мнѣ будетъ открытъ характеръ писателя, я буду ясно и вѣрно понимать лучшія его произведенія, горячо сочувствовать всему прекрасному, что въ нихъ заключается... И долго будетъ въ обществѣ отзываться звучный, ясный голосъ этого критика, долго будетъ чувствовать народъ благотворное вліяніе его убѣжденій, его горячей, смѣлой, задушевной проповѣди. Конечно, это направленіе тоже можетъ быть доводимо до крайностей: можно набросать громкихъ фразъ, не имѣя никакого собственнаго убѣжденія... Но и это не совершенно бесполезно: по крайней мѣрѣ, подобная статья заставитъ читателя подумать... Библиографическіе же труды могутъ только составить чисто пассивное упражненіе памяти. Ихъ, конечно, можно ставить себѣ въ заслугу и успо-

коняться на нихъ, точно такъ, какъ нѣкоторые ученые, покоящіеся на лаврахъ, ставятъ себѣ въ заслугу то, что читаютъ корректуры новаго изданія своихъ сочиненій. Но нельзя не замѣтить, что для подобнаго дѣла существуютъ корректоры, работающіе безъ всякихъ претензій на гениальность.

Страннымъ можетъ показаться такое вступленіе въ сочиненіе, само имѣющее предметомъ одинъ изъ частныхъ фактовъ нашей литературы. Но оно было необходимо для того, чтобы показать, въ чемъ я полагаю задачу своего труда, какъ я смотрю на дѣло, за которое взялся, и чего читатель можетъ ожидать отъ этого обзрѣнія. Высказавъ теперь свои общія положенія о трудахъ подобнаго рода, я уже смѣлѣе могу говорить о своемъ собственномъ трудѣ, смѣлѣе могу предупредить, что это не будетъ библиографическій указатель, и тѣмъ менѣе сводный списокъ разныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ» и потомъ перепечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ. Пусть библиографы съ презрѣніемъ отвернутся отъ моего труда; пусть люди, ищущіе все только фактовъ, голыхъ, сырыхъ фактовъ,— пусть они обвиняютъ меня въ недостаткѣ научнаго, мозольнаго изслѣдованія, въ пристрастіи къ общимъ взглядамъ, — пусть мой трудъ покажется имъ неосновательнымъ, пустымъ, легкимъ. Я не боюсь этого обвиненія и надѣюсь найти защиту передъ читателями именно въ легкости моего обзрѣнія. Я всѣми силами старался скрыть черную работу, которая положена въ основаніе зданія, снять всѣ лѣса, по которымъ лазилъ я во время стройки, потому что почитаю ихъ совершенно излишними украшеніями. Я старался представить выводы, результаты, итоги, а не частные счеты, не множители и дѣлители. Можетъ быть, отъ этого трудъ мой потеряетъ *научное* достоинство, но за то его можно будетъ читать, а я хочу лучше служить для чтенія, нежели для справокъ. Впрочемъ, чтобы невѣрующіе не вздумали усомниться во всѣхъ моихъ выводахъ, я рѣшаюсь дать имъ *примѣчанія*. Эти примѣчанія довольно обширны, и потому я отношу ихъ къ концу сочиненія, подъ особымъ названіемъ: *Библиографическія замѣтки*. Здѣсь будетъ списано и оглавленіе «Собесѣдника», и представленъ счетъ страницъ его, и показаны опечатки, и высказаны «требовавшія обширной эрудиціи» соображенія о томъ, кого скрывала такая-то подпись изъ начальныхъ буквъ и кому могло бы принадлежать такое-то четверостишіе, безъ подписи, — словомъ, все то, что такъ постоянно оставалось неразрѣваннымъ въ нашихъ журналахъ послѣднихъ годовъ. Въ самомъ же сочиненіи читатель найдетъ только готовые выводы и самыя необходимыя соображенія касательно важнѣйшихъ вещей. Это дастъ мнѣ болѣе свободы въ моемъ изложеніи, позволитъ подробнѣе и вѣрнѣе прослѣдить духъ и направленіе журнала, оставить болѣе простора соображеніямъ критическимъ и собственно литературнымъ.

Предметъ моего изслѣдованія дастъ много поводовъ для подобныхъ соображеній. Это не какая-нибудь «Поденщина», «Мѣшенина» или «Пустомеля», которыя, дѣйствительно, могутъ довольствоваться и просто библиографическимъ описаніемъ. «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова» долженъ занять видное мѣсто въ исторіи русской литературы и въ особенности журналистики. Онъ можетъ дать много важныхъ фактовъ для изучающаго состояніе русскаго общества и литературы въ концѣ прошлаго столѣтія. Можно сказать, что въ продолженіе двухъ лѣтъ своего изданія онъ совмѣщалъ въ себѣ почти всю литературную дѣятельность русскихъ писателей того времени. Жизнь общества тогдашняго отражалась въ немъ болѣе, нежели въ какомъ-либо изъ другихъ изданій, и причину этого, конечно, должны мы искать въ самыхъ условіяхъ существованія «Собесѣдника». У насъ, вообще, журнальная литература всегда пользовалась наибольшимъ успѣхомъ и получила наибольшее развитіе,—потому-ли, что русскіе авторы никогда не хотѣли или не умѣли сами хлопотать о продажѣ и объ изданіи своихъ сочиненій, или потому, что чтеніе мелкихъ, легкихъ статейкъ приходилось болѣе по вкусу образующагося общества, нежели чтеніе сочиненій обширныхъ и серьезныхъ. Да, впрочемъ, подобныхъ сочиненій у насъ никогда и не являлось слишкомъ много. Какъ бы то ни было, журналы различныхъ форматовъ, съ различнымъ направленіемъ и содержаніемъ, различными сроками выхода развелись у насъ во множествѣ уже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Естественно, что они должны были слѣдить за современностію, угадывать потребности общества, если хотѣли имѣть успѣхъ. И дѣйствительно, пересматривая рядъ этихъ изданій, мы находимъ общее стараніе слѣдить за общественной жизнью и овладѣвать вниманіемъ публики, представляя сильное изображеніе того, что особенно ее занимало или могло занимать въ данное время. Отсюда объясняется раннее появленіе у насъ правописательныхъ изданій. При этомъ нельзя забыть и того особеннаго направленія, которое всегда проглядывало въ этихъ изображеніяхъ нравовъ—направленія сатирическаго. Молодое, развивающееся общество русское чувствовало, конечно, само свое несовершенство, видѣло, что ему еще многое нужно у себя исправить и передѣлать. Но не въ его волѣ было вдругъ отрѣшиться отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, имѣвшихъ болѣею частию историческое происхожденіе, проникнувшихъ весь характеръ народа и нерѣдко связанныхъ съ самымъ общественнымъ его устройствомъ. Для этого нужно было время, приготовленіе; нужно было, чтобы появилось сначала сознаніе недостатковъ, чувство необходимости ихъ исправленія; сначала должно было теоретически овладѣть умами, чтобы потомъ практически выразиться въ жизни. Сатира явилась въ этомъ случаѣ могучимъ дѣятелемъ, какъ и

всегда является она въ обществѣ. Это общество, столько перенесшее и выстрадавшее, такъ часто останавливаемое враждебными обстоятельствами въ естественномъ ходѣ своего развитія, такъ стѣсняемое въ самыхъ чистыхъ и высокихъ своихъ стремленіяхъ, связанное во всемъ по рукамъ и ногамъ, вслѣдствіе совершенно неравномѣрнаго распредѣленія въ немъ умственныхъ и вещественныхъ преимуществъ,—это общество, не имѣя возможности дѣйствовать, искало отрады, по крайней мѣрѣ, въ словѣ—умномъ, смѣломъ, благородномъ, выводящемъ на посмѣяніе все низкое и пошлое и выражавшемъ живое стремленіе къ новому, лучшему, разумному порядку вещей. Никогда не замирало у насъ это направленіе, и во всемъ, что есть лучшаго въ нашей словесности, отъ первыхъ народныхъ пѣсенъ до произведеній Гоголя и стихотвореній Некрасова, видимъ мы эту пронию, то наивно открытую, то лукаво-спокойную, то сдержанно-желчную. Она нашла себѣ представителей и въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка. Число журналовъ, начавшихся «Всякою Всячиною» (1769 г.) и отличавшихся преимущественно сатирическимъ направленіемъ, довольно велико. Въ этомъ же году появились: «И то, и се», «Ни то, ни се», «Поденьщина», «Полезное съ пріятнымъ», «Смѣсь» и «Трутень».—Въ слѣдующемъ году издавался «Парнасскій Щепетильникъ», Новикова; въ 1771 г. «Трудолюбивый Муравей», Рубана; въ 1772 г. «Вечера» и «Живописецъ», Новикова, имѣвшіе такой блестящій успѣхъ, что «Живописецъ» снова перепечатанъ былъ въ слѣдующемъ же году. Съ этого времени Новиковъ рѣшительно овладѣлъ поприщемъ журналистики. Въ 1774 г. издалъ онъ «Кошелекъ», въ 1777—1780 годы «Утренній Свѣтъ»; въ 1781 г. «Московское Ежемѣсячное Изданіе»; въ 1782 г. «Вечернюю Зорю», какъ продолженіе «Утренняго Свѣта», и въ 1784 г. заключилъ все это «Покоящемся Трудолюбцемъ». Не всѣ новиковскія изданія отличаются одинаковымъ направленіемъ, а потому не всѣ имѣли одинаковый успѣхъ. Въ «Утреннемъ Свѣтѣ» является уже характеръ болѣе философскій, нежели сатирическій, и только стихотворенія да анекдоты все еще напоминаютъ веселую сатиру. Въ «Вечерней Зорѣ» уже преобладаютъ разсужденія—о постѣ, о безсмертіи души, о суетѣ суетъ, объ истинномъ блаженствѣ, о совѣсти, объ откровеніи, о египетской морали и догматикѣ, и т. п. Самыя стихотворенія представляютъ большею частію переложеніе молитвъ, псалмовъ и душеспасительныя размышленія. То же самое находимъ въ «Покоящемся Трудолюбцѣ», гдѣ въ каждой книжкѣ являются благочестивыя размышленія и духовныя оды на любовь, на злобу, на смерть, на рожденіе вообще или чье-нибудь рожденіе въ частности. Такое направленіе было очень почтенно и могло быть даже полезно въ то время; но для этого нужно было немножко лучше взяться за дѣло. Въ виду смѣлыхъ и

остроумныхъ нападений величайшихъ умовъ того времени, нельзя уже было довольствоваться прежнею рутинною, обращеніями къ чувству, восклицательными знаками, изношенными сравненіями; нельзя уже было прятаться за авторитетъ египетскихъ, китайскихъ и другихъ мудрецовъ. А этимъ-то именно и отличаются разсужденія новиковскихъ журналовъ. Они чрезвычайно напоминаютъ сочиненія на заданныя темы, какими упражняютъ обыкновенно воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Это, впрочемъ, иначе и не могло быть, по самому составу сотрудниковъ журнала, которые всѣ почти были студенты Московскаго университета, какъ объявлялъ объ этомъ Новиковъ на первыхъ же листахъ cadaго журнала. Большая часть именъ остались совершенно неизвѣстными въ литературѣ; въ «Вечерней Зорѣ» можно только отмѣтить Лабзина и Пельскаго, въ «Покоящемся Трудодлюбцѣ» — Подшивалова, Антонскаго и Сохацкаго. Неудивительно, что эти классныя упражненія мало встрѣчали сочувствія въ публикѣ, которая, не обращая вниманія на дидактическіе журналы Новикова, въ это самое время жадно перечитывала во 2-мъ и 3-мъ изданіи его «Живописца» и «Вечера».

Гораздо большимъ вниманіемъ пользовался журналъ, издававшійся съ 1778 г. Григоріемъ Брайко (1) (по свидѣтельству м. Евгенія) — «Спб. Вѣстникъ». Этотъ журналъ, менѣе обнаруживавшій склонности къ отвлеченнымъ бесплоднымъ умствованіямъ, больше вникавшій въ жизнь и лучше ее понимавшій, нежели остальная журнальная братія, скоро овладѣлъ общимъ вниманіемъ и продолжался непрерывно, въ теченіе почти четырехъ лѣтъ, — явленіе очень рѣдкое въ то время (2). Въ немъ явилось нѣсколько поэтическихъ опытовъ Державина (см. объ этомъ статью г. Грота въ «Соврем.» 1845 г., № 4). Въ немъ участвовалъ Княжнинъ. Здѣсь же помѣщена была знаменитая въ свое время сатира Капниста (3). Вообще, стихотворный отдѣлъ отличается скорѣе сатирическимъ, нежели дидактическимъ направленіемъ. Въ прозаическихъ статьяхъ тоже разсматриваются предметы, болѣе близкіе къ жизни, нежели отвлеченные. Есть нѣсколько статей историческаго и даже юридическаго содержанія (4). Статья «О началѣ россійскаго театра» можетъ быть небезполезна и нынѣ. Кроме того, живѣйшій интересъ придаваемъ былъ журналу тѣмъ, что онъ постоянно слѣдилъ за новостями политики и литературы. Въ его программѣ заключался отдѣлъ библіографіи — довольно полной и дѣльной для своего времени — и, сверхъ того, отдѣлъ, въ которомъ помѣщались распоряженія русскаго правительства и извѣстія о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ другихъ странъ. Все это придавало журналу небывалыя до того живость и разнообразіе и, конечно, много содѣйствовало его успѣху въ публикѣ. Причины его прекращенія неизвѣстны. Но послѣ «Ежемѣсяч-

ныхъ Сочиненій» это было самое продолжительное изданіе въ прошломъ вѣкѣ, и ужь, конечно, прекратилось оно не по тѣмъ причинамъ, которыя, на примѣръ, заставили Туманскаго напечатать въ 1786 году на послѣдней страницѣ своего «Зеркала Свѣта» слѣдующія строки: «Сія часть оканчиваетъ изданіе «Зеркала Свѣта» понедеѣльно. Разныя неудобства продолженіе онаго прерываютъ, а малое число подписателей, сей годъ бышихъ, а и того меньше на будущій явившихся, подтвердили давно извѣстную о писателяхъ, общую пользу предметомъ имѣющихъ, истину». — Журналъ Туманскаго и «С.-Петербургскій Вѣстникъ» различались такъ, какъ, на примѣръ, «Сынъ Отечества» и «Телеграфъ», и если первый прекратился *своею смертію*, то уничтоженіе послѣдняго, всего вѣроятнѣе, нужно искать въ обстоятельствахъ, теперь намъ неизвѣстныхъ.

«Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова» былъ прямымъ преемникомъ и продолжателемъ «С.-Петербургскаго Вѣстника», хотя безъ всякаго предварительнаго соглашенія, даже, вѣроятно, безъ всякаго намѣренія, а совершенно случайно. Это продолженіе видимъ мы не во внутренней жизни, не въ существенныхъ убѣжденіяхъ и взглядахъ журнала: въ этомъ сходство между «Собесѣдникомъ» и «Вѣстникомъ» развѣ немногимъ чѣмъ больше, какъ и между всѣми другими журналами, которые всѣ отличались болѣе или менѣе полнымъ отсутствіемъ убѣжденій и болѣе или менѣе яркою пестротою противорѣчивыхъ понятій и взглядовъ. Нѣтъ, сходство это болѣе внѣшнее, но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить его. Въ «Собесѣдникѣ» участвовали почти всѣ тѣ же писатели, которые участвовали въ «Вѣстникѣ»; изъ «Вѣстника» перепечатывалъ «Собесѣдникъ», особенно въ первыхъ частяхъ своихъ, значительное количество статей, иногда сказывая объ этомъ, а иногда и умалчивая (5). «Собесѣдникъ», какъ и «Вѣстникъ», защищалъ русскій языкъ отъ вторженія ненужныхъ иностранныхъ словъ, отличался любовію къ историческимъ изысканіямъ, пытался рисовать современные нравы и представлять въ легкой формѣ дѣльныя научныя истины; наконецъ въ немъ, какъ и въ «Вѣстникѣ», находимъ мы совершенное отсутствіе стихотворныхъ шарадъ и загадокъ, которыми наполнялись тогда всѣ журналы, особенно новиковскіе. Только отдѣлы критики и новостей были уничтожены здѣсь, потому, вѣроятно, что «Собесѣдникъ» не назначалъ себѣ срочнаго времени для выхода, а выпускалъ свои книжки по мѣрѣ накопленія статей.

Изъ этого коротенькаго обзора журналовъ, предшествовавшихъ «Собесѣднику», и изъ нѣсколькихъ словъ объ отношеніи его къ «С.-Петербургскому Вѣстнику» видно уже, что въ этомъ журналѣ смѣло можно искать отраженія современной жизни общества. Успѣхъ этого исканія представится намъ еще болѣе несомнѣннымъ, когда мы вспомнимъ о томъ. кто

были его издатели. Это были—княгиня Дашкова и сама Императрица Екатерина II. Здѣсь не могли, слѣдовательно, имѣть мѣста никакія опасенія, никакая малодушная робость предъ сильными міра сего. Литературное слово обличенія и наставленія нисходило съ высоты престола, оно было *со властію*, было сильно, свободно и открыто, не щадило порока и низости на самыхъ высшихъ ступеняхъ общественныхъ, не было стѣсняемо никакими посторонними обстоятельствами, которыя, въ другихъ случаяхъ, такъ часто накладываютъ *печатъ молчанія на уста* писателя. Съ другой стороны, это не было изданіе оффиціальное, которое бы по необходимости должно было ограничиться узкой программой отчетовъ, мертвыхъ цифръ и другихъ, хотя краснорѣчивыхъ, но тѣмъ не менѣе нисколько не характеристическихъ данныхъ. Это было изданіе собственно литературное, полное жизни, пользовавшееся полнымъ просторомъ въ выборѣ предметовъ и въ способѣ ихъ изображенія. Къ этому нужно присоединить и то, что вся литературная дѣятельность Екатерины II имѣетъ видъ высокой правды и безкорыстія, которое не могло не дѣйствовать и на другихъ писателей, дѣйствовавшихъ въ то время. Правда, по духу того времени, Императрица не могла не терпѣть разныхъ, слишкомъ восторженныхъ, гиперболическихъ диэрамбовъ; поэтъ прекрасно сказалъ отъ ея имени:

„Не запрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху и лести“.

И въ то время, можетъ быть, даже больше, чѣмъ во всякое другое, встрѣчаемъ мы торжественныхъ, льстивыхъ одъ. Но это была дань своему вѣку и, обезпечивъ себя подобнымъ твореніемъ, каждый изъ писателей тѣмъ безбоязненнѣе и прямѣе могъ изображать современное общество и подсмѣиваться надъ его недостатками. Таковъ именно и есть характеръ «Собесѣдника», какъ покажетъ подробный разборъ его.

Мы не будемъ здѣсь много распространяться объ основаніи «Собесѣдника» Екатериною II: оно довольно общеизвѣстно, и извѣстіе о немъ номѣщается даже въ курсахъ литературы, обыкновенно предъ разборомъ «Фелицы» Державина (6). Трогательная исторія появленія этой оды-сатиры, въ самомъ дѣлѣ, тѣсно связана съ началомъ «Собесѣдника»: ода красуется на первыхъ его страницахъ. Въ сущности, впрочемъ, это обстоятельство довольно маловажно для нашего дѣла и потому, не останавливаясь на немъ, ограничимся только необходимыми историческими данными.

«Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ нѣкоторыхъ Россійскихъ писателей», начался въ 1783 году, «по желанію Академіи Наукъ директора, ея сіятельства Е. Р. Дашковой», какъ сказано въ предувѣдомленіи къ нему. Объ участіи

Императрицы Екатерины II ничего тогда не было сказано, и оно нѣкоторое время оставалось тайною для многихъ, что доказывается смѣлыми вопросами фонъ-Визина, помѣщенными въ третьей книжкѣ, и не совсѣмъ благосклонными критиками «Любослововъ», помѣщавшимися въ самомъ же «Собесѣдникѣ» (7). Начался этотъ журналъ съ началомъ 1783 года: первая книжка его вышла мая 20-го, какъ видно изъ объявленія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1783 года, № 40. Въ этотъ первый годъ вышло девять книжекъ журнала; остальные семь вышли въ слѣдующемъ году. Съ шестнадцатою книжкою изданіе, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, прекратилось въ сентябрѣ 1784 года (8).

Изданіе это многіе до сихъ поръ относили къ основанію Россійской Академіи (Гречъ, Полевой и др.) (9). Но оно началось гораздо раньше, потому что указъ объ учрежденіи Россійской Академіи состоялся только 30 октября 1783 года, а до этого времени издано уже было пять книжекъ «Собесѣдника» ¹⁾. вмѣстѣ съ этой ошибкой курсы нашей литературы повторяютъ другую, именно: будто бы въ «Собесѣдникѣ» напечатана была рѣчь, говоренная при учрежденіи Академіи княгинею Дашковой; въ «Собесѣдникѣ» этой рѣчи нѣтъ (10). Впрочемъ, не совпадая хронологически, «Собесѣдникъ» и учрежденіе Россійской Академіи совпадаютъ по мысли, произведшей ихъ. Въ объявленіи о «Собесѣдникѣ», которое вошло и въ предувѣдомленіе къ нему, сказано, что княгиня Дашкова «почитаетъ нужнымъ не только пещись, по долгу званія своего (какъ директоръ Академіи Наукъ), о приведеніи наукъ въ Россіи въ цвѣтущее состояніе, но и стараться о доставленіи публикѣ хорошихъ Россійскихъ сочиненій, чтобы тѣмъ подавать по мѣрѣ силъ своихъ способы сочинителямъ трудиться въ стихотворствѣ и въ прочихъ, до словесныхъ наукъ и нравоученія касающихся сочиненіяхъ. Польза, отъ сего происходящая, ощутительна, какъ въ разсужденіи Россійскаго слова, такъ и вообще въ разсужденіи просвѣщенія». Въ концѣ первой книжки напечатано увѣдомленіе издателей, чтобы всѣ, кому угодно, присылали въ редакцію критики на статьи «Собесѣдника»: «ибо желаніе княгини Дашковой есть, чтобы Россійское слово вычищалось, процвѣтало и сколько возможно служило къ удовольствію и пользѣ всей публики, а критика, безъ сумнѣнія, есть одно изъ наилучшихъ средствъ къ достиженію сей цѣли» ²⁾ Въ рѣчи при учрежденіи Россійской Академіи, княгиня Дашкова также говоритъ: «Учрежденіемъ Россійской Академіи, предоставлено усовершенить и возвеличить слово наше препрославленному вѣку Екатерины Вторыя... Много раз-

¹⁾ См. «Объ учрежденіи Росс. Академіи», въ первомъ томѣ «Сочиненій и Переводовъ Росс. Академіи», 1805 года.

²⁾ «Соб.», ч. I, стр. 160.

личныя древности нашего отечества, обильныя лѣтописи, дражайшіе памятники дѣяній праотцевъ нашихъ представляютъ намъ обширное поле... Звучныя дѣла государей нашихъ, знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ, а наипаче славный вѣкъ Екатерины II явитъ намъ предметы къ произведеніямъ, достойнымъ громкаго нашего вѣка. Сіе, равномѣрно какъ и сочиненіе грамматики и словаря, да будетъ первымъ нашимъ упражненіемъ». Изъ этихъ словъ видно уже просвѣщенное стремленіе княгини Дашковой способствовать успѣхамъ родного слова; видно, что новый директоръ Академіи Наукъ съ жаромъ и умѣньемъ взялся за исполненіе своихъ важныхъ обязанностей. Назначенная директоромъ Академіи по непосредственному выбору Императрицы Екатерины II, княгиня Дашкова долго отговаривалась, утверждая, что она неспособна къ такой важной должности. Но Императрица сказала, что люди, прежде того занимавшіе эту должность, по способностямъ и качествамъ своимъ, были ниже княгини, и настояла на своемъ выборѣ. Изъ собственныхъ записокъ княгини (11) видно, съ какимъ безкорыстіемъ и чистымъ усердіемъ принялась она за ввѣренное ей дѣло, съ какой ревностной, напряженной дѣятельностью заботилась о процвѣтаніи и возвышеніи русскаго просвѣщенія и русскаго слова. Съ перваго дня своего вступленія въ должность, она хлопочетъ о приведеніи въ порядокъ бібліотеки, типографіи академической, о выборѣ новыхъ членовъ, о возобновленіи журнала Академіи, объ увеличеніи экономическихъ суммъ, на которыя умножаетъ число учениковъ въ академическомъ училищѣ, прибавляетъ жалованья профессорамъ, вводитъ новые курсы, издаетъ карты губерній Россійской имперіи (12). Но и этихъ трудовъ было для нея не довольно: она хотѣла еще непосредственнѣе дѣйствовать на распространеніе полезныхъ знаній и добрыхъ мыслей въ обществѣ и для этой цѣли, черезъ три мѣсяца послѣ своего назначенія въ должность директора Академіи, задумала литературный журналъ. Апрѣля 14-го, 1783 года, явилось въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» первое объявленіе объ изданіи «Собесѣдника». Мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о томъ, на какія суммы предпринято было это изданіе и кто первый возымѣлъ мысль о немъ — Екатерина-ли, или сама княгиня Дашкова. Въ «Запискахъ» ея сказано, что этотъ журналъ «издавала Академія» ¹⁾ и на заглавномъ листѣ каждой книжки стоитъ: «иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ». Потому можно предполагать, что на это употреблены были именно тѣ экономическія суммы, которыя умѣлъ сберечь новый директоръ Академіи. Черезъ полгода послѣ начала этого изданія княгиня Дашкова успѣла уже привести къ совершенію учрежденіе Россійской

¹⁾ См. „Совр.“ 1845 года, № 1, стр. 28.

Академія, какъ ученаго общества, долженствующаго «хранить и утверждать языкъ»; такимъ образомъ, что она имѣла въ виду совершить частнымъ образомъ, посредствомъ своихъ сочиненій и кружка литераторовъ, помѣщавшихъ свои труды въ ея журналъ, теперь высказалось официально и возложено было на цѣлое сословіе ученыхъ, которые должны были усовершенствованіе отечественнаго слова поставить задачею своей дѣятельности. Вотъ въ какомъ отношеніи могутъ быть сближены «Собесѣдникъ» и Россійская Академія: они имѣли одну и ту же цѣль, явились вслѣдствіе одного и того же просвѣщеннаго стремленія — распространять просвѣщеніе въ обществѣ и возвысить значеніе отечественной литературы. Мы обращаемъ особенное вниманіе на это обстоятельство, потому что оно опредѣляетъ до нѣкоторой степени самый характеръ и направленіе журнала. Двойная цѣль изданія вполне объясняетъ намъ, почему въ «Собесѣдникѣ», рядомъ со статьями о нравахъ, встрѣчаются опредѣленія славянскихъ именъ, вмѣстѣ съ лучшими поэтическими произведеніями того времени — филологическія изслѣдованія о свойствахъ славянскаго языка, или критики, въ которыхъ ни единое *e* ни единое *и*, нечаянно, не у мѣста поставленныя въ «Собесѣдникѣ», не пропущены ¹⁾).

И «Собесѣдникъ», сколько мы можемъ теперь судить, дѣлалъ свое дѣло. При этомъ можно даже взять во вниманіе многочисленныя письма, помѣщавшіяся въ «Собесѣдникѣ» же и, прямо или косвенно, положительны или отрицательно, расхваливавшія этотъ журналъ. Многія изъ нихъ, очевидно, сочинялись въ редакціи, особенно тѣ, въ которыхъ журналъ хвалили подъ видомъ брани, вызванной будто бы негодованіемъ лицъ, въ немъ осмѣянныхъ. Но многія изъ этихъ писемъ, особенно при посылкѣ разныхъ собственныхъ сочиненій (13), безъ сомнѣнія, дѣйствительно были получаемы въ редакціи, — и всѣ они наполнены комплиментами; въ большей части говорится о томъ, съ какою жадностію всѣ читаютъ «Собесѣдникъ». Теперь нѣтъ возможности узнать, чьему перу принадлежатъ всѣ эти письма, иногда очень оригинальныя. Въ 16-ти книжкахъ «Собесѣдника» ихъ напечатано слишкомъ 50. Они обозначены множествомъ различныхъ мѣстностей: есть письма изъ Архангельска, изъ Карасубазара, изъ Клина, изъ Симбирска, изъ Шлиссельбурга и пр. (14); но всего болѣе писемъ изъ Москвы (15) и Звенигорода (16), и въ этихъ-то послѣднихъ можно подозрѣвать самихъ издателей, равно какъ и въ тѣхъ, подъ которыми подписано, что они присланы «изъ-за тридевяти земель, изъ тридесятаго царства». Въ библиографическихъ замѣткахъ приведено нѣсколько выписокъ изъ нихъ; здѣсь же мы ограничимся только указаніемъ на то, какъ умѣли

¹⁾ „Соб.“, ч. II, стр. 103.

хвалить «Собесѣдникъ» подь видомъ брани. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма къ сочинителю «Записокъ о Россійской Исторіи» ¹⁾. «Вы, мнѣ кажется, не весьма удачнымъ образомъ въ свое сочиненіе вступили. Какое ваше, напримѣръ, о происхожденіи Россіянъ сухое и маловажное объясненіе! Не могли вы развѣ славному народу, каковъ есть нашъ, чудеснѣе сего дать колыбели? Не такъ, сударь, право, не такъ пишутъ исторію. Но вы, можетъ быть, не довольно въ древностяхъ упражнялись, чтобы о томъ надлежащее имѣть свѣдѣніе; вамъ все кажется: чему трудно повѣрить, того въ исторіи и писать не должно. Да намъ-то что жъ за забава читать лишь бытія простыя и возможныя?.. Вы больше всего, мнѣ кажется, остерегаетесь витійства слога. Итакъ, я вамъ мѣсто въ моей библіотекѣ подлѣ Тацита опредѣляю; надѣюсь, что и васъ такъ же скоро крысы почнутъ: имъ уже давно онѣ у меня питаются. Ваши Скины и Славяне мнѣ, право, не нужны; что мнѣ до того, что они живали; мнѣ бы лучше про Гостомысла или про дочь его Умилу что-нибудь послушать хотѣлось». Подобное же письмо напечатано въ 6-й книжкѣ—о «Быляхъ и Небылицахъ». Послѣднее заставило самаго автора «Былей» спросить въ слѣдующей книжкѣ: «ай, сударь, заподлинно-ли это критика, или хитро сложенный пукъ хвалы» ²⁾? По этому можно судить, каковы были тѣ статьи, которыя *прямо* расхваливали «Собесѣдникъ» (17). Въ послѣдней книжкѣ его помещена статья, съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Историческія, философическія, политическія и критическія разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги, во всѣхъ концахъ Россійской имперіи, славившейся и по столичнымъ, губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ городамъ той Имперіи до сего дня читаемой, но не столько, какъ прежде, покупаемой, а именно «Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова» ³⁾. Статья эта прерывается на 3-й главѣ и обѣщаетъ «продолженіе впредь, ежели читателямъ угодно». Но, вѣроятно, читателямъ не угодно стало *раскупать* эту книгу, и слѣдующей части «Собесѣдника» уже не вышло. Видно, что, несмотря на общій восторгъ, журналъ расходился не слишкомъ бойко. Первые 12 №№ объявлены были по рублю, 13-й и 14-й по 80 к., 15-й и 16-й—уже по 50-ти, и при объявленіи о 15-мъ № прибавлено, что по 50-ти же копѣекъ можно теперь покупать и всѣ прежде вышедшія 14 частей (18). Ясно, что книга плохо шла съ рукъ. Какъ же согласить это съ извѣстіями о томъ, что всѣ и вездѣ читаютъ «Собесѣдникъ»? Нѣкоторое объясненіе на это можетъ дать слѣдующая выписка изъ одного письма къ издателямъ (на стр. 158, 3-й части «Собесѣдника»): «девять человекъ купцовъ и четыре священника

¹⁾ „Соб.“, ч. III, стр. 167.

²⁾ Ibid., стр. 167.

³⁾ „Соб.“, ч. XVI, стр. 3—11

сію книгу у моего дворецкаго брали читать». Видно, что и тогда, какъ нынѣ, распространенъ былъ обычай «взять книжку почитать»; покупать же находилось мало охотниковъ, вѣроятно, подъ тѣмъ предлогомъ, какой нынѣ представляютъ обыкновенно подобные даровые читатели: «зачѣмъ, дескать, на пустяки деньги тратить? прочтешь книгу,—вѣдь она такъ лежать будетъ»... Распространеніе подобнаго образа мыслей, конечно, не могло благопріятствовать успѣхамъ книжной торговли. Впрочемъ, конечно, не недостатокъ покупателей заставилъ Академію прекратить изданіе «Собесѣдника», а какія-нибудь обстоятельства другого рода. Объ этомъ свидѣтельствуется Академія въ предисловіи къ своему изданію: «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія», которое началось съ половины 1786 года. Тамъ сказано: «Академія Наукъ чрезъ многіе годы издавала въ свѣтъ на російскомъ языкѣ разныя періодическія сочиненія, коими наибольшая часть читателей были довольны; и не бесполезность тѣхъ сочиненій, ниже неудовольствіе публики, но разныя перемѣны, которымъ подвержена была Академія, были причиною, что оныя сочиненія неоднократно останавливались, вовсе прерывались, и паки снова начинаемы были, когда обстоятельства Академіи то позволяли»¹⁾. Въ числѣ этихъ изданій нужно, конечно, разумѣть и «Собесѣдникъ», тѣмъ болѣе, что самыя «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія» могутъ быть названы какъ бы продолженіемъ его, по своей цѣли, высказанной въ томъ же предисловіи: «способствовать *приращенію человеческихъ знаній и обогащенію російскаго языка*».

Главнымъ двигателемъ и распорядителемъ этого изданія былъ опять директоръ Академіи, кн. Е. Р. Дашкова (19), и оно продолжалось въ теченіе слишкомъ десяти лѣтъ, прекратясь только со смертію Екатерины II. Журналъ этотъ имѣлъ болѣе ученый характеръ и, конечно, не замѣнилъ «Собесѣдника» въ отношеніи легкости и живости собственно литературнаго содержанія. «Собесѣдникъ», какъ видно, долго не переставали читать, и въ 1809 г. онъ вышелъ вторымъ изданіемъ; слѣдовательно, въ продолженіе 25 лѣтъ онъ не устарѣлъ для русской публики и могъ обращать вниманіе даже послѣ карамзинскихъ журналовъ.

Такова внѣшняя исторія этого изданія. Можно уже и изъ нея видѣть, что это было замѣчательное явленіе въ русской журналистикѣ. Но еще болѣе убѣдимся въ этомъ, когда поближе рассмотримъ внутреннее его содержаніе, характеръ и направленіе.

Взглянемъ прежде всего на составъ редакціи и на сотрудниковъ журнала. Одинъ перечень ихъ именъ покажетъ, что сюда принадлежало все лучшее, что только дѣйствовало тогда на литературномъ поприщѣ. Изда-

¹⁾ „Нов. Ежемѣс. Соч.“ 1786 г. Т. I. Предисловіе, стр. 1, 2.

тели были: кн. Е. Р. Дашкова, которая нерѣдко помѣщала здѣсь свои сочиненія (20), и Екатерина II, наполнявшая большую часть журнала своими «Записками касательно Русской Исторіи» и «Былями и Небылицами» (21). Кромѣ того, весьма дѣятельнымъ участникомъ въ изданіи былъ О. П. Козодавлевъ, молодой адвокатъ, какъ говоритъ кн. Дашкова въ своихъ «Запискахъ» (22). Затѣмъ постояннымъ вкладчикомъ до конца журнала былъ Богдановичъ, напечатавшій здѣсь до 20 стихотвореній (23), большею частію подписанныхъ полнымъ именемъ. Державинъ, никогда не подписывавшій своихъ стихотвореній, предоставляя узнавать их *unque leonem*, помѣстилъ здѣсь многія изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: «Фелицу», «Оду на смерть Мещерскаго», «Оду къ сосѣду», «Благодарность Фелицѣ», «Ключъ», «Оду Рѣшмыслу», «Богъ» и др. (24). Княжнинъ также ревностно трудился для первыхъ книжекъ журнала, помѣщая въ немъ и стихи и прозу (25), впрочемъ, большею частію не подписывая ихъ. Капнистъ, тогда еще не писавшій ни своей «Ябеды», ни превосходной оды «На истребленіе въ Россіи званія раба» (26), но уже извѣстный своею сатирою, тоже участвовалъ въ журналѣ и даже перепечаталъ сюда изъ «Вѣстника» знаменитую сатиру (27). Костровъ также далъ сюда нѣсколько стихотвореній, и стихотворенія эти, по крайней мѣрѣ, не изъ худшихъ у Кострова (28). Фонъ-Визинъ, еще тогда не авторъ «Недоросля», но уже извѣстный «Бригадиромъ» (29), постоянно принималъ участіе въ «Собесѣдникѣ», печатая въ немъ свой опытъ «Сословника», свои «Вопросы», «Челобитную Россійской Минервѣ», «Поученіе іерея Василя» (30). По многимъ извѣстіямъ, здѣсь были также статьи Хераскова (31), и, дѣйствительно, въ «Собесѣдникѣ» находимъ нѣсколько прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній, подписанныхъ буквами М. Х. Проза весьма сильно напоминаетъ Хераскова; но стихи плавнѣе, нежели обыкновенно у него. Въ полномъ собраніи сочиненій Хераскова нѣтъ ни одной изъ этихъ статей (32). Кромѣ того, въ «Собесѣдникѣ» находимъ мы по нѣсколько статей М. Муравьева (33), Д. Хвостова, Нелединскаго-Мелецкаго, Боброва (34), Левшина (35), Плавильщикова и другихъ, менѣе извѣстныхъ авторовъ (36). Здѣсь напечатано даже одно, дотолѣ, неизвѣстное, стихотвореніе Ломоносова (37). Затѣтъ остается еще множество статей неподписанныхъ и принадлежащихъ неизвѣстнымъ авторамъ, но часто весьма умныхъ (38). По извѣстіямъ м. Евгенія, въ «Собесѣдникѣ» помѣщено много статей академиковъ Лепехина и Румовскаго (39). Но мы не могли рѣшить, какія статьи изъ неподписанныхъ нужно присвоить этимъ ученымъ. Можетъ быть, впрочемъ, что митрополитъ Евгеній самъ ошибся при этомъ, какъ ошибся онъ, сказавъ, что въ «Собесѣдникѣ» помѣщена была рѣчь кн. Дашковой, говоренная ею при учрежденіи Россійской Академіи (40).

Нельзя же согласиться, что этотъ переченьъ сотрудниковъ весьма блѣстателенъ и весьма много обѣщаетъ. Правда, иногда имена эти обманываютъ, какъ и нынѣ случается съ именами многихъ извѣстныхъ писателей. Муравьевъ, напримѣръ, помѣстилъ въ «Собесѣдникѣ» два весьма плохія стихотворенія; Богдановичъ втиснулъ сюда на половину пьесъ очень посредственныхъ; но вообще можно по справедливости сказать, что множество превосходныхъ произведеній выкупаютъ количество слабыхъ и даютъ журналу право на наше уваженіе. Одни произведенія Державина, Фонъ-Визина и Капниста могли бы спасти его отъ забвенія; но мы увидимъ, что въ немъ есть и еще не мало замѣчательнаго.

Въ «Собесѣдникѣ», какъ и во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ, не было никакого раздѣленія на разные отдѣлы. Это было введено только Карамзиннымъ, поддержано Полевымъ и продолжалось по привычкѣ донинѣ. Теперь снова возвращаются къ прежнему и соединяютъ, напр., науки со словесностью, только—увы!—къ великой досадѣ славянофиловъ, совсѣмъ, кажется, не изъ подражанія старинѣ, а просто по примѣру иностранныхъ журналовъ. Въ «Собесѣдникѣ», такимъ образомъ, господствовало пріятное разнообразіе: стихи перемѣшаны были съ прозою, серьезныя статьи съ шуточными, сатирическія—съ дидактическими, которыхъ, впрочемъ, надобно замѣтить, было очень мало. Открывалась книжка обыкновенно стихами; потомъ слѣдовала какая-нибудь статья въ прозѣ, затѣмъ очень часто письмо къ издателямъ; далѣе опять стихи и проза, проза и стихи. Въ срединѣ книжки помѣщались обыкновенно «Записки о Россійской Исторіи»; въ концѣ относились «Были и Небылицы». Каждая статья обыкновенно отмѣчалась особымъ номеромъ, какъ нынѣ главы въ безконечныхъ англійскихъ романахъ, и число статей этихъ въ разныхъ книжкахъ было весьма неодинаково. Въ первой ихъ XXXIII, въ 5-й—XI, въ 10-й—XVII, въ 15-й—VII, въ 16-й—XII (41).

Стихи въ «Собесѣдникѣ» не были роскошью только, но, какъ въ альманахахъ двадцатыхъ годовъ, составляли его существенную часть. Въ подтвержденіе этого стоитъ указать только на то, что изъ 242 статей, напечатанныхъ въ 16-ти книжкахъ «Собесѣдника», 110 стихотвореній, и что они занимаютъ до 500 страницъ, изъ 2.800, составляющихъ весь журналъ.

Приступая къ обзорѣнію содержанія «Собесѣдника», мы должны прежде всего обратить вниманіе на «Записки касательно Россійской Исторіи», занимающія почти половину журнала (1.348 страницъ). Записки эти были потомъ изданы отдѣльно, въ 6 частяхъ, 1785—1797, исправленные и дополненные, съ именемъ Императрицы Екатерины II. Въ 1801 г. было третье ихъ изданіе. Въ «Собесѣдникѣ» онѣ доведены до 1224 г., въ отдѣль-

номъ изданіи продолжены до 1276 г. Исторія происхожденія этого творенія извѣстна довольно неопредѣленно, и до сихъ поръ на него никто изъ ученыхъ не обратилъ должнаго вниманія. Въ курсахъ исторіи литературы о «Запискахъ» этихъ едва упоминается. Карамзинъ, кажется, не имѣлъ ихъ въ виду; жизнеописатели Екатерины говорятъ только, что она составляла записки о русской исторіи — и болѣе ничего (42). Г. Старчевскій, обозрѣвая русскую литературу до Карамзина, сказалъ о «Запискахъ» нѣсколько словъ, не дающихъ никакого понятія объ этомъ сочиненіи (43). Г. Соловьевъ, въ статьѣ своей о писателяхъ русской исторіи въ XVIII вѣкѣ (44), о «Запискахъ» Екатерины II не говоритъ ни слова. Объ этомъ тѣмъ болѣе нужно сожалѣть, что специалистъ ученый, конечно, весьма легко могъ бы опредѣлить мѣру непосредственнаго участія Екатерины II и ея воззрѣній въ этомъ сочиненіи и произнести рѣшительный судъ о научномъ его достоинствѣ и объ отношеніи его къ другимъ историческимъ трудамъ прошедшаго вѣка, посвященнымъ нашему отечеству. Не принимая на себя подобной задачи, я попытаюсь представить здѣсь нѣсколько данныхъ, которыя могутъ служить для дальнѣйшихъ выводовъ объ этомъ замѣчательномъ трудѣ Екатерины II.

Слѣдя постоянно за движеніемъ умовъ на Западѣ, Императрица хорошо видѣла добрыя и дурныя его стороны. Понимая, что оно могло произвести гибельныя послѣдствія въ отношеніи къ существующему порядку вещей, она старалась всѣми силами противодѣйствовать распространенію его въ Россіи. Но изъ опасенія зла, не желая лишить свой народъ всѣхъ выгодъ образованности и, такимъ образомъ, явиться въ глазахъ Европы противницею просвѣщенія, Императрица продолжала покровительствовать наукамъ, только рѣшилась сама наблюдать за правильнымъ ходомъ развитія понятій нашего общества. Зная всю важность наукъ историческихъ въ этомъ случаѣ, она сама принялась за исторію и въ своемъ трудѣ дала образецъ своихъ воззрѣній на то, какимъ путемъ должны развиваться въ Россіи историческія знанія. Взгляды Екатерины II не всѣ были приняты нашими учеными, и уже Стриттеръ дѣлалъ свои замѣчанія на «Записки Русской Исторіи». Но Императрица, просматривая его трудъ и дѣлая на него свои замѣчанія, говоритъ: «я нашла во многомъ здравую критику Записокъ касательно Россійской Имперіи»; но что написано, то написано: по крайней мѣрѣ ни нація, ни государство въ оныхъ не унижено» (45). Послѣднія слова указываютъ намъ, какое значеніе придавала своему труду Государыня.

Съ самаго начала царствованія своего Екатерина II покровительствовала ученымъ трудамъ касательно русской исторіи (46). Скоро сама она стала заниматься ею, и профессорамъ Чеботареву и Барсову было поручено

чено доставлять Императрицѣ выписки изъ лѣтописей. Г. Старчевскій говоритъ, что порученіе это дано было имъ въ 1783 г., и что сводныя выписки изъ лѣтописей они должны были дѣлать, начиная съ 1224 г. (47). Но какъ на этомъ году именно остановились «Записки» въ «Собесѣдникѣ», то нужно думать, что это уже относится къ продолженію «Записокъ», которое готовила Екатерина для отдѣльнаго изданія. Г. Старчевскій свидѣтельствуетъ также, что выписками изъ лѣтописей для Императрицы занимался и А. И. Мусинъ-Пушкинъ; но что это были за выписки — неизвѣстно (48). Вообще свидѣтельства о лицахъ, участвовавшихъ въ этомъ трудѣ, не приведены еще въ надлежащую ясность. Но какъ бы то ни было, самая мысль составить исторію изъ свода лѣтописей уже замѣчательна для того времени, когда юные русскіе ученые, какъ всѣ вообще юноши, давая слишкомъ большой просторъ своему воображенію, отважно замѣняли цвѣтами его недостатокъ фактическихъ свѣдѣній. Ранѣе этого только Татищевъ вполне понялъ у насъ необходимость обработки матеріаловъ, и только онъ сдѣлалъ попытку свода лѣтописей. Его трудъ, конечно, важнѣе, потому что онъ указываетъ, откуда именно бралъ то или другое извѣстіе; но «Записки о Россійской Исторіи» имѣютъ то преимущество, что облечены въ болѣе легкую форму, и, притомъ, событія представлены въ нихъ подробнѣе. Можетъ быть, болѣе научнаго достоинства имѣетъ трудъ Щербатова, котораго начало появилось около того же времени (49); но, во всякомъ случаѣ, въ прошедшемъ столѣтіи и началѣ нынѣшняго онъ пользовался гораздо меньшею извѣстностью, нежели «Записки» Екатерины. Самъ «Собесѣдникъ» свидѣтельствуетъ о важности, какую придавалъ имъ, говоря въ своей заключительной статьѣ ¹⁾. «Сіи записки, собранныя рукою истиннаго и нелицемѣрнаго любителя русскаго народа, дали сему изданію нѣкоторую степень важности, и сочинили оное книгою, полезною каждому Россіянину». Въ одномъ изъ писемъ къ издателямъ, изъ Звенигорода, сказано, что «посредствомъ Собесѣдника можно разсѣять въ народѣ познанія, тѣмъ паче, что книга сія заключаетъ въ себѣ русскаго исторію, *каковой еще не бывало*, и для одного уже сего сочиненія всякой съ жадностію покупаетъ Собесѣдникъ» ²⁾. Можно даже предполагать, что прекращеніе этого изданія зависѣло отчасти отъ того, что не достало матеріаловъ для продолженія «Записокъ о Россійской Исторіи».

Составленіе «Записокъ» изъ лѣтописей обнаруживаетъ себя даже въ ихъ слогѣ. Здѣсь нерѣдко попадаются цѣлыя куски, взятые прямо изъ

¹⁾ „Соб.“, ч. XVI, стр. 9.

²⁾ Ibid., ч. III, стр. 158.

лѣтописи и внесенные въ сочиненіе даже безъ перемѣны въ слогѣ. Эти мѣста тотчасъ можно отличить по славянскимъ формамъ. Иногда эти формы странно перемѣшиваются съ новыми; напр. «Ольга, взявъ благословеніе патріарха константинопольскаго, *иде во* свою землю, и, пришедъ въ Кіевъ, уговаривала сына креститься, *онъ же* ей отвѣтствовалъ: какъ я *единъ*, крещуся, а прочіе не хотятъ. *Она же рече*: ежели ты *только* крестишься, то всѣ будутъ тоже творить» ¹⁾. Или: «и повелѣ Владимиръ себя крестить. Епископъ же корсунскій *со іерееи* цесаревнины крестили его, и нареченъ во святомъ крещеніи Василій. Писатели сказуютъ, что во время вращенія *отпаде яко чешуя отъ очей* его, и прозрѣлъ» ²⁾.

Хотя собственно разборъ «Записокъ о Русской Исторіи» мало относится къ самому журналу, но я скажу нѣсколько словъ объ ихъ характерѣ, такъ какъ въ этомъ сочиненіи отразились воззрѣнія Императрицы Екатерины, принимавшей столь близкое участіе въ изданіи «Собесѣдника».

Цѣль этого труда состояла въ томъ, чтобы искуснымъ и подробнымъ изображеніемъ древнихъ доблестей русскаго народа и блестящихъ судебъ его уронить тѣ клеветы, которыя взводили на Россію тогдашніе иностранные писатели. При этомъ авторъ не бралъ на себя труда *только восхвалять* русскихъ: онъ хотѣлъ достигнуть своей цѣли другимъ способомъ. Въ предисловіи онъ говоритъ, что если сравнить какую-нибудь эпоху русской исторіи съ современными событіями въ Европѣ, то «безпристрастный читатель усмотритъ, что родъ человѣческой вездѣ и по вселенной одинакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія, и къ достиженію употреблялъ нерѣдко одинакіе способы» ³⁾. Для большаго удобства къ такимъ сравненіямъ, въ концѣ исторіи каждаго князя приложена таблица современныхъ ему государей европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ и африканскихъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ умѣлъ набросить на всѣ темныя явленія русской жизни и исторіи какой-то свѣтлый, даже отрадный колоритъ. Съ особеннымъ искусствомъ обходитъ онъ многія несправедливыя дѣянія князей или старается придать имъ видъ законности не только по понятіямъ того времени, но и предъ судомъ новыхъ воззрѣній. Съ самаго начала идетъ коротенькій рассказъ о баснословномъ времени славянской исторіи (V—IX вѣка) и приводится рассказъ новгородскаго лѣтописца о скиѣхъ и славянахъ, которыхъ онъ почитаетъ единоплеменнымъ народомъ, производя ихъ названія отъ именъ князей Скиѣа и Славяна, родныхъ братьевъ. Авторъ «Записокъ» замѣчаетъ, что здѣсь, вѣроятно, баснословное смѣшано съ истиною. «Князьямъ не дано ли имена народовъ Славянъ и Скиѣовъ.

¹⁾ „Соб.“, ч. III, стр. 94.

²⁾ Ibid., ч. IV, стр. 64.

³⁾ Ibid., ч. I, стр. 104, 105.

Князья названы братьями, хотя Славяне и Скифы были на оды разные»). Впрочемъ, объ отношеніяхъ этихъ народовъ другъ къ другу авторъ самъ имѣлъ, кажется, не совсѣмъ ясное понятіе. Ниже онъ говоритъ, что *скифы* было у грековъ общее названіе для многихъ народовъ, на великомъ пространствѣ Азіи, Африки и Европы жившихъ, ²⁾ и что подъ ними весьма часто разумѣли и славянъ. Поэтому онъ очень подробно и благосклонно описываетъ нравы и образованность скифовъ. Кореннымъ народомъ сѣверной Россіи считаетъ авторъ руссовъ, къ которымъ пришли потомъ славяне съ Дуная. Варяги же были народъ единоплеменный славянамъ, жившій по берегамъ Балтійскаго моря и издавна находившійся въ сношеніяхъ съ руссами, такъ что Гостомысль, умирая, просто указалъ своимъ согражданамъ на Рюрика съ братьями, какъ на людей, хорошо имъ извѣстныхъ и достойныхъ быть ихъ правителями.

Вотъ какъ понимаетъ авторъ «Записокъ» запутанный вопросъ о происхожденіе руссовъ и призваніи варяговъ. Въ описаніи свойствъ и нравовъ славянъ замѣчательно, что авторъ обращаетъ вниманіе на языкъ ихъ и говоритъ, что распространеніемъ и умноженіемъ славянскаго языка доказывается распространеніе славянскаго народа. До временъ Рюрика почти вся Россія уже славянскимъ языкомъ говорила. Многие народы въ свѣтъ завоеваніями теряли свой языкъ, но славянскій языкъ перенимали побѣжденные славянами народы ³⁾. Здѣсь же замѣчено, что славяне задолго до Рождества Христова «письмо имѣли», и что у нихъ были даже древнія письменныя исторіи, что доказывается сказаніями Нестора ⁴⁾. Объ Аскольдѣ и Дирѣ рассказано здѣсь, что Рюрикъ послалъ ихъ къ Кіеву для обороны жителей отъ Хозаръ ⁵⁾, и что Олегъ пошелъ въ Кіевъ, чтобы повѣрить жалобы на Аскольда, котораго «найдя знатно основательными», поступилъ съ нимъ, какъ съ ослушнымъ подданнымъ, лишивъ его княженія. Ни о хитрости, ни объ убійствѣ нѣтъ ни слова ⁶⁾. Олегу приписывается начало Москвы ⁷⁾. Различены два договора Олега 907 и 911 годовъ (въ «Запискахъ» — 906 и 910, потому что авторъ, считая годъ съ сентября, весьма часто расходится съ Несторовымъ лѣтоисчисленіемъ съ марта), которые до позднѣйшаго времени принимали за одинъ (50). Святославъ характеризуется въ «Запискахъ» совершенно словами лѣтописи ⁸⁾.

¹⁾ „Соб.“, ч. II, стр. 75, 76.

²⁾ Ibid., ч. II, стр. 91.

³⁾ Ibid., стр. 81.

⁴⁾ Ibid., стр. 81.

⁵⁾ Ibid., ч. III, стр. 52.

⁶⁾ Ibid., стр. 59, 60.

⁷⁾ Ibid., стр. 59.

⁸⁾ Ibid., стр. 84—85.

Преданіе о мести Ольги древлянамъ разсказано весьма умѣренно, съ выпускомъ большей части лѣтописныхъ подробностей (51). О самомъ сватовствѣ кн. Мала (въ «Запискахъ» — Малдива) замѣчено, что сіе мало имѣетъ вѣроятности, потому что великая княгиня Ольга была уже тогда шестидесети лѣтъ; но съ другой стороны, кн. Малдива могъ прельстить таковой союзъ, по участию великой княгини Ольги въ правленіи Россіею» ¹⁾. Это замѣчаніе весьма сходно съ тѣмъ, которое отмѣчаетъ г. Соловьевъ у Щербатова, предложившаго подобное соображеніе о мнимомъ сватовствѣ къ Ольгѣ Константина Порфиророднаго ²⁾ Въ «Запискахъ», впрочемъ, замѣчено и о сватовствѣ Константина, что по старости Ольги оно невѣроятно, «вовсе же опровергается тѣмъ, что Константинъ тогда имѣлъ супругу, которая принимала и угощала Ольгу» ³⁾. Въ заключеніи правленія Ольги находимъ любопытную замѣтку: «Блаженная Ольга, будучи сама отъ рода князей славянскихъ, паки народъ славянскій возвысила. При ней всюду имена славянскія въ начальникахъ и правителяхъ оказываются. *Ольга и языкъ славянскій въ употребленіе общее привела.* Извѣстно, что народы и языки народовъ *мудростію а тщаніемъ вышнихъ правителей умножаются* и распространяются. Каковъ государь благоразуменъ о чести своего народа и языка прилеженъ, потому и языкъ того народа процвѣтетъ. Многіе народныя языки исчезли отъ противнаго сему» ⁴⁾. Въ этомъ прекрасно выражается стремленіе Императрицы Екатерины показывать во всемъ, въ чемъ только можно, что всякое добро нисходитъ отъ престола, и что въ особенности національное просвѣщеніе не можетъ обойтись безъ поддержки правительства. Говоря о смерти Святослава, «Записки» утверждаютъ, что онъ утонулъ въ Днѣпрѣ, во время боя ⁵⁾; видно, что авторъ боялся, чтобы не унижить достоинства великокняжескаго даже разсказомъ о позорѣ, учиненномъ надъ трупомъ князя. То же самое стараніе—представить всѣхъ князей русскихъ сколько возможно болѣе чистыми и высокими личностями—видно и въ послѣдующихъ главахъ этого труда. Такъ, говоря о Владимірѣ, авторъ «Записокъ» разсказываетъ всю исторію ссоры его съ братьями такъ искусно, что всѣ три князя остаются совершенно правыми, а вина вся падаетъ на Свѣнelda и Блуда (въ «Зап.» «*Блудъ*»), которые и не остаются безъ наказанія. Ярополкъ съ трогательнымъ братскимъ участіемъ заботится объ Олегѣ и гнѣвается на Свѣнelda, узнавъ, что Олегъ утонулъ. ⁶⁾ Затѣмъ съ сожалѣніемъ приба-

¹⁾ „Соб.“ ч. III, стр. 86.

²⁾ См. статью его въ „Архивъ“, стр. 53

³⁾ „Соб.“, ч. III, стр. 94.

⁴⁾ Ibid., ч. III, стр. 102.

⁵⁾ Ibid., стр. 108.

⁶⁾ Ibid., ч., VI, стр. 36

влено, что «люди иные порочили Ярополка, и никто его не оправдалъ, по осужденіе отъ всѣхъ понесъ по сему несчастному дѣлу» ¹⁾. Владиміръ представляется благороднымъ мстителемъ за брата, а Ярополкъ—кроткимъ княземъ, хотѣвшимъ мира и любви. Убийство его совершается безъ вѣдома Владиміра, по предательству Блуда, который на третій же день и наказанъ Владиміромъ ²⁾. Говоря о войнѣ Владиміра съ полочанами, авторъ опять, чтобы не возбудить и мысли темной о князѣ, умалчиваетъ объ убійствѣ Рогволода, а женидбу на Рогнѣдѣ представляетъ какъ слѣдствіе давно начатаго сватовства. Среди восторженныхъ похвалъ Владиміру встрѣчаются только два упоминанія о темныхъ сторонахъ его, и то въ высшей степени искусно прикрытыя: «Лѣтописцы говорятъ, что Владиміръ бѣ женолюбивъ, яко же Соломонъ... Греческіе писатели описываютъ Владиміра до крещенія упрямымъ и своевольствующимъ» ³⁾. Въ описаніи принятія христіанства Владиміромъ находимъ нѣсколько любопытныхъ соображеній. Избраніе греческаго исповѣданія Екатерина приписываетъ отчасти тому, что Владиміръ зналъ объ этомъ законѣ отъ своей бабушки Ольги и жены, которая была родомъ чехиня ⁴⁾, и тому, что между близкими ко Владиміру людьми было уже много христіанъ или склонность имѣющихъ къ христіанству ⁵⁾. О странномъ походѣ на грековъ въ 988 году замѣчено: «вѣроятно, что причина тому была паки неустойка Грекъ и неисполненіе тѣхъ договоровъ, кои повидимому возобновлялись въ восьмилѣтнее теченіе или по прошествіи того срока» ⁶⁾. Такимъ образомъ, дѣло это поставляется здѣсь въ совершенной отдѣльности отъ намѣренія принять христіанство, и, слѣдовательно, становятся ненужными всѣ разсужденія о томъ—гордость-ли языческая, желаніе-ли лучше научиться вѣрѣ, или что другое побудило Владиміра предпринять походъ на Корсунь. Замѣчательно, что, говоря о взятіи Корсуни, авторъ умалчиваетъ, что онъ взятъ былъ посредствомъ измѣны Апастасія. О повелѣніи народу креститься сказано слѣдующимъ образомъ: «По возвращеніи Владиміра въ Кіевъ, крестились дѣти его и вельможи. Слышавъ же сіе люди многіе съ радостію шли креститься на рѣку Почайну» ⁷⁾. Вслѣдъ за тѣмъ разсказано о крещеніи новгородцевъ Добрынею, который «ласковыми словами увѣщевалъ ихъ», вмѣстѣ съ епископами. Но нѣсколько непослушныхъ произвели замѣшательство, и Добрыня, собравъ войско, «запрети безо-

¹⁾ „Соб.“, ч. IV, стр. 37.

²⁾ Ibid., стр. 44.

³⁾ Ibid., стр. 51.

⁴⁾ Ibid., стр. 57.

⁵⁾ Ibid., стр. 58.

⁶⁾ Ibid., стр. 60.

⁷⁾ Ibid., стр. 64.

рядки и грабленіе» ¹⁾, потомъ крестилъ новгородцевъ. При этомъ случаѣ упоминается здѣсь объ «Іоакимѣ, который лѣтописецъ писалъ» ²⁾. Всѣ войны и походы Владиміра представляются славными и счастливыми, а къ концу его царствованія замѣчена слѣдующая любопытная черта: «Владиміръ, находя по сердцу своему удовольствіе въ непрерывномъ милосердіи, и распространяя ту добродѣтель даже до того, что ослабѣло правосудіе и судъ по законамъ, отъ чего умножились въ сіе время разбой и грабительства повсюду, такъ что наконецъ митрополитъ Леонтій со епископы стали говорить Владиміру о томъ, представляя ему, что всякая власть отъ Бога, и онъ поставленъ отъ всемогущаго Творца ради правосудія, въ которомъ есть главное злыхъ и роштивыхъ смирить и исправить, и добрымъ милость и оборону являть» ³⁾,

Святополкъ Окаянный, столь извѣстный въ исторіи братоубійствами, также находитъ себѣ оправданіе въ «Запискахъ». По ихъ словамъ, онъ видя, что кіевляне къ нему нерасположены, собралъ бояръ и спросилъ, что дѣлать... «Суровость того вѣка и нравы людей, взрослыхъ въ правилахъ, не сходныхъ со благочестіемъ и гражданскимъ добрымъ устройствомъ, видны по злочестивому совѣту. *Писатели сказываютъ*, что положили убить Бориса, и сокровенно послали то исполнить».—О Глѣбѣ еще лучше сказано, что просто «въ дорогѣ напали на него неизвѣстные вооруженные люди и всѣ подозрѣнія сего случая пали на Святополка» ⁴⁾. Объ убіеніи Святослава вовсе умолчено. Равнымъ образомъ ничего не сказано объ отношеніяхъ Ярослава къ новгородцамъ и о великодушіи, оказанномъ ими при затруднительныхъ обстоятельствахъ Ярослава, какъ будто бы этому такъ и должно было случиться.

Въ княженіи Ярослава упоминается о судебныхъ грамотахъ, которыя далъ онъ новгородцамъ; но какія льготы и вольности заключали онѣ въ себѣ, объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Изгнаніе новгородцамъ Брячислава объясняется здѣсь тѣмъ, что они «хотѣли быть вѣрными Ярославу» ⁵⁾.

Здѣсь находимъ между прочимъ, нѣсколько чертъ, обнаруживающихъ, что авторъ «Записокъ» замѣтилъ права старшаго въ родѣ, какія существовали въ древней Руси. Это видно и въ отвѣтѣ Бориса, который не хочетъ принять престола кіевского, ибо уважаетъ Святополка, какъ старшаго въ родѣ, ⁶⁾ и въ распредѣленіи владѣній между Мстиславомъ и

¹⁾ „Соб.“, ч. IV, стр. 68.

²⁾ Ibid., стр. 66.

³⁾ Ibid., стр. 4.

⁴⁾ Ibid., стр. 96.

⁵⁾ Ibid., ч. V., стр. 42.

⁶⁾ Ibid., ч. IV, стр. 94.

Ярославомъ, причемъ послѣдній, какъ старшій въ родѣ, получаетъ великокняжескій престолъ ¹⁾. Также точно замѣчено и о Всеволодѣ, братѣ Изяслава, что онъ «наслѣдовалъ брату, яко старшій и предпочтеннѣйшій въ роду ²⁾. Подобныя замѣчанія встрѣчаются и въ дальнѣйшемъ продолженіи труда ³⁾.

Со времени Изяслава княжескія междоусобія дѣлаются столь постоянными, что ихъ невозможно было бы скрыть или сгладить. Но, сколько возможно, и въ этомъ періодѣ «Записки» щадятъ князей. Такъ, напр., о Ростиславѣ Владиміровичѣ не сказано, что онъ былъ отравленъ, а просто замѣчена кончина его, при этомъ прибавлена похвала его добрымъ качествамъ. Такъ точно и Изяславъ съ братьями щадится и оправдывается постоянно авторомъ и въ вѣроломствѣ, и въ трусости, и въ жестокости. Дѣло освобожденія Всеслава представлено и здѣсь точно такъ, какъ у Татищева, у котораго одного только г. Соловьевъ нашелъ подробное его описаніе. Если оно не списано у Татищева (что, впрочемъ, нетрудно предположить), то нужно заключить, что у составителя «Записокъ» были подъ руками тѣ же лѣтописи, которыми пользовался и Татищевъ. Впрочемъ, здѣсь характеръ разсказа опять нѣсколько мягче. Напримѣръ, ничего не сказано о совѣтѣ заколотъ Всеслава; вмѣсто цѣлаго вѣча кіевскаго представлены «нѣкоторыя роптатели» ⁴⁾ и описаніе перваго возвращенія Изяслава въ Кіевъ 1069 г., весьма близкое къ лѣтописи, разнится отъ нея только тѣмъ, что раскаяніе кіевлянъ усилено, а условія, предложенныя ими князю, смягчены; противодѣйствіе братьевъ Изяславу въ этомъ случаѣ представлено ходатайствомъ предъ нимъ за кіевлянъ ⁵⁾. О казни освободителей Всеслава ничего не сказано, равно какъ и о гоненіи Изяслава на Антонія печерскаго. Во вторичномъ изгнаніи Изяслава «Записки» считаютъ виновнымъ одного Святослава Черниговскаго, сходно, впрочемъ, съ лѣтописью ⁶⁾.

Но совсѣмъ не съ лѣтописнымъ простодушіемъ разсказывается здѣсь о нападеніи Всеслава на Новгородскую область ⁷⁾. Тамъ на первомъ планѣ дѣйствуютъ сами новгородцы, и, притомъ, разсказано, что они взяли Всеслава въ плѣнъ и только ради Христа отпустили его. «Записки» же говорятъ только, что князь Глѣбъ Тмутораканскій собралъ войско новго-

¹⁾ „Соб.“, ч. V, стр. 47.

²⁾ Ibid., стр. 109.

³⁾ Ibid., ч. VI, стр. 27, о Мономахѣ. Ч. VII, стр. 55, объ Ольговичахъ и др.

⁴⁾ „Соб.“ ч. V, стр. 8.

⁵⁾ Ibid., стр. 84, и 85.

⁶⁾ Ibid., стр. 89.

⁷⁾ Ibid., стр. 86.

родцевъ и побѣдилъ Всеслава. Далѣе ¹⁾ о князѣ Глѣбѣ сказано, что онъ ходилъ съ новгородцами на Ямъ въ Заволочье и въ бою убитъ; лѣтописи же говорятъ, что онъ, будучи выгнанъ новгородцами, бѣжалъ въ Заволочье и тамъ убитъ Чудью ²⁾.

Описывая княженіе Всеволода, «Записки» не говорятъ о несправедливости, оказанной имъ Святославичамъ, которымъ онъ не далъ областей, а, напротивъ, въ самомъ началѣ его княженія перечисляютъ удѣлы ихъ, объ однихъ прямо говоря, что онъ даровалъ ихъ, о другихъ же просто, что такой-то князь имѣлъ такой-то удѣлъ ³⁾.

Вообще составитель «Записокъ» имѣлъ особенный взглядъ на удѣльный періодъ. Онъ признаетъ великаго князя законнымъ полновластительнымъ государемъ, остальныхъ же князей—его подданными, которые отъ него зависятъ и обязаны ему повиноваться во всемъ. Поэтому, описывая ссоры удѣльныхъ князей, онъ еще довольно близко къ лѣтописи рассказываетъ дѣло, но, говоря о возстаніи удѣльнаго князя на великаго, всегда винитъ перваго, какъ нарушителя порядка и ослушника. Любопытнымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить слѣдующая замѣтка, которою заключается описаніе правленія Всеволода. «Не малое великому князю Всеволоду безпокойство было отъ удѣльныхъ князей, ибо *не удовольствуясь удѣлами, имъ данными*, желали всегда больше имѣть. Между удѣльными князьями вражды и безпокойства продолжались; по большей части они *слушали совѣты ласкателей или молодыхъ людей*, окружавшихъ ихъ, которые находили способы ссоривать удѣльныхъ князей, брата съ братомъ и съ великимъ княземъ. Когда же онъ ихъ увѣщевалъ къ любви между братій, тогда негодовали на него и не принимали ни его совѣтовъ, ни совѣтовъ старѣйшинъ и вельможъ мудрыхъ; чрезъ что повсюду правосудія въ народѣ и обидимымъ обороны, а злымъ исправленія и наказанія не доставляли, и начали судіи грабить, и продавать правосудіе и судъ» ⁴⁾.

Святополкъ Изяславичъ, не имѣвшій никакихъ достоинствъ, похваляется въ «Запискахъ», по крайней мѣрѣ, за хорошее зрѣніе и память: нерѣшительность и слабость его обращены въ доброту, а его безразсудный образъ дѣйствій отнесенъ къ тому, что онъ былъ неостороженъ и слушался недобрыхъ людей ⁵⁾.

Пораженія, претерпѣнные отъ половцевъ, оправдываются большею частію тѣмъ, что мы не могли противиться превосходному множеству ⁶⁾

¹⁾ „Соб.“, ч. V, стр. 16.

²⁾ Соловьева, ч. II, прим. 65.

³⁾ „Соб.“, ч. V, стр. 110.

⁴⁾ „Соб.“, ч. V, стр. 123, 124.

⁵⁾ Ibid., ч. VI, стр. 28.

⁶⁾ Ibid., стр. 34.

Разсказывая о вѣроломномъ убійствѣ Китана и Итлара половецкихъ (1095 г.), авторъ говоритъ о томъ, что Владиміръ Мономахъ сначала противился этому, но не упоминаетъ ничего о томъ, что онъ наконецъ на это согласился ¹⁾. О походѣ 1095 г., когда Святополкъ купилъ миръ у половцевъ, сказано въ «Запискахъ», что Святополкъ пошелъ на нихъ съ войскомъ, а они, «увѣдавъ о приходѣ великаго князя, не мѣшкаявъ, ушли» ²⁾.

Изъ всѣхъ князей того времени порицаніе «Записокъ» заслуживаетъ только Олегъ Святославичъ за свой «безпокойный нравъ и гордость». Да еще о Давидѣ Игоревичѣ авторъ рѣшился замѣтить, что это былъ «человѣкъ не твердый и ко враждѣ склонный» ³⁾. Злодѣйство его и великаго князя съ Василькомъ Теремовльскимъ не могло быть оправдано, и потому оно только смягчается присутствіемъ злыхъ совѣтчиковъ, послѣдующимъ раскаяніемъ и тѣмъ, что они были дѣйствительно ослѣплены страстью. Давидъ, впрочемъ, принимаетъ на себя всю тяжесть преступленія; великій князь участвуетъ въ немъ только своимъ вынужденнымъ согласіемъ и потому представляется почти правымъ.

Все княженіе Мономаха описано блестящими красками; иначе и не могло быть, потому что лѣтописи также говорятъ о немъ съ особеннымъ чувствомъ благоговѣйной любви.

Столько же похваляется въ «Запискахъ» и Мстиславъ, котораго могущество представляется столь великимъ, что онъ посылаетъ вельможу своего разобрать удѣльныхъ князей и раздѣлить по справедливости предѣлы ихъ владѣній ⁴⁾.

И не только Мстиславъ, дѣйствительно пользовавшійся большимъ значеніемъ, но даже Ярополкъ и Всеволодъ II представлены въ «Запискахъ» ⁵⁾ какъ полновластные владыки, совершенно законно и произвольно распоряжавшіеся удѣлами, переводившіе князей изъ одной отчины въ другую, отнимавшіе и раздавшіе области кому хотѣли. Всѣ притязанія князей выставляются какъ незаконныя посягательства, нарушавшія высшую власть великокняжескую и происходившія отъ ихъ своевольнаго, непокорнаго характера. Вслѣдствіе этого взгляда, великій князь никогда не является виною междоусобій, но всегда рѣшителемъ распрей, миротворцемъ князей, защитникомъ праваго, если только онъ слѣдуетъ внушеніямъ собственнаго сердца. Какъ скоро онъ дѣлаетъ несправедливость, которую нельзя скрыть или оправдать, то вся вина слагается на злыхъ совѣтчиковъ, всего чаще на бояръ и на духовенство.

¹⁾ „Соб.“ ч. VI, стр. 41.

²⁾ Ibid., стр. 51.

³⁾ Ibid., стр. 63.

⁴⁾ „Соб.“, ч. VII, стр. 83.

⁵⁾ Ibid., ч. VIII.

При этомъ весьма странно рассказываются въ «Запискахъ» отноше- нія Новгорода къ князьямъ. Авторъ постоянно слѣдитъ его исторію, не пропускаетъ ничего, не порицаетъ новгородцевъ за своевольства, но не сообщаетъ и ихъ общественнаго устройства, отчего всѣ новгородскія со- бытія кажутся непонятными. Здѣсь даже не упоминается нигдѣ о вѣчѣ, а всѣ происшествія представляются слѣдствіемъ замысловъ нѣкоторыхъ, или говорится просто: новгородцы рѣшили. Князьямъ приписывается слиш- комъ большое значеніе въ Новгородѣ; а между тѣмъ рассказывается, какъ новгородцы прогоняли своихъ князей. Кажется, что авторъ какъ будто имѣлъ мысль, что князья сами были виноваты, не умѣли держать въ ру- кахъ непокойныхъ гражданъ. Такъ, подъ 1113 г., говоря о печерской дани, которой не хотѣли платить новгородцы, авторъ замѣчаетъ: «Писа- тели приписываютъ сіе тому, что князь Всеволодъ Мстиславичъ, бывъ не токмо кротокъ, но и слабъ, не содержалъ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, оттого и своевольствовали» ¹⁾. Такъ и послѣ описанія того, какъ схва- тили, осудили и изгнали Всеволода изъ Новгорода, авторъ говоритъ, что великій князь весьма былъ недоволенъ Всеволодомъ, потому что «его не- устройствомъ» новгородцы до того дошли, что передались Ольговичамъ ²⁾. О Святославѣ Ольговичѣ сказано, что въ 1140 г. новгородцы, тѣ, «*кои остались вѣрны князьямъ*» рода Владиміра, предупѣли выслать изъ Нов- города князя Святослава Ольговича» ³⁾, тогда какъ извѣстно, что онъ принужденъ былъ бѣжать, опасаясь суда вѣча и мщенія гражданъ за свои насилія. Слѣдовавшія затѣмъ изгнанія князей изъ Новгорода авторъ «За- писокъ» рассматриваетъ именно съ той точки зрѣнія, что одни были вѣрны дому Мономаха, другіе же не хотѣли хранить вѣрности и искали другихъ князей. Конечно, въ отношеніи главной мысли всего труда это было луч- шее объясненіе всѣхъ самоуправствъ вѣча новгородскаго.

Княженіе Изяслава II рассказано чрезвычайно подробно и вездѣ под- линными извѣстіями лѣтописей, которыя отличаются особеннымъ располо- женіемъ къ этому князю. Только тонъ рассказа, по обычаю, измѣненъ и опять въ пользу значенія великаго князя. Напримѣръ: узнавши о вѣро- ломствѣ Давыдовичей, Изяславъ посылаетъ въ Кіевъ заявить объ этомъ «народу»; въ «Запискахъ» же сказано, что онъ посылалъ извѣстіе къ брату Владиміру, «который яко намѣстникъ вѣдалъ Кіевъ въ отсут- ствіе великаго князя, также ко митрополиту и тысяцкому кіевскому», и эти уже рѣшилились «объявить объ этомъ всенародно, дабы Кіевляне, не

¹⁾ „Соб.“, ч. VIII, стр. 67.

²⁾ Ibid., стр. 81.

³⁾ Ibid., стр. 111.

терея времени, вооружиться могли» ¹⁾. Мирясь съ Давыдовичами, великій князь посылаетъ за совѣтомъ къ брату, князю смоленскому, и тотъ отвѣчаетъ—по лѣтописи: «братъ, ты меня старше, то какъ *хочешь*, такъ и дѣлай; если же ты удостоиваешь спрашивать моего совѣта, то я бы думалъ: ради русскихъ земель и ради христіанъ миръ лучше...» и пр. Въ «Запискахъ» же онъ отвѣчаетъ: «что онъ въ волѣ великаго князя, старѣйшаго своего брата, и повелѣніе его исполнить охотно, что онъ согласенъ со мнѣніемъ Изяслава, понеже миръ для сохраненія пользы всего государства лучше на сей случай, нежели война» ²⁾. Подобныя маловажныя, едва замѣтныя оттѣненія событій встрѣчаются здѣсь нерѣдко.

О Юріи, столь памятномъ въ исторіи ненавистью къ нему народа кievскаго, «Записки» отзываются нехорошо, особенно въ то время, когда онъ былъ еще княземъ ростовскимъ и добывалъ Кіева, слѣдовательно былъ «виновенъ» въ незаконныхъ притязаніяхъ. Характеризованъ онъ почти словами Татищева ³⁾; большая часть его неудачъ и дурныхъ дѣйствій отнесена, впрочемъ, какъ всегда, насчетъ «любимцевъ и вельможъ», которыхъ онъ во всемъ слушался. То же обвиненіе относится отчасти къ послѣдующимъ князьямъ, Изяславу III и Ростиславу I ⁴⁾. Впрочемъ, ихъ княженія, равно какъ и слѣдующее, Мстислава II, не представляютъ особенно замѣчательныхъ соображеній автора. Только относительно дѣлъ новгородскихъ онъ говоритъ, что Ростиславъ «говорилъ имъ пространно о ихъ непорядкѣ и своевольствѣ, отчего землѣ и всей области новгородской происходитъ вредъ и наконецъ послѣдуетъ разореніе. Они же со слезами обѣщались сына его имѣть непременно самовластнымъ княземъ и утвердили оное ротою» ⁵⁾. По исторіи извѣстно, что новгородцы приняли Святослава совсѣмъ не убѣжденные краснорѣчіемъ великаго князя, а потому, что были тогда въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, угрожаемые Андреемъ Боголюбскимъ. При первой возможности они Святослава и выгнали.

«По смерти Мстислава—говорятъ «Записки»—состояніе великокняженія Кіевскаго было таково, что единое токмо уже званіе имѣло. Князи не почитали власть великаго князя и изъ послушанія къ оному вышли даже до того, что себя ставили равными ему» ⁶⁾. Вслѣдствіе этого авторъ уже не слѣдитъ за однимъ кievскимъ княземъ, какъ средоточіемъ историческаго движенія, а описываетъ наиболѣе замѣчательныя событія во

¹⁾ „Соб.“, ч. IX, стр. 68.

²⁾ Ibid., стр. 92.

³⁾ Ibid., ч. X, стр. 43.

⁴⁾ Ibid., кн. X, XI.

⁵⁾ Ibid., кн. XI.

⁶⁾ Ibid., ч. XII, стр. 23

всѣхъ княжествахъ довольно отрывочно, соблюдая только хронологическій порядокъ. Авторъ «Записокъ» не могъ оцѣнить еще всей важности поступка Андрея Боголюбскаго, не взявшаго Кіева, а оставшагося во Владимірѣ; но онъ все-таки довольно много останавливается на этомъ князѣ, и съ того именно времени замѣчаетъ паденіе важности Кіевского княжества. Этого уже достаточно для его времени. О самомъ Андрѣ «Записки» говорятъ съ большимъ уваженіемъ, только замѣчаютъ, что въ послѣднее время жизни онъ «возгордился зѣло и гордостію многія неистовства изъ-явилъ» ¹⁾. Вообще за высокоуміе «Записки» никого не хвалятъ, и пороки, наиболѣе подвергающіеся ихъ осужденію въ князьяхъ — это слабость, слушанье чужихъ совѣтовъ, гордость, безпокойный нравъ. Одобренія заслуживаютъ всего болѣе умъ, привѣтливость, твердость, попеченіе о расправѣ внутренней и дѣлахъ воинскихъ. Понятно, что качества, которыя предъ цѣлымъ свѣтомъ выказывала сама Императрица, не могли не возбуждать ея сочувствія и хвалы тогда, когда она видѣла ихъ въ другихъ.

Утомительно было бы для читателя слѣдить по «Запискамъ» всю нить мелкихъ происшествій, послѣдовавшихъ за смертью Боголюбскаго до 1224 года и рассказанныхъ очень подробно. Потому не станемъ разбирать этого повѣствованія, помѣщеннаго въ XIII—XIV книжкахъ, тѣмъ болѣе, что подробный разборъ «Записокъ» не входитъ въ планъ этого труда. Мы занялись имъ только, желая указать на историческія воззрѣнія автора ихъ, въ надеждѣ, что кто-нибудь изъ занимающихся отечественной исторіей возьметъ за это дѣло и сдѣлаетъ его полнѣе и совершеннѣе. Теперь, въ заключеніе нашего обзора, нужно прибавить только, что, по окончаніи 2-й эпохи исторіи съ 1224 годомъ, помѣщены въ XIV и XV книгахъ еще разныя приложенія. Первое изъ нихъ имѣетъ заглавіе: «Знаменитыя происшествія второй эпохи російской исторіи отъ 862 по 1224 г.» ²⁾. Здѣсь рассказаны важнѣйшіе, по мнѣнію автора, факты изъ рассказанныхъ въ «Запискахъ». Затѣмъ слѣдуетъ краткая выпись о дѣлахъ государей, современныхъ Рюрику ³⁾ и Игорю ⁴⁾. Третье приложеніе — о медаляхъ къ царствованіямъ Рюрика ⁵⁾ и Игоря ⁶⁾. Медалей этихъ для двухъ княженій авторъ предполагаетъ 49, и изъ нихъ нѣкоторыя интересны по подписямъ. Напримѣръ, № 19-й: «Рюрикъ умирилъ новгородскія безпокойства». № 24-й: «Олегъ начинаетъ опекунское свое управленіе объѣз-

¹⁾ „Соб.“, ч. XII, стр. 53.

²⁾ Ibid., кн. XIV, стр. 119—126; кн. XV, стр. 44—54.

³⁾ Ibid., стр. 126—140.

⁴⁾ Ibid., кн. XV, стр. 54—86.

⁵⁾ Ibid., стр. 35—43.

⁶⁾ Ibid., ч. X, стр. 86—96.

домъ областей русскіхъ». Надпись: «попечительный обычай». Внизу: «Олегъ объѣзжаетъ области русскія». № 42-й: «Игорь послалъ къ Грекамъ ежегодной дани ради, и не получая пошелъ съ войскомъ въ ладіяхъ къ Царюграду». Надпись: «неисправныхъ исправить». Внизу: «Игорь идетъ въ ладіяхъ къ Царюграду, въ 941 году». Въ такомъ же родѣ и другія медали, проектированныя авторомъ «Записокъ».

Замѣтивъ главную мысль и направленіе этого сочиненія, мы должны прибавить еще нѣсколько словъ объ исполненіи. Слогъ ихъ и способовъ представленія событій можно было видѣть изъ выписокъ. Но нужно еще сказать, что въ «Запискахъ» не только рассказываются одни дѣянія князей, но отмѣчаются, какъ въ лѣтописи, и необыкновенныя явленія природы и событія внутренней жизни государства, — напримѣръ, дѣйствія духовенства, народныя суевѣрія, ереси, и т. п. Въ самомъ изложеніи составитель весьма близко держится лѣтописныхъ сказаній, во многихъ мѣстахъ близко сходится съ Татищевымъ, только распространяя его сжатый рассказъ, иногда прерываетъ простодушное повѣствованіе лѣтописи своими соображеніями. Вообще пріемъ изложенія и представленія событій очень сильно напоминаетъ тотъ пріемъ, которымъ воспользовался недавно другой ученый изслѣдователь русской исторіи—г. Соловьевъ. Въ «Запискахъ» попадаются даже страницы, которыя разнятся отъ рассказа г. Соловьева только слогомъ. Уже это одно много свидѣтельствуетъ въ ихъ пользу.

Вообще въ «Запискахъ о Россійской исторіи» Императрица, давъ намъ образецъ своихъ взглядовъ на исторію, вмѣстѣ съ тѣмъ представила и образецъ умѣнья провести свою мысль во всемъ трудѣ и направить ея къ подтвержденію своей идеи, не прибѣгая ни къ явнымъ натяжкамъ, ни къ совершенному искаженію достовѣрныхъ фактовъ. Иногда она давала имъ свой смыслъ, умалчивала объ одномъ и измѣняла тонъ рассказа о другомъ; но искусство рассказа было таково, что читающему даже не приходило въ голову, чтобы могло быть что-нибудь другое, кромѣ того, что ему сообщается.

И мы знаемъ, что сама Императрица высоко цѣнила свое искусство и «Записки о Русской исторіи» считала одною изъ заслугъ своихъ для русскаго просвѣщенія.

Вмѣстѣ съ «Записками касательно Русской Исторіи» въ первыхъ книжкахъ «Собесѣдника» (до VIII) помѣщался другой трудъ Императрицы Екатерины II: «Были и Небылицы». Отличаясь совершенно другимъ характеромъ, онѣ, конечно, не имѣли столь важнаго значенія, какъ «Записки». Самъ авторъ смотрѣлъ на нихъ только какъ на плоды досуга и говорилъ въ нихъ обо всемъ, что ему приходило въ голову. Нерѣдко онъ отвѣчалъ въ нихъ на разные толки, которые возбуждало появленіе этихъ

и другихъ статей, отвѣчалъ на письма, мнимо или дѣйствительно адресованныя къ нему, посредствомъ редакціи «Собесѣдника». Словомъ, это былъ трудъ легкій, шутливый, совершенно противоположный важности «Записокъ»: Это выражено даже въ одномъ письмѣ къ автору «Былей и Небылицъ»: «Съ вами все-таки, сударь, еще переписываться можно. Вы по крайней мѣрѣ на письма отвѣчаете; а какъ у васъ есть товарищъ, г. сочинитель «Записокъ о Русской Исторіи», такъ отъ того даже и о полученіи письма не дождешься отповѣди» ¹⁾. Авторъ отвѣчалъ на это: «Государь мой! Намъ безграмотнымъ на всякія письма отвѣтствовать не трудно, понеже на то не болѣе надобно, какъ только чтобы чернила съ пера текли. Головоломныхъ мыслей у насъ не спрашивается, какъ то вамъ, государю моему, и всѣмъ читателямъ «Былей и Небылицъ» извѣстно» ²⁾. И дѣйствительно, головоломныхъ мыслей нельзя встрѣтить въ «Быляхъ и Небылицахъ». Въ нихъ все легко, шутливо, неглубоко, все писано какъ будто импровизаціей, безъ особеннаго плана и заботы о томъ, чтобы составить стройное цѣлое. Въ этомъ отношеніи лучшая оцѣнка «Былей и Небылицъ» сдѣлана самимъ авторомъ ³⁾: «Когда начинаю писать ихъ—говоритъ онъ—обыкновенно мнѣ кажется, что я коротокъ умомъ и мыслями, а потомъ слово къ слову приставляя, мало-по-малу строки наполняю: иногда самому мнѣ не въ догадъ, какъ страница написана, и очутится на бумагѣ мысль краткоридная, да и еще съ такимъ хвостомъ, что умные люди въ ней изыскиваютъ тонкомысліе, глубокомысліе, густомысліе и полномысліе; но съ позволенія сказать, все сіе въ собственныхъ умахъ ихъ, а не въ моихъ строкахъ кроется». Въ другомъ мѣстѣ, онъ же говоритъ, что издателямъ хорошо «имѣть возлѣ бока «Были и Небылицы»: когда листа не достаетъ въ книгѣ, тогда сказать можно листъ аки попадаемъ пирогъ у просвирни. Кто такъ послушливъ, чтобъ взялъ перо и наполнилъ листъ, правду сказать,—чѣмъ бы ни случилось! Таково дѣло имѣть съ безграмотнымъ: ни отъ одного грамотѣя вы такъ скоро не бываете служебны» ⁴⁾.

Въ самыхъ «Быляхъ» встрѣчаются страницы, которыя именно какъ будто для того только были написаны, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить листъ. Часто авторъ самъ замѣчаетъ это и говоритъ, что, начавъ писать, еще не знаетъ, что будетъ говорить дальше ⁵⁾. Вотъ страницы полторы и написаны,—говоритъ онъ,—чего?—ничего ⁶⁾. По словамъ автора, онъ

¹⁾ „Соб.“, ч. VII, стр. 164.

²⁾ Ibid., стр. 177.

³⁾ Ibid., ч. VIII, стр. 168, 169.

⁴⁾ Ibid., ч. VIII, стр. 172.

⁵⁾ Ibid., стр. 135.

⁶⁾ Ibid., стр. 159.

ничего не хотѣлъ писать особеннаго; одного только не хотѣлъ онъ, чтобы его произведенія были скучны. Отъ этой скуки дѣлаетъ онъ зачатіе 64-мя подобранными наудачу глаголами, говоря: «пусть ее ищетъ, родить, не-сетъ, влечетъ, даетъ, наноситъ, приноситъ, кормитъ, берсжетъ, сѣетъ, вы-капываетъ, наговариваетъ, привозитъ, привлекаетъ, причиняетъ, произ-водитъ, приключаетъ, выраниваетъ, наворачиваетъ, папихнетъ, натолк-нетъ, напуститъ, надуетъ, накашляетъ, напруѣетъ, начихаетъ, насвиститъ, наиграетъ, напляшетъ, напоетъ, накричитъ, нажурчитъ, нареветъ, навер-титъ, навернетъ, привьетъ, навинтитъ, натретъ, наскоблитъ, наложитъ, нашьетъ, наболтаетъ, намотаетъ, насчитаетъ, нальетъ, налѣшитъ, налаетъ, нахрапитъ, нагрузитъ, навалитъ, напыхтитъ, наворчитъ, набранитъ, на-судитъ, нагрузитъ, назѣваетъ, насулитъ, нагрозитъ, наколотитъ, накла-детъ, настроитъ, наломаетъ, изобрѣтетъ, или напишетъ кто изволитъ, лишь бы вы не встрѣтили ея, читая «Были и Небылицы»¹⁾). Повтореніе по нѣскольку разъ одного и того же глагола въ этомъ истинномъ наборѣ словъ показываетъ, что авторъ не заботился ни о чемъ болѣе, какъ только чтобы наставить глаголовъ побольше. Въ свое время, впрочемъ, и это считалось, вѣроятно, очень остроумнымъ.

Съ явнымъ желаніемъ дать просторъ остроумію написаны также, на-примѣръ, слѣдующія строки: «если писать нечего, за неимѣніемъ умоте-ченія, станемъ писать, какъ и что у конца пера явится, о чемъ чрезъ сіе чиню объявленіе...

..... Уши прожужжали...
Предварительное.

«Когда лѣтомъ при открытыхъ окнахъ...

«НВ. Зимой при закрытыхъ сіе не бываетъ, какъ самому читателю извѣстно.

«...Стрекоза влетаетъ въ низкія хоромы и, ища обратнаго пути, вмѣ-сто неизмѣримаго свода (т.-д. неба), къ которому она привыкла, находитъ нѣсколько локтей отъ земли потолокъ, въ который она ударяетъ, не лок-темъ, но головою и крыльями, произнося журчаніе, тѣмъ и другимъ обра-щаетъ вниманіе находящихся тутъ зрителей, подобно тому... Теперь на-чинается, о чемъ дѣло... Что? «Были и Небылицы»? нѣтъ! не вовсе, я не то сказать хотѣлъ, и вылилось почти такъ, во время еще успѣлъ оста-новить словесный потокъ», и пр. Читатель все еще ждетъ чего-то,—но далѣе уже идетъ дѣло о письмахъ, полученныхъ авторомъ, на которыя онъ собирался отвѣчать и никакъ не можетъ собраться. Въ заключеніе, авторъ отъ всего сердца желаетъ читателю разумѣнія сихъ строкъ²⁾). Же-

¹⁾ „Соб.“, стр. 160.

²⁾ „Соб.“, ч. VШ, стр. 145, 146.

даніе, конечно, не напрасное, но весьма трудно исполнимое, особенно для тогдашнихъ читателей, которыхъ недогадливость о самыхъ простыхъ вещахъ равнялась только развѣ ихъ нетребовательности, что доказывается почти каждой страницей «Былей и Небылицъ».

Изъ всего этого можно уже видѣть, что статьямъ, печатавшимся въ «Собесѣдникѣ» подъ этимъ названіемъ, совсѣмъ нельзя придавать значенія серьезной сатиры, какъ хотѣли нѣкоторые критики. Самъ авторъ подсмѣивается надъ этимъ мнѣніемъ, рассказывая о томъ, какъ онъ приписывалъ своимъ статьямъ всеобщее исправленіе нравовъ, замѣченное имъ со времени появленія «Собесѣдника», и какъ среди этихъ мечтаній нашелъ вдругъ свои «Были» употребленными на папильотки и на обертку фруктовъ у разносчика ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, въ отвѣтъ на желаніе, выраженное въ одномъ письмѣ, чтобы въ «Быляхъ и Небылицахъ» было выведено человѣческое тщеславіе ²⁾, авторъ говоритъ: «не моему перушку передѣлать, перемѣнить, переломить, убавить, исправить и пр., и пр., и пр., что въ свѣтѣ водится. Я изъ тѣхъ людей, для которыхъ *свѣтъ поди, какъ можетъ*, а жить въ ономъ, *какъ определено*. Перемытаривать оный мнѣ казалось дѣло возможное, пока я не слегъ горячкою (которую у насъ запросто называютъ: къ бородѣ), но съ того времени вещи мнѣ иначе казаться стали» ³⁾. И это не иронія, а искреннее убѣжденіе, искреннее, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ литературѣ. Императрица очень хорошо видѣла, что русское общество того времени далеко еще не такъ образовано, чтобы считать литературу за серьезную потребность, чтобы теоретическія убѣжденія вносить въ самую жизнь, чтобы выражать въ своихъ поступкахъ степень развитія своихъ понятій. Поэтому она позволяла писать и то, что ей не нравилось, зная, что не будетъ имѣть слишкомъ обширнаго вліянія на жизнь общества; возвышала чинами и наградами тѣхъ, чьи произведенія были ей пріятны, для того, чтобы этимъ самымъ обратить общее вниманіе на автора, а такимъ образомъ и на его сочиненія. Въ это время у насъ писали и печатали все безъ разбора: и переводы изъ энциклопедистовъ, и Эмиля, и поэму на разрушеніе Лиссабона, и путешествіе Радищева; но награды получали: Державинъ за «Фелицу», Петровъ за «Оду на Карусель», Костровъ за торжественныя оды, и т. п. Это уже много значило и необходимо должно было придать болѣе вѣса въ глазахъ общества твореніямъ послѣдняго рода.

Точно такъ, какъ, покровительствуя литературѣ, великая Екатерина умѣла тѣмъ самымъ указывать ей и надлежащее направленіе, такъ же

¹⁾ „Соб.“, ч. II, стр. 128.

²⁾ Ibid., ч. VII, стр. 166.

³⁾ Ibid., стр. 180.

точно, взявшись за сатирическое перо, она умѣла указать и предметы сатиры въ современномъ русскомъ обществѣ. Въ «Быляхъ и Небылицахъ» есть сатира и, вѣроятно, мѣткая и живая, потому что о ней было много толковъ въ то время. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія письма къ издателямъ «Собесѣдника», свидѣтельствуютъ сами издатели, свидѣтельствуютъ мимолетныя замѣтки и намеки въ другихъ современныхъ произведеніяхъ. Сама Екатерина, въ отвѣтъ на присланное, будто бы, къ ней письмо Петра Угадаева, который угадывалъ лица, изображенныя въ «Быляхъ», писала: «буде вы и семья ваша между знакомыми вашими нашли сходство съ предложенными описаніями въ «Быляхъ и Небылицахъ», то сіе доказываетъ, что «Были и Небылицы» вытасчены изъ обширнаго моря естества»¹⁾. Одинъ изъ издателей «Собесѣдника» (конечно, кн. Дашкова) замѣчаетъ, что это «совсѣмъ новаго рода сочиненіе служитъ къ украшенію сего изданія»²⁾. Въ стихотвореніяхъ Державина встрѣчаемъ нѣсколько намековъ на лица, выведенныя въ «Быляхъ и Небылицахъ», и нѣсколько фразъ, пущенныхъ ими въ ходъ (52). Княжнинъ, въ исповѣданіи жеманихи, прямо обращается къ сочинителю «Былей и Небылицъ» и говоритъ, что въ нихъ «какъ въ зеркалѣ себя увидишь» (53). Въ нѣсколькихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ», тоже выводятся лица изъ «Былей и Небылицъ»³⁾.—Какія же обличенія и нападки возбуждали такъ сильно общее вниманіе? Въ первой же статьѣ⁴⁾ осмѣиваются: самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ, мотъ, щеголиха, вздорная баба, мелочной человѣкъ. Это самая обильная сатирическимъ элементомъ статья. Въ слѣдующихъ гораздо болѣе болтовни и менѣе подобныхъ портретовъ. Во второй статьѣ находятся насмѣшки надъ пренебреженіемъ къ литературѣ да нападки на мелочныхъ критиковъ, да еще выведенъ майоръ С. М. Л. Б. Е., въ которомъ «для закрытія» выпущены буквы А, О, Ю и І, какъ тотчасъ объясняетъ авторъ. Далѣе, насмѣшки надъ человѣкомъ, который некстати высказываетъ свое недовольство надъ женой, не любящей мужа, надъ дѣвушкой, которая бѣлится, и т. д. Большая часть описаній, намековъ и остротъ слишкомъ общи и выражаютъ скорѣе общечеловѣческія страсти, нежели пороки тогдашняго общества. Можетъ быть, и дѣйствительно находились личности, которыя узнавали здѣсь себя, но, во всякомъ случаѣ, это не была характеристика общества. Гораздо болѣе характернаго находимъ мы въ бѣглыхъ замѣткахъ, которыя тамъ и сямъ понемножку разсѣяны въ «Быляхъ и Небылицахъ». Такъ, будто мимохо-

1) „Соб.“, ч. III, стр. 140.

2) Ibid., ч. VII, стр. 178.

3) Ibid., кн. VI, стр. XV; кн. XV, ст. VII и др.

4) Ibid., кн. 2, ст. XX.

домъ, но постоянно, авторъ вооружается противъ пристрастія къ иноземному, особенно французскому; противъ того, когда человѣкъ тянется, чтобы выйти изъ своего состоянія, противъ непостоянства, часто мѣняющаго заведенный порядокъ, противъ умничанья, которое называетъ скучнымъ. Вообще, авторъ не любитъ тѣхъ, которые «болѣе плачутъ и разсуждаютъ, нежели смѣются», и въ своемъ завѣщаніи, въ которомъ передаетъ «Были и Небылицы» другому, желающему продолжать ихъ, заповѣдуетъ: «врача, лѣкаря, аптекаря не употреблять для писанія ихъ; чтобы не получили врачебнаго запаха; проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять»¹⁾. Такъ и въ этомъ выразился блестящій вѣкъ Екатерины—вѣкъ *веселый*, вѣкъ празднествъ, пировъ, безъ заботы объ отдаленномъ будущемъ, съ мыслию, что все на часъ и что нужно скорѣе пользоваться жизнью.

Во многихъ мѣстахъ также встрѣчаемъ мысль, что нынѣ въ Россіи лучше, чѣмъ прежде. Любопытна въ этомъ отношеніи выходка дѣвушки, которая говоритъ, что «въ прежнее время люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся поправленія того-сего; разговоры же сіи вели въ полголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оныя кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно, громогласіе между нами рѣдко слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ; ибо разговоры, смѣхъ, горе, и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется». Далѣе дѣвушка «для изъясненія сего говоритъ, будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались»²⁾. Вообще Екатерина выставляла, какъ великое преимущество своего царствованія, то, что она позволяетъ говорить все, что угодно, и каждый почти стихотворецъ ея времени восхвалялъ ее особенно за это. Даже Вольтеръ воспѣваетъ монархиню:

Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense.

Императрица, разумѣется, охотно позволяла *говорить*, зная, что отъ этихъ разговоровъ ничего дурнаго быть не могло, и что чѣмъ больше, чѣмъ безпрепятственнѣе говорятъ, тѣмъ меньше обыкновенно дѣлаютъ. Но она же смѣялась надъ сплетнями и надъ людьми, которые умничали, равно какъ и надъ тѣми, которые выражали свое неудовольствіе, не понимая дѣла. Такъ, на примѣръ, въ «Быляхъ и Небылицахъ»³⁾ рассказываетъ она объ одномъ человѣкѣ, который «мысли и понятія о вещахъ, которыя сорокъ лѣтъ назадъ имѣлъ, и теперъ тѣ же имѣетъ, хотя вещи въ существѣ весьма перемѣнились. На примѣръ, онъ не ѣдетъ жить въ деревню, боясь разбой-

¹⁾ „Соб.“, ч. VIII, стр. 175.

²⁾ Ibid., ч. II, стр. 137.

³⁾ Ibid., ч. V, стр. 140.

никовъ по большой дорогѣ, и о бывшихъ говоритъ, какъ будто нынѣ состоялись. Понинѣ еще жалуется на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ нигдѣ нѣтъ; жалуется на внутреннія пошлины по городамъ, какъ притѣсняющія торги, хотя сняты въ 1753 г.»... и пр. Но особенно сильно возстала она противъ *свободоязычія* по поводу вопросовъ фонъ-Визина. Самые отвѣты на эти вопросы, напечатанные въ III части «Собесѣдника» ¹⁾, свидѣтельствуютъ, что вопросы не были пріятны Императрицѣ. Тѣмъ не менѣе она не только ихъ напечатала, но даже отвѣчала на нихъ. Только отвѣты эти такого рода, что большая часть изъ нихъ уничтожаетъ вопросы, неразрѣшая ихъ; во всѣхъ почти отзывается мысль, что не слѣдовало объ этомъ толковать, что это—свободоязычіе, простершееся слишкомъ далеко. Напримѣръ самый первый вопросъ: «Отчего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія»? получаетъ такой уклончивый отвѣтъ: «У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему нравится или непонятно». Второй: «Отчего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ»? разрѣшается: «Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ». На десятый вопросъ: «Отчего въ нашъ законодательный вѣкъ никто въ сей части не помышляетъ отличиться»? отвѣчено: «Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго». Въ отвѣтъ на четырнадцатый вопросъ о томъ: «Почему многіе добиваются чиновъ пронырствомъ и плутовствомъ, чего прежде не было»? прямо замѣчается, что; «Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли». Наконецъ на прямую обязанность подданнаго указываетъ смѣлому вопрошателю Императрица и въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ: «Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ»?— «Въ остромъ и скоромъ понятіи всего», говоритъ она, «въ *образцовомъ послушаніи* и въ корени добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ». Вообще, если мы можемъ удивляться въ этомъ случаѣ смѣлости фонъ-Визина, то тѣмъ болѣе должны удивляться искусству Государыни, съ которымъ она умѣла отклонить своими отвѣтами самые вопросы и въ отвѣтахъ на самые щекотливые изъ нихъ давать чувствовать, что они неумѣстны и не могутъ ожидать прямого рѣшенія. Только на одинъ вопросъ отвѣчаетъ она прямо и рѣшительно, не уклоняясь отъ сущности дѣла. Это пятый вопросъ: «Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжобъ своихъ и рѣшеній правительствъ»?—Императрица говоритъ: «Для того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было». За этотъ отвѣтъ краснорѣчиво и восторженно благодаритъ Екатерину фонъ-Визинъ въ письмѣ къ ней, па-

¹⁾ „Соб.“, ч. III, стр. 162--166.

печатанномъ въ V части «Собесѣдника» ¹⁾. «Способомъ печатанія тяжёбъ и рѣшеній—говорить онъ—гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судебнымъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздается достойная хвала праведнымъ судьямъ; возгнущаются честныя сердца неправдой судей безсовѣстныхъ», и пр. При всемъ томъ, сколько извѣстно, никто, кажется, у насъ не воспользовался благодѣтельнымъ разрѣшеніемъ великой Монархини, и темныя судебскія дѣла, къ сожалѣнію, попрежнему не выходятъ за стѣны судебскихъ архивовъ.

Мы видѣли, что въ самыхъ отвѣтахъ была довольно ясно высказана неумѣстность вопросовъ, что понялъ самъ фонъ-Визинъ, когда писалъ потомъ въ письмѣ своемъ: «по отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно», и потомъ даже нѣсколько разъ принимался оправдываться. «Я думалъ честно—говорить онъ—и имѣю сердце, пронзенное благодарностью и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашей благотворительницы... перо мое никогда не было и не будетъ смочено ни ядомъ лести, ни жолчью злобы... Всякое ваше неудовольствіе—заключаетъ онъ—мною въ совѣсти моей ничѣмъ незаслуженное, если какимъ-нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься». Императрица уважила это письмо и замѣтила, что «сей поступокъ г. сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ, достойнымъ похвалы, православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ скорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе» ²⁾.

Однакожь, этого не было довольно. И прежде, и даже послѣ этого письма, авторъ «Былей и Небылицъ» нѣсколько разъ выказывалъ свое недовольство вопросами и подсмѣивался надъ затруднительнымъ положеніемъ, въ которое поставленъ былъ авторъ ихъ «Отвѣтами». Въ 4-й части «Собесѣдника» ³⁾ дѣдушка сильно возстаетъ противъ вопросовъ (54) и хотя возможность говорить такъ смѣло опять относить къ преимуществамъ того времени, но заключаетъ свою выходку слѣдующимъ образомъ: на вопросъ—«Отчего прежде шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе»?—онъ отвѣчаетъ: «Отчего? отчего? ясно, оттого, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ опасенія».

Такой приѣмъ не могъ ободрить фонъ-Визина, и онъ хотя общалъ

¹⁾ „Соб.“, ч. V, стр. 145—148.

²⁾ Ibid., стр. 151.

³⁾ Ibid., ч. IV, стр. 168.

продолжать вопросы, но уже не осмѣлился сдѣлать этого. Вообще нужно сказать, что фонъ-Визинъ не умѣлъ вполнѣ понять великой Екатерины, и, конечно, вслѣдствіе этого онъ не пользовался расположеніемъ при Дворѣ, по свидѣтельству его біографа. Это былъ, конечно, одинъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ представителей истиннаго здраваго направленія мыслей въ Россіи, особенно въ первое время своей литературной дѣятельности, до болѣзни; но его горячія, безкорыстныя стремленія были слишкомъ непрактичны, слишкомъ мало обѣщали существенной пользы предъ судомъ Императрицы, чтобы она могла поощрять ихъ. И она сочла за лучшее не обращать на него вниманія, показавъ ему предварительно, что путь, которымъ онъ идетъ, не приведетъ ни къ чему хорошему.

Кромѣ «Былей и Небылицъ», изъ сочиненій Императрицы Екатерины помѣщена въ «Собесѣдникѣ»: «Ежедневная записка Общества Незнающихъ»¹⁾. Статья эта есть ничто иное, какъ пространная насмѣшка надъ незнающими людьми, которые составляютъ общества, собираются, толкуютъ, отдають преимущество мнѣнію того, у кого грудь сильнѣе, и все-таки разѣзжаются, ничего не рѣшивъ, или кончаютъ дѣло тѣмъ, что записываютъ мнѣніе каждаго члена порознь и потомъ сдаютъ дѣло въ архивъ. Результатъ всѣхъ засѣданій состоитъ развѣ въ томъ, что на членовъ общества жалуются сосѣди за раннія ихъ собранія, говоря, что каретнымъ стукомъ мѣшаютъ многимъ спать²⁾. Теперь трудно рѣшить, съ какимъ намѣреніемъ написана эта статья; но, вѣроятно, Императрица имѣла въ виду какое нибудь дѣйствительно существовавшее общество, гдѣ дѣла рѣшалась не обыкновеннымъ приказомъ, а общимъ собраніемъ, на которомъ каждый изъ членовъ имѣлъ право подавать голосъ.

Съ такимъ характеромъ является участіе великой Екатерины въ «Собесѣдникѣ». Мы нарочно долго останавливались на разборѣ произведеній, помѣщенныхъ здѣсь ею, имѣя въ виду прослѣдить ея участіе въ литературѣ нашей, не официальное, а, такъ сказать, приватное, домашнее. Для разбираемаго нами журнала это особенно важно. Во-первыхъ, Екатерина признавала себя однимъ изъ издателей его. Во вступленіи къ отвѣтамъ на вопросы фонъ-Визина прямо сказано: «Издатели «Собесѣдника» раздѣлили трудъ разсматривать присылаемыя къ нимъ сочиненія между собою понедѣльно, равно какъ и отвѣтствовать на оныя, ежели нужда того потребуетъ. Сочинитель «Былей и Небылицъ», разсмотрѣвъ присланные вопросы отъ неизвѣстнаго, на оныя сочинилъ отвѣты»³⁾. Эти слова ясно показываютъ, что Екатерина принимала участіе въ изданіи. Но даже если

¹⁾ „Соб.“, ч. VIII, стр. VI.

²⁾ Ibid., стр. 40.

³⁾ Ibid., ч. III, стр. 160.

мы оставимъ въ сторонѣ это обстоятельство, то и тогда нельзя не видѣть, что образъ мыслей и воззрѣній Императрицы не могъ не имѣть сильнаго вліянія на духъ журнала, издававшася однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ ней лицъ и котораго большую часть она сама наполняла своими литературными трудами. Поэтому намъ было особенно важно разсмотрѣть собственные труды Императрицы, въ которыхъ выразились ея литературныя убѣжденія. Они могутъ намъ послужить ключемъ для объясненія многихъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ».

Вмѣстѣ съ Императрицею руководила изданіемъ кн. Е. Р. Дашкова. Ея имя напечатано на первыхъ же строкахъ объявленія о «Собесѣдникѣ». Сначала даже всѣ статьи для журнала присылались къ ней, и только уже по выходѣ 14 № «Собесѣдника» объявлено было, чтобы статьи присылались въ Академію, а еще позже—что онѣ будутъ принимаемы «въ той комнатѣ, гдѣ присутствуютъ находящіеся при Академіи совѣтники» (55). Такимъ образомъ, на кн. Дашковой лежалъ главный трудъ изданія. Касательно собственнаго участія въ своихъ «Запискахъ» она говоритъ, что «сама *иногда* только писала для журнала», и что особенно дѣятельнымъ ея помощникомъ былъ «молодой адвокатъ Козодавлевъ» (56). Вѣроятно, онъ раздѣлялъ трудъ по изданію, и ему, можетъ быть, должно приписать нѣкоторыя изъ писемъ къ издателямъ, явно сочиненныхъ лицомъ близкимъ къ редакціи. Изъ статей кн. Дашковой ни одна не подписана ея именемъ. По свидѣтельству митрополита Евгенія, ей принадлежитъ надпись къ портрету Екатерины, помѣщенная въ 1-й книжкѣ, непосредственно за Фелицею, и не заключающая въ себѣ ничего особеннаго. Ей же, можетъ быть, принадлежатъ отвѣты *отъ издателей*, не принадлежащіе самой Екатеринѣ. Кроме того, по сходству въ слогѣ и мысляхъ съ другими произведеніями кн. Дашковой, несомнѣнно ей принадлежащими (57), можно предположить, что ею же написаны въ «Собесѣдникѣ»: «Посланіе къ слову «такъ»¹⁾, «Сокращеніе катехизиса честнаго человѣка»²⁾, «О истинномъ благополучіи»³⁾, «Искреннее сожалѣніе объ участи издателей «Собесѣдника»⁴⁾, «Вечеринка»⁵⁾, «Путешествующіе»⁶⁾, «Картины моей родни»⁷⁾, «Нѣчто изъ Англинскаго Зрителя»⁸⁾. Все это, впрочемъ, не болѣе какъ наше предположеніе: удачно-ли оно или нѣтъ—это, можетъ

1) „Соб.“, ч. I, ст. III.

2) Ibid., ст. VII.

3) Ibid., ч. III, ст. III.

4) Ibid., ст. XIV.

5) Ibid., ч. IX, ст. VII.

6) Ibid., ч. XI, ст. IX.

7) Ibid., ч. XII, ст. V ч. XIV, ст. X.

8) Ibid., ч. XVI, ст. III.

быть, покажетъ современемъ открытіе какихъ-нибудь положительныхъ свидѣтельствъ. Что касается до стихотворныхъ произведеній, то здѣсь безъ положительныхъ данныхъ невозможно даже предположеніе (58). Изъ отвѣтовъ издателей болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія, по своей обширности: отвѣтъ звенигородскому корреспонденту, заключающій въ себѣ обстоятельное разсужденіе о воспитаніи ¹⁾, отвѣтъ Іоанну Пріимкову «объ архангелогородской кумѣ» ²⁾ и еще обращеніе одного изъ издателей къ сочинителю «Былей и Небылицъ» ³⁾.

Не смотря на то, что не можемъ указать навѣрное статей самой кн. Дашковой въ «Собесѣдникѣ», мы тѣмъ не менѣе не задумываемся приписать ей весьма большую долю участія въ направленіи и характерѣ всего этого изданія. Журналъ этотъ былъ ея задушевною мыслью: она надѣялась посредствомъ его дѣйствовать на распространеніе знаній, развитіе истинныхъ понятій, на образованіе самаго языка. Болѣе серьезно, нежели всѣ окружавшіе ее, проникнутая просвѣщенными идеями, умѣя вносить ихъ въ самую жизнь, трудившаяся не только для того, чтобы показать свои труды, но и для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ быть полезною для другихъ, она стояла гораздо выше современнаго ей русскаго общества. Странно себѣ представить молодую дѣвочку того времени, проводившую ночи въ чтеніи потрясающихъ произведеній, отъ которыхъ были тогда въ волненіи умы всей Европы. Еще труднѣе повѣрить, что эта 15-ти-лѣтняя дѣвушка въ непродолжительномъ времени разстраиваетъ свое здоровье сильнымъ умственнымъ напряженіемъ, размышляя о томъ, что ею прочитано ⁴⁾. И вотъ ее для развлеченія везутъ въ столицу. Здѣсь она пристаетъ къ каждому иностранцу, надѣдаетъ каждому путешественнику, котораго увидитъ, спрашивая ихъ о другихъ странахъ, и потомъ ихъ отвѣты сравниваетъ съ тѣмъ, что видитъ у себя предъ глазами. Это въ ней рождаетъ непреодолимое желаніе путешествовать. Наконецъ она достигаетъ осуществленія своихъ желаній. Она видитъ Европу, посѣщаетъ Дидро, Вольтера, проводитъ время въ задушевныхъ разговорахъ съ этими знаменитостями Европы, столь дорогими ея сердцу еще по воспоминаніямъ дѣтскихъ чтеній (59). Съ обильнымъ запасомъ мыслей и знаній, съ просвѣщенною любовью къ родинѣ, съ желаніемъ служить ей на поприщѣ общественной жизни, возвращается она въ Россію, и здѣсь встрѣчаютъ ее назначенія, которыя заставляютъ ее трудиться на поприщѣ ученomъ и литературномъ. Въ этомъ дѣлѣ кн. Дашкова могла сдѣлать много полез-

¹⁾ „Соб.“, ч. II, ст. II.

²⁾ Ibid., ч. X, ст. IV.

³⁾ Ibid., ч. V, стр. 156—161.

⁴⁾ См. „Москв.“, 1852 г., № 1, стр. 101—4.

наго, какъ по своей обширной начитанности и развитому уму, такъ и потому, что здѣсь ее не могли встрѣтить интересы, которые заставили бы ее измѣнить честности и правотѣ своихъ стремленій. Она, конечно, не была идеальною женщиной: намѣреніе возвысить сына вмѣсто Потемкина, навлекшее на нее столько зла и столько порицаній, доказываетъ, что и она поддавалась внушеніямъ житейскихъ расчетовъ. Но самая неудача въ этомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими біографическими данными, свидѣтельствуется, что Дашкова была не совсѣмъ ловкій придворный и имѣла нѣчто священное въ сердцѣ своемъ, чѣмъ не могла жертвовать влеченію грубаго эгоизма. Ея чистое направленіе выразилось въ литературѣ уже самымъ выборомъ переводовъ съ французскаго и англійскаго, которые помѣщены ею въ «Трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія». Такое же направленіе отзывается и въ тѣхъ статьяхъ, о которыхъ мы сказали, что можно приписать ихъ Дашковой. Эти статьи сильно вооружаются противъ того, что вообще есть низкаго, гадкаго въ человѣкѣ, и что особенно распространено было въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества того времени—противъ двоедушія, ласкательства, ханжества, суетности, фанфаронства, обмана, презрѣнія къ человѣчеству. Эти статьи отрадно читать и нынѣ: черезъ 70 лѣтъ еще можно угадывать правдивость, мѣткость, благородную энергію ихъ замѣтокъ. Видно, что эта сатира безкорыстная, не руководившаяся ничѣмъ, кромѣ желанія добра. Такъ, напримѣръ, въ посланіи къ слову *такъ*, написанномъ прозою и стихами, сильно поражается ласкательство, и нельзя не сознаться, что примѣры выбраны очень хорошо.

Авторъ пишетъ:

Лишь скажетъ кто изъ баръ: ученіе есть вредно,
Невѣжество одно полезно и безбѣдно,
Тутъ всѣ поклонятся: и умный, и дуракъ,
И скажутъ, не стыдясь: конечно, сударь, такъ.

Клиръ, скажетъ, на примѣръ, что глупо Маркъ считалъ,
Когда сокровища свои онъ продавалъ,
Когда онъ все дарилъ солдатамъ изъ чертоговъ,
Хоть тѣмъ спасалъ народъ отъ тягостныхъ налоговъ.

Клиръ пустошь говоритъ; но тутъ, почтенья въ знакъ,
Подлецъ ему кричитъ: конечно, сударь, такъ.

Невѣжда нарядясь въ кафтанъ золотошитый,
Смышляетъ честь купить, гордится подлой свитой;
Хоть чести не купилъ и мыслить въ томъ не такъ,
Дуракъ прискажетъ: такъ.

*) Маркъ Аврелій.

Такальщики всегда подлы; но—говоритъ авторъ—

Но самые и тѣ, которымъ потакають,
Не лучше чувствуютъ, не лучше разсуждаютъ.
Кто любитъ *таканье* и слушаетъ льстеца,
Тотъ хуже всякаго бываетъ подлеца.

А между тѣмъ льстецовъ награждаютъ, тогда какъ умные всегда обойдены:

Другой пускай дуракъ,
Но, говоря все *такъ*,
Онъ чинъ за чиномъ получаетъ
И въ карты съ барами играетъ;
А тотъ въ передней пусть зѣваетъ
За то, что онъ не льстецъ,
Не трусь и не подлецъ ¹⁾.

Это «Посланіе къ слову *такъ*» возбудили толки. Въ 3-й книжкѣ «Собесѣдника» помѣщено весьма грубое письмо отъ защитника Клировыхъ мыслей. Авторъ этого письма говоритъ о Клирѣ, какъ о лицѣ, хорошо ему извѣстномъ, и оправдываетъ его отзывъ о Маркѣ Авреліи; въ заключеніе же говоритъ съ огорченіемъ: «критики, а особливо вмѣшивающіеся въ дѣла политическія, которыхъ не знаютъ ни малѣйшей связи, всегда будутъ имѣть прекрасное поле рассыпать свои рассказы» ²⁾. Издатели замѣчаютъ на это, что «онъ не знаетъ, можетъ быть, кто они таковы, и что письмо это помѣщается для того, чтобы публика сама могла судить, сколь мало благопристойно предложенное сочиненіе, которое если не послужитъ къ удовольствію читателей, то, конечно, служить можетъ образцомъ неучтивости» ³⁾. Впредь же мы будемъ помѣщать только учтивыя критики, говорятъ издатели.

Этимъ письмомъ, вѣроятно, вызванъ «Отвѣтъ отъ слова *такъ*», несомнѣнно сочиненный въ самой редакціи. Въ немъ находимъ обращеніе къ *сочинительницѣ* посланія къ слову *такъ*, чѣмъ еще подтверждается наше мнѣніе о томъ, что его писала Дашкова ⁴⁾. Здѣсь разсказывается о разныхъ лицахъ, которыя обижались намеками этого посланія, узнавали себя въ вымышленныхъ именахъ, вступались за Клариссу, Клира и пр., такъ что «по рѣчамъ ихъ казалось, будто всѣ стихотворцами употребленныя имена имъ весьма знакомы». Впрочемъ вы ихъ не опасайтесь—говоритъ слово *такъ* автору—они ничего не осмѣлятся сдѣлать вамъ, потому что

Кто любитъ *таканье*, находитъ въ лести вкусъ,
Того душа подла; во всѣхъ дѣлахъ онъ трусь;
Наединѣ всегда тотъ за себя бранится,
А въ публикѣ всѣмъ льститъ, съ злодѣями мирится ⁵⁾.

¹⁾ „Соб.“, ч. I, стр. 15—24.

²⁾ Ibid., ч. II, стр. 42.

³⁾ Ibid., стр. 45.

⁴⁾ Ibid., ч. III, стр. 146.

⁵⁾ Ibid.

Это имѣли, кажется, въ виду издатели «Собесѣдника» постоянно, во всѣхъ трудахъ своихъ. Они были въ такомъ положеніи, что нечего было имъ бояться, и притомъ кн. Дашкова, которая все-таки была главною распорядительницею журнала, глубоко была проникнута, какъ мы сказали уже, просвѣщенными и благородными стремленіями. Сама Императрица всегда старалась показывать просвѣщенную терпимость въ дѣлѣ литературы, сдерживая только тѣ порицанія и обличенія, которыя казались ей несправедливыми или опасными. Въ одномъ письмѣ къ издателямъ «Собесѣдника» сказано: «держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державою Монархини.

„Oui pense en grand homme et qui permet, qu'on pense“¹⁾.

Такимъ образомъ, всѣ свободно могли говорить правду о порокахъ общества и находили себѣ пріютъ въ «Собесѣдникѣ». Изъ свидѣтельства самаго журнала мы знаемъ, что въ редакцію «присылались съ легкою и тяжелою почтою изъ всѣхъ концовъ Россіи огромныя кучи разнообразнаго вранья, и что выборъ былъ затруднителенъ для издателей»²⁾. Поэтому въ составѣ книжекъ, въ помѣщеніи такихъ именно, а не другихъ статей, мы должны видѣть собственно участіе вкуса и направленія издателей, въ особенности когда имѣемъ дѣло со статьями неизвѣстныхъ авторовъ, принадлежащими, можетъ быть, лицамъ близкимъ къ редакціи. Соображая все это, мы не отдѣляемъ особенно тѣхъ статей, которыя приписываемъ самой кн. Дашковой, а будемъ разсматривать ихъ вмѣстѣ съ другими неподписанными, а иногда даже и подписанными произведеніями, имѣющими тотъ же характеръ, и будемъ слѣдовать порядку разныхъ предметовъ, которые разсматриваются въ этихъ статьяхъ.

Кромѣ «Посланія къ слову *такъ*» и краткихъ замѣтокъ въ другихъ статьяхъ, сильную тираду противъ ласкательства находимъ въ статьѣ: «Моя записная книжка»³⁾. Здѣсь передается мнѣніе одного человѣка, котораго пріятель называетъ мизантропомъ. Вотъ это мнѣніе: «вельможа, украшенный титлами и чинами, болѣе ни о чемъ не помышляетъ, какъ сохранить только ту пышность и великолѣпія, которыя его окружаютъ, и удовольствоваться свои страсти, какими бы средствами то ни было. Не погнушается онъ унижать себя всячески предъ вышними, дабы имѣть послѣ удовольствіе оказывать равномѣрную гордость низшимъ, а тѣ, подражая его примѣру, льстятъ его высокоумію для того, чтобы удовольствоваться

1) Epitre de Voltaire à Catherine II.

2) „Соб.“, ч. III, стр. 149.

3) Ibid., ч. XIII, ст. IV.

собственныя свои пристрастія. Богатства и чины, будучи первымъ предметомъ желаній вашихъ, препятствуютъ вамъ почитать природныя дарованія. Дабы пріобрѣсти благосклонность вельможи, какимъ ласкательствамъ, какимъ низкостямъ не должно себя подвергнуть?.. Потому-то нѣтъ занимаютъ мѣста, которые своимъ дарованіемъ и знаніемъ удобны ко исполненію, но тѣ, которые имѣли случай, способность и терпѣніе пріобрѣсти себѣ покровителей» ¹⁾. Въ другихъ статьяхъ говорится нерѣдко съ насмѣшкою о разныхъ *милостивцахъ*, а въ статьѣ «Картины моей родни» ²⁾ выведена тетушка, которая говоритъ: «кто родню забываетъ, а особенно знатную, въ томъ нѣтъ уже Божіей благодати», и за то, что племянникъ рѣдко ѣздитъ къ ней *поклоняться*, называетъ его «беззаконникомъ и даже антихристомъ».

Все это такія черты, которыя и донинѣ не утратили своего значенія. Онѣ рѣзко характеризуютъ тѣ грубыя понятія, тотъ жалкій образъ поведенія, который произошелъ у насъ отъ смѣшенія стариннаго невѣжественнаго барства съ новымъ чиновничествомъ. Какъ во всемъ почти, у насъ тогда и въ этомъ дѣлѣ обратили вниманіе только на внѣшность. Перестали гонять собакъ и жирѣть въ бездѣйствіи въ глуши деревень своихъ, стали служить дворяне со временъ Петра I; но чувство долга, сознаніе того, что они обязаны именно *служить*, а не считаться на службѣ, и служить для того, чтобы быть полезными отечеству, а не для своихъ выгодъ,—это сознаніе было еще недоступно даже большей части вельможъ того времени. Службу считали средствомъ для полученія чиновъ, для пріобрѣтенія богатства, и потому, вмѣсто того, чтобы служить, всѣ только прислуживались, а потомъ, выбравшись въ люди, сами начинали важничать и требовать, чтобы предъ ними унижались другіе. И выслужившійся вельможа пускался опять въ древнее барство, только менѣе, чѣмъ прежде, простодушное, а болѣе требовательное и нахальное. Противъ того тщеславія внѣшними отличіями «Собесѣдникъ» тоже бросилъ мимоходомъ нѣсколько словъ, показывая, какъ они ничтожны и какъ часто бываютъ незаслужены.

Съ благороднымъ жаромъ говоритъ объ этомъ фонъ-Визинъ въ письмѣ своемъ по поводу отвѣтовъ на его вопросы. «Мнѣ случалось по землѣ своей поѣздить», говоритъ онъ. «Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ или паче занимаютъ мѣста въ службѣ для того, что ѣздить на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я ви-

¹⁾ „Соб.“, ч. XIII, стр. 38, 39.

²⁾ Ibid., ч. XI, ст. V.

дѣль отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ, — словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ» ¹⁾. Въ «Челобитной Россійской Минервѣ» фонъ-Визинъ такъ же рѣзко говоритъ о многихъ вельможахъ, которые, «пользуясь Высочайшей милостію, достигли до знаменитости, сами не будучи весьма знамениты, возмечтали о себѣ, что сіяніе дѣль, Минервою роководствуемыхъ, происходитъ якобы отъ искръ ихъ собственной мудрости, ибо, возвышаясь на степени, забыли они совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые, и что по штатнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди». Подобную замѣтку находимъ въ статьѣ: «Путешествующіе» ²⁾. «Многіе изъ знатныхъ и богатыхъ — говоритъ авторъ — мыслятъ, что если кто не причастенъ благу слѣпного счастья и щедротъ Плутуса, тотъ недостоинъ съ ними сообщенія; а тѣ, которые уже совсѣмъ въ бѣдномъ состояніи, тѣ имъ кажутся не имѣющими на себѣ подобнаго имъ челоуѣчества» ³⁾. Примѣръ тому, какъ достигается эта знатность, представляетъ намъ злая сатира «Повѣствованіе глухого и нѣмого», — въ 4-й части «Собесѣдника». «Сосѣдъ нашъ — тамъ сказано — имѣлъ у двора ближняго свойственника и нелицемѣрнаго друга. Сія знаменитая особа былъ дворцовый истопникъ Касьянъ Оплеушинъ, получившій свое прозвище по данной ему отъ гофъ-фурьера оплеухѣ за то, что однажды печь закрылъ съ головнею. Я думаю, однакожь, и всегда былъ того мнѣнія, что гофъ-фурьеръ поступилъ на сію крайность, послѣдуя болѣе своему первому движенію, нежели правосудію, ибо Оплеушинъ былъ такой мастеръ топить печи, что тѣ, для которыхъ онъ топилъ, довели его своею протекціею наконецъ и до штабъ-офицерскаго чина» ⁴⁾.

Люди, получавшіе чины и мѣста такимъ образомъ, не могли безкорыстно исполнять своихъ обязанностей, и оттого между чиновниками господствовали продажность, плутовство, приказныя увертки, направленные къ преступному искаженію, — для своихъ выгодъ, — существующихъ законовъ. Это обстоятельство тоже не укрылось отъ сатирической наблюдательности сотрудниковъ «Собесѣдника», и въ немъ встрѣчаемъ нѣсколько горячихъ нападокъ на корыстолюбіе, нѣсколько рѣзкихъ картинъ, представляющихъ намъ, какъ велико было зло въ это время. Въ «Записной книжкѣ» рассказанъ слѣдующій случай. Авторъ заѣзжаетъ къ сосѣду своему Аггею и застаётъ у него какого-то капрала, которому сосѣдъ раз-

¹⁾ „Соб.“, ч. V, стр. 147.

²⁾ Ibid., ч. XI, стр. 126.

³⁾ Ibid.,

⁴⁾ Ibid., ч. IV, стр. 125.

сказываетъ, что онъ капраль, законный и правильный наслѣдникъ пятидесяти душъ крестьянъ;—но, прибавилъ онъ—«понеже ты человекъ немущій и не знающій законовъ, то я, сжаляся на твое состояніе, соглашюсь у тебя купить сіе имѣніе, и ежели ты дашь мнѣ на оное купчую, то сначала даю тебѣ 50 рублей, а ежели выхлопочу дѣло, то еще 100 прибавлю. Нововыисканный сей наслѣдникъ, который и самъ не зналъ своего благополучія, благодарилъ ему и обѣщаль купчую совершить. Я не налюбовался на великодушіе моего сосѣда, который сими способами нажилъ уже изрядное имѣніе». Затѣмъ приходитъ одинъ приказный и показываетъ, какъ вывелъ онъ родословную какого-то Елисея, который уступаетъ пустошь сосѣду Аггею, и доказаль, что Елисей «по мужскому колѣну двоюроднаго его брата внучатный племянникъ». «Ничего нѣтъ легче—прибавляетъ онъ—какъ вывести оное въ родословной и показать его законнымъ наслѣдникомъ, хотя, между нами будь сказано, и есть правильнѣе его наслѣдники, но они объ этой землѣ совсѣмъ не знаютъ, и намъ легко будетъ ихъ утаить или написать мертвыми; когда же купчая совершится, и они про то свѣдаютъ, то пусть просятъ и отыскивають законнымъ порядкомъ, а между тѣмъ какъ въ справкахъ и выпискахъ пройдетъ лѣтъ десятка два-три, то можете вы весь лѣсъ вырубить и продать, а луга отдавать въ наемъ и ежегодно получать съ нихъ втрое больше доходу, нежели вы за всю дачу заплатите» ¹⁾).

Подобныя вещи дѣлались въ Петербургѣ. О томъ, что происходило въ провинціяхъ, даютъ понятіе слѣдующія строки изъ 4-й части «Собесѣдника».—«Другой сосѣдъ нашъ былъ титулярный совѣтникъ Язвинъ, знаменитаго подъячаго рода. Онъ купилъ воеводское мѣсто въ Кинешимѣ за 500 рублей, т. е. за тогдашнюю обыкновенную таксу воеводскихъ мѣсть среднихъ городовъ. Всякое время имѣеть свои чудеса. Нынѣ часто деревни въ города обращаются; тогда нерѣдко города преобразались въ деревни. Городъ Кинешма подпала подъ сей несчастный жребій. Лишь только Язвинъ въ него прибылъ, казалось, что въ него сама язва ворвалась. Въ первое еще лѣто его благополучнаго воеводства уже во всемъ уѣздѣ богатія обнищала и взалкала. Въ два года опустошеніе сдѣлалось въ томъ краѣ всеобщее; наконецъ услышано стало моленіе убогихъ, и на смѣну Язвина присланъ былъ изъ Петербурга воеводою коллежскій ассесоръ Исай Глупцовъ. Между тѣмъ Язвинъ купилъ деревню въ нашемъ сосѣдствѣ и въ нее переселился» ²⁾. Замѣчательно, что здѣсь не оставлена безъ вниманія эта послѣдняя черта, характеризующая ловкость тогдашнихъ плутовъ увертываться изъ рукъ правосудія. Казалось бы, пра-

¹⁾ „Соб., ч. XIII, стр. 29—31.

²⁾ Ibid., ч. IV, 129 („Повѣствованіе глухого и нѣмого“).

вительство увидѣло безчестные поступки воеводы, признало его недостойнымъ оставаться при прежней должности, и за всѣ его преступленія онъ долженъ понести заслуженное наказаніе; но нѣтъ! онъ выходитъ въ отставку и преспокойно переселяется въ пріобрѣтенную грабежемъ деревню наслаждаться наворованнымъ добромъ. Къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что эта черта подмѣчена слишкомъ вѣрно. Конечно, не безъ намѣренія также сказалъ авторъ, что на мѣсто *Язвина* присланъ былъ *Глуцковъ*. Это напоминаетъ стихи изъ сатиры *Капниста*:

Куда ни кинь, такъ клинь: тотъ честенъ, тотъ глупецъ—
Другой уменъ, такъ плуть, ханжа, обманщикъ, льстецъ ¹⁾.

Въ сатирѣ этой, не пользующейся у насъ извѣстностью, которой бы заслуживала, и изъ которой поэтому я рѣшился сдѣлать нѣсколько выписокъ, находимъ также нѣсколько стиховъ противъ взятокъ. Авторъ говоритъ о своемъ пріятелѣ *Драчъ*.

Драчъ совѣсть выдаетъ свою за образецъ
А Драчъ такъ истцовъ дралъ, какъ алчный волкъ овецъ.
Онъ былъ моимъ судьей и другомъ быть мнѣ клялся,
Я взятки дать ему, не зная его, боялся;
Соперникъ мой его и зналъ, и самъ былъ плуть,
Разграбя весь мой домъ, призвалъ меня на судъ.
Напрасно бралъ себѣ законъ я въ оборону,
Драчъ правдой покривить умѣлъ и по закону.
Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честная простота:
Меня жъ разграбили, меня жъ и обвинили
И вору заплатить безчестье осудили

Любопытна также слѣдующая замѣтка въ 12-й части «Собесѣдника»: «дядя мой мѣшался въ ученость и иногда забавлялъ себя чтеніемъ древней исторіи и мифологіи, оставляя указы, которые онъ читалъ не для того, чтобы употреблять ихъ оградой невинности, но чтобы, силу ябеды присоединяя къ богатству своему, расширять своего владѣнія земли, что онъ весьма любилъ,—и для того-то любилъ паче всего читать римскую исторію. Насильственнымъ завладѣніемъ чужого находя онъ великое сходство въ себѣ съ Римскою имперіею, почиталъ потому себя древнимъ Римляниномъ» ²⁾).

Не приводимъ здѣсь нѣсколькихъ мелкихъ замѣтокъ о томъ же предметѣ, потому что и изъ приведенныхъ, кажется, можно хорошо видѣть, какъ живо, умно и смѣло нападалъ «Собесѣдникъ» на сутяжничество и взяточничество, и изъ этихъ нападеній можно заключить, какъ сильно распространенъ былъ у насъ этотъ порокъ. Неудивительно, что многіе серд-

¹⁾ „Соб.“, ч. V, стр. 162.

²⁾ Ibid., ч. XII, стр. 19 („Карт. моей родни“).

лись и возставали на издателей за подобныя обличенія; но они имѣли тогда щить, отражавшій всѣ нападенія. Сама Императрица ободряла сатириковъ своимъ примѣромъ, и они умѣли этимъ воспользоваться. Замѣчательно, что, несмотря на всю силу и ѣдкость нѣкоторыхъ статей «Собесѣдника», на нихъ нѣтъ жалобъ порочныхъ людей, которые себя въ нихъ узнавали; но за то очень много помѣщалось въ «Собесѣдникѣ» писемъ, въ которыхъ разныя лица жаловались на «Были и Небылицы», осмѣявшія ихъ. Видно, что редакція, зная автора ихъ, недоступнаго никакимъ осужденіямъ, нарочно помѣщала подобныя письма въ своемъ журналѣ, чтобы, такимъ образомъ, оградить отъ нареканій и свой образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ.

Обличая плутовство и корыстолюбіе чиновниковъ, «Собесѣдникъ» преслѣдовалъ и всякій обманъ, всякій нечистый поступокъ, приносящій вредъ матеріальному благосостоянію ближняго. Особенно подверглись его негодванію люди, не платящіе долговъ своихъ и мотающіе на чужой счетъ. Во 2-й книжкѣ напечатано коротенькое письмо г. *Рюджобаево*, который проситъ издателей «написать что-нибудь такое, что бы принудило молодчиковъ, да и родителей ихъ платить долги» ¹⁾. Въ отвѣтѣ ему говорится, что, дѣйствительно, не платить долговъ нечестно, и что при томъ это вредитъ торговлѣ, потому что купцы, по необходимости, пропавшія суммы въ долгахъ наверстываютъ на покупателяхъ, возвышая цѣну на товаръ. Вслѣдъ затѣмъ напечатана статья подъ заглавіемъ: «*Покорно прошу прощестъ*», въ которой разсказывается исторія *одного человека*, который разорился для своего милостивца, былъ имъ принимаемъ какъ свой и долго пользовался его ласками. Но когда дѣло пришло до платежа денегъ и разорившійся кліентъ напомнилъ ему о деньгахъ, которыя тотъ долженъ былъ заплатить, то милостивецъ заперъ для несчастнаго свои двери и оставилъ его на произволъ кредиторовъ, которые захватили все его имѣніе и пустили его по міру. Другой несчастный, замѣшанный въ эти же долги, попалъ въ тюрьму и приговоренъ былъ къ ссылке; но—заключаетъ бѣднякъ разсказъ свой—«великодушіе общаго нашего милостивца, большого боярина, участь его облегчило. Онъ взялъ его на выкупъ и возмечталъ, что онъ тѣмъ долгу челоуѣколюбія и правосудія удовлетворилъ совершенно» ²⁾.

Въ 9-й части «Собесѣдника» помѣщены «Записки Разнощика», который описываетъ, какъ онъ собиралъ долги свои. «Обходя въ нѣсколько домовъ для сбора должныхъ мнѣ денегъ, въ иномъ завтраками отпочи-

¹⁾ „Соб.“, ч. II, стр. 54.

²⁾ Ibid., стр. 64.

вали, въ другомъ отослали до будущаго понедѣльника, въ третьемъ не доложили госпожѣ за болѣзнію, которая приключилась ей оттого, что птичка ея вылетѣла изъ клѣтки и любимая собачка переломила ножку; однимъ словомъ, вмѣсто 300 рублей, которые считалъ я тотъ день получить, 13 рублей мнѣ отдалъ тотъ изъ должниковъ моихъ, который бы скорѣе извиненъ былъ въ неисправности, ибо онъ всѣхъ прочихъ бѣднѣе»¹⁾.

Вообще, всякій обманъ, предательство, вѣроломство встрѣчали сильное обличеніе въ «Собесѣдникѣ». Этому касаются отчасти даже «Были и Небылицы»; но гораздо сильнѣе говорятъ противъ того другія статьи. Въ 14-й части помѣщенъ цѣлый рассказъ «Клеантъ», въ которомъ выведенъ человѣкъ, обманывавшій своего друга ложною преданностью и, между тѣмъ, клеветавшій на него.

Въ сатирѣ Капниста есть стихи:

Злохватъ бѣжить ко мнѣ, прижавъ къ груди, цалуетъ
И благодѣтелемъ и другомъ именуется,
Клянется, что онъ всѣмъ пожертвовать мнѣ радъ,
И клятвами остритъ коварный злобы ядъ.
Онъ рвется, мучится, отчаяньемъ мятется,
Пока конца моей онъ жизни не дожидается²⁾.

Въ 4-й части находимъ общее обвиненіе; отецъ говоритъ сыну: «я испыталъ, что обращеніе свѣтское и служба за собою влечетъ предательство, ухищренія, зависть, злоключенія и самое умерщвленіе духа»³⁾.

Видно, что, въ самомъ дѣлѣ, понятія объ истинной чести и честности были весьма мало тогда развиты въ нашемъ обществѣ: иначе, трудно объяснить себѣ такое невольное обвиненіе, особенно въ устахъ отца, поучающаго сына своего на путь жизни.

Какъ самый отвратительный видъ двоедушія, ханжество и пустосвятство также вызвали порицанія и насмѣшки въ «Собесѣдникѣ». Нельзя не сказать, что насмѣшки эти очень удачны и остроумны. Въ нихъ схвачены черты очень рѣзкія и въ самомъ дѣлѣ поразительныя. Напр., въ «Повѣствованіи глухого и нѣмого» честный воевода Язвинъ характеризуется еще слѣдующею чертою: «однажды укралъ онъ изъ нашего табуна 12 лучшихъ лошадей и на другой день со всею своею окаянною семьею на тѣхъ же краденыхъ коняхъ отправился въ Ростовъ Богу молиться»⁴⁾.

Въ «Картинахъ моей родни» постная тетушка хвалитъ своего брата за то, что онъ не жжетъ восковыхъ свѣчъ дома. «Ужъ нынѣ люди до чего дошли—говоритъ она—что не только равняются, но хотятъ перевы-

1) „Соб.“, ч. IX, стр. 10.

2) Ibid., ч. V, стр. 166.

3) Ibid., ч. IV, стр. 116.

4) Ibid., ч. IV, стр. 129.

сить иконы. Я и имъ, свѣтамъ, по разбору ставлю. Иныя у меня бѣлаго (воска) и въ праздники не видятъ, а и желтымъ такъ же таки проба-вляются». Эта богомольная старушка оказываетъ особенное расположеніе одному племяннику, который «заслужилъ се равною съ ней охотою замаливать то, что вмѣстѣ согрѣшатъ, а послѣ опять нагрѣшить, чтобы имѣть удовольствіе замаливать» ¹⁾. Эта же почтенная старушка старается поддержать гнѣвъ своего брата на слугъ, «несмотря на то, что она лишь съ церкви отъ вечерни пріѣхала» ²⁾. Эти слова замѣчательны для насъ потому, что они показываютъ въ авторѣ статьи свѣтлый взглядъ на истинное благочестіе. Не въ исполненіи пустыхъ обрядовъ, но въ чистой любви къ человѣчеству поставляется здѣсь угожденіе Богу. И эта мысль не случайно попадаетъ здѣсь. Она встрѣчается очень во многихъ статьяхъ «Собесѣдника», и почти въ каждой книжкѣ можно найти или положительное провозглашеніе обязанностей человѣколюбія и состраданія, или сильное обличеніе жестокосердія, презрѣнія къ ближнимъ и грубыхъ проявленій эгоизма. Не представляя разсужденій «Собесѣдника», возьмемъ нѣсколько отрывковъ, которые могутъ дать понятіе о лицахъ, какія описаны въ немъ, и какія, конечно, бывали у насъ въ то время.

Въ первой же книжкѣ «Собесѣдника» помѣщена статья «Пріятное путешествіе», въ которой разсказывается, между прочимъ, слѣдующій эпизодъ. Къ одному богачу, во время богатаго обѣда въ его загородномъ домѣ, является бѣдная женщина, которой мужъ былъ благодѣтелемъ этого богача. Увидѣвъ ее въ окошко, хозяинъ началъ роптать на безпокойство, которое ему причиняютъ бѣдные люди. Когда же она пришла, то онъ, на всѣ мольбы о помощи ей и малолѣтнимъ дѣтямъ ея, отвѣчалъ сухо, что помочь ей не можетъ, что издержки его и безъ подаенія велики. Такимъ образомъ, отказавъ ей, онъ еще оскорбилъ ее названіемъ нищей, замѣчаетъ авторъ. «Преисполненный омерзѣніемъ, авторъ вышелъ и уже къ недостойному тому богачу болѣе не возвращался» ³⁾. Затѣмъ слѣдуетъ еще нѣсколько рѣзкихъ обличеній на бездушныхъ богачей. Нѣсколько такихъ выходовъ есть также въ статьѣ «Путешествующіе» ⁴⁾, при разсказѣ одного подобнаго случая. Какой-то несчастный, будучи въ Лондонѣ, обратился здѣсь къ своему министру, въ надеждѣ, какъ у земляка и человѣка, найти у него прибѣжище; «но знатный мой, ополчая своимъ величіемъ, бѣдняка и до лица своего не допустилъ». Бѣднякъ принужденъ былъ наняться

¹⁾ „Соб.“, XV, стр. 461, 163.

²⁾ Ibid., ч. XII, стр. 22.

³⁾ Ibid., ч. I, стр. 49—52.

⁴⁾ Ibid., ч. XI, ст. IX.

въ матросы на одномъ суднѣ, чтобы имѣть возможность возвратиться въ отечество ¹⁾).

Въ 13-й части есть статья «Приключеніе», которой содержаніе состоитъ въ томъ, что проѣзжему, заблудившемуся въ пути, встрѣчается баринъ, возвращающійся съ охоты, и на просьбу о помощи отвѣчаетъ: «мнѣ не до васъ: я, право, не ужиналъ, такъ спѣшу домой». Потомъ встрѣчается дровосѣкъ и приглашаетъ проѣзжаго къ себѣ въ избушку ²⁾. Это опять даетъ поводъ автору къ нѣсколькимъ горячимъ словамъ обличенія. Въ 4-й части выведена еще любопытная личность майора Щелчкова «изъ солдатскихъ дѣтей, по женѣ разбогатѣвшаго». — «Лучшая его въ деревнѣ забава состояла въ томъ, чтобы выбравъ сильныхъ мужиковъ, ставить ихъ на колѣни и щелкать по лбу. Онъ въ семь искусствъ такъ отменно былъ силенъ, что во всѣмъ его селѣ не было лба, у котораго бы онъ однимъ щелчкомъ не отшибалъ памяти» ³⁾. Этотъ человекъ дѣлалъ, что хотѣлъ, въ уѣздѣ, и на него не было никакого суда; «ибо воевода и съ приписью подъячій, съ женами и дѣтьми, не были не что иное, какъ твари, питавшіяся отъ крупицъ, падающихъ изъ майорскаго дома». Кто знаетъ нравы нашего общества того времени, особенно провинціального, тотъ оцѣнитъ справедливость и грустное значеніе этихъ замѣтокъ.

Но ни на что не обращалось въ «Совесѣдникѣ» столько преслѣдованій, какъ на легкое поведеніе тогдашнихъ женщинъ и на слѣпое пристрастіе ко всѣму французскому. По замѣткамъ современниковъ, по цѣлой литературѣ екатерининскаго времени мы знаемъ, какъ распространены были, дѣйствительно, эти недостатки въ тогдашнемъ обществѣ (60). И это было великое дѣло—возстать на пороки сильные, господствующіе, распространенные во всѣхъ классахъ общества, начиная съ самыхъ высочайшихъ, и чѣмъ выше, тѣмъ больше, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ первому. Смотри на эту сильную, настойчивую борьбу съ главнѣйшими недостатками эпохи, нельзя съ сожалѣніемъ не припомнить нашей литературы послѣдняго времени, которая большею частію сражается съ призраками и бросаетъ слова свои на воздухъ, которая осмѣливается нападать только на то, что не простирается за предѣлы какого-нибудь очень тѣснаго кружка или что давно уже осмѣяно и оставлено самимъ обществомъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что съ нынѣшними своими средствами она могла бы сдѣлать гораздо больше для общества, нежели въ то время, когда она сама еще едва выходила изъ пеленокъ (61).

¹⁾ „Соб.“, стр. 127—9.

²⁾ Ibid., ч. XIII, стр. 130—135.

³⁾ Ibid., ч. IV, стр. 124.

Рѣзкость и безцеремонность выражений, въ которыхъ описывается въ «Собесѣдникѣ» тогдашній развратъ, можетъ показаться странною и неприятною для утонченныхъ нравовъ нашего времени, которые позволяютъ дѣлать нѣкоторыя вещи, но не позволяютъ говорить о нихъ. Принимая въ уваженіе это обстоятельство и не видя надобности приводить доказательства на столь общеизвѣстный предметъ, мы удержимся здѣсь отъ выписокъ изъ статей, въ которыхъ особенно рѣзко изображаются отношенія тогдашнихъ женщинъ къ мужьямъ, и проч. Въ каждой книжкѣ «Собесѣдника» можно найти непременно насмѣшливое описаніе какой-нибудь четы, или госпожи съ *господчикомъ*, или просто госпожи, излагающей свои понятія объ этомъ предметѣ. Есть также нѣсколько эпиграммъ, въ которыхъ все остроуміе вертится на словѣ *рогатый*. Вотъ, напр., одна для образчика:

Филинтъ искалъ купить хорошую картину,
Изображающую рогатую скотину;
Онъ въ лавку только лишь ступилъ,
То зеркало купилъ ¹⁾.

До какой степени доходило разстройство всѣхъ семейныхъ отношеній, можно видѣть изъ нѣсколькихъ стиховъ въ «Посланіи къ слову *махъ*». Здѣсь жена проситъ мужа позволить ей *помахать* (техническое слово тогдашняго времени) для того,

Чтобъ свѣту показать, что мы живемъ *по модѣ*.

Мужъ *по модѣ* потекаетъ, ей, и она продолжаетъ:

Mon сœur très obligé,
Вѣдь вѣрность наблюдать, конечно, préjugé?
И вѣрность въ женщинѣ не глупости ли знакъ?
Тутъ мужъ ей говоритъ такъ, маменька, такъ, такъ, ²⁾.

Въ этой же части помѣщено, будто бы полученное издателями, письмо отъ одной дамы, жалующейся на своего мужа, который не даетъ ей *махать*—«У него такія идеи премудренныя—говоритъ она—онъ совсѣмъ не слушаетъ резону, а еще умнымъ человѣкомъ считается. Я ему тысячу примѣровъ насказала, да онъ мнѣ отвѣчаетъ тѣми же глупостями. Я не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Онъ конечно, видитъ, что въ хорошихъ сосіететахъ за порокъ не почитаютъ махать отъ скучныхъ мужей, и что, напротивъ, такихъ женщинъ вездѣ хорошо принимаютъ; а ежели бы маханье было порокъ, то бы, конечно, ихъ въ хорошихъ домахъ не ласкали. Но со всѣмъ тѣмъ мужъ мой все при старыхъ капризахъ остается ³⁾».

¹⁾ „Соб.“, ч. III, ст. 38.

²⁾ Ibid., стр. 31.

³⁾ Ibid., ч. I, стр. 84, 85.

Такимъ образомъ, видно, что развратъ вошелъ въ обычай, въ моду и даже считался признакомъ образованности. Многие тогда не женились только потому, что «*c'est du bon ton*—быть холостымъ», какъ сказано въ другой статьѣ ¹⁾. Слѣдовательно, модѣ этой подражали равно мужчины и женщины.

Въ «Собесѣдникѣ» есть нѣсколько статей, собственно посвященныхъ этому предмету. Таково письмо, изъ котораго приведена выписка ²⁾, «Исповѣданіе жеманихи» ³⁾, «Прогулка» ⁴⁾, «Маскарадъ» ⁵⁾. Кроме того, много замѣтокъ разсѣяно мимоходомъ въ другихъ статьяхъ. Даже «Были и Небылицы», въ которыхъ никакъ нельзя ожидать рассказовъ о подобныхъ предметахъ, касаются ихъ нерѣдко ⁶⁾. Впрочемъ, нельзя не отличить въ этихъ нападеніяхъ двухъ сторонъ: одна—на самое дѣло, и это насмѣшки, очель невинныя и снисходительныя,—другая—на тѣ средства, которыми хотятъ привлекать къ себѣ—на щегольство, *прикрасы личныя*, и проч. Эти нападенія жестокия и нещадныя. Видно, атмосфера до того была заражена, что даже лучшіе люди не могли вполнѣ понять гадости самаго порока и смотрѣли на него, какъ на вещь очень обыкновенную и неважную въ сущности, заслуживающую порицанія только смотря по формѣ, въ которой она проявляется. Изъ всѣхъ статей «Собесѣдника» видимъ, что тогда развратъ женщинъ осуждали только съ одной точки зрѣнія—за то, что здѣсь находили обманъ. Сущность же дѣла казалась очень милою, привлекательною и вовсе не беззаконою. Доказательствъ можно найти тысячу въ литературѣ того времени: въ сочиненіяхъ Державина, Богдановича, фонъ-Визина, Майкова, Екатерины, и проч., даже въ статьяхъ «Собесѣдника», даже въ тѣхъ самыхъ статьяхъ его, которыя вооружаются противъ «развращенія». Въ первой книжкѣ «Собесѣдника» помѣщена идиллія «Вечеръ», въ которой рассказывается встрѣча пастуха, вечеромъ, въ рощѣ, со спящею, разметавшеюся пастушкою ⁷⁾. *Идиллія* эта не отличается большою скромностію и напоминаетъ Богдановича въ сценѣ задуманнаго самоповѣшенія Душеньки. Вѣроятно, это и правилось тогда. Каковы были требованія тогдашнихъ барынь отъ мужчины, видно отчасти изъ одного намека въ «Записной книжкѣ». Двѣ женщины восхищаются однимъ молодымъ человѣкомъ, и на вопросъ: что онѣ нашли въ немъ хорошаго? одна отвѣчаетъ: «ахъ, неужто ты того не примѣтила? по-

¹⁾ „Соб.“, ч. II, стр. 20.

²⁾ Ibid., ч. I, ст. XVI.

³⁾ Ibid., ч. VIII, ст. XII.

⁴⁾ Ibid., ч. VI, ст. XV.

⁵⁾ Ibid., ч. XI, ст. XVII.

⁶⁾ Ibid., ч. II, стр. 150—154; ч. V, стр. 142—145; ч. VII, стр. 130—133.

⁷⁾ Ibid., ч. I, ст. V.

смотри, пожалуй, какой ростъ...» «Онъ головою выше моего мужа», пресѣкла другая» ¹⁾. Взглядъ на самую любовь былъ совершенно чувственный. Вотъ, напримѣръ, для доказательства начало оды *Къ любви*, изъ «Собсѣдника»:

О ты, что чувства въ насъ питаешь,
Томишь и услаждаешь кровь,
Пріятому страсть въ сердца вливаешь,
О ты, божественна любовь ²⁾...

Смотря на любовь, какъ на волненіе крови, конечно, нельзя было имѣть строгаго взгляда на семейную нравственность.

Но корень всему злу было французское воспитаніе, и на него-то обращена большая часть самыхъ ожесточенныхъ нападеній. Причина этого настойчиваго преслѣдованія объясняется отчасти тѣмъ, что тогдашнее волненіе умовъ во Франціи грозило многимъ и въ политическомъ отношеніи, отчасти же и тѣмъ, что княгиня Дашкова, понимавшая истинную сущность дѣла, естественно должна была негодовать, видя, какъ русскіе люди, знакомясь съ литературой и нравами Франціи, перенимали самое пустое, самое глупое, самое ничтожное, не обращая вниманія на то, что составляло дѣйствительное сокровище, что могло въ самомъ дѣлѣ образовать и облагородить человѣка. Эти двѣ причины, до нѣкоторой степени противоположныя, если разсмотрѣть ихъ внимательно, произвели, однакожь, одно слѣдствіе: осмѣяніе пустого подражанія французамъ (62). Въ этихъ наемѣшкахъ попадаетъ нѣсколько характерныхъ чертъ, которыя могутъ служить любопытнымъ выраженіемъ нравовъ того времени.

Имѣть учителя француза или *мамзель* французенку считалось необходимымъ въ порядочномъ семействѣ. Авторъ статьи «*О воспитаніи*» говоритъ: «нерѣдко случалось слышать, особливо въ замоскворѣцкихъ съѣздахъ или бесѣдахъ: *что ты, матушка, своей мамзели даешь?*— Дарага, проклятая, дарага! да что дѣлать! хочется воспитать дѣтей своихъ благородно: 180 руб. деньгами, да сахару по 5 и чаю по одному фунту на мѣсяцъ ей даю.—И, матушка, я такъ своей больше плачу: 250 р. на годъ, да домашнихъ всякихъ припасовъ даю довольное число. Правду сказать, за то она уже моетъ кружево мое и чепчики шьетъ мнѣ, да и Танюшу выучила чепчики дѣлать. Нынче, матушка, ужъ и замужъ дочери не выдашь, коли по-французски она говоритъ не умѣетъ, а вѣдь постричь ее нельзя же. Какъ быть! да я и сама-таки люблю французское благородство и надѣюсь, что дочь моя въ грязь лицомъ не ударитъ» ³⁾.

¹⁾ „Соб.“, ч. XIII, стр. 23.

²⁾ Ibid., ч. IV, стр. 174.

³⁾ Ibid., ч. II, стр. 16.

При такомъ воспитаніи, при такихъ руководителяхъ съ первыхъ лѣтъ жизни, основательнаго образованія, разумѣется, нельзя было и ожидать. И вотъ выходили молодая дѣвушка или молодой человѣкъ съ презрѣніемъ къ отечеству, съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ ко всему французскому, съ легкой головой, съ пустымъ сердцемъ,—словомъ, нѣчто въ родѣ соллогубовскаго Ивана Васильича съ своей матушкой. У дѣвушки тотчасъ является желаніе имѣть *petite santé* и тратиться свыше состоянія на французскія накладки, шпильки и булавки. Объ этомъ много говорится въ «Собесѣдникѣ», и въ статьѣ «О воспитаніи», и въ другихъ, напримѣръ, въ «Письмѣ нѣкоторой женщины» ¹⁾, при которомъ есть даже примѣчаніе издателей, подсмѣивающееся не надъ безнравственностью его, а надъ тѣмъ, что въ немъ много французскихъ словъ. То же есть въ «Записной Книжкѣ» сначала ²⁾, въ «Подражаніи Англинскому Зрителю» ³⁾, въ Прогулкѣ ⁴⁾, въ «Вечеринкѣ» ⁵⁾, во «Французской Лавкѣ» ⁶⁾, и пр. Не дѣлаемъ выписокъ, потому что и безъ того слишкомъ много выписывали; притомъ, изъ этихъ выписокъ мы узнали бы новаго развѣ только то, что тогда была мода носить дамамъ высокіе каблуки, растрѣпанные волосы, румяниться и притираться, что были въ употребленіи:

Флеръ, крепъ, лино, цвѣты, и перья, и накладки ⁷⁾.

И здѣсь, впрочемъ, зло было слишкомъ сильно, и «Собесѣдникъ» старался только уменьшить, а не истребить его. Въ статьѣ «О личныхъ прікрасахъ» онъ прямо сознался, что это есть «необходимо нужное зло» ⁸⁾.

Молодой человѣкъ тогдашняго времени, при малѣйшей возможности, отправлялся въ *воляжъ* и прямо направлялъ путь свой въ Парижъ. Въ дорогѣ онъ ограничивалъ свою наблюдательность трактирами, честолюбіе его удовлетворялось названіями сіятельства и свѣтлости отъ трактирной прислуги; любознательность не шла далѣе покроя платья. Въ самомъ Парижѣ изучалъ онъ модныя лавки, гулянья, лоретокъ, и даже спектакли—для того, чтобы знакомиться съ актрисами. Возвращаясь въ отечество, онъ исполнялся горестію, что долженъ со слугами объясняться не по-французски, и что нельзя между невѣждами, ввести образованной парижской жизни. Съ полнымъ презрѣніемъ ко всему родному, съ совершеннымъ отсутствіемъ серьезнаго образованія, эти люди были увѣрены, что они обо

¹⁾ „Соб.“, ч. I, ст. XVI.

²⁾ Ч. XIII, стр. 19—22.

³⁾ Ч. XV, ст. VI.

⁴⁾ Ч. VI, ст. XV.

⁵⁾ Ч. IX, ст. VII.

⁶⁾ Ч. XI, ст. III.

⁷⁾ „Соб.“, ч. XI, стр. 24.

⁸⁾ Ч. VI, стр. 172.

всемъ могутъ судить очень дѣльно, и потому говорили обо всемъ рѣшительнымъ образомъ, пренебрегая все то, что видятъ дома, а рѣшенія свои считая выше всякой апелляціи, потому что были въ Парижѣ. Такъ «Собесѣдникъ» описываетъ русскихъ путешественниковъ конца прошедшаго вѣка, въ статьяхъ своихъ: «О воспитаніи» ¹⁾, «Просвѣщенный Путешественникъ» ²⁾ и «Путешествующіе» ³⁾. Къ этому можно прибавить характерную замѣтку мизантропа, изъ «Записной Книжки». «Молодой путешественникъ—говоритъ онъ—спѣшитъ въ Парижъ, чтобы перенять разныя моды и со вкусомъ одѣваться, въ Римъ—чтобы посмотрѣть на хорошія картины, въ Лондонъ—чтобы побывать на конскомъ ристаніи и на дракѣ пѣтуховъ; но поговорите съ нимъ о нравахъ, законахъ и обычаяхъ народныхъ, онъ скажетъ вамъ, что во Франціи носятъ короткіе кафтаны, въ Англіи ѣдятъ пуддингъ, въ Италіи—макароны» ⁴⁾.

Такимъ образомъ, немудрено повѣрить, что въ обществѣ царствовали величайшее легкомысліе, пустота и полное невѣжество въ отношеніи ко всемъ вопросамъ науки и литературы. Просвѣщенный путешественникъ говоритъ, что онъ не крестьянинъ, чтобы ему интересоваться успѣхами сельскаго хозяйства и задачами политической экономіи; что онъ не будетъ составителемъ календарей, чтобы ему заниматься математикой и физикой; что онъ не секретарь, чтобы тратить время на изученіе правъ народныхъ. При господствѣ такого образа мыслей, легко могло произойти то, что утверждаетъ мизантропъ: что если два человѣка съ талантами въ обширномъ городѣ встрѣчаются, то такъ другъ другу обрадуются, какъ двое русскихъ, которые бы въ первый разъ встрѣтились въ Китаѣ. О невѣжествѣ встрѣчаемъ довольно свидѣтельствъ въ «Собесѣдникѣ». Эти свидѣтельства нужно раздѣлить на два рода: одни относятся къ тѣмъ, которые не хотѣли знать литературы и науки, другія—къ тѣмъ, которые сами пускались въ писательство, но тоже умѣли доказывать свое невѣжество.

Въ отношеніи къ первому роду невѣждъ мы находимъ такого рода данныя. Множество было людей, которые ни о чемъ больше говорить даже не умѣли, какъ только о собакахъ ⁵⁾; другіе, имѣя претензію на высшую образованность, посвящали все свое время танцамъ, клавикордамъ или скрипкѣ и разговорамъ о театрѣ ⁶⁾, третьи заботились о томъ, «чтобъ издавать наряды своимъ соотечественникамъ» и забавлять компанію раз-

¹⁾ „Соб.“, ч. II, ст. II.

²⁾ Ibid., ч. III, ст. XVIII.

³⁾ Ч. XI, ст. IX.

⁴⁾ Ч. XIII, стр. 37.

⁵⁾ „Соб.“, ч. I, ст. XX.

⁶⁾ Ч. II, стр. 18.

говорами, не заботясь о томъ, правду или нѣтъ говорить придется ¹⁾. Такимъ образомъ, когда дѣло доходило до серьезныхъ вопросовъ, то подобные господа рѣшительно терялись. Въ 11-й части «Собесѣдника» помещено письмо одного священника, который говоритъ: «Недавно, въ не маломъ благородномъ собраніи, предложенъ былъ, между прочимъ, высокоблагородному важный вопросъ: что есть Богъ?—и по многимъ преніямъ многіе сего общества члены такія опредѣленія сей задачѣ изыскивали, что не безъ сожалѣнія можно было примѣтить, сколь много подобныхъ симъ найдется мудрецовъ за то одно незнающихъ святости христіанскаго закона, понеже никакого о немъ понятія не имѣютъ» ²⁾. Отъ этого безсилія предъ вопросами, требующими серьезнаго размышленія и положительныхъ знаній, развился въ то время и остался, кажется, надолго въ употребленіи у полужнаекъ особенный родъ остроумія, который хорошо очерченъ въ стихахъ г. ХХ*** ³⁾:

Не мыслить ни о чемъ и презирать сомнѣнье;
 На все давать тотчасъ свободное рѣшенье;
 Не много разумѣть, о многомъ говорить;
 Быть дерзку, но умѣть продерзостями льсть;
 Красивой пустошью плодиться въ разговорахъ,
 И другу и врагу являть пріятство въ взорахъ;
 Блистать учтивостью, но чтя пренебрегать;
 Смѣяться дуракамъ и имъ же потакать;
 Любить по прибыли, по случаю дружитья;
 Душою подличать, а внѣшностью гордиться;
 Казаться богачемъ, а жить на счетъ другихъ;
 Съ осанкой важничать въ бездѣлицахъ самихъ,
 Для остраго слова шутить и надъ закономъ,
 Не уважать отцомъ, ни матерью, но трономъ;
 И, словомъ, лишь умомъ въ поверхности блистать,
 Въ познаніяхъ одни только цвѣты срывать;
 Тотъ узелъ разсѣкать, что развязать не знаемъ—
 Вотъ остроуміемъ что часто мы считаемъ.

Но у кого не доставало душевной наглости и для того, чтобы хоть такъ отдѣлываться отъ вопросовъ, тотъ просто не допускалъ ихъ въ свою голову. А дѣлалось это очень просто. Прибѣгали для этого къ карточной игрѣ ⁴⁾, къ сплетнямъ ⁵⁾, къ вину ⁶⁾. Иные отъ праздности придумывали еще лучшее занятіе. Напримѣръ, въ «Картинахъ моей родни» тетюшка для развлеченія принимается ругать слугъ, а мужъ ея, опасаясь, чтобы

¹⁾ „Соб.“, ч. III, стр. 175, 183.

²⁾ Ч. XI, стр. 157.

³⁾ „Соб.“, ч. III, стр. 115. „Модное Остроуміе“.

⁴⁾ Ibid., ч. XIII, стр. 23, 25.

⁵⁾ Ч. III, стр. 143, 145; ч. VI, стр. 183.

⁶⁾ Ч. IV, стр. 129.

послѣ того, какъ она всѣхъ перебранить, и ему не досталось, помогаетъ супругѣ нападать и «продолжаетъ всячески гнѣвъ ея на слугъ, спасительный для него» ¹⁾. Нѣкоторые, отъ нечего дѣлать, занимались гаданьемъ на картахъ ²⁾, придавая, впрочемъ, ему серьезное значеніе. Если еще и теперь можно встрѣтить вѣрующихъ этому гаданью, то въ то время ихъ, конечно, было несравненно больше, судя по образчикамъ тогдашняго суевѣрія въ другихъ родахъ. Тогда, напримѣръ, не вѣрили врачебной наукѣ и считали грѣхомъ лечиться: объ этомъ говоритъ «Собесѣдникъ». Въ четвертой части находимъ рассказъ о человѣкѣ, который ожесточенъ былъ противъ лекарствъ и еще болѣе утверженъ въ своемъ предубѣжденіи отцомъ игуменомъ на Перервѣ, куда онъ ѣздилъ молиться Богу, — «его преподобіе имѣлъ такое мнѣніе, что всякій докторъ долженъ быть неминуемо колдунъ, и что весь корпусъ медиковъ есть ни что иное, какъ сатанино сонмище, попущенное гнѣвомъ Божиимъ на пагубу человѣческаго рода» ³⁾.

Общество, столь мало или столь превратно развитое умственно и нравственно, не могло, разумѣется, отличаться сочувствіемъ къ литературѣ, — и это не разъ замѣчено было въ «Собесѣдникѣ», какъ дѣло весьма постыдное. Въ «Вечеринкѣ» является одинъ господинъ, который на вопросъ, читалъ-ли онъ «Душеньку», отвѣчалъ: «Не читалъ и не видалъ». — «Какъ не видали»? — «Я думалъ, что ее когда-нибудь сыграютъ». — «Да это не драма, а сказка въ стихахъ». — «А мнѣ сказывали, что это комедія». — «Надобно знать — прибавляетъ авторъ — что господинъ этотъ выдаетъ себя за человѣка просвѣщеннаго, за любителя наукъ и художествъ» ⁴⁾. Въ письмѣ къ Капнисту сказано прямо, что «публика наша еще не очень охотно читаетъ російскія стихотворенія: (63) «Душенька» и многія другія сочиненія въ стихахъ лежатъ въ книжныхъ лавкахъ не проданы, тогда какъ многіе переведенные романы печатаются четвертымъ тисненіемъ. Посему стихотворцы наши не могутъ еще безъ покровителей ядѣться на одобреніе публики» ⁵⁾. Въ послѣдней книжкѣ «Собесѣдника» описанъ одинъ любитель чтенія, который заставляеть своего дворецкаго читать себѣ книги, а самъ въ это время спитъ, по прочтеніи же отмѣчаетъ своей рукой на книгѣ: *прочтена*. «Зачѣмъ же вы это подписываете»? спрашиваютъ его. «А чтобы въ другой разъ не читать книги», наивно отвѣчаетъ онъ ⁶⁾.

¹⁾ „Соб.“, ч. XII, 20.

²⁾ Ч. IX, стр. 242—246.

³⁾ Ч. IV, стр. 130.

⁴⁾ Ч. VII, стр. 245.

⁵⁾ „Соб.“, ч. I, стр. 75.

⁶⁾ Ч. XVI, ст. X.

Но, выставляя на посмѣяніе подобныхъ читателей, «Собесѣдникъ» не оставляетъ въ покоѣ и писака, которые пускались въ литературу, особенно тѣхъ, которые писали по русски французскимъ складомъ. «Собесѣдникъ» самъ иногда помѣщалъ у себя для смѣху подобныя произведенія; но дорого стоила авторамъ ихъ честь попасть въ этотъ журналъ. Надъ ними долго нещадно смѣялись, разбирая по ниточкѣ уродливыя фразы ихъ. Особенно досталось двумъ авторамъ: «Любослову», который помѣстилъ въ «Собесѣдникъ» свою критику ¹⁾ на первую часть его, мелочную, правда, но большею частію справедливую, и потомъ «Начертаніе о россійскомъ языкѣ» ²⁾, и еще автору одного письма къ сочинителю «Былей и Небылицъ», приложившему при этомъ письмѣ и свое предисловіе къ исторіи Петра Великаго ³⁾. Перваго осмѣяли за мелочную придирчивость и за напыщенность выраженія, второго—за то, что, «пишучи по-русски, думалъ по-французски», и написалъ свое предисловіе совершенно по-французски, только русскими словами. За это особенно нападаетъ «Собесѣдникъ», и дѣло это, дѣйствительно, было важно для литературы. Даже Карамзинъ жаловался, какъ извѣстно, на то, что русскому писателю негдѣ взять образца для своего языка, потому что всѣ образованные люди говорятъ по-французски. Обычай этотъ, усиливаемый французскимъ воспитаніемъ и, въ свою очередь, поддерживавшій его жалкое вліяніе, былъ особенно распространенъ въ то время, и нельзя не отдать должной справедливости издателямъ «Собесѣдника» за стараніе противодѣйствовать этому злу. Осмѣивая неумѣстное употребленіе французскихъ фразъ въ обществѣ, они тѣмъ сильнѣе осмѣивали тѣхъ, которые съ подобною привычкою принимались писать по-русски. Объ одномъ изъ подобныхъ сочиненій «здравомыслящій человекъ» говоритъ: «мнѣ кажется, все сіе написано по-французски русскими словами; если вамъ угодно, я переведу все сіе сочиненіе на французскій языкъ, и, возвратя оное въ первобытное состояніе, оно болѣе смысла имѣть будетъ, нежели теперь въ русскихъ словахъ оно содержитъ. Авторъ же этотъ, хоть верхомъ или инако во французскомъ шарѣ летать будетъ, пока по русски не выучится, русскимъ сочинителемъ не будетъ» ⁴⁾.

Плохимъ стихотворцамъ тоже доставалось отъ «Собесѣдника», особенно въ эпиграммахъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Глупоновъ написалъ и прозу и стихи,
 Чтобъ всякому читать за тяжкіе грѣхи.
 Хоть грѣшниковъ и есть на свѣтѣ очень много,
 Но ихъ наказывать не должно слишкомъ строго.

¹⁾ „Соб.“, ч. II, ст. XI.

²⁾ Ч. VII, ст. XV.

³⁾ Ч. VII, ст. XIX.

⁴⁾ Ч. IX, стр. 12—13.

На плохихъ рѣмотворцевъ нападаетъ и Кашинскій въ своей сатирѣ, сожалья, что можно прекратить злодѣйства страхомъ наказаній, но никакъ нельзя стихотворцевъ заставить «безъ смысла не гремѣть,» —

Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ
И рыломъ не мутить кашинскихъ чистыхъ водъ.

А что подобныхъ писакъ было и тогда очень довольно, свидѣтельствуется «Искреннее сожалѣніе объ участи издателей «Собесѣдника», въ которомъ сказано: «Присылаемые къ вамъ разноманерные пакеты, запечатанные то пуговкою, то полушкою, правда, наполнены стихотвореніями, но по сколько добрыхъ стиховъ на сто худыхъ? Я увѣренъ, что не найдется тутъ ниже по шести на сто указанныхъ процентовъ»¹⁾. Письмо сочинено, очевидно, въ редакціи, и потому его увѣренность можно принять за положительное показаніе.

«Собесѣдникъ» открываетъ намъ еще одно странное явленіе тогдашней литературы. Были люди, которые нанимали другихъ, чтобы написали для нихъ сочиненія, которыя они потомъ издавали подъ своимъ именемъ. Этотъ обычай, какъ видно, тоже принесенъ изъ Франціи, гдѣ онъ получилъ освященіе отъ знаменитаго Ришелье. Фактъ этотъ разсказывается въ статьѣ: «Счастливое излеченіе зараженнаго болѣзнію сочинять»²⁾. Статья незначительна сама по себѣ; содержаніе ея взято изъ одного анекдота, помѣщеннаго еще въ «Письмовникѣ» Курганова (64). Онъ состоитъ въ томъ, что двое молодыхъ людей вздумали увѣрять своего пріятеля, что онъ слѣпъ, и для того, среди темной ночи, когда онъ спалъ, подняли споръ объ одномъ словѣ, котораго будто бы не могли разобрать въ одной тетради. Проснувшись отъ шума, онъ спросилъ, о чемъ они спорятъ, и они попросили его разобрать, что тутъ написано. Онъ сказалъ, что безъ огня не видитъ; они начали смѣяться надъ нимъ и увѣряли, что теперь день. Такимъ образомъ, онъ увѣрился, что ослѣпъ. Разница между разсказомъ «Письмовника» и «Собесѣдника» та, что тамъ друзья рѣшаются настрашать пріятеля за богохульство, въ которомъ онъ упражнялся съ вечера, а здѣсь за то, что онъ оскорбляетъ божество Талии, осмѣливаясь писать комедіи по заказу одного господчика, который, побывавъ въ Парижѣ (какъ видно, это было въ глазахъ издателей необходимое условіе глупости), слылъ между дворянами великимъ умникомъ, да и отъ мѣщанъ тоже хотѣлъ получить дань поклоненія своему генію.

Мы разсмотрѣли большую часть нравоучительныхъ статей «Собесѣдника», въ которыхъ являются сколько-нибудь живыя личности, сколько-нибудь дѣйствительная жизнь. При этомъ мы не брали во вниманіе всѣхъ

¹⁾ Ч. III, стр. 152.

²⁾ „Соб.“, ч. X, ст. X.

извѣстныхъ произведеній Державина, фонъ-Визина, Богдановича и пр., которыя могутъ еще дополнить картину тогдашнихъ нравовъ, представленную въ „Соб.“. Нельзя не видѣть, что въ этихъ статьяхъ болѣе выводится на сцену дурная сторона нравовъ, и за это нельзя осуждать «Собесѣдника». Еще въ наше время испыталъ неудачу въ созданіи идеальныхъ русскихъ лицъ писатель, которому равнаго, конечно, не представитъ прошедшее столѣтіе въ нашей литературѣ. А между тѣмъ, наше время уже далеко не то, что тогдашнее. Тогда, какъ видимъ изъ «Собесѣдника» же, старинные предрасудки, невѣжество, грубость сердца, суевѣріе, боярская спѣсь упорно еще боролись противъ просвѣщенія, насильно вторгающагося въ русскую жизнь. Но остановить распространеніе свѣта они не могли, и молодое поколѣніе жадно бросилось перенимать французскій умъ, французскіе нравы и переняло, разумѣется, настолько, насколько можно перенимать умъ и нравы. Все было искажено, все перешло въ однѣ пошлыя, заученныя формы безъ души, потому что все вниманіе обращали только на внѣшность, не думая о томъ, что подъ нею скрывается. Да и самая внѣшность эта была не понятна и, поразивъ сначала удивленіемъ непривычныхъ людей, скоро потомъ переходила къ намъ въ чудовищныхъ искаженіяхъ. Такъ, французская свобода обращенія въ переложеніи на наши нравы сдѣлалась семейнымъ развратомъ, французская веселость — шутовствомъ, ихъ легкомысліе и беззаботность — презрѣніемъ ко всякимъ серьезнымъ занятіямъ, ихъ насмѣшки надъ предрасудками — кощунствомъ, тѣмъ болѣе отвратительнымъ, что оно у насъ не имѣло никакого внутренняго основанія въ личныхъ убѣжденіяхъ. Словомъ, что у француза было естественно, чѣмъ онъ былъ по своей природѣ, тѣмъ русскій хотѣлъ сдѣлаться чрезъ подражаніе и, такимъ образомъ, считая правиломъ для себя то, что было только невольнымъ движеніемъ подвижной природы француза, разумѣется, впадалъ въ крайности, и достоинство обращалъ въ недостатокъ, а недостатокъ — въ отвратительный порокъ. Если, остепенившись потомъ, образованный по тогдашнему русскій принимался за дѣло, за службу, то выходило еще хуже. Изъ всего французскаго ученія онъ понималъ, конечно, легче всего то, что уничтожало предрасудки, которымъ онъ прежде вѣрилъ; но, взамѣнъ этихъ предрасудковъ, философія того времени не давала ему никакихъ принциповъ, къ которымъ бы могъ привязаться, которые бы могъ полюбить сердцемъ и мыслию человѣкъ, такъ мало приготовленный къ философскимъ отвлеченностямъ, какъ были тогда французившіеся русскіе. Плоды многолѣтнихъ, тяжелыхъ размышленій, идеи, добытыя вѣковыми горькими опытами и разочарованіями, пролетали черезъ головы нашихъ *господчиковъ* въ нѣсколько дней и, непереваренные, часто непонятныя или понятныя наизусть, оставляли только въ сердцѣ

пустоту, а въ головѣ—нѣсколько новыхъ фразъ, которыя, при первомъ же случаѣ, и пускались въ оборотъ, безъ убѣжденія и безъ сознанія. Такимъ образомъ, онѣ оставались совершенно мертвымъ капиталомъ для своихъ владѣльцевъ, не сообщая имъ убѣжденій чести и добра, а только освобождая ихъ отъ страха, въ которомъ держали ихъ прежнія вѣрованія. Нечего говорить о томъ, каковъ долженъ былъ сдѣлаться въ жизни человѣкъ, потерявшій всякій страхъ передъ какимъ нибудь судомъ внѣшнимъ и не имѣющій благородства внутренняго. Самый грубый, самый гадкій эгоизмъ дѣлался пружиною всѣхъ дѣйствій, и—распложались люди такого рода, какіе описаны въ стихахъ *Модное остроуміе*. Все это горькое переходное время тяжело отразилось на русскомъ обществѣ, и нельзя не отдать чести «Собесѣднику», по крайней мѣрѣ, за то, что онъ понялъ нелѣпость этого положенія и старался выводить на общее посмѣяніе, какъ упорное старинное невѣжество, такъ и пустоцвѣтъ французской цивилизаціи, столь дурно усвоенной у насъ тогдашними молодыми людьми. Если не прежде всѣхъ, то сильнѣе всѣхъ возсталъ онъ на употребленіе французскихъ фразъ въ русскомъ разговорѣ, на французское воспитаніе и на обольщеніе одною внѣшностью образованія; первый заговорилъ онъ съ такою энергіею о человѣколюбіи и объ уваженіи достоинства человѣка, осмѣивая жестокость, грубость, презрѣніе къ человѣчеству. Не много предшественниковъ имѣлъ онъ и въ нападеніяхъ своихъ на женскій развратъ и безумную расточительность. Нельзя не согласиться, что стремленія издателей «Собесѣдника» были честны и благородны; во всемъ изданіи нельзя не видѣть печати просвѣщеннаго вкуса и безкорыстнаго желанія добра, которыя всегда отличали княгиню Дашкову въ ея ученой и литературной дѣятельности.

Что касается до исполненія, то оно, конечно, не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, какихъ привыкли мы нынѣ требовать отъ литературныхъ произведеній. Прежде всего не понравится намъ языкъ тогдашній, неустановленный, съ формами старинными и простонародными, съ галлицизмами и сбивчивой орфографіей (65) Касательно этого обстоятельства есть замѣчанія въ самомъ «Собесѣдникѣ». Любословы критиковали неправильности языка, а въ предисловіи къ этимъ критикамъ, въ то же время, издатели (вѣроятно, сама Екатерина) говорили: «одинъ изъ издателей ни-жайше просить, чтобы дозволено ему было и не всегда исправныя свои сочиненія въ «Собесѣдникѣ» помѣщать, такъ какъ онъ ни терпѣнья, ни времени не имѣетъ свои сочиненія переправлять, а притомъ и не хочетъ никого тяготить скукою поправлять его противъ грамматики преступленія»¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Императрица прекрасно изучила рус-

¹⁾ „Сб5.“, ч. II, стр. 103.

скій языкъ, но все-таки это не былъ природный языкъ ея, и она никогда не могла привыкнуть къ сбивчивой его грамматикѣ, почему и признавалась открыто, что грамматики совсѣмъ не знаетъ (66) ¹⁾.

Въ статьяхъ другихъ авторовъ тоже встрѣчаются нерусскіе обороты, странныя нынѣ окончанія, и т. п.; но, сравнительно съ общей массой литературныхъ произведеній того времени, статьи «Собесѣдника» большею частію были написаны удивительно чистымъ и легкимъ языкомъ. Дурнымъ изложеніемъ отличаются только статьи, надъ которыми самъ же «Собесѣдникъ» смѣется. Таковы—одно письмо къ автору «Былей и Небылицъ», «Начертаніе» Любослова. Начертаніе это, впрочемъ, смѣшно только напыщенностью длинныхъ періодовъ во вступленіи и заключеніи; изъ самаго же изложенія дѣла видно, что авторъ его серьезно занимался изслѣдованіями филологическими. Такъ, онъ приводитъ болѣе сотни словъ, сходныхъ въ русскомъ и латинскомъ языкахъ, и доказываетъ, что оба эти языка произошли отъ одного корня, что рѣзко отличаетъ его отъ тогдашнихъ филологовъ, которые были помѣшаны на заимствованіяхъ одного языка изъ другого и часто производили все отъ славянскаго. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, впрочемъ, и Любословъ приближается къ тому же, доказывая, что славянскій древнѣе латинскаго, потому что въ латинск. есть *suadeo*, какъ одно слово, а у насъ оно является въ своихъ корняхъ—съ + вѣтъ, равно какъ слова *donec*—до + нелѣ, *solidus*—со + литъ (какъ бы *слитой*),—и пр., и потому, что у насъ есть первоначальныя формы словъ, которыя въ лат. являются въ формѣ уже распространенной, напримѣръ, око—*oculus*, небо—*nebulā*, грачь—*graculus*, и пр. На этихъ немногихъ словахъ Любословъ основываетъ свое мнѣніе о древности славянскаго языка, простирающейся далѣе двухъ тысячъ лѣтъ ²⁾. Въ критикѣ своей Любословъ дѣлаетъ много вѣрныхъ замѣтокъ, напримѣръ, возстаетъ противъ употребленія окончанія глаголовъ на *ти* вмѣсто *тъ*, противъ непраильныхъ удареній въ стихахъ, противъ невѣрной разстановки словъ, противъ подобныхъ фразъ: «изболъ глаза», «отверзивъ двери», «ты пишешь въ сказкахъ поученій», «отроча рожденъ», и пр. Замѣтимъ, что Державинъ, впоследствии исправляя свои стихотворенія, принялъ во вниманіе нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній.

Кромѣ этихъ произведеній, въ «Собесѣдникѣ» были еще слѣдующія статьи, относящіяся къ языку: «Сумнительныя предложенія одного невѣжды, желающаго пріобрѣсти просвѣщеніе», гдѣ онъ дѣлаетъ нѣсколько замѣтокъ на «Фелицу» и на нѣкоторыя другія стихотворенія, помѣщен-

¹⁾ „Соб.“, ч. VII, стр. 137.

²⁾ Ibid., ч. VII, ст. XV.

ныя въ 1-й части «Собесѣдника». Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ его критикѣ Державинъ и Богдановичъ представляли свои опроверженія, которыя оставили автора критики совершенно въ дуракахъ. Наприкѣръ, онъ замѣчаетъ, что нельзя сказать *нѣжить чувства*. Державинъ отвѣчаетъ: «если нѣтъ у г. Невѣжды прекрасной женщины, которая бы пріятными своими объятіями нѣжила его осязаніе, то не благоволятъ-ли онъ приказать себя кому хорошенько ожечь или высѣчь. Когда сіе ему сдѣлаетъ хотя небольшую боль, то, вѣроятно же всѣхъ ученыхъ доказательствъ, изъ собственнаго своего опыта познаетъ онъ, что оскорблять чувства, слѣдовательно и нѣжить—можно» ¹⁾. Вѣроятно, испуганный такимъ тономъ, невѣжда болѣе не являлся въ «Собесѣдникѣ» съ своими сомнѣніями. По поводу предисловія къ «Исторіи Петра Великаго» написано прошеніе къ гг. издателямъ, чтобы они не отягощали публику сочиненіями, которыя писаны языкомъ неизвѣстнымъ; въ прошеніи есть и разборъ нѣкоторыхъ фразъ, несогласныхъ съ духомъ русскаго языка ²⁾. Въ той же книжкѣ «Собесѣдника» помѣщено письмо, представляющее наборъ какихъ-то словъ безъ смысла, въ видѣ пародіи на сочиненія Любослова ³⁾. Въ послѣдней книжкѣ, послѣдней статьёй помѣщено мнѣніе о раздѣленіи россійскихъ согласныхъ буквъ въ разсужденіи правописанія *з* и *с* ⁴⁾. Здѣсь рѣшено то, что нынѣ и принято, т.-е., чтобы передъ твердыми писать *з*, а передъ мягкими *с*. Только странно, что здѣсь твердыя (б, д) называются мягкими, а мягкія (п, т), наоборотъ, твердыми. Есть еще въ 1-й части маленькая замѣтка о правописаніи слова *драма*.

Болѣе значительны статьи фонъ-Визина: «Опытъ россійскаго сословника» ⁵⁾, съ отвѣтомъ на критику его противъ Любослова ⁶⁾ и «О древнемъ и новомъ стихотвореніи», Богдановича ⁷⁾. Эти произведенія, впрочемъ, такъ извѣстны, что о нихъ нѣтъ нужды говорить здѣсь, тѣмъ болѣе, что статьи фонъ-Визина заключаютъ только опредѣленія словъ, а статьи Богдановича состоятъ почти изъ однѣхъ выписокъ стиховъ Ломоносова.

Изъ произведеній, имѣющихъ предметомъ своимъ литературу, можно еще остановиться на письмѣ «Именотворителя» ⁸⁾. Авторъ доказываетъ здѣсь важность именъ въ повѣстяхъ, особенно чувствительныхъ. «Одно

¹⁾ Ч. IV, стр. 13.

²⁾ Ч. VIII, ст. IV.

³⁾ Ч. VШ, ст. X.

⁴⁾ Ч. XVI, ст. XII.

⁵⁾ Ч. I, ст. XXIX, ч. IV, ст. X, стр. 8.

⁶⁾ Ч. III, ст. XI.

⁷⁾ Ч. II, ст. XVШ; ч. III, ст. II; ч. V, стр. 3; ч. VШ, ст. II.

⁸⁾ Ч. XIII, ст. II.

имя *Монтегги* и *Аммонисы*—говоритъ онъ—въ избыльныя слезы нѣжную красавицу или сладкосерднаго молодца повергнетъ», Если же «сочинитель безъ вкуса станетъ описывать злосчастнѣйшія приключенія, но называетъ героевъ своихъ Брандышевыми, Брандаусовыми и Клонтубасовыми, то впечатлѣніе теряется, и хотя никто оспорить не можетъ, что Брандаусовъ и Клонтубасовъ имѣютъ столько же права быть несчастными, какъ какого бы имени христіанинъ ни былъ»¹⁾.

Для избѣжанія этого неудобства, Именотворитель предлагаетъ свои услуги, такъ какъ онъ набралъ до семисотъ французо-русскихъ именъ для романовъ, да для ученыхъ сочиненій триста именъ, содержащихъ каждое не менѣе тринадцати буквъ, чрезъ что въ читателѣ возбуждаются довѣренность и уваженіе. Много именъ также собрано и для стиховъ, и, притомъ, они такъ остроумно сложены, что, по требованію стиха, можно и выпустить или прибавить слогъ совершенно не замѣтно. Важность именъ доказывается здѣсь, между прочимъ, и тѣмъ, что есть много комедій, въ которыхъ всю соль составляютъ имена, изображающія собою характеръ лицъ.

Такимъ образомъ, еще въ 1784 году находимъ мы насмѣшки надъ тѣмъ, противъ чего принуждена была вооружаться наша критика въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія и что отъ времени до времени и теперь еще появляется въ нѣкоторыхъ разказахъ и комедіяхъ. И въ этомъ случаѣ «Собесѣдникъ» далеко опередилъ свое время.

Но, разсматривая до сихъ поръ свѣтлую сторону «Собесѣдника», мы еще не видѣли недостатковъ, составляющихъ его темную сторону. Недостатки эти происходили отъ неустановившихся еще убѣжденій въ самихъ писателяхъ, отъ нѣкотораго стѣсненія обществомъ, которое было еще не приготовлено понимать ихъ чистыя стремленія, и отъ недостатка послѣдовательности самимъ себѣ. Вообще, въ характерѣ тогдашней литературы была какая-то двойственность, какая-то нетвердость въ однажды начатомъ пути. Изобразивъ глупца, авторъ считалъ обязанностью рядомъ съ нимъ поставить и умнаго, который бы объяснялъ и поправлялъ глупости перваго; осмѣявъ ябеду, считали нужнымъ, замѣтить, что собственно судьи полезны и даже необходимы, но только честные судьи, и т. п. Видно, что и публика еще требовала назиданій, да и авторъ не надѣялся на свои силы и хотѣлъ разсужденіями дополнить то, что опустилъ при изображеніи характера. Подобныхъ разсужденій, оговорокъ, восклицаній много есть и въ «Собесѣдникѣ». Есть цѣлыя статьи, предлинныя и прескучныя, дидактическаго направленія. Иногда онѣ облекались даже въ аллегорическую форму, въ которой, разумѣется, становились еще скучнѣе. Таковы

¹⁾ „Соб.“, ч. XIII, стр. 10.

двѣ статьи: «Египетская повѣсть» ¹⁾ и «Новѣйшее путешествіе во сновидѣніи» ²⁾, В. Левшина. Первая рассказываетъ путешествіе царевича *Нинейя*, внука царицы *Идеи* (въ которой нетрудно узнать Екатерину), въ разныя страны для того, чтобы отыскать, гдѣ обитаютъ божества Правды, Человѣколюбія, Мужества и Мудрости. Путешествіе описано очень неискусно и даже, если въ немъ были какіе-нибудь современные намеки, то теперь нѣтъ возможности понять ихъ. «Египетская повѣсть» сама опасается, чтобы не навести на читателей *египетской скуки* и, нужно сказать, опасеніе ея сбывается совершенно.

«Новѣйшее путешествіе» описываетъ нравы лунныхъ жителей и содержитъ пространныя размышленія объ эфирѣ, о силѣ тяготѣнія и пр. Въ авторѣ видно желаніе доказать преимущество патриархальнаго, немудрствующаго о жизни народа—предъ нами, зараженными новѣйшимъ просвѣщеніемъ. Въ изложеніи довольно ясно проскальзываютъ непонятныя идеи Руссо. Одинъ старикъ рассказываетъ Нарсиму-путешественнику о своей жизни и сообщаетъ ему свои понятія, которыя Нарсиму и самому автору кажутся совершеннѣйшими. «Мы вѣруемъ во Всевышнее Существо—говоритъ старикъ—любимъ другъ друга, занимаемся земледѣліемъ и скотоводствомъ; прочія же науки, которыя стали было выдумывать люди, не любящіе трудовъ, отвержены. Кто пустится къ разныя выдумки, тому мы не даемъ ѣсть, и голодъ всегда заставляетъ его образумиться. Законовъ никакихъ мы не имѣемъ, потому что естественный довольно твердъ въ душахъ нашихъ; природа же наша, стараніемъ правителей семействъ, осталась еще въ той первобытной чистотѣ, въ какой развернулась въ первомъ человѣкѣ». Затѣмъ, для параллели, идетъ рассказъ о землѣ, на которую путешествовалъ одинъ изъ лунныхъ жителей, Квалбоко. Сущность рассказа состоитъ въ томъ, что все на землѣ дурно, что различіе между дикими народами и просвѣщенными маловажно: «дикіе производятъ то наглостью, что просвѣщенные дѣлаютъ искусствомъ».

Послѣ этого слѣдуютъ еще два отрывка изъ путешествія, не имѣющіе никакой связи. Въ одномъ говорится о египетскихъ божествахъ и гіероглифахъ, въ другомъ описываются путешествіе Квалбоко по Россіи и его восторгъ и изумленіе при видѣ необыкновенно разумнаго и благодѣтельнаго устройства этого государства подъ державою премудрой монархини.

Обыкновенными дидактическими разсужденіями и наполнены статьи: «Утро», «Полдень», М. Х., «Сокращенный катихизисъ честнаго чловека», «Объ истинномъ благополучіи», «Письмо изъ Карасубазара»,

¹⁾ Ч. II, ст. IV; ч. VI, ст. II; ч. X, ст. II.

²⁾ Ч. XIII, ст. X; ч. XIV, ст. II; ч. XV, ст. II; ч. XVI, ст. VII.

«Письмо о великодушныхъ чувствованіяхъ», Богдановича, «Письмо отца и сына», сообщенное Яковомъ Дол., «Подражаніе Англинскому Зрителю», «Нѣкоторыя разсужденія о смѣхѣ»; отчасти также статьи: «Пріятное путешествіе», К.—ва, «Путешествующіе», и др. (67). Сюда же можно бы отнести «Поученіе» фонъ-Визина; но оно, по своему выраженію, можетъ скорѣе быть названо юмористическимъ произведеніемъ. Не относимъ сюда также и рѣчи Княжнина, сказанной имъ въ Академіи Художествъ, равно какъ и статьи «О системѣ міра», которая имѣетъ свое достоинство въ дѣльномъ изложеніи ученаго предмета.

Мы не будемъ ничего выписывать изъ дидактическихъ статей, потому что новаго въ нихъ ничего нѣтъ; тѣ же самыя стремленія, какія мы уже показали, выражаются и здѣсь, только нравоучительнымъ тономъ, то въ разсужденіяхъ о необходимости добродѣтели, то въ похвалахъ добрымъ людямъ, которые, однако же, очень рѣдко являются въ дѣйстви живыми, то въ обращеніяхъ къ совѣсти, къ небесамъ, къ Минервѣ Россійской и пр. Всѣ эти статьи очень скучны; лучше другихъ «Разсужденіе объ истинномъ благополучіи» и «Подражаніе Англинскому Зрителю». Совершенно пусты, но любопытны по изложенію статьи: «Письмо Іоанна Пріимкова» и «Отъ архангелогородской кумы». Въ послѣднемъ особенно интересна попытка поддѣлаться подъ простонародный языкъ ¹⁾.

Иногда въ разсужденіяхъ авторовъ попадаются довольно странныя мысли, обличающія еще не совершенно просвѣтленный взглядъ или отреченіе отъ своихъ личныхъ убѣжденій по какимъ-нибудь житейскимъ расчетамъ. Такъ, напримѣръ, одна статья удивляется тому, что итальянцы подражаютъ французамъ, и считаетъ это преступленіемъ съ ихъ стороны потому, что Италія владѣла нѣкогда всѣмъ свѣтомъ ²⁾, какъ будто бы сила оружія и пространство имперіи условливаютъ и высшую образованность... Или: одинъ отецъ побуждаетъ сыновей служить—зачѣмъ же? за тѣмъ, что иначе «дѣти отдаваемыхъ нами рекрутъ будутъ нашимъ дѣтямъ командиры» ³⁾. Дальше этого не простирался просвѣщенный разумъ чадолюбиваго родителя. А между тѣмъ, авторъ выставляетъ его человѣкомъ, достойнымъ уваженія и подражанія. Въ «Письмѣ изъ Карасубазара» старый служивый толкуетъ о дисциплинѣ и, между прочимъ, открываетъ въ ней вотъ какія свойства: «она вливаетъ въ душу воина храбрость и мужество, воспламеняетъ ее любовью къ отечеству, растрогиваетъ въ ней страсти и побужденія къ дѣламъ великимъ и честнымъ, а къ низкимъ

¹⁾ „Соб.“, ч. XII, ст. X.

²⁾ Ч. X, стр. 125.

³⁾ Ч. VI, стр. 135.

даетъ омерзѣніе» и пр. ¹⁾. Конечно, такихъ вещей нехитрому уму не выдумать и въ вѣкъ.

Но, что особенно замѣчательно, такъ это постоянное выраженіе глубокаго благоговѣнія къ «Августѣйшей наукъ покровительницѣ, Россійской Минервѣ, Милосердной Монархинѣ», Императрицѣ Екатеринѣ. Нѣтъ почти ни одного произведенія, въ которомъ бы какъ-нибудь, кстати или некстати—все равно—не выразились чувства благоговѣнія къ Государынѣ. Въ особенности сатирики отличались этимъ, и даже чѣмъ острѣе, чѣмъ рѣзче была сатира, тѣмъ съ большимъ чувствомъ говорилось въ ней о благодѣяніяхъ, изливаемыхъ на народъ Императрицей, какъ будто бы авторъ хотѣлъ этимъ отстранить отъ себя всякій упрекъ въ *свободоязычии* и старался заранѣе показать, что онъ предпринимаетъ обличать пороки единственно по желанію добра обществу. Вѣроятно, въ то время находились тоже люди, способные перетолковывать все въ дурную сторону, какъ перетолковали, напримѣръ, вопросы фонъ-Визина...

Но вѣрноподданническія чувства въ прозѣ все еще не такъ сильно выражались, какъ въ стихахъ. До сихъ поръ мы очень мало говорили о стихотворной части «Собесѣдника», и, кажется, намъ не придется много говорить о ней. Это потому, что одна половина стихотвореній, принадлежащая Державину, Княжину, Капнисту, Богдановичу, такъ общеизвѣстна и столько разъ была разобрана, что здѣсь и нечего сказать новаго. Другая же половина, принадлежащая неизвѣстнымъ пиітамъ, не отличается ничѣмъ особеннымъ, что бы могло надолго остановить на себѣ вниманіе читателей.

Въ библиографическихъ замѣткахъ перечислены всѣ произведенія, принадлежащія извѣстнымъ поэтамъ и напечатанныя въ «Собесѣдникѣ». Здѣсь же можемъ только указать на то, что и тутъ выборъ стихотвореній обличаетъ свѣтлый взглядъ издателя. «Фелица», какъ извѣстно, напечатана безъ вѣдома Державина княгинею Дашковою—и она осталась однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній во всемъ изданіи. Потомъ изъ «Санктпетербургскаго Вѣстника» перепечатаны были лучшія произведенія его же: «На смерть князя Мещерскаго», «Сосѣду», «На новый 1781 годъ» и др., а не были перепечатаны, напримѣръ «Пѣснь Петру Великому» или «Пѣсенка отсутствующаго мужа». У Капниста издатели просили его сатиры для напечатанія въ «Собесѣдникѣ», въ исправленномъ видѣ, особымъ письмомъ, напечатаннымъ въ первой же книжкѣ журнала ²⁾. Изъ стихотвореній Княжина перепечатаны изъ «Вѣстника» *стансы* «Къ

¹⁾ Ч. VII, стр. 13.

²⁾ Ч. I, ст. XIV.

Богу», по теплотѣ чувства и по чисто-христіанскому взгляду на Бога, единственно какъ на высочайшую любовь, стоящіе гораздо выше знаменитой оды Державина. Что касается до Богдановича, то онъ былъ, кажется, присяжнымъ участникомъ журнала и до послѣдней книжки помѣщалъ въ немъ всевозможный вздоръ. «Душенькой» своей онъ приобрѣлъ такую славу, что съ радостью брали все, выходившее изъ-подъ пера его, и онъ подъ большей частью стихотвореній своихъ выписывалъ всеми буквами: Исполить Богдановичъ. Два его стихотворенія были въ первой книжкѣ «Собесѣдника» безъ подписи; но и тутъ Богдановичъ не удержался и показалъ, кто онъ, какъ только осмѣлилась критика коснуться въ нихъ нѣкоторыхъ выраженій.

Изъ писателей менѣе извѣстныхъ, помѣщавшихъ свои стихи въ «Собесѣдникѣ», особеннаго вниманія заслуживаетъ Козодавлевъ, по легкости своего стиха. Полнымъ его именемъ подписано здѣсь только одно стихотвореніе «На смерть князя Голицына» ¹⁾, да буквами О. К. подписано «Посланіе къ татарскому мурзѣ» (Державину) ²⁾. Но ему можно приписать достоверно еще стихотворенія: «Клеліи» ³⁾, «Къ другу» ⁴⁾, изъ которыхъ послѣднее подписано: авторъ «Пріятнаго путешествія» и стиховъ «Клеліи»; «Пріятное» же «путешествіе» подписано: К—въ. Ему же принадлежитъ, по всей вѣроятности, письмо къ Ломоносову, въ которомъ онъ называетъ Державина своимъ другомъ и говоритъ, что писалъ къ нему посланіе ⁵⁾. Ему же принадлежитъ, можетъ быть, и шуточная пьеса «Сновидѣніе», которая напоминаетъ его по стиху и въ которой тоже говорится о «Клеліи» ⁶⁾.

Вотъ одна строфа изъ его оды «На смерть Голицына». Въ ней онъ такъ хвалитъ умершаго:

Коварства онъ терпѣть не могъ
И въ вѣкъ не осквернялся лестью,
Къ себѣ во всѣхъ дѣлахъ былъ строгъ,
Наполненъ былъ единой честью,
Несчастныхъ жребій облегчалъ
И ~~никого~~ не могъ обидѣть,
Желалъ людей въ блаженствѣ видѣть
И милосердіемъ дышалъ.

Въ стихахъ «Къ мурзѣ» есть мѣсто, замѣчательное по поэтическому представленію предмета, и потому выпишемъ его здѣсь. Козодавлевъ убѣ-

¹⁾ „Соб.“, ч. VII, ст. XIV.

²⁾ Ч. VIII, ст. I.

³⁾ Ч. VI, ст. VI.

⁴⁾ Ч. VI, ст. VII.

⁵⁾ Ч. XIII, ст. XI.

⁶⁾ Ч. XVI, ст. IX.

ждаеть Державина писать стихи, не слушая невѣждъ, которые, можетъ быть, увѣряють, что люди дѣльные стиховъ не сочиняють.

О стихотворствѣ мысль оттуда ихъ идетъ,
Гдѣ въ вѣчной мрачности невѣжество живетъ.
Есть островъ на морѣ, проклятый небесами,
Заросшій весь кругомъ дремучими лѣсами,
Покрытый искони густѣйшимъ мракомъ тучъ,
Куда не проникалъ ни разу солнца лучъ,
Гдѣ вѣтры вѣчные кипяще море роютъ.
Вода пускаеть громъ, лѣса, колеблясь воютъ.
Исчадь мерзкое подземна бога тамъ
Построило себѣ желѣзный, мрачный храмъ.
Невѣжествомъ оно издревле нареченно,
Великимъ божествомъ невѣждами почтенно.
При входѣ въ сей чертогъ два стража вѣчно бдятъ,
Потупя внизъ глаза, со робостью стоятъ
И глупость на челѣ и подлость показываютъ;
Ихъ суевѣрїемъ и рабствомъ именуютъ.
На тронѣ изъ свинца невѣжество сидитъ
И взоромъ внизъ тупымъ недвижимо глядитъ.
Оттуда гадовъ тьма всечасно выползаетъ,
Которая ту мысль повсюду разсѣваетъ,
Что будто смертному считаются стихи
Самой Минервою за тяжкіе грѣхи,
И что съ величествомъ земнымъ владыкъ несходно,
Чтобъ мыслилъ и писалъ ихъ подданный свободно;
А паче правду кто стихами говоритъ,
Надъ тѣмъ ужъ мщеніе жестокое виситъ.
Не слушай ты невѣждъ возьмись опять за лиру... ¹⁾ и пр.

Въ «Письмѣ къ Ломоносову» Козодавлевъ смѣется надъ торжественными одами и говоритъ, что онѣ уже выходятъ изъ моды. Здѣсь же высказываетъ онъ взглядъ на тогдашнее положеніе стихотворцевъ въ отношеніи къ языку. Онъ говоритъ ²⁾:

Пусть выбираеть всякъ предметъ себѣ по волѣ,
Не наполняя стихъ пустымъ лишь звономъ словъ,
Съ Олимпа не трудя безъ нужды къ намъ боговъ.
Иной летитъ наверхъ и бредитъ по славянски,
Другой ползетъ внизу и шутитъ по крестьянски,
И думаютъ они сравниться съ тобой,
Забывъ, что ихъ стихи лишь только звонъ пустой.

Кромѣ Козодавлева, къ Мурзѣ писали еще нѣсколько писмовъ, которыхъ стихи помѣщены въ «Собесѣдникѣ». Такъ, какой-то Василій Жуковъ (68) написалъ *Сонетъ* къ нему ³⁾; г-жа М. С. прислала въ «Собе-

¹⁾ „Соб.“, ч. XIII, стр. 171.

²⁾ „Соб.“, ч. VIII, стр. 7.

³⁾ Ч. III, ст. VII.

сѣдникъ» «Письмо Китайца къ Мурзѣ» ¹⁾). Костровъ тоже написалъ къ нему посланіе ²⁾).

Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ, не отличающихся особеннымъ достоинствомъ, хвалятъ Державина не столько за хорошіе стихи, сколько за то, что онъ писалъ безъ лести. Затѣмъ рѣчь обращается къ самой Фелицѣ, и большая половина стихотворенія наполняется восторженными похвалами ея доблестямъ.

Еще болѣе, нежели къ Державину, обращались пѣнты съ хвалебными пѣснями къ княгинѣ Дашковой, при чемъ, разумѣется, величали и «Россійскую Минерву». Въ 1-й же книжкѣ Богдановичъ помѣстилъ разговоръ Минервы съ Аполлономъ, гдѣ Дашкову вводятъ они въ сонмъ музъ ³⁾). Въ 6-й книжкѣ находимъ стихи М. Х. княгинѣ Дашковой, оканчивающіеся такъ:

Пойте, росски музы, пойте,
Есть наперница у васъ;
Восхищайтесь, лиры стройте:
Ввѣренъ Дашковой Парнассъ ⁴⁾).

Г-жа М. С. напечатала стансы на учрежденіе Россійской Академіи, въ которыхъ превозноситъ златой вѣкъ Екатерины и называетъ Дашкову честью своего пола и красою музъ ⁵⁾). Княжнинъ помѣстилъ здѣсь письмо къ Дашковой, въ которомъ, впрочемъ, по обычаю, хвалитъ болѣе Екатерину, нежели саму Дашкову, и подсмѣивается надъ одами, которыя всегда уподобляли Екатерину райскому крину и въ своемъ восторгѣ, взятомъ взаимы, становили вселенную вверхъ дномъ ⁶⁾). Значитъ и тогда уже видѣли приторность, неестественность и неискренность этихъ торжественныхъ похвалъ.

Нѣсколькими стихотвореніями наградила «Собесѣдникъ» нѣкто Р.—Д.—Н. (69). Онъ помѣстилъ здѣсь «Цидулку», «Сонетъ» ⁷⁾, «Эклогу» ⁸⁾, потомъ вдругъ прислалъ письмо, въ которомъ говоритъ, что десять лѣтъ не писалъ стиховъ, а теперь сочинилъ подпись къ монументу Петра Великаго, и потому проситъ помѣстить ее въ «Собесѣдникѣ» ⁹⁾. Послѣ того прислалъ онъ еще стихи къ *** и «Эклогу», два стихотворенія, сочиненныя на однѣ и тѣ же заданныя рѣмы ¹⁰⁾. Стишки пустынькіе, за исклю-

¹⁾ Ч. V, ст. I.

²⁾ Ч. X, ст. V.

³⁾ Ч. I, ст. XIII.

⁴⁾ Ч. VI, стр. 22.

⁵⁾ Ч. IX, ст. IV.

⁶⁾ Ч. XI, ст. I.

⁷⁾ Ч. VII.

⁸⁾ Ч. VIII.

⁹⁾ Ч. XI.

¹⁰⁾ Ч. XIV.

ченіемъ сонета, въ которомъ (если это только не переводъ) тяжелымъ горемъ отзываются душевныя сомнѣнія. Вотъ мрачное окончаніе сонета:

Коль правосуднымъ жить мы созданы Творцомъ,
То Жизнодавецъ нашъ намъ долженъ быть отцомъ;
Но какъ мы здѣсь живемъ? Повсемигнута страждемъ,
Нашъ духъ отягощенъ и смущены умы;
Мы ищемъ помощи и только тщетно жаждемъ...
Творецъ иль вповнать, плъ заблуждаемъ мы ¹⁾.

Кромѣ этихъ стихотвореній, замѣчательно, по благородству и силѣ выраженія, «Посланіе Катона къ Юлію Цезарю» (ч. VIII, ст. V), подписанное буквами Др. (70). Въ началѣ Катонъ съ гордой грустью вспоминаетъ минувшую славу Рима, его героевъ-гражданъ, его Брутовъ, Регуловъ, Камилловъ, потомъ съ желчью негодованія нападаетъ на Цезаря за то, что онъ коварно захватилъ власть—

Чтобы отечество себѣ поработить
И на вселенную оковы наложить.

«Ты достигъ этого—говоритъ онъ—но не въ этомъ величіе»:

Внимай, чѣмъ славится великій человекъ:
Любя отечество, ему онъ служитъ вѣкъ,
Разитъ враговъ его, пороки истребляетъ,
Законы чтитъ его и вольность охраняетъ.

«А ты только хочешь быть всѣмъ страшнымъ, ты окружаешь себя стражей»

И сонмище убійць друзьями считаешь.
Какіе жъ то друзья, въ которыхъ чести нѣтъ?
Толпа разбойниковъ тебя не сбережетъ.
Когда бъ ты, Римъ любя, служилъ ему, гонитель,
Тогда бы цѣлый Римъ былъ стражъ твой и хранитель;
А ты въ немъ съ вольностью законы истребя,
Насильствомъ, яростью мнишь сохранить себя.
Но гнуснымъ средствомъ симъ ты бѣдъ не отвращаешь,
Самъ больше на себя враговъ вооружаешь.

Не менѣе любопытна ода «На злато» ²⁾, въ которой рѣзко раскрыты всѣ бѣдствія, происшедшія отъ золота. Въ началѣ міра, когда еще не знали золота,—говоритъ поэтъ:

Тогда еще не возвышались
Чинами, славою пустой,
Еще поля не орошались
Той кровію, что льетъ герой.
Довольствуясь своей судьбою,
Не зрѣлъ владыки надъ собою
Рожденный вольнымъ человекъ.
Онъ Богу лишь повиновался,
Которымъ міръ сей основался.
О, коль счастливъ былъ онъ вѣкъ!

¹⁾ Ч. VII, стр. 122.

²⁾ „Соб.“. ч. III, ст. X.

Когда же открылось золото, и нѣкоторые хитростью завладѣли имъ, тогда другіе также захотѣли его, и—несчастные — «подло предались своимъ врагамъ». Неужели вы такъ безумны? восклицаетъ поэтъ:

Тираны вамъ готовятъ муки,
А вы лобзаете ихъ руки
И ихъ вѣнчаете главы.
Межъ тѣмъ, какъ всякъ изъ нихъ трудится
Отъ васъ себя обогащать,
Печаль на вашихъ лицахъ зрится,
Должны вы съ глада умирать.
Вы стонете и слезы льете
И вашихъ варваровъ клянете,
Что, къ злату лишь питая страсть
И не смягчаясь вашимъ рокомъ,
Презрительнымъ взираютъ окомъ
На злополучну вашу часть.

Ода оканчивается обращеніемъ къ добродѣтели:

Коснися къ намъ лучемъ твоимъ,
Да паки будемъ жить въ равенствѣ,
Въ покоѣ сладкомъ, въ благоденствѣ,
И вѣкъ златой возобновимъ...

Стихи здѣсь нѣсколько шероховаты, но все-таки видно, что это не подборъ фразъ, какъ всегда было въ торжественныхъ одахъ, а что, напротивъ того, стихотвореніе сильно прочувствовано авторомъ, скрывшимъ, къ сожалѣнію свое имя.

Послѣ этихъ стихотвореній можно обратить вниманіе въ «Собесѣдникѣ» развѣ на шутливую оду «Къ безсмертію» (ч. X), принадлежащую, кажется, А. С. Хвостову (71), и «Дружескую пѣсню» (въ четвертой части), тоже, можетъ быть, имъ написанную. Вотъ начало оды:

Хочу къ безсмертію пріютиться,
Нанять у славы уголокъ,
Сквозь кучу риемачей пробиться,
Связать изъ мыслей узелокъ.
Хочу сварганить кой-какъ оду
И выкинуть такую моду,
Чтобъ былъ ненадобенъ Пегасъ,
Ни Аполлонъ, дѣтина строгій.
Хочу проселочной дорогой,
На долгихъ вѣхъ на Парнассъ.

Въ такомъ же тонѣ написана вся ода, выражающая глубокое презрѣніе ко всѣмъ правиламъ ложно-классической поэтики.

Здѣсь—

..... Сципіонъ, являя къ бсю,
На Аннибала наплевалъ;
Помпея Цезарь въ ухо хлопнулъ,
Отъ Александра Дарій лопнулъ,
Ахиллъ туза Гектору далъ...

И обо всѣхъ выраженія таковы: спуску нѣтъ никому.
Въ «Дружеской Пѣснѣ» поется:

Пускай, кто хочетъ, тотъ трудится
Узнать, сколь крѣпокъ Гибралтаръ,
И отчего могъ приключиться
Въ Константинополь пожаръ.
Мы умъ свой тѣмъ не отягчаемъ,

мы будемъ пить и веселиться съ друзьями, да прославлять дѣла нашей монархини. До остальнаго намъ дѣла нѣтъ.

Таковы же пьесы «Старое и новое время» ¹⁾ и «Народный обѣдъ» ²⁾, поэма въ 70 стихахъ, «Н. М. съ товарищи». Это какъ будто подражаніе «Елисею» Майкова. Вся острота состоитъ въ томъ, что высокія слова эпическихъ поэмъ примѣняются здѣсь къ кулачному бою мужиковъ изъ-за окорока и вина, которое было выставлено для народа, по случаю какого-то торжества.

Къ этому же роду нужно отнести «Баталію», Плавильщикова ³⁾.
Замѣтимъ еще «Эпитафію женѣ отъ ея мужа» ⁴⁾:

На мѣстѣ семъ моя покойная жена
Моимъ стараніемъ была положена.
Ахъ, какъ ей хорошо подъ мраморной доскою,
Для вѣчнаго ея и моего покою.

Затѣмъ остаются еще въ «Собесѣдникѣ» историческія надписи, А. Мейера, въ родѣ слѣдующей—къ Андрею Боголюбскому:

Сей во Владимірѣ скиптръ принесъ отъ града Кія.
Пресѣкли жизнь его Кучковичи презлые.

Или—Симеонъ Гордый:

Взявъ Новгородъ, онъ велъ съ Литовцами войну,
Но язвой въ пагубѣ зрѣлъ русскую страну.

Остаются еще стихотворенія Муравьева, М. Х., торжественныя оды П. Икосова (72); остаются притчи Д. Хвостова, стихи Прохора Соловьева и другихъ писателей, благоразумно скрывшихъ имена свои отъ потомства. Перечисленіе всѣхъ ихъ относится къ библиографическимъ замѣткамъ (73). Читатель не потребуетъ отъ насъ разбора этихъ произведеній. Довольно и того, что они разъ были напечатаны. Зачѣмъ тревожить гроба мертвыхъ? Скажемъ только, что многія изъ нихъ—въ томъ официально восторженномъ родѣ, который обличалъ въ пѣняхъ этихъ короткое знакомство не съ парнасскимъ сонмомъ боговъ и полубоговъ, а съ обычными обитателями лакейскихъ.

¹⁾ „Соб.“, ч. XIII, ст. V.

²⁾ Ч. II, ст. VI.

³⁾ Ч. XV, ст. V.

⁴⁾ Ч. XII, ст. VIII.

Но, и за исключеніемъ этихъ стихотвореній, въ «Собесѣдникѣ», какъ видѣли читатели, найдется много замѣчательнаго въ литературномъ отношеніи. Если въ наше время можно еще перечитывать журналы прошедшаго вѣка, то, конечно, только для того, чтобы видѣть, какъ отразилась въ нихъ общественная и домашняя жизнь того времени, чтобы прослѣдить въ нихъ тогдашнія понятія о важнѣйшихъ вопросахъ жизни, науки и литературы. И въ этомъ отношеніи едва-ли какой-нибудь изъ тогдашнихъ журналовъ можетъ удовлетворить нашему любопытству, въ такой степени, какъ «Собесѣдникъ». Въ немъ сосредоточивалось все, что составляло цвѣтъ тогдашней литературы; его издатели были люди, стоявшіе по образованію далеко выше большей части своихъ соотечественниковъ; стремленія ихъ клонились именно къ тому, чтобы изобразить нравы современнаго имъ русскаго общества, выставивъ на показъ и дурное, и хорошее. Правда, что и здѣсь встрѣчаемъ мы резонерство и торжественныя оды, стансы, сонеты и пр., воспѣвающіе нещадно своихъ милостивцевъ и прославляющіе *златой вѣкъ* тогдашній; но эти произведенія все-таки, относительно, занимаютъ немного мѣста въ «Собесѣдникѣ». Притомъ же, въ самомъ резонерствѣ издателей нельзя не видѣть, что это—резонерство умнаго человѣка. Да оно объясняется и оправдывается и самымъ состояніемъ русскаго общества въ то время. Въ письмахъ къ издателямъ мы видимъ одинаковыя похвалы и истинно-поэтическимъ произведеніямъ и сочиненіямъ дидактическимъ. Видно, что общество не довольствовалось однимъ изображеніемъ порока, а требовало еще указанія на то, что въ немъ именно дурно, и почему,—требовало поддержки и возбужденія для себя въ прямомъ поученіи, которое можно бы было просто принять, не трудясь надъ размышленіемъ и обсуживаніемъ предмета.

Какъ бы то ни было, «Собесѣдникъ» удовлетворялъ требованіямъ своего времени. Мы старались показать, какъ отразилось въ немъ тогдашнее общество русское, старались выставить на видъ главныя стремленія издателей, показать отчасти, какое вліяніе имѣли на ходъ изданія покровительство Екатерины и просвѣщенное участіе кня. Дашковой. Библиографы мало, конечно, найдутъ для себя данныхъ въ этомъ трудѣ, но объ этомъ мы немного и жалѣемъ. Можетъ быть, упрекнутъ насъ еще въ томъ, что слабо обозначено собственно литературное достоинство произведеній. Но худшія и не стоили разбора, лучшія же давно уже оцѣнены, и намъ не хотѣлось повторять того, что прежде и лучше насъ уже сказали другіе. Притомъ, мы смотрѣли на «Собесѣдникъ», какъ на памятникъ болѣе историческій, нежели чисто литературный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

(1) Н. И. Гречъ, объявивъ въ своей учебной книжкѣ и въ „Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ“ издателемъ „С.-Петербургскаго Вѣстника“ И. Ѳ. Богдановича, ввелъ въ ошибку многихъ изъ послѣдующихъ писателей. То же потомъ повторилось и въ курсахъ литературы у Плаксина („Ист. лит.“, стр. 244), у Мизко („Столѣтіе русс. слов.“; стр. 157) и др. Митрополитъ Евгеній, въ „Словарѣ свѣтскихъ писателей“ (ч. 1, стр. 117. Снегир. изд.), говоритъ, правда, что Богдановичъ только участвовалъ въ изданіи „Вѣстника“, въ продолженіи шестнадцати мѣсяцевъ, съ начала изданія; но и этому трудно повѣрить послѣ статьи въ № 7 „Вѣстника“ на 1778 годъ „Объ историческомъ изображеніи Россіи“, соч. Богдановича,—статья, которая, несмотря на свою крайнюю умѣренность, возбудила въ немъ жесточайшій гнѣвъ. Оскорбленный авторъ напечаталъ въ № 64 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1778 года отвѣтъ на этотъ разборъ, гдѣ „далъ почувствовать гнѣвъ свой“. Издателемъ „С.-Петербургскаго Вѣстника“, по свидѣтельству Евгенія, былъ Григорій Брайко, поводомъ же къ ошибкѣ, вѣроятно, послужило то, что другой Богдановичъ—Петръ—дѣйствительно издавалъ другой, „Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ“ въ 1786 году и издалъ три книжки, вмѣсто обѣщанныхъ двѣнадцати.

(2) Большею частію журналы въ то время продолжались только по одному году, если успѣвали дожить до конца его. Нѣкоторые, являясь и на другой годъ; въ томъ же составѣ, при тѣхъ же издателяхъ, перемѣняли, однако, названіе; напримѣръ, Новиковъ въ 1769 г. издавалъ „Трутень“, въ 1770—„Смѣсь“, въ 1771—„Живописецъ“, Рубанъ—въ 1769—„Ни то, ни сѣ“, въ 1771—„Трудолюбивый Муравей“, въ 1772—„Старина и Новизна“.

(3) Изъ произведеній Державина помѣщены въ „Вѣстникѣ“: 1) Пѣснь „Петру Великому“ (1778 г., № 6); 2) Надписи, числомъ шестнадцать, изъ которыхъ двѣ внесены въ „Полное собраніе сочиненій Державина“, остальные же подъ сомнѣніемъ (1779 г., № 2); 3) Пѣсенка отсутствующаго мужа (тамъ же); 4) Ода на смерть князя Мещерскаго (№ 9); 5) Ключъ (№ 10); 6) На рожденіе на свѣрѣ порфиророднаго отрока (№ 12); 7) На отсутствіе Императрицы Екатерины въ Бѣлоруссію (1780 г., № 5); 8) Ода къ сосѣду моему (№ 8); 9) Пѣсенка (тамъ же); 10) Застольная пѣсня, названная въ собраніи сочиненій: Кружка (№ 9); 11) На новый годъ (1781 г., № 1). Большая часть этихъ стихотвореній перепечатана въ „Собесѣдникѣ“. Ни одно изъ нихъ не подписано.

Сатира Капниста помѣщена была въ 6 №, 1780 года и отсюда перепечатана въ „Собесѣдникѣ“ съ нѣкоторыми измѣненіями.

(4) Изъ болѣе обширныхъ статей, помѣщавшихся въ „Вѣстникѣ“, замѣтимъ: „Объ установленіи патриаршества въ Россіи“ (1778 г., № 9); „описаніе Тибетскаго государства“ (1779 г., №№ 3—4); „Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ“ (№№ 8—10); „О первомъ прибытіи въ Россію англичанъ“ (1780 г., № 5); „О происхожденіи и разныхъ перемѣнахъ российскихъ законовъ“ (№№ 9, 10); „Обрѣтеніе пятой части свѣта“ (1781 г., № 1); „Раздробленіе и механическое строеніе тѣла человѣческаго“ (№ 3). Таковыя же большія критическія статьи „О Россіадѣ“ (1779 г., № 8) и „О Потерянномъ Раѣ“ (1780 г., №№ 6, 7). Кромѣ ученыхъ статей, находимъ здѣсь также и нѣсколько повѣстей, довольно длинныхъ для тогдашняго времени, напримѣръ: „Повѣсть о блаженствѣ“ (1778 г., № 12. 1779 г., №№ 1, 3); „Фонъ Кіангъ, или торжество дружбы“ (1779 г., № 2); „Розалія“ (1780 г., № 11); „Повѣсть о Палемонѣ и Сильвіи“ (1781 г., № 3); „Повѣсть о человѣческой бородѣ“ (№ 5). Изъ одного этого указанія видно уже отчасти, какъ было разнообразно содержаніе „Вѣстника“.

(5) Изъ „Вѣстника“, кромѣ семи стихотвореній Державина, перепечатаны въ „Собесѣдникѣ“ многія эпиграммы, сатира Капниста, нѣсколько стихотвореній Княжнина и статья „О правописаніи слово драма“.

(6) Довольно полный рассказъ объ этомъ находится, на примѣръ, у Мизко („Стол. рус. сл.“, стр. 83, 84; см. также словари Евгенія и Бантышъ-Каменскаго подъ именами Державина, Дашковой и Козодавлева. Подробнѣе же рассказано все это происшествіе въ объясненіяхъ къ сочиненіямъ Державина, Львова (ч. II, стр. 6—9) и въ статьѣ г. Грота о „Фелицѣ и Собесѣдникѣ“ („Современникъ“ 1845 г. № XI, стр. 120—125).

(7) Во второй книжкѣ „Собесѣдника“ (стр. 106—107) помѣщено посланіе *Либослова*, содержащее въ себѣ нѣсколько придирчивую критику на первую книжку. Въ третьей же части (ст. VI, стр. 39—43) помѣщено письмо отъ защитника Клириковыхъ мыслей, въ которомъ неизвѣстный защитникъ выразился объ издателяхъ такъ, что они сочли нужнымъ замѣтить, что, можетъ быть, онъ писалъ такъ, „не зная, кто они“ (стр. 45).

(8) Для библиографовъ выписываю здѣсь плодъ усердныхъ розысканій моихъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1773—1774 годовъ. Первое объявленіе о „Собесѣдникѣ“ явилось апрѣля 14-го 1783 г., въ № 30 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Въ 33 №, 25 апрѣля оно было повторено. Въ 38 № (мая 12) помѣщено объявленіе, что первая книжка уже совсѣмъ готова, и потому присланная статья „Египетская повѣсть“ не будетъ уже въ ней помѣщена. Мая 19, № 40, объявлено, что первая книжка выйдетъ *завтра*, 20 мая, въ субботу. Въ послѣдующемъ номерѣ объявлено о дѣйствительномъ ея выходѣ. Вторая книжка вышла 24 іюня (С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1783 г., № 56). Третья книжка—іюля 28, 4—августа 21, 5—сентября 16, 6—октября 10, 7—октября 28, 8—ноября 21, 9—декабря 22. Такимъ образомъ, въ 1783 году вышло девять книжекъ „Собесѣдника“ (а не десять, какъ говоритъ г. Гротъ въ своей статьѣ, на стр. 128). Десятая книжка вышла въ 1783 году января 26, 11—февраля 20, 12—марта 22, 13—апрѣля 23, 14—мая 21, 15—іюня 21, 16—сентября 6.

Въ объявленіи о 13-мъ и 14-мъ № сказано, что они продаются по 80 коп., а всѣ предыдущіе по 1 рублю. Въ объявленіи о 15 № назначено 50 коп., какъ за этотъ №, такъ и за всѣ, прежде вышедшіе. 16-й № тоже объявленъ за 50 к. Большой промежутокъ времени между двумя послѣдними книжками, которыя при всемъ томъ обѣ очень тощи, показываетъ, что уже въ это время были какія-то обстоятельства, задерживавшія изданіе.

(9) См. Остолопова „Ключъ къ сочиненіямъ Державина“, стр. 26; Полевого—„Очерки русской литературы“, ч. I, стр. 15; Греча—„Чтенія о русскомъ языкѣ“, ч. II, стр. 384; Савельева—предисловіе къ третьему изданію Державина, стр. XXXVII.

(10) Митрополитъ Евгеній въ Словарѣ своемъ (см. „Дашкова“) говоритъ, что въ „Собесѣдникѣ“ было помѣщено *много* сочиненій княгини Дашковой и, между прочимъ, рѣчь ея, говоренная при открытіи Россійской Академіи. Это извѣстіе перешло потомъ и въ „Словарь“ Бантышъ-Каменскаго (ч. II, стр. 192), и въ книгу г. Мизко (стр. 155) и др. Всѣ они безъ дальнихъ справокъ, перепечатывали Евгенія.

(11) Не имѣя подъ руками подлинныхъ записокъ княгини Дашковой (или Дашкавой, какъ тогда писали), я долженъ былъ ограничиваться отрывками изъ нихъ, переведенными въ нашихъ журналахъ: „Москвитянинъ“ 1842 года, №№ 1, 2, „Современникъ“ 1845 г., № 1. Въ особенности интересенъ для насъ отрывокъ, помѣщенный въ „Современникѣ“, потому что въ немъ рассказывается о назначеніи княгини директоромъ Академіи.

(12) Объ изданіи картъ русскихъ губерній говоритъ сама княгиня Дашкова, въ своихъ запискахъ, жалуясь на то, что тогдашній генераль-прокуроръ, кн. Вяземскій, препятствовалъ ей въ этомъ дѣлѣ, „не присылая бумагъ, которыхъ она требовала, касательно опредѣленія границъ между губерніями“ („Совр.“ 1845 г., № 1, стр. 28), и даже „задерживая тѣ свѣдѣнія, которыя губернаторы, по ея просьбѣ препровождали въ Академію“ (ib., стр. 31). Въ „Спб. Вѣдом.“, во все продолженіе 1783—1784 годовъ, помѣщались объявленія о постепенномъ изданіи картъ почти всѣхъ русскихъ губерній. Продавались эти карты по 55 и 60 коп.

(13) Таковы, на примѣръ, письмо А. Мейера, при посылкѣ историческихъ надписей россійскимъ государямъ (кн. I; статья XXX); критика на эти надписи (кн. II, ст. XV); письмо при посылкѣ сочиненія „О системѣ міра“ (кн. II,

ст. XXII); письмо, при которомъ присланы вопросы фонъ-Визина (кн. III, ст. XVI); письмо, приложенное къ повѣствованію мнимаго глухого и нѣмого (кн. IV, ст. X); письмо г. Икосова, при посылкѣ его оды (кн. IV, ст. XI); письмо, содержащее критику на „Систему міра“ (кн. IV, ст. XVI); письмо при посылкѣ стиховъ г. Голенищева-Кутузова (кн. V, ст. VII); письмо Любослова о напечатаніи его „Начертанія о російскомъ языкѣ“ (кн. VII, ст. XV); письмо о „Быляхъ и Небылицахъ“, съ приложеніемъ предисловія къ „Исторіи Петра Великаго“ (кн. VII, ст. XIX); письмо при посылкѣ стансовъ на учрежденіе Россійской Академіи (кн. IX, ст. IV); письмо съ приобщеніемъ оды „Къ безсмертію“ (кн. X, ст. XIII); письмо А. Мейера въ отвѣтъ на критику его историческихъ надписей (кн. XI, ст. XIV); письмо А. Старынкевича, съ приложеніемъ „Стиховъ къ другу“ (кн. XI, ст. XVI); письмо при посылкѣ стиховъ Р—Д—Н. (кн. XIV, ст. V).

(14) Такъ „сумнительныя“ предложенія одного невѣжды присланы изъ Шлиссельбурга (ч. IV, ст. III); письмо со стихами Голенищева-Кутузова — изъ Симбирска (ч. V, ст. VII); письмо о дисциплинѣ — изъ Карасубазара (ч. VII, ст. II); письмо при посылкѣ оды „Къ безсмертію“ — изъ Крыма (ч. X, ст. XIII); письмо при посылкѣ *притчи* — изъ Клина (ч. XI, ст. VII); письмо священника Старынкевича — изъ Бѣлоруссіи (ч. XI, ст. XVI); письмо объ одной ошибкѣ въ „Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ“ — касательно Россіи — изъ Новгорода (ч. XII, ст. II); отъ Архангелогородской кумы — изъ Архангельска (ч. XII, ст. X). Кромѣ того, много помѣщено писемъ, подъ которыми мѣстность не обозначена. Во всѣхъ высказывается чрезвычайное уваженіе къ „Собесѣднику“.

(15) Изъ Москвы прислано письмо о собачникахъ (ч. I, ст. XXII); письмо Рѣдкобаева (ч. II, ст. VII); письмо съ приложеніемъ стиховъ Китайца къ татарскому мурзѣ (ч. V, ст. I); г-жи М. С., и ея же письмо при посылкѣ стансовъ на учрежденіе Россійской Академіи (ч. I, ст. IV). Кромѣ того, подписью: „прислано изъ Москвы отъ неизвѣстнаго“ отмѣчены два стихотворенія: „Сонъ“ (ч. VI, ст. XIV) и „Къ самому себѣ“ (ч. VII, ст. XVII).

(16) Письма изъ Звенигорода назывались всегда письмами Звенигородскаго корреспондента и пользовались, какъ видно, уваженіемъ самихъ издателей. Въ „искреннемъ сожалѣніи“ объ участи издателей „Собесѣдника“ (ч. III, ст. XV), въ числѣ прочихъ средствъ улучшить журналъ и придать ему интересъ, совѣтуется издателямъ дѣятельнѣе продолжать переписку съ Звенигородскимъ корреспондентомъ (ч. III, стр. 153). Изъ писемъ его, первое помѣщено во второй части (ст. II) и заключаетъ вопросъ о воспитаніи; второе, въ III части (ст. XVI), содержитъ нѣкоторыя разсужденія объ истинной и ложной чувствительности. На второмъ письмѣ переписка эта и остановилась.

(17) Вотъ что, на примѣръ, говоритъ о „Собесѣдникѣ“ какой-то г. А. Г., въ письмѣ своемъ, напечатанномъ въ 14-й книжкѣ (ст. VI). „Книга ваша есть зеркало, гдѣ порочныя видятъ свои пороки, а добродѣтельные находятъ утѣшеніе, усматривая, что, хотя на словахъ, получаютъ возмездіе за свои дѣла; книга ваша есть пруть, которымъ развращеніе наказывается и очищаются нравы; книга ваша есть изображеніе благоденствія нынѣшняго вѣка и процвѣтанія наукъ. Всѣ благомыслящіе люди читаютъ ее съ удовольствіемъ и утверждаютъ, что стараніемъ какой-то любительницы музъ російскія словесныя науки придутъ вскорѣ въ такое совершенство, какому удивляемся мы у другихъ народовъ“ (стр. 145). Въ письмѣ изъ Карасубазара говорится: „Собесѣдникъ читается уже и въ Карасубазарѣ съ такимъ же, или, можетъ быть, еще съ большимъ вниманіемъ и пріятностью, нежели въ Петербургѣ и Москвѣ. Мы радуемся отъ истиннаго сердца, что новое сіе изданіе, снимая послѣднія съ мыслей человѣческихъ оковы, подаетъ имъ отверстую дорогу для ихъ просвѣщенія“ (ч. VII, стр. 8). Священникъ Старынкевичъ пишетъ, что небо послало ему счастье видѣть первыя 4 книжки „Собесѣдника“, и что онъ съ толикимъ удовольствіемъ листы полезнѣйшаго сего сочиненія прочитывалъ, съ коликимъ утомленнымъ долговременною жаждою изъ чистѣйшаго источника опаленный свой языкъ орошаетъ“ (ч. XI, стр. 156). Подобныхъ любезностей много можно найти въ письмахъ къ издателямъ.

(18) См. „Спб. Вѣд.“ 1784 г., № 50, іюня 21. Здѣсь помѣщено объявленіе о выходѣ 15 книжки „Собесѣдника“ и приглашеніе присылать свои статьи въ редакцію. Объявленіе о пониженіи цѣны на первыя книжки „Собесѣдника“ сдѣ-

лано безъ всякихъ объясненій; просто сказано: „15-я книжка продается по 50 к.; по той же цѣнѣ можно получать и всѣ прежде вышедшія“. То же повторено и въ № 72, при объявленіи о выходѣ 16 книжки.

(19) Что кн. Дашкова завѣдывала изданіемъ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, по крайней мѣрѣ въ первые годы, это видно изъ письма Капниста, помѣщеннаго въ 1790 г., въ 47 части „Н. Е. С.“, гдѣ онъ проситъ ее помѣстить въ этомъ журналѣ его отвѣтъ „Пѣвцу Фелицы“. Кромѣ того, можно заключать объ этомъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ посланія Николева къ кн. Дашковой („Н. Е. Соч.“ ч. 60, 1791 г.). Здѣсь, между прочимъ, онъ обращается къ ней съ слѣдующими стихами:

Составя кругъ ученыхъ думъ,
Ты поощряешь мысль и умъ
Къ обогащенью росска слова...

Въ „Н. Е. Сочиненіяхъ“ есть, по общему свидѣтельству біографовъ кн. Дашковой, и нѣсколько собственныхъ ея сочиненій (См. словари—Евгенія, Бантышъ-Каменскаго, энциклопедическіе—Плюшара и Старчевскаго. Впрочемъ, всѣ они списывали показанія м. Евгенія).

(20) Въ своихъ Запискахъ кн. Дашкова говоритъ сама, что она работала для „Собесѣдника“ („Совр.“ 1845, № 1, стр. 29). М. Евгеній, а за нимъ и другіе говорятъ, что здѣсь помѣщено *много* статей Дашковой. Впрочемъ, узнать ихъ навѣрное довольно трудно. Ниже представлены нѣкоторыя соображенія наши объ этомъ предметѣ.

(21) Въ Запискахъ кн. Дашковой сказано, что „Государыня сама иногда наполняла нѣсколько страницъ журнала“. Но, вѣроятно, говоря это, кн. Дашкова не имѣла въ виду „Записокъ о Русской Исторіи“. Кромѣ этихъ Записокъ и „Былей и Небылицъ“, въ „Собесѣдникѣ“ помѣщены еще слѣдующія статьи, написанныя Екатериною: 1) отвѣты на вопросы фонъ-Визина (ч. III, ст. XVII); 2) отвѣтъ на письмо къ автору „Былей и Небылицъ“ (ч. VII, ст. XX); 3) письмо неизвѣстнаго каноника *ignorante bambinelli*, по поводу того же письма (ч. VII, ст. X); 4) общества незнающихъ ежедневная записка, подписанная: скрѣпилъ извѣстный каноникъ (ч. VIII, ст. VI). Кромѣ того, ей же принадлежатъ, вѣроятно, нѣсколько предварительныхъ словъ къ критикѣ Любослова (ч. II, ст. XIII), и, можетъ быть, „Записки разнощика“, подписанныя: Рыжій Фролка (ч. IX, ст. II). Послѣднихъ двухъ статей нѣтъ въ „Полномъ собраніи сочиненій Екатерины“, а первыя четыре напечатаны въ III томѣ, какъ-то посреди „Былей и Небылицъ“. Тутъ же перепечатано кстати и письмо фонъ-Визина (стр. 53—57); а одно мѣсто изъ „Былей и Небылицъ“, ужъ неизвѣстно для какой цѣли, напечатано два раза, на одной и той же страницѣ (стр. 78). Здѣсь же перепечатано, неизвѣстно на какомъ основаніи, похвальное письмо къ Екатеринѣ, по поводу „Былей и Небылицъ“, помѣщенное въ „Соб.“, на стр. 175—178, VI части, и съ примѣчаніями издателей.

(22) О Козодавлевѣ кн. Дашкова говоритъ въ своихъ Запискахъ: „изъ со-трудниковъ журнала особенно дѣятеленъ былъ молодой адвокатъ Козодавлевъ, помѣщавшій въ немъ и прозу и стихи“ („Совр.“ 1845 г., № 1, стр. 30). Изъ сочиненій Козодавлева одно только подписано полнымъ именемъ (ч. VII, ст. XIV); о другихъ соображенія представлены ниже.

(23) Изъ произведеній Богдановича помѣщены въ „Собесѣдникѣ“: 1) о древнемъ и новомъ стихотвореніи (ч. II, ст. XVIII; ч. III, ст. II; ч. V, ст. III, ч. VIII, ст. II); 2) басни: Пчелы и Шмель (ч. I, ст. XIX); Журавли и Комаръ, (ч. II, ст. XXI); Слухъ и Видѣніе, и Левъ и Ребята (ч. V, ст. IV); басня на пословицу: воля со мною твоя, а по правдѣ усадьба моя (ч. VI, ст. XII); 3) письмо о великодушныхъ чувствованіяхъ (ч. I, ст. XXVIII); 4) идилія бѣлыми стихами, перепечатанная откуда-то въ исправленномъ видѣ (ч. II, ст. IV); 5) къ Д. Г. Левицкому (ч. IV, ст. V); 6) къ моему другу (ч. V, ст. IV); 7) стихи на пословицу: не всякая любовь свершается бѣдой (*ib.*); 8) Гимнъ на бракосочетаніе Великаго Князя Павла Петровича (ч. VII, стр. XXI); 9) Старина ненапечатанная (ч. X, ст. XII); 10) Стансъ къ Л. Ѳ. М. (ч. XI, ст. V); 11) Стансъ къ М. М. Хераскову (ч. XIII, ст. I); 12) Пріятность простой жизни (ч. XVI, ст. XX). Всѣ эти произведенія были подписаны полнымъ именемъ Богдановича и вошли въ собраніе его сочиненій. Кромѣ того, въ первой книжкѣ „Собесѣдника“ напечатаны безъ подписи

его стихотворенія: 13) „Разговоръ Минервы съ Аполлономъ“ (ст. XIV) и „Къ деньгамъ“ (ст. XV). Любословъ сдѣлалъ нѣсколько мелкихъ замѣчаній на эти стихотворенія. Богдановичъ подѣ строками помѣстилъ „возраженія сочинителя“ и подписалъ ихъ своимъ именемъ. Несмотря на это указаніе, оба эти стихотворенія, впрочемъ, пропущены въ собраніи сочиненій Богдановича.

(24) Въ „Собесѣдникѣ“ помѣщались стихотворенія Державина, особенно въ большомъ числѣ въ первыхъ книжкахъ. Вотъ ихъ перечень: 1) Фелица (ч. I, ст. I); 2) Диѳирамбъ на выздоровленіе покровителя наукъ (ст. IV); 3) Ода на новый годъ (ст. IX); Ода къ сосѣду моему Г. (ст. XX); 5) Ода на смерть князя Мещерскаго (ст. XXI); 6) Стихи на рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока (ст. XXIII); 7) Ода на отсутствіе Ея Величества въ Бѣлоруссію (ч. II, ст. I); 8) Ключъ (ч. III, ст. I); 9) Успокоенное невѣріе (ст. III); 10) Благодарность Фелицѣ (ст. XIX); 11) Ода Рѣшемыслу (ч. III, ст. I), подписанная: сочинялъ З... 12) Ода на присоединеніе Крыма (ч. XI, ст. X); 13) Богъ (ч. XIII, ст. XV). Ни одно изъ этихъ произведеній не подписано именемъ Державина. Половина изъ нихъ перепечатана изъ „Вѣстника“, потому что (сказано въ примѣчаніи) авторъ исправилъ ихъ. Но поправки эти весьма ничтожны. Такъ, въ Одѣ на смерть князя Мещерскаго измѣнены слѣдующіе стихи:

ВЪ ВѢСТНИКѢ:

Зоветь меня отъ жизни онъ

Узрѣлъ я только лишь сей свѣтъ

Монархъ и рабъ есть снѣдь червей

Текутъ какъ въ морѣ рѣчны воды,
Текутъ такъ въ вѣчность дни и годы

И міры ея разрушатся,
Твореньямъ всѣмъ она грозитъ.

Не мыслить смертный умирать

Громовы стрѣлы не быстрѣе
Взлетаютъ къ гордымъ вышинамъ

Здѣсь перстъ твоя, а духъ твой тамъ.
Онъ тамъ, онъ тамъ, а гдѣ — не
знаемъ,
Мы только плачемъ и вздыхаемъ.

Гдѣ вкуса столъ, тамъ гробъ стоитъ

Кѣмъ въ державу тѣсны міры

ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ:

Зоветь меня, зоветь твой стонъ.

Едва увидѣлъ я сей свѣтъ.

Монархъ и узникъ снѣдь червей.

Какъ въ морѣ льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы.

И солнца ея потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнить лишь смертный умирать.

Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Здѣсь перстъ твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? онъ тамъ. Гдѣ тамъ?.. не
знаемъ,
Мы только плачемъ и взываемъ.

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ.

Кому въ державу тѣсны міры.

Глядитъ на всѣхъ, и на князей

Глядитъ на пышныхъ богачей.

За хаосъ въ бездну улетѣли

Хаоса въ бездну улетѣли.

Не сильно жжетъ мя красота

Не сильно нѣжитъ красота.

Желаньемъ пышности размученъ,
Влечетъ меня и чести шумъ.
Наградой чти судебъ ударъ.

Желаніемъ честей размученъ,
Зоветь, я слышу, славы шумъ.
Благословляй судебъ ударъ.

Въ одѣ *Къ сосѣду* измѣненъ только одинъ стихъ. вмѣсто: *А то веселье непорочно*, напечатано: *Веселье то лишь непорочно*.

Въ стихотвореніи „Ключъ“ измѣнены слѣдующіе стихи:

ВЪ ВЪСТНИКЪ:

ВЪ СОБЕСѢДНИКЪ:

Источникъ вижу я прекрасный

Прекраснѣй вижу я источникъ.

Источникъ милый и прозрачный,
Поящій луги, доли злачны

Источникъ шумный и прозрачный,
Луга поящій, доли злачны.

Гора, въ день стадомъ покровенна,
Любуется, въ тебя смотрясь;
Въ твоихъ водахъ изображенна
Дубрава, вѣтеркомъ струясь,
Со златомъ волнуются нивы.
О, какъ съ высотъ пріятно зрится.

Гора въ день стадомъ покровенну
Себя въ тебѣ любуясь зрить,
Въ твоихъ водахъ изображенну
Дубраву вѣтерокъ струить,
Волнуетъ жатву золотую.
Прекраснѣй берегъ твой становится...

Равно ночьюю темнотою
Прекрасенъ видъ твой при лунѣ

О, сколь ночьюю темнотою
Пріятенъ видъ твой при лунѣ.

Лирный звонъ съ твоимъ стремленьемъ. Лирный гласъ съ твоимъ стремленьемъ.

Въ одѣ на отсутствіе Ея Величества въ Бѣлоруссію измѣнены только три фразы: вмѣсто *сладкой* пѣсни—поправлено: *громкой* пѣсни; вмѣсто *истина и совѣтъ*—истина и совѣсть, и вмѣсто съ велелѣніемъ—въ велелѣніи. Да еще поправлена опечатка, вмѣсто *совѣтъ*—напечатано *зоветь*.

Столь же ничтожны перемѣны въ стихахъ „На рожденіе порфиророднаго отрока“. Здѣсь только вмѣсто „полубогъ“ поставлено—нѣкій богъ, и вмѣсто „возраждати“—возрождаючи, что въ собраніи сочиненій опять было измѣнено на—зарождаючи.

Болѣе перемѣнъ сдѣлано въ одѣ „На новый годъ“. Впрочемъ, и онѣ не важны.

Вотъ эти перемѣны:

ВЪ ВЪСТНИКЪ:

ВЪ СОБЕСѢДНИКЪ:

Мольбы и плески возшумѣли,
Тимпаны, громы возгремѣли.

Сошелъ—и гласы раздалися,
Мечты, надежды понеслися.

Среди текущаго блаженства
Мы благъ желаемъ совершенства

И самаго среди блаженства
Желаемъ блага совершенства.

Здоровье, хлѣбъ и совѣсть права,
Одежда, сонъ и добра слава
Меня равняютъ съ королемъ

Меня здоровье, совѣсть права,
Достатокъ нужный, добра слава
Творять счастливыѣ царей.

Безсмертный воинъ хочетъ славы,
Леандръ фортуны при игрѣ

Герой безсмертной славы жаждетъ,
И счастья игрокъ въ игрѣ.

И въ здѣшной жизни, пышной, страст-
ной
Нѣжныѣ гласы становятся.

И въ здѣшной жизни коловратной
Пріятны гласы становятся.

Петры, Траяны, Генрихъ, Титы

Петры, и Генрихи, и Титы.

Стихотворенія, которыя въ исправленномъ видѣ перепечатаны въ „Собесѣдникъ“, болѣе уже не передѣльвались, исключая двухъ или трехъ фразъ. Такъ, въ Одѣ къ сосѣду, вмѣсто—въ твой парусъ—въ собраніи сочиненій почему-то напечатано: въ твой Парнасъ (т. I, стр. 203).

Стихотворенія, напечатанныя въ первый разъ въ „Собесѣдникъ“, большихъ измѣненій также не потерпѣли въ слѣдующихъ изданіяхъ. Въ одѣ „Фелица“ исправлены только нѣсколько стиховъ. Вмѣсто „честно и правдиво“, въ послѣдней поставлено *пышно* и правдиво; вмѣсто Лентягомъ и Брюзгой—лица изъ сказки о Хлорѣ, соч. Екатериной—просто: лѣвтяемъ и брюзгой. Вмѣсто стиховъ, замѣченныхъ еще Любословомъ:

Въ часы твоихъ отдохновеній
Ты пишешь въ сказкахъ поученій,

поставлено—

Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья.

Наконецъ, вмѣсто стиха:

Да сладкаго твоихъ словъ тока

поставлено—

Да словъ твоихъ сладчайша тока.

Въ одѣ „Богъ“—слѣдующія поправки:

ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ:

Какъ день, когда зимой

ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ:

Какъ въ ясный, мразный день зимой.

Въ бездонной пустотѣ текутъ

Въ неизмѣримости текутъ.

Какъ ежели сравнять съ Тобою

Когда дерзну сравнить съ Тобою.

Чтобъ духъ мой перстью облачился

Чтобъ духъ мой въ смертность облачился.

Отець—въ объятіе Твое

Отець, въ безсмертіе Твое.

Неизъясненный, непостижный

Неизъяснимый, непостижный.

Много измѣненій въ „Одѣ на приобрѣтеніе Крыма“, которая въ первоначальномъ видѣ своемъ даже не имѣла смысла въ иныхъ стихахъ. Болѣе другихъ значительны слѣдующія поправки:

Вмѣсто—Увидя Марсъ, *тоуритъ* взоры—впослѣдствіи поправлено—
Увидѣлъ Марсъ, *пахмурилъ* взоры.

Вмѣсто стиховъ:

Его стенанье раздалося
Внутри сердца зависти, и умъ,
Перомъ орудіемъ имѣя,
Едва ль гдѣ столь торжествовавший,
Безсмертной славой возсіалъ,

поправлено:

Его паденье раздалося
Внутри сердца зависти, и трость,
Водимая умомъ обширнымъ,
Безсмертной пальмой обвилась.

Далѣе измѣнена цѣлая строфа:

ВЪ СОБЕСѢДНИКЪ:

ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ:

Текущаго съ полнощи свѣта
Не можетъ снести Цирцейнъ взоръ,
Стонаетъ, что Минерва зиждетъ
Людей разумныхъ изъ звѣрей:
Осклабься, Пифагоръ дивится,
Что мнѣніе его сбылося:
Животныхъ видитъ онъ людьми.

Цирцея отъ досады воетъ:
Волшебство все ея ничто;
Ахейнъ, въ тварей превращенныхъ,
Минерва вновь творитъ людьми;
Осклабься, Пифагоръ дивится,
Что мнѣніе его сбылось,
Что зреть онъ преселенье душъ.

Нѣсколько ничтожныхъ поправокъ есть также въ „Одѣ къ Рѣшемыслу“.

Львовъ, въ объясненіяхъ къ сочиненіямъ Державина, говоритъ, что въ „Собесѣдникѣ“ были напечатаны стихотворенія: „Счастлирое семейство“ (ч. I, стр. 8) и „Видѣніе Мурзы“ (ч. II, стр. 13). Но это несправедливо: „Счастлирое семейство“ напечатано, по словамъ Львова же, въ 1782 году, когда еще „Собесѣдникъ“ не издавался, а „Видѣніе Мурзы“ явилось въ 56-й части „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, въ 1790 г.—Замѣчанія Львова внесены и въ Смирдинское изданіе сочиненій Державина, 1847; но Львовъ, кажется, совсѣмъ не зналъ „Собесѣдника“, относя изданіе его то къ 1782, то къ 1792 г.

(25) Въ прозѣ Княжнинъ помѣстилъ здѣсь свою рѣчь, говоренную на актѣ въ Академіи Художествъ въ 1779 г. (ч. I, ст. XXXI); а въ стихахъ: „Посланіе къ россійскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ“ (ч. I, ст. XV); „Феридина ошибка“ (ст. XXIII); „Морь звѣрей“ (ст. XXV); „Рыбакъ“ (ст. XXVII) Перепечатано изъ „Спб. Вѣстника“ 1778 года, № 9). Въ послѣдующихъ книжкахъ журнала помѣстилъ оду „Утро“ (ч. VII, ст. IX), „Стансы къ Богу“ (ч. VIII, ст. IX); изъ „Вѣстника“ 1780 г., № 8),—„Исповѣданіе жеманникъ“ (ч. VIII, ст. XII), неподписанное; сказку „Улиссъ и его спутники“ (ч. X, ст. X), и письмо къ кн. Дашковой (ч. XI, ст. I).

(26) Ода эта написана была Капнистомъ въ 1786 г., по случаю указа 19 февраля 1786 г. о томъ, чтобы на просьбахъ не подписывались *рабъ*, но „вѣрно-подданный“ (См. П. С. З. Р. И. 1786 г., № 16,329).

(27) Въ „Собесѣдникѣ“, кромѣ сатиры (ч. V, ст. IX), напечатано письмо къ Любослову, который считалъ неприличнымъ то, что Капниста въ письмѣ къ нему (въ I части „Собесѣдника“) назвали въ эпиграфѣ *mortel* (ч. VII, ст. III).

Сатира Капниста перепечатана изъ 6 № 1779 г. „Спб. Вѣстника“. Тамъ она была названа „сатира первая“, а здѣсь прибавлено „и послѣдняя“. Хотя въ примѣчаніи сказано, что она вновь поправлена, но исправленіе это весьма незначительно. Въ одномъ мѣстѣ вмѣсто *дерзость* поставлена *хитрость*; въ другомъ—вмѣсто истреблять пороки—исправлять. Важно только исключеніе личныхъ памековъ, слишкомъ уже явныхъ. Такъ, въ двухъ мѣстахъ поставлено

здѣсь имя дурного стихотворца—Мевій, вмѣсто *Рубовъ* (явный намекъ на Рубана). Вмѣсто прежнихъ двухъ стиховъ:

Котельскій, Никошевъ, Вларикинъ, Флезиновскій,
Обвѣсимовъ, Храстовъ, Весевкинъ, Кампаровскій,—

въ которыхъ заключались изломанныя немного фамиліи здравствовавшихъ тогда авторовъ,—поставлено въ „Собесѣдникъ“ просто:

Толпа несмысленныхъ и мерзкихъ рнемотворцевъ,
Слагателей вранья и сущихъ умоборцевъ.

Это, конечно, могло служить и хорошимъ комментариемъ къ выставленнымъ прежде именамъ.

Впрочемъ, одна личность даже прибавлена при переправкѣ сатиры; но это самая невинная личность,—Василія Кирилловича Тредьяковскаго. Вмѣсто стиховъ:

А разумъ съ честностью такъ рѣдко видимъ въ свѣтѣ,
Какъ гладкій умный стихъ въ покойномъ Бредоретѣ,

напечатано:

И словомъ, въ свѣтѣ семъ, такъ рѣдки Арпстиды,
Какъ гладкія стихи въ творцѣ Телемахиды.

(28) Изъ сочиненій Кострова помѣщены здѣсь: эклога „Три граціи“ (кн. VIII, ст. III) и письмо къ творцу оды „Фелица“ (кн. X, ст. V). Оба подписаны Ер. Кост.

(29) „Недоросль“ явился, какъ есть преданіе, въ одно время съ „Фелицей“ и раздѣлялъ съ нею общее вниманіе; въ „Собесѣдникѣ“ ни разу о немъ не упоминается. О „Бригадирѣ“ же говорится въ одной эпиграммѣ: „На нѣкоторую зрительницу комедію Бригадиръ“ („Собесѣдникъ“, ч. III, стр. 38).

(30) Въ „Собесѣдникѣ“ помѣщены изъ сочиненій фонъ-Визина: 1) „Опытъ російскаго сословника“ (ч. I, ст. XXIX; ч. IV, ст. XII; ч. X, ст. VIII); 2) „Примѣчанія на критику російскаго сословника“ (ч. III, ст. XII); 3) „Вопросы“ (ч. III, ст. XVII); 4) „Челобитная російской Минервѣ“ (ч. IV, ст. II); 5) „Поученіе іерея Василія“ (ч. VII, ст. VI).

(31) Въ числѣ сотрудниковъ „Собесѣдника“ помѣщаютъ Хераскова—князь Вяземскій („Фонъ-Визинъ“, стр. 262), Гречъ („Чт. о рус. яз.“, ч. II, стр. 384), Гротъ въ названной уже статьѣ о „Собесѣдникѣ“.

(32) Произведенія, подписанныя въ „Собесѣдникѣ“ буквами М. X., слѣдующія: 1) „Комета 1767 года“ (ч. IX, ст. X); 2) „Апрѣль“ (ст. XI); 3) Кн. Дашковой (ч. VI, ст. IV); 4) „Вѣчность“ (ч. VII, ст. I). Кромѣ этихъ стихотворныхъ произведеній есть еще двѣ статьи въ прозѣ: „Утро“ (ч. I, ст. XII) и „Полдень“ (ч. V, ст. II).

(33) Муравьева здѣсь два стихотворенія: „Письмо къ *“ (ч. I, ст. XXXII) и „Время“ (ч. II, ст. XIV). Въ одной критикѣ („Собесѣдникъ“, ч. IV, ст. XVI) эти стихотворенія признаны справедливо очень дурными и названы опытами молодого писателя. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя почти никакого содержанія, по языку стихи эти могутъ быть сравнены развѣ съ твореніями Петрова.

(34) Д. Хвостовъ помѣстилъ въ „Собесѣдникѣ“ нѣсколько притчъ: 1) „Мыши и орѣхи“ (ч. IV, ст. XIV); 2) „Солнце и молнія“ (ч. VI, ст. V); 3) „Павлинъ“ (ч. V, ст. XI). Нелединскаго-Мелецкаго есть здѣсь „Ода на службу“ (ч. VI, ст. VIII). Боброва—стихотвореніе „Дѣйствіе и слова зиждущаго духа“, содержащее хвалы императрицѣ Екатеринѣ (ч. XII, ст. I). Подписано оно С. Б.—Левшинъ помѣстилъ здѣсь свое „Путешествіе на луну“, названное въ первыхъ отрывкахъ—„Новѣйшее путешествіе, сочиненное въ городѣ Бѣлевѣ“, а потомъ—„Новѣйшее путешествіе во сновидѣніи“ ч. XIII, ст. X; ч. XIV, ст. X; ч. XV, ст. X; ч. XXI, ст. VIII).

(35) Плавильщиковъ, по показанію м. Евгенія, родился въ 1771 г. и, слѣд., не могъ участвовать въ журналѣ, издававшемся въ 1783—4; но это показаніе невѣрно; по другимъ извѣстіямъ, Плавильщиковъ род. 1760 г., и ему, дѣйствительно, принадлежитъ стихотвореніе *Баталя*, помѣщенное въ XVI ч. „Собесѣдника“ (ст. V, стр. 97—106).

(36) Другіе авторы, участвовавшіе въ „Собесѣдникѣ“ и подписывавшіе свои имена, были слѣдующіе: А. Майеръ, напечатавшій „Историческія надписи въ стихахъ государямъ російскимъ“ (ч. I, ст. XXX) и „Отвѣтъ“ на критику ихъ

(ч. X, ст. XIV). В. Жуковъ, помѣстившій здѣсь „Сонетъ творцу оды къ Фелицѣ“ (ч. III, ст. VII). Павелъ Икосовъ, напечатавшій оду на рожденіе Великой Княгини Александры Павловны (ч. IV, ст. XI) и идиллію на тотъ же случай (ч. V, ст. VI). Д. Левицкій, помѣстившій свое письмо въ „Собесѣдникѣ“ (ч. VI, ст. III). Р.—Д.—Н., напечатавшій Цыдулку къ * (ч. VII, ст. XI), сонетъ (ст. XII), эклогу (ч. VIII, ст. XI, письмо къ издателямъ (ч. XI, ст. IV), стихи къ *** и эклогу (ч. XIV, ст. V). Прох. Соловьевъ, сочинившій „Разговоръ о музахъ“ при открытіи семинаріи въ Спб. (ч. X, ст. VII). Ѳ. Козельскій, написавшій надгробіе графу Воронцову (ч. X, ст. XV). Лабзинъ, подписавшійся подъ своимъ стихотвореніемъ „Французская лавка“ (ч. XI, ст. III), цифрами, изъ которыхъ составляется его фамилія. Ѳед. Кам., помѣстившій стихи въ Ирисѣ (ч. XVI, ст. IV).

(37) Это „Стихи, сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, когда я въ 1761 г. ѣхалъ просить о подписаніи привилегіи для Академіи, бывъ много разъ прежде за тѣмъ“. Стихотвореніе это, состоящее всего изъ десяти стиховъ, содержитъ обращеніе къ кузнечнику, который гораздо счастливѣе людей потому,

Что видятъ—все его, вездѣ въ своемъ дому,
Не просятъ ни о чемъ, не долженъ никому.

Стихи эти присланы къ-то изъ Москвы и напечатаны въ XI части, ст. XIV.

(38) Изъ неизвѣстныхъ авторовъ подписывались оуквами, кромѣ выше названныхъ: Н. М. и товарищи,—подъ стихами: „Народный обѣдъ“ (ч. II, ст. VI);—С. подъ стихотвореніемъ „Городская жизнь“ подр. нѣмецкому (ч. II, ст. XIV);—С. С. подъ статьей „Маскерадъ“ (ч. XI, ст. XVII); этому же автору принадлежитъ статья „Прогулка“ (ч. VI, ст. XV).—В. С. подъ статьями: „Волкъ и Лисца“, басня (ч. XIV, ст. I); „Ночь“, стихотвореніе (ст. VII); „Клеантъ“ (ст. VIII); „Подражаніе англичскому зрителю“ (ч. XV, ст. VI); „Нѣкоторыя разсужденія о смѣхѣ“ (ч. XV, ст. V).—Ва-Сѣв.—подъ одою „На кротость“ (ч. XIV, ст. IX);—М. С.—подъ письмомъ къ „Татарскому мурзѣ“ (ч. V, ст. I) и подъ стансами на учрежденіе Россійской Академіи (ч. IX, ст. IV).—Х. Х.—подъ стихами „Молное остроуміе“ (ч. III, ст. IX).—Н. подъ одою „Къ Любви“ (ч. IV, ст. XV).—НН. подъ сочиненіемъ „О системѣ міра“ (ч. II, ст. XXI; ч. V, ст. X).—Др. подъ письмомъ Катона къ Юлію Цезарю (ч. VIII, ст. V).—А. Кр. подъ стихами Гр. В. П. М. П. (ч. X, ст. IX).—Д—й Р—ъ подъ стихами „Лизета и Дафнисъ“ (ч. XIII, ст. IX).—А. Г. подъ письмомъ къ издателямъ (ч. XIV, ст. VI).—И. Ф. подъ баснею „Комаръ“ (ч. XV, ст. I). Изъ статей, вовсе неподписанныхъ, замѣчательнѣе другихъ: „Повѣствованіе мнимо глухого и нѣмого“, „Картинны моей родни“ и „Моя записная книжка“, въ прозѣ; о нихъ много говорится ниже. Въ стихахъ замѣчательны: „Ода къ безсмертію“, „Дружеская пѣсня“, „Ода на золото“, „Весна“ (въ XII ч.) и „Сновидѣніе“ (въ XVI). О нихъ—ниже. Замѣтимъ, что въ числѣ эпиграммъ также есть нѣсколько довольно удачныхъ. Между прочимъ, въ IV части (стр. 110) нашли мы эпиграмму Дмитріева:

Почто Ликаста осуждактъ,
Что вялымъ слогомъ пишетъ онъ?
Вѣдь имъ одинъ лишь издѣнь Сонъ:
Когда же складны сны бываютъ?

(39) См. м. Евгенія „Словарь свѣтскихъ писателей“ часть II, стр. 10 и 158. Очень можетъ быть, что это показаніе тоже невѣрно. Въ „Собесѣдникѣ“ почти нѣтъ ученыхъ статей. Развѣ сочиненіе „О системѣ міра“ можно приписать одному изъ академиковъ?

(40) См. „Словарь свѣтскихъ писателей“, подъ словомъ „Дашкова“.

(41) Въ I-й кн. 33 статьи, во II—22, III—18, IV—16, V—11, VI—15, VII—21, VIII—13, IX—8, X—17, XI—18, XII—10, XIII—11, XIV—10, XV—7, XXI—12.

(42) Упомянутія объ этомъ находятся во всѣхъ курсахъ литературы и во всѣхъ біографическихъ словаряхъ нашихъ, но подробностей нигдѣ нѣтъ.

(43) Г. Старчевскій говоритъ („Лит. русской исторіи до Кар.“, стр. 230): „Записки эти составлены изъ свода разныхъ русскихъ лѣтописей, со многими синхронистическими таблицами и съ критическими примѣчаніями“. Болѣе ничего не сказано для ихъ характеристики.

(44) Г. Соловьевъ помѣстилъ въ „Архивѣ“ г. Калачова статью о русскихъ историческихъ писателяхъ XVIII вѣка, въ которой разбираетъ нѣкоторыхъ пи-

сателей. Не знаемъ, почему именно тѣхъ, а не другихъ. Если онъ хотѣлъ разсмотрѣть только замѣчательнѣйшихъ, то неужели труды Благина и Эмина замѣчательнѣе „Записокъ о русской исторіи“?

(45) Замѣчанія эти приведены въ книгѣ г. Старчевскаго, стр. 236.

(46) Извѣстно, что при Екатеринѣ начали издавать русскія лѣтописи. Много списковъ было собрано изъ Москвы и другихъ мѣстъ, но, по неимѣнію хорошо приготовленныхъ къ этому дѣлу людей, изданіе тогда не состоялось.

(47) См. Старчевскаго „Лит. рус. ист. до Кар.“, стр. 218. Въ біографіи Чеботарева, въ „Словарѣ проф. Моск. унив.“, г. Соловьевъ говоритъ неопредѣленно: *въ это время* Чеботаревъ занимался выписками изъ лѣтописей. По ходу его изложенія это можетъ относиться къ 1782—1790 г. Промежутокъ довольно значительный.

(48) Г. Старчевскій говоритъ, что онъ „самъ видѣлъ нѣсколько выписокъ изъ нашихъ лѣтописей, сдѣланныхъ для императрицы“. Но онъ ничего не сообщаетъ объ ихъ содержаніи.

(49) Первый томъ исторіи Щербатова вышелъ въ 1770 г., а слѣдующіе 14 въ разные сроки выходили до 1792 г.

(50) Различіе этихъ разговоровъ доказано въ недавнее время г. Срезневскимъ (см. статью его въ „Изв. V отд. Ак. Н.“, 1852 г., т. II).

(51) Какъ видно, это сдѣлано было по убѣжденію императрицы, потому что даже въ ея замѣчаніяхъ на Стритера мы находимъ обвиненіе въ томъ, что онъ возобновилъ нелѣпыя басни о мести Ольги древлянамъ, выброшенныя изъ „Записокъ о русской исторіи“ (Старч., стр. 235).

(52) У Державина въ стихотвореніи „На счастье“ сказано о Екатеринѣ:

Комедьи пишетъ, чиститъ нравы
И припѣваетъ: хемъ, хемъ, хемъ.

Хемъ, хемъ—это дѣдушкинъ кашель, въ „Быляхъ и Небылицахъ“. Львовъ же, въ Объясненіяхъ (ч. I, стр. 22), выдумалъ какое-то небывалое сочиненіе императрицы: „Разговоры дѣдушкины“ и притомъ еще *палату съ чутъемъ*, для чтенія и обсуживанія этого сочиненія. Не знаемъ, есть-ли правда въ послѣднемъ извѣстіи, но первое совершенно ложно.

(53) „Исповѣданіе жеманихи“ напечатано въ VIII ч. „Собесѣдника“, при „Быляхъ и Небылицахъ“, какъ ихъ заключеніе; оно даже не отдѣлено особою цифрою, какъ дѣлалось всегда въ этомъ журналѣ.

(54) При этомъ-то дѣдушка и закашлялся особенно сильно. Изъ этого можно видѣть, какія *безпорядки* ему не нравились. Львовъ говоритъ, что онъ припѣвалъ „хемъ, хемъ“ только при видѣ какого нибудь безпорядка.

(55) Въ 45 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1784 года, причиною такого измѣненія выставляется то, что „издателямъ извѣстно, что нѣкоторыя изъ присланныхъ сочиненій до нихъ не доходили“. Къ этому прибавлено въ № 50: „а чтобы не принять неблагопристойнаго, то сочиненіе при принесшемъ же и прочтется, и буде оно согласно съ расположеніемъ „Собесѣдника“, то и примется для печатанія, буде же противно, то возвратится принесшему“. Слѣдовательно, въ это время главный издательскій трудъ — разсмотрѣніе и выборъ присылавшихся статей,—лежалъ уже не на кн. Дашковой, а на совѣтникахъ Академіи, которые, такимъ образомъ, были въ то же время и цензорами статей.

(56) Ниже представлены нѣкоторыя соображенія касательно трудовъ Козодавлева, помѣщенныхъ въ „Собесѣдникѣ“. Изъ другихъ же его произведеній, отдѣльно изданныхъ, извѣстны: переводъ поэмы Тиммея „Вильгельмина“, Спб., 1783 г. (Соп. библ., № 8636), и комедій „Нашла коса на камень“, въ одномъ дѣйствіи, Спб., 1781 г. (Соп. библ., № 5475) и „Перстень“ въ одномъ дѣйствіи, Спб., 1781 г. (Соп. библ., № 5549). Ему же, вѣроятно, принадлежитъ и слѣдующій переводъ: „Древняго и новаго вѣка люди, или уборный столъ г-жи маркизы Помпадуръ“, соч. г. Вольтера, перевелъ съ французскаго О. К.“ Спб., 1777 г. (Соп. № 3478).

(57) Кн. Дашковой принадлежатъ комедіи: „Тайсёковъ“ (Соп., № 5649 Тайсёковъ), въ пяти дѣйствіяхъ, Спб., 1786 г., и „Сватъба Фабіана“. Кромѣ того, ея произведенія помѣщены въ „Невинномъ упражненіи“ на 1763 г. и въ „Трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ Университетѣ“, съ 1774 г. Въ этомъ послѣднемъ изданіи именемъ ея отмѣчены: „Письмо къ другу“ (ч. I,

стр. 78—86); „Опытъ о торгѣ“, переводъ изъ Юма (стр. 87—112); „Путешествіе одной россійской знатной госпожи по нѣкоторымъ англійскимъ провинціямъ“ (ч. II, стр. 105—147), переводъ изъ англійскаго „Смотрителя“ о шуткѣ (стр. 145—151). Ей же, кажется, принадлежатъ и слѣдующія статьи, отмѣченныя подписью Англоманъ: „Письмо англомана“ (ч. II, стр. 257—261); „Предложеніе объ исправленіи англійскаго языка, переводъ съ англійскаго, съ примѣчаніями относительно языка русскаго“ (ч. III, стр. 1—38); переводъ стиховъ оксфордскаго студента къ портрету Локка (стр. 72—73). Въ письмѣ англомана представленъ также опытъ перевода знаменитаго монолога Гамлета: „быть или не быть“. О принадлежности этихъ статей кн. Дашковой свидѣтельствуется, сколько видное въ нихъ знаніе англійской литературы и жизни, весьма мало тогда у насъ распространенное, столько же и умѣнье владѣть языкомъ, и въ стихахъ и въ прозѣ,—умѣнье, которымъ, какъ увидимъ, также отличалась кн. Дашкова.

(58) Видно, однакожь, что въ свое время кн. Дашкова всего болѣе извѣстна была своими стихотвореніями. Въ словарь Новикова читаемъ: „Княгиня Дашкова... писала стихи; изъ нихъ нѣкоторыя, весьма изрядныя, напечатаны въ ежемѣсячномъ сочиненіи: „Невинное упражненіе“, 1763 г., въ Москвѣ. Впрочемъ, она почитается за одну изъ ученыхъ россійскихъ дамъ и любительницу свободныхъ наукъ“. (Опытъ историч. словаря о росс. писат. Нов. 1772 г., стр. 55).

(59) Въ Запискахъ своихъ кн. Дашкова говоритъ: „Бель, Монтескье, Буало и Вольтеръ были изъ числа любимыхъ моихъ писателей. Позднія занятія и расположеніе духа, происшедшее отъ такого изнуренія, произвели во мнѣ слабость и болѣзненные признаки, возбудившіе опасеніе моего почтеннаго дяди“. Докторъ Бурхавъ сказалъ, что болѣзнь происходитъ отъ безпокойства духа, и вслѣдствіе того—говоритъ княгиня—„я подвергалась тысячѣ распросовъ,—однакожь, не сказала истины. Въ то время, какъ я приписывала свой блѣдный и истощенный видъ слабости нервовъ и головнымъ болямъ, умъ мой ежедневно крѣпнулъ и оживлялся отъ постояннаго упражненія“. (См. „Москв.“ 1842 г., № 1, стр. 101—2, Матеріалы). Такого рода чтеніе, конечно, обѣщало самое богатое развитіе и совсѣмъ не походило на то безсознательное пристрастіе къ французамъ, надъ которымъ такъ много смѣялся „Собесѣдникъ“. Касательно любознательности княгини Дашковой можно привести еще слѣдующую замѣтку: „Съ самыхъ раннихъ лѣтъ—говоритъ она—политика была для меня самымъ занимательнымъ предметомъ; я спрашивала каждаго иностранца о его отечествѣ, формѣ правленія и законахъ, и сравненія, къ которымъ часто вели ихъ отвѣты, внушили мнѣ пламенное желаніе путешествовать“ (см. „Москв.“, *ibid.*).

(60) Кто знакомъ съ литературою того времени, тотъ не станетъ, конечно, требовать подтвержденія этихъ словъ. Для незнакомыхъ же достаточно привести хоть заглавія нѣкоторыхъ книгъ, выходившихъ въ то время,—напр.: „Гермель или можетъ-ли добродѣтельная жена совершенно положиться на постоянство своего мужа?“ переводъ съ французскаго. Спб., 1783 г.; „Дѣвушкины прогулки и молодкины увертки, или лабиринтъ женскихъ коварствъ“. Спб., 1794 г.; „Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки, или смѣшныя проказы трехъ красавицъ, чинимыя надъ простосердечными ихъ супругами, нравственное и счастливое твореніе“. Спб., 1794 г.; „Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами продажными изображены и сравнены Правдолюбомъ“. Спб., 1799 г.—и т. д. Такихъ и еще болѣе курьезныхъ и безцеремонныхъ книгъ выходило въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія чрезвычайно много. Нельзя не замѣтить, что здѣсь всегда виднѣнъ шуточный взглядъ на предметъ, тогда какъ съ начала нынѣшняго вѣка является уже болѣе трагическій элементъ въ самыхъ заглавіяхъ, какъ на примѣръ: „Мщеніе оскорбленной женщины, или ужасный урокъ для развратителей невинности“. Москв., 1803 г.; „Жертва супружескаго тщеславія или бѣдствія, отъ чрезмѣрной любви происходящія“, М., 1809 г., и т. д.

(61) Чтобы не ходить далеко, укажемъ только на ходъ нашей комедіи. Не говоря о фонъ-Визинѣ и Капнистѣ, даже второстепенные, слабые дѣятели на этомъ поприщѣ въ прошломъ столѣтіи умѣли затрогивать живые общественные вопросы. Вспомнимъ „Опекуна“ и „Лихоимца“ Сумарокова, „Вояжера“ Ефимьева, „Несчастіе отъ кареты“ Княжнина, и т. п. А нынѣ при большихъ средствахъ и талапахъ, при большемъ кругѣ дѣйствія, что же дѣлаетъ ко-

медія? пробавляется картежниками, шулерами, вертопрахами, женящимися на богатыхъ купчихахъ, отцами, насильно отдающими дочерей замужъ, женами, обманывающими мужей, и т. д., всѣмъ, надъ чѣмъ уже давно притупили свое остроуміе комики всѣхъ народовъ. Правда, нельзя съ грустью не вспомнить и того, сколько грубыхъ порицаній и злобныхъ обвиненій въ наше время навлекъ на себя писатель, осмѣлившійся поднять даже ничтожный кончикъ занавѣсы, подъ которой скрываются пороки общества, да еще перенесшій ихъ въ дальній уѣздный городъ...

(62) Замѣчательно, что во время изданія „Собесѣдника“, несмотря на частныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, въ литературѣ нашей еще господствовали полное довѣріе и уваженіе къ французамъ и ихъ ученію. „Собесѣдникъ“ первый началъ настойчивое ихъ преслѣдованіе; вообще же противъ нихъ возстали у насъ только послѣ 1789 г. Тогда уже начали появляться насмѣшливыя и ругательныя брошюрки, въ которыхъ доставалось, разумѣется, особенно Вольтеру,—таковы, напр., „Заблужденія Вольтеровы“, 1793 г., „Изобличенный Вольтеръ“, 1782 г., „Ахъ, какъ вы глупы, гг. Французы!“ 1793 г., и пр.

(63) Равнодушіе публики тогдашней не находитъ себѣ оправданія даже въ дороговизнѣ книгъ, которыя, сравнительно, были тогда очень недороги. Такъ, напр., по объявленію въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ тѣхъ годовъ „Душенька“ продавалась по 1 р. 10 к. асс., сочиненія Ломоносова—3 р., сочиненія Сумарокова—17 р., „Рославъ“, траг. Княжнина—60 к., „Вильгельмина“, поэма—35 к., „Сказка о царевчѣ Хлорѣ“—15 к., „О царевичѣ Февеѣ“—8 к. Журналы тоже не были дороги: такъ, „Живописецъ“ Новикова стоилъ 2 р. асс., „Вечерняя Заря“ 4 р. все изданіе.

(64) Статья „Собесѣдника“ заимствована, конечно, изъ „Письмовника“, первое изданіе котораго, подъ именемъ „Универсальной Грамматики“, вышло еще въ 1769 г. Тамъ статья эта носитъ названіе: „Повѣсть о томъ, какъ нѣкоего юношу друга его увѣрили, что онъ ослѣпъ“. Помѣщена она (см. пятое изд., 1793 г.) тамъ подъ № 234, тотчасъ послѣ знаменитой въ свое время „Потѣшной повѣсти о педантѣ“, которая одна даже могла бы дать понятіе о нравахъ того общества, въ которомъ печатались и имѣли успѣхъ подобныя вещи.

(65) Мы никакъ не осмѣлились бы пропустить безъ вниманія правописаніе „Собесѣдника“, если бы только было въ немъ какое нибудь правописаніе. Къ величайшему нашему сожалѣнію, мы нашли въ немъ только непослѣдовательность и непостоянство въ образѣ написанія даже однихъ и тѣхъ же словъ. Иногда, напр., *океанъ*, *генераль*, *грамматика*, пишутся съ большой буквы, иногда съ маленькой; одинъ разъ встрѣчаете *жельзо*, *терпѣть*, а въ другой *жълезо*, *търпѣть*, и т. п. Конечно, мы могли бы послѣдовать здѣсь примѣру издателя, тщательно собравшаго въ своихъ примѣчаніяхъ орфографическія ошибки Пушкина, но боимся употреблять во зло терпѣніе читателей.

(66) Въ „Запискахъ о Екатеринѣ Великой“ статсъ-секретаря Грибовскаго (М. 1847 г.) проводятся слѣдующія слова, сказанныя ему Императрицей: „Ты не смѣйся надъ моею русскою орфографіей. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка Елизавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: полно ее учить, она и безъ того умна. Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе“. „Впрочемъ—замѣчаетъ Грибовскій—государыня говорила по-русски *довольно чисто* и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ она множество знала“ (Зап. Гриб., стр. 41).

(67) Чтобы оцѣнить эти грамматическіе труды, нужно принять въ соображеніе то, что тогда еще у насъ существовали всего только двѣ русскія грамматикѣ: Ломоносова (1755 г.) и Барсова (1771 г.), и что изслѣдованія о языкѣ пришли въ движеніе только послѣ учрежденія Россійской Академіи, хотя собственно академическая грамматика явилась уже въ 1802 г.

(68) Произведенія, имѣющія какую-нибудь подпись въ „Собесѣдникѣ“, указаны въ прим. 32 и 38. Неподписанныя же статьи, названныя здѣсь, помѣщены въ слѣдующихъ книжкахъ „Собесѣдника“: „Сокращеніе кахитизиса честнаго челоуѣка“, кн. I, ст. VI; „Письмо къ Капнисту“, ib., ст. XIV; „Объ-

щать и исполнить суть два дѣла разныя“, кн. II, ст. X; „Объ истинномъ благополучіи“, кн. III, ст. III; „Письмо изъ Карасубазара“, кн. VII, ст. II; „Путешествующіе“, кн. XI, ст. IX; „Нѣчто изъ Англинскаго Зрителя“, кн. XVI, ст. III. Кромѣ того, не подписаны многія письма къ издателямъ. Остальныя изъ неподписанныхъ статей указаны въ самомъ текстѣ.

(69) Имени В. Жукова мы нигдѣ болѣе не встрѣчали. Въ Росписи Смирдина и у Сопикова есть Матвѣй и Петръ Жуковы; но Василій нигдѣ не упоминается. Въ старинныхъ журналахъ тоже не попадалось намъ этого имени.

(70) Изъ писателей того времени мы не знаемъ ни одного, въ фамиліи котораго могли бы умѣститься эти буквы. Только у Новикова находимъ упоминаніе о Николаѣ Раздеришинѣ, который, „будучи въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, писалъ разныя стихотворенія, по большей части сатирическія, въ которыхъ весьма много соли, остроты и хорошихъ замысловъ; но они не напечатаны“. „Нынѣ — прибавляетъ Словарь (1772) — онъ оберъ-офицеромъ въ арміи“ (Слов., стр. 186). Можетъ быть, ему принадлежатъ стихотворенія, подписанныя въ „Собесѣдникѣ“ Р — Д — Н; но, во всякомъ случаѣ, не имѣя возможности сличить ихъ съ произведеніями Раздеришина, не можемъ сдѣлать никакого положительнаго заключенія.

(71) Изъ извѣстныхъ намъ писателей того времени подпись Др. можетъ принадлежать тремъ: С. Друковцову, кромѣ хозяйственныхъ своихъ изданій напечатавшему: „Бабушкины сказки“, въ 1778 г., и „Сова, ночная птица“, 1779 г.; Дружерукову, извѣстному „Разговоромъ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ“, 1787 г., и Я. А. Дружинину, переводившему шестую часть Анахарсисова путешествія и изъ Виланда—„Пифагоровыхъ учениковъ“, 1794 г. Всѣ эти лица, конечно, могли писать стихи въ 1783 г., но дѣйствительно ли писали, этого сказать не можемъ.

(72) По указанію митрополита Евгенія, А. С. Хвостовъ написалъ шутливую „Оду къ безсмертію“. Вѣроятно, эта самая ода и помѣщена въ „Собесѣдникѣ“; по крайней мѣрѣ, другой мы не знаемъ. Изъ другихъ литературныхъ трудовъ А. С. Хвостова извѣстны: переводъ комедій Теренція (1777), перев. статьи о Португаліи, изъ Бюшинговой Всеобщей географіи (1774), и собственная комедія „Любовные оборотни“ (1770). Но всего болѣе, по свидѣтельству князя Вяземскаго (Фонъ-Визинъ, въ прилож.), митрополита Евгенія (Словарь св. пис., Хвостовъ), Аксакова (Семейн. хрон., Шишковъ), А. С. Хвостовъ извѣстенъ былъ своимъ остроуміемъ.

(73) Кромѣ этихъ твореній Пав. Икосовъ написалъ еще достойныя его имени творенія: „Письмо похвальное пуншу“, 1789 г., и диѳирамбъ „Изображеніе ужасныхъ дѣяній французской необузданности, или плачевная кончина царственнаго мученика Людовика XVI“, 1793 г.

(74) Неподписанныхъ и принадлежащихъ неизвѣстнымъ авторамъ стихотвореній въ „Собесѣдникѣ“ было довольно много. Вотъ ихъ перечень: 1) идиллія „Вечеръ 1780 г., ноября 8“ (кн. I, ст. V); 2) двѣ эпиграммы (ib., ст. XXV); 3) „Гоноръ и Сальмира“ (кн. II, ст. V); 4) „Посланіе къ г. Чудихину“ (ib., ст. IX); 5) „Стихи, присланные отъ неизвѣстнаго“ (ib., ст. XII); 6) „Городская жизнь, подраж. нѣмецкому“ (ib., X, ст. IV); 7) эпиграммы, 3 (кн. III, ст. V); 8) „Ода на злато“ (ib., ст. XI); 9) „Новыя чудеса“ (кн. IV, ст. I); 10) „Тирсисъ и роза“ (ib., ст. IV); 11) „Отвѣтъ на вопросъ: что есть пить“ (ib., ст. VII); 12) „Дружеская пѣсня“ (ib., ст. VIII); 13) эпиграммы,—4 (одна Дмитріева) (ib., ст. IX); 14) басня „Неравенъ путь къ возвышенію“ (кн. VI, ст. X); 15) „Сонъ“ (ib., ст. XIV); 16) басня „Зазнавшаяся мартышка“ (кн. VII, ст. IV); 17) „Хоръ на аллегорич. изображеніе Россіи садомъ“ (ib., ст. XVI); 18) „Стихи къ самому себѣ“ (ib., ст. XVII); 19) „На отъѣздъ любовницы“ (ib., ст. XVIII); 20) басня „Заслуги свои часто измѣряемъ несправедливо“ (кн. VII, ст. VII); 21) „Слава“ (кн. IX, ст. I); 22) эпиграммы,—3 (кн. IX, ст. III); 23) „На сочиненія Финтакова“ эпигр. (ib., ст. VII); 24) „Ея Величеству Екатеринѣ II“ (кн. X, ст. I); 25) мадригалъ (ib., ст. III); 26) „Стихи, присланные изъ Владиміра“ (ib., ст. XVI); 27) Эпитафія, присланная изъ Владиміра (Р. И. Воронцову, отцу княгини Дашковой, ib., ст. XVII); 28) „Притча“ (кн. XI, ст. XII); 29) „Превращеніе форели“ (ib., ст. VIII); 30) „Счастье“ (ib., ст. XII); 31) „Бесѣда первая“ (ib., ст. XIII) и 32) вторая (кн. XIII, ст. III); 33) идиллія „Фебъ Палемонъ и Дафнисъ“ (кн. XI, ст. XV);

34) „Эпиграмма на Глушкова“ (ib., ст. XVIII); 35) „Къ патру моему“ (кн. XII, ст. III); 36) „Стихи на разлуку“ (ib., ст. IV); 37) эпиграмма (ib., ст. VI); 38) „Надгробная женѣ отъ ея мужа“ (ib., ст. VIII); 39) эпиграмма (ib., ст. IX); 40) „Старое и новое время“ (кн. XIII, ст. V); 41) „Эпитафія мудрецу“ (кн. XV, ст. III); 42) мадригаль (ib., ст. VII); 43) „Весна“ (кн. XVI, ст. II); 44) „Подражаніе французскимъ стихамъ на заданныя рѣмы“ (ib., ст. VI); 45) „Сновидѣніе“, сказка (ib., ст. IX); 46) эпиграмма (ib., ст. XI).

Въ 10-мъ номерѣ «Отеч. Зап.» нынѣшняго года, г. Галаховъ напечаталъ 43 страницы, которыхъ цѣль—«доказать односторонность или невѣрность выводовъ», заключающихся въ нѣсколькихъ строкахъ статьи г. Лайбова ¹⁾ въ «Современникѣ» и относящихся къ «Былямъ и Небылицамъ» Императрицы Екатерины. Такая честь должна, конечно, быть очень лестною для г. Лайбова: вѣдь онъ лицо совершенно неизвѣстное въ литературѣ, а г. Галаховъ успѣлъ уже пріобрѣсти громкую извѣстность—какъ между учащимися своею хрестоматіею и разными статейками, такъ и между учеными—наивнымъ признаніемъ, что въ составленіи своей хрестоматіи (и, вѣроятно, своихъ статейекъ) онъ руководствовался «Чтеніями о словесности», г. Ивана Давыдова (Зри «Отеч. Зап.» 1843 г., № 7). (Что, впрочемъ, и весьма замѣтно, какъ въ хрестоматіи, такъ и въ статькахъ). Когда такой ветеранъ литературы возвышаетъ голосъ, то люди неизвѣстные должны кланяться и благодарить, и, конечно, г. Лайбовъ не будетъ препираться съ тѣмъ, кто въ своихъ понятіяхъ сходится съ понятіями автора «Чтеній о словесности». Но, смотря на дѣло со стороны, нельзя не пожалѣть о г. Галаховѣ, который рѣшительно погубилъ свой трудъ даромъ, отчасти сражаясь съ вѣтрянными мельницами, отчасти стараясь свить веревку изъ песку. Надѣюсь, что редакція «Современника» не откажется помѣстить нѣсколько моихъ замѣтокъ объ этомъ дѣлѣ, замѣтокъ человека, совершенно равнодушнаго къ личностямъ обоихъ авторовъ, между которыми зашелъ теперь споръ о «Быляхъ и Небылицахъ».

Г. Галаховъ прежде всего выдралъ изъ статьи г. Лайбова по нѣсколько строкъ, съ шести страницъ, оставивши въ сторонѣ связь мыслей и все, чѣмъ онѣ доказываются. Затѣмъ, рѣшаясь опровергать выводы г. Лайбова, г. Галаховъ сначала толкуетъ весьма пространно о томъ, что Императрица Екатерина всегда была вѣрна своимъ основнымъ принципамъ (противъ чего никто и не говорилъ ни слова); потомъ исчисляетъ пороки, которые Императрица осмѣивала въ своихъ комедіяхъ: неплатежъ долговъ, мотовство, щегольство, легкость семейныхъ отношеній. Затѣмъ слѣ-

¹⁾ Статья о „Собес. Люб. Р. Сл.“ была подписана псевдонимомъ Н. Лайбовъ.
Прим. изд.

дуетъ 10 страницъ о стараніяхъ Императрицы положить предѣлъ иностранному воспитанію въ Россіи, потомъ еще столько же о суевѣрїи и тайныхъ обществахъ. Послѣ того говорится еще о вопросахъ фонъ-Визина, о самой формѣ «Былей и Небылицъ», о ихъ языкѣ, и изъ всего разсужденія выводится, что «Были и Небылицы»—истинная характеристика тогдашняго общества, и что на нихъ можно смотрѣть, какъ на сводъ всего, что писала Екатерина II *до и послѣ* 1783 года.

Доказываетъ г. Галаховъ свою мысль весьма оригинальнымъ способомъ: онъ дѣлаетъ десятки выписокъ изъ комедій Императрицы, изъ «Наказа», изъ сатиръ Кантемира и Сумарокова, изъ переписки Дидро съ Гриммомъ, Екатерины съ Циммерманомъ и Вольтеромъ, Вольтера съ Даламберомъ, и пр., все для того, чтобы доказать, что у насъ былъ извѣстный порокъ, напр., суевѣріе, и затѣмъ побѣдоносно представляетъ *одну* замѣтку «Былей и Небылицъ», чтобы доказать, что и онѣ объ этомъ говорили. Приведя около десятка подобныхъ заключительныхъ выписокъ во всей статьѣ, г. Галаховъ думаетъ, что дѣло его кончено, и что противникъ его уничтоженъ окончательно. Но тому, кто внимательно прочиталъ статьи г. Лайбова и г. Галахова, ясно видно, что г. критикъ говоритъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, и сражается съ вѣтряными мельницами. Приѣмъ, имъ употребленный, похожъ на то, какъ если бы мы, стараясь доказать, что, наприм., Гоголь былъ стихотворецъ, а не прозаикъ, начали бы толковать о Гомерѣ, Данте, о Ломоносовѣ, Державинѣ, Пушкинѣ и пр. и, сказавъ, что всѣ они писали стихи, въ заключеніе рѣшили бы, что Гоголь, написавшій «Ганца Кюхельгартена» и «Италію»,—тоже стихотворецъ. Это очень логично, но къ дѣлу нисколько не относится.

Но, оставивъ въ сторонѣ странный способъ г. Галахова—разсуждать объ одномъ предметѣ, говоря совершенно о другомъ—мы видимъ много невѣрнаго, неопредѣленнаго и ложно понятаго въ самыхъ его положеніяхъ. Онъ вооружается особенно противъ тѣхъ словъ г. Лайбова, что самъ авторъ смотрѣлъ на «Были и Небылицы» какъ на плоды досуга и *говорилъ въ нихъ обо всемъ, что ему приходило въ голову*. Эти слова онъ называетъ безъ всякой церемонїи—*безсмысленными* («От. Зап». 1856 г., № 10. Крит., стр. 45), на томъ основаніи, что Императрица отличалась вѣрностью своимъ принципамъ и пристрастіемъ къ своимъ идеямъ, безъ котораго не бываетъ ни великихъ дѣятелей, ни великихъ дѣлъ. Вполнѣ уважаемъ въ г. Галаховѣ этотъ благородный порывъ благоговѣнія къ великой монархинѣ и вполнѣ согласны съ его мнѣніемъ о томъ, что Екатерина II всегда вѣрна была своимъ идеямъ. Но мы думаемъ, что ея величіе и слава нимало не нуждаются въ томъ, чтобы бѣглыя замѣтки ея считались по своей важности и серьезности равными «Наказу». Слава ея

не помрачается, а возвышается еще болѣе, когда мы смотримъ на ея дѣло съ точки зрѣнія истины и справедливости, къ которымъ такую любовь выказывала она сама. Если бы ея произведенія были дурны, и тогда она бы потребовала, чтобы ей сказали о нихъ правду; тѣмъ менѣе могла бы она потерпѣть преувеличенные отзывы о значеніи того, чему она сама не придавала никакого значенія. Людовикъ XIV писалъ слабые стихи,—и развѣ помрачается этимъ его величіе? Петръ Великій занимался точеньемъ; но развѣ вещи, выточенные имъ, должны непременно отражать въ себѣ великія идеи преобразователя Россіи и занимать важное мѣсто въ исторіи токарнаго искусства? А «Были и Небылицы» были точно такъ же *отдыхомъ* для Екатерины, какъ для Петра—точенье. Съ этимъ согласенъ и самъ г. Галаховъ (стр. 81). А можно-ли требовать отъ человѣка, чтобы онъ, въ часы отдыха, занимался важнымъ дѣломъ, по строго опредѣленному плану и системѣ? Не естественно-ли, что плодъ этого досуга будетъ не болѣе, какъ забавная игрушка, и—если это литературное произведеніе—что въ немъ дѣло будетъ перемѣшано съ бездѣльемъ? Да и какъ не замѣтить этого съ перваго раза, при чтеніи «Былей и Небылицъ»? Это видно въ тѣхъ выпискахъ, которыя представлены въ статьѣ г. Лайбова... Конечно, Императрица не противорѣчила здѣсь самой себѣ, не шла противъ своихъ убѣжденій; но вѣдь объ этомъ никто и не говорилъ.

Г. Лайбовъ упрекается также за то, будто онъ вѣритъ разсказу автора «Былей и Небылицъ» объ употребленіи ихъ на обертку и на папильотки, и изъ этого, будто бы, выводитъ, что авторъ ихъ самъ не придавалъ имъ значенія (стр. 79). Но здѣсь г. Галаховъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, возражаетъ на собственныя мысли, а не на слова своего противника, которыя онъ не хотѣлъ даже привести въ своей выпискѣ (стр. 43) такъ, какъ слѣдуетъ для полноты смысла. Послѣ разсказа о папильоткахъ, у него тотчасъ выписаны слова: «и это не иронія», и пр., а въ подлинникѣ сказано, что когда кто-то въ письмѣ просилъ автора «Былей» изобразить человѣческое тщеславіе, тогда онъ отвѣчалъ, что перемытаривать свѣтъ онъ не намѣренъ, и пр. (см. «Совр.» № 8, стр. 66). Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, видно, что авторъ «Былей» не хотѣлъ даже и браться за серьезное изображеніе порока въ своихъ легкихъ, бѣглыхъ замѣткахъ, въ которыхъ именно (повторимъ слова статьи «Современника») все писано какъ бы импровизаціей, безъ особеннаго плана и заботы о томъ, чтобы составить стройное цѣлое.

Точно также опрометчиво поступилъ г. Галаховъ и въ слѣдующей выпискѣ, взятой имъ совершенно отдѣльно отъ предыдущихъ мыслей. Г. Лайбовъ разбираетъ тѣ попытки на представленіе характеровъ, которыя видимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Былей», и находитъ, что осмѣиваются—

самолюбивый, перѣшительный, лгунъ и пр. («Современникъ», стр. 67). Здѣсь онъ и замѣчаетъ, что большая часть этихъ описаній характеровъ, съ ихъ намеками и остротами, очень общи, а гораздо болѣе характернаго— въ мимолетныхъ, случайныхъ замѣткахъ. Все это очень естественно и, какъ нельзя лучше, соглашается съ общимъ положеніемъ автора, что «Были и Небылицы» не имѣли значенія серьезной сатиры, а были просто бѣглыми замѣтками обо всемъ, что автору ихъ приходило въ голову, и между прочимъ, иногда, конечно, и о вещахъ болѣе или менѣе серьезныхъ. Но у г. Галахова приведена только вторая половина мнѣнія, такъ что, прочитавъ выписку, думаешь, что Г. Лайбовъ рѣзко противорѣчитъ себѣ. Замѣтимъ еще, что противъ степени характерности бѣглыхъ замѣтокъ въ «Быляхъ» г. Галаховъ не говоритъ ни слова, а между тѣмъ гордо обѣщавъ опровергнуть выводы, представленные имъ изъ статьи г. Лайбова, «начиная съ перваго и оканчивая послѣднимъ». Возстаетъ г. Галаховъ особенно еще противъ той мысли, что «Были и Небылицы» не были характеристикой общества. Онъ говоритъ: онѣ заключаются въ указаніи и осмѣяніи общественныхъ недостатковъ, тогда господствовавшихъ, тѣхъ самыхъ, съ которыми имѣли дѣло и другія сочиненія Императрицы, явившіяся и прежде и послѣ «Былей и Небылицъ», и ея правительственные уставы и учрежденія, и произведенія современныхъ писателей. *Отсюда вытекаетъ прямое заключеніе, — вопреки заключенію г. Лайбова, —* что «Были и Небылицы» — живая и мѣткая сатира. Но въ то же самое, только съ большимъ ограниченіемъ, утверждаетъ и г. Лайбовъ, говоря, что въ «Быляхъ и Небылицахъ» есть сатира и, *върооятно, мѣткая* и живая; но изъ темныхъ явленій русской жизни «Были» представляютъ очень немногія и то не важнѣйшія. Онѣ болѣе обращаются къ внѣшней сторонѣ жизни, онѣ не заботятся о томъ, чтобы обнять все дурное, что представляется въ обществѣ, потому что онѣ именно написаны подъ вліяніемъ минутнаго расположенія духа, въ веселый часъ, во время отдыха, а не съ серьезной цѣлью. Авторъ отказался описать *мздоимца* и *ябедника*, онъ не хотѣлъ затрогивать *человѣческаго тщеславія*; равнымъ образомъ, ни г. Лайбовъ, ни г. Галаховъ не представили намъ, что «Были и Небылицы» изображали ханжество, ласкательство, подслуживанье и выслуживанье предъ высшими, грубость и жестокость съ низшими, отсутствіе собственныхъ убѣжденій, животное равнодушіе къ высшимъ вопросамъ, и т. п. А вѣдь нельзя не согласиться, что, при умолчаніи объ этихъ недостаткахъ, вышла бы плохая *характеристика* общества, и еслибъ Императрица хотѣла писать *характеристику*, она бы, конечно, обратила на нихъ болѣе вниманія, нежели на все остальное. Недостатки эти существовали и были сильны тогда въ русскомъ обществѣ. Доказательство представляетъ тотъ-же «Собесѣдникъ»

въ которомъ помѣщены «Были и Небылицы». Изъ совокупности замѣтокъ этого журнала, дѣйствительно, можно составить довольно полную характеристику общества, что и сдѣлалъ г. Лайбовъ въ статьѣ своей. Сказать же, что характеристика общества заключается въ «Быляхъ и Небылицахъ», почти то же, что сказать, будто, напр., «Хвастунъ» Княжнина или «Говорунъ» Хмѣльницкаго представляютъ полную характеристику общественныхъ недостатковъ.

Но какія же новыя черты отыскалъ г. Галаховъ въ «Быляхъ», — черты, которыя были бы упущены изъ виду г. Лайбовымъ, и могли измѣнить взглядъ на это сочиненіе? Никакихъ. Онъ только распространилъ ненужными выписками изъ комедій Императрицы и пр., то самое, о чемъ упомянулъ и г. Лайбовъ. Стоитъ сравнить все содержаніе статьи г. Галахова съ 67—8 страницами статьи г. Лайбова въ № VIII «Современника»¹⁾, и каждый увидитъ что г. Галаховъ ничего сколько-нибудь важнаго не прибавилъ къ тому, что мы узнали о «Быляхъ и Небылицахъ» отъ г. Лайбова, у котораго сказано было: «въ первой же статьѣ «Былей» осмѣиваются: самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ, мотъ, щеголиха, вздорная баба, мелочной человѣкъ... Во второй находятся насмѣшки надъ пренебреженіемъ къ литературѣ... Далѣе насмѣшки надъ человѣкомъ, который некстати высказываетъ свое недовольство, надъ женой, нелюбящей мужа, надъ дѣвушкой, которая бѣлится, и пр... авторъ вооружается противъ пристрастія къ иноземному, особенно французскому, противъ того, когда человѣкъ тянется, чтобы выйти изъ своего состоянія, противъ непостоянства, часто мѣняющаго заведенный порядокъ, противъ умничанья, которое онъ называетъ скучнымъ...» Г. Галаховъ счелъ нужнымъ распространить все это выписками; но такъ какъ «Были» давали ему матеріала очень мало, то онъ началъ выписывать изъ комедій, изъ Полнаго Собранія Законовъ, изъ «Словаря достопамятныхъ людей», изъ «Исторіи Московскаго Университета», и пр., и пр., воображая, что онъ представляетъ *характеристику* «Былей» и Небылицъ». Да вѣдь дѣлать эти выписки — дѣло совсѣмъ нетрудное. Г. Лайбовъ, конечно, сумѣлъ бы надѣлать ихъ не менѣе г. Галахова, тѣмъ болѣе, что смирдинское изданіе русскихъ авторовъ и «Наказъ» Екатерины II (главные матеріалы г. Галахова) у всякаго подъ рукой. Такимъ образомъ, легко было бы, вмѣсто шести страницъ, написать о «Быляхъ» сорокъ три и, слѣдовательно, о всемъ «Собесѣдникѣ», вмѣсто ста, семьсотъ страницъ. Но г. Лайбовъ не въ правѣ былъ сдѣлать этого, говоря объ одномъ изъ сочиненій Екатерины II, а не съ общимъ характерѣ литературы. Если бы онъ писалъ статью о «пра

¹⁾ Стр. 35—36 настоящаго изданія.

вахъ русскаго общества въ вѣкъ Екатерины», тогда конечно, онъ могъ выписывать все, что можно найти о нихъ въ современной литературѣ. Въ настоящемъ же случаѣ онъ, по нашему мнѣнію, хорошо сдѣлалъ, что помнилъ, *о чемъ* онъ пишетъ.

Г. Галаховъ самъ замѣтилъ неумѣстность своихъ разсужденій и оправдываетъ ихъ тѣмъ, что «историко-литературное разсужденіе должно выяснитъ вопросъ вполне, поставить его въ соотношеніе и съ мѣрами правительственными и съ произведеніями словесности». Онъ говоритъ, что «нельзя оградить себя одними «Былями», что нужно начать издалека»... И все это для чего же? Для того, чтобы доказать, что у насъ, въ самомъ дѣлѣ, было въ прошломъ столѣтіи пристрастіе къ французскому воспитанію, что, дѣйствительно, были суевѣрія, были масонскія общества, что точно были люди, не платившіе долговъ, мотавшіе, дурно исполнявшіе семейныя обязанности! Да, помилуйте, кто же въ этомъ сомнѣвается? Это уже дѣло рѣшенное. Ваша задача должна состоять только въ томъ, чтобы показать, *что* и *какъ* отразилось въ «Быляхъ и Небылицахъ». И вы, несмотря на щедрыя выписки, успѣли представить изъ «Былей и Небылицъ» не болѣе характерныхъ чертъ, нежели г. Лайбовъ.

Г. Галаховъ не понимаетъ, откуда вывелъ г. Лайбовъ, что въ веселомъ тонѣ «Былей» выразился блестящій вѣкъ Екатерины, вѣкъ веселій, вѣкъ празднествъ и пр. («Отечественныя Записки», стр. 82). Самое это мнѣніе о вѣкѣ Екатерины онъ считаетъ ложнымъ (стр. 44). Почему господинъ Галаховъ отвергаетъ качество, всѣми признанное за этимъ блестящимъ вѣкомъ и оставившее столь яркіе слѣды и въ тогдашней литературѣ, и въ воспоминаніяхъ современниковъ, — этого онъ не считаетъ нужнымъ объяснять. Онъ, очевидно, не хочетъ обратить вниманія на то обстоятельство, что во время Екатерины II, по крайней мѣрѣ, столько же было писано одъ на празднества, сколько и на побѣды, что веселое направленіе выражалось во всемъ. А стоило бы, кажется, хоть припомнить конецъ оды Державина на смерть Мещерскаго, и тогда слова г. Лайбова о вѣкѣ Екатерины представились бы не болѣе, какъ перифразомъ ея заключительной строфы.

Но всего интереснѣе разсужденіе г. Галахова о тогдашнемъ воспитаніи. Нѣсколько страницъ объ этомъ порождены тремя строками одного изъ примѣчаній г. Лайбова («Современникъ», № 9, стр. 64), гдѣ сказано: «Замѣчательно, что во время изданія «Собесѣдника», несмотря на частныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, въ литературѣ нашей еще господствовали полное довѣріе и уваженіе къ французамъ и ихъ *ученію*¹⁾. Хотя пе-

¹⁾ Стр. 94 настоящаго изданія.

редь этимъ ничего не говорились о воспитаніи, но г. Галаховъ вообразилъ, что ученіе именно употреблено здѣсь въ смыслѣ школьныхъ уроковъ, и написалъ грозную страницу, въ которой упоминаетъ и о фонъ-Визинѣ, и о сатирическихъ журналахъ 1769—74 г.г. (которые оговорены были и г. Лайбовымъ), и даже о комедіяхъ Сумарокова. Съ маленькой натяжкой онъ могъ бы прибавить сюда и сатиры Кантемира и даже «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго. Г. Лайбовъ говоритъ о философскихъ ученіяхъ, а г. Галаховъ воображаетъ, что дѣло идетъ о дѣтскихъ учителяхъ.

Въ доказательство того, что воспитаніе наше стремилось къ народности съ самаго восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, онъ приводитъ много мѣстъ изъ «Полнаго Собранія Законовъ» и изъ «Наказа» и говоритъ, что Бецкій работалъ въ этомъ духѣ по идеямъ Императрицы. Но странно, какъ г. Галаховъ, умѣя приводить букву, не можетъ вникнуть въ истинный смыслъ и духъ того, изъ чего онъ приводитъ. Какъ будто официальная бумага—такое литературное произведеніе, которое прямо вамъ и объясняетъ внутренній характеръ всего дѣла. Совсѣмъ нѣтъ: здѣсь нужно добраться до сущности нѣкоторыми соображеніями. И, раскрывъ «Собраніе учрежденій и предписаній о воспитаніи въ Россіи» (Спб., 1789 г.), совсѣмъ не трудно сообразить дѣло, видя, что тутъ безпрестанно толкуется о грекахъ, персахъ и римлянахъ, приводятся выписки изъ *Локка*, *Сантеса*, *Гюма*, *Монтаня*, припоминаются мнѣнія *Ришелье*, помѣщаются *вегетіевы* наставленія; указывается на книгу о законахъ и домостроительствѣ *Датскаго* королевства; для пополненія и разьясненія изложенныхъ здѣсь правилъ, говорится, что воспитательный домъ учреждается по примѣру Голландіи, Франціи и Италіи, выказывается безусловное восхищеніе кассельскимъ и ліонскимъ госпиталями для бѣдныхъ и пр., и пр. Г. Галаховъ въ защиту своей мысли приводитъ также слова изъ официальной рѣчи Сумарокова на открытіе Академіи Художествъ (стр. 60) и замѣчаетъ, что Сумароковъ какъ бы повторяетъ здѣсь мысли Бецкаго. Но вотъ что тотъ же Сумароковъ говорилъ о Бецкомъ въ частной бесѣдѣ: «есть де нѣкто г. Таубертъ; онъ смѣется Бецкому, что онъ робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій, смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, и Бецкій, и Таубертъ—оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ россійскомъ» («Семена Порошина Записки», стр. 436). Вотъ какая можетъ быть разница между самымъ дѣломъ и официальнымъ представленіемъ его: не худо г. Галахову замѣтить эту разницу.

II.

РУССКАЯ САТИРА ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

(Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Соч. А. Афанасьева. Москва. 1859 г.).

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

К Р Ы Л О В Ъ.

Искусство говорить слова для словъ всегда возбуждало великое восхищеніе въ людяхъ, которымъ нечего дѣлать. Но такое восхищеніе не всегда можетъ быть оправдано. Конечно, и звукъ, какъ все на свѣтѣ, имѣетъ право на самостоятельное существованіе и, доходя до высокой степени прелести и силы, можетъ восхищать самъ собою, независимо отъ того, что имъ выражается. Такъ, насъ можетъ плѣнять соловьиное пѣніе, смысла котораго мы не понимаемъ, итальянская опера, которую обыкновенно понимаемъ еще меньше, и т. п. Но, въ большинствѣ случаевъ, звукъ занимаетъ насъ только какъ знакъ, какъ выраженіе идеи. Восхищаться въ оффиціальномъ отчетѣ — его слогомъ или въ профессорской лекціи — ея звучностью означаетъ крайнюю односторонность и ограниченность, близкую къ идиотству. Вотъ почему, какъ только литература перестаетъ быть праздною забавою, вопросы о красотахъ слога, о трудныхъ римахъ, о звукоподражательныхъ фразахъ и т. п. становятся на второй планъ: общее вниманіе привлекается содержаніемъ того, что пишется, а не внѣшнею формою. Такимъ образомъ, красивенькія описанія, звучные диэпиграмы и всякаго рода общія мѣста исчезаютъ предъ произведеніями, въ которыхъ развивается общественное содержаніе. Является потребность въ изобра-

женіи нравовъ; а такъ какъ нравы, отъ начала человѣческихъ обществъ до нашихъ временъ, были всегда очень плохи, то изображеніе ихъ всегда переходитъ въ сатиру. Такимъ образомъ, сатира, говоря слогомъ московскихъ публицистовъ, «служитъ доказательствомъ зрѣлости общественной среды и залогомъ грядущаго совершенствованія государства». Немудрено поэтому, что и у насъ сатира привлекаетъ къ себѣ особенную благосклонность образованной публики и приводитъ въ восторгъ лучшихъ нашихъ историковъ литературы, т. е. тѣхъ, которые уже переступили степень развитія, позволяющую инымъ восхищаться слогомъ оффиціальныхъ отчетовъ.

Относительно значенія и достоинства сатиры вообще, мы совершенно соглашаемся съ почтенными историками литературы нашей. Но мы позволимъ себѣ указать на одну особенность нашей родной сатиры, до сихъ поръ почти не удостоенную вниманія ученыхъ изслѣдователей. Особенность эта состоитъ въ томъ, что литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сихъ поръ стоитъ на сатирѣ—и, между тѣмъ, все-таки не сдѣлалась еще существеннымъ элементомъ народной жизни, не составляетъ серьезной необходимости для общества, а продолжаетъ быть для публики чѣмъ-то постороннимъ, роскошью, забавою, а никакъ не дѣломъ. Это значитъ, что и сатира у насъ вовсе не есть «слѣдствіе зрѣлости общественной среды», а объясняется совершенно другими причинами. Причины эти нетрудно понять: сатира явилась у насъ, какъ привозный плодъ, а вовсе не какъ продуктъ, выработанный самой народной жизнью. Кантемиръ, обличая приверженцевъ старины и вздорныхъ поклонниковъ новизны, сказалъ не думу русскаго народа, а идеи иностраннаго князя, пораженнаго тѣмъ, что русскіе не такъ принимаютъ европейское образованіе, какъ бы слѣдовало по плану преобразователя Россіи. Ставши подъ покровомъ оффиціальныхъ распоряженій, онъ смѣло каралъ то, что и такъ отодвигалось на задній планъ разнообразными реформами, уже приказанными и произведенными; но онъ не касался того, что было дѣйствительно дурно—не для успѣха государственной реформы, а для удобствъ жизни самого народа. Въ то время, какъ вводилась рекрутская повинность, Кантемиръ изощрялся надъ неслужащими; когда учреждалась табель о рангахъ, онъ поражалъ боярскую спѣсь и мѣстничество; когда народъ отъ притѣсненій и непонятныхъ ему новостей всякаго рода бѣжалъ въ расколъ, онъ смѣялся надъ мертвою обрядностью раскольниковъ; когда народъ нуждался въ грамотѣ, а у насъ учреждалась академія наукъ, онъ обличалъ тѣхъ, которые говорили, что можно жить, не зная ни латыни, ни Эвклида, ни алгебры... Съ Кантемира такъ это и пошло на цѣлое столѣтіе: никогда почти не добивались сатирики до главнаго, существеннаго зла, не раздражались грознымъ обличеніемъ противъ того, отъ чего происходятъ и развиваются общіе

народные недостатки и бѣдствія. Характеръ обличеній былъ частный, мелкій, поверхностный. И вышло то, что сатира наша, хотя, повидимому, и говорила о дѣлѣ, но въ сущности постоянно оставалась пустымъ звукомъ...

Любопытно прослѣдить, какъ это случилось, и мы не отказываемся, по мѣрѣ возможности, когда-нибудь серьезно заняться этимъ вопросомъ. Но теперь выскажемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній, нужныхъ для настоящаго предмета нашей статьи.

Когда человекъ говоритъ о дѣлѣ, то прямая цѣль его словъ та, чтобы дѣло было сдѣлано; когда сатирикъ возстаетъ противъ недостатковъ, то у него непременно есть стремленіе исправить недостатки. Но, чтобы подобная цѣль могла достигаться, нужно говорить дѣльно и договаривать до конца, иначе никакого толку не выйдетъ. Если меня, на примѣръ, порицаютъ за то, что я живу въ дурной квартирѣ и ѣмъ плохую пищу, между тѣмъ, какъ у меня нѣтъ денегъ для лучшей квартиры и пищи, то, очевидно, что всѣ порицанія не принесутъ мнѣ ровно никакой пользы. Человекъ, истинно желающій, чтобы я исправился отъ дурной привычки скудно ѣсть и жить въ бѣдности, непременно обратитъ свои обличенія не на квартиру и столъ мой, а—или на то, зачѣмъ я самъ ничего не дѣлаю для своего обезпеченія, или на то, зачѣмъ другіе не вознаграждаютъ моего труда, какъ слѣдуетъ. То же самое и въ нравственной жизни общества. Большая часть общественныхъ явленій не можетъ быть измѣнена просто волею частныхъ лицъ: нужно измѣнить обстановку, дать другія начала для общей дѣятельности, и тогда уже обличать тѣхъ, которые не сумѣютъ воспользоваться выгодами новаго устройства. Наши сатирики отчасти не хотѣли понять этого, а отчасти и понимали, да не могли выразить. Они нападали на необразованность, взяточничество и ханжество, отсутствіе законности, слѣсъ и жестокость въ обращеніи съ низшими, подлость предъ высшими и пр. Но весьма рѣдко въ этихъ обличеніяхъ проглядывала мысль, что всѣ эти частныя явленія суть ни что иное, какъ неизбежныя слѣдствія ненормальности всего общественнаго устройства. Большею частію нападали на взяточника такъ, какъ будто бы все зло взяточничества зависѣло единственно отъ личной склонности такихъ-то къ обдиранію просителей. Никогда въ сатирахъ нашихъ вопросъ о взяткахъ не переходилъ въ разсмотрѣніе общаго вреда бюрократіи и тѣхъ обстоятельствъ, которыми сама бюрократія порождена и развита. То же было и во всѣхъ другихъ вопросахъ. Большая часть сатириковъ нашихъ уподоблялась человеку, обличающему бѣдняка за то, что тотъ не живетъ въ роскоши, и добросовѣстно убѣжденному, что отъ этихъ обличеній жизнь бѣдняка пойдетъ лучше. Нѣкоторые же изъ обличителей задавались такой мыслью: «мы, дескать, будемъ обличать и ославлять бѣдняка за его скудость;

когда это дойдетъ до хозяина, отъ котораго онъ получаетъ жалованье, такъ хозяинъ-то усовѣстится, да и сдѣлаетъ ему прибавку». Разсужденіе, это, замѣчательное по своей наивности, очевидно, руководило весьма многими изъ нашихъ сатириковъ, отъ Сумаркова до нашихъ дней и, вслѣдствіе того, обличенія бѣдняка въ скудости обыкновенно заканчивались увѣщаніемъ исправиться, оставаясь на службѣ у того же хозяина... Въ одной изъ нашихъ прежнихъ статей мы уже говорили о подобныхъ сатирикахъ, называя ихъ Маниловыми, и здѣсь не можемъ не повторить, что именно этотъ маниловскій характеръ и лишалъ постоянно нашу сатиру реального значенія. Жевали, жевали, мяли, мяли у насъ въ литературѣ разные общественные вопросы, и подъ конецъ дошли—до чего же?—до эстетическаго открытія, что и сатира можетъ быть такимъ же словомъ для слова, какъ и звучное стихотвореніе Фета или Хомякова... Оказалось, что не однѣ розы и грезы, не одну географію славянскихъ рѣкъ, но и общественныя язвы можно воспѣвать только для процесса воспѣванія. Сатира явились только другимъ видомъ или, если хотите, другою степенью старинныхъ эклогъ, рондо и мадригаловъ... Здѣсь былъ, конечно, уже не звукъ для звука, но и не звукъ для дѣла; это было—обличеніе для обличенія, споръ для спора, остроуміе для остроумія. До настоящаго дѣла было отсюда чрезвычайно далеко, не только въ выраженіи, но и въ мысли сатириковъ. Они твердили: не нужно прислуживаться къ начальству, не нужно брать взятки, не нужно эксплуатировать другихъ, и пр. Но какъ же быть, когда безъ прислуживанья и безъ взятки большинство чиновниковъ не можетъ выбиться изъ ничтожества, не можетъ содержать семьи, прилично одѣться, и т. д. Какъ быть, ежели, при современныхъ общественныхъ отношеніяхъ, всякій, кто не эксплуатируетъ другого, долженъ почти умирать съ голода? При этихъ вопросахъ, не только обличаемые, но и сами обличители становились въ тупикъ и начинали бить воздухъ отвлеченностями о томъ, что во всякомъ случаѣ, надо, однако, быть честнымъ. Но такъ какъ этотъ аргументъ былъ уже слишкомъ слабъ даже предъ судомъ ихъ собственной совѣсти, въ родѣ докторскаго увѣренія больному, что слѣдуетъ беречь здоровье, то они обыкновенно пускались въ очарованія и надежды. «Конечно, разсуждали они, худосочіе и ревматизмъ нельзя уничтожить медикаментами; надо перемѣнить образъ жизни и всю внѣшнюю обстановку. Но въ настоящее время, когда все идетъ впередъ, не нужно особенныхъ усилій для того, чтобы сдѣлать такую радикальную перемѣну: она совершается сама собою. По сложности ученыхъ наблюденій, за послѣднія 50 лѣтъ, оказывается, что климатъ вообще смягчается въ сѣверныхъ странахъ, море осѣдаетъ, гастрономія дѣлаетъ новые успѣхи, многія изнурительныя для здоровья работы исполняются

новоизобрѣтенными машинами», и пр., и пр... Нѣтъ сомнѣнiя, что все это должно быть весьма утѣшительно для больного бѣдняка, потому что подаетъ ему надежду, что медленный, но вѣрный прогрессъ скоро коснется и его положенiя и уничтожитъ причины его болѣзни... Такiя и подобныя разсужденiя всегда составляли одну изъ необходимыхъ частей нашей сатиры; причины ихъ заключались въ неумѣнiи или нерѣшимости указать дѣйствительныя средства поправить дѣло; слѣдствиемъ же ихъ была та двойственность, та непрерывная цѣпь разочарованiй и новыхъ надеждъ, та умилительная смѣсь негодованiя и восторга, которыя доставили нашимъ сатирикамъ такъ много обломовской миловидности и такъ мало дѣйствительной силы...

Винить-ли ихъ за то, что они не умѣли вылечить больного? Требовали отъ нихъ, чтобы они приняли на себя громадный трудъ измѣнить всю обстановку, благопрiятствующую болѣзни? Нѣтъ, это было бы несправедливо и нелѣпо. Ихъ можно упрекать въ другомъ: зачѣмъ они придаютъ своимъ утѣшительнымъ фразамъ значенiе, котораго онѣ не имѣютъ? Зачѣмъ они, повторяя много лѣтъ однѣ и тѣ же фразы, наконецъ, до того сами увлекаются ими, что говорятъ ихъ даже не въ смыслѣ простого утѣшенiя, а прописываютъ въ видѣ дѣйствительнаго лѣкарства? Наконецъ, зачѣмъ они такъ мало имѣютъ послѣдовательности, такъ поверхностно смотрятъ на жизнь, что полагаютъ, будто новѣйшими успѣхами гастрономiи воспользуется желудокъ больного бѣдняка, или что поднятiе балтiйскаго берега можетъ на нынѣшнюю осень предохранить отъ новодненiя жителей Галерной гавани?..

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о современной нашей сатирѣ и выражали прискорбiе о ея мелочности и поверхности. Мы высказали убѣжденiе, что отъ такой сатиры не выйдетъ истинной пользы для общества. Нѣкоторые приняли наши слова за убѣжденiе, что обличать вовсе не нужно и что сатира только портитъ эстетическiй вкусъ публики. Но мы вовсе не то имѣли въ виду: мы хотѣли сказать, что наша сатира не то и не такъ обличаетъ... Плодить далѣе разсужденiя объ этой матерiи мы считаемъ крайне неудобнымъ, потому что—извѣстное дѣло—о настоящемъ времени всегда трудно произносить откровенное и рѣшительное сужденiе, а у насъ въ настоящее время, когда поднято столько вопросовъ и сдѣлано столько начинанiй, подобное сужденiе положительно невозможно. Но если аналогiя можетъ къ чему-нибудь повести, то намъ представляется въ книгѣ г. Аѳанасьева превосходный случай прослѣдить одинъ «эпизодъ изъ исторiи русской литературы», во многихъ отношенiяхъ аналогическiй настоящему времени. Этотъ эпизодъ представляетъ намъ сатира екатерининскаго перiода. Книга г. Аѳанасьева, рассматривающая сатири-

ческие журналы того времени, даетъ намъ очень много данныхъ относительно того, что тогда дѣлала сатира. Къ сожалѣнію, онъ не обратилъ вниманія на то, какіе результаты произошли въ самой жизни отъ столь ярыхъ обличеній. Но мы постараемся сдѣлать за него нѣсколько указаній изъ источниковъ, всѣмъ постоянно доступныхъ: изъ учебника русской исторіи г. Устрялова, изъ «Полнаго Собранія Законовъ» и изъ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, напечатанныхъ въ послѣднее время.

Вѣкъ Екатерины долгое время являлся намъ въ какомъ-то волшебномъ сіяніи, златымъ вѣкомъ процвѣтанія Россіи по всѣмъ частямъ. До недавняго времени наше вниманіе привлекалось только свѣтлою стороною послѣдней половины прошлаго вѣка. Созваніе депутатовъ со всей Россіи, Наказъ, учрежденіе о губерніяхъ, громы суворовскихъ и румянцовскихъ побѣдъ, приобрѣтеніе Крыма и Польши, развитіе народнаго просвѣщенія, процвѣтаніе наукъ и художествъ, оды Державина, поэмы Хераскова, комедіи фонъ-Визина и самой Екатерины,—все это преисполняло благоговѣніемъ дажу самую нечувствительную душу. Но, «въ настоящее время, когда» Россія вступаетъ въ новый періодъ существованія, и для екатерининской эпохи наступила уже исторія, теперь уже нужны не диѳирамбы, не безотчетныя хвалы, а безпристрастное и спокойное разсмотрѣніе фактовъ того времени во всей ихъ полнотѣ. Скрывать или искажать историческіе факты, бывшіе за сто или за 80 лѣтъ назадъ, было бы крайне невѣжественнымъ и зловреднымъ, почти іезуитскимъ, поступкомъ. Вотъ почему теперь безпрепятственно появляется въ печати множество матеріаловъ для екатерининской исторіи, которые до сихъ поръ не могли появиться въ свѣтъ. Въ «Русской Бесѣдѣ» напечатаны Записки Державина; въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Библиографическихъ Запискахъ» и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» недавно помѣщены были извлеченія изъ сочиненій князя Щербатова; въ «Чтеніяхъ московскаго общества» и въ «Пермскомъ Сборникѣ»—допросы Пугачеву и многіе документы, относящіеся къ исторіи пугачевского бунта, въ «Чтеніяхъ» есть, кромѣ того, много записокъ и актовъ, весьма рѣзко характеризующихъ тогдашнее состояніе народа и государства; мѣсяцъ тому назадъ г. Иловайскій, въ статьѣ своей о княгинѣ Дашковой, весьма обстоятельно изложилъ даже всѣ подробности переворота, возведшаго Екатерину на престолъ; наконецъ, сама книга г. Афанасьева содержитъ въ себѣ множество любопытныхъ выписокъ изъ сатирическихъ журналовъ—о ханжествѣ, дворянской снѣси, жестокостяхъ и невѣжествѣ помѣщиковъ, и т. п. Выписки эти въ прежнее время были невозможны; но теперь онѣ являются въ весьма значительномъ количествѣ, потому что «въ настоящее время, когда» крестьянскій вопросъ принялъ уже такіе обширные размѣры и преданъ правительствомъ такой ши-

рокой гласности, подобныя историческія указанія могутъ дѣлаться совершенно безопасно. Опираясь на эти примѣры, и мы рѣшаемся раскрыть, насколько возможно по скудости источниковъ и другимъ обстоятельствамъ, истинное отношеніе сатиры екатерининскаго періода къ самой дѣйствительности того времени и показать, каковы были результаты тогдашнихъ литературныхъ толковъ для послѣдующей жизни народа и государства.

Ежели разсматривать сатиру екатерининскаго времени, какъ нѣчто самотѣльное и серьезное, и не обращать вниманія на факты, противорѣчащія такому взгляду, то нельзя не удивляться ея силѣ и смѣлости, нельзя не придти въ восхищеніе и не подумать, что такая сатира должна была произвести благотворнѣйшіе результаты для всей Россіи. До такихъ именно убѣжденій и дошелъ г. Аѳанасьевъ, какъ видно изъ первыхъ словъ его книги.

„Блистательное царствованіе Императрицы Екатерины II, столько замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, извѣстно и своимъ благотворнымъ вліяніемъ на развитіе отечественной литературы и журналистики. *Успѣхи общественной жизни отразились и на серьезномъ содержаніи многихъ литературныхъ произведеній, и на благородномъ ихъ направленіи.* Защита просвѣщенія, борьба съ невѣжествомъ и предрасудками, открытая и мѣткая насмѣшка надъ нравственными общественными недугами и глубокое чувство истиннаго патріотизма—вотъ тѣ существенныя стремленія, которымъ служило перо лучшихъ сочинителей того времени“.

Далѣе г. Аѳанасьевъ говоритъ, что «сатира, состоя въ тѣсной связи съ тѣми преобразованіями, какія задумывала и совершала великая Екатерина, *бросила на воспріимчивую почву русской народности живительное сѣмя*» (стр. 2). Какова была жатва, объ этомъ г. Аѳанасьевъ не считаетъ нужнымъ распространяться; но, по его словамъ, надо полагать, что, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, и жатва должна быть очень хороша. Сѣмя живительное и почва воспріимчивая: чего же вамъ больше? Развѣ постороннія вліянія могли мѣшать: градомъ побивало растительность, саранча налетала? Да и того не могло быть; вѣдь сатира «состояла въ тѣсной связи съ преобразованіями великой Екатерины!» Очевидно по всѣмъ признакамъ, екатерининская сатира должна была принести прекраснѣйшіе плоды.

И, дѣйствительно, сами сатирики того времени были убѣждены въ громадности своего вліянія на исправленіе общественныхъ недостатковъ. Сознавая свою связь съ правительственными преобразованіями, они не отдѣляли своего дѣла отъ дѣла Екатерины и твердо уповали на скорое водвореніе въ Россіи златого вѣка, вельдствіе совокупныхъ успѣій правительства и литературы. Безъ этой приправы не обходилось у нихъ ни одно обличеніе! Особенно восхищало ихъ то, что при Екатеринѣ уже не водили къ пыткѣ и не ссылали въ Сибирь за каждое нескромное слово. «Читая твой листокъ—писалъ кто-то «Живописцу»—я плакалъ отъ ра-

дости, что нашелся человекъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ. Великій Боже! услыши моленіе восьмидесятилѣтняго старика, къ счастію нашему продли дни премудрыя государыни... Куда бы ты попалъ, бѣдняжка, еслибъ эту пѣсню запѣлъ въ то время, когда я былъ помоложе». («Живоп.», ч. I, стр. 52). Это было напечатано въ «Живописецѣ» въ 1772 г., т.-е. черезъ десять лѣтъ по вступленіи Екатерины на престолъ. Известно, что «Живописецъ» посвященъ «сочинителю комедіи» «О, время!», т.-е. самой Екатеринѣ, и въ посвященіи этомъ прямо и положительно объясняется, что сатира принимаетъ смѣлость обличать пороки именно влѣдствіе поощренія государыни, какъ правительственнаго, такъ и литературнаго. Новиковъ, прикидываясь, что не знаетъ, кто сочинилъ «О, время!», говоритъ здѣсь о Екатеринѣ и какъ объ авторѣ, и какъ о правительницѣ, и одну восхваляетъ предъ другимъ. Между прочимъ, онъ говоритъ автору комедіи:

„Вы первый съ такимъ искусствомъ и острою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе... Продолжайте, государь мой, прославлять себя вашими сочиненіями... Взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши закоренѣлые, худые обычаи, злоупотребленія и на все развратныя наши поступки; вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще пространное поле къ прославленію вашему осталось“.

Слова эти можно замѣтить, какъ свидѣтельство писателя, что въ 1772 г., несмотря на возгласы одописцевъ объ Астреѣ и золотомъ вѣкѣ, господствовало еще въ Россіи полное развращеніе, и сатира, упражнявшаяся надъ нимъ уже три года (считая съ 1769, когда начались сатирическіе журналы), по прежнему имѣла для себя еще «пространное поле». Впрочемъ, весь «Живописецъ» свидѣлствуетъ объ этомъ еще лучше, и потому-то особенно любопытна та легкость, съ которою и онъ, вмѣстѣ съ другими, поетъ хвалы «златому вѣку», наставшему тогда въ Россіи. Видно, что для «златого вѣка» сатирики считали нужнымъ только дозволеніе говорить о порокахъ... На это преимущественно и сводитъ Новиковъ свое увѣщаніе автору комедіи «О, время» насчетъ продолженія его писаній. Сказавъ объ обилии нашихъ пороковъ и злоупотребленій, онъ продолжаетъ:

„Вы первый достойны показать, что дарованная вольность умамъ российскимъ употребляется въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете вы свое имя, имя всеобщія достойное похвалы? Я никакія не нахожу къ тому причины. Неужели, оскорбя столь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія? Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ благородномъ сердцѣ. И можетъ ли такая ваша смѣлость опасаться умнѣнія въ то время, когда, къ счастію Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, владычествуетъ наша премудрая Екатерина? Ея удовольствіе, оказанное во представленіи вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ ея такимъ, какъ вы, писателямъ. Чего-жъ осталось вамъ страшиться?“ („Жив.“, ч. I, стр. IV).

Изъ этого, не совсѣмъ ловкаго по нынѣшнимъ понятіямъ, указанія на удовольствіе Екатерины, выраженное ею при представленіи ея же пьесы, видно, какъ мало тогдашняя сатира имѣла собственной инициативы и какъ она нуждалась въ меценатствѣ и поощреніи сверху. Поощреніе это, дѣйствительно, даваемо было Екатериною, разумѣется, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она считала нужнымъ и сообразнымъ съ своими видами,—и благодарные сатирики не могли безъ умиленія отзываться о милостяхъ премудрой монархини. Они безпрестанно хвалились ея покровительствомъ и чрезъ то зажимали ротъ обскурантамъ, которымъ не нравилась свобода слова. «Живописецъ» изображаетъ глупаго и жестокаго помѣщика, который пишетъ къ сыну своему Фалалею: «Что за Живописецъ такой у васъ проявился? Какой-нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы... О! коли бы онъ здѣсь былъ! То-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ какъ въ мѣшкѣ! Что и говорить: дали волю!.. Тутъ небось не видятъ, и знатные господа молчатъ!» (Живоп., I, стр. 109). Въ «Трутнѣ» упоминается *суетврзъ*, называющій златой вѣкъ, въ коемъ *позволено всѣмъ мыслить*, желѣзнымъ вѣкомъ («Трут.» стр. 280). Сама Екатерина придавала очень большую цѣну тому, что свобода словъ не стѣсняется ею. Въ «Быляхъ и Небылицахъ», напечатанныхъ въ 1783 г. (черезъ десять лѣтъ послѣ «Живописца»), она упоминаетъ выходку *дѣдушки* противъ «разговоровъ, касающихся поправленія того-сего». — «Въ прежнее время,—по словамъ дѣдушки,—разговоры сіи вели вполголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оныя кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно, громогласіе между нами рѣдко слышно было: бесѣды же получали оттого нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется». — Для изъясненія сего дѣдушка говоритъ, что «*будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались*» (см. «Собес. Люб. Рос. Сл.», ч. II, стр. 137). Въ «Собесѣдникѣ», издававшемся кн. Дашковою, подъ руководствомъ самой Екатерины, также находится одно письмо, въ которомъ говорится: «держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державою монархини,

„*Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense*“.

Въ то же время Державинъ прославлялъ свободу слова, данную Екатериной, въ обращеніи къ Фелицѣ (Соч. Держ., стр. 368):

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,

Что будто ты народу смѣло
 О всемъ и въявь, и подъ рукой,
 И знать, и мыслить позволяешь,
 И о себѣ не запрещаешь
 И былъ и небыль говорить.

Къ этому же великодушному «позволенію знать и мыслить» возвращается Державинъ и позже, въ «Изображеніи Фелицы» (1789 г.), влагая ей въ уста слѣдующія слова къ народу (Держ., стр. 415):

*„Я вамъ даю свободу мыслить
 Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить,
 И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
 Даю вамъ право безъ препоны
 Мнѣ ваши нужды представлять,
 Читатъ и знать мои законы
 И въ нихъ ошибки замѣчать.*

Даже въ одѣ на кончину Екатерины (память 6 ноября 1796 г.), сочиненной Капнистомъ (Соч. его, стр. 309), мы находимъ упоминаніе о томъ, что при ней

Мы крылья мыслей расширяли,
 Дерзая правду ей вѣщать.

Такимъ образомъ, во все время царствованія Екатерины русская литература постоянно повторяла ту мысль, что писателямъ дана полная свобода откровенно высказывать все, что угодно. Мысль эта сдѣлалась постояннымъ и непреложнымъ мнѣніемъ и много разъ высказывалась и въ слѣдствіи, долго спустя послѣ смерти Екатерины. Такъ, на примѣръ, Карамзинъ, въ своей записки «О старой и новой Россіи», указавши на свободу печати при Екатеринѣ, приводитъ даже и объясненіе этого явленія, въ такомъ видѣ: «Увѣренная въ своемъ величій, твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ, объявленныхъ ею, будучи единственною душою всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи, не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ, безъ казни, безъ пытокъ вліявъ въ сердца министровъ, полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ—сдѣлаться ей неуютнымъ и пламенное усердіе заслуживать ея милость, *Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе и позволяла искренности говорить правду. Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34-лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой россійской исторіи. Слѣдствіемъ были: спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума*» (Кар., Эйнерл., III, XLVII).

Впрочемъ, было бы величайшимъ заблужденіемъ думать, на основаніи возгласовъ тогдашнихъ литераторовъ, будто при Екатеринѣ можно было безнаказанно говорить и писать все, что только придетъ на умъ. Напро-

тивъ, Императрица очень зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы въ обществѣ и въ народѣ не разсѣивались понятія и слухи, несообразные съ ея намѣреніями относительно устройства и управленія государствомъ. При самомъ восшествіи ея на престолъ начали ходить въ народѣ различные слухи, которые были ей непріятны. Вслѣдствіе того, въ 1763 г., іюля 4, изданъ былъ указъ «о воздержаніи каждому себя отъ непристойныхъ званію его толкованій и разсужденій» (Полн. Собр. Зак. № 12,003). Въ этомъ указѣ говорится, между прочимъ: «Со дня самаго вступленія нашего на всероссійскій престолъ, мы, Богу содѣйствующему, въ сердцѣ нашемъ никогда о пользѣ и добрѣ нашихъ подданныхъ не щемь, яко мать о дѣтяхъ своихъ, не оставимъ, въ чемъ да управить и укрѣпитъ насъ Его жъ рука святая. Вслѣдствіе чего равное жъ желаніе и воля наша есть, чтобъ всѣ и каждый изъ нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но протіву всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются *такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены страшными разсужденіями о дѣлахъ совѣсть до нихъ не принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямого свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ*, и даже до того попускаютъ свои слабости въ безразсудномъ стремленіи, что *касаются дерзостно своимъ истолкованіями не только гражданскимъ правамъ и правительству и нашимъ издаваемымъ уставамъ, но и самимъ божественнымъ узаконеніямъ*, невоображая знатно себѣ ни мало, какимъ таковыя непристойныя умствованія подвержены предосужденіямъ и опасностямъ». Затѣмъ говорится, что «хотя таковыя умствователи праведно заслуживаютъ достойную себѣ казнь, *яко спокойствію нашему и всеобщему мудреные*“, но на первый разъ монархиня обращается къ нимъ лишь съ «материнскимъ увѣщаніемъ», надѣясь, что они сами постараются заслужить «благословеніе Божіе и монаршую милость, довѣренность и благоволеніе»; въ противномъ же случаѣ обѣщаетъ поступить съ ними «по всей строгости законовъ». Подобныя объявленія съ угрозами издавались не разъ и въ послѣдующіе годы. Источники чрезвычайно скудны насчетъ того, въ какой мѣрѣ исполнялись эти угрозы и много-ли было людей, дѣйствительно захваченныхъ въ «вольныхъ рѣчахъ». Но нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи нашей литературы и законодательства показываютъ, что указы Екатерины не оставались пустыми словами и этимъ очень рѣзко отличались отъ сатирическихъ возгласовъ тогдашнихъ восторженныхъ обличителей. Въ мартѣ 1764 г. сожженъ на площади съ барабаннымъ боемъ «пасквиль, выданный подъ именемъ Высочайшаго указа и начинающійся

словами: «время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаетъ», и пр... (П. С. З. № 12,089). Въ январѣ 1765 г. (П. С. З. № 12,313) повелѣно было сжечь на площади, чрезъ палача, непристойныя сочиненія, названныя въ указѣ «пасквилями», но не обозначенныя никакими подробностями относительно ихъ содержанія. Въ маѣ 1767 г., наказанъ плетью въ Ярославлѣ и сосланъ въ Нерчинскъ дворовый чело-вѣкъ Андрей Крыловъ, за то, что держалъ у себя тотъ самый пасквил, о которомъ былъ указъ въ мартѣ 1764 г. (П. С. З. № 12,890). Неизвѣстно, на какихъ именно условіяхъ дозволенъ былъ вообще выходъ книгъ въ Россіи до 1770 г. Но въ этомъ году дано разрѣшеніе иностранцу Гартунгу на учрежденіе первой въ Россіи вольной типографіи для печатанія книгъ на иностранныхъ языкахъ, и въ указѣ, данномъ по этому случаю, есть пунктъ, запрещающій ему выпускать изъ типографіи какія бы ни было книги «безъ объявленія для свидѣтельства въ Академію Наукъ и безъ вѣдома полиціи». Русскія же книги ему не дозволено печатать, «дабы прочимъ казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было» (П. С. З. № 13,572). Изъ этого видно, что размѣры тогдашней книжной дѣятельности были весьма ничтожны, но что и тѣ не были оставлены безъ строгаго правительственнаго контроля. Въ 1776 г. дано дозволеніе завести типографію и для русскихъ книгъ иностранцамъ Вейбрехту и Шнору; а въ 1780 г. тотъ же Шноръ получилъ разрѣшеніе завести типографію въ Твери. Въ январѣ 1783 г. дозволено наконецъ заводить вольныя типографіи кому угодно, *не страшивая ни у кого дозволенія*, только съ тѣмъ, чтобы всѣ печатаемыя книги были свидѣтельствуемы Управою Благочинія (П. С. З. № 15,633). Это дозволеніе также было прославлено въ свое время русскою литературою, и сама Императрица придавала ему большое значеніе. Въ «Собесѣдникѣ», издававшемся ею въ 1783—84 г., напечатаны были извѣстные «Вопросы» фонъ-Визина, между которыми былъ слѣдующій: «отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжобъ своихъ и рѣшеній правительства?» Екатерина отвѣчала съ величественнымъ лаконизмомъ: *«оттого, что вольныхъ типографій до 1782 г. небыло.»* Этотъ отвѣтъ привелъ въ восторгъ и умиленіе фонъ-Визина: сатирикъ увидѣлъ здѣсь косвенное дозволеніе частнымъ лицамъ печатать судебныя дѣла и рѣшенія. Въ особомъ письмѣ, напечатанномъ въ томъ же «Собесѣдникѣ» (ч. V, стр. 145), онъ краснорѣчиво излагаетъ пользу судебной гласности. «Отвѣтъ вашъ,—пишетъ онъ,—подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человеческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно, съ душевною благодарностью, десницу правосуднѣйшія и премудрыя мо-

нархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ то же время и тѣмъ самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семь случаѣ слѣдуетъ своему всегдашнему обычаю; ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претыканія и вдругъ источить изъ него два цѣлебные потока есть образъ чудодѣйствія, Екатеринѣ II весьма обычный. Способомъ печатанія тяжобъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судебнымъ, можетъ быть извѣстно всей непристрастной публикѣ; воздастся достойная похвала праведнымъ судіямъ, возгнущаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ», и пр.

Однако же судебные процессы не печатались у насъ при Екатеринѣ, — неизвѣстно по какимъ причинамъ. Была одна попытка въ 1791 г. Нѣкто Василій Новиковъ сталъ тогда издавать «Театръ судовѣдѣнія или чтеніе для судей», въ которомъ печаталъ замѣчательныя судебныя дѣла иностранныя и нѣсколько русскихъ, обыкновенно такихъ, въ которыхъ, по его выраженію, «нельзя было *не восплескать* мудрости судей». Но очевидно, что это было совсѣмъ не то, о чемъ говорилъ фонъ-Визинъ, и оттого неудивительно, что изданіе В. Новикова не пошло и прекратилось по выпускѣ шести книжекъ. Для насъ въ этомъ изданіи замѣчательно то, что и въ 1791 г. говорились о гласности тѣ же самыя фразы, какія, какъ мы видѣли, были въ ходу въ 1769 г. Вотъ, на примѣръ, тирада изъ IV части: «Подъ покровомъ владычествующія на сѣверѣ Минервы, всѣ части человѣческихъ познаній достигаютъ своего совершенства. Ободренныя музы, будучи доступны къ ея престолу, вѣщаютъ ей о всемъ устнами самыя истины. Отверзаются врата ѳемидина храма, вступаютъ въ него минервины други; корыстолюбивый и незнающій судья трепещетъ, а достойный готовится къ новому торжеству своихъ подвиговъ» («Театръ судовъ», ч. IV, стр. 4).

Во всѣхъ подобныхъ возгласахъ было очень много риторическаго самодовольства. Писатели того времени, не обращая вниманія на публику, для которой они писали, не думая о тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ дѣйствительный успѣхъ добрыхъ идей, придавали себѣ и своимъ словамъ гораздо болѣе значенія, нежели слѣдовало. Когда имъ позволяли сказать что-нибудь рѣзкое, они были убѣждены, что это означаетъ желаніе осуществить на дѣлѣ эти рѣзкія слова. Но, разумѣется, гораздо основательнѣе было бы судить объ этомъ иначе, и мы не можемъ не привести здѣсь сужденія типографщика Селивановскаго, которое находится въ его «Запискахъ», помѣщенныхъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» прошлаго года (№ 17, стр. 518). «Цензуры въ то время (около 1790 г.) не было, —

пишетъ онъ,—книги разсматривались при унравѣ или оберъ-полицмейстеромъ, то есть предъявлялись, но не читались. *Въ ту пору книга была ничто пустое, неважное, и еще не думали, что она можетъ быть вредна*». Глубокую справедливость этого замѣчанія подтверждаютъ факты, послѣдовавшіе за 1783 годомъ. Немедленно послѣ дозволенія, даннаго въ этомъ году на открытіе вольныхъ типографій, ихъ развелось очень много, и книжная дѣятельность чрезвычайно усилилась. Новиковъ, еще въ 1779 году взявшій на откупъ московскую университетскую типографію и очень усердно печатавшій въ ней книги, теперь еще болѣе расширилъ свою дѣятельность заведеніемъ собственной типографіи—«компаніи типографической». Тутъ уже стали обращать серьезное вниманіе на литературу и нѣсколько опасаться *свободоязычія*, котораго Екатерина, какъ видно по всему, очень не любила. На вопросъ фонъ-Визина: «имѣя монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ—удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе»?—Екатерина отвѣчала: «сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ» (Соч. Ек. III, 31). Подобное этому, свободоязычіе увидѣла она и въ изданіяхъ Новикова, и какъ скоро замѣтила, что оно можетъ повести къ какимп-нибудь послѣдствіямъ «для спокойствія ея и всеобщаго вреднымъ», то и рѣшилась прекратить его. Уже въ 1784 году, за напечатаніе неблагопріятной для іезуитовъ исторіи ихъ ордена въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 69—71), она выразила свой гнѣвъ на Новикова и велѣла отобрать эти листы «Вѣдомостей», объяснивъ причину своего гнѣва слѣдующимъ образомъ: «ибо давъ покровительство наше сему ордену, *не можемъ дозволить, чтобы отъ кого-либо малѣйшее предосужденіе оному учинено было*» (См. «Москв.» 1843 года № 1, стр. 241). Въ 1785 году наряжено было слѣдствіе надъ Новиковымъ, въ 1786 г. повелѣно было запретить въ продажѣ нѣкоторыя книги, у него напечатанныя и «наполненныя странными мудрствованіями» (П. С. З. № 16,362). Еще болѣе гнѣвъ Императрицы на литературу возбужденъ былъ извѣстнымъ «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву», Радищева. Сентября 4-го, 1790 г., данъ былъ указъ о ссылке его на десять лѣтъ въ Сибирь, «за изданіе книги, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и

власти царской» (И. С. З. № 16,901). Въ 1791 г., вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ расположеній, должна была закрыться типографическая компанія. Въ 1792 г. Новиковъ посаженъ въ Шлиссельбургъ, а нѣкоторые изъ его друзей сосланы на житье въ деревни. Наконецъ, въ 1796 г., сентября 16, послѣдовалъ именной указъ Сенату «объ ограниченіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ, объ учрежденіи на сей конецъ цензуръ и объ упраздненіи частныхъ типографій» (И. С. З. № 17,508). Въ указѣ этомъ говорится, что, «въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ, признано за нужное: 1) учредить цензуру въ столицахъ и пограничныхъ приморскихъ городахъ, пзъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ составляемую; 2) частными людьми заведенныя типографіи, въ разсужденіи злоупотребленій, отъ того происходящихъ, упразднить, тѣмъ болѣе, что для печатанія полезныхъ и нужныхъ книгъ имѣется достаточное количество таковыхъ типографій, при разныхъ училищахъ устроенныхъ». Эта мѣра уже слишкомъ рѣшительна; но Екатерина не опасалась на ней настаивать и, за нѣсколько дней до своей смерти, октября 22, подтвердила повелѣніе объ уничтоженіи вольныхъ типографій (И. С. З. № 17,523). Постановленія о цензурѣ были развиты и организованы въ царствованіе Павла.—Но, въ сущности, и эти мѣры Екатерины, при всей ихъ крайности, не достигли цѣли, какъ сознавалось потомъ само наше законодательство. Запрещеніе печатать книги въ вольныхъ типографіяхъ было вызвано подозрѣніями, не имѣвшими прочнаго основанія, какъ доказали послѣдствія. Подозрѣнія эти получили свою силу преимущественно вслѣдствіе опасеній Екатерины, чтобы въ Россіи не отозвалось то волненіе умовъ, которое въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія совершалось во Франціи. Но состояніе тогдашняго русскаго общества вовсе не было таково, чтобы въ немъ могло развиваться что-нибудь серьезно опасное для существующаго порядка. Книга Радищева составляла едва-ли не единственное исключеніе въ ряду литературныхъ явленій того времени, и именно потому, что она стояла совершенно одиноко, противъ нея и можно было употребить столь сильныя мѣры. Впрочемъ, если бы этихъ мѣръ и не было, все-таки «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» осталось бы явленіемъ исключительнымъ, и за авторомъ его послѣдовали бы, до конечныхъ его результатовъ, развѣ весьма немногіе. Стало быть, съ этой точки зрѣнія, излишнія строгости противъ тогдашняго книгопечатанія были совершенно ненужны: Екатерина ни въ какомъ случаѣ не могла страшиться неблагосклонныхъ отзывовъ и «противныхъ ей и всеобщему спокойствію» выходокъ со стороны литературы, которая всегда такъ усердно и громко прославляла ее и всегда была готова безпреко-

словно слѣдовать по указанному отъ нея направленію. Если же предположить другую цѣль строгостей Екатерины, т.-е. ту, чтобы вообще менѣе писали и разсуждали, то и въ этомъ отношеніи ея мѣры вовсе не достигли цѣли. Русское общество даже и въ то время такъ уже привыкло «читать книгу», что невозможно было вовсе лишить его «книги», выгнать «книгу» изъ государства... Что бы тамъ ни печаталось, что бы ни говорилось, до этого обществу дѣла еще не было; но «книга» была ему нужна. Вслѣдствіе того, въ самомъ указѣ объ упраздненіи всѣхъ вольныхъ типографій упомянуто объ оставленіи «достаточнаго количества типографій при училищахъ, для напечатанія нужныхъ и полезныхъ книгъ», и, кромѣ того, дано дозволеніе «быть типографіямъ въ губерніяхъ при намѣстническихъ правленіяхъ, для облегченія тамошнихъ канцелярій». По свидѣтельству Сошкова (Оп. Рус. Библ. I, стр. 40), всѣ упраздненныя типографіи немедленно и разошлись по губерніямъ. Кромѣ того, найденъ былъ, разумѣется, и другой способъ распространенія въ публикѣ сочиненій, которыя почему-нибудь имѣли для нея интересъ. Вслѣдствіе всего этого, Императоръ Александръ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, указомъ 9 февраля 1802 г., снова далъ дозволеніе привозить изъ-за границы всѣ иностранныя книги и заводить повсемѣстно вольныя типографіи. Въ указѣ этомъ находится прямое и откровенное указаніе на причины, вызвавшія распоряженіе Императора. Упомянувъ сначала о запрещеніи 1796 г., указъ продолжаетъ: «но какъ, съ одной стороны, внѣшнія обстоятельства, къ мѣрѣ сей правительство побудившія, прошли и нынѣ уже не существуютъ, а съ другой—*пятимлѣтній опытъ доказалъ, что средство сіе было и весьма недостаточно къ достиженію предполагаемой имъ цѣли*, то по уваженіямъ симъ и признали мы справедливымъ, освободивъ сію часть отъ препонъ, по времени содѣлавшихся излишними и бесполезными, возвратитъ ее въ прежнее положеніе...» Далѣе, послѣ разрѣшенія вновь заводить вольныя типографіи и печатать въ нихъ всякія книги съ освидѣтельствованіемъ Управы Благочинія, въ указѣ повелѣвается — «цензуры всякаго рода, въ городахъ и при портахъ учрежденныя, *яко уже не нужныя*, упразднить» (П. С. З. № 20, 139). Вскорѣ послѣ того, въ 1804 г., изданъ первый цензурный уставъ, усовершенствованный потомъ въ 1828 г.

Такимъ образомъ, обращаясь снова къ литературѣ, и преимущественно сатиры екатерининскаго времени, мы должны сказать, что сатирики были не совсѣмъ правы, воображая, будто имъ такъ ужъ и позволятъ печатать все, что бы ни пришло въ голову. Но за это, разумѣется, нельзя строго судить ихъ: во-первыхъ, послѣ Бирона, послѣ ужаснаго «слова и дѣла», та льгота, какая была дана при Екатеринѣ, должна была показаться верхомъ всякой свободы; во-вторыхъ, литература наша въ то время была еще

такъ нова, такъ несовершеннолѣтня, что не могла не увлекаться и не обольщаться, когда ей давали позволеніе поиграть и порѣзвиться, и очень легко могла вѣрить въ міровое значеніе своихъ забавъ. Притомъ же, большая часть тогдашнихъ литераторовъ даже и не видѣла грани, которая отдѣляла дозволенное имъ—игрушечное, отъ непозволеннаго—серьезнаго. И почти ни у кого не являлось охоты переступить эту грань, потому что вся литература тогда была дѣломъ не общественнымъ, а занятіемъ кружка, очень незначительнаго...

При такомъ положеніи дѣлъ, можетъ быть странно только одно: какимъ же образомъ сатирики въ теченіе десятковъ лѣтъ могли оставаться въ столь забавной иллюзіи, воображая, что отъ ихъ словъ можетъ произойти «поправленіе нравовъ» въ цѣлой Россіи? Но и это объясняется довольно удовлетворительно двумя обстоятельствами: во-первыхъ, тѣмъ, что сатира не отдѣляла своего дѣла и своихъ стремленій отъ идей и распоряженій правительства, подававшихъ, особенно сначала, весьма большія надежды; во-вторыхъ, тѣмъ, что, разъ ставши подъ покровительство «Премудрыя Минервы», сатирики того времени могли позволять себѣ, въ самомъ дѣлѣ, значительную свободу въ своихъ обличеніяхъ частныхъ недостатковъ и злоупотребленій. Оба эти обстоятельства требуютъ нѣсколько подробнѣйшаго разсмотрѣнія.

Восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины, какъ можно видѣть даже изъ учебника Устрялова (ч. II, стр. 163—167), совершилось столь счастливо потому всего болѣе, что предшественникъ ея навлекъ на себя своими распоряженіями всеобщее негодованіе. До сихъ поръ не были у насъ изображены всѣ обстоятельства ея вступленія на царство; но недавно г. Иловайскій, по давно извѣстнымъ источникамъ иностраннымъ, напечаталъ и на русскомъ языкѣ почти всѣ подробности этого дѣла (См. «От. Зап.» 1859 г., № IX), и, слѣдовательно, о нихъ можно говорить положительнѣе. Впрочемъ, намъ даже нѣтъ надобности говорить отъ своего лица: стоитъ только привести двѣ выдержки изъ манифеста, изданнаго Екатериною тотчасъ по вступленіи на престолъ, и намъ будетъ совершенно ясно, въ какомъ положеніи становилась она съ самаго начала предъ лицомъ своихъ подданныхъ. Въ началѣ манифеста она указываетъ на общее неудовольствіе русскихъ противъ Петра и затѣмъ продолжаетъ описывать его поступки слѣдующимъ образомъ (Указы Екат. II съ 1762 по 1763 г., стр. 18):

„Между тѣмъ, когда все отечество къ мятежу неминуемому уже противу его склонялося, онъ паче и паче старался умножать оскорбленіе развращеніемъ всего того, что великій въ свѣтѣ монархъ и отецъ своего отечества, блаженный и вѣчно незабвенный памяти государь императоръ Петръ Великій, нашъ вселюбезнѣйшій дѣдъ, въ Россіи установилъ, и къ чему онъ достигъ

неусыпнымъ трудомъ тридцатилѣтняго своего царствованія, а именно: законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе о нихъ слышать не хотѣлъ, доходы государственные расточать началъ не полезными, но вредными государству издержками, изъ войны кровопролитной начиналъ другую безвременную и государству Россійскому крайне бесполезную; возненавидѣлъ полки гвардіи, освященнымъ его предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды неудобъ носимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ и усердно за вѣру и отечество служащихъ и кровь свою проливающихъ. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единого государя войско то было, но чтобъ каждый въ полѣ удобнѣе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранныя, а иногда и развращенныя виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единомыслие. Неумомимые и безразсудные его труды въ таковыхъ вредныхъ государству учрежденіяхъ столь чувствительно напоследокъ стали отвращать вѣрность россійскую отъ подданства къ нему, что ни единого въ народѣ уже не оставалось, кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не злословилъ его, и кто бы не готовъ былъ на пролитіе крови его. Но заповѣдь Божія, которая въ сердцахъ нашихъ вѣрноподданныхъ обитаетъ къ почитанію власти предержащей, до сего предпріятія еще не допускала, а вмѣсто того всѣ уповали, что Божія рука сама коснется и низвергнетъ утѣсненіе и отягощеніе народное его собственнымъ паденіемъ“.

Разказавши затѣмъ всю исторію переворота и приведши вполнѣ письмо Петра, въ которомъ онъ отрекается отъ престола, Екатерина переходитъ къ объясненіямъ относительно ея собственныхъ намѣреній и понятій о власти, ею принятой. Вотъ заключеніе манифеста (Указы, стр. 22—23):

„Таковымъ, Богу благодареніе, дѣйствіемъ престолъ самодержавный нашего любезнаго отечества приняли мы на себя безъ всякаго кровопролитія, но Богъ единъ и любезное наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ намъ помогали. Въ заключеніе же сего неисповѣдимаго промысла Божія, мы всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ обнадеживаемъ всемилостивѣйше, что просить Бога не оставимъ денно и ночно, да поможетъ намъ поднять скипетръ въ соблюденіе нашего православнаго закона, въ укрѣпленіе и защищеніе любезнаго отечества, въ сохраненіе правосудія, въ искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и да укрѣпитъ насъ на вся благая. А какъ наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ: то такимъ же образомъ здѣсь *наиторжественнѣйше* обѣщаемъ *натимъ императорскимъ словомъ, узаконить* такія государственныя установленія, по которымъ бы *правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядкѣ, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость имперіи и нашей самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству сыновъ вывести изъ униженія и оскорбленія.* Напротиву того не сомнѣваемся, что всѣ наши вѣрноподданные клятву свою предъ Богомъ не преступятъ въ собственную свою пользу и благочестіе, почему и мы пребудемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ непремѣнны нашею высочайшею императорскою милостию. Данъ въ Санктпетербургѣ, іюля 6-го дня, 1762 года“.

Понятно значеніе подобнаго манифеста: взявъ въ свои руки власть отъ человѣка, которымъ были недовольны, Екатерина, очень естественно, старается показать всѣмъ, что въ ея рукахъ эта власть не будетъ уже источникомъ недовольства. Вслѣдствіе этого она «наиторжественнѣйше

объясняетъ» сдѣлать такія постановленія, которыя «сохранять добрый во всемъ порядокъ и предохранять цѣлость имперіи и самодержавной власти». Последнее указаніе очень важно: оно доказываетъ, что объясненія императрицы не были фразою, довольно обыкновенною въ подобныхъ случаяхъ, а вызваны были дѣйствительною необходимостью. Она чувствовала, что ей нужно добрымъ управленіемъ сохранить и упрочить свою власть, и поспѣшила всенародно высказать свое убѣжденіе. Такихъ данныхъ уже совершенно достаточно было образованнымъ людямъ того времени—и особенно писателямъ, людямъ скромнымъ и негосударственнымъ—для того, чтобы предаться отраднымъ ожиданіямъ и даже представить себѣ уже осуществленную мечту далекаго будущаго о златомъ вѣкѣ. И нельзя сказать, чтобъ ихъ мечты не имѣли основанія: въ первые годы царствованія Екатерины каждый сколько-нибудь важный указъ ея начинался заявленіемъ материнской ея заботливости о благѣ народномъ, и во многихъ указахъ, дѣйствительно, дѣлались льготы и улучшенія, какія были нужны по тогдашнему времени. Одно уничтоженіе тайной канцеляріи было уже такою мѣрою, которая способна была внушить всякому наилучшее расположеніе къ правительству и полное довѣріе къ его гуманности. Извѣстно, какое страшное орудіе составляла тайная канцелярія, вмѣстѣ съ «словомъ и дѣломъ» въ рукахъ клеветовъ Бирона; извѣстно также, что не одинъ Биронъ пользовался этимъ ужаснымъ средствомъ держать всѣхъ въ безмолвномъ страхѣ и повиновеніи. Со времени Петра I тайныя канцеляріи, подъ разными названіями, постоянно, въ теченіе полвѣка, были страшилищемъ народа. Петръ III, вскорѣ по вступленіи на престолъ, указомъ 21-го февраля 1762 г., уничтожилъ ее (П. С. З. № 11,445), но Екатерина новымъ указомъ, 19-го октября того же года (П. С. З. № 11,678), еще разъ ее уничтожила и вторично запретила ненавистное «слово и дѣло», повторивши слово въ слово весь указъ о томъ Петра III. Въ указѣ этомъ, по обычаю того времени, излагаются и побудительныя причины принятаго рѣшенія. Начало указа таково:

„Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярій, сколько разныхъ именъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, вѣчной славы достойныя памяти, монарха великодушнаго и челоуколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ. Но какъ тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ: то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ, или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей. Мы, послѣдуя нашему челоуколюбію и милосердію, и прилагая крайнее стараніе не токмо неповинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній защитить, но паче и самымъ злонравнымъ пресѣчь пути къ произведенію въ дѣйство ихъ ненависти, мщенія и клеветы, а подавать способы къ

ихъ исправленію: повелѣваемъ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи не быть, и оную совсѣмъ уничтожить; а дѣла, буде иногда такія случатся, кои до сей канцеляріи принадлежали бѣ, смотря по важности, разсматриваны и рѣшены будутъ въ Сенатѣ. Но дабы сія наша милость для всѣхъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ совершенное дѣйство имѣла, а напротиву того не показалось бы безстрашно составлять хотя и тщетные, и всегда на собственную погибель злодѣевъ обращающіеся умыслы противу нашего императорскаго здравія, персоны и чести нашего величества, то-есть перваго указомъ 1730 года, апрѣля 14 дня, описаннаго пункта, или же завести бунтъ, или сдѣлать измѣну противъ насъ и государства, то-есть втораго, тѣмъ же указомъ истолкованнаго пункта: то восхотѣли мы чрезъ сіе точнѣе объявить наши соизволенія; и потому:

1) Вышеупомянутая тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отъ нынѣ навсегда; а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ; но за печатью къ вѣчному забвенію въ архиву положатся.

2) Ненавистное израженіе, а именно: слово и дѣло, не долженствуетъ значить отъ нынѣ ничего; и мы запрещаемъ не употреблять онаго никому. А если кто отъ нынѣ оное употребитъ въ пьянствѣ, или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники.

3) Напротиву того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому, или второму пункту: такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто, или къ ближайшему жѣ воинскому командиру немедленно явиться, и доносъ свой на письмѣ подать; а только въ случаѣ, есть-ли кто не умѣетъ грамотѣ, тотъ можетъ доносить словесно, однакожъ не инако, какъ тѣмъ порядкомъ, то-есть, пришедъ въ ближайшее судебное мѣсто, или къ воинскому командиру со всякимъ благочиніемъ“.

Далѣе говорится подробно о томъ, какъ поступать съ доносчиками, чтобы дознаться, справедливъ-ли доносъ. Доносчика велѣно брать подъ карауль, разпрашивать, впрочемъ безъ пытки, изслѣдовать его прежнюю жизнь и поведеніе, дѣлать строгую повѣрку его словъ, не принимать доносовъ отъ преступниковъ предъ казнью, за ложный доносъ наказывать, и пр... Словомъ, мѣры для отвращенія клеветъ и ложныхъ доносовъ приняты самыя благоразумныя. Въ заключеніе говорится: «Объявляемъ притомъ точно нашимъ императорскимъ словомъ, что за справедливый доносъ всегда учинено будетъ, смотря по важности дѣла, достойное награжденіе, а напротиву того—виноватые, такъ же смотря по дѣлу, или нарочно учреждаемою на то время комиссіею, или же какимъ учрежденнымъ уже судебнымъ мѣстомъ по сущей правдѣ и справедливости судимы будутъ...»

Читая этотъ указъ въ 1762 г. современники, разумѣется, не могли предвидѣть, что черезъ нѣсколько лѣтъ явится на поприщѣ полицейскихъ изслѣдованій знаменитый Пешковскій и что послѣдующія обстоятельства заставятъ саму же Екатерину возстановить, къ концу своего царствованія, уничтоженную ею тайную канцелярію, подъ именемъ тайной экспедиціи. Да еслибъ это и могли предвидѣть, то все-таки не могли не радоваться при данномъ облегченіи, хотя бы и на краткое время.

Но не одно уничтоженіе тайной канцеляріи привлекло къ Екатеринѣ сердце ея подданныхъ въ самомъ началѣ ея царствованія. Она и вообще

каждымъ своимъ распоряженіемъ напоминала, что она, по ея выраженію въ «секретнѣйшемъ наставленіи» кн. Вяземскому, при опредѣленіи его генераль-прокуроромъ (см. «Чт. Моск. Общ. Ист.» 1858 г., кн. I. Смѣсь, стр. 101), «иныхъ видовъ не имѣла, какъ наивящее благополучіе и славу отечества; инаго не желала, какъ благоденствія своихъ подданныхъ, какого бы званія они ни были». Въ указѣ «о выходѣ бѣглымъ изъ-за границы», данномъ 19 іюля 1762 г., то-есть, черезъ три недѣли по вступленіи Екатерины на престоль, она говоритъ: «Положили мы главнымъ намѣреніемъ нашимъ, чтобъ всегдашнее стараніе имѣть о цѣлости нашея имперіи и о благоденствіи вѣрныхъ поданныхъ нашихъ, *чему мы и дѣйствительные опыты въ краткое время государствованія нашего показали и впредь еще больше, да и съ великимъ удовольствіемъ, о томъ попеченіе прилагать не оставимъ*» (П. С. З. № 11,618). И, дѣйствительно, немедленно по вступленіи на престоль, Екатерина отмѣнила разныя обременительныя положенія, утвержденныя Петромъ III, относительно гвардейскихъ полковъ, увеличила жалованье и пайки солдатамъ нѣкоторыхъ полковъ; велѣла понизить повсюду цѣну соли, объявила амнистію всѣмъ бѣглымъ, скрывавшимся въ Польшѣ и Литвѣ, установила апелляціонные сроки для тяжбныхъ дѣлъ, издала подробный указъ «о коммерціи, торгахъ и откупахъ», въ отмѣну указа Петра III отъ 28 марта, въ которомъ оказались «многія неудобства, клонящіяся ко вреду и тягости общенародной» (П. С. З. № 11,634); повелѣла, «вмѣсто бывшихъ сыщиковъ, сдѣлать въ губерніяхъ и провинціяхъ *благопрістойнѣйшее* учрежденіе, какъ бы воровъ и разбойниковъ искоренять» (П. С. З. № 11,634); весьма рѣзко и энергически возстала противъ лихоимства... Словомъ, почти съ каждымъ днемъ являлись новые знаки ея заботливости о благосостояніи государства, и при этомъ нужно еще замѣтить, что Екатерина нисколько не старалась замаскировать печальное положеніе, въ которомъ она застала государство, принимая власть въ свои руки. Напротивъ, она сама старалась выставить сколько можно рѣзче существовавшее до нея зло, чтобы тѣмъ болѣе заставить цѣнить тѣ мѣры, какія принимались ею для уничтоженія этого зла. Вотъ, напримѣръ, манифестъ ея «о лихоимствѣ», данный 18 іюля 1762 г., спустя 20 дней послѣ воцаренія Екатерины. Сила и откровенность его должны поразить удивленіемъ даже и современнаго читателя, для котораго тогдашнее положеніе дѣлъ есть уже преданіе чуть не мифологическое.

„Божіемъ содѣйствіемъ престоль нашъ утвердивши, вступили мы дѣломъ самымъ въ правленіе всего государства, тѣмъ усерднѣе, чѣмъ больше народное обремененіе и государственныя нужды того отъ насъ востребовали.

„Мы уже манифестомъ нашимъ отъ 6 сего мѣсяца объявили всенародно и торжественно, что наше главное попеченіе будетъ изыскивать всѣ средства къ утвержденію правосудія въ народѣ, которое есть первое отъ Бога намъ преданное святымъ Его писаніемъ повелѣніе, дабы милость и судъ мы оказывали

всѣмъ нашимъ подданнымъ и сами себя непостыдно оправдать могли предъ Богомъ, въ хожденіи по заповѣди Его. Сіе есть путь нашъ непорочный, которымъ мы, изыскивая блаженство нашего народа, ищемъ достигнуть будущаго вѣчнаго за то воздаянія. Почему за долгъ себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный, объявить въ народъ съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца нашего, что мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, *до какой степени въ государство нашемъ лихоимство возрасло, такъ что едва есть-ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе (судъ) безъ зараженія сей язвы отправлялося.* Ищетъ-ли кто мѣста, платитъ; защищается-ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевететь-ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами: напротиву того многіе судящіе, освященное свое мѣсто, въ которомъ они именовъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ; вмѣняя себѣ, ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго, за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дому своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздопріимствомъ богомерзкимъ, претворяютъ клевету въ праведный доносъ, раззореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ. Мы бы неправосудны были предъ Богомъ, ежели бы мы о всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ того же мнѣнія были: но добросовѣстные и честные люди, которыми государство наше наполнено, не измѣняютъ лица своего, слыша и читая сіе наше съ материнскимъ соболѣзнованіемъ негодованіе, а причастники сего зла, всеконечно, должны угрызеніе своей совѣсти почувствовать, *тѣмъ намъ, когда они воззрять только на наше дѣйствіе, въ которомъ намъ Богъ предводительствовалъ, и на наше праведное предъ Богомъ намѣреніе, съ какимъ мы воцарилися. Не снисканіе высокаго имени обладательницы россійской, не пріобрѣтеніе сокровищъ, которыми намъ всѣхъ царей земныхъ намъ можно обогатиться, не властолюбіе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству и всего народа, какъ мы видѣли, желаніе, насъ понудили принять сіе бремя правительства.* Почему мы не токмо все, что имѣемъ, или имѣть можемъ, но и самую нашу жизнь на отечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа себѣ самимъ, но всѣ труды и попеченіе подъемлемъ, для славы и обогащенія народа нашего. Въ такомъ богоугодномъ намѣреніи для отечества нашего, *сколь трудно бы было намъ царствовать, ежели бы правосудіе на судахъ не содѣйствовало нашему желанію, и сколь при томъ огорчительно, когда мзда и корысть оными обладаютъ въ сердцахъ таковыхъ злокравныхъ,* которые, забывъ многіе предковъ нашихъ блаженной и вѣчнодостоинной памяти государей, а особливо дѣда нашего вселюбезнѣйшаго, государя императора Петра Великаго, строжайшіе о лихоимствѣ указы, судей недостойно, а лихоимцевъ праведно имя носятъ и свою алчбу къ имѣнію, служа не Богу, но единственно чреву своему, насыщаютъ мздопріимствомъ, льстя себя надеждою, что все, что они дѣлаютъ по лакомству, прикрито будто добрымъ и искуснымъ канцелярскимъ или приказнымъ порядкомъ, а Сердцевѣдца Бога не памятують Судью Всевышняго, Который всѣ злыя ихъ помышленія и совѣты открываетъ путями неизвѣстными и насъ самихъ, яко законоположительно, наконецъ побудитъ на гнѣвъ и отмщеніе. Таковымъ примѣромъ, которые вкоренилися отъ единого безстрашія въ важнѣйшихъ мѣстахъ, послѣдуютъ наипаче во отдаленныхъ находящіеся *и самыя малые судьи, управители и разныя къ досмотрамъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей, не токмо за дѣла безвинныя, дѣлая привязки по силѣ будто указовъ, въ самомъ дѣлѣ во зло только ими истолкованныхъ и раззоря ихъ за то дома и имѣнія,* но и за такія, которыя не инако, какъ нашего благоволенія и милости высочайшей достойны, такъ что *сердце наше содрогнулося, когда мы услышали отъ нашего лейбъ-кирасирскаго вице-полковника князя Михаила Дашкова, что въ проздѣ его нынѣ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, никто новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Рембергъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждою себѣ деньги, кто присягалъ;* котораго Рембера мы и повелѣли сослать на вѣчное житіе въ Сибирь на работу, по единому только еще нашему матернему милосердію; потому что онъ за такое ужасное, хотя малокорыстное преступленіе праведно лишенъ быть долженъ живота.

1. Сильное однакожъ наше на Бога упованіе и природное наше великодушіе

не лишаетъ насъ еще надежды, чтобъ всѣ тѣ, которые почувствуютъ отъ сего милосердаго къ нимъ напоминанія нѣкоторое въ совѣсти своей обличеніе, не помыслили, сколь великое зло есть въ государственныхъ дѣлахъ мздопріимство, а на судѣ, гдѣ правда божественная поборствовать должна, скверное лакомство и лихоимство; и потому, видя нашу умѣренность матернюю ко всѣмъ вѣрно-подданнымъ, не отчаяваемся, чтобъ каждой, вразумя себѣ наше сіе милостивое упоминаніе, не отринулъ отъ себя прежнихъ поступковъ, ежели онъ ими зараженъ былъ. Но когда и послѣ сего, что при вступленіи нашемъ на престолъ, въ совершенномъ еще незлобіи сердца нашего, всѣмъ здѣсь лихоимцамъ и мздопріимникамъ мы восхотѣли сдѣлать увѣщаніе милосердое, не подѣйствуетъ оно въ сердцахъ ихъ окаменѣлыхъ и зараженныхъ сею пагубною страстію; *то вѣдали бы они же, что мы установленнымъ противу сего зла законамъ, сами за правило себѣ примемъ и впредь твердо содержать будемъ, повиноваться, не давъ уже болѣе милосердію нашему мѣста. По чему и никто обвиненный въ лихоимствѣ (ежели только жалоба до насъ дойдетъ праведная) яко противящийся Бога, не избѣжитъ и нашего гнѣва, такъ какъ мы милость и судъ въ пути непорочномъ царствованія нашего Богу и народу обѣщали.* Данъ въ Санктпетербургѣ іюля 18 дня 1762 года“.

Трудно вообразить себѣ что-нибудь болѣе рѣшительное, самоувѣренное и откровенное, чѣмъ этотъ манифестъ. Здѣсь не только прямо указывается зло, не только дѣлаются обѣщанія въ общихъ словахъ, но даже называется по имени преступникъ, сообщается во всеобщее свѣдѣніе сдѣланное ему наказаніе и прямо объявляется, что манифестъ этотъ изданъ именно для предупрежденія другихъ отъ подобныхъ поступковъ, за которыми послѣдуетъ строгое наказаніе. Но, не ограничиваясь и этимъ, Императрица высказываетъ еще болѣе искренности и откровенности, говоря, что самый способъ ея восшествія на престолъ заставляеть ее какъ можно болѣе стараться о томъ, чтобы не возбуждать противъ себя неудовольствія, и что этого она не можетъ иначе достигнуть, какъ позаботясь о водвореніи въ государствѣ правосудія. Изъявленія своихъ намѣреній, сдѣланныя подобнымъ образомъ, съ представленіемъ такихъ причинъ, необходимо должны были увлечь самыхъ упорныхъ скептиковъ, если бы таковые нашлись. И это тѣмъ болѣе, что подобныя расположенія высказывались Екатериною не въ однихъ торжественныхъ манифестахъ и указахъ, но даже въ секретныхъ ея приказаніяхъ ближайшимъ къ ней лицамъ. Въ примѣръ этого можно указать на «Секретнѣйшее наставленіе» кн. Вяземскому, данное ему при опредѣленіи его въ генераль-прокуроры и недавно напечатанное въ «Чтеніяхъ». Наставленіе это показываетъ, между прочимъ, и то, какъ зорко смотрѣла Екатерина на многіе насущные вопросы и какъ хорошо понимала она всю совокупность государственнаго управленія. Кн. Вяземскій опредѣленъ генераль-прокуроромъ въ 1774 году, и, слѣдовательно, документъ этотъ относится въ самому началу царствованія Екатерины. Приведемъ изъ него нѣкоторые пункты («Чт. М. О. И.» 1858 г. Кн. I, стр. 101—104).

„4-е. Всѣ мѣста, и самый Сенатъ, вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ

чины, достоинства, деньги, деревни,—однимъ словомъ, почти все, и утѣснятъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатѣ представить, до чего, однако же, я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что имъ радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Черезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенатскихъ указовъ, есть-ли оныя не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а на послѣдокъ и къ намъ. *Работничество персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется; одна форма мнѣ канцелярская исполняется, и обдумать еще и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ часто интересъ юсударственный страждетъ.* Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ чинамъ прежніе примѣры прелестны; однако жъ, пока мѣсть я живу, то останется какъ долгъ велить. Россійская Имперія есть столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей; ибо всѣ прочія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда, и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ; а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники суть.

„5-е. Весьма, по обширности имперіи, великая нужда состоитъ въ умноженіи циркуляціи денегъ; а у насъ, по счетамъ монетнаго департамента, не болѣе 80,000,000 рублей серебромъ въ народѣ, которую сумму, расположа по числу людей, прѣдетъ по 4 руб. на человѣка, есть-ли еще не менѣе. *Разные были проекты, изъ которыхъ, наконецъ, вышла медная монета, на которую мною очень жалобъ; однако жъ, пока не будетъ знатнаго умноженія серебра въ государствѣ, сей вредъ сносить должно, а паче въ ономъ стараться надлежитъ, какъ уже начато, чтобъ не было разнаго вѣсу монеты, содержащей одинакую цѣну, такъ какъ и разныхъ цѣнъ одного вѣсу и металла, да чтобъ серебро всевозможнымъ способомъ вовлечь въ юсударство такъ, какъ хлѣбнымъ торгомъ, какъ о томъ и комиссіи о коммерціи уже приказано.*

„6-е. О выписаніи серебра инаго сказать не могу, какъ только, что сія матерія весьма деликатна и многихъ о семъ неприятно слышать; однако жъ вамъ надлежитъ и въ сіе дѣло вникнуть. Все сіе пишу, дабы васъ ввести въ наисекретнѣйшія матеріи, дабы вы въ семъ, при вступленіи въ дѣла, не новы были, и могли сами разбирать, которыя дѣйствительно полезны, или только оными быть кажутся.

„7-е. Труднѣе вамъ всего будетъ править канцеляріею сенатской, и не быть подчиненными обмануту. Сію мелкость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю. Французской кардиналь де-Ришелье, сей премудрый министръ, говаривалъ, что ему менѣе труда править государствомъ и Европу вводитъ въ свои виды, нежели править королевскою антикаморою, понеже всѣ праздноживущіе придворные ему противны были и препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами. Одинъ для васъ только способъ остается, котораго Ришелье не имѣлъ: перемѣнить всѣхъ сомнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады.

„8-е. *Законы наши требуютъ поправленія:* 1-е) чтобъ все ввести въ одну систему, которой и держаться надлежитъ; 2-е) чтобъ отрѣшить тѣ, которые оной прекословятъ; 3-е) чтобъ раздѣлить временные и на персонъ данныя отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ. О семъ уже было помышляемо, но короткость времени меня къ произведенію сего въ дѣйство еще не допустила.

9-е. *Великое отягощеніе есть для народа соль и вино, на такомъ основаніи, какъ оныя находятся. Въ корчемствѣ столько винныхъ есть, что и наказывать ихъ почти невозможно, понеже цѣлыя провинціи себя оному подвергли; а что пресѣчь нельзя, не худо бы къ тому изыскивать способы къ поправленію и облегченію народному.*

„10-е. Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя праятся конфирмованными имъ привилегіями, и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бѣ было; однако жъ, и называютъ ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи, есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупость. Сіи провинціи, такъ же и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ перестали глядѣть, какъ волки къ лѣсу“.

Нѣтъ сомнѣнія, что наставленій подобнаго рода, какъ письменныхъ, такъ еще болѣе изустныхъ, не мало составлено было Екатериною въ первые годы ея царствованія. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что они произвели хотя нѣкоторое дѣйствіе и на тѣхъ, которые были исполнителями ея воли. Все должно было проснуться отъ давней дремоты; апатическій застои невѣжественнаго общества долженъ былъ уступить мѣсто смѣлому и быстрому стремленію впередъ, къ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ во всѣхъ частяхъ народнаго быта и государственнаго управленія. Мы видѣли, что Екатериною было поднято чрезвычайно много существеннѣйшихъ вопросовъ государственной жизни, что она не оставила безъ вниманія ни финансы, ни торговлю и промышленность, ни положеніе войска, ни судопроизводство, ни законодательство. Въ особенности, относительно законодательства, она дала такіе задатки своего мудраго попеченія о благѣ народа, что возбудила изумленіе цѣлой Европы. Извѣстенъ фактъ созванія ею комиссіи для составленія новаго уложенія. Въ январѣ 1767 г. объявлено было, чтобы въ теченіе полугода собрались въ Петербургъ депутаты изъ всѣхъ провинцій Россіи, отъ всѣхъ племенъ и сословій, не исключая и крестьянъ. Въ іюль, дѣйствительно, собрались депутаты, комиссія была открыта и получила себѣ въ руководство знаменитый «Наказъ» (П. С. З. № 12,945 и 12,949). Комиссія составила изъ 645 депутатовъ; на нее отпущено было 200,000 рублей; въ декабрѣ 1768 г. она пріостановлена, ничего не сдѣлавши. Срокъ окончанія ея занятій нѣсколько разъ былъ отсрочиваемъ: сначала до 1 мая 1772 г., потомъ до 1 августа, потомъ до ноября, затѣмъ до 1 февраля 1773 г. Наконецъ, оказавшись совершенно неспособною къ законодательству, комиссія для составленія проекта новаго уложенія осталась только по имени; въ 1796 г. она была переименована Павломъ I въ комиссію составленія законовъ, въ 1804 г. снова преобразована, и т. д. Но несмотря на нѣкоторую бесплодность созванія государственныхъ сословій въ 1767 году, оно произвело въ то время необыкновенный восторгъ не только въ русскихъ, но и за-границею. «Наказъ» обошелъ всю Европу, какъ блистательное свидѣтельство высокихъ качествъ ума и сердца Императрицы русской. Созваніе (по выраженію объяснителя къ сочиненіямъ Державина) «депутатовъ изъ всѣхъ народовъ, составляющихъ Россійскую имперію, отъ дальнѣйшихъ краевъ Сибири, камчадаловъ, тунгусовъ, отъ каждой области по

два человѣка, даже якутовъ, и пр.»—оставило памятникъ по себѣ и въ слѣдующихъ стихахъ пѣвца Екатерины (Держ. I, стр. 144):

Ее изобрази мнѣ ты,
 Чтобъ, сшедъ съ престола, подавала
 Скрижалей заповѣдь святыхъ,
 Чтобы вселенна признавала
 Гласъ Божій, гласъ природы въ нихъ;
 Чтобъ дики люди, отдалены,
 Покрыты шерстью, чешуей,
 Пернатыхъ перьемъ испешренны,
 Одѣты листьемъ и корой,
 Сошедшия къ ея престолу
 И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
 По желтосмуглымъ лицамъ долу
 Струили токи слезъ изъ глазъ...

Но особенно рельефно выразился всеобщій энтузіазмъ того времени къ великому начинанію—въ рѣчи, которая произнесена была представителемъ всѣхъ депутатовъ, 27 сентября 1767 г., при поднесеніи Императрицѣ титула Премудрой, Великой, Матери отечества. Мы приведемъ изъ этой рѣчи, помѣщенной въ Полномъ Собраніи Законовъ (№12,978), двѣ тирады: одна изображаетъ мрачное положеніе Россіи предъ вступленіемъ на престолъ Екатерины, другая—благоденствіе отечества подъ ея правленіемъ.

Плачевное отечества нашего состояніе до преславнаго и навѣки достопамятнаго восшествія Богомъ избранна и вѣнчанна всеавгустѣйшія наша самодержицы на всероссійскій императорскій престолъ, не токмо всѣмъ россіянамъ, но и цѣлому свѣту извѣстно. Когда мысленно воззримъ на минувшее, духъ въ насъ еще трепещетъ, и паденіе имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы *вѣру поруганную, законы приведенные въ замѣшательство, правосудіе, изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добродѣль. Государственные доходы истощались, потеряна была довольность и умѣтена торговля; грабительство, лакомство, корыстолюбіе и прочіе пороки, покровительствомъ многихъ лицъ ободренныя, возростали съ гибелью народа и усугубляли бѣдствія отечества нашего, и наконецъ вездѣ неурядица торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку...*

Перемѣна дивная вдругъ послѣдовала! Радость прогнала тьму печалей... Со дня восшествія ея императорскаго величества на престолъ, всѣ дни ея можно исчислить благодареніями; *вреды и неурядица исправлены и прекращены; православная вѣра наша торжествуетъ и зритъ монархиню, дающую примѣръ подданнымъ во благочестіи; правосудіе царствуетъ купно съ ея величествомъ на престолѣ. Человѣколюбіе обитаетъ въ ея душѣ и безъ послабленія смягчаетъ строгость законовъ. Пороки исчезаютъ и корень ихъ пресѣкается, но съ кротостью исправляются нравы, просвѣщаются умы, и добродѣтели, подъ священною сѣнію престола, процвѣтаютъ; нужнѣйшія роду человѣческому искусства—земледѣліе и домоводство—монаршимъ взоромъ ободряются, торговля возрастаетъ и съ нею изобиліе рукодѣлій умножается; *всздѣ введены полезныя учрежденія, и, словомъ, во всѣхъ частяхъ юсударственныхъ, во всѣхъ дѣлахъ разумъ и добродѣтели нашей великія юсударыни сіяютъ и не обрѣтаютъ ничего выше силъ своихъ. Но, печась о настоящемъ, премудрая наша самодержица печется и изливаетъ благодаренія на времена и будущія, и пр...**

Эту рѣчь можно назвать первообразомъ той сатиры, которая получила такое развитіе въ журналахъ 1769—1774 гг. и разсмотрѣнію которой посвящена книга г. Аванасьева. Въ рѣчи депутатовъ мы видимъ двѣ половины, противоположныя одна другой: въ первой излагается ужасное положеніе Россіи до Екатерины, разстроенное до послѣдней степени и грозившее паденіемъ имперіи; во второй прославляются неимовѣрные успѣхи, совершенные Россіею въ пятилѣтній періодъ отъ 1762 до 1767 года. Тѣ же двѣ стороны находимъ мы и въ сатирическихъ произведеніяхъ екатерининскаго времени: всѣ они съ необычайною рѣзкостью возстаютъ противъ общественныхъ пороковъ, но во всѣхъ выражается довольно ясно та мысль, что эти пороки и недостатки суть исключительно слѣдствія стараго неустройства, остатки прежняго времени, и что теперь уже настала пора для ихъ искорененія, явились новыя условія жизни, вовсе имъ неблагоприятныя. Эта мысль, положенная въ основаніе всякаго обличенія, всякой сатиры, служитъ даже объясненіемъ рѣзкости тогдашнихъ журналовъ, удивительной и для настоящаго времени, когда наша гласность сдѣлала такіе огромные успѣхи. Сатирики 1770-хъ годовъ, проникнутые вѣрою въ близкое усовершенствованіе Россіи, вслѣдствіе принятыхъ Императрицею мѣръ, считали священнымъ долгомъ содѣйствовать путемъ литературнымъ всѣмъ ея начинаніямъ. И чѣмъ болѣе проникались они благоговѣйнымъ восторгомъ къ дѣйствіямъ Екатерины, тѣмъ смѣлѣе и беспощаднѣе становилось ихъ обличительное слово противъ старыхъ злоупотребленій, потому что все доброе и полезное они соединяли съ волею Императрицы, а все злое и недостойное разумѣли какъ противоборство ея намѣреніямъ и желаніямъ. Такимъ образомъ, сатира на все современное общество являлась въ мысляхъ благородныхъ сатириковъ ни чѣмъ инымъ, какъ особымъ способомъ прославленія премудрой монархини. Указывая недостатки управленія и карая вопіющія злоупотребленія во всѣхъ родахъ, сатирики отнюдь не думали дѣлать укоры самому правительству; напротивъ, они говорили: вотъ какъ презрѣнны и низки нѣкоторые люди, не понимающіе благотворныхъ видовъ монархини и не желающіе имъ содѣйствовать. И, отправляясь отъ этой мысли, сатирики уже не церемонились съ безумными и порочными, въ которыхъ видѣли противниковъ обожаемой монархини. Иногда и обличенія тогдашнихъ журналовъ заключали въ себѣ и прискорбную мысль о томъ, что такъ трудно прогрессивному правительству бороться съ невѣжествомъ и недобросовѣстностью отсталыхъ людей; но и это бывало очень рѣдко. Чаше же всего горькія истины обличенія скрашивались отраднымъ убѣжденіемъ, что все-таки дѣло прогресса идетъ впередъ и что скоро правда и свѣтъ одержатъ рѣшительную побѣду надъ ложью и мракомъ. Издатель «Вечеровъ» въ самомъ началѣ своего

журнала говорить о томъ, чтобы ябеды узловатѣе становятся, а крючки больше растутъ, подъячіе богатѣютъ, и пр. Но вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ: *„однако вскорѣ возсіяетъ истина, исчезнутъ совѣстьмъ приказныя сллетни, воспоятъ музы, прославятъ царствующую на землю Астрею,* прославятъ такими стихами, которые ея достойны, а недостойныя умолкнутъ» («Веч.» Ч. I, стр. 5). Такія надежды—и не при началѣ только сатирическихъ изданій, а во все продолженіе царствованія Екатерины — выражались нерѣдко даже въ видѣ положительной увѣренности, хотя, обращаясь къ дѣйствительности, самъ авторъ тутъ же находилъ вещи, совершенно неидущія къ златому вѣку. Такъ, напримѣръ, Василій Новиковъ, въ посвященіи своего «Театра судовѣдѣнія», 1791 г., говоритъ: «во дни благословеннаго державствованія, *въ странѣ, гдѣ царствуетъ правосудіе и торжествуетъ невинность, гдѣ изгоняется пороки и водворяется добродѣтель, гдѣ низится невѣжество и возвышается просвѣщеніе,* въ сіи дни блаженства я рожденный и воспитанный, приѣмлю смѣлость», и пр... А черезъ нѣсколько страницъ, въ заключеніе своего предисловія, онъ же пишетъ: *«великимъ бы почелъ я торжествомъ для моихъ трудовъ, если бы чтеніе сей книги заступило мѣсто карточной игры и другихъ пустыхъ времяпровожденій, столь мало приличныхъ важности судейскаго званія»* («Т. Суд.» Ч. I, стр. 6). Сличенія подобныхъ мѣстъ могутъ наводить на мысль, что восторги тогдашнихъ писателей были не болѣе, какъ риторическою фразою, которая ставилась, можетъ быть, съ умысломъ, чтобы подъ ея защитою смѣлѣе поражать пороки. Но такое заключеніе будетъ несправедливо: характеръ всей сатиры екатерининскаго времени отличается самымъ искреннимъ уваженіемъ къ существующимъ постановленіямъ и преслѣдованіемъ исключительно однихъ только злоупотребленій. Доказательствомъ этого служитъ и манера обличеній, и даже внѣшняя исторія сатиры. Замѣчательно, что прекращеніе сатирическихъ журналовъ совпадаетъ съ концомъ первой турецкой войны и усмиреніемъ пугачевского бунта. Въ первые годы царствованія Екатерины было чрезвычайно много матеріаловъ для сатиры, потому что много было людей, осмѣливавшихся возставать противъ правленія Екатерины. Въ 1762 году разносились по Россіи ложные слухи о ея намѣреніяхъ, издавались фальшивые манифесты, волновались крестьяне разныхъ мѣстностей, какъ видно изъ указовъ по этимъ предметамъ, данныхъ чуть не въ первые дни царствованія Екатерины. Въ 1763 г. составленъ былъ цѣлый заговоръ Хрущовыми и Гурьевыми; въ 1764 г. произошла попытка Мировича. Съ этихъ поръ, въ теченіе десяти лѣтъ, постоянно каждый годъ выходило по нѣскольку указовъ—то о публичномъ сожженіи пасквилей и о наказаніи тѣхъ, у кого они окажутся, то о предостереженіи отъ продерзкихъ рѣчей, то объ

усмиреніи крестьянъ, увлекшихся ложными слухами. Въ 1771 г. было серьезное волненіе по поводу моровой язвы; наконецъ, въ 1773 г. разразился пугачевскій бунтъ... Все это очень беспокоило тогдашнее правительство, и Екатерина прилагала всѣ старанія, чтобы своими распоряженіями привлечь къ себѣ сколько можно болѣе приверженцевъ и предупредить могшее возродиться недовольство. Однимъ изъ орудій ея въ этомъ дѣлѣ была литература. Конечно, въ тогдашнемъ обществѣ литература почти ничего не значила; но къ ней обратились, вѣроятно, отчасти вообще по естественной людямъ склонности къ благопріятной для нихъ гласности, а всего болѣе—по соображенію того, какое значеніе имѣла литература, и особенно сатира, во французскомъ обществѣ. Видя, какъ французъ боится насмѣшки, зная, какое страшное вліяніе имѣлъ Вольтеръ, надѣялись, вѣроятно, что и въ Россіи сатира можетъ занять довольно почетное мѣсто въ ряду другихъ средствъ, служащихъ къ уничтоженію противниковъ благихъ мѣръ Екатерины. Этимъ отчасти можетъ быть объяснено даже то усердіе, какое она сама прилагала къ сочиненію комедій и сатирическихъ бездѣлицъ, подъ названіемъ «Былей и Небылицъ». Но въ видахъ Екатерины вовсе не было того, чтобы дать литературѣ неограниченное право разсуждать о политическихъ предметахъ и смѣяться надъ всѣмъ, что не будетъ нравиться писателямъ. Она очень не любила, когда подъ видомъ гласности въ литературу прокрадывались какія-нибудь «продерзкія рѣчи». Вотъ почему, когда внутреннее спокойствіе было совершенно восстановлено, а конецъ первой турецкой войны возвеличилъ имя Екатерины и въ Европѣ, когда остатки стараго недовольства и недовѣрія къ ней стали ей уже не страшны, она охладѣла къ сатирѣ, какъ къ вещи уже ненужной и могущей быть только вредною для ея спокойствія. Съ 1773 г. она перестала писать комедіи и возвратилась къ этому занятію только уже черезъ десять лѣтъ, когда, вмѣстѣ съ княгиней Дашковой, вздумала подвинуть впередъ русскую науку заведеніемъ Россійской Академіи. Въ 1774 г. прекращаются и сатирическіе журналы. Разумѣется, сатира, разъ явившись, все-таки не могла быть совершенно уничтожена; но, по крайней мѣрѣ, съ этихъ поръ нѣтъ уже у насъ того внѣшняго признака, по которому можно слѣдить дѣйствія сатиры шагъ за шагомъ и судить о ея распространеніи въ обществѣ и о степени успѣха: нѣтъ болѣе періодическихъ изданій, отличающихся сатирическимъ характеромъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, по которымъ бы можно было утверждать, что сатирическія изданія вообще послѣ 1774 г. подвергались у насъ какимъ-нибудь оффиціальнымъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ. Но самый характеръ ихъ объясняетъ до нѣкоторой степени ихъ паденіе. Они были живы, блестящи, эффектны, интересны, даже дерзки до тѣхъ поръ, пока имѣли дѣло съ остатками отжившаго порядка,

противъ котораго шла сама Екатерина. Надъ этими остатками и потѣшались они въ теченіе пяти лѣтъ. Но мало-по-малу люди стараго времени замѣнились людьми свѣжими, противники новаго направленія удалены, въ силу вошли его приверженцы, приняты мѣры, какихъ прежде не было, сдѣланы преобразованія въ старинномъ порядкѣ. Если теперь и были въ администраціи и въ обществѣ недостатки, то недостатки эти уже нельзя было сваливать на старое время: нужно было говорить прямо противъ существующаго порядка. А этого-то и не могла тогдашняя сатира; до этого-то и не доросла она, не доросло и само общество, въ которомъ приходилось ей дѣйствовать. Ясно, что кругъ ея дѣйствія долженъ былъ очень сѣзвиться: она могла, напримѣръ, возставать противъ ужасовъ пытки, когда сама Императрица неоднократно высказывала отвращеніе отъ этой ненавистной судебной мѣры (см., напр., два указа 15 января 1763 г.); но когда потомъ обстоятельства привели къ возстановленію тайной экспедиціи и когда явился страшный Шешковскій, тогда, разумѣется, кричать противъ пытки стало не очень повадно. Сатирики не хотѣли подвергаться опасности и молчали. Подобнаго рода обстоятельства парализовали смѣлость и откровенность сатиры и въ отношеніи къ другимъ предметамъ. Такимъ образомъ, значеніе сатирическихъ изданій потерялось въ публикѣ: сатиры на дурныхъ стихотворцевъ, на подражателей французамъ, на скупцовъ и мотовъ, на хвастуновъ и рогатыхъ мужей, и т. п., конечно, оставались въ полномъ распоряженіи литературы; но эти предметы не могли уже такъ занять публику, какъ обличеніе дурныхъ судей, помѣщиковъ, поповъ, вельможной спѣси и невѣжества, пытокъ, ханжества и т. п. За то, вмѣсто новыхъ журналовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ и перепечатывались тѣ изъ старыхъ, въ которыхъ съ особенной рѣзкостью затрогивались эти предметы. Особенный успѣхъ имѣли «Живописецъ», «Трутень» и «Вечера». «Живописецъ» имѣлъ шесть изданій, послѣднее—въ 1829 г!

Мы сказали, что, кромѣ внѣшней исторіи екатерининской сатиры, самая манера ея служитъ доказательствомъ того, что тогдашніе сатирики не любили добираться до корня зла и могли поражать пороки только подъ покровомъ «премудрой Минервы, позволявшей имъ знать и мыслить». Манера эта не совсѣмъ незнакома намъ она состояла, главнымъ образомъ, въ употребленіи *заднихъ чиселъ*. Существующее зло облечалось обыкновенно какъ исключительное явленіе, составляющее странную аномалію съ существующимъ порядкомъ. Трудно объяснить положительно, отчего это происходитъ. Иногда такая манера бываетъ неискренняя, и тогда она совершенно попятна: но у тогдашнихъ сатириковъ замѣчается при этомъ какое-то трогательное простодушіе. Они, кажется, до того увлекались созерцаніемъ будущихъ благополучій, что, наконецъ, воображали ихъ уже наступившими

и, принимая слова за дѣла, считали всѣ гадости дѣйствительнаго міра лишь дряхлыми остатками прежняго, отживающими послѣдніе дни. Такъ, описывается-ли у нихъ судья-взяточникъ, онъ уже непременно отставленъ и бранится за это; говорится-ли о своевольномъ помѣщикѣ, онъ непременно представляется сожалѣющимъ о томъ, что теперь уже нѣтъ прежняго простора для его произвола; осмѣиваются-ли подлость и ласкательство— тутъ же неизбѣжно прибавляется замѣчаніе, что теперь ужъ этими качествами нельзя выйти въ люди, какъ прежде. Въ «Вечерахъ», напримеръ, одинъ господинъ разсуждаетъ: «я свое благополучіе считаю въ томъ, когда меня большіе бояре ласкаютъ. Правду сказать, я до сего счастія съ великимъ трудомъ достигаю, *особливо въ нынѣшнее время*: какъ я не хвалю ихъ въ глаза, какъ я ни стараюсь услуживать имъ, но все не клеится». Къ этому услужливому господину пристаётъ судья, отставленный за взятки, и ведетъ такую рѣчь: «правду ты говоришь, что *нынѣ услуги не награждаются*: тому примѣромъ я служить всѣмъ могу. Я знаю всѣ указы наизусть, умѣю ихъ толковать по своему желанію; но *не смотря на сіе, меня отставили*. Вѣдь, кажется, все равно государству, что у меня деньги въ карманѣ, что у того, съ кого взялъ; *но въ нынѣшнее время объ ономъ не разсуждаютъ*» («Веч.» II, 173). Въ «Вечерахъ» же изображается господинъ *Оттяговъ* который «всѣхъ меньше дѣло смыслилъ, всѣхъ чаще на поклоны ѣздилъ и за *сими великія достоинства получилъ чистую отставку*» («Веч.» I, 57). Въ «Живописцѣ» напечатанъ цѣлый рядъ писемъ къ Ѡалалею отъ уѣздныхъ дворянъ, его отца, матери и дяди. Весь смыслъ этихъ писемъ заключается въ томъ, что нынѣшнее время не такъ благопріятно для своевольства, жестокостей, обмановъ и пр., какъ прежнее блаженное время. Это похоронный плачъ о погибшей дворянской волѣ, это вопль проклятія просвѣщенію и правдѣ, торжественно и неизбежно воцарившимся въ области тьмы и застоя. Въ книгѣ г. АѠанасьева приведено, въ разныхъ мѣстахъ, много выписокъ изъ этихъ писемъ, а на стр. 139—145 три письма помѣщены вполнѣ. Письма эти очень замѣчательны по мастерству своего лукаваго юмора; и мы также рѣшаемся привести отрывокъ одного изъ нихъ, хотя онъ и довольно длиненъ.

„Сыну нашему Ѡалалею Трифоновичу, отъ отца твоего Трифона Панкратевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестры твоей Варюшки низкой поклонъ и великое челобитье.

„Пиши къ намъ про свое здоровье, таки такъ ли ты поживаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцевъ, которыми я тебя благословилъ. Береги ихъ; вѣдь это не шутка: меня ими благословилъ покойный дѣдушка, а его отецъ духовной, Ильинской батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанію ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ и кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда привезъ этотъ канонникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его возомъ муки, двумя тушами свинными, да стягомъ

говяжьимъ. Не тѣмъ-то покойникъ свѣтъ будь помянуть! онъ ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкины-то свѣтъ грѣшки дороговѣки становились. Кабы онъ, покойникъ, поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ. Домъ его былъ, какъ полная чаша, да и тутъ проѣдиди. Вѣдь и нашъ батъка Иванъ, кабы да я не таковъ былъ, такъ онъ бы готовъ хоть кожу содрать; то-то поповскіе завидливые глаза, прости, Господи, мое согрѣшеніе! А ты, Ѡалалеюшка, съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна... Какъ отпоетъ молебень, такъ можно ему поднести чару вина, да дать ему шесть денегъ, такъ онъ и доволенъ. Чего жъ ему больше, прости, Господи, вѣдь не рожна? *Да полно, нынече и вино-то въ сапогахъ ходитъ—эное времечко; вотъ до чего дожили:* и своего вина нельзя привезть въ городъ; пей-де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! *А говорятъ, что все хорошо дѣлаютъ;* поэтому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. *Да что ужъ и говорить, житье-то наше дворянское нынече стало очень худенько.* Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ ли это слыхалъ, прости, Господи, какая вольность? *Дали вольность, а ничегъ не можно со всею волею сдѣлать: нельзя у сосѣда и земли отнять; въ старину-то побольше было намъ вольности.* Бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще десять полей потеряетъ; а вина бывало кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову: то-то была воля-то! *Нынече и денегъ отдавать въ проценты нельзя:* больше шести рублей брать не велятъ; а бывало такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. *Нѣтъ-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынече только и воли, что можно выйти изъ службы, да поѣхать за-море: а не слышать, что тамъ дѣлать?* хлѣбъ-отъ мы и русскій ѣдимъ, да таково жъ живемъ. *А изъ службы тогда хоть и не вольно было выйти, такъ были на это лекари;* отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судѣй другого, такъ и оставляютъ за болѣзнями. *Да ужъ бывало какъ пріѣдешь въ деревню-то, такъ это наверстаешь:* былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. *То-то было житье!* Ты, Ѡалалеюшка, не zapomнишь этого.

„Сестра твоя Варя посажена за грамоту, батъко Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ея именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ: пора, другъ мой, и объ томъ подумать; вишь, ужъ скоро и женихи станутъ свататься; а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя.

„Отпиши, Ѡалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, что великія затѣи, колокольню строятъ и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго: статочное ли это дѣло; то дѣлалось по благословленію патріаршему, а имъ какъ это сдѣлать? *Вѣра-то тогда была покрѣпче,* во всемъ, другъ мой, надѣялись на Бога, *а нынече она пошатнулась,* по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать, а все эта проклятая некрестъ дѣлаетъ: отъ нѣмцевъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть въ адѣ. Пожалуйста, Ѡалалеюшка, не погуби себя, не заводи съ ними знакомства, провались они проклятые! *Нынече и за-море ѣздитъ не запрещаютъ,* а въ *Кормчей книгѣ* положено за это проклятіе. *Нынече все ничего; и коляски пошли съ дылами, а и за это такъ же положено проклятіе; нельзя только взятки брать, да проценты выше указанныхъ: это имъ пуще пересола; а объ этомъ въ Кормчей книгѣ ничего и не написано.* На моей душѣ проклятія не будетъ; я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями. *Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки;* процентовъ большихъ не беру, такъ отчего же и разбогатѣть: вѣдь не всякому Богъ дастъ кладъ; а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да что ты изволишь сдѣлать? Пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ? Сѣку ихъ нещадно, а все прибыли нѣтъ; годъ отъ году все больше нищаютъ мужики: Господь на насъ прогнѣвался; право, Ѡалалеюшка, и ума не приложу, что съ ними дѣлать.

„Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ *Брюжжсаловъ* и привезъ съ собою какіе-то печатные листочки, и, будучи у меня, читалъ ихъ. *Что это у васъ, Ѡалалеюшка, дѣлается, никакъ съ у а сошли все дворяне?* чего они смотрятъ? да я бы ему проклятому и ребра живаго не оставилъ. Что за Живописецъ такой у васъ проявился? Какой-нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы. Говорить, что помѣщики мучаютъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами: а того

проклятый и не знаетъ, что въ старину тираны бывали некрещенные и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети-минеи; а наши мужики вѣдь не святые: какъ же намъ быть тиранами? Нынече же это и ремесло не въ модѣ, скорѣе въ воеводы добьешься, нежели во... Да полно, это не наше дѣло. Изволить умничать, что мужики бѣдны: эдакая бѣда! неужто хочеть онъ, чтобъ мужики богатѣли, а мы бы дворяне скудѣли; да этого и Господь не приказалъ: кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину; вѣдь не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. И во святомъ писаніи сказано: *работайте Господеву со страхомъ и радуйтесь Ему съ трепетомъ. Примите наказаніе, да не когда противъвастся Господь, егда возгорится вскорь ярость Его.*—Да на что они и крестьяне? его такое дѣло, что работать безъ отдыху. Дай-ко имъ волю, такъ они и не вѣдь что затѣютъ. Вотъ тѣ на! до чего дожили! только я на это смотрѣть не буду; ври себѣ онъ что хочеть: а я знаю, что съ мужиками дѣлать... О, коли бы онъ здѣсь былъ! то-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ какъ въ мѣшкѣ. *Что и говорить, дали волю: тутъ небось не видятъ, и знатные господа молчатъ;* кабы я былъ большимъ бояриномъ, такъ управилъ бы его въ Сибирь. Эдакіе люди за себя не вступятся! Вѣдь и бояре съ мужиками-то своими поступаютъ не по нѣмецки, а все-таки также по руски, и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ. *Да что ужъ и говорить,—и они свихнулись.* Не далеко отъ меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь ли, по чему онъ съ нихъ беретъ? стыдно и сказать: по полтора рубля съ души; а угодьевъ-то сколько! и мужики какіе богатые: живутъ себѣ да и гадки не маюотъ, богатѣе иного дворянина. Ну, а ты разсуди самъ, какая ему отъ этого прибыль, что мужики богаты? кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ бы это получше было: эдакой умъ! То-то, Фалалеюшка, не къ рукамъ эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ мирѣ еще не пустилъ; только что мужиковъ балуютъ! *Эхъ! перевелись-ста старые наши большіе бояре: то-то были люди! не только что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли.* То-то пожили да поцарствовали, какъ сыръ въ маслѣ катались: и царское, и дворянское, и купецкое, все было ихъ; у всѣхъ, кромѣ Бога, отнимали; да и у Того чуть таки не отни... *А нынѣшніе господа что за люди, и себѣ добра не хотятъ.* Что ужъ и говорить: все пошло на нѣмецкій манеръ. Нутка, Фалалеюшка, вздумай да взгадай, да поди въ отставку: полно, другъ мой, вѣдь ты уже послужилъ: лбомъ стѣну не проломишь; а коли не то, такъ хоть въ отпускъ пріѣзжай. Скосырь твой живъ и Налетка; мать твоя бережетъ ихъ пуще своего глаза; намнѣсь Налетку укусила было бѣшеная собака; да спасибо скоро захватили, ворожея заговорила. Ну да полно, и было за это людямъ! Сидоровна твоя всѣмъ кожу спустила; то-то проказница; я за то ее и люблю, что ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣлаеть! Перемѣнь двѣнадцать подадутъ: попроситъ небось воды со льдомъ; да это нѣтъ, ничего, лучше смотрятъ. За симъ писавый кланяюсь. Отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю“.

На первый взглядъ письмо это можетъ показаться чрезвычайно рѣзкимъ, даже и для нынѣшняго читателя. Но если всмотримся въ него повнимательнѣе, то найдемъ, что оно составляетъ ни что иное, какъ прославленіе правительственныхъ мѣръ Екатерины. Приведши его, г. Аванасьевъ справедливо замѣчаетъ, что «въ подобныхъ жалобахъ—лучшая похвала екатерининскому вѣку» (стр. 112). Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ собою обличаемый Трифонъ Панкратьевичъ? Вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ неблагонамѣренный либераль, безпокойный человекъ, осмѣливающійся порицать, во имя невѣжества и своеволия, благодѣтельныя мѣры Императрицы... Какая же надобность щадить такого человека? какъ же не вылить на него всей желчи благороднаго негодованія, накипѣвшаго въ груди у сатирика? Какъ не

осмѣять, не опозорить его нелѣпыя понятія и о значеніи священнаго сана, и о крестьянахъ? Нападенія на *такихъ* людей, недовольныхъ просвѣщенными дѣйствіями правительства, съ *такой* точки не могли служить ни къ чему иному, какъ только къ большому проявленію заботливости Екатерины о благѣ своихъ подданныхъ. Сатира говорила обществу прямо и ясно: «смотрите, вотъ каковы тѣ, которые выказываютъ недовольство современными правительственными реформами; неужели кто-нибудь захочетъ присоединиться къ фалангѣ *такихъ* людей? Само собою разумѣется, что когда сатира имѣетъ такой смыслъ, то чѣмъ она рѣзче, тѣмъ выгоднѣе для правительства.

Между тѣмъ, самая рѣзкость слова давала сатирикамъ поводъ думать, что слова эти имѣютъ большое значеніе и на дѣлѣ. И вотъ второе обстоятельство, которымъ поддеживалось въ тогдашнихъ сатирикахъ самодовольство, сильно мѣшавшее имъ вникнуть въ свое положеніе, понять свои отношенія къ обществу, среди котораго они говорили, и приняться серьезно отыскивать коренныя причины зла. Поставивъ себя на условную точку зрѣнія, о которой мы говорили выше, они, уже не стѣсняясь, выговаривали все, что было у нихъ на душѣ, по поводу ежедневныхъ мелкихъ злоупотребленій, и часто до того доходили, что пугали своихъ собратьевъ и, наконецъ, даже самихъ себя. «Трутень», наприимѣръ, въ преслѣдованіи взяточничества зашелъ такъ далеко, что «Всякая Всячина», издававшаяся статсъ-секретаремъ Козицкимъ, и сама иногда слегка затрогивавшая судей, сочла пужнымъ напечатать противъ него такую отвѣдь, въ видѣ письма Правдомыслова.

„Случалось мнѣ слышать отъ одной части моихъ согражданъ изреченіе такое: правосудіа нѣтъ. Сіе родило во мнѣ любопытство узнать, отъ чего бы такой вредъ къ намъ вкрался? и справедливы-ли жалобы о неправосудіи? *наипаче тогда, когда всякій согражданинъ признаться долженъ, что можетъ быть никогда и нигдѣ, какое бы то ни было правленіе не имѣло больше попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нѣтъ царствующая надъ нами монархія имѣетъ о насъ, въ чемъ ей, сколько намъ извѣстно, и изъ самыхъ опытовъ доказывается, стараются поддражать и главныя правительства вообще. Мы всѣ сомнѣваться не можемъ, что ей, великой государынѣ, пріятно правосудіе, что она сама справедлива, что желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣти справедливость и правосудіе въ дѣйствіи во всей ея обширной области.* О томъ многіе изданные манифесты свидѣтельствуютъ, а наипаче Наказъ комиссіи уложенія, гдѣ упомянуто въ 520 отдѣленіи, что никакой народъ не можетъ процвѣтать, если не есть справедливъ. Гдѣ же теперь болячка, на которую жалуются, то-есть, что правосудіа нѣтъ? Станемъ искать. 1) Въ законахъ-ли? 2) Въ судьяхъ-ли? 3) Въ насъ-ли самихъ?

„Законы у насъ запутаны; о томъ сумнѣнія нѣтъ. Сію неудобность мы имѣемъ вообще съ Европою; *но предъ ней имѣемъ мы выгоду ту, что ея величествомъ созвана вся нація для составленія новаго проекта узаконеній: следовательно питаемъ надежду о исправленіи тогда, когда Европа вся не видитъ конца конфузій.* А между тѣмъ, когда новые поспѣютъ, будемъ жить, какъ отцы наши жили, съ тѣмъ барышемъ противу нихъ, что мы ощущаемъ больше отъ высшей власти *человѣколюбіе*, нежели они. Но я скажу и то, что справедливостью распутывать можно и весьма запутанные, да и самыя противурѣчушіе законы *И такъ, неправосудіе не въ самихъ законахъ.*

„Судіи у насъ, какъ и вездѣ, всякіе; у насъ ихъ опредѣляютъ обыкновенно изъ военпослужащихъ или изъ приказныхъ людей безъ великаго знанія. Во многихъ европейскихъ земляхъ, а наипаче во Франціи, покупаютъ за деньги судейскія мѣста другъ у друга, какъ товаръ. И такъ, у кого есть деньги, тотъ судья, хотя бы онъ никакого знанія не имѣлъ. По чему въ семь случаевъ наши обычаи немного разиствуютъ отъ обычаевъ другихъ городовъ нашего шара. Но врождепа-ли справедливость во всѣхъ судьяхъ такъ, чтобъ могла наградить недостатокъ знаній?—то никакъ утвердить не можно. Слѣдовательно, жалоба на неправосудіе отчасти падаетъ на судей и на правы.

Говоря о нравахъ, Правдомысловъ, обвиняетъ общество въ страсти къ тяжбамъ и утверждаетъ, что половина жалобъ на судей несправедливы и происходятъ оттого, что неправая сторона, будучи обвинена, всегда остается недовольною и старается очернить правосудіе. А чтобы правая сторона была осуждена, это, по мнѣнію Правдомыслова, можетъ быть не часто. «Чтобъ подобныхъ дѣлъ много могло проходить сквозь строгое разсматриваніе *трехъ апелляцій*, разсуждаетъ онъ, и въ присутствіи тяжущихся, тому вѣрить не можно; ибо не много такихъ людей, которые бы захотѣли лихо творити въ лицѣ почти цѣлаго свѣта, и оставить на бумагѣ писанныя свидѣтельства своего плутовства, *за которыя подобныя имъ получили возмездіе по достоинству своему*». Говоря объ апелляціяхъ, о присутствіи тяжущихся, о достойномъ возмездіи за неправосудіе, «Всячина», очевидно, разумѣетъ новыя распоряженія Екатерины, направленные къ возстановленію правосудія. Здѣсь сатира, можно сказать, даетъ сама себѣ тонкій намекъ, что продолженіе нападокъ на судей можетъ, наконецъ, принять видъ неблагонамѣренности и непокорства. Продолжая свои разсужденія и замѣчая самъ, что, однако, приведенное доказательство слабо», Правдомысловъ выражаетъ, наконецъ, безъ обиняковъ, слѣдующую мысль: но долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ согражданъ, *великъ имѣти повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ, и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ право я еще не видалъ, чтобъ съ умысломъ случались*». Въ заключеніе письма. Правдомысловъ ругаетъ „*дурныхъ имелей*“ (Трутень?), которые «прожужжали ему уши своими разговорами о *мнимомъ* правосудіи судебныхъ мѣсть» («Всяч.», стр. 277—280).

Письмо Правдомыслова есть какая-то монитѣрская статья, отчасти противная даже направленію самой «Всячины», слабѣйшей и осторожнѣйшей, чѣмъ всѣ другіе журналы, ей современныя. Но, тѣмъ не менѣе, основной ея мотивъ, т.-е., что «у насъ теперь все-таки лучше, чѣмъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь» и что «нужно имѣть повѣренность и почтеніе къ установленнымъ правительствамъ», мотивъ этотъ вовсе не чуждъ былъ екатерининской сатиры. Относительно почтенія «Адская Почта» объявлялась, что, «*знатныхъ и въ правленіи великія мѣста имѣющихъ людей она никогда въ лицо не*

трогала своимъ критическимъ замѣчаніямъ». При этомъ она, впрочемъ, съ большимъ достоинствомъ замѣтила, что «дѣлала сіе не для ласкательства, но для того, чтобы переправляя такіе столбы, на которыхъ огромное опирается зданіе, цѣлому строенію не причинить вреда» («Ад. Почта», стр. 78). Въ этомъ же смыслѣ, вѣроятно, и Новиковъ говоритъ самому себѣ въ предисловіи къ «Живописцу»: «Никогда не разлучайся съ тою прекрасною женщиною, съ которою иногда тебя видалъ; ты легко отгадать можешь, что она называется *Осторожностью*» («Жив.» I, 10). Этой осторожностью, чтобы не повредить зданію существующаго порядка, постоянно руководились сатирики времени Екатерины, и, слѣдовательно, они дѣйствительно убѣждены были, что зданіе само по себѣ совершенно хорошо, но что его нужно только очистить нѣсколько отъ накопленнаго въ немъ сора. А для того, чтобы вымести этотъ соръ, они чувствовали въ себѣ достаточно силъ и не щадили себя для того, чтобы сдѣлать чище и удобнѣе жилище россійской Минервы. «По указанію Екатерины Великой,—говоритъ г. Аѳанасьевъ,—периодическія изданія выступили съ своимъ обличительнымъ словомъ, и въ этомъ общемъ увлеченіи сатирическимъ направленіемъ нельзя не признать высокой нравственной стороны современной эпохи. *Старинныя суетврія, предрасудки и ложь отживали свой вѣкъ; въ ихъ дикомъ воплѣ противъ сатиры и правительственныхъ мърз слышится уже близкое торжество всеобновляющей правды*» (стр. 111). Точно такъ думали о себѣ и о своемъ значеніи и сами сатирики 1770-хъ годовъ. «Парнасскій Щепетильникъ» совершенно соглашается съ мнѣніемъ г. Аѳанасьева, говоря: «я съ восхищеніемъ вижу въ нѣкоторыхъ головахъ цѣлительное дѣйствіе, ибо многіе, присматриваясь пристально къ описаннымъ весьма худыми красками лицамъ и находя въ нихъ незнаю какое-то съ собою подобіе, совершенно бросили юродствовать и принялись за разумъ» («Парн. Щеп.» стр. 29). Правда, слѣдуетъ замѣтить, что слова «Щепетильника» относятся не ко всѣмъ вообще обличаемымъ, а только къ дурнымъ стихотворцамъ, слѣдовательно, воззрѣніе г. Аѳанасьева гораздо шире; но въ пользу «Щепетильника» можно привести то обстоятельство, что онъ на 90 лѣтъ опередилъ нашего ученаго. Впрочемъ, нѣкоторыми изданіями воззрѣніе г. Аѳанасьева на жизненное значеніе сатиры было уже принято и въ то время. Такъ, «Полезное съ Пріятнымъ» пишетъ въ своемъ объявленіи: «Видя, съ какою жадностью пріемлетъ общество издаваемыя ежедневныя сочиненія для увеселенія онаго, не можно не восчувствовать истинной радости. Съ какимъ бы намѣреніемъ кто ни желалъ имѣть оныя, однако то неоспоримо, что тамъ найдетъ и такое, которое *напоследокъ и порочное сердце устыдитъ и къ нѣкоторому исправленію по-*

будить можетъ; а сіе самое и есть предметомъ трудящихся въ такихъ изданіяхъ» (Аѳ., стр. 19). А «Всячина» выражается еще рѣшительнѣе: «Мы не сомнѣваемся,—говоритъ она,—о скоромъ исправленіи нравовъ и ожидаемъ немедленно искорененія всѣхъ пороковъ, ибо уже начали твердить наизусть «Всякую Всячину» («Всяк. Всяч.», стр. 123). Къ сожалѣнію, въ этой замѣткѣ слышна иронія; а то мы сказали бы, что «Всячина» уже чувствовала «торжество всеобновляющей правды», о которомъ такъ лестно отзывается г. Афанасьевъ...

Признаемся, мы не удивляемся самоувѣренности сатириковъ и еще менѣе дивимся отзывамъ о нихъ г. Афанасьева. Дѣйствительно, если бы дѣло было только въ томъ, чтобы уничтожить злоупотребленія, опозорить людей, препятствующихъ правильному ходу общественной машины въ томъ видѣ, какъ она есть, то отъ сатиры ничего и требовать нельзя было бы болѣе того, что она давала при Новиковѣ. И ежели она, въ самомъ дѣлѣ, не имѣла практическаго успѣха, то не отъ слабости нападеній на тѣ или другіе пороки: нѣтъ, на что она нападала, тому доставалось отъ нея очень сильно. Но слабая ея сторона заключалась въ томъ, что она не хотѣла видѣть коренной дрянности того механизма, который старалась исправить. Этой стороны не замѣчаетъ г. Афанасьевъ, и потому сужденія его о великой важности сатиры 1770-хъ годовъ отзываются весьма естественнымъ преувеличеніемъ. Но стоитъ нѣсколько поднять уровень нравственныхъ требованій, и мы увидимъ, что и новиковская сатира была еще очень слаба и занималась менѣе важными предметами, оставляя въ сторонѣ главные и существенные. Чтобы не пускаться въ далекія разсужденія, возьмемъ примѣръ. Въ журналахъ Новикова было много обличеній противъ жестокихъ помѣщиковъ. Это было очень хорошо и сообразно съ намѣреніями государыни, находившей, что злоупотребленія помѣщицъей власти составляютъ страшное зло и служатъ поводомъ ко многимъ безпокойствамъ въ государствѣ. Но весьма немногія изъ тогдашнихъ сатиръ брали зло въ самой его сущности; немногіе руководились въ своихъ обличеніяхъ радикальнымъ отвращеніемъ къ крѣпостному праву, въ какой бы кроткой формѣ оно ни проявлялось. А еще это одинъ изъ наиболѣе простыхъ и ясныхъ вопросовъ, и новиковская сатира его поставила много лучше другихъ. Въ отношеніи къ другимъ условіямъ, составляющимъ основу общественнаго быта, сатирики еще легче скользили по поверхности... Принявши аксіому, что

Законы свѣты,
Да исполнители—лихіе супостаты,

они всѣ темныя явленія русской жизни считали противозаконнымъ исключеніемъ и очень часто ссылались, для подкрѣпленія своихъ обличеній, на

вновь изданные указы. Такимъ образомъ, они сами ставили свою дѣятельность въ зависимость отъ существовавшей тогда администраціи, и, слѣдовательно, всѣ основные недостатки въ организаціи русскаго общества, незамѣченные, а иногда даже и освященные закономъ, избѣгали и пера сатириковъ... Этимъ-то и объясняется то, на первый взглядъ очень странное, явленіе, что сатира тогдашняго времени, при своей рѣзкости, благородствѣ и постоянномъ соотвѣтствіи съ правительственными мѣрами, ничего, однако же, не исправила и не передѣлала. Человѣка, который свалился съ ногъ отъ тяжелой болѣзни, она хотѣла заставить ходить, расправляя его ноги разными спеціями... Разумѣется, старанія должны были остаться безуспѣшными.

Чтобы видѣть, до какой степени бесполезны въ практическомъ отношеніи всѣ нападки на частныя проявленія зла, безъ уничтоженія самаго корня его, мы можемъ представить теперь нѣсколько примѣровъ того, какъ поставленъ былъ сатирою екатерининскаго времени вопросъ объ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Въ настоящее время, когда крестьянскій вопросъ разсматривается уже правительствомъ во всей его обширности, можно, кажется, совершенно спокойно и безбоязненно повторить то, что говорилось почти за столѣтіе назадъ лучшими людьми временъ Екатерины. При томъ же, характеръ этихъ обличеній таковъ, что они имѣютъ уже только историческое значеніе, и если кто рѣшится увидѣть въ нихъ какое-нибудь отношеніе къ современности, тотъ докажетъ только, что онъ цѣлымъ столѣтіемъ опоздалъ родиться...

Въ приведенномъ выше письмѣ Трифона Панкратыча мы уже видѣли, что жестокимъ помѣщикомъ является человѣкъ стараго времени, съ отсталыми понятіями, жалующійся на то, что невѣжество и грубость уже отжили свой вѣкъ въ царствованіе Екатерины. Такой же точно господинъ является въ «Трутнѣ» (1769 года, стр. 202—208, 233—240), въ «отпискахъ» крестьянъ своему барину и въ копіи съ его господскаго «указа». Эти документы такъ хорошо написаны, что иногда думается: не подлинны-ли это? Вотъ выписка изъ крестьянской отписки:

„Государю Григорью Сидоровичу. Быютъ челомъ *** отчины твоей староста Андришка со всѣмъ міромъ.

„Указъ твой господской мы получили и денегъ оброчныхъ съ крестьянъ на нынѣшнюю треть собрали; съ сельскихъ ста душъ—123 рубля 20 алтынъ, съ деревенскихъ 50 душъ—61 рубль 17 алтынъ; а въ недоимкѣ за нынѣшнюю треть осталось на сельскихъ 26 рублей 4 гривны, на деревенскихъ 13 рублей 49 копѣекъ, да послано къ тебѣ, государь, прошлой трети недоборныхъ денегъ съ сельскихъ и деревенскихъ 43 рубля 20 копѣекъ; а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негдѣ, нынѣшнимъ годомъ хлѣбъ не родился, насилу могли сѣмена въ гумна собрать. Да Богъ посѣтилъ насъ скотскимъ падежемъ, скотина почти вся позалилась; а которая и осталась, такъ и ту кормить нечѣмъ, сѣна были худыя, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многе пошли по-міру. Плательщиковъ по указу твоему господскому на сходкѣ стѣхъ нещадно,

только они оброкъ не заплатили, говорятъ, что негдѣ взять. Съ Филаткою, государь, какъ поволннать? денегъ не платитъ, говоритъ, что взять негдѣ: онъ самъ все лѣто прохворать, а сынъ большой померъ, остались маленькіе робятишки; и онъ нынѣшнимъ лѣтомъ хлѣба не сѣялъ, некому было землю пахать, во всемъ дворѣ одна была сноха, а старуха его и съ печи не сходитъ. *Подушныя деньги за него заплатитъ мнѣ, видя его скудость; а за твою, государь, недоимку, по указу твоему, продано его двѣ клѣтки за три рубли за десять алтынъ; корова за полтора рубли, а лошади у него всѣ пали, другая коровенка оставлена для робятишекъ, кормить ихъ нечѣмъ: мнѣ сказали, буде ты его въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, а робятишекъ поморить, и его въ конецъ раззорить не хотятъ.* При семъ послана къ милости твоей Филаткина челобитная, какъ съ нимъ самъ поволишь, то и дѣлай; а онъ уже неплательщикъ, покуда не подрастутъ робятишки; безъ скотины, да и безъ дѣтей нашъ братъ твоему здоровью не слуга. Мнѣ, государь! тебѣ бьютъ челомъ о завладѣнной у насъ *Нахрапцовымъ* землѣ, прикажи ходить за дѣломъ: онъ насъ здѣсь раззоряетъ и землю отрѣзалъ по самымъ нашимъ гумна, некуда и курицы выпустить, а на дѣло по указу твоему собрано тридцать рублей, и къ тебѣ посланы безъ доимки; за неплательщиковъ положили тяглые; только прикажи, государь, добиться по дѣлу. *Нахрапцовъ* на насъ въ городѣ подалъ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и по тому его челобитною была за мною изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда не было, посыльные забрали въ городѣ честь человѣкъ крестьянъ въ самую работную пору; и я, государь, въ городѣ ѣздилъ, просилъ секретаря и воеводу, и крестьянъ вашихъ выпустили; только по тому дѣлу стало мнѣ денегъ шесть рублей, возъ хлѣба, да пять возовъ сѣна. *Нахрапцовъ* попался намъ на дорогѣ и грозился насъ опять засадить въ тюрьму: секретарь ему родня, и онъ насъ очень обижаетъ. *Отпиши, государь, къ прокурору: онъ бояринъ доброй, ничего не беретъ, когда къ нему на поклонъ придеши, и онъ твою милость знаетъ, авось либо онъ за насъ вступится и секретаря уйметъ, а воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла всѣ знаетъ секретарь.* Вступись, государь, за насъ своихъ сиротъ; коли ты за насъ не вступишься, такъ насъ совсѣмъ раззорятъ, и *Нахрапцовъ* всѣхъ насъ пуститъ въ мнѣ. Да еще твоему здоровью всѣмъ мнѣ бьютъ челомъ о сбавкѣ оброчныхъ денегъ, намъ уже стало не въ моготу; *послѣ переписи у насъ въ селѣ и въ деревнѣ померло больше тридцати душъ, а мы оброкъ платимъ все тотъ же; покуда смогли, такъ мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже не въ мочь.* Буде не помилуешь, государь, то мы всѣ въ конецъ раззоримся: неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сборъ дѣлалъ всякое воскресенье, и неплательщиковъ стужу въ сходъ, только имъ взять негдѣ, какъ ты съ ними ни поволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынѣшнимъ лѣтомъ не родились, бабы просятъ, чтобы изволилъ ты взять деньгами, по чему укажешь за фунтъ, да еще просятъ, чтобы за пряжу и за холстину изволилъ ты взять деньгами. *Лѣсу твоею господскаго продано крестьянамъ на дрова на семь рублей съ полтиною; да на двѣ избы, по десяти рублей за избу.* И деньги, государь, всѣ съ Антошкою посланы. При семъ еще послано штрафныхъ денегъ, съ Ипатки за то, что онъ въ челобитнѣ своемъ тебя, государь, оболгалъ и на племянника сказалъ, будто онъ его не слушался, и затѣмъ съ нимъ разошелся, взято по указу твоему тридцать рублей; съ Антошки за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято пять рублей, и онъ на сходкѣ выстъпенъ. Онъ сказалъ: я-де это съ залъ съ глупости и на-предки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ. Дьячку при всемъ мнѣ приказъ твой объявленъ, чтобы онъ впредь такъ не писалъ. Остаемся рабы твой староста Андрюшка со всѣмъ мнѣ земно кланяемся“.

За этою отпискою помѣщено слезное прошеніе Филатки, о которомъ говорится въ отпискѣ старосты, а затѣмъ напечатана «копія съ помѣщичьяго указа», въ которомъ чрезвычайно ярко выражаются безчеловѣчность и невѣжество помѣщика. Никакія человѣческія чувства его не трогаютъ, никакія страданія не возбуждаютъ въ немъ жалости, никакіе ре-

зоны не внушаютъ ему здраваго распоряженія. Онъ привыкъ дѣйствовать совершенно произвольно, и тотъ же произволъ передаетъ челоуѣку своему, Семену Григорьеву, котораго посылаетъ въ деревню для распоряженія. Вотъ выдержка изъ его указа, напечатаннаго въ «Трутнѣ».

Копія съ помѣщичьяго указа.

„Человѣку нашему Семену Григорьеву.

„Ѣхать тебѣ въ *** наши деревни и по прїѣздѣ исправить слѣдующее:

„1) Проѣздъ отсюда до деревень нашихъ и оттуда обратно имѣть на счетъ старосты Андрея Лазарева.

„2) Прїѣхавъ туда, старосту при собраніи всѣхъ крестьянъ выстчь нещадно за то, что онъ за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ недоимку; и послѣ изъ старость его смѣнить; а сверхъ того взыскать съ него штрафу сто рублей;

„3) Сыскать въ самую истинную правду, какъ староста и за какія взятки оболгалъ насъ ложнымъ своимъ докладомъ? За то прежде всею его выстчь, а потомъ начинать слѣдствіемъ порученное тебѣ дѣло.

„4) Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коемъ староста учинилъ ложный доносъ, обоихъ ихъ дома опечатать и опредѣлить караулъ; а ихъ самихъ отдать подъ караулъ въ другой домъ.

„5) Еслижъ въ чемъ-либо будутъ они чинить заперательство, то объяви, имъ, что они будутъ отданы въ городъ для наказанія по указамъ.

„6) И какъ итъ сумнѣнія, что староста доносъ учинилъ ложный, то за оное перевести его къ намъ на житье въ село ***; буде же онъ за дальнимъ разстояніемъ перевозиться и раззорять себя не похочетъ, то взыскать съ него за оное еще пятьдесятъ рублей.

„7) Сколько пожитковъ всякаго званія осталось послѣ крестьянина Анисима Иванова и получено крестьяниномъ Панфиломъ Даниловымъ, то все съ него Данилова взыскать и взять въ господскій дворъ, учиня всему тому опись.

„8) Крестьянъ въ раздѣлѣ земли по просьбѣ ихъ поровнять, по твоему благоуразсужденію; но притомъ однакожъ объявить имъ, что сбавки съ нихъ оброку не будетъ, и чтобы они, не дѣлая никакихъ отговорокъ, оный платили бездоимочно; неплательщиковъ же при собраніи всѣхъ крестьянъ стчь нещадно.

„9) Объявить всѣмъ крестьянамъ, что къ будущему размежеванію земель потребно взять выпись; и для того на оное собрать тебѣ со крестьянъ, сколько потребно будетъ, на взятые выписи.

„10) Въ начавшійся рекрутскій наборъ съ нашихъ деревень рекрута не ставить; ибо здѣсь за нихъ поставленъ въ рекруты Гришка Ѳеодоровъ, за чиненныя имъ неоднократно пьянствы и воровства вмѣсто наказанія, а со крестьянъ за поставку того рекрута собрать по два рубля съ души.

„11) За ложное показаніе Панфила Данилова и утайку свойства другихъ взять съ него, вмѣняя въ штрафъ, сто рублей; а его перевести къ намъ въ село *** на житье; а когда онъ просить будетъ, чтобы полученные имъ неправильно пожитки, оставить у него, и его оставить на прежнемъ жилищѣ, то за оное взыскать съ него, oprичъ штрафныхъ, двести рублей.

„12) По просьбѣ крестьянъ, у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги съ нихъ; а чтобы они и впредь такимъ лѣнивцамъ потачки не дѣлали, то купить Филаткѣ лошадь на мірскія деньги; а Филаткѣ объявить, чтобы онъ впредь пустыми своими челобитными не утруждалъ, и платилъ бы оброкъ безъ всякихъ отговорокъ бездоимочно.

„13) Старосту выбрать міромъ и подтвердить ему, чтобы онъ о сборѣ оброчныхъ денегъ имѣлъ неусыпное попеченіе, и неплательщиковъ бы стчь нещадно; буде же какія впредь явятся недоимки, то оное взыскано будетъ все со старосты.

„14) За грибы, ягоды и пр. взять съ крестьянъ деньгами.

„15) Выбрать шесть челоуѣкъ изъ молодыхъ крестьянъ и привезть съ собою, для обученія разнымъ мастерствамъ.

гнушаться тобою истинные человеки, человеки господа, господа отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнушаются тобою, яко извергомъ челоуѣчества, преобразившимъ нужное подчиненіе въ иго рабства. Но *Безразсудъ* всегда твердитъ: *я господинъ, они мои рабы; я человекъ, они крестьяне.*

„Отъ сей вредной болѣзни *рецептъ*: *Безразсудъ* долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ“.

Рецептъ заставляетъ думать, что у автора была идея о несправедливости челоуѣческой власти вообще. «Крестьяне суть тоже челоуѣки и даже болѣе похожи на людей, чѣмъ иные помѣщики; а челоуѣку челоуѣкомъ владѣть какъ вещью—не должно». Таковы, кажется, его основныя мысли. Но, всматриваясь пристальнѣе, находимъ, что и здѣсь была на умѣ у автора только отвлеченная мораль, потому что онъ тутъ же восхваляетъ «челоуѣковъ господъ, господъ—отцовъ своихъ дѣтей, а не тирановъ своихъ рабовъ». Слѣдовательно, и въ этой статейкѣ та же непослѣдовательность, которую страдаетъ вообще сатира прошлаго столѣтія. вмѣсто прямого вывода: «крестьяне тоже челоуѣки, слѣдовательно помѣщики не имѣютъ надъ ними никакихъ правъ», подставленъ другой, очень неполный: «крестьяне тоже челоуѣки, слѣдовательно, не нужно надъ ними тиранствовать».

Гораздо далѣе всѣхъ обличителей того времени ушелъ г. И. Т., котораго «Отрывокъ изъ путешествія» напечатанъ въ «Живописцѣ» (стр. 179—193). Въ его описаніяхъ слышится уже ясная мысль о томъ, что вообще крѣпостное право служить источникомъ золь въ народѣ. Вотъ начало этого отрывка:

„Я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ, ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но въ три дня сего путешествія ничего не нашелъ я похвалы достойнаго. Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломой хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшіе одоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота—подтверждали, *сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество шлаго государства составлять должны...*

„Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И, слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О челоуѣчество! тебя не знаютъ въ ихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными тебѣ челоуѣками. О блаженная добродѣтель любовь,—ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ проявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ челоуѣкамъ! („Жив.“, стр. 179—180).

Далѣе слѣдуетъ описаніе возмутительной бѣдности и грязи, въ которой живутъ крестьяне *деревни Раззоренной*. Между прочимъ, смотря на плачущихъ младенцевъ, брошенныхъ безъ призора, г. И. Т. восклицаетъ: «Кричите, бѣдныя твари, произносите жалобы свои! Наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете,

„16) По исправленіи всего вышеописаннаго, ѣхать тебѣ обратно; а старостѣ накрѣпко приказать неусыпное имѣть попеченіе о сборѣ оброчныхъ денегъ“.

«Трутенъ» ничего не прибавляетъ отъ себя къ этому указу; но смыслъ его ясенъ самъ по себѣ: въ немъ обличается безчеловѣчное обхожденіе помѣщика съ крестьянами, или, говоря иначе, «злоупотребленіе помѣщичьей власти». Велѣдъ за «указомъ» Григорья Сидорыча, въ «Трутнѣ» помѣщенъ рецептъ *Злораду* (стр. 211), думающему, «что слугъ ему подчиненныхъ къ исполненію своихъ должностей ничѣмъ инымъ принудить невозможно, какъ строгостію или паче звѣрствомъ и жестокими побоями. Для сей причины подчиненныхъ ему слугъ и за самомалѣйшія слабости и оплошности наказываетъ звѣрски... Одѣваетъ, обуваетъ и кормитъ онъ своихъ слугъ весьма худо, утверждая, что когда сіи безумія его несчастные невольники чувствуютъ голодъ и холодъ, тогда ежеминутно памятуя о своемъ рабствѣ и, по его мнѣнію, слѣдовательно, тѣмъ побуждаются къ исполненію своихъ должностей. Любовь къ челоуѣчеству онъ опровергаетъ, но утверждаетъ, что рабамъ жестокость и наказаніе такъ, какъ дневная пища, необходимо нужны. Надлежитъ думать, что онъ имѣетъ сердце, напоенное лютымъ звѣрствомъ и жестокостію, когда не слышитъ вопіющаго гласа природы: и рабы челоуѣки!» Этому *Злораду* приписывается рецептъ: «чувствованій истиннаго челоуѣчества — 3 лота, любви къ ближнему — 2 золотника и соболѣзнованія къ несчастію рабовъ — 3 зол.». Въ «Трутнѣ» же помѣщенъ былъ и другой рецептъ — для г. *Безрасуда* (стр. 188—190), отличающійся тенденціею, довольно радикальною для того времени. Приведемъ его вполнѣ.

„Безрасудъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть челоуѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую *обрскъ*. Никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненія своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ по землѣ расprostируются. Онъ тогда думаетъ: *я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора.* Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано, *въ потъ лица твоего съищи хлѣбъ твой.* Бѣдные крестьяне любятъ его какъ отца не смѣютъ, но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва-едва имѣютъ дневное пропитаніе, затѣмъ, что насилу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное, но говорятъ: *это не мое, но Божіе и господское.* Всевышній благословляетъ ихъ труды и награждаетъ, а *Безрасудъ* ихъ обираетъ. Безрасудный! развѣ забылъ ты, что ты сотворенъ челоуѣкомъ, неужели ты гнушаешься самимъ собою, во образѣ крестьянъ, рабовъ твоихъ? развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и челоуѣками больше сходства, нежели между тобою и челоуѣкомъ? Вообрази рабовъ твоихъ состояніе, оно и безъ отягощенія тягостно: когда же ты гнушаешься тѣми, которые для удовольствованія страстей твоихъ трудятся почти безъ отдохновенія, то подумай, какъ должны

тогда и сего утѣшенія лишитесь!» (Стр. 185). Затѣмъ авторъ пускается въ размышленія о томъ, какъ нелѣпо судьба распоряжается людьми: празднующіеся «любимцы Плутovy» веселятся, обремененные всевозможными гадостями, а труженики-крестьяне страдаютъ за тяжелой работой, да и то не для себя. Вотъ нѣкоторыя изъ его сближеній:

„Между тѣмъ, солнце, совершивъ свое теченіе, погружалось въ бездну воды, и сама природа призывала всѣхъ отъ трудовъ къ покою. Между тѣмъ, богачи, любимцы Плутovy, препроводя весь день въ веселіи и пированіяхъ, къ новымъ приготовлялся увеселеніямъ... Худой судья и негодный подъячій веселились, что въ минувшій день сдѣлали прибытокъ своему карману и пролили новые источки невинныхъ слезъ... Игроки собиравлись ко всеночному бдѣнію за карточными столами, и тамъ, теряя честь, совѣсть и любовь къ ближнему, приготовлялись обманывать и раззорять богатыхъ простячковъ всякими непозволенными способами. Другіе игроки везли съ собою въ кармапѣ труды и потъ своихъ крестьянъ цѣлаго года и готовились поставить на карту. Купецъ веселился, считая прибытокъ того дня, полученный имъ на совѣсть и радовался, что на дешевый товаръ много получилъ барыша. Врачъ благодарилъ Бога, что въ этотъ день много было больныхъ, и радовался, что отправленный имъ на тотъ свѣтъ покойникъ былъ весьма молчаливый человѣкъ. Стряпчій доволенъ былъ, что въ минувшій день умѣлъ раззорить зажиточнаго человѣка и придумать новыя плутовства для раззоренія другихъ по законамъ. *А крестьяне, мои хозяева, возвращаясь съ поля, въ пыли, въ потъ, измучены, радовались, что для прихотей одного человека все они въ прошедшій день много сработали!*“ (Стр. 188—190).

Тирада эта очень рѣзка и, кажется, тогдашнее *благочиніе* вообще строго посмотрѣло на эту статью. Нѣкоторыхъ мѣстъ изъ нея даже нельзя было напечатать. Въ одномъ мѣстѣ издатель дѣлаетъ примѣчаніе: «я не включилъ въ сей листокъ разговоръ путешественника съ крестьяниномъ *по нѣкоторымъ причинамъ*: благоразумный читатель и самъ ихъ отгадать можетъ». Видно, и въ то время существовали «нѣкоторыя причины», мѣшавшія писателю говорить откровенно всю правду, какъ скоро онъ удалялся отъ тѣхъ покрововъ, подъ которыми ратовала тогдашняя сатира вообще. Слѣды боязни полной гласности попадаются и въ другихъ мѣстахъ сатирическихъ журналовъ. Въ защиту «Отрывка», Новиковъ помѣстилъ въ «Живописцѣ» особую статью, въ одномъ мѣстѣ которой находимъ такое примѣчаніе: «тутъ слѣдовали многія другія упреканія, относящіяся къ худымъ помѣщикамъ; но я ихъ исключилъ, *опасаясь навлечь на себя сугубое негодование*» (стр. 71). Въ «Трутнѣ» въ числѣ сатирическихъ вѣдомостей, есть такое объявленіе: «Издателю Трутня, для наполненія еженедѣльныхъ листовъ, потребно простонародныхъ басенъ и сказокъ: *ибо изъ присылаемыхъ къ нему сатирическихъ писемъ многихъ не печатаютъ*; а напечатанныя безъ всякаго стыда многія принимаютъ на свой счетъ и его злословятъ за то повсемѣстно» (стр. 142). Изъ этого можно видѣть, что противодѣйствіе невѣжественныхъ и сильныхъ обскурантовъ много вредило въ то время сво-

бодѣ слова, и писатели только и могли защищаться дозволеніемъ и милостію монархини. Но Екатеринѣ, несмотря на обнаруженную ею любовь къ литературѣ, иное могло быть представлено въ превратномъ видѣ; инымъ авторамъ могли быть въ ея глазахъ приписаны неблагонамѣренныя тенденціи, и тогда уже нельзя было рассчитывать на ея защиту. Извѣстны два анекдота о Державинѣ: одинъ—о «Фелицѣ», другой—о «Переложеніи псалма 81». «Фелица», этотъ «хитросложенный пукъ хвалы», какъ выразилась однажды сама Екатерина, сдѣлалась извѣстною Императрицѣ случайно, и Державинъ пришелъ въ ужасное безпокойство, потому что въ этой «одѣ» были намеки на Потемкина, Алексѣя Орлова, Нарышкина и другихъ важныхъ лицъ. Но само собою разумѣется, что Екатерина не могла разгнѣваться на пьесу, которая начиналась обращеніемъ къ ней: «Богоподобная Царевна!» и оканчивалась стихами:

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь, и пр.

Притомъ же, стихотвореніе это представлено ей было княгинею Дашковой... И вотъ Державину, несмотря на его «смѣлые» намеки на важныхъ лицъ, прислали золотую табакерку съ 500 червонныхъ и удостоили большихъ милостей. Но черезъ 12 лѣтъ вздумалъ онъ поднести Императрицѣ тетрадь своихъ сочиненій. Въ числѣ ихъ находилось «Переложеніе 81-го псалма» ¹⁾. Послѣ этого нѣсколько разъ бывши при дворѣ, Державинъ «примѣчалъ въ Императрицѣ къ себѣ холодность, а окру-

¹⁾ Вотъ эти стихи:

Возсталъ Всевышній Богъ, да судить
Земныхъ согговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколь, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть охранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны,
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.“
— Не внемлютъ! Видятъ и не знаютъ,
Покрыты мздою очеса;
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса;
Цари! Я мнилъ, вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я подобно, страстны
И такъ же смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падеть;

жающіе его бѣгали, какъ бы боясь съ нимъ даже встрѣтиться, не токмо говорить» Державинъ не могъ понять, что это значитъ, но вскорѣ узналъ, что переложеніе 81-го псалма принято за «якобинскіе стихи», и что уже вѣрно секретно допросить поэта черезъ Шешковскаго, «для чего онъ и съ какимъ намѣреніемъ пишетъ такіе стихи». Въ это время Державину было уже слишкомъ 50 лѣтъ, онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ; слѣдовательно, трудно было подозрѣвать его въ санкюлотствѣ. И, дѣйствительно, узнавъ въ чемъ дѣло, онъ чистосердечно объяснилъ, что заподозрѣнные стихи суть ни что иное, какъ псаломъ царя Давида, который, конечно, не былъ якобинцемъ, что псаломъ этотъ переложень имъ въ простотѣ души и, наконецъ, что переложеніе сдѣлано еще въ 1787 году, тогда же напечатано было въ «Зеркалѣ Свѣта» и до сихъ поръ не только не произвело вредныхъ для государства послѣдствій, но даже не было замѣчено самими блюстителями благочинія. Послѣ этого объясненія и ходатайства Зубова, къ которому обратился Державинъ, невинность поэта была признана, и Императрица возвратила ему свое благоволеніе. («Записки Держ.» См. «Рус. Бес.» 1859 г., т. IV, стр. 380—382).

Случай съ Державинимъ очень характерны. Они показываютъ, какъ безсознательно многое говорилось и какъ легко принималось, пока какая-нибудь случайность не привлекала на статью или книгу чьего-нибудь неблагонамѣреннаго вниманія. «Отрывокъ изъ путешествія», о которомъ мы сейчасъ только-что говорили, можетъ служить новымъ доказательствомъ этого. Онъ, какъ видно, очень понравился публикѣ: въ «Живописцѣ» онъ перепечатывался нѣсколько разъ, и даже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины (пятое изданіе—1793 г.), когда она уже не позволяла писать такъ рѣзко, когда Радищевъ за подобную книгу поплатился ссылкой въ Сибирь, когда даже Державина подозрѣвали въ якобинствѣ. Мало того: отрывокъ этотъ былъ перепечатанъ въ 1806 г. въ «Московскомъ Собесѣдникѣ» (Ч. II, стр. 163). И однакожь, дѣло было такъ щекотливо, что Новиковъ, напечатавъ обѣщаніе *продолжатъ* эти отрывки, не могъ сдержатъ слова, да и первый-то отрывокъ могъ помѣстить не иначе, какъ съ такимъ послѣсловіемъ: «Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ путешествія въ **, получилъ я отъ г. И. съ прошеніемъ,

И вы подобно такъ умрете,
 Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!
 Воскресни, Боже, Боже правыхъ,
 И ихъ моленію внимли:
 Приди, суди, карай лукавыхъ
 И будь единъ царемъ земли!..

чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Если бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскимъ народомъ, то *не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать съ этого блюда, потому что оно приготовлено очень солено и для нѣжнаго вкуса благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сидящая на престолѣ, истинну покровительствуетъ во всѣхъ дѣляхъ.* И такъ, я надѣюсь, что сіе сочиненіе заслужитъ вниманіе людей, истинну любящихъ» («Жив.», ч. II, стр. 194). Но и эта приписка плохо помогла: стали обвинять автора и издателя въ неблагонамѣренности, замѣтивъ, можетъ быть, что въ «Отрывкѣ» бросается сильное сомнѣніе на законность самаго принципа крѣпостныхъ отношеній. Вслѣдствіе такихъ толковъ, издатель счелъ необходимымъ помѣстить, подъ названіемъ «Англинской Прогулки», защиту «Отрывка», увѣряющую, что авторъ вовсе не имѣлъ въ виду оскорбить «цѣлый дворянскій корпусъ», что онъ болѣе ни о чемъ не говоритъ, какъ только о злоупотребленіяхъ, которыхъ, конечно, сами дворяне не одобряютъ, и проч. Въ «Прогулкѣ» выводится пріятель издателя, который говоритъ ему:

„Я совсѣмъ не понимаю, продолжалъ онъ, почему нѣкоторые думаютъ, что будто сей листокъ огорчаетъ цѣлый дворянскій корпусъ. Тутъ описанъ помѣщикъ, не имѣющій ни здраваго разсужденія, ни любви къ человечеству, ни сожаленія къ подобнымъ себѣ; и слѣдовательно описанъ дворянинъ, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющій... Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе употребленіе не достойно осмѣнія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству? Пусть вникнуть въ сіе здравымъ разсужденіемъ: тогда увидятъ, отъ чего останавливаются и приходятъ въ недоимку государственные поборы; отъ чего происходитъ то, что крестьяне наши бываютъ бѣдны; отъ чего у худыхъ помѣщиковъ и у крестьянъ ихъ частые бываютъ неурожаи хлѣба... Не все-ли проистекаетъ отъ употребленія во зло преимущества дворянскаго? Когдажъ неустроенію сему причиною худые дворяне, то не достойны-ли они справедливаго порицанія? Пусть скажутъ господа критики, кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ,—я еще важнѣе скажу: кто дѣлаетъ стыдъ человечеству, дворяне-ли, преимущество свое во зло употребляющие, или ваша на нихъ сатира? И такъ, вѣрьте, примолвилъ онъ, что такія ваши сатиры не только что не огорчаютъ дворянъ, украшенныхъ добродѣтелю и знающихъ человечество, но паче еще и превозносятъ ихъ. Правда, что въ числѣ вашихъ критиковъ были и такіе, которые порицали васъ, будучи побуждаемы слѣпымъ пристрастіемъ ко преимуществу дворянскому; но коль чудно и странно сіе пристрастіе! Какъ? защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они, и всѣ честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются!..... Я знаю еще недовольныхъ вашимъ листкомъ; но неудовольствіе сихъ людей достойно того, чтобы вы имѣли къ нимъ почтеніе: ибо они не въдая вашей цѣли, никакого не могли по началу сдѣлать правилнаго заключенія; и потому изъ любви ко ближнему болѣе сожалѣли, нежели охуждали, что вы не съ той стороны принялись за сію сатиру. (??) Напротивъ того бранили васъ надменные дворянствомъ люди, которые думаютъ, что дворяне ничего не дѣлаютъ неблагороднаго; что подлости одной свойственно утопать въ порокахъ; и что наконецъ, хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и человечество, однакожъ, будто они, яко благородные люди, отъ порицанія всегда должны быть свободны! Сіи гордые люди утверждаютъ, что будто точно сказано о крестьянахъ: *накажу ихъ жезломъ беззаконія*; а подлинно, они часто наказываются беззаконіемъ!“

Нельзя не сознаться, что объясненіе это очень искусно написано. Но, тѣмъ не менѣе, оно парализировало истинную силу «Отрывка» и придало ему тотъ же недалекій видъ, какимъ отличалась вообще сатира того времени... Обличители хотѣли внушить помѣщикамъ правила человеколюбія, безъ ограниченія ихъ произвола и безъ измѣненія ихъ юридическихъ отношеній въ крестьянамъ. Они никакъ не хотѣли понять, что пока личному произволу оставлена хоть малѣйшая доля участія въ распоряженіи общественными дѣлами и отношеніями, до тѣхъ поръ не можетъ быть прочныхъ гарантій для сохраненія безопасности и правъ личности. Отъ этого-то непониманія и происходила та двойственность и половинчатость сатиры, которая лишила ее практическаго вліянія на перемѣну нравовъ.

Для нѣкоторыхъ можетъ показаться страннымъ, что мы говоримъ о слабости сатиры, которая, какъ видно изъ нашихъ же выписокъ, была такъ рѣзка и беспощадна. Наше сужденіе можетъ показаться особенно несправедливымъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу, который такъ безбоязненно и серьезно поставленъ на видъ тогдашнею сатирою. Въ другихъ вопросахъ самостоятельное значеніе сатиры уменьшается тѣмъ, что она шла обыкновенно вслѣдъ за административными распоряженіями и карала зло, уже сффициально пораженное. Но здѣсь совсѣмъ другое. Дѣло эманципаціи только еще теперь осуществляется. Но и «въ настоящее время, когда» вопросъ этотъ уже близится къ своему разрѣшенію, недостатки прошлаго положенія дѣлъ не представлены въ столь рѣзкихъ и живыхъ картинахъ, какъ въ сатирѣ Новикова, въ то время, когда эти недостатки были еще во всей силѣ и распространены были повсюду въ Россіи. Известно, что при Екатеринѣ у насъ не только не хотѣли отказываться отъ принципа крѣпостного права, но еще распространяли его значеніе. Въ 1762 г., въ первые дни по вступленіи на престолъ, Екатерина раздала много крестьянъ разнымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ея воцаренію, и издала указъ, чтобы помѣщичьи крестьяне, подѣ страхомъ суроваго наказанія, не слушали злонамѣренныхъ разглашеній о томъ, будто ихъ велѣно отъ помѣщиковъ отписывать на казну. Затѣмъ, подобныя указы повторялись каждый годъ по нѣсколько разъ. Раздача крестьянъ была при Екатеринѣ самою обыкновенною наградою дворянамъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о количествѣ розданныхъ тогда крестьянъ; но стоитъ только заглянуть въ какіе-нибудь современные мемуары, чтобы тотчасъ же напасть на исчисленіе сотенъ и тысячъ пожалованныхъ крестьянъ. Раскройте, напримѣръ, Грибовскаго, и у него вы найдете мимоходомъ сдѣланныя замѣчанія, что Остерману было пожаловано 6,000 душъ (Гриб. Записки, стр. 65), Трощинскому 1,700,

В. С. Попову—1,500 въ Малороссіи да 1,000 въ польскихъ губерніяхъ (стр. 81), иностранцу Алтести—6,000 душъ польскихъ (стр. 78), графу Маркову—4,000 душъ (стр. 75), графу Безбородку—16,000 (стр. 70), Н. И. Салтыкову—6,000 (стр. 61)... Державинъ въ своихъ Запискахъ жалуется, что ему въ день торжества мира съ турками, въ 1793 г., ничего не пожаловали, между тѣмъ какъ онъ «въ сей день провозглашалъ съ трона публично награжденія отличившимся въ сію войну чиновникамъ нѣсколькими тысячами душъ» («Рус. Бес.», IV, стр. 349). Въ 1783 г. закрѣплены крестьяне въ Малороссіи. Все это должно бы заставить сатириковъ молчать о вопросѣ помѣщичьемъ; но они говорили рѣзко, смѣло, свободно. Можно-ли не отдать имъ дани справедливаго удивленія и благодарности?

Да, конечно, усилія сатириковъ все-таки заслуживаютъ нашей благодарности, какъ и Державинъ заслуживаетъ благодарности за переложеніе псалма 81. Но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ значенія. Заслуги ихъ можно бы восхвалять сколько угодно: отъ этого ничего дурнаго не вышло бы. Но не хорошо, однако, когда дѣлу придаютъ такое значеніе, какого оно не имѣло: это имѣетъ ту дурную сторону, что очень стѣсняетъ наши требованія и заставляетъ довольствоваться исполненіемъ, которое вове неудовлетворительно. Поэтому, мы считаемъ необходимымъ замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, сатира новиковская нападала, какъ мы видѣли, не на принципъ, не на основу зла, а только на *злоупотребленія* того, что въ нашихъ понятіяхъ есть уже само по себѣ зло. Во-вторыхъ, даже и рѣзкость нападокъ на самыя злоупотребленія была большею частью слѣдствіемъ недоразумѣнія и наивности, въ родѣ державинскаго переложенія псалма. Конечно, Екатерина указами запрещала вѣрить слухамъ объ освобожденіи; но уже это самое доказываетъ, что были объ этомъ слухи, и довольно распространенные. И, говорятъ, дѣйствительно, мысль объ освобожденіи была и у Екатерины въ первое время ея царствованія. Есть извѣстіе, что былъ даже предложенъ вопросъ объ этомъ которой-то академіи, и академики сочинили даже разсужденіе, котораго содержаніе понятно изъ эпиграфа: *in favorem libertatis omnia jura clamant; sed est modus in rebus* ¹⁾. Хорошему всегда вѣришь охотнѣе, а писатели екатерининскаго времени такъ увлечены были мечтою о златомъ вѣкѣ, такъ довѣряли мудрости россійской Минервы, такъ привыкли ждать всего прекраснаго отъ царствующей надъ ними Астреи, что готовы были не только повѣрить первому слуху объ освобожденіи ея крестьянъ, но даже и сочинить на этотъ слухъ восторженную оду. Нѣкоторые намеки, должно

¹⁾ Въ пользу свободы вопіють всѣ права; но всему есть мѣра.

растолкованное въ первыхъ манифестахъ Екатерины, подали имъ надежду, а отобрание въ казну имѣній монастырскихъ и церковныхъ убѣдило ихъ въ легкости исполненія ожидаемаго. И затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, ничто уже не могло разубѣдить ихъ. Не только Новиковъ, въ 1769 и 1772 г., но даже писатели послѣ 1783 г.; то-есть, послѣ закрѣпленія малороссійскихъ крестьянъ, поддавались первой вѣсти о свободѣ и приходили въ неописанный восторгъ. До какой степени легко возбуждался этотъ восторгъ и какіе удивительныя размѣры и формы придавалъ онъ и самымъ обыкновеннымъ и невозможнымъ вещамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Указомъ 15 февраля 1786 года, Екатерина повелѣла не подписываться на прошенія къ ней *рабомаъ*, но *вѣрноподданнымаъ*. Понятно, что это было дѣло простой формальности и не давало русскому народу никакихъ особенныхъ правъ. Но что же дѣлаетъ литература? Одинъ изъ замѣчательныхъ ея дѣятелей и, притомъ, сатирикъ, приходитъ въ восторгъ неслыханный и пишетъ «Оду на истребленіе въ Россіи званіе раба», въ которой придаетъ измѣненію формальности въ подписи вотъ какое значеніе (Соч. Капниста, стр. 294):

Теперь—о радость несказанна!
 О день—свѣтлѣе всѣхъ побѣдъ!
 Царица, небомъ низпосланна,
 Неволи тяжки узы рветъ.
 Россія! ты свободна нынѣ!
 Ликуй! во вѣкъ въ Екатеринѣ
 Ты благость Бога зрѣть должна.
 Она тебѣ вновь жизнь даруетъ
 И счастье съ вольностью связуетъ
 На всѣ грядущи времена...
 Обиліе рѣкой польется
 И ризу позлатитъ полей;
 Гласъ громкихъ пѣсней разнесется,
 Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
 Дѣвицъ и юношъ хоромы
 Выводятъ ужъ во слѣдъ свободы
 Забавы въ роци за собой;
 И старость, игомъ лѣтъ согбенна,
 Предъ гробомъ зрится восхищенна,
 Съ свободой встрѣтя вѣкъ златой!

И все это оттого, что измѣнена форма подписи на прошеніяхъ! Вотъ и судите по этому, до какой степени простиралась наивность нашихъ сатириковъ прошлаго столѣтія! Вѣдь этотъ же самый Капнистъ, въ другомъ настроеніи духа, готовъ былъ бы написать и сатиру на тѣхъ, которые вздумали бы увѣрять, что указъ 15 февраля 1786 г. вовсе не даетъ освобожденія.

И вѣдь любопытно то, что никакой опытъ не научаетъ русскаго поэта. Всѣ иллюзіи Капниста, разумѣется, разлетѣлись прахомъ. По слу-

чаю открывшихся въ 1787 г. войнѣ съ Турціею и Польшею; раздача вотчинъ усилилась; еще большія размѣры приняла она при Павлѣ I, который, въ первые же дни по вступленіи на престолъ, роздалъ, какъ замѣчено въ объясненіяхъ къ сочиненіямъ Державина (стр. 527) до 300,000 душъ крестьянъ. Можно бы ожидать, что послѣдующія событія будутъ уже приниматься осмотрительнѣе, что духъ надежды нѣсколько упадетъ. Но вотъ насталь 1801 годъ, вступилъ на престолъ императоръ Александръ I, и оживились замолкшія было надежды. Въ 1803 г., 20 февраля, изданъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Какъ извѣстно, указъ этотъ имѣлъ самое ограниченное примѣненіе; но въ воображеніи нѣкоторыхъ шитъ размѣры его вышли громаднѣйшіе. «Свободу и блаженство всей Россійской имперіи»—вотъ что увидѣли въ этомъ частномъ распоряженіи,—ни болѣе, ни менѣе. По этому случаю М. В. Храповицкій, не только стихотворецъ, но даже отчасти государственный человѣкъ, сочинилъ тоже *оду*, гдѣ сначала описывается, какъ ужасно было положеніе раба, который

Едва вздохнуть на небо знаетъ,
Питать надежды не дерзаетъ,
Чтобъ могъ престать онъ быть рабомъ;

а затѣмъ поэтъ восклицаетъ въ лирическомъ порывѣ: «престаль!» и изображаетъ благодѣтельные слѣдствія, уже происшедшія отъ этого:

Теперь лишь жить онъ начинаетъ!
Исчезъ бича всегдашній страхъ!
Какъ немощію удрученный,
Весны дыханьемъ облегченный,
Усмѣшку кажетъ на устахъ;
Усмѣшкою такъ растворилось
Угрюмо ратая чело,
Такъ радостію оживилось
Въ немъ сердце.—Миновалось зло,
Которо тяжкою судьбою
Вѣками видѣлъ надъ главою:
Свободный хлѣбопашецъ онъ,
Свободенъ въ ремеслѣ полезномъ,
И сынъ въ отечествѣ любезномъ:
Его подъ кровъ пріялъ законъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи ода принимаетъ даже обличительный характеръ:

Пусть индѣ, оболъстася, мечтаютъ,
Что вольность обрѣли себѣ,—
Ахъ, сердцемъ сжатымъ оправдаютъ,
Что строгой преданы судьбѣ.
У насъ, подъ сѣнью мирна трона,
Благотвореніемъ закона

Свобода корень пустить свой,—
 Ни въ буряхъ, ни въ порывахъ злѣйшихъ,
 Но солнца при лучахъ теплѣйшихъ,
 И кротко, тихо, какъ весной.

На этотъ разъ, впрочемъ, поэтъ надѣялся не напрасно: за пятьдесятъ пять лѣтъ онъ предсказалъ мирное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, которое осуществляется въ настоящее время, когда во всѣхъ частяхъ народной жизни приводятся въ исполненіе благія надежды нѣсколькихъ поколѣній.

Но возвратимся къ екатерининской сатирѣ. Мы видѣли, что даже въ вопросѣ объ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ сатира думала идти за Великою Монархиней, которая совсѣмъ и не намѣрена была поднимать этого вопроса. Тѣмъ болѣе привязывали тогдашніе сатирики всѣ свои дѣйствія къ правительственнымъ мѣрамъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Спѣшимъ оговориться, что мы вовсе не ставимъ этого въ упрекъ тогдашней сатирѣ, а только хотимъ представить фактъ, какъ онъ есть, съ тою цѣлью, чтобы не преувеличивать его значенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не хотимъ скрывать и послѣдствій такой несамостоятельности сатиры; а слѣдствіемъ было то, что она проглядѣла многія явленія, которыя по своему вредному вліянію весьма важны въ русской жизни. Дѣло въ томъ, что не все дурное можетъ быть открыто и указано закономъ. Законъ караетъ преступленіе и проступокъ, но не дурной характеръ, не внутреннее развращеніе человѣка: это-то зло, недоступное для кары закона, и должно быть уловлено и опозорено сатирою. Кромѣ того, есть цѣлыя отношенія общественныя, правильно организованныя и даже признанныя положительнымъ закономъ, но тѣмъ не менѣе противныя естественному праву; примѣръ—крѣпостныя отношенія. Сатира должна преслѣдовать всѣ подобныя явленія въ самомъ ихъ корнѣ, въ принципѣ. Наконецъ, сами законы никогда не бываютъ совершенны: въ данное время они имѣютъ извѣстный условный смыслъ, но съ теченіемъ времени, по требованію обстоятельствъ, они должны измѣняться; сатира, обличая пороки, должна смотрѣть не на то, какой статьѣ закона онъ противорѣчитъ, а на то, до какой степени противоположенъ онъ тому нравственному идеалу, который сложился въ душѣ сатирика. Вотъ почему мы находимъ, что сатира екатерининскаго времени, при всей своей рѣзкости, не могла удовлетворить высокому назначенію истинной сатиры, именно потому, что она слишкомъ тѣсно связала себя съ существовавшимъ тогда законодательствомъ. Конечно, она не могла поступать иначе: мы это очень хорошо понимаемъ, помня исторію Новикова и др., и вовсе не думаемъ обвинять тогдашнихъ писателей за недостатокъ самостоятельности. Но вѣдь надо же объяснить общественный фактъ, представляющійся намъ въ исторіи нашей литературы; надо же,

наконецъ, бросить хоть догадку, хоть намекъ (если еще невозможно настоящее объясненіе) на то, отчего наша литература сто лѣтъ обличаетъ недуги общества, и все-таки недуги не уменьшаются. По нашему мнѣнію, причина этого заключается (по крайней мѣрѣ, заключалась во время Екатерины) въ постоянной зависимости сатиры отъ случайностей положительнаго законодательства, и эту мысль мы стараемся доказать въ нашей статьѣ, безъ всякихъ упрековъ и обвиненій кого бы то ни было. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Сатира во время Екатерины преслѣдовала, между прочимъ, ростовщиковъ. Въ большей части указаній на нихъ главный пунктъ обвиненія состоитъ въ томъ, что они берутъ очень большіе проценты. Рядомъ съ тѣмъ представляются отсталые и гнустные люди, которые жалуются на то, что уже нельзя брать болѣе указныхъ процентовъ. Все это есть очевидное слѣдствіе указа 3 апрѣля 1764 г., которымъ запрещено брать болѣе шести процентовъ. Но что же было слѣдствіемъ и закона, и обличеній? Только новыя прижимки ростовщиковъ заемщикамъ. Во времена Екатерины были, конечно, между писателями люди, которые способны были разсудить о ростѣ такъ, какъ на примѣръ, разсуждаетъ неизвѣстный авторъ старинной записки объ указанныхъ процентахъ, недавно напечатанной («Чт. Моск. Общ. Ист.» 1858 г., кн. II, стр. 175—177). Вотъ нѣкоторыя изъ его соображеній:

„Законъ сей (объ указныхъ процентахъ), повидимому, весьма благонамѣренный, достигнуль-ли и удобень-ли достигнуть своей цѣли?

„Всеобщій опытъ убѣдительно доказываетъ совершенно тому противное, по крайней мѣрѣ въ Россійской имперіи; ибо едва-ли есть кто изъ заимодавцевъ частнымъ людямъ, который отдавалъ свои деньги въ займы за указные проценты, и слѣдственно, едва-ли кто изъ заемщиковъ пользуется благопріятствомъ помянутаго закона, исключая мѣстъ казенныхъ, да и изъ нихъ опекунскіе совѣты берутъ по 7 и по 9 на сто; въ рукахъ же частныхъ кредиторовъ возвышаются они до десяти, двадцати и болѣе, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ. *Cie происх дитъ уже издавна и существуетъ наиболѣе во времена настоящія*, когда промышленность наша начинаетъ нѣсколько распространяться, а съ нею вмѣстѣ и потребность капиталовъ умножается.

„Восходя къ источнику неумѣренности процентовъ, нельзя скрыть, что *самъ законъ весьма важное занимаетъ тутъ мѣсто*, по слѣдующимъ причинамъ:

„Произвольное назначеніе малыхъ процентовъ и большаго наказанія за неисполненіе повелѣннаго отвлекаетъ изъ общественной ссуды великіе частныя люди капиталы; ибо всѣ тѣ, которые, чтя святость закона, не смѣютъ преступать онаго и брать проценты свыше установленныхъ, принуждены деньги свои, вмѣсто заимообразной раздачи, обращать на другія какія-либо заведенія и промыслы, приносящіе имъ болѣе прибыли, нежели указные проценты. Изъ чего слѣдуетъ, что остаются, для удовлетворенія нуждающихся заемщиковъ, тѣ единственно капиталисты, кои, презирая стыдъ и страхъ наказанія, осмѣливаются отъ исполненія закона уклоняться, и для которыхъ другаго правила уже быть не можетъ, какъ чтобы съ заемщиковъ брать процентовъ сколько можно болѣе, дабы вознаградить свою отважность и опасность. Такъ точно въ азіатскихъ земляхъ, гдѣ ростъ или лихва запрещены вовсе по закону Алко-

рана; берутся проценты весьма великіе, ради трудности избѣгнуть закона, сіе не дозволяющаго, и за сомнительную выручку обратно своихъ денегъ.

„Такимъ образомъ, законъ остается неисполненъ къ ущербу своего достоинства; существованіе онаго производитъ дѣйствія, намѣренію его совершенно противныя, а кредитъ общественный ощущаетъ чрезъ то немалое стѣсненіе.

„Хотя же, въ другихъ европейскихъ государствахъ, установлены, подобно какъ и у насъ, указные проценты, но и тамъ законъ сей остается безъ исполненія, ежели мѣра процентовъ назначена ниже пріобрѣтаемой на капиталы прибыли чрезъ торговлю и промыслы. А къ избѣжанію силы онаго вездѣ есть средства, коихъ правительствомъ отвратить не въ состояніи.

„Изъ чего видно, что количество процентовъ не подчиняется другимъ уставамъ кромѣ изобилія, или недостатка въ ссудныхъ капиталахъ, и что гдѣ можно получать много прибыли отъ обращенія денегъ въ торговлю или промыслы, тамъ обыкновенно и за ссуду дають болѣе процентовъ; а сіе послѣднее въ мѣстахъ, капиталами недостаточныхъ, бываетъ необходимо.

„По всему сказанному лучше, кажется, такой законъ, который, вмѣсто пользы, явной вредъ причиняетъ, вовсе отмѣнить, нежели сохранять его по одному виду благонамѣренности, не имѣя средства преподать ему, къ желаемому дѣйствію, надлежащую силу“.

Вмѣсто подобныхъ соображеній, сатира прошлаго столѣтія руководилась благоговѣніемъ къ закону о процентахъ и была убѣждена, что онъ, вспомоствуемый ея усиліями, можетъ уничтожить лихву и разгромить ростовщиковъ. Оттого всѣ ея «сатирическія вѣдомости» о вексельномъ курсѣ у Кашея, онъ условіяхъ займа у Жидомора, и т. п., оказывались просто переливаньемъ изъ пустого въ порожнее. Возьмемъ другой примѣръ. Въ новиковскихъ журналахъ нѣсколько разъ попадаются жалобы невѣжественныхъ и дикихъ людей на то, что нѣтъ болѣе свободнаго винокуренія, а надо брать вино изъ «государева кружала», чтобы откупщику прибыль дѣлать. Видно, что сатирики, вѣрные своему характеру слѣдовать за правительственными реформами, не только не возставали противъ откуповъ, но скорѣе ободряли ихъ и готовы были смѣяться надъ тѣми, кто ими тяготился. Иначе имъ, конечно, и нельзя было по ихъ положенію. Откупа только-что введены были во всей Россіи съ 1767 г. Въ предварительномъ указѣ о нихъ, отъ 1 августа 1765 г., они признаны самымъ лучшимъ способомъ сбиранія дохода для казны и, вслѣдствіе того, откупщикамъ предоставляются многія права и преимущества, для привлеченія ихъ къ этому дѣлу. Во-первыхъ, имъ предоставляется полная свобода «столько кабаковъ имѣть и въ такихъ мѣстахъ, сколько гдѣ сами похотятъ». Потомъ облагораживается самое званіе кабака: «такъ какъ, отъ происшедшихъ злоупотребленій, названіе кабака сдѣлалось весьма подло и безчестно, то называть ихъ впредь питейными домами и поставить на нихъ гербы яко на домахъ, подъ нашимъ защищеніемъ находящихся». Сами откупщики и повѣренные ихъ получаютъ особенныя отличія: «такъ какъ питейная продажа есть коронная регалія,—сказано въ указѣ,—то обнадеживаются откупщики монаршимъ покровительствомъ, и

служба ихъ признается казенною, а они именуются коронными повѣренными служителями и носятъ шпаги». Кроме того, въ этомъ же указѣ утверждается неподсудность ихъ, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, никому, кромѣ губернатора или камеръ-коллегіи (И. С. З. № 12,444). Все это дѣлалось для того, чтобы посредствомъ откуповъ увеличить доходъ казны, и, дѣйствительно, онъ увеличился страшно: по свидѣтельству Щербатова, винные сборы въ Москвѣ и С.-Петербургѣ простирались при Елизаветѣ до 700,000, а въ 1775 г. доходили уже до 10 милліоновъ!.. («Моск. Вѣд.» 1859 г., № 142). Но съ кого же выбиралась вся эта сумма?.. Намъ нѣтъ надобности говорить о несовершенствахъ откупной системы, всѣми признанной теперь раззорительною для народа и бесполезною для государства. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ фактѣ только потому, что замѣтили въ сатирикахъ прошлаго вѣка наклонность подсмѣиваться, во имя административныхъ распоряженій надъ сознаниемъ простыхъ людей, съ самаго начала враждебно взглянувшихъ на откупа.

Но намъ могутъ сказать, что сатира должна поражать зло уже развившееся, господствующее, обнаружившее свое вліяніе, а не то, которое находится еще въ зародышѣ. Сатира должна дѣйствовать въ настоящемъ, и нельзя отъ нея требовать предвѣдѣнія будущаго... Правда, — но въ томъ-то и бѣда, что наша сатира, «отъ Нестора до нашихъ дней», постоянно была въ положеніи, которое заставляло ее обращать свои обличенія вовсе не на сильное и настоящее, а на слабое и прошедшее. Откупной системы никто не обличалъ не потому, чтобы при ея началѣ никто не могъ понять могущаго произойти отъ нея вреда, а просто потому, что она получила тогда законную силу и, вслѣдствіе того, сдѣлалась уже недоступною для сатиры, во всѣхъ своихъ обличеніяхъ опиравшейся на постановленія закона. Для полнѣйшаго убѣжденія въ справедливости этой мысли, стоитъ вспомнить, что на откупа никто у насъ не вооружался до тѣхъ поръ, пока не было рѣшено паденіе нынѣшней откупной системы.

И не въ отношеніи къ однимъ откупамъ сатира прошлаго вѣка выказала слѣпое послѣдованіе буквѣ закона. Возьмемъ другое явленіе, на примѣръ, — рекрутчину. Въ сатирическихъ журналахъ много есть замѣтокъ, обличающихъ плутни, бывшія при рекрутскихъ наборахъ въ противность законамъ. Замѣтки эти были иногда очень практичны и полезны и указывали на возникшія злоупотребленія очень прямо. На примѣръ, въ «Трутнѣ» 1769 г. (стр. 190) помѣщено такое письмо:

„Г. издатель! При нынѣшнемъ рекрутскомъ наборѣ, по причинѣ запрещенія чинить продажу крестьянъ въ рекруты, и съ земли до окончанія набора, показалось новоизобрѣтенное плутовство. Помѣщики, забывшіе честь и совѣсть, съ помощію ябеды выдумали слѣдующее: продавецъ, согласясь съ покупца-

комъ, велеть ему на себя бить челомъ въ завладѣнн дачь; а сей, имѣвъ нѣсколько хожденія по тому дѣлу, наконецъ подасть, обще съ истцомъ, мировую челобитную, уступая въ искъ того человѣка, котораго онъ продалъ въ рекруты.

Извѣстіе очень полезное, и нѣтъ сомнѣнія, что такія вещи дѣйствительно дѣлались. Но въ нихъ-ли было главное зло въ этомъ случаѣ, и можно-ли было ихъ уничтожить, безъ измѣненія причинъ, которыя ихъ производили? А отчего происходили подобныя злоупотребленія? Во-первыхъ, опять-таки отъ крѣпостнаго права, во-вторыхъ, отъ чрезвычайнаго излишества наборовъ, произведенныхъ въ царствованіе Екатерины. Извѣстно, что рекрутскіе наборы, иногда по два въ годъ, по одному человѣку съ 300 и 200 душъ, страшно обременяли Россію во все время ея царствованія. Въ прошломъ году напечатана у насъ записка кн. М. М. Щербатова о первой турецкой войнѣ (1768—1774 г.), найденная въ его бумагахъ г. Заблоцкимъ («Библ. Зап.» 1858 г. № 13, стр. 408—410). Цифры и указанія Щербатова наводятъ на мысли очень невеселыя. По его вычисленію, въ 50 лѣтъ, съ 1718 г., въ Великой Россіи «взято 1.132,001 рекрутъ, то-есть 6-й человѣкъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ, а конечно, не меньше третьяго изъ работниковъ». Въ первые годы царствованія Екатерины до турецкой войны, въ семь наборовъ собрано до 327,044 человѣкъ, кромѣ церковныхъ причетниковъ. И этого количества было еще недостаточно. «Колико наборы ни раззорительны государству,—пишетъ Щербатовъ,—ибо считая со всего числа душъ уже почти 23-й человѣкъ въ рекруты взять, а съ числа работниковъ смѣло положить можно 11-й или 10-й: а со всѣмъ тѣмъ армія не удовольствована, ибо предводители оныхъ безпрестанно жалуются на малое число людей оныя». Изыскивая причины этого, Щербатовъ находитъ, что все это, исключая военной необходимости, объясняется небрежностью и дурными распоряженіями при производствѣ наборовъ. Во-первыхъ, тогда было въ обычаѣ, что помѣщики многихъ крестьянъ ссылали въ Сибирь на поселеніе, съ зачетомъ ихъ въ рекруты; это было до того распространено, что наборъ 1767 года, по свидѣтельству Щербатова, «только и служилъ для расчета съ тѣми, которые въ зачетъ людей отдали, да и то большую часть на поселеніе въ Сибирь». Во-вторыхъ, наборы производились неправильно, внезапно, форсированно, такъ что взятые вдругъ рекруты принуждены были «не токмо въ дальній путь идти, но и перемѣнить воздухъ; такъ что пришедъ въ некомплектованные полки, гдѣ, по нуждѣ людей, имъ выгодъ и отдыху дать неможно было, токмо число мертвыхъ приумножили, а армія по-прежнему въ некомплектѣ осталась». Соображая все это, Щербатовъ приходитъ къ заключенію, что, вмѣсто двухъ наборовъ, спѣшно произведен-

ныхъ въ 1765 г. по одному съ трехсотъ, лучше уже было бы сдѣлать своевременно одинъ наборъ по одному со ста душъ: и армія бы укомплектовалась, да и народу было бы лучше... Всѣ эти соображенія относятся какъ разъ къ тому времени, когда особенно процвѣтала наша сатира. Но она далека была отъ мысли взглянуть на войну съ той точки, чего она стоитъ народу; сатирическіе журналы въ это самое время печатали высокопарныя привѣтствія по случаю побѣдъ. Такъ, напримѣръ, «Всякая Всячина» начинаетъ свой «Барышекъ» 1770 года поздравленіемъ по случаю успѣховъ російскаго оружія, и говоритъ такъ: «да восплещутъ убо руками всѣ языцы, да возрадуются народы и племена, тяжкимъ игомъ чрезъ многія лѣта угнетенныя, да выиграетъ море, острова и земля, видя приближающееся свое отъ горькія работы спасеніе и избавленіе, коего единственною виновницею премудрую Екатерину и разумно ею устроенный совѣтъ не только настоящій провозгласитъ вѣкъ, но и грядущія еще громчае прославятъ времена» («Всяч.», стр. 412). Что могло быть виною подобныхъ гимновъ, какъ не постоянная связь сатиры съ оффиціальнымъ ходомъ русской жизни? И что же мудренаго при этомъ, что воззванія сатиры противъ частныхъ злоупотребленій при наборахъ мало имѣли успѣха? Одно общее злоупотребленіе неминуемо вызываетъ другія, мелкія; а изъ записки Щербатова мы ясно видимъ, что въ самомъ основаніи производства наборовъ въ то время было большое злоупотребленіе. Его записка относится къ началу семидесятыхъ годовъ; но то же, конечно, продолжалось и въ послѣдующія 25 лѣтъ. Въ 1796 г., незадолго до смерти Екатерины, назначенъ былъ рекрутскій наборъ; но Павелъ I, вступивъ на престолъ, нашелъ возможнымъ и нужнымъ отмѣнить его и тотчасъ же отмѣнилъ.

«Но вѣдь литература не можетъ имѣть претензіи на прямое административное значеніе: довольно съ нея и того, если она старалась вообще внушать гуманныя идеи и благородныя чувствованія. А это она дѣлала въ вѣкъ Екатерины постоянно и очень усердно. Гдѣ ни раскройте сатирическіе журналы, вездѣ вамъ попадется—то насмѣшка надъ глушою спѣсью, то обличеніе безчеловѣчныхъ поступковъ, то злая выходка противъ эгоистическихъ расчетовъ, то внушеніе правилъ челоѣколюбія, снисходительности къ низшимъ, правдивости передъ высшими, честности, любви къ отечеству, и пр. Въ этомъ-то постоянствѣ добрыхъ стремленій, насколько было возможно ихъ обнаруживать по обстоятельствамъ времени, въ этой-то неуклонной послѣдовательности направленія, враждебнаго всему злему и безчестному, и состоитъ высокое нравственное достоинство сатиры екатерининскаго періода. Пусть она не отличалась всеобъемлемостью, пусть она даже впадала въ ошибки и шла иногда вслѣдъ за такими явленіями

русской жизни, которымъ бы должна была идти навстрѣчу. Но за это нельзя обвинять ее, нельзя надъ нею тунить: это будетъ нимало не остроумно и даже недобросовѣстно. Нужно напротивъ, поблагодарить ее за то, что она честно дѣлала свое дѣло и проложила дорогу намъ, людямъ позднѣйшаго времени, для продолженія борьбы съ порокомъ уже въ гораздо большихъ размѣрахъ».

Такъ непременно возразятъ намъ почтеннѣйшіе историки литературы и другіе дѣятели русской науки, о которыхъ говорили мы въ началѣ нашей статьи. У нихъ вѣчно на языкѣ «уваженіе къ честнымъ дѣятелямъ мысли», «благодарность къ глашатаямъ правды и добра», и т. п. Смѣемъ увѣрить почтенныхъ историковъ литературы, трудолюбивыхъ библиографовъ и московскихъ публицистовъ, что мы ничуть не менѣе ихъ одушевлены уваженіемъ и любовью къ такимъ людямъ, какъ, на примѣръ, Новиковъ. Но неужели въ русскомъ обществѣ даже до сихъ поръ степень нравственнаго достоинства благородныхъ общественныхъ дѣятелей можетъ быть разсматриваема нераздѣльно со степенью ихъ успѣха? И неужели мы, говоря, что всѣ старанія ихъ были безуспѣшны, чрезъ то самое бросаемъ тѣнь на ихъ благородство? Наконецъ, неужели мы обижаемъ кого-нибудь, стараясь указать причины этой безуспѣшности, такъ часто не зависѣвція отъ воли самихъ дѣятелей? Мы вѣдь не упрекаемъ нашихъ сатириковъ въ подлости и ласкательствѣ за то, что они писали иногда пышные диѳирамбы златому вѣку, мы не подозрѣваемъ ихъ въ боярской спѣси за то, что они мало обращали вниманія на состояніе простого народа въ ихъ время. Подобныхъ подозрѣній мы не только не высказываемъ, мы вовсе не имѣемъ ихъ. Но надо же (повторимъ здѣсь еще разъ) выяснитъ истинное значеніе факта, о которомъ такъ много и такъ восторженно кричатъ сами наши историки литературы. Если наша точка зрѣнія и различается нѣсколько отъ воззрѣній библиографическихъ, такъ это давно бы пора уже понять и не коверкать нашихъ словъ. Положимъ, что мы разсуждаемъ съ вами, на примѣръ, при началѣ итальянской войны; вы приходите въ неописанный восторгъ отъ статей, въ которыхъ доказывается, что, наконецъ, пришла пора свободы Италіи, и что австрійское иго нестерпимо, и т. п., а мы спокойно замѣчаемъ вамъ, что вѣдь это, однако, ничего не значитъ, что надежды восхваляемымъ вами статей неосновательны, что союзомъ съ Франціей Италія теперь не приобрѣтетъ себѣ истинной свободы. И вдругъ вы бросаетесь на насъ съ обвиненіемъ въ томъ, что мы не сочувствуемъ дѣлу Италіи, и стараетесь насъ поразить, указывая литературныя достоинства статей, которыя привели васъ въ восторгъ. «Посмотрите, какъ это сильно сказано, какъ это логически выведено, какъ остроумно задѣта здѣсь австрійская система, какъ горячо выразилось тутъ

сочувствіе къ итальянской народности», и пр. «Все это прекрасно, отвѣчаемъ мы: статьи написаны превосходнымъ слогаомъ и дѣлаютъ честь благородству чувствованій ихъ авторовъ; но насъ интересуетъ не слогъ и не благородство писателей, а практическое значеніе ихъ идей. И съ этой стороны мы находимъ ихъ статьи, къ крайнему своему прискорбію, не только неважными, но и вполнѣ незначительными»... Затѣмъ мы сдѣлаемъ, пожалуй, даже объясненіе причинъ, по которымъ такъ думаемъ, въ родѣ того, какое сдѣлано въ майскомъ и августовскомъ политическомъ обзорѣни «Современника». Но вы все-таки будете толковать о нашемъ неуваженіи къ Кавуру и итальянскимъ патріотамъ: пронциательно-ли и добросовѣстно-ли будетъ это съ вашей стороны?

Итакъ, не заподозрѣвая и не унижая благородныхъ стремленій нашихъ сатириковъ, мы, однако, рѣшимся утверждать, что ихъ обличенія были безуспѣшны въ вѣкъ Екатерины. Причиною же безуспѣшности мы признаемъ, главнымъ образомъ, наивность сатириковъ, воображавшихъ, что прогрессъ Россіи зависить отъ личной честности какого-нибудь секретаря, отъ благоклоннаго обращенія помѣщика съ крестьянами, отъ точнаго исполненія указовъ о винокуреніи и о шести процентахъ, и т. д. Они не хотѣли видѣть связи всѣхъ частныхъ беззаконій съ общимъ механизмомъ тогдашней организаціи государства, и отъ ничтожнѣйшихъ улучшеній ожидали громаднхъ слѣдствій, какъ напр., уничтоженія взяточничества отъ учрежденія прокуроровъ, и т. п. И за то какихъ результатовъ добились они, не говоря о сферѣ административной и т. д., даже въ той области, которая была ихъ спеціальностью—въ дѣлѣ улучшенія общественной нравственности? Сдѣлаемъ коротенькій очеркъ того положенія, въ какое пришли нравы послѣ всѣхъ этихъ обличеній.

Главные предметы обличенія сатиры екатерининскаго времени были: во-первыхъ, недостатокъ воспитанія, невѣжество и грубость нравовъ; во-вторыхъ, ложное образованіе, т.-е. французскія моды, роскошь, вѣтренность, и т. п.; въ-третьихъ, приказное крюкотворство и взяточничество. По этимъ тремъ предметамъ г. Аѳанасьевъ даже раздѣляетъ разсмотрѣніе сатиры того времени по тремъ особымъ главамъ. Посмотримъ же, что ею сдѣлано.

Какимъ образомъ сатирическіе журналы осмѣивали невѣжество, грубость и дурное воспитаніе, это уже мы отчасти видѣли изъ предыдущихъ выписокъ. Прибавимъ, что они очень вѣрно понимали круговую поруку дурнаго воспитанія и грубости помѣщичьяго быта того времени. Худо воспитанные люди, изображаемые въ сатирическихъ журналахъ,—преимущественно «господчики», какъ тогда выражались. Такъ, одинъ изъ подобныхъ господчиковъ, уже исправившійся, рассказываетъ о своемъ воспитаніи:

«Отецъ мой, дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ чело-
вѣкъ простаго нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена
его, моя мать, была сложенія тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко
происходили между ними несогласія, и всегда другъ друга не только вся-
кими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило
почти того дня, чтобы они между собою не дрались, или людей на ко-
нюшнѣ плетями не сѣкли. Я, будучи въ домѣ ихъ воспитанъ и имѣя
въ глазахъ таковыя поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возымѣлъ
къ онымъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ по-
слѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно: ибо я въ скорое время,
къ удивленію всѣхъ домашнихъ, уже совершенно выражалъ всѣ бранныя
слова, которыя, бывало, отъ родителей своихъ слышу; а что до тиран-
ства принадлежало, то уже въ томъ и родителей своихъ превосходилъ,
хотя и они въ семъ искусствѣ гораздо не плохи были» («Жив. II, 180).
Далѣе сообщается еще любопытная черта того времени: «Матушка моя,
пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала
расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ, бывало, французскую лю-
бовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола
по-русски ясно пересказываетъ...» Слѣдствіемъ этого было то, что три-
надцати лѣтъ мальчикъ уже былъ совершенно развращенъ, и «влюбив-
шись въ комнатную дома нашего дѣвку, сдѣлался въ короткое время не-
вольникомъ рабы своея», а потомъ, спознавшись съ сыномъ сосѣдняго
помѣщика, воспитаннымъ такъ же хорошо, принялся за игру, пьянство
и пр. Другой господчикъ пишетъ во «Всеякой Всеячинѣ»: «Провождая
дни свои въ деревнѣ, былъ я воспитанъ бабушкою, которая любила меня
чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьян-
скими ребятами цѣлыя дни на гумнѣ; часто случалось, что бивалъ ихъ
до крови, и когда приходили они къ учителю (который былъ старый
дьячекъ нашего прихода), то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ же-
сточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ не огорчать меня».
Четыре года учась у этого учителя, мальчикъ до 13 лѣтъ едва выучился
разбирать букварь. Тутъ отецъ хотѣлъ ему выписать француза, но ба-
бушка воспротивилась: «такъ прошелъ еще годъ, которое время прово-
дилъ я, рѣзвяся съ дѣвками и играя со слугами въ карты» (Вс. Всяч.»
стр. 242). Въ письмѣ къ Толалеею, отецъ его также вспоминаетъ, какъ
ощъ, маленькій, вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ и поролъ людей такъ, что
родители, бывало, животики надорвутъ со смѣха («Жив. I, 94). Въ
«Трутнѣ» рассказывается о дворянинѣ, который «ѣздилъ въ Москву,
чтобы сыскать учителя пятнадцатилѣтнему своему сыну, но, не нашедъ
искуснаго, возвратился и поручилъ его воспитаніе дьячку своего прихода,

человѣку весьма дородному» («Тр.» стр. 125). Подобными замѣтками исполнены всѣ сатирическіе журналы 1770-хъ годовъ; но большая часть изъ нихъ обращена назадъ, на времена прошедшія. А во время самаго разгара дѣйствій сатиры все было уже такъ хорошо, что сами худо воспитанные вразумлялись и очень искренно сожалѣли о небрежности своего воспитанія. Только люди стараго времени продолжали держаться своихъ понятій и сердились на новое направленіе молодежи, какъ напр., въ письмѣ дяди къ племяннику, помѣщенномъ въ «Трутнѣ» (стр. 113—150). Ты подавалъ большія надежды отцу,—пишетъ дядя,—потому что до двадцати лѣтъ жилъ дома и не читалъ книгъ, совращающихъ съ пути истины, а занимался часовникомъ и житіями святыхъ. «Куда это все дѣвалось? Сказывали мнѣ, будто ты по постамъ ѣшь мясо, и, оставя священныя книги, принялся за свѣтскія: чему ты научишься изъ тѣхъ книгъ? Вѣрѣ-ли несомнѣнной, любви-ли къ Богу и ближнимъ, надеждѣ-ли быти въ райскихъ селеніяхъ, въ нихъ же водворяются праведники? Нѣтъ, отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты невозвратно. Я самъ, грѣшникъ, вѣдаю, что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ государя, раззорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ и, короче сказать—грѣшилъ, по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу; но не погасилъ любви къ Богу, исповѣдаю бо Его предъ всеми творцемъ всея вселенныя», и пр... Затѣмъ дядя перечисляетъ свои бдѣнія, посты и молитвы и опять переходитъ къ брани на ученье, изъ котораго происходитъ только гордость... Все это, разумѣется, клонится къ тому, что старое невѣжество отживаетъ и на мѣсто его водворяется свѣтъ знанія... Это еще положительнѣе выражается въ «Живописцѣ». Тамъ одна барышня говоритъ: «Здѣсь вовсе свѣту подражать не умѣютъ, а все то испортили училища да ученые люди: куда ни посмотришь, вездѣ ученый человѣкъ лишь сумасбродитъ и чепуху городитъ» («Жив.» I, 63). Не упоминаемъ восторженныхъ изъявленій радости о водвореніи гуманныхъ понятій волею Россійской Минервы; мы много ихъ привели уже выше.

И что же? Какой успѣхъ имѣла въ этомъ дѣлѣ сатира, которая готова была вѣрить, что она добиваетъ уже остатки прежняго невѣжества? Дѣйствительно, обличаемыя ею явленія были у насъ въ силѣ еще задолго прежде. Изъ записокъ Болотова (1753—54 г.), изъ воспоминаній Данилова, родившагося въ 1722 г., мы видимъ, что такъ же было и за 20—30 лѣтъ ранѣе. Еще раньше—было, разумѣется, еще хуже. Но лучше-ли было и послѣ? Вспомнимъ рассказы нашихъ современниковъ, о томъ, какъ шло ихъ воспитаніе, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Прочтите «Семейную хронику» и «Дѣтскіе годы» С. Т. Ак-

сакова, прочтите «Годы въ школѣ» г. Бицына («Рус. Бес.» 1859 г. № 1—4), «Незатѣйливое воспитаніе», изъ записокъ А. Щ. въ «Атеней» (1858 г. № 43—45),—не та-ли же самая исторія повторялась у насъ въ частномъ воспитаніи, вплоть до француза по крайней мѣрѣ?

А общественное воспитаніе, т.-е., то собственно, что мы называемъ образованіемъ?—Оно тоже было не въ блестящемъ положеніи въ то время, когда сатирическіе журналы выступили на свое поприще. Приведемъ одну выдержку изъ «Живописца» о томъ, какъ все общество враждебно расположено было къ образованію.

«Что въ наукахъ,—говоритъ Наркисъ:—астрономія умножить-ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? Нѣтъ; на что мнѣ она? Маѳематика прибавитъ-ли моихъ доходовъ? Нѣтъ! Чортъ-ли въ ней? Физика изобрѣтаетъ-ли новыя тайнства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? Нѣтъ! Куда она годится!» и пр. Этотъ *Наркисъ* танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ «какъ ангелъ, красавицы почитаютъ его Адонисомъ», словомъ, это—свѣтскій человѣкъ. Совсѣмъ другое говоритъ художовоспитанникъ, офицеръ-бурбонъ. «Науки сдѣлаютъ-ли меня смѣлѣе,—разсуждаетъ онъ,—прибавятъ-ли мнѣ храбрости, сдѣлаютъ-ли исправнѣйшимъ въ моей должности? Нѣтъ! Такъ онѣ для меня и не годятся. Вся моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть кричать: «пали! коли! руби!» и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ». Однако—времена перемѣнились и *худовоспитанникъ* не можетъ получить высшаго чина, потому что ни о чемъ не умѣетъ разсудить; обиженный, онъ выходитъ въ отставку и «ѣдетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады, и если бы можно было ему съ крестьянами своими поступать въ силу Военнаго Устава, то не отказался бы онъ ихъ аркебузировать». *Кривосудъ* имѣетъ тоже сильныя резоны противъ наукъ. Онъ спрашиваетъ: «По наукамъ-ли чины раздаются? Я ничему не учился; однакожъ я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, чтобъ знать наизусть все указы и въ случаѣ нужды умѣть ихъ употреблять въ свою пользу. Науками-ли получаютъ деньги? Науками-ли наживаются деревни? Науками-ли приобрѣтаютъ себѣ покровителей? Науками-ли доставляютъ себѣ въ старости спокойную жизнь? Науками-ли дѣлаютъ дѣтей своихъ счастливыми? Нѣтъ! Такъ къ чему же онѣ годятся? Будь ученый человѣкъ хоть семи пядей во лбу, да попадись къ намъ въ приказъ, то переучимъ его на свой салтыкъ, буде не захочетъ ходить по міру». Въ этомъ же

родѣ разсуждаетъ и *Молокососъ*, которому даютъ чины по милости дядюшки, деньги присылаетъ батюшка, котораго начальники не только любятъ, но еще стараются угождать ему, дѣлая тѣмъ услугу знатымъ его родственникамъ, и пр. *Щеголиха* говоритъ: «Какъ дуны тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужасъ, какъ смѣшны ученые мужчины! А наши сестры, ученые,—о, онѣ-то совершенныя дуры: Въ словѣ *умѣть нравиться* все наши заключаются науки», и пр. *Волокита* разсуждаетъ такъ: «Какая польза мнѣ въ наукахъ? Науками-ли приходятъ въ любовь у прекраснаго пола? Науками-ли нравятся? Науками-ли упорныя побѣждаются сердца? Науками-ли украшаютъ лобъ (мужа)? Науками-ли торжествуютъ надъ солубовниками? Нѣтъ! Такъ онѣ для меня и не годятся». (*Живопись*. I, стр. 11—30).

Почти то же самое, и даже въ подобной же діалогической формѣ, говорилъ за сорокъ лѣтъ ранѣе Кантемиръ въ сатирѣ «На хулящихъ ученіе». И скажемъ по совѣсти: хоть одно изъ всѣхъ приведенныхъ нами разсужденій «Живописца» потеряло-ли свою свѣжесть и справедливость даже *въ настоящее время, когда*, и пр.?—Не повторяетъ-ли до сихъ поръ какой-нибудь Вышневскій мысль Кривосуда, Вихоревъ—Волокиты, и т. п.? Что же это значитъ? Конечно, то, что общество наше не очень далеко ушло въ послѣднія 90 лѣтъ на поприщѣ образованія! Въ самомъ дѣлѣ—оглянитесь вокругъ себя: чего долженъ ожидать и чему подвергается въ нашемъ обществѣ человѣкъ, посвятившій себя занятіямъ наукою, даже если онѣ не школьный педантъ? «Дойти до степеней извѣстныхъ» ему не удастся, если онѣ честенъ и гордъ; такъ-называемая ученая карьера у насъ вовсе не пользуется почетомъ и представляетъ какую-то пародію на карьеру. Состояніе до сихъ поръ наукою у насъ не приобрѣтается; развѣ какой-нибудь спекуляторъ сочинитъ плохой учебникъ да напечатаетъ его двадцать изданій для заведеній, въ которыхъ начальствуетъ онѣ самъ или его сваты и пріятели. Въ обществѣ нашемъ человѣку, серьезно образованному, нечего дѣлать: если онѣ не сядетъ за карты, то непременно нагонитъ тоску на всѣхъ присутствующихъ. О женщинахъ нечего и говорить: онѣ еще долго не перестанутъ быть танцующими и говорящими куклами; сердце ихъ еще долго будетъ сладостно замирать при видѣ усовъ и эполетъ; для того, чтобъ привлечь ихъ расположеніе, долго еще надо будетъ «умѣть одѣваться и чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогающія бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану» («Живопись» I, 26)... Гдѣ же нашъ прогрессъ, гдѣ результаты сатирическихъ обличеній?

„Гдѣ жь плоды той работы полезной?“

Надо, впрочемъ, замѣнить, что вопросъ объ образованіи поставленъ очень широко въ приведенныхъ нами разсужденіяхъ. Здѣсь уже вина равнодушія въ наукамъ падаетъ не на личныя качества отдѣльныхъ особъ, а на устройство и направленіе цѣлаго общества. Дѣйствительно, глупо и непрактично въ этомъ обществѣ заботиться объ украшеніи ума науками, и всѣ тупоумныя выходки *Кривосудовъ*, *Худовоспитанниковъ* и другихъ имѣютъ въ сущности глубоко-справедливое основаніе. Если бы сатира наша съумѣла утвердиться на этомъ основаніи, она бы дошла до многого. Въ самомъ дѣлѣ, припомните всѣ выходки, сгруппированныя «Живописцемъ», и задайте вопросъ: что же нужно, чтобы въ этомъ обществѣ могла водвориться разумность, могло распространиться истинное образованіе? Отвѣтъ будетъ простой: нужно измѣненіе общественныхъ отношеній. Надо, чтобъ никакія преимущества знатности и протекціи не имѣли вліянія на опредѣленіе судьбы человѣка; тогда и *Молокососъ* будетъ учиться, чтобы съумѣть чего-нибудь достигнуть. Нужно, чтобы въ судахъ не было произвола, чтобы законы не были достояніемъ одной касты, а строго и равно охраняли права cadaго: тогда и *Кривосудъ* пойметъ необходимость науки. Нужно, чтобы всякій изъ людей служащихъ былъ не слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другаго, а имѣлъ свою долю участія въ общественныхъ интересахъ: тогда и въ бесѣдахъ нашихъ необходимо появится дѣльный разговоръ, и какой-нибудь *Наркисъ* принужденъ будетъ отказаться отъ своихъ трогających бездѣлокъ для разговора болѣе дѣльнаго; а при этомъ онъ необходимо долженъ будетъ почувствовать цѣну образованія... Наконецъ, самое главное, нужно, чтобы значеніе человѣка въ обществѣ опредѣлялось его личными достоинствами, и чтобы матеріальныя блага пріобрѣтались каждымъ въ строгой соразмѣрности съ количествомъ и достоинствомъ его труда: тогда всякій будетъ учиться уже и затѣмъ, чтобъ дѣлать какъ можно лучше свое дѣло, и невозможны будутъ тунеядцы, подобные *Худовоспитаннику*, который выходитъ въ отставку, чтобы въ деревнѣ безобразничать надъ крестьянами. Тогда даже и *Волокиты* (самый безнадежный народъ, больше все изъ военныхъ) захотятъ чему-нибудь выучиться, потому что иначе имъ не на что будетъ не только одѣться со вкусомъ, но даже и убрать свои волосы... Да и *Щеголихи* тогда перемѣнятъ свои воззрѣнія, если только сами онѣ уцѣлѣютъ при такомъ измѣненіи общественныхъ отношеній... А пока продолжается то положеніе дѣлъ, какое изображала сама же сатира екатерининскаго періода, до тѣхъ поръ должно продолжаться «темное царство», которое недавно обзрѣвали мы въ сочиненіяхъ Островскаго. Просимъ читателя припомнить или просмотрѣть то, что мы говорили тогда

о возможности и значеніи образованія въ «темномъ царствѣ», подѣ вліяніемъ самодурныхъ отношеній.

Къ сожалѣнію, екатерининская сатира не удержалась на точкѣ зрѣнія общественности и не развила тѣхъ идей, которыхъ зародышъ заключался въ приведенномъ нами изъ «Живописца» очеркѣ русскихъ воззрѣній на образованность. Кажется, сатирики и сами, впрочемъ, не совсѣмъ ясно сознавали возможное значеніе этого очерка. Изъ другихъ статей сатирическихъ журналовъ видно, что они полагали всю надежду на книги и училища. Что касается до книгъ, то мы уже говорили выше, много-ли значенія могли имѣть онѣ, и какія затрудненія встрѣтились имъ тотчасъ же, какъ только стало похоже на то, что всѣ пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе. Прибавимъ, однако, что до конца царствованія Екатерины наши сатирики не переставали восхвалять данную имъ свободу мыслить и говорить. Въ 1788 г. фонъ-Визинъ задумалъ, было, издавать сатирическій журналъ: «Другъ честныхъ людей или Стародумъ». Для этого изданія написалъ онъ нѣсколько мелкихъ статей, и между прочимъ, письмо къ Стародуму, съ просьбою у него статей въ журналъ. «Не страшусь я строгости цензуры,—пишетъ онъ,—ибо вы, конечно, не напишите ничего такого, что бы напечатать было невозможно. Вѣкъ Екатерины Вторья ознаменованъ дарованіемъ Россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. Недоросль мой, между прочимъ, служить тому доказательствомъ, ибо назадъ тому тридцать лѣтъ ваша собственная роль могла-ли быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ люди, стремящіеся вредить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; но таковое немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другого нынѣ произвести не можетъ». Въ отвѣтъ на это Стародумъ, съ своей стороны, тоже восхваляетъ «вѣкъ, въ которомъ честный человекъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно». Между прочимъ, онъ пишетъ (Соч. фонъ-Визина, стр. 545—46).

„Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой сей разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно: ибо гибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгала сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателя оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, російскіе писатели! какое обширное поле предстоить вашимъ дарованіямъ! Если какая робкая душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ вашихъ обличеній, если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ, то перо ваше можетъ ясно обличать ихъ предъ трономъ, предъ отечествомъ, предъ свѣтомъ. Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставяетъ человека съ дарова-

нѣмъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предрасудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человекъ, съ перомъ въ рукахъ, можетъ быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества“.

Нельзя не замѣтить, что Стародумъ нѣсколько далеко хватилъ въ своемъ самодовольствѣ; но это даетъ намъ мѣру той благородной довърчивости и наивности, съ которою тогдашніе сатирики смотрѣли на свое дѣло.

Скажемъ нѣсколько словъ и объ училищахъ. О заведеніи ихъ заботилась Екатерина съ самаго начала своего царствованія. Преимущественно обращено было ея вниманіе на заведеніе «воспитательныхъ училищъ», въ которыхъ цѣль была, по выраженію Бецкаго, произвести въ Россіи «новую породу людей» (докладъ Бецкаго, 12 марта 1764 г.). Въ этихъ видахъ основаны были женскія воспитательныя училища, гдѣ и положено начало тому закрытому, казенному воспитанію, противъ котораго такъ сильно возстаетъ современная педагогика, за то, что оно отчуждаетъ дѣтей отъ семьи: на тѣхъ же началахъ основано было нѣсколько кадетскихъ корпусовъ. Собственно же къ устройству училищъ, не имѣющихъ воспитательнаго значенія, Екатерина приступила только уже во вторую половину своего царствованія, да и то потому, что на устройство воспитательныхъ заведеній во всѣхъ городахъ, по первоначальному плану, недостало денегъ. Въ 1775 г., при учрежденіи губерній, вмѣнено было въ обязанность приказамъ общественнаго призрѣнія—стараться о заведеніи училищъ; но это ни къ чему не повело: приказы не открыли почти ни одного училища, отзываясь тоже неимѣніемъ средствъ. По мѣстамъ и пробовали открывать формальнымъ образомъ: но ни учителей, ни книгъ не откуда было взять, и ученики не являлись. Это все было около того времени, когда литература пѣла уже разлитіе лучей просвѣщенія по всѣмъ закоулкамъ русскаго царства. Наконецъ, въ 1782 г., составлена коммисія объ учрежденіи народныхъ училищъ. Въ коммисіи этой, вмѣстѣ съ Бецкимъ и Завадовскимъ, участвовалъ извѣстный педагогъ Янковичъ, ди Миріево. Въ обзорѣ дѣятельности этого человѣка, изданномъ въ прошломъ году г. Вороновымъ, находятся любопытныя свѣдѣнія о первоначальномъ заведеніи училищъ при Екатеринѣ. Нужно сказать, что 1782—84 годы были временемъ особенно-литературнаго и ученаго настроенія Императрицы. Тутъ она основала Россійскую академію, дозволила заведеніе вольныхъ типографій, составила планъ сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій, издавала съ Дашковою «Собесѣдникъ». Тутъ же шло и дѣло объ училищахъ. Предварительныя работы коммисіи были представлены черезъ три года, и 5 авг. 1786 г. изданъ указъ

объ открытіи народныхъ училищъ во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи. Въ то же время приказано было комиссіи составить планъ для учрежденія гимназій и четырехъ университетовъ, сначала въ Екатеринославѣ, а потомъ во Псковѣ, Пензѣ и Черниговѣ, съ тѣмъ при томъ, чтобы профессора были русскіе. Комиссія была въ затрудненіи и обратилась въ академію наукъ и въ московскій университетъ съ просьбою, не могутъ-ли они удѣлить нѣсколько профессоровъ для новыхъ университетовъ. Тѣ отвѣчали, что у нихъ у самихъ мало. Вслѣдствіе того, комиссія донесла въ 1787 г., что необходимо вызвать ученыхъ иностранцевъ, да и то на четыре университета вдругъ набрать трудно, и потому не достаточно-ли покаместъ учредить хоть одинъ. При этомъ представлялся и планъ новаго университета. Это было въ 1788 г. Но тутъ политическія заботы помѣшали, и до смерти Екатерины не было учреждено ни одного университета.

Гимназіи также были открыты уже въ царствованіе Александра.

Немногимъ лучше устроилось дѣло и собственно народныхъ училищъ. Въ то время какъ изданъ былъ указъ объ ихъ открытіи, государственныя финансы были уже крайне истощены, и потому вся хозяйственная часть предположенныхъ училищъ отнесена была не на государственное казначейство, а на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Но и въ приказахъ денегъ было очень мало, и потому многія изъ предполагавшихся училищъ вовсе не открыты, а другія и открывались, да потомъ сами не рады были. Администрація ихъ была самая сложная: они зависѣли и отъ своего директора или смотрителя, и отъ предсѣдателя и чиновниковъ приказа, и отъ губернатора, и отъ комиссіи училищъ. Средства были очень скудныя, помѣщеніе плохое, жалованье учителямъ ничтожное, содержаніе казеннымъ ученикамъ выдавалось неисправно, учебныхъ пособій почти ~~никакихъ~~ не давали. Естественно, что ни у кого не являлось охоты ни учиться, ни быть учителемъ, тѣмъ болѣе, что ученье не вознаграждалось никакими преимуществами, а учителя даже чиновъ не получали и должны были непременно прослужить въ своей должности—преподаватели въ высшихъ классахъ не менѣе 23, а въ низшихъ—не менѣе 36 лѣтъ, для того, чтобы получить чинъ коллежскаго асессора, и выдти въ отставку безъ всякой пенсіи. Вообще ученье было въ загонѣ, и имъ вовсе не дорожили даже и по внѣшности. Дворяне обыкновенно записывались прямо въ полкъ, послѣ такого воспитанія, какое описывалось въ «Живописцѣ» и въ «Трутнѣ», и когда при Императорѣ Александрѣ послѣдовалъ указъ о производствѣ въ офицеры только грамотныхъ, то оказалось чрезвычайно много не знавшихъ грамоты унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ. Таковы были результаты стараній о заведеніи народныхъ училищъ,—стараній, на ко-

торья тогдашняя литературата возлагала такія надежды и по поводу которыхъ восцѣвала златой вѣкъ и царство знаній въ Россіи.

Но откуда же эта скудость денежныхъ средствъ, помѣшавшая осуществленію просвѣщенныхъ намѣреній Екатерины? Мы знаемъ, что она начала свое царствованіе повелѣніемъ бить мѣдную монету по 16 рублей изъ пуда, вмѣсто 32, какъ было прежде, начертаніемъ новыхъ правилъ для нашей заграничной торговли, «къ облегченію тягости народной», пониженіемъ цѣны на соль и пр. Значить, большой скудости при началѣ не было. А въ теченіе своего царствованія она ввела новый порядокъ сбора податей, повелѣла генераль-прокурору составлять ежегодные бюджеты, которыхъ прежде не было, вообще, по учебнику Устрялова, «чрезвычайно увеличила государственные доходы, безъ отягощенія подданныхъ: при началѣ ея царствованія наши доходы составляли 20 милліоновъ, а при концѣ доходили до 50». (См. Устр. II, 259). Какая же могла быть скудость, судя по этимъ свѣдѣніямъ, занесеннымъ даже въ учебникъ?.. Правда, судя по этому мѣсту учебника, нельзя предполагать оскудѣнія финансовъ; но это потому, что здѣсь излагаются, между прочими дѣяніями Екатерины, и благотворныя мѣры ея для улучшенія финансовой части. Указаній же на разстройство финансовъ при Екатеринѣ нужно искать въ другомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ излагаются г. Устряловымъ благотворныя мѣры Императора Павла для улучшенія финансовой части. Тамъ, дѣйствительно, и находимъ (стр. 275—76):

„Государственные финансы въ послѣдніе годы царствованія Екатерины находились не въ цвѣтущемъ состояніи: обременительныя войны съ Турціею, Швеціею, Польшею, Персіею истощили казну; доходы не покрывали расходовъ; внѣшній долгъ, незначительный до начала второй турецкой войны, отъ новыхъ займовъ увеличился до 46 милліоновъ рублей сер., долгъ внутренній, составившійся отъ выпуска ассигнацій, простирался до 157 милліоновъ; заграничные переводы были невыгодны, денежный курсъ съ каждымъ годомъ быстро понижался; ассигнаціонный рубль со времени второй турецкой войны постепенно упадалъ, и въ 1796 г. стоилъ только 68 к. на серебро; всеобщее потрясеніе европейской торговли французскою революціею разстроило и наши коммерческіе обороты; банкротства увеличились; общественный кредитъ колебался“.

Такъ вотъ къ чему привело непомѣрное увеличеніе доходовъ. Однако же, все-таки отчего это? Конечно, войны были, да вѣдь войны всѣ оканчивались счастливо; мы приобрѣли въ царствованіе Екатерины 32,000 квадратныхъ миль земли и на 12 милліоновъ увеличили народонаселеніе. Кромѣ того были экстраординарные источники доходовъ. Напримѣръ, монастырскіе крестьяне, въ числѣ 900,000, были взяты въ казну и обложены довольно высокою по тогдашнему времени податью (указъ 26 февраля 1764 г.); раскольниковъ, которыхъ Петръ III велѣлъ было освободить отъ всякихъ розысковъ (февр. 1762 г.), велѣно было указомъ 3 марта 1764 г. при новой ревизіи всѣхъ переписать аккуратно и обложить двойнымъ подуш-

нымъ окладомъ. Но дѣло въ томъ, что подобныхъ доходовъ было, все-таки, мало для покрытія необычайныхъ расходовъ, которые нужны были въ то время. Причиною этихъ расходовъ была всеобщая роскошь, распространившаяся въ то время, и противъ нея-то, между прочимъ, возставали тогдашніе сатирики съ особенною силою, хотя, разумѣется, опять не проводили уровня своей сатиры надъ всѣмъ обществомъ, а выбирали, что поменьше. «Трутень» изображаетъ мота, который «то въ день съѣдаетъ, чтобы въ годъ ему съѣсть надлежало, держитъ шесть каретъ и шесть цуговъ лошадей, опричь верховыхъ и санныхъ, и сноситъ въ годъ до двадцати паръ платья» («Трут.» стр. 219). «Смѣсь» обличаетъ такихъ, которые на одинъ столъ издерживали въ годъ до 14,000 рублей. «Живописецъ» обличаетъ модныхъ дамъ, которыя прогуливались по гостинному двору и обнаруживали «превеликое желаніе покупать, или, лучше сказать, брать всякіе нужные и ненужные товары» («Жив.» II, 133). Въ «Трутнѣ» осмѣивался помѣщикъ, который содержалъ «великое число псовой охоты и ѣздилъ на ярмарки верстъ на 260 весьма великолѣпно, а именно: самъ въ четверомѣстномъ дѣдовскомъ берлинѣ на 10 лошадей, и еще 12 колясокъ, запряженныхъ 6 и 4 лошадьми, исключая повозокъ и фуръ съ палатками, поваренною посудою и всякимъ его господскимъ стяжаніемъ»... Объ этомъ дворянинѣ, однакожь, замѣчается, что онъ проживаетъ не больше ежегоднаго своего дохода, а получаетъ онъ шесть тысячъ рублей («Трут.», 125). Изъ этого отчасти уже видно, что сатира того времени признавала главнымъ источникомъ роскоши—не дѣдовское житіе со всей его сытностью и раздольемъ, а нѣчто другое. Это другое заключалось именно въ подражаніи французамъ. Большая часть нашихъ злобныхъ сатиръ на французовъ произошла не столько изъ «любви къ отечеству и народной гордости», сколько съ досады на то, что они насъ разоряютъ. Нападали на французскихъ парикмахеровъ за то, что они съ иныхъ «господчиковъ» получаютъ по 30 руб. въ мѣсяцъ, а съ другихъ берутъ 200 р. въ годъ, платье, столъ и экипажъ («Ад. Почт.», стр. 14). Обличали французскихъ портныхъ, которые «продаютъ искусство свое весьма дорого» («И то, и се», нед. 24), самозванныхъ учителей, которые ни за что, ни про что получали большія деньги, обыкновенно рублей 500 со столомъ, прислугою и экипажемъ («Веч.» I, 12; «Кошел.», 140). Особенное зло причиняло это помѣщикамъ, которыхъ французскіе гувернеры безъ церемоніи надували и обворовывали. «Этотъ маневръ завелся и у деревенскихъ бояръ,—пишетъ Стародуровъ, въ «Полезномъ съ пріятнымъ» (стр. 24),—такъ что за инымъ не болѣе 300 душъ, а у него живетъ иноземецъ и деретъ съ него очень и очень порядочныя денежки». Сатириковъ нашихъ очень возмущали также постыдныя спекуляціи, на которыя пускались учителя фран-

цузы. Напримѣръ, въ «Кошелькѣ» осмѣивается французскій гувернеръ, самъ себя произведшій въ Шевалье де-Мансоежъ: этотъ плутъ, поступивши къ одному помѣщику, «въ свободное время занимался передѣлкою простаго табаку въ *розовыи* и продавалъ его по 5 и по 10 руб. за фунтъ». Но особенно было ужасно то, что они научали мотовству юношество, которое попадало въ ихъ руки. Ученье француза гувернера обыкновенно оканчивается въ нашихъ сатирическихъ разсказахъ тѣмъ, что воспитанникъ выучивается играть на бильярдѣ, въ банкъ и въ *квинтиль*, и проматываетъ все отцовское состояніе. Не менѣе азартныхъ игръ раззоряли тогда дворянъ «французскія моды». Не говоря уже о томъ, что парижскіе парикмахеры и портные брали очень дорого, и что балы обходились въ большія суммы, жизнь по модѣ вредна была еще тѣмъ, что разстраивала домашнее хозяйство. Модница уже не можетъ сидѣть дома и смотрѣть за хозяйствомъ. Въ «Трутнѣ» (1770, стр. 43) помѣщено письмо одной барыни, которая сдѣлавшись модницей при помощи французской мадамы, съ отвращеніемъ вспоминаетъ о томъ, что она прежде «только и знала, когда и какъ хлѣбъ сѣютъ, капусту садятъ, и пр., и не умѣла ни танцовать, ни одѣваться». Если модной женѣ мужъ «осмѣлится напомнить о домашней экономіи, о которой модная женщина считаетъ за подлость имѣть понятіе, тутъ онъ пропалъ!» («Веч.» I, 188). Замѣчательно, что въ сатирическихъ нападкахъ на французовъ экономическая и внѣшняя сторона играетъ очень видную роль, а собственно идеи французовъ не подвергались осмѣянію до самаго того времени, какъ политическое движеніе во Франціи заставило ихъ опасаться. Въ 1770 годахъ, напротивъ, господствовало даже и въ обществѣ, и въ самой литературѣ, полнѣйшее уваженіе и къ господину Вольтеру, и къ женевскому философу Жанъ-Жаку Руссо, и къ ученому Дидероту, и пр. Эти насъ не раззоряли, да притомъ же ихъ уважала сама Императрица въ это время.

Но и экономическую сторону вопроса сатирики разсматривали въ очень малыхъ размѣрахъ. Конечно, въ обличеніяхъ мотовъ средняго состоянія могли скрываться намеки и на то, что дѣлалось первоклассными и знатными богачами. Но это предположеніе, если оно и справедливо, не свидѣтельствуемъ въ пользу *силы* тогдашней сатиры. Притомъ же, наши сатирики и вообще литераторы умѣли нерѣдко и мѣнять точку зрѣнія на предметъ, какъ скоро дѣло превосходило тѣ размѣры, которые были имъ по плечу. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ описаніяхъ пировъ знатныхъ вельможъ и въ разсказахъ о жизни ихъ, расточительность принимала названіе *щедрости*, а роскошь называлась великолѣпіемъ. Для примѣра можно указать изъ знаменитыхъ—на фонъ-Визина, писавшаго біографію Н. И. Панина, на Державина, который воспѣвалъ пиры Потемкина, за-

бывая остроумные намеки, которые самъ же дѣлалъ на него въ «Фелицѣ», и пр. Между тѣмъ въ это-то, воспѣваемой ими, *щедрости* и *великодушности* и заключалась причина финансоваго разстройства Россіи. Тутъ даже и французскіе парикмахеры и гувернеры были виноваты очень мало. И безъ нихъ были другія побужденія и другіе способы мотать неслыханныя суммы. Сама Екатерина отличалась умѣренностью и простотою, какъ свидѣлствуютъ современныя ей записки и литературныя обращенія къ ней. Вспомнимъ стихи Державина:

Мурзамъ твоимъ не подражая,
По часту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ, и пр.

По примѣру, воспѣтому Державинымъ, не подражали приближенные Императрицы. О роскоши, какую они себѣ позволяли, остались свѣдѣнія изумительныя, предъ которыми должно поблѣднѣть и исчезнуть все, что изображала сатира екатерининскаго вѣка. «Трутень» обличалъ, на примѣръ, господчиковъ, у которыхъ на столъ выходило 14 тысячъ въ годъ. А въ Запискахъ Грибовскаго находимъ, что у Пл. Ал. Зубова, графа Н. И. Панина и у графини Браницкой столъ каждый день стоилъ около 400 рублей, исключая винъ и прочихъ напитковъ, которыхъ тоже выходило каждый день рублей на 200! («Гриб. Зап.», стр. 60). Онъ же рассказываетъ удивительныя вещи о пирахъ Л. А. Нарышкина, о выѣздахъ Остермана въ его золоченой каретѣ, о праздникахъ Безбородко. Безбородко былъ весь засыпанъ золотомъ и брильянтами въ своемъ домѣ. Танцовщицѣ Дави онъ давалъ 2,000 р. золотомъ въ мѣсяць, а когда она уѣзжала въ Италію, подарилъ ей деньгами и брильянтами 500,000 р. Потомъ онъ содержалъ Сандунову, а когда эта вышла замужъ, то взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку; отъ этой онъ имѣлъ дочь, которую потомъ выдалъ замужъ, давши ей въ приданое домъ въ 300,000 р. и имѣнье съ 80,000 р. доходу («Гриб.» стр. 72). Откуда брались столь огромныя суммы? Конечно, отъ щедротъ Екатерины: хотя извѣстно, что Безбородко и безъ того былъ очень богатъ, но его собственныхъ средствъ не хватило бы на такую пышность. Въ примѣръ того, какіе размѣры должны были имѣть эти щедроты, можно указать на Н. И. Салтыкова, о которомъ свѣдѣнія находимъ тоже у Грибовскаго. По словамъ его, Салтыковъ имѣлъ всего 6,000 душъ крестьянъ, а проживалъ ежегодно по 200,000 р., да еще въ теченіе 10 лѣтъ умѣлъ сдѣлать такую экономію изъ своихъ доходовъ, что прикупилъ потомъ еще 10,000 душъ («Гриб.», стр. 61). Была, впрочемъ, у вельможъ тогдашнихъ, кромѣ щедротъ Императрицы, и другая возможность получать большія деньги.

Такъ, въ «Запискахъ Державина» («Рус. Бес.» 1859 г., т. IV, стр. 233—337) находимъ изложеніе дѣла извѣстнаго банкира Сутерланда, который «былъ со всѣми вельможами въ великой связи, потому что онъ имъ ссужалъ казенныя деньги, которыя принималъ изъ государственнаго казначейства для перевода въ чужія края, по случавшимся тамъ министерскимъ надобностямъ». Такихъ суммъ набралось до 2.000,000, переведенныхъ въ Англію. Но вдругъ министръ донесъ оттуда, что денегъ тамъ нѣтъ. Навели слѣдствіе, открылось, по книгамъ Сутерланда, что деньги еще не переведены; потребовали, чтобъ онъ ихъ перевелъ немедленно, а въ это время у него не случилось денегъ, и онъ объявилъ себя банкротомъ. По дальнѣйшимъ розысканіямъ открылось, что всѣ деньги «забраны—Потемкинымъ, Безбородкою, Остерманомъ, Вяземскимъ, Морковымъ и даже великимъ княземъ». Одинъ Потемкинъ взялъ 800,000 р. Это было уже послѣ смерти его, и Екатерина, на докладъ Державина, «извинивъ, что князь многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги, приказала принять на счетъ свой государственному казначейству» (стр. 337). Потемкинъ, дѣйствительно, не только самъ тратилъ большія суммы, но и другимъ разрѣшалъ подобныя траты. У Державина же находимъ мы рассказъ о купцѣ Логиновѣ, котораго Потемкинъ не только допустилъ къ откупамъ безъ залоговъ, но еще кредитовалъ 400,000 рублей, изъ комиссаріатскихъ суммъ. Между тѣмъ, Логиновъ этотъ, нажившись отъ откупа, не только не внесъ долга, но не платилъ рѣшительно ничего и даже самъ *скрылся*, то-есть, постоянно показывался въ неизвѣстной отлучкѣ, «и хотя всѣмъ былъ виденъ проживающимъ въ Петербургѣ, однако не сысканъ и не представленъ въ Москву *около 20 лѣтъ*» (стр. 330) Въ Запискахъ же Державина есть любопытный рассказъ о расхищеніи 600,000 р. изъ государственнаго заемнаго банка, въ чемъ главными виновниками оказались — главный директоръ банка Завадовскій съ кассиромъ Кельбергомъ и вторымъ директоромъ Зайцовымъ; они «вошли между собою въ толь короткую связь, что брали казенныя деньги на покупку брильянтовъ, дабы, продавъ ихъ Императрицѣ съ барышемъ, внести въ казну забранныя ими суммы и, сверхъ того, имѣть себѣ какой-либо прибытокъ» («Рус. Бес.» IV, стр. 377).

Подобные рассказы объясняютъ очень удовлетворительно (по крайней мѣрѣ, гораздо удовлетворительнѣе сатирическихъ нападокъ на французскія моды), отъ чего произошло подъ конецъ царствованія Екатерины такое разстройство финансовъ. Ясно, что приближенные Екатерины, не довольствуясь ея милостями, прибѣгали еще и къ непопозволеннымъ ею средствамъ обогащенія. Она часто вовсе и не знала, что дѣлаютъ эти вель-

можи; но это довѣріе къ нимъ все-таки обращалось потомъ ей въ упрекъ. Даже Державинъ, восторженный пѣвецъ ея, сказавшій о ней:

Какъ солнце, какъ луну поставлю,
На память будущимъ вѣкамъ
Превознесу тебя, прославлю.
Тобой безсмертенъ буду самъ —

и онъ, въ заключеніе своихъ воспоминаній о ней, говоритъ слѣдующее:

„Коротко сказать,—сія мудрая и сильная государыня, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ сказать, сквозь свой закоулокъ пробиться и вознестись до надлежащаго величія. Но если разсуждать, что она была человекомъ, что первый шагъ ея возшествія на престоль былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать, можетъ быть, и опасалась, ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе годы съ княземъ Потемкинымъ упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скриптру своему новыхъ царствъ“. („Рус. Бес.“, 1859 г. Кн. IV, стр. 387).

Совершенно согласно съ Державинымъ, но гораздо обстоятельнѣе и солиднѣе, отзывается объ истощеніи Россіи къ концу царствованія Екатерины графъ А. Р. Воронцовъ, бывшій при Императорѣ Александрѣ государственнымъ канцлеромъ. Недавно, въ первой книжкѣ «Чтеніе Московскаго Общества Исторіи и Древностей» напечатаны чрезвычайно любопытныя его «Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи». Примѣчанія эти написаны были въ 1801 г. и представлены Императору Александру. Начинаются они, разумѣется, съ того, что «благополучное состояніе, которымъ всѣ Россіяне нынѣ пользуются, не оставляетъ ничего болѣе желать, какъ только непоколебимости онаго» («Чт. М. О. И.» 1859 г. Кн. I, см. стр. 91). Но затѣмъ онъ приводитъ свои мысли о внутреннемъ состояніи Россіи и, между прочимъ, замѣчаетъ: «можно сказать, къ сожалѣнію, что Россія никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было». Очертивши вкратцѣ дѣйствія преемниковъ Петра и дойдя до времени Екатерины, Воронцовъ говоритъ:

„О революціи, коею возведена была императрица Екатерина Вторая на престоль россійской, нѣтъ нужды распространяться, понежъ всѣ сіи обстоятельства еще въ свѣжей памяти; но того умолчать нельзя, что самый сей образъ вступленія на престоль заключалъ въ себѣ многія неудобности, кои имѣли вліяніе и на все ея царствованіе. Оно было, конечно, съ большимъ блескомъ, особливо по внѣшнимъ дѣламъ; большія пріобрѣтенія сдѣланы, служащія и къ безопасности Россіи, и къ лучшему составленію всей массы. Но нельзя не признать, чтобъ сердце Россіи почти ежегодными рекрутскими наборами не

было истощено; къ тому же прибавились налоги, прежде еще зрѣлости своей, чтобъ Россія могла оныя безъ изнуренія выносить“... (Чт. М. О. И.“ 1859 г. Кн. I, см. стр. 95).

Далѣе (на стр. 96), Воронцовъ говоритъ, что къ концу царствованія Екатерины «роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что люди едва-ли уже не желали въ 1796 г. скорой переменѣны, которая, по естественной кончинѣ сей государыни, и воспослѣдовала». Въ особенноти Воронцовъ обвиняетъ Потемкина. Говоря о военной части, онъ замѣчаетъ, что «воинскія учрежденія, сдѣланныя комиссіею, на то опредѣленною при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, имѣли много основательнаго и полезнаго, да и на правилахъ хозяйства основаны были»; затѣмъ продолжаетъ: «Страшныя злоупотребленія и расточенія, вкравшіяся по сей части, и кои начало свое взяли и далѣе простирались отъ 1775 г., отнюдь не отъ самыхъ учрежденій произошли, а отъ необузданности временщиковъ». Далѣе Воронцовъ замѣчаетъ, что злоупотребленія эти «сдѣлались общими и не по одной военной, но по всѣмъ частямъ государства распространились» (стр. 99), и при этомъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе, очень характеристическое:

„Прямою эпохою водворенія сихъ злоупотребленій почитать должно самовластіе и властолюбіе покойнаго князя Потемкина; а на него глядя и видя, что не только нѣтъ взысканія и отчета на обогащеніе людей, но и къ почестямъ и къ вознагражденіямъ было лучшею дорогою, рѣдкій, по части ему върренной, не находилъ для себя выгоднымъ по тѣмъ же слѣдамъ идти; ибо не всякій имѣетъ въ себѣ столько твердости души, чтобъ худымъ примѣрамъ не послѣдовать, особливо когда они многія пріятности въ жизни доставляютъ“. (Стр. 100).

Эта замѣтка чрезвычайно важна въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ существенную сторону вреда, который производится для государства расточительностью временщиковъ. Они сами, положимъ, и не много растрачатъ; но важно уже то, что они истратили хоть одинъ лишній рубль, принадлежащій не имъ, а государству. Какъ скоро это сдѣлано хоть однимъ человѣкомъ, каковы бы ни были его заслуги, чинъ и положеніе—зараза неминуемо распространяется дальше. Какъ скоро разъ произошло нарушеніе законности, — нѣтъ причины не произойти ему и въ другой разъ. Общественное благо вообще и общественная или государственная казна въ частности—можетъ быть съ усердіемъ охраняема каждымъ членомъ общества только до тѣхъ поръ, пока онъ знаетъ, что это благо, эти права, это имущество—неприкосновенны для насилія, недоступны для произвола; тутъ есть часть каждаго, и на желаніи полного обезпеченія этой части со стороны общества основывается и стремленіе каждаго поддерживать общее благо. Но какая же мнѣ охота заботиться объ общемъ

благѣ, когда я вижу, что мое собственное достояніе не обезпечено, мои права не ограждены? И вотъ отсюда-то происходитъ эгоистическій образъ дѣйствій, который выражается съ одной стороны во взяточничествѣ, казнокрадствѣ, обманѣ и барышничествѣ всякаго рода, а съ другой—въ совершенной безпечности и небрежности въ исполненіи своихъ обязанностей.

О томъ, до какой степени доходило у насъ въ девяностыхъ годахъ общее разстройство управленія по всѣмъ частямъ, всего лучше рассказываетъ князь Щербатовъ въ своемъ «Разсужденіи о нынѣшнемъ, въ 1787 году, почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи», въ «Размышленіи о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры», и въ сочиненіи «О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 г., при началѣ турецкой войны». Эти сочиненія вполнѣ не напечатаны; но въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» нынѣшняго года, въ іюнѣ и іюлѣ (№№ 142, 143, 154, 172, 177) помѣщены были довольно обстоятельныя извлеченія изъ нихъ, сдѣланныя г. М. Щепкинымъ. Мы воспользуемся нѣкоторыми изъ напечатанныхъ тамъ свѣдѣній и приведемъ нѣкоторыя сужденія Щербатова, вполнѣ подтверждающія то, что мы до сихъ поръ говорили о причинахъ тогдашняго финансоваго разстройства.

Изыскивая эти причины, Щербатовъ говоритъ между прочимъ: «У насъ войны съ 1774 г. не было, а и война была самая успѣшная, области наши не разорены, доходы государственные разработаніемъ рудниковъ, умноженіемъ винной продажи, приобщеніемъ къ короннымъ доходамъ монастырскихъ деревень и положеніемъ на нихъ по три рубля съ души; умноженіемъ торговли, положеніемъ въ окладъ денежный Малороссіи и Лифляндіи, населеніемъ Новой Россіи, приобрѣтеніемъ Бѣлороссіи, учиненіемъ новой ревизіи и прочими способами знатно умножились. *А однако отъ безденежья и отъ недостатка кредита Россійской народъ болѣе страждетъ, нежели другія страны и послѣ всенародныхъ несчастій страдали.* Отчего же сіе происходитъ?» Это объясняется, во-первыхъ, по выраженію Щербатова, *сластолюбіемъ*, вслѣдствіе котораго произошелъ упадокъ земледѣлія и бѣдность народа, и потомъ ошибочными банковыми операціями.

Перечисляя огромныя затраты денегъ, произведенныя правительствомъ съ самаго вступленія на престолъ Екатерины, Щербатовъ указываетъ на большія суммы, перешедшія въ Пруссію и Польшу, когда тамъ были наши войска, и затраченныя въ Польшѣ для возведенія на престолъ Станислава Понятовскаго, противъ воли поляковъ и литовцевъ. Къ этимъ издержкамъ присоединилась и придворная роскошь, которая, несмотря на старанія Екатерины соблюдать умѣренность, увеличилась при дворѣ ея,

сравнительно съ дворомъ Елизаветы Петровны. Большія выдачи денегъ придворнымъ съ самаго начала затрудняли государственное казначейство, но отказывать было невозможно. «Извѣстно,—говоритъ Щербатовъ,—что восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины послѣдовало по возмущеніи, учинившихъ сіе возмущеніе надлежало наградить: даны имъ были—единымъ деревни, другимъ деньги, а всемъ чины придворные» («Моск. Вѣд.», № 154). Деньги эти, разумѣется, проѣдались и проматывались на разныя блестящія, но бесполезныя затѣи, большею частію заграничныя. А относительно земель вотъ что говоритъ Щербатовъ: «Розданы онѣ вельможамъ, которые, бывъ обогащены и безъ того милостями государя, малое прилежаніе о населеніи и обработываніи ихъ прилагаютъ. А и проданныя суть по большей части людямъ богатымъ, захватившимъ многія тысячи десятинъ и употребляющимъ ихъ для скотоводства, и не помышляя довольно ихъ населить и запахать. И тако впадаетъ въ правило народа хлѣбоводителя, которому не въ примѣръ болѣе земли надобно, чѣмъ хлѣбопашцу» («Моск. Вѣд.», № 142). Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, неудобство котораго увеличивалось ненормальными отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ, сельское хозяйство шло плохо. А между тѣмъ постоянно былъ большой отпускъ хлѣба за-границу. Да еще это бы ничего само по себѣ; но бѣда была въ способѣ, которымъ эта операція производилась. Дѣло въ томъ, что плодородныя губерніи были отдалены отъ мѣста заграничнаго отпуска хлѣба, а пути сообщенія были въ самомъ жалкомъ состояніи. На улучшеніе дорогъ издавна былъ установленъ особый сборъ, и деньги постоянно собирались, но дѣвались неизвѣстно куда, а дороги не поправлялись вовсе; мосты были такъ худы, что по многимъ совершенно не было проѣзда. Когда же въ 1781 г. послѣдовалъ указъ объ исправленіи дорогъ и мостовъ, оказалось, что собранныя на этотъ предметъ деньги такъ ничтожны, что съ ними ни за что и принятыя нельзя («Моск. Вѣд.», № 172). Поэтому земледѣльцы не могли прямо участвовать въ заграничной операціи, и вся она попала въ руки посредниковъ-торговцевъ, которые одни обогащались, давая впередъ задатки крестьянамъ и покупая у нихъ по сравнительно низкимъ цѣнамъ весь хлѣбный товаръ. Къ этому надо еще присоединить и то, что количество вывозимаго хлѣба вовсе не соображалось съ потребностями самого народа въ Россіи. Въ примѣръ безразсудства, господствовавшаго въ этомъ дѣлѣ, Щербатовъ приводитъ слѣдующій фактъ. «По именному указу, губернатору Архангельскаго порта Головцыну дозволено было выпускать до 200,000 четвертей хлѣба, но съ тѣмъ, чтобы онъ вошелъ предварительно въ сношеніе съ казанскимъ губернаторомъ, и если только тотъ увѣдомить его, что въ его губерніи есть излишній хлѣбъ. Но этотъ

указъ вовсе не исполнялся. Въ самый 1774 годъ, когда, послѣ раззоренія Казанской губерніи Пугачевымъ, народъ съ голоду умиралъ и поля были не засѣяны, выпущено было изъ сѣвернаго порта не только 200,000 четвертей, но и гораздо болѣе» (Моск. Вѣд., № 143).

Въ числѣ причинъ, парализировавшихъ успѣхи земледѣлія и вслѣдствіе того самое благосостояніе народа, Щербатовъ приводитъ нововведенные тогда откупа и также новое положеніе объ экономическихъ крестьянахъ, отобранныхъ отъ монастырей. Откупа увеличили сидку и гонку вина, на которое употреблялось тогда до 600,000 четвертей, и Щербатовъ предлагаетъ даже въ своемъ разсужденіи—уменьшить эту пропорцію наполовину, разсчитывая, что оставшимся отъ того количествомъ хлѣба можетъ питаться до полумилліона народа въ теченіе 10 мѣсяцевъ. Относительно бывшихъ монастырскихъ крестьянъ Щербатовъ сообщаетъ слѣдующее. Когда ихъ приписали къ Коллегіи Экономіи, то оброкъ, положенный на нихъ по 3 рубля на душу, былъ сравнительно очень высокъ, и вслѣдствіе того многіе крестьяне покинули поля и обратились къ другимъ, болѣе прибыльнымъ занятіямъ, такъ что большая часть земель вокругъ монастырей запустѣла. Между тѣмъ, мѣстное начальство постоянно увѣряло правительство, что хозяйство въ этихъ вотчинахъ находится въ наилучшемъ положеніи. Чрезъ 4 года, въ 1767 г., возникли какія-то темныя подозрѣнія и Коллегіи Экономіи велѣно было собрать точныя вѣдомости, сколько въ предыдущіе годы посѣяно было хлѣба на бывшихъ монастырскихъ земляхъ. Отовсюду были донесенія самая благопріятныя: оказалось, что въ послѣдніе годы посѣвъ даже увеличился противъ прежняго, благодаря стараніямъ новаго управленія. Для повѣрки этихъ свѣдѣній отправленъ Г. Н. Тепловъ и, разумѣется, нашелъ, что въ донесеніяхъ была самая наглая ложь. Результаты своей поѣздки представилъ онъ Коллегіи Экономіи и самой Екатеринѣ. Но дѣло оставлено безъ всякихъ послѣдствій, и не только не было обращено никакого вниманія на земледѣліе, но и самые казначеи, за ложныя свои донесенія, не были подвергнуты никакому наказанію. «А слѣдствіе сему, прибавляетъ Щербатовъ, и вышло такое, какого надлежало ожидать: ибо въ 1760 году рожь въ Московской губерніи въ Гжатской пристани была по 86 к. четверть, въ 1763 г. поднялась до 95 коп., а потомъ, часъ отъ часу подымаясь цѣною, уже въ 1773 г. вошла въ 2 р. 19 к., а нынѣ уже до семи рублей дошла, безъ надежды, чтобы и могла унизиться. Равно сему и во всѣхъ другихъ городахъ, какъ можно сіе усмотрѣть изъ вѣдомостей провіантской канцеляріи. По всѣмъ симъ вышеозначеннымъ обстоятельствамъ удивительно-ли, что цѣна хлѣба часъ отъ часу возвышалась, и и при бывшихъ худыхъ урожаяхъ въ двухъ прошедшихъ 1785 и 1786

годахъ не только до чрезвычайности дошла, но даже и сыскать хлѣба на пропитаніе людей негдѣ, и люди ѣдятъ листь, сѣно и мохъ, и съ голоду помираютъ, а вызябшій весь ржаной хлѣбъ, въ нынѣшнюю съ 1786 на 1787 зиму, въ плодоноснѣйшихъ губерніяхъ не оставляетъ и надежды, чѣмъ бы обѣменить къ будущему году землю и вѣщимъ голодомъ народъ угрожаетъ» («Моск. Вѣд.», № 143).

Не надо, впрочемъ, думать, чтобы бѣдствіе было повсемѣстное: въ южныхъ краяхъ его не было, и въ это самое время, къ которому относятся слова Щербатова, зимою 1787 г., Екатерина совершила знаменитое свое путешествіе въ Тавриду, своимъ великолѣпіемъ изумившее иностранныхъ пословъ, сопровождавшихъ Императрицу. Въ этомъ путешествіи Георгій Конисскій сказалъ ей знаменитую свою рѣчь: «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ». Въ этомъ путешествіи приняла она поклоненіе императора Иосифа, которому внушала благоговѣніе къ себѣ своею мудростію и великолѣпіемъ. Объ этомъ путешествіи съ умиленіемъ рассказываетъ восторженный историкъ Екатерины. «Ея появленія—говоритъ онъ—походили на радостныя, посмѣнныя торжества: толпы народа окружали карету, воины въ строю встрѣчали, дворяне, прочія сословія наперерывъ учреждали угощенія: вездѣ арки, лавровыя вѣнки,obelisks, освѣщенія; вездѣ пиршества, прославленія, милость, удовольствія... Принцъ де-Линъ пишетъ отсюда такъ: каждый день знаменовался раздачею брильянтовъ, балами, фейерверками и иллюминаціями верстъ на десять въ окружности. Сначала появились дѣла на горахъ въ огнѣ, потомъ мелкіе кустарники освѣтились, по приближеніи же нашемъ все пылало!» (См. «Черты Екат. Вел.», собр. Пав. Сумароковымъ, стр. 203, 221). Полгода продолжалось это путешествіе; только въ іюнѣ возвратилась Императрица въ Москву.

Но здѣсь ожидало ее другое зрѣлище, которое, впрочемъ, постарались удалить отъ ея взоровъ. Вслѣдствіе голода, московскія улицы наполнились толпами нищихъ, больныхъ, голодныхъ, оборванныхъ. Мѣстное начальство, боясь навлечь на себя гнѣвъ Императрицы, позаботилось предъ ея пріѣздомъ выслать ихъ всѣхъ изъ города, «дабы не обезпокоить ее видѣніемъ такого числа нищихъ» («Моск. Вѣд.», № 172). Противъ этого распоряженія сильно возстаетъ Щербатовъ въ своемъ сочиненіи, и немудрено: онъ вообще въ разсужденіяхъ о народѣ выказываетъ много гуманности, и притомъ онъ близко видѣлъ всѣ дѣйствія голода. Вотъ, на примѣръ, какъ изображаетъ онъ бѣдствія голода 1787 года во вступленіи къ сочиненію «О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба». Вступленіе это приведено г. Щенкинымъ въ № 154 «Моск. Вѣд.»:

„Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Ывлогородская, Тамбовская губернии и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрный голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду, но и сего уже не достаетъ, ибо къ несчастію и лебеда не родилась и оной четверть *по четыре рубля* покупаютъ. Когда мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, два изъ мякины и три изъ лебеды, онъ въ ужасъ меня привелъ, ибо едва на четверть тутъ четвертка овсяной муки положена. Но какъ я въ некоторымъ и сей показать, мнѣ сказали, что еще сей хорошъ, а есть гораздо хуже. А однако никакого распоряженія дальше, то-есть до исхода февраля мѣсяца не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народа,—для прокормленія того народа, который сочиняетъ силу имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ сражаться со врагами, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропота умираютъ, который даетъ доходы не токмо, на нужды государственныя, но и на самый роскошь. Ниже для всего сего, а паче ради челоуѣколюбія, иже малое количество курки вина уменьшено и не токмо, чтобы убавить какихъ съ нихъ податей, но и самые способы отнимаютъ, чтобы работою своею пріобрѣтши себѣ деньги, хотя нѣсколько жизнь свою продлить. Отдаленный стонъ народный не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ. Но здѣсь и сей отговорки быть не можетъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, жалобнымъ своимъ воплемъ останавливаютъ проѣзжающія кареты, содрогшіе отъ голода младенцы, среди холода и вьюги, единое чувствіе глада имѣютъ, безвинныя руки протягиваютъ, исчисляють число времени ихъ пощенія и милостыни просятъ, которой еще и не получаютъ довольно; ибо частные люди всѣхъ прокормить не могутъ и *случайная милостыня не иное что можетъ произвести, какъ умножить число нищихъ*, а правительство глухо, и слѣпо, и нечувствительно на сіе является. То если глаголовъ моихъ повѣрить потомство, что скажетъ оно о нашемъ вѣкѣ?“

Видно, что Щербатовъ былъ очень сильно взволнованъ зрѣлищемъ народнаго бѣдствія и въ своей горячности забылъ о томъ, что въ это время, какъ справедливо замѣчаетъ г. Щепкинъ, «правительство Императрицы Екатерины, жадно слѣдя за побѣдоноснымъ шагомъ арміи, не имѣло времени вглядываться въ народныя нужды, прислушиваться къ воплю оголодавшей толпы, и тѣмъ менѣе заботиться о врачеваніи язвъ, нанесенныхъ голодомъ народному организму» (М. В., № 154).

Однакоже, народное бѣдствіе должно было неминуемо отразиться и на теченіи правительственныхъ дѣлъ. Финансовый кризисъ, издавна подготовленный указанными выше обстоятельствами, теперь подошелъ очень близко. Народъ, находясь въ такомъ положеніи, не могъ, разумѣется, сполна отбывать всѣхъ своихъ податей и повинностей, а другой важный источникъ доходовъ—промышленность и заграничная торговля—въ то время еще былъ слишкомъ незначителенъ, да и тутъ не обходилось безъ большихъ злоупотребленій. Державинъ рассказываетъ, что въ 1794 г. по балансу, представленному отъ Коммерцъ-Коллегіи, вывозъ значился болѣе ввоза на 31 милліонъ, а курсъ былъ не выше 22 штиверовъ или 44 копѣекъ. Когда Державинъ изслѣдовалъ это странное явленіе, оказалось, «что при упадкѣ курса превосходный балансъ ничто иное есть, какъ плутовство иностранныхъ купцовъ съ сообществомъ нашихъ таможенныхъ служителей и бываетъ именно оттого, что выпускные наци то-

вары объявляются ниже 10 процентами, и узаконенныя пошлины въ казну съ той цѣны берутся, слѣдовательно, болѣе десяти частей уменьшаютъ балансъ въ товарахъ и болѣе 10 процентовъ крадутъ пошлинъ» (Р. Б. IV, стр. 336).

Ясно, что при такомъ порядкѣ разстройство дѣлъ было неизбежно. Но зло еще увеличивалось тѣмъ, что никто ничего не зналъ и знать не хотѣлъ о томъ, что дѣлалось. «Россія,—говорить по этому поводу Щербатовъ,—не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ; но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ токмо ихъ тотъ, кому они препоручены. А по сему правительству такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ, самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того; народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и въ неудовольствіи иногда и понапрасну; желающіе научиться способа не имѣютъ; размышленія остановлены, ошибки или злоупотребленія неисправляемы остаются, и ошибку ошибкою, и зло зломъ, яко бы для поправленія умножаютъ» (М. В., № 154). Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства наконецъ до того запутались, что сама Екатерина не хотѣла ихъ выслушивать спокойно. Державинъ рассказываетъ, что послѣ открытой имъ штуки съ торговымъ балансомъ, «вмѣсто оказательства какого-либо ему благоволенія, хладнокровно о томъ замолчали. Послѣ вышла еще непріятность. Сказываютъ, что будто таковая правда была Императрицѣ непріятною, что въ ея правленіи и при ея учрежденіи могла она случиться, или, лучше сказать, обнаружиться. Вотъ каково самолюбіе въ властителяхъ міра! и вредъ не вредъ, и польза не польза, когда только имъ не благоугодны!» (Р. Б. IV, стр. 336). Впрочемъ, само правительство, учреждая Ревизионъ-Коллегію, созналось, что «доселѣ счету никогда не бывало: а оттого происходитъ, что и по сіе время нѣтъ совершенно извѣстія о приходѣ и расходѣ и остаткахъ».

Для поправленія финансовыхъ затрудненій, въ 1768 г. учрежденъ Екатериною ассигнаціонный банкъ. Но, по словамъ Щербатова, «коренныя пороки, случаи, незнаніе, желаніе выслужиться и неразмощеніе, которые навсегда Россійскую Имперію отягощаютъ, и на сіе благое учрежденіе ядъ свой разлили». Именно, Щербатовъ находитъ, что, во-первыхъ, директору банка предоставлена слишкомъ большая власть, «какова есть непристойна во всякомъ благоучрежденномъ правленіи»; оттого всегда и возможны были случаи въ родѣ того, который Державинъ рассказываетъ о Завадовскомъ и Кельбергѣ. «Во-вторыхъ—говорить Щербатовъ—не посмотри на карту, ниже вошедъ въ обстоятельство тихости обраче-

нія монеты въ Россійской Имперіи, по причинѣ ея пространства и малой внутренней торговли положили сумму въ банкъ едва половину въ сравненіи съ суммой надѣланныхъ ассигнацій, хотя чрезъ сіе выслужиться, что яко бы умножена монета» (М. В. № 154). Но *половина* была еще совершенно достаточна. Въ первые годы по выпускѣ ассигнацій, бумажный рубль ходилъ 98 и 99 копѣекъ, а съ 1774 г., когда изданъ былъ указъ, чтобы не обращалось въ имперіи болѣе 20 милліоновъ бумажныхъ денегъ, держался даже *à pari* съ серебрянымъ рублемъ. Но когда въ 1786 г. выпущено было еще на 100 милліоновъ ассигнацій, съ учрежденіемъ государственнаго заемнаго банка, бумажный рубль въ первый же годъ упалъ до 92 копѣекъ и затѣмъ быстро понижался. Въмѣстѣ съ тѣмъ падалъ и нашъ заграничный курсъ. Въ 1789 г. бумажный рубль ходилъ еще по 90 копѣекъ, а во внѣшней торговлѣ, по свидѣтельству Щербатова, нашъ рубль серебряный стоилъ уже 36 штиверовъ, т.-е. 72 копѣйки, «а прибавя къ тому еще 10 копѣекъ промѣну, учинить, что рубль 10 копѣекъ стоитъ 36 штиверовъ», т.-е., что на заграничныхъ товарахъ мы постоянно теряли 38%. А между тѣмъ выпускъ ассигнацій продолжался; въ послѣднія шесть лѣтъ царствованія Екатерины выпущено ихъ еще на 57 милліоновъ, и вслѣдствіе того бумажный рубль, стоившій въ 1790 году 89 к., въ 1792 г. стоилъ уже 79, въ 1794—71, а въ 1795—68, между тѣмъ какъ серебряный рубль поднялся во внутреннемъ обращеніи до 146 коп. Въ 1788 г. уже почувствовался недостатокъ даже въ мѣдной монетѣ, «вдругъ начали деньги оскудѣвать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, пошли мѣнять; тамъ учинили затрудненія, яко бы не довольно было счетчиковъ, не получившіе пошли безъ мѣдныхъ денегъ, другимъ рассказали, и кредитъ банка государственнаго и монарша слова (Екатерина дала «торжественное монаршее слово, что каждая ассигнація должна почитаться за наличныя деньги и вѣрно будетъ плачена») пропалъ». Затрудненія при размѣнѣ ассигнацій достигли до того, что банкъ прекратилъ уплаты и, «прибѣгнувъ даже къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ», заперъ ворота и поставилъ къ нимъ карауль, чтобы никого на дворъ не пускать. Вслѣдствіе этого размѣнъ денегъ стоилъ огромныхъ процентовъ: въ нѣкоторыхъ городахъ доходилъ до 15, даже до 20 копѣекъ на рубль. «То довольно видно каждому—заключаетъ Щербатовъ—коль есть сіе чувствительное раззореніе всему народу, когда принуждены двадцатую, десятую и больше частей за промѣнъ такихъ денегъ терять, которыя монаршимъ словомъ утверждены быть равныя мѣдной монетѣ, которые знаки, яко вексели отъ правительства ходятъ и которые торжественнымъ монаршимъ словомъ предъ народомъ утверждены.» (М. В. № 154).

Императоръ Павелъ, вступивши на престолъ, старался исправить дѣло изданіемъ строгаго банкротскаго устава и возвышеніемъ всѣхъ налоговъ, какъ-то: подушныхъ, гильдейскихъ повинностей, гербовыхъ пошлинъ и пр. (см. Устрялова Учебникъ).

Таковы были результаты того направленія русской жизни, которое обличала сатира семидесятыхъ годовъ подъ именемъ мотовства, роскоши и пристрастія къ французскимъ модамъ. Вѣроятно, въ частной жизни многихъ лицъ съ обличенія имѣли успѣхъ, потому что когда бѣдствія голода и всеобщей дороговизны стали чувствительны и среднему классу, когда рубль сталъ ходить 68 коп., то, конечно, многіе стали поневолѣ умѣреннѣе въ своихъ издержкахъ. Но въ общемъ ходѣ дѣлъ, въ развитіи богатства страны и общественнаго кредита, что произвели всѣ эти выходки противъ частной расточительности и противъ ростовщиковъ, берущихъ неуказные проценты?

Говорить-ли намъ еще объ одной сторонѣ екатерининской сатиры— о борьбѣ ея со взяточничествомъ и крючкотворствомъ? Это былъ конекъ ея, тутъ она показывала себя смѣлѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и оказывалась рѣшительно достойною послѣдовательницею манифеста Екатерины о лихоимствѣ, который мы приводили выше. Но мы боимся распространяться объ этомъ предметѣ: онъ такъ уже надоѣлъ всѣмъ читателямъ со времени «Губернскихъ Очерковъ». Желаящіе насладиться чтеніемъ выходокъ нашихъ сатириковъ противъ взятокъ не только мелкихъ чиновниковъ, но и воеводъ, могутъ обратиться къ книжкѣ г. Афанасьева, который посвятилъ специальному восхищенію этимъ предметомъ цѣлыхъ 27 страницъ (220—246). Мы же замѣтимъ здѣсь только о томъ, что и въ вопросѣ бюрократическомъ сатира не нападала на общее устройство администраціи, хотя она дѣйствовала уже наканунѣ новаго «учрежденія о губерніяхъ», которымъ откровенно и рѣшительно признана была соверщенная негодность прежняго воеводскаго управленія (1775 г., ноября 1). Сатира была въ восторгѣ отъ учрежденія прокуроровъ и надѣялась отъ нихъ великаго блага для земли русской, да и вообще находила, что «теперь ужъ десятой доли нѣтъ, противъ прежняго, выгодъ для подъячихъ, хотя еще можно и теперь нажать на службѣ деревеньку» («Трут.» 1769 г., стр. 12). Можно вообразить, въ какой восторгъ пришла бы сатира, если бы ея процвѣтаніе продолжалось до «учрежденія о губерніяхъ»! Вѣроятно, счастливѣе русской администраціи она бы ужъ ничего не нашла въ цѣломъ мірѣ и, конечно, стала бы еще яростнѣй обличать тѣхъ, кто приличился бы въ какихъ-нибудь грѣшкахъ даже и послѣ этого учрежденія. Но вотъ сужденіе о немъ гр. А. Р. Воронцова, о которомъ мы уже говорили выше (Чт. М. О. И. 1859 г., кн. I, стр. 95—96).

„Въ царствованіе императрицы Екатерины Второй, начавшаяся уже еще при Елизаветѣ Первой роскошь и всѣ слѣдствія оной, далѣе и далѣе простираясь, возрастала; узаконенія Петра Перваго болѣе и болѣе въ ослабленіе приходили, такъ что въ средѣ своего царствованія, послѣ разныхъ неудачныхъ опытовъ (какъ-то: собраніе депутатовъ для сочиненія новыхъ узаконеній), вмѣсто того, чтобъ поправить то, что изъ узаконеній Петра Великаго въ ослабленіе пришло, рѣшилась она внутреннему управленію дать нѣкоторымъ образомъ новую форму, издавъ учрежденіе для управленія губерній. Нельзя не признать, чтобъ оно не шло (хотя нѣсколько и излишнихъ судовъ надѣлано было) на внутреннія російскія губерніи, гдѣ многого не доставало; но едва-ли была нужда распространять оное на присоединенныя и завоеванныя нами провинціи, кои имѣли у себя болѣе устройства, нежели внутри Россіи, или на азіатскія, коимъ, по пространству земель ихъ и по образу жизни и нравовъ тамошнихъ жителей, такое управленіе несвойственно и неудобно. Но сіе учрежденіе о губерніяхъ, хотя и не безъ пользы было, стало уже весьма ослабѣвать въ послѣдніе годы самой учредительницы онаго. Непомѣрная роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что и самое учрежденіе о губерніяхъ считалось почти въ тягость, да и люди едва-ль уже не желали въ 1796 году скорой перемѣны, которая, по естественной кончинѣ сей государыни, и воспослѣдовала“.

Вообще, несмотря на усилія сатиры, даже спеціальній ея вопросъ о чиновничьихъ злоупотребленіяхъ какъ-то плохо подвигался къ разрѣшенію. Бесиліе свое въ этомъ дѣлѣ признавала, впрочемъ, и сама сатира. Въ «Живописцѣ» помѣщено письмо къ нему отъ нѣкотораго помѣщика, бывшаго чиновника, Ермолая, изъ сельца Краденова. Въ письмѣ этомъ взяточникъ издѣвается надъ бесиліемъ сатириковъ и дѣлаетъ замѣтки очень основательныя. Безъ сомнѣнія, письмо это писано въ редакціи журнала, и въ немъ выразилась, вмѣстѣ съ долею нѣкотораго самодовольства, и досада писателя на свое положеніе въ дѣлѣ обличеній. Вотъ какъ разсуждаетъ отрѣшенный отъ дѣлъ (нельзя же иначе!) взяточникъ («Жив.» I, стр. 106):

„Ты, забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня яко бы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожь не за воровство, а за взятки; а взятки ни что иное, какъ акциденція. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ, а я биралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому же я никого до смерти не убилъ; правда, согрѣшилъ передъ Государемъ: многихъ пустилъ по міру; да это дѣло постороннее, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить? Какъ Царя не обмануть, какъ у него не украсть? Грѣшно украсть изъ кармана у своего брата, а это дѣло особое: у кого же и украсть, какъ не у Царя; благодаря Бога, домъ у него какъ полная чаша, то хотя и украдешь, такъ не убудетъ. Глупый человекъ! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое—ни что иное, какъ только утайка, а другое—преступленіе противъ законовъ, и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что за утайку съкали кнутомъ; это случалось; но нынѣ, благодаря Бога, люди стали разсудительнѣе, и за рѣченную утайку кнутомъ стькутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ: да это и дѣльно; не заводи дѣла изъ бездѣлицы. Видишь-ли ты, глупый человекъ, что ты умничаешь по пустому. Кто тебя послушается? Я помню, какъ одинъ господинъ въ бытность мою у него разсуждалъ о тебѣ такъ: онъ-де дѣ-

лаеть безчестья вѣмъ дворянамъ, пиша эдакія письма; что-де подумаютъ иностранные объ насъ, когда увидятъ, что у насъ есть дураки, плуты . . .

Повимаешь-ли ты, что и вѣрить этому не хотятъ, что есть безсовѣстные судьи, безчеловѣчные помѣщики, безразсудные отцы, безчестные сосѣди и грабители управители. *Что ты изъ пустаго въ порожнее пересыпаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ; а это называется брехать на вѣтеръ. Но нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укуситъ, да и такъ укуситъ, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хотя и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится. Такъ-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается, или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казнь за преступленіе?*“

Разсужденія отрѣшеннаго взяточника имѣютъ значительную долю справедливости. Для подтвержденія этого, вспомнимъ, какъ въ теченіе двухъ столѣтій у насъ преслѣдовалось зло взятокъ, какъ противъ нихъ возставали люди государственные въ докладныхъ запискахъ и проектахъ, какъ онѣ запрещались указами, какъ ихъ обличала литература. Ради курьеза приведемъ, пожалуй, рядъ свидѣтельствъ о взяткахъ, изъ разныхъ періодовъ русской литературы и общественнаго развитія.

1666 годъ. *Кошижинъ*, стр. 93. „А кто будетъ судья возьметъ посулъ и дѣлс учнетъ писать по посуламъ и про то сыщется, и о такихъ судьяхъ о наказаніи подлинно писано въ уложенной книгѣ. Однако жъ хотя на такое дѣлс положено наказаніе и чинять о тѣхъ посулахъ крестное цалованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду, по царскому указу и по положенію: ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержать не могутъ и руки свои ко взятію скоро допускаютъ, хотя не сами собою, однако, по задней лѣстницѣ чрезъ жену, или дочь, или чрезъ сына и брата, и челоувѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ. Однако, чрезъ такую ихъ прелесть приходитъ душа ихъ, злоиманіемъ, въ пучину огня негасимаго, и не токмо вреждаютъ своими душами, но и царскою, взявъ посулы, облыгаютъ другихъ людей злыми словами, и не стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда приходити къ царю и видѣти часто отъ простыхъ людей? но и сами они судьи видають временемъ, и рѣдко когда прилучать говорити съ нимъ о дѣлѣхъ“.

1729 годъ. *Кантемиръ, сатира 1* (стр. 11, изд. 1762 г.).

Хочешь ли судьею стать,—вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны права,—
Плюнь ему въ рожу, скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну.

1762 годъ. *Манифестъ императрицы Екатерины о лихоимствѣ* (см. выше, стр. 118—120).

1769 годъ. «*Трутенъ*», стр. 14. «У насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? Кто правъ, такъ и безъ наукъ правъ, лишъ бы только была

у него дождутъ, и въ прѣдѣлахъ за дѣло; а судейская наука вся въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть искусственно пригнать указы по своему желанію,—въ чемъ и секретари намъ много помогаютъ».

«*Всякая Вѣстникъ*», стр. 308. «Нѣлько трудно найти средство къ поправленію сихъ людей! Вспомните всеобщій крикъ о взяткахъ, когда подъячіе не получали жалованья, но вѣрно имъ было кормиться съ дѣлъ; и не въ нашемъ-ли вѣкѣ сіе все было? Нынѣ же имъ дано жалованье,—и жалоба происходитъ, что дѣлится для того, что кормъ имѣютъ... Иной скажетъ: зачѣмъ лихоимцу давать? Отвѣчаю: безъ того дѣла продолжаютъ и пакостятъ, а чрезъ волокиту и неправоe рѣшеніе челобитчики въ конецъ раззоряются,—да не только спорными дѣлами, но и неспорными и подлежащими межеванію».

1796 годъ. *Каттистъ. Посвященіе «Ябеды».*

Монархъ! Пріять вѣнецъ, ты правду на престолѣ
Съ собою воцарилъ...
Я кистью Талии порокъ изобразилъ;
Мздоимства, ябеды всю гнусность обнажилъ,
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Не мстительна отъ нихъ страшуся я навѣта,—
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;
Но, бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ твоимъ,
Сей слабый трудъ тебѣ я посвятить дерзаю,
Да именовъ твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

1801 годъ. Указъ Императора Александра I правительствующему Сенату, отъ 18 ноября (П. С. З. № 20,516). «Изъ доходящихъ къ намъ безпрестанно слуховъ, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ заключаемъ, что пагубное лихоимство или взятки въ имперіи нашей не только существуютъ, но и распространяются между тѣми самыми, которые бы гнущаться ими и всемѣрно пресѣкать ихъ должны. Правительствующій Сенатъ вѣдаетъ, какіе можетъ зло сіе производить безпорядки во всѣхъ частяхъ правленія», и пр...

1821 годъ. *Адмиралъ Мордвиновъ, въ мнѣніи о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1821 годъ* (Чт. М. О. И. 1859 г. № I, стр. 3). «Жалуются на повсемѣстное въ судахъ лихоимство; но можно-ли почитать его (страннымъ?) тамъ, гдѣ существуетъ житейскій недостатокъ, и можетъ-ли преступленіе быть въ томъ, что естественнымъ правомъ оправдано быть должно и чего гражданскіе законы воспретить не въ состояніи? Ибо и служителямъ правосудія, равно какъ всякому другому человѣку, пристанище, пища и одежда необходимо потребны, а получаемые ими отъ казны оклады жалованья недостаточны къ доставленію оныхъ, слѣдственно, что невозможно, того и ожи-

дать не должно. Дожольт правосудіе въ Россіи не будетъ достаточно вознаграждено удовлетвореніемъ всѣхъ необходимыхъ нуждъ исполнителей онаго, то правда не возседеть на судѣ; ибо правду не можно водворить тамъ, гдѣ смѣлость обитаетъ. Она несовмѣстна съ нищетою, коей первое дѣйствіе — охлажденіе сердца и ослабленіе умственныхъ способностей».

Продолжать-ли дальше? Да чего продолжать? Стоитъ только сказать: въ 1835 году явился «Ревизоръ», въ 1856 — «Губернскіе Очерки», — съ безчисленною свитою...

Вотъ результаты вѣковыхъ усилій сатиры по вопросу о взяткахъ!..

Представимъ теперь, въ заключеніе нашей статьи, общій итогъ всего, что дѣлала сатира въ вѣкъ Екатерины, и какъ ея дѣло отражалось въ жизни русскаго общества.

Она кричала о свободѣ слова и мысли, по поводу уничтоженія тайной канцеляріи въ 1762 г. и затѣмъ открытія вольныхъ типографій въ 1782 г. Къ концу царствованія Екатерины, тайная канцелярія восстановлена подъ именемъ тайной экспедиціи; въ 1796 году вольныя типографіи уничтожены.

Она сказала свое слово противъ пытокъ и вообще старалась о распространеніи гуманныхъ идей и о смягченіи нравовъ. При восшествіи на престолъ Императора Александра — не только существовала еще пытка, формально уничтоженная потомъ его указомъ отъ 27 сентября 1801 г. (П. С. З. № 20,022), но по городамъ, при публичныхъ мѣстахъ, стояли висѣлицы, «вновь поставленныя въ 1799—1800 годахъ, для прибитія къ нимъ именъ разныхъ чиновниковъ»; висѣлицы эти уничтожены также въ 1801 году, по указу 8 апрѣля (П. С. З. № 19,824).

Сатира обличала дурныхъ помѣщиковъ и старалась защищать человѣческія права крестьянъ. Съ 1762 г. идетъ рядъ указовъ о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ. Въ 1783 г. утверждается крѣпостное право въ Малороссіи. До воцаренія Императора Александра сотни тысячъ крестьянъ раздаются во владѣніе частныхъ лицъ. Въ 1857 году поднимается вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

Сатира въ семидесятихъ годахъ нападала на суевѣріе, невѣжество и дурное воспитаніе, на гувернеровъ-французовъ, на отсутствіе истинныхъ началъ образованія. Въ 1784 г., по освидѣтельствованію частныхъ пансіоновъ въ Петербургѣ, оказалось, что во всѣхъ ихъ 72 учителя, изъ которыхъ только 20 русскихъ, и изъ всего числа половина — учителя танцевъ и рисованія (Янк. ди Миріево, Воронова). Послѣ 1786 года не открывались, несмотря на указъ, народныя училища, потому что негдѣ было взять учителей и средствъ для учебныхъ пособій и содержанія училищъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія нашлось много дворянъ — кан-

дидатовъ въ офицеры, не умѣющихъ грамотѣ... противъ слѣпного поклоненія французамъ ратовалъ еще Грибоѣдовъ, уже гораздо послѣ того, какъ мы брали Парижъ.

Сатира писала обличенія противъ роскоши и мотовства. Въ 1786 г. учрежденъ ассигнаціонный банкъ, въ 1786 г. выпущено вдругъ на 100 милліоновъ ассигнацій. Потемкинъ и другіе вельможи забирали изъ казны деньги цѣлыми милліонами и сотнями тысячъ бросали на танцовщицъ и на брильянты. Во внѣшней торговлѣ, и безъ того слабой, господствовали безпорядки; звонкая монета исчезла. Бумажный рубль стоилъ 68 копѣекъ; заграничный курсъ дошелъ до 44.

Сатирическіе журналы иногда поражали тѣхъ, кто не заботился объ общемъ благѣ, кто раззоряетъ народъ. Въ это самое время вводились откупа, народъ истощался рекрутскими наборами, бросалъ свои земли, не въ состояніи будучи платить за нихъ слишкомъ высокія подати, страдалъ отъ неурожая и доровизны, бродилъ безъ работы, помиралъ съ голоду цѣлыми тысячами.

Сатира очень зло возставала противъ лихоимства и неправосудія. Въ концѣ прошлаго столѣтія пороки эти, если не усилились, то стояли на той же степени процвѣтанія, какъ и предъ началомъ царствованія Екатерины.

Пусть исторіки литературы восхищаются бойкостью, остроуміемъ и благородствомъ сатирическихъ журналовъ и вообще сатиры екатерининскаго времени; но пусть же не оставляютъ они безъ вниманія и жизненныхъ явленій, указанныхъ нами. Пусть они скажутъ намъ, отчего этотъ разладъ, отчего у насъ это безсиліе, эта бесплодность литературы? Неужели они не найдутъ другого, болѣе обстоятельнаго и практическаго объясненія, кромѣ пошлой сентенціи, приводимой г. Афанасьевымъ—что «предразсудки живучи»?

Нѣтъ, лучше, кажется, для объясненія этой печальной бесплодности, припомнить письмо къ «Живописцу», приведенное нами нѣсколько выше... Или, еще лучше — обратить вниманіе на слова указа Императора Александра объ уничтоженіи тайной экспедиціи, объясняющія вредъ личнаго произвола и необходимость гласности и законности общей для всѣхъ. Мы упраздняемъ тайную экспедицію, говоритъ указъ, потому, что «хотя она дѣйствовала со всевозможнымъ умѣреніемъ и правилась личною мудростью и собственнымъ государыни всѣхъ дѣлъ разсмотрѣніемъ, но впоследствии времени *открылося, что личныя правила, по самому существу своему перемѣнныя подлежаща, не могли положить надежнаго оплота злоупотребленіямъ*, и потребна была сила закона, чтобы присвоить положеніямъ симъ надлежащую непоколебимость», и при томъ

вообще въ «благочестивомъ государствѣ все преступленія должны быть объемлены, судимы и наказываемы *общей силою закона*» (П. С. З. № 19, 813).

Ссылаясь на эти слова мы и заключимъ нашу статью, пожалѣвши еще разъ, что сатира екатерининскаго вѣка не находила возможности развивать свои обличенія изъ этихъ простыхъ положеній—о вредѣ личнаго произвола и необходимости для блага общества «общей силы закона», которою бы всякій равно могъ пользоваться.

ОТЧЕТЫ ГЛАВНАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

I.

Описание Главнаго Педагогическаго Института въ нынѣшнемъ его состояніи. Спб. 1856.

Актъ девятаго выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго Института, 21 юня 1856. Спб. 1856.

Обѣ эти книжки изданы почти въ одно время и служатъ необходимымъ дополненіемъ одна другой. *Описание* представляетъ намъ состояніе Института во всѣхъ частяхъ его жизни и управленія. Актъ заключаетъ въ себѣ отчетъ объ учебной дѣятельности Института за истекшій академическій годъ и рѣчь профессора Лоренца, на латинскомъ языкѣ, *о томъ, съ какою цѣлію Императоръ Николай учредилъ Педагогическій Институтъ.*

Педагогическій Институтъ, безспорно, есть одно изъ важнѣйшихъ учебныхъ заведеній нашихъ, по тому вліянію, какое могутъ имѣть его воспитанники, всѣ дѣлающіеся учителями въ гимназіяхъ, на развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Знанія, убѣжденія, направленіе, принятое ими, не считаются только ихъ достояніемъ, а передаются ими новому поколѣнію, идущему по слѣдамъ ихъ. Поэтому все, что касается Института, должно возбуждать живѣйшее любопытство во всѣхъ, кому дорого отечественное просвѣщеніе, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей на изданныя нынѣ брошюры, изъ которыхъ можно получить довольно полное понятіе объ устройствѣ и значеніи Института.

Начнемъ съ рѣчи. Профессоръ Лоренцъ избралъ предметомъ ея чрезвычайно важный вопросъ и въ началѣ рѣчи прекрасно, хотя и кратко, обрисовываетъ дѣятельность Карла Великаго для распространенія образованности; затѣмъ, сравнивая съ нимъ въ Бозѣ почивающаго Государя

Императора Николая I-го, говоритъ о цѣли учрежденія Института и необходимѣйшихъ предметахъ общаго образованія. Хотя рѣчь профессора Лоренца, по общему сочиненію подобнаго рода, написана очень краснорѣчивымъ слогомъ, но, тѣмъ не менѣе, въ ней встрѣчается нѣсколько мыслей въ которыхъ мы узнаемъ проницательный умъ историка, столь уважаемаго нами за его курсъ всеобщей исторіи. Говоря о цѣли учрежденія Института, г. Лоренцъ прекрасно выражаетъ ее въ слѣдующихъ краткихъ чертахъ: «Государь Императоръ хотѣлъ, чтобы общественное и частное воспитаніе утверждалось на прочныхъ основаніяхъ и слѣдовало тому направленію, которое не приводитъ только къ гуманности грубые нравы и дѣлаетъ изъ пустыхъ и бесполезныхъ людей благородныхъ и полезныхъ членовъ общества, но которое особенно укореняетъ въ душѣ страхъ Божій, любовь къ отечеству и повиновеніе начальству». (Стр. 9).

Къ достиженію этихъ высокихъ цѣлей направлено все устройство Института, свѣдѣнія о которомъ сообщаются въ «Описаніи» его. Строжайшій надзоръ и повѣрка всѣхъ дѣйствій студентовъ, предупрежденіе всякаго случая, гдѣ бы студенты могли дѣйствовать сами по себѣ, подведеніе всѣхъ возможныхъ случайностей подъ неизмѣнныя правила Устава, доведены здѣсь до изумительнаго совершенства. Студенты ни въ чемъ не предоставлены самимъ себѣ; попечительное начальство слѣдитъ за ними на каждомъ шагѣ и опредѣляетъ ихъ дѣйствія до малѣйшихъ подробностей. На лекціяхъ профессора не ограничиваются чтеніемъ лекцій, но постоянно обращаются къ учащимся съ вопросами и, по надлежащемъ съ ихъ стороны усвоеніи пройденныхъ предметовъ, заставляютъ самихъ студентовъ о нихъ объясняться». («Опис.» стр. 12). Учебными книгами студенты снабжаются «по требованію преподавателей и распоряженію инспектора» (стр. 20), а изъ неучебныхъ могутъ брать изъ библіотеки только «книги, одобряемыя профессоромъ, съ разрѣшенія директора или инспектора, и не болѣе, какъ по одному сочиненію для каждаго изъ изучаемыхъ ими предметовъ» ¹⁾ (стр. 21). Независимо отъ наблюденія профессоромъ и прочими преподавателями за поведеніемъ студентовъ, въ классахъ общій надзоръ за благоустройствомъ и тишиною учащихся имѣетъ

¹⁾ Впрочемъ, на стр. 16 сказано, что, для нѣкоторыхъ спеціальныхъ ученыхъ изслѣдованій по части филологіи и исторіи, студенты, по указанію профессоромъ, получали доступъ въ Императорскую Публичную Библіотеку и въ Румянцевскій Музеумъ. Здѣсь, конечно, нужно разумѣть *доступъ* со стороны самого начальства Института, которое, безъ особеннаго указанія профессоромъ, не дозволяетъ студентамъ бывать въ Библіотекѣ и Музеѣ, но никакъ не со стороны начальства этихъ послѣднихъ учреждений, которыя открываютъ доступъ къ своимъ сокровищамъ всѣмъ и каждому, безъ всякихъ особенныхъ ходатайствъ и указаній.

еще инспекторъ (стр. 22). Весь день студентовъ распределенъ очень подробно. Вотъ что говоритъ «Описаніе» (стр. 23—4):

„Въ 7 часовъ утра студенты должны быть чисто, опрятно и по формѣ одѣты и собираться въ классныхъ комнатахъ для приготовления уроковъ. Въ 8 часовъ они всѣ въ порядкѣ идутъ въ столовую на молитву и занимаютъ тамъ каждый определенное мѣсто. Послѣ утреннихъ молитвъ, читаются апостолъ и евангеліе, по положенію православной церкви, на церковнославянскомъ языкѣ. По окончаніи евангелія, студенты завтракаютъ. Въ 9 часовъ начинаются классы и продолжаются до 3 часовъ. Въ классахъ студенты занимаютъ определенныя мѣста, назначаемыя имъ по успѣхамъ и поведенію. Во 3¼ часа студенты обѣдаютъ за общимъ столомъ, соблюдая благопристойность. Во время стола они могутъ говорить о предметахъ лекцій своихъ, безъ нарушенія общей тишины, со всею скромностію, отличающею людей образованныхъ. Отъ 4½ до 6 въ I и II курсахъ лекціи. Студенты старшихъ курсовъ употребляютъ это время на самостоятельныя занятія и отдохновеніе; въ младшихъ—студентамъ дается для отдохновенія одинъ часъ по окончаніи послѣ-обѣденной лекціи. Посѣщеніе студентовъ посторонними лицами дозволяется въ свободное отъ занятій время, съ крайнею осмотрительностію, не иначе, какъ въ пріемной залѣ и, притомъ, всякій разъ съ разрѣшенія директора. Въ 7 часовъ всѣ собираются въ классныхъ комнатахъ, для повторенія и приготовления уроковъ. Въ 8½ часовъ ужинъ и потомъ вечерняя молитва. Послѣ вечерней молитвы и кратковременнаго отдохновенія, студенты занимаются приготовленіемъ своихъ уроковъ до 10½ часовъ и потомъ отправляются въ спальни, въ сопровожденіи своихъ надзирателей“...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что не только учебныя занятія студентовъ, или, какъ говоритъ «Описаніе», составленное г. Смирновымъ, *приготовленіе ими уроковъ*, но даже предметы ихъ разговора, мѣста въ классахъ и за столомъ, свиданія съ знакомыми, отдохновеніе и *самостоятельныя* занятія,—все опредѣляется Уставомъ до мельчайшихъ подробностей. Чтобы не было упущеній во всемъ этомъ, «при студентахъ неотлучно находятся комнатные надзиратели, наблюдающіе неусыпно за всѣми ихъ дѣйствіями. Имъ помогаютъ въ этомъ *старшіе*, избираемые изъ отличныхъ студентовъ». («Опис.» стр. 23). Кроме того, старшій надзиратель наблюдаетъ надъ всѣми ихъ поступками и старается вселять въ нихъ чувства чести и добродѣтели, наблюдая, чтобы они возвращались въ-время съ прогулокъ и изъ отпусковъ и не оставались праздными въ назначенные для повторенія уроковъ и приготовленія къ классамъ часы (стр. 25—6). «Директоръ также имѣетъ неусыпное попеченіе объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ и употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ поощренію прилежанія и благонравія» (стр. 7).

«Для поощренія же употребляются слѣдующія средства: 1) предоставленіе первыхъ мѣстъ въ классахъ, за столомъ и въ комнатахъ; 2) избраніе отличныхъ студентовъ въ старшіе (для надзора за товарищами); 3) похвальный отзывъ о студентѣ въ присутствіи директора» (стр. 25).

Чтобы показать, до какой степени простирается предусмотрительность институтскаго начальства, выпишемъ еще нѣсколько статей изъ «Описанія». Студенты обязываются «въ дортуарахъ не отворять форто-

чекъ и трубъ, а въ репетиціонныхъ и классныхъ залахъ не трогать лампы и наблюдать осторожность въ отношеніи къ мебели и паркетнымъ поламъ» (стр. 41). «Дежурные надзиратели обязаны наблюдать, чтобы студенты, идучи въ церковь, столовую, классы, или выходя со двора, были застегнуты на всѣ пуговицы» (стр. 43). При встрѣчѣ съ высшими извѣстными лицами требуется соблюденіе должной учтивости, какъ это исполняется въ отношеніи къ начальникамъ и наставникамъ.

Изъ всего этого читатели могутъ видѣть, какъ ревностно стремится Педагогическій Институтъ къ своей цѣли. Вся исторія его служитъ тому подтвержденіемъ. Въ приложеніи къ «Описанію» напечатанъ алфавитный списокъ выпущенныхъ въ учебную службу изъ Института въ продолженіе 28 лѣтъ его существованія. Число ихъ простирается до 575, и между ними мы находимъ 10 именъ, получившихъ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ или наукѣ (въ томъ числѣ г. Касторскій, двое гг. Лавровскихъ и г. Ленковъ). Но по службѣ студенты идутъ весьма счастливо: по указаніямъ г. Смирнова, уже болѣе 30 изъ нихъ занимаютъ мѣста директоровъ и инспекторовъ гимназій или штатныхъ смотрителей училищъ. Это можетъ служить самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что идеи строгой подчиненности и тщательнаго исполненія приказаній начальства особенно сильно вкореняются въ душахъ студентовъ и не оставляются ими и по выходѣ изъ заведенія, во все время ихъ службы.

Лежащій передъ нами *Актъ*, съ *напутственнымъ словомъ* директора Института, И. И. Давыдова, и благодарственною рѣчью одного изъ окончившихъ курсъ студентовъ, Александра Чистякова, подтверждаетъ ту же истину. Почтенный директоръ Института торжественно свидѣтельствуется здѣсь свою радость о томъ, что окончившіе курсъ студенты «готовы знаніями своими и вѣрною службою Государю принести честь мѣсту своего воспитанія» и только опасается, чтобы они, лишась руководства наставниковъ и воспитателей, не ослѣпились пріобрѣтенною ими мудростію. Для избѣжанія этого, онъ рекомендуетъ имъ, какъ лучшее средство, «сознаніе своей слабости и испрашиваніе помощи Всемогущаго», скрѣпляя свой совѣтъ назидательнымъ изреченіемъ одного учителя Церкви: «не надо знать, чтобы вѣровать, а должно вѣровать, дабы знать».

Студентъ Чистяковъ отвѣчалъ на это рѣчью, исполненною мыслей и чувствованій чисто отроческихъ и ученическихъ, какихъ, конечно, и слѣдовало ожидать отъ системы институтскаго воспитанія, къ которой студенты не могутъ не чувствовать самой горячей признательности.

Этого уже было бы довольно, чтобы судить о высокомъ совершенствѣ, котораго достигъ Главный Педагогическій Институтъ; въ помещенномъ «Актѣ» его мы находимъ объ этомъ свидѣльства еще болѣе ясныя.

Въ прошедшемъ году «Отчетъ» г. Смирнова заключался тѣмъ, что Институтъ *сдѣлалъ ощутительные успѣхи въ стремленіи къ предназначенной ему цѣли*; нынѣ же онъ достигъ полнаго совершенства, по единогласному свидѣтельству воспитателей и воспитанниковъ. Благодарственная рѣчь студента Чистякова называетъ Институтъ *«средоточіемъ умственной жизни»* и говоритъ, что здѣсь «всѣ потребности души были предупреждены и удовлетворены»: едва-ли хоть одно изъ нашихъ заведеній можетъ похвалиться подобнымъ совершенствомъ!..

Отрадно слышать такое безпристрастное признаніе собственныхъ заслугъ, и еще отраднѣе видѣть, что оно вполне подтверждается каждою строкою правдиваго и откровеннаго «Отчета». Послѣ всего этого справедливо можно надѣяться, что вышедшіе изъ Института сѣятели соберутъ обильную жатву на поприщѣ службы и гражданскаго благочинія.

Но, занявшись внутреннимъ устройствомъ Института и увлеченные горячимъ участіемъ къ его совершенствамъ, мы было позабыли сообщить факты о внѣшнемъ его состояніи. Спѣшимъ исправить свою вину, представляя цифры изъ «Отчета».

Число студентовъ въ Институтѣ нельзя опредѣлить съ точностью, потому что на стр. 5-й напечатано: «нынѣ состоятъ въ Институтѣ 207 студентовъ; изъ нихъ 27 окончившихъ полный курсъ и 81 продолжающихъ ученіе»—явная ошибка, для разрѣшенія которой мы сочли студентовъ по приложенному тутъ же списку (стр. 19—22); но тамъ оказалось продолжающихъ курсъ только 78. Такимъ образомъ, число студентовъ Института колеблется между 105, 107 и 108.

Въ теченіе года выбыло изъ Института 12 студентовъ. Причины этого безвременнаго выbytія не указаны.

Нынѣ кончившіе курсъ студенты пробыли въ Институтѣ пять лѣтъ (вслѣдствіе раздѣленія двухгодичныхъ курсовъ на годовые, въ прошломъ году), и послѣ этого 17 изъ нихъ выпущены старшими учителями гимназій, а 10—младшими. Двое получили золотыя медали, 7 человекъ—серебряныя.

Большая часть изъ окончившихъ курсъ—въ «Отчетѣ» названо 19 студентовъ—представили диссертациі для полученія степени. Изъ продолжающихъ курсъ, пять студентовъ тоже представили сочиненія, поименованныя въ «Отчетѣ».

Результатъ этихъ цифръ, конечно, не блестящъ, даже по сравненію съ прежними годами того же Педагогическаго Института; но еще разъ повторимъ, что все это съ избыткомъ замѣняется нравственными совершенствами, которыя такъ хорошо развиваются въ студентахъ вышеуказанными *поощреніями и кондуктными списками*, имѣющими, по сло-

вамъ г. Смирнова, «рѣшительное вліяніе на опредѣленіе достоинства студентовъ».

Во всякомъ случаѣ, обзрѣвъ общій характеръ устройства Института, мы имѣемъ полное право сказать, что онъ во всемъ остается вѣренъ мыслямъ, выраженнымъ въ этихъ словахъ его непосредственнаго начальника и руководителя: «мудрость земная не даетъ того, что озаряетъ путь жизни, часто омрачаемый страстями и заблужденіями. Не надобно знать, чтобъ вѣровать, а должно вѣровать, чтобъ знать».

II.

Краткое историческое обзрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго Института. 1828—1850 г. Спб. 1859 г.

Невозможно безъ чувства глубочайшаго омерзѣнія смотрѣть на людей, ругающихся надъ потерявшимъ силу человѣкомъ, предъ которымъ они падали до ногъ въ то время, когда онъ былъ силенъ, и которому своимъ раболѣпствомъ даже помогали въ достиженіи его цѣлей. Нужды нѣтъ, что онъ былъ, можетъ быть, величайшій злодѣй и негодяй; нужды нѣтъ, что онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ заслуживаетъ, можетъ быть, самаго страшнаго поруганія. Все-таки отвратительно смотрѣть на осла, который лягаетъ безсильнаго льва, приговаривая: «пускай ослиное копыто знаетъ». Тотъ, кто и прежде, въ дни силы этого льва, выходилъ на борьбу съ нимъ и не преклонялся предъ нимъ, тотъ еще имѣетъ право, хотя уже и бесплодное, позорить его и во дни его одряхлѣнія: онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ сказать, что руководствуется началомъ чистой справедливости и всегда равно возстаетъ противъ своего врага, не обращая вниманія на его положеніе... Но чѣмъ можетъ оправдать себя тотъ, кто подличалъ и пресмыкался предъ неправую силу, пока могъ отъ нея ожидать себѣ чего-нибудь, а потомъ, когда она сломлена и уничтожена, вдругъ выпрямляется и начинаетъ обличать то зло, которое этою силою было произведено!.. Такіе люди, позднимъ своимъ возстаніемъ, только увеличиваютъ то презрѣніе, которое и безъ того возбуждается въ душѣ всякаго порядочнаго человѣка раболѣпствомъ ихъ предъ сильною неправдою. Подобное раболѣпство можетъ еще находить нѣкоторое извиненіе себѣ въ слабой степени умственного развитія раболѣпствующихъ: они могутъ не понимать всей полноты и зловредности дѣйствій сильнаго лица, которому подчиняются; они могутъ добродушно вѣрить ему, благоговѣть предъ его системою и оставаться вѣрными ей

постоянно, даже послѣ его паденія. О такихъ людяхъ можно душевно сострадать, можно ихъ не уважать, какъ людей крайне ограниченныхъ; но не за что питать къ нимъ озлобленіе и отвращеніе. Совершенно противное расположеніе возбуждаютъ люди, доказывающіе, послѣ паденія сильнаго негодяя (котораго они были орудіемъ), что они никогда не сочувствовали его дѣйствіямъ, что ихъ образъ мыслей совершенно противоположенъ тому, что они принуждены были дѣлать прежде. Подобнымъ объявленіемъ эти люди обнаруживаютъ только то, что они до сихъ поръ были подлы по расчетамъ, раболѣпны изъ видовъ, содѣйствовали дурнымъ затѣямъ сильнаго бездѣльника совершенно сознательно, очень хорошо понимая всю ихъ мерзость... Такіе люди гнусны и презрѣнны до послѣдней степени; нѣтъ въ русскомъ языкѣ столь крѣпкаго слова, которое могло бы вполне выразить всю силу презрѣнія, которое долженъ питать къ нимъ всякій порядочный человѣкъ.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу многихъ легкомысленныхъ толковъ, сопровождавшихъ закрытіе Главнаго Педагогическаго Института. Люди, которые прежде не говорили о немъ ни одного слова, или даже всячески восхваляли его, принялись теперь бранить его, на чемъ свѣтъ стоитъ. Начали толковать о его коренной несоотвѣтственности съ требованіями здоровой педагогики, о ложности системы, господствовавшей въ немъ въ послѣднее время, о недостаткахъ его административнаго и хозяйственнаго устройства, и т. п. Положимъ, что эти толки даже и справедливы, положимъ, что недостатковъ было дѣйствительно много... Но зачѣмъ же молчали о нихъ во все время существованія Института, зачѣмъ только въ послѣднее время заговорили о нихъ и въ обществѣ, и въ администраціи, и въ литературѣ? Сколько намъ помнится, до закрытія Института только одинъ насмѣшливый голосъ раздался противъ мелочности и формальности, слишкомъ уже укоренившихся въ немъ. Голосъ этотъ раздался, ровно три года назадъ, въ «Современникѣ», и на него въ свое время обратили вниманіе многіе изъ интересующихся дѣломъ, но потомъ, разумѣется, и о немъ забыли, а новыхъ голосовъ не было слышно... И вдругъ теперь поднялись съ возгласами противъ Педагогическаго Института даже тѣ, которые еще очень недавно ницъ падали предъ его совершенствами... «Современникъ» не послѣдуетъ ихъ примѣру: онъ теперь не будетъ ни смѣяться, ни ругаться *надъ умершимъ*, а только представитъ спокойное и безпристрастное изложеніе исторіи Института, по отчету, составленному и недавно обнародованному ученымъ секретаремъ, старшимъ надзирателемъ и адъюнктомъ Института, А. Смирновымъ.

Главный Педагогическій Институтъ основанъ въ 1828 г. Первымъ директоромъ его былъ, до 1847 г., Э. И. Миддендорфъ, вторымъ—до

1859 г. (до самаго рѣшенія о закрытіи) академикъ И. Давыдовъ. При Ѳ. И. Миддендорфѣ особая забота была обращена на приготовленіе наставниковъ особенно практическимъ методомъ, и потому при основныхъ, спеціально-педагогическихъ отдѣленіяхъ Института были тогда учреждены три прибавочныхъ отдѣленія, собственно для практики молодыхъ педагоговъ. Все ученіе продолжалось девять лѣтъ, въ трехъ курсахъ, каждый по три года: 1) *малолѣтнее* отдѣленіе, изъ дѣтей 12—14 лѣтъ, 2) *предварительный* курсъ, соотвѣтствовавшій общему университетскому, и 3) *окончательный*, собственно педагогическій курсъ, студенты котораго занимались практическимъ преподаваніемъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи и въ учрежденномъ при Институтѣ съ 1838 года «Второмъ разрядѣ» института, назначенномъ собственно для приготовленія приходскихъ и уѣздныхъ учителей. Такимъ образомъ, прямая цѣль Института,—приготовленіе учителей постоянно имѣлась въ виду, хотя и ученое образованіе воспитанниковъ не оставлялось безъ вниманія. Изъ пяти выпусковъ, бывшихъ при Ѳ. И. Миддендорфѣ, до 400 воспитанниковъ поступили на педагогическую службу, въ томъ числѣ въ высшія учебныя заведенія поступили—35. При выбытіи Ѳ. И. Миддендорфа изъ Института, въ немъ было до 170 воспитанниковъ; а въ кассѣ Института до 60 тысячъ рублей экономической суммы.

Съ поступленіемъ въ Институтъ новаго директора, начался новый періодъ его существованія. *Самъ „Отчетъ“* признается нынѣ, что періодъ этотъ гораздо слабѣе предыдущаго, вслѣдствіе перемѣнъ, произведенныхъ въ немъ новымъ директоромъ. Къ сожалѣнію, обзорѣніе г. Смирнова сдѣлано слишкомъ на-скоро, и потому въ немъ нѣтъ надлежащей подробности и отчетливости. Даже больше: почти весь отчетъ о второмъ періодѣ Института взятъ *почти буквально*, съ небольшими (по мѣстамъ, впрочемъ, довольно характеристическими) измѣненіями, изъ «Историческаго Обзорѣнія перваго двадцатипятилѣтія Института», читаннаго тѣмъ же г. Смирновымъ, на актѣ юбилея Института, въ 1853 году. Мы рѣшаемся представить здѣсь сличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, подчеркивая только тѣ мѣста, въ которыхъ сдѣланы измѣненія.

Актъ 1853 г., стр. 26.

Обозрѣніе 1859 г., стр. 8.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института до увольненія перваго директора онаго, *дѣйствительнаго ст. сов. Ѳ. И. Миддендорфа, который, по преклонности лѣтъ и разстройству здоровья, Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности, 23 октября 1846 г., причемъ онъ пожа-*

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института при первомъ директорѣ его, Ѳ. И. Миддендорфѣ. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ развитіемъ своихъ способностей и приобрѣтенными познаніями въ наукахъ, одолжены преимущественно ему сво-

лованъ чиномъ тайнаго совѣтника. Во все время управленія Институтомъ онъ былъ душою всей его дѣятельности; все приращенія къ оному произошли не безъ его желанія и участія и возбуждали въ немъ самое живѣйшее сочувствіе. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ пріобрѣтенными теоретическими познаніями въ наукахъ и развитіемъ своихъ способностей, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія въ мѣру возраста и постиженіемъ способствъ развивать умственные способности дѣтей. Польза его дѣятельности оправдывается полезною и похвальною службою его питомцевъ.

имъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія, приносившая къ ихъ возрасту и понятіямъ, и развивать умственные способности дѣтей. При выбытіи его изъ Института, въ стѣнахъ сего заведенія воспитывалось до 170 студентовъ и воспитанниковъ; а въ кассѣ Института было до 59,314 руб. 96 коп. экономической суммы. Одобрительные отзывы бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уварова, объ основательности и хорошемъ направленіи преподаванія въ Институтѣ, неоднократно сдѣланные во всеподданнѣйшихъ отчетахъ (1841—1846 годовъ), свидѣтельствуютъ, что устройство Института въ то время соотвѣтствовало цѣли учрежденія.

Къ первому періоду Института относится пять выпусковъ, причисляя сюда выпускъ 1847 года. Въ теченіе этого времени поступило на педагогическую службу до 400 питомцевъ Института изъ разныхъ отдѣленій; изъ этого числа, по окончаніи курса въ факультетахъ, довершили высшее образованіе за-границею и поступили въ высшія учебныя заведенія 21, по особенномъ приготовленіи въ самомъ Институтѣ, поступили въ высшія учебныя заведенія 14, прочіе опредѣлены въ старшіе и младшіе учителя гимназій, въ уѣздные и весьма малое число въ приходскіе учителя и комнатные надзиратели.

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднемъ отчетѣ представлено болѣе фактовъ, свидѣтельствующихъ о процвѣтаніи Института предъ поступленіемъ въ него новаго директора, хотя въ «Обозрѣніи» 1853 г. тѣ же самыя фразы, и даже съ добавленіями еще болѣе громкими. Въ отчетѣ о второмъ періодѣ заимствованій еще больше, измѣненія еще незначительнѣе.

Актъ 1853 г., стр. 27.

Обозрѣніе 1859 г., стр. 9.

Со вступленіемъ въ управленіе Главнаго Института нынѣшняго Директора, Д. С. С. Ивана Ивановича Давыдова, начался въ исторіи Института новый періодъ. До него Институтъ, 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, несоразмѣрно истощалъ средства содержанія онаго и бѣднѣлъ въ хозяйственномъ отношеніи; 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, упукалъ изъ виду современное быстрое движеніе наукъ, благодаря ихъ развѣтвленію, и въ нѣкоторомъ смыслѣ,

По вступленіи въ управленіе Главнымъ Педагогическимъ Институтомъ И. И. Давыдова, измѣнилось устройство Института и направленіе его дѣятельности. Новый директоръ нашелъ, что Институтъ, 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, долженъ былъ слишкомъ ограничить себя въ статьяхъ содержанія студентовъ и воспитанниковъ; 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, еще не вполнѣ приготовленныхъ къ своему дѣлу, слишкомъ развлекалъ студентовъ

слабѣлъ въ сравненіи съ университетами, преобразованными уставомъ 1835 года, такъ что питомцы Института, по окончаніи ученія, затруднялись съ такою увѣренностію и честію стремиться къ приобретенію высшихъ учебныхъ степеней, по Положенію 1837 г., какъ студенты университетовъ, къ курсамъ которыхъ это положеніе было примѣнено. Прежде въ этомъ случаѣ помогала студентамъ Института посылка ихъ въ заграничныя университеты, для усовершенствованія въ наукахъ; но, съ теченіемъ времени, эта посылка сдѣлалась чрезвычайно затруднительною и, наконецъ, совершенно отлѣнена. Студенты Института могли бы усиленнымъ трудомъ, при помощи своихъ знаменитыхъ профессоровъ, восполнить и этотъ недостатокъ; но, употребляя много времени на приготовленіе къ преподаванію наукъ въ двухъ прибавочныхъ отдѣленіяхъ Института и на самое преподаваніе, они не имѣли времени на самодѣтельное обработываніе факультетскихъ предметовъ, на ознакомленіе съ литературою наукъ и на письменныя упражненія, а посему должны были ограничиться честію хорошихъ учителей гимназій; высшая же, почетнѣйшая честь—быть достойнымъ профессоромъ—оставалась недостижимою.

и не позволялъ имъ съ надлежащею самодѣтельностью заниматься изученіемъ литературы избранныхъ наукъ и письменными упражненіями; 3) что въ Институтѣ распредѣленіе предметовъ по факультетамъ не соответствовало университетскому и было неудобоприложимо къ положенію объ испытаніяхъ на ученныя степени.

И здѣсь вы встрѣчаете почти однѣ и тѣ же фразы; только въ отчетѣ 1853 г., писанномъ еще при директорствѣ г. И. Давыдова, изложено все дѣло нѣсколько пространнѣе и краснорѣчивѣе. Посмотримъ далѣе:

АКТЪ 1853 г., стр. 28.

ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 10.

И. И. Давыдовъ, посвятившій всю жизнь педагогическому званію и указавшій уже не одной тысячѣ молодыхъ людей путь въ самое высшее святилище наукъ, будучи притомъ самъ уже заслуженнымъ профессоромъ и ординарнымъ академикомъ, при самомъ вступленіи въ свою настоящую должность, увидѣлъ недостатки въ устройствѣ Гл. Пед. Инст., и быстро сообразивъ средства къ приведенію его въ соответственное Уставу значеніе, немедленно приступилъ къ исполненію оныхъ. По его представленію, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Графъ Сергій Сем. Уваровъ, исходатайствовалъ, 26 іюля 1847 г., Высочайшее соизволеніе на преобразованіе Г. П. Института на слѣдующихъ основаніяхъ:

Желая возвысить уровень педагогическаго образованія питомцевъ Института расширеніемъ круга ихъ субъективнаго образованія, онъ исходатайствовалъ, чрезъ г. Министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, Высочайшее соизволеніе, 26 іюля 1848 г., на преобразованіе Института въ таковое видѣ:

Такъ какъ, съ одной стороны, при нынѣшнемъ отличномъ состояніи гимназій, уѣздныя училища уже достаточно снабжаются учителями изъ учениковъ гимназій и тѣми изъ воспитанниковъ предварительнаго курса, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобы сдѣлаться достойными профессорами или учителями гимназій, — съ другой стороны, является много изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, желающихъ поступить въ Институтъ, для спеціальнаго педагогическаго образованія, то Второй Разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежащимъ къ оному классомъ полупансіонеровъ, исполнившіе временное свое назначеніе, стали болѣе ненужными.

Далѣе — цѣлыхъ двѣ страницы взяты прямо изъ отчета 1853 г., такъ что ихъ и сравнивать нечего. Затѣмъ слѣдуетъ опять маленькая разница, которую мы отмѣтимъ.

АКТЪ 1853 г., стр. 32.

Въ скоромъ времени, по соображенію общаго устройства учебныхъ заведеній, представилась возможность произвести новое преобразование въ курсахъ Института. Такъ какъ среднія учебныя заведенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, нынѣ достаточно готовятъ лучшихъ своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ, для сей цѣли при Институтѣ существовавшій, оказывался излишнимъ, и пр.

Далѣе, буквально сходно въ обоихъ отчетахъ, рассказывается объ уничтоженіи предварительнаго курса и объ ограниченіи времени ученія въ Институтѣ четырьмя годами, вмѣсто шести. Затѣмъ дѣлаются выводы:

АКТЪ 1853 г., стр. 32.

Курсы приняли надлежащій спеціальный видъ, и Главный Педагогическій Институтъ могъ теперь надежнѣе приступить къ довершенію высшаго педагогическаго образованія юношей, посвящающихъ себя званію наставниковъ, съ надлежащимъ приготовленіемъ и полнымъ сознаніемъ своихъ силъ и своего важнаго назначенія.

Полагая, что уѣздныя училища достаточно могутъ снабжаться учителями изъ учениковъ гимназій, и что лучшіе воспитанники гимназій съ охотою будутъ поступать въ Институтъ для высшаго педагогическаго образованія, онъ нашелъ второй разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежащимъ къ послѣднему классомъ полупансіонеровъ, излишними.

ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 11.

Въ скоромъ времени, желая привлечь въ Институтъ лучшихъ воспитанниковъ гимназій, начальство нашло нужнымъ привести устройство Института еще къ большому спеціализированію. Такъ какъ среднія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, могли достаточно готовить своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ, для сей цѣли существовавшій при Институтѣ, оказывался излишнимъ, и пр.

ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 11.

Эта мѣра, сокративъ время педагогическаго приготовленія, не вполне достигла ожидаемаго успѣха: воспитанниковъ гимназій съ этого времени поступало въ Институтъ не больше прежняго; можетъ быть, причиною тому былъ продолжительный срокъ обязательной службы за институтское образованіе, а еще болѣе, кажется, правила закрытаго заведенія, каковъ былъ въ строгомъ смыслѣ, по уставу своему, Институтъ.

Затѣмъ въ «Обозрѣніи» г. А. Смирновъ рассказываетъ перемѣны въ Институтѣ, происшедшія уже послѣ 1853 г. Всѣ эти перемѣны вели къ большому специализированію занятій студентовъ и къ возвышенію уровня ихъ образованія, съ цѣлію приготовить изъ нихъ не только отличныхъ учителей гимназій, но и достойныхъ профессоровъ университета. Къ сожалѣнію, мѣры эти не были вполне удачны, такъ что изъ студентовъ послѣднихъ выпусковъ, образованныхъ по новой системѣ, только *двое* поступили въ высшія учебныя заведенія (изъ прежнихъ выпусковъ—35). Самое количество воспитанниковъ въ Институтѣ постоянно уменьшалось и, вмѣсто полного по штату числа 154, дошло до 94. Причинами этого «Обозрѣніе» полагаетъ, между прочимъ, то, что быстро возрастающая въ послѣднее время дороговизна на жизненные припасы, улучшеніе нѣкоторыхъ хозяйственныхъ статей и отнесеніе значительныхъ издержекъ на экономическую сумму Института, истощая средства заведенія, не позволяли по прежнему увеличивать число питомцевъ Института» (стр. 17).

Въ 1853 г. отчетъ г. А. Смирнова оканчивался слѣдующими знаменательными строками, выражавшими тѣ надежды, какія питало начальство заведенія, въ бытность директоромъ его г. И. Давыдова:

„Преобразованія Главнаго Педагогическаго Института, совершившіяся съ 1847 года, принесли уже утѣшительные плоды: Институтъ, въ хозяйственномъ отношеніи, достигъ блестящаго состоянія; объемъ курсовъ его и направленіе преподаванія дали ему возможность образоватъ молодыхъ педагоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прямо по выпуску изъ заведенія, съ честью заняли въ университетахъ и Главномъ Педагог. Институтѣ профессорскія кафедры; не утративъ своего практическаго спеціальнаго направленія, Институтъ съ честью опять (!) сталъ на почетное мѣсто въ ряду высшихъ учрежденій по части народнаго просвѣщенія“ (стр. 36).

Но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ нынѣшняго «Обозрѣнія», надежды эти не оправдались. Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ несостоятельность всѣхъ мѣръ, какія были принимаемы новымъ директоромъ Института. Видя, что всѣ доселѣ сдѣланныя преобразованія такъ неудачны, г. И. Давыдовъ самъ рѣшился отказаться отъ нихъ и опять обратиться къ тому же устройству, какое было при Миддендорфѣ. Желая провести эту мысль, онъ въ декабрѣ 1857 г. подалъ г. министру народнаго просвѣщенія записку о новомъ преобразованіи Института. Вотъ что, между прочимъ, приводится изъ записки въ «Обозрѣніи» г. А. Смирнова:

„Несмотря на пользу, доставляемую Институтомъ въ нынѣшнемъ его состояніи, до котораго доведенъ онъ путемъ опыта и указаніемъ потребностей.

представляется возможность придать ему характеръ, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и тѣмъ содѣйствовать *новому его совершенствованію*.

„Главное затрудненіе въ учебномъ образованіи будущихъ наставниковъ юношества нынѣ встрѣчаетъ Институтъ въ недостаточномъ приготовленіи для этой цѣли поступающихъ въ Институтъ питомцевъ изъ гимназій и семинарій. Для ученаго образованія необходимо основательное изученіе древнихъ языковъ и новыхъ иностранныхъ, вмѣстѣ съ словесностію и исторіею, или всего круга знаній, называемыхъ *studia humaniora*; это—тщательно воздѣланная почва, которой можно повѣрять всѣ добрыя сѣмена; безъ этого приготовительнаго общаго ученія нельзя ожидать вѣрныхъ успѣховъ отъ высшихъ спеціальныхъ курсовъ; нимало не помогутъ педагогическія занятія тѣмъ, которые слабо приготовлены въ начальномъ ученіи.

„Для восполненія недостатка приготовительнаго изученія древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ, нужныхъ для ученаго образованія, необходимо четырехъ-годичное ученіе институтское обратить въ шестилѣтнее и раздѣлить его на три двухъ-годичные курса: 1-й курсъ—общій (*humaniora*), 2-й спеціаль- ный или факультетскій и 3-й—практическій. Въ первомъ курсѣ студенты должны преимущественно заниматься изученіемъ языковъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ, русской словесности, элементарной математики и историческихъ наукъ. Тутъ всѣ учащіеся, поступающіе изъ разныхъ заведеній, могутъ срав- няться въ знаніяхъ по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ. Во второмъ курсѣ студентовъ предполагалось распредѣлять по факультетамъ историко-филологи- ческому и физико-математическому. Въ третьемъ они должны были заниматься факультетскими предметами практически и упражняться въ педагогикѣ въ общемъ курсѣ, подъ руководствомъ преподавателей. При этомъ раздѣленіи курса ученія, выпуски изъ Института предполагалось производить черезъ каждые два года“.

«Такимъ образомъ,—говоритъ г. Смирновъ (стр. 19),—Институтъ нашелъ необходимымъ возвратиться къ устройству 1828 и 1848 годовъ и положить въ основаніе педагогическаго образованія то, чѣмъ такъ осо- бенно дорожилъ и прежній директоръ, О. И. Миддендорфъ,—основатель- ное изученіе древнихъ и новыхъ языковъ. Въ этомъ новое направленіе Института сходилось со старымъ. Но такой педагогической практикѣ, если она оказалась необходимою, при новомъ предполагавшемся образо- ваніи Института, питомцы онаго не могли имѣть, какъ имѣли при ста- ромъ устройствѣ 1832—1847 годовъ».

Но при развитіи новыхъ педагогическихъ понятій и требованій и при измѣненіи взгляда на дѣятельность Института во второмъ періодѣ, ошибочность которой созналъ самъ ея виновникъ, предложеніе г. И. Да- выдова не было принято. «Главное правленіе училищъ (говоритъ г. Смир- новъ) въ засѣданіи 21 октября 1858 г., по разсмотрѣннн дѣла о пре- образованіи Главнаго Педагогическаго Института, нашло, что недостатки сего заведенія заключаются въ двухъ главныхъ основаніяхъ его настоя- щей организаціи: 1) въ условіяхъ *пріема* студентовъ, при которыхъ можетъ нерѣдко случиться, что въ Институтъ поступятъ молодые люди, кои не окажутъ впослѣдствіи ни наклонности, ни достаточныхъ способ- ностей къ званію, къ которому готовятся, и 2) въ самомъ *курсѣ*, ли- шенномъ практическаго, въ необходимыхъ размѣрахъ, примѣненія препо-

даваемыхъ студентамъ теорій. Для устраненія этихъ недостатковъ главное правленіе училищъ, обсудивъ основные только вопросы, такъ какъ всѣ дальнѣйшія затѣмъ подробности предполагаемыхъ преобразованій должны зависѣть отъ ближайшихъ соображеній министерства, полагало сообразнымъ съ цѣлю, *упразднивъ Главный Педагогическій Институтъ, устроить взаменъ онаго, особые педагогическіе курсы*, въ которые будутъ принимаемы молодые люди, окончившіе уже курсъ въ университетѣ и избирающіе, слѣдовательно, подлежащее имъ педагогическое поприще сознательно: съ другой стороны, начальство педагогическихъ курсовъ можетъ имѣть достаточное ручательство въ знаніяхъ и природныхъ ихъ способностяхъ. Педагогическіе курсы, соединяя факультетское образованіе съ спеціальнымъ и практическимъ, будутъ продолжаться по два года; они должны быть заведеніями открытыми».

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія, директоръ Института, г. И. Давыдовъ, назначенъ въ Правительствующій Сенатъ въ Москву; въ Институтѣ остались начальствующими, подъ главнымъ наблюденіемъ г. попечителя Спб. учебн. округа: И. Д. Деянова, г. Тихомандрицкій, самъ бывшій воспитанникомъ Института перваго выпуска и служившій въ немъ инспекторомъ съ 1848 г., и г. А. Смирновъ, тоже давнишній воспитанникъ Института, служившій въ немъ старшимъ надзирателемъ съ 1840 г. Такимъ образомъ они, можно сказать, видѣли начало Института, участвовали въ его дѣятельности, во второмъ ея періодѣ, и теперь видѣли закрытіе этого заведенія...

По поводу педагогической дѣятельности г. Пирогова.

I.

О ЗНАЧЕНІИ АВТОРИТЕТА ВЪ ВОСПИТАНІИ.

(Мысли по поводу „Вопросовъ жизни“ г. Пирогова).

Умственное движеніе, возбужденное въ нашемъ обществѣ событіями послѣднихъ годовъ, обратилось недавно и къ вопросамъ о воспитаніи. Теперь у насъ основано уже два педагогическихъ журнала и, кромѣ того, статьи о воспитаніи появляются отъ времени до времени и въ другихъ изданіяхъ. Но первый обратилъ вниманіе на это важное дѣло «Морской Сборникъ», помѣстившій въ началѣ прошлаго года статью о воспитаніи г. Бема, за которою послѣдовали и другія статьи, болѣе или менѣе новыя и справедливыя. Многія изъ этихъ статей находили сочувствіе въ читателяхъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла такого полного и блестящаго успѣха, какъ «Вопросы жизни» г. Пирогова. Они поразили всѣхъ—и свѣтлостью взгляда, и благороднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. Всѣ, читавшіе статью г. Пирогова, были отъ нея въ восторгѣ, всѣ о ней говорили, рассуждали, дѣлали свои соображенія и выводы. Въ этомъ случаѣ общество предупредило даже литературную критику, которая только подтвердила общія похвалы, не пускаясь въ подробный анализъ статьи и не дѣлая никакихъ своихъ заключеній. Это явленіе весьма много говоритъ въ пользу русской публики, и оно тѣмъ болѣе замѣчательно, что статья Пирогова вовсе не отличается какими-нибудь сладкими разглагольствіями или пышными возгласами для усыпленія нерадивыхъ отцовъ и воспитателей, вовсе не старается поддѣлаться

подъ существующій порядокъ вещей, а, напротивъ, бросаетъ прямо въ лицо всему обществу горькую правду; не обинуясь говоритъ о томъ, что у насъ есть дурного, смѣло и горячо, во имя высочайшихъ, вѣчныхъ истинъ, преслѣдуетъ мелкіе интересы вѣка, узкія понятія, своекорыстныя стремленія, господствующія въ современномъ обществѣ. Сочувствіе публики къ такой статьѣ имѣетъ глубокой, святой смыслъ. Значитъ, при всемъ своемъ несовершенствѣ, при всѣхъ увлеченіяхъ на практикѣ, общество наше хочетъ и умѣетъ, по крайней мѣрѣ, понимать, что хорошо и справедливо, къ чему должно стремиться. Оно уже имѣетъ столько внутренней силы, что не пугается сознанія своихъ недостатковъ, а сознаніе прошедшаго и настоящаго зла есть лучшее ручательство за возможность добра въ будущемъ. Съ глубокой радостью и искреннимъ сочувствіемъ привѣтствуя этотъ благородный порывъ русскихъ людей, мы рѣшаемся высказать по поводу статьи г. Пирогова нѣсколько соображеній, на которыя наводитъ она всякаго мыслящаго читателя. Дѣлаемъ это тѣмъ съ большею смѣлостью, что до сихъ поръ нигдѣ еще не встрѣчали болѣе честнаго развитія тѣхъ мыслей, которыя заключаются въ общихъ афористическихъ положеніяхъ г. Пирогова.

Сущность мыслей, изложенныхъ въ «Вопросахъ жизни», состоитъ въ слѣдующемъ: главныя и высшія основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ господствующимъ направленіемъ общества. Изъ этого выходитъ, что, окончивая курсъ воспитанія и вступая въ общество, мы находимъ себя въ необходимости, *или* отречься отъ всего, чему насъ учили, чтобы поддѣлаться къ обществу, *или* слѣдовать своимъ правиламъ и убѣжденіямъ, становясь такимъ образомъ противниками общественнаго направленія. Но жертвовать святыми, высшими убѣжденіями для житейскихъ расчетовъ—слишкомъ безнравственно и отвратительно; а идти противъ общества—гдѣ же взять силъ на это? къ такой борьбѣ съ ложнымъ направленіемъ общества воспитаніе совсѣмъ не готовитъ насъ. Оно даже совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы вкоренить въ насъ высшія, человѣческія убѣжденія; оно хлопочетъ о томъ, чтобы сдѣлать насъ учеными, юристами, врачами, солдатами и т. п. Между тѣмъ, вступая въ жизнь, человѣкъ хочетъ имѣть какое-нибудь убѣжденіе, хочетъ опредѣлить, что онъ такое, какаю его цѣль и назначеніе. Всмотрѣваясь въ себя, онъ находитъ уже готовое рѣшеніе этихъ вопросовъ, данное воспитаніемъ, а приглядываясь къ обществу, видитъ въ немъ стремленія, совершенно противоположныя этимъ рѣшеніямъ. Онъ хочетъ бороться со зломъ и ложью,—но здѣсь-то и оказывается вся несостоятельность его прежняго воспитанія: онъ не приготовленъ къ борьбѣ, онъ долженъ сначала перевоспитать себя, чтобы выйти на арену бойца... А между тѣмъ,

годы летятъ, жизнь не ждетъ, нужно дѣйствовать... и человѣкъ дѣйствуетъ, какъ попало, часто падая подъ бременемъ тяжелыхъ вопросовъ, увлекаясь стремительнымъ теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону,—потому что самъ собою онъ не умѣетъ дѣйствовать, въ немъ не воспитанъ внутренній человѣкъ, въ немъ нѣтъ убѣжденій. А убѣжденія даются не легко: только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто *приученъ съ раннихъ лѣтъ проникательно смотреть въ себя*, кто приученъ съ первыхъ лѣтъ жизни *любить искренно правду, стоять за нее горю и быть принужденно откровеннымъ*—какъ съ *наставниками*, такъ и съ сверстниками».

На этомъ останавливается Г. Пироговъ. Онъ указываетъ зло въ воспитаніи и доказываетъ свои положенія съ безпощадной, неотразимой логической силой. Онъ даетъ понимать и угадывать причину зла: преобладаніе внѣшности въ самомъ воспитаніи, пренебреженіе внутренняго человѣка. Но какимъ образомъ именно убивается въ дѣтяхъ внутренній человѣкъ, отчего внѣшнее развивается въ нихъ болѣе, отъ какихъ частныхъ вліяній они выходятъ на жизненное поприще неприготовленными, безсильными,—этого г. Пироговъ не разбираетъ подробно, а опять предоставляетъ только угадывать. Мы рѣшаемся высказать здѣсь нѣсколько мыслей объ этомъ, родившихся въ насъ по прочтеніи «Вопросовъ жизни».

Трактую съ своихъ педагогическихъ высотъ вопросы о воспитаніи, мы до сихъ поръ очень сильно напоминали басню, въ которой поставили волковъ въ начальники надъ овцами. Здѣсь всѣ обстоятельства были прекрасно соображены, всѣ голоса собраны, только одного не доставало: не спросили самихъ овецъ. Такъ точно, большая часть нашихъ педагогическихъ разсужденій, отлично разбирая вопросы высшей философіи, представляя вѣрные и полезныя правила съ точки зрѣнія религіозной, государственной, нравственной, обще-психологической и т. п., упускаетъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство—дѣйствительную жизнь и природу дѣтей, и вообще воспитываемыхъ... Оттого дитя нерѣдко жертвуется педагогическимъ расчетамъ. Вознесшись на своего нравственнаго конька, воспитатель считаетъ воспитанника своей собственностью, вещь, съ которой онъ можетъ дѣлать, что ему угодно. «Дитя не должно имѣть своей собственной воли,—говорятъ премудрые педагоги:—оно должно слѣпо подчиняться требованіямъ родителей, учителей, вообще старшихъ. Приказаніе воспитателя должно быть для него высшимъ закономъ и исполняться безъ малѣйшихъ разсужденій. Безусловное повиновеніе—главное и единственное необходимое условіе воспитанія. Воспитаніе своей послѣдней цѣлью и имѣетъ именно то, чтобы на мѣсто *неразумной* воли ребенка, поставить *разумную* волю воспитателя».

Не правда-ли, что все это кажется очень логическимъ и справедливымъ? Но, припоминая характеристику этого *разумнаго* воспитанія, сдѣланную въ «Вопросахъ жизни», и сами еще не слишкомъ отдаленные отъ впечатлѣній собственнаго воспитанія и ученія, мы не можемъ безъ недовѣрчивой улыбки слушать логическія разсужденія. Всѣ они, очевидно, обнаруживаютъ только одно: страшную, педантическую гордость почтенныхъ педагоговъ, соединенную съ презрѣніемъ къ достоинству человѣческой природы вообще. Говоря, что въ лицѣ воспитателя осуществляется для ребенка нравственный законъ и разумное убѣжденіе, они, очевидно, ставятъ воспитателя на недостижимую высоту, непогрѣшительнымъ образомъ нравственности и разумности. Не трудно, конечно, согласиться, что если бѣ возможенъ былъ такой идеальный воспитатель, то безусловное, слѣпое слѣдованіе его авторитету не принесло бы особеннаго вреда ребенку (если не считать важнымъ вредомъ замедленіе самостоятельнаго развитія личностей). Но, во-первыхъ, идеальный наставникъ не сталъ бы и требовать *безусловнаго* повиновенія: онъ постарался бы какъ можно скорѣе развить въ своемъ воспитанникѣ разумныя стремленія и убѣжденія. А, во-вторыхъ, искать непогрѣшимыхъ, идеальныхъ наставниковъ и воспитателей въ наше время было бы еще слишкомъ смѣлая и совершенно напрасная отвага. Для этого требуется слишкомъ много условій. Прежде всего, нравственныя правила воспитателя должны быть безусловно вѣрны и строго проведены по всѣмъ, самымъ частнымъ и мелочнымъ случайностямъ жизни. Темныхъ вопросовъ, сомнительныхъ случаевъ для него никогда и никакихъ не должно быть: иначе—что же онъ станетъ дѣлать, если въ подобномъ случаѣ придется приказывать ребенку, который всякое предписаніе исполняетъ безусловно, слѣдовательно, вызвать на разсужденіе и соображеніе никакъ не можетъ? Кромѣ того, въ воспитателѣ предполагается еще при этомъ совершенное безстрастіе: онъ не можетъ увлечься ни гнѣвомъ, ни любовью, не можетъ чувствовать лѣни и утомленія, для него не можетъ существовать хорошее и дурное расположеніе духа, онъ долженъ быть не обыкновеннымъ человѣкомъ, а особеннаго рода снарядомъ, въ которомъ долженъ, безъ всякихъ уклоненій, осуществляться нравственный законъ. Но, сколько намъ извѣстно, подобные снаряды еще не изобрѣтены, а если иные и объявляютъ, будто они открыли секретъ такого изобрѣтенія, то въ этомъ опять выражается только ихъ презрѣніе къ человѣческой природѣ и желаніе, во что бы то ни стало, не походить на людей. Если же въ воспитателѣ допустить возможность увлеченія, то какъ можно поручиться за безусловную непогрѣшимость его дѣйствій въ отношеніи къ ребенку? И не лучше-ли съ самыхъ первыхъ лѣтъ приучать ребенка къ разумному разсужденію, чтобы онъ какъ можно скорѣе пріобрѣлъ

умѣнье и силы не слѣдовать нашимъ приказаніямъ, когда мы приказываемъ дурно?

Въ умственномъ отношеніи отъ идеальнаго наставника тоже требуется ясность, твердость и непогрѣшимость убѣжденій, чрезвычайно высокое, всестороннее развитіе, обширныя и разнообразныя познанія, приведенныя въ полную гармонію съ общими принципами. Самая натура его должна стоять гораздо выше натуры ребенка во всѣхъ отношеніяхъ. Иначе, что выйдетъ, если учитель будетъ, напримѣръ, восхищаться Державиннымъ и заставитъ ученика учить оду Богъ; а тому нравится уже Пушкинъ, а ода Богъ представляетъ совершенно непонятный наборъ словъ? Что, если цѣлый годъ морять надъ музыкальными гаммами ребенка, у котораго пальцы давно уже свободно бѣгаютъ по клавишамъ, и который только и порывается играть и играть... Что, если дитя восхищается картиной, статуей, пьесой, любитъ цвѣтами, насѣкомыми, съ любопытствомъ всматривается въ какой-нибудь физическій или химическій приборъ, обращается къ своему воспитателю съ вопросомъ, а тотъ не въ состояніи ничего объяснить?.. Тутъ уже плохое безусловное повиновеніе! А много-ли найдется наставниковъ и воспитателей, которые бы умѣли объяснить *всѣ* дѣтскіе вопросы? Многимъ, конечно, не разъ случалось видать, какъ иногда семи или восьми-лѣтнее бойкое дитя забьетъ въ-пухъ и поставитъ втупикъ иного почтеннаго старичка. А между тѣмъ, этотъ почтенный старичокъ имѣетъ своего воспитанника, который обязанъ безусловно его слушаться?.. Этотъ ужъ, конечно, никого втупикъ не поставитъ.

Такимъ образомъ, идеальный воспитатель, не желающій, чтобы ребенокъ разсуждалъ и убѣждался, а требующій только, чтобы онъ слушался, долженъ быть готовъ на все, долженъ знать все, долженъ еще предварительно разрѣшить *всѣ* вопросы, какіе могутъ родиться у воспитанника, обсудить всѣ мнѣнія, соображенія и заключенія, какія могутъ когда-нибудь составиться въ душѣ ребенка. Только съ этой предупредительностью онъ можетъ еще какъ-нибудь вести воспитаніе, не насилуя дѣтской природы. А затѣмъ онъ долженъ имѣть силы вести воспитанника вѣрнымъ и самымъ лучшимъ путемъ на всякомъ поприщѣ. Откроетъ-ли онъ въ ребенкѣ склонность къ музыкѣ, къ живописи, страсть къ ботаникѣ, легкость математическаго соображенія, поэтическое чувство, способность къ изученію языковъ, и пр., и пр., онъ долженъ быть вполне способенъ развить все это въ своемъ питомцѣ. Если же онъ не можетъ за это взяться, значитъ, онъ самъ еще не столько приготвленъ, не столько развитъ, чтобы руководить другихъ. А если такъ, то онъ и не имѣетъ права требовать, чтобы его слушались безусловно.

Но даже если мы допустимъ, что воспитатель всегда можетъ стать

выше личности воспитанника (что и бываетъ, хотя, конечно, далеко, далеко не всегда), то во всякомъ случаѣ онъ не можетъ стать выше цѣлаго поколѣнія. Ребенокъ готовится жить въ новой сферѣ, обстановка его жизни будетъ уже не та, что была за 20—30 лѣтъ, когда получилъ образованіе его воспитатель. И обыкновенно воспитатель не только не предвидитъ, а даже просто не понимаетъ подробностей новаго времени и считаетъ ихъ педѣпостью. Онъ старается удержать своего питомца въ тѣхъ понятіяхъ, въ тѣхъ правилахъ, которыхъ самъ держится: стараніе совершенно естественное и понятное, но, тѣмъ не менѣе, вреднее въ высшей степени, какъ скоро оно доходитъ до стѣсненія собственной воли и ума ребенка. Изъ этого происходитъ то, что естественный смыслъ воспитанника раскрывается медленно, воспримчивость къ явленіямъ и потребностямъ той жизни, того общества, среди которыхъ придется ему дѣйствовать, — совсѣмъ иногда заглушается старыми предразсудками и мнѣніями, на вѣру принятыми въ дѣтствѣ отъ воспитателей. Такое воспитаніе, безъ сомнѣнія, есть врагъ всякаго усовершенствованія и успѣха и ведетъ къ мертвой неподвижности и застою... вліяніе его отражается уже не на однихъ отдѣльныхъ личностяхъ, а на цѣломъ обществѣ.

Если предразсудки и заблужденія стараго поколѣнія наслѣдно, съ малыхъ лѣтъ, вкореняются во впечатлительной душѣ ребенка, то просвѣщеніе и совершенствованіе цѣлаго народа надолго замедляется этимъ несчастнымъ обстоятельствомъ. Горькій опытъ жизни убѣждаетъ, правда, цѣлое поколѣніе въ невѣрности того, о чемъ толковали ему въ дѣтствѣ, и человекъ теряетъ часть своего дѣтскаго энтузіазма къ давнимъ внушеніямъ, не оправданнымъ жизнью; но все еще по привычкѣ онъ держится этихъ внушеній и передаетъ ихъ дѣтямъ, только съ меньшею во зторженностью, чѣмъ ему самому передавали ихъ. Новое поколѣніе утрачиваетъ еще частичку благоговѣнія къ внушеннымъ мнѣніямъ; но за то родовая привычка усиливается, и чѣмъ дальше, тѣмъ безсознательнѣе и, потому самому, тѣмъ крѣпче держится народъ за преданія отцовъ. Нужно, чтобы жизнь сдѣлала невозможнымъ приложеніе этихъ, давно ставшихъ мертвыми, преданій; нужно, чтобы явился мощный гегій мысли, чтобы заставить общество почувствовать нужду и возможность измѣненія въ принятыхъ неразумныхъ началахъ. И послѣ этого открытія, — какъ медленно, какъ слабо принимается новая мысль, какъ долго не проникаетъ она въ глубину души людей и не распространяется на массахъ! Прошли столѣтія послѣ того, какъ доказано движеніе земли, а до сихъ поръ простолюдинъ нашъ, слыша безпрестанно, что солнышко взошло и закатилось, смотритъ на него какъ на огромный фонарь, подвигающійся по небесному своду отъ востока до запада. Девять вѣковъ уже Россія оглашается божествен-

нымъ ученіемъ христіанства, но въ народѣ до сихъ поръ живы повѣрья о домовыхъ, водяныхъ и лѣшихъ. Даже тѣ, которые въ послѣдствіи теоретически освобождаются отъ дѣтскихъ вѣрованій, на практикѣ долго еще имъ подчиняются. Много есть образованныхъ людей, имѣющихъ хорошее понятіе о явленіяхъ электричества и все-таки прячущихся отъ ужаса въ темную комнату во время грома; точно такъ же, какъ есть множество другихъ, достигшихъ до умѣнья разсуждать объ истинномъ достоинствѣ человѣка и все-таки въ своемъ знакомомъ цѣнящихъ болѣе всего изящество французскаго выговора и модный жилетъ. Отчего происходитъ это, какъ не отъ вліянія неразумныхъ впечатлѣній дѣтства, перешедшихъ къ ребенку, по несчастію, отъ тѣхъ, кого онъ любитъ или уважаетъ?.. «Вліяніе старшихъ поколѣній на младшія неизбежно,—скажете вы,—и его нельзя уничтожить, тѣмъ болѣе, что, при дурныхъ сторонахъ, оно имѣетъ и много хорошихъ: всѣ сокровища знаній, собранныхъ въ прошедшихъ вѣкахъ, передаются ребенку именно подъ этимъ вліяніемъ, и безъ него нельзя поставить человѣка на ту точку, съ которой онъ долженъ начать въ жизни собственное продолженіе всего, что до него было сдѣлано человѣчествомъ». Возраженіе совершенно справедливое, и мы поступили бы безумно, если бы стали требовать уничтоженіе того, что естественно, само по себѣ, является, существуетъ и уничтожиться не можетъ. Но мы не видимъ также причины и ратовать за то, что неизбежно само по себѣ. Младшее поколѣніе необходимо должно быть подъ вліяніемъ старшаго, и отъ этого проистекаетъ неизмѣримая польза для развитія и совершенствованія человѣка и человѣчества. Никто не станетъ спорить противъ такой очевидной истины. Мы говоримъ только о томъ,—зачѣмъ же ставить прошедшее идеаломъ для будущаго, зачѣмъ требовать отъ новыхъ поколѣній *безусловнаго, слѣпого* подчиненія *многимъ* предшествующихъ? Для чего уничтожать самостоятельное развитіе дитяти, насилуя его природу, убивая въ немъ вѣру въ себя и заставляя дѣлать только *то, чего я хочу*, и только *такъ, какъ я хочу*, и только *потому, что я хочу?*.. А объявляя такое *безусловное* повиновеніе, вы именно уничтожаете разумное, правильное, свободное развитіе дитяти. Какъ это вредно дѣйствуетъ на все нравственное существо ребенка, ясно можно видѣть изъ безчисленныхъ опытовъ, равно какъ и изъ теоретическихъ соображеній. Представимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Прежде всего опредѣлимъ яснѣе, что нужно разумѣть подъ *безусловнымъ* повиновеніемъ. *Безусловный*—значитъ независящій не отъ какихъ условій и обстоятельствъ, неизмѣнно остающійся при своихъ возможныхъ случайностяхъ, не происходящій вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ, но существующій самобытно и самъ въ себѣ заклю-

чающій свое оправданіе. Таково именно бываетъ повиновеніе, котораго требуютъ у насъ отъ дѣтей и котораго необходимость еще недавно доказывалъ весьма сильно въ «Морскомъ Сборникѣ» (1856 г., № 14) пасторъ г. Зедергольмъ. Изъ этого слѣдуетъ, что ребенокъ долженъ слушаться безъ разсужденій, слѣпо вѣровать своему воспитателю, признавать его приказанія единственно непогрѣшимыми, а все остальное несправедливымъ, и, наконецъ, дѣлать все не потому, что это хорошо и справедливо, а потому, что это приказано и, слѣдовательно, должно быть хорошо и справедливо.

Посмотримъ же, какое психологическое дѣйствіе можетъ произвести подобное отреченіе отъ своей воли въ дитяти.

Предположимъ сначала идеальныхъ воспитателей и наставниковъ. Ихъ внушенія всегда справедливы, всегда послѣдовательны, всегда соразмѣрны со степенью духовнаго развитія ребенка; они сами любимы и уважаемы дѣтьми. Предположимъ, что подобные воспитатели требуютъ отъ дѣтей повиновенія *безусловнаго*, а не *разумнаго*. Что изъ этого выходитъ?

Отдается приказаніе; ребенокъ исполняетъ его безпрекословно; за это его хвалятъ и награждаютъ. Но въ самомъ поступкѣ нѣтъ ничего достойнаго награды,—ребенокъ потому и исполнилъ приказъ тотчасъ, что приказанное дѣло казалось ему совершенно естественнымъ, что это согласно было съ его собственнымъ желаніемъ; за что же его хвалятъ?—Очевидно, за послушаніе.

Дается другое приказаніе; воспитаннику оно не нравится, онъ находитъ его несправедливымъ, неумѣстнымъ и представляетъ свои возраженія. Ему говорятъ, чтобы слушался, а не разсуждалъ, и гнѣваются. Онъ поневолѣ повинуется. Но мысль, что его возраженія были справедливы, остается у него во всей силѣ; за что же, значить, бранили его?—Ясно, за что—за непослушаніе.

Подобные случаи повторяются часто, и въ душѣ ребенка мало-по-малу погасаетъ чувство правды, уваженіе къ разумному убѣжденію, и мѣсто его занимаетъ слѣпое послѣдованіе авторитету.

Вы скажете, что впоследствии, сдѣлавшись поумнѣе, воспитанникъ самъ пойметъ, какъ разумны были приказанія воспитателя. Это, конечно, и бываетъ очень часто, и это прекрасно, но только для воспитателя, который такимъ образомъ пріобрѣтаетъ себѣ болѣе уваженія, — но никакъ не для воспитанника, на котораго все подобныя открытія имѣютъ совершенно противное вліяніе. Увидѣвши, черезъ годъ, черезъ мѣсяць, недѣлю, день, часъ наконецъ, но во всякомъ случаѣ поздно (потому что дѣло уже сдѣлано и сдѣлано не по убѣжденію, а по приказу),—увидѣвши, что его противорѣчіе было глупо и неосновательно, ребенокъ теряетъ довѣріе къ

собственному разсудку, лишается отваги и энергіи въ своихъ собственныхъ разсужденіяхъ, боится составить какое-нибудь собственное мнѣніе и не смѣетъ слѣдовать собственному убѣжденію даже тогда, когда оно представляется ему яснымъ, какъ солнце... А можетъ быть, думаетъ онъ, что-нибудь тутъ не такъ... Вотъ, можетъ быть, пройдетъ нѣсколько времени, и окажется, что я неправъ... Отсюда нерѣшительность, медленность, вялость, выжиданіе въ дѣйствіяхъ,—черты, сохраняющіяся на всю жизнь и нерѣдко поражающія насъ въ людяхъ, одаренныхъ замѣчательной силой соображенія въ теоріи, но не имѣющихъ отваги осуществить свои мысли на практикѣ.

А что еще, если ребенокъ былъ правъ въ абсолютномъ смыслѣ, если его противорѣчіе было истинно, съ точки зрѣнія высшихъ принциповъ, а несообразно было только съ житейскими обстоятельствами? Житейскія обстоятельства оправдываютъ воспитателя; ребенокъ понимаетъ это; такъ какъ онъ еще не утвердился въ принципѣ сознательнымъ убѣжденіемъ, то мало-по-малу высшая правда, какъ несогласная съ жизнью, поступаетъ въ разрядъ отвлеченныхъ, негодныхъ мнѣній, пустыхъ бредней...

Вотъ примѣры. Мальчикъ сказалъ въ семействѣ про своего товарища что онъ воръ. Отецъ сталъ бранить сына и приказалъ ему не говорить этого никогда. Мальчику сначала досадно, онъ находитъ несправедливымъ это запрещеніе; но черезъ недѣлю, на одномъ вечерѣ, другой его товарищъ упрекнулъ маленькаго вора въ воровствѣ. Поднялась кутерьма: два семейства поссорились, откровеннаго болтуна наказали... Отецъ говоритъ мальчику: вотъ видишь, что можетъ выйти изъ этого?..

Мальчикъ входитъ въ близкія отношенія съ старымъ слугой; гордый гувернеръ бранитъ его и запрещаетъ говорить со старикомъ. Но мальчикъ не слушается и въ одно время такъ зашаливается въ лакейской, что старикъ-слуга безъ церемоніи беретъ его за руку и выпроваживаетъ отъ себя съ приличными поученіями. Мальчику неприятно; гувернеръ, увидя это, приходитъ въ ужасъ и, поддразнивая самолюбіе мальчика, говоритъ: а все оттого, что не слушался! Погоди, онъ тебя еще бить будетъ, если станешь по-прежнему быть съ нимъ за-наибрата!.. И мальчикъ раскаявается въ своей дружбѣ со старикомъ, какъ будто въ преступленіи.

Гувернантка приказываетъ дѣвочки вести себя благопристойно, — станъ выпрямить, идти плавно, голову держать прямо, говорить только, когда спрашиваютъ, и т. п. Съ такими правилами пріѣзжаетъ она въ гости. Тамъ много дѣтей, и все такія рѣзвыя, веселыя; они бѣгаютъ, шумятъ, болтаютъ, хохочутъ. Ей тоже хотѣлось бы пристать къ нимъ, но гувернантка говоритъ, что это неблаговоспитанно, и она скучаетъ, съ завистью смотря на веселящихся подругъ, особенно на одну, которая ша-

литъ больше всѣхъ, и которой, кажется, всѣхъ веселѣе... Но вдругъ эта рѣзвая дѣвочка упала и сломала себѣ ногу... Торжествующая гувернантка говоритъ своей скромной воспитанницѣ: вотъ что значить вести себя неприлично!..

И тому подобное. Разсудите безпристрастно, нѣсколько безусловное повиновеніе служить здѣсь къ развитію нравственнаго чувства? Не убиваетъ-ли, напротивъ, такое воспитаніе и тѣхъ добрыхъ, святыхъ началъ, которыя природны ребенку? Не естественно-ли, что при этомъ онъ приметъ исключеніе за правило, извращенный порядокъ за естественный? И кто въ этомъ будетъ виновать? Неужели самъ онъ?

А между тѣмъ, какое пышное развитіе могъ бы получить умъ, какая энергія убѣжденій родилась бы въ человѣкѣ и слилась со всѣмъ существомъ его, если бы его съ первыхъ лѣтъ приучали думать о томъ, что дѣлаетъ, если бы каждое дѣло совершалось ребенкомъ съ сознаниемъ его необходимости и справедливости, если бы онъ привыкъ самъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и исполнять то, что другими велѣно, не изъ уваженія къ приказавшей личности, а изъ убѣжденія въ правдѣ самаго дѣла!.. Правда, тогда многимъ воспитателямъ пришлось бы отступить отъ своего дѣла, потому что ихъ воспитанники доказали бы имъ, что они не умѣютъ приказывать!

Убивая въ ребенкѣ смѣлость и самостоятельность ума, безусловное повиновеніе вредно дѣйствуетъ и на чувство. Сознаніе своей личности и нѣкоторыхъ правъ человѣческихъ начинается въ дѣтяхъ весьма рано (если только оно *начинается*, а не прямо родится съ ними). Это сознаніе необходимо требуетъ удовлетворенія, состоящаго въ возможности слѣдовать своимъ стремленіямъ, а не служить безсознательнымъ орудіемъ для какихъ-то чужихъ, невѣдомыхъ цѣлей. Какъ скоро стремленія ребенка удовлетворяются, т.-е. дается ему просторъ думать и дѣйствовать самостоятельно (хотя до нѣкоторой степени), ребенокъ бываетъ веселъ, радуженъ, полонъ чувствъ самыхъ симпатичныхъ, выказываетъ кротость, отсутствіе всякой раздражительности, самое милое и разумное послушаніе въ томъ, справедливость чего онъ признаетъ. Напротивъ, когда дѣятельность ребенка стѣсняется, стремленія его подавляются, не находя ни желаемаго удовлетворенія, ни даже разумнаго объясненія, когда, вмѣсто сознательной личной жизни, дитя, какъ трупъ, какъ автоматъ, должно быть только послушнымъ орудіемъ чужой воли,—тогда естественно, что мрачное и тяжелое расположеніе овладѣваетъ душою ребенка: онъ становится угрюмъ, вялъ, безжизненъ, выказываетъ непріязнь къ другимъ и дѣлается жертвою самыхъ низкихъ чувствъ и расположеній. Въ отношеніи къ самому воспитателю, до тѣхъ поръ, пока не усвоитъ себѣ *безу-*

словнаго достоинства машины, воспитанникъ бываетъ очень раздражителенъ и недоувѣрчивъ. Да и впоследствии, успѣвши даже до нѣкоторой степени обезличить себя, онъ все-таки остается въ непріятныхъ отношеніяхъ къ воспитателю, требующему только *безусловнаго* исполненія приказаній, справедливо, хотя и смутнымъ инстинктомъ постигая въ немъ притѣснителя и врага своей личности, отъ которой, при всѣхъ усиліяхъ, человекъ никогда не можетъ совершенно отрѣшиться.

Нужно-ли говорить о томъ губительномъ вліяніи, какое производитъ привычка къ *безусловному* повиновенію на развитіе воли? Кажется, совершенно излишне, и мы бы охотно прошли молчаніемъ этотъ пунктъ, если бы не имѣли предъ глазами странныхъ положеній г. Зедергольма («Морской Сборникъ» № 14, стр. 38—39), утверждающаго, что «усиліе, которое дѣлаетъ дитя, чтобы преодолѣть собственную волю и подчинить ее чужой, развиваетъ его *нравственную силу* (!). Этимъ однимъ возбуждается въ душѣ его первое проявленіе нравственности, первая нравственная борьба, и только съ нея начинается собственно *человѣческая* жизнь. А отъ безпрестаннаго упражненія въ этой борьбѣ, силы его воли укрѣпляются такъ, что онъ послѣ, когда его воспитаніе окончено, въ состояніи повиноваться *самому себѣ* и исполнять то, что разумъ и совѣсть требуютъ отъ него». Все это разсужденіе очень напоминаетъ намъ одного благоразумнаго родителя, который, желая развить въ сынѣ тѣлесную ловкость, клалъ его спиною поперекъ на узкую доску, поднятую аршина на полтора отъ земли, и заставлялъ такимъ образомъ балансировать. Ребенокъ болталъ руками и ногами, стараясь найти себѣ точку опоры, не находилъ ея, изнемогалъ и съ страшнымъ крикомъ скатывался съ доски. Развился онъ при такихъ умныхъ мѣрахъ очень уродливо, да еще въ добавокъ никогда не могъ впоследствии даже пройти моста безъ внутренняго содроганія. Вообще эта система—клинъ клиномъ выбивать—давно у насъ извѣстна, и давно мы видимъ ея страшные результаты. Дитя боится темноты,—его запираютъ въ темную комнату; дитя питаетъ отвращеніе къ какому-нибудь кушанью,—его цѣлую недѣлю кормятъ нарочно этимъ кушаньемъ; дитя любитъ сидѣть за книжкой,—его посылаютъ гулять; оно хочетъ бѣгать,—ему велятъ сидѣть на мѣстѣ,—и это дѣлается весьма часто не изъ сознанія необходимости или пользы того, что приказываютъ, а изъ чистыхъ и безкорыстныхъ педагогическихъ видовъ,—чтобы приучить ребенка къ послушанію... Впрочемъ, наши практическіе воспитатели нѣсколько послѣдовательнѣе г. Зедергольма; они просто говорятъ: «нужно привыкать къ покорности; если теперь его характеръ не переломить, то уже послѣ поздно будетъ». Такимъ образомъ они откровенно признаются, что имѣютъ въ виду пода-

рить обществу будущихъ Молчалиныхъ. Но г. Зедергольмъ увѣряетъ, что послушаніемъ укрѣпляется сила воли! Да помилуйте, вѣдь это все равно, какъ если бы я, уничтожая всякій порывъ разсудка въ моемъ воспитанникѣ, каждый разъ говоря ему: не разсуждайте (какъ и дѣлается обыкновенно у воспитателей, требующихъ *безусловнаго* повиновенія), вздумалъ бы вывести такого рода заключеніе: «этимъ развиваются его умственные способности, потому что тутъ онъ долженъ соотносить внутренно и взвѣшивать справедливость моего мнѣнія и несправедливость своихъ возраженій». Не правда-ли, что это столь же логическое предположеніе, какъ и г. Зедергольма? И какъ легко такимъ образомъ воспитывать дѣтей!

Напрасно г. Зедергольмъ указываетъ на *борьбу*. Здѣсь собственно нѣтъ борьбы, а есть только уступка безъ бою, которая, при частомъ повтореніи, производитъ не крѣпость воли, а нравственное разслабленіе. Да если и бываетъ въ самомъ дѣлѣ борьба, то самая неразумная: съ одной стороны, внутренняя сила, природное влеченіе, которое ребенку представляется правильнымъ, а съ другой—внѣшнее, непонятное давленіе чужого произвола, или того, что ребенокъ считаетъ произволомъ... При *безусловномъ* повиновеніи побѣда обыкновенно остается на сторонѣ *внѣшней* силы, и это обстоятельство неизбѣжно должно убить внутреннюю энергію и отбить охоту отъ противодѣйствія внѣшнимъ вліяніямъ. При томъ не нужно упускать изъ виду еще одного обстоятельства: многія изъ приказаній, отдаваемыхъ ребенку, бываютъ такого рода, что онъ не имѣетъ еще о нихъ опредѣленнаго мнѣнія, и ему лично все равно—исполнить ихъ или не исполнить. Не понимая, зачѣмъ и почему, онъ дѣлаетъ то, что велѣно, только потому, что это велѣно. Тутъ уже борьбы никакой нѣтъ, а господствуетъ полная безсознательность, обращающаяся потомъ въ привычку. Воспитанный такимъ образомъ человекъ во всю свою жизнь остается подъ различными вліяніями, которыя опредѣляются не разумной необходимостью, не обдуманномъ выборомъ, а просто случаемъ. Въ чьи руки человекъ прежде всего попадется, тому будетъ слѣдовать.

Каково вліяніе *безусловныхъ* приказаній на *совѣсть* (на что указываетъ также г. Зедергольмъ), можно понять изъ всего, что было до сихъ поръ сказано. Привыкая дѣлать все безъ разсужденій, безъ убѣжденія въ истинѣ и добротѣ, а только по приказу, человекъ становится безразличнымъ къ добру и злу и безъ зазрѣнія совѣсти совершаетъ поступки, противные нравственному чувству, оправдываясь тѣмъ, что «*такъ приказано*».

Это все слѣдствія, необходимо вытекающія изъ самой методы абсо-

лутнаго повиновенія. Но вспомните еще, сколько съ ней сопряжено другихъ неудобствъ, являющихся при исполненіи. Приказанія воспитателя могутъ быть несправедливы, непослѣдовательны и, такимъ образомъ, будутъ искажать природную логику ребенка. Если наставниковъ и воспитателей нѣсколько, они могутъ противорѣчить другъ другу въ своихъ приказаніяхъ, и дитя, обязанное всѣхъ ихъ равно слушаться, попадетъ въ темный лабиринтъ, изъ котораго выйдетъ не иначе, какъ только совершенно потерявши сознаніе нравственнаго долга (если не успѣетъ дойти само до *своихъ* правилъ и, слѣдовательно, до презрѣнія наставниковъ). Всѣ недостатки воспитателя, нравственные и умственные, легко могутъ перейти и къ воспитаннику, приученному соображать свои дѣйствія не съ нравственнымъ закономъ, не съ убѣжденіемъ разума, а только съ волею воспитателя.

Такимъ образомъ, отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ и взглядахъ, вѣчное недовольство въ глубинѣ души, вялость и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, недостатокъ силы воли, чтобы противиться постороннимъ вліяніемъ, вообще обезличеніе, а вслѣдствіе этого легкомысліе и подлость, недостатокъ твердаго и яснаго сознанія своего долга и невозможность внести въ жизнь что-либо новое, болѣе совершенное, отличное отъ прежде установленныхъ порядковъ,—вотъ дары, которыми *безусловное* повиновеніе при воспитаніи надѣляетъ человѣка, отпуская его на жизненную борьбу!.. И съ такими-то качествами человѣкъ долженъ ратовать за свои убѣжденія противъ цѣлаго общества, и онъ, привыкшій жить чужимъ умомъ, дѣйствовать по чужой волѣ, онъ долженъ вдругъ поставить *себя* мѣркою для цѣлаго общества, долженъ сказать: вы ошибаетесь, я правъ; вы дѣлаете дурно, а вотъ какъ нужно дѣлать хорошо!.. Да гдѣ же онъ возьметъ столько силы? Во имя чего онъ будетъ бороться? Неужели во имя авторитета своихъ наставниковъ, которые до сихъ поръ управляли его жизнью и понятіями? Да кто же, наконецъ, далъ ему право на это? Собственно говоря, его отношенія и теперь нисколько не измѣнились: до сихъ поръ были подчиненныя отношенія въ воспитаніи и обученіи, теперь настали точно такія же отношенія въ службѣ и общежитіи. Какая же голова можетъ переварить такое умозаключеніе: вотъ черта—пятнадцать, двадцать лѣтъ,—до которой ведутъ тебя, заставляя безпрекословно и *безусловно слушаться* другихъ; это дѣлается для того собственно, чтобы, перешедши черезъ эту черту, ты умѣлъ *бороться* съ другими.—Гораздо естественнѣе заключить, что и въ послѣдующей жизни человѣкъ долженъ вести себя именно такъ, какъ до сихъ поръ заставляли его.

Всѣ эти соображенія имѣютъ въ виду, разумѣется, совершенный успѣхъ системы *безусловнаго* повиновенія. Но есть натуры, съ кото-

рыми подобная система никакъ не можетъ удался. Это натуры гордыя, сильныя, энергическія. Получая нормальное, свободное развитіе, онѣ высоко поднимаются надъ толпою и изумляютъ міръ богатствомъ и громадностью своихъ духовныхъ силъ. Эти люди совершаютъ великія дѣла, становятся благодѣтелями человѣчества. Но, задержанные въ своемъ самобытномъ развитіи, сжатые пошлою рутиною, узкими понятіями какого-нибудь, весьма ограниченнаго, наставника, не имѣя простора для размаха своихъ крыльевъ, а принужденные брести тѣсною тропинкой, которая воспитателю кажется совершенно удобной и приличной, эти люди или впадаютъ въ апатичное бездѣйствіе, становясь лишними на бѣломъ свѣтѣ, или дѣлаются ярыми, слѣпыми противниками именно тѣхъ началъ, по которымъ ихъ воспитывали. Тогда они становятся несчастны сами и страшны для общества, которое принуждено гнать ихъ отъ себя. Самый яркій примѣръ подобнаго оборота дѣла представляетъ *Вольтеръ*, воспитанный въ благочестивыхъ, основанныхъ на строгомъ, мертвомъ повиновеніи, правилахъ іезуитскихъ школъ. Одинъ разъ дошедши до убѣжденія въ неправости своего учителя, подобный ученикъ уже не останавливается... Да и что могло бы остановить его? И хорошее и дурное, и ложное и справедливое у него перемѣшано въ приказаніяхъ безусловныхъ и представляется ему подъ призмой стѣсненія его личности. Нравственное чувство въ немъ не развито, умъ не приученъ къ спокойному, медленному обсуживанію своихъ дѣйствій; все, что онъ знаетъ и чему вѣрить, вбито ему въ голову насильно, безъ всякаго участія его собственной воли и чувства. Поэтому весь внутренній міръ, какъ развитый имъ не отъ себя, а навязанный извнѣ, представляется ему чѣмъ-то чуждымъ, внѣшнимъ, и весь, разомъ, безъ большого труда, опрокидывается, особенно, если при этомъ вмѣшается еще какое-нибудь вліяніе, совершенно противоположное вліянію воспитателей. Въ ожесточеніи противъ угнетавшихъ его, онъ развиваетъ въ себѣ духъ противорѣчія и становится противникомъ уже не злоупотребленій только, а самыхъ началъ, принятыхъ въ обществѣ. Разумѣется, его ждетъ скорая гибель, или жизнь, полная скорбнаго недовольства самимъ собою и людьми, пропадающая въ безплодныхъ исканіяхъ, съ неумѣньемъ остановиться на чемъ-нибудь. И сколько благородныхъ, даровитыхъ натуръ сгибло такимъ образомъ жертвою учительской указки, иногда съ жалобнымъ шумомъ, а чаще, просто, въ безмолвномъ озлобленіи противъ міра, безъ шума, безъ слѣда.

Но чего вы хотите? спросятъ насъ:—неужели же можно предоставить ребенку полную волю, ни въ чемъ не останавливая его, во всемъ уступая его капризамъ?...

Совсѣмъ нѣтъ. Мы говоримъ только, что не нужно дрессировать ре-

бенка, какъ собаку, заставляя его выдѣлывать тѣ или другія штуки, по тому или другому знаку воспитателя. Мы хотимъ, чтобы въ воспитаніи господствовала разумность, и чтобы разумность эта вѣдома была не только учителю, но представлялась ясною и самому ребенку. Мы утверждаемъ, что всѣ мѣры воспитателя должны быть предлагаемы въ такомъ видѣ, чтобы могли быть вполнѣ и ясно оправданы въ собственномъ сознаніи ребенка. Мы требуемъ, чтобы воспитатели выказывали болѣе уваженія къ человѣческой природѣ и старались о развитіи, а не о подавленіи *внутренняго челоуѣка* въ своихъ воспитанникахъ, и чтобы воспитаніе стремилось сдѣлать челоуѣка нравственнымъ—не по привычкѣ, а по сознанію и убѣжденію.

«Но это смѣшная и нелѣпая претензія,—скажутъ глубокомысленные педагоги, презрительно улыбаясь въ отвѣтъ на наши доводы. Развѣ можно отъ маленькаго дитяти требовать правильнаго обсужденія высокихъ нравственныхъ вопросовъ, развѣ можно *убѣждать* его, когда онъ не развитъ настолько, чтобы понимать убѣжденія? Безумно было бы, посылая мальчика гулять, читать ему цѣлый курсъ фізіологіи, чтобы доказать, почему и какъ полезна прогулка, точно такъ, какъ было бы нелѣпо, задавая таблицу умноженія, перебирать всѣ математическія дѣйствія, въ которыхъ она необходима, и отсюда уже вывести пользу ея изученія... Главная задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы добиться, во что бы то ни было, непрекословнаго исполненія воспитанникомъ приказаній высшихъ, и если нельзя достигнуть этого посредствомъ убѣжденія, то надо добиться посредствомъ страха».

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ одинъ недостатокъ—принятіе нынѣшняго *statu quo* за нормальное положеніе вещей. Я съ вами согласенъ, что дѣти неразвиты еще для яснаго пониманія своихъ обязанностей; но въ томъ-то и состоитъ ваша обязанность, чтобы развитъ въ нихъ это пониманіе. Для этого они и воспитываются. А вы, вмѣсто того, чтобы внушать имъ сознательныя убѣжденія, подавляете и тѣ, которыя въ нихъ сами собою возникаютъ, и стараетесь только сдѣлать ихъ бессознательными, послушными орудіями вашей воли. Увѣрившись, что дѣти не понимаютъ васъ, вы преспокойно сложили руки, воображая, что вамъ и дѣлать нечего больше, какъ сидѣть у моря и ждать погоды: авось, дескать, какъ-нибудь раскроются способности, когда подрастетъ ребенокъ,—тогда и потолковать съ нимъ можно будетъ, а теперь пусть дѣлаетъ себѣ, что приказано.—Въ такомъ случаѣ, на что же вы и поставлены, о, глубоко мудрые педагоги? Зачѣмъ же тогда и воспитаніе?.. Вѣдь вашъ прямой долгъ—добиться, чтобы васъ понимали!.. Вы для ребенка, а не онъ для васъ; вы должны приноровляться къ его природѣ, къ его духовному

состоянію, какъ врачъ припоровливается къ больному, какъ портной къ тому, на кого онъ шьетъ платье. «Ребенокъ еще не развитъ»,—да какъ же онъ и разовьется, когда вы нисколько объ этомъ не стараетесь, а еще, напротивъ, задерживаете его самобытное развитіе? По вашей логикѣ, значить, нельзя выучиться незнакому языку сколько-нибудь разумнымъ образомъ,—потому что, начиная учиться, вы его не понимаете,—а надобно вести дѣло, заставляя ученика просто повторять и заучивать незнакомые звуки, безъ знанія ихъ смысла; послѣ, дескать, когда много словъ въ памяти будетъ, такъ и смыслъ ихъ какъ-нибудь, мало-по-малу, узнается!.. Во всѣхъ этихъ возраженіяхъ едва-ли что-нибудь выказывается такъ ярко, какъ желаніе спрятать свою лѣнь и разные корыстные виды подъ покровомъ священнѣйшихъ основъ всякаго добра. Но, унижая разумное убѣжденіе, заставляя воспитанника дѣйствовать безсознательно, можно несравненно скорѣе подкопать ихъ, нежели всяческимъ предоставленіемъ самой широкой свободы развитію ребенка... Всѣ эти близорукія сужденія о неразвитости дѣтской природы чрезвычайно напоминаютъ тѣхъ господъ, которые встаютъ противъ Гоголя и его послѣдователей за то, что эти писатели просто пересыпаютъ изъ пустого въ порожнее, что они никого не научаютъ, и что людей, на которыхъ они нападаютъ, можно пронять только дубиной, а никакъ не убѣжденіемъ... Какъ будто бы дубина можетъ кого-нибудь и чему-нибудь научить! Какъ будто бы, побивши человѣка, вы чрезъ то дѣлаете его нравственно лучшимъ или можете внушить ему какое-нибудь убѣжденіе, кромѣ развѣ убѣжденія, что вы такъ или иначе сильнѣе его!.. Для дрессировки, правда, *argumentum baculinum* очень достаточенъ: такимъ образомъ лошадей выѣзжаютъ, медвѣдей плясать выучиваютъ и изъ людей дѣлаютъ ловкихъ спеціальныхъ фокусниковъ. Но при всей ловкости въ своемъ мастерствѣ,—ни лошади, ни медвѣди, ни многіе изъ людей, воспитанные такимъ образомъ, ничуть не дѣлаются оттого умнѣе!..

«А какъ же,—говорятъ еще ученые педагоги,—предохранить дитя отъ вредныхъ вліяній, окружающихъ его? Неужели позволить ему доходить до сознанія ихъ вредности собственнымъ опытомъ? Такимъ образомъ ни одинъ ребенокъ не остался бы цѣлъ. Испытавши, на примѣръ, что такое ядъ, или что значить свалиться въ окошко изъ четвертаго этажа, дитя навѣрное не останется очень благодарнымъ тому педагогу, который, по особенному уваженію человѣческой природы, принялся бы въ критическую минуту за убѣжденія, а не рѣшился бы просто отнять ядъ или оттащить ребенка отъ окошка»... Оставляя въ сторонѣ всю шутовскую, нелѣпую сторону этого возраженія, по которому, на примѣръ, подчиненный не можетъ спасти утопающаго начальника (потому что онъ отъ

него не можетъ требовать безусловнаго повиновенія, а безъ этого спасеніе невозможно), замѣтимъ одно. Дѣти потому-то часто и падаютъ изъ оконъ и берутъ мышьякъ вмѣсто сахару,—что система безусловнаго повиновенія заставляетъ ихъ только слушаться и слушаться, не давая имъ настоящаго понятія о вещахъ, не пробуждая въ нихъ никакихъ разумныхъ убѣжденій.

Да и хотъ бы справедливы были жалобы на неразумность дѣтей! А то и онѣ оказываются чистѣйшею клеветою, придуманною для своихъ видовъ досужимъ воображеніемъ неискусныхъ педагоговъ. Прежде всего можно замѣтить, что не воспитаніе даетъ намъ разумность, такъ же, какъ, напр., не логика выучиваетъ мыслить, не грамматика—говорить, не пѣтика—быть поэтомъ, и т. п. Воспитаніе, точно такъ, какъ всѣ теоретическія науки, имѣющія предметомъ внутренній міръ человѣка, имѣетъ своею задачею только возбужденіе и проясненіе въ сознаніи того, что уже давно живетъ жизнью непосредственною, безсознательно и безотчетно. Придайте разумность обезьянѣ, съ вашей системой *безусловнаго* повиновенія, и тогда цѣлый міръ съ благоговѣніемъ преклонится предъ этой системой и будетъ по ней воспитывать дѣтей своихъ. Но вы этого не можете сдѣлать и потому должны смиренно признать права разумности въ самой природѣ ребенка и не пренебрегать ею, а благоразумно пользоваться тѣми выгодами, какія она вамъ представляетъ.

А разумности въ дѣтяхъ гораздо больше, нежели предполагаютъ. Они очень умны и проницательны, хотя обыкновенно и не умѣютъ опредѣлительно и отчетливо сообразить и высказать свои понятія. Логика ребенка весьма ясно выражается въ самое первое время его жизни, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ языкъ. Можно положительно сказать, что трехъ или четырехъ-лѣтнее дитя не слыхало и половины тѣхъ словъ, которыя употребляетъ; оно само составляетъ и производитъ ихъ по образцу слышанныхъ, и производитъ почти всегда правильно. То же самое нужно замѣтить о формахъ: ребенокъ, не имѣющій понятія о грамматикѣ, скажетъ вамъ совершенно правильно всѣ падежи, времена, наклоненія и пр. незнакомаго ему слова, ничуть не хуже, какъ вы сами сдѣлаете это, изучая, уже въ совершенномъ возрастѣ, какой-нибудь иностранный языкъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, по крайней мѣрѣ, способность къ наведенію и аналогіи, умѣнье классифицировать весьма рано развивается въ ребенкѣ.

То же самое нужно сказать и о пониманіи связи между причинами и слѣдствіями. Ожогши одинъ разъ палецъ на свѣчкѣ, ребенокъ въ другой разъ уже не схватитъ свѣчи рукою; видя, что зимою бываетъ снѣгъ, а лѣтомъ—нѣтъ, ребенокъ при таяніи снѣга, весною, догадывается, что

лѣто приближается, и пр., и пр. Всякое дитя ласкается къ тому, кто его ласкаетъ, и удаляется отъ того, въ комъ встрѣчаетъ грубое обращеніе, и т. п.

Мало этого: дѣти очень рано умѣютъ составлять понятія. Узнавши, что такое домъ, книга, столъ и пр., ребенокъ безошибочно узнаетъ всѣ другіе дома, книги, столы, хотя бы вновь увидѣнные имъ и не походили на тѣ, которые онъ видѣлъ прежде. Это значитъ, что у него въ головѣ уже составилось понятіе, а для составленія понятія, какъ извѣстно, нужно умѣть сдѣлать и сужденіе, и умозаключеніе...

Съ чего же пришло въ голову многоученымъ педагогамъ, что дитя не способно понимать разумное убѣжденіе, а можетъ быть управляемо только страхомъ, обманомъ и т. п.? Я никакъ не могу сообразить, отчего же бы это ложное убѣжденіе скорѣе принялось въ душѣ ребенка, нежели правильное. Утѣшить дитя разумно, если оно плачетъ,—нельзя; а сказать: «не плачь, а то тебя бука съѣстъ», или: «перестань, а не то—высѣку»,—можно. Желалъ бы я знать, какое отношеніе между дѣтскимъ плачемъ и букой или розгой, и какая логика предполагается въ ребенкѣ при подобныхъ увѣщаніяхъ?

«Но,—говорятъ,—ребенокъ еще не можетъ разсуждать правильно о частныхъ случаяхъ, потому что онъ не имѣетъ данныхъ: онъ еще такъ мало видѣлъ и знаетъ». Это въ высшей степени справедливо, и обязанность воспитателя въ томъ именно и состоитъ, чтобы сообщить дитяти, сколько возможно скорѣе, возможно наибольшее количество всякаго рода данныхъ, фактовъ, заботясь при этомъ особенно о полнотѣ и правильности воспріятія ихъ ребенкомъ. Поводы къ подобному сообщенію фактовъ можетъ представлять самое противорѣчіе ребенка, на которое не отвѣчать можетъ наставникъ только по лѣности или по трусости своей, а никакъ не по разумному убѣжденію. Вы заставляете вашего воспитанника сдѣлать что-нибудь; онъ говоритъ, что сдѣлать этого нельзя;—а вы ему покажете, *какъ* это сдѣлать. Онъ самъ что-нибудь хочетъ совершить, а вы говорите, что это невозможно, и спрашиваете его, какъ онъ хотѣлъ бы исполнить свое намѣреніе. Онъ рассказываетъ свои мечтательные планы; вы послѣдовательно и подробно доказываете неспособность его предпріятія. И въ этомъ одномъ сколько представляется вамъ прекрасныхъ поводовъ передать ребенку множество вѣрныхъ, живыхъ свѣдѣній о законахъ природы, о явленіяхъ духовной жизни человѣка, объ устройствѣ общества! И повѣрьте, что ребенокъ сумѣетъ понять ваши объясненія и принять ихъ къ свѣдѣнію.

Вообще можно сказать, что въ непонятливости дѣтей большею частію виноваты сами взрослые. У насъ обыкновенно жизненные случайности

потрясаютъ нѣсколько твердость чистой логики; de jure и de facto неразрѣшимо переплетаются, и мы, по привычкѣ къ уклоненіямъ, часто допускаемъ такія примѣненія основныхъ принциповъ, или такіе общіе выводы изъ частныхъ фактовъ, которыхъ чистое мышленіе никакъ принять не можетъ. Чистая дѣвственная логика дѣтской головы этого не допускаетъ, и потому всѣ нелогичности, допускаемыя нами незамѣтно для насъ самихъ, изъ деликатнаго почтенія къ *statu quo*, упорно не понимаются дѣтьми. Если вы наполнили умъ дитяти вѣрными данными, то вамъ трудно уже будетъ вбить ему въ голову ложное заключеніе, выведенное изъ этихъ данныхъ; если вы заставили его сначала принять ложное основаніе, то вы долго не добьетесь, чтобы онъ правильно смотрѣлъ на слѣдствія, выводимыя вами и логически несоотвѣтствующія принятому началу. Твердое настаиваніе на этихъ нелогичностяхъ, безъ подробнаго и откровеннаго разъясненія обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ, непременно ведетъ къ искаженію природнаго здраваго смысла въ ребенкѣ, и, къ сожалѣнію, такое искаженіе происходитъ у насъ слишкомъ часто.

Столь же много вредитъ понятливости дѣтей и неестественный порядокъ, принятый у насъ вообще въ обученіи. Познанія могутъ быть пріобрѣтаемы только аналитическимъ путемъ; сама наука развивалась такимъ образомъ; а между тѣмъ, даже въ самомъ первоначальномъ обученіи начинаютъ у насъ съ синтеза! Порядокъ совершенно извращенный, отъ котораго происходитъ въ занятіяхъ неясность, запутанность, безжизненность. Каждая наука начинается, напр., введеніемъ, въ которомъ говорится о сущности, важности, пользѣ, раздѣленіи науки, и т. п. Спрашиваю васъ, какъ же вы хотите, чтобы мальчикъ понялъ все это прежде, чѣмъ онъ изучитъ самую науку?—Исторія раздѣляется на древнюю, среднюю и новую; каждая часть дѣлится на слѣдующіе періоды, и пр. На чемъ держится это дѣленіе, къ чему оно примкнетъ въ головѣ мальчика, который объ исторіи понятія не имѣетъ? Географія есть наука, показывающая, и т. д.; она состоитъ изъ трехъ частей: математической, физической и политической. Первая говоритъ о томъ-то, вторая о томъ-то, и пр... Можно-ли ожидать, чтобы, начиная съ этого географію, ребенокъ могъ разумно усвоить себѣ что-нибудь?

А между тѣмъ, посмотрите, сколько любознательности, сколько жаднаго стремленія къ изслѣдованію истины выказываютъ дѣти. Инстинктъ истины говоритъ въ нихъ чрезвычайно сильно, можетъ быть, даже сильнѣе, нежели во взрослыхъ людяхъ. Они не интересуются призраками, которые создали себѣ люди и которымъ придаютъ чрезвычайную важность. Они не занимаются геральдикой, не пускаются въ филологическія тонкости, не стремятся къ чинамъ и почестямъ (разумѣется, если имъ не

натолковали объ этомъ чуть не со дня рожденія). За то, какъ охотно они обращаются къ природѣ, съ какою радостію изучаютъ все дѣйствительное, а не призрачное, какъ ихъ занимаетъ всякое живое явленіе. Они не любятъ отвлеченностей, и въ этомъ ихъ спасеніе отъ насильственно вторгающихся въ ихъ душу умствованій, которыхъ доказать и объяснить часто не можетъ даже тотъ, кто хлопочетъ о вкорененіи ихъ въ душѣ воспитанниковъ. Да, счастливы еще дѣти, что природа не вдругъ теряетъ надъ ними свои права, не тотчасъ оставляетъ ихъ на жертву извращенныхъ, пристрастныхъ, одностороннихъ людскихъ теорій!..

«Но, скажутъ, въ дѣтяхъ сильно влеченіе ко злу; необходимо дѣятельно противиться злымъ отъ природы наклонностямъ ребенка». Не разбирая подробно этого мнѣнія, позволимъ себѣ отвѣтить на него словами г. Пирогова, которому, конечно, вполне можно повѣрить, когда дѣло идетъ о свойствахъ человѣческой природы. Вотъ его слова: «Добро и зло довольно уравновѣшены въ насъ. Поэтому нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши врожденныя склонности, даже и мало развитыя воспитаніемъ, влекли насъ болѣе къ худому, нежели къ хорошему. А законы хорошо устроеннаго общества, вселяя въ насъ довѣренность къ правосудію и зоркости правителей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе ко злу».

Но если даже и справедливо, что въ природѣ нашей есть природное влеченіе ко злу, то развѣ вы можете взяться за его уничтоженіе? Выли, безпрестанно противорѣчащіе сами себѣ, опровергающіе своими поступками свои же правила, осуждающіе теоретическими принципами свои же поступки, на каждомъ шагу падающіе, жертвующіе велѣніями высшей природы своекорыстнымъ требованіемъ грубаго эгоизма, — выли бросаете камень въ невиннаго ребенка и съ фарисейской надменностью возстаете противъ того немногаго, что въ немъ замѣчаете? Нѣтъ, перевоспитаайте прежде самихъ себя и тогда уже принимайтесь за поправленіе природы человѣка во ввѣренныхъ вамъ дѣтяхъ.

Если въ дѣтяхъ нельзя видѣть идеала нравственнаго совершенства, то, по крайней мѣрѣ, нельзя не согласиться, что они несравненно нравственнѣе взрослыхъ. Они не лгутъ (пока ихъ не доведутъ до этого страхомъ), они стыдятся всего дурного, они хранятъ въ себѣ святыя чувства любви къ людямъ, свободной отъ всякихъ житейскихъ предразсудковъ. Они сближаются съ сверстникомъ, не спрашивая, богатъ-ли онъ, равенъ-ли имъ по происхожденію; у нихъ замѣчена даже особенная наклонность сближаться съ обиженными судьбою, со слугами, и т. п. И чувства ихъ всегда выражаются на дѣлѣ, а не остаются только на языкѣ, какъ у взрослыхъ; ребенокъ никогда не съѣстъ даннаго ему яблока

безъ своего брата или сестры, которыхъ онъ любитъ; онъ всегда принесетъ изъ гостей гостинцы своей любимой нянюшкѣ; онъ заплачетъ, видя слезы матери, изъ жалости къ ней. Вообще, мнѣніе, будто бы въ дѣтяхъ преобладающее чувство—животный эгоизмъ, рѣшительно лишено основанія. Если въ нихъ не замѣтно сильнаго развитія любви къ отечеству и человѣчеству, это, конечно, потому, что кругъ ихъ понятій еще не расширился до того, чтобы вмѣщать въ себѣ цѣлое человѣчество. Они этого не знаютъ, а чего не знаешь, того и не любишь.

Нѣтъ, не напрасно дѣти поставлены въ примѣръ намъ даже Тѣмъ, предъ Кѣмъ съ благоговѣніемъ преклоняются народы, чье ученіе столько вѣковъ оглашаетъ вселенную. Да, мы должны учиться, смотря на дѣтей, должны сами переродиться, *сдѣлаться какъ дѣти*, чтобы достигнуть вѣдѣнія истиннаго добра и правды. Если уже мы хотимъ обратить вниманіе на воспитаніе, то надо начать съ того, чтобы перестать презирать природу дѣтей и считать ихъ неспособными къ воспріятію убѣжденій разума. Напротивъ, надо пользоваться тѣми внутренними сокровищами, которыя представляетъ намъ натура дитяти. Многія изъ этихъ природныхъ богатствъ намъ еще совершенно неизвѣстны, многое, по слову Евангелія, утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ и открыто младенцамъ!..

Эта апологія правъ дѣтской природы противъ педагогическаго произвола, останавливающаго естественное развитіе, имѣла цѣлью указать на одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашего воспитанія. Мы не пускались въ подробности, а выставляли на видъ только общія положенія, въ надеждѣ, что умные воспитатели, если согласятся съ нашимъ мнѣніемъ, то и сами увидятъ, что и какъ нужно имъ дѣлать и чего не дѣлать. Искусства обращаться съ дѣтьми нельзя передать дидактически; можно только указать основанія, на которыхъ оно можетъ утверждаться, и цѣль, къ которой должно стремиться. И мы думаемъ,—главное, что долженъ имѣть въ виду воспитатель, это—уваженіе къ человѣческой природѣ въ дитяти, предоставленіе ему свободнаго, нормальнаго развитія, стараніе внушить ему прежде всего и болѣе всего правильныя понятія о вещахъ, живыя и твердыя убѣжденія, заставить его дѣйствовать сознательно, по уваженію къ добру и правдѣ, а не изъ страха и не изъ корыстныхъ видовъ похвалы и награды...

Исполнить это трудно, но не невозможно. Начало подобнаго обращенія къ естественному смыслу дѣтей было уже положено, слишкомъ за полвѣка назадъ, благороднымъ и безкорыстнымъ филантропомъ воспитателемъ—Песталоцци. По поводу его-то школы сдѣлано г-жею Сталь многозначительное замѣчаніе, что «непониманіе дѣтей происходитъ всегда

болѣе отъ темноты изложенія, нежели отъ трудности самыхъ наукъ» (De l'Allemagne). Тысячи опытовъ подтвердили это замѣчаніе съ тѣхъ поръ, какъ оно было высказано, и мы съ горестью должны сознаться, что оно и до сихъ поръ не потеряло своей справедливости. И не только умственное, но, — что еще болѣе грустно, — даже нравственное воспитаніе дѣтей страдаетъ у насъ тою же голословностью, внѣшностью, мертвенностью. Освободиться отъ этого жалкаго состоянія, обратить вниманіе не на мертвую букву, а на живой духъ, не на исполненіе внѣшней формы, а на развитіе внутренняго человѣка, — вотъ задача, которой выполненіе предстоитъ современному русскому воспитанію.

II и III.

Собрание литературныхъ статей Н. И. Пирогова. Съ портретомъ автора. Изданіе редакторовъ „Одесск. Вѣстника“, А. Богдановскаго и А. Георгіевскаго. Одесса. 1858.

Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 17 дек. 1858 г. Москва. 1858 г.

Объ эти книжки, въ одно время попавшія къ намъ въ руки, навели насъ на размышленія очень грустныя. Въ нашей общественной жизни, бывають явленія, которыя могутъ иногда увлечь на минуту добродушнаго человѣка и внушить ему отрадное чувство. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ «Отчетъ Московской Практической Академіи», составленный инспекторомъ ея, извѣстнымъ профессоромъ М. Я. Киттары. Но рядомъ съ этими явленіями у насъ такъ много неразрѣшенныхъ вопросовъ и неудовлетворенныхъ потребностей, такъ давно уже тревожатъ насъ разнообразные ожиданія чего-то новаго и лучшаго, что мы мгновенно падаемъ, какъ бы съ облаковъ, при первомъ звукѣ строгаго голоса, провозглашающаго высшія требованія разума и справедливости. Внезапно очнувшись, мы видимъ, что то, чѣмъ мы сейчасъ восхищались, представляетъ не болѣе, какъ намекъ на то, что нужно дѣйствительно, мы убѣждаемся, что относительное улучшение сочли за положеніе нормально-хорошее, и намъ становится грустно и горько. Мы видимъ предъ собою робкія начинанія, слабыя попытки, больше словъ, чѣмъ дѣла, и даже въ словахъ какую-то нерѣшительность, дуализмъ, желаніе отдѣлаться или прикрыться фразами. И все это вызывается самимъ обществомъ, вынуждается силой обстоятельствъ—даже отъ лучшихъ, отъ передовыхъ людей! Смѣшно становится на самага себя за свои прежнія радужныя надежды, и невольно удивляешься въ это время тѣмъ людямъ, которые умѣютъ силою строгой мысли возвыситься надъ обольщеніями мелочной жизни. Къ числу такихъ людей, безспорно, принадлежитъ Н. И. Пироговъ, и напечатанныя нынѣ «Литературныя статьи» его служатъ новымъ тому доказательствомъ,—

особенно, когда разсматриваемъ ихъ рядомъ съ «Отчетомъ о воспитаніи въ Московской Практической Академіи».

Въ «Собраніи литературныхъ статей» Н. И. Пирогова помѣщены: знаменитая статья его «Вопросы Жизни», рѣчь его на новосельи Ришельевского лица и три статьи изъ «Одесскаго Вѣстника»: «Одесская талмудъ-тора», «Быть и казаться» и «Нужно-ли сѣчь дѣтей, и сѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей». Всѣ эти статьи—педагогическаго содержанія, и всѣ онѣ предъявляютъ требованія столь простыя и разумныя, и въ то же время столь высокія, что предъ ними рѣшительно совѣстно дѣлается похвастаться чѣмъ-нибудь совершеннымъ у насъ доселѣ въ отношеніи къ воспитанію. Сдѣлаемъ маленькую пробу хоть на «Отчетѣ» профессора Киттары.

Отчетъ его—одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ пріятно поразить человека, привыкшаго въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ видѣть только педанство и формалистику. Г. Киттары начинаетъ свою рѣчь тѣмъ, что «считаетъ нужнымъ представить на благосклонный судъ своихъ слушателей не только отчетъ за прошлый годъ, но и тѣ убѣжденія, которыя служатъ основой его дѣйствій». И дѣйствительно, онъ говоритъ о своихъ идеяхъ и направленіи, какое даетъ онъ воспитанію, о цѣляхъ, которыя имѣетъ въ виду. Все это оживляетъ его отчетъ и даетъ ему характеръ болѣе литературный нежели оффиціальныи. Прежде всего разсуждаетъ онъ о цѣли Московской Практической Академіи наукъ и говоритъ, что цѣль ея—«приготовить отечеству честныхъ, образованныхъ, дѣятельныхъ слугъ въ области промышленности, приготовить будущихъ купцовъ русскихъ, возвратитъ родителямъ, довѣрившимъ воспитаніе дѣтей заведенію, добрыхъ помощниковъ, достойныхъ преемниковъ ихъ имени». Здѣсь г. Киттары прибавляетъ, что цѣль эта—*«великая и вовсе нелегкая въ исполненіи, особенно въ настоящую пору»*. Тѣмъ интереснѣе знать, какъ же г. Киттары достигаетъ этой великой и не легкой цѣли. Онъ объясняетъ, что утверждается въ своихъ дѣйствіяхъ на религіозно-нравственномъ основаніи.

„Нравственное воспитаніе (говоритъ онъ) составляетъ первую и главную заботу заведенія; въ этомъ случаѣ цѣль воспитанія—развить сознательно два святыя чувства человѣческаго сердца: любовь къ Богу, любовь къ ближнимъ. Религіозно-нравственное направленіе безуклонно проводится по всѣмъ классамъ, по всѣмъ возрастамъ учащихся; въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ преподается имъ законъ Божій, обязанности христіанскія, излагаются догматы вѣры. Строго соблюдаются не только всѣ посты, но даже и дни постныя въ недѣлѣ. Въ храмѣ нашемъ постоянно слушается всенощная и обѣдня въ дни праздничныя, сопровождаемая пѣніемъ двухъ хоровъ, составившихся по усердію къ церкви изъ самихъ же воспитанниковъ. Основываясь на годичномъ знакомствѣ моемъ съ Академіей, я смѣло могу засвидѣтельствовать, что, благодаря усердію ревностнаго настоятеля нашей церкви и преподавателя закона Божія, а равно благодаря добрымъ обычаямъ и мѣрамъ, недавно введеннымъ въ за-

веденіи, наши воспитанники обѣщаютъ быть добрыми христіанами, набожными и религіозными не по наружи только“.

Не менѣе обращается вниманія, по словамъ г. Киттары, и на развитіе второго, столь же святого чувства—любви къ ближнему, которое, какъ источникъ честности, «нужно всякому, *а кутину въ особенностяхи*». Для достиженія этихъ цѣлей, въ Практической Академіи находятся надзиратели, которые не только смотрятъ за тишиной и порядкомъ, но и руководятъ дѣтей, изучая ихъ нравы и наклонности. При воспитанникахъ младшихъ классовъ надзиратели находятся безотлучно; начиная съ 3-го класса, присмотръ за нравственностью дѣлается легче; въ 5 и 6-мъ классѣ на нравы дѣйствуютъ преимущественно преподаватели, направляющіе умъ и сердце воспитанниковъ къ добру и пользѣ. Взысканія распределены по возрастамъ; въ низшихъ классахъ употребляются: выставка, лишеніе рекреаций, отпуска, отмѣтка на отпускномъ билетѣ, и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ—тѣлесное наказаніе. «Въ среднихъ и высшихъ классахъ,—говоритъ г. Киттары,—случаи мѣръ взысканія столь рѣдки, что, уважая амбицію этихъ классовъ, я не позволяю себѣ о нихъ распространяться, тѣмъ болѣе, что всѣ они основаны именно на этой амбиціи».

Вообще, г. Киттары даетъ видѣть, что заведеніе, ввѣренное его смотрѣнію, находится въ блестящемъ положеніи. «Взыскать за проступокъ не трудно,—говоритъ онъ,—труднѣе предотвратить его; *въ этомъ отношеніи въ заведеніи нашемъ дѣлается все, что позволяетъ возможность и средства*» (стр. 10). При концѣ курса поправки нравственности воспитанниковъ уже поздны; «*къ счастью нужда въ нихъ у насъ не часта*» (стр. 7). «У насъ есть черная книга для ежедневнаго записыванія проступковъ воспитанниковъ и взысканій на нихъ; *понятно, что такая система, сколько ни скучна и хлопотлива она въ исполненіи, вполне достигаетъ цѣли и опредѣляетъ разумную послѣдовательность самыхъ мѣръ въ исправленіи нравственности*» (стр. 7). «Въ заведеніи нашемъ имѣетъ мѣсто и забота о разнообразіи жизни воспитанниковъ. Средства, которыми я пользуюсь—развитіе изящнаго вкуса, *а съ нимъ музыкальные вечера и домашніе концерты, дѣтскій домашній спектакль, московскіе театры, экскурсіи... Все это дополняетъ жизнь, придаетъ ей колоритъ, не убиваетъ энергіи, а, наоборотъ, возбуждаетъ, потому что (!) съ правомъ на эти удовольствія тѣсно связаны добрая нравственность и успѣхи. Недавній домашній концертъ въ нашей Академіи доказалъ, что и у насъ можетъ развиваться тонкое чувство и вкусъ. Къ большому развитію этихъ достоинствъ теперь прилагаются у насъ все силы*» (стр. 12). Въ отношеніи къ спеціальному обученію, не совсѣмъ достаточны были доселѣ средства за-

веденія; но,—говоритъ почтенный профессоръ М. Я. Киттары,—«благодаря теплому сочувствію и одобренію высказанныхъ выше убѣжденій господина попечителя Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, его сѣятельства графа Арсенія Андреевича Закревскаго, гг. членовъ совѣта и общества любителей коммерческихъ знаній,—многому уже положено начало» (стр. 29).

Послѣ всего этого, г. Киттары имѣлъ, конечно, полное право воскликнуть, въ заключеніе своего отчета: «вотъ наша скромная жизнь, къ которой мы привыкли и которую измѣнять нѣтъ надобности». Онъ смѣло могъ, конечно, отдаться на судъ своихъ слушателей,—между которыми были, безъ сомнѣнія, и упомянутые имъ члены совѣта и пр., и сказать: «вотъ, мм. гг., самый бѣглый очеркъ всѣхъ сторонъ жизни нашего заведенія. Какъ много въ немъ отраднаго или подающаго надежды въ будущемъ, предоставляю вашему безпристрастному обсужденію» (стр. 31).

Итакъ, все содержаніе отчета г. Киттары можно назвать очень отраднымъ. Но пріятное чувство, внушаемое имъ, мгновенно смѣняется грустью и недовольствомъ, когда припомнишь тѣ строгія требованія правды и добра, какія высказываются въ статьяхъ г. Пирогова. Читая Пирогова, мы чувствуемъ, что его разсужденія въ высшей степени просты и естественны, и въ то же время мы невольно смущаемся, сознавая, что не можемъ,—со всѣми нашими такъ-называемыми успѣхами,—выдержать самой легкой его критики. Въ самомъ тонѣ его мы находимъ какую-то особенную силу и самобытность, недостижимую для большей части другихъ, даже очень почтенныхъ людей. Духомъ правды, благородства и глубокаго убѣжденія вѣтъ на насъ все, написанное имъ, и, читая его, мы убѣждаемся, что инстинно-надежнымъ и всегда-полезнымъ дѣятелемъ у насъ можетъ быть только тотъ, кто не склоняется робко предъ тѣмъ, что мы называемъ разными житейскими конвенансами, кто прямо и твердо идетъ по своей дорогѣ, не позволяя себѣ никакихъ виляній, ни одного двусмысленнаго движенія. Слыша энергическій голосъ, подобный тому, какой раздается въ «Вопросахъ жизни», невольно начинаешь чувствовать, какъ пошло и какъ гадко многое, на что въ другое время смотришь равнодушно и снисходительно. Мы часто говоримъ: «что за бѣда, что такой-то покривилъ душою, погрѣшилъ противъ своихъ убѣжденій; онъ вѣдь сдѣлалъ необходимую уступку обществу; это не мѣшаетъ ему оставаться человѣкомъ честнымъ и почтеннымъ». Конечно, такъ: нельзя презирать человѣка за то только, что онъ, не имѣя съ семьею куска хлѣба, принялъ мѣсто—хоть бы по откупамъ... точно такъ, какъ нельзя винить человѣка, который подъ пыткой наклепалъ на себя небывалыя преступленія. Но незачѣмъ такихъ людей возводить въ герои,

и даже вообще трудно положиться на нихъ, если они служатъ по откупамъ и врутъ на себя небывальщину—рѣшительно безъ всякой необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, способный говорить не то, что думаетъ, рѣшающійся самодовольно выставить предъ другими то, чего самъ не уважаетъ, набирающій пышныя фразы для представленія вещи съ казоваго конца, умѣющій ловко примѣниться къ обстоятельствамъ, ловко польстить чужому самолюбію и даже невѣжеству,—и все это дѣлающій безъ особенной надобности, такъ только, для конвенансовъ, — подобный человѣкъ едва-ли можетъ быть вполне надежнымъ общественнымъ дѣятелемъ! Едва-ли можно отъ него ожидать непоколебимой твердости и неуклоннаго благородства во всей его дѣятельности. Онъ можетъ быть честнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, можетъ имѣть много ума и прекрасныхъ стремленій. Но двусмысленность и противорѣчіе его дѣйствій или словъ все-таки обличаютъ въ немъ, по малой мѣрѣ, легкомысленность и чрезвычайную слабость внутренняго суда надъ собою. Человѣкъ, строго наблюдающій надъ собою, не вступаетъ въ лицемѣрныя отношенія, не говоритъ вовсе о томъ, о чемъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь неблагоприятныхъ обстоятельствъ, нельзя высказать своихъ мыслей, а если ужъ начинаетъ рѣчь, то говоритъ прямо честное слово. Къ сожалѣнію, немного такихъ неуклонно честныхъ и твердыхъ людей въ нашемъ обществѣ, которое, по замѣчанію г. Пирогова, съ самыхъ первыхъ лѣтъ развиваетъ въ насъ нравственную двойственность, разладъ между *«быть и казаться»*. Большая часть изъ насъ, сбиваясь съ толку какой-то странной и произвольной теологіей, считаетъ лишнимъ строгій судъ надъ дѣлами человѣка, если только они направлены къ хорошей цѣли. Всѣ мы бранимъ иезуитскую школу, но всѣ мы, по словамъ г. Пирогова, «употребляя названіе этой школы, какъ эпитетъ коварства и лжи, подчасъ позволяемъ себѣ пользоваться упругостью ея догмъ». И тутъ, разумѣется, нечего винить отдѣльныхъ людей; надо винить общество и неблагоприятныя обстоятельства развитія. Общественныя отношенія служатъ даже оправданіемъ многихъ не вполне безукоризненныхъ нашихъ дѣйствій, какъ замѣчаетъ и г. Пироговъ. «Свѣта мы, конечно, не исправимъ,—говоритъ онъ:—онъ останется, несмотря на всѣ возгласы моралистовъ, такимъ, какимъ онъ былъ и есть. Такъ почему же въ практической жизни, извѣстной своею непослѣдовательностью, не воспользоваться человѣческими слабостями къ достиженію общей благой цѣли, если эти слабости невинны и непредосудительны». Но, во всякомъ случаѣ, едва-ли заслуживаетъ похвалы та легкость, съ которою иные рѣшаются не только просто пользоваться слабостями ближняго для общей благой цѣли, но даже и льстить имъ и притомъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ этой лестью ничего, или почти ничего,

не достигается. Къ несчастію, многіе изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей не хотятъ понять той простой истины, что не великую пользу для человѣчества можетъ доставить то дѣло, которое надо защищать обманомъ, лицемѣріемъ и потворствомъ рутинѣ и предрасудкамъ.

Рѣдкое исключеніе изъ числа этихъ *многихъ* составляетъ г. Пироговъ. Его идеи и стремленія, рѣзко опредѣленныя, всегда рѣзко и прямо высказываются, и предъ ними нерѣдко блѣднѣетъ все то, что кажется хорошимъ у другихъ. Мы хотѣли это показать на отчетѣ г. Киттары, но увлеклись отступленіемъ, которое, впрочемъ, какъ увидитъ внимательный читатель, не совершенно напрасно. Обратимся же къ нашему сравненію.

Въ началѣ отчета г. Киттары мы читаемъ, что цѣль Практической Академіи: «*приготовитъ будущихъ купцовъ русскихъ, честныхъ слугъ отечеству*». Какъ это напоминаетъ извѣстный эпиграфъ къ «Вопросамъ жизни»: «намъ необходимы негоціанты, солдаты, моряки, врачи, юристы, а не люди»... Повидимому, приготовленіе честныхъ купцовъ, вѣрныхъ слугъ отечеству, есть задача превосходная, и мы должны были бы остаться очень довольны мыслью, выраженной у г. Киттары. Но довольство наше пропадаетъ, когда мы вспоминаемъ основныя мысли г. Пирогова объ общемъ образованіи. Намъ уже кажутся очень слабыми и одно-сторонними понятія, провозглашающія науку средствомъ къ приготовленію — не самостоятельныхъ, для себя нормально развитыхъ людей, а *слугъ* какой-то другой, посторонней силы. Мы неприятно поражаемся тѣмъ, что мальчику говорятъ: учись для того, чтобы *быть достойнымъ преемникомъ имени твоего отца и слугою государства на поприщѣ промышленности*: такова цѣль твоего ученья и всей твоей жизни». Рядомъ съ этимъ внушеніемъ мы ставимъ слова г. Пирогова: «нужно учиться безъ всякой задней мысли, изъ одного глубокаго убѣжденія, что образованіе необходимо, какъ пища. Отецъ, готовый всѣмъ жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, пусть будетъ твердо увѣренъ, что все прочее въ жизни должно придти само собою; а если и не придетъ, то онъ все-таки ничего не потеряетъ въ сущности; сынъ съ раннихъ лѣтъ пусть видитъ въ образованіи нравственную необходимость и цѣнитъ его, какъ самую жизнь». Вотъ высшая точка зрѣнія на образованіе, — и какъ неловко спуститься съ ея высоты до мысли о приготовленіи *слугъ и купцовъ!*..

Но въ отчетѣ г. Киттары есть отрадныя мысли, которыя должны сгладить это первое впечатлѣніе. Онъ говоритъ, наприимѣръ, тоже въ началѣ отчета, что въ Практической Академіи ищутъ общаго образованія, что «потребность образованія въ быту купеческомъ, къ полной чести этого сословія, достаточно понятна». Прекрасно и утѣшительно!.. Но что,

если это фраза, которая на дѣлѣ оказывается чѣмъ-то очень неопредѣленнымъ, ни да, ни нѣтъ? На такое печальное подозрѣніе наводятъ насъ слѣдующія слова г. Пирогова, грустную правду которыхъ сознаетъ всякій, кто сколько-нибудь присматривался къ нашему обществу. «Мы говоримъ, что любимъ просвѣщеніе. Да это не мудрено: намъ нельзя сказать иначе, во-первыхъ, потому, что мы привыкли къ этой фразѣ, а во-вторыхъ — мы стыдимся сказать противное, точно такъ же, какъ мы стыдимся показаться на улицѣ въ старомодномъ платьѣ»...

Правда, въ подтвержденіе своей отрадной мысли, г. Киттары указываетъ на увеличеніе воспитанниковъ въ Практической Академіи, въ которую принимаются дѣти *самаго ранняго возраста*, 8, 9, 10 лѣтъ, и изъ которой выпускаются, послѣ осемилѣтняго курса, уже зрѣлыми юношами. Въ десять лѣтъ число воспитанниковъ Академіи возрасло «*отъ скромной цифры 40 до 220*». Фактъ утѣшительный самъ по себѣ; но и о немъ невеселыя мысли являются въ головѣ, когда перечтешь слѣдующія строки изъ «Вопросовъ Жизни».

„На чемъ основано приложеніе реальнаго воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?

Одно изъ двухъ: или въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возрастовъ (съ самаго перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго; или же воспитаніе этой школы, съ самаго его начала и до конца, есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной практической цѣли.

Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальныя школы, даже и тогда, если бы они, во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

Во второмъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что реальная школа, имѣя преимущественною цѣлью практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи при вступленіи въ свѣтъ.

Да и приготовленіе это должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ реальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки ученія опредѣлены. Будущая карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою заботу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества...

Значить-ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

Нѣтъ, я встаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

Для чего родители самоуправно распоряжаются участіемъ своихъ дѣтей, назначая ихъ, едва выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ по разнымъ соображеніямъ и расчетамъ, предстоитъ имъ болѣе выгодная карьера?

Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній?“

Неужели это справедливо и въ отношеніи къ тому заведенію, которое такъ прекрасно управляется попеченіями г. Киттары? — подумали мы, и, къ сожалѣнію, въ самомъ же «Отчетѣ» нашли нѣкоторыя подтвержденія мыслей г. Пирогова. Въ Практической Академіи, куда поступаютъ дѣти съ самаго ранняго возраста, многіе изъ предметовъ общаго образованія проходятся очень сжато и легко; исторія всеобщая и русская (вмѣстѣ), равно какъ и естественная исторія, начинается только съ четвертаго класса, по два урока въ недѣлю, да и то въ шестомъ классѣ естественная исторія обращается уже «въ изученіе предметовъ природы, имѣющихъ техническое и торговое приложеніе». Физика преподается только въ 5 и 6 классѣ, математика обращена отчасти въ коммерческую ариѳметику и бухгалтерію; 7-й и 8-й классъ посвящены исключительно техническимъ и торговымъ спеціальностямъ. Такимъ образомъ, для предметовъ общаго образованія остается немного времени, и самъ г. Киттары сознается, что «эти обстоятельства заставляютъ другія науки излагать въ меньшемъ объемѣ, сравнительно съ гимназіями, выбравъ изъ нихъ только главнѣйшее и существенно-необходимое». Но къ этому признанію г. Киттары дѣлаетъ еще слѣдующее прибавленіе, смыслъ котораго, признаемся, мы не совсѣмъ хорошо поняли. «Этимъ я, впрочемъ, не хочу сказать, — замѣчаетъ онъ, — чтобы въ программахъ гимназическихъ наукъ было много несущественнаго, неглавнаго или ненужнаго (намъ показалось, что онъ сожалѣетъ о невозможности вести въ Академіи курсы столько же пространные, какъ въ гимназіяхъ, а выходитъ совершенно наоборотъ: г. Киттары опасается, чтобъ его слова не приняты были за обиду гимназіямъ); программы эти, безспорно, строго обдуманы, повѣрены длиннымъ опытомъ, направлены къ своей цѣли; я хочу сказать только, что *къ этой цѣли у насъ присоединяется другая* — приготовить учащихся къ спеціальному коммерческому курсу» (стр. 22). Изъ этихъ словъ выводится довольно вѣроятное заключеніе, что г. Киттары считаетъ курсы Коммерческой Академіи выше гимназическаго, какъ удовлетворяющій двумъ цѣлямъ, вмѣсто одной. Неужели это такъ?.. Неужели онъ не знаетъ превосходства общаго образованія и цѣнить въ немъ только латинскій языкъ, о которомъ одномъ отзывается съ любовію, говоря, что онъ, *къ сожалѣнію*, не имѣетъ мѣста въ Коммерческой Академіи!..

Въ отношеніи къ самымъ средствамъ воспитанія, г. Киттары, какъ ни старается изобразить ихъ въ свѣтѣ наиболѣе благопріятномъ, но самъ въ одномъ мѣстѣ сознается, что многія изъ этихъ средствъ «вытекаютъ не изъ личнаго его убѣжденія, а обусловлены временной необходимостью» (стр. 12). Такое признаніе опять приводитъ насъ къ словамъ г. Пирогова, который по поводу одесской талмудъ-торы говоритъ: «чтобы сдѣ-

латъ училище хорошимъ, нужно дѣйствовать не врозь, не порознь, а общими силами. Чтобы дѣйствовать общими силами, нужно имѣть и общія убѣжденія. А гдѣ ихъ взять? Словъ—сколько угодно; а убѣжденій—это иное дѣло»...

Къ чему приводитъ недостатокъ въ обществѣ твердыхъ убѣжденій можно видѣть изъ одного частнаго случая, упоминаемаго въ «Отчетѣ», г. Киттары. Говоря о взысканіяхъ съ воспитанниковъ, онъ касается, между прочимъ, и тѣлеснаго наказанія и объявляетъ себя *врагомъ розогъ*. «Я прибѣгаю къ нимъ очень рѣдко,—говоритъ онъ,—въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, *въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда*»... Далѣе онъ замѣчаетъ между прочимъ, что, «внушая дѣтямъ любовь къ ближнему, воспитатели и сами не должны забывать этого чувства въ отношеніи къ дѣтямъ» (стр. 8—9). Такимъ образомъ, у г. Киттары педагогика перемѣшивается съ филантропіей, и потому на него даже находятъ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости его взгляда — относительно розогъ!.. Посмотрите же, какъ разсуждаетъ объ этомъ г. Пироговъ, руководясь не филантропической боязнью обидѣть дитя или выказать къ нему недостатокъ состраданія, а спокойными педагогическими разсужденіями, чрезвычайно простыми и сильными. Вотъ нѣсколько строкъ изъ его статейки: «Нужно-ли сѣчь дѣтей?»...

„Въ чемъ состоитъ основная мысль тѣлеснаго наказанія вообще? 1) выместить причиненную обиду; 2) пристыдить; 3) устрашить. Вотъ три чувства, на которыхъ человѣчество съ незапамятныхъ временъ основываетъ всѣ свои физическія исправительныя мѣры. Оставивъ мѣсть въ сторонѣ, какъ чувство, несвойственное ни христіанству, ни здоровой нравственности, руководившее только первобытныхъ законодателей младенчеству общества, остановимся на двухъ современныхъ: — *стыдѣ и страхѣ*.—Но тотъ, кто хочетъ тѣлеснымъ наказаніемъ пристыдить виновнаго, не значить-ли,—хочетъ стыдомъ дѣйствовать на человѣка, потерявшаго стыдъ? Если бы онъ его еще не потерялъ, то для него недостаточна была бы одна угроза быть тѣлесно наказаннымъ. Да и самое средство, направленное къ цѣли, не таково-ли, что оно уничтожаетъ самую цѣль? Остается, значить, одинъ только страхъ. Но какой?—не тотъ нравственный страхъ заслуженнаго наказанія, который возбуждается внутреннимъ чувствомъ совѣсти за нарушеніе предписываемыхъ ею правилъ,—а страхъ боли и истязаній. Неужели нужно у ребенка поставить совѣсть въ зависимость отъ розги? И ежели можно этого достигнуть, если можно достигнуть того, чтобы физическая боль или одно воспоминаніе о боли пробуждало совѣсть, то желательна-ли, утѣшительно-ли это? Положимъ, вы достигли вашей цѣли, вамъ удалось возбудить самый лучшій физическій страхъ въ ребенкѣ: — чѣмъ вы будете его поддерживать? Вамъ еще понадобится его усиливать: ребенокъ ко всему скоро привыкаетъ. Гдѣ положить границу усиліямъ? А если онъ хоть на минуту освободится изъ-подъ дамоклева меча; если онъ хоть на минуту убѣдится, что его проступки могутъ остаться незамѣченными, — какъ вы думаете, воспользуется-ли онъ или нѣтъ своею мнимою свободою? Вотъ уже и двойственность, вотъ уже и опять — „быть и казаться“. Покуда розга въ виду—все хорошо и въ приличномъ видѣ; когда исчезла изъ виду — кутежъ и разливъ. И это нравственность!“

Да, къ сожалѣнію, въ большинствѣ нашего общества такова нравственность,—не только въ поступкахъ, но даже въ словахъ и въ поня-

тіяхъ... Много у насъ есть такихъ убѣжденій и требованій, которыя мы рѣшаемся высказывать только въ тѣ минуты, когда мы освобождаемся изъ-подъ дамоклева меча, упоминаемаго г. Пироговымъ... Но все скрыто, замаскировано, искажено, ни въ чемъ нѣтъ прямоты, стройности и цѣльности, когда мы видимъ или даже только предполагаемъ надъ головой своей этотъ мечъ. А находятся еще добрые люди, которые не только считаютъ это неважнымъ, но даже потворствуютъ такимъ *слабостямъ!*..

Въ образецъ того, какъ идетъ преподаваніе наукъ въ Практической Академіи, г. Киттары указываетъ на изложеніе преподаванія географіи, представленное въ рѣчи г. учителя Телѣгина. Въ этой рѣчи, между нѣсколькими дѣльными мыслями, мы нашли, въ объясненіяхъ исторіи географическихкими данными, телеологию, доходящую до фатализма. Какъ долженъ преподавать географію учитель, въ рѣчи о географіи задающій такіе вопросы? (стр. 37).

„Почему Всеблагій Промыслъ велъ народъ Израильскій путемъ, который представлялъ наиболѣе трудности—чрезъ Чермное море, чрезъ Синайскую пустыню, и куда же?—въ страну, занятую горцами, въ средоточіе воинственныхъ народовъ, которые окружали со всѣхъ сторонъ эту мѣстность, и, казалось, тотчасъ по вступленіи Израиля въ нее, овладѣютъ имъ; а между тѣмъ, онъ прожилъ на ней до времени явленія Спасителя. Какимъ же образомъ эта горсть народа, окруженная отовсюду завоевателями, могла удержаться независимой столь долгое время? На это отвѣчаетъ самой природой устроенная мѣстность“.

И такъ, *мѣстность* объясняетъ, почему *Промыслъ* велъ народъ черезъ море!.. Странно; тутъ что-нибудь да не такъ, и ученики едва-ли хорошо сдѣлаютъ, если усвоятъ логику г. Телѣгина.

Вообще «Рѣчи и Отчетъ Практической Московской Академіи», прочитанные нами подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мыслей г. Пирогова, не вполне удовлетворили насъ. Мы не ставимъ г. Пирогова на пьедесталь непогрѣшимости, мы не съ тѣмъ на него указываемъ, чтобы его авторитетомъ унижить кого-нибудь... Вовсе нѣтъ; у г. Пирогова могутъ быть, конечно, и увлеченія, и погрѣшности, какъ у всякаго другого... Но мы видимъ въ немъ ту смѣлость и безпристрастіе взгляда, ту искренность въ признаніи недостатковъ, ту независимость въ отношеніи къ обществу, которыя у другихъ находимъ въ гораздо слабѣйшей степени.. Разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и потому мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непоследовательность взгляда, пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла... Что касается до г. Киттары, то мы знаемъ, что его чистая и благородная репутація вполне заслужена, мы знаемъ, что онъ не разъ оставался на стражѣ правды и чести, даже въ такихъ случаяхъ, когда другіе, добрые и почтенные люди, оказывались сдабыми или безпечными... Но именно въ силу того уваженія, которое питаемъ мы къ г. Киттары, мы желали

бы отъ него болѣе рѣзкаго и прямого выраженія его собственныхъ взглядовъ, менѣе уступокъ рутинѣ и менѣе неопредѣленныхъ фразъ, имѣющихъ иногда характеръ довольно двусмысленный. Нужно признаться, что фразъ у него много; безъ нихъ не обошлась даже и та часть статьи, въ которой говорится о религіозномъ воспитаніи дѣтей...

А посмотрите, какое сужденіе обо всѣхъ этихъ фразахъ дѣлаетъ г. Пироговъ. Онъ говоритъ, обращаясь къ ученикамъ, кончившимъ курсъ въ одной изъ нашихъ прекрасныхъ школъ:

„Васъ водили въ храмъ Божій. Вамъ объясняли Откровеніе. Привилегированные инспекторы, субъ-инспекторы, экзаменованные гувернеры, гувернантки, а иногда даже и сами родители смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Науки излагались вамъ въ такомъ духѣ и въ такомъ объемѣ, которые необходимы для образованія просвѣщенныхъ гражданъ. Безнравственныя книги, остановленныя цензурою, никогда не доходили до васъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благодѣтельное правительство открыли для васъ ваше поприще.

Послѣ такой обработки, кажется, вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только то, что пекущимся объ васъ хотѣлось, чтобы вы дѣлали.

Это значить, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ. А звучать для общей гармоніи, согласитесь, есть высокое призваніе.

Чего, казалось бы, еще не доставало для вашего счастья и для блага цѣлаго общества?

Выходить другое.

Выступивъ на поприще жизни, вы видите совсѣмъ не то, чему васъ учили, и вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифицированы“.

Поручится-ли г. Киттары, что его воспитанники, когда выступятъ на поприще жизни и начнутъ размышлять самостоятельно, не найдутъ ни малѣйшей мистификаціи въ своемъ воспитаніи подъ руководствомъ почтеннаго профессора?

Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 17 декабря 1859 г. Москва. 1859.

Какъ хорошъ нынѣшній отчетъ инспектора Московской Коммерческой Академіи, г. Киттары!.. Такъ хорошъ, что кажется, сама Академія не сравнится съ нимъ въ своихъ достоинствахъ!

Въ прошломъ году мы разбирали рѣчь г. Киттары параллельно съ разсужденіями г. Пирогова и дѣлали сравненія, не выгодныя для почтеннѣйшаго инспектора Практической Академіи. Это, какъ нужно полагать, огорчило его, и онъ, оканчивая нынѣшнюю рѣчь, говоритъ, обращаясь какъ будто бы къ публикѣ, но явно кивая на нашу рецензію ¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ, оговоримся: съ мѣсяцъ спустя послѣ нашего разбора, такая же точно параллель между г. Киттары и Пироговымъ появилась еще въ „Сиб. Вѣдомостяхъ“,—такъ что слова г. Киттары могутъ быть и къ нимъ отнесены.

„Я буду искренно благодаренъ за всякое указаніе, за всякую замѣтку, за всякій добрый совѣтъ, какъ лучшіе знаки вашего ко мнѣ вниманія и довѣрія, по *попроси* объ одномъ: не сравнивайте меня съ *кѣмъ-нибудь* изъ знаменитыхъ педагоговъ-публицистовъ, в р а ч е й общества; сравненіе будетъ парадоксально! Нравственные принципы, ими высказываемые, могутъ быть совершенно справедливы, разумны, законны, но, несмотря на то, въ *практикѣ* не всегда и не *вездѣ* удобоприложимы. Это, надѣюсь, понимаетъ каждый“ (стр. 68).

Ну, какъ не понимать! Самъ же г. Пироговъ далъ намъ понять это болѣе, нежели кто-нибудь другой... И ужъ мы теперь не станемъ превозносить его предъ г. Киттары; напротивъ, теперь мы на г. Киттары готовы смотрѣть какъ на образецъ для г. Пирогова. И сейчасъ представимъ резоны,—почему.

Г. Киттары скромнень и податливъ; въ хорошихъ рукахъ и при хорошей обстановкѣ онъ былъ бы отличнѣйшимъ дѣятелемъ, въ чемъ хотите. Гдѣ нужна долгая борьба, жертвы, самостоятельная и независимая энергія,—тамъ, конечно, на дѣятельность его нельзя возлагать особенныхъ надеждъ, но вѣдь на кого же въ этомъ отношеніи можно надѣяться?.. Г. Киттары хороши по крайней мѣрѣ тѣмъ, что никого ужъ не обманываетъ на счетъ характера своихъ дѣйствій. Весь тонъ его нынѣшняго, напр., «Отчета» говоритъ вамъ: «да, я сознаюсь, что то и то дурно; но я не въ силахъ этого передѣлать,—по крайней мѣрѣ теперь, и потому считаю нужнымъ покориться и даже хвалить то, что считаю лишь временнымъ и вовсе бесполезнымъ въ сущности». А другіе какимъ высокимъ тономъ говорятъ о себѣ! Подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ они шагу не уступятъ, и ужъ — или передѣлаютъ все на свой ладъ, или костью лягутъ... А посмотришь потомъ—точно такъ же не сладеютъ съ обстоятельствами и надѣлаютъ уступокъ, иногда вовсе не ничтожныхъ и не забавныхъ... Да хоть бы тутъ смирились,—такъ нѣтъ! Все продолжаютъ свысока, докторальнымъ тономъ и, принимаясь съчь мальчика, точно такъ же считаютъ долгомъ выхвалить свое отвращеніе отъ розги, какъ и въ прежнее время, когда не дошли до практическихъ примѣненій. Вотъ, напр., какъ хорошо г. Пироговъ разсуждаетъ о гнусности и негодности розогъ и какъ величественно, съ совершеннымъ сознаниемъ своей философской непогрѣшимости, признаетъ онъ ихъ необходимость въ гимназіяхъ, вслѣдствіе *трудности* придумать, вмѣсто нихъ, что-нибудь другое! Такъ и съ другими бываетъ. Послушаешь, — такъ ихъ склонности слаще кievскаго варенья, а заглянешь въ самое дѣло, такъ того и гляди—порютъ кого-нибудь!

Г. Киттары не таковы. Въ прошломъ году, напримѣръ, слѣдуя общей рутинѣ, онъ написалъ красивую рѣчь, съ риторическими возгласами о томъ, какъ въ Академіи воспитанники на клиросѣ поютъ, постные дни соблюдаютъ,—вотъ, говоритъ, какова у насъ *нравственность!*—о томъ,

какъ онъ готовить отечеству *слугъ*, достойныхъ преемниковъ капитала и имени предковъ,—вотъ говорить, какая высокая цѣль у насъ!—о томъ, какъ онъ сѣчетъ дѣтей только въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда на розги,—вотъ, дескать, какъ мы гуманны!—о томъ, какъ много хорошаго начинается и какъ прекрасно все продолжается въ Академіи, *благодаря сочувствію и одобренію* такихъ-то особъ,— вотъ, дескать, какъ мы смиренны! и пр. Ему замѣтили, что можно бы обойтись и безъ этакихъ возгласовъ,—онъ нынѣ и обошелся, да еще и то все оговаривается: «вы, говорить, не подумайте, что я фразу говорю,—о томъ, что, напр., у насъ нравственность въ Академіи процвѣтаетъ. Я бы охотно сказалъ, если бы дурно было; но ей-богу же не могу: что же мнѣ дѣлать, если всѣ такъ хорошо ведутъ себя!.. Не могу же я врать!» Серьезно такъ: вотъ его слова въ одномъ мѣстѣ «Отчета» (стр. 37).

„Примѣры *серьезныхъ* недостатковъ въ Академіи немногочисленны. Изъ 254 человѣкъ учащихся, не болѣе пяти, возраста отъ 9 до 14 лѣтъ, вызываютъ особенную заботу объ ихъ исправленіи, а это менѣе 2 процентовъ. Процентъ очень небольшой, *можетъ быть дѣйствительно блестящій; но я не могу говорить неправду* и всякому желающему повѣрить слова мои могу представить нашу штафную книгу, *черную* книгу, какъ называютъ ее воспитанники“.

Такая восхитительная совѣстливость выражается на многихъ страницахъ нынѣшняго «Отчета» г. Киттары. Но, не довольствуясь частными оговорками въ родѣ приведенной нами, онъ, при концѣ своей рѣчи, сдѣлалъ слѣдующее объясненіе, которое хотя и не совсѣмъ складно, но, тѣмъ не менѣе, плѣнительно въ своей натуральной неуклюжести (стр. 68).

„Закончу же мою рѣчь совершенно стороннею мыслью: чему больше вѣры— слову-ли похвалы, или слову осужденія? Думаю, что вы не затруднитесь въ отвѣтъ, отдадите скорѣе вашу вѣру послѣднему; таково уже общее наше современное направленіе, конечно, вытекшее изъ опыта жизни. Я не держусь буквально этого направленія и прошу васъ, мм. гг., не прилагать его ко всему мною сказанному, какъ въ нынѣшней рѣчи, такъ и въ прошлой. *Оградивъ (?)* мою дѣятельность, какъ инспектора Академіи, стѣнами этого заведенія и соприкасаясь чрезъ него съ извѣстнымъ слоємъ общества, я предпочитаю говорить болѣе о хорошемъ, благотворномъ для самой Академіи, предпочитаю умалчивать о недостаткахъ, которые вообще сродны человѣчеству. Не считаю этого ни уступкой обществу, ни лестью; умалчиваю же просто потому, что слово осужденія не принесло бы пользы, а ввѣренному мнѣ дѣлу могло бы принести еще вредъ“.

Мы не говоримъ, чтобъ очень легко было выразумѣть теченіе и связь мыслей г. Киттары въ этой тирадѣ. Но все-таки нельзя не согласиться,— въ ней есть что-то плѣнительное, невольно располагающее васъ въ пользу изобрѣтателя этихъ мыслей и заставляющее предполагать въ немъ прекраснѣйшаго, мягкосердечнѣйшаго человѣка.

Какъ, напริมѣръ, онъ современнымъ прогрессомъ восхищается! «1859-й годъ,—говорить,—*не похожъ* на своихъ предшественниковъ; жизнь русская сдѣлала въ немъ шагъ *крупнѣе прежнихъ*; посмотрите кругомъ, *какая энергія, какая свобода мысли и слова—вездѣ и во всемъ; мы много выросли*» (стр. 30). И тотчасъ же, съ тѣмъ же невозмутимымъ простодушіемъ, онъ говоритъ, что при столкновеніяхъ съ многими родителями и посторонними лицами, «Недоросль» фонъ-Визина живо рисовался въ его памяти; каждый разъ глубоко чувствовалось, что сатира этого писателя недостаточно еще была остра и жгуча, что нельзя не пожелать новаго фонъ-Визина и для нашего времени» (стр. 31). Вотъ тебѣ и энергія и свобода мысли—*вездѣ и во всемъ!*.. Ну, не прелестное-ли это добродушіе?..

Тѣмъ же самымъ характеромъ отличается, напр., замѣчаніе почтеннѣйшаго профессора о галунахъ. Съ прошлаго года онъ ввелъ, видите, въ Академіи, какъ наказаніе,—лишеніе галуновъ. Съ нѣкоторой робостью говоритъ онъ объ этомъ своемъ изобрѣтеніи; но въ то же время никакъ не можетъ скрыть внутренняго довольства этой мѣрой, «приносящей самыя *положительныя результаты*» (стр. 38). А, впрочемъ, онъ «принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые понимаютъ, какъ излишняя мундирность, не только въ Академіи, но и во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ». Такъ зачѣмъ же онъ самъ способствуетъ тому, чтобы усиливалось въ Академіи значеніе мундирности?.. Да это ужъ такъ: вѣдь все равно—есть ужъ она, эта мундирность, такъ отчего же не обратить вниманія и на ея развитіе? Притомъ же, въ свое оправданіе г. Киттары приводитъ еще слѣдующее обстоятельство: «нужно, говоритъ, прибавить, что мѣра эта употребляется у насъ въ *самыхъ крайнихъ случаяхъ* и считается взысканіемъ *самымъ сильнымъ*»... Конечно, это не только измѣняетъ видъ дѣла, но, кромѣ того, служитъ еще разительнымъ свидѣтельствомъ того, до какой высоты развитія дошелъ *духъ* воспитанниковъ Академіи, ввѣренной попеченіямъ почтеннѣйшаго г. Киттары.

Но особенно хорошо рисуетъ г. Киттары любезное признаніе его о томъ, какъ онъ въ прошломъ году измѣнилъ мотивъ сѣченія дѣтей, и сѣкъ ихъ—уже не по причинѣ *сомнѣнія*, а вслѣдствіе *отчаянія*. По его словамъ, это были «минуты тяжелыя, *можетъ быть непонятныя стороннему наблюдателю*». Легко можетъ быть; но за то тѣмъ, кого сѣкъ г. Киттары, въ эти минуты онъ были, вѣроятно, очень понятны... по крайней мѣрѣ—чувствительны...

Теперь однако же г. Киттары подаетъ надежду, что больше сѣчь ужъ не будетъ. Мы, разумѣется, не предаемся преждевременной радости:

мало-ли что говорятъ и общаются современные публицисты и педагоги!.. Очень можетъ случиться, что г. Киттары найдетъ новыя, — столько же, какъ и прежде, уважительныя, — причины еѣчь воспитанниковъ. Въ третьемъ годѣ они платились за то, что воспитатель ихъ сомнѣвался, въ прошломъ — за то, что онъ отчаявался, въ нынѣшнемъ — ихъ спина можетъ пострадать отъ того, что на воспитателя найдутъ, напримѣръ, минуты меланхолиі... Мы узнаемъ это не раньше, какъ черезъ годъ, изъ слѣдующаго отчета, а теперь можемъ заявить предъ читателями только признанія и общанія г. Киттары. Для большей важности приводимъ и подлинныя его слова (стр. 39):

„Заговоривъ о мѣрахъ исправленія, съ грустью долженъ сознаться, что, несмотря на все отвращеніе мое къ розгамъ, *увы!* у меня не достало ни умѣнья, ни терпѣнья избѣжать ихъ; и если въ прошломъ году на-меня не находили, какъ я выразился въ первой рѣчи моей, *минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда*, то приходили за то *минуты отчаянія, минуты тяжелья, которыя, можетъ быть, непонятны стороннему наблюдателю. Слава Богу, что ихъ было немного* — всего 4 (четыре минуты?) и относились онѣ только къ тремъ личностямъ, на закоренѣломъ упрямствѣ которыхъ оказывались не дѣйствительными всѣ другія мѣры. Но принесли-ли пользу розги, можетъ быть, спросятъ меня, исправили-ли онѣ, снимали-ли сразу порокъ? По совѣсти долженъ сказать — нѣтъ.

„Порокъ возобновлялся сначала робко, а потомъ сильнѣе, и *если я не теряю надежды въ борьбѣ съ нимъ, то, конечно, не въ расчетъ на новое повтореніе розогъ, нѣтъ*: я пользуюсь интерваломъ затишья той или другой наклонности *въ сознаніи моей минутной слабости ищущу новыхъ силъ, новыхъ мѣръ*. Время, т.-е. увеличивающійся возрастъ воспитанника, въ этомъ случаѣ главная помощь усилю. Замѣчу еще, что наказанныя розгами личности были однѣ изъ тѣхъ, объ которыхъ говорилось и въ прошломъ отчетѣ, а что надежды мои сбыточны — лучшимъ доказательствомъ служить, что въ нынѣшнемъ году нѣкоторые уже встали на путь радикальнаго исправленія и не доводили меня до отчаянія“.

Читая такія объясненія, несмотря на ихъ нестройное, неуклюжее краснорѣчіе, вы чувствуете, что тутъ есть что-то милое... Передъ вами человекъ, который хлопочетъ, еуетится, дѣлаетъ тамъ уступку, здѣсь промахъ, говоритъ, что взглядъ его не выработался, понятія смутны, — и они дѣйствительно смутны, — но все это такъ просто и добросовѣстно, а въ результатѣ выходитъ доброе дѣло и всеобщее удовольствіе!.. Почтеннѣйшій воспитатель доволенъ, совѣтъ Академіи къ нему благосклоненъ, родители благодарны, сослуживцы сочувствуютъ, воспитанники ужасно его любятъ, — по крайней мѣрѣ такъ самъ онъ думаетъ... Да и отчего же не думать? Его наивная хлопотливость съ безпрестанными прибавками, «что, можетъ быть, онъ не понимаетъ того дѣла, за которое взялся», можетъ, конечно, казаться забавною, но она не лишена своей прелести и привлекательности: такъ и тянетъ познакомиться съ почтеннѣйшимъ педагогомъ, собственно за его милый «Отчетъ»...

Въ «Отчетъ» своемъ г. Киттары много разъ обращается съ просьбою, чтобы мыслители и педагоги русскіе сдѣлали свои замѣчанія на его дѣйствія. Будемъ ждать отъ нихъ полезныхъ замѣчаній, — ихъ обсужденію представляются важные вопросы: сѣченіе дѣтей въ минуты отчаянія, лишеніе галуновъ за тяжкія преступленія, пожалованіе нашивками за успѣхи въ наукахъ, система надзора старшихъ воспитанниковъ за младшими, вводимая г-номъ Киттары, «но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не столь развившаяся, какъ бы ему желалось» (стр. 40), и пр. Кромѣ того, имъ предстоитъ разсмотрѣть подробныя *программы* Академіи и опредѣлить ихъ значеніе и достоинство. Въ прошломъ году, разбирая «Отчетъ» г. Киттары, мы замѣтили, что онъ возвышаетъ курсъ Практической Академіи предъ гимназическимъ. Нынѣ онъ отрекается отъ подобной мысли и говоритъ, что хотѣлъ указать только разницу гимназій съ Академіей. Чтобы эта разница яснѣй была, къ нынѣшнему «Отчету» онъ приложилъ цѣлую книгу программъ Практической Академіи, съ слѣдующимъ предостереженіемъ (стр. 53):

„Въ прошломъ „Отчетъ“ моемъ я позволилъ себѣ сравнить эти классы съ гимназіями и указалъ на ту разницу, какую находилъ въ этомъ сравненіи. Сознаюсь, что слова мои могли быть неясны, потому что не были полны; съ этой цѣлью, къ настоящему „Отчету“ приложены программы наукъ, принятыя въ заведеніи; онѣ укажутъ каждому, насколько, ради специальной цѣли, мы грѣшимъ противу общаго образованія. Искренно порадуясь, если будутъ высказаны эти указанія, и отъ имени педагогической конференціи Академіи смѣло заявляю, зная составъ ея, что ни одно изъ нихъ не останется безъ обсужденія и принятія, если это окажется возможнымъ и полезнымъ“.

На программы, разумѣется, ничего нельзя сказать, не зная, какъ онѣ исполняются: особенныхъ нелѣпостей въ нихъ не такъ много, чтобы сейчасъ же ихъ и вытянуть при бѣгломъ взглядѣ. Разумѣется, не очень отрадно, что до сихъ поръ въ Академіи употребляется Хрестоматія Пенинскаго, не очень весело въ программѣ исторіи русской литературы читать такіе, напр., параграфы; «Лермонтовъ: *подраженіе Жуковскому и Пушкину, достоинства подражаній; переводы изъ Байрона, Гёте и Гейне, вліяніе Барбьи* (въ «Опечаткахъ» поправлено *Барбье*). Отчеты Практической Академіи отличаются тѣмъ, что въ нихъ почти на каждой строкѣ опечатка, и къ орѳографіи полнѣйшее презрѣніе!..). Отличительный характеръ поэзіи Лермонтова» (стр. 95). Можно, конечно, накинуться на это и сказать, что учитель не понимаетъ, вѣроятно, своего дѣла; а между тѣмъ это очень можетъ оказаться несправедливымъ. Можетъ быть, онъ отлично знаетъ свой предметъ и умѣетъ излагать его, а такъ только въ программѣ нелѣпо выразился... То же самое нужно сказать и о другихъ программахъ. Напримѣръ, для исторіи

представлена собственно коротенькая программа для IV класса; а въ послѣдующихъ все то же самое, только подробнѣе. Какъ же тутъ разберешь удобство и достоинство преподаванія? Можно разсуждать только о достоинствѣ самой системы, принятой въ Академіи—чтобы сначала читать ученикамъ общій обзоръ, а потомъ ужъ вводить подробности. Но и это опять дѣло условное. Извѣстно, что дѣти, чѣмъ моложе, тѣмъ болѣе склонны къ подробнымъ рассказамъ и отвращаются отъ общихъ обзоровъ. Слѣдовательно, если преподаватель дѣйствительно только *обзоръ* даетъ, такъ это очень дурно. Но если онъ рассказываетъ имъ во всей подробности важнѣйшія событія и вовсе пропускаетъ мелкія и неважныя,—въ этомъ смыслѣ преподаваніе не будетъ бесполезно... Какъ именно это дѣлается въ Академіи, намъ неизвѣстно, и потому рѣшительное сужденіе произнести трудно. А впрочемъ, нѣмцы очень много написали объ *эпизодическомъ* преподаваніи въ первое время ученья, и поэтому легко можетъ быть, что кто-нибудь изъ нашихъ знаменитыхъ педагоговъ или ученыхъ напишетъ блестящую статью по этой части...

Что касается до насъ, то мы въ подробныя сужденія входить не будемъ, а сдѣлаемъ лишь нѣсколько общихъ замѣтокъ. Насъ удивляетъ то, что въ Практической Академіи географія начинается только съ 3-го класса, а естественная исторія—съ 4-го, первые же два класса заняты большею частію только языками. Въ «Отчетѣ» и помину нѣтъ о наглядномъ обученіи; есть только въ программѣ русскаго языка указаніе на *вещественный* разборъ, то-есть на объясненіе самаго значенія вещей, при грамматическомъ разборѣ словъ. Но вѣдь этого очень недостаточно: общее понятіе о тѣлахъ природы, о разныхъ естественныхъ явленіяхъ на земномъ шарѣ, о разныхъ предметахъ житейскихъ нуждъ, и т. п.—весьма много помогло бы развитію и воображенію учениковъ, и точности ихъ понятій, и даже расширенію ихъ круга зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе нѣсколькихъ часовъ для подобныхъ занятій было бы гораздо полезнѣе, нежели совокупное и одновременное изученіе двухъ и трехъ языковъ. По «Отчету» видно, что въ Академію поступаютъ мальчики лѣтъ 8; и вдругъ ихъ начинаютъ занимать—въ первомъ классѣ 7 уроковъ французскихъ и 10 нѣмецкихъ; во второмъ—6 французскихъ, 7 нѣмецкихъ и 3 англійскихъ. И при этомъ г. Киттары еще жалуется, что изученіе языковъ, несмотря на всѣ его старанія, идетъ плохо! (стр. 57). Еще бы оно шло хорошо при такихъ стараніяхъ! Извѣстное дѣло, что языки новыя изучаются только тогда, когда объ этомъ начальственныхъ стараній бываетъ какъ можно меньше. Мудрость-то вѣдь не Богъ знаетъ какая. А между тѣмъ, какъ съ самаго-то начала засадятъ мальчика за вокабулы двухъ языковъ, да насядутъ на

него съ тремя уроками въ день изъ этихъ милыхъ предметовъ,—ну, онъ и отупѣетъ, да кромѣ того—такое отвращеніе къ языкамъ почувствуетъ, что никакія нашивки не помогутъ...

Впрочемъ, о нашивкахъ мы не смѣемъ судить: г. Киттары говоритъ, что онѣ очень поддерживаютъ энергію къ изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ. Какъ видно, почтеннѣйшій профессоръ вѣруетъ въ симпатическія средства. Не мудрено, впрочемъ: онъ самъ-то такой симпатическій!..

IV.

ВСЕРОССИЙСКІЯ ИЛЛЮЗИИ, РАЗРУШАЕМЫЯ РОЗГАМИ.

Tu quoque Brute!..

Въ русской жизни возникаютъ иногда отрадные явленія, способныя привести въ умиленіе даже человѣка не совсѣмъ простодушнаго,—являются герои мысли и слова, выступающіе прямо и безбоязненно на смертельную борьбу съ застарѣлыми предрасудками и общественной неправдой. Посмотришь на нихъ, оглянешься вокругъ себя—и невольно склонишь голову предъ ихъ доблестью. Около нихъ со всѣмъ сторонъ тѣнятся враги, ихъ окружаетъ безчисленное войско рутинистовъ, невѣждъ, негодяевъ, пошляковъ всякаго рода, и, несмотря на то,—благородные герои смѣло поднимаютъ новое, враждебное злу знамя, и самоотверженно подвергаютъ себя всѣмъ опасностямъ неравнаго боя. Невольно сами враги изумляются богатырской доблести, и въ нѣкоторой части непріятельскаго лагеря даже проявляется движеніе въ пользу отважныхъ героевъ и желаніе стать подъ ихъ знамя. Еще немного—и вотъ, кажется, совершится одна изъ тѣхъ чудесныхъ побѣдъ, о которыхъ разсказывается намъ въ богатырскихъ сказкахъ...

Но времена богатырскихъ сказокъ давно прошли, и мы всегда жестоко ошибаемся, когда вздумаемъ примѣнять ихъ міросозерцаніе къ настоящему времени. Воображеніе наше, еще въ раннемъ дѣтствѣ разстроенное фантастическими бреднями нянюшекъ, нерѣдко обливаешь для насъ какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ простыя явленія дѣйствительной жизни: но за то, какъ приходится намъ краснѣть и стыдиться, когда эти явленія вдругъ предстанутъ намъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ!

Насъ лично нельзя упрекнуть въ особенной склонности къ увлеченіямъ розовыми надеждами. Мы не разъ отзывались холодно и даже на-

смѣшливо о такихъ явленіяхъ, отъ которыхъ другіе ожидали чуть не установленія всеобщаго благоденствія. Но и мы не остались совершенно чистыми отъ ребяческихъ увлеченій. Со стыдомъ и прискорбіемъ пришлось намъ недавно вспомнить объ одномъ изъ нихъ, и мы спѣшимъ очистить себя публичнымъ покаяніемъ и откровеннымъ изложеніемъ дѣла.

Начнемъ съ нѣсколькихъ общихъ объясненій.

Извѣстно, что въ послѣднее время обнаружилось въ Россіи много хорошихъ литераторовъ во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности—въ полицейской, въ медицинской, въ комиссаріатской, въ судебной, въ откупной, и пр., и пр. Современные Фамусовы, полагающіе, что

Написано—и съ плечъ долой,

возложили на этихъ литераторовъ твердыя надежды относительно всѣхъ предстоявшихъ усовершенствованій русскаго быта. Мы съ самаго начала смотрѣли довольно недовѣрчиво на эти надежды, и, дѣйствительно, когда доходило въ чемъ-нибудь до дѣла, то специальные литераторы оказывались по большей части или совсѣмъ неподходящими къ своимъ теоретическимъ убѣжденіямъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма податливыми на *уступки*. Уступокъ этихъ мы могли бы здѣсь указать много, но не считаемъ этотъ предметъ такимъ мало-извѣстнымъ, чтобъ о немъ стоило распространяться. Притомъ же, практическая уступчивость рьяныхъ теоретиковъ не представляетъ сама по себѣ ничего необычайнаго: она, напротивъ, совершенно въ порядкѣ вещей. Человѣкъ выступаетъ на битву и вдругъ видитъ, что противъ него тысяча враговъ: естественно, что онъ долженъ—или бѣжать совсѣмъ, или сдѣлать нѣсколько такихъ уступокъ, послѣ которыхъ хотя часть противниковъ перешла бы на его сторону. За то у него остается надежда побить самыхъ закоснѣлыхъ враговъ. Начальникъ, преслѣдующій взятки, но чувствующій себя безнѣльнымъ для ихъ искорененія, наконецъ допускаетъ *благодарность* и ограничивается тѣмъ, что запрещаетъ лишь *вымогательство*. На такого начальника нельзя очень сильно нападать; можно только спорить, дѣйствительно-ли примѣнима и практична предположенная имъ грань между благодарностью *вынужденною* и *невынужденною*. Да можно еще сожалѣть о той средѣ, которая принуждаетъ начальника, желающаго добра, къ подобнымъ уступкамъ... А впрочемъ и на эту *среду* напускаться особенно тоже не стоитъ: ея развитіе зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ условій, которыхъ она не могла до сихъ поръ ни отвратить, ни измѣнить. Стало быть, съ которой стороны ни возьми дѣло,—волноваться не стоитъ, а слѣдуетъ только, подобно старому подъячому, при назначеніи новаго, неумѣлаго начальника, сказать совершенно спокойно: «приняться-то нашъ герой хочетъ какъ будто и прытко, да концовъ-то не сведеть; упры-

гается на первых же порахъ, угомонится, и пойдетъ все опять по старому»...

Такъ большею частію мы и говорили, когда новые Фамусовы показывали намъ какую-нибудь статейку и восклицали: «смотрите, *что написано!* смотрите, *какъ написано!* Теперь эта часть у насъ отлично пойдетъ: о ней ужъ такъ много *написано*»... и т. п. Но разъ и мы уподобились Фамусову: это было въ началъ нынѣшняго года, когда въ литературѣ нашей уже замиралъ, сопровождаемый «Свисткомъ», одинъ изъ горячихъ вопросовъ нашей литературы, — вопросъ *о розгахъ*, о томъ, *бить или не бить*.

Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, еще въ 1857 г. обсуживался въ «Земледѣльческой Газетѣ», г. Орловымъ-Давыдовымъ и рѣшался положительно: *бить!* «Современникъ» имѣлъ тогда наивность удивиться такому явленію въ литературѣ, ставящей себѣ въ главную заслугу свои гуманныя стремленія. Но другимъ статейка г. Орлова-Давыдова показалась нисколько не странною, и вскорѣ послѣ нея начали появляться другія статейки, трактовавшія о томъ,

Какъ человѣка разложить,—
По строгимъ правиламъ науки...

Извѣстно, что въ защитѣ розогъ отличались, между прочимъ, гг. Петрово-Соловово и Роцаковскій, но что вся отвѣтственность пала на князя Черкаскаго, предложившаго 18 ударовъ... Противъ него написаны были весьма краснорѣчивыя *замѣтки* и *письма*, которыя до того убѣдили его, что онъ печатно отрекся отъ своихъ положеній. А г. Аксаковъ, кромѣ того, объявилъ, что требованіе восемнадцати розогъ княземъ Черкасскимъ было ни что иное, какъ *уступка* съ его стороны, изъ снисхожденія къ господствующимъ понятіямъ большинства дворянъ. Конечно, по ходу дѣла *уступка* эта оказалась ненужною и слишкомъ уже издалека предусмотрѣнною; но, тѣмъ не менѣе, послѣ *сказанія объ уступкѣ*, поведеніе князя Черкаскаго въ этомъ вопросѣ оказалось такимъ же, — ни хуже, ни лучше, — какъ и поведеніе почти всѣхъ нашихъ публицистовъ и передовыхъ людей нашей словестности — почти во всѣхъ другихъ вопросахъ.

Вскорѣ послѣ образца такой уступки въ дѣлѣ о тѣлесномъ наказаніи крестьянъ, мы увидѣли подобную же уступчивость одного изъ передовыхъ людей нашихъ — въ вопросѣ о сѣченіи дѣтей. Въ февралѣ прошлаго года, разбирая Отчетъ о Московской Коммерческой Академіи г. Киттары, мы замѣтили, что онъ, не одобряя собственно розогъ, сѣкъ однако же воспитанниковъ Академіи, «*въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда*». Насъ очень поразило тогда это странное обстоятельство, что

нѣкоторые изъ воспитанниковъ должны были платиться своею кожею за то, что подвергались инспектору съ проступками въ тѣ минуты, когда онъ «сомнѣвался въ непогрѣшимости своего взгляда». Намъ очень опечалило тогда не только самое открытіе, что дѣтей сѣкутъ еще въ заведеніи, ввѣренномъ начальству такого человѣка, какъ г. Киттары, но и то, что этотъ человѣкъ такъ легко и наивно отзывается объ этомъ предметѣ... Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній прочитали мы брошюрку г. Пирогова, въ которой, между прочимъ, была статейка: «*нужно-ли стѣчь дѣтей?*»—и прониклись восторженнымъ удивленіемъ къ твердости и ясности воззрѣній знаменитаго хирурга и педагога. Мы поспѣшили выразить свой восторгъ, сопоставивши сомнѣнія г. Киттары съ твердою и простою рѣчью г. Пирогова, убѣжденного и убѣждавшаго тогда, что розга всегда и для всякаго—вредна, позорна и безнравственна. Указывая на г. Пирогова, какъ на образецъ непреклонной послѣдовательности своимъ убѣжденіямъ, какъ на одну изъ личностей, на которыхъ дѣйствительно могутъ покоиться надежды общества,—мы говорили:

„Мы, конечно, не ставимъ г. Пирогова на пьедесталъ непогрѣшимости: мы не съ тѣмъ указываемъ на него, чтобы его авторитетомъ унижить кого-нибудь. Вовсе нѣтъ; у г. Пирогова могутъ быть, конечно, и увлеченія, и погрѣшности, какъ у всякаго другого... Но мы видимъ въ немъ *ту смѣлость и безпристрастіе взгляда*, ту искренность въ признаніи недостатковъ, *ту независимость въ отношеніи къ обществу*, которыя у другихъ находимъ въ гораздо слабѣйшей степени“... („Совр.“ 1859, № 2. Библ. 282.—Стр. 244 наст. изд.).

Къ этому отзыву мы прибавляли еще слѣдующее замѣчаніе: «разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непоследовательность взгляда, *пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла*». Слѣдовало бы прибавить: «и никогда не осмѣлимся никого превозносить за кажущуюся твердость и послѣдовательность взгляда, пока это не выкажется рѣшительно въ практической дѣятельности». Но мы тогда, въ своемъ восторгѣ, не сообразили этого. Намъ казалось, что прекрасныя педагогическія убѣжденія г. Пирогова будутъ проводиться имъ и на практикѣ такъ же неуклонно, какъ проводятся въ его статейкѣ. Мы надѣялись, что, по своему положенію находясь въ обстоятельствахъ сравнительно очень благопріятныхъ, онъ будетъ въ состояніи весьма близко подойти къ осуществленію своихъ идей о воспитаніи. Но всего болѣе мы были увѣрены въ томъ, что въ заведеніяхъ, ввѣренныхъ попечительству г. Пирогова, не будутъ сѣчь дѣтей...

За свое легковѣріе мы недавно были наказаны горькимъ разочарованіемъ.

Въ XI № «Журнала для воспитанія» за 1859 г. напечатаны: «*Пра-*

вила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа», изданныя г. Пироговымъ 22 іюля 1859 г. Правила эти составлены для того, чтобы устранить разнообразіе во взглядѣ начальниковъ на проступки гимназистовъ и назначеніе самыхъ наказаній. Цѣль эта выражена г. Пироговымъ въ слѣдующихъ строкахъ:

„Не хорошо, если въ томъ же учебномъ округѣ (въ которомъ иногда ученики переходятъ изъ одного заведенія въ другое), за тотъ же самый проступокъ одинъ директоръ будетъ сѣчь или исключать ученика, а другіе прощать его или слабо наказывать. При такихъ противорѣчіяхъ и упущеніяхъ нельзя развиваться чувству законности въ учащихся. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядовъ и дѣйствій воспитателей, непременно придутъ къ тому заключенію, что дѣйствіями ихъ управляетъ не законъ, а случай, капризъ, произволь и пристрастіе. Довѣріе къ законности дѣйствій въ такомъ случаѣ нарушается, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и всякое чувство правды и законности“.

Чтобы предотвратить такое печальное явленіе, г. Пироговъ считаетъ необходимымъ не только составленіе общихъ правилъ для всѣхъ гимназій, но и ознакомленіе съ этими правилами самихъ учениковъ, съ самаго вступленія ихъ въ гимназію, для того, «чтобы учащіеся были убѣждены, что никакой ихъ проступокъ не останется скрытымъ и необсужденнымъ и что *каждое наказаніе проистекаетъ, какъ бы само собою, изъ сущности и характера проступка».*

Читая это вступленіе къ «Правиламъ», мы еще продолжали чувствовать прежнее удивленіе къ непреклонности и твердости г. Пирогова въ проведеніи своихъ общихъ принциповъ. Мы видѣли въ фразѣхъ, подчеркнутыхъ нами выше, полнѣйшее отрицаніе розги, которая никакъ ужъ не можетъ служить къ развитію въ дѣтяхъ *чувства законности* и никакъ не принадлежитъ къ числу рациональныхъ наказаній, *вытекающихъ изъ сущности самаго проступка*. Читая далѣе, мы еще болѣе утвердились въ своей увѣренности, увидѣвши, что «Правила о наказаніяхъ» составлены были подъ предѣдательствомъ г. Пирогова цѣлымъ комитетомъ, членами котораго были: помощникъ попечителя Кіевскаго округа, директора гимназій, инспекторъ казенныхъ училищъ, нѣкоторые профессора (исторіи — В. Шульгинъ, педагогики — Гогоцкій) и нѣкоторые учителя. Такой составъ комитета не могъ внушать никакихъ опасеній, и мы читали далѣе «Правила», въ полной увѣренности найти въ нихъ только рациональныя, естественныя, гуманныя мѣры, пользу которыхъ всегда проповѣдывалъ г. Пироговъ. Тѣмъ тяжелѣе было наше разочарованіе.

Насъ очень непріятно поразила уже таблица о числѣ высѣченныхъ въ 1858 г. гимназистовъ въ Кіевскомъ округѣ. По свѣдѣніямъ, вытребованнымъ г. Пироговымъ изъ разныхъ дирекцій, оказалось слѣдующее:

Въ 1858 г. наказано было розгами:

1)	Въ	Кіевской 2-й	гимназіи	изъ	625—	43
2)	»	Житомирской	»	»	600—	290
3)	»	Немировской	»	»	600—	67
4)	»	Подольской	»	»	400—	37
5)	»	Полтавской	»	»	399—	39
6)	»	Ровенской	»	»	300—	6
7)	»	Нѣжинской	»	»	260—	20
8)	»	Новгородсѣверской	»	»	250—	8
9)	»	Черниговской	»	»	240—	18
10)	»	Бѣлоцерковской	»	»	220—	38
11)	»	Кіевской 1-й	»	»	215—	3

Одна эта таблица способна уже убѣдить внимательнаго педагога въ томъ, какъ напрасно и неразумно употребляется розга въ нашемъ воспитаніи. Одно сравненіе этихъ данныхъ можетъ оправдать самое рѣшительное изгнаніе розги изъ гимназій. Мы видимъ, напр., что въ Житомирской гимназіи сѣкутъ въ *семь* разъ чаще, чѣмъ въ Кіевской 2-й, и въ *35* разъ чаще, чѣмъ въ Кіевской 1-й. Въ Кіевской первой было только *три* случая, когда понадобились розги, въ Житомирской же ихъ было *290*, т.-е. половина изъ всего числа гимназистовъ была пересѣчена. А если мы припомнимъ § 205 Училищнаго Устава 1828 г., по которому розги дозволяется употреблять *только въ трехъ нижнихъ классахъ*, то окажется, что *каждый* мальчикъ былъ (по среднему расчету) непременно разъ высѣченъ въ теченіе года, а если кто избѣжалъ этого удовольствія, то, значить, вмѣсто него, надо считать за другимъ *двойное* или *тройное* и т. д. розочное наставленіе... Да еще изъ выраженія, употребленнаго въ «Правилахъ», не видно, считается-ли въ этой таблицѣ *каждый разъ*, или только *каждый человекъ*. Не сказано: «было *столько-то случаевъ* сѣченья», а говорится только: «*столько-то учениковъ* высѣчено»... т.-е. можетъ быть, если одинъ и тотъ же ученикъ 50 разъ въ году высѣченъ, такъ все это считается за *единицу*... Но даже если и не такъ, то все-таки—какой ужасъ и мракъ должна представлять собою Житомирская гимназія! Въ году менѣе двухсотъ учебныхъ дней, а тутъ 290 человекъ подвергаются поркѣ; значить каждый божій день въ Житомирской гимназіи порютъ, да еще и не по одному человеку!.. И все это дѣлается въ 1858 году, который—кромѣ того, что вообще принадлежитъ *настоящему времени*, когда и пр.—замѣчательнъ въ этомъ случаѣ еще и тѣмъ, что въ теченіе второй его половины (съ августа) Кіевскій учебный округъ находился подъ

попечительствомъ г. Пирогова! И замѣтите еще, что цифра 290 стоитъ въ отчетѣ, доставленномъ попечителю самою дирекцію. Между тѣмъ, кто же не знаетъ, что гдѣ наказанія такъ обыкновенны и часты, тамъ почти нѣтъ возможности свести имъ вѣрный счетъ за цѣлый годъ. Другое дѣло—1-я Кіевская гимназія, Ровенская и Новгородсѣверская: тамъ въ цѣлый годъ случилось высѣчь—въ одной трехъ, въ другой—6, въ третьей—8 человекъ. Тутъ сосчитать не трудно, и мы не имѣемъ причинъ прямо сомнѣваться въ вѣрности показаній. Но 290 въ годъ—тутъ весьма не трудно сбиться въ счетѣ! Да и едва-ли кому-нибудь изъ начальства Житомирской гимназіи казалось особенно важнымъ вести точный счетъ экзекуціямъ, которыя оно раздавало такъ щедро и которымъ, какъ видно, вовсе не придавало какого-нибудь чрезвычайнаго значенія.

Но г. Пироговъ довѣрчиво останавливается на цифрѣ, показанной дирекцію, и дѣлаетъ слѣдующія соображенія: «разность въ численности тѣлесныхъ наказаній нельзя объяснить различною численностію учениковъ и различною степенью ихъ нравственнаго развитія; мы видимъ, что въ гимназіяхъ, одинаково многолюдныхъ и при сходныхъ условіяхъ, число тѣлесныхъ наказаній было далеко не одно и то же; потому *этотъ фактъ не можетъ быть иначе объясненъ, какъ неопредѣлительностью взглядовъ гг. директоровъ и наставниковъ на проступки и наказанія учениковъ*. Неужели нравственное развитіе учениковъ 2-й Кіевской, на примѣръ, и Житомирской гимназіи такъ различно, чтобы имъ однимъ можно было объяснить, почему въ одной изъ нихъ, почти при одинаковомъ числѣ учащихся (625—600), высѣчены были въ прошломъ году *только* (только!!) 43, а въ другой почти 300 учениковъ!»

Какъ видите, г. Пироговъ чрезвычайно легко и снисходительно смотритъ на вопіющіе ужасы, представленныя ему въ свѣдѣніяхъ о числѣ высѣченныхъ мальчиковъ. Его не возмущаетъ злодѣяніе, регулярно совершающееся надъ несчастными мальчиками въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ ему заведеній; онъ имѣетъ духъ сказать даже: «*только*» въ приложеніи къ той гимназіи, въ которой сѣкутъ нѣсколько меньше. Всего болѣе озабочиваетъ его то обстоятельство, что взгляды разныхъ директоровъ не приведены къ единству... Признаемся, не такого тона, не такихъ чиновническихъ разсужденій ожидали мы отъ автора «Вопросовъ жизни»!

Но окончательно пристыжены мы были въ своемъ прежнемъ восторгѣ отъ г. Пирогова, когда дошли до того мѣста «Правилъ», гдѣ почтенный педагогъ доходитъ до изложенія теоретическихъ и практическихъ соображеній своихъ относительно тѣлеснаго наказанія. Тутъ происходитъ въ «Правилахъ» такое неловкое и неуклюжее балансированіе на роз-

гахъ, что невольно сердце замираетъ со страха за шаткое положеніе балансирующихъ. Сначала говорится, что розга,—«гнусна, вредна», что ее *нужно* вовсе изгнать; потомъ, что изгнать *нельзя*; потомъ, что это *трудно*, наконецъ—что ее слѣдуетъ употреблять, только рѣдко... Все это такъ плохо вяжется съ прежними убѣжденіями автора «Вопросовъ жизни», такъ несообразно само по себѣ, такъ противорѣчитъ основной цѣли составленія «Правилъ», что мы, для полного вразумленія, нѣсколько разъ прочитали этотъ странный пунктъ и, наконецъ, убѣдившись въ печальной истинѣ и вспомнивъ прежнюю защиту дѣтей отъ розогъ г. Пироговымъ, могли только воскликнуть внутренно: *tu quoque, Brute!*

Но постараемся прослѣдить съ нѣкоторой обстоятельностью эту странную игру фантазіи и остроумія г. Пирогова. Постараемся сдѣлать свои замѣчанія возможно спокойными и умѣренными. Предметъ самъ по себѣ, правда, таковъ, что о немъ спокойно говорить почти невозможно: тутъ нужно—или оплакивать паденіе человѣка и принципа, или добродушнѣйшимъ образомъ смѣяться надъ иллюзіями и разочарованіями человѣчества. Мы болѣе были бы склонны къ послѣднему; но насъ отчасти останавливаетъ слѣдующее заключеніе, которымъ оканчивается первая часть «Правилъ» г. Пирогова.

„Я долженъ объявить дирекціямъ, что и таблицу, и мнѣнія, обсужденныя комитетомъ о проступкахъ и наказаніяхъ, нисколько не рассматриваю я, какъ совершенно уже законченныя и не подлежащія улучшеніямъ и измѣненіямъ, на которыя можетъ указать время и опытъ. Потому я *прошу всѣхъ и каждого изъ воспитателей* сообщить мнѣ, чрезъ педагогическій совѣтъ, или въ видѣ отдѣльныхъ мнѣній, сдѣланныя имъ замѣчанія, замѣченные недостатки, и указать на придуманныя каждымъ исправленія“.

Такимъ образомъ, г. Пироговъ самъ проситъ, чтобы на его «Правила» дѣлали замѣчанія всѣ воспитатели. Мнѣнія и указанія ихъ онъ желаетъ принять къ свѣдѣнію. Но, кромѣ того, г. Пироговъ самъ печатаетъ свои «Правила» въ журналѣ и, слѣдовательно, подвергаетъ ихъ обсужденію не однихъ уже воспитателей, а всей публики. Это черта такого просвѣщеннаго и благороднаго воззрѣнія на свое дѣло, что уже ею одной значительно умѣряется раздраженіе, которое способны возбудить во многихъ сами «Правила». Г. Пироговъ не ошибся, рѣшившись обнародовать все, что ни предпринимаетъ онъ въ администраціи Кіевскаго учебнаго округа. Теперь многія изъ его распоряженій могутъ быть критикованы, могутъ обнаружиться ошибки, указываться уклоненія отъ его собственныхъ воззрѣній, и т. п. Но никогда нападенія на него не могутъ достигъ той степени ожесточенія и судорожной ярости, до какой они дошли бы непременно, если бы все дѣло велось втихомолку, и литература должна была бы выискивать посторонніе предлоги, чтобы до-

браться до г. Пирогова. Теперь, по крайней мѣрѣ, дѣло чистое, и никто не можетъ быть обманутымъ. Публика видитъ, что напечатано г. Пироговымъ, видитъ и то, что печатается противъ него. Слѣдовательно, какъ бы ни жестоки были нападки, все-таки г. Пироговъ въ общемъ мнѣніи получаетъ лишь то, чего онъ дѣйствительно заслуживаетъ.

Приведемъ же въ подлинникѣ фатальную страницу «Правилъ», трактующую о розгахъ, чтобы читатели, не имѣющіе подъ руками «Журнала для воспитанія», сами могли провѣрить наши замѣчанія. Вотъ сентенція «Правилъ»:

„Опытомъ дознано, что уменьшеніе числа преступленій въ обществѣ и улучшеніе нравственности зависятъ не столько отъ строгости наказаній, сколько отъ распространенія убѣжденія, что ни одно преступленіе не останется не открытымъ и безнаказаннымъ. Это же убѣжденіе должно стараться распространить и между учащимися и доказывать имъ его на дѣлѣ. Имѣя это въ виду, предлагаемыя здѣсь правила о проступкахъ и наказаніяхъ и опредѣляютъ только для немногихъ, исключительныхъ случаевъ, строгія тѣлесныя наказанія. Известно, что какъ бы наказаніе ни было жестоко и унижительно, къ нему можно привыкнуть. Человѣкъ пріучится хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ и розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственно-исправительное дѣйствіе. Поэтому, гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе не строгость, а соответственность наказанія съ характеромъ проступка. Идеаль справедливаго наказанія есть тотъ, чтобы оно происходило, такъ сказать, само собою изъ сущности самаго проступка. Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приводятъ въ примѣръ воспитаніе въ Англии, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ чувство законности глубоко проникло въ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія робкимъ страхомъ, съ его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ; она и тамъ не надежна, гдѣ еще существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ родного отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унижительнымъ. Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока свѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что-нибудь другое для наказанія (по крайней мѣрѣ вначалѣ) въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Намъ покуда ничего не остается болѣе, какъ принять за правило: употреблять это средство съ крайнею осторожностью и только тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстрого, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія. Но это сотрясеніе тогда только и можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно будетъ употреблено рѣдко, но безотлагательно, слѣдуя непосредственно за проступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію“ (Журн. для восп.“ 1859 г. № XI, стр. 115).

Сообразите этотъ пунктъ съ общей цѣлью «Правилъ», прослѣдите отдѣльныя положенія этой самой тирады, и вамъ представится изумительная путаница понятій, безтолковѣйшій разладъ противорѣчащихъ мыслей. Какъ будто вы читаете нелѣпѣйшую хрю начинающаго обучаться рето-

рикѣ семинариста, гдѣ всѣ основанія подобраны для подтвержденія вывода, совсѣмъ противнаго тому, какой дѣйствительно сдѣланъ имъ въ заключеніи, сообразно заданной темѣ. Возьмите, на примѣръ, хоть слѣдующія положенія изъ «Правиль».

Первая посылка. «При господствѣ административнаго начала въ нашихъ учебныхъ учрежденіяхъ, первымъ шагомъ къ улучшенію нравственной стороны воспитанія *можетъ служить только развитіе чувства законности и справедливости между учащимися*» («Журн. для восп.», стр. 115).

Вторая посылка. «Гдѣ чувство законности глубоко проникло въ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. *А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится*» (стр. 115).

Можно, конечно, спорить противъ второй посылки, можно спросить: отчего же развитіе чувства законности даетъ привилегію на розгу? И что это за странное правило: пока въ человѣкѣ нѣтъ чувства законности, такъ его пороть не слѣдуетъ; а какъ только это прекрасное чувство появилось—пори его: *не вредно*, дескать... Но оставимъ это въ сторонѣ, станемъ безпрекословно на точку зрѣнія г. Пирогова и повторимъ его слова:

«*Чувство законности, такъ еще мало замѣтное въ нашемъ обществѣ, нигдѣ между тѣмъ столько не нужно, какъ у насъ въ Россіи*» (стр. 110). Поэтому при воспитаніи общественномъ *«надо какъ можно болѣе стараться о развитіи чувства законности. Для развитія этого чувства «розга не годится».*

Ясно, стало быть,—возрадуемся: въ Кіевскомъ округѣ дѣтей не будутъ пороть, потому что розга совершенно противорѣчитъ достиженію тѣхъ благихъ цѣлей, какія имѣлъ г. Пироговъ при составленіи своихъ «Правиль»... Не такъ-ли?

Выходитъ, что не такъ!.. Весьма краснорѣчиво доказавши гнусность и возмутельность розочной науки, г. Пироговъ вдругъ поражаетъ насъ крутымъ оборотомъ: *«но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розгу изъ употребленія».*

Отчего же нельзя? спрашиваете вы въ изумленіи.—Оттого *нельзя*, что *«трудно придумать что-нибудь другое для наказанія въ гимназій дѣтей, уже прежде сѣченыхъ дома»*...

Но скажите пожалуйста, неужели это удовлетворительный отвѣтъ? И во-первыхъ,—развѣ *трудно* и *нельзя* одно и то же? *Трудно* придумать что-нибудь другое; но, значитъ, все-таки *можно?* Ну и потрудитесь. На то вѣдь и существуютъ всѣ эти педагогическіе совѣты, ин-

спекторы, директора, попечители, и т. д... Не за исправностью же пуговицъ смотрѣть они поставлены; не могутъ же они ограничить свою дѣятельность только механическимъ примѣненіемъ къ новому поколѣнію старой рутины... Не въ томъ же только и состоитъ ихъ задача, чтобы составлять полицейскія росписанія: за что лишать ученика пирога, за что супа, а за что и цѣлаго обѣда; за какой проступокъ держать его подъ арестомъ одинъ день, за какой—три. Всѣ эти подвиги на пользу воспитанія слишкомъ жалки, чтобы изъ-за нихъ уволить себя отъ другихъ заботъ—напримѣръ, о томъ, чтобы приискать новые способы наказаній въ училищахъ, болѣе рациональные и менѣе позорные (особенно для наказывающаго), чѣмъ розги...

Далѣе—что это значитъ: «нельзя *вдругъ* изгнать розгу»? Какая же тутъ можетъ быть постепенность? Уменьшать число ударовъ, что-ли? Такъ вѣдь тутъ дѣло не въ числѣ ударовъ, а въ самомъ способѣ наказанія. Или вы хотите соблюсти постепенность тѣмъ, чтобы не опредѣлять розогъ даже и за нѣкоторые такіе случаи, за которые прежде пороли нещадно? Но въ опредѣленіи частныхъ случаевъ вы должны руководиться уже частными педагогическими соображеніями, которыя, во всякомъ случаѣ, должны согласоваться съ принятыми въ нашемъ кодексѣ принципами. Если вы допустили розгу въ своемъ принципѣ воспитанія, то вы тѣмъ самымъ признали уже законность ея, какъ полезной педагогической мѣры. Значитъ, вы и должны будете удерживать ее постоянно, пока мѣста не измѣнится вашъ взглядъ на сущность самыхъ проступковъ, признанныхъ по вашему достойными розогъ... Такимъ образомъ, ваше *вдругъ* не имѣетъ никакого практическаго смысла, потому что ни одна человѣческая голова не въ состояніи вывести разумной постепенности, которой вы, повидимому, добиваетесь въ отмѣненіи розогъ... Кажется, это ясно...

Намъ могутъ замѣтить, что г. Пироговъ,—или кievскій комитетъ, что одно и то же,—вовсе не признаетъ *пользы* розогъ, а только видитъ *невозможность* отъ нихъ избавиться.—Но мы съ этимъ никакъ не можемъ согласиться. Помилуйте, какая же можетъ быть *невозможность*—*не стѣчь?*., Если бы сѣченіе мальчиковъ было такою же настоятельной, естественной потребностью и необходимымъ условіемъ жизни, какъ напр., пища и питье, тогда бы можно говорить о невозможности. Не ѣсть, не пить—дѣйствительно нельзя; но не сѣчь—это очень можно, кажется! А для попечителя округа очень легко даже и другихъ остановить отъ сѣченія. Стоитъ только положить правиломъ, что сѣчь въ гимназіяхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ,—и не будутъ сѣчь... И безъ всякаго сомнѣнія г. Пироговъ такъ бы и сдѣлалъ, если бы онъ

признавалъ розги рѣшительно ни къ чему негодными. Если же онъ допустилъ еще ихъ оставаться въ гимназіяхъ, то, конечно, потому, что призналъ ихъ пользу, хотя до нѣкоторой степени. Иначе сказать—онъ призналъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ розга составляетъ самое лучшее наказаніе, какое только возможно *въ настоящее время*.

И выходитъ, стало быть, что розги торжествуютъ въ кievской педагогикѣ потому, что оказалось въ нихъ какое-то удобство, а вовсе не потому, чтобы невозможно было ихъ отмѣнить!

Да тутъ, впрочемъ, даже и выводить-то нечего: г. Пироговъ самъ сознается, что розгу и можно бы замѣнить, но что только *трудно* придумать что-нибудь вмѣсто нея!..

Въ чемъ же, однако, состоитъ это удобство розги, по мнѣнію Кіевскаго педагогическаго комитета? Онъ не объясняетъ своихъ воззрѣній, но дѣло ясно само по себѣ. Тѣмъ-то именно и хороша розга, что избавляетъ почтенныхъ педагоговъ отъ придумыванья новыхъ, болѣе гуманныхъ и толковыхъ педагогическихъ приѣмовъ. «Нельзя же вдругъ», говорятъ «Правила», и въ этомъ восклицаніи является передъ вами вся прелесть, все барское блаженство обломовщины... Вы помните, какъ Обломовъ говоритъ: «да какъ же это вдругъ?», когда ему является надобность перемѣнить квартиру. Онъ, въ своей барской наивности и лѣни, воображаетъ, что квартиру мѣнять можно исподволь, понемножку, — сначала переднюю сдѣлать въ другомъ домѣ, потомъ кухню перенести на новую квартиру, такъ чтобы обѣдъ оттуда на старую носить, и т. д. Подобно этому и наши педагоги воображаютъ, что розги отмѣнить можно какъ-то исподволь, не вдругъ... Можетъ быть, на слѣдующій годъ въ Житомирской гимназіи высѣкутъ уже не 290, а только 289 человѣкъ, потомъ 288, и т. д. Посмотришь—черезъ три столѣтія дойдетъ до того, что и вовсе перестанутъ сѣчь. Значитъ, дѣло-то само собою обдѣляется! А то—шутка-ли? — сиди да думай, чѣмъ и какъ замѣнить розгу! А это такъ *трудно!*..

Скажутъ, что мы преувеличиваемъ,—что самъ г. Пироговъ, съ своимъ комитетомъ, вовсе не хочетъ розогъ, что онъ ихъ оставляетъ только какъ временное, необходимое зло, что *вдругъ* имѣетъ значеніе — «сейчасъ же, въ сію минуту»,—т.-е. до тѣхъ поръ, пока еще не придуманы другія мѣры въ замѣну розогъ... Да, мы сами желали бы такъ думать: но, къ сожалѣнію, все это не ладится съ «Правилами»,—исключая, разумѣется, того, что кievскій комитетъ дѣйствительно самъ не хочетъ розогъ... Дѣло, видите-ли, въ томъ, что г. Пироговъ открекается отъ всякой инициативы въ этомъ дѣлѣ, не только теперь, но и въ будущемъ, на неопредѣленные времена. Онъ говоритъ, что розгу нельзя изгнать изъ

учебныхъ заведеній до тѣхъ поръ, «пока свѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія». Значить, учрежденія эти не подадутъ благого примѣра, а будутъ попрежнему пороть дѣтей — болѣе или менѣе — до тѣхъ поръ, пока поронье это не будетъ истреблено во всѣхъ концахъ и закоулкахъ Россіи!.. Какая утѣшительная перспектива! И какъ она хорошо отвѣчаетъ тѣмъ надеждамъ, какія мы имѣемъ на близкое будущее, въ отношеніи къ развитію народнаго образованія! Теперь, какъ извѣстно, гимназическимъ ученъемъ пользуются почти исключительно дѣти дворянъ, чиновниковъ и купцовъ. Съ развитіемъ промышленности и освобожденіемъ крестьянъ, можно ожидать, что въ гимназіи будетъ поступать значительное число дѣтей мѣщанъ, торговцевъ, ремесленниковъ всякаго рода и земледѣльцевъ. Ежели теперь, изъ привилегированныхъ классовъ общества поступаютъ въ гимназіи дѣти, уже свѣченныя дома, то, конечно, нельзя ожидать, чтобы въ низшихъ классахъ розга очень скоро вывелась въ семейномъ воспитаніи. Слѣдовательно, свѣченныя дома дѣти будутъ еще очень долго поступать въ наши заведенія, и на этомъ основаніи наша родная педагогика останется вѣрною розгѣ!.. А можетъ, для ускоренія возможности изгнать розгу, запретятъ поступать въ гимназіи дѣтямъ ремесленниковъ и вообще низшихъ классовъ?

Что жъ? судя по основательности и дальновидности, какія обнаружены кіевскимъ комитетомъ, можно думать, что еще и эта мѣра когда-нибудь будетъ пущена въ ходъ, — если не въ видахъ изгнанія розги, то по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ...

А на какомъ основаніи, — спросимъ еще, — кіевскіе педагоги рѣшили, что съ дѣтьми, уже разъ свѣченными, иначе нельзя обойтись, какъ посредствомъ розги?.. Этого они опять не объясняютъ въ своихъ «Правилахъ». А такъ ужъ, видно, — коли прежде пороли, такъ и потомъ надо пороть... Способъ возрѣнія, какъ видите, тотъ же самый, по которому говорили, бывало, иные мыслители: «нельзя мужика на волю отпустить, пока онъ коснѣетъ въ своей грубости и не имѣетъ чувства законности и сознанія собственнаго достоинства». Милые мыслители не хотѣли и слышать о томъ, что мужикъ до тѣхъ поръ и не приобрѣтетъ всѣхъ этихъ прелестныхъ вещей, пока не будетъ на волѣ. Такъ точно и кіевскіе педагоги ни подъ какимъ видомъ не хотятъ, какъ видно, допустить, что натура «свѣченыхъ дома дѣтей» тогда только и смягчится и сдѣлается чувствительною къ наказаніямъ болѣе человѣчнымъ, когда хоть въ школѣ-то не станутъ ихъ драть, а будутъ обращаться съ ними по-человѣчески. А то, разумѣется, — дома дерутъ, въ гимназіи дерутъ, вездѣ розочная круговая порука, — поневолѣ тутъ огрубѣешь!..

И вѣдь хоть бы что-нибудь устраивалось и обезпечивалось этимъ умилительнымъ допущеніемъ розогъ въ педагогику кіевскихъ воспитателей! А то рѣшительно ничего, кромѣ разрушенія прямой цѣли «Правиль» (розга мѣшаетъ «развитію чувства законности», для котораго составлены «Правила»)... Вѣроятно, тѣ практики, которые изъ 600 гимназистовъ сѣкутъ въ годъ 290, остались очень довольны уступкою, сдѣланною въ пользу ихъ постоянныхъ возрѣній, и, признаемся, — только желаніемъ сдѣлать имъ угодное и можемъ мы объяснить торжество розогъ, допущенное г. Пироговымъ въ сонмѣ педагоговъ Кіевского учебнаго округа. Только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно до нѣкоторой степени оправдать ту страшную легкомысленность и противорѣчія, какія встрѣчаются въ каждой строчкѣ «Правиль» тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи. Заглянемъ въ *табличку* проступковъ и наказаній, которая, по словамъ г. Пирогова, должна быть развѣшана на стѣнахъ во всѣхъ классахъ гимназій Кіевского округа, и въ которой провинившагося ученика должно подводить и молча указывать ему то мѣсто, гдѣ поименованъ его проступокъ съ соотвѣтствующимъ ему наказаніемъ. Въ этой табличкѣ мы найдемъ рѣшительное уничтоженіе всѣхъ общихъ фразъ, сказанныхъ г. Пироговымъ въ пользу розогъ въ гимназіяхъ.

Г. Пироговъ утверждаетъ, что поневолѣ приходится дѣтей, уже сѣченыхъ дома, сѣчь и въ гимназіи — *«по крайней мѣрѣ вначалѣ»*. Изъ этихъ словъ можно заключить, что розги принимаются въ гимназіи собственно для того, чтобы не слишкомъ рѣзокъ былъ переходъ отъ жестокаго домашняго воспитанія къ гуманному обращенію въ гимназіи. Сначала мальчика станутъ посѣкать понемножку, а потомъ постепенно будутъ отставать отъ этого пріятнаго упражненія... Если бы такъ, то въ такомъ образѣ дѣйствій была бы еще нѣкоторая послѣдовательность. Но посмотрите въ таблицу, и вы увидите совсѣмъ не то: каждый мальчикъ можетъ быть наказанъ розгами *только одинъ разъ* и, затѣмъ, послѣ вновь сдѣланнаго проступка *увольняется изъ заведенія*. Значитъ, какой же смыслъ имѣетъ оговорка г. Пирогова, что сѣчь *нужно* — *по крайней мѣрѣ вначалѣ*? Какія же тутъ «по крайней мѣрѣ», когда положено: высѣчь разъ мальчика, а потомъ въ слѣдующій разъ — уже выгнать изъ заведенія? «Вначалѣ» — хорошо начало!

Недурно также и общее опредѣленіе случаевъ, когда розга необходима. Она, видите, необходима «въ случаяхъ, *не терпящихъ отлагательства*, и должна слѣдовать *непосредственно* за проступкомъ, тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ *быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія*».

Да проститъ насъ почтеннѣйшій кандидатъ филологическихъ наукъ, Н. А. Миллеръ-Красовскій, котораго мы такъ рѣзко упрекали въ прошломъ году за изобрѣтенное имъ *моментное дѣйствіе!* Намъ не шутя совѣстно передъ нимъ... Мы почли его тенденціи чудовищно-рѣдкимъ явленіемъ въ средѣ нашихъ педагоговъ; мы имѣли наивность выразить мнѣніе, что уже самая степень кандидата университета должна была бы оградить его отъ подобныхъ нелѣпостей. Каемся: мы тогда имѣли слишкомъ розовый, слишкомъ лестный взглядъ на нашихъ педагоговъ вообще. Теперь мы видимъ, что г. Миллеръ-Красовскій былъ только однимъ изъ представителей этого почтеннаго и премудраго сословія,—не болѣе. Онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ даже послѣдовательнѣе многихъ изъ своихъ собратій. Такъ, напр., проводя свою идею о «моментномъ сотрясеніи», онъ находитъ, что розга беретъ все-таки, сравнительно, довольно много времени, и потому гораздо лучше вмѣсто нея употреблять пощечину. Это, по крайней мѣрѣ, логично. Въ «Правилахъ» Кіевскаго округа и того нѣтъ. Тамъ положено, что розги (долженствующія собственно слѣдовать *непосредственно* за проступкомъ, для произведенія *быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія*) назначаются не иначе, какъ «по опредѣленію педагогическаго совѣта, по большинству трехъ четвертей голосовъ по закрытой баллотировкѣ». Скажите же, скоро-ли вся эта исторія можетъ быть произведена въ гимназіи? И возможно-ли, по поводу каждаго изъ подобныхъ проступковъ, немедленно собирать педагогическій совѣтъ? Да притомъ же, многіе изъ проступковъ, подлежащихъ розгамъ, могутъ, по самому существу своему, нуждаться въ предварительномъ разслѣдованіи, во время котораго, по кодексу г. Пирогова, для виновнаго назначается арестъ. Гдѣ же тутъ *непосредственное* слѣдованіе наказанія за проступкомъ? Гдѣ тутъ *мгновенное* сотрясеніе? Нѣтъ, ужъ, право лучше пощечина г. Миллеръ-Красовскаго!

А не угодно-ли полюбоваться, какіе проступки наказываются розгами. Мы ихъ сейчасъ перечислимъ; замѣтимъ только напередъ, что всѣ наказанія имѣютъ три степени, опредѣляемыя разными обстоятельствами проступка. Розгами наказывается: *воровство, къ которому причисляется и кража собакъ*¹⁾,—во второй степени. Затѣмъ розги опредѣлены,—въ третьей степени,—за оскорбленіе постороннихъ и принадлежащихъ къ заведенію лицъ внѣ ихъ службы (т.-е. начальниковъ, надзирателей, чиновниковъ и прислуги)—словомъ, письмомъ и дѣломъ,—за оскорбленіе товарищей словомъ, письмомъ и дѣломъ; во второй степени «за оскорбленіе начальствующихъ лицъ во время исправленія ими служебныхъ обязанно-

¹⁾ Такъ замѣчено въ „Правилахъ“!

стей, — словомъ, письмомъ и дѣломъ». Наконецъ, розгами же наказывається—что бы вы думали?.. этого, кажется, и самому г. Миллеръ-Красовскому никогда бы въ голову не пришло!—розгами наказывається—дико повторить!—«оскорбленіе товарищей за вѣру (фанатизмъ)»!!!—Мы долго не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ; но, наконецъ, не могли не убѣдиться. Въ графѣ проступковъ, подъ № 27, стоитъ въ таблицѣ: «оскорбленіе товарищей за вѣру»; въ скобкахъ поставлено: «фанатизмъ». Въ графѣ наказаній стоитъ противъ этого отмѣтка *наказывається, какъ оскорбленіе постороннихъ лицъ, — см. № 14*. Смотримъ № 14; тамъ стоитъ: «оскорбленіе постороннихъ лицъ», и пр., —наказывається: въ первой степени—*выговоромъ*, во второй—*выговоромъ съ угрозою розогъ*, въ третьей—*розгами!*.. И такъ, дѣйствительно, «Правила» предписываютъ *сѣчь за религіозный фанатизмъ!*

Оставимъ пока въ сторонѣ все инквизиціонное безобразіе послѣдняго случая, и спросимъ объ одномъ; какія изъ указанныхъ *преступленій* могутъ быть подведены подъ тѣ основанія, которыми утверждаетъ г. Пириговъ необходимость розги. Отчего именно за воровствомъ, къ которому причисляется и кража собакъ, за оскорбленіемъ разнаго начальства и за фанатизмомъ—должно слѣдовать безотлагательное, мгновенное сотрясеніе посредствомъ розги? И припомните еще, что розга назначается только въ трехъ низшихъ классахъ, да и тамъ уже дѣлается изъятіе для 16-ти-лѣтнихъ, если таковыя случатся. Значитъ, въ большинствѣ случаевъ, будутъ пороть мальчиковъ, которыхъ проступки еще не заключаютъ въ себѣ ничего серьезнаго. Мальчикъ разъ стащилъ у товарища карандашъ,—ему выговоръ отъ совѣта; въ другой разъ онъ завелъ къ себѣ чужую собаку—его выпорютъ. Поссорился мальчикъ съ гувернеромъ, который самъ его на это вызвалъ,—подъ арестъ мальчика; опять поссорился, уже безъ вызова съ той стороны,—его сѣкутъ. А за розгами—не надо забывать—слѣдуетъ непременно удаленіе изъ гимназіи послѣ вновь сдѣланнаго проступка! И это, при просвѣщенныхъ »Правилахъ«, можетъ произойти вслѣдствіе брюзгливости или неуживчивости какого-нибудь гувернера, учителя или чиновника гимназіи. «Правила» явно узаконяютъ эту брюзгливость и всѣ капризы начальства, когда въ графѣ обстоятельствъ, *опредѣляющихъ три степени вины и наказанія*, ставятъ противъ оскорбленія начальства, *вызовъ со стороны начальника!* Это, конечно, признается за *circonstance atténuante* и *уменьшаетъ наказаніе*. Какое великодушіе! Мальчика не сѣкутъ за то, къ чему его сами же принудили! А намъ кажется, что ужъ если непременно хочется сѣчь кого-нибудь, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ гораздо было бы основательнѣе—высѣчь этого начальника, который такъ ловко умѣетъ вести

себя съ воспитанниками. Ему-то именно и было бы полезно мгновенное сотрясеніе, чтобы заставить его образумиться. Да притомъ, видя такое безпристрастіе со стороны «Правиль», гимназисты дѣйствительно подвинулись бы къ уваженію закона. А то вѣдь стоитъ только повторить слова того же г. Пирогова въ тѣхъ же самыхъ «Правилахъ», чтобы видѣть, какъ эта казнь за обиду, вызванную начальникомъ, разрушаетъ все зданіе законности, которое г. Пироговъ желалъ построить на своемъ кодексѣ проступковъ и наказаній. «Произволь и капризь воспитателя, — говоритъ г. Пироговъ, — вызываетъ, по закону противорѣчія, такой же произволь и капризь и въ воспитанникѣ». Стало быть, сколько вы воспитанниковъ ни сажайте подъ арестъ, сколько ни сбьките, сколько ни исключайте, — но пока у васъ остаются воспитатели капризные и вызывающіе на грубость, — до тѣхъ поръ въ остальныхъ воспитанникахъ (хотя бы ихъ, послѣ вашего разгрома, осталась только десятая доля) неминуемо будетъ проявляться и дерзость, и оскорбленіе начальства, и произволь.

И—странное дѣло!—«Правила» *начертаны* для того, чтобы развить въ воспитанникахъ чувство законности и справедливости опредѣленіемъ *точныхъ, положительныхъ и одинаковыхъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ*; а между тѣмъ произволу начальства вездѣ оставленъ самый широкій просторъ, и именно за проявленіе личности воспитанника, за его нежеланіе подчиняться произволу, каждое гимназическое начальство можетъ, при первомъ удобномъ случаѣ, выдрать его, а потомъ выгнать безъ дальнихъ словъ. Обязанности начальниковъ всякаго рода и учителей въ отношеніи къ гимназистамъ не опредѣлены; напротивъ, самъ кодексъ говоритъ, что начальникъ можетъ быть безразсуденъ и грубъ—можетъ *самъ вызывать* на обиду. Представьте же теперь положеніе мальчика, воспитывающагося въ одной изъ гимназій Кіевского округа. У него въ классѣ на стѣнѣ виситъ *таблица проступковъ и наказаній*; возлѣ этой таблицы стоитъ или сидитъ взбалмошный учитель (или такихъ ужъ не бываетъ никогда?), который назойливо напрашивается на грубость, подвергая ученика всевозможнымъ оскорбленіямъ. Но учитель въ это время все-таки *исправляетъ свою служебную обязанность*: за грубость ему—строгій арестъ, розги, исключеніе... Мальчикъ это знаетъ, что ему дѣлать? Скрѣпиться и вынести все безропотно. А какія мысли, какія чувства прорѣжутъ въ это время его молодую голову и сердце? Вѣроятно, въ немъ будетъ развиваться въ эти минуты благоговѣніе къ кодексу г. Пирогова, чувство законности и справедливости?!

Опредѣляя значеніе своего кодекса, г. Пироговъ боится, чтобы ученики не воображали, что теперь судьба ихъ зависитъ отъ мертвой буквы, и для того говоритъ: «напротивъ, опытъ долженъ скоро убѣдить ихъ, что

самое главное дѣло—*точное изслѣдованіе и правосудное* приложеніе правилъ, содержащихся въ кодексѣ, къ каждому данному случаю—*все-таки предоставлено воспитателямъ*». Замѣтимъ, что воспитателямъ предоставлено кодексомъ *не только правосудное, но и совершенно неправосудное* приложеніе правилъ: они ничѣмъ не связаны въ своихъ дѣйствіяхъ, личность ихъ строжайшимъ образомъ ограждена отъ всякаго протеста гимназистовъ. Но, положимъ, что воспитатели всѣ идеально хороши; мы все-таки не понимаемъ, какимъ образомъ при этомъ условіи кодексъ г. Пирогова можетъ достигать своей цѣли—развитія чувства законности. Вѣдь самъ же г. Пироговъ сознается, что истинно-справедливое наказаніе есть только то, «которое естественно, само собою, истекаетъ изъ сущности проступка»... А изъ какого же проступка естественно истекаетъ розга? И какимъ образомъ случилось, что большинство наказаній тѣлесныхъ опредѣляется за оскорбленіе начальства? Не въ правѣ-ли воспитанники уже въ самомъ этомъ опредѣленіи видѣть—не законность, а самый неосновательный, самый возмутительный произволъ? Кажется, у начальства и безъ розогъ довольно много средствъ оградить свою личность отъ оскорбленій воспитанниковъ. Да и, наконецъ, кто же мѣшаетъ начальству всякой гимназіи поставить воспитанника въ такое положеніе: «ты къ намъ поступилъ, такъ насъ уважай и слушайся; если же не хочешь исполнять этого условія, то убирайся вонъ». Мы знаемъ, что многіе хорошіе учителя употребляютъ эту мѣру въ классахъ. Если ученикъ шалитъ и шумитъ, они говорятъ ему: «если не хотите слушать, то не угодно-ли вамъ выйти изъ класса!» И послѣ этого ученикъ обыкновенно присмирѣетъ... Скажутъ, что выгнать изъ гимназіи—вовсе не то, что выслать изъ класса; увольненіе во многихъ случаяхъ можетъ доканать мальчика, если онъ не имѣетъ возможности поступить въ другое заведеніе. Но вѣдь, во-первыхъ, мы предполагаемъ начальство идеально хорошее, неуваженіе къ которому вполне заслуживаетъ подобнаго распоряженія; во-вторыхъ, и по кодексу г. Пирогова за розгами слѣдуетъ непременно удаленіе ученика изъ гимназіи,—да еще не просто увольненіе, а *исключеніе*, которое всегда соединено съ отмѣткою неодобрительнаго поведенія и съ повѣщеніемъ по всѣмъ гимназіямъ округа. Это значитъ,—если примѣнить къ учителю,—по нашему учитель просто высылаетъ ученика изъ класса, а по кодексу—прибѣетъ сначала, потомъ выгонитъ, да еще въ педагогическомъ совѣтѣ пожалуется. Разумѣется, такимъ образомъ дѣйствій учитель доказываетъ только свой метительный характеръ и отсутствіе всякаго уваженія къ самому себѣ.

А какова соразмѣрность наказаній въ «Правилахъ!.. Воровство, какъ мы видѣли, наказывается въ первой степени—*выговоромъ отъ совѣта*

съ угрозою розогъ, во второй—розгами, въ третьей—исключеніемъ. Лихоимство же—черной доской, черной книгою и, наконецъ, увольненіемъ по прошенію!.. А между тѣмъ, что же такое лихоимство, какъ не самый гнусный видъ воровства? И не должно-ли его наказывать строже ужъ и потому, что въ жизни всякаго гимназиста, когда онъ будетъ служить, представится гораздо болѣе поводовъ къ лихоимству, нежели къ простому воровству; слѣдовательно, при самомъ воспитаніи, въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, нужно какъ можно тщательнѣе слѣдить за проявленіемъ этого порока и уничтожать самые первые его зародыши. Какими же соображеніями руководился г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ, когда воровство такъ грозно каралъ сравнительно съ лихоимствомъ? Точно такъ же, оскорбленіе начальства требуетъ *розогъ и исключенія*, а «уничтоженіе письменныхъ распоряженій начальства» — только *карцера и увольненія*, которыя могутъ быть назначены, на примѣръ, и за *курение табаку*, наказываемое по «Правиламъ», «какъ нарушеніе благочинія и формы въ школѣ». Вотъ какого свойства *законность*, вводимая «Правилами»!

Такихъ несообразностей много въ «Правилахъ», но мы уже не станемъ разбирать ихъ въ подробности, потому что всѣ «Правила» — въ своей общности — составляютъ одну изумительнѣйшую несообразность съ здравымъ смысломъ. Предоставляемъ разборъ ихъ записнымъ педагогамъ. Мы же остановимся только на томъ, что прямо относится къ розгамъ, которыми мы занялись спеціально въ этой замѣткѣ... Въ отношеніи къ этому предмету есть еще весьма любопытныя вещи въ «Правилахъ».

Какъ вамъ понравится, на примѣръ, то, что г. Пироговъ заставляетъ самихъ же гимназистовъ низшихъ классовъ сѣчь своихъ товарищей, — то-есть, не руками сѣчь, а опредѣлять имъ наказаніе розгами. Странно, какъ это учрежденіе пресловутаго Ehrengericht могло совмѣститься съ розочными понятіями; но это совмѣщеніе — несомнѣнный фактъ. Подъ № 15, за оскорбленіе товарищей опредѣлено, кромѣ прошенія извиненія у обиженнаго съ удовлетвореніемъ его — въ первой степени для всѣхъ классовъ *выговоръ отъ совѣта*, во второй — выговоръ отъ совѣта съ угрозою розогъ, для низшихъ классовъ, и съ угрозою исключенія, для высшихъ, въ третьей — розги для низшихъ, а для высшихъ исключеніе. Внизу этого нумера приписано: «*опредѣленіе степени вины и наказанія предоставляется товарищамъ*». Такимъ образомъ, бѣдные мальчики принуждены выбирать одну изъ трехъ казней для своего товарища, и если они очень раздражены, то, опредѣляя *третью* степень, должны сами обречь товарища на порку!..

Какой миръ и согласіе должны послѣ этого господствовать въ классѣ!.. И вотъ какъ прививаются нашимъ дѣтямъ гуманныя чувства!..

Не забудемъ еще, что къ числу этихъ оскорбленій товарищей отнесенъ потомъ и *фанатизмъ*. Вспомнимъ и то, что такое постановленіе сдѣлано въ Кіевскомъ округѣ; гдѣ католиковъ въ гимназіяхъ едва-ли не больше, чѣмъ православныхъ. По крайней мѣрѣ, въ Кіевскомъ университетѣ въ прошломъ году было православныхъ только 376, а католиковъ 525, а извѣстно, что большая часть поступающихъ въ университетъ выходятъ изъ гимназій (въ нынѣшнемъ году въ Кіевскомъ университетѣ—864). Слѣдовательно, религіозные споры и столкновенія могутъ быть весьма часты; ихъ нужно бы устранять, примирять. А тутъ г. Пироговъ велитъ ученикамъ разсудить самимъ, высѣчь-ли товарища ихъ за религіозный фанатизмъ, или только выговоръ ему дать. Само собою разумѣется, что при этомъ классъ раздѣлится на два враждебные лагеря; католики будутъ говорить свое, русскіе — свое, и которыхъ больше, тѣ и побѣдятъ. Два-три случая такихъ—и раздраженіе товарища другъ противъ друга дойдетъ до неимовѣрной степени... Очень хорошо!

Но довольно. Намъ самимъ стало какъ-то скверно, когда мы погрузились въ этотъ грязный и темный омутъ, названный «Правилами о проступкахъ и наказаніяхъ». Боимся, чтобы того же самаго [не сдѣлалось съ читателемъ... Во всякомъ случаѣ читатель видитъ, что кодексъ г. Пирогова вполне противорѣчитъ той цѣли, какая объявлена самимъ его составителемъ. Втиснувъ всѣ дѣтскіе проступки въ 27 номеровъ и въ три степени, оговоривъ для каждаго по 2—4 смягчающихъ и усиливающихъ обстоятельства, г. Пироговъ надѣется устранить этимъ произволъ и разнообразіе взглядовъ на проступки въ разныхъ гимназическихъ начальствахъ. Какая наивность, достойная скорѣе какого-нибудь московскаго публициста, нежели автора «Вопросовъ жизни»! Какъ будто разница наказаній въ школахъ зависить, главнымъ образомъ, отъ разницы взгляда начальства на тотъ *родъ* проступковъ, къ которому данный случай относится!.. Вовсе нѣтъ. Всѣ начальники могутъ быть согласны въ теоретическомъ воззрѣніи на преступность, напримѣръ, дерзости. Но одинъ можетъ видѣть дерзость въ нарушеніи ученикомъ основныхъ правилъ школы, другой—въ противорѣчивомъ отвѣтѣ, третій—въ томъ, что мальчикъ смотритъ ему прямо въ глаза... То же самое и во всѣхъ другихъ случаяхъ. И повѣрьте, что и при нашемъ кодексѣ вовсе не устраняется возможность того, что въ гимназіяхъ будутъ сѣчь отъ 40 до 300 человекъ изъ 600!.. Повѣрьте, что не одни наказанія зависятъ отъ наказывающихъ, а не отъ наказываемыхъ, но и значительная доля самыхъ проступковъ. Не оттого только въ одной гимназіи больше дерутъ, а въ другой меньше, что въ одной смотрятъ на проступка иначе, чѣмъ въ другой... Нѣтъ, въ нихъ и ведутъ воспитанниковъ различно: къ чему въ одной гимназіи не

подають ни малѣйшаго повода, о чемъ въ ней и понятія не имѣютъ, съ тѣмъ ученики другой гимназіи сталкиваются каждый день, и часто поневолѣ должны измѣнять свое поведеніе. Съ человѣкомъ спокойнымъ, разсудительнымъ и благожелательнымъ трудно завести ссору и пойти на грубость и оскорбленіе. Но человѣкъ грубый, взбалмошный, безтолковый—хоть кого выведетъ изъ терпѣнія и вызоветъ на дерзость и даже на оскорбленіе болѣе существенное... Это одинъ видъ школьныхъ проступковъ; но въ жизни училища много и другихъ видовъ, которые точно такъ же обусловливаются общей организаціей школы и той обстановкой, въ какой находятся воспитанники... Вотъ на это-то и слѣдовало бы обратить вниманіе г. Пирогову. Какъ попечитель округа, онъ имѣлъ къ этому полную возможность.

Но оставимъ г. Пирогова съ его «Правилами» и скажемъ теперь нѣсколько словъ о себѣ и о той общественной морали, какая выводится изъ кievскихъ розогъ. Для этого обратимся къ началу нашей статьи и повторимъ: «время сказочныхъ богатырей давно прошло! Не нужно намъ ни сказокъ, ни богатырей! Стыдно тому, кто еще до сихъ поръ возлагаетъ свои надежды на какихъ-то современныхъ Добрынь и Еруслановъ!»

Да, стыдно человѣку современнаго общества быть столько малодушнымъ и наивнымъ, стыдно—это мы сами первые сознаемъ и заявляемъ публично. Не то горько намъ, что мы, превознося въ прошломъ году г. Пирогова, показали себя легковѣрными и увлекающимися, не то горько, что между нашими похвалами знаменитому педагогу оказалось нѣсколько незаслуженныхъ преувеличеній. Нѣтъ, насъ смущаетъ совершенно другое. Хвалить статьи г. Пирогова, восхищаться силою его логики, его послѣдовательностью и твердостью—мы имѣли полное право, и въ этомъ отношеніи намъ не въ чемъ раскаиваться. Но мы обнаружили крайнее тупоуміе и совершенное непониманіе жизни русской, когда осмѣлились выразить что-то въ родѣ надеждъ на практическую дѣятельность восхваляемаго писателя. Мы сами впали тогда въ примѣненіе къ нашему времени старинныхъ сказокъ о богатырѣ, побившемъ цѣлое войско... Сами не понимаемъ, какъ мы не сообразили тогда, что вѣдь это только въ сказкахъ и бываетъ... и намъ до сихъ поръ совѣстно за этотъ удивительный столбнякъ, нашедшій на насъ въ то время...

Но еще это все бы ничего: не тяжело публично сознаться въ своей ошибкѣ, которую самъ же первый и замѣтилъ, хотя и поздно. Главное горе вотъ въ чемъ: наши прошлогодніе восторги сдѣлали насъ участниками въ созиданіи того пьедестала мудрости, на которомъ возвышается теперь г. Пироговъ. Мы поставили его въ примѣръ практическимъ педагогамъ, мы указали одному изъ нихъ, сомнѣвавшемуся въ отвратительности розогъ, на непреклонныя, незыблемыя убѣжденія г. Пирогова, рѣ-

шително отвергшаго тѣлесное наказаніе, какъ педагогическую мѣру, и заклеившаго розги рядомъ энергическихъ, неопровержимыхъ силлогизмовъ... Теперь этотъ сомнѣвающийся педагогъ съ торжествомъ скажетъ намъ: «вы опирались на авторитетъ Пирогова; смотрите же, къ чему пришелъ онъ, какъ только коснулся практики... Невозможно уничтожить розгу въ гимназіяхъ!»... И сотни, тысячи подобныхъ сомнѣвающихся педагоговъ покончатъ съ своимъ сомнѣніемъ и рѣшатъ дѣло въ пользу розогъ, узнавъ о томъ, что *самъ Пироговъ* призналъ ихъ нужными и полезными... А сотни и тысячи другихъ, давно увѣренныхъ въ благотворности всякихъ экзекуцій, поднимутъ голову и, подъ защитою имени Пирогова, яростно накинѣтся на тѣхъ *мальчишекъ*, которые кричатъ противъ розогъ,—до тѣхъ поръ, какъ говорятъ, пока еще чувствуютъ боль отъ розогъ, ими самими полученныхъ... И сами эти *мальчишки*, при всей своей увѣренности, все-таки будутъ не мало сконфужены, когда увидятъ, что противъ нихъ выставленъ любимый авторитетъ ихъ, что ихъ поражаютъ ихъ же собственнымъ оружіемъ... Можетъ быть, многіе *мальчишки* и не найдутся, что сказать, и можетъ быть — нѣкоторые потеряютъ бодрость и согласятся съ почтенными старцами розго-раздателями.

Вотъ что надѣлали восхваленія и надежды, повсюду раздававшіяся въ честь г. Пирогова со времени появленія «Вопросовъ жизни», и мы, мы въ этомъ сдѣлались участниками!!.. Какъ хотите, а это очень горько!..

Потребность очистить себя отъ этого тяжелаго грѣха составляетъ для насъ нравственную необходимость. Вотъ почему мы поспѣшили обратить вниманіе нашихъ читателей на новыя тенденціи г. Пирогова, проявившіяся уже въ практической сферѣ. Вотъ почему считаемъ необходимымъ, для предупрежденія дальнѣйшихъ недоразумѣній подобнаго рода, высказать здѣсь еще нѣсколько мыслей о томъ, какъ здравомыслящему человѣку слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, смотрѣть на такъ-называемыхъ общественныхъ дѣятелей и насколько примыкать къ нимъ свою собственную дѣятельность.

Человѣкъ, сдѣлавшій, или даже только сказавшій что-нибудь хорошее,—есть, безъ всякаго сомнѣнія, человѣкъ, сдѣлавшій или сказавшій что-нибудь хорошее. Бранить его за это нельзя; напротивъ, нужно сказать, что его поступокъ хорошъ, или что слова его хороши. Но сказать это нужно не на вѣтеръ, не легкомысленно, а съ полнымъ сознаниемъ той общей идеи, въ силу которой вы утверждаете, что такое-то слово или дѣло хорошо. Не предавайте своей задушевной мысли, своего внутреннего убѣжденія—ни за какія всенародныя благодѣянія, ни за какіе всемірные подвиги, совершенные человекомъ. Если человѣкъ, спасшій отъ смерти тысячи голодныхъ бѣдняковъ, станетъ васъ увѣрять, что слѣдуетъ пользоваться плодами чужихъ трудовъ для собственнаго обогащенія,—не

вѣрьте ему, не считайте этихъ понятій правильными потому только, что вы слышите ихъ отъ *такого* человѣка. Не будьте дѣтьми и дикарями, и внутренней, прекрасной истины не превращайте въ безобразный кумиръ. Разсудите: вы уважали этого человѣка за то, что видѣли въ немъ *любовь* къ бѣднякамъ, желаніе *дать* имъ средства къ жизни; только въ силу этого пріобрѣлъ онъ свой авторитетъ предъ вами, внушилъ вамъ уваженіе къ себѣ. Не забывайте же этого. Какъ скоро вы видите въ немъ черты противоположныя, какъ скоро оказывается, что онъ *возстаетъ противъ* трудящихся бѣдняковъ, что онъ хочетъ *отнять* у нихъ средства къ жизни, добываемыя ими,—вы уже не смотрите на него, какъ на авторитетъ и т. п., а судите его, какъ и всякаго обыкновеннаго человѣка. Можетъ еще оставаться тутъ вопросъ личный: что же значить это противорѣчіе—перемѣну-ли, слабость-ли характера, или даже прежнюю неискренность? И если окажется, что все прежнее было неискренно, то нужно карать человѣка этого, какъ лицемеръ и негодяя; если же просто окажется онъ слабымъ или перемѣнчивымъ, то можно пожалѣть о немъ... Но все это будетъ дѣломъ чисто-личнымъ, и никакъ не должно быть примѣшиваемо къ суду объ общественномъ дѣлѣ, котораго онъ является защитникомъ или противникомъ... Тамъ нужно судить только о дѣлѣ, несмотря на то, кѣмъ оно защищается и кѣмъ оспаривается. Всѣ личныя уваженія здѣсь въ сторону! Если можно, то слѣдуетъ воздержаться и отъ всякаго увлеченія блестящею формою, въ которую иной умѣетъ облечь темное дѣло. Но ужъ на это, разумѣется, у кого умѣнья хватить... Очень многіе могутъ придти въ восторгъ отъ плохой музыкальной пьесы, искусно сыгранной отличнымъ музыкантомъ, и за это нельзя строго винить такихъ любителей музыки. Но если придется судить о самой пьесѣ, то, конечно, лучше отдѣлать личность исполнителя отъ сущности пьесы, потому что какъ бы исполнитель ни былъ хорошъ, но пьеса сама по себѣ не сдѣлается отъ этого лучше, чѣмъ какою она сотворена своимъ авторомъ...

Что же касается до опредѣленія собственной дѣятельности сообразно съ дѣятельностью извѣстнаго общественнаго авторитета,—тутъ, кажется, нужно еще болѣе осторожности и строгости, нежели при простомъ обсужденіи дѣла. Разумѣется, нѣтъ людей совершенныхъ и непогрѣшимыхъ, и потому, если мы сами не чувствуемъ себя въ силахъ проложить новую дорогу и вести по ней другихъ, то намъ, чтобы не стоять бесполезно на мѣстѣ, нужно идти за кѣмъ-нибудь, и для этого выбрать себѣ руководителя. Но, отправляясь за нимъ, мы все-таки должны заботиться всего болѣе о томъ, чтобы самимъ имѣть понятіе о цѣли пути и о самой дорогѣ. Кромѣ того, мы не должны думать, что въ этой дорогѣ руково-

датель нашъ будетъ насъ кормить, поить, одѣвать, и пр... Поэтому необходимо все-таки самимъ работать для себя, ни на мигъ не опускать руки и зорко смотрѣть впередъ и по сторонамъ. Говоря ближе къ разсматриваемому нами предмету,—нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти *другіе* были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками. Очень простительно и даже, можетъ быть, не бесполезно было всему свѣжему и порядочному въ средѣ русскихъ педагоговъ примкнуть къ г. Пирогову и дѣйствовать подъ его знаменемъ. Но все-таки само дѣло должно быть впереди. Какъ скоро является предложеніе сѣчь дѣтей за фанатизмъ, да еще по суду товарищей, тутъ уже все равно, кто бы ни сдѣлалъ это предложеніе—г. Миллеръ-Красовскій, г. Орловъ-Давыдовъ, или г. Пироговъ. Смущаться тутъ не слѣдуетъ, и тотъ, кто изъ уважаемаго человѣка не дѣлаетъ себѣ идола, никогда не смутится этимъ...

Но (последнее замѣчаніе) намъ могутъ сказать, что иногда слѣдуетъ прощать почтеннымъ личностямъ отдѣльные ихъ недостатки и даже не мѣшать ихъ ошибкамъ, изъ уваженія къ тому добру, которое они дѣлали и дѣлаютъ... Иногда это возможно, правда; но чрезвычайно рѣдко, и то въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, и то, если ошибки и недостатки болѣе касаются личности, нежели общаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшиться на такую поблажку, нужно строго и строго разсудить: до такой-ли степени важна и могуча дѣятельность такого-то почтеннаго лица въ общемъ ходѣ дѣлъ и до такой-ли степени значительны мы сами въ ряду общественныхъ явленій, чтобы отъ нашего болѣе или менѣе лицемѣрнаго и потачливаго обращенія съ такимъ-то лицомъ могъ измѣниться ходъ событій... Тутъ можно бы распространиться вообще о значеніи личностей въ исторіи; но это было бы ужъ слишкомъ длинно и, можетъ быть, неумѣстно. Удовольствуемся повтореніемъ того, что времена сказочныхъ богатырей прошли, что общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, иванушкину прошенью, и что отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться и самыя лучшія личности. Стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы приобрѣтемъ двѣ выгоды: не будемъ лжецами предъ самимъ собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идей г. Миллера-Красовскаго, даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдывать ихъ *самъ* г. Пироговъ.

ОТЪ ДОЖДЯ ДА ВЪ ВОДУ.

„Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ“.

И. ДМИТРИЕВЪ.

По случаю прощанья Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ, 4-го апрѣля нынѣшняго года, русская журналистика сочла нужнымъ вспомнить и меня съ моею статейкою: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами», напечатанною въ первой книжкѣ «Современника» прошлаго года. Очищая прощальную дорогу знаменитому хирургу и педагогу, нашли, что минута триумфальнаго удаленія его будетъ очень удобна для того, чтобы бросить нѣсколько комковъ грязи въ темнаго журналиста, осмѣлившася когда-то жестоко отозваться объ одномъ изъ распоряженій г. Пирогова ¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ, какъ бы опасаясь не попасть въ такую маленькую цѣль, нѣкоторые господа придумали — къ подписи моей статьи — *безъ* прибавить еще три слога и такимъ образомъ обращались уже не къ имени, которымъ подписана статья, а къ г. Добролюбову. Такъ, напримѣръ, сдѣлалъ г. Драгомановъ, въ 54 № „Русской Рѣчи“. Г. Драгомановъ (какъ видно изъ брошюрки „Прощаніе Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ“) — студентъ одного изъ первыхъ курсовъ университета, а потому для будущей его дѣятельности въ литературѣ (къ которой онъ, повидимому, имѣетъ наклонность) не мѣшаетъ ему узнать кое-что о литературныхъ приличіяхъ. Видите-что. Мы всѣ желаемъ, конечно, самой рѣшительной и полной гласности во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, и жаловаться на нее, въ этихъ случаяхъ, я считаю недостойнымъ чело-вѣка, хоть сколько-нибудь уважающаго себя. Но въ отношеніяхъ частныхъ, семейныхъ и личныхъ — усердіе къ гласности должно, по-моему, быть сдерживаемо нѣкоторымъ чувствомъ деликатности. Если приверженцы г. Пирогова нашли въ моихъ словахъ уголовное преступленіе, пусть начинаютъ судебный искъ — я не спрячусь за свою полуподпись, я явлюсь къ суду и не буду противиться обнародованію процесса съ моимъ полнымъ именемъ. Если, по мнѣнію господъ, вооружающихся противъ меня, поступокъ мой не подходитъ подъ тѣ, которые караются закономъ, но тѣмъ не менѣе остается возмутительнымъ и невыносимымъ для нихъ, — пусть требуютъ отъ меня какихъ-угодно личныхъ удовлетвореній: я опять не откажусь объявить мое имя и адресъ. Но покамѣстъ дѣло остается въ предѣлахъ литературнаго спора, я не могу признать за моими

Долгое время не бывши въ Петербургѣ, я только надняхъ могъ прочитатъ нѣкоторыя изъ статей, написанныхъ противъ меня по поводу кievскихъ «Правиль о проступкахъ и наказаніяхъ». Не ради этихъ статей, слишкомъ легкихъ и бездоказательныхъ, и не ради самого г. Пирогова, навѣрное лучше другихъ понявшаго сущность моихъ возраженій,—но ради самого дѣла, которое теперь, по удаленіи г. Пирогова, остается въ ббольшей опасности, чѣмъ какъ было при немъ,—я рѣшаюсь снова поднять старый вопросъ, пользуясь для своихъ объясненій полемиическими статьями противъ меня.

Я не знаю, долженъ-ли оправдываться противъ обвиненій, будто я написалъ свою статейку съ намѣреніемъ унижить и оскорбить г. Пиро-

возражателями права называть меня произвольными именами. Кромѣ того, что эта бреттѣрская привычка не хороша уже сама по себѣ, какъ свидѣтельство полицейскаго неуваженія къ инкогнито,—я нахожу въ ней слѣдующія два неудобства для моей личности. Во-первыхъ, разъ допустивши произвольную подстановку фамиліи писателя, нельзя уже будетъ остановить порывовъ журнальнаго остроумія... Вотъ, на примѣръ, г. Драгомановъ, припомнивъ, кажется, одну изъ комедій фонъ-Визина (Бригадиръ: *Добролюбовъ, любовникъ Софьи*), называетъ меня Добролюбовымъ, а какой-то другой господинъ (въ „Сынѣ Отечества“, кажется, или, можетъ быть, въ „Иллюстраціи“), вдохновляясь очевидно другой комедіею фонъ-Визина (Недоросль: *Скотинины всѣхъ родовъ крѣпколобы*)—увѣряетъ, что моя фамилія—*Крѣпколобовъ*. Третій послѣ этого скажетъ, что я—*Деризубовъ*, четвертый—*Подлолюбовъ*, и т. д. Все это будетъ, конечно, ни мало не остроумно, но то-то и дурно... Второе обстоятельство вотъ какое: пока вы говорите о—*бова*, вы говорите о его статьѣ и о томъ, что можно заключить изъ статьи,—и только. Тутъ я васъ не боюсь: вы можете меня не понять, исказить, оклеветать—вамъ же хуже. Публика имѣетъ предъ глазами мою статью, мы судимся открыто и гласно, наши шансы равны. Но когда вы, вмѣсто моей подписи, называете полную фамилію (вѣрно или невѣрно—все равно), публика видитъ, что у васъ были какія-то частныя свѣдѣнія объ авторѣ, кромѣ того, что извѣстно всѣмъ изъ печати. И если вы, говоря о статьѣ—*бова*, увѣряете, что г. Добролюбовъ—умный человекъ, но поборникъ либеральнаго деспотизма, и затѣмъ даете видѣть, что онъ легкомысленъ и неблагонамѣренъ, то вѣдь читатель то въ правѣ подумать, что вы все это говорите—или по личному знакомству съ г. Добролюбовымъ, или по достовѣрнымъ частнымъ свѣдѣніямъ. И вслѣдствіе того читатель можетъ рѣшить: „конечно, изъ статьи—*бова* не видно того, что выводитъ объ авторѣ г. Драгомановъ, но, какъ видно, онъ имѣетъ и другія данныя для характеристики г. Добролюбова,—надо ему повѣрить“... И вамъ не совѣстно было бы, г. Драгомановъ, подобнымъ путемъ пріобрѣсть довѣріе читателя, когда вы и сами-то, вѣроятно, имѣете обо мнѣ развѣ лишь самыя смутныя свѣдѣнія, перешедшія черезъ Богъ знаетъ сколько рукъ!.. Кстати, для предостереженія публики отъ подобныхъ вамъ господъ, я замѣчу здѣсь (преодолевая неохоту говорить о себѣ), что кромѣ трехъ или четырехъ литераторовъ, съ которыми одними я по моимъ занятіямъ веду постоянныя сношенія, хоть мнѣ и приходилось встрѣчаться со множествомъ другихъ, но разговоры наши обыкновенно ограничивались взаимными вѣжливостями, и въ разсужденія обо мнѣ и моихъ литературныхъ занятіяхъ я никогда ни съ кѣмъ изъ нихъ не пускался. Изъ печатныхъ же отзыовъ обо мнѣ (въ послѣднее время довольно частыхъ) я вижу, что эти господа не имѣютъ понятія не только о моемъ характерѣ, но даже и объ образѣ мыслей. Поэтому мнѣ очень странно, что такъ безцеремонно поступили со мною г. Драгомановъ, о существованіи котораго узналъ я изъ его статейки, и „Русская Рѣчь“, ни одного изъ редакторовъ которой я и въ глаза не видывалъ.

гова. Можетъ быть, и надо бы: вѣдь рѣдко кто захочетъ провѣрить обвиненія и для этого перечитать статейку, напечатанную полтора года тому назадъ,—въ этомъ положеніе мое передъ обвинителями очень невыгодно. Притомъ же «Современникъ» вообще извѣстенъ тѣмъ, что находитъ ехидное наслажденіе въ попираніи всякихъ заслугъ, въ опозореніи всего священнаго и возвышеннаго, въ «облаяніи» всякой благородной личности! Объ этотъ такъ часто и такъ усердно кричали, что робкихъ людей можетъ быть и увѣрили... Поэтому неудивительно, что иные читатели весьма серьезно примутъ, напримѣръ, такія выходки: «Отечественныя Записки» говорятъ, что г. Пироговъ, «былъ предметомъ оскорбительной статьи» въ «Современникѣ», и затѣмъ даютъ мнѣ совѣтъ: «не торопитесь, не обращая вниманія на среду, въ которой они (люди подобные г. Пирогову) дѣйствуютъ, *бросать въ нихъ камни и грязь*» («Отечественныя Записки» IV, стр. 62). Въ VI № тѣ же «Отечественныя Записки» «съ искреннею благодарностью» помѣщаютъ письмо какого-то Е. Суд., который выражается такъ: «*самымъ недѣлкатнымъ образомъ*, во имя либерализма и гуманности, г.—*бо въ* отнесся къ г. Пирогову» (стр. 183). «Не больно-ли, когда какой-нибудь *журнальный крикунъ*, во имя либерализма и гуманности, *вздумаетъ посягать* на такую личность, какъ Пироговъ?» (стр. 142). Г. Драгомановъ также читаетъ мнѣ свысока назиданіе: «Не мѣшало бы *имѣть побольше дѣйствительнаго уваженія къ личности* и долго подумать, прежде нежели окрестить челоуѣка *обиднымъ прозвищемъ плантатора*. А то мы всѣ какъ-то много фразерствуемъ о гуманности, а между тѣмъ *слишкомъ торопимся негуманно обращаться съ лицами*, особенно во имя гуманной идеи. Это наконецъ начинаетъ надоѣдать. Пора отъ этого отдѣлаться» («Русская Рѣчь», № 54, стр. 29).

Ну, словомъ, я—обидчикъ, крикунъ, клеветникъ; мое призваніе состоитъ въ томъ, чтобы *посягать* на благородныя личности и бросать въ нихъ грязью и камнями... Что жъ мнѣ съ этимъ дѣлать? Защищаться? Противно очень, да по всей вѣроятности и бесполезно: вѣдь кого интересуеть задѣтый вопросъ, тотъ можетъ и справиться съ моею прошлогодней статьей, а кто не интересуется, такъ для того что же и хлопотать? Меня же лично эти обвиненія нисколько не беспокоятъ: крики о страсти журнала, въ которомъ я пишу, къ поруганію всего высокаго сдѣлались уже такимъ неизбѣжнымъ общимъ мѣстомъ всякой полемики противъ насъ, что я бы очень удивился, если бы журнальная братія не воспользовалась такимъ великолѣпнымъ случаемъ, какъ моя статья о «Всероссійскихъ иллюзіяхъ».

Да, впрочемъ, что же и за дѣло публикѣ до моихъ тайныхъ намѣреній? Я могъ бы доказать, положимъ,—что писалъ статью свою съ наилучшими расположеніями; но если она вышла несправедливо-оскорбительна, все-таки мнѣ пришлось бы сознаться въ дурномъ поступкѣ и просить прощенія. Отсутствіе злонамѣренности могло бы служить только облегчающимъ обстоятельствомъ. Но я беру самый фактъ и утверждаю, что статья моя не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для честнаго и правдиваго дѣятеля, какимъ представляется намъ г. Пироговъ,—и, несмотря на всѣ противные крики, несмотря на послѣдующія объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, несмотря на охлажденія первыхъ впечатлѣній,—я ничего не могу взять назадъ изъ этой статьи.

Часто случалось мнѣ слышать упреки, что я обращаюсь къ почтеннымъ лицамъ въ небрежномъ и насмѣшливомъ тонѣ: тонъ статейки о г. Пироговѣ не можетъ подвергнуться даже этому упреку. Въ серьезности и горячности тона именно и высказалось то глубокое уваженіе, которое питалъ я къ г. Пирогову, и то огорченіе, которое почувствовалъ я при видѣ жалкаго факта, допущеннаго и освященнаго его авторитетомъ. Незадолго до того, восхищаясь непреклонной логикой автора «Вопросовъ жизни» и свѣтлымъ его взглядомъ, я вмѣстѣ съ другими предавался, противъ моего обычая, безразсудной иллюзіи, что вотъ *этотъ-то* человекъ можетъ неуклонно провести свои взгляды на практикѣ и одолѣть сопротивленіе среды. Это я высказалъ тогда и печатно, въ назиданіе профессора Киттары, который, при всей своей гуманной репутациі, показался мнѣ на практикѣ весьма несостоятельнымъ. Но горькій опытъ разрушилъ восторженныя иллюзіи: и г. Пироговъ оказался слабымъ передъ средою, и онъ уступилъ, уступилъ не въ мелочи, а въ принципѣ, уступилъ въ томъ, противъ чего рѣшительно и ясно заявлялъ свое мнѣніе прежде. Я увидѣлъ, что, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, я преувеличивалъ свои надежды, увидѣлъ, что напрасно считалъ возможнымъ для одного человека побѣду надъ мрачною средою, окружающею всѣхъ насъ, и счелъ нужнымъ высказать это для заявленія своего мнѣнія предъ тѣми, которые, можетъ быть, мною же отчасти введены были въ ошпбку, подобную моей. Поэтому смыслъ всей статьи вышелъ таковъ; вотъ мы бѣгаемъ за разными авторитетами, воображая получить отъ ихъ все, чего желаемъ: увлеченіе, достойное наивнаго дѣтства! Суровый опытъ говоритъ намъ постоянно, что подъ давленіемъ нашей среды не могутъ устоять самыя благородныя личности; посмотрите—вотъ одна изъ лучшихъ, Н. И. Пироговъ;—а между тѣмъ, съ своимъ комитетомъ онъ принужденъ постановлять закономъ то, что прежде самъ же объявлялъ несправедливымъ и дикимъ. Горько будетъ, если и въ этомъ несчастномъ уклоненіи послѣдуютъ за нимъ тѣ, которые шли за нимъ

по прямой дорогѣ... И заключеніе статьи состояло въ предостереженіи, которое я позволю себѣ выписать здѣсь.

«Нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать дѣло сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти *другіе* были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками... Времена сказочныхъ богатырей давно прошли, общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, иванушкину прошенью,—отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться даже самыя лучшія личности; стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы приобретаемъ двѣ выгоды: не будемъ лжецами предъ самими собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идеи г. Милдери-Красовскаго, даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдывать ихъ *самъ* г. Пироговъ».

Чѣмъ же могъ бы тутъ оскорбиться г. Пироговъ? Неужели тѣмъ, что изъ него не дѣлаютъ и не совѣтуютъ дѣлать кумира? Неужели тѣмъ, что убѣждаютъ принимать сознательно и съ критикою его мнѣнія? Неужели тѣмъ, что вызываютъ свѣжія силы—не откликнутся-ли онѣ изъ той самой среды, мертвящему вліянію которой долженъ былъ уступить самъ г. Пироговъ, дѣйствительно приобретшій себѣ на Руси репутацію характера твердаго и непреклоннаго.

«Нѣтъ»—говорятъ намъ наши противники,—не то было оскорбительно въ статьѣ, а вотъ что: въ ней нападали на Пирогова, какъ будто на измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ, а между тѣмъ онъ имъ вовсе не измѣнялъ, а только уступилъ—во-первыхъ, большинству комитета, а во-вторыхъ—статьямъ училищнаго устава, которыхъ онъ не въ правѣ былъ отмѣнить». По мнѣнію г. Праздношатающагося, въ «Отечественныхъ Запискахъ», г. Пироговъ этимъ обстоятельствомъ совершенно оправдывается, а по увѣренію гг. Е. Суд. и М. Драгоманова, даже особенно возвышается. Г. Драгомановъ пространно разсуждаетъ, что «это подчиненіе коллегіи, не отрицательно только хорошій фактъ, не порокъ только, но добродѣтель. Пироговъ не только подчинился рѣшенію коллегіи, которую создалъ,—*онъ не хотѣлъ иначе дѣйствовать, какъ посредствомъ коллегіи*¹⁾. На коллегіальномъ принципѣ основана была вся его дѣятельность, въ этомъ главная его заслуга»... и пр... Тоже говоритъ и г. Е. Суд.—«Пироговъ уступилъ большинству. За такія уступки его еще болѣе стали уважать люди, разумно слѣдившіе за ходомъ его общественной дѣятельности. Мы

¹⁾ Курсивъ у автора.

видѣли въ Пироговѣ начальника, который уважаетъ общее мнѣніе, никому не навязываетъ своего», и пр., и пр.

Изъ этого, разумѣется, и выходитъ, что я—поборникъ либеральнаго деспотизма, что, по моему, Пироговъ долженъ былъ произвольно отвергнуть мнѣніе комитета и заставить всѣхъ насильно быть гуманными. Характеризуя мое направленіе, гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ доходятъ до удивительнаго и трогательнаго *единогласія*. Одинъ гласитъ:

«Пора намъ понять, что мало пользы приносятъ и возмутительны Калиновичи, которые, считая себя «высшими организмами относительно всей этой массы», ломаютъ ее съ озорниковскимъ *roug leur bien*, что недалеко ушли эти господа цивилизаторы отъ ремесленниковъ, которые бьютъ своихъ учениковъ, говоря: «тебя же, дурака, добру учать» («Русск. Рѣчь», стр. 30).

Такъ же точно и г. Е. Суд. провозглашаетъ, что, по-моему, Пироговъ долженъ былъ «оказаться либеральнымъ черезчуръ, или, пожалуй, щедринскимъ озорникомъ, высшимъ организмомъ относительно всей этой массы, благодаря неусыпному попечительству котораго мужикъ понимаетъ, что и онъ—ничего, и сходъ его—ничего... и только просвѣщенный взглядъ администратора можетъ освѣтить этотъ хаосъ» и пр. («От. Зап.», стр. 140). Все это почтенный г. Е. Суд., для большей убѣдительности, пропечаталъ даже курсивомъ.

«Мы много фразерствуемъ о гуманности, а сами торопимся слишкомъ негуманно обращаться съ лицами, особенно во имя гуманной идеи; пора отъ этого отдѣлаться»,—воскликаетъ г. Драгомановъ. Да, г. Драгомановъ,—пора: вотъ хоть бы вамъ, или г. Суд., прежде чѣмъ бросать въ меня стрѣлы своего краснорѣчія, что бы хоть перелистовать мою статейку!.. Вы бы тогда и увидали, что краснорѣчіе ваше тратится понапрасну, мало того — что оно даже отзывается недобросовѣстностью. Кто васъ прочтетъ, тотъ вѣдь подумаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ обрушился на одного г. Пирогова, что о комитетѣ и коллегіальномъ принципѣ я, можетъ быть, и не зналъ, и не думалъ совсѣмъ... А между тѣмъ, въ статейкѣ моей нападенія вовсе не обращены исключительно на г. Пирогова: иной разъ говорится: «г. Пироговъ», а въ другой—«кіевскій комитетъ», «кіевскіе педагоги», или просто «правила», или же—«г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ». Мало того, — вѣдь весь смыслъ статейки состоялъ въ томъ, что «вотъ какъ подчиняется у насъ вліянію неблагоприятной среды дѣятельность даже самыхъ лучшихъ людей». Выходитъ, что ярые защитники благородной личности г. Пирогова совершенно напрасно поторопились обозвать меня озорникомъ, Калиновичемъ (и дался же имъ этотъ Калиновичъ—точно безсмертный типъ какой!) и

пр. Выходитъ, что я нападалъ не на личность, а на комитетъ, и на Пирогова, какъ на его предсѣдателя, слѣдовательно, какъ на одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ, да еще притомъ заявившаго себя незадолго передъ тѣмъ цѣлой Россіи отвращеніемъ отъ тѣхъ мѣръ, какія въ комитетѣ были допущены. Въ попыхахъ негодованія, мои жаркіе противники просмотрѣли это обстоятельство и не могли придумать для моей статьи лучшаго мотива, какъ «теорію либеральнаго деспотизма». Вотъ попали-то!..

А впрочемъ, я даю поводъ подозрѣвать, что я увертываюсь: вѣдь статья моя точно отзывается очень жестко о г. Пироговѣ, какъ будто о человѣкѣ, имѣвшемъ возможность поступить иначе, чѣмъ онъ поступилъ. А поступить иначе онъ могъ, только послѣдовавъ «теоріи либеральнаго деспотизма», или, что все равно, «принципамъ г. Добролюбова», выведеннаго на свѣтъ божій г. Драгомановымъ. Ясно, стало быть, что я осердился на благородную личность именно за то, что она не оказалась такимъ «озорникомъ», какъ я...

На это я могъ бы возразить, что не всѣ такъ узко понимаютъ меня; «Отеч. Записки», на примѣръ, сообразили, что, по моимъ требованіямъ, г. Пироговъ долженъ былъ бы выдти въ отставку, видя невозможность провести на практикѣ свои убѣжденія. Поэтому онѣ возражаютъ: «что будетъ съ нами, если честные дѣятели, изъ за того, что имъ невозможно вдругъ, всецѣло осуществить своихъ благородныхъ стремленій, покинуть дѣло и удалятся съ поприща дѣйствительной дѣятельности, на которомъ, къ сожалѣнію, они и безъ того долго не остаются?»... Вотъ то-то и есть, что не остаются, — замѣчу я кстати: не оттого-ли и не остаются, что ужъ слишкомъ податливы? Вѣдь если бы всѣ умные и честные дѣятели приняли за правило — вступать въ общественную дѣятельность не иначе, какъ съ условіемъ развивать свою программу, такъ ихъ программа скорѣе пошла бы въ ходъ, потому что, какъ хотите, а безъ честныхъ и умныхъ дѣятелей никакъ не обойдешься, ни въ какой отрасли общественной жизни. Самое ихъ удаленіе было бы, во первыхъ, живымъ протестомъ, во-вторыхъ, свидѣтельствомъ ихъ независимой силы и, въ-третьихъ, горькимъ урокомъ для тѣхъ, которые до сихъ поръ привыкли пользоваться ихъ услугами, въ то же время налагая различныя «уступки» на ихъ убѣжденія...

Впрочемъ, рѣчь шла и не объ этомъ. Радикальная теорія могла бы, конечно, доказать, что для г. Пирогова и для Россіи, или, по крайней мѣрѣ, для Кіевскаго учебнаго округа, было бы вовсе не бесполезно, если бы г. Пироговъ рѣшился скорѣе отказаться отъ своей должности, нежели допускать водвореніе нелѣпости, противъ которой самъ же вооружался...

Но я, признаюсь, даже и этого не имѣлъ въ виду: куда намъ до такихъ воззрѣній!.. Мотивъ моихъ нападеній, насколько они касались г. Пирогова, былъ гораздо проще и ближе къ обыкновенному житейскому пониманію. Онъ состоялъ вотъ въ чемъ:

Г. Пироговъ не просто уступилъ рѣшенію комитета, не просто склонился предъ необходимостью... Онъ не сталъ просто въ пассивное положеніе человѣка, которому связали руки; нѣтъ, онъ и со связанными руками бросился впередъ, чтобы заслонить собою тѣхъ, которые его связали... Ну, естественно, что сильнѣйшіе удары и пришлись по нему... Кто писалъ предисловіе и текстъ объясненій къ «таблицѣ наказаній»? Н. И. Пироговъ.—Отъ чьего лица пишетъ онъ? коллективно или нѣтъ?—Нѣтъ, онъ говоритъ: «я предполагаю», «я нахожу»... Значить, основанія «Правиль»—его. Мало того, въ заключеніе предисловія онъ говоритъ: «я предлагаю дирекціямъ... слѣдующія положенія комитета, *вполнѣ раздѣляемыя и мною*» (Ж. для восп., 1859, № XI, стр. 112). И противъ этихъ словъ нигдѣ нѣтъ никакого протеста, никакой оговорки. Скажите, добрые люди,—такой образъ дѣйствій тоже необходимо требовался, чтобы не впасть въ «либеральный деспотизмъ», не сдѣлаться «озорникомъ», и пр.?.. Кажется, никто, ни въ какихъ комитетахъ, никогда не обязывался мгновенно дѣлаться рыцаремъ противныхъ убѣжденій, какъ скоро они утверждены большинствомъ. Г. Пироговъ могъ уступить рѣшенію комитета, но могъ тутъ же, ясно и рѣшительно, заявить пункты своего несогласія съ нимъ. Тогда бы вышло совсѣмъ другое: отсталость кіевскаго комитета и училищнаго устава не покрывалась бы гуманнымъ авторитетомъ г. Пирогова, и не было бы намъ съ г. Е. Суд. никакой причины горячиться... Но г. Пироговъ этого не сдѣлалъ... Да что же я говорю—не сдѣлалъ?.. Онъ, напротивъ, постарался мотивировать ненавистный параграфъ о розгахъ... Чѣмъ же? Тѣмъ-ли, что комитетъ желаетъ ихъ удержать, и что попечитель не имѣетъ права измѣнять училищнаго устава? Нѣтъ, а тѣмъ, что 1) нельзя *вдругъ* вывести розгу изъ употребленія, 2) *трудно* придумать что-нибудь вмѣсто нея, 3) въ школу поступаютъ дѣти, *уже стѣченныя дома*, 4) въ нѣкоторыхъ случаяхъ проступки требуютъ *сильнаго мгновеннаго сотрясенія*...

Такимъ образомъ, г. Пироговъ дѣлается предъ судомъ публики (имѣющей полное право не знать интимностей комитета) не человѣкомъ «съ болью въ сердцѣ вырвавшимъ у самого себя уступку», а просто-на-просто сообщникомъ кіевскихъ педагоговъ (мудрость которыхъ мы еще увидимъ впереди,—по подлиннымъ свидѣтельствамъ самихъ кіевлянъ). И, послѣ этого, я виноватъ, что не отдѣлилъ тайныхъ убѣжденій г. Пиро-

гова отъ того, что онъ редижировалъ для комитета? Да какое же мнѣ-то было дѣло до тѣхъ его убѣжденій, которыхъ онъ самъ знать не хотѣлъ? Вы можете кричать на меня, сколько вамъ угодно, а я, по совѣсти говоря, не раскаиваюсь теперь даже въ тѣхъ ироническихъ фразахъ, въ которыхъ говорилось, что, вѣроятно, среди кievскаго комитета г. Пироговъ нашелъ какое-то удобство въ розгѣ и быстро убѣдился въ ея полезности.

Но, если ужъ пошло на то, чтобы пристыдить васъ, господа противники «принциповъ г. Добролюбова»,—я вамъ скажу, что я въ своей статейкѣ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ отъ меня требовалось: я проникъ въ то, во что могъ бы и не заглядывать. Видите-ли, въ одномъ мѣстѣ моей статьи (стр. 266) я говорилъ: *«только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно, до нѣкоторой степени, оправдать тѣ противорѣчія, какія встрѣчаются въ каждой строчкѣ «Правилъ», тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи»*. Въ числѣ этихъ противорѣчій было указано мною слѣдующее: причиною допущенія розги выставлена, между прочимъ, потребность сильнаго *мгновеннаго* сотрясенія, и потому, оно должно слѣдовать *непосредственно, безотлагательно* за проступкомъ; а между тѣмъ, розга назначается не иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта, послѣ разслѣдованія и обсужденія дѣла... Въ «Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія Правилъ» (рекомендуемомъ мнѣ г. Драгомановымъ, который даже сожалѣетъ, что я не читалъ его, когда писалъ свою статью?), г. Пироговъ самъ сознается въ слѣдующемъ: *«Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что намъ указали нѣкоторые на противорѣчіе въ «Правилахъ», относящееся до тѣлеснаго наказанія. Мы приняли, что это наказаніе тогда только можетъ достигнуть цѣли, когда оно будетъ употребляться безотлагательно, и вслѣдъ за проступкомъ, а между тѣмъ опредѣленіе его предоставили педагогическому совѣту. Это дѣйствительно противорѣчіе, но такое, которое говоритъ само за себя. Мнѣ оно казалось необходимымъ. Когда большинство въ комитетѣ сочло невозможнымъ уничтожить совсѣмъ тѣлесное наказаніе, то это противорѣчіе выразило мой личный протестъ, который долженъ былъ напомнить педагогическимъ совѣтамъ, какого я мнѣнія о розгѣ. Вотъ и все»* (Ж. для восп.» 1861 г. № IV, стр. 216).

Прочли-ли это мѣсто мои возражатели? Если прочли, то какъ же они не замѣтили, какъ оно для меня благопріятно! Вѣдь нельзя не согласиться, что *протестъ* г. Пирогова былъ уже слишкомъ тонокъ, такъ что кромѣ меня, дѣйствительно, едва-ли кто и замѣтилъ его. А я замѣтилъ и указалъ печатно—позвольте ужъ похвалиться этимъ!.. Или, напротивъ, и тутъ я виноватъ въ чемъ-нибудь?

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, что бы ни говорили о неприличіи моего обращенія съ г. Пироговымъ, — дѣло разъясняется въ мою пользу, или, лучше сказать, въ пользу самаго дѣла: издавая свои «Правила», г. Пироговъ не только не протестовалъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ, но даже сказалъ, что *вполнѣ раздѣляетъ* мнѣнія комитета, даже принялся ихъ оправдывать; это многихъ могло ввести въ заблужденіе (и вводило) и заставить думать, что г. Пироговъ дѣйствительно оправдываетъ розгу, какъ полезную мѣру наказанія. Теперь г. Пироговъ уже положительно объявляетъ, что онъ питаетъ къ розгѣ прежнее отвращеніе и никогда не переставалъ питать его, но что ему дѣлать было нечего противъ комитета. Съ этой стороны, значитъ, можно быть спокойнымъ: педагоги розочныхъ принциповъ не имѣютъ за себя, по крайней мѣрѣ, авторитета г. Пирогова.

Вотъ я и покончилъ съ моими строгими судьями. Но дѣло мое только что начинается. Вообразите, — вѣдь розгу все-таки отстаиваютъ!..

«Какъ же это, однако, — восклицаетъ читатель: — послѣ всего, что сказали сами поборники г. Пирогова, послѣ его собственныхъ признаній, — кто же еще можетъ отстаивать розгу? Вѣдь они ужъ всѣ объяснились, что и рады бы, да нельзя, или, какъ говоритъ г. Сухаревъ (это тоже нашъ антагонистъ) въ «Русской Рѣчи»: «хотѣли бы, да Фатей не велить!»... Ну, послѣ этого ужъ и молчи»...

Читатель оказывается недогадливымъ: онъ забываетъ *среду*. *Среда* требуетъ, читатель: какъ же ея не послушаться?

Вы опять удивляетесь: «какъ, законодатель долженъ постановлять нелѣпыя законы, если среда нелѣпа, долженъ освящать закономъ всякія гадости, если къ нимъ среда привыкла!.. Да вѣдь онъ на то и законодатель, чтобы»...

Позвольте, читатель, — вы слишкомъ торопитесь. Я сейчасъ объясню вамъ, въ чемъ дѣло.

Въ моей статейкѣ было замѣчено, что остановить сѣченіе въ школахъ вовсе не такая ужъ невозможность, какъ многимъ кажется: «попечитель могъ положить, чтобъ не сѣкли, — и не стали бы сѣчь». Эта послѣдняя фраза, дѣйствительно, слишкомъ отважная и вызванная именно преувеличеннымъ довѣріемъ къ моральной силѣ и вліянію г. Пирогова, — послужила, кажется, однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ возстанію на меня.

Разумѣется, еслибъ мнѣ просто сказали: «гдѣ же, дескать, попечителю усмотрѣть за всѣми въ одиннадцати гимназіяхъ округа», — такъ мнѣ бы и возражать нечего было. Но нѣтъ, г. Драгомановъ, подхватившій мою фразу, не съ этой стороны напалъ на нее, а забралъ гораздо выше: «воспрещать сѣчь, это, видите-ли, значить приказывать учителямъ насильно быть либералами», т.-е., опять-таки «дѣйствовать по принципамъ г. Добролюбова». А ужъ это—чего хуже!..

Мы съ вами, простосердечный читатель, думали до сихъ поръ, что есть разница между положительными и отрицательными фразами. Оказывается, что никакой. Вы не допускаете вора стянуть вашъ кошелекъ,—вы, значить, насильно заставляете его быть честнымъ человѣкомъ; вамъ запрещаютъ драться,—хотятъ изъ васъ насильно сдѣлать либерала... Если вы встрѣтите на улицѣ г. Козлянинова, тузящаго женщину или ребенка,—вы, можетъ быть, почувствуете порывъ отнять у него беззащитную жертву? Удержите же вашъ порывъ, если не хотите заслужить обвиненія «въ послѣдованіи принципамъ г. Добролюбова». Вы разсудите, что вѣдь у насъ *среда такая*: дерутся, да и только... Ну, положимъ, вы и прекратите безобразіе на улицахъ: что же изъ того? Вѣдь дома—мужья женъ бьютъ, отцы—дочерей, разные франты—своихъ любовницъ; а ужъ если дома дерутся, то какъ же на улицѣ-то воспретить? Оно хорошо бы, слова нѣтъ,—очень бы хорошо, да еще никакъ нельзя: хоть и воспретить на бумагѣ, а на дѣлѣ все будетъ продолжаться... Обратитесь къ городовымъ и спросите: есть-ли возможность предупредить драки на улицахъ и оскорбленіе женщинъ?—«Никакой возможности,—отвѣтятъ вамъ городовые, по большинству голосовъ:—ибо, дескать, у насъ ужъ грубость нравовъ такая»... Что дѣлать въ этомъ случаѣ?.. Ясно что: разсмотрѣть различные случаи публичныхъ ссоръ и оскорбленій, подвести ихъ подъ рубрики и, по совѣщаніи съ городовыми, постановить правила, въ какихъ случаяхъ г. Козляниновъ имѣетъ право тузить публично женщинъ и дѣтей, въ какихъ нѣтъ.

Вы думаете, мы это на смѣхъ выдумали? — вовсе нѣтъ. Я думаю, что если бы спросить объ этомъ мнѣніе, напр., г. Драгоманова, такъ онъ разсудилъ бы именно такимъ образомъ. Посмотрите, напр., какъ онъ доказываетъ необходимость узаконенія розги.

«Намъ могутъ привести еще одно возраженіе: какъ ни толкуй, а дѣтей все-таки сѣкутъ.—*Это, конечно, очень прискорбно.* Но (внимайте же!), во-первыхъ, сѣкутъ гораздо меньше (радость-то какая!). Во-вторыхъ, количество высѣченныхъ въ гимназіяхъ (27 гимназистовъ)—капля въ морѣ сравнительно съ высѣченными дома (ну да,—количество побитыхъ г. Козляниновымъ съ компаніею, — что же значить въ сравненіи

съ числомъ тѣхъ, кому дома задають потасовку!): родители, все-таки, не перестаютъ сѣчь своихъ дѣтей. *Что дѣлать, если общество такъ неразвито* (конечно, другого нечего и дѣлать, какъ утвердить его закономъ въ его неразвитости!). Вотъ два примѣра (г. Левъ Камбекъ могъ бы насчитать и больше). Въ Полтавской губерніи, говорилъ намъ чело-вѣкъ, близко знакомый съ дѣломъ, многіе родители взяли своихъ дѣтей изъ одного уѣзднаго училища, слышавъ, что тамъ ужъ не сѣкутъ; въ К—ѣ процвѣтаетъ *частный* пансіонъ, въ которомъ воспитываются маль-чики довольно богатыхъ родителей и въ которомъ ученикамъ дѣлается систематическая порка (ясно, что именно этотъ пансіонъ и долженъ слу-жить образцомъ для кievскихъ педагоговъ!). Въ-третьихъ—наказаніе роз-гами такъ ограничено «Правилами», назначается за такіе проступки, что оно достается только тому, кого дома любезные родители разъ по 5 въ годъ сѣкутъ (это *въ-третьихъ* рѣшительно совпадаетъ съ *первымъ* и *вторымъ*, но г. Драгомановъ въ жару защиты забываетъ требованія логики; не будемъ слишкомъ требовательны къ юношѣ). *Наконецъ*, ска-жемъ мы съ Пироговымъ, самые драконовскіе законы не будутъ страшны, если будутъ законно примѣняться» (т.-е. неудобство розги г. Драгома-новъ видитъ только въ излишней строгости этого наказанія, а не въ моральномъ его безобразіи: вѣдь такъ надо понимать его, если только онъ изучалъ древнюю исторію и помнить, въ чемъ упрекали драконовскіе законы). («Русск. Рѣчь», стр. 30).

Я бы не привелъ отзыва г. Драгоманова, если бы не нашелъ по-добной же мысли въ самомъ «Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ», писанномъ г. Пироговымъ. Онъ тоже оправ-дываетъ свой образъ дѣйствій тѣмъ обстоятельствомъ, что «нравы обще-ства не приготовлены еще къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія». Предложивъ сначала эту отмѣну, но «не нашедъ сочувствія въ большинствѣ чле-новъ», г.—Пироговъ «вскорѣ убѣдился, что бесполезно было бы уничто-жить на одной бумагѣ, подъ видомъ гуманности и современности, сред-ство, которое и многіе воспитатели, и большая часть родителей при-знають еще необходимымъ». Далѣе «Отчетъ» приводитъ, что еще въ прошломъ столѣтіи тѣлесныя наказанія въ училищахъ отмѣнялись, но это не удержалось именно потому, что убѣжденіе въ необходимости тѣлеснаго наказанія было еще слишкомъ сильно и у родителей, и у воспитателей». Въ «Уставѣ» 1828 г. опять введены тѣлесныя наказанія, и какъ нельзя болѣе пришлись по вкусу общества: «отцы и теперь еще обращаются въ училища и гимназіи съ просьбами сѣчь дѣтей, и сами сѣкутъ дома; уче-ники 6-го и 7-го классовъ, не нынче, такъ завтра студенты, тайкомъ, безъ вѣдома гимназическаго начальства, за поступки противъ чести, сѣ-

кутъ своихъ товарищей. Вотъ факты, обличающіе нравы общества» («Восп.», II, 60).

Въ статейкѣ «Всероссійскія иллюзіи» я уже опровергалъ круговую поруку домашняго сѣченья съ гимназическимъ. Здѣсь повторю только, что именно потому и важно отмѣненіе тѣлеснаго наказанія въ школахъ, что оно сильно употребляется въ домашнемъ воспитаніи. Если бы общество все чувствовало отвращеніе къ этому роду наказаній, тогда не было бы особенной важности въ существованіи его гдѣ-нибудь на бумагѣ. Это говоритъ самъ г. Пироговъ: «если,—говоритъ,—дѣйствительно общественное мнѣніе вопіетъ и громко требуетъ отмѣны тѣлеснаго наказанія,—чего же лучше и о чемъ же тогда спорить? Мы будемъ рады уже вѣрно не менѣе другихъ, и *что за дѣло тогда, будутъ-ли нами правила угрожать виновному розгой или нѣтъ, все равно: противъ общественнаго мнѣнія не устоятъ никакія правила, и розга, оставаясь на бумагѣ, исчезнетъ на дѣлѣ*, а это-то и есть именно то, о чемъ мы всѣ хлопочемъ». Эти соображенія были бы совершенно логичны и неопровержимы въ устахъ человѣка, отличающагося умѣньемъ искусно поддерживать старую рутину и даже дѣлать въ ней кое-какія починки. Но не такія слова хотѣли бы мы слышать отъ Н. И. Пирогова, человѣка, на котораго съ такой увѣренностью обращались общія надежды, какъ на человѣка, умѣющаго пролагать новые пути и проводить новыя начала къ общественной дѣятельности. Онъ могъ бы и не ожидать, пока общественное мнѣніе *не будетъ уже терпѣть розги*; онъ могъ дать толчекъ общественному мнѣнію, могъ и долженъ былъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобы преобразовать его сообразно съ своими началами. Въ этомъ смыслѣ принятіе на себя тѣхъ пунктовъ «Правилъ», съ которыми онъ былъ самъ не согласенъ, составляетъ, на мой взглядъ, важную ошибку, которая и теперь едва искупается сдѣланными объясненіями.

Г. Пироговъ замѣчаетъ въ «Отчетѣ», что бороться противъ предрассудковъ и ложныхъ взглядовъ онъ предпочитаетъ въ жизни, а не на бумагѣ. «Мы боремся,—говоритъ онъ,—да и не съ одними предубѣжденіями общества, а и самой школы, еще не далеко опередившей общество. Мы боремся, твердо зная, что нравы и ложные взгляды нельзя перемѣнить предписаніями и письменными правилами. Потому мы встаемъ противъ розги и выводимъ ее изъ нашихъ школъ не на письмѣ, а на дѣлѣ. Она должна исчезнуть не по приказанію начальства, а по общему единогласному убѣжденію воспитателей, когда они найдутъ въ себѣ довольно воли и искусства замѣнить ее болѣе нравственнымъ суррогатомъ». Все это прекрасно, и общее мнѣніе уже успѣло воздѣлать долж-

ное благородной и плодотворной практической дѣятельности г. Пирогова. Но какъ же *предписанія-то*? Развѣ ужъ онъ ихъ ни во что не ставитъ? А они иногда бывають важны. Вотъ, на примѣръ, хоть бы въ этомъ же вопросѣ: по положеніямъ 1794 г. отмѣнено было въ училищахъ тѣлесное наказаніе; въ «Уставѣ» 1828 г. восстановлено. Въ 1859 году г. Пироговъ снова находитъ это наказаніе излишнимъ, но отмѣнить его не можетъ,—и самое первое, высшее и непреклонное препятствіе находится въ статьяхъ «Устава». Онъ спрашиваетъ комитетъ: «не лучше-ли отмѣнить розгу»?—но самъ тотчасъ же замѣчаетъ: «собственно я и не имѣлъ права объ этомъ спрашивать, потому что существующій Уставъ училищъ признаетъ еще ея необходимость» («Восп.», II, стр. 59). Видите-ли, все-таки, какъ существующія на бумагѣ правила, связываютъ дальнѣйшій прогрессъ: вѣдь нельзя не сознаться, что не будь въ «Уставѣ» положеній о тѣлесномъ наказаніи, г. Пироговъ могъ бы дѣйствовать по этому вопросу нѣсколько свободнѣе, да и комитету не было бы легальной опоры для отрицательнаго отвѣта.

Никто не споритъ, что при дурныхъ нравахъ искажаются самые лучшіе законы. Но все же нельзя узаконять дурныхъ нравовъ. Теперь, на примѣръ, никакими предписаніями нельзя въ конецъ искоренить по всей Россіи взяточничество; съ этимъ мы согласны. Но неужели поэтому нужно дать ему законную силу? Неужели возвратиться къ старинному порядку *кормленія*, на томъ основаніи, что сущность этого порядка до сихъ поръ не исчезла изъ нравовъ? И если бы гдѣ-нибудь въ уголкѣ Россіи уцѣлѣло еще установленіе кормленія, то неужели *новое* законодательство должно было бы поддерживать его, покамѣстъ сами *кормящіеся* отъ него не откажутся? Вѣдь, слѣдуя такой системѣ, пришлось бы, пожалуй, и *произволъ* оставить въ покоѣ, на томъ основаніи, что, по свидѣтельству самого же г. Пирогова, онъ слишкомъ сильно распространенъ былъ въ гимназіяхъ еще въ очень недавнее время. А, между тѣмъ, г. Пироговъ смѣло пошелъ противъ произвола, созвалъ комитетъ, постановилъ правила, несмотря даже на возгласы нѣкоторыхъ педагоговъ, что правила вовсе не нужны. Вотъ за это, разумѣется, честь и слава г. Пирогову...

Все это я говорю, возражая только противъ *мнѣнія* г. Пирогова, будто законодательство должно выжидать, пока жизнь предупредитъ законъ, то-есть, иначе говоря,—когда нарушенія прежняго закона сдѣлаются такъ сильны и повсемѣстны, что ужъ стараго закона нельзя будетъ удерживать. Мнѣ кажется, что если, на примѣръ, кто-нибудь, при составленіи проекта новаго училищнаго устава, будетъ руководствоваться этимъ

мнѣніемъ, то поступить очень неосмотрительно. Конечно, при неразвитости общества часто не достигаютъ цѣли самыя лучшія законы; но, съ другой стороны, надо замѣтить, что чѣмъ человекъ неразвитѣе, тѣмъ чаще дѣйствуетъ онъ безъ сознанія, по рутинѣ, и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе расположенъ (разумѣется, тамъ, гдѣ не мѣшаетъ личная выгода) въ своихъ дѣйствіяхъ соображаться съ тѣмъ, что ему положено свыше. Поэтому, узаконьте розгу—это розочникамъ на много лѣтъ придастъ бодрости; отмѣните ее—и на дѣйствіяхъ ихъ все-таки хоть сколько-нибудь отразится сознаніе, что установленная надъ ними сила закона—не въ ихъ пользу.

«Но въ практической дѣятельности,—возражаютъ намъ,—г. Пироговъ достигъ самыхъ лучшихъ результатовъ, какихъ только возможно было желать. Вотъ доказательство, что всѣ теоретическія умствованія противъ его системы—совершенно несостоятельны».

Объ этомъ мы сейчасъ поговоримъ.

Противъ практической дѣятельности г. Пирогова, противъ его личности мы рѣшительно ничего не имѣемъ. Во-первыхъ, мы знаемъ, что онъ былъ связанъ въ своей дѣятельности существующимъ уставомъ и не имѣлъ никакой практической возможности явиться реформаторомъ. Во-вторыхъ, мы знаемъ теперь, что онъ употреблялъ усилія сдѣлать то, чего мы желаемъ, но встрѣтилъ препятствія въ большинствѣ. Въ-третьихъ, мы видимъ, что, несмотря на всѣ препятствія, вліяніе его благородной личности было въ самомъ дѣлѣ сильнѣе, нежели, можетъ быть, самыя рѣшительныя и строгія запрещенія при другомъ начальникѣ.

Но, признавши все это и присоединивъ свой отдаленный голосъ къ благодарнымъ голосамъ, раздавшимся вокругъ г. Пирогова при его проходахъ, я все-таки не могу отстать отъ своихъ нападеній на *систему* и на нѣкоторыя положенія, допущенныя въ «Правилахъ». Сначала скажу о частностяхъ; объ опасности, грозящей самому дѣлу отъ принятой системы, поговорю въ заключеніе.

Въ «Правилахъ» не одно *допущеніе* розги мною признано несправедливымъ, но и то, *за что* она допущена. Ею наказываются: *воровство* и *дерзость* или вообще—*оскорбленіе*. Судя по «Правиламъ», я заключалъ, что тѣлесное наказаніе положено также и за *фанатизмъ*, такъ какъ противъ него въ таблицѣ стоитъ то же наказаніе, какъ и за оскорбленіе постороннихъ лицъ, то-есть, розги, въ третьей степени,—для низшихъ классовъ, и исключеніе—для высшихъ. Это было бы уже слишкомъ нелѣпо, и теперь г. Пироговъ объясняетъ въ «Отчетѣ», что тутъ былъ «недостатокъ редакціи», а на самомъ дѣлѣ за фанатизмъ никогда

не предполагалось съчь, такъ какъ въ низшихъ классахъ не считаются возможными серьезныя его проявленія ¹⁾).

Но почему же за *воровство*—тѣлесное наказаніе? Какое соотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ? Вотъ что спрашивалъ я еще въ прошломъ году, и чего никто до сихъ поръ не объяснилъ хорошенько. Почему также и дерзость или оскорбленіе заслуживаютъ розгу по преимуществу? Да и какъ опредѣлить степени оскорбленія, какъ подвести подъ одинъ уровень взглядъ наставниковъ на дерзость? Если ужъ въ самомъ комитетѣ большинство отличалось такою мудростью, что, напр., за лихоимство постановило наказаніе меньше, чѣмъ за простое воровство (о чемъ я

¹⁾ Это, впрочемъ, тоже кажется мнѣ не вполне основательнымъ. Г. Пироговъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отзывается о моей замѣткѣ по этому поводу. „Нѣкоторые рецензенты, — говоритъ онъ, — безъ дальнѣйшаго размышленія хотѣли заставить насъ думать, что мы наказываемъ также розгою и оскорбленія товарищей за вѣру, хотя въ нашихъ правилахъ нарочно прибавлено къ этому проступку слово „фанатизмъ“, въ скобкахъ. Мнѣ кажется, что ни одинъ воспитатель не вздумаетъ искать фанатизма въ глупыхъ выходкахъ учениковъ низшихъ классовъ, т.-е. дѣтей 10—12 лѣтъ, противъ товарищей не одной съ ними вѣры, а тѣлесное наказаніе дозволяется только въ этихъ классахъ. Такъ можно исказить все, желая видѣть одно худое и не понимая смысла, или притворяясь, что не понимаемъ“ („Восп.“ Ш, стр. 118). Въ самомъ дѣлѣ—я былъ злонамѣренъ и глупъ... Ни одинъ воспитатель, благодаря Бога, таковъ не будетъ... А впрочемъ—посмотримте, что же это такое... Вотъ № IV того же „Воспитанія“; тутъ напечатано окончаніе „Отчета“ г. Пирогова; на стр. 213, г. Пироговъ, самъ же г. Пироговъ, пишетъ: „Недосмотръ въ редакціи сдѣлалъ то, что наказанія, опредѣленныя правилами за оскорбленіе за вѣру, не только были перетолкованы воспитателями, но вмѣнены намъ даже въ преступленіе нѣкоторыми журналами“. Значить, не я одинъ подумалъ, что „Правила“ велютъ съчь за фанатизмъ? И между воспитателями нашлись такіе? Какъ же послѣ этого г. Пирогову могло казаться, что „ни одинъ воспитатель“, и пр. (см. выше)?.. Правда, впрочемъ, что воспитатели, предполагавшіе фанатизмъ въ дѣтяхъ 10—12 лѣтъ, должны были быть ужъ очень плохи... Вѣдь въ гимназіяхъ Кіевского округа, въ первыхъ трехъ классахъ бывають только дѣти отъ 10 до 12 лѣтъ... Однако—какъ же это... мы помнимъ въ „Правилахъ“ общую оговорку, что розга назначается только до 16 лѣтъ, а ученики старше 16 лѣтъ, хотя бы и въ низшихъ классахъ, наказываются уже не розгою, а увольненіемъ. Значить, въ низшихъ классахъ могутъ быть ученики и старше 16 лѣтъ? Въ нихъ вѣдь ужъ и фанатизмъ можетъ быть? Да, но это, вѣрно, сказано только на всякій случай, въ дѣйствительности же вовсе не бываетъ... Да, впрочемъ, вотъ, въ томъ же III № „Воспитанія“, гдѣ такъ презрительно сказано о моемъ—либо тупоуміи, либо неблагонамѣренности,—тутъ же, на стр. 113, указаны самими г. Пироговымъ лѣта нѣкоторыхъ наказанныхъ. Вотъ, на примѣръ, одинъ ученикъ Подольской гимназіи—19 лѣтъ... Что же это?... Онъ долженъ былъ находиться въ 3 классѣ 15 лѣтъ? Нѣтъ, онъ, вѣроятно, перешелъ изъ 3 въ 4—12, а потомъ въ каждомъ классѣ сидѣлъ по два года... Вотъ другой — ученикъ 5 класса, 18 лѣтъ... Это же какъ? Если онъ въ 4 и 5 сидѣлъ по два года, а все-таки въ 3-мъ-то былъ уже 14 лѣтъ... Ну, ужъ это я не знаю какъ... А вотъ еще—ученикъ Немировской гимназіи 1 класса, 13 лѣтъ... Значить, сколько же лѣтъ будетъ онъ въ 3 классѣ,—12 или 15?... Нѣтъ, едва-ли не напрасно г. Пироговъ такъ свысока отзывается о непониманіи рецензентовъ... Просто признаться въ просмотрѣ—было-бы, вѣроятно, благоразумнѣе, а то вѣдь я и не утерпѣлъ, чтобы не вывести новыхъ недосмотровъ—на этотъ разъ уже прямо самого г. Пирогова. Оскорблять я никого не хочу, но не могу выносить, когда сваливають что-нибудь съ больной головы на здоровую.

тоже замѣтилъ въ прошломъ году ¹⁾, то какихъ подчасъ премудрыхъ соображеній можно ожидать отъ иныхъ педагогическихъ совѣтовъ! И сколько тутъ можетъ быть произвола, объ уничтоженіи котораго такъ хлопочетъ г. Пироговъ.

На первый разъ, подъ управленіемъ Пирогова, при «Правилахъ» дѣйствительно умѣрились наказанія. Это видно изъ одной таблицы высѣченыхъ за 1858 (до кодекса) и за 1859—60 г. (послѣ кодекса). Вотъ эта таблица:

	Въ 1858	Въ 1859—60
Въ Кіевской 1 - й гимназій изъ	215— 3;	изъ 201— 1
» Кіевской 2 - й » »	625— 44;	» 650— 2
» Бѣлоцерковской » »	220— 38;	» 266— 0
» Волынской » »	600—290;	» 635— 5
» Ровенской » »	300— 6;	» 354— 5
» Подольской » »	400— 37;	» 470— 7
» Немировской » »	600— 67;	» 568— 5
» Черниговской » »	240— 18;	» 276— 0
» Новгородсѣверской » »	250— 8;	» 288— 0
» Нѣжинской » »	260— 2;	» 264— 2
» Полтавской » »	399— 39;	» 338— 0
Во всѣхъ »	изъ 4109—561;	изъ 4310—27

Одно сличеніе цифръ въ этой таблицѣ показываетъ, какъ несправедливы увѣренія будто розгу нельзя вывести изъ воспитанія, будто общественное мнѣніе этому противится. Гимназій не опустѣли. Пироговымъ остались всѣ довольны, несмотря на то, что его дѣйствіями произведена была такая рѣзкая переменна, какъ, на прим., въ Волынской гимназій,

Кстати здѣсь замѣчу еще о стихотвореніи, въ которомъ осмѣивалось сѣченье за фанатизмъ. Признаюсь, я принимаю на себя полнѣйшую за него отвѣтственность, потому что предметъ стоилъ такого осмѣянія, и въ этомъ случаѣ малодушно было бы удерживаться даже уваженіемъ къ такой личности, какъ г. Пироговъ. А кто знаетъ, можетъ быть эти стихи, вмѣстѣ съ моими нападками, и послужили еще къ разъясненію дѣла для тѣхъ *воспитателей*, которые *перетолковали* положеніе „Правилъ“. Г. Драгомановъ толкуетъ, будто стихи заключаютъ тотъ смыслъ, что „присужденіе розогъ совѣтомъ установлено Пироговымъ для большей торжественности церемоніи, а не для ограниченія произвола“. Ну, такъ вѣдь вольно ему такъ толковать...

¹⁾ Вообще моимъ обвинителямъ не мѣшаетъ замѣтить, что замѣчанія моей статьи не были серьезно опровергнуты никѣмъ, а подтвержденій, напротивъ, получили довольно много. Крича противъ моей непрактичности и легкомыслія, они забываютъ это.

гдѣ число высѣченныхъ вдругъ вмѣсто 290—стало 5. Замѣчательно еще, что *вовсе перестали стѣчь* тѣ гимназіи, въ которыхъ до того *наиболѣе стѣкли*. Пропорція высѣченныхъ всѣхъ выше была (послѣ Волынской) въ Бѣлоцерковской и Полтавской гимназіяхъ,—а теперь тамъ не было ни одного случая. Мы не знаемъ, чему это приписать,—пере-мѣнѣ-ли личностей начальственныхъ, «Привиламъ»-ли,—но вѣрно одно: нравы населенія въ этихъ мѣстностяхъ и натура гимназистовъ не получили же мгновенно волшебнаго превращенія. А между тѣмъ, вѣдь начальство этихъ гимназій въ прежнее, еще столь недавнее, время имѣло, конечно, свои резоны для оправданія необходимости тѣлеснаго наказанія тамъ, гдѣ оно было употреблено... Вѣрите же послѣ этого ихъ отзы-вамъ и основывайте на нихъ ваши законы!

Насъ спрашиваютъ: «да что же вы придумаете вмѣсто розги?» И видя, что мы ничего не придумываемъ, торжествуютъ... Но въ сущности это довольно забавно: мы—профаны, а вы,—призванные во святилище, педагоги; вы берете на себя руководить дѣтей нашихъ,—и руководите ихъ, между прочимъ, розгой. Мы говоримъ: «это намъ не нравится, этакъ-то и безъ васъ можно бы воспитывать; а вы придумайте что-нибудь другое, если ужъ взялись». А вы намъ отвѣчаете: «да что жъ придумать-то? Скажите намъ, мы тогда и придумаемъ»... И затѣмъ вы глумитесь надъ нами, что мы ничего не умѣемъ придумать, а туда же—смѣемъ быть недовольны... Почтенные педагоги! войдите же, наконецъ, въ ваше собственное положеніе и разсудите: кто къ кому долженъ обращаться съ требованіями въ вопросахъ о воспитаніи—вы къ намъ, или мы къ вамъ?

Впрочемъ, вѣдь если нужна не радикальная перемѣна всей системы воспитанія, а только улучшеніца въ старой системѣ, такъ тутъ и мѣры нужно придумывать не особенно замысловатыя. А напри-мѣръ (если бы въ вашихъ рукахъ была власть отмѣнить розги,—разумѣется) — отчего бы прямо не замѣнить розги увольненіемъ? Жестоко, скажете? — Нѣтъ, не такъ жестоко, какъ кажется. Вѣдь вы только разъ допускаете розги, а потомъ увольняете; сѣчете за воровство во-первыхъ. За воровство мальчика сѣчь вы сами присуждаете только тогда, когда оно имѣетъ не характеръ шалости, а обнаруживаетъ испорченность воли. Въ такихъ мальчикахъ, имѣющихъ серьезную склонность къ чужому съ дѣтства, прокъ бываетъ рѣдко; держаться за нихъ нечего... Жаль, что въ «Отчетѣ» г. Пирогова не сказано, всѣ-ли высѣченные за воровство исправились, и вообще какія послѣдствія имѣло сѣченіе на характеръ и поведеніе высѣченныхъ. Это было бы очень любопытно. Но даже если и замѣчены были исправленія, то здравый смыслъ не позволялъ отнести ихъ къ тѣлесной

боли отъ розги, развѣ къ стыду... но стыда навѣрное было больше во время открытія и разслѣдованія поступка, нежели во время экзекуціи. Притомъ же позволительно думать, что во многихъ случаяхъ наказаны были мальчики, не имѣвшіе положительной испорченности въ этомъ смыслѣ, а таскавшіе чужое просто по глупости... Этихъ можно бы унять и безъ розги.

Относительно дерзости тоже надо сказать: или это вспышка дитяти, и тогда не безчеловѣчно-ли пороть за нее, какъ бы становится самому ребенкомъ и вымещать свою обиду? Или же дерзость, или всякое другое оскорбленіе, имѣетъ серьезный видъ, происходя либо отъ испорченнаго нрава ученика, либо отъ его антагонизма съ начальникомъ. Въ этихъ случаяхъ увольненіе — самое лучшее, потому что, если послѣ розги ученикъ и сдѣлается тише въ отношеніи къ нелюбимому наставнику, такъ вѣдь тайная-то ненависть загорится еще сильнѣе. Скрытность и лицемѣріе — самые прямые результаты употребленія розги въ подобномъ случаѣ.

Но, говорятъ, сами родители часто просятъ, чтобы ихъ дѣтей сѣкли... Ну, вотъ для этихъ случаевъ и сохраните вашу розгу, если ужъ вамъ такъ жалко съ нею разстаться. Можете даже положить, что если еще остается хоть какая-нибудь надежда на возможность исправленія мальчика, если онъ обнаружилъ полное раскаяніе при полученіи увольненія, и родители его упрашиваютъ лучше высѣчь, но оставить въ гимназій, — то можно, уступая ихъ просьбѣ, дѣлать опытъ. Вотъ вамъ и требованія *среды* будутъ удовлетворены.

«Да такъ навѣрное придется больше сѣчь, чѣмъ теперь, при «Правилахъ» — доносятся до меня восклицанія гг. Е. Суд., Драгоманова, Сухарева и мало-ли еще кого... Но я не смущаюсь. Очень можетъ быть, говорю я; но только навѣрное количество случаевъ сѣченья будетъ быстро уменьшаться, потому что отцы возымѣютъ же наконецъ амбицію, и потомъ всѣ эти случаи сѣченья будутъ походить на случаи самопроизвольнаго отравленія или голодной смерти преступниковъ. У насъ вѣдь не казнятъ ни ядомъ, ни голодной смертью, — а иной возьметъ да и отравится или уморитъ себя голодомъ въ тюрьмѣ. Ну, что же съ этимъ дѣлать? Такъ ужъ ему, стало быть, понравилось...

Что же касается до системы, принятой при Н. И. Пироговѣ — дѣйствовать лично, на дѣлѣ, а въ законъ допустить то, чего среда требуетъ, — за эту систему я очень боюсь. Пока г. Пироговъ былъ въ Кіевѣ, все шло отлично, — слова нѣтъ. И произвола было меньше, и сѣкли меньше, и учились лучше, и пр., и пр. Но что тутъ дѣйствовало, — «Правила» или личность? Вѣдь изъ самыхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову на про-

щанье, даже изъ выходовъ противъ насъ, видно, что тутъ *личность* покрывала все. Дерзнули не согласиться съ «Правилами» Пирогова,—и никто даже не вздумалъ вникнуть въ пункты несогласія, а все увидѣли только то, что о Пироговѣ говорится какъ-то не чтобъ совсѣмъ неуважительно, а такъ,—не совсѣмъ въ обычномъ тонѣ. Въ разныхъ рѣчахъ безпрестанно говорится: «вы ограничили произволъ», «вы эманципировали дѣтей отъ безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія», «вы укрѣпляли приверженцевъ добра, увлекали ихъ теплою чувствъ и закрѣпляли ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ», «вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую дѣятельность», и пр. и пр. Честь и слава Н. И. Пирогову, и горько, что онъ не остался дольше на своемъ мѣстѣ. Мы вполне сочувствуемъ его и общему желанію, чтобъ его вліяніе продолжалось какъ можно дольше въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, и во всей Россіи, если можно. Но вѣдь вотъ его нѣтъ... и мы что имѣемъ предъ собою? Все-таки (ограничиваясь лишь нашимъ вопросомъ) «Правила» весьма неудовлетворительныя, допускающія розгу и дающія широкій просторъ произволу воспитателей въ ихъ примѣненіи.

Произволъ высказывался уже и при г. Пироговѣ, какъ видно изъ «Отчета»: изъ 27 случаевъ тѣлеснаго наказанія, про двухъ еще неизвѣстно, наказаны-ли они по опредѣленію педагогическаго совѣта; въ одномъ случаѣ наказаніе было опредѣлено несообразно «Правиламъ» а въ 4-хъ другихъ—директоръ поступилъ произвольно («Восп.», III, стр. 111). Г. Пироговъ умѣлъ остановить эти беспорядки, и директоръ, поступившій произвольно, перешелъ уже въ 1860 г. (по замѣчанію «Отчета») въ другой округъ. Но все-ли съумѣютъ и захотятъ останавливать?

При Пироговѣ, разумѣется, гимназіи старались отличить себя малымъ количествомъ или отсутствіемъ экзекуціи. Но чѣмъ, кромѣ подобнаго гуманнаго вліянія начальства, обезпечено такое стремленіе на будущее время? Вѣдь только благодарною памятью о Пироговѣ. А «Правила»-то даютъ полную волю — пороть за дерзость, даже *вызванную* самимъ начальникомъ или наставникомъ. Кажется, въ этомъ случаѣ логичнѣе было бы постановить, положимъ, замѣчаніе... да нѣтъ, впрочемъ, и замѣчанія не нужно для ученика. . но за то для учителя или гувернера непременно строжайшій публичный выговоръ, а затѣмъ — при новомъ разѣ—прямо увольненіе. А вѣдь въ «Правилахъ» за оскорбленіе начальника на должности положено, въ самой низшей степени вины, т.-е. при всѣхъ облегчающихъ обстоятельствахъ, даже при вызовѣ со стороны самого начальника,—строгій арестъ съ угрозою розогъ, а во второй степени розги, а тамъ—исключеніе. Какую дисциплину можно завести въ

гимназіи на основаніи одного этого правила, которое при Пироговѣ, конечно, не смѣли примѣнять къ дѣлу!..

«Но педагоги, бывшіе подъ вліяніемъ г. Пирогова, будутъ всегда вѣрны его началамъ. Вѣдь онъ самъ говорилъ имъ на прощанье: мои убѣжденія въ сущности — ваши убѣжденія; моя заслуга только въ томъ, что я угадалъ ваши взгляды», и пр.

Конечно такъ, г. Пироговъ говорилъ это. А все бы вѣрнѣе, кабы «Правила»-то лучше существовали... Вѣдь когда г. Пироговъ говоритъ не дружескія фразы, а самое дѣло, такъ и онъ тоже оказывается не слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ педагогахъ вообще, а слѣдовательно, и о кіевскихъ. Говоря о журнальныхъ разборахъ «Правилъ», онъ именно упрекаетъ ихъ за слишкомъ высокія требованія. Слова его вовсе не утѣшительны.

„Въ правѣ-ли мы требовать,—говоритъ г. Пироговъ,—отъ нашихъ педагоговъ высокаго призванія, опыта жизни, самоотверженія, христіанской любви и труднаго искусства индивидуализировать? Откуда могутъ вдругъ взяться у насъ такія личности? Кто велъ, кто приготавливалъ ихъ этимъ путемъ? Гдѣ и у кого могли они заимствовать образецъ высокихъ качествъ? У прежнихъ-ли ихъ наставниковъ, въ жизни-ли общества, въ окружающей-ли ихъ средѣ, въ семьѣ-ли своей, въ воспитательныхъ-ли заведеніяхъ?.. Требовательные идеологи, вовсе позабыли, что нашихъ учителей никто до сихъ поръ не училъ трудному дѣлу педагогіи, нашихъ инспекторовъ и директоровъ никто не выбиралъ по ихъ педагогическимъ заслугамъ, которыхъ и доказать даже было имъ невозможно... Можно-ли забыть, что наши надзиратели, инспекторы и директора покуда все-таки остаются тѣми же чиновниками-воспитателями, какъ и прежде,—одни изъ нихъ завалены письменными дѣлами дирекціи, а другіе, исполняя неисполнимыя обязанности нравственнаго надзора за 500—600 учениками, поневолѣ ограничиваются одною офіціальною?.. Не ясно-ли для всякаго, кто любитъ смотрѣть правдѣ въ глаза, что мы вводили наши правила, убѣжденные опытомъ въ вопіющихъ недостаткахъ общественнаго воспитанія и воспитателей?“ („Восп.“, II, 57—58).

Далѣе находимъ, что и на розгу г. Пироговъ согласился, главнымъ образомъ, въ уваженіе *неискусства* педагоговъ нашихъ: «тѣлесное наказаніе можно еще назначить безъ большого вреда и безъ большого искусства (!), соображаясь съ однимъ свойствомъ проступка; самый простой воспитатель можетъ безъ труда различить въ проступкѣ ребенка проявленіе дикой, животной чувственности, и прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію, если не умѣетъ владѣть инымъ, лучшимъ средствомъ». Чтобы употребить съ успѣхомъ другія, нравственныя мѣры, — продолжаетъ «Отчетъ», — нужно воспитателю гораздо болѣе развитія и искусства: а можно-ли этого требовать отъ нашихъ педагоговъ?.. Потому, конечно, и неудивительно замѣчаніе г. Пирогова: съ одной стороны, по журнальнымъ статьямъ, можно подумать, что всѣ передовые люди общества требуютъ, во что бы то ни стало, *отменить розгу въ училищахъ*; но, съ другой стороны, судя по отзывамъ многихъ дирекцій и педаго-

гическихъ совѣговъ, а слѣдовательно также общества, да еще самаго правоусласнаго въ дѣлѣ воспитанія, нужно заключить *совсѣмъ противное*» (стр. 62). Вообще г. Пироговъ сознается, что «какъ не желательна гегемонія школы надъ жизнью и какъ ни пошла еще наша жизнь, но она пересиливаетъ» (стр. 64).

Послѣ этихъ признаній я замѣчаю въ прошлогодней моей статьѣ ошибку, которой замѣчать никому не приходило въ голову. Правда, отъ г. Е. Суд. я уже заслужилъ что-то въ родѣ упрека за то, что «обрушился на *среду*, морально расслабляющую самыя лучшія личности»; но мнѣ именно слѣдовало въ десять разъ усилить ту часть статьи, гдѣ говорилось о гибельномъ вліяніи среды. Изъ признаній г. Пирогова вы видите, какъ она уже сама по себѣ, своей пошлостью, ограничиваетъ дѣятельность передовыхъ людей. Но не надо забывать, что она не всегда остается пассивною, она тоже принимаетъ порою участіе въ этой дѣятельности, и тогда происходятъ явленія до того странныя, до того нелѣпыя, что здравый смыслъ рѣшительно теряется въ ихъ путаницѣ. За примѣрами ходить недалеко, — возьмемъ хоть нашу полемику съ поклонниками г. Пирогова и представимъ изъ нея главныя черты.

Человѣкъ въ теоріи отвергаетъ розгу и формализмъ, у него множество послѣдователей и поклонниковъ; онъ хочетъ провести свою теорію въ практикѣ, но, по несчастію, долженъ отказаться отъ этого намѣренія и уступить противнымъ вліяніямъ; вслѣдъ за этой уступкой раздаются рѣзкія возраженія и упреки за такой образъ дѣйствій, высказанные подъ вліяніемъ той же теоретической мысли, которой держится и самъ упрекаемый. Какъ вы полагаете, каково должно быть въ этомъ случаѣ впечатлѣніе людей, *сознательно* принимающихъ ту же теорію? Какъ эти возраженія должны быть приняты въ кругу людей,

Служащихъ дѣлу, а не лицамъ?

Перенесемтесь въ старое время, когда еще у насъ формально существовало крѣпостное право. Смѣлый эманципаторъ искренно и горячо говоритъ объ освобожденіи и увлекаетъ за собою толпу послѣдователей. Вдругъ ему достается наслѣдство; онъ, разумѣется, немедленно хочетъ отпустить крестьянъ на волю, но встрѣчаетъ сильныя препятствія, и *покаместъ* уступаетъ. Вдругъ, въ толпѣ ему сочувствовавшихъ, раздается обличительный голосъ, изображающій крѣпостное право такъ, какъ оно стоитъ, провозглашающій святость свободныхъ принциповъ и укоряющій эманципатора за уступку. Какъ вы думаете, что почувствуютъ при этомъ голосъ искренніе, сознательные приверженцы эманципаціи? Осердятся на смѣльчака, сочтутъ слова его посягательствомъ, обидой? Нѣтъ, какъ бы они ни любили своего друга-эманципатора, но если они любятъ и пони-

мають также и самое дѣло, то не могутъ они не сообразить, что вѣдь въ этомъ голосѣ для нихъ помощь, новое средство обороны, что онъ увеличиваетъ ихъ силу, что съ нимъ они смѣлѣе могутъ идти противъ обскурантовъ, мѣшающихъ дѣлу эманципации. Что за дѣло, если даже нѣсколько рѣзкихъ выходокъ и задѣнетъ ихъ друга и учителя,—но вѣдь за то самое дѣло выигрываетъ, за то обскуранты знаютъ, что вотъ какіе голоса поднимаются даже за одну невольную и временную уступку ихъ требованіямъ. И разумные приверженцы эманципатора, равно какъ и самъ онъ, радуются возраженіямъ, довольны упреками, желаютъ, чтобы какъ можно больше раздавалось подобныхъ голосовъ: вѣдь они выходятъ изъ тѣхъ же началъ, высказываютъ тѣ же идеи, которымъ служатъ и сами эти эманципаторы, — только высказываются рѣзче и прямѣе, раздаются громче и внятнѣе, не будучи заглушаемы противнымъ скрипомъ обоимъ практическихъ мелочей.

Чего бы естественнѣе, кажется, такое отношеніе либеральныхъ практическихъ педагоговъ къ полемикѣ о розгахъ? Но дѣло вышло совершенно не такъ.

О самомъ г. Пироговѣ я не говорю: онъ вездѣ трактуетъ журналистовъ свысока, и потому, конечно, и мою статью не удостоилъ счесть ни обидой, ни поддержкой для себя. Можетъ быть, онъ и ошибается въ своихъ понятіяхъ о журналистикѣ, но это другой вопросъ. Собственно же въ этой полемикѣ г. Пироговъ остается въ сторонѣ. Передъ нами одни его послѣдователи.

Они, какъ оказывается, поняли все дѣло совершенно *лично*. Какія могли быть, напримѣръ, хоть у г.—*бова* личности съ г. Пироговымъ, способенъ-ли такой-то человекъ изъ-зи личностей исказить дѣло, можетъ-ли согласиться такой-то журналъ сдѣлаться органомъ чьихъ-нибудь антипатій, наконецъ, такой-ли характеръ, такую-ли цѣль имѣетъ статья,—объ этомъ разсудить никому какъ будто не пришло въ голову. Возраженій на мои замѣчанія, серьезнаго разбора статьи никто не напечаталъ, а напечатали только какія-то беззубыя выходки противъ моей *негуманности* (!) въ обращеніи съ г. Пироговымъ... Мнѣ и всей русской публикѣ сообщали за новость, что «онъ можетъ ошибаться и ошибается, какъ всякій человекъ, но ошибки *не отнимаютъ у него* высокаго ума, благородно-либеральныхъ стремленій и сильнаго характера для возможныхъ у насъ разумныхъ реформъ»... А я-то, видите-ли, отнималъ у него всѣ прописанныя качества!

Таковы-то оказались господа, тоже оскорбившіеся за Пирогова и *напечатавшие* свои возраженія на мою статью...

А то были и другіе господа, тоже оскорбившіеся и писавшіе что-то

такое, но нигдѣ не напечатавшіе своихъ писаній. Объ этомъ сообщаютъ намъ гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ. Нѣсколько статей и писемъ, по ихъ словамъ, послано было изъ Кіева въ столичные журналы для опроверженія «Всероссійскихъ иллюзій», но ни одна изъ нихъ не была напечатана. Читателей «Современника», вѣроятно, удивитъ это еще больше, чѣмъ самага г. Е. Суд., восклицающаго изъ глубины души: «чудныя дѣла дѣлаются на Руси! Одинъ журналъ вносить нелѣпости на чело-вѣка *слишкомъ* (?) почтеннаго, а остальные журналы, какъ бы по взаимному уговору, не хотятъ принимать никакихъ опроверженій» («Отечественныя Записки», VI, стр. 138). Въ самомъ дѣлѣ чудно, — я этому удивляюсь едва-ли не больше всѣхъ. Извѣстно положеніе «Современника» въ нашей журналистикѣ, извѣстно, съ какимъ рвеніемъ всѣ журналы стремятся предохранить публику отъ его нелѣпыхъ тенденцій, въ особенности же отъ его посягательствъ на всевозможные авторитеты. Не довольствуясь собственнымъ трудолюбіемъ по этой части, разныя редакціи обогащаютъ русскую литературу этюдами гг. Цвѣтовъ, Н. Ч. Воскобойниковыхъ, подыскиваютъ даже волюминозные трактаты въ скромныхъ стѣнахъ Кіевской духовной академіи... Ужъ отъ кіевскихъ-ли педагоговъ не приняли бы статьи! «Положемъ, онѣ были дурно изложены, — скажемъ словами г. Драгоманова, — почему жъ гг. редакторы не обратили вниманія хоть на факты, которые были представлены въ нихъ вѣрно, и не отвѣчали г. Добролюбову (то-есть — *бову*) отъ себя? — Благородный общественный дѣятель былъ оскорбленъ, и въ защиту его было сказано только нѣсколько словъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и то мимоходомъ, въ письмѣ изъ Полтавы. Что заключить изъ такого факта?» Для насъ возможно только одно заключеніе: вѣроятно, статьи были ужъ такъ плохи, что редакціи поняли, что выступать съ ними противъ «Современника» значило бы только срамить себя. Да вѣрно и факты-то въ нихъ были въ томъ родѣ, что Н. И. Пироговъ — благородный чело-вѣкъ, что въ «Уставѣ» удержана розга и что при Пироговѣ въ гимназіяхъ сѣкутъ меньше. А впрочемъ, нѣтъ, вѣрно и того не было... Вѣдь вотъ теперь напечатаны же статьи гг. Драгоманова и Е. Суд., а въ нихъ вѣдь тоже никакихъ другихъ фактовъ нѣтъ, да еще и логики не достаетъ... Должно быть, другія-то возраженія были ужъ еще хуже, хоть это и трудно себѣ представить.

А то нашлись еще такіе господа — тоже хороши! — которые возблаговѣли предъ статейкою (тоже не понявъ ее) и внезапно почувствовали... потерю уваженія къ г. Пирогову!.. Такое открытіе дѣлаетъ г. Е. Суд., и г. Драгомановъ подтверждаетъ его. Въ замѣткѣ г. Е. Суд. объясняется: «Бойкая статейка г. — *бова* производила свое *желанное* (?) вліяніе даже на кіевлянъ, на тѣхъ людей, которые могли бы, кажется,

получше приемотрѣться къ характеру общественной дѣятельности своего попечителя»...

Какое же это было *желанное* (вѣроятно, мною) вліяніе? А вотъ какое: «статейка, *по виду* весьма гуманная и либеральная, *соблазнительно* дѣйствовала на *неопытную* публику (бѣдняжка публика, точно бѣдная Лиза!), подрывая у многихъ уваженіе къ тому, котораго она уже привыкла уважать». *Неопытность* соблазненной публики дошла до того, что она «заподозрила въ отсутствіи *грамотности* (вѣроятно, надо читать *гуманности*) и истиннаго либерализма не г. —бова (какъ слѣдовало бы, разумѣется), а г. Пирогова, и *малодушно отвернулись отъ него даже тѣ, которые уважали его, соответственно своей степени умственнаго и нравственнаго развитія*»... А въ статейкѣ-то, между тѣмъ, даже среди самыхъ горячихъ тирадъ, при выраженіяхъ, которыя могли бы показаться наиболѣе неприятными для самолюбія,—все-таки безпрестанно проглядываетъ мотивъ всей этой горячности, состоящій въ томъ, что авторъ чрезвычайно высоко цѣнитъ Пирогова и что именно такого-то человѣка тяжело ему и видѣть слабѣющимъ и падающимъ подъ гнетомъ среды, въ которую онъ поставленъ. Да, *слабѣющимъ и падающимъ*—я не боюсь повторить это: въ отсутствіи яснаго протеста противныхъ его кореннымъ убѣжденіямъ пунктовъ комитетскихъ «Правилъ» видно уже послабленіе, а въ согласіи мотивировать, оправдывать ихъ и провозгласить, что вполнѣ ихъ «раздѣляетъ»,—было его паденіе въ этомъ случаѣ. Вотъ объ этомъ-то я и писалъ: «тутъ найдите, господа, говорилъ я:—тутъ *самъ Пироговъ* упалъ»... И вѣдь я писалъ не для идіотовъ, а для людей разсуждающихъ, которые могли бы понять, что въ статьѣ дѣло идетъ о дѣлѣ, о фактѣ, въ которомъ Пироговъ принялъ участіе, а вовсе не объ общей и окончательной оцѣнкѣ всѣхъ его общественныхъ заслугъ, талантовъ, характера, и пр. Я указалъ на его ошибку, положимъ, даже преувеличивъ ея значеніе; я надѣялся, что это выяснитъ дѣло и поможетъ торжеству новыхъ, разумныхъ началъ падъ рутинною; но, признаюсь,—никакъ не рассчитывалъ я на такой эффектъ, какой указывается г-мъ Е. Суд. И отчего это? Вѣдь не оттого же, въ самомъ дѣлѣ, что статейка была уже до невозможности соблазнительна, *irrésistible*, такъ сказать, а просто по причинѣ самихъ же господъ соблазненныхъ. Я ихъ никого не знаю, но г. Е. Суд., кіевлянинъ, рисуетъ ихъ характеристику вотъ какими лестными красками: «большинство сослуживцевъ его (Пирогова), *не сознавая самихъ принциповъ*, подчиняется вліянію личности, стремится къ общественной пользѣ *только потому*, что исполняетъ желанія попечителя, человѣка прославленнаго, знаменитаго, всѣми уважаемаго»... И какъ только оказался, видите-ли че-

ловѣкъ, который не преклоняется безусловно предъ «человѣкомъ прославленнымъ» и пр.,—эти господа сейчасъ же и перемѣнили свои расположенія и перестали «стремиться къ общественной пользѣ»... И все это—замѣтьте—отъ «раздражительныхъ выходокъ» журнальнаго крикуна, озорника, который и желалъ бы быть Калиновичемъ, да соотвѣтственнаго чина не имѣеть и потому принужденъ озорство все ограничивать литературою... Что же теперь будетъ;—спрашиваю я безпристрастныхъ читателей, не исключая и кievлянъ, очень склонныхъ къ искреннимъ признаніямъ,—что же будетъ, если на нихъ насядетъ, уже не въ литературѣ, а въ дѣйствительной жизни, какой-нибудь Калиновичъ, если ихъ *соблазнятъ* станетъ уже не журнальный, а какой-нибудь другой крикунъ? Въ какой мѣрѣ и надолго-ли удержится тогда благодѣтельное вліяніе благородной личности г. Пирогова? Что станется съ самими педагогическими совѣтами, если ихъ будутъ составлять такія личности, которыя, «не сознавая принциповъ, подчиняются личности» и стремятся къ общественной пользѣ *только потому, да только потому*, что этого желаетъ начальство... И вѣдь такихъ *большинство*... Можетъ быть, г. Е. Суд. судить слишкомъ строго, скажете вы; но вѣдь его слова согласны въ сущности съ тѣмъ, что написано въ «Отчетѣ» самого г. Пирогова. А то вотъ еще отзывъ г. Драгоманова, «недавняго гимназиста», какъ о немъ было сказано въ одной изъ прощальныхъ рѣчей: «старое поколѣніе (воспитателей)—говоритъ онъ—дѣйствуетъ по отсталымъ принципамъ, а молодое пока умѣетъ только говорить о новыхъ. Это, конечно, очень прискорбно, но, тѣмъ не менѣе, этотъ фактъ, фактъ... фактъ... (Видите, какъ сильно!)... Если все предоставить нравственному вліянію, то необходимо положиться исключительно на педагогическій смыслъ и любовь къ дѣлу воспитателей. Ну а положитесь-ка на смыслъ и любовь къ начальству нашихъ воспитателей... *Мы не можемъ удержаться отъ улыбки*»... Въ началѣ письма г. Драгомановъ въ силлогизмъ (котораго первая посылка, вслѣдствіе опечатки, потеряла, впрочемъ, всякій смыслъ) доказываетъ, что если бы г. Пироговъ хотѣлъ заставить учителей дѣйствовать сообразно его началамъ, то «долженъ былъ бы выгнать *почти всѣхъ* учителей»... Таковы они были... Изъ этого г. Драгомановъ, со свойственною ему послѣдовательностью, выводитъ: «что случилось бы съ преобразованіями Пирогова, если бы онъ основывалъ ихъ на личномъ, а не на коллегіальномъ началѣ»... И разумѣетъ, конечно, что тогда преобразованіямъ пришлось бы плохо.

Но какую же прочность и достоинство имѣеть это коллегіальное начало между воспитателями, не имѣющими ни педагогическаго смысла, ни любви къ дѣлу, или дѣйствующими по отсталымъ началамъ, или только

умѣющими говорить о новыхъ, не сознающими здравыхъ принциповъ и только изъ угожденія начальству дѣлающими что-нибудь порядочное? Чѣмъ сдѣлаются пресловутыя «Правила» и «Таблицы» при отсутствіи личнаго вліянія г. Пирогова, при сохраненіи административнаго начала въ воспитаніи, при неопредѣленности нѣкоторыхъ пунктовъ, при просторѣ, предоставленномъ воспитателямъ въ опредѣленіи проступковъ, при узаконеніи въ «Правилахъ» «безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія»? Смотри на «Правила» просто какъ на кодексъ, совершенно независимо отъ личности г. Пирогова, наблюдавшаго за ихъ исполненіемъ, — на нихъ нельзя возлагать большихъ надеждъ: г. Пироговъ сознается, что они «несовершенны»; я уже говорилъ и доказывалъ, что мнѣ они кажутся очень и очень несовершенными. Г. Пироговъ, однако, доказываетъ фактами, что они принесли пользу; но изъ фактовъ этихъ не видно одного: дѣйствовали-ли тутъ «Правила», или болѣе, — а можетъ быть *только* — и «желаніе угодить попечителю, человѣку прославленному», и пр... Подождемъ, что будетъ безъ г. Пирогова, дождемся слѣдующихъ двухъ-трехъ отчетовъ, — тогда и окажется, до какой степени полезны сами «Правила», безъ личнаго участія г. Пирогова въ примѣненіи ихъ...

Вотъ опасность, о которой я намекнулъ выше, что она грозитъ дѣлу, отъ системы, принятой г. Пироговымъ, то-есть, отъ системы уступокъ большинству, которое, по словамъ его же поклонниковъ, ничего лучше не желало, какъ сдѣлать угодное начальнику... Положеніе должно было представляться тѣмъ болѣе комическимъ, что г. Пироговъ не могъ же предоставить большинству, или вообще коллегіямъ, всѣхъ правъ и всѣхъ условій, необходимыхъ для успѣшности ихъ дѣйствій: административное начало, учебная формалистика, прежніе уставы и законоположенія — все это оставалось и связывало свободную дѣятельность коллегій, если бы онѣ даже и оказались склонны къ какимъ-нибудь свободнымъ нововведеніямъ... Я опять не ссуждаю здѣсь г. Пирогова (считаю не лишнею эту оговорку); я вѣрю, что въ это положеніе онъ не могъ сдѣлать ничего лучше того, что сдѣлалъ... Но я опять не вѣрю и громадности тѣхъ послѣдствій отъ «Правиль» и коллегіальнаго начала, которая высчитаны въ дюжинѣ торжественныхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову. Если къ отмѣнѣ розги нельзя было вдругъ привести педагоговъ и общество, то можно-ли въ два съ половиною года (время попечительства г. Пирогова) привести ихъ къ отмѣнѣ произвола и къ строгому уваженію законности.

«Вотъ мы и правы были, — кричатъ гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ: — вотъ г. — *бова* и самъ договорился до теоріи либеральнаго деспотизма, утверждая, что система уступокъ коллегіямъ со

стороны г. Пирогова была нехороша и даже грозитъ какою-то опасностью дѣлу»...

Нѣтъ, господа, вы все-таки не правы. Я уже сказалъ, что меня занимаютъ не личныя достоинства г. Пирогова, а самое дѣло. Г. Пироговъ дѣйствовалъ отлично, насколько могъ, но дѣло оттого мало подвинулось... Что оно мало подвинулось, это ужъ не отъ г. Пирогова зависѣло, а отъ того положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ. Можетъ быть, еслибъ онъ дѣйствовалъ иначе, было бы хуже, можетъ быть—вышло бы въ концѣ концовъ тоже самое; но, во всякомъ случаѣ, погодите кричать о великихъ прогрессахъ, о неизмѣримо-благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, о внезапномъ перерожденіи и пр... Этого, господа, не бываетъ... На торжественныхъ проводахъ можно говорить что угодно, особенно если это пріятно, г. Пирогову: отчего же не воздать честь человѣку? Но честь честью, а дѣло дѣломъ. А дѣло могло бы пойти успешно только тогда, когда бы—Пироговъ-ли или кто другой—направилъ всѣ свои усилія на рѣшительное и коренное измѣненіе того положенія, которое оказалось препятствіемъ для г. Пирогова на пути болѣе широкихъ реформъ. И въ этомъ-то состоитъ наше требованіе отъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей: въ сравненіи съ нимъ всѣ остальные требованія—весьма почтенныя сами по себѣ,—кажутся намъ слабы и мелки.. Но мы сами ошиблись, думая нѣкогда, что такое требованіе выполнимо хоть до нѣкоторой степени для единичной личности; теперь, на примѣрѣ же г. Пирогова мы убѣдились, что оно рѣшительно невыполнимо даже для самыхъ лучшихъ личностей, если онѣ дѣйствуютъ только сами собой... Нужно, чтобъ общество, чтобъ сама *среда* обратила вниманіе на свое положеніе и почувствовала необходимость измѣнить его. Среда же—это всѣ мы: и г. Пироговъ, и г. Е. Суд., и я, и г. Драгомановъ—всѣ принадлежимъ къ этой средѣ и всѣ обязаны хлопотать, насколько есть силъ и умѣнья, о существенномъ измѣненіи нашего положенія, чтобы развязаны были намъ руки на проведеніе нашихъ задушевныхъ убѣжденій. Вотъ смыслъ и цѣль—какъ предыдущей, такъ и настоящей моей статьи по поводу кіевскихъ «Правилъ».

Поймутъ-ли меня г. Драгомановъ и компанія? Не очень надѣюсь, но желалъ бы, чтобъ поняли: въ людяхъ молодыхъ и свѣжихъ все же больше силы, даже для того, чтобъ, не стыдясь прежнихъ увлеченій, перейти къ новымъ требованіямъ.

Но зачѣмъ же я самъ составилъ такое жалкое изображеніе этой среды, къ которой еще разъ обращаюсь? Вѣдь, если прежде сказали, что я написалъ статью для оскорбленія г. Пирогова, такъ теперь рѣшатъ, пожалуй, что я писалъ для оскорбленія всѣхъ кіевскихъ педагоговъ, всего учебнаго округа... Пожалуй, что и рѣшатъ. Но вѣдь это не мое изобрѣ-

теніе,—я сгруппировалъ лишь нѣкоторыя черты, сообщенныя самими кіевлянами... А зачѣмъ я группировалъ ихъ?., Да положимъ хоть за тѣмъ, чтобъ имѣть удовольствіе видѣть потомъ ошибочность своихъ мрачныхъ предположеній... Можетъ быть, на зло этой статейкѣ, кіевляне дѣйствительно проникнутся *истинными* началами г. Пирогова, будутъ смѣло, во имя ихъ, идти противъ всякаго крикуна, разумно и гуманно разбирать проступки гимназистовъ и совсѣмъ выведутъ изъ употребленія розгу. Когда наступитъ этотъ безмятежный вечеръ въ кіевской педагогикѣ (что мы узнаемъ изъ будущихъ отчетовъ), тогда я съ радостью похваляю утро, принесенное въ Кіевъ г. Пироговымъ.

Сочиненія С. Аксакова.

I.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ ПОМѢЩИКА ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ.

(Дѣтскіе годы Багрова-внука, служащіе продолженіемъ „Семейной хроники„ С. Аксакова. Москва. 1858 г.).

Рѣшаясь говорить о новой книгѣ г. Аксакова, мы прежде всего отстраняемъ отъ себя всякое сужденіе о художественныхъ достоинствахъ этой книги. Распространяться о нихъ мы считаемъ излишнимъ по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главныя состоятъ въ томъ, что, во-первыхъ, это было бы крайне скучно, а во-вторыхъ, что мы слишкомъ уважаемъ фактическую правду мемуаровъ г. Аксакова, чтобы силится отыскать въ нихъ еще правду художественную. Мы согласны, конечно, что и въ самыхъ правдивыхъ воспоминаніяхъ можетъ быть много художественныхъ достоинствъ, состоящихъ въ способѣ представленія предметовъ и даже въ самомъ изложеніи. Но кому же было бы интересно слѣдить за ними, если бы мы стали отыскивать подобныя достоинства въ «Дѣтскихъ годахъ» г. Аксакова? Ровно два года тому назадъ, всѣ журналы полны были восторженными похвалами художественному таланту г. Аксакова, обнаруженному имъ въ «Семейной хроникѣ». Авторитетъ С. Т. Аксакова установился съ тѣхъ поръ незыблемо. Его нѣкоторые поставили главою современной русской литературы, и этому никто не думалъ противорѣчить, исключая г. К. С. Аксакова, который въ началѣ прошлаго года, обзрѣвая въ «Русской Бесѣдѣ» современную нашу литературу, выразилъ мнѣніе, діаметрально противоположное взглядамъ поклонниковъ С. Т. Аксакова. Именно, г. К. С. Аксаковъ объявилъ, что С. Т. Аксаковъ не только не есть глава современной русской литературы, но даже

ровсе и не принадлежит къ ней, а стоитъ какъ-то «совершеннымъ образомъ». Должно полагать, впрочемъ, что и этотъ, столь неблагопріятный, отзывъ вызванъ былъ болѣе потребностью сказать и здѣсь хоть что-нибудь въ пику западникамъ, превозносившимъ «Семейную хронику», нежели дѣйствительнымъ желаніемъ отнять С. Т. Аксакова у современной русской литературы. Какъ бы то ни было, въ послѣдніе два года С. Т. Аксаковъ, по признанію всѣхъ своихъ поклонниковъ, занялъ безспорно первое мѣсто въ ряду русскихъ писателей. Этого мало: художественныя достоинства произведеній С. Т. Аксакова были такъ ярки, что обратили вниманіе многихъ на нравственныя качества самого автора и доставили ему всеобщее уваженіе, уже просто, какъ человѣку; поразительное доказательство этого уваженія мы видѣли недавно въ студентахъ Казанскаго университета, праздновавшихъ свой университетскій юбилей. Но еще болѣе разительный примѣръ представили петербургскіе студенты: задумавши издавать «Сборникъ» своихъ ученыхъ трудовъ, они сочли долгомъ испросить на это одобреніе г. Аксакова и были въ великомъ восторгѣ, когда авторъ «Семейной хроники» одобрилъ ихъ намѣреніе издавать ученый сборникъ. Вскорѣ послѣ того, одинъ студентъ, писавшій въ «Молву» письма о томъ, что онъ «Молвѣ» очень сочувствуетъ, а петербургскихъ журналовъ не терпитъ за то, что они ограничиваются случайными воззрѣніями своихъ случайныхъ сотрудниковъ,—этотъ самый студентъ, отъ лица всего Петербургскаго университета, называлъ С. Т. Аксакова другомъ человѣчества и русскаго народа и даже *«мъриломъ истины и справедливости»*. Всѣ это мы припоминаемъ затѣмъ, чтобы показать, до какой степени великъ авторитетъ С. Т. Аксакова въ глазахъ многочисленныхъ его поклонниковъ. Нашъ голосъ ничего не могъ бы прибавить къ извѣстности автора «Дѣтскихъ годовъ», какъ бы мы ни разсыпались къ похваламъ имъ; точно также, какъ бесплодны были бы всѣ наши усилія, если бы мы вздумали доказывать, что новая книга г. Аксакова не имѣетъ такихъ достоинствъ, какъ его прежнія воспоминанія. Поэтому мы рѣшили, что гораздо благоразумнѣе будетъ съ нашей стороны—не утомлять читателей подробнымъ анализомъ художественныхъ совершенствъ или недостатковъ «Дѣтскихъ годовъ». Авторитетъ г. Аксакова утвердился въ общественномъ мнѣніи, а разъ утвердившіеся авторитеты держатся въ немъ до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ значительной перемѣны вообще въ понятіяхъ и направленіи общества. Возставать же противъ общаго мнѣнія благонамѣренная критика можетъ и должна только тогда, когда вліяніе авторитета оказывается вреднымъ для общества. Но литературная дѣятельность С. Т. Аксакова такъ чиста и благородна, что критикъ остается съ радостью

принять общій приговоръ публики. Значеніе прежнихъ разсказовъ г. Аксакова было утверждено публикою; она же рѣшитъ и значеніе новой его книги. Намъ остается сказать немного о содержаніи «Дѣтскихъ годовъ»; а, потомъ мы намѣрены обратить вниманіе читателей на одну сторону воспоминаній г. Аксакова ¹⁾, особенно насъ заинтересовавшую,—именно на то, какою является въ его разсказахъ жизнь нашихъ старинныхъ помѣщиковъ въ ихъ деревняхъ.

Всѣ воспоминанія, находящіяся въ «Дѣтскихъ годахъ», относятся къ деревенской жизни помѣщиковъ.—родныхъ Багрова, въ Багровѣ и Чурасовѣ, и къ переѣздамъ изъ одного села въ другое. Немного страницъ посвящено описанію жизни въ Уфѣ. Въ изображеніяхъ природы и своихъ личныхъ впечатлѣній, авторъ отличается тою же обстоятельностью, какая замѣтна была и въ прежнихъ его произведеніяхъ. Намъ кажется даже, что здѣсь эта обстоятельность выразилась еще болѣе, нежели въ прежнихъ произведеніяхъ г. Аксакова. Причина этого очень понятна: воспоминанія дѣтства всегда живѣе представляются человѣку, нежели

¹⁾ Мы называемъ „Дѣтскіе годы“ воспоминаніями г. Аксакова, несмотря на то, что онъ самъ прикрылся здѣсь именемъ Багрова, отъ лица котораго велъ „Семейную хронику“. Не понимая, къ чему можетъ служить дальнѣйшее удержаніе псевдонима, раскрытаго уже самимъ авторомъ, мы не считаемъ нескромностью называть здѣсь С. Т. Аксакова собственнымъ именемъ. Мы, конечно, не осмѣлились бы сдѣлать этого, если бы предъ нами не было „Воспоминаній“ г. Аксакова, изданныхъ имъ два года тому назадъ отъ своего имени и служащихъ непосредственнымъ продолженіемъ „Дѣтскихъ годовъ“. Последняя глава „Дѣтскихъ годовъ“ оканчивается тѣмъ, что родители Багрова, Алексѣй Степановичъ и Софья Алексѣевна, отправляются, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Сережей въ Казань, помолиться тамошнимъ чудотворцамъ, изъ села Чурасова, Симбирской губерніи, гдѣ они гостили у тетюшки, Прасковьи Ивановны. Съ ними отправилась Параша, нянька Сережи, а младшій братъ и сестра его остались въ Чурасовѣ. Это было въ январѣ мѣсяцѣ. „Я поѣхалъ,—говоритъ Сережа Багровъ,—не мечтая о томъ, что ожидало меня впереди. А впереди ожидало меня начало важнѣйшаго событія въ моей жизни“... При этомъ г. Аксаковъ замѣчаетъ: „Здѣсь прекращается повѣствованіе Багрова-внука о своемъ дѣтствѣ. Онъ утверждаетъ, что дальнѣйшіе разсказы относятся уже не къ дѣтству его, а къ отрочеству“. Эти самые разсказы, относящіеся къ отрочеству, находимъ мы въ „Воспоминаніяхъ“ самого г. Аксакова, которыя начинаются такимъ образомъ. „Въ серединѣ зимы 1799 г. мы пріѣхали въ губернскій городокъ К. Мнѣ было восемь лѣтъ... Сестра моя и братъ, оба меня моложе, остались въ Симбирской губерніи, въ богатомъ селѣ Чурасовѣ, у двоюродной тетки моего отца, отъ которой въ будущемъ ожидали мы наслѣдства. Отецъ и мать ѣздили въ соборъ помолиться, и еще куда-то, по своимъ дѣламъ, по меня не брали съ собою, боясь жестокихъ крещенскихъ морозовъ. Обѣдали они дома, но послѣ опять уѣхали; утомленный новыми впечатлѣніями, я заснулъ ранѣе обыкновеннаго, болтая и слушая болтовню пріѣхавшей съ нами женщины Параша“. Уже одного этого начала достаточно было для убѣжденія внимательнаго читателя въ тождествѣ Аксакова и Багрова. Но далѣе, въ продолженіи собственныхъ воспоминаній г. Аксакова, безпрестанно попадаются такія вещи, которыя, наконецъ, уничтожаютъ всякое сомнѣніе въ головѣ самаго недогадливаго читателя. Село Багрово, описанное въ „Дѣтскихъ годахъ“,—совершенно то же, что и Аксаково въ „Воспоминаніяхъ“: и въ томъ

воспоминанія о послѣдующихъ годахъ его жизни. Тѣмъ болѣе должно было проявиться это въ г. Аксаковѣ, который, какъ видно изъ его воспоминаній, всегда отличался болѣе субъективной наблюдательностью, нежели испытующимъ вниманіемъ въ отношеніи къ внѣшнему міру. Эта субъективная наблюдательность началась въ немъ весьма рано. Онъ рассказываетъ, что помнитъ себя, когда отнимали его отъ кормилицы, и даже нѣсколько раньше. «Я помню себя,—говоритъ онъ,—лежащимъ ночью то въ кроваткѣ, то на рукахъ матери, и горько плачущимъ: съ рыданіемъ и воплями повторялъ я одно и то же слово, призывая кого-то, и кто-то являлся въ сумракѣ слабо освѣщенной комнаты, бралъ меня на руки, клалъ къ груди, и мнѣ становилось хорошо». Такимъ просто-

и въ другомъ селѣ—тотъ же Бугурусланъ, тѣ же Антошкины мостки, Мордовскій врагъ, тѣ же слуги — Никаноръ Танайченскъ, Иванъ Мазанъ, — тотъ же дядька — Ефремъ Евсейчъ, та же ключница Палагея съ тою же сказкою объ „аленькомъ цвѣточкѣ“; въ окрестностяхъ—тѣ же села: Неклюдово и Мордовскій Бугурусланъ. Даже самыя ничтожныя подробности сходятся слишкомъ близко, чтобы не замѣтить ихъ тождества. Вотъ примѣръ. Въ Багровѣ описывается маленькій островокъ на Бугурусланѣ, такимъ образомъ: „тамъ было очень хорошо: берега были обсажены березами, которыя разрослись, широко раскинулись и давали густую тѣнь; липовая аллея пересѣкала островъ по срединѣ: она была тѣсно насажена и подъ нею вѣчно былъ сумракъ и прохлада... На островъ нерѣдко съ нами хаживала тетушка Татьяна Степановна. Сидя подъ освѣжительной тѣнью, на берегу широко и рѣзво текущей рѣки, иногда съ удочкой въ рукѣ, охотно слушала она мое чтеніе... Тетушка любила дѣлать надписи на бѣлой и гладкой кожѣ березъ и даже вырѣзывала иногда ножичкомъ или накалывала толстой булавкой разные стишки изъ своего пѣсенника“ („Дѣтскіе годы“, стр. 375—7). А вотъ описаніе подобнаго же островка уже не въ Багровѣ, а въ Аксаковѣ. „Это было любимое мѣсто моей тетки Евгеніи Степановны, все засаженное по берегу рѣки березами и пересѣченное по срединѣ липовой аллеей... Евгенія Степановна, хотя и не получила никакого воспитанія, какъ и всѣ ея сестры, но имѣла въ душѣ какое то влеченіе къ образованности и любовь къ природѣ. У ней водились кое-какія книжечки: старинные романы (вѣроятно доставленные ей братомъ) и театральныя пьески. Тетка любила читать книжку на островѣ и удить рыбу въ глубокой Старицѣ. На многихъ березахъ вырѣзала она свое имя и числа разныхъ годовъ и мѣсяцевъ, даже какіе-то стишки изъ пѣсенника“ (Сем. хр. и Восп., стр. 236). Примѣровъ такого сходства всего Багровскаго съ Аксаковскимъ мы могли бы найти очень много; но, полагаемъ, довольно и одного для полного убѣжденія, что подъ именемъ Багорова С. Т. Аксаковъ рассказываетъ свои собственные воспоминанія. Мы особенно настаиваемъ на этомъ тождествѣ именно потому, что хотимъ разсматривать не художественную, а фактическую сторону „Дѣтскихъ годовъ“. Какъ бы факты ни были согласны съ самою природою вещей, какъ бы рельефно и осязательно ни были они представлены, но все же — то, что случалось съ неизвѣстнымъ намъ миѣическимъ Багровымъ, никогда не можетъ имѣть такого реальнаго, историческаго значенія, какъ то, о чемъ рассказываетъ намъ, какъ очевидецъ, С. Т. Аксаковъ. Его воспоминаніями мы будемъ пользоваться какъ мемуарами, заключающими въ себѣ дѣйствительно случившіяся событія, безъ всякой примѣси поэтическаго вымысла. Вотъ почему постарались мы прежде всего обратить вниманіе на тождество Багорова съ авторомъ „Воспоминаній“, тождество, уже раскрытое, но не объясненное прямо самимъ авторомъ. Сдѣлавши эти необходимыя замѣчанія, мы, уже нѣсколько не стѣсняясь, будемъ употреблять имя г. Аксакова вмѣсто вымышленнаго имени Багорова,—гдѣ это будетъ нужно.

душно-правдивымъ характеромъ отличаются всѣ записки о дѣтскихъ годахъ Багрова, и мы ни на одной страницѣ ихъ не нашли, чтобы авторъ ихъ усиливался возвысить какою-нибудь художественною прибавкою простую правду своихъ воспоминаній. Видно, что онъ безыскусственно повѣрялъ бумагѣ все, что ему рисовала его память, не стѣсняясь даже тѣмъ, что въ дѣтской жизни его было много моментовъ, до известной степени повторявшихъ другъ друга. Онъ дорожилъ каждою подробностью и записывалъ ее столько разъ, сколько разъ она припоминалась. Такъ, много разъ описываетъ онъ дорогу, уже знакомую читателямъ, много страницъ занимаетъ подробнымъ изображеніемъ своихъ чувствъ, уже не первый разъ появляющихся въ его душѣ ¹⁾.

Каждый изъ этихъ частныхъ моментовъ, изъ этихъ особенныхъ состояній, внесенъ авторомъ въ записки, конечно, потому, что для него самого они имѣютъ все-таки свои оттѣнки, свои различія, хотя различія

¹⁾ Чтобы не дѣлать длинныхъ выписокъ, мы ограничимся здѣсь; для подтвержденія своихъ словъ, тѣмъ, что выпишемъ изъ „Дѣтскихъ годовъ“, изображеніе того, какъ встрѣчаютъ молодыхъ Багровыхъ каждый разъ, какъ они пріѣзжаютъ въ это село.

(Стр. 77). „Бабушка и тетушка встрѣтили насъ на крыльцѣ. Онѣ съ восклицаніями и, какъ мнѣ показалось, со слезами обнимались и целовались съ моимъ отцомъ и матерью, а потомъ и насъ съ сестрой перецеловали“...

(Стр. 107). „Двери были растворены настежь; въ сѣняхъ уже стояли бабушка, тетушка и двоюродныя сестрицы. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, такъ что на крыльцо нельзя было выдти, подъѣхала карета, въ окошкѣ мелькнулъ образъ моей матери, и съ этой минуты я ничего не помню“...

(Стр. 202). „Насъ ожидали, догадались, что это мы ѣдемъ, и потому, несмотря на ночное время и стужу, бабушка и тетушка Татьяна Степановна встрѣтили насъ на крыльцѣ; обѣ плакали навзрыдъ“...

(Стр. 256). „Когда мы подъѣхали къ дому, бабушка, въ полгода очень постарѣвшая, и тетушка Татьяна Степановна стояли уже на крыльцѣ. Бабушка съ искренними, радостными слезами обняла моего отца и мать“.

(Стр. 327). „Тетушка выбѣжала на крыльцо и очень намъ обрадовалась, а бабушка еще больше: изъ мутныхъ, безцвѣтныхъ и какъ будто потухшихъ глазъ ея катились крупныя слезы. Она благодарила отца и особенно мать“... и проч.

(Стр. 450). „Нашу карету увидѣли издали, когда она начала спускаться съ горы, а потому не только тетушки и дяди, но вся дворня и множество крестьянъ и крестьянокъ собрались у крыльца. Можно себѣ вообразить, сколько тутъ было слезъ, рыданій, причитаній, обниманья и целованья“...

Въ этихъ шести встрѣчахъ есть нѣкоторая разница; но она понятна болѣе для автора, нежели для читателя, который, при однообразіи общей формы, легко можетъ перемѣшать ихъ. Если бы С. Т. Аксаковъ составилъ изъ своихъ воспоминаній какое-нибудь художественное цѣлое, то, конечно, онъ сумѣлъ бы, съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, избѣгнуть всѣхъ повтореній и ненужныхъ подробностей. Но его разсказъ постоянно поражаетъ насъ безыскусственною, наивною простотою лѣтописи, и это обстоятельство еще болѣе возвышаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе его записокъ, какъ несомнѣннаго памятника временъ мпнувшихъ. Для того, чтобы ярче выставить это значеніе „Дѣтскихъ годовъ“, мы и останавливаемся нѣсколько на той подробности, съ которою авторъ передаетъ каждый отдѣльный моментъ своихъ дѣтскихъ впечатлѣній.

эти почти неуловимы для читателя. Но за то тѣмъ болѣе довѣрія внушаютъ рассказы г. Аксакова, тѣмъ живѣе является передъ нами эта жизнь, не составленная художественнымъ образомъ изъ обломковъ и лоскутковъ, а просто изображенная въ своей фактической вѣрности. Видно, что авторъ дорожилъ всѣмъ, что только сохранила его память: много страницъ посвящаетъ онъ описанію кормежекъ лошадей и ночевокъ въ дорогѣ; на многихъ страницахъ изображаетъ свои удочки и уженье, свое засыпаніе и пробужденіе, свои книжки, свои болѣзни, и проч. ¹⁾ Для иныхъ изъ читателей можетъ показаться излишнимъ и утомительнымъ безпрестанное описыванье одной и той же дороги, то весной, то лѣтомъ, то осенью, то зимою; одного и того же уженья, то на Мешѣ, то на Демѣ, то на Бѣлой, то на Бугурусланѣ. Но мы увѣрены, что такое мнѣніе можетъ явиться только у тѣхъ читателей, которые совершенно несправедливо захотятъ видѣть въ «Дѣтскихъ годахъ» простое произведеніе легкой литературы. Напротивъ, кто обратитъ вниманіе на историческое значеніе записокъ С. Т. Аксакова, тотъ не посѣтуетъ на автора за излишнюю растянutosть его воспоминаній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такія же требованія предъявлялись нѣкоторыми по поводу «Записокъ Болотова», печатавшихся въ одномъ изъ нашихъ журналовъ: говорили, что онѣ слишкомъ длинны и требовали сокращенія. Намъ тогда еще казались не совсѣмъ справедливыми жалобы на растянutosть мемуаровъ, и мы не понимали, какъ можно сокращать ихъ, по тому уваженію, что то или другое можетъ показаться скучнымъ для большинства читателей. Такого рода сокращенія можно дѣлать въ посредственныхъ драмахъ для сцены, да въ легкихъ произведеніяхъ беллетристики. Но въ истинномъ историческомъ повѣствованіи каждая подробность можетъ, при случаѣ, пригодиться, если не тому, такъ другому. Напримѣръ, для людей, сие-

¹⁾ Для образца того, съ какою подробностью авторъ описываетъ всѣ самыя мелочныя обстоятельства своей дѣтской жизни, приведемъ здѣсь описаніе приготовления миндальнаго пирожнаго.

(Стр. 118—119). „Миндальное пирожное всегда приготовляла она сама (мать Вагрова), и смотрѣть на это приготовленье было однимъ изъ любимыхъ моихъ удовольствій. Я внимательно наблюдалъ, какъ она обдавала миндаль кипяткомъ, какъ счищала съ него разбухшую кожицу, какъ выбирала миндалины только самыя чистыя и бѣлыя, какъ заставляла толочь ихъ, если пирожное приготовлялось изъ миндальнаго тѣста, или какъ сама рѣзала ихъ ножницами и, замѣсивъ эти обрѣзки на яичныхъ бѣлкахъ, сбитыхъ съ сахаромъ, дѣлала изъ нихъ чудныя фигурки: то вѣнки, то короны, то какія-то шапки или звѣзды; все это сажалось на желѣзный листъ, усыпанный мукою, и посылалось въ кухонную печь, откуда приносилось уже передъ самымъ обѣдомъ, совершенно готовымъ и поджарившимся. Мать, щегольски разодѣтая, по данному ей отъ меня знаку, выбѣгала изъ гостиной, надѣвала на себя высокій, бѣлый фартукъ, снимала бережно ножичкомъ чудное пирожное съ желѣзнаго листа, каждую фигурку окропляла малиновымъ сиропомъ, красиво накладывала на большое блюдо и возвращалась къ гостямъ“.

іально занимающихся педагогическими вопросами, будутъ, вѣроятно, интересны въ «Дѣтскихъ годахъ» многія мелочи, которыя могутъ показаться кучными для охотниковъ и рыболововъ; а эти послѣдніе, въ свою очередь, найдутъ здѣсь много частныхъ замѣтокъ о птицахъ и рыбахъ, лещахъ, поплавкахъ и удочкахъ,—замѣтокъ, не интересныхъ для большинства, но для нихъ, можетъ быть, очень важныхъ. Точно такъ — для врачей могутъ быть не лишены любопытства многія подробности о болячкахъ и о нервныхъ раздраженіяхъ Сережи, для психологовъ — его субъективныя наблюденія, для историковъ литературы — замѣчанія о книжкахъ, какія онъ читалъ и какія были тогда въ ходу, и пр. Такъ точно для насъ показались особенно интересными тѣ части воспоминаній г. Аксакова, въ которыхъ рисуется деревенская жизнь нашихъ старинныхъ помѣщиковъ, и мы весьма благодарны автору, что онъ не скрывалъ и не сокращалъ ничего въ тѣхъ фактахъ, которые сохранились въ его памяти. Мы даже сожалѣли, что нашли въ книгѣ г. Аксакова менѣе подробностей объ этомъ предметѣ, нежели сколько ожидали, судя по тому, что дѣтскіе годы Багрова проходятъ среди тѣхъ людей, воспоминанія о которыхъ доставили г. Аксакову такой богатый матеріалъ для созданія нѣкоторыхъ типичныхъ «Семейной хроники». Скудость изображеній, относящихся къ жизни людей, окружавшихъ ребенка, объясняется, впрочемъ, весьма удовлетворительно, отчасти тѣмъ, что въ этой жизни не было почти ничего рѣзкаго и поражающаго, отчасти же особенностями личного характера автора. По природѣ своей и по первоначальному воспитанію, подъ вліяніемъ матери, съ которой, конечно, хорошо знакомы читатели «Семейной хроники», авторъ вовсе не принадлежалъ къ числу дѣтей, рано втягивающихся въ практическую жизнь и съ первыхъ дней жизни изострающихъ все свои способности для живого и пытливаго наблюденія ея явленій. Кругъ интересовъ маленькаго Сережи долгое время былъ ограниченъ только міромъ внутренняго чувства, и изъ внѣшняго міра онъ обращалъ вниманіе только на то, какое ощущеніе — пріятное или непріятное — производили на него предметы. Восхищеніе пріятными предметами и отвращеніе отъ непріятныхъ, доходящее часто до нервической болѣзни, выражается вездѣ у автора весьма ярко. Но пытливаго вопроса, склонности къ работѣ мысли почти вовсе не замѣтно, точно такъ, какъ и въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ автора изъ періода гимназій. Нѣсколько разъ, правда, уклоненія отъ логики, естественной каждому человеку и еще не поврежденной въ ребенкѣ, вызываютъ и его размышленіе и вопросъ. Напримеръ, когда мать Сережи упрашивала его отца смѣнить старосту Миронича, въ селѣ, принадлежащемъ ихъ тетускѣ, за то, что онъ обременяетъ крестьянъ и, между прочимъ, одного больного старика, и когда

отецъ говорилъ ей, что этого нельзя сдѣлать, потому что Миронычъ родня Михайлушкѣ, а Михайлушка въ большой силѣ у тетушки, то Сережа никакъ не могъ сообразить этого и задавалъ себѣ вопросы: «за что страдаетъ больной старичекъ, что такое злой Миронычъ, какая это сила Михайлушка и бабушка? Почему отецъ не позввлилъ матери сейчасъ же прогнать Мироныча? Стало, отецъ можетъ это сдѣлать? Зачѣмъ же онъ не дѣлаетъ? Вѣдь онъ добрый, вѣдь онъ никогда не сердится» (58 стр.). Для разрѣшенія своихъ сомнѣній, мальчикъ прибѣгаетъ къ родителямъ; тѣ стараются объяснить дѣло, какъ умѣютъ. Но легко понять, что ихъ объясненія остаются крайне несостоятельными предъ чистой дѣтской логикою, и дѣло оканчивается тѣмъ, что ребенку велятъ читать книжку или заняться игрушками. Такъ почти каждый разъ останавливается пытливость мальчика, особенно со стороны матери, которая часто находитъ случай сказать ему: «ты еще, другъ мой, малъ и ничего не понимаешь». Немудрено, если ребенокъ не умѣлъ и не хотѣлъ бродить одинъ въ лабиринтѣ запутанныхъ отношеній, среди которыхъ прошло его дѣтство и которыя трудно было бы разобрать и опытному взгляду, свободному отъ всепримиряющей и все обезсмысливающей рутины. Немудрено, что живой, воспріимчивый мальчикъ обратился исключительно къ природѣ и своему внутреннему чувству и сталъ жить въ этомъ мірѣ, въ которомъ не встрѣчалъ столько противорѣчій, какъ въ окружающихъ его житейскихъ явленіяхъ. Впрочемъ, все это объяснится всего лучше тогда, когда мы рассмотримъ эту самую жизнь, какъ изображаютъ ее намъ воспоминанія г. Аксакова, хотя его наблюденія по этой части и не столько обильны, какъ мы бы желали.

Прежде всего мы должны замѣтить, что жизнь, которую хотимъ мы представить читателямъ, по запискамъ, относящимся по своему содержанию къ концу прошедшаго столѣтія, вовсе не похожа на жизнь нынѣшнихъ помѣщиковъ. Нынѣ распространившееся образованіе измѣнило во многомъ даже деревенскую жизнь. Помѣщики, конечно, поняли нынѣ свои отношенія къ крестьянамъ гораздо лучше, чѣмъ прежде: доказательствомъ этого можетъ служить то радостное чувство, съ которымъ принимается ими за исключеніемъ самыхъ грубыхъ и необразованныхъ, Высочайшая воля объ освобожденіи крестьянъ. Нынѣ уже рѣдки помѣщики, которые живутъ одними только трудами своихъ крестьянъ и сами ничего не дѣлаютъ; нынѣ дворяне считаютъ своей обязанностью служить, или и внѣ службы имѣть какія-нибудь полезныя занятія. Съ теченіемъ времени все больше и больше количество дворянъ начинаютъ заводить у себя улучшения по сельскому хозяйству, принимать участіе въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, и т. п. Рѣдкій помѣщикъ, живущій въ деревнѣ,

въ наше время не выписываетъ журналовъ и хорошихъ книгъ... Слѣдовательно, у нихъ есть куда дѣвать свое время не безъ пользы, и, кромѣ того, есть сознание необходимости трудиться самому и, при помощи просвѣщающаго вліянія новыхъ книгъ, есть уваженіе къ человѣческому достоинству и въ лицѣ крестьянина. Съ переменною крѣпостныхъ отношеній исчезнетъ, безъ всякаго сомнѣнія, и послѣдняя возможность такихъ явленій, какія бывали въ помѣщичьемъ быту въ старину, и тогда рассказы о Степанѣ Михайловичѣ Багровѣ и Михайлѣ Максимовичѣ Куролесовѣ покажутся неправдоподобной выдумкой. Впрочемъ, они и теперь существуютъ уже только въ воспоминаніяхъ старыхъ людей, и къ нимъ-то относятся «Дѣтскіе годы Багрова-нука».

Отецъ маленькаго Сережи жилъ сначала въ Уфѣ и служилъ тамъ. Мать его знала цѣлый городъ, какъ дочь бывшаго товарища намѣстника, и потому знакомство у нихъ было обширное; ихъ безпрестанно посѣщали гости и, значитъ, для всего семейства было развлеченіе отъ скуки. Но таково было вліяніе воспитателей того времени, непривычки къ серьезному труду и неумѣнья найти высшіе интересы въ жизни; такова была сила ложныхъ отношеній, въ какихъ стояли тогда Багровы и всѣ ихъ родственники и знакомые,—что даже и въ городской жизни выражалась та же праздность и апатія, въ какую они погружались въ деревнѣ. Такъ, два дяди Сережи и ихъ пріятель, адъютантъ Волковъ, забавлялись тѣмъ, что дразнили столяра Михея, желая видѣть, какъ онъ разсердится; потомъ, ту же забаву перенесли на нервнаго, раздражительнаго Сережу, и его дразнили, сочиняя указы о солдатствѣ, по которымъ, будто бы, возмуть его въ рекруты, или рядныя записи, по которымъ Волковъ женится на маленькой сестрѣ его... Забавы, какъ видите, очень филантропическія и благоразумныя. Когда же ребенокъ одинъ разъ вышелъ изъ терпѣнія и пустилъ молоткомъ въ одного изъ своихъ учителей, его оставили безъ обѣда, заперли въ пустой комнатѣ, велѣли просить прощенье у обиженнаго имъ и довели, наконецъ, до того, что мальчикъ захворалъ. Все это казалось необходимымъ, по правиламъ тогдашняго воспитанія, для того, чтобы *переломить характеръ* ребенка. Вообще, на воспитаніе дѣтей никто въ домѣ, какъ видно, не обращалъ большого вниманія. Отецъ каждый день поутру уѣзжалъ въ должность, а вечеромъ принималъ гостей или самъ уѣзжалъ въ гости. Даже мать, хоть и очень любила своего сына и часто говорила съ нимъ, но болѣе ограничивалась ухаживаньемъ за нимъ, оставляя его воспитаніе на рукахъ Параша и Евсенча; часто разспросы ребенка прекращала она словами: «ты еще мать», или «объ этомъ мы поговоримъ послѣ». Для первоначальнаго ученія мальчика приглашенъ былъ учитель изъ народнаго училища, и одинъ разъ

даже послали Серезу самого въ училище. Здѣсь воспоминанія автора рисуютъ намъ картину, отвратительную не столько вообще по своей грубости, сколько по той ужасной противоположности, какая представляется въ обращеніи школьнаго учителя съ Серезей, сыномъ достаточнаго и значительнаго барина, приглашавшаго его къ себѣ на домъ для уроковъ, и съ бѣдными мальчиками, порученными его смотрѣнію въ училищѣ. Вотъ сцена, оставшаяся въ памяти Серези и представленная имъ съ удивительною яркостью.

Въ одинъ, очень памятный для меня, день, отвезли насъ съ Андрюшей въ саняхъ, подъ надзоромъ Евсеича, въ народное училище, находившееся на другомъ краю города и помѣщавшееся въ небольшомъ деревянномъ домишкѣ. Евсеичъ отдалъ насъ съ рукъ на руки Матвѣю Васильчу, который взялъ меня за руку и ввелъ въ большую, неопрятную комнату, изъ которой неся шумъ и крикъ, мгновенно утихнувшій при нашемъ появленіи,—комнату, всю установленную рядами столовъ со скамейками, какихъ я никогда не видывалъ; передъ первымъ столомъ стояла, утвержденная на какихъ-то подставкахъ, большая черная четверо-угольная доска; у доски стоялъ мальчикъ съ обостреннымъ мѣломъ въ одной рукѣ и съ грязной тряпичей въ другой. Половина скамеекъ была занята мальчиками разныхъ возрастовъ; передъ ними лежали на столахъ тетрадки, книжки и аспидныя доски; ученики были пребольшіе, превысокіе и очень маленькіе, многіе въ однѣхъ рубашкахъ, а многіе одѣты, какъ нищіе. Матвѣй Васильчъ подвелъ меня къ первому столу, велѣлъ ученикамъ потѣсниться и посадилъ съ края, а самъ сѣлъ на стулъ передъ небольшимъ столикомъ, недалеко отъ черной доски; все это было для меня совершенно новымъ зрѣлищемъ, на которое я смотрѣлъ съ жаднымъ любопытствомъ. При входѣ въ классъ, Андрюша пропалъ. Вдругъ Матвѣй Васильчъ заговорилъ такимъ сердитымъ голосомъ, какого у него никогда не бывало,—и съ какимъ-то напѣвомъ: „не знаешь? на колѣни!“, и мальчикъ, стоявшій у доски, очень спокойно положилъ на столъ мѣлъ и грязную тряпицу и сталъ на колѣни позади доски, гдѣ уже стояло трое мальчиковъ, которыхъ я сначала не замѣтилъ и которые были очень веселы; когда учитель оборачивался къ нимъ спиной, они начинали возиться и драться. Классъ былъ арифметическій. Учитель продолжалъ громко вызывать учениковъ по списку, одного за другимъ,—это была въ то же время переключка; оказалось, что половины учениковъ не было въ классѣ. Матвѣй Васильчъ отмѣчалъ въ списокъ, кого нѣтъ, приговаривая иногда: „въ третій разъ нѣтъ: въ четвертый нѣтъ,—такъ розги!“ Я оцѣпенѣлъ отъ страха. Вызываемые мальчики подходили къ доскѣ и должны были писать мѣломъ требуемыя цыфры и считать ихъ какъ-то отъ правой руки къ лѣвой, повторяя: „единицы, десятки, сотни“. При этомъ счетѣ многіе сбивались, и мнѣ самому казался онъ непонятнымъ и мудренымъ, хотя я давно уже выучился самоучкой писать цыфры. Нѣкоторые ученики оказались знающими; учитель хвалилъ ихъ; но и самыя похвалы сопровождались бранными словами, по большей части неизвѣстными мнѣ. Иногда бранное слово возбуждало общій смѣхъ, который вдругъ вырывался и вдругъ утихалъ. Переключивъ всѣхъ по списку и испытавъ въ степени знанія, Матвѣй Васильчъ задалъ урокъ на слѣдующій разъ: дѣло шло тоже о цыфрахъ, о ихъ мѣстахъ и о значеніи нуля. Я ничего не понялъ, сколько потому, что вовсе не зналъ, о чемъ шло дѣло, столько и потому, что сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, пораженный всѣмъ видѣннымъ. Задавъ урокъ, Матвѣй Васильчъ позвалъ сторожей; пришли трое, вооруженные пучками прутьевъ, и принялись съечь мальчиковъ, стоявшихъ на колѣняхъ. При самомъ началѣ этого страшнаго и отвратительнаго для меня зрѣлища, я зажмурился и заткнулъ пальцами уши. Первымъ моимъ движеніемъ было убѣжать, но я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не смѣлъ пошевелиться. Когда утихли крики и звѣрскія восклицанія учителя, долетавшія до моего слуха, не смотря на заткнутыя пальцами уши, я

увидѣлъ живую и шумную вокругъ меня суматоху: забирая свои вещи, всѣ мальчики выбѣгали изъ класса, и вмѣстѣ съ ними наказанные, также веселые и рѣзвые, какъ и другіе. Матвѣй Васильичъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновеннымъ ласковымъ видомъ, взялъ меня за руку и прежнимъ тихимъ голосомъ просилъ „засвидѣтельствовать его низжайшее почтеніе батюшкѣ и матушкѣ“ (стр. 140—43).

Испытавши такія впечатлѣнія, Сережа, разумѣется, явился домой разстроенный и взволнованный. Но его стали увѣрять, что это ничего, что такъ и должно быть, что въ томъ и состоитъ обязанность Матвѣя Васильича, чтобы сѣчь мальчиковъ, не знающихъ урока. Такъ въ то время понимали задачу воспитанія. Но мальчикъ никакъ не могъ удовлетвориться такими понятіями; онъ не могъ примириться съ мыслью, что, по его выраженію, «видѣнное имъ не было исключительнымъ злодѣйствомъ, за которое слѣдовало бы казнить Матвѣя Васильича; что такіе поступки не только дозволяются, но требуются отъ него, какъ исполненіе его должности; что сами родители высѣченныхъ мальчиковъ благодарятъ учителя за строгость, а мальчики будутъ благодарить со временемъ; что Матвѣй Васильичъ могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, сѣчь своихъ учениковъ и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ». Несмотря на всѣ увѣренія въ невинности Матвѣя Васильича, Сережа получилъ къ нему такое отвращеніе, что уже не могъ болѣе у него учиться. Черезъ мѣсяцъ учителю отказали, и такъ какъ другого учителя во всемъ городѣ не было, то отецъ и мать сами замѣнили его. Но ихъ заботы ограничивались немногимъ: всего больше онѣ смотрѣли за тѣмъ, чтобы мальчикъ писалъ какъ можно похожѣе на прописи. А между тѣмъ, мать автора принадлежала, по своей образованности и уму, къ числу женщинъ рѣдкихъ въ то время, и удивляла высотой своего просвѣщенія лучшихъ людей своего времени, какъ напр., Новикова. Она съ крайней неохотой отправлялась на житье въ Багрово, именно потому, что тамъ «все люди грубые и необразованные, съ которыми слова сказать нельзя», и что жизнь въ деревенской глуши, безъ общества умныхъ людей, ужасна. Къ сожалѣнію, авторъ не сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что это было за общество умныхъ людей и что дѣлали молодые Багровы въ своемъ избранномъ обществѣ. По своимъ лѣтамъ и по степени своего развитія, авторъ не могъ еще тогда обратить надлежащаго вниманія на это обстоятельство. Впрочемъ, одинъ особенный случай, рассказанный авторомъ, показываетъ, что жизнь большей части уфимскихъ жителей ограничивалась тогда скорѣе кругомъ личныхъ интересовъ, нежели сочувствіемъ къ явленіямъ, важнымъ въ общественномъ смыслѣ. Случай этотъ—полученіе въ Уфѣ извѣстія о кончинѣ Императрицы Екатерины. Всѣхъ оно огорчило; но губернаторъ В. «публично показывалъ свою радость, что скон-

чалась государыня, цѣлый день велѣлъ звонить въ колокола и вечеромъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на балъ и ужинъ» (стр. 190). Все это дѣлалось «потому, что новый государь его очень любилъ, и онъ надѣялся при немъ сдѣлаться большимъ человѣкомъ». Всѣ были въ негодованіи на явное выраженіе радости губернаторомъ, и всѣ соглашались, когда мать Сережи убѣждала, что не надо ѣхать на балъ къ В. Но тутъ выразилось безсиліе всѣхъ этихъ людей предъ принятой формой, предъ привычкой—являться на каждое приглашеніе губернатора. Убѣжденные, что ѣхать на балъ къ В. не должно и стыдно, всѣ рѣшили, что, однако, *нельзя не ѣхать*, и даже отецъ Сережи отправился туда: «но скоро воротился и сказалъ, что балъ похожъ на похороны и что веселье только В., двое его адъютантовъ и старый депутатъ, С. И. Аничковъ, который не могъ простить покойной государынѣ, зачѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ, и говорилъ, что «пора мужской рукѣ взять скипетръ власти» (стр. 191). Случай этотъ, показывая, до какой степени общіе интересы и убѣжденія уступали мѣсто частнымъ расчетамъ, не представляетъ въ особенно-хорошемъ свѣтѣ избранное уфимское общество. Равнымъ образомъ, не видимъ мы доказательства особенной развитости этого общества въ томъ обстоятельстве, что здѣсь «всегда говорили потихоньку» объ извѣстіяхъ, получавшихся изъ Петербурга и всѣхъ приводившихъ въ смущеніе. Скрытность даже въ семействѣ была такъ велика, что не смѣли говорить вслухъ, даже при шестилѣтнемъ Сережѣ. «Одного только нельзя было скрыть, — замѣчаетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»:—государь приказалъ, чтобы всѣ, кто служитъ, носили какіе-то сюртуки особеннаго покроя съ гербовыми пуговицами (сюртуки назывались *оберроками*); и кромѣ того,—чтобъ жены служащихъ чиновниковъ носили, сверхъ своихъ парадныхъ платьевъ, что-то въ родѣ курточки, съ такимъ же шитьемъ, какое носятъ ихъ мужья на своихъ мундирахъ. Мать была мастерица на всякія вышиванья и сейчасъ принялась шить по картѣ серебряныя петлицы, которыя были очень красивы на голубомъ воротникѣ бѣлаго спензера или курточки» (стр. 234).

Таковы въ «Дѣтскихъ годахъ» немногія свѣдѣнія о томъ, какъ проходила жизнь родныхъ Сережи въ городѣ. Но большая часть книги занята изображеніемъ деревенской жизни, то въ Багровѣ, то въ Чурасовѣ. Изъ этой-то жизни мы и представимъ теперь нѣкоторыя черты, наиболѣе характеристичныя.

Въ первый разъ Сережа былъ въ Багровѣ еще при жизни дѣдушки, Степана Михайловича, уже извѣстнаго читателямъ изъ «Семейной Хроники». Степанъ Михайловичъ вовсе не былъ дурнымъ исключеніемъ изъ своихъ собратій; напротивъ, если онъ и отличался отъ другихъ, подоб-

ныхъ ему помѣщиковъ, то именно отличался своими хорошими качествами. Онъ обладалъ твердой волей, неизмѣнною правдивостью, практическою сообразительностью; онъ требовалъ только должнаго (по крайней мѣрѣ согласно его понятіямъ); онъ благодѣтельствовалъ крестьянамъ въ голодные годы, разсуждая, что благосостояніе крестьянъ есть вмѣстѣ и его собственное благосостояніе. Все это—такія качества, которыя не у всѣхъ помѣщиковъ можно было найти въ то время. Своими добродѣтелями Степанъ Михайловичъ заслужилъ общее уваженіе и даже любовь, что опять не всякому помѣщику удается. Но при всемъ этомъ—посмотрите, что сдѣлало изъ этой твердой, доброй и благородной натуры то положеніе, въ какомъ онъ находился. Его понятія о чести, добрѣ и правдѣ перепутаны, его стремленія мелки, кругъ зрѣнія узокъ, страсти никогда не сдерживаются разсудкомъ, внутренняя сила, не находя себѣ правильнаго, естественнаго исхода, раздражается только домашнею грозою. Мы не говоримъ уже объ этихъ дикихъ вспышкахъ, когда Степанъ Михайловичъ стаскивалъ волосникъ съ своей старухи жены и таскалъ ее за косы,—если только она осмѣливалась попросить за свою дочь, на которую старикъ разсердился; въ этихъ вспышкахъ ясно выражается произволь, къ которому всегда приводило человѣка полное, безотвѣтное обладаніе людьми, безгласными противъ его воли. Можно, конечно, объяснять припадки гнѣва въ старикѣ Багровѣ тѣмъ, что таковъ ужъ его характеръ былъ, что онъ не могъ сдерживать себя. Но отчего же—спросимъ мы—съ распространеніемъ образованія перевелся въ дворянствѣ и обычай бить своихъ женъ? Развѣ теперь уже вспыльчивыхъ характеровъ нѣтъ? И неужели русскій человѣкъ имѣетъ болѣе пылкія страсти, нежели всѣ другіе образованные народы? Отчего же бы русскому человѣку имѣть непременно болѣшую склонность къ собственноручной расправѣ, чѣмъ, напримѣръ, хотъ бы итальянцу, который, какъ извѣстно, тоже не отличается особенной холодностью крови? А между тѣмъ, одинъ изъ русскихъ путешественниковъ недавно напечаталъ толстую книгу, въ которой поноситъ Италію именно за то, что тамъ ему не позволяли драться, не взирая даже на то, что онъ состоялъ, кажется, въ четвертомъ классѣ. Драться, по его мнѣнію, необходимо *для порядка*. Къ такимъ мнѣніямъ, выражаемымъ, конечно, на дѣлѣ еще чаще, чѣмъ на словахъ, приводитъ именно возможность давать просторъ своей страсти, какъ замѣчаетъ самъ г. Аксаковъ, говоря о Куролесовѣ, въ «Семейной Хроникѣ»: «избалованный страхомъ и покорностью всѣхъ его окружающихъ людей, онъ скоро забылся и пересталъ знать мѣру своему бѣшеному своеволію». Дѣйствительно, дѣйствіе этого психологическаго закона, имѣющаго такое громадное практическое приложеніе, каждый человѣкъ, даже самый кроткій, испытывалъ,

вѣроятно, на себѣ. Когда вы раздражены, — хотя бы и справедливо, — и начинаете выражать свое неудовольствіе, то сначала вы слѣдите за собой, соображаете свои выраженія, умѣете сказать именно то и столько, сколько считаете нужнымъ и возможнымъ. Но, видя, что отпора нѣтъ, что вашему гнѣву не полагается преградъ, вы, — даже и въ несправедливомъ гнѣвѣ, — ободряетесь, вашъ собственный голосъ своимъ звукомъ, все болѣе крѣпкимъ и высокимъ, подстрекаетъ васъ, и вы кончаете тѣмъ, что забываете всякую мѣру и даете полную волю страсти. Въ нашей общественной жизни это явленіе еще не такъ рѣзко кидается въ глаза, потому что опасеніе отвѣтственности предъ закономъ или сознаніе принятыхъ приличій часто останавливаетъ насъ, несмотря на отсутствіе видимаго противодѣйствія со стороны тѣхъ, на кого падаетъ нашъ гнѣвъ. Но отнимите это сознаніе всякой отвѣтственности, поставьте предъ нами существа беззащитныя, безотвѣтныя, состоящія въ полномъ нашемъ распоряженіи, — и замѣтка г. Аксакова о Куролесовѣ вполнѣ оправдывается на каждомъ человѣкѣ, который долгою работою надъ самимъ собою не приобрѣлъ нравственной независимости отъ внѣшнихъ развращающихъ вліяній. Мысль эта оправдывалась и на практикѣ во все время. Характеры, подобные старому Багрову и Куролесову, неизбѣжны при тѣхъ бытовыхъ отношеніяхъ, при той нравственной обстановкѣ, въ какой находились эти люди. По общему психологическому закону, при недостаточномъ развитіи однѣхъ способностей души, сила развитія обращается на другія, которыя встрѣчаютъ менѣе препятствій, и слѣдствіемъ неравномѣрности вліяній бываетъ всегда одностороннее развитіе. Какія же вліянія могли благопріятствовать развитію нравственныхъ началъ и здравыхъ понятій въ людяхъ, находившихся въ положеніи Багрова и Куролесова? Оба они служили въ полку. Степанъ Михайловичъ даже русскую грамоту зналъ плохо и любилъ хвалиться тѣмъ, что умѣлъ считать на счетахъ; Куролесовъ же, хотя умѣлъ писать бойко и зналъ кое-что, но никакого солиднаго образованія тоже не получилъ. Да и на что жъ имъ было образованіе, когда они съ малолѣтства чуяли возможность простымъ и даровымъ способомъ удовлетворять всеѣмъ потребностямъ жизни? На что имъ были какія-то нравственныя начала, когда они видѣли впереди сферу, въ которой никакая нравственность ихъ стѣснять не будетъ, въ которой они будутъ полными, безсудными господами, и ихъ воля будетъ закономъ для окружающихъ? Произволь, господствовавшій встарь, въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и особенно дворовымъ, существовалъ совершенно независимо отъ того, вспыльчивъ былъ баринъ или нѣтъ. Произволь этотъ былъ общимъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго положенія землевладѣльцевъ. Еще болѣе же

онъ увеличивался ихъ необразованностью, которая, опять, какъ извѣстно, обуславливалась ихъ положеніемъ. Какое сознаніе правъ человѣка могло развиться въ томъ, кого съ малыхъ лѣтъ воспитывали въ той мысли, что у него есть тысяча, или сотня, или десятокъ (все равно) людей, которыхъ назначеніе—служить ему, выполнять его волю и съ которыми онъ можетъ сдѣлать все, что хочетъ? Естественно, что человѣкъ, пропитанный такими внушеніями, привыкалъ ставить самого себя центромъ, къ которому все должно стремиться, и своими интересами, своими притохотями мѣрилъ пользу и законность всякаго дѣла. Еще въ недавнее время жили такія понятія, и даже нашъ знаменитый писатель, отъ котораго ведетъ свое начало современное направленіе литературы, писалъ къ помѣщику совѣты о томъ, какъ ему побольше наживать отъ мужиковъ денегъ, и совѣтовалъ для этого называть мужика бабою, неумытымъ рыломъ, и т. п. Бить не совѣтовалъ только потому, что «мужика этимъ не проймешь: онъ къ этому уже привыкъ!» Но въ то время, когда мысли были высказаны, энергическое обличеніе уже встрѣтило ихъ со всѣхъ сторонъ, и весь авторитетъ писателя, какъ онъ ни былъ великъ, не спасъ его отъ сарказмовъ, крайне ядовитыхъ по своей справедливости.—Не то было въ старину. Тогда многіе помѣщики считали единственнымъ здравымъ началомъ въ управленіи крестьянами—стараніе получить отъ нихъ сколько возможно болѣе выгоды. Подъ этотъ уровень подходили всѣ помѣщичьи натуры, за весьма немногими исключеніями. Звѣрски жестокой, буйный и пьяный Михаилъ Максимычъ Куролесовъ сходилъ въ этомъ съ благодѣтельнымъ, правдивымъ, строго-нравственнымъ по своему Степаномъ Михайловичемъ Багровымъ. Куролесовъ въ два-три года поправилъ разстроенное хозяйство, оставивъ по себѣ память, что онъ *крутенежъ*. Главнымъ изъ употребленныхъ имъ средствъ улучшенія хозяйства было переселеніе крестьянъ на новыя мѣста. Багровъ сдѣлалъ то же самое съ своими крестьянами, по тому же расчету собственныхъ выгодъ. Его не остановилъ вопль и плачь крестьянъ, «прощавшихся навсегда съ старинною, съ церковью, въ которой крестились и вѣнчались, и съ могилами дѣдовъ и отцовъ». Его не удержала мысль о трудностяхъ, которыя должны встрѣтить крестьяне, переселяясь слишкомъ за четыреста верстъ, со всѣмъ своимъ хозяйствомъ. Онъ не подумалъ о томъ, что, какъ замѣчаетъ авторъ записокъ о немъ, «переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку; но переселеніе тогда, въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди, и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться некрещенными,—казалось дѣломъ страшнымъ» («Сем. Хр.»,

стр. 18). Степанъ Михайлычъ не думалъ ни о чемъ этомъ, точно такъ же, какъ не думалъ о нравственномъ значеніи своихъ поступковъ, когда осматривалъ свое паровое поле, обработанное крестьянами, и употреблялъ слѣдующую хозяйственную мѣру: «онъ приказывалъ возить себя взадъ и впередъ по вспаханнѣмъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякая нетронутая сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если онъ бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно» («Сем. хр.», стр. 38). Принципъ, управляющій его дѣйствіями, очевиденъ: надо дѣйствовать строгостью, чтобъ хозяйство хорошо шло. При этомъ принципѣ никакія философскія размышленія о правахъ человѣка, никакія экономическія соображенія о трудѣ, задѣльной платѣ, и т. п., не могли имѣть мѣста. Если люди, которые должны трудиться для того, чтобы я могъ жить въ довольствѣ и спокойствіи; если они этого не дѣлаютъ, я долженъ принудить ихъ, а самая лучшая принудительная мѣра—собственно-ручная расправа съ личностью, или же тѣлесное наказаніе болѣе солиднаго характера, иногда даже съ «*кошечками*», какъ у Михайла Максимыча»¹⁾. Такая логика не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго. Разъ сознавши основную посылку, т.-е., что есть люди, назначенные къ тому, чтобы работать для чужого, а не для своего счастія, человѣкъ чрезвычайно логически доходитъ уже до самыхъ крайнихъ выводовъ изъ этого безнравственнаго положенія. Прекрасно выражены подобные выводы въ одной изъ статей Новиковскаго «Живописца». Хотя это сатирическая, слѣдовательно все-таки вымышленная вещь, но мы приведемъ ее здѣсь, на-ряду съ чисто историческими свѣдѣніями; и вотъ на какихъ основаніяхъ. Новиковъ, какъ извѣстно, былъ первый и, можетъ быть, единственный изъ русскихъ журналистовъ, умѣвшій взяться за сатиру смѣлую и благородную, поражающую пороки сильный и господствующій. Сатира его, какъ и вообще русская сатира, не произвела своего вліянія, такъ что нѣкоторыя изъ его нападеній могутъ относиться даже къ нравамъ настоящаго времени. Притомъ и сатирѣ Новикова не доставало литературныхъ достоинствъ и той прямоты и откровенности, какая неизбежна въ обличеніи порока. Онъ за-

¹⁾ Объ этихъ кошкахъ Куролесовъ говорилъ: „не люблю палокъ и кнутьевъ; что въ нихъ? Какъ разъ убьешь человѣка. То-ли дѣло—кошечка: и больно, и не опасно“. Несмотря на то, онъ сѣкъ ими такъ, что жизнь наказанныхъ людей спасали только заворачивая ихъ въ теплыя, только что снятыя шкуры барановъ, тутъ же зарѣзанныхъ... Кошками назывались у Куролесова „ременныя плети, оканчивающіяся семью хвостами изъ сыромятной кожи, съ узлами на концѣ cadaго хвоста“. „Въ Порошинѣ,—прибавляетъ г. Аксаковъ,—долго хранились въ кладовой, разумѣется, безъ употребленія, эти отвратительныя орудія, и я самъ ихъ видѣлъ“.

трогивалъ такіе вопросы и интересы, которые только еще въ настоящее время находятъ свое разрѣшеніе и о которыхъ, поэтому, во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. При всемъ томъ— жизнь и сила составляютъ отличительныя достоинства «Трутня» и «Живописца». Лучшее время Новикова было первое десятилѣтіе царствованія Екатерины, когда онъ еще не пускался въ мистицизмъ и не навлекъ на себя подозрѣній правительства. Это было вообще золотое время русской сатирической литературы, которое только теперь обѣщаетъ наконецъ повториться, если опять не встрѣтитъ препятствій въ невѣжествѣ и малодушной подозрительности нѣкоторыхъ личностей. Широко и бодро расправили тогда крылья русскіе сатирики, во главѣ которыхъ стояла сама Императрица. Новиковъ посвятилъ ей (по тогдашнему *притисалъ*) свой «Живописецъ», говоря въ предисловіи, что когда на престолѣ возсѣдаетъ сама мудрость, покровительствующая истинѣ во всемъ, то можно обличать смѣло и свободно всѣ пороки и предразсужденія, не опасаясь негодованія знатныхъ людей. Негодованіе знатныхъ было въ то время единственной, но крѣпкой преградой для сатиры: вспомнимъ, какъ Державинъ страшился за свою «Фелицу» и за переложеніе псалма: «Властителямъ и судіямъ». Въ то время, какъ и долго еще спустя, были тупоумные и злонамѣренные люди, которые во всякомъ литературномъ обличеніи, особенно, если оно немножко рѣзко, искали какихъ-то намековъ, вредныхъ мыслей, указаній на себя и на своихъ знакомыхъ. Противъ такихъ злонамѣренныхъ тупоумцевъ вооружается Новиковъ всей силою своей логики, въ одной изъ статей «Живописца». Смыслъ этой длинной статьи таковъ. Непонятно, какъ могутъ быть люди тупые и безсовѣстные настолько, чтобы рѣшаться высказывать свое неудовольствіе по поводу статей, въ которыхъ представляются дурные помѣщики и вообще дворяне. Неужели они не видятъ, что своимъ неудовольствіемъ только доказываютъ, что узнали самихъ себя въ этихъ изображеніяхъ? Но они говорятъ, что вступаются за честь дворянскаго сословія. Это еще хуже, еще нелѣпѣе. Если изображеніе жестокости, невѣжества, глупой спѣси помѣщика оскорбляетъ честь дворянскаго сословія, то, видно, оно поставляетъ свою честь и преимущества въ возможности совершать, безъ страха суда и обличенія, всякія жестокости, насилія, дурачества и т. п. Можно бы еще нападать на меня, говорить «Живописецъ», если бы я лгалъ. Но—«кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе злоупотребленіе не достойно осмѣянія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не нанесетъ вреда всему государству»? Если же это такъ, то можно-ли человѣку, имѣющему здравый смыслъ и хоть сколько-нибудь честности и благородства, обижаться правдивымъ представленіемъ всего,

что есть? «Пусть скажутъ господа критики, кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ, я еще важнѣе скажу: кто дѣлаетъ стыдъ чело-вѣчеству: дворяне-ли, преимущество свое во зло употребляющіе, или са-тира на нихъ»? Въ заключеніе говорится, что нѣкоторые порицали листки «Живописца», «по слѣпому пристрастію ко преимуществу дворянскому», и утверждали, что хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и чело-вѣчество, однакожь будто они, яко благородные люди, отъ порицанія всегда должны быть свободны, и что будто точно о крестьянахъ сказано: «накажу ихъ жезломъ беззаконія»... И подлинно они часто наказываются беззаконіемъ». «Но со стороны людей порядочныхъ, коль чудно и странно,—замѣчаетъ Новиковъ,—защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они и всѣ честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются!» (См. «Живоп.», изд. 5, стр. 76—77).

Такъ говорилъ «Живописецъ», и послѣ такой его защиты можно, кажется, приводить описанныя имъ явленія, какъ несомнѣнно существовавшія. Не можемъ сказать, какъ долго продолжались тѣ мнѣнія и тотъ образъ дѣйствій помѣщиковъ, о которомъ онъ упоминаетъ, потому что, по несчастью, голосъ обиженныхъ сатирою тупоумцевъ успѣлъ заглушить голосъ правды, и скоро самъ Новиковъ, въ своей сатирѣ, пустился въ ту же мелочь, какою занимались и другіе. Съ тѣхъ поръ слишкомъ полвѣка нужно было, чтобы русская литература, и въ особенности сатира, могли убѣдить «знатныхъ господъ», какъ выражался «Живописецъ», въ своей благонамѣренности, правдивости и пользѣ. Въ недавнее время они еще существовали: на нихъ жаловался и надъ ними смѣялся Гоголь. Существуютъ, конечно, и въ наше время такіе невѣжественные противники литературы, которые желали бы запретить все, что хоть сколько-нибудь рѣзко и колко. Но теперь такіе запретители встрѣчаются уже общимъ презрѣніемъ и изумленіемъ; общество смотритъ на нихъ, какъ на что-то необычайное, едва вѣря возможности ихъ существованія. И если бы въ наше время нашлись люди, полагающіе, что теперь нельзя печатать, напр., того, что, напр., печаталъ Новиковъ въ пяти изданіяхъ своего «Живописца»¹⁾, то всѣ, кажется, съ горькимъ недоумѣніемъ обратились бы на нихъ и стали показывать пальцами, спрашивая другъ друга: правда-ли? правда-ли? Неужели это правда?

¹⁾ Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы „Живописецъ“ былъ ужъ очень распространенъ, при своихъ пяти изданіяхъ; въ тѣ времена—книги, на расходъ которыхъ сильно рассчитывали, печатались въ числѣ 200 экземпляровъ, о чемъ упоминаетъ самъ Новиковъ. Отъ этого малаго круга дѣйствія, сатира Новикова, несмотря на свою живость и смѣлость, мало имѣла вліянія. Она могла поддерживаться только покровительствомъ государыни, служа какъ бы отголоскомъ ея просвѣщенныхъ мнѣній и намѣреній. Но какъ скоро Новиковъ лишился этой поддержки, и сатира его не могла удержаться въ своемъ неза-

Читатель извинитъ насъ за длинное отступленіе, относящееся къ Новикову и его сатирѣ. Мы должны были его сдѣлать для того, чтобы оправдать себя въ томъ, что обращаемся къ сатирическимъ изображеніямъ, какъ будто къ фактическимъ даннымъ. Теперь, объяснивши, въ чемъ дѣло, приведемъ нѣсколько выписокъ изъ «Живописца» и «Трутня» въ подтвержденіе той же мысли, что произволъ и своекорыстные расчеты были весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ отношеніяхъ старинныхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Вотъ., напр., отрывокъ изъ письма одного помѣщика изъ деревни къ сыну («Живоц.», ч. I, стр. 80—90):

„Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери: такъ отъ чего же разбогатѣть? Вѣдь не всякому Богъ кладъ даетъ. А съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да что ты изволишь сдѣлать? Пять дней ходятъ они на мою работу, да много-ли въ пять дней сдѣлаютъ? Сѣку ихъ нещадно, а все прибыли нѣтъ; годъ отъ году все больше нищаютъ мужики: Господь на насъ прогнѣвался!.. Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ Брюжжаловъ и привезъ съ собою какіе-то печатные листочки, и будучи у меня читалъ ихъ... Что это за живописецъ такой у васъ проявился?—какой нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ и называетъ ихъ тиранами; а того, проклятый, не знаетъ, что въ старину тираны бывали некрещенные и мучили святыхъ. А наши мужики вѣдь не святые, какъ намъ быть тиранами? Изволишь умничать, что мужики бѣдны: этакая бѣда! неужто хочеть онъ, чтобъ мужики богатѣли, а мы бы, дворяне, скудѣли? Да этого и Господь не приказалъ: кому-нибудь одному богатому быть надобно,—либо помѣщику, либо крестьянину; вѣдь не всѣмъ старцамъ въ игуменахъ быть. Да на что они и крестьяне, его такое дѣло, что работай безъ отдыху. Дай-ка имъ волю, такъ они и невѣдь что затѣютъ... Вотъ-те на! до чего дожили! Только я на это смотрѣть не буду. Ври себѣ онъ, что хочеть, а я знаю, что съ мужиками дѣлать... Ка-бы я былъ большимъ бояриномъ, такъ управилъ бы его въ Сибирь. Этакіе люди—за себя не вступятся! Вѣдь и бояре съ мужиками-то своими поступаютъ не по-нѣмецки, а все такъ же по-русски и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ. Да что ужъ и говорить! И они свихнулись!.. Недалеко отъ меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь-ли, по чему онъ съ нихъ беретъ? Стыдно и сказать: по полтора рубля съ души! А угодьевъ-то сколько! и мужики какіе богатые! живутъ себѣ, да и годки не маютъ, богатѣе много дворянина. Ну, а ты разсуди самъ, какая ему отъ этого прибыль, что мужики богаты? Кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ это бы лучше было. Этакій умъ!.. То-то не къ рукамъ этакое добро досталось! Кабы эта деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ міръ еще не пустилъ. Только-что мужиковъ балуютъ. Эхъ, перевелись-ста старые наши большіе бояре: то-то были люди,—не только-что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли!..

Въ томъ же письмѣ къ сыну, разсудительный папенька извѣщаетъ, что его собаку Налетку укусила другая бѣшеная собака, и что людямъ

висимомъ, твердомъ положеніи: она скоро измельчала. Впрочемъ, силы у нея не могло быть и въ цвѣтущее ея время, и къ ней справедливо приложить то, что писалъ къ „Живописцу“ одинъ раздраженный приказный (стр. 109): „Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ, а это называется брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки. А постельнымъ, хотя и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится“.

за это досталось хорошо. «Сидоровна твоя (мать) всёю кожу спустила. То-то проказница! Я за то ее и люблю, что ужь коли примется съчь, такъ отдѣлаеть!» О самомъ сынкѣ батюшка вспоминаетъ такія пріятныя вещи: Помнишь-ли, говоритъ, какъ ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: «вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которые худо гонялись за зайцами, и съкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ смолоду! Какъ, бывало, примешься пороть людей, такъ пойдетъ крикъ такой и хлопанье, какъ будто за угломъ въ застѣнкѣ съкутъ. Молись, мой другъ, Богу,—ничего,—правда сказать,—ума у тебя довольно, можно вѣкъ прожить!» (стр. 24).

Въ такомъ же родѣ находимъ мы въ «Трутнѣ» «Отписку старосты Андрюшки», и приказъ барина, въ отвѣтъ на отписку. Староста доноситъ о сборѣ оброку съ крестьянъ и извиняетъ недоимки тѣмъ, что «крестьяне скудны, взять негдѣ нынѣшнимъ годомъ, хлѣбъ не родился, насилу могли съмена въ гумны собрать, да Бобъ посѣтилъ насъ скотскимъ паденіемъ». Затѣмъ увѣдомляетъ, что неплательщиковъ, «по указу твоему господскому, съкъ нещадно», но что они все-таки денегъ не дали, потому что взять негдѣ. Далѣе дѣло идетъ о Филаткѣ, за которымъ числятся недоимки, потому что онъ самъ хворалъ все лѣто, и старшій сынъ о него умеръ, а остались малые ребятишки. Двѣ кльти у него проданы для уплаты недоимки, лошади пали, одну корову продали, а другую оставили пока для ребятишекъ. «Міромъ сказали: буде ты его въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, а ребятишекъ поморить и его въ конецъ раззорить не хотятъ». Плохо уже и то, теперь безъ лошади никуда не годится: господскихъ работъ исправлять не можетъ. Далѣе идетъ рѣчь о томъ, что крестьянъ сосѣди обижаютъ, что имъ оброкъ тяжель, что староста каждое воскресенье сборъ дѣлаетъ и неплательщиковъ съчетъ нещадно, но что толку отъ этого нѣтъ вовсе. Потомъ староста увѣдомляетъ о хозяйственныхъ распоряженіяхъ: лѣсу господскаго продано крестьянамъ на дрова на семь рублей съ полтиной, да на двѣ избы, по пяти рублей за избу, да съ Антошки взято пять рублей, за то, что осмѣлился назвать барина въ челобитной отцомъ, а не господиномъ. «И онъ на сходѣ высѣченъ. Онъ сказалъ: я-де это сказалъ съ глупости,—и на-предки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ».—Въ отвѣтъ на эту отписку, въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ «Трутня» (стр. 236 и сл.) помѣщена «копія съ помѣщичьяго указа,—человѣку нашему Семену Григорьеву», который посылался въ деревню для ревизіи. Вотъ нѣкоторыя статьи указа.

„1) Проѣздъ отсюда до деревень нашихъ, и оттуда обратно, имѣть на счетъ старосты Андрея Лазарева.

2) Пріѣхавъ туда, старосту при собраніи всѣхъ крестьянъ высѣчь нещадно за то, что онъ за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ

недоимку, и послѣ изъ старость его смѣнить; а сверхъ того взыскать съ него штрафу сто рублей.

3) Сыскать въ самую истинную правду, какъ староста и за какія взятки насъ оболгалъ (обманулъ) ложнымъ доносомъ? За то прежде всего его высѣчь, а потомъ начинать слѣдствіемъ порученное тебѣ дѣло.

6) И какъ нѣтъ сомнѣнія, что староста доносъ учинилъ ложный, то за оный перевести его къ намъ на житье въ село; буде же онъ за дальнимъ разстояніемъ перевозиться и раззорять себя не похочетъ, то взыскать съ него за оное еще пятьдесятъ рублей.

8) Крестьянъ въ раздѣлѣ земли, по просьбѣ ихъ, поровнять, по твоему благоразсужденію; но притомъ, однакожь, объявить имъ, что сбавки съ нихъ оброку не будетъ, и чтобы они, не дѣлая никакихъ отговорокъ, платили бездоимочно, неплательщиковъ же, при собраніи всѣхъ крестьянъ, сѣчь нещадно.

9) Объявить всѣмъ крестьянамъ, что къ будущему размежеванію земель потребно взять выписъ; и для того на оное собрать тебѣ съ крестьянъ, сколько потребно будетъ на взятые выписи.

10) Въ начавшійся рекрутскій наборъ съ нашихъ деревень рекрута не ставить; ибо здѣсь за нихъ поставленъ въ рекруты Гришка Федоровъ, за чиненныя имъ неоднократно пьянство и воровства, вмѣсто наказанія, а съ крестьянъ за поставку того рекрута собрать по два рубля съ души.

12) По просьбѣ крестьянъ, у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги съ нихъ; а чтобы они впредь такимъ лѣнивцамъ потачки не дѣлали, то купить Филаткѣ лошадь на мірскія деньги; а Филаткѣ объявить, чтобы онъ впредь пустыми своими челобитными не утруждалъ, и платилъ бы оброкъ бездоимочно.

13) Старосту выбрать міромъ и подтвердить ему, чтобы онъ о сборѣ оброчныхъ денегъ имѣлъ неусыпное попеченіе и неплательщиковъ бы сѣкъ нещадно; буде же какія впредь явятся недоимки, то оное взыскано будетъ все со старосты.

16) По исправленіи всего вышешисаннаго, ѣхать тебѣ обратно; а старостѣ накрѣпко приказать неусыпное имѣть попеченіе о сборѣ оброчныхъ денегъ“.

Если это письмо вымышлено, то нужно признаться, оно вымышлено съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла и недостатковъ того времени. Какъ ярко проглядываетъ здѣсь старинный произволъ помѣщичьей власти, не имѣющей въ виду ничего, кромѣ собственнаго обогащенія! Какъ сильно и ярко выражается полное, невѣжественное пренебреженіе ко всѣмъ человѣческимъ правамъ и требованіямъ крестьянъ. И все это безъ ожесточенія, безъ злобы, а совершенно спокойно: внушить имъ, чтобы платили; а не стануть платить, такъ сѣчь нещадно! Переселить его въ отдаленное село; а не захочетъ раззоряться, такъ взять съ него 50 рублей! И замѣчательно, что, не умѣя самъ опредѣлить границъ своихъ правъ въ отношеніи къ крестьянамъ, самъ не зная мѣры своему произволу, помѣщикъ передастъ тотъ же произволъ и человѣку своему. «Поровнай,—говорить,—ихъ по твоему благоразсужденію; возьми съ нихъ сколько потребно будетъ», т.-е. сколько тебѣ покажется нужнымъ. Тутъ уже «человѣкъ» Семень Григорьевъ получилъ участіе въ интересахъ своего господина и, вслѣдствіе того, получаетъ такую же произвольную власть. Этотъ просторъ произвола, грубаго и невѣжественнаго, виденъ почти во всѣхъ типахъ большихъ господъ прошедшаго столѣтія, сохраненныхъ воспоминаніями современниковъ или литературными созданіями. Въ «Дѣтскихъ годахъ» мы

видимъ двѣ такія личности, кромѣ старика Багрова, который тутъ также является съ своимъ обычнымъ характеромъ.

Важное мѣсто въ воспоминаніяхъ г. Аксакова занимаетъ Прасковья Ивановна Куроѣдова, его двоюродная бабушка. Это была женщина, много испытавшая на своемъ вѣку, имѣвшая доброе сердце и свѣтлый взглядъ на вещи. Она хотѣла, между прочимъ, чтобы мужики ея были богаты. Но, при всемъ томъ, и она избаловалась отъ постоянной раболѣпной покорности всѣхъ окружающихъ. Вся цѣль жизни опредѣлилась для нея тѣмъ, чтобы ничѣмъ не озабочивать себя и не имѣть никакихъ преградъ для своихъ желаній. Поэтому она поручила все управленіе крестьянами Михайлушкѣ, хотя и знала, что онъ плутъ. Главное для нея было то, чтобъ ее ничѣмъ не беспокоили; съ Михайлушкой она этого достигла, и съ нея было довольно. Многочисленная дворня ея была безобразно избалована и безнравственна; она не хотѣла ничего замѣчать. Если же какъ-нибудь случайно наткнется она на пьянаго лакея или какого-нибудь двороваго, то сейчасъ прикажетъ Михайлушкѣ отдать виноватаго въ солдаты; не годится—спустить въ крестьяне. Замѣтитъ нескромность поведенія въ женскомъ полѣ — опять прикажетъ отослать такую-то въ дальнюю деревню ходить за скотиной и потомъ отдать за крестьянина.

«Но,—замѣчаетъ г. Аксаковъ въ своихъ Запискахъ,—для того, чтобы могли случиться такія строгія и возмутительныя наказанія, надобно было самой барынѣ *нечаянно* наткнуться, такъ сказать, на виноватаго или виноватую. А какъ это бывало очень рѣдко, то все вокругъ нея утопало въ безпутствѣ, потому что она ничего не знала и очень не любила, чтобъ говорили ей о чемъ-нибудь подобномъ» (стр. 314). Привычка ничѣмъ не стѣснять себя, ничего не дѣлать для общества, а, напротивъ, требовать, чтобы другіе все дѣлали для нея, постоянно выражается во всѣхъ поступкахъ Прасковьи Ивановны; гостями своими она забавляется, какъ ей вздумается, или ругаетъ ихъ въ глаза, если захочетъ; отъ родныхъ своихъ она требуетъ повиновенія и никогда не встрѣчаетъ противорѣчія, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Такъ, Алексѣя Степаныча Багрова, гостившаго у ней, она не хотѣла отпустить къ умирающей матери, сказавши, что «вздоръ! она еще не такъ слаба»;—и Алексѣй Степанычъ не смѣлъ ея послушаться, пробылъ у ней лишнее время и не засталъ въ живыхъ матери. Такъ, она не захотѣла, чтобы дѣти обѣдали съ большими, и Софья Николаевна, никогда не обѣдавшая врозь съ своимъ милымъ Сережей, не смѣла даже заикнуться о томъ, чтобы посадить дѣтей за общій столъ. Неограниченный произволь съ одной стороны и полное безгласіе съ другой—развивались въ ужасающихъ размѣрахъ, среди этой беззаботной, пышной жизни на трудовые крестьянскіе гроши. Даже въ тѣхъ поступкахъ, которые про-

исходили просто отъ радушія, веселости, отъ доброты сердца, наконецъ, и въ нихъ этотъ грубый произволь, это незнаніе мѣры своеволю въ обхожденіи съ людьми, которыхъ и за людей не считали, выглядываетъ подобно безобразному пятну на хорошей картинѣ. Въ воспоминаніяхъ г. Аксакова находимъ мы, между прочимъ, изображеніе сценъ такого рода. Между гостями Прасковьи Ивановны бывалъ часто Александръ Михайловичъ Карамзинъ, котораго всѣ называли богатыремъ за его огромный ростъ и необыкновенную силу. «Однажды, въ припадкѣ веселости, схватилъ онъ толстую и высокую Дарью Васильевну (приживалку Прасковьи Ивановны) и началъ метать ею, какъ ружьемъ, солдатскій артикуль. Отчаянный крикъ испуганной старухи, у которой свалился платокъ и волосникъ съ головы, и сѣдые косы растрепались по плечамъ, поднялъ изъ-за картъ всѣхъ гостей, и долго общій хохотъ раздавался по всему дому» (стр. 426). Эти добрые, благородные люди, гости Прасковьи Ивановны, могли смѣяться, смотря на такую сцену! Да отчего же имъ было и не смѣяться, когда они тысячу разъ видали сцены гораздо посерьезнѣе. «Но мнѣ жалко было бѣдную Дарью Васильевну»,—прибавляетъ г. Аксаковъ,—и, разумѣется, какъ всегда, непосредственное чувство ребенка, еще чистаго и неспорченнаго, служить и здѣсь горькою уликою взрослымъ.

Другая изъ личностей, упоминаемая г. Аксаковымъ и относящаяся къ тому же разряду, о которомъ мы говорили выше, есть богатый помѣщикъ Д., употребившій свое богатство очень хорошо: на оранжереи, мраморы, статуи, оркестръ, удивительныхъ заморскихъ свиней, величиною съ корову, и т. п. Мать Сережи отозвалась о Д., что онъ человѣкъ добрый. То же самое говорилъ о немъ и одинъ изъ крестьянъ, который, между прочимъ, вотъ что рассказывалъ о немъ.

„Когда умерла одна изъ великолѣпныхъ свиней (которыхъ было двѣ у Д.), то-то горе-то у насъ было, говорилъ мужикъ.—Баринъ у насъ, дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать, добрый, милостивый, до всякаго скота жалостливый, такъ печаловался, что уѣхалъ изъ Никольскаго: ужъ и мы ему не взмиллились. Оно и точно такъ: насъ-то у него много, а чушекъ-то всего было двѣ, и тѣ изъ-за моря; а мы доморощина. А добрый былъ баринъ, ужъ сказать нельзя, какой добрый; да и затѣйникъ! У насъ на выѣздѣ изъ села было два колодца: вода преотмѣнная, родниковая, холодная. Мужички, выѣзжая на поле, за-всегда ею пользовались. Такъ онъ приказалъ надъ каждымъ колодцемъ по деревянной дѣвкѣ поставить, какъ есть—одѣтыя въ кумачные сарафаны, подпоясаны золотымъ позументомъ, только босыя; одной ногой стоитъ на колодцѣ, а другую подняла, ровно прыгнуть хочетъ. Ну, всякъ, кто ни ѣдетъ, и конный, и пѣшій, остановится и заглядится. Только крестьяне-то воду изъ колодцевъ брать перестали: говорятъ, что непригоже“! (стр. 474).

Видите, какъ прихотливая затѣя тогдашняго богатаго помѣщика, затѣя самая невинная и добродушная, выказываетъ, однако, полное неуваженіе обычаевъ, взглядовъ и нуждъ его крестьянъ. Ему нѣтъ нужды, что его деревянные нимфы лишаютъ крестьянъ воды; за то проѣзжіе останав-

ливаются и дивятся! Это такая же невинная штука, какъ выкидываніе артикула посредствомъ Дарьи Васильевны. Въ этомъ же родѣ были и затѣи старика Багрова, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ послѣ ужина заставлялъ, напримѣръ, двухъ слугъ своихъ, Мазана и Танайченка, драться на кулачки и бороться. При этомъ онъ самъ, смѣха ради, ихъ поддразнивалъ до того, что они, не шутя, начинали колотить другъ друга, и даже вцѣплялись другъ другу въ волосы. Такая забава, дѣйствительно, не должна была казаться дикою и безнравственною тому человѣку, въ которомъ считалось большою милостью, когда онъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволилъ мужику «жениться, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ» («Сем. Хр.», стр. 43).

Само собою разумѣется, что многое изъ того, что намъ кажется теперь безчеловѣчнымъ и безнравственнымъ, происходило и отъ общей тому времени недостаточности здравыхъ понятій обо всемъ на свѣтѣ. Сближеніе съ Европою для многихъ важныхъ бояръ послужило только средствомъ получать изъ-за границы болѣе предметовъ, служащихъ въ роскошной жизни, а роскошь была причиною многихъ безнравственныхъ поступковъ. Князь Щербатовъ, въ своемъ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», главною причиною всего зла полагаетъ *сластолюбіе*¹⁾. Приводимые имъ примѣры сильно свидѣтельствуютъ въ пользу его мнѣнія. Но ясно, что *сластолюбіе* могло быть только ближайшею причиною развращенія. Остается вопросъ: откуда бралось такое сластолюбіе и, главное, откуда получало оно средства для удовлетворенія своихъ прихотей? Человѣкъ, обязанный приобрѣтать средства для жизни своими трудами, не скоро можетъ предаться вліяніямъ «сластолюбія». Напротивъ, человѣкъ, получающій огромные доходы безъ всякихъ съ своей стороны усилій, естественно предается всѣмъ излишествами, всякой роскоши, зная, что на него работаютъ другіе, и что, благодаря этимъ другимъ, средства его неистощимы. Конецъ концовъ—вся причина опять сводится къ тому же главному источнику всѣхъ бывшихъ у насъ внутреннихъ бѣдствій—крѣпостному владѣнію людьми. Оно-то и внушало владѣльцу его безпечность, его лѣнь, спесь и презрѣніе къ тѣмъ, которые были осуждены служить для его прихотей. Общему, будто бы, непониманію человѣческаго достоинства въ тотъ вѣкъ—приписать поступки, подобные вышеприведеннымъ, нельзя. Правда, что въ то время и вообще нравы были грубѣе; но вспомнимъ только, что голосъ евангель-

¹⁾ См. разборъ сочиненія кн. Щербатова, написанный С. В. Ешевскимъ и помѣщенный въ „Атенеѣ“, 1858 г. № 3. Статья эта, и особенно выписки изъ Щербатова, сдѣланныя въ ней, чрезвычайно любопытны для объясненія многихъ явленій въ государственной дѣятельности Россіи прошлаго вѣка.

скаго ученія о братской любви къ человѣчеству раздался въ нашемъ отечествѣ за восемьсотъ лѣтъ предъ тѣмъ... Что въ вѣкъ Екатерины достоинство и право человѣка понимались уже очень ясно, доказательствомъ можетъ служить ея Наказъ. Мало того, даже въ литературѣ раздавались голоса противъ неуваженія человѣческихъ правъ. Въ «Живописцѣ» есть одна статья, называющая безразсудствомъ мнѣніе о какой-то неблагоорожденности крестьянъ и приписывающая его именно помѣщичьему положенію и привычкамъ. Мы приведемъ эту статью («Жив.», стр. 137).

„*Безразсудъ* боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую *оброкъ*. Никогда съ ними не только-что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненія своей головы, когда они, по восточному обыкновенію, предъ нимъ по землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: „я господинъ, они мои рабы; они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора“. Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой. Бѣдные крестьяне любятъ его, какъ отца, не смѣютъ; но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но совсѣмъ тѣмъ едва-едва имѣютъ дневное пропитаніе, за тѣмъ, что на-силу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное; но говорятъ: это не мое, но Божіе и господское! Всевышній благословляетъ ихъ труды, а Безразсудъ обираетъ ихъ! Безразсудный! развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками гораздо болѣе сходства, нежели между тобою и человѣкомъ? Вообрази рабовъ твоихъ состояніе: оно и безъ отягощенія тягостно. Когда-жъ ты гнушаешься тѣми, которые для удовольствованія страстей твоихъ трудятся почти безъ отдохновенія, то подумай, какъ должны гнушаться тобою истинные человѣки“!

Заключеніемъ этой статьи служитъ «Рецептъ», въ которомъ Безразсуду предписывается, какъ средство для излеченія отъ безразсудства, — упражненіе въ разсматриваніи костей господскихъ и крестьянскихъ, до тѣхъ поръ, пока онъ найдетъ между ними различіе («Живопис.», ч. I, стр. 140).

Что подобныя «безразсудства» не вымышлены «Живописцемъ», а дѣйствительно существовали, очевидно изъ фактовъ, уже представленныхъ нами, и множества другихъ, которые мы могли бы представить изъ записокъ современниковъ. Даниловъ, напр., рассказываетъ одинъ случай изъ своего отрочества (Записки Данилова, М. 1842, стр. 42—44), фактически доказывающій, какъ смотрѣли иные помѣщики на крестьянъ. Даниловъ былъ одно время въ деревнѣ у родственницы своей, какой-то вдовы, у которой былъ племянникъ Ванюша. Разъ этотъ племянникъ затащилъ Данилова и еще одного «молодого слугу» тихонько обивать яблоки. Но какъ тѣ не хотѣли приниматься за это, то онъ одинъ управился съ яблонью. Тетушкѣ донесли о такомъ поступкѣ; она велѣла призвать вповныхъ и, въ страхъ племяннику, велѣла «поднять слугу на козель, и еѣкли его

очень долгое время немилостиво». Племяннику же сдѣлали выговоръ. — О той же вдовѣ Даниловъ рассказываетъ, что она, каждый день рѣшительно, призывала во время обѣда кухарку и тутъ же, въ столовой, приказывала сѣчь ее: «и потуда сѣкутъ, и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это уже такъ введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетита» (стр. 43). Въ такихъ развлеченіяхъ нельзя не видѣть той самой мысли, какую подмѣтилъ «Живописецъ» у Безразсуда.

Интересно видѣть, какъ произволь и грубость въ обращеніи съ своими подвластными переходили въ старину у помѣщиковъ и въ ихъ собственные семейныя отношенія. Степанъ Михайловичъ, привыкшій, чтобы его трепетали въ полѣ, на гумнѣ, на мельницѣ, не могъ уже не требовать страха и трепета и отъ домашнихъ. Свою Арину Васильевну онъ таскалъ за косы такъ, что она по цѣлому году съ пластыремъ на головѣ ходила. Дочери боялись и почитали его, какъ своего господина, а не какъ отца. Отсутствіе живыхъ семейныхъ связей и тупая покорность передъ силой очень ярко выразились въ семействѣ Багровыхъ послѣ смерти дѣдушки. Описаніе сценъ, послѣдовавшихъ за смертью Степана Михайловича, принадлежитъ къ числу самыхъ живыхъ и интересныхъ страницъ «Дѣтскихъ годовъ» г. Аксакова. Любопытно, какъ относятся теперь мать и старшія сестры къ Алексѣю Степановичу и къ невѣсткѣ, которую прежде столько преслѣдовали. Старуха-мать не смѣетъ сѣсть за столъ, пока не явится младшій сынъ, ставшій теперь *хозяиномъ* въ домѣ. Напрасно невѣстка ее упрашиваетъ не дожидаться; старуха отвѣчаетъ: «нѣтъ, нѣтъ, невѣстынька: по нашему не такъ, а всякъ сверчокъ знай свой шестокъ». Когда сынъ входитъ, она встаетъ и идетъ къ нему на встрѣчу съ поклономъ, а сестры даже падаютъ въ ноги брату, съ вытьемъ и просьбами—не оставитъ ихъ. Потомъ съ тѣми же униженными просьбами обращаются къ невѣсткѣ, какъ хозяйкѣ дома. Сцены эти могутъ нѣкоторымъ явиться, какъ живой памятникъ патріархальныхъ отношеній домочадцевъ къ владыкѣ дома. Но мы, признаемся, не видимъ въ нихъ ничего, кромѣ чрезвычайной неразвитости и спутанности нравственныхъ понятій и кромѣ привычки—быть подъ началомъ, при отсутствіи всякихъ духовныхъ связей любви и истиннаго уваженія. Интересно, какъ выражается за обѣдомъ печаль по только-что умершемъ главѣ семейства. «За столомъ всѣ принялись такъ кушать,—говоритъ г. Аксаковъ,—что я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на всѣхъ». Между прочимъ, одна изъ дочерей покойника, разливая уху и накладывая всѣмъ груды икры и печенокъ, просила покушать ихъ въ память того, что батюшка-то любилъ ихъ. И при этомъ слезы капали у ней въ тарелку. Несмотря на то, она, какъ и другіе, кушала съ

удивительнымъ аппетитомъ. Послѣ обѣда же всѣ отправились спать и проспали до вечерняго чая. Въ девятый день опять былъ обѣдъ, и тутъ уже всѣ были спокойны, пока не подали блиновъ. Но какъ только явились на столъ блины, всѣ принялись кушать ихъ со слезами и даже съ рыданіями. Это выраженіе любви посмертное. А вотъ, что было при жизни. Во время житья въ Багровѣ, уже послѣ смерти дѣдушки, Сережа зашелъ въ одинъ амбаръ, отдѣленный для тетуски Татьяны Степановны, оставшейся незамужнею и жившей при родителяхъ. Тамъ увидѣлъ онъ сундучки, ларчики, ящики, посуду, даже бутылки съ новыми пробками и, наконецъ, кадунку съ колотымъ сахаромъ. Онъ обратился за объясненіемъ такого страннаго явленія къ своей нянѣ Парашѣ, и та, увлеченная благороднымъ негодованіемъ, объяснила, что барышня все это потихоньку натаскала у покойнаго дѣдушки, а бабушка ей потакала. Такова была семейная нравственность, таковы отношенія между людьми, въ сущности не злыми и не безчестными. Г. Аксаковъ замѣчаетъ (въ «Семейной Хроникѣ»), что вообще, несмотря на свой трепеть предъ Степаномъ Михайловичемъ, и жена, и дочери пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ надуть его и постоянно съ нимъ хитрили. Этого, разумѣется, и слѣдовало ожидать отъ людей, которые связываются между собою единственно узами страха и изъ которыхъ одинъ привыкъ своевольно распоряжаться, а другіе—безсловесно и неразумно трепетать предъ его волей.

Впрочемъ, и эти покорныя существа имѣли свою сферу, въ которой являлись уже сами распорядительницами. Во владѣніи бабушки Арины Васильевны находился свой особый міръ деревенскихъ дѣвокъ и дѣвчонокъ. Г. Аксаковъ рассказываетъ одну изъ сценъ бабушкина управленія, которой ему привелось быть свидѣтелемъ. Послѣ смерти мужа, Арина Васильевна, уже ослабѣвшая и отставшая отъ хозяйства, занималась, главнымъ образомъ, пряжей козьяго пуха. Множество дѣвочекъ, сидя вокругъ нея, должны были выбирать волосья изъ клочковъ козьяго пуха. Если выбрано было нечисто, то бабушка бранилась. Одинъ разъ, бабушка сидѣла, такимъ образомъ, за пряжей и весело разговаривала съ внучкомъ, слѣдовательно, была въ самомъ шелковомъ расположеніи духа, когда одна дѣвочка подала ей свой клочокъ пуху, уже разъ возвращенный назадъ. «Бабушка посмотрѣла на свѣтъ и, увидя, что есть волосья, схватила одной рукою дѣвочку за волосы, а другою вытащила изъ-подъ подушекъ ремennую плетку и начала хлестать бѣдную дѣвочку» (стр. 269). Внучекъ былъ возмущенъ этимъ зрѣлищемъ и убѣждалъ отъ него; но для бабушки это была обыкновенная семейная расправа: на то ужъ и плетка лежала подъ подушками. Это даже не было собственно назначено для дворовыхъ и крестьянскихъ дѣвчонокъ; справедливость требуетъ сказать, что и съ

родными дѣтьми такія потасовки были тогда не въ рѣдкость. Руки, привыкшія къ размахистому управленію, требовали и въ семействѣ такой же дѣятельности, какъ на господскомъ дворѣ и запашкѣ. Не только у такихъ людей, какъ старики Багровы, но и у болѣе кроткихъ господъ воспитаніе дѣтей шло постоянно съ помощью собственноручной расправы. Болотовъ, на примѣръ, рассказываетъ о своей матери, что она была весьма кроткая и разумная женщина. О ея кротости, даже трусости, свидѣлствуютъ многія обстоятельства въ запискахъ Болотова. Когда, на примѣръ, одинъ сосѣдъ подалъ на нее въ судъ жалобу, что къ ней въ имѣнье убѣжала когда-то его крѣпостная баба и вышла тамъ замужъ за крѣпостного Болотовыхъ мужика, то мать Болотова крайне перепугалась, собрала домашнее совѣщаніе и, убѣдившись, что сосѣда требованіе правое, что онъ свою бабу требовать назадъ во всякое время и по всѣмъ законамъ можетъ, помѣщица рѣшилась стараться только объ одномъ: склонить сосѣда къ миру, хотя бы и съ большими уступками съ ея стороны. Другое обстоятельство: Болотова свихнула себѣ ногу, оттого, что очень скоро побѣжала и какъ-то второпяхъ неловко повернула ногу, при вѣсти о пріѣздѣ въ домъ ея брата, который извѣстенъ былъ крутымъ своимъ нравомъ. И эта, столь боязливая и нерѣшительная женщина, находила, однако же, силы собственноручно наказывать сына. «Нерѣдко случалось — говоритъ Болотовъ (стр. 105), — что она, поставивъ меня въ ногахъ у своей кровати, предпринимала меня всячески тазать, и иногда продолжала тазанье таковое съ цѣлый часъ времени». Какъ она обращалась съ своими людьми, Болотовъ не упоминаетъ; но объ этомъ можно догадываться изъ его же словъ, что «ее легко было подвинуть на гнѣвъ, и въ семъ случаѣ должны были всѣ молчать и повиноваться ея волѣ». Подобныхъ лицъ и случаевъ можно было бы привести множество изъ разныхъ сочиненій, относящихся къ тогдашнему быту, но предметъ этотъ такъ общеизвѣстенъ, что распространяться о немъ, кажется, нѣтъ надобности.

Такимъ воспитаніемъ поддерживалось, конечно, продолженіе стараго порядка и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, и, такимъ образомъ, прогрессъ нравственныхъ понятій былъ весьма сомнителенъ. Съ теченіемъ времени, исчезла, мало-по-малу, прежняя грубость; самовольство выражалось уже въ другихъ, менѣе оскорбительныхъ формахъ; но вовсе не выразаться оно не могло. О сочувствіи къ простому народу, о любви къ нему, о пониманіи его нуждъ и интересовъ не могло быть и рѣчи. Сильнѣйшее доказательство этого находимъ мы въ матери Серези, Софьѣ Николаевнѣ. Ей было легче другихъ помѣщиковъ проникнуться любовью къ бѣднымъ земледѣльцамъ. Ея дѣдушка былъ уральскій казакъ, а мать изъ купеческаго званія; преслѣдуемая мачихой, она сама, въ годы нѣжной юности, испыты-

тала всю тяжесть принудительной работы; ея природный умъ былъ ясенъ и крѣпокъ; образованіе было выше, чѣмъ у другихъ. Но и она, въ отношеніи къ своимъ слугамъ и крестьянамъ, не могла стать на ту высоту, какая нынѣ требуется отъ человѣка истинно просвѣщеннаго. Она не дѣлала и не говорила ничего дурного прислугѣ, припоминаетъ г. Аксаковъ; при всемъ томъ ее не любили. Безъ сомнѣнія, прислуга видѣла въ ней этотъ величавый, безмольно-подавляющій взглядъ, съ которымъ она относилась ко всему окружающему. Она запретила своимъ дѣтямъ всякое сношеніе съ прислугой въ Багровѣ и Чурасовѣ. Положимъ, что она была права, полагая, что багровская и чурасовская дворня ничему не можетъ научить дѣтей, кромѣ худого. Но вѣдь не запретила же она дѣтямъ разговаривать съ двоюродными ихъ сестрицами, которыя объяснили Сережѣ, что онѣ безпрестанно лгутъ и во всемъ обманываютъ родителей, что безъ этого нельзя, и пр. Тутъ, значить, кромѣ дѣтской нравственности, были и другія соображенія. Но это еще не важно; есть другія обстоятельства, болѣе значительныя. Узнавъ, что няня Сережи, Параша, сказала ему что-то нехорошее про тетусекъ (которыхъ Софья Николаевна сама не любила), мать его, хотя и знала, что все сказанное справедливо, тѣмъ не менѣе погрозила, если впередъ что-нибудь подобное услышитъ, сослать Парашу въ деревню за скотиной ходить, разлучивши съ мужемъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ внутреннее побужденіе такой угрозы: это могло быть и неудовольствіе на то, что прислуга смѣетъ разсуждать о господахъ, и самолюбивое желаніе выставить себя ангеломъ, не позволяющимъ другимъ бранить враговъ своихъ, и материнская боязнь за сына, чтобы онъ не проникся враждой къ своимъ роднымъ. Можетъ быть, все это вмѣстѣ участвовало въ негодованіи на Парашу. Но каково проявленіе этого негодованія? «Я, дескать, сошлю тебя въ дальнюю деревню за скотиной ходить, а не за сыномъ моимъ!». Не правда-ли, что здѣсь довольно сильно обнаруживается, какъ трудно человѣку не принять нѣкоторыхъ нехорошихъ замашекъ, оградить себя отъ нѣкоторыхъ излишествъ, къ которымъ его положеніе даетъ ему поводъ и даже какъ будто нѣкоторое право! Самое отстраненіе Софьи Николаевны отъ дѣлъ хозяйства и отъ крестьянъ происходитъ, очевидно, не отъ признанія ложности своего положенія въ отношеніи къ нимъ, не отъ робкой застѣнчивости, думающей: что я имъ такое? Это во все не простодушіе Сережи, который, увидавъ, какъ въ Парашинѣ мужики кланяются его отцу и привѣтствуютъ его, спрашиваетъ съ изумленіемъ: «за что это они такъ насъ любятъ? что мы имъ сдѣлали?» Нѣтъ, тутъ скрывалось совсѣмъ другое чувство. Когда Алексѣя Степаныча ввели во владѣніе отцовскимъ имѣніемъ, онъ, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, долженъ былъ, по обычаю, выйти къ крестьянамъ. Но Софья Николаевна никакъ не

хотѣла согласиться на это, несмотря на все упрашиванья мужа и старухи свекрови, которую она должна была теперь замѣнить въ хозяйствѣ. Крестьяне были очень недовольны, что не видятъ молодой барыни, и Алексѣй Степанычъ долженъ былъ имъ сказать, что она нездорова. Узнавъ объ этомъ, она принялась выговаривать мужу за то, что онъ солгалъ, такъ что онъ принужденъ былъ отвѣтить ей: «совѣстно было сказать, что ты не хочешь быть ихъ барыней и не хочешь ихъ видѣть; въ чемъ же они передъ тобой виноваты?» Потомъ, на вопросъ сына, отчего она не вышла къ крестьянамъ, мать отвѣчала, что отъ этого бабушкѣ и тетускѣ было бы грустно. «Притомъ же я теперь не могу... ну, да ты еще малъ, и понять меня не можешь». Послѣднія слова заставили сына долго ломать голову надъ тѣмъ, чего мать терпѣть не можетъ? Неужели добрыхъ крестьянъ, которые сами говорятъ, что ихъ такъ любятъ? (стр. 263). Предположенія мальчика были справедливы только отчасти; скорѣе нужно думать, что Софья Николаевна, не терпѣвшая всякой лжи, не могла терпѣть парадныхъ изъявленій восторга и любви отъ людей, для которыхъ она ничего не сдѣлала, которыхъ не знала и съ которыми ни мало не могла симпатизировать. Намъ грустно за искаженіе естественныхъ человѣческихъ отношеній, когда мы думаемъ обо всѣхъ, принимавшихъ участіе въ этомъ случаѣ. Жаль видѣть бѣдную женщину, смутно сознающую ложность отношеній, въ которыя она поставлена къ извѣстнымъ ей людямъ. Выйти ей и принять привѣтъ крестьянъ? Да чѣмъ же она его заслужила? Что она для нихъ такое? И что же дѣлать, когда она не можетъ, не лицемеря, показать имъ свое сочувствіе, потому что въ сердцѣ у нея живого сочувствія къ нимъ нѣтъ и не можетъ быть. Не выйти? Но тутъ опять встрѣчаютъ ее ложныя отношенія, отъ которыхъ становится еще болѣе грустно. Мужъ ея говоритъ: «развѣ они виноваты передъ тобой, что ты не хочешь быть ихъ барыней?» То-есть, по его понятію, барыня дается мужикамъ какъ бы въ награду за хорошее поведеніе. Сами мужики едва-ли не раздѣляютъ этой мысли: они такъ смиренны, такъ привыкли къ своему положенію, что ихъ желанія, дѣйствительно, не простираются далѣе господской милости. При такомъ положеніи дѣла, дѣйствительно, все здравыя понятія перепутываются, даже въ душѣ самой неспорченной. Маленькій Сережа признаетъ, что уже не спрашивалъ въ это время, за что ихъ такъ любятъ крестьяне: «я убѣдился, что это непременно такъ быть должно» (стр. 261).

Взглядъ Софьи Николаевны на крестьянъ объясняется аристократическимъ складомъ всѣхъ ея убѣжденій и чувствъ. Она любитъ изящное, доброе и благородное, но мысль поискать всего этого между крестьянами не приходитъ ей въ голову. Ей сильно препятствуетъ здѣсь то ложное по-

ложе, въ которомъ стоитъ она къ этому народу. Она, конечно, не стоитъ на степени развитія Простаковой, которая, узнавши, что Палашка лежитъ больна и бредитъ, восклицаетъ съ негодованіемъ: «лежитъ, бестія,—бредитъ, какъ будто благородная!» Но все-таки и Софья Николаевна не могла еще дойти до понятія о томъ благородствѣ, которое равно свойственно и помѣщику и крестьянину, и которое нерѣдко можетъ быть въ совершенно обратномъ отношеніи къ общественному положенію лица. Она желала бы вовсе не знать о существованіи крестьянъ, которыхъ положеніе вовсе ее не занимаетъ. Проѣзжая черезъ Парашино и видя крестьянскіе запасы хлѣба, Алексѣй Степанычъ, по чувству-ли хозяина, или просто по добротѣ сердца, восклицаетъ: «вотъ такъ крестьяне! молодцы! сердце, глядя на нихъ, радуется». Но Софья Николаевна не только не радуется, а даже не обращаетъ вниманія на слова мужа. Проѣзжая мимо хлѣбовъ, Багровъ опять жалѣетъ, что не успѣютъ мужики убрать; жена его и тутъ слушаетъ его безъ малѣйшаго участія. Маленькій сынъ прибѣгаетъ къ ней съ восторженными рассказами о томъ, что онъ видѣлъ на полѣ, какъ крестьяне пахутъ, сѣютъ, косятъ: она не только безъ участія, но даже съ неудовольствіемъ слушаетъ его рассказы... Сыну хочется идти, вмѣстѣ съ отцомъ, посмотреть на займку пруда: она его не пускаетъ, потому что «нечего ему дѣлать въ толпѣ мужиковъ и не для чего слушать ихъ грубыя и непристойныя шутки, прибаутки и брань между собою». Мужъ напрасно старается увѣрить ее, что ничего подобнаго не бываетъ (стр. 365—366). Въ ея присутствіи багровскія дворовыя дѣвушки должны отказаться отъ своихъ пѣсенъ и съ сожалѣніемъ говорятъ ей сыну: «матушка ваша не любитъ нашихъ деревенскихъ пѣсенъ» (стр. 391). Словомъ, полное отчужденіе отъ простого быта крестьянъ, высокомерное пренебреженіе къ нему выражается почти въ каждомъ поступкѣ Софьи Николаевны, хотя она не позволяетъ себѣ никакихъ жестокостей и грубостей.

Отчего же такое отчужденіе въ ней именно? У нея, должно быть, все-таки больше развито чувство любви и уваженія къ человѣчеству, нежели, напримѣръ, хоть въ старикахъ Багровыхъ; почему же они не чуждаются крестьянъ, а она чуждается? Если мы задумаемся въ сущность этого явленія, то неизбѣжно должны, кажется, придти къ заключенію, вовсе не отрадному. Какія точки соприкосновенія съ крестьянами видимъ мы въ старинномъ быту помѣщиковъ? Во-первыхъ—корысть. Хозяйственныя распоряженія неизбѣжно сближали помѣщика, живущаго въ деревнѣ, съ крестьянами, которые должны исполнять его распоряженія съ соблюденіемъ его выгодъ. Вторымъ обстоятельствомъ, сближавшимъ помѣщиковъ съ крестьянами, были тогда—равно низкая степень образованности тѣхъ и другихъ. Нравы большинства помѣщиковъ того времени были грубы и невѣжественны,

какъ мы уже видѣли изъ множества примѣровъ; слѣдовательно, нечего было опасаться, чтобы какое-нибудь жесткое выраженіе или грубый поступокъ не оскорбилъ нравственнаго чувства господина. Куролесовы, Багровы, и тому подобные, по тому не боялись сближаться съ своими крѣпостными людьми, что не видѣли въ себѣ нравственной разницы съ ними. Притомъ же, входя въ хозяйственныя сношенія съ крестьянами и даже пускаясь въ интимности съ домашней прислугой, они знали, что ни къ чему себя этимъ не обязываютъ. Они знали, что все-таки эти люди находятся въ ихъ рукахъ. Куролесовъ, кутившій съ пьяной ватагой всякихъ сорванцевъ, тѣмъ не менѣе, пробовалъ свои «кошечки» на томъ изъ нихъ, кто ему не нравился. Дочь Багрова, Татьяна Степановна, ничуть не считала неловкимъ бить свою Матрешку, вѣрную хранительницу ея заповѣднаго амбара со всѣми его секретами. Дѣло очень естественное: помощь, услуги, сообщничество этихъ людей,—все считалось обязательнымъ; они не могли и не смѣли не сдѣлать такъ, какъ это имъ приказано; слѣдовательно, принимая услуги ихъ, повѣряя имъ свои нужды, господинъ все-таки не терялъ своихъ правъ: могъ ихъ наказывать, ссылатъ, сѣчь, сколько его душѣ угодно было. При такихъ понятіяхъ, отчего же было и не сходитья съ крестьянами и дворовыми, отчего не сближаться съ ними по наружности? Вѣдь существенное-то разстояніе все-таки оставалось и не могло быть забыто ни тѣмъ, ни другимъ... Этихъ-то воззрѣній не могла, конечно, понять Софья Николаевна: а до другихъ она не могла еще возвыситься, и потому остановилась на распутьи—на пренебреженіи къ простому народу и къ простому быту.

Вотъ въ какомъ видѣ представляются намъ, по запискамъ г. Аксакова, отношенія къ крестьянамъ въ разныхъ лицахъ семейства Багровыхъ. Выписки изъ подлинныхъ воспоминаній другихъ современниковъ того вѣка и изъ тогдашнихъ сатирическихъ нападеній могли бы совершенно подтвердить вѣрность и обыкновенность всего, что описываетъ намъ г. Аксаковъ. Надо признаться, что результаты этихъ фактовъ не слишкомъ отрадны. Неразвитость нравственныхъ чувствъ, извращеніе естественныхъ понятій, грубость, ложь, невѣжество, отвращеніе отъ труда, своеволие, ничѣмъ не сдержанное, представляются намъ на каждомъ шагу въ этомъ прошедшемъ, теперь уже странномъ, непонятномъ для насъ и, скажемъ съ радостью, невозвратномъ.

«Но вѣдь не постоянно же крѣпостныя отношенія вторгались въ деревенскую жизнь помѣщика,—замѣтитъ читатель. Изъ очерка этихъ отношеній мы все еще не составляемъ себѣ опредѣленнаго понятія о томъ, какъ именно проходила домашняя жизнь нашихъ предковъ-помѣщиковъ, чѣмъ они занимались въ деревнѣ, вообще какъ проводили свое время. Можетъ быть, здѣсь найдется и свѣтлая сторона нравовъ того времени, можетъ быть, семей-

ныя добродѣтели старинныхъ помѣщиковъ и примирять насъ съ ними за тѣ ложныя и невѣжественныя отношенія, которыя развивали они въ своей жизни и которыя, впрочемъ, и не зависѣли отъ воли отдѣльныхъ личностей...»

Мы должны сознаться, что требованіе читателя вполнѣ справедливо и что даже, судя по заглавію статьи, читатель могъ ожидать отъ насъ не того, что мы изложили. Мы обѣщали очеркъ деревенской жизни старинныхъ помѣщиковъ, а говорили объ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ и крѣпостной прислугѣ. Но, для своего оправданія, мы должны сказать, что такой оборотъ дѣла составляетъ не нашу вину. Что же дѣлать, когда крѣпостныя отношенія проникали собою всю жизнь старинныхъ помѣщиковъ, особенно жившихъ въ деревняхъ, и обнаруживали свое вліяніе даже тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы ожидать: въ домашнихъ забавахъ, въ родственныхъ отношеніяхъ, въ воспитаніи дѣтей помѣщиковъ. Изъ многихъ фактовъ, приведенныхъ нами въ продолженіе статьи, можно видѣть отчасти, какъ протекало время для старинныхъ деревенскихъ жителей, владѣвшихъ крестьянами. Но нужно сознаться, что точнаго и опредѣленнаго очерка *жизни* тогдашней не даетъ ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ мемуары о томъ времени. Должно быть, *жизни* собственно и не было въ этой темной, удушливой средѣ; было какое-то прозябаніе, не оставлявшее по себѣ никакого слѣда и потому не могшее быть удовленнымъ воспоминаніями тѣхъ, кто старался изобразить этотъ бытъ. Подобно другимъ мемуарамъ, и записки г. Аксакова не представляютъ въ этомъ отношеніи удовлетворительнаго очерка. Прочитавъ эту толстую книгу, невольно спрашиваешь себя: «что же, однако, дѣлали эти люди всю свою жизнь? Какъ они ее прожили? Чѣмъ занималась все время своего тридцати-лѣтняго дѣвчества — хотъ тетушка Татьяна Степановна? Какое занятіе было у самой матери Сережи?» На все это даются отвѣты очень смутныя, отрывочныя, неудовлетворительныя. Для разъясненія дѣла можетъ отчасти служить «Добрый день Степана Михайловича», описанный въ «Семейной Хроникѣ». Онъ даетъ нѣкоторое понятіе о той праздности и лѣни, въ которую погружено было цѣлое семейство, внѣ хозяйственныхъ заботъ, лежавшихъ почти вполнѣ на одномъ только главѣ дома. Просыпается Степанъ Михайловичъ рано, даже раньше слугъ своихъ, которыхъ будить въ добрый день — не калиновымъ подождкомъ, не пинкомъ и не стуломъ, какъ въ другіе дни, а просто — почеловѣчески. Только что онъ всталъ, и весь домъ на ногахъ: вся семья почтительно идетъ къ старику здороваться. Потомъ пьютъ чай, и затѣмъ отецъ отправляется на поле, гдѣ испытываетъ доброту пашни известнымъ уже намъ способомъ. Съ поля онъ возвращается прямо къ обѣду, который ужъ непременно долженъ быть готовъ къ его возвращенію. За стуломъ хозяина стоитъ, во все время обѣда. Николка Рузанъ, съ цѣлымъ пучкомъ

березы, и обмахиваетъ его отъ мухъ. Въ столовую собираются дворовые мальчишки и дѣвчонки «за подачками»; они знаютъ, что Степанъ Михайловичъ весель и будетъ обдѣлять ихъ кусками съ своего стола. Послѣ обѣда, бывшаго всегда въ полдень, всѣ ложатся спать, и спятъ часа четыре. Затѣмъ, отецъ ѣдетъ на мельницу и беретъ съ собою всю семью. Оттуда возвращаются домой, и баринъ толкуетъ со старостой, затѣмъ ужинаетъ; послѣ ужина, старикъ прохлаждается нѣсколько времени на крыльцѣ, забавляясь дракою своихъ слугъ, и, наконецъ, мирно ложится спать.

Вотъ вамъ цѣлый день, одинъ изъ лучшихъ дней. Какая дѣятельность выпадаетъ тутъ на долю Арины Васильевны и дочерей? И что дѣлаетъ самъ Степанъ Михайловичъ, ежели онъ не ходитъ въ поле и не ѣздитъ на мельницу?—этого, право, мы не умѣемъ сказать. Должно быть, ничего не дѣлаетъ. Подтвержденіе этой мысли находимъ мы въ замѣчаніи г. Аксакова о Куролесовѣ, который умѣлъ вести себя хорошо въ первые два или три года, пока у него было дѣло на плечахъ, пока онъ занятъ былъ устройствомъ имѣнія. Но потомъ праздность одолѣла его: натура-то была у него широкая, а дѣла себѣ никакого не находила: и пустился Михайлъ Максимовичъ въ пьянство и буйство. Другіе не пускались въ такія художества, но прозябали безъ шума и слѣда, не думая ни о чемъ, и ни въ чемъ не пытая своихъ силъ. Богачъ Д* занимался своимъ крѣпостнымъ оркестромъ и заморскими чушками; Парасковья Ивановна—пріемомъ гостей и картами; Арина Васильевна—пряжей козьяго пуху, въ промежутки между сномъ и процесомъ наполненія желудка. Экстраординарными занятіями были—уженье, охота, собираніе грибовъ и ягодъ... А ужъ зимой,—постигнуть нельзя, что дѣлали въ деревнѣ зимой... Въ зимнее время, вѣроятно, увеличивались тѣ забавы и развлеченія, образцы которыхъ представили мы выше, въ выкидываньи артикула—Дарьей Васильевною, вмѣсто ружья. Тутъ же, конечно, помогали много и благодѣтельныя карты, служившія то для игры въ дурачки, то для гаданья. Съ теченіемъ времени, т.-е. въ поколѣніи, слѣдовавшемъ уже за Степаномъ Михайловичемъ, развилась любовь къ чтенію: такъ, у Татьяны Степановны былъ уже свой любимый пѣсенникъ... Чего же больше?

Если мы сдѣлаемъ надъ собою усиліе и вообразимъ себя на мѣстѣ какой-нибудь Арины Васильевны или богача Д*, съ ихъ понятіями, съ ихъ матеріальными средствами, со всею обстановкою ихъ жизни, то мы не удивимся ихъ праздности. Вѣдь всякая дѣятельность непременно чѣмъ-нибудь вызывается и поддерживается; всякій работаетъ прежде всего потому, что сознаетъ *потребность* труда, нравственную или физическую, чаще всего и ту, и другую нераздѣльно. Скажите, отчего же потребность труда могла бы родиться въ Парасковью Ивановну или въ бо-

гачѣ Д*? Что имъ была за надобность работать?.. Съ незапамятныхъ временъ, поколѣніе за поколѣніемъ, приходятъ люди-счастливыцы на готовое. Кто-то прежде ихъ, для нихъ невѣдомо, приготовилъ все это, пожилъ, умеръ, оставилъ другимъ, другіе третьимъ. Наконецъ, доходитъ до послѣднихъ; имъ даютъ состояніе и говорятъ: «пользуйтѣсь! тутъ есть неистощимый капиталъ, который можетъ давать столько процентовъ, сколько вы захотите, не выходя за предѣлы человѣческой возможности. Вамъ ничего не нужно для того, чтобы пользоваться этимъ капиталомъ и процентами; довольно того, что я вамъ вручаю его». И неужели отъ счастливыца, получающаго этотъ кладъ, можно ожидать, что онъ отъ него откажется и скажетъ: нѣтъ,—я лучше хочу самъ трудиться, самъ приобрѣтать себѣ хлѣбъ свой. Нѣтъ, только Геркулесъ способенъ былъ къ такому самоотверженію, когда его встрѣтили съ своими предложеніями Нѣга и Трудъ. За то Геркулесъ и относится къ области мифологіи. Люди историческихъ временъ поступаютъ уже не такъ. Въ этомъ отношеніи свойство дѣйствительныхъ людей изображаетъ намъ рассказъ Данилова о своемъ зятѣ Астафьевѣ. Астафьевъ этотъ служилъ въ полку; но потомъ, получивши богатое наслѣдство, неприлежно сталъ служить и, наконецъ, выпросился въ отпускъ, такъ какъ въ то время отставки получить нельзя было. При этомъ случаѣ онъ нашелъ *милостивца* въ полковомъ секретарѣ, который каждый годъ выправлялъ ему отпускъ за малые деревенскіе гостинцы: «душекъ двѣнадцать мужеска пола, съ женами и дѣтьми», съ тѣмъ, чтобы они были выведены, куда было имъ назначено (Дан. стр. 34). Вотъ это очень понятно и очень близко къ естественнымъ наклонностямъ большинства человѣковъ!..

Грустно становится, когда раздумаешься объ этихъ временахъ, которыхъ остатки существовали еще такъ недавно. Но и тутъ, какъ и вездѣ, есть одна сторона, отрадная, успокаивающая: это видъ добраго, свѣжаго крестьянскаго населенія, твердо переносящаго всѣ испытанія, безъ отчаяннаго унынія, но съ постоянной надеждой на милость Божію и царскую. Много силъ должно таиться въ томъ народѣ, который не опустился нравственно среди такой жизни, какую онъ велъ много лѣтъ, работая на Багровыхъ, Куролесовыхъ, Д** и т. п... Весело смотрѣлъ маленькій Сережа на дружную работу косцовъ и потомъ съ восхищеніемъ рассказывалъ, какъ это хорошо—косить. Ему отвѣчали, что смотрѣть-то хорошо, а работа очень тяжела, и онъ долго не могъ помириться съ мыслью, чтобы такая веселая и красивая работа могла быть тяжела. Въ другой разъ, онъ видѣлъ жнитво, при которомъ, на вопросъ отца его,—«не тяжело-ли»,—крестьяне отвѣчали: «тяжеленько, да какъ же быть: рожь сильна,—прихватимъ вечера». Тутъ маленькаго Сережу поразили тяжело дышущія, согнутыя надъ серпомъ крестьянки, обвязанные грязными тряпи-

цами пальцы на рукахъ и босыхъ ногахъ работавшихъ, и особенно плачь грудного ребенка, который былъ тутъ же, въ полѣ, съ матерью, какъ бы приучаясь къ этой «страдѣ» крестьянской. Сережа съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ молодая женщина, воткнувъ серпъ въ связанный ею снопъ, подошла къ ребенку, и тутъ же, присѣвъ у стоящаго пятка сноповъ, начала цѣловать, ласкать и кормить грудью свое дитя, а потомъ снова положила его въ люльку и принялась жать съ особеннымъ усиленіемъ, чтобы наверстать потерянное время и не отстать въ работѣ. «Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ, на солнечномъ зноѣ, обхватило мою душу», говоритъ г. Аксаковъ (стр. 61). Черезъ нѣсколько времени, крестьянскія работы дали ему испытать еще новое чувство. Онъ увидалъ, какъ боронятъ землю крестьянскіе мальчики, и самъ захотѣлъ попробовать боронить. Мать сначала говорила ему, что это вздоръ, что это не его дѣло, но, наконецъ, согласилась на усиленную просьбу сына. Разумѣется, оказалось, что Сережа не только боронить не можетъ, но даже ходить по вспаханной землѣ не умѣетъ. «Крестьянскій мальчикъ шелъ рядомъ со мной,—говоритъ онъ,—и смѣялся. Мнѣ было стыдно и досадно» (стр. 369).

Да, всѣ эти поколѣнія, прожившія свою жизнь даромъ, на счетъ другихъ—всѣ они должны были бы почувствовать стыдъ, горькій стыдъ, при видѣ самоотверженнаго, безкорыстнаго труда своихъ крестьянъ. Они должны бы были вдохновиться примѣромъ этихъ людей и взяться за дѣло, съ полнымъ сознаниемъ, что жизнь тунеядца презрѣнна и что только трудъ даетъ право на наслажденіе жизнью. А они не совѣстились присвоить себѣ это наслажденіе, отнимая его у другихъ. Горькое, тяжелое чувство сдавливаетъ грудь при воспоминаніи о давно минувшихъ несправедливостяхъ и насиліяхъ... Но радостно бьется сердце при мысли, что мы уже пережили эти времена, что теперь блеститъ уже новый день, что грядущія поколѣнія ожидаютъ не принужденный трудъ безъ вознагражденія, а свободная, живая дѣятельность, полная радостныхъ надеждъ на собраніе плодовъ, на неотъемлемую, собственную жатву того, что посеяно. Скорѣе же прочь всѣ остатки отжившихъ свое время предразсудковъ! Своекорыстные расчеты и привычная лѣнь должны умолкнуть предъ величіемъ общаго начинанія ко благу человѣчества. Голосъ правды, голосъ любви призываетъ: не время оставаться въ прежней праздности и апатіи. Пусть воспоминанія того поколѣнія, которое возрастаетъ теперь, представятъ наше общество въ лучшемъ свѣтѣ, нежели въ какомъ являются передъ нами, въ воспоминаніяхъ правдивыхъ современниковъ, люди конца прошедшаго столѣтія!..

II.

Разныя сочиненія С. Аксакова. Москва. 1858.

Новая книга С. Т. Аксакова никакъ не можетъ вызвать серьезныхъ критикъ, подобныхъ тѣмъ, какимъ подвергались его «Семейная Хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова». Изданныя нынѣ «Разныя Сочиненія» имѣютъ въ себѣ одно свойство, которое должно заставитьъ критику, — каковъ бы ни былъ ея смыслъ, — принять совершенно не тотъ характеръ, что прежде. Рецензентъ при своемъ разборѣ всегда имѣетъ въ виду, будетъ ли публика читать разбираемую книгу, или нѣтъ. Если будетъ, то критика, предполагая содержаніе извѣстнымъ, старается разяснить его смыслъ, прослѣдить развитіе идей автора, высказать свое мнѣніе о предметахъ, выводимыхъ авторомъ, и о способѣ ихъ изображенія. Такъ и поступила критика наша съ произведеніями г. Аксакова, изданными въ послѣдніе годы. Но если многія соображенія приводятъ критику къ убѣжденію, что публика не будетъ, да и не должна читать книги, то и разборъ, очевидно, долженъ имѣть другой смыслъ: онъ долженъ только дать понятіе о книгѣ, чтобы избавить любителей чтенія отъ напрасной траты времени. Именно такого рода разборъ мы считаемъ приличнымъ для «Разныхъ Сочиненій» г. Аксакова.

Но предварительно, изъ уваженія къ таланту и литературному авторитету почтеннаго автора, скажемъ, почему мы полагаемъ, что его новая книга не будетъ читаться. Мы знаемъ, что онъ возбудилъ интересъ въ нѣкоторой части публики своими записками объ уженъи рыбы и о ружейной охотѣ. По поводу этихъ книгъ замѣчено было, что г. Аксаковъ пишетъ очень хорошимъ слогомъ, съ теплымъ чувствомъ описываетъ красоты природы и имѣетъ большія познанія относительно разныхъ породъ рыбъ и птицъ. Съ такою репутаціей оставался С. Т. Аксаковъ до 1856 г., когда издалъ «Семейную Хронику». Отрывки изъ «Хроники» и «Воспоминаній» печатались еще прежде въ разныхъ журналахъ и возбуждали въ публикѣ большія ожиданія. Изданіе «Хроники» встрѣчено было съ такимъ восторгомъ, какого, говорятъ, не было со времени появленія «Мертвыхъ душъ». Всѣ журналы наполнились статьями о С. Т. Аксаковѣ. Не всѣ критики выказали одинаковую проницательность въ опредѣленіи достоинствъ «Семейной Хроники»; но всѣ одинаково напомнили намъ тѣ времена, въ которыя существовали у насъ *россійскіе Пиндары, Мольеры и Вольтеры*. Одни изъ критиковъ увѣряли, что С. Т. Аксаковъ, по спокойствію и ясности своего міросозерцанія, есть ни что иное, какъ новый Гомеръ; дру-

гіе утверждали, что, по удивительному искусству въ развитіи характеровъ, онъ скорѣе всего есть русскій Шекспиръ; третьи, гораздо умѣреннѣе, говорили, что С. Т. Аксаковъ есть не болѣе, какъ нашъ Вальтеръ-Скоттъ. Ниже Вальтеръ-Скотта, впрочемъ, ни одинъ изъ критиковъ не спускался. Не знаемъ, читала-ли публика всѣ критики на С. Т. Аксакова и вѣрила-ли имъ, если читала; но, достовѣрно то, что «Семейная Хроника» вскопѣ вышла вторымъ изданіемъ, значить—читалась. Успѣху ея, кромѣ несомнѣнныхъ достоинствъ изложенія, много содѣйствовало и то обстоятельство, которое помогло успѣху «Старыхъ годовъ», г. Мельникова, «Прошлыхъ временъ», г. Салтыкова, и т. п. Тутъ была оглядка на прошлое, на которое мы до того времени боялись оглядываться, потому что оно еще не совсѣмъ прошло для насъ. Воспоминанія г. Аксакова предупредили нѣсколькими мѣсяцами произведенія гг. Щедрина, Печерскаго и др., и, кромѣ того, они стояли степенью выше ихъ въ отношеніи къ общественному интересу, котораго преимущественно ищетъ теперь публика въ литературныхъ произведеніяхъ. Въ обличительныхъ повѣстяхъ читатели видѣли притчу, аллегорію, сборникъ анекдотовъ; у г. Аксакова нашли правду, быль, исторію. Увлеченные своей основной идеей—каратъ порокъ, писатели-обличители дѣлали очень часто ту ошибку, что отбрасывали въ своихъ произведеніяхъ все, что казалось постороннимъ главной ихъ мысли; оттого рассказы ихъ и страдали часто нѣкоторой искусственностью и безжизненностью. У г. Аксакова не было такого односторонняго увлеченія: онъ просто писалъ прожитую и прочувствованную имъ правду, и оттого въ книгѣ его явилось болѣе жизненности и разносторонности; общественные интересы группировались съ частными, задушевными и выражались въ книгѣ именно настолько, насколько имѣли они значеніе въ самой жизни автора. Такимъ образомъ, книга С. Т. Аксакова поражала своей простотой, задушевностью, отсутствіемъ натяжекъ и заданныхъ положеній. Читатели охотно прощали автору и нѣкоторую растянутость его описанія, и ненужныя повторенія одного и того же въ разныхъ мѣстахъ книги, и подогрѣтый лиризмъ по поводу явленій давно минувшихъ, и остатки нѣкоторыхъ раболѣпныхъ отношеній къ разнымъ знаменитостямъ, съ которыми авторъ встрѣчался въ молодости. Все это прощалось ему за тѣ живыя страницы, въ которыхъ представлялъ онъ живые типы Багровыхъ, Куролесовыхъ, описывалъ свое гимназическое и университетское воспитаніе, передавалъ свѣжія впечатлѣнія природы, окружавшей его дѣтство. «Семейная Хроника» и «Воспоминанія» г. Аксакова ясно и прямо говорили читателю, что это живая быль, а не выдумка, *въ самомъ дѣлѣ*, а не *нарочно*,—преимущество, котораго лишена была большая часть обличительныхъ повѣстей нашихъ. И вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, всего болѣе объясняется

успѣхъ книги г. Аксакова въ нашей публикѣ, обыкновенно такъ равнодушной къ художественнымъ достоинствамъ, а въ настоящее время, особенно падкой къ интересамъ общественнымъ. Критика не обратила въ свое время должнаго вниманія на эту сторону отношеній «Семейной Хроники» къ современнымъ читателямъ, а занялась почти исключительно разборомъ художественной формы ея. Держась своей точки зрѣнія, критика съ прежней восторженностью встрѣтила и «Дѣтскіе годы Багрова», изданные г. Аксаковымъ въ прошломъ году. Въ нихъ находили то же мастерство разсказа, ту же задушевность и простоту, то же умѣнье живописать природу, и потому ожидали, что они будутъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и «Семейная Хроника». Но публика вовсе не обнаружила къ новому произведенію г. Аксакова прежняго энтузіазма; «Дѣтскіе годы» показались скучными, восторженные журнальныя похвалы имъ возбуждали смѣхъ въ читателяхъ; изъ всѣхъ критикъ на г. Аксакова болѣе всѣхъ понравилась самая строгая (въ «Атенеѣ»), хотя вся сущность ея заключалась въ весьма основательномъ и остроумномъ развитіи одной главной мысли: «что книга г. Аксакова была бы хороша, если бы не была слишкомъ растянута». Мы тоже разбирали тогда «Дѣтскіе годы» и, чувствуя, что не могли бы удержаться отъ смѣха, если бы вздумали разсуждать объ ихъ художественныхъ достоинствахъ, рѣшились собрать изъ всей книги тѣ крупныя общинтересныя факты, которыя были разбросаны въ «Дѣтскихъ годахъ» между многими сотнями рыболовныхъ, пищеварительныхъ и чертежническихъ подробностей. Составляя свой разборъ, мы и тогда имѣли въ виду, что публика будетъ плохо читать новую книгу г. Аксакова; но мы не хотѣли явиться зловѣщими пророками для автора и замѣтили тогда: «авторитетъ С. Т. Аксакова установленъ публикой,—пусть же она сама и уничтожитъ его, если хочетъ; критикѣ же вовсе нѣтъ надобности кричать въ этомъ случаѣ наперекоръ публикѣ, потому что дѣятельность г. Аксакова не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго и неблагогоднаго».

Наши предположенія сбылись, къ сожалѣнію, скорѣе и полнѣе, нежели мы ожидали; совершенное равнодушіе, даже нѣкоторое пренебреженіе и насмѣшливость явились теперь въ публикѣ вмѣсто прежняго восторга къ трудамъ г. Аксакова. Въ «Русской Бесѣдѣ» прошлаго года постоянно печатались его «Литературныя и театральныя воспоминанія», и постоянно пропускались мимо даже читателями «Бесѣды». Всѣ уже успѣли узнать, что талантъ г. Аксакова слишкомъ субъективенъ для мѣткихъ общественныхъ характеристикъ, слишкомъ полонъ лиризма для спокойной оцѣнки людей и произведеній, слишкомъ наивенъ для острой и глубокой наблюдательности. Въ «Воспоминаніяхъ», изданныхъ вмѣстѣ съ «Хроникой», видно уже было, что С. Т. Аксаковъ *слишкомъ несвободно* относится къ тѣмъ лич-

ностямъ и явленіямъ жизни, которыя занимали его молодость. И тамъ уже не совсѣмъ пріятно поражалъ по мѣстамъ пафосъ автора, обращенный на удочки, на благородные спектакли и на знаменитости, подобныя Шущерину, Кокошкину и т. п. Въ новыхъ воспоминаніяхъ ожидали еще сильнѣйшаго пафоса, еще болѣе мелочности, и не ошиблись. Вслѣдствіе того—литературная слава С. Т. Аксакова исчезла такъ же быстро, какъ и возникла, и новая книга его была встрѣчена съ холодностью, которая граничитъ съ пренебреженіемъ. Недавно мы слышали даже уподобленіе новыхъ воспоминаній С. Т. Аксакова запискамъ того господина, отрывокъ изъ дневника котораго помѣщенъ былъ въ прошломъ году въ «Современникѣ» (въ Замѣткахъ Новаго Поэта). Мы отъ всей души желали бы опровергнуть неблагоприятное мнѣніе публики разборомъ «Разныхъ Сочиненій» г. Аксакова; но, къ несчастію, они вполнѣ оправдываютъ разочарованіе читателей, какъ сейчасъ увидимъ.

Болѣе половины книги «Разныхъ Сочиненій» занимаютъ литературныя и театральныя воспоминанія. Болѣе половины остальной части—«Біографія Загоскина». Затѣмъ въ книгѣ находятся мелкія статьи: «Буранъ», «Нѣсколько словъ о М. С. Щепкинѣ» и «Воспоминаніе о Д. Б. Мертваго». Въ *приложеніяхъ* перепечатаны изъ старыхъ журналовъ еще три коротенькія статейки г. Аксакова, писанныя тридцать лѣтъ тому назадъ: «О заслугахъ кн. Шаховскаго въ драматической словесности», «О романѣ Юрій Милославскій» и «Письмо къ издателю» Московскаго Вѣтника о Пушкинѣ».

Желая дать понятіе о характерѣ «Литературныхъ и театральныхъ воспоминаній», сравнительно съ прежними воспоминаніями г. Аксакова, мы воспользуемся однимъ замѣчаніемъ его о Мочаловѣ. По словамъ г. Аксакова, Мочаловъ былъ очень хорошъ тогда, когда игралъ совершенно просто. Въ одной пьесѣ онъ восхитилъ своей игрой кн. Шаховскаго, и тотъ заставилъ повторить пьесу и просилъ въ театръ какую-то важную особу изъ пріѣзжихъ, нарочно за тѣмъ, чтобъ посмотришь игру Мочалова. Узнавъ объ этомъ, Мочаловъ, по словамъ С. Т. Аксакова, «*постарался* и сыгралъ невыносимо дурно». Нѣчто подобное произошло и съ авторомъ «Семейной Хроники». Замѣтивъ, что на него устремлено общее любопытство, услышавъ похвалы своему слогу, задумчивости и правдѣ своихъ воспоминаній, С. Т. Аксаковъ видимо началъ *стараться*, и результатъ вышелъ въ родѣ мочаловскаго. Всѣ недостатки, бывшіе въ зародышѣ въ «Хроникѣ» и «Воспоминаніяхъ», страшно разрослись теперь и заслонили собою скромныя достоинства, успѣвшія уберечься отъ тлетворнаго вліянія *стараній* г. Аксакова. И въ прежнихъ воспоминаніяхъ были у почтеннаго автора лирическія страницы, на которыхъ говорилось, напр.: «съ

какимъ сердечнымъ трепетомъ ожидалъ я, бывало, половины шестого, чтобы идти на Сѣвную площадь—къ Шушерину!.. До сихъ поръ не могу вспомнить безъ восхищенія объ этомъ блаженномъ времени!»—или: «невозможно передать словами того, что я чувствовалъ, и какую ночь провелъ я, въ ожиданіи блаженной минуты, когда буду представленъ Шишкову»; или: «я опьянѣлъ отъ восторга и счастья, удостоившись читать Державину его стихи! Да будетъ благословенно искусство чтенія, озарившее скромный путь моей жизни такимъ блаженствомъ, воспоминаніе о которомъ до сихъ поръ проливаетъ отраду во все существо мое»! Въ прежнихъ воспоминаніяхъ были также и подробности весьма спеціальныя, въ родѣ того, что въ такой-то сценѣ, на такомъ-то представленіи, Бобровъ былъ дурень, а Семенова—прелестна, что актеръ Фьяло очень натурально игралъ роль Неизвѣстнаго, что на такомъ-то домашнемъ спектаклѣ у одного изъ благородныхъ артистовъ нечаянно камзолъ растегнулся, а С. Т. Аксаковъ взялъ да и застегнулъ его, и т. п. Но все это рѣшительно ничего не значитъ въ сравненіи съ тою обстоятельностью, какою отличаются новыя воспоминанія г. Аксакова. Прежде у него изображались, по крайней мѣрѣ, Державинъ, Шишковъ, Шушеринъ; теперь являются предъ нами Николевъ, Ильинъ, Кокоскинъ, Шаховской, Писаревъ и пр. И, говоря объ этихъ людяхъ, авторъ до сихъ поръ обнаруживаетъ нѣкоторые остатки наивнаго подобострастія, которымъ былъ къ нимъ проникнутъ въ своей молодости. «Такой-то меня обласкалъ... Этотъ очень любилъ... Этотъ обошелся со мной очень благосклонно»—вотъ выраженія, въ которыхъ г. Аксаковъ рассказываетъ о своихъ литературныхъ знакомствахъ. И не подумайте, чтобы такія отношенія существовали въ то время, когда авторъ былъ еще скромнымъ юношею; нѣтъ, такъ было постоянно—до тѣмъ поръ, пока С. Т. Аксаковъ самъ не сдѣлался «патріархомъ русской литературы». Вотъ, напр., какъ говоритъ онъ о своемъ знакомствѣ съ кн. И. М. Долгорукимъ, въ 1821 г., когда автору «Воспоминаній» было уже *тридцать* лѣтъ. Увидѣлъ его Иванъ Михайловичъ на одномъ домашнемъ спектаклѣ и расхвалилъ. «*Мнѣ совѣстно,*—трогательно замѣчаетъ авторъ черезъ тридцать восемь лѣтъ,—*повторяютъ его похвалы, которыя были, конечно, черезчуръ преувеличены*»... Затѣмъ онъ продолжаетъ: «съ этихъ поръ князь меня очень любилъ. Я много читывалъ ему изъ его ненапечатанныхъ сочиненій, и въ томъ числѣ огромную трагедію въ три тысячи варварскихъ стиховъ, которая происходила въ невѣдомомъ мѣстѣ, у неизвѣстнаго народа. Впрочемъ, сочинитель самъ подсмѣивался надъ своимъ твореніемъ» (стр. 67). Итакъ—угодливость автора не ограничивалась тѣмъ, что онъ, въ цвѣтущей юности, съ восторгомъ читалъ Державину нелѣпыя его трагедіи: онъ то же самое дѣлалъ въ тридцатилѣт-

немъ возрастѣ для князя И. М. Долгорукова, который самъ надъ собою смѣялся! То же самое дѣлалъ онъ и для Николева, котораго, какъ самъ говоритъ, и не уважалъ вовсе. Въ первое свиданіе съ Николевымъ онъ сказалъ, что «былъ бы счастливъ, если бѣ могъ услышать что-нибудь изъ его трагедіи «Малекъ-Адель». Николевъ началъ декламировать; С. Т. Аксаковъ былъ увлеченъ и превозносилъ автора искренними похвалами, и ему навѣки «врѣзались» въ память слѣдующіе четыре сильные стиха:

Вспсталъ конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Атлантскихъ горъ,
Стрѣла летяща—бѣгъ, свѣща горяща—взоръ,
Дыханье—дымъ и огонь, грудь и копыта—камень,
На немъ Малекъ-Адель или сраженій пламень.

Въ благоговѣйномъ вниманіи къ памяти Николева, г. Аксаковъ и теперь обращается съ этими стихами, какъ съ нѣкою святыней. Къ слову «*блесталъ*» онъ дѣлаетъ примѣчаніе: не отвѣчаю за слово «*блесталъ*»; иногда мнѣ кажется, что вмѣсто него стояло: «*сверкалъ*» (стр. 15). Видите, какая добросовѣстность!.. Научитесь, юноши, какъ должно чтить преданія!

Такимъ милымъ характеромъ отличается вся книга, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣло касается Полевого. «Московскій Телеграфъ»—единственная тучка, потемняющая свѣтлый міръ воспоминаній г. Аксакова. О Полевомъ до сихъ поръ не рѣшается онъ сказать добраго слова, онъ пространно обвиняетъ его въ «дерзости, происходившей отъ самонадѣяннаго, поверхностнаго знанія», съ замѣтнымъ удовольствіемъ повторяетъ онъ выдохшіеся куплеты Писарева противъ издателя «Телеграфа»: не безъ самодовольствія припоминаетъ онъ слѣдующій подвигъ своего цензурнаго поприща: «издатель «Московского Телеграфа» сначала пробовалъ сблизиться со мной, но я откровенно сказалъ ему, что только какъ цензоръ я могу быть въ сношеніяхъ съ г. Полевымъ». Но особенное наслажденіе возбуждается въ С. Т. Аксаковѣ воспоминаніемъ о томъ, какъ при Полевомъ удалось ему прочесть изъ своего перевода сатиры Буало стихи, которые можно было приложить къ самоучкѣ-журналисту; объ этомъ знаменательномъ событіи онъ рассказываетъ на трехъ страницахъ (220—222)!...

За исключеніемъ Полевого, С. Т. Аксаковъ не выгодно отзывается еще только о своемъ товарищѣ по цензурѣ, К. М., который былъ уже очень свирѣпъ. Остальные всѣ милы почтенному автору, и онъ съ неподражаемымъ добродушіемъ сообщаетъ міру заднимъ числомъ бюллетени о состояніи ихъ здоровья, свѣдѣнія о томъ, когда они вставали и ложились въ разное время своей жизни, какой почеркъ имѣли, какъ пришепетывали, и т. п. Мы убѣждены, что любой изъ нашихъ библиографовъ счелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ достигнуть такой мелочной обстоятель-

ности, до которой возвысился С. Т. Аксаковъ. Смѣемъ увѣрить, что въ «Театральныхъ воспоминаніяхъ» г. Аксакова кажутся еще очень крупными факты, подобные слѣдующимъ:

„Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ 1827 г., прежде другихъ пьесъ, именно 7 января, шелъ переведенный Писаревымъ съ французскаго премиленькій водевилъ „Дядя на-прокатъ“, о которомъ я уже упоминалъ“ (стр. 137).

„13-го января, въ бенефисъ актрисы г-жи Борисовой, была дана большая трилогія князя Шаховскаго „Керимъ-Гирей“, взятая изъ „Бахчисарайскаго фонтана“, съ удержаніемъ многихъ стиховъ Пушкина. Общаго успѣха она не имѣла; но многія мѣста были приняты публикой съ увлеченіемъ“ (стр. 139).

„Бенефисъ г-жи Синенкой, бывшій 27 января, заканчивался небольшимъ водевилемъ Писарева, также переведеннымъ съ французскаго: „Двѣ записки, или безъ вины виноватъ“. Этотъ водевилъ слабѣе другихъ писаревскихъ водевилей; но куплеты, какъ и всегда, были остроумны, ловки и мѣтки. Переводчикъ былъ вызванъ. — Щепкинъ далъ въ свой бенефисъ (4 февраля) очоень большую комедію въ прозѣ (подражаніе англійской комедіи *The way to keep him*) подъ названіемъ „Школа супруговъ“, переведенную съ французскаго Кокошкинымъ. Комедія имѣла много существенныхъ достоинствъ; но была тяжела, длинна и наскучила публикѣ“ (стр. 140).

Это—крупные факты; это, такъ сказать, абрисъ того узора, по которому г. Аксаковъ лѣпитъ мозаику своихъ воспоминаній о томъ, какъ такой-то актеръ или актриса держали себя во время представленія или на репетиціяхъ.

Въ предисловіи къ воспоминаніямъ своимъ, С. Т. Аксаковъ говоритъ, что издаетъ ихъ, какъ матеріаль для исторіи литературы и какъ знакъ уваженія и благодарности къ людямъ, болѣе или менѣе даровитымъ, но не отмѣченнымъ такимъ яркимъ талантомъ, который, оставя блестящій свѣтъ за собою, долго не приходитъ въ забвеніе между потомками. Намѣреніе очень похвальное; но скажите, Бога ради, о многоученые библиографы, неужто вы сумѣете извлечь что-нибудь для исторіи литературы, — напр., хоть изъ рассказовъ о томъ, какъ С. Т. Аксаковъ съ Писаревымъ, Шаховскимъ и Кокошкинымъ рыбу удилъ на Бердинскомъ озерѣ?.. Можетъ быть, вы внесете въ характеристику этихъ писателей слѣдующіе факты:

„Я громко сталъ требовать возвращенія домой, гдѣ ожидалъ насъ завтракъ: *сейчасъ избитое сливочное масло, редисъ, только что вынутый изъ парника, тзорогъ, смѣтана, сливки, и пр.* Требования мои были уважены.

„Писаревъ встрѣтилъ насъ съ сіяющимъ лицомъ; ловъ былъ удаченъ, и рыба клевала очень хорошо: *онъ поймалъ двухъ щукъ, изъ которыхъ одну фунтовъ въ шесть, и десятка полтора окуней; въ числѣ ихъ были славные окуни, слишкомъ по фунту* (стр. 163).

„Рано позавтракавъ, рано сѣли обѣдать, а послѣ обѣда всѣ полегли спать, въ томъ числѣ и я... (стр. 168).

„Къ большой радости Писарева, на другой день уженье было такъ же удачно и съ большой лодки, какъ и съ маленькой, особенно потому, что на канунъ было выброшено много снулой рыбешки и червей: это была отличная прикормка для хищной рыбы. Окунь и щука точно дожидались насъ, и въ короткое время мы поймали также двухъ щукъ и болѣе вчерашняго крупныхъ окуней. Часу въ двѣнадцатомъ мы отправились въ Москву“ (стр. 170).

Мы не знаемъ, что извлечетъ будущій историкъ нашей литературы

изъ того, что С. Т. Аксаковъ съ товарищами ѣлъ сейчасъ же *избитое* масло, редисъ, только-что вынутый изъ парника, сметану, творогъ и пр., и что Писаревъ поймалъ двухъ щукъ,—одну фунтовъ въ шесть, и т. д... Но насъ интересуетъ вопросъ: теперь-ли только г. Аксаковъ вспомнилъ все это, или тогда же все записалъ, — предупреждая, такимъ образомъ, извѣстнаго гоголевскаго героя, писавшаго: «*сія дыня съѣдена такогото числа*», и если кто присутствовалъ, то „*участвовалъ такой-то*».

Впрочемъ, можетъ быть, С. Т. Аксаковъ излагалъ всѣ вышеприведенныя подробности—не по причинѣ исторической ихъ важности, а вслѣдствіе художественности своей натуры, увлекавшей его къ начертанію полной и живой картины... Можетъ быть!.. Противъ художественности г. Аксакова мы ничего не можемъ сказать; мы дѣйствительно изумлялись тому мастерству, съ какимъ онъ вводитъ насъ въ кругъ тѣхъ бѣдныхъ и жалкихъ интересовъ, которыми поглощены были его молодые годы. Чѣмъ-то не здѣшнимъ, не нашимъ повѣяли на насъ его простодушныя, любезныя воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда постановка пьесы на домашнемъ театрѣ казалась важнымъ дѣломъ и запечатлѣвалась въ памяти на всю жизнь; когда хорошее прочтеніе какихъ-нибудь стихковъ давало чело-вѣку репутацію и было предметомъ долгихъ разговоровъ между образованными людьми; когда водевильный каламбурецъ праздновался торжественнымъ ужиномъ; когда друзья-литераторы занимались изобрѣтеніемъ разныхъ хитростей, чтобъ избавить себя отъ слушанія сочиненій своего друга-литератора; когда дружеская деликатность не позволяла откровенныхъ объясненій съ другомъ, у котораго начиналась чахотка; когда одинъ литераторъ бросался на шею къ другому и чуть не со слезами обнималъ и цѣловалъ его за то, что тотъ далъ ему хорошую удочку... Картина этихъ *старосвѣтскихъ литераторовъ* недурно набросана С. Т. Аксаковымъ, но—только набросана. Какое же сравненіе съ «Старосвѣтскими помѣщиками»! Тамъ все такъ ровно, ярко, цѣльно закончено; а здѣсь все отрывочно, слабо, неопредѣленно. Видно, что С. Т. Аксаковъ *не выносилъ* еще въ душѣ своей идею своего произведенія (если только онъ хотѣлъ создать изъ своихъ воспоминаній художественное цѣлое). Въ его разсказахъ мало объективности, лирическіе порывы безпрестанно мѣшаютъ эпическому спокойствію разсказа; замѣтно, что авторъ недостаточно возвысился надъ тѣмъ міромъ, который изображаетъ. Оттого и герои, выведенные имъ, не производятъ на читателя того умилительнаго, грустнаго, кроткаго и примиряющаго впечатлѣнія, какъ гоголевскіе Аонасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна...

Въ доказательство того, что г. Аксаковъ недостаточно выработалъ свои воспоминанія въ художественномъ смыслѣ мы укажемъ на одинъ эпи-

зодь ихъ, который былъ имъ забытъ и вставленъ послѣ, тогда какъ онъ составляетъ рѣшительно лучшее мѣсто въ новой книгѣ г. Аксакова, и даже единственное, которое мы прочли съ полнымъ сочувствіемъ. Эпизодъ этотъ превосходно гармонируетъ съ старосвѣтскимъ обществомъ, рисующимся въ «Воспоминаніяхъ», и бросаетъ яркій свѣтъ на одно изъ обстоятельствъ его развитія. Приведемъ здѣсь вполнѣ рассказъ г. Аксакова.

„Начинаю продолженіе моихъ „Воспоминаній“ пополненіемъ пропуска, сдѣланнаго мною въ предыдущей статьѣ. Я ни слова не сказалъ о замѣчательномъ спектаклѣ, котораго былъ самовидцемъ въ 1826 году, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву. Это былъ спектакль-гратисъ для солдатъ и офицеровъ. Фрака не было ни одного въ цѣломъ театрѣ, кромѣ оркестра, куда иногда и я приходилъ, остальное же время я стоялъ или сидѣлъ за кулисами, но такъ глубоко, чтобы меня не могли увидѣть изъ боковыхъ ложъ. Спектакль этотъ шелъ 13-го сентября. Въ шесть часовъ вечера я пріѣхалъ въ театръ. Ни одного экипажа не стояло около него. Я взглянулъ въ директорскую ложу и былъ пораженъ необычнымъ и невиданнымъ мною зрѣлищемъ; но, чтобы лучше видѣть полную картину, я сошелъ въ оркестръ: при яркомъ освѣщеніи великолѣпной залы большого Петровскаго театра, вновь отдѣланной къ коронаціи, при совершенной тишинѣ, ложи всѣхъ четырехъ ярусовъ (всего ихъ находится пять) были наполнены гвардейскими солдатами разныхъ полковъ: въ каждой ложѣ сидѣло по десяти или двѣнадцати человѣкъ; передніе ряды креселъ и первый ярусъ ложъ, предоставленные генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, были еще пусты. Скоро стали наполняться и они, кромѣ послѣднихъ двухъ рядовъ креселъ, которые наполнились вдругъ предъ самымъ пріѣздомъ Государя. Всего болѣе поражала меня тишина, которая безмятежно царствовала при такомъ многочисленномъ стеченіи зрителей: даже на сценѣ и за кулисами было тихо или, по крайней мѣрѣ, гораздо тише обыкновеннаго, несмотря на то, что всѣ актрисы и актеры, танцовщицы, хористы и пр. были давно одѣты и толпились на сценѣ. Нѣкоторые посматривали сквозь занавѣсъ на чудный видъ залы и ложъ, полныхъ невиданными зрителями, въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, сидящими неподвижно, какъ раскрашенные восковыя фигуры. Всѣ служащіе при театрѣ, которымъ слѣдовало тутъ присутствовать, были въ мундирахъ. Наконецъ пробѣжалъ слухъ, что сейчасъ пріѣдетъ Государь,—и Кокошкинъ, Загоскинъ и Арсеньевъ поспѣшили его встрѣтить у подъезда. Черезъ нѣсколько минутъ, въ боковую малую императорскую ложу вошелъ Государь и, не показываясь зрителямъ, сѣлъ на кресло въ глубинѣ ложи; въ большой царской ложѣ помѣщались иностранные послы. По данному знаку, загремѣлъ оркестръ и черезъ нѣсколько минутъ, не дожидаясь окончанія увертюры, поднялась занавѣсъ и началась извѣстная, очень забавная комедія князя Шаховскаго „Полубоярскія затѣи“, за которою слѣдовалъ его же водевиль: „Казакъ стихотворецъ“. Я слышалъ, что обѣ пьесы были назначены самимъ Государемъ. Тишина не прерывалась, и я не могу описать, какое странное дѣйствіе она на меня производила. На сценѣ кипѣла жизнь, движеніе, звучали людскія рѣчи, а кругомъ царствовали безмолвіе и неподвижность! Еслибъ пьеса давалась въ пустомъ театрѣ, то это было бы естественно; но театръ былъ полонъ людьми отъ верху до низу. Я сидѣлъ въ самой серединѣ оркестра и видѣлъ, что Государь часто смѣялся, но не хлопалъ,—и ни малѣйшаго знака одобренія или участія не выражалось между зрителями. Всѣ актеры, начиная со Щепкина, игравшаго главную роль, Транжирина, до послѣдняго официанта, всѣ играли совершенно свободно; а Щепкинъ, какъ говорили выдавшіе его прежде въ этой роли, превосходилъ самого себя. Я не удивлялся Щепкину: это такой артистъ, для котораго зрители не существуютъ; но я удивлялся всѣмъ другимъ актерамъ и актрисамъ. Я думалъ, что эта подавляющая тишина, это холодное безучастіе такъ на нихъ подѣйствуютъ, что пьеса будетъ играть вяло, безжизненно, и роли будутъ сказываться наизусть, какъ уроки, которые сказываютъ мальчики, не принимающіе въ нихъ никакого участія, стоя передъ своимъ строгимъ учителемъ; но комедія шла живо и весело, какъ будто сопровождаемая теплымъ

сочувствіемъ зрителей. Пьесы кончились точно такъ же тихо, какъ и начались. Государь уѣхалъ; театръ ожилъ, зашумѣлъ, зрители въ ложахъ встали и стройно, безъ всякой торопливости и суеты, начали выходить. Я поспѣшилъ увидѣть, какъ эти маленькія, отдѣльныя кучки станутъ соединяться въ толпы, выходя изъ театра. Все происходило въ удивительномъ порядкѣ. Я сѣлъ на дрожки и отправился въ свою Таганку. По всей дорогѣ я обгонялъ множество солдатъ, идущихъ уже вольно и разговаривающихъ между собою. Это тоже было необыкновенное зрѣлище. Въ глухомъ гулѣ и мракѣ ночи, по улицамъ довольно плохо освѣщенной Москвы, особенно когда я переѣхалъ Язу, по обимъ троттуарамъ шла непрерывная толпа людей, веселый говоръ которыхъ наполнялъ воздухъ. Солдаты шли по одной со мной дорогѣ: они жили въ Крутицкихъ казармахъ ¹⁾. Я поѣхалъ шагомъ, желая вслушаться въ солдатскія рѣчи; но въ общемъ говорѣ мало долетало до меня отдѣльныхъ выраженій. Я думалъ, что видѣнный сейчасъ спектакль будетъ единственнымъ предметомъ разговоровъ, но я ошибся; солдаты говорили, судя по долетавшимъ до меня словамъ, о своихъ дѣлахъ; впрочемъ, раза два или три рѣчь явственно относилась къ театру, и я слышалъ имя Щепкина съ разными эпитетами: „хвата, молодца, лихача“, и пр. Иногда они сопровождались такими прилагательными, которыя въ другихъ случаяхъ имѣютъ смыслъ бранныхъ словъ; но здѣсь это были слова похвальныя или знаки восклицанія, которыми русскій человекъ очень энергически любитъ украшать свою рѣчь. Впечатлѣніе видѣннаго мною спектакля долго владѣло мною и навело меня на множество размышленій. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвело это зрѣлище на иностранцевъ!..“

Повторяемъ: это единственныя страницы въ «Разныхъ Сочиненіяхъ», привлекшія наше полное сочувствіе. Мы сочли необходимымъ представить ихъ нашимъ читателямъ, которые, не читая книги г. Аксакова, не должны, однако, лишиться удовольствія прочесть этотъ великолѣпный эпизодъ.

Вся остальная часть книги отличается тѣмъ же характеромъ сладкаго добродушія, какъ и «Воспоминанія». «Біографія Загоскина» есть дружескій некрологъ, до-нельзя растянутый приторными похвалами таланту и характеру Загоскина. Въ *приложеніяхъ* помѣщенъ разборъ «Юрія Милославскаго», писанный г. Аксаковымъ въ 1830 г. Онъ говоритъ, что читателямъ, вѣроятно, любопытно будетъ сравнить мнѣнія одного и того же человека черезъ 22 года (біографія Загоскина писана въ 1852 г.). Мы сравнили—и не нашли никакой разницы. Тѣ же сравненія съ Валтеръ-Скоттомъ, то же умиленіе отъ русской веселости Загоскина, то же провозглашеніе его единственнымъ нашимъ народнымъ писателемъ. Время не ослабило энтузіазма почтеннаго автора, а напротивъ, кажется, еще увеличило его. Разбирая, на цѣлыхъ десяти страницахъ, «Мирошева», С. Т. Аксаковъ говоритъ, что во время его появленія *рано еще было*, вѣроятно, оцѣнить его достоинства, но что «теперь, когда мы прямѣе, искреннѣе смотримъ на нравственную высоту души и лучше начинаемъ понимать русскаго человека», Мирошевъ будетъ, конечно, оцѣненъ гораздо выше. По мнѣнію г. Аксакова, Мирошевъ,—этотъ засушенный кисель, расплывающійся и трескающійся отъ всякой сырости,—есть идеалъ русскаго добро-

¹⁾ „Разумѣется, это была часть солдатъ, бывшихъ въ театрѣ. Нѣкоторымъ пришлось возвращаться въ лагерь на Ходынкѣ“. С. А.

дѣтельнаго человѣка и истиннаго героя. «Этотъ русскій человѣкъ-христіанинъ,—говоритъ авторъ біографіи,—который дѣлаетъ великія дѣла, не удивляясь себѣ, а думая, что такъ слѣдуетъ поступить, и только русскій человѣкъ-христіанинъ, какимъ былъ Загоскинъ, могъ написать такой романъ» (стр. 299). Такова критика Загоскина, какъ писателя. Сужденіе о его личности выражается въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ дирамбическаго некролога, весьма приличныхъ надгробному слову: «въ заключеніе должно сказать, что ко всѣмъ прекраснымъ свойствамъ своего счастливаго нрава, къ младенческому незлобію души и неограниченной добротѣ, Загоскинъ присоединялъ высшее благо — теплую вѣру христіанина... Да будетъ миръ его душѣ».

Такова старосвѣтская біографія и критика. Нѣтъ надобности говорить, что статьи о Шаховскомъ, Щепкинѣ, Мертваго отличаются тою же нѣжностью. Въ воспоминаніяхъ о Мертваго понравилась намъ поэтическая страница, посвященная его «дому у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей, принадлежавшему, послѣ смерти Д. Б. Мертваго, сначала А. П. Елагиной, а потомъ покойному сыну ея И. О. Кирѣевскому».

Но какъ ни трогательна такая обстоятельность, а мы не совсѣмъ были рады, узнавши, что намъ угрожаетъ еще болѣе обстоятельное изложеніе воспоминаній г. Аксакова изъ его отроческой и юношеской поры. Одинъ изъ критиковъ замѣтилъ автору, что его воспоминанія о гимназій и университетѣ—слабы; С. Т. Аксаковъ отвѣчаетъ ему нынѣ: «я самъ это чувствовалъ, когда писалъ ихъ; эта часть воспоминаній требуетъ *болѣе подробной* (увы!) и болѣе послѣдовательной, живой разработки; не знаю, удастся-ли мнѣ поправить эту ошибку» (стр. 332). Господи,—кабы не удалось!

Вообще, отдавая полную справедливость чистотѣ и кротости старосвѣтскихъ понятій, которыхъ представителемъ и рыцаремъ является г. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, мы не можемъ, однако, удержаться отъ повторенія вопроса, который задавалъ когда-то еще Бѣлинскій, разбирая «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ». Сказавши о тихомъ, умиляющемъ впечатлѣніи, возбуждаемомъ этими добрыми, милыми людьми, Бѣлинскій замѣчаетъ: «но что, если бъ васъ спросили, Хотите-ли вы быть Аѳанасьемъ Ивановичемъ, или провести всю жизнь въ обществѣ такихъ людей?.. Бѣлинскій отвѣчаетъ на это: *нѣтъ*», и С. Т. Аксаковъ, конечно, согласится съ нами, ежели мы скажемъ, что то же самое отвѣтитъ каждый изъ современныхъ читателей, которому случится пробѣжать нѣсколько страницъ изъ «Литературныхъ и театральныхъ воспоминаній».

1857.

Сочиненія графа В. А. Соллогуба. Спб. 1885 — 1856. Пять томовъ.

Тѣ, которые слѣдятъ за русской литературой только по петербургскимъ журналамъ, могли думать до прошедшаго года, что графъ Соллогубъ въ послѣднія восемь—десять лѣтъ почти совсѣмъ оставилъ литературное поприще: такъ рѣдко слышались въ литературѣ хоть какія-нибудь напоминанія объ этомъ писателѣ, нѣкогда столь извѣстномъ и любимомъ. Общее молчаніе о немъ въ послѣднее время было тѣмъ болѣе странно, что никакъ не соответствовало тѣмъ восторгамъ, какіе возбуждало начало его литературной дѣятельности. Дебютъ графа Соллогуба былъ въ счастливое, свѣтлое время русской литературы. Живая еще тогда утрата Пушкина возбуждала въ публикѣ, даже еще болѣе, чѣмъ при его жизни, горячее участіе къ чтенію и изученію его произведеній; а между тѣмъ, въ то же время новыя надежды возбуждала другая яркая звѣзда русской поэзіи, — такъ мгновенно блеснувшая и закатившаяся, — Лермонтовъ. Въ то время, какъ онъ писалъ своего «Героя», — Гоголь, въ полной силѣ своего таланта и славы, готовилъ уже «Мертвыя души», и въ то же время критика гоголевскаго періода, окрѣпши въ своихъ силахъ, смѣло пошла впередъ и сдѣлалась выразительницею мнѣній лучшей части русской публики. При такомъ положеніи дѣлъ трудно было обратить на себя вниманіе писателю безъ замѣчательной силы таланта, безъ особенныхъ литературныхъ достоинствъ. Графъ Соллогубъ, несомнѣнно, обладалъ этой силою таланта и этими достоинствами, потому что, съ перваго своего шага на литературномъ поприщѣ, онъ возбудилъ живѣйшій восторгъ тогдашней публики и критики. Кто знаетъ нашу журналистику сороковыхъ годовъ, тотъ вспомнитъ, сколько шумныхъ, восторженныхъ похвалъ расточала графу Соллогубу, сколько высокихъ, блестящихъ достоинствъ находила въ его произведеніяхъ критика того времени. Имя графа Соллогуба упоминалось рядомъ съ именами Гоголя и Лермонтова; въ повѣстяхъ его находили высокую художественность, глубокія идеи, удивительное знаніе человѣческаго сердца, необыкновенно умное и живое изученіе быта всѣхъ слоевъ нашего общества, безукоризненное изящество, соединенное съ полной естественностью въ представленіи всѣхъ лицъ и положеній въ разсказѣ, вдохновенное, согрѣтое сердечнымъ чувствомъ краснорѣчіе, живое, веселое остроуміе, и пр., и пр. Публика соглашалась со всѣмъ этимъ и жадно перепечатывала повѣсть Соллогуба, оставляя для него и фразера Марлинскаго, и приторнаго Полевого, и веселаго За-

госкина, и фантастическаго Вельмана. Съ каждымъ годомъ слава графа Соллогуба росла, — и, — нужно признаться, онъ умѣлъ ее поддерживать: за «Исторіей двухъ галошъ» слѣдовалъ «Большой свѣтъ», за нимъ — «Аптекарьша», потомъ «Медвѣдь», далѣе «Теменевская ярмарка»... Всѣ эти произведенія, явившіяся въ теченіе пяти лѣтъ, одно за другимъ, стоили другъ друга, и критика имѣла полное право говорить, что «графъ Соллогубъ не перестаетъ обогащать русскую литературу новыми созданіями изящнаго пера своего». Но такой постоянный успѣхъ не увлекъ блестящаго автора «Большого свѣта». Онъ занимался литературой какъ дилетантъ, онъ хорошо понималъ, что дѣлаетъ ей нѣкоторое одолженіе, становясь въ ряды ея дѣятелей, и неоднократно, — мимоходомъ, намекомъ, но, тѣмъ не менѣе ясно и твердо, — выражалъ, что смотреть на нее нѣсколько свысока... 1845 годъ былъ самымъ блестящимъ и — увы! послѣднимъ годомъ его славной литературной дѣятельности. Намѣреваясь разстаться съ своими почитателями, графъ Соллогубъ усилилъ, предъ концомъ, свою дѣятельность, чтобы оставить добрую память по себѣ въ своихъ поклонникахъ. Въ это время издалъ онъ двѣ книжки: «Вчера и сегодня» и «Тарантасъ». То и другое было встрѣчено съ обычнымъ восторгомъ. Вскорѣ авторъ «Тарантаса» появился съ новыми повѣстями: «Балъ», «Двѣ минуты» и «Княгиня» (соединенными въ нынѣшнемъ изданіи подъ однимъ заглавіемъ «Жизнь свѣтской женщины»), — и, затѣмъ, замолкъ надолго, — по крайней мѣрѣ, для общаго литературнаго круга. Имя его продолжало, правда, появляться на афишахъ Александринскаго театра, при заглавіяхъ новыхъ водевилей; оно украшало нѣсколько времени фельетонъ Иллюстраціи; мелкія статьи, стихотворенія, шутки, историческія и статистическія замѣтки графа Соллогуба печатались въ «Запискахъ Кавказскаго Отдѣла Географическаго общества», въ газетѣ «Кавказъ», въ «Зурнѣ», въ нижегородскихъ и симбирскихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», и т. п. Эти статьи заняли цѣлыхъ три тома въ изданномъ нынѣ собраніи сочиненій графа Соллогуба, состоящемъ изъ пяти томовъ... Но, къ сожалѣнію, все это было чуждо любознательности большинства русскихъ читателей и потому никакъ не могло быть названо новымъ обогащеніемъ русской литературы. Публика слѣдила за литературой по журналамъ, а журналисты совсѣмъ не заботились о томъ, чтобы извлекать перлы созданій изящнаго беллетриста изъ малоизвѣстныхъ изданій. Только драма «Мѣстничество», да повѣсть «Старушка» порадовали многочисленныхъ почитателей графа Соллогуба; да и въ этихъ созданіяхъ нѣкоторые заносчивые критики примѣтили, будто бы, упадокъ таланта, нѣкогда столь прекраснаго. Ихъ мнѣніе не встрѣтило сильнаго противорѣчія, не возбудило ожесточенной полемики; повидимому, читателямъ и критикѣ было рѣшительно все равно, какъ бы кто

ни думалъ о талантѣ графа Соллогуба. Имя его потеряло прежнюю привлекательность и далеко отодвинулось отъ именъ Пушкина, Гоголя и Лермонтова, къ которымъ, бывало, прибавлялось непосредственно. Новыя имена, новыя произведенія заняли собою вниманіе публики, и никто не высказывалъ сожалѣній, что «столь даровитый беллетристъ пересталъ дарить нашу бѣдную литературу высоко-художественными произведеніями изящнаго пера своего»... О немъ не вспоминали, о немъ перестали говорить, имъ перестали интересоваться;—

„... и скоро позабытый,

Надъ міромъ онъ прошелъ безъ всякаго слѣда“, и пр...

Положеніе писателя, пережившаго свою литературную славу, не должно быть слишкомъ пріятно. Для автора «Тарантаса» это обстоятельство, конечно, менѣе имѣло значенія, чѣмъ для всякаго другого: онъ былъ вѣдь только диллетантомъ литературы... Но все же, послѣ шумныхъ похвалъ, громкихъ рукоплесканій, пламенныхъ восторговъ и т. п.,—вдругъ безвѣстно заглохнуть въ тихомъ забвеніи, не прерывая еще притомъ своей дѣятельности,—какъ хотите, а это незавидное положеніе. И мы не можемъ обвинить графа Соллогуба, чтобы онъ былъ нечувствителенъ къ охлажденію публики и не хотѣлъ возвратить ея благосклонности. Онъ дѣлалъ множество самыхъ разнообразныхъ попытокъ, чтобы привлечь на себя вниманіе публики. Онъ пробовалъ себя во всѣхъ родахъ литературы, такъ что едва ли кто изъ русскихъ писателей можетъ поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи—развѣ Александръ Петровичъ Сумароковъ, своей всеобъемлемостью равнявшійся господину Вольтеру. Въ самомъ дѣлѣ, не довольствуясь славою превосходнаго рассказчика, графъ Соллогубъ пробовалъ себя и въ лирическомъ родѣ,—писалъ альбомныя стихотворенія, описанія весны, серенады, козацкія пѣсни и даже оды-симфоніи; подвизался и на драматическомъ поприщѣ, сочиняя драмы, комедіи, водевили, пословицы и оперы; вступалъ и въ ряды фельетонистовъ, описывая петербургскую жизнь, симбирскіе спектакли и тифлисскія иллюминаціи. Онъ рѣшился даже изъ свѣтлой сферы поэзіи спуститься въ область смиренной прозы и сдѣлался статистикомъ, этнографомъ, историкомъ, біографомъ, туристомъ, даже критикомъ и историкомъ литературы... Онъ составлялъ точныя свѣдѣнія «объ измѣненіяхъ на лезгинской линіи», описывалъ весьма тщательно «Алагирскій серебро-свинцовый заводъ», изображалъ грузинскіе нравы въ окрестностяхъ Тифлиса, составилъ біографію генерала Котляревскаго, написалъ «Нѣсколько словъ о началѣ кавказской словесности».

Все это было неизвѣстно доселѣ любителямъ литературы; но въ прошломъ году все это издано авторомъ въ пятомъ томѣ его сочиненій, подъ общимъ названіемъ: «Саламакскіе досуги»,—названіе, пріятно напоминаю-

щее «Чаталагайскія оды», «Славянскіе вечера» и т. п. Вмѣстѣ съ разнообразіемъ позднѣйшихъ произведеній графа Соллогуба, замѣчательна еще ихъ животрепещущая современность, также свидѣтельствующая въ пользу его благосклоннаго вниманія къ нашей публикѣ. Были въ модѣ благотворительные спектакли,— онъ писалъ пьесы для благотворительныхъ спектаклей (такъ говоритъ въ примѣчаніи къ пьесѣ—«Сотрудники»). Поднялось въ Петербургѣ цвѣтобѣсіе,— онъ написалъ водевиль—«Букеты». Обратилъ на себя вниманіе въ 1848 г. славянскій вопросъ, и вмѣстѣ съ нимъ громче прежняго сталъ выражаться вопросъ о старинномъ русскомъ бытѣ,— у графа Соллогуба явилась драмъ изъ старинной русской жизни—«Мѣстничество». Острякъ Вивьё ввелъ въ моду въ Петербургѣ пускать мыльные пузыри, — авторомъ «Салалакскихъ досуговъ» написана была шутка — «Мыльные пузыри». Событія послѣдней войны вызвали у него біографію Котляревскаго и оду-симфонію: «Россія предъ врагами», оканчивающуюся русскимъ народнымъ гимномъ «Боже, Царя храни».—Словомъ, графъ Соллогубъ никогда не пренебрегалъ современностью, никогда не прикидывался непонятнымъ, непризнаннымъ, презирающимъ толпу, а, напротивъ, всегда старался угождать ея вкусу, старался идти на-ряду съ вѣкомъ, не отставать отъ современныхъ вопросовъ и не выходить изъ ряда современныхъ литературныхъ дѣятелей. Постоянство его усилій было, наконецъ, въ прошломъ году увѣнчано полнымъ успѣхомъ. Онъ взялся за одинъ изъ самыхъ живыхъ общественныхъ вопросовъ и основалъ на немъ комедію, которая снова обратила вниманіе публики и критики на талантъ графа Соллогуба. Читатели помнятъ, безъ сомнѣнія, какіе шумные толки возбуждены были въ прошломъ году комедіею «Чиновникъ», благодаря блестящей критикѣ г. Павлова. Къ сожалѣнію, въ этихъ толкахъ болѣе обращали вниманія на возбужденный вопросъ и на критическій талантъ г. Павлова, нежели на достоинства таланта графа Соллогуба. Результатомъ всѣхъ толковъ было опять полное равнодушіе къ автору «Чиновника», не измѣнившееся ни при полномъ изданіи его сочиненій, ни при новой пьесѣ, написанной имъ для столѣтняго юбилея русскаго театра. Это явленіе—замѣчательный фактъ въ исторіи нашей литературы, и оно требуетъ разбора болѣе подробнаго.

Кого винить въ этой перемѣнѣ общаго мнѣнія? Автора или публику? Авторъ, какъ легко предположить и какъ мы уже видѣли отчасти, никогда не хотѣлъ этого. Напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе желалъ онъ одобренія, тѣмъ болѣе онъ придавалъ значенія литературной извѣстности. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію своихъ мелкихъ стихотвореній, въ 1855 г.

... Кто единожды молвы
Отраву горькую извѣдалъ,
Кто бредъ тревожной головы

Хоть разъ читателю повѣдалъ,
 Тотъ отуманится ужъ такъ,
 И столько хмѣля наберется,
 Что онъ, какъ пьяница въ кабакъ,
 Такъ въ типографію и рвется.

Во всемъ лиха бѣда—начать,
 И вотъ, читатель благосклонный,
 Зачѣмъ отважно я въ печать
 Пустилъ свой стихъ неугомонный.
 Но ты, принявъ сей тощій томъ,
 Уваживъ скромное признанье,
 Не будешь гнѣвенъ въ дѣлѣ томъ,
 Гдѣ ты и судь, и оправданье“.

Какъ видите, со стороны автора не было недостатка въ охотѣ и доброй волѣ для приобрѣтенія новыхъ успѣховъ. Онъ не игралъ роли Расина или Россини, упорно хранившихъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, строгое молчаніе, не смотря на мольбы своихъ поклонниковъ. Отчего же новыя произведенія графа Соллогуба не встрѣчали такого восторженнаго приѣма, какъ первыя его повѣсти? Мы уже упомянули, что нѣкоторые находили причину этого въ упадкѣ таланта блестящаго беллетриста. Это мнѣніе заслуживаетъ вниманія, и оно легко можетъ быть провѣрено теперь, когда всѣ произведенія графа Соллогуба собраны и изданы вмѣстѣ. Мы рѣшаемся взяться за эту повѣрку тѣмъ съ большею охотою, что она даетъ намъ удобный случай высказать нѣсколько замѣчаній объ особенныхъ чертахъ таланта графа Соллогуба вообще.

Оставляя въ сторонѣ разные общественные вопросы, направленія и обстоятельства, обращая вниманіе только на субъективную сторону произведеній графа Соллогуба и прослѣдивши ихъ всѣ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, отъ «Исторіи двухъ галошъ» до «Года военныхъ дѣйствій за Кавказомъ», мы можемъ сказать прямо и положительно, что въ сущности талантъ графа Соллогуба нисколько не измѣнился. Онъ и теперь отличается тѣмъ же характеромъ, направленіемъ, пользуется тѣми же внѣшними пособіями, выражаетъ тѣ же внутреннія убѣжденія, даже употребляетъ тотъ же способъ выраженія, какъ и прежде. Только иногда дѣлаетъ онъ уступки современнымъ требованіямъ, сдерживая свои собственные чувства и стремленія; но эта сдержанность, по нашему мнѣнію, придаетъ еще болѣе цѣны тѣмъ чертамъ, которыя хотятъ, но не могутъ укрыться за нею. Притомъ, сдержанность эта, — какъ признается самъ авторъ, — явилась у него вслѣдствіе жизненной опытности и яснѣйшаго сознанія требованій искусства. Онъ говоритъ о своемъ «Таранасѣ»: «тогда, не расчетливая, сухая опытность водила перомъ, а неразборчивое чувство само собою бросалось на бумагу. не сдерживаясь разсудкомъ, не признавая рѣзкихъ предѣловъ, поставляемыхъ искусствомъ и жизнью» (Т. V, стр. 455). Такимъ образомъ, по собственному сознанію автора, разница между первыми и послѣдними

его произведеніями состоитъ въ томъ, что онъ сталъ теперь опытнѣе, болѣе сталъ сдерживаться разсудкомъ и яснѣе созналъ предѣлы, полагаемые искусствомъ и жизнью. Согласитесь, что все это можетъ способствовать скорѣе возвышенію, нежели упадку таланта. И въ самомъ дѣлѣ, мы должны сознаться, что во многихъ мѣстахъ позднѣйшихъ произведеній графа Соллогуба талантъ его кажется намъ созрѣвшимъ и укрѣпившимся, а совсѣмъ не упавшимъ. Начнемъ хоть съ самаго ничтожнаго и внѣшняго признака,—способа выраженія. До сихъ поръ весьма мало обращали вниманія на одну особенность графа Соллогуба, въ этомъ отношеніи равняющую его чуть-ли не съ самимъ Марлинскимъ,—на его блистательное краснорѣчіе въ описаніяхъ и разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Г. Павловъ обратилъ, правда, вниманіе на краснорѣчіе Надимова, но разсматривалъ его совсѣмъ съ другой стороны, почти не касаясь изящной выработки слога. Мы же хотимъ сказать именно объ этомъ достоинствѣ графа Соллогуба, которое совершенно несправедливо было пренебрегаемо нашей критикой, такъ много толковавшей о краснорѣчьи Марлинскаго. Приведемъ, для подтвержденія нашего отзыва, два описанія: одно изъ нихъ написано Марлинскимъ, другое графомъ Соллогубомъ.

Вотъ описаніе мятели:

„Вдругъ вся природа содрогается. Летитъ мятель на крыльяхъ вихря. Начинается что-то непонятное, чудное, невыразимое. Земля-ли въ судорогахъ рвется къ небу, небо-ли рушится на землю?—но все вдругъ смѣшивается, вертится, сливается въ адскій хаосъ. Глыбы снѣга, какъ исполинскіе саваны, поднимаются, шатаясь, кверху и, клубясь съ страшнымъ гуломъ, борются между собой, падаютъ, кувыркаются, разсыпаются, и снова поднимаются еще больше, еще страшнѣе. Кругомъ — ни дороги, ни слѣда. Мятель со всѣхъ сторонъ. Тутъ ея царство, тутъ ея разгуль, тутъ ея дикое веселье“...

А вотъ описаніе грозы:

„Меркло. Тучи плескались, какъ волны, по небу,—грозили залить ледяной островъ Шагъ-дага. Только одно его темя блистало еще снѣгомъ, пылало огнемъ солнца, какъ душа поэта, какъ жерло волкана. Другіе хребты—слѣва, справа, отсюду вздымались великанскими головами одинъ надъ другимъ, одинъ за другимъ, все выше, и синѣе, и мрачнѣе, подобно чудовищнымъ валамъ, вздутымъ Божіимъ гнѣвомъ въ страшный день потопа... Подъ кипучею пѣной облаковъ, казалось, они идутъ, идутъ грозные, крутятся, падаютъ горами, разступаются безднами; прыщутъ и воютъ! Ливень бичуетъ, хлещетъ, гонитъ ихъ, догоняетъ насъ... Дорода шумитъ и несется водопадомъ... проливается небо, земля тонетъ...“

Не правда-ли, что эти отрывки очень схожи? Фигуры нарушенія, повторенія, единоначатія и т. п. украшенія реторики щедро разсыпаны въ томъ и другомъ. Приемъ и манера рѣшительно тѣ же. Весь секретъ состоитъ, главное, въ подборѣ эпитетовъ почти синонимическихъ, въ умѣстномъ повтореніи нѣкоторыхъ глаголовъ и въ искусномъ избѣжаніи союза *и*, который, какъ извѣстно, *связываетъ* рѣчь. Краснорѣчивыя описанія,

чтобы не лишиться своей свободы, большею частію вовсе не употребляютъ его, а если и употребляютъ, то не иначе, какъ съ повтореніемъ—попарно. Необходимо также при этомъ обращать вниманіе и на звучность фразы.

Разсматривая съ этой стороны краснорѣчіе графа Соллогуба, находимъ, что онъ не пренебрегъ рѣшительно ни одной мелочью, какая только могла служить для украшенія его слога. Его описаніе мятели, по нашему мнѣнію рѣшительно не уступаетъ описанію грозы у Марлинскаго.

Мы не хотимъ дѣлать длинныхъ выписокъ, да онѣ и ненужны. Каждый изъ читателей самъ весьма легко можетъ найти краснорѣчивыя страницы въ сочиненіяхъ графа Соллогуба: ихъ такъ много вышло изъ-подъ изящнаго пера его! Мы здѣсь замѣтимъ только, какъ онъ, съ теченіемъ времени, подчинялся требованіямъ современности въ самомъ слогѣ своихъ произведеній, и для этого приведемъ описаніе мятели изъ другого его произведенія, писаннаго нѣсколько позже, чѣмъ то, изъ котораго отрывокъ приведенъ нами выше.

Вотъ это описаніе:

„Вдругъ рванулъ вѣтеръ,—снѣгъ повалилъ хлопьями, бѣлое небо слилось съ бѣлой землей; снѣжные столбы начали вздыматься, качаться и кружиться по воздуху. Дорогу мигомъ занесло... Лошади дрожали и едва могли идти противъ бури“...

И только. Ранѣе рассказывается уже о томъ, какъ кучеръ принялся отыскивать дорогу. А между тѣмъ, какъ бы хорошо опять могла разыгаться фантазія автора,—какую чудную картину могло нарисовать здѣсь краснорѣчивое перо его! Но рассказъ, изъ котораго мы взяли эти строки («Иванъ Васильевичъ на Кавказѣ»), писанъ уже въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ, когда авторъ сталъ «сдерживаться разсудкомъ и созналъ *предѣлы, полагаемые искусствомъ и жизнью*». Поэтому описаніе его вышло короче, сообразнѣе съ требованіями современныхъ читателей. Неужели и въ этомъ не видно совершенствованіе, а не упадокъ таланта?

А какъ говорятъ герои и героини рассказовъ графа Соллогуба,—свѣтскіе люди большого свѣта! Боже мой, какъ они говорятъ! хоть сейчасъ отправьте ихъ на состязаніе съ любымъ членомъ парламента! И, что всего замѣчательнѣе,—каждый изъ героевъ, принимаясь говорить, дѣлается самъ не свой. Онъ уже не помнитъ, что онъ, гдѣ онъ, съ кѣмъ онъ, забываетъ и свой характеръ, и степень своего образованія, и свои убѣжденія. Входя въ паѳосъ краснорѣчія, онъ уже какъ-будто не самъ говоритъ,—просто „Какимъ-то демономъ внушаемъ“...

И какъ краснорѣчиво и длинно!.. Въ продолженіе cadaго изъ сличей этихъ героевъ можно порядочно выснаться... Право... Василій Ивановичъ такъ и дѣлалъ обыкновенно, слушая Ивана Васильевича, и еще

всегда поспѣвалъ отвѣтить что-нибудь на его заключительную фразу. А тотъ и радъ, и опять понесется.

Мы останавливаемся на этой особенности повѣстей графа Соллогуба, потому что доселѣ критики наши съумѣли отмѣтить ее только у двухъ замѣчательныхъ писателей—Марлинскаго и Полевого. Мы рѣшительно утверждаемъ, что авторъ «Исторіи двухъ галошъ» и «Чиновника» не только не уступитъ имъ въ этомъ отношеніи, а даже, можетъ быть, и превзойдетъ ихъ. Судите сами.

Вотъ объясняется Левъ (по имени):

„—Да, милая, любовь вездѣ и повсюду; она и въ пылинкахъ, сплывающихъ въ кристаллы; она на вѣткѣ дерева и въ дикой берлогѣ; она въ чашечкѣ цвѣтка, равно какъ въ сердцѣ человѣка; она въ стихіяхъ земли и въ мірахъ небесныхъ!..“ и пр.

Вотъ объясненіе медвѣдя (по званію):

„—Нѣтъ, я вѣрую, что у každого человѣка должна быть своя прекрасная минута; вѣрую, что вы ниспосланы Небомъ осѣнить свѣтлымъ лучемъ мое теперешнее одиночество. Кроткая душа ваша сжалилась надъ сиротскою моею жизнью, и теперь, благодаря вамъ, я счастливъ, я силенъ, я гордъ судьбой своею...

„Глаза молодого человѣка засверкали...

„—Вотъ видите-ли, здѣсь, подъ этимъ чистымъ небомъ, подъ этими деревьями—душа расширяется, сердце наполняется радостью... О, какое было бы блаженство, еслибъ...

„Онъ не посмѣлъ кончить“...

А вотъ еще объясненіе льва (по званію), о томъ же предметѣ:

„—Повѣрьте, источники истинныхъ наслажденій должны быть непорочны, чисты. Любовь, не освященная супружествомъ, чѣмъ бы она ни извинялась, всегда будетъ преступна, и голосъ совѣсти всегда восторжествуетъ. Теперь хоть и говоритъ романтическая школа, что бракъ—одно только пустое условіе; но это—коварный обманъ; не вѣрьте ему. Люди, которые излагаютъ свѣтскимъ женщинамъ подобныя правила, обнаруживаютъ не любовь свою, а холодное презрѣніе“...

Несмотря на разницу тона, въ этихъ трехъ рѣчахъ удивительно много общаго. Возвышенные фразы, пышная книжность выраженій ярко обнаруживаютъ сильное чувство говорящаго. Разница же зависитъ единственно отъ разности положеній. Левъ Марлинскаго, человѣкъ съ пылкими страстями, высказываетъ свою любовь мечтательной Ольгѣ по тому поводу, что она испугалась грозы; медвѣдь Соллогуба, человѣкъ застѣнчивый, неловкій, нелюдимый,—хотя очень умный,—говоритъ съ княжной, свѣтской, избалованной, вѣтренной дѣвушкой; левъ Соллогуба разсуждаетъ въ маскарадѣ съ маской, которую онъ считаетъ невинной провинціалкой, своей невѣстой, недавно пріѣхавшей изъ деревни. При такихъ обстоятельствахъ—отъ медвѣдя и отъ льва даже трудно бы ожидать такого блестящаго краснорѣчія; но авторъ самъ потрудился за нихъ и вложилъ имъ въ уста такую изящную, краснорѣчивую рѣчь, какой и не слыхано доселѣ

между русскими людьми. Графъ Соллогубъ помнилъ, вѣроятно, правило Карамзина, что у насъ должно не писать такъ, какъ говорятъ, а говорить такъ, какъ напишетъ человекъ со вкусомъ, и хотѣлъ дать образецъ для подражанія нашимъ салоннымъ героямъ. Доселѣ попытка его еще мало, кажется, имѣла успѣха, но мы надѣемся, что современемъ она принесетъ полезные плоды и найдетъ достойныхъ подражателей въ нашихъ гостинныхъ. Эту надежду, кажется, раздѣляетъ съ нами и самъ графъ Соллогубъ. Несмотря на все измѣненія современнаго вкуса, онъ неуклонно продолжаетъ свою методу—заставлять создаваемые имъ лица говорить такъ, какъ они *не говорятъ, но какъ должны говорить*. Въ этомъ отношеніи мы не находимъ ни малѣйшей разницы между первымъ и послѣднимъ произведеніемъ графа Соллогуба. Въ «Исторіи двухъ галошъ» молодой человекъ толкуетъ съ своимъ товарищемъ о славѣ слѣдующимъ образомъ:

„Слава, товарищъ, слава! Видишь отсюда? Толпа, покорная предъ именемъ твоимъ, волнуется передъ тобой; всюду гремитъ молва о твоей славѣ. Слава, слава тебѣ!.. Женщины кидаютъ тебѣ вѣнки; мужчины съ завистью рукоплещутъ тебѣ: бѣдный артистъ сдѣлается владыкой толпы; геній возьметъ свое мѣсто: музыка восторжествуетъ!.. А я смиренно пойду за тобой, и буду кидать цвѣты на славный путь твой“... и пр.

Это было написано въ 1839 году. А въ 1856 г.—кто же не помнитъ, какъ объяснялся г. Надимовъ, крича, что надо крикнуть на всю Россію, и пр. Способъ выраженія тотъ же самый. Мало этого: въ пьесѣ «Ночь передъ свадьбой, или Грузія черезъ 1000 лѣтъ», авторъ увѣряетъ, что въ 2853 г. будутъ выражаться слѣдующимъ образомъ:

„Благодарю васъ, друзья мои, что вы такъ радушно приняли мое приглашеніе. Согласіе между артистами, отсутствіе мелочнаго самолюбія для пользы искусства,—вотъ что отличаетъ наше полезное сословіе. Садись сюда, прекрасный иностранецъ... они тебя разсвѣятъ“...

Все это рѣшительно убѣждаетъ насъ, что талантъ графа Соллогуба нисколько не измѣнился и блеститъ попрежнему, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ искусству выраженія. Рѣчь его и его героевъ всегда изящна и выработана, ее такъ и хочется слушать; къ ней никакъ уже нельзя приложить послѣднихъ двухъ стиховъ извѣстнаго четверостишія:

„Съ кого они портреты пишутъ,
Гдѣ разговоры эти слышать?
А если и случилось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ“.

Намъ замѣтятъ, можетъ быть, что все краснорѣчіе да краснорѣчіе—утомительно; слишкомъ обточенные и звучно-пышныя фразы не могутъ нравиться постоянно. Мы совершенно согласны, тѣмъ болѣе, что это дастъ намъ случай выставить предъ взоромъ взыскательнаго читателя новое достоинство слога графа Соллогуба: у него не вездѣ краснорѣчіе, а есть еще блестящее, поразительное остроуміе. Здѣсь опять авторъ «Мыльных пузырей» совершенно несправедливо обиженъ судомъ критики и публики. О

его остроуміи говорили всегда только мимоходомъ, какъ о достоинствѣ очень и очень второстепенномъ, между тѣмъ какъ авторъ нашъ, очевидно, съ чрезвычайной любовью и усердіемъ занимается подборомъ остроумныхъ фразъ, любить пощеголять ими и съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ выставляетъ ихъ на потѣху читателей, даже повторяя удачныя остроути въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ. И при всемъ томъ—кричатъ объ остроуміи барона Брамбеуса, восхищаются остротами Петербургскаго Туриста, рукоплещутъ въ театрѣ каламбурамъ Каратыгина 2-го, и никто не признаетъ остроумія, какъ особеннаго достоинства, за графомъ Соллогубомъ. А это одно изъ самыхъ постоянныхъ, *неувядаемыхъ* его свойствъ. Съ нимъ онъ началъ свое поприще, съ нимъ и продолжалъ его постоянно и неизмѣнно. На первой страницѣ первой его повѣсти говорится: «Бѣдныя галоши! люди, которые исключительно имъ обязаны тѣмъ, что они находятся *на приличной ногѣ* въ большомъ свѣтѣ, прячутъ ихъ со стыдомъ и неблагодарностью въ уголкахъ передней. И какъ, скажите, не позавидовать имъ *блестящей* участи своихъ однослуживокъ, счастьемъ избалованныхъ лайковыхъ перчатокъ? Ихъ то и дѣло, что *на рукахъ носятъ*», и пр. Черезъ 8 лѣтъ авторъ «Исторіи галошъ» говорилъ въ своихъ замѣткахъ объ одномъ литераторѣ, Максимѣ Ивановичѣ: «одѣтъ онъ всегда въ черное, вѣроятно, въ ознаменованіе того, что привыкли держать литературу *въ черномъ тѣлѣ*...» Не правда-ли, какое милое остроуміе?.. А въ другомъ, еще позднѣйшемъ произведеніи графа Соллогуба, развѣ не остроумень слѣдующій разговоръ?

„Семень. Помилуйте, должокъ такой бездѣльный...“

Гоня. Отъ того-то и не отдають, что онъ бездѣльный; будь онъ дѣльный, такъ и говорить бы не стали.

Семень. Да какъ же, батюшка, неужели по вашему пятнадцать рублей за три мѣсяца не дѣльный долгъ?

Гоня. И говорить не смѣй, что онъ недѣльный: онъ мѣсячный“...

Или вотъ это—развѣ не остроумно?

„Олеговичъ. Вотъ, въ особенности, не уронишь-ли ты моей диссертациі о землѣ тмутараканской?“

Сидоръ. Помилуйте-съ: она тяжелая...

Прохоръ (*не разслыхавъ*). Какъ-съ?.. въ господскомъ домѣ нѣтъ-съ;—а вотъ у насъ, такъ много,—не знаемъ, какъ сладить.

Олеговичъ. Я это привезъ въ подарокъ хозяину.

Прохоръ (*съ стороны*). Вишь, чудакъ, съ какими подарками ѣздить!“

Не правда-ли, что эти созвучія такъ и напоминаютъ пріятные и знаменитые каламбуры: «сколько зла-то отъ злата!.. Моего гнѣва не залить Невой.—Не вой, дружище, не вой», и т. п... А вѣдь не приобрѣли они такой знаменитости. Всему, подумаешь, своя судьба... И каламбуры *sua fata habent*.

А каково простодушіе Прохора? Не правда-ли, что оно совершенно,

какъ нельзя болѣе въ русскомъ духѣ и даже приводитъ на мысль ту прибаутку о глухомъ, въ которой рассказывается, какъ кумъ разспрашивалъ, куда онъ ходилъ, и какъ кумъ потерялъ наконецъ терпѣніе въ разспросахъ, и что изъ того вышло?..

Но пора намъ оставить восхищеніе внѣшними достоинствами графа Соллогуба. Ихъ трудно передать въ разборѣ и пересказѣ; надобно читать самому сочиненія автора «Мятели» и «Сотрудниковъ», чтобы вполнѣ понять и оцѣнить ихъ краснорѣчіе и остроуміе. Поэтому, мы переходимъ теперь къ другой сторонѣ таланта графа Соллогуба, болѣе серьезной и внутренней: это его наблюдательность, его необыкновенное умѣнье изображать быть всѣхъ сословій. Дѣятельность графа Соллогуба поражаетъ насъ въ этомъ отношеніи прежде всего необыкновеннымъ разнообразіемъ. Главное его вниманіе устремлено, разумѣется, на большой свѣтъ, на львовъ и львицъ; но онъ ими не ограничивается. Въ произведеніяхъ его встрѣчаются вамъ и медвѣди, и студенты, и чиновники, и аптекари, и помѣщики-степняки, и помѣщики-вельможи, и художники, и купцы, и нѣмцы-ремесленники, и русскіе солдаты, ямщики, старосты церковные, и простые поселяне, и старинные русскіе бояре, и новѣйшіе литераторы различныхъ кружковъ и пр., и пр., всего не перечесть. У него описываются и великосвѣтскіе балы, и маскарадныя интриги, и студентскія пирушки, и семейное счастье и несчастіе, и ночлеги на постояломъ дворѣ, и провинціальное гостепріимство, словомъ, все, что хотите... Передъ вами рисуется здѣсь и шумная жизнь Петербурга, и мирное спокойствіе нѣмецкаго городка, и сердитое спокойствіе нашей губернской жизни, и наша уѣздная безжизненность. Всюду, отъ великолѣпнѣйшихъ палатъ до бѣднѣйшихъ хижинъ, проникъ графъ Соллогубъ своимъ зоркимъ взглядомъ и всюду умѣлъ отмѣтить болѣе характеристическія особенности. Въ послѣднее время это умѣнье, какъ и другія достоинства графа Соллогуба, нисколько не уменьшилось; напротивъ, кругъ его наблюдательности еще расширился: онъ присоединилъ къ прежнимъ своимъ опытамъ и изученіямъ цѣлую обширную страну—Грузію съ Кавказомъ. Такимъ образомъ, позднѣйшія его произведенія получаютъ новый, особенный колоритъ оригинальности, свѣжести и величія, благодаря вліянію края, столь благотѣльно дѣйствующаго всегда на нашихъ лучшихъ поэтовъ. Оригинальность графа Соллогуба выразилась особенно въ пьесѣ «Грузія черезъ тысячу лѣтъ». Здѣсь, вдохновенный прекрасной страной, авторъ отважно предается своимъ мечтамъ объ усовершенствованіи наукъ, искусствъ и жизни человѣчества и рисуетъ намъ картину грузинскаго быта въ 2853 году. Тогда, по его понятіямъ, женщины и дѣти будутъ исправлять должности чиновниковъ и полицейскихъ, потому что это дѣло самое легкое... Тогда человѣкъ, спасающій

другого, будетъ благодарить спасеннаго, извиняться передъ нимъ... Но—мы не можемъ удержаться, чтобы не привести вполнѣ этой сцены, свидѣтельствующей о будущемъ превращеніи всѣхъ нынѣшнихъ понятій.

Дѣло въ томъ, что Кайхосро, женихъ Кетеваны, привязанъ къ трубѣ одного тифлискаго дома Шамилемъ, съ которымъ Кетевана вздумала бѣжать на воздушномъ шарѣ... Кайхосро стоитъ привязанный и мычитъ. Вдругъ—въ трубѣ слышна баркаролла, изъ трубы вылѣзаетъ трубочистъ и говоритъ:

„Что это за человѣкъ, привязанный къ трубѣ? Не помочь-ли ему? Можетъ быть, онъ не разсердится. Помогу, въ самомъ дѣлѣ! Трубочисты — люди отважные (развязываетъ). Милостивый государь, вы свободны теперь. Позвольте мнѣ всеуниженно благодарить васъ.

Кайхосро. За что же? (Надо замѣтить, что Кайхосро вдругъ просыпается, проспавши 1000 лѣтъ, и потому остается еще съ нынѣшними понятіями: это дѣлаетъ прекрасный контрастъ, отлично отгѣняющій всю картину).

Трубочистъ. За то, что вы доставили мнѣ неоцѣненный случай оказать вамъ одолженіе.

Кайхосро. Да, кажется, мнѣ бы должно...

Трубочистъ. Вы не будете сердиться на меня, что я имѣлъ счастье прислужиться вамъ?

Кайхосро. Что вы?..

Трубочистъ. Не обижайтесь, пожалуйста. Позабудьте это. Я не хотѣлъ сдѣлать вамъ ничего непріятнаго, не хотѣлъ внушить вамъ гнуснаго чувства благодарности. Виновать, простите меня.

Кайхосро. Не понимаю.

Трубочистъ. Не мстите мнѣ только. Я бѣдный человѣкъ. Вамъ легко будетъ меня уничтожить. Трубочисты и безъ того всегда въ черномъ тѣлѣ“...

Разговоръ еще продолжается въ этомъ родѣ; трубочистъ становится на колѣни передъ Кайхосро и проситъ у него поцѣловать ручку, называя его своимъ благодѣтелемъ и истинно великодушнымъ человѣкомъ. Но мы останавливаемся на этомъ, чтобы замѣтить здѣсь, какъ просвѣщеніе распространится черезъ тысячу лѣтъ въ Россіи: каламбуръ о черномъ тѣлѣ, сказанный недавно графомъ Соллогубомъ въ примѣненіи къ русской литературѣ, будетъ черезъ тысячу лѣтъ повторяться трубочистомъ, уже въ приложеніи къ нему, трубочисту... Мы даже думаемъ, что именно желаніе вложить этотъ каламбуръ въ уста трубочиста заставило автора написать всю эту сцену. По понятіямъ его, черезъ тысячу лѣтъ все будетъ дѣлаться машинами, и даже вотъ до какой степени: Карапетъ, отецъ Кетеваны, выходитъ на кровлю своего дома, чтобы посмотреть, что дѣлается на улицѣ. Вдругъ ему захотѣлось спать. Онъ заводитъ ключемъ отверстие *въ трубѣ*, и изъ окна выѣзжаетъ кровать, которую подталкиваетъ машина съ колесами и пружинами. Карапетъ говоритъ: «машина, положи меня; машина, накрой меня; машина погаси свѣчу и отвези въ комнату». Машина все это исполняетъ, и Карапетъ уѣзжаетъ, говоря: «ну, а теперь я самъ засну»... Когда только стоитъ завести ключемъ отверстие въ трубѣ, чтобы произвести такія чудеса, то—скажите—многого-ли стоитъ завести ма-

шину для чистки трубъ? Къ чему же здѣсь трубочистъ? Очевидно, не для чего иного, какъ для каламбура...

Свѣжесть и величіе выразились особенно въ послѣднихъ стихотвореніяхъ графа Соллогуба. Подъ живительнымъ вліяніемъ Кавказа, онъ воспѣвалъ весну такими стихами:

„Отчего, подобье рая,
Изумрудная весна,
Ожиданьямъ измѣняя,
Въ дни живительнаго мая
Ты сурова и грозна?
Что тебя такъ взволновало?
Все тобой оживлено,
Ты всѣхъ радостей начало,
И тебѣ еще-ли мало
Богомъ счастья дано?“ и пр.

Въ виду величественнаго Кавказа вылились изъ души его слѣдующіе стихи торжественной оды симфоніи:

„Законъ любви живетъ у насъ издавна:
„Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного!“
Вотъ чѣмъ силенъ народъ нашъ православный,
И почему орелъ самодержавный
Не убоится никого!..“

Изъ всего этого очевидно, что, въ изображеніяхъ быта, природы и чувствъ, талантъ графа Соллогуба не только не утратилъ своей силы въ послѣднее время, но еще пріобрѣлъ новыя блестящія достоинства. При всемъ томъ, новѣйшая критика взвела на него обвиненіе, какое прежде и въ голову никому не приходило. Она вздумала упрекать графа Соллогуба въ томъ, что у него есть только даръ внѣшней наблюдательности, которой, по мнѣнію новой критики, очень недостаточно. По понятіямъ графа Соллогуба,—говорить критика,—нарядить графиню по модѣ, поставить передъ ней вазу съ цвѣтами, убрать ея столъ разными бездѣлками, посадить ее въ кресло, обитое бархатомъ, заставить непременно ѣздить верхомъ, постлать коверъ, вынуть у нея изъ головы всякую мысль, а изъ сердца всякое путное чувство—это значитъ изобразить свѣтскую женщину, графиню... Но—продолжаетъ критика—этого мало: вѣдь въ свѣтской женщинѣ, въ графинѣ, не смотря на то, что она графиня, можетъ также быть воображеніе, тонкость ума, живость чувства, какое-нибудь пониманіе того, что дышетъ, движется, мыслить и чувствуетъ около нея... Въ произведеніяхъ графа Соллогуба критика не находитъ ничего этого, и потому не признаетъ ихъ достоинствъ. Но, по нашему мнѣнію, критика совсѣмъ неправа: каждый писатель имѣетъ полное право изображать предметъ съ той стороны, съ которой его видитъ. Что же дѣлать, если ему не представлялось свѣтскихъ женщинъ, чувствующихъ, понимающихъ, и пр.? Графъ Соллогубъ еще въ «Большомъ свѣтѣ» заранѣе отвѣтилъ всѣмъ по-

добнымъ критикамъ, замѣтивши, что въ петербургскихъ обществахъ царствуетъ какая-то вялость, которая отдаляетъ на почтительную дистанцію всякій поэтическій вымыселъ, и что «въ большомъ свѣтѣ только и есть внѣшность и внѣшность. Рѣзкія драмы внутренней жизни,—прибавляетъ онъ,—скрываются въ глубинѣ души, въ тайнѣ кабинета, подальше отъ насмѣшливыхъ взоровъ, тогда какъ внѣшняя жизнь тянется однообразно и прилично, безъ измѣненій и страстей». Эту-то однообразную и приличную жизнь большого свѣта и взялся изобразить графъ Соллогубъ, и—нужно сознаться—изобразилъ ее превосходно. Наблюдательности внутренней, анализа душевныхъ ощущеній, умѣнья проникнуть въ духъ и смыслъ жизни—авторъ «Чиновника» и «Большого свѣта» никогда себѣ и не приписывалъ. Онъ открыто говорилъ, что только описываетъ то, что вседневно и обыкновенно встрѣчается въ жизни, что у каждаго передъ глазами, но что онъ совсѣмъ не хочетъ заглядывать въ душу своихъ героев... Слѣдовательно, критика съ этой стороны не можетъ предъявлять слишкомъ строгихъ требованій. Но за то жизнь внѣшнюю авторъ «Тарантаса» умѣетъ описывать съ рѣдкимъ искусствомъ. Раскройте одну изъ страницъ, на которыхъ помѣщаются его удивительныя описанія, и вы изумитесь подробности и точности, съ какою здѣсь перечислены и перемѣнены всѣ предметы. И гдѣ какая скляночка стоитъ въ аптекѣ, и какія бездѣлки разбросаны на столѣ франта, и сколько сальныхъ огарковъ и пустыхъ баночекъ валяется на окнахъ у станціоннаго смотрителя, и насколько полиняла матерія, которой обиты стулья у бѣднаго чиновника, и сколько складокъ на платьѣ у княгини, и какая сбруя у ея лошадей,—все до послѣдней мелочи описано съ необыкновенной подробностью... И такое перечисленіе всѣхъ предметовъ составляетъ полную и живую картину быта, дополняемую разговорами дѣйствующихъ лицъ, большею частію очень краснорѣчивыми и остроумными... Въ особенности описанія великосвѣтскаго общества хороши у графа Соллогуба. Онъ изображаетъ его съ любовью, съ нѣжностью, вникаетъ въ малѣйшіе, едва уловимые, оттѣнки различныхъ его явленій, разбираетъ его съ увѣренностью знатока и близкаго человека. Это, впрочемъ, совершенно натурально: авторъ «Большого свѣта» самъ живетъ среди этого общества; онъ кровно связанъ съ нимъ, онъ ежедневно видитъ передъ глазами «эту бѣдную картину этого бѣднаго свѣта», какъ онъ самъ выражается... Не мудрено, что онъ такъ хорошо ее описываетъ: онъ полагаетъ здѣсь часть души своей, выражаетъ самаго себя, рассказываетъ здѣсь часть собственной исторіи. И вотъ почему мы болѣе вѣримъ графу Соллогубу въ изображеніи великосвѣтской жизни, нежели всѣмъ его критикамъ. Ему бы, можетъ быть, и хотѣлось представить близкую ему среду въ розовомъ свѣтѣ; но, какъ талантъ истинный, онъ пре-

клонился предъ строгой истиной и нарисовалъ намъ, въ разныхъ своихъ произведеніяхъ, картину большого свѣта, мрачную, но истинную. Попробуемъ собрать разсѣянные черты и составить изъ нихъ общее понятіе о большомъ свѣтѣ, какимъ онъ рисуется въ произведеніяхъ графа Соллогуба. Постараемся говорить его собственными словами:

„Здѣсь все раболѣпствуетъ предъ значеніемъ, счастьемъ, богатствомъ, модой... Въ свѣтѣ первая добродѣтель—наружность, и человѣкъ цѣнится здѣсь не за то, что онъ есть, а за то, чѣмъ онъ кажется... Здѣсь странный угаръ людей, вѣчно танцующихъ, вѣчно разряженныхъ, вѣчно ищущихъ чего-то; изъ тайной надежды показаться чѣмъ-нибудь повыше, позначительнѣе сосѣда, мужчины жертвуютъ своимъ благородствомъ, женщины—своимъ достоинствомъ... Смѣшно и страшно видѣть большой свѣтъ на изнанку. Сколько происковъ, сколько невѣдомыхъ подарковъ, сколько родныхъ и племянниковъ, сколько нищеты щегольской, сколько веселой зависти!.. Одно слово все живить и двигаться... и какое слово!.. самое безеысленное—тщеславіе!..

„Какъ проходитъ жизнь свѣтской женщины? О чемъ она думаетъ? Она думаетъ, что Лядовъ хорошо играетъ на скрипкѣ, что розовый цвѣтъ ей къ лицу, что въ такой-то лавкѣ получены такіе-то наряды, что у такой-то дамы прекрасные брильянты, что тотъ волочился, другой волочится, а третій будетъ за нею волочиться. Иногда смущаютъ ее скучныя домашнія заботы. Но о нихъ она не думаетъ, думать не хочетъ. Домъ ея ей чужой. У нея нѣтъ дома. Ея домъ, ея жизнь—это свѣтъ, неугомонный, разряженный, болтливый, танцующій, играющій, тщеславный, взволнованный и ничтожный. Вотъ ея сфера, вотъ ея доля, вотъ для чего она родилась!“

А вотъ свѣтскій человѣкъ:

„Вы его видали вездѣ. Кресло у него въ театрѣ всегда въ первомъ ряду, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ знакомствъ. Лорнель у него складной, бумажный. Въ театрѣ онъ свой человѣкъ... Онъ не то, чтобы хорошъ, не то, чтобы дуренъ, не то, чтобы уменъ, не то, чтобы глупъ, не богатъ и не бѣденъ. Въ большомъ свѣтѣ онъ занимаетъ какое-то почетное мѣсто отъ особаго искусства танцовать постоянно мазурку съ модной красавицей и заводить дружбу съ первостатейными любезниками и франтами... Онъ кое-чѣмъ и занимался. Онъ читалъ всего Бальзака и слышалъ о Шекспирѣ. Что же касается до наукъ, то онъ имѣетъ понятіе объ англійскомъ парламентѣ, о крѣпости Бильбао, о свекловичномъ сахарѣ, о паровыхъ каретахъ и о лордѣ Лондондерри“.

Такова яркая картина пустоты большого свѣта, начертанная графомъ Соллогубомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она согласна съ истиной. И какъ же въ такой средѣ искать мысли, чувства, убѣжденій? Не понятно-ли, почему авторъ «Большого свѣта» обратилъ исключительное вниманіе на внѣшность въ своихъ изображеніяхъ? Приемъ этотъ былъ естественъ и до того сдѣлался привыченъ ему, что былъ перенесенъ имъ на изображенія другой среды, другого быта. Въ этомъ можно бы упрекнуть графа Соллогуба; но оправданіемъ ему служить все-таки та среда, въ которой онъ самъ жилъ и воспитался, изъ которой смотрѣлъ онъ и на другіе классы общества. Онъ, разумѣется, не могъ проникнуться ихъ духомъ, потому что былъ уже проникнутъ духомъ большого свѣта; не могъ вполне понять ихъ нужды, жить ихъ жизнью, потому что преданъ былъ свѣтской жизни. Оттого-то и кушцы, и художники, и крестьяне выходятъ у него на одну статью, съ той же пустотой и безжизненностью, съ какой изображаются имъ свѣтскіе люди... За это обви-

нять нельзя, какъ нельзя обвинять человѣка за то, что онъ не всемогущъ и не всеобъемлющъ. При этомъ намъ вспомнилось одно остроумное замѣчаніе изъ пьесы графа Соллогуба: «Мастерская русскаго живописца». Иванъ Кузьмичъ рассказываетъ о своемъ художникѣ изъ дворовыхъ «Отличный мастеръ!.. Русскій, а не хуже иностранца... Одинъ только у него недостатокъ, разумѣется, неважный,—людей писать не умѣть. За то, я вамъ доложу—на звѣряхъ собаку съѣлъ... А какъ человѣка начнетъ писать, все какъ-то на звѣря смахиваетъ».. Мы согласны съ Иваномъ Кузьмичемъ: недостатокъ, дѣйствительно, неважный... Художникъ можетъ и не умѣть изображать людей; мы его не обвинимъ за это, если только онъ умѣетъ хорошо представить—хоть свѣтскихъ львовъ и медвѣдей... А мы видѣли, что у графа Соллогуба всѣ они обрисовываются превосходно; не удаются они ему только тогда, когда вздумаютъ разсуждать и походить на людей... Тогда ихъ краснорѣчіе и остроуміе явно обнаруживаетъ, что говорятъ не они, а самъ авторъ за нихъ сочиняетъ крылатыя рѣчи.

Во всѣхъ произведеніяхъ графа Соллогуба, дѣйствительно, повторяется типъ одного звѣря, выразившійся особенно ярко въ Иванѣ Васильчѣ. Превъзненная критика не хотѣла видѣть въ Иванѣ Васильчѣ ни малѣйшей частички субъективности автора, и всѣ разсужденія этого промотавшагося дворянчика относила прямо и исключительно къ его шутовской личности... Но мы имѣемъ основаніе думать иначе. Иванъ Васильевичъ, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ общему разряду типовъ, постоянно воспроизводимыхъ авторомъ «Тарантаса». Это типъ вотъ какого рода. Онъ не богатъ, и не слишкомъ бѣденъ; характеръ имѣетъ добрый и мягкій отъ природы, образованіе получилъ поверхностное (нерѣдко въ Дерптскомъ университетѣ). По окончаніи курса втянулся онъ въ большой свѣтъ; лѣзетъ изъ кожи, чтобы поддержать на себѣ приличную внѣшность, дѣлаетъ долги, кланяется важнымъ лицамъ, унижается, подличаетъ, волочится за модными красавицами, къ которымъ ничего не чувствуетъ. При столкновеніи съ другимъ кругомъ людей, онъ увлекается непременно какимъ-нибудь чувствомъ (отъ непривычки къ чужой сферѣ), а потомъ опять легкомысленно жертвуетъ этимъ чувствомъ для своихъ обязанностей въ отношеніи къ свѣту... Если онъ не промотается, то будетъ свѣтскимъ человѣкомъ до конца, т.-е. до выгодной женитьбы; если же поддерживать себя нечѣмъ, кредитъ потерянъ—то онъ спокойно исчезаетъ въ безвѣстности. Ни правилъ, ни взглядовъ у него нѣтъ; онъ по легкомыслию готовъ совершить доблестный подвигъ, такъ же какъ и покуситься на гнуснѣйшее преступленіе... Онъ почти никогда не думаетъ, а только кричитъ, повторяя то, что слышалъ отъ другихъ, и слова его никогда не сходятся съ поступками.

Авторъ самъ, какъ видно, не сознаетъ иногда полного согласія своихъ

типовъ и къ однимъ изъ нихъ относится иначе, чѣмъ къ другимъ. Но въ сущности всѣ они одинаковы. Напримѣръ, Карлъ Шульцъ въ «Исторіи двухъ галошъ»,—по замыслу автора, очевидно, долженъ былъ принадлежать къ другому разряду людей: изъ него долженъ бы выйти благородный труженикъ искусства, съ пламенно-любящей душой, съ возвышенными стремленіями, — непонятый міромъ и гордо погибшій невинною жертвою судьбы... Но изображеніе такой личности было не по средствамъ таланта нашего автора, и изъ Шульца вышло тоже что-то въ родѣ Ивана Васильича: существо слабое, безхарактерное, противорѣчащее себѣ на каждомъ шагу, ничего не дѣлающее само и во всемъ обвиняющее другихъ. Онъ сходитъ съ своего чердака въ великолѣпную гостиную княгини и дебютируетъ здѣсь тѣмъ, что ругаетъ концертную музыку... Потомъ онъ играетъ, его хвалятъ, хотятъ съ нимъ знакомиться: онъ этимъ не пользуется, воображая, что всѣ сами должны искать его. Онъ влюбился въ Генріетту; она согласна быть его женой; но онъ говоритъ: «нѣтъ, погодите, дайте мнѣ прославить себя»... И затѣмъ начинаетъ съ того, что пишетъ большую симфонію на цѣлый оркестръ... Пріѣзжаетъ онъ съ ней въ Петербургъ, встрѣчаетъ холодный пріемъ, о концертѣ и хлопотать не хочетъ, а рѣшается давать уроки музыки... Но потомъ соглашается играть на именинномъ вечерѣ у сапожника,—за пару галошъ,—и даже рѣшается на униженіе дать концертъ... На концертѣ вдругъ видитъ свою Генріетту, смущается и играетъ плохо. На другой день получаетъ отъ Генріетты письмо: она замужемъ, но любитъ его по прежнему... Онъ отправляется къ ней и нѣсколько мѣсяцевъ наслаждается платонической любовью... Наконецъ, ихъ застаютъ мужъ, увозитъ Генріетту въ деревню, а Шульцъ сходитъ съ ума и умираетъ... Что же это за человѣкъ, что за характеръ? Видно, что авторъ хотѣлъ изобразить человѣка, а вышло какое-то слабодушное, пассивное существо, очень похожее на великосвѣтскаго звѣря...

Таковы же точно и Леонинъ, доброе сердце безъ всякаго характера; и Сережа, способный къ увлеченіямъ, исчезающимъ при первой насмѣлкѣ; и баронъ Фиренгеймъ, готовый жертвовать жизнію за своего профессора и столь же легко готовый играть спокойствіемъ семьи, которая должна быть дорога ему; и офицеръ, влюбляющійся и возбуждающій нѣжную, вѣчную взаимность—мимоѣдомъ на станціи; и Чесминъ, искренно увлекающійся любовью до перваго выгоднаго назначенія; и князь Андрей, такъ легко уступающій убѣжденіямъ старушки-бабушки; и генераль Северинъ, отдѣлывающійся отъ увлеченій молодости тѣмъ, что покупаетъ хорошихъ лошадей для своего сына-ямщика; и господинъ Надимовъ, поступающій на службу, которой онъ не понимаетъ, за тѣмъ только, чтобы оттереть другого, который можетъ быть взяточникомъ. Даже Медвѣдь, котораго авторъ опять-

таки хотѣлъ выставить въ хорошемъ свѣтѣ, тоже слабое, пустое существо, рѣшительно не понимающее себя, до того не понимающее, что рѣшается, Богъ вѣсть зачѣмъ, танцовать французскую кадрили на балѣ у князя Щетинина, да еще *vis-à-vis* съ одной блистательной парой. Самъ даже мужикъ Тарасъ, убившій мать вмѣсто богатаго купца, котораго хотѣлъ обокрасть,— и онъ рѣшается на преступленіе просто по легкомыслію и безумной слабости характера. Словомъ, каждый изъ героевъ—пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ. Видно, что автору очень близокъ этотъ типъ, что онъ имѣлъ много случаевъ изучить его, свыкнуться съ нимъ, проникнуться образомъ его мыслей и перенести его въ свои созданія, иногда даже безъ своего вѣдома и противъ воли своей. Говорятъ, что каждый авторъ выражаетъ часть своего собственнаго характера въ каждомъ изъ представленныхъ имъ типовъ; если согласиться съ этимъ, то тѣмъ болѣе нужно согласиться, что на воспроизведеніе тѣхъ или другихъ характеровъ сильно дѣйствуетъ образъ мыслей и сфера дѣйствій самого автора, и въ такомъ случаѣ для насъ становится совершенно понятнымъ, почему графъ Соллогубъ, привыкшій къ понятіямъ и воззрѣніямъ большого свѣта, такъ постоянно выводилъ намъ пустыхъ и ничтожныхъ людей, безъ правилъ и убѣжденій,— даже поставляя ту среду, въ которой они всего менѣе встрѣчаются. Нелишнимъ считаемъ замѣтить и здѣсь, что пристрастіе къ подобнымъ типамъ совсѣмъ не составляетъ особенности, появившейся въ авторѣ «Чиновника» только въ послѣднее время. Совсѣмъ нѣтъ—оно столь же сильно и въ «Исторіи двухъ галошъ», и въ «Большомъ свѣтѣ», и во всѣхъ другихъ рассказахъ Соллогуба, и, слѣдовательно, здѣсь опять нельзя видѣть какого-то паденія таланта.

Странная судьба постигла творенія графа Соллогуба. Прежняя критика восхищалась его героями, рассматривая ихъ чисто съ объективной стороны, и хотя замѣчала, что понятія автора какъ будто сходятся иногда съ понятіями его героевъ—но приписывала это сходство особенному художественному умѣнью автора представить предметъ живо и полно. Она рассматривала Ивана Васильича, какъ что-то совершенно чуждое, по своимъ воззрѣніямъ, самому автору, все произведеніе принимала за жестокую насмѣшку надъ людьми, подобными Ивану Васильичу. Такимъ образомъ, когда Иванъ Васильичъ говорилъ, что за-границей научился онъ любить Россію,—критика смѣялась надъ его шутовствомъ; и когда авторъ говорилъ, что только за-границей понялъ Иванъ Васильичъ, какъ много хорошаго въ Россіи, — критика опять принимала слова эти за насмѣшку надъ пустотой Ивана Васильича. Новая критика поступила не такъ. Подвернулася ей подъ руку Надимовъ, тотъ же Иванъ Васильичъ: отчего бы не разобрать его съ такой же точки зрѣнія и не сказать спасибо графу

Соллогубу за искусное изображеніе такого безтолковаго крикуна? Нѣтъ, его вздумали разбирать, какъ идеальнаго чиновника, за его блестящія фразы, и его пустоту сдѣлали обвиненіемъ для автора. А посмотрите-ка, сколько прекрасныхъ фразъ говорятъ у графа Соллогуба—Иванъ Васильчъ, левъ, баронъ Фиренгеймъ, старушка и пр., и пр. Такія рѣчи—одна изъ особенностей графа Соллогуба. Можетъ быть, это и недостатокъ, но, конечно, неважный: и у Грибоѣдова Фамусовъ отпускаетъ подчасъ такія эпиграммы, что хоть бы Чацкому въ пору. Герои графа Соллогуба говорятъ много хорошаго, только дѣла ихъ не сходятся съ словами: въ этомъ и состоитъ ихъ недостатокъ, по мнѣніямъ автора. Прежняя критика думала, что авторъ и самыя понятія ихъ осмѣиваетъ, и потому она увѣряла, что въ его произведеніяхъ положены всегда въ основаніе глубокія идеи и крѣпкія убѣжденія, то-есть тѣ, которыя она сама приписывала автору, понимая наоборотъ его отношеніе къ понятіямъ его же героевъ. Теперь это отношеніе обозначилось яснѣе, и мы видимъ, что многія изъ разсужденій Ивана Васильча и подобныхъ ему людей вполне одобряются графомъ Соллогубомъ. Это видно отчасти и въ самомъ способѣ изображенія этихъ личностей, при которомъ авторъ изъ спокойнаго эпического рассказчика безпрестанно дѣлается вдохновеннымъ лирикомъ и горячимъ ораторомъ, невольно выражая свое субъективное настроеніе. Но особенно доказываетъ это сличеніе словъ самого графа Соллогуба съ словами его героевъ. Мы боимся представлять выписки, чтобы не обременить вниманіе читателей; укажемъ только нѣсколько примѣровъ. Иванъ Васильчъ жалѣетъ о гибели фамильныхъ преданій, о томъ, что генеалогія не уважается,—и графъ Соллогубъ, въ своихъ замѣткахъ, жалѣетъ о томъ же. Иванъ Васильчъ увѣряетъ, что все зло взяточничества происходитъ оттого, что чиновники происходятъ изъ простаго класса, изъ дворовыхъ, а не изъ дворянъ: графъ Соллогубъ доказалъ «Чиновникомъ», что раздѣляетъ это убѣжденіе. Иванъ Васильчъ хлопочетъ о народности русской, находя, что лучшій залогъ настоящаго и будущаго величія Россіи—это могучее ея смиреніе; то же самое, почти слово въ слово, высказано графомъ Соллогубомъ отъ собственнаго лица, въ статьѣ «6-е декабря 1853 г. въ Тифлисѣ». Здѣсь онъ уже не могъ шутить: предметъ его описанія былъ слишкомъ серьезенъ для этого. Иванъ Васильчъ не находитъ во Франціи ничего, кромѣ вѣтренности и грязи, въ Германіи ничего, кромѣ педантизма,—и графъ Соллогубъ (умѣреннѣе, конечно, чѣмъ Иванъ Васильчъ) бранитъ ихъ за то же самое,—не только въ прозѣ, но даже и въ стихахъ. Иванъ Васильчъ раздѣляетъ русскую литературу на двѣ половины: смиренную, и потому умную, хорошую,—и крикливую, но бездарную, и увѣряетъ, что истинныя дарованія рѣдко появляются съ своими произведеніями, боясь быть

смѣшанными съ этими крикунами. Въ свое время критика посмѣялась надъ такими выходками, какъ обличающими шутовское верхоглядство Ивана Васильича, но посмѣялась напрасно. Черезъ годъ, въ своихъ замѣткахъ, самъ графъ Соллогубъ написалъ, уже отъ себя, что отъ журнальныхъ крикуновъ «литература падаетъ въ грязь и внушаетъ отвращеніе къ себѣ въ тѣхъ юныхъ дарованіяхъ, которыя могли бы развиться и окрѣпнуть для чести и пользы русскаго слова». Мнѣній въ такомъ родѣ мы могли бы привести очень много: но надѣмся, что изъ представленныхъ примѣровъ можно видѣть, по крайней мѣрѣ, то, что авторъ «Тарантаса» совсѣмъ не хотѣлъ смѣяться надъ убѣжденіями своего героя, а старался выставить только противорѣчіе его словъ съ поступками. Это видно и въ той главѣ, гдѣ авторъ рассказываетъ воспитаніе Ивана Васильича и съ теплымъ участіемъ говоритъ о его умѣ, смѣтливости, пылкой натурѣ, сердечной любви къ Россіи, и пр.

Таковы же и прочіе герои. Левъ разсуждаетъ о свѣтской жизни ничуть не хуже самого автора повѣсти; княгиня задумывается о пустотѣ своей жизни точно такъ, какъ авторъ за нее задумывается. Северинъ разсуждаетъ съ церковнымъ старостой о томъ, что каждому нужно оставаться въ томъ состояніи, въ какомъ онъ родился: «баринѣмъ быть, баринѣмъ надо и родиться; сдѣлай мужика баринѣмъ, барина мужикомъ,—обоимъ не сладить». Эта мысль весьма сильно и ярко изображается во всѣхъ произведеніяхъ графа Соллогуба. По его мнѣнію, и въ большой свѣтъ надо пускаться только тѣмъ, кто уже родился въ немъ, потому что тутъ нужны своего рода привиллегіи; и чиновникомъ долженъ быть только дворянинъ, а ужъ никакъ не человѣкъ изъ простаго званія... Для сохраненія чести своего званія нужно жертвовать всѣмъ, говоритъ старушка своему внуку, который хочетъ жениться на бѣдной дѣвушкѣ. Читая ея разсужденія, вы можете подумать, что авторъ хочетъ выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Да и какъ иначе подумать, читая, на примѣръ, слѣдующія строки: «Не легко въ наше время быть аристократомъ; вотъ для чего и надо оставаться аристократомъ. Теперь, когда всѣ убѣжденія въ Европѣ исчезаютъ, кому поддержать и спасти ихъ, какъ не дворянскому сословію? Теперь, когда владычествуютъ слова, а не начала, кому указать толпѣ на путь истинный, какъ не тѣмъ, которые выше толпы? Но этого достигнуть можно не умомъ, а характеромъ. Съ тѣхъ поръ, какъ булочники пишутъ стихи, а сапожники занимаютъ политикой, умъ ничего не значитъ. Другое дѣло—характеръ; но характеръ крѣпнетъ только послѣдовательностью и вѣрою въ законы, принятые при рожденіи»... и т. д. Далѣе, между прочимъ, говорится, что вся исторія человѣчества даетъ намъ слѣдующій урокъ: «счастливы тѣ государства, гдѣ каждое сословіе остается въ своихъ предѣлахъ,

идеть по собственному пути»... И тѣ же самыя мысли найдете у графа Соллогуба въ статьяхъ: «Община сестеръ милосердія», «6 декабря въ Тифлисѣ», «Симбирскій театръ», и другихъ. По соображеніи многихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ графа Соллогуба, можемъ думать, что и будущность Россіи представляется ему именно въ томъ видѣ, какъ изобразилъ онъ ее въ снѣ Ивана Васильича. Иначе этотъ самый сонъ какъ-то неестественъ: какъ могутъ такому человѣку, какъ Иванъ Васильичъ, сниться такія отвлеченныя вещи? Только на яву могъ онъ придумать, хотъ, напримѣръ, слѣдующую картину: «Сельскій пастыръ, сидя подъ ракитой, съ любовью глядѣлъ на дѣтскія игры. Кое-гдѣ надъ деревнями возвышались дома помѣщиковъ, строенные въ томъ же вкусѣ, какъ и простыя избы, только въ большемъ размѣрѣ. Эти дома, казалось, стояли блюстителями порядка, залогомъ того, что счастье края не измѣнится, а, благодаря мудрой заботливости просвѣщенныхъ путеводителей, все будетъ еще стремиться впередъ, все будетъ еще болѣе развиваться, прославляя дѣла человѣка и милосердіе Создателя»...

Все, сказанное нами, доказываетъ, что и убѣжденія графа Соллогуба постоянно были одни и тѣ же. Только сначала они высказывались не совсѣмъ опредѣленно, такъ что критика не умѣла отдѣлить личности автора отъ личности его героевъ и насмѣшки отъ истины. Теперь же они обозначались яснѣе, и въ этомъ опять мы видимъ доказательство того, что авторъ «Большого свѣта» постоянно шелъ впередъ, постоянно крѣпнулъ въ своихъ силахъ и вырабатывалъ свои понятія...

Мы разобрали теперь всѣ достоинства графа Соллогуба, за которыя восхищалась имъ прежняя критика и которыя перечислены нами въ началѣ статьи. Разборъ ихъ показалъ, что и теперь блестящій беллетристъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде, и прежде былъ тѣмъ же, что и теперь... Только теперь онъ сильнѣе и ярче выразился... При разборѣ нашемъ, не брали мы въ расчетъ біографіи Котляревскаго, почти не касались водевилей и драмъ графа Соллогуба, равно и «Салалакскихъ досуговъ» и альбомныхъ стихотвореній. Не на нихъ основана слава графа Соллогуба: онъ извѣстенъ русской публикѣ, какъ юмористъ и повѣствователь, и мы старались разсматривать его съ этой стороны, чтобы объяснить фактъ охлажденія къ нему публики. Другія его произведенія были намъ нужны только для того, чтобы прослѣдить ходъ развитія его убѣжденій и стремленій—съ самаго начала до послѣдняго времени... Впрочемъ, считаемъ нужнымъ прибавить здѣсь, что даже и мелкія произведенія графа Соллогуба нисколько не противорѣчатъ общему нашему понятію о немъ и не могутъ уронить его славы. Въ нихъ онъ является тѣмъ же блестящимъ, остроумнымъ писателемъ, съ тѣмъ же истинно свѣтскимъ тономъ

и взглядомъ на вещи, съ тѣми же чувствами и убѣжденіями... Напримѣръ, стихотворенія его такъ милы и изящны, что нельзя не любоваться ими. Они такъ и переносятъ въ благоуханную атмосферу гостинныхъ, такъ изящно очерченныхъ графомъ Соллогубомъ, они такъ и заставляютъ вспомнить барона, декламировавшаго:

„Всегда, вездѣ, и въ залѣ шумной,
Въ каретѣ, въ ложѣ, на конѣ,
И на-яву, и въ сладкомъ снѣ,
Любовью страстной и безумной
Тебя любилъ, тебя любилъ!..

Правда, иногда попадаетъ у графа Соллогуба шероховатость въ стихѣ: въ риѣму — *Гуанъеми* — стоитъ, напр., *съ поэзіями всѣми*... Встрѣчается такое четверостишіе:

„Не въ сущей добротѣ я-ли
Вамъ вѣрилъ, какъ дуракъ;
А вы вотъ и затѣяли
Меня цыганить такъ“...

Но стоитъ-ли обращать вниманіе на такіе пустяки!..

Чѣмъ же, однако, объяснить охлажденіе публики къ графу Соллогубу? Талантъ его такъ же блестящъ и цвѣтущъ теперь, какъ и прежде; дѣятельность не прерывалась, убѣжденія тверды по прежнему, словомъ, со стороны автора, всѣ условія для успѣха тѣ же, что и прежде. Явно, что вина на сторонѣ публики и критики. Главное обстоятельство, неблагоприятное для автора «Тарантаса», было, по нашему мнѣнію, то, что критика долго не умѣла ясно и правильно понять его направленія. Пока графъ Соллогубъ высказывался неопредѣленно, полу-намекami, она хотѣла видѣть въ немъ убѣжденія, какими она сама была проникнута, и въ лицахъ его рассказовъ находила сознательное, художественное воспроизведеніе жизненной пошлости и пустоты. Впослѣдствіи оказалось, что взглядъ автора на своихъ героевъ не совсѣмъ сходилъ со взглядомъ критики, что многія изъ его лицъ смѣшны и пусты ненамѣренно, такъ какъ смѣшны и пусты кажутся намъ сильныя и идеальныя натуры въ повѣстяхъ Марлинскаго и Полевого. Критика перестала выражать свое восхищеніе повѣстями Соллогуба и ставить его рядомъ съ Гоголемъ и Лермонтовымъ; публика тоже увидала, въ чемъ дѣло, и не хотѣла восхищаться въ графѣ Соллогубѣ тѣмъ, чѣмъ восхищалась въ изображеніяхъ барона Фиренгейма и Ивана Васильича. Послѣдовало невниманіе и забвеніе... Другою причиною того же факта могла быть самая вѣрность графа Соллогуба принятому однажды воззрѣнію. Рѣшивши, что «большой свѣтъ» живетъ только внѣшностью и полонъ пустоты, взглянувши и на все остальное сквозь лорнетъ «большого свѣта», авторъ «Тарантаса» постоянно повторялъ одну и ту же тему, одинъ и тотъ же типъ, и это, наконецъ, приучило публику

думать, что ничего новаго отъ автора «Старушки» ожидать уже нельзя. Охлажденіе сдѣлалось еще полнѣе, когда многіе стали замѣчать, что не все же пустота въ большомъ свѣтѣ, что можно и тамъ отыскать какія-нибудь серьезные интересы, если только самъ ими проникнуть серьезно... И вотъ—забыла наша публика свои прежніе восторги, забыла, сколько наслажденія доставляли ей прежде прекрасныя картины графа Соллогуба, его художественныя описанія, краснорѣчивыя разсужденія, остроумные разговоры, мѣткія наблюденія надъ внѣшней стороною нашихъ нравовъ и изящный юморъ... Явился «Чиновникъ»,—публика вспомнила своего любимаго автора, но скоро опять отвернулась отъ него... Явилось полное собраніе его сочиненій,—и до сихъ поръ никто не занялся серьезнымъ разборомъ ихъ... Это очень грустное явленіе... Мы старались, какъ умѣли, разсмотрѣть и объяснить его, чтобы съ одной стороны отдать справедливость талантливому беллетристу, а съ другой — напомнить публикѣ о томъ, о комъ не должна забыть будущая исторія нашей литературы.

Стихотворенія А. Полежаева, съ портретомъ автора и статьею о его сочиненіяхъ, писанною В. Бѣлинскимъ. Изданіе В. Солдатенкова и И. Щепкина. Москва. 1857.

Полежаевъ пользуется у насъ довольно печальной извѣстностью въ кружкѣ тѣхъ читателей, которые доселѣ продолжаютъ читать его. Кому не случалось встрѣчать молодыхъ людей, хранившихъ размахисто переписанныя тетрадки съ непечатными стихами Полежаева? Эти юноши восхищаются темной стороною Полежаева, забывая, или не зная о его истинныхъ достоинствахъ. Обвинять-ли ихъ за это, считать-ли людьми пустыми, ничтожными, неспособными возвыситься надъ грубыми животными побужденіями? Едва-ли справедливо будетъ такое обвиненіе; по крайней мѣрѣ, мы никогда не рѣшимся произнести его. Иначе, мы должны были бы обсудить на ничтожество самого Полежаева, который, конечно, болѣе всего долженъ подвергаться отвѣтственности за свои стихи. Нѣтъ, заблужденіе еще не порокъ, одностороннее развитіе—не преступленіе. Оно всегда есть прямое, неизбѣжное слѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ суждено человѣку жить и развиваться. Можно жалѣть о человѣкѣ, для котораго обстоятельства сложились дурно,—можно горько задумываться о той жизненной обстановкѣ, которая можетъ губить лучшія силы души, направляя ихъ къ злу и пороку. Но напрасно было бы обвинять самого человѣка въ ошибочномъ направленіи, какое принимаетъ его дѣятельность, подъ вліяніемъ враждебныхъ обстоятельствъ. По нашему мнѣнію, только тотъ заслуживаетъ

полнаго презрѣнія, кто совсѣмъ не обнаруживаетъ никакой дѣятельности, оставаясь во всю свою жизнь существомъ совершенно пассивнымъ. Такія существа, дѣйствительно, не заслуживаютъ никакого участія и могутъ быть заклеимлены названіемъ людей неспособныхъ, негодныхъ, ничтожныхъ, унижающихъ свое человѣческое достоинство. Отъ нихъ ничего нельзя ожидать, какъ бы ни были благопріятны окружающія ихъ обстоятельства. Получивши разъ толчокъ отъ внѣшней силы, они безмятежно и ровно, по силѣ инерціи, движутся въ одномъ, данномъ имъ направленіи. Они часто достигаютъ предположенной цѣли весьма удачно, переходя отъ переписки бумагъ къ ихъ подписыванью, отъ перваго мѣста на школьной скамьѣ—къ наставнической кафедрѣ, и пр. Но, со всѣмъ тѣмъ, трудно удержать въ себѣ порывъ презрѣнія и даже негодованія противъ этихъ людей, которыхъ все нравственное достоинство заключалось въ умѣренности, аккуратности и терпимости, и которыхъ труды, бессмысленные и мертвые, могутъ быть съ гораздо большимъ успѣхомъ исполняемы хорошо машиною. Отрекаясь отъ своей самостоятельности, дѣлаясь орудіемъ чужой силы, такіе люди сами становятся въ разрядъ низшихъ существъ, сами отказываются отъ общаго братства людскаго и добровольно вызываютъ на себя презрѣніе даже тѣхъ, которые пользуются ихъ услугами. Подвигъ высокой доблести и самая отвратительная низость съ одинаковымъ хладнокровіемъ и аккуратностью совершаются пассивными натурами, какъ скоро данъ имъ внѣшній толчекъ, приводящій ихъ въ движеніе. Тутъ уже не можетъ быть заблужденій, борьбы, страданій, паденія... Тутъ, собственно говоря, нѣтъ и вины, какъ нѣтъ заслуги... Но тяжкая вина, предъ судомъ общества и исторіи—лѣниво зарыть въ землю свой талантъ, пограть свое достоинство, рутинной и бездѣйствіемъ убивши силы, данныя отъ природы... За то и общество попраетъ ногами такихъ лѣнивцевъ. За то и исторія эти натуры обходитъ презрительнымъ молчаніемъ.

Не такова судьба тѣхъ несчастныхъ, но все-таки сравнительно высшихъ натуръ, которыя, чуя въ себѣ родникъ живыхъ силъ души, хотятъ непременно пробиться съ нимъ сквозь кору житейскихъ дразгъ, общественныхъ несправедливостей и людскихъ предразсудковъ. Теченіе ихъ жизни бываетъ бурно и мутно, часто губельно; нерѣдко они теряются на дорогѣ, если сверху сушитъ ихъ солнечный зной, а внизу поглощаетъ сожженная, рассыпчатая почва; во всякомъ случаѣ, ихъ отдѣльная струя пропадаетъ въ общемъ океанѣ исторіи человѣчества. Но все же—это движеніе, жизнь, а не болотный застой. Въ болотѣ погибнуть такъ же легко, какъ и въ морѣ; но если море привлекательно-опасно, то болото опасно-отвратительно. Лучше потерпѣть кораблекрушеніе, чѣмъ увязнуть въ тинѣ. Моралисты—обыкновенно люди сонные; ихъ можно разбудить только гро-

сой. При сильномъ ударѣ грома, они просыпаются, торопливо спрашиваютъ; «что случилось?» и потомъ начинаютъ кричать объ ударѣ рока, постигшемъ одного человѣка, убитаго громомъ. А передъ ихъ глазами, возлѣ нихъ, сотни и тысячи человѣкъ падаютъ отъ изнеможенія, задыхаются, гибнутъ безъ шума и слѣда; этого они не замѣчаютъ, а если и замѣчаютъ, то находятъ, что это совершенно въ порядкѣ вещей.

Всѣ эти мысли невольно приходятъ въ голову, послѣ прочтенія маленькой книжки стиховъ Полежаева и статьи о немъ, написанной Бѣлинскимъ. Съ обычной своей проникательностью и силой выражаетъ Бѣлинскій характеръ поэзіи Полежаева и отношеніе ея къ его жизни. Но у него есть одна фраза, которая можетъ подать поводъ къ ложному толкованію. «Полежаевъ не былъ жертвою судьбы,—говоритъ Бѣлинскій,—и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели». Мы уже сказали, что, по нашему мнѣнію, именно себя-то онъ и не могъ обвинять.

Пострадалъ-ли Полежаевъ отъ судьбы, странно враждебной всѣмъ лучшимъ поэтамъ нашимъ, можно видѣть при внимательномъ взглядѣ на его портретъ, который приложенъ къ нынѣшнему изданію его сочиненій.

Повѣсть его жизни немногосложна, но изъ нея видно, что Полежаевъ принадлежалъ къ числу натуръ дѣятельныхъ, для которыхъ лучше паденіе въ борьбѣ, нежели страдательное отреченіе отъ всякой личности и самостоятельности. Начало его жизни было лучше, чѣмъ ея продолженіе, какъ это замѣтно изъ частыхъ сожалѣній поэта о потерянныхъ годахъ, какъ видно изъ его душевныхъ воззваній къ прежнему времени.

„Гдѣ ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Гдѣ ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Какъ видѣніе прекрасное
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось изъ очей!..“

Но и это время, о которомъ онъ вспоминалъ потомъ съ грустнымъ сожалѣніемъ, не было продолжительно, такъ что онъ и не успѣлъ имъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ. Двадцатилѣтній юноша, увлекся онъ, какъ и всѣ увлекаются въ двадцать лѣтъ, страстностью своей природы и пылкостью молодой крови; только его увлеченіе выразилось ярче, было сильнѣе, бурнѣе, чѣмъ бываетъ у другихъ, и къ этому-то времени студенчества въ Московскомъ университетѣ относится первая, непечатная извѣстность Полежаева. Предъ концомъ жизни, онъ такъ вспоминалъ объ этомъ бурномъ періодѣ своей жизни.

„Я подвигъ жизни совершилъ
И юныхъ дней фіаль безвкусный,
На долго памятный—разбилъ!“

Давно-ли я, въ оргіяхъ шумныхъ,
 Ничтожность міра забывалъ,
 И въ кликахъ радости безумныхъ
 Безумство счастьемъ называлъ!
 Тогда, вдали отъ глазъ невѣжды,
 Или фанатика глупца,
 Я сердцу милыя надежды
 Питалъ съ улыбкой мудреца,
 И счастливъ былъ! Самозабвенье
 Таилось въ безднѣ пустоты“...

Если бы мы захотѣли, мы могли бы найти у Полежаева много подобныхъ признаній, доказывающихъ, что онъ былъ человекъ не въ родѣ поручика Пирогова, и что порывъ, увлекавшій его къ наслажденіямъ чувственности, скоро смѣнился бы другимъ, болѣе благороднымъ увлеченіемъ. Онъ уже начиналъ, кажется, этотъ поворотъ жизни, когда надъ нимъ разразился новый ударъ судьбы, и—

„Миръ души погребла
 Къ шумной волѣ любовь“...

Изъ молодого разгульнаго кружка своихъ товарищей внезапно попалъ Полежаевъ въ другой кругъ—гораздо болѣе грубый, порочный и невѣжественный, въ которомъ смотрѣли на поэта, какъ на преступника и негодяя. Онъ не хотѣлъ и не могъ подчиниться тому, чему легко подчинялись другіе, а его заставляли подчиняться.

„Порабощенье,
 Какъ зло за зло,
 Всегда влекло
 Ожесточенье“,

и Полежаевъ ожесточился противъ людей и судьбы. Сначала у него еще оставался какой-то геній, котораго онъ не называлъ ни добрымъ, ни злымъ, но который обѣщалъ ему свое покровительство, а потомъ забылъ его... Полежаевъ съ довѣрчивостью ждалъ его помощи, и надежда на этого генія поддерживала его въ постоянной борьбѣ съ обстоятельствами. Утомляясь борьбою, онъ восклицалъ:

„Давно могучій вѣтеръ носить
 Меня вдали отъ береговъ;
 Давно душа покоя проситъ
 У благодѣтельныхъ боговъ.
 Казалось, теплыя молитвы
 Уже достигли къ небесамъ,
 И я, какъ жрецъ, на полѣ битвы
 Курцлъ свой свѣтлый опіамъ,
 И благодѣтельное слово
 Въ устахъ правдиваго судьи,
 Казалось, было ужъ готово
 Изречь: воскресни и живи!
 Я оживалъ; но ты, мой геній,
 Исчезъ, забылъ меня, и я
 Теперь одинъ въ цѣни твореній
 Пью грустно воздухъ бытія...
 Темнѣетъ ночь, гроза бушуетъ,

Несется быстро мой челнокъ,—
 Душа кипитъ, душа тоскуетъ
 И, мнится, снова торжествуетъ
 Надъ бѣднымъ плавателемъ рокъ...“

Несмотря на эти минуты сомнѣнія и тѣски душевной, долго еще крѣпился бѣдный поэтъ и гордо сражался съ гнетущей его судьбой:

„Увы, дтвно печаленъ, равнодушенъ,
 Онъ привыкалъ къ лихой своей судьбѣ:
 Неистовый, безжалостный къ себѣ,
 Презрѣлъ ее въ отчаянной борьбѣ,
 И гордо былъ несчастію послушенъ“.

Стремленіе къ самостоятельной жизни развилось въ немъ еще больше среди несчастій и стѣсненій, и въ то время, какъ челнокъ его уже то-нулъ, онъ еще находилъ въ себѣ силы пѣть эту пѣснь погибающаго пловца:

„Сокровенный
 Сынъ природы,
 Неизмѣнный
 Другъ свободы
 Съ юныхъ лѣтъ,
 Въ море бѣдъ,
 Я направилъ
 Быстрый бѣгъ
 И оставилъ
 Мирный берегъ.
 На равнинахъ
 Водъ зеркальныхъ,
 На пучинахъ
 Погребальныхъ
 Я скользилъ;
 Я шутилъ
 Грозной влагой,
 Смертный валъ
 Я отвагой
 Побѣждалъ...“

Такимъ открытымъ выраженіемъ энергіи и силы смѣлаго бойца отличаются стихотворенія Полежаева до того времени, когда является въ нихъ упоминаніе о заключеніи и болѣзни. Известно, что въ послѣднее время своей жизни, Полежаевъ страдалъ чахоткой и умеръ въ больницѣ, получивъ въ минуты предсмертнаго томленія офицерскій чинъ. Это послѣднее время тяжелой болѣзни вызвало у поэта нѣсколько отчаянныхъ, ожесточенныхъ стихотвореній. Онъ изнуренъ былъ битвою жизни, геній его не являлся къ нему на помощь, усилія его свергнуть съ себя гнетущее его судьбы оказывались безплодными,—и одно отчаянное, страшное презрѣніе къ жизни осталось въ душѣ поэта. Ужасные звуки нашелъ онъ въ себѣ для выраженія силы своего отчаянія:

„Безъ чувства жизни, безъ желаній,
 Какъ отвратительная тѣнь,
 Влечу я цѣпь мопхъ страданій
 И умираю ночь и день.
 Порою, огонь души унылой
 Воспламеняется во мнѣ:
 Съ снѣдающей меня могилой“

Борюсь, какъ будто бы во снѣ;
 Стремлюсь, въ жару ожесточенья,
 Мои оковы раздробить
 И жажду сладостнаго мщенья
 Живою кровью утолить.
 Какъ рабъ испуганный, бездушный,
 Клянусь свой жребій я тогда,
 И вновь взираю равнодушно
 На жизнь позора и стыда“.

Эта жизнь позора и стыда могла бы быть жизнью славы и величія. Человѣкъ, нашедшій такіе звуки для выраженія отчаянія, умѣлъ бы проникнуться какими угодно возвышенными чувствами и найти для нихъ выраженія въ словѣ и въ дѣлѣ. При другой жизненной обстановкѣ не погибъ бы этотъ энергическій талантъ жертвою неравной и бесплодной борьбы. Не звуки проклятій и злобы, а роскошные звуки чистыхъ, спокойныхъ стремленій могъ бы онъ завѣщать міру, потому что, кромѣ чрезвычайной силы, талантъ Полежаева отличается еще необыкновенной страстностью и стремительностью. Она-то и увлекаетъ пылкихъ юношей въ непечатныхъ стихотвореніяхъ Полежаева. Мы не винимъ ихъ за это въ пустотѣ и ничтожности: можно этимъ увлекаться и не будучи ничтожнымъ человѣкомъ. Но мы глубоко и тяжело должны сожалѣть о той средѣ, которая не представляетъ ничего лучшаго для увлеченія молодыхъ людей; мы должны грустно, безотрадно задуматься о тѣхъ преданіяхъ, которыми передаются, какъ драгоценное наследіе, изъ поколѣнія въ поколѣніе, грязныя произведенія поэтовъ, сбитыхъ съ чистаго пути и столкнутыхъ въ вонючую лужу. Не одинъ Полежаевъ погибъ у насъ въ этой мрачной и душной средѣ, подъ вліяніемъ этихъ развратныхъ преданій, поддерживаемыхъ застоємъ общественной жизни. Грустное раздумье одолеваетъ всегда при воспоминаніи о гибели дѣятельной натуры. Напрасно стараешься успокоить себя тѣмъ, что гибель эта не бесплодна, что она была необходима по законамъ исторіи. Все-таки остается въ душѣ неотвязный вопросъ, такъ поэтически выраженный Полежаевымъ:

„Но зачѣмъ же вы убиты,
 Силы мощныя души?
 Или были вы сокрыты
 Для бездѣйствія въ тиши?
 Или не было вамъ воли
 Въ этой пламенной груди,
 Какъ въ широкомъ, чистомъ полѣ,
 Пышнымъ цвѣтомъ разцвѣсти?...“

Походъ аѳинянь въ Сицилію и осада Сиракузь. Сочиненіе Владиміра Ведрова. Съ планомъ города Сиракузь. Спб. 1857.

Это древняя исторія, читатель, — очень древняя исторія. Это древность классическая, о которой мы съ вами весело вспоминаемъ подчасъ,

при встрѣчѣ со школьными товарищами. Я предполагаю, что вы учились въ какой-нибудь школѣ, мой читатель, и потому хочу разбудить въ васъ воспоминаніе о древнихъ классическихъ предѣлкахъ, которое невольно рождается въ каждомъ, прошедшемъ гимназическій курсъ, при самомъ бѣгломъ обзорѣ книги г. Ведрова. Помните-ли, какъ вы, въ старшихъ классахъ гимназіи, принялись, наконецъ, за самостоятельное изученіе разныхъ предметовъ и начали сами сочинять?.. Какое это было наслажденіе,—сколько мечтаній и замысловъ являлось тогда въ вашей юной душѣ! Какъ вы хлопотали о томъ, чтобы дѣлать новыя открытія въ наукѣ, бросать новые взгляды, казаться ученымъ, поглотившимъ всю возможную ученость!.. У васъ былъ тогда благоразумный учитель, который предлагалъ вамъ—описать осаду Казани по Карамзину, или Бородинскую битву по Михайловскому-Данилевскому. Онъ имѣлъ при этомъ въ виду двойную пользу: и фактъ вы изучили бы основательно, и приемы историческаго изложенія могли бы усвоить по хорошимъ образцамъ. Но вы съ презрѣніемъ отвернулись тогда отъ такой задачи. Вы хотѣли казаться ученымъ, бросать собственные взгляды, а тутъ вамъ даютъ связывающую нить, заставляютъ быть какимъ-то комплиментаторомъ. Для взглядовъ вамъ нуженъ былъ просторъ, для учености—ссылки, а нельзя же было вамъ, перефразируя Карамзина, ссылаться на его рассказъ и писать въ выноскахъ его собственные слова. Нѣтъ, вы рѣшительно отказывались отъ темы, предложенной учителемъ, и хотѣли писать или о происхожденіи Руси, или ужъ о чемъ-нибудь изъ иноземной исторіи. Вамъ опять учитель давалъ въ руки хорошія книги, съ тѣмъ, чтобы вы сдѣлали изъ нихъ извлеченіе. Но вамъ казалась унизительною подобная работа: вы услышали какъ-то, что истинно ученые всегда разрабатываютъ науку *по источникамъ*, и вы сами захотѣли, во что бы то ни стало, заниматься *источниками*, чтобы имѣть истинно ученый видъ. Но что дѣлать съ источниками, какъ за нихъ приняться, да и гдѣ еще отыскать ихъ? Вы этого рѣшительно не знали, читатель, да если бы и знали, то мало бы было вамъ утѣшенія. Большею части источниковъ вы не могли читать. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, было вамъ разбирать средневѣковую латынь, древне-нѣмецкіе, французскіе, англо-саксонскіе памятники? Какъ могли вы пуститься въ изученіе источниковъ, изъ которыхъ почерпается знаніе ново-европейской исторіи? А за предѣлами Европы—тамъ ужъ вы рѣшительно терялись въ исторіи, какъ въ дремучемъ лѣсу. Въ такомъ затруднительномъ положеніи вамъ оставалось одно спасеніе—взяться за классическую древность. Источники тамъ не многочисленны, да и переведены большею частію на французскій и даже на русскій языкъ; мнѣнія о событіяхъ древней исторіи почти во всемъ уже установились, слѣдовательно, и свой взглядъ бросить уже не трудно; а между тѣмъ ученость—своимъ чередомъ. А уче-

ность была тогда вашей слабостью. Теперь мы съ вами, читатель, уже выросли, одолѣли нѣсколько языковъ, приобрѣли кое-какія понятія объ исторіи, и потому теперь мы не понимаемъ, почему же знакомство съ трудами Тьерри, Гиббона, Шлоссера не доказываетъ учености, а цитата изъ Оукидида, Тацита, Цицерона, Плутарха доказываетъ ее?.. Теперь мы знаемъ разработку древней исторіи у новыхъ писателей и потому прибѣгаемъ къ источникамъ только для провѣрки ихъ мнѣній, для рѣшенія спорныхъ вопросовъ, для образованія собственнаго взгляда на предметъ. Ни въ какомъ случаѣ не станемъ ужъ мы приводить цитаты изъ классическихъ писателей, говоря о томъ, что, на примѣръ, Сицилія была островъ, что тамъ былъ городъ Сиракузы, что городъ этотъ былъ очень богатъ, и т. п. Но въ то время мы съ вами, читатель, только еще вступали въ святилище науки, намъ все еще было ново, мы еще не умѣли отличить истинъ всеми признанныхъ, избитыхъ, опошлѣвшихъ вслѣдствіе частаго повторенія, отъ вопросовъ нерѣшенныхъ, изъ-за которыхъ доселѣ спорятъ ученые; самыя общія, обыкновенныя, ничтожныя положенія мы смѣшивали съ важными, особенными, характеристичными явленіями народной жизни. Въ головѣ нашей была путаница, насъ поражала масса незнакомыхъ фактовъ, открытыхъ нами въ нашемъ *источникѣ*, и мы съ гордостью, безъ всякаго выбора и разсужденія, выставляли ихъ на показъ ученому міру, точно какое открытіе, и не подозревая, что все это давно уже, и весьма строго, требуется отъ всякаго на пріемномъ университетскомъ экзаменѣ. Не имѣя понятія ни объ исторической критикѣ, ни о современномъ состояніи знаній, ни о новыхъ научныхъ и общественныхъ требованіяхъ, не умѣя читать хорошенько даже своихъ источниковъ, не въ состояніи будучи сдѣлать даже складнаго извлеченія изъ нихъ, мы принимались свысока трактовать какой-нибудь клочокъ какого-нибудь частнаго событія древности, вырвавъ его изъ связи фактовъ и лишивъ всей его жизненной обстановки. Мы брали Оиванскую гегемонію, законодательство Дракона, жизнь кожевника Клеона или олигарха Критія, Сицилійскую экспедицію, и принимались сочинять. Мы не имѣли ничего порядочнаго прибавить къ нашему источнику: лучше всего было бы намъ перевести его. Но вспомните, читатель: съ одной стороны, сильно говорило въ васъ желаніе сказать что-нибудь свое (почему знать: авось что-нибудь и скажется, думали вы); а съ другой стороны, вы никакъ не могли преодолѣть своей страсти—написать сочиненіе, и сочиненіе ученое, со ссылками на разные источники, съ цитатами на разныхъ языкахъ. А цитаты представлялись вамъ не только украшеніемъ, но даже необходимостью; вы сами обо многомъ только что узнали, составляя ваше сочиненіе, и думали, что безъ цитатъ никто вамъ не повѣритъ. Вы узнали, на примѣръ, о чемъ бы?.. Ну, да что далеко ходить за примѣрамъ... Возь-

мемъ ихъ изъ лежащей передъ нами книжки господина Ведрова. Вы узнали, на примѣръ, читая свои источники, что Алкивіадъ былъ ловокъ и красивъ собой и, воображая, что это новость, сообщаете свое открытіе съ греческой ссылкой на Плутарха и съ латинской—на Корнелія Непота (стр. 14). Вы узнали, что на веденіе войны, кромѣ солдатъ и оружія, нужны еще значительныя издержки денежныя. Это васъ поразило изумленіемъ, и вотъ вы, говоря о томъ, что много вышло у аѳинянъ денегъ на Сицилійскую экспедицію, приводите, для достовѣрности, по-гречески строчку изъ Фукидида, въ которой тоже говорится, что много денегъ вышло изъ Аѳинъ на эту экспедицію (стр. 45). Совѣсть ваша спокойна, а между тѣмъ, и страница имѣетъ ученый видъ, будучи украшена цитатой: незнающій греческаго языка подумаетъ, что въ ней и Богъ вѣсть какая премудрость... Вы узнали также, что Алкивіада, въ его отсутствіе, обвинили въ ниспроверженіи гермовъ,—и опять двѣ строчки изъ Фукидита (стр. 64). Узнали, что Никій, стѣсненный у Эпиполя, принужденъ былъ принять уже оборонительное положеніе, вмѣсто наступательнаго,—и въ подтвержденіе этой новой для васъ истины опять цитируете Фукидита, и опять по-гречески (стр. 95). Такимъ образомъ, сочиненіе ваше пестрѣетъ цитатами, и вы довольны, воображая себя великимъ ученымъ,—хоть сейчасъ годнымъ въ профессора въ лучшей изъ университетовъ... Но для профессора мало ссылокъ, надо еще взгляды. Можно и взгляды... Смысла всего событія вы обсуживать не хотѣли, для васъ самихъ это была вещь довольно темная. Живое отношеніе частныхъ явленій къ общему ходу и значенію главнаго факта вы тоже не сочли нужнымъ прослѣдить,—можетъ быть потому, что на это источниковъ не нашлось... Но вамъ хотѣлось чѣмъ-нибудь показать, что и вы не просто же канцеляристъ, подшивающій бумаги, какъ онѣ слѣдуютъ по нумераціи главъ у Фукидида,—что и вы тоже разсуждать можете. Вотъ вы и принялись разсуждать... Какъ вы разсуждали, читатель, будучи въ гимназій, мнѣ совѣстно напоминать объ этомъ. Такъ и быть,—я пощажу васъ и приведу вамъ для примѣра не ваше разсужденіе, а хоть... разсужденіе г. Ведрова же: оно можетъ напомнить вамъ ваши старинныя замашки. Вы вздумали, на примѣръ, оцѣнить достоинства Алкивіада и Никія, и доказываете, что Никій былъ не только боязливый и дрянной человѣкъ, но еще и безчестный гражданинъ, потому что, подъ видомъ пользы государственной, заботился о своихъ личныхъ интересахъ. Вотъ Алкивіадъ—дѣло другое... Это личность чарующая, и вы приводите его рѣчь, въ которой онъ доказываетъ, что его личные-то интересы именно и полезны государству... Послѣ этого, вы, безъ дальнихъ разсужденій, заключаете, что Алкивіадъ правъ, а Никій только и выказываетъ привязанность къ своимъ домашнимъ дѣламъ (стр. 35). Такъ вы судили тогда, потому что въ васъ еще

сильно было пристрастіе къ печоринскому элементу даже въ исторіи, что вамъ нравилось все заносчивое, надменное, и вы, можетъ быть, даже въ себѣ считали достоинствомъ нахальную безцеремонность и ребяческую самоувѣренность, находя въ нихъ доказательство вашего глубокаго сочувствія и уваженія къ АѢинамъ... Были также у васъ и другія, болѣе или менѣе отвлеченныя и высокія разсужденія о томъ, напр., что бываютъ люди, измѣняющіе своимъ убѣжденіямъ, и все-таки счастливые, а бываютъ и другіе, измѣняющіе—несчастные (стр. 77—78), что бываютъ люди бойкіе на словахъ, но крайне плохіе на письмѣ и на дѣлѣ, а бываютъ другіе—и на словахъ, и на дѣлѣ хорошіе люди, и пр... Всѣ эти размышленія писались вами, читатель, съ плеча, безъ всякой обдуманности и даже съ крайней небрежностью въ языкѣ .. У васъ попадались нерѣдко такія фразы, какими написана книжка г. Ведрова,—напр.: «Слава виновникамъ греческой свободы отъ другихъ народовъ и удивленіе отъ потомства! Достойный подвигъ не съ одними аѢианами, но и съ ихъ союзниками, хотя онъ раздѣленъ съ коринѢянами и лакедемонянами...» (стр. 119). Или: «Θυκιδιδης не говоритъ такъ ясно, но даетъ понятъ изъ своихъ словъ, что искаженіе гермовъ было сложено на Алкивіада его врагами *съ тою же* вѣроятностью, какъ *и то, что* оскорбленіе святыни было дѣломъ враговъ народнаго правленія. Припомнимъ, что и *самый* Никій, желая отклонить *народъ* отъ задуманнаго *ими* предпріятія, указывалъ на олигархическую партію, *зная болѣе* всего, *чѣмъ* страдалъ народъ аѢинскій, что составляло для него вѣчную боязнь» (стр. 12—13). Не замѣчая всей нескладицы своего творенія, вы гордо считали его тогда чуть не докторской диссертацией и подавали своему учителю, въ полной увѣренности, что онъ будетъ повергнуть въ изумленіе вашей ученостью и геніальностью. Но добросовѣстный учитель терпѣливо прочиталъ тогда ваше сочиненіе, отмѣтилъ на каждой страницѣ историческіе ваши промахи и грамматическія ошибки и въ заключеніе, не входя въ серьезный разборъ, котораго вашъ трудъ не стоилъ, замѣтилъ вамъ, что напрасно вы хотите прикидываться ученымъ, не пріобрѣтши даже умѣнья складно выражаться и точно передавать подлинникъ, съ котораго переводите по клочкамъ ваше quasi-самобытное изслѣдованіе; что ваша неразборчивость въ цитатахъ доказываетъ, вмѣсто учености, только полное незнаніе дѣла; что ваши результаты ничтожны, рассказъ вялъ и спутанъ, мнѣнія бездоказательны и нелогичны, что вамъ еще много надо учиться для того, чтобы уразумѣть, какъ и для чего нужно пользоваться источниками. Вы были счастливы, читатель: вы имѣли хорошаго учителя, который остановилъ васъ на пути къ сочинительству и предохранилъ отъ ученаго самозванства; вы не напечатали вашего гимназическаго труда и благоразумно забыли о немъ. Но не всѣмъ выпадаютъ на долю умные учителя, и

многіе на всю жизнь остаются при классической древности гимназическаго курса.

Но мы съ вами, читатель, такъ увлеклись школьными воспоминаніями, что намъ и не остается времени поговорить о книжкѣ г. Ведрова. Впрочемъ, вѣдь мы брали же ее для примѣра: поэтому вы можете сами судить, что это за книжка; школьныя воспоминанія, можетъ быть, дополняютъ вамъ то, что нами не досказано... Не подумайте, однако, чтобы сочиненія г. Ведрова принадлежало къ числу гимназическихъ опытовъ; нѣтъ, г. Ведровъ далеко отъ этого. На брошюрѣ не выставлено, къ сожалѣнію, кто онъ таковой, но, судя по логичности разсужденій и по манерѣ изложенія, мы имѣемъ основаніе думать, что это тотъ самый г. Ведровъ, который издалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, диссертацию объ аѳинскомъ олигархѣ Критіи, гдѣ онъ предъявилъ удивительное открытіе, что Эпаминонда слѣдуетъ называть Эпаминондою, а Пизагора — Пизагорою, на томъ основаніи, что Θому называютъ Θомою.

У пристани. Романъ въ письмахъ, графини Евдокіи Ростопчиной. Девять частей («Библиотека для дачъ», книжки 76—84). Спб. 1857.

Письмо—это все равно, что разговоръ на бумагѣ. Слѣдовательно—новый романъ въ письмахъ графини Ростопчиной относится по своей формѣ собственно къ драматическому роду, въ которомъ талантъ этой писательницы оказывается особенно замѣчательнымъ. Всѣхъ, кто читалъ ея *жалостныя* пьесы: «Кто кого проучилъ», «Уѣдетъ или нѣтъ», и т. п., до сихъ поръ коробить, при воспоминаніи о нихъ, отъ невольнаго кислаго чувства,—точно такъ, какъ всѣ читавшіе ея комедіи: «Нелюдимка», «Семейная тайна» и пр., доселѣ не могутъ удержаться отъ хохота, вспоминая изображенные въ нихъ безтолковые поступки людскіе. Правда, комедіи эти носятъ названіе драмъ, а жалостныя пьесы—комедій, но *le nom ne fait pas la chose*, и мы совсѣмъ не хотимъ изъ ошибочнаго названія выводить какія-нибудь заключенія, неблагоприятныя для самой пьесы. Мы просто говоримъ, что авторъ ошибся, вѣроятно, въ названіи, которое, впрочемъ, могло быть и опечаткой, или даже просто прихотью автора. Одну подобную прихоть знаменитой писательницы мы уже знаемъ. Это было лѣтъ семь или восемь тому назадъ. У «Москвитянина» былъ тогда періодъ школьничества: онъ печаталъ школьныя бесѣды г. Погодина съ гг. Грановскимъ, Соловьевымъ и пр., педагогическія лекціи г. Шевырева, упражненія г. Покровскаго по корректурной и грамматической части, и т. п. Около этого

времени и графиня Ростопчина вздумала помѣстить въ «Москвитянинъ» составленную ею хрестоматію изъ лучшихъ иностранныхъ писателей,—съ собственными объясненіями. Цѣлый годъ печаталась эта хрестоматія, въ которой перепечатано было много стиховъ изъ Данте, Шекспира, Байрона, Гёте и пр., и какъ бы вы думали, какъ она называлась? «Поэзія и проза жизни, романъ въ стихахъ»!!... И хрестоматія нисколько не потеряла отъ этого, а «Москвитянинъ» даже выигралъ: подъ видомъ эпитафій къ роману, онъ цѣлый годъ помѣщалъ на своихъ страницахъ прекрасные отрывки изъ классическихъ писателей...

На этомъ основаніи мы не хотимъ дѣлать никакихъ замѣчаній касательно названія «романъ въ письмахъ». Мы жалѣемъ только объ одномъ: зачѣмъ нѣтъ здѣсь предисловія, въ родѣ того, какое находится при последнемъ изданіи стихотвореній графини Ростопчиной. Оно бы всего лучше объяснило намъ, какъ самъ авторъ понимаетъ своихъ героевъ, и что онъ имѣлъ въ виду при созданіи своего романа. Такое объясненіе со стороны автора необходимо было бы потому, что романъ въ письмахъ, подобно всякому драматическому произведенію, не допускаетъ никакого вмѣшательства автора въ отношенія дѣйствующихъ лицъ и заставляетъ говорить только ихъ самихъ. Такимъ образомъ, во всемъ романѣ авторъ нашелъ возможность сдѣлать отъ себя только два-три замѣчанія въ выноскахъ, въ которыхъ онъ даетъ читателямъ понятіе о томъ, что такое газета *Рискъ* и что за экипажъ *брэжъ*,—предметы, о которыхъ особы, пишущія письма, не считаютъ приличнымъ распространяться... А между тѣмъ, характеръ нѣкоторыхъ лицъ остается довольно загадочнымъ, безъ авторскаго объясненія. Напримѣръ, князь Суздальскій не представленъ, кажется, прямо пустымъ врелемъ, а между тѣмъ вретъ на каждомъ шагу. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ, напримѣръ, что совсѣмъ не знаетъ русской литературы и что недавно прочиталъ только, по указанію сосѣдки своей, «Горе отъ ума»,—а черезъ нѣсколько страницъ толкуетъ о печоринскомъ элементѣ, и въ другомъ письмѣ, еще прежде писанномъ, разсуждаетъ о языкѣ княгини Дашковой въ ея журналѣ. Въ одномъ письмѣ онъ толкуетъ о благосостояніи и просвѣщеніи своихъ крестьянъ, и въ томъ же самомъ письмѣ выражаетъ опасеніе, чтобы русскаго мужика грамота не испортила!.. Въ ноябрѣ 1844 года онъ пишетъ, что ему только тридцать два года, самодовольно вспоминая свои *кутесжи* съ лоретками, а въ январѣ 1845 года, собираясь жениться, онъ вдругъ хочетъ казаться степеннѣе и накидываетъ себѣ три года, увѣряя, что ему тридцать-пять лѣтъ. А между тѣмъ все дѣйствующія лица романа превозносятъ его добродѣтели и стараются выставить его человекомъ, истинно благороднымъ и просвѣщеннымъ. Что хотѣлъ сказать авторъ, ставя своихъ лицъ въ такія мудре-

ныя отношенія? Предисловіе могло бы объяснить это: но авторъ не захотѣлъ предисловія, предоставляя самому дѣлу говорить за себя. Онъ представилъ намъ драматическое произведеніе, не прибавляя ни слова отъ себя, и отыскать его идею, опредѣлить сущность характеровъ, прослѣдить все развитіе дѣйствія въ драмѣ составляетъ уже обязанность критики. Мы принимаемъ на себя эту обязанность, заранѣе сознаваясь, однако, передъ читателями, что мы не могли разъяснить нѣкоторыхъ загадочныхъ вещей въ романѣ, и что нѣкоторыя наши заключенія, можетъ быть, окажутся не вполне вѣрными и удовлетворительными.

Прежде всего поражаетъ насъ двойственность интриги романа: двѣ пріятельницы, Сара и Маргарита, ведутъ между собою переписку и рассказываютъ другъ другу приключенія своей жизни, которыя во всемъ романѣ идутъ совершенно отдѣльно и не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія одни на другія. Авторъ романа такъ хорошо знакомъ съ художественными требованіями, общими для всякаго литературнаго произведенія, что вѣрно не рѣшился бы нарушить ихъ, если бы не имѣлъ въ виду какой-нибудь особенной цѣли. И намъ кажется, что мы нашли эту цѣль. По нашему мнѣнію, авторъ имѣлъ въ виду доказать своимъ романомъ, что все люди, какъ бы они умны или глупы, богаты или бѣдны, добродѣтельны или развратны ни были, все рано или поздно придутъ къ одной общей всемъ *пристани*, то-есть, что все люди смертны. Для такой широкой, всеобщей темы и содержаніе нужно было взять какъ можно шире. Такъ поступали, по крайней мѣрѣ, наши лучшіе сочинители. Г. Загоскинъ, въ романѣ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ», провелъ исторію рода Мирошевыхъ черезъ нѣсколько поколѣній, многократно переходя отъ Петра Кузьмича къ Кузьмѣ Петровичу и обратно отъ Кузьмы Петровича къ Петру Кузьмичу: такъ необходимо было за тѣмъ, что авторъ имѣлъ въ виду изобразить жизнь русскихъ во времена Екатерины Великой. Въ знаменитомъ романѣ «Иванъ Выжигинъ», желающемъ доказать торжество нравственности радъ порокомъ, авторъ также не удовольствовался одной жизнью, а привелъ, по рассказамъ старыхъ людей, читавшихъ его романъ, цѣлое поколѣніе нравственныхъ людей: дѣдушку, сына его и внука—Петра Иваныча, въ нарочито сочиненномъ продолженіи. Имѣя предъ глазами такіе прекрасные примѣры, и графиня Евдокія Ростопчина не усомнилась пожертвовать узкими понятіями о художественномъ единствѣ желанію сколько возможно полнѣе разрѣшить свою высокую задачу. Но такъ какъ истинный талантъ никогда не бываетъ рабскимъ подражателемъ, то и графиня Евдокія Ростопчина уклонилась нѣсколько отъ своихъ высокихъ образцовъ и расширила свою тему не во времени, а въ пространствѣ. Она не удовольствовалась проведеніемъ своей идеи въ жизни одного лица, а взяла

для этого двѣ параллельныя жизни, около которыхъ сгруппировала много другихъ лицъ, соединенныхъ съ главными почти одной только общей мыслью романа (то-есть, тѣмъ, что всѣ они умираютъ) безъ всякихъ побочныхъ интересовъ. Въ этомъ находимъ мы оправданіе двойственности интриги въ романѣ, которая, такимъ образомъ, нисколько не мѣшаетъ строгому единству общей мысли и даже служить къ ея усиленію и подкрѣпленію. Мы полагаемъ даже, что цѣль автора достигнута была бы еще вѣрнѣе, если бы онъ послѣдовалъ примѣру автора великолѣпной трагедіи «Деньги» и уморилъ бы въ своемъ романѣ нѣсколько сотъ человѣкъ. Тогда бы смертность человѣческая была еще неопровержимѣе для всякаго читателя. Впрочемъ, романъ «У пристани» оканчивается напоминаніемъ о Севастополѣ, и, по нашему мнѣнію, это сдѣлано не безъ глубокаго артистическаго соображенія: имя Севастополя служитъ послѣднимъ доводомъ автора, самымъ сильнымъ и даже дѣлающимъ ненужными всѣ остальные доводы. Кто не хочетъ читать романа, тотъ можетъ только заглянуть въ послѣднія его страницы, прочесть на нихъ слово: Севастополь, и въ немъ тотчасъ пробудится мысль о послѣдней *пристани* — смерти, чѣмъ цѣль автора романа будетъ вполне достигнута...

Развитіе главной идеи въ романѣ доказываетъ намъ глубокое знаніе человѣческаго сердца и многостороннюю опытность автора. Субъективная личность автора и его воззрѣнія на жизнь, безъ всякаго сомнѣнія, много участвовали въ созданіи характеровъ романа: иначе невозможенъ этотъ тонкій анализъ женскаго сердца, невозможно это умѣнье выставить наружу сокровеннѣйшія побужденія самыхъ тайныхъ женскихъ страстей, какое показала графиня Евдокія Ростопчина въ исторіи двухъ лицъ своего романа—Сары Волтынской и Маргариты Петровской. Самыя эти лица, оба представляютъ какъ бы разложеніе одного характера на двухъ особъ, такъ что въ этомъ случаѣ графиня Евдокія Ростопчина уподобляется любимому поэту своему—Байрону, который, по словамъ Пушкина, въ каждомъ изъ своихъ героевъ воспроизводилъ какую-нибудь одну сторону собственнаго характера. Разница только въ томъ, что у Байрона менѣе рефлексіи: онъ относится къ созданнымъ имъ лицамъ непосредственно, и оттого страсть представляется у него въ трагическомъ развитіи. Графиня Евдокія Ростопчина, напротивъ, силою рефлексіи отрѣшаясь отъ непосредственнаго увлеченія страстью, заставляетъ ее проходить предъ судомъ неумолимаго разсудочнаго анализа и, вслѣдствіе этого, относится къ ней уже комически, или, точнѣе сказать, сатирически. Въ романѣ, содержаніе котораго мы сейчасъ расскажемъ читателямъ, авторъ поражаетъ своей сатирой легкомысліе людей, надменно резонирующихъ, безъ всякаго прочнаго убѣжденія и съ постояннымъ противорѣчіемъ, какъ между словомъ и дѣломъ,

такъ даже и между самыми словами. Выражается это резонерство преимущественно въ двухъ главныхъ лицахъ романа—Сарѣ и Маргаритѣ. Само собою разумѣется, что подобные характеры всегда заключаютъ въ себѣ достаточное количество глупости, прикидывающейся разумною. Авторъ и въ этомъ отношеніи удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ; его Сара и Маргарита изображены глупыми до невѣроятія. Равнымъ образомъ соблюдено и другое условіе художественной постройки романа—естественность и вѣрность дѣйствительности. Въ дѣйствительности резонеры обыкновенно бываютъ скучны: и авторъ сдѣлалъ письма своихъ героинь непомѣрно длинными и скучными. Романъ «У пристани» напечатанъ въ «Библіотекѣ для дачъ и пароходовъ» и пр. Но мы полагаемъ, что ни одинъ морякъ, послѣ самаго продолжительнаго штиля, не можетъ такъ жадно желать пристани, какъ тотъ, кто на пароходѣ вздумаетъ для развлеченія читать письма резонеровъ этого романа въ письмахъ. И никто, конечно, не станетъ проклинать замедленіе парохода съ такою яростію, какъ тотъ, кто возьметъ съ собою этотъ романъ, чтобы читать у пристани, въ ожиданіи парохода. До того скучны всѣ эти письма!.. Можетъ быть, найдутся близорукіе критики, которые поставятъ это въ вину автору. Мы, напротивъ, видимъ здѣсь великое достоинство... Было бы совершенно нелѣпо, если бы онѣ письма глупыхъ резонеровъ сдѣлалъ живыми и занимательными. Нужно было именно заставить ихъ писать скучно, безтолково, длинно, утомительно. Авторъ все это исполнилъ въ высшей степени совершенно. Можно судить о его искусствѣ и по одному слѣдующему факту: цѣлыхъ два тома (2-й и 3-й) заключаютъ въ себѣ *одно* письмо Сары, наполненное нелѣпѣйшими и длиннѣйшими разсужденіями обо всемъ на свѣтѣ, отъ хаоса, который, по мнѣнію ея, кто-то считаетъ «родоначальникомъ вселенной», до достоинства снгаръ и ловкости юнкеровъ и пажей... Отвѣты Маргариты на письма своей подруги также длинны въ соразмѣрности.

Характеристика этихъ двухъ подругъ представляетъ для насъ только одно затрудненіе: мы боимся слишкомъ рѣзко выразить негодованіе, возбужденное въ насъ противъ подобныхъ женщинъ романомъ графини Евдокіи Ростопчиной. До того онѣ проникнуты суетностью и чувственностью, до того бессмысленны въ своихъ притязаніяхъ, до того нагло-безцеремонны въ своихъ выраженіяхъ, грязно-сальны въ своихъ шуткахъ! Обѣ онѣ—широкія натуры. Одна изъ нихъ сожалеетъ, отчего она не мужчина и не можетъ участвовать въ ихъ *бурныхъ* подвигахъ и въ не менѣе бурныхъ развлеченіяхъ. Другая безпрестанно толкуетъ о своей страсти къ разгулу и удали,—признается, что еще въ дѣтствѣ была влюблена въ Макса Пикколомини и всегда питала особенное сочувствіе къ героямъ въ родѣ Леоне Леони, Ускока и Манфреда. Она ругаетъ неприличными словами современныхъ *гуманистовъ* за

то, что они не умѣютъ жить, какъ предки... А предки, говоритъ она, «пили, ѣли, лихо дрались, *лихо любили* (!) и слегли своевременно въ могилу, не клеветавши ни міра, ни жизни, не гнушаясь даромъ Божиимъ... А вы,—продолжаетъ она въ паѳосѣ,—а вы, жалкіе недоноски будущихъ поколѣній, бездольные междуумки»,—да и пошла... «Вы,—говоритъ—и кутить-то не умѣете, какъ предки: ихъ разгуль былъ размахистѣе и *разземистѣе* (что она хочетъ этимъ сказать!); ихъ развратъ кипѣлъ какимъ-то блистательнымъ увлеченіемъ, какимъ-то гордымъ безстрашіемъ и великодушіемъ, которыхъ въ васъ нѣтъ... Вы пигмеи предъ Ловеласами и герцогами Ришельё прошлаго вѣка... Безсиліе и пустота, вотъ ваша сущность!..» (Т. I, стр. 114). И послѣ такой грозной филиппики на гуманистовъ она прибавляетъ; «Это вопль моего сердца!..» Немудрено повѣрить, судя по ея исторіи... Всѣ письма этой резонерки Сары Егоровны полны подобныхъ выходокъ противъ *вѣлости* нынѣшняго поколѣнія, въ пользу кипучести и ухарскихъ замашекъ прежняго времени. Вообще, удалъ во всемъ ей нравится, и въ русской тройкѣ, и въ растрепанныхъ волосахъ, и въ пьяной оргіи, и въ дикой цыганской пѣснѣ: таковъ ужъ вкусъ у нея. Интересно рассказываетъ о ея любви къ цыганамъ князь Элимъ Суздальскій, тотъ самый шутъ, который, заботясь о просвѣщеніи крестьянъ, пугается грамотности. На святкахъ, онъ вздумалъ сдѣлать елку для дѣтей Сары Егоровны, а ее собственно захотѣлъ потѣшить цыганами, которыхъ, по его словамъ, и выписалъ изъ Нижняго (и тутъ совралъ, конечно: какіе въ Нижнемъ цыгане на святкахъ!.. Другое дѣло — въ ярмарку...). И вотъ какое впечатлѣніе произвелъ на нее цыгане, по разсказу князя Элима. «Вся жизнь ея, вся душа, кажется, перешла въ слухъ и въ какое-то нѣмѣющее ожиданье... Она ожила, она воскресла; душа ея рвалась и кровь кипѣла въ ней, а я, безъ ея вѣдома, читалъ на лицѣ ея всѣ бѣглыя выраженія живыхъ ея ощущеній и волненій. Яркій румянецъ игралъ на ея щекахъ; глаза блистали, дыханье занималось .. нѣсколько разъ обращалась она ко мнѣ, чтобы крѣпко пожать мою руку и горячо благодарить меня за сюрпризъ. Я былъ въ полномъ удовольствіи своего успѣха»!.. (Т. VI, стр. 188). Не по-русски, но сильно выразился князь Элимъ!..—Здѣсь простой разсказъ доходитъ даже до поэтическаго паѳоса, который можетъ быть сравненъ только развѣ съ увлекательнымъ стихотвореніемъ самой же графини Ростопчиной: «Посѣщеніе цыганскаго табора»...

И такая-то удалая женщина безпрестанно впадаетъ въ проповѣдническій тонъ и толкуетъ о нравственности и о религіозности. По ея понятіямъ, впрочемъ, нравственность состоитъ въ ухарскомъ увлеченіи, а религіозность... Но вотъ, какъ она разсуждаетъ объ этомъ предметѣ. Нынѣ, восклицаетъ она, науки не такъ преподаются; всѣ только и хлопчутъ о

томъ, чтобы религію уничтожить... «Кто же виновать, если теперь всё высшія науки приводятъ къ этому ужасному исходу, если философія, геология, отчасти исторія громко и безнаказанно (гдѣ же это?) преподаются такъ, что онѣ должны истреблять всё зачатки вѣры, всё стремленія духовности, если онѣ отрицаютъ идею высшаго начала и *восхваляютъ* (а надо *возбранятъ*?) вещество!.. Кто виновать, если основныя понятія вѣка отвергають все, чему человекъ привыкъ вѣрить и поклоняться, и показываютъ грубый хаосъ родоначальникомъ вселенной и первобытной стихіей, изъ которой долженъ былъ образоваться человекъ? (Вонъ оно, — куда метнула!.. взявшись не за свое дѣло, безтолковая резонерка зарпортовалась: она и позабыла, что сказаніе о хаосѣ читается въ Книгѣ Бытія, а не въ новѣйшей философіи). Кто жъ виновать, что въ нашъ вѣкъ ученые и умные боятся прослыть невѣждами и суевѣрами (желаніе, кажется, довольно естественное!), если они не пытаются идти противъ доводовъ науки и раздѣляютъ мнѣнія высшихъ свѣтилъ, ее проповѣдующихъ?» и т. д. (Т. III, стр. 63—4.) Видите-ли: она думаетъ, что для религіозности необходимо идти противъ науки!.. Тогда, конечно, и религіозность хороша будетъ, — въ родѣ той, какую исповѣдуетъ сама Сара Егоровна. Не угоднולי посмотрѣть, какіе силлогизмы сочиняетъ она, на примѣръ, о Провидѣніи... Разсуждаетъ она совершенно безцеремонно о томъ, кого мужчина легче покорить — женщину или дѣвушку, и заключаетъ:

„Да! всё мы, сколько насъ ни есть, всё мы прямая, настоящія дочери Еввы: всё мы намъ передала общая праматерь свое тревожное любознанье, свою страстную тоску по запретномъ... Всѣхъ насъ неодолимо тянетъ къ запрещенному плоду. Всѣ мы *должны* вкусить его, чтобъ удостовѣриться въ его горечи, познать наше заблужденіе и раскаяться въ нашей винѣ. Безъ того женщина словно не вполнѣ женщина, не достигаетъ своего совершеннаго развитія. Лучшія изъ насъ непременно прошли эту школу. Пересмотри преданья первыхъ временъ христіанства, перебери исторію среднихъ вѣковъ, византійскія легенды, записки XVI, XVII и даже начала XVIII ст., ты увидишь, что всё строжайшія жилицы монастырей и обителей, все, что убѣгало въ пустыни и спасалось въ уединеньи... было приведено къ мирной пристани только бурей житейской... Всѣ онѣ начали любовью, чтобы кончить покаяніемъ и молитвою. Стало быть, есть же какая-то тайная сила, которая влечетъ насъ безъ нашего вѣдома и участія къ исполненію нашей участи... Стало быть, пути Провидѣнія неисповѣдимы (стало быть!!!), и оно заранѣе знаетъ цѣль, которой не видятъ наши близорукіе взоры! (стало быть!). Стало быть, нѣтъ силы и нѣтъ воли, которыя могли бы затаиться и укрыться отъ одного изъ первѣйшихъ условій жизни!“ (Дѣло идетъ все о томъ же запретномъ плодѣ, который всё женщины наслѣдовали отъ праматери Еввы!)... (Т. IV, стр. 85).

Такія безобразныя понятія, призывающія Провидѣніе въ оправданіе своей удали и чувственности, конечно, должны ужасаться движенія здравыхъ философскихъ идей... Помѣшала имъ, видите, геология съ исторіей: зачѣмъ, дескать, безнаказанно преподаются? А какое наказаніе получили учителя, передавшіе вамъ, Сара Егоровна, скандальную исторію дебо-

ширствъ всякаго рода и всѣхъ временъ, которую вы такъ подробно и отчетливо знаете, какъ видно изъ вашихъ писемъ?

Та, къ которой обращаются возванія Сары Егоровны, Маргарита Петровская, тоже—бой-баба и, при размахистости своей натуры, не лишена нѣкоторой экзальтаціи. Она—дѣвушка, но это не налагаетъ на нее какой-нибудь особенной печати: ей уже 30 лѣтъ, она очень опытна и, судя по ея письмамъ, конечно, уже не укрылась отъ «одного изъ первѣйшихъ условій жизни». Съ рѣдкою беззащитчивостью рассказываетъ она мужчинѣ о томъ, какъ другой мужчина, незванный, ломился къ ней въ комнату и пр... Онъ хотѣлъ, говоритъ она, сдѣлать изъ меня свою Аспазію, свою Эгерію... Какъ будто мало на то лоретокъ?—съ гордостью вопрошаетъ она въ заключеніе. Вообще, лоретки составляютъ любимый предметъ ея разсужденій, и она пишетъ о нихъ даже съ сильными претензіями на юморъ. О свойствѣ ея юмора можетъ дать понятіе слѣдующій примѣръ: «Я, конечно, всею душою уважаю и люблю Тихопадскаго,—но *въдь только душою*... А матушка и онъ имѣютъ виды и планы гораздо возмутительнѣе для моей независимости и *безопасности*»... Не правда-ли, что для письма дѣвушки это каламбурецъ довольно игриваго содержанія?..

Но пора намъ оставить характеристику героинь и рассказать содержаніе романа, которое раздѣляется собственно на два содержанія—исторію Маргариты и исторію Сары, не имѣющія между собою ничего общаго, кромѣ того, что обѣ совершенно нелѣпы. Передадимъ сначала исторію Маргариты: она покороче.

Маргарита, дочь бѣднаго украинскаго помѣщика, воспитывается у княгини Г., своей крестной матери, вмѣстѣ съ дочерью ея, Китти. Она получаетъ блестящее воспитаніе, наравнѣ съ княжной, и вводится въ большой свѣтъ. Тутъ на нее обращаютъ вниманіе, и княжна съ княгиней начинаютъ за то преслѣдовать воспитанницу. Преслѣдованіе продолжается два года: она все живетъ у нихъ, очарованная, какъ сама говоритъ, своими свѣтскими успѣхами. Черезъ два года въ нее влюбляется графъ П. (дѣвица Маргарита Петровская чрезвычайно таинственна: она называетъ только буквами своихъ знакомыхъ князей и графовъ). Она тоже полюбила его... Онъ такъ искусно умѣлъ—говоритъ она—бросать мнѣ намеки о нашей будущности, о своихъ намѣреніяхъ!.. Я должна была повѣрить, что эти намѣренія честны и прочны; я повѣрила, я почитала себя невѣстою любимаго и любящаго меня человѣка.

Далѣе слѣдуютъ точки... а еще далѣе графъ П. женится на княжнѣ Китти, извиняясь передъ Маргаритой тѣмъ, что его принудили... Графъ поселяется съ женой въ домъ княгини Г., и Маргарита остается тутъ же,—хотя и могла бы удалиться къ матери. Черезъ полгода послѣ же-

нитьбы, графъ снова началъ за ней ухаживать, сталъ ожидать ее на лѣстницахъ, преслѣдовать по заламъ и явно, открыто говорить о своей страсти. Она была «глубоко уязвлена», какъ сама говоритъ, и рѣшилась обороняться... Легче всего было бы уѣхать, но тогда не было бы геройства. А ей непремѣнно хотѣлось сценъ, борьбы, страданій. Богъ вѣсть ужъ зачѣмъ ей всей этой дряни было надобно... Она осталась ждать и дождалась, разумѣется, до того, что однажды, въ отсутствіе жены, графъ забрался въ комнату Маргариты и хотѣлъ сдѣлать изъ нея свою Аспазію... Она не согласилась; но и этотъ урокъ не проучилъ ее. Она все-таки осталась въ этомъ домѣ, да еще пожаловалась на графа дядѣ его—старика Симборскому, отъ котораго графъ ждалъ богатаго наслѣдства. Симборскій влюбился въ нее самъ и сталъ ей оказывать свое вниманіе, а княгиня Г. и Китти опять стали ее преслѣдовать. Она все ждала и дождалась формальнаго предложенія отъ Симборскаго, отъ котораго однакоже отказалась. Самъ графъ совѣтовалъ ей выйти за старика за тѣмъ, что тогда,—объясняетъ она,—онъ надѣялся успѣшнѣе продолжать свое волокитство. Отказавши Симборскому, Маргарита потеряла послѣднюю защиту и подверглась сильнѣйшему гоненію княгини и Китти и новымъ, ужаснѣе прежняго, преслѣдованіямъ со стороны графа. Наконецъ, ужъ тутъ рѣшилась она уѣхать домой,—къ матери... Пожила она съ матерью немножко и отправилась въ Одессу... Тамъ встрѣтила степеннаго помѣщика Тихонадскаго, котораго полюбила душою, и молодого челоувѣка Краснодольскаго, котораго полюбила сердцемъ. Краснодольскій, какъ само собою разумѣется, былъ образецъ всѣхъ совершенствъ въ глазахъ Маргариты, но ей нельзя было выйти за него, потому что онъ состоялъ уже въ законномъ бракѣ, къ которому принудили его разстроенныя обстоятельства, послѣ слишкомъ сильныхъ кутежей. Онъ въ нее страстно влюбился и пишетъ къ ней письма, ругая въ нихъ жену свою. Она отвѣчаетъ ему въ томъ же родѣ. Между тѣмъ Тихонадскій къ ней сватается; она отказывается. Скоро послѣ того умираетъ мать ея, имѣнье идетъ въ раздѣлъ, и у Маргариты ничего почти не остается. Тихонадскій повторяетъ сватовство, Маргарита снова отказывается, чтобы не потерять своей независимости, и идетъ въ гувернантку къ Краснодольскому для воспитанія его дочери. Жена Краснодольскаго знаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, ихъ прежнія сношенія и неохотно принимаетъ въ домъ свою соперницу, но не препятствуетъ. Маргарита съ своей воспитанницей поселяется въ отдѣльномъ флигелѣ, куда Краснодольскій каждый вечеръ приходитъ къ ней, и потомъ нерѣдко катаетъ ее по полю на лихой тройкѣ... Такъ проходитъ нѣскольکو времени, въ продолженіе котораго Краснодольскій открываетъ связь своей жены съ какимъ-то пройдохю швейцарцемъ и хочетъ съ ней развестись. Маргарита очень рада; по

вдругъ Краснодарскаго подстрѣливаетъ на охотѣ собственный егеръ, подкупленный его женою, и Маргарита идетъ въ монастырь...

Если бы всѣ эти безразсудства она дѣлала въ простотѣ души, то она была бы просто глупа, и слава Богу, разумѣется. Но она себя выставляетъ какою-то героинею, безпрестанно резонируетъ, толкуетъ о высшихъ стремленіяхъ и потребностяхъ, о непоколебимости на пути добра, и т. п. А между тѣмъ, на каждомъ шагу выказываетъ она жалкое невѣдѣніе самыхъ простыхъ законовъ мышленія и общественной жизни, самое кривое пониманіе добра и зла... Оттого она нелѣпа и каррикатурна до отвратительности во всѣхъ своихъ поступкахъ, которые она считаетъ подвигами добродѣтели и самоотверженія. Напримѣръ, она пренаивно рассказываетъ о своихъ ночныхъ прогулкахъ съ Краснодарскимъ и потомъ прибавляетъ: *«иногда, возвращаясь съ нашихъ прогулокъ, мы видимъ яркій свѣтъ въ окнахъ баскетной (предполагается, что тамъ сидитъ жена Краснодарскаго и съ нею швейцарскій пройдоха-гувернеръ), и оба останавливаемся, невольно пораженные одною и тою же мыслью. Въ такія минуты я боюсь взглянуть на него. . Мнѣ совѣстно и стыдно за этого человѣка, оскорбленнаго во всемъ, что наиболѣе затрогиваетъ самолюбіе и гордость мужчины»*. Видите-ли: ей стыдно за него—не потому, что онъ дѣлаетъ глупости, а потому, что его оскорбляютъ... Да чѣмъ же запоздалая бесѣда въ баскетной, да еще при *яркомъ свѣтѣ*, предосудительнѣе уединенной прогулки въ темнотѣ ночной?... Героическая Маргарита никакъ не хочетъ сообразить, что она произноситъ судъ сама надъ собою же... И подобныхъ выходовъ у ней безчисленное множество... Нельзя не сознаться, что этотъ типъ чрезвычайно удался графинѣ Евдокіи Ростопчиной. Трудно представить поведеніе болѣе легкое при болѣе скучномъ и исполненномъ высокими претензій резонерствѣ; трудно представить болѣе отсутствіе здраваго смысла и большую пошлость въ увлеченіяхъ... Типъ, еще болѣе исполненный всякихъ несообразностей въ мысляхъ и въ дѣлахъ, могло начертать только то же перо, которое создало образъ Маргариты Петровской. И графиня Евдокія Ростопчина дѣйствительно исполнила это: она изобразила Сару Волтынскую, и въ ея лицѣ, кажется, окончательно исчерпала свою задачу.

Сара получила, должно быть, довольно легкое воспитаніе, вышла очень молоденькая замужъ за Волтынскаго, черезъ нѣсколько лѣтъ овдовѣла и отправилась съ двоими дѣтьми въ свое имѣнье. Здѣсь познакомилась она съ сосѣдками—Фанной Якимовной и Аграфеной Тихоновной, у которыхъ есть родственничекъ, Александръ Орбиновичъ. Это — малый, способный только бить баклуши, одинъ изъ самыхъ несносныхъ коптителей неба. Онъ годами пятью моложе Сары, и она считаетъ его мальчишкой, на котораго не стоитъ обращать вниманія. Онъ же, при своемъ нравственномъ ничто-

жествъ, не имѣетъ даже и внѣшняго лоска, который могъ бы примирить съ нимъ свѣтскую женщину. Онъ застѣнчивъ, неловокъ, неотесанъ, не умѣетъ поддержать самаго пустого разговора. Сара все это замѣчаетъ при первомъ же знакомствѣ и потому цѣлый годъ они не сходятся другъ съ другомъ. Онъ спасаетъ ея утопавшаго сына, — она ему очень благодарна, обращаетъ на него вниманіе, ходитъ за нимъ, когда онъ дѣлается боленъ отъ простуды въ рѣкѣ; но онъ такъ глупо ведетъ себя, что и тутъ все дѣло оканчивается только усиленіемъ въ ней прежняго отвращенія къ дрянному мальчику. До сихъ поръ все шло хорошо; но тутъ начинаются удивительныя приключенія, которымъ никто не повѣрилъ бы, если бы ихъ не засвидѣтельствовала письменно сама Сара Егоровна. Она начинаетъ съ Александромъ сцены, въ которыхъ выходитъ изъ себя отъ негодованія, уязвленнаго самолюбія, и т. п. Но сама она воображаетъ, что одерживаетъ побѣды надъ мальчикомъ, въ своихъ спорахъ съ нимъ, и высококомѣрно утверждаетъ, что проучила его, дала ему урокъ, и т. п. Тѣмъ не менѣе, по просьбѣ тетки, Фаины Якимовны, она соглашается сопровождать Александра въ его прогулкахъ на лихой тройкѣ. Александру, видите, докторъ велѣлъ непременно ѣздить каждый день, а онъ не хочетъ ѣздить безъ Сары. Такъ говоритъ ей Фаина Якимовна, и, разумѣется, Сарѣ нужно много самодовольной глупости для того, чтобы согласиться сопровождать Александра послѣ такого объясненія... Она, однако, соглашается и даже отчасти мирится съ презираемымъ ею мальчикомъ, замѣтивши признаки ухорства въ его умѣньѣ править лошадьми. Вскорѣ затѣмъ пріѣзжаютъ въ сосѣдство двое офицеровъ и навѣщаютъ Сару. Въ одномъ изъ нихъ она по походкѣ узнала бывшаго пажа: у пажей есть что-то особенно ловкое и аристократическое въ пріемахъ, замѣчаетъ она съ обычной своей проникательностью. Черезъ день, она уже называетъ пажа Гришей, катается съ нимъ, проводитъ длинныя зимніе вечера. Орбиновичъ, какъ ни пусть онъ, смекаетъ, однако, что не худо ему показать опять свою удалъ: онъ является къ Сарѣ во время ея вечерней бесѣды съ Гришей и съ его товарищемъ, г. Лавровскимъ (который, впрочемъ, не имѣетъ ничего общаго ни съ однимъ изъ извѣстныхъ ученыхъ, братьевъ Лавровскихъ), ведетъ себя совершенно дико и производитъ впечатлѣніе. Впрочемъ, безтолковая во всемъ, Сара скоро забываетъ это впечатлѣніе и проводитъ время отъ Рождества и до поста въ танцахъ и катаньяхъ съ Гришей и другими. Орбиновичъ дѣлаетъ ей сцену въ домѣ своей тетушки; она клянется за то никогда не видать его, но потомъ встрѣчается съ нимъ случайно, замѣчаетъ, что онъ вынесъ какую-то борьбу, возмужалъ, то-есть, пріобрѣлъ болѣе ухарское выраженіе, и тутъ — «что-то и охнуло и забилося у ней въ груди»... Это было въ прощальное воскресенье. Чистый понедѣльникъ провела Сара ровно въ какомъ-то оцѣпенѣніи, во

вторникъ Гриша простился съ ней, отъѣзжая въ Петербургъ, и вслѣдъ за нимъ явился Александръ, съ словами: «это я... тотъ уѣхалъ... Богъ съ нимъ»... За этимъ неприличнымъ вступленіемъ послѣдовало колѣнопреклоненіе. Сара «нагнулась къ нему, чтобы поднять его, и, вмѣсто того, обвила рукаму его шею и очутилась въ его объятіяхъ». Поведеніе Сары Егоровны, высокоумной, опытной вдовы, было бы совершенно неизвинительно по своей ребяческой безтолковости даже и тогда, когда бы этимъ все дѣло и оканчивалось. Но развязка ея похождениямъ еще далеко, и чѣмъ дальше, тѣмъ они страннѣе и нелѣпѣе. Кажется, молодая, независимая вдова въ двадцать семь лѣтъ, полюбивши молодого человѣка, котораго тетушка и бабушка давно уже и очень настойчиво намекали ей о свадьбѣ, должна бы позаботиться о порядочномъ концѣ своей любви. Но это было бы для нея очень пошло: такъ могутъ поступать обыкновенныя женщины, которыхъ она называетъ чѣмъ-то среднимъ между лоретками и возвышенными существами, и потому «слово бракъ не было между ними произнесено». Онъ былъ бѣднѣе ея, она была старше его, и «взаимная деликатность сковывала уста». Деликатность эта соблюдалась, однако, только относительно формы: на дѣлѣ было не то, и графиня Евдокія Ростопчина съ истинно-художническимъ тактомъ подмѣтила эту черту безтолковой щепетильности Сары, на словахъ, и цинической безцеремонности, на дѣлѣ, заставивъ ее написать слѣдующее:

„Когда Александръ видѣлъ себя любимымъ, когда онъ всякій день проводилъ со мною длинныя часы, въ полной короткости и непринужденности, съ него мало было, и высшая отрада раздѣленнаго чувства не наполняла ужъ его мятежнаго сердца... Мужчина страстный и чувственный проснулся вдругъ въ капризномъ ребенкѣ; онъ захотѣлъ полнаго торжества себѣ, полнаго самопожертвованья съ моей стороны... Сердце говорило мнѣ, что одна страсть должна повергнуть женщину въ объятія ея любовника. Упорно и добросовѣстно боролась я, пока стало силъ моихъ. Кромѣ чувства долга у замужнихъ женщинъ, кромѣ отвращенья отъ лжи и предательства, я вѣрю, что у всякой женщины, если она не отродье (?) своего пола, есть ее защитникъ—святой стыдъ! Нѣтъ! не мечта и не заблужденье, не предразсудокъ, внушенный воспитаньемъ и страхомъ людей, это тайное, это всеильное чувство, которое изъ каждой изъ насъ дѣлаетъ весталку чистаго огня, хранительницу своей чести; это—чувство, врожденное намъ; оно выражается въ насъ то боязнью, то отвращеньемъ, даже передъ любимымъ человѣкомъ. Чтобъ побѣдить его, нужно намъ высокое (!) самопожертвованье, нужно, чтобъ женщины послѣднимъ доказательствомъ любви своей усвоить себѣ на вѣкъ осчастливленнаго ею, и выкупить его у всѣхъ соблазновъ жизни. И если часъ мой пробилъ, то это потому, что я съ самой собою думала отдать ему всю жизнь мою!.. (Т. III, стр. 34—35).

Не взыщите, что Сара Егоровна такъ нескладно выражается по-русски: лучше она не умѣетъ, несмотря на то, что часто толкуетъ вкривь и вкось о русской литературѣ. Оставимъ въ покоѣ ея языкъ; гораздо болѣе любопытны ея слова, какъ образецъ безстыдства, съ какимъ пустая женщина можетъ иногда говорить о стыдѣ. Это все оттого, что у ней вмѣсто сердца—чувственность, а вмѣсто нравственныхъ понятій—сентенціи, взятая на прокатъ.

Жизни своей съ Александромъ, послѣ того, когда «часъ ея пробылъ» Сара не описываетъ, потому что счастья нельзя описывать, говорить она, и затѣмъ философствуетъ слѣдующимъ образомъ:

„Попытаюсь выразить мысль мою сравненіемъ. Объяснять свѣтъ труднѣе, чѣмъ объяснить мракъ, принимая въ соображеніе, что есть третье состояніе, которое собственно ни свѣтъ, ни мракъ, какъ бываетъ въ пасмурные дни, когда все въ природѣ тускло и безъ отблеска. Но блеснетъ солнце, и лучи его озолотятъ всѣ предметы, придавая имъ вдругъ и прозрачность, и яркость, и округлость, и сіянье — предметы въ сущности своей не измѣнились, но они озарены: это дѣйствіе свѣта!.. (Т. III, стр. 39).

Какъ вамъ нравится эта философія, для которой надо принять въ соображеніе, что «есть третье состояніе, которое не есть ни свѣтъ, ни мракъ...» Таковы всѣ разсужденія этой, немножко фривольной, резонерки: всѣ они начинаются съ какихъ-то среднихъ, неопредѣленныхъ отношеній и вращаются около золотой середины, совершенно безцѣльныя и пошлыя. Таковы же и поступки ея. Цѣлыхъ три года она наслаждается съ Александромъ, и по прежнему взаимная деликатность мѣшаетъ имъ заговорить о свадьбѣ. Онъ поступаетъ съ нею, какъ мальчишка, и ревнуетъ ее ко всѣмъ старикамъ и уродамъ, преслѣдуетъ своимъ гнѣвомъ за всякое неловкое движеніе; а она вдругъ дѣлается предъ нимъ кроткой овечкой, ни слова не смѣетъ сказать ему, мучится, страдаетъ и бѣгаетъ за этимъ мальчикомъ, котораго въ глубинѣ души все-таки презираетъ за его тунеядство, тупую апатію и безтолковость. Но однажды, послѣ сцены съ своимъ возлюбленнымъ, Сара вдругъ, проводивши его, около полуночи, позвонила, созвала весь домъ—дворецкаго, приказчика, няню, весь свой домашній штатъ,—и приказала тотчасъ же готовить все къ отъѣзду въ Москву. «Въ домѣ поднялась тревога», говоритъ она; конечно, старая няня сожалѣла о внезапномъ поврежденіи ея разсудка, а дворецкій увѣрялъ, что она ужъ «съ роду такова». Но Сара, не теряя присутствія духа, среди этой тревоги, сочинила два прощальныхъ письма—къ Александру и къ его теткѣ, которая, говоритъ она, «нетерпѣливо, но съ удивительной скромностью ожидала времени, когда ей будетъ, наконецъ, позволено назвать меня своею племянницею». Бѣдная старушка не знала оригинальной деликатности резонерки.

Изъ Москвы Сара отправилась въ имѣнье своего свекра, Кирилла Захарыча, въ Саратовской губерніи. Она описываетъ характеръ свекра, главнѣйшимъ образомъ обращая вниманіе на интимныя отношенія его къ разнымъ дворовымъ «Лавальершамъ, Монтеспаншамъ и Помпадуршамъ», какъ она выражается. Боязнь-ли потерять наслѣдство заставляеть ее такъ подробно толковать о такихъ щекотливыхъ предметахъ, или просто сердечная склонность,—рѣшить трудно. Хорошо еще, если первое; но, кажется, что въ ней сильны были обѣ эти причины. Такова ея натура и такова, вѣроятно, было воспитаніе, заставившее ее изучить до малѣйшихъ подробностей

тей скандалёзную хронику временъ Людовика XIV и XV и всѣ дебошества старинныхъ временъ. Въ старикѣ, свекрѣ Сары, грубомъ самоурѣ, нравится ей болѣе всего «его феодальное уваженіе къ имени, семейству и роду», да еще то, что «онъ рѣшился лучше пожертвовать цѣлою жизнію, чѣмъ подвергнуться мгновеннымъ насмѣшкамъ общества и свѣта». А самопожертвованіе его состояло въ томъ, что, поскользнувшись какъ-то на балѣ, онъ отъ стыда удралъ въ деревню, и оттуда уже никогда въ свѣтъ не показывался, а прожилъ весь вѣкъ съ своими Помпадуршами. Нечего сказать—высокая черта характера! Въ глазахъ такой женщины, какъ Сара Егоровна, Кирилль Захарычъ, дѣйствительно, долженъ казаться человѣкомъ съ великой энергіей и силою воли!...

У этого-то слабодушнаго сумасброда знакомится Сара съ княземъ Элимомъ Суздальскимъ, тѣмъ самымъ шуткомъ, который бонется грамоты и выписываетъ, для удовольствія Сары, нижегородскихъ цыганъ на святкахъ. Она пишетъ къ своей подругѣ, что князь оказываетъ ей свое вниманіе, и это ее беспокоитъ. «Зачѣмъ? что я ему? что онъ мнѣ?—спрашиваетъ она и прибавляетъ:—онъ честный и благородный человѣкъ, онъ не имѣетъ какой нибудь дурной, непозволительной цѣли. Онъ ничего не хочетъ отъ меня, кромѣ удовлетворенія какого-то страннаго, капризнаго любопытства на мой счетъ...» Это, не знаемъ почему, напомнило намъ восклицаніе Хлестакова: «нѣтъ, вы этого не думайте: я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ... Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ займы рублей триста, ну, тогда совсѣмъ другое дѣло...» Но это въ сторону. Съ Сарой случилось вотъ какое обстоятельство: въ село Кирилла Захарыча явился возлюбленный ея — Орбиновичъ, небритый, неприглаженный, съ измятымъ лицомъ, одѣтый неряхой. Она видитъ его въ первый разъ въ церкви и ужасается. Черезъ нѣсколько часовъ онъ проситъ позволенія видѣть ее, и она, — вы думаете, отказывается отъ свиданія?—нѣтъ, она принимаетъ его въ своей комнатѣ, опасаясь, что «иначе онъ подниметъ шумъ въ домѣ». Шумъ, разумѣется, поднимаетъ онъ въ ея камнатѣ, узнавъ, что она его разлюбила и презираетъ. Въ порывѣ бѣшенства, онъ грозитъ показать ея письма къ нему князю Элиму, котораго считаетъ своимъ счастливымъ преемникомъ. Сара страшно изумляется такому мнѣнію, потому что она до сихъ поръ и мысли не имѣла о князѣ Элимѣ, по ея собственному признанію. Она оправдывается передъ Александромъ и прогоняетъ его отъ себя, а потомъ ложится въ постель, сказавшись больною. Черезъ нѣсколько часовъ входитъ къ ней князь Элимъ, и говоритъ: «Сара Егоровна! вы не больны, вы огорчены, удостойте меня вашего довѣрія». Она и удостоиваетъ, — такъ, ни съ того, ни съ сего. Въ письмѣ къ Маргаритѣ, она, потомъ, обругавъ прежняго возлюбленнаго «подлецомъ», увѣряетъ, что какой-то «добрый геній

шепнулъ ей ему (Элиму) повѣрить все». И продолжаетъ: «я заглушила въ себѣ голосъ приличій свѣтскихъ (да и всякихъ), — сопротивленіе женской скромности, ложный стыдъ за старые грѣхи... Я вылила всю душу, высказала все сердце. Откуда что бралось!..» (Томъ VII, стр. 111). Подлинно, что такъ: откуда что бралось! Князь Элимъ, какъ настоящій шутъ, выслушавъ признаніе, ту же минуту самъ дѣлаетъ ей декларацію въ любви, — и она ту же минуту падаетъ къ нему въ объятія, и говоритъ: «да»... Казалось бы, хоть тутъ могъ быть конецъ глупостямъ. Но нѣтъ: на другой день князь Элимъ письменно дѣлаетъ Сарѣ формальное предложеніе; она соглашается, но требуетъ, чтобы ея рѣшеніе оставалось до времени въ тайнѣ!

Князь Элимъ соглашается. Проходитъ два мѣсяца, свекра Сары разбиваетъ параличъ; она ухаживаетъ за старикомъ, и свадьбы быть не можетъ. Вдругъ, черезъ мѣсяцъ еще, получаетъ она отъ тетки Александра письмо, съ извѣщеніемъ, что бабушка его умираетъ и что только пріѣздъ Сары можетъ спасти ее отъ смерти. Сара, все болѣе теряя употребленіе разсудка, бросаетъ все и ѣдетъ. Пріѣхавъ туда, находитъ, что старуха не умираетъ, а просто груститъ по внукѣ, и вызвала Сару затѣмъ, чтобы отправить ее въ Москву за Александромъ, который совсѣмъ отбился отъ рукъ и кутитъ тамъ напропалую. Вы думаете, что она разсердилась на это предложеніе, что человѣческое безуміе не можетъ простираться до согласія на такія вещи? Ошибаетесь: она поѣхала, вмѣстѣ съ теткой Александра, и «отправилась его отыскивать по Москвѣ, *въ полночь*»!.. Нашли онѣ его гдѣ-то на Плющихѣ, въ домѣ, знакомства съ которымъ мы никакъ не рѣшились бы подозрѣвать въ сочинительницѣ писемъ, столь возвышенно резонирующихъ. Между тѣмъ, описаніе этого дома, его обитателей и пьяной оргіи, въ немъ происходящей, принадлежитъ къ самымъ живымъ и душевнымъ мѣстамъ романа: несомнѣнно, что Сара Егоровна въ самомъ дѣлѣ хорошо знакома съ подобными жилищами и съ ихъ бытомъ. Въ комнату, куда вошла Сара съ теткой Александра, нѣсколько пьяныхъ встрѣтили ихъ привѣтствіями такого рода: «милости просимъ, красотки! Къ кому же вы? Все равно, пожалуйста!.. Мы добрые ребята, съ нами не соскучитесь»... Наши искательницы приключеній доблестно отбились отъ всѣхъ нападеній и заставили, наконецъ, провести себя къ Александру, хотя имъ и говорили, что «наврядъ-ли онъ можетъ видѣть васъ». Онѣ нашли его «въ крошечномъ альковѣ, гдѣ была кровать, на которой сидѣла женщина, очень недурная, но съ наглою, дерзкою фізіономіею, носящею отпечатокъ безнравственности и порока. Подъ ногами у нея была скамейка, на скамейкѣ сидѣлъ человѣкъ въ грязномъ халатѣ, небритый, немытый, нечесанный, и упирался головой на колѣни этой женщины; то былъ Александръ Орбиновичъ»... Онъ былъ пьянъ; но Сара начинаетъ ему проповѣдывать о любви

къ теткѣ. Онъ говоритъ, что всѣ женщины равны, лишь были бы хорошенькія, и цѣлуется съ своей Полей, приговаривая, что она—славная дѣвка, стоитъ всякой барыни... Кажется, ясно: Сарѣ надобно хотъ сейчасъ отправляться къ своему Элиму. Не тутъ-то было: на другой день она опять является съ теткой къ Александру; Полю выталкиваютъ въ шею за двери, а его перевозятъ на другую квартиру и начинаютъ лѣчить. Сара за нимъ ухаживаетъ. Такое нелѣпое поведеніе, наконецъ, выводитъ изъ себя самого князя Элима: онъ пишетъ Сарѣ письмо, въ которомъ проситъ ее оставить Орбиновича. Оно не слушается, потому что Фаина Якимовна проситъ ее дожидаться выздоровленія Орбиновича, а сама, къ довершенію нелѣпости, уѣзжаетъ въ деревню, гдѣ умираетъ бабушка Аграфена Тихоновна. Сара остается одна съ больнымъ, въ отдѣльномъ флигелѣ въ Москвѣ. Князь Элимъ какъ разъ въ это время проѣзжаетъ черезъ Москву въ Петербургъ и, побывавши на дворѣ того дома, гдѣ живетъ Сара съ Александромъ, спросилъ обо всемъ у дворника и уѣхалъ, чтобы не тревожить Сары, а потомъ прислалъ ей письмо, въ которомъ рассказалъ, что былъ у нея и что черезъ десять дней опять будетъ въ Москвѣ и возьметъ ее съ собой въ деревню. Для этого она должна оставить Орбиновича, ждать его въ гостинницѣ Дрезденъ или у Мореля. Она перебирается въ Дрезденъ, Александръ прибѣгаетъ туда къ ней, грозитъ застрѣлиться, дѣлаетъ страшный скандалъ и падаетъ въ безпамятствѣ. Его оставляютъ въ той же гостинницѣ. Между тѣмъ, князь Элимъ, пробывши въ Петербургѣ дольше, чѣмъ рассчитывалъ, предположилъ, что Сара уже уѣхала безъ него и, не справившись о ней въ гостинницѣ, уѣхалъ изъ Москвы одинъ. Она узнала объ отъѣздѣ его изъ газетъ и предположила, что онъ ее бросилъ за тотъ скандалъ, какой надѣлалъ съ нею Орбиновичъ. Вышло, видите, взаимное недоразумѣніе, достойное такихъ недоумковъ, какъ Сара и Элимъ. Вообразивши свое несчастіе, Сара рѣшается уже остаться до конца съ Александромъ и проводить его въ деревню къ бабушкѣ. Но мелкая душонка ея и тутъ не выдерживаетъ: она начинаетъ мучить и дразнить больного, чтобы выместить на немъ свою досаду. Несмотря на то, черезъ мѣсяцъ, бабушка, умирая, проситъ ее выйти замужъ за Александра, и она соглашается!.. На другой день Элимъ, провѣдавъ наконецъ, гдѣ она, является къ ней и разрѣшаетъ недоразумѣніе; но уже поздно... Она обручена съ другимъ, при постели умирающей Аграфены Тихоновны. У князя Элима достало столько смысла, чтобы сказать Сарѣ, что это вздоръ, что она можетъ избавиться отъ своего обязательства... Но она пишетъ ему мелодрамное объясненіе, въ которомъ говоритъ: нѣтъ, Элимъ, нѣтъ, князь!.. Ужели я обману покойницу, и пр., на двѣнадцати страницахъ. Впрочемъ, это не рѣшимость, а опять только малодушіе; она ищетъ лазейки, надѣется,

ждетъ и еще цѣлый годъ не вѣнчается съ Орбиновичемъ. Наконецъ, она рѣшается на послѣдній шагъ, и то со злости: Орбиновичъ взбѣсился на нее, услыхавъ, что Элимъ ѣдетъ туда, гдѣ они живутъ, и попрекнулъ ее... Она взбѣсилась на Орбиновича и на завтра назначила день свадьбы... Элимъ отправляется путешествовать; Александръ на пятый годъ послѣ женитьбы умираетъ. Сара еще разъ видится съ Элимомъ на бастіонѣ Севастополя, гдѣ онъ былъ раненъ, а она была въ числѣ сестеръ милосердія.— Въ заключеніе авторъ говоритъ: стало быть, названіе этой длинной повѣсти не солгано: всѣ дѣйствующія лица *у пристани*, каждый по своему, кто уже въ томъ мірѣ, кто еще въ этомъ, но уже готовый къ тому...

Намъ утомительно было пересказывать эту длинную исторію, въ которой женщина, толкующая о нравственности, о возвышенныхъ чувствахъ и о разумныхъ требованіяхъ, ведетъ себя такъ пошло, безумно и безнравственно... Но тѣмъ сильнѣе наше удивленіе къ искусству автора, умѣвшаго представить такую невообразимую, чудовищную несообразность со здравымъ смысломъ въ поведеніи женщины резонерки, сочиняющей письма въ два тома величиною... И, что всего замѣчательнѣе, авторъ ни на минуту не выпустилъ изъ виду своей роли драматическаго писателя: онъ нигдѣ не высказываетъ своего личнаго воззрѣнія на своихъ героевъ... Напротивъ, онъ до того входитъ въ ихъ положеніе, до того проникается ихъ интересами, что излагаетъ ихъ чувства и убѣжденія совершенно такъ, какъ будто свои собственные. Несмотря на весь комизмъ водевильныхъ положеній дѣйствующихъ лицъ, несмотря на баснословную глупость и анекдотическую пошлость героевъ, авторъ ни разу не поддался искушенію выставить ихъ искусственно въ комическомъ свѣтѣ... Напротивъ, герои превозносятся друга друга совершенно серьезно, безъ малѣйшаго юмора, и даже Сара Волтынская описывается какъ «единственная женщина съ душою свѣтлою и теплою, какъ солнце, твердою и непоколебимою, какъ гранитъ», и пр. Это умѣнье автора не выказывать своего взгляда на изображаемыя личности — можетъ, пожалуй, онять ввести многихъ въ заблужденіе. Могутъ подумать, судя по тону изложенія, что авторъ серьезно считаетъ свои лица людьми честными, благородными и неглупыми. Это было бы, безъ сомнѣнія, очень грустно для автора, и потому мы думаемъ, что, рѣшившись на такой подробный разборъ романа, оказываемъ автору услугу, ставя читателей на настоящую точку зрѣнія. И кто станетъ на эту точку, тотъ найдетъ въ романѣ графини Евдокіи Ростопчиной неисчерпаемый источникъ комическихъ сценъ, положеній и характеровъ... Забавнѣе Сары Егоровны, съ ея безконечными разглагольствіями, двухъ-томными письмами, обличеніями современныхъ идей, страстью къ ухарству и цыганамъ, мелочностью и чувственностью, цитатами изъ временъ регентства, противорѣчіями, самыми дикими

и безтолковыми, — забавнѣе ея мы не знаемъ ни одной женщины въ русской литературѣ. Нѣкоторое слабое ея подобіе представляетъ госпожа Каурова въ пьесѣ: «Завтракъ у предводителя», но не болѣе, какъ слабое. Совершенное же полное и живое выраженіе этого типа представила намъ нынѣ графиня Евдокія Ростопчина.

Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Выпускъ I. Спб. 1857.

Давно уже въ Петербургѣ носились слухи о «Сборникѣ», предпринятомъ студентами университета. Съ осени прошлаго года, въ кружкахъ, близкихъ къ университету, безпрестанно слышались толки о предполагаемомъ изданіи, изъ котораго одни дѣлали журналъ, другіе — учено-литературный сборникъ, третьи — просто сборникъ студентскихъ диссертаций. Сначала находились скептики, отвергавшіе возможность подобнаго изданія; но 26-го октября 1856 года подано было студентами формальное прошеніе въ Совѣтъ университета, а 30 января 1857 года вышло разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія касательно изданія студентскаго «Сборника». Не теряя времени, студенты принялись за работу. Немедленно во всѣхъ журналахъ и газетахъ напечатаны были объявленія объ изданіи, повѣщены публикѣ имена редакторовъ, на которыхъ возлагалась отвѣтственность изданія, разосланы во всѣ концы Россіи и даже за-границу особо напечатанныя программы изданія, приглашенія, и пр. Въ одной изъ этихъ программъ было сказано, что «Сборникъ студентскій» хочетъ, между прочимъ, служить отзывомъ на призывъ, обращенный ко всѣмъ студентамъ издателями журнала «*Voix des écoles*». Это многихъ поставило-было въ недоумѣніе относительно характера ожидаемаго студентскаго изданія, — такъ какъ извѣстно, что «*Voix des écoles*» помѣщаетъ у себя школьные анекдоты, игривые разборы сорбонскихъ лекцій, и т. п. Но вскорѣ всѣ успокоились, когда объявлено было, что студентская редакція поступаетъ подъ надзоръ одного изъ профессоровъ, М. И. Сухомлинова, извѣстнаго нашего молодого ученаго. Кромѣ того, студенты обращались къ нѣкоторымъ высокимъ особамъ, ученымъ и литераторамъ, съ просьбою ободрить ихъ начинаніе. Такъ обратились они къ С. Т. Аксакову, какъ автору «Семейной хроники» и «Записокъ объ уженьи рыбы и о ружейной охотѣ», — столь памятныхъ русской публикѣ; такъ обратились они къ Н. И. Пирогову, какъ знаменитѣйшему изъ нашихъ врачей хирурговъ. Г. Аксаковъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ начинанію студентовъ и очень имъ благодаренъ за ихъ вниманіе; г. Пироговъ же написалъ имъ,

между прочимъ, слѣдующее: «Если вы уже научились имѣть убѣжденія, и если вы уже имѣете убѣжденіе, что ваша дѣятельность будетъ полезна, тогда, никого не спрашиваясь, вѣрьте себѣ, и труды ваши будутъ именно тѣмъ, чѣмъ вы хотите, чтобъ они были. Если нѣтъ, то ни совѣты, ни убѣжденія не помогутъ» («Спб.», стр. VI пред.).

Ободренные, такимъ образомъ, высокимъ вниманіемъ просвѣщенныхъ особъ, студенты, подъ руководствомъ профессора Сухомлинова, приступили къ трудамъ по изданію. Учреждены были сходки студентовъ-редакторовъ черезъ каждыя двѣ недѣли на квартирѣ профессора-редактора, а 20 апрѣля былъ даже большой сходъ въ одномъ изъ залъ университета. Этотъ сходъ удостоенъ былъ посѣщеніемъ нѣсколькихъ любителей и любительницъ просвѣщенія, не принадлежащихъ къ университету. Одна изъ дамъ написала въ редакцію восторженное письмо, которое тоже напечатано въ «Сборникѣ». Письмо полно энтузіазма.—«Я вполне сознала,—говоритъ неизвѣстная дама,—чего можно ожидать отъ всѣхъ этихъ пылкихъ головъ, отъ этихъ орлятъ, пробующихъ крылья... И закралась во мнѣ мысль, что въ журналѣ этомъ скажется слово и за женщину, что захочетъ молодое поколѣніе и въ будущихъ спутницахъ своихъ найти достойныхъ сотрудницъ, потому что вѣдь дѣло вѣковъ поправлять не легко... И позаботится молодое поколѣніе заранѣе научить женщину быть счастливою, основывая свое счастье на счастіи всѣхъ ее окружающихъ, научить женщину сбросить пустую жизнь, убивающую всякую нравственную дѣятельность»... и пр., въ томъ же родѣ... Редакція ничего не прибавляетъ къ этому письму; но уже самое напечатаніе письма служитъ доказательствомъ, что она надѣется, съ своимъ почтеннымъ руководителемъ, исполнить всѣ надежды, высказываемыя восторженною корреспонденткой; иначе къ чему было и печатать ея письмо?

Впрочемъ, первый выпускъ, являющійся нынѣ, какъ результатъ всего, описаннаго выше, движенія, еще не выполняетъ ни одной изъ этихъ надеждъ. Въ немъ находимъ направленіе скорѣе чисто научное, нежели общественное. Большихъ статей въ первомъ выпускѣ четыре: «О Герберштейнѣ», гг. Григоровича, Корелкина и Новикова (сводъ въ одно трехъ диссертаций); «Теорія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функций», статья А. Коркина; «Гюлистанъ Саади», статья Ю. Богусевича; «О новгородской судной грамотѣ», статья Э. Панова. Достоинство всѣхъ этихъ разсужденій, какъ студентскихъ трудовъ, не нуждается въ нашемъ сужденіи: всѣ они напечатаны съ одобренія профессоровъ, къ факультету которыхъ относятся. Изъ профессорскихъ отзывовъ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ», видно, что за авторами признаны и знаніе источниковъ и пособій, и трудолюбіе, и умѣнье правильно подбирать данныя, и логическая по-

слѣдовательность, и ясность изложенія. Конечно, нельзя отъ «Сборника» студентовъ ожидать какихъ-нибудь новыхъ плодотворныхъ взглядовъ на науку, замѣчательныхъ открытій, и т. п.,—нельзя, кромѣ другихъ причинъ, уже и по самой организаціи изданія, какъ она теперь установлена. Но все же и въ этихъ статьяхъ, составляющихъ вообще не болѣе, какъ подробнѣйшее развитіе профессорскихъ лекцій и мнѣній, — гораздо уже болѣе значенія, нежели въ «Трудахъ» разныхъ воспитанниковъ, издававшихся въ былое время другими заведеніями. Тамъ видали мы переводы, въ видѣ критическихъ обзоровъ, перифразы ненапечатанныхъ профессорскихъ записокъ, водяные историческіе рассказы по учебникамъ, да еще развѣ какія-нибудь глоссы, копотливо приведенныя въ алфавитный порядокъ, чѣмъ и ограничивались всѣ многотрудныя соображенія автора. Здѣсь, напротивъ, мы видимъ дѣйствительно, если не настоящую ученость, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое знакомство съ учеными приемами. Здѣсь же видимъ мы и торжество той школы, которая отвергаетъ общіе взгляды и видитъ настоящую пользу университетскихъ занятій въ изученіи мелочей и частныхъ. Известно, что есть люди, которые, занесшись слишкомъ высоко, полагаютъ, что юношество, вступающее въ университетъ, достаточно уже запаслось частными знаніями и фактами всякаго рода еще въ среднихъ заведеніяхъ, и что въ университетѣ оно уже должно изучать философію науки; что здѣсь должны господствовать духъ и идея, а буква и всѣ мелочи должны служить только для напоминанія, и потомъ для повѣрки. Эти люди жестоко ошибаются. Гораздо лучше ихъ понимаютъ положеніе нашихъ университетовъ тѣ, которые держатся мнѣнія совершенно противоположнаго. Они совсѣмъ и не думаютъ о какихъ-нибудь взглядахъ, они рассуждаютъ такъ: «если человѣкъ посвятитъ всю жизнь такому-то предмету, то, можетъ быть, и взглядъ какой-нибудь составитъ; а если нѣтъ, то на что ему взгляды? Будетъ только судить и рядить, не понимая дѣла. Пусть же лучше займется, какъ слѣдуетъ, основательно». И на этомъ основаніи, вмѣсто философіи языка, читается просто перечень всѣхъ корней словъ въ языкѣ, или пространно толкуется о разныхъ тонкостяхъ правописанія, напримѣръ, съ большой или маленькой буквы писать прилагательныя, произведенныя отъ именъ собственныхъ. Вмѣсто обзора исторической жизни, останавливаются, по нѣскольکو лекцій, на томъ, что значить какой-нибудь аористъ вмѣсто прошедшаго совершеннаго въ какомъ-нибудь греческомъ источникѣ. Вмѣсто характеристики писателя, представляютъ полное собраніе достовѣрныхъ, но разнорѣчащихъ свидѣтельствъ о томъ, какого числа онъ родился, на какомъ году написалъ первое стихотвореніе и на какой улицѣ жилъ передъ смертью. Въ такомъ же родѣ даютъ труды и студентамъ: сличить два изданія древняго памят-

ника, подвести варианты къ изданію по рукописи, сдѣлать сводъ всѣхъ свидѣтельствъ, въ которыхъ упоминается такое-то имя, и т. п. Студенты работаютъ и, отвыкая отъ бесплодныхъ высшихъ взглядовъ, пріучаются къ серьезному, основательному труду, начинаютъ находить вкусъ въ занятіяхъ и пріобрѣтаютъ усидчивость и ту примѣтливость къ мелочамъ, которая такъ необходима истинному ученому. Правда, при такомъ направленіи, грозитъ имъ опасность остаться при однѣхъ мелочахъ; но это, собственно, не бѣда: все-таки хоть что-нибудь да есть, вмѣсто пустоты общихъ взглядовъ. Намъ могутъ возразить, что самое тщательное, мелочное изученіе предмета можетъ быть помирено съ живымъ и широкимъ взглядомъ на него. Но такое примиреніе нужно будетъ предоставить уже истинно ученымъ, какихъ у насъ крайне мало, а не студентамъ нашихъ университетовъ, для которыхъ лѣтописи и Мишле, варианты ериковъ въ древнихъ спискахъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ — вещи рѣшительно несомѣстимыя. Если наши студенты будутъ рѣшаться на высказыванье собственныхъ общихъ взглядовъ, то обнаружатъ только бѣдность своихъ знаній и безсиліе своей мысли, которая весьма легко скрывается при занятіи частностями предмета. Напримѣръ, гг. Григоровичъ, Корелкинъ и Новиковъ представили сводную диссертацию свою о Герберштейнѣ. Все, что говорятъ они, не ново со времени Аделунга и Карамзина. Сначала идетъ біографія Герберштейна, составленная по сочиненію Аделунга; далѣе разбирается достовѣрность извѣстій Герберштейна о Россіи и перебираются лица, общавшія ему свѣдѣнія, рассматриваются обстоятельства, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, приводятся древніе памятники, бывшіе у него въ рукахъ. Все это не болѣе, какъ подробнѣйшее развитіе разныхъ намековъ и указаній Карамзина, съ добавленіемъ кое-какихъ свѣдѣній, добытыхъ послѣ него нашими учеными. Но все же здѣсь видно трудолюбіе и внимательное изученіе предмета, какъ напримѣръ, въ томъ отдѣлѣ, гдѣ диссертация слѣдитъ за Герберштейномъ въ его изложеніи русской исторіи и указываетъ подробнѣйшимъ образомъ, гдѣ онъ не понялъ лѣтописи, гдѣ сократилъ ея рассказъ, гдѣ измѣнилъ, гдѣ прибавилъ свое слово. При такомъ строго ученомъ слѣдованіи, трудно по крайней мѣрѣ впасть въ заблужденіе. Можно, конечно, дѣлать ошибки и тутъ, но и ошибки эти могутъ быть только такого свойства, что будутъ доказывать развѣ недостатокъ сообразительности и ограниченность круга зрѣнія автора. Совѣмъ другое дѣло — статья г. Ю. Богушевича о Гюлистанѣ, въ которой авторъ широко раскидываетъ свои взгляды, выдавая за новость, что на Востокѣ умственный застой и что исламъ ниже христіанства. Съ этими высокими взглядами г. Богушевичъ добился только того, что и профессоръ (г. Березинъ) замѣтилъ въ немъ недостатокъ историческаго изученія, и даже

редакція «Сборника» сама созналась, что статья «не выдерживаетъ исторической критики». Да еще и это все куда бы ни шло. Вышло нѣчто, еще болѣе неудачное: въ своемъ задорномъ стремленіи доказать злобредность ислама, г. Богушевичъ, истощивши всѣ силы своей мыслительной способности, прибѣгъ къ пособію реторики, которая увлекла его къ тирадамъ въ родѣ слѣдующей:

«Послѣ первыхъ вѣковъ бурной жизни, когда исламъ разливался кровавою лавою, съ быстротою и неудержимостью горнаго весенняго потока, потрясая умы своимъ палящимъ фанатизмомъ и возбуждая ихъ къ новой жизни и дѣятельности,—послѣ этихъ первыхъ вѣковъ, когда страшный потокъ разлился въ разныя стороны и потерялъ единство своей идеи и цѣли, все застыло и превратилось, подобно лавѣ, въ твердую, почти безжизненную, бѣдно-производительную массу, такъ, что тотъ же исламъ, который прежде двинулъ Востокъ такъ далеко впередъ, на извѣстныхъ предѣлахъ остановилъ его, повисъ надъ нимъ неодолимою судьбою и надолго запечатлѣлъ его роковою печатью неподвижности» (стр. 181).

Подобныя тирады бывають роковыми для ихъ авторовъ: трудно ужъ подняться хоть сколько-нибудь въ глазахъ читателя, сунувши ему въ глаза такихъ десять строчекъ. Онъ ужъ все такъ и будетъ думать: «да нѣтъ,—это все какая-то нескладная аллегорія. Лава, кровь, весенній потокъ съ палящимъ фанатизмомъ, теряющій единство своей цѣли и вдругъ повиснувшій судьбою. Нѣтъ, это все не клеится. Вѣрно, и всѣ взгляды автора таковы же». И читатель будетъ имѣть право дѣлать такое сужденіе, потому что отъ всякаго, кто пускается въ высшіе взгляды, всегда требуются не громкія фразы, а ясное, отчетливое убѣжденіе, которое въ изложеніи должно быть доведено до простоты и осязательности факта. Для такого изложенія нужно въ самомъ дѣлѣ овладѣть предметомъ, и вотъ почему мы говоримъ, что для нашихъ студентовъ гораздо выгоднѣе заниматься разработкой частныхъ, нежели пускаться въ общіе обзоры. Тамъ можно и не доглядѣть многого, и обойти многое—бѣды не будетъ. Напримѣръ, возьмемъ хоть ту же диссертацию о Герберштейнѣ: несмотря на подробный разборъ содержанія его записокъ, несмотря на множество ученыхъ сличеній, читатель, по прочтеніи всей диссертации, остается въ полномъ недоумѣніи относительно внутренняго характера Герберштейновыхъ записокъ, относительно его понятій, взглядовъ и убѣжденій. Авторы говорятъ, что это былъ мужъ ученый, добросовѣстный, любознательный, и т. п., но существа его характера, его мнѣній не объясняютъ нисколько. Двухъ страницъ, конечно, достаточно было бы, чтобы дать полную, живую, отчетливую характеристику Герберштейна; но эти двѣ страницы должны бы были потребовать несравненно болѣе предварительнаго труда и учено-

сти, чѣмъ сколько ея потрачено на всю диссертацию, тремя авторами совокупно. Всякій понимаетъ это и не требуетъ невозможнаго. Читатель, по прочтеніи диссертациі спрашиваетъ себя: что же этотъ Герберштейнъ,—приближается-ли онъ къ флетчеровскому роду, или представляетъ что-то въ родѣ «Путешествія по Святымъ мѣстамъ русскимъ»—или «Страствія въ Малороссію», князя Петра Шаликова? Но отвѣта на такой вопросъ никто уже не станетъ требовать отъ студентовъ, видя, что они, съ своей стороны, разсмотрѣли данныя совершенно другого рода, бывшія имъ болѣе по силамъ. Это обстоятельство можетъ быть даже полезно: иной читатель, послѣ статьи о Герберштейнѣ, обратится самъ къ его запискамъ и прочтетъ переводъ ихъ, начало котораго напечатано въ первомъ же выпускѣ «Сборника». Вотъ о переводѣ нельзя не сказать, что это дѣло полезное. Жаль, что студенты не взялись за это дѣло въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Если бы они даже весь свой «Сборникъ» наполнили переводами иностранныхъ произведеній, по чему-нибудь замѣчательныхъ, то, конечно, ни отъ кого не услышали бы ничего, кромѣ благодарности. Именно такого рода труды всего болѣе удобны для студентовъ.

Кромѣ большихъ статей въ «Сборникѣ» напечатано еще нѣсколько мелкихъ библиографическихъ замѣтокъ о Новиковѣ, Воейковѣ и пр. Здѣсь напечатанъ, между прочимъ, «Сумасшедшій домъ», Воейкова. Остальное все составляетъ перепечатку изъ разныхъ старинныхъ изданій. Мы не считаемъ слишкомъ драгоценными подобныя случайныя перепечатки и замѣтки. Особенной занимательности для всей публики такія мелкія указанія имѣть не могутъ, для библиографа же едва-ли составятъ большое облегченіе. Пройдетъ пять, десять лѣтъ, и нынѣшнія изданія также будутъ старыми. Библиографъ, занимающійся хоть литературой двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, пересмотритъ тогдашніе журналы и альманахи, и его дѣло сдѣлано. А тутъ, между тѣмъ, подвертываются еще неспосные журналы пятидесятыхъ годовъ, въ которыхъ тоже напечатаны замѣтки о тогдашней литературѣ. Нужно рыться и въ нихъ, и на это, пожалуй, пойдетъ труда еще больше, чѣмъ на самое дѣло. А окажется, что здѣсь только перепечатано то же самое, что было въ журналахъ двадцатыхъ годовъ. Пора бы нашимъ библиографамъ понять, что ихъ труды получаютъ нѣкоторое значеніе только при массѣ свѣдѣній, и что отрывочныя, мелкія указанія вовсе и не стоитъ выпускать на божій свѣтъ, затѣмъ только, чтобы они, затерянные въ старыхъ изданіяхъ, еще разъ затерялись въ новыхъ. Совсѣмъ другое—указатели или сборники довольно значительныхъ размѣровъ: тѣ могутъ замѣнять сотни томовъ, въ тѣхъ можно всегда навести нужную справку. А то, что бы было, если бы журналы принялись, на примѣръ, печатать въ Смѣси хоть областныя слова и пословицы, да и помѣщали

бы по десятку словъ да по парѣ пословицъ въ каждой книжкѣ? А что еще, если бы собиратели этихъ словъ стали гордиться своими трудами и придавать имъ важное значеніе для науки?

Въ заключеніе, не можемъ не замѣтить въ «Сборникѣ» статьи г. Богушевича: «Новое предпріятіе нашихъ студентовъ». Это предпріятіе касается сочиненія и изданія учебниковъ по восточнымъ языкамъ, т.-е. грамматикъ, словарей и хрестоматій. Всѣхъ изданій насчитано 36. Дѣло еще «остается пока мыслью», по выраженію г. Богушевича; но онъ выражаетъ твердую увѣренность, «что мыслью оно останется недолго». Мы, съ своей стороны, не можемъ оставить безъ вниманія стремленіе г. Богушевича сообщать русской публикѣ какъ можно поспѣшнѣе обо всемъ, что думаютъ и о чемъ толкуютъ его товарищи въ своемъ кружкѣ.

Въ лѣтописи внутренней жизни университета говорится всего болѣе объ изданіи «Сборника». Тутъ сообщаются тѣ самыя свѣдѣнія, которыя мы изложили въ началѣ нашей рецензіи. Но самое интересное здѣсь — таблица числа студентовъ въ университетѣ за послѣднія 20 лѣтъ. Въ 1835 г. было всего 200 студентовъ, и съ каждымъ годомъ число это увеличивалось до 1848 г., когда ихъ было уже 650. Но въ 1849 г. число студентовъ вдругъ упадаетъ до цифры 503, а въ 1850 г. до 387. Съ этихъ поръ идетъ довольно ровно до 1855 года, никогда не доходя до 400. Въ 1856 году опять увеличивается до 478, а въ 1857 г. до 600. Это одинъ изъ знаменательныхъ фактовъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о томъ, какъ сильно сдѣлалось у насъ въ послѣдніе годы сознаніе необходимости просвѣщенія.

Библіотека римскихъ писателей въ русскомъ переводѣ. Томъ I—сочиненія Саллюстія; томы II и III—сочиненія Юлія Цезаря. Перев. съ латинскаго А. Клеванова. Москва. 1857.

Въ недавнее время громко заговорили у насъ о бѣдности нашей переводной литературы и о необходимости имѣть хорошіе переводы классическихъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знаній. Необходимость эта такъ велика и такъ очевидна, что сознаніе ея выразилось съ разныхъ сторонъ почти въ одно и то же время, безъ всякаго предварительнаго соглашенія. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, полно и основательно былъ разсмотрѣнъ этотъ вопросъ В. И. Ламанскимъ, считающимъ недостатокъ переводовъ значительнымъ препятствіемъ къ распространенію у насъ просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, мы какъ будто нѣсколько отстали отъ умственной жизни другихъ народовъ въ послѣдніе два десятка лѣтъ. До тридцатыхъ годовъ у

насъ еще печатались, время отъ времени, переводы замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій. Но, съ начала четвертаго десятка нынѣшняго столѣтія, переводная дѣятельность замѣтно слабѣетъ и вскорѣ совершенно упадетъ, обратившись чуть не исключительно на переводы французскихъ водевилей и романовъ Поль-де-Кока, и затѣмъ Александра Дюма и Поля Феваля. Беллетристика пробавлялась ихъ затѣйливыми созданіями, ни мало не заботясь о существованіи въ иностранныхъ литературахъ истинно поэтическихъ произведеній, еще незнакомыхъ русской публикѣ. Наука же шла у насъ во все это время какъ-то своеобразно. Ученые наши сдѣлали изъ науки какую-то принадлежность касты и не иначе открывали ея тайнства, какъ только посвященнымъ. Первымъ же условіемъ посвященія было занятіе подлинными источниками, — и новопринятые адепты клялись, надъ фоліантомъ Остромирова евангелія или надъ крошечнымъ изданіемъ Геродота, что они не будутъ профанировать науки, никому не откроютъ ключа къ ея іероглифамъ, будутъ заниматься не общими результатами, любопытными для всѣхъ, а только частными задачами, понятными лишь для записныхъ ученыхъ и, главное, всегда будутъ отуманивать читателя тьмою цитатъ, приведенныхъ въ подлинникъ, на разныхъ языкахъ... Кто отступалъ отъ правилъ ученой касты, кто старался прояснить взглядъ общества на предметы науки, того закидывали грязью, — не только при жизни, но даже и по смерти, — увѣряя, что онъ самъ ничего не зналъ и совершенно лишенъ былъ способности быть ученымъ. Почтенные представители науки уподобились у насъ средневѣковымъ католическимъ монахамъ, запрещавшимъ народу читать библію и не дававшимъ ему даже подробнаго и яснаго катехизиса. «Что намъ за дѣло до необразованной русской публики, говорили ученые: мы хотимъ идти наравнѣ съ вѣкомъ, хотимъ двигать науку впередъ. Я, на примѣръ, знаю греческій языкъ и могъ бы предпринять переводъ греческихъ историковъ; но это уже будетъ профанация ученаго званія... Гораздо приличнѣе будетъ для меня заняться разборомъ трехъ сомнительныхъ строчекъ у такого-то писателя: если я разрѣшу сомнѣніе, то двину науку впередъ, на меня будутъ ссылаться, мое мнѣніе будетъ принято въ ученое мѣрѣ... Для этого стоитъ посидѣть нѣсколько лѣтъ... А одобреніе публики ничего для насъ не значитъ: пусть просвѣтится прежде, — тогда и будетъ для нея понятно значеніе нашихъ трудовъ». И, что всего забавнѣе, эти добродушные люди въ самомъ дѣлѣ вѣрили въ высокое значеніе своихъ трудовъ, были наверху блаженства отъ сознанія собственнаго величія и говорили даже съ благороднымъ негодованіемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ о необразованности общества, которое, восхищаясь какимъ-нибудь профессоромъ-артистомъ, не замѣчаетъ ученаго крохобора, — несмотря на необычайную силу его терпѣнія и трудолюбія.

Ни дать ни взять—Крыловскій муравей на базарѣ!.. Только наши муравьи были еще замысловатѣе: задумавши показывать людямъ свою силу, они сочинили—легко сказать—русскую науку!.. Не надо, дескать, намъ иноземщины, не надо чужихъ идей и взглядовъ, а надо постараться, во что бы то ни стало, сочинить народное воззрѣніе,—не такое, какое у насъ ужъ сложилось естественно, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ,—а какое-нибудь особенное, небывалое въ человѣчествѣ... Если же и придетъ нужда неминуемая отъ иноземцевъ что-нибудь позаимствовать,—такъ и тутъ надобно принимать все чужое не иначе, какъ «пропустивши его сквозь струю русскаго духа»... Теперь это направленіе уже ясно высказалось и опредѣлилось и—слава Богу, разглагольствуется себѣ, никому не мѣшая и даже, своимъ открытымъ выраженіемъ, смущая нѣсколько тѣхъ, которые исподтишка и рады бы его попридержаться... Прежде же было гораздо хуже: о русской наукѣ и о стараніяхъ двигать ее впередъ толковали многіе совѣмъ не по приверженности къ славянофильству, а просто въ видахъ сохраненія собственнаго ученаго величія, въ интересахъ касты, мрачно-недоступной для празднаго любопытства черни дерзкой и непросвѣщенной. При столь высокихъ понятіяхъ о наукѣ и столь низкомъ взглядѣ на общество—до переводовъ-ли было! Въ видахъ собственнаго возвеличенія, даже пріятно было держать публику въ невѣдѣніи о всемъ, что сдѣлано и дѣлается на этомъ гніющемъ Западѣ. Зачѣмъ ей слишкомъ много любопытствовать! Много будетъ знать, такъ скоро состарится и, сдѣлавшись опытной, потеряетъ, пожалуй, прежнее уваженіе къ нашимъ авторитетамъ, сама станетъ судить да рядить не хуже нашего. Пусть же лучше остается публика только при томъ, что мы скажемъ, пусть на все смотритъ нашими глазами, пусть судитъ обо всемъ на основаніи воззрѣній, нами выработанныхъ. Мы заподозримъ Англію въ помѣшательствѣ, слѣды татарскаго ига назовемъ основными стихіями русской жизни, увѣримъ, что величайшій философъ на свѣтѣ—Сковорода, лучшій экономистъ—авторъ Домостроя, къ которому немножко приближается Жанъ Батистъ Сэ, и т. д. Публика будетъ вѣрить: она вѣдь необразованна, она не знаетъ ни англійскихъ публицистовъ, ни германской философіи, ни разныхъ школъ политической экономіи.

Такова оказывается сущность воззрѣнія тѣхъ, которые, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, становились стражами русскаго общества отъ заразы западныхъ идей... Эти люди, толкуя о серьезности научнаго образованія и т. п., помогали, можетъ быть сами не замѣчая, тѣмъ обскурантамъ, которые именно старались лишить русское общество всякой возможности судить о чемъ-нибудь самостоятельно, не спрашивая мнѣнія издавна-признанныхъ авторитетовъ. И въ самомъ дѣлѣ, не было общенія идей съ

Западомъ, посредствомъ литературы,—и русская мысль облѣнилась, бросилась на какіе-то призрачные, абстрактные вопросы, стала разбиваться по мелочи, обратившись къ орѳографіи, и т. п.; проснулась русская мысль,—и тотчасъ чувствуется необходимость познакомиться съ тѣмъ, что выработала западная наука. И сознание это не есть легкомысленное стремление—схватить поскорѣе вершки, взять готовые результаты изъ новыхъ книжекъ. Напротивъ, вмѣстѣ съ желаніемъ узнать труды новѣйшихъ ученыхъ, является также и потребность познакомиться съ самыми источниками, изъ которыхъ они черпали свои положенія, разсмотрѣть ближе тѣ основанія, на которыхъ они утверждали свои выводы. Это неизбѣжно соединяется всегда съ расширеніемъ круга зрѣнія, происходящимъ отъ знакомства съ общими результатами науки. Стоитъ припомнить здѣсь конецъ прошлаго и начало нынѣшняго столѣтія; русская мысль работала сильно, общество жадно искало истины, просвѣщенія,—и въ отвѣтъ на эту потребность является, въ царствованіе Екатерины и Александра (особенно въ первые годы), такое множество переводовъ, какого не представляетъ ни одинъ изъ послѣдующихъ періодовъ русской литературы... Тогда все переводилось, что только было замѣчательнаго въ какомъ-нибудь отношеніи. Не довольствовались доморощенными курсами философіи или краткимъ очеркомъ ея исторіи, а переводили и Платона, и даже Руссо, Вольтера и Даламбера; не ограничивались знаніемъ существующихъ постановленій, а переводили (не говоря о классическихъ сочиненіяхъ, какъ наприм., Бентама, Монтескье и пр.) даже постановленія Юстиніана, положенія англійской конституціи, и т. п. Тоже было и относительно исторіи. Замѣчательные курсы исторіи, разсужденія, изслѣдованія—переводились въ количествѣ весьма значительномъ; но этого мало: большая часть источниковъ историческихъ также была переведена. Такъ, изъ древнихъ авторовъ переведены были Геродотъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Полибій, Діодоръ Сицилійскій, Саллюстій, Цезарь, Тацитъ, Светоній, Корнелій Непотъ, Іосифъ Флавій и мн. др. И, конечно, переводы эти не оставались безъ читателей и, слѣдовательно, имѣли вліяніе на распространеніе знаній, на возбужденіе охоты къ изученію историческихъ фактовъ, и т. д. Это доказывается какъ самымъ обиліемъ переводовъ, такъ и тѣмъ, что нѣкоторые писатели были почти въ одно время переведены два раза (напр., Тацитъ въ 1805 и 1807 г.; Светоній въ 1776 и 1794), другіе издавались въ разныхъ видахъ,—то полнѣе, то сокращеннѣе (напр., Плутархъ), третьи выдерживали по нѣсколько изданій (напр., Светоній—2, Флавій—4). Теперь эти переводы исчезли изъ книжныхъ лавокъ; да и читать-то ихъ уже трудно: младшимъ изъ нихъ есть уже лѣтъ пятьдесятъ, а старшимъ будетъ за восемьдесятъ. Многіе изъ нихъ трудноѣе понимать, чѣмъ самый подлинникъ. Это обстоятельство давно уже вызывало

дѣятельность людей, знакомыхъ съ классическими литературами; но до послѣдняго времени, сколько мы знаемъ, только *Θукидидъ* и *Ксенофонтъ* были переведены у насъ, около 1840 г., въ «Военной библиотекѣ». Нынѣ, вмѣстѣ съ пробужденіемъ общаго стремленія къ просвѣщенію и къ распространенію круга знаній въ обществѣ, пробудилась и переводная дѣятельность, и нынѣ, какъ и всегда, она неограничивается передачею послѣднихъ результатовъ науки, но старается ознакомить съ самыми источниками, съ самыми данными, изъ которыхъ выработались эти результаты. Такъ, новыя историческія сочиненія переводятся въ большомъ количествѣ: въ журналахъ нашихъ помѣщаются переводы изъ *Маколея*, изъ *Грота*; въ Москвѣ издается переводъ римской исторіи *Момсена*, готовится переводъ *Гизо*; въ Петербургѣ предпринимается цѣлое изданіе «Исторической библиотеки»... Въ то же время не забывается и древне-классическая литература: печатаются переводы трагиковъ, философовъ, безпрестанно появляются переводы лирическихъ стихотвореній древности, издаются, наконецъ, и переводы историческихъ сочиненій. Теперь вышли уже три книги, составляющія начало обширнаго изданія «Библиотеки римскихъ писателей въ русскомъ переводѣ», предпринятаго г. *Клевановымъ*. Въ этихъ книгахъ помѣщены сочиненія *Саллюстія* и *Юлія Цезаря*, за которыми должны вскорѣ послѣдовать переводы *Тита Ливія*, *Цицерона* и *Тацита*. Нельзя не поблагодарить переводчика за этотъ выборъ, доказывающій, что онъ хорошо понимаетъ, что теперь особенно нужно и интересно для нашей публики. *Саллюстій* и *Цезарь*—современники и дѣятели одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ римской исторіи, и событія, описанныя ими, имѣютъ особенно важное значеніе. Записки *Цезаря* о внутренней войнѣ служатъ какъ бы продолженіемъ сочиненія *Саллюстія* о заговорѣ *Катилины*. Исторія войны югуртинской, бросая яркій свѣтъ на эпоху немножко предшествовавшую, служитъ поясненіемъ послѣдующихъ событій, разыгравшихся во время *Цезаря*. Если прибавить сюда рѣчи *Цицерона*, этого геніальнаго софиста и краснорѣчиваго безъ всякаго убѣжденія въ душѣ, то послѣднее время римской республики весьма опредѣленно обрисуетъ передъ нашими глазами. Переводчикъ, очевидно, имѣлъ въ виду эту связь между сочиненіями избранныхъ имъ авторовъ: въ первомъ томѣ, въ дополненіе къ сочиненіямъ *Саллюстія*, онъ помѣстилъ также переводъ рѣчей *Цицерона* противъ *Катилины*, рѣчи *Саллюстія* и *Цицерона* другъ противъ друга и письма *Саллюстія* къ *Цезарю*,—хотя эти послѣднія рѣчи и письма доселѣ признаются сомнительными. Изъ этихъ приложеній достаточно ясно видны взаимныя отношенія трехъ знаменитыхъ писателей и государственныхъ людей Рима. Для большей полноты свѣдѣній, переводчикъ приложилъ еще жизнеописаніе *Саллюстія*, составленное имъ по сочиненію *де-Бросса*, и біографію

Цезаря, сочиненную Светоніемъ. Въ біографіи Саллюстія замѣчательно мнѣніе, высказываемое о значеніи Катилины. Г. Клевановъ говоритъ, что историкъ заговора Катилины не умѣлъ понять его характера, и называетъ дерзкаго заговорщика «жертвою благородныхъ стремленій». Мнѣніе это прямо противорѣчитъ общепринятому убѣжденію, что Катилина задумалъ произвести возмущеніе изъ видовъ самыхъ гнусныхъ, для поправленія своего состоянія и для пріобрѣтенія большей свободы развратничать... Дѣтъ пять тому назадъ, въ «Прописяхъ» помѣщена была статья г. Бабста о Саллюстіи, въ которой авторъ, согласно съ общимъ мнѣніемъ, утверждаетъ, что катилинское возмущеніе произвела самая грязная и преступная часть римской аристократіи, въ надеждѣ возобновить грабежи и проскрипціи временъ Суллы. Трудно дѣлать рѣшительное заключеніе о событіи, переданномъ намъ довольно односторонне, въ показаніяхъ торжествующей партіи. Саллюстій, съ первыхъ же строкъ, рисуешь Катилину развратнымъ негодяемъ, стремившимся ловить рыбу въ мутной водѣ; Цицеронъ, личный врагъ Катилины, съ какою-то злобною радостью рисуешь его самыми черными, отвратительными красками. При всемъ томъ, многое въ самомъ разказѣ Саллюстія и даже въ обличеніяхъ Цицерона даетъ поводъ соглашаться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое высказано у насъ въ первый разъ г. Клевановымъ. Полагая даже, что историкъ Катилины былъ совершенно безпристрастенъ и добросовѣстенъ въ изложеніи фактовъ, мы можемъ изъ многихъ представленныхъ имъ данныхъ вывести благопріятныя для Катилины заключенія. Даже обвиненія Цицерона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приводятъ къ той же мысли. Катилина былъ, конечно, человѣкъ разгульнаго поведенія, какъ былъ самъ Саллюстій, какъ былъ Цезарь и другіе государственные люди Рима, которыхъ историки вовсе не считаютъ извергами. Катилина промотался и принялся искать средствъ поправить свое состояніе,—это правда. Но не забудемъ, что онъ былъ преторомъ въ Африкѣ и ничего не нашлъ, тогда какъ историкъ его, во время своего проконсульства въ той же провинціи, пріобрѣлъ несмѣтныя сокровища и жилъ никакъ не скромнѣе несчастнаго заговорщика. И Саллюстій и Цицеронъ (въ третьей рѣчи) согласно говорятъ, что Катилина пріучилъ себя ко всевозможнымъ лишеніямъ, умѣлъ проводить ночи безъ сна и въ трудахъ, легко переносить холодъ, голодъ и жажду. Такой человѣкъ совсѣмъ не похожъ на изнѣженнаго мота, который ищетъ только комфорта и для него готовъ пожертвовать благомъ родины. Развратъ въ домѣ Катилины и въ кружкѣ его пріятелей былъ, безъ сомнѣнія, предосудителенъ; но, съ одной стороны, молва легко могла преувеличивать его, въ чемъ сознается и самъ Саллюстій; съ другой стороны, кто же изъ тогдашнихъ римлянъ могъ похвастаться чистотою своихъ нравовъ; изъ всѣхъ замѣчательныхъ дѣяте-

лей той эпохи только имя Марка Порція Катона сохранилось безукоризненнымъ. Тотъ же Саллюстій, столь строго осудившій Катилину, обличается Цицерономъ, какъ бичъ всѣхъ мужей, и самъ, въ свою очередь, на Цицерона, такъ страшно возстававшего на безнравственность Катилины, бросаетъ обвиненіе въ томъ, что онъ «свое ораторское искусство купилъ у М. Пизона постыдною цѣною»... Что Римъ въ то время наполненъ былъ негодяями безъ всякихъ убѣжденій, готовыми на всякую мерзость, лишь бы пожить весело, въ этомъ никто не сомнѣвается. Нечего говорить и о томъ, что всякій человѣкъ, выходящій изъ уровня посредственности, старался пользоваться этими людьми и употреблялъ ихъ для своихъ цѣлей. Мы знаемъ, что Марій набиралъ подъ свои знамена всякую сволочь, Сулла ограждалъ себя людьми, вмѣстѣ съ которыми онъ наслаждался своими танцовщицами въ разгульныхъ оргіяхъ; лагерь Помпея, во время борьбы его съ Цезаремъ, былъ убѣжищемъ всѣхъ промотавшихся развратниковъ, обремененныхъ неоплатными долгами; къ Цезарю также стекались во множествѣ негодяи, надѣявшіеся, среди безпорядковъ, поживиться на общественный счетъ, и онъ считалъ себя обязаннымъ всячески покровительствовать людямъ, помогавшимъ ему, хотя бы они были величайшіе злодѣи и разбойники. При такомъ порядкѣ вещей, нечего удивляться образу дѣйствій Катилины, какъ чему-то необычайному и чудовищному. При своемъ обширномъ умѣ и глубокой проницательности, онъ, конечно, хорошо понималъ состояніе тогдашняго римскаго общества, видѣлъ, что люди, окружающіе его, совершенно ничтожны и что на нихъ можно дѣйствовать, только поблажая ихъ грязнымъ наклонностямъ: такъ онъ и расположилъ свой образъ дѣйствій. Хвалить его за это нельзя; но нельзя также складывать всю вину на его собственный характеръ: таковъ былъ господствующій характеръ общества, противъ котораго не можетъ идти частный человѣкъ, добивающійся сильнаго вліянія. Впрочемъ, неуспѣхъ Катилины свидѣтельствуетъ, что онъ еще не дошелъ до высшей степени ипокритства и отреченія отъ всѣхъ убѣжденій, какое тогда нужно было римскому честолюбцу. Его стремленія были еще слишкомъ горды для того, чтобы склониться до послѣднихъ низостей. Планы его были громадны, стремленія неукротимы, дѣятельность неутомима, по свидѣтельству враждебныхъ ему лицъ, — Саллюстія и Цицерона. Онъ увлекалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ, своей пылкостью и предприимчивостью. Сначала онъ хотѣлъ добиться вліянія законнымъ порядкомъ, искалъ консульства и получилъ бы, если бы соперникъ его, Цицеронъ, не перехитрилъ его партіи. Видя неудачу, онъ рѣшился низвергнуть правительство, которое сдѣлалось ему ненавистнымъ. Замыслы его съ самаго начала не были тайною и возбудили въ обществѣ скорѣе сочувствіе, чѣмъ негодованіе. Саллюстій,

несмотря на свое увѣреніе, что заговоръ былъ предпринятъ просто для грабежа, замѣчаетъ, что въ числѣ сообщниковъ Катилины было много именитыхъ людей изъ колоній и муниципій, и еще больше людей знатныхъ, желавшихъ переменъ правительства болѣе изъ честолюбивыхъ видовъ, нежели по нуждѣ или по какой-нибудь другой причинѣ; что вообще молодежь, особенно благородная, желала успѣха Катилинѣ, не исключая и тѣхъ, которые безъ всякихъ смуть имѣли возможность жить роскошно и пышно... Цезарь, почти навѣрное, былъ замѣшанъ въ заговорѣ; о Крассѣ также ходили сильныя подозрѣнія; Помпей совершенно холодно отвѣчалъ Цицерону, который съ гордой радостью увѣдомлялъ его объ уничтоженіи возстанія... Видно, что всѣ партіи недовольны были настоящимъ положеніемъ вещей и желали переменъ... Только энергіи не доставало большинству: оно предпочитало выжидать, чѣмъ кончится дѣло, нежели само принять въ немъ дѣятельное участіе. Что пассивное сочувствіе къ Катилинѣ было сильно въ обществѣ и въ народѣ,—объ этомъ свидѣтельствуется весь ходъ правительственныхъ дѣйствій, предпринятыхъ противъ него. Заговоръ былъ открытъ, глава его былъ обличенъ Цицерономъ въ Сенатѣ; но чѣмъ же оканчивается грозное обличеніе? Ораторъ упрощаетъ заговорщика оставить городъ, давая знать тутъ же, что по законамъ онъ достоинъ смертной казни. Катилина спокойно выѣзжаетъ изъ города, не захвативши съ собою своихъ сообщниковъ, какъ просилъ Цицеронъ; но безъ главы своего эти сообщники ничего не значатъ и ничего не умѣютъ сдѣлать. Не смотря на то, ихъ не смѣютъ схватить; чтобы обвинить ихъ публично, нужны доказательства того, что они входили въ сношенія съ врагами отечества—и вотъ Цицеронъ добивается письменныхъ свидѣтельствъ о сношеніяхъ ихъ съ Аллоброгами и тогда только рѣшается формально обвинить ихъ въ Сенатѣ. Но и послѣ того, Сенатъ все еще колеблется, не будетъ-ли опасно казнить ихъ; только строгая рѣчь Катона придаетъ рѣшимость сенаторамъ. Цицеронъ говоритъ рѣчи къ народу, передъ которымъ старается очернить заговорщиковъ, увѣряя, что только по внушенію боговъ могъ онъ раскрыть ихъ ковы, но что на самомъ дѣлѣ эти люди такъ ничтожны, что ихъ нечего опасаться. Нечего и сравнивать, говоритъ онъ, ваши громадныя средства и силы съ положеніемъ этой шайки нищихъ грабителей, у которыхъ нѣтъ ничего, даже самаго необходимаго. А черезъ день, тотъ же Цицеронъ умоляетъ сенаторовъ принять поскорѣе рѣшительныя мѣры, потому что зло имѣетъ громадныя размѣры, что оно, какъ губительный ядъ, разлилось по всѣмъ жиламъ Италіи и заразило многія провинціи, и что онъ, Цицеронъ, спасшій Римъ отъ конечной гибели, долженъ стоять выше Сципіоновъ, Маріа, Помпея. Онъ замѣчаетъ еще, что даже рабы не хотѣли принять участія въ судьбѣ Катилины; но Саллюстій говоритъ, что

Катилина самъ отвергъ ихъ, потому что не хотѣлъ дѣло вольныхъ гражданъ мѣшать съ дѣломъ рабовъ. Въ другомъ мѣстѣ, Саллюстій опять разногласить съ Цицерономъ относительно народнаго сочувствія къ заговору. Ораторъ указываетъ Сенату на народъ, собравшійся на площади, и торжественно восклицаетъ: «смотрите, всѣ сословія собрались, чтобы единодушно защищать отечество!.. Смотрите, съ какимъ рвеніемъ стремятся они на охраненіе общественнаго порядка! и прочее. Нужно замѣтить, что это было тогда уже, когда заговорщики были схвачены и опасность кончилась... Саллюстій, напротивъ, положительно говоритъ, что народъ (plebs) сильно сочувствовалъ Катилинѣ, потому что въ то время значеніе народа убавилось, и властью завладѣли немногіе. Аристократы забрали все въ свои руки, управляли провинціями, захватили всѣ должности, знать не хотѣли никакихъ законовъ и даже грозили судомъ всякому, кто въ гражданскихъ дѣлахъ склонялся на сторону народа. И какъ только явилась надежда на перемену, при началѣ смуты, старинное негодованіе снова взволновало умы. Если бы Катилина выигралъ, или, по крайней мѣрѣ, не проигралъ первую битву, то нѣтъ сомнѣнія, что страшное кровопролитіе и бѣдствіе постигли бы республику... Конечно, всякій безпорядокъ есть бѣдствіе для государства; но едва-ли побѣда Катилины произвела бы такое страшное дѣйствіе, какого опасался историкъ. Онъ же самъ сохранилъ намъ двѣ рѣчи Катилины, въ которыхъ онъ рѣзко возстаетъ противъ тогдашней распутной аристократіи и говоритъ о своей бѣдности, что трудно было говорить человѣку, проводившему жизнь слишкомъ роскошную, передъ тѣми, которые собирались къ нему пировать и развратничать... «Мы должны вооружиться за свою свободу, — говоритъ Катилина. — Съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько аристократовъ замѣнили и судъ и всякую власть въ республикѣ, имъ платятъ свои дани и цари, и правители, имъ идутъ деньги отъ всѣхъ народовъ и государствъ; а мы всѣ, остальные, при всей своей дѣятельности и доблести, и незнатные, и знатные, одинаково остаемся затертыми въ толпѣ, безъ всякой силы и вліянія: мы рабы предъ ними, тогда какъ могли бы страшить ихъ, если бы республика была въ силѣ. Можно-ли сносить спокойно, что они отличаются богатствомъ, которое расточаютъ на постройку зданій на морѣ и на срытіе горъ, — а у насъ нѣтъ средствъ для самаго необходимаго; у нихъ по два дома или болѣе, а у насъ своего угла нѣтъ»... Въ этихъ словахъ видно не одно желаніе чужого имуществва, а также и сочувствіе къ народу и ненависть къ аристократамъ, захватившимъ правленіе въ свои руки. Въ другой рѣчи, говоренной передъ послѣднею битвою, Катилина съ грустнымъ отчаяніемъ рассказываетъ своимъ приверженцамъ положеніе дѣлъ и свои планы и надежды. «Слова не помогутъ, — говоритъ онъ, — не сдѣлаютъ труса храбрымъ и лѣнивца дѣя-

тельнымъ. Но я хочу только рассказать вамъ все дѣло. Вы знаете, что безопасность Лентула все испортила. Намъ теперь одна надежда на оружіе; оно можетъ доставить намъ богатство, честь, славу и вольность. Съ побѣдою получимъ мы и припасы, и спокойную жизнь. Но, кромѣ того, не забудьте, что мы сражаемся за отечество, за свободу, за жизнь. А наши враги совершенно напрасно бьются для господства немногихъ аристократовъ. Можно было и намъ остаться или въ добровольной ссылкѣ, или даже въ Римѣ, и, потерявши свое имѣнье, жить на чужой счетъ; но это было бы постыдно и низко. Своимъ мужествомъ должны мы достигнуть лучшей участи: если не удастся, падемъ, но отомстимъ за себя». Послѣднюю мысль этой рѣчи Катилина скоро выполняетъ на дѣлѣ: онъ врѣзался далеко въ средину непріятелей и палъ, далеко отъ своихъ, поражая враговъ на всѣ стороны. Ни одинъ изъ гражданъ римскихъ, бывшихъ въ его войскѣ, не отдался въ плѣнъ; всѣ до одного пали, обращенные лицомъ къ непріятелю. Въ этомъ опять нельзя не видѣть геройства, достойнаго лучшихъ временемъ республики: такъ сражаются люди, имѣющіе въ душѣ крѣпкое убѣжденіе, котораго не хотятъ принести въ жертву ничему въ свѣтѣ. Здѣсь же кстати можно упомянуть и о другомъ фактѣ несчастнаго заговора, засвидѣтельствованномъ Саллюстіемъ. Сенатъ опредѣлилъ награжденіе за открытіе подробностей заговора: невольнику—свободу и сто тысячъ сестерцій (около 5.000 рублей серебромъ), а свободному—безнаказанность за участіе и двѣсти тысячъ сестерцій (а не сто и не двѣсти, какъ переводитъ г. Клевановъ: sestertium значитъ тысяча сестерцій, сестерцій же была мелкая монета въ два съ половиною асса). Декретъ этотъ былъ потомъ повторенъ, и, несмотря на то, говоритъ Саллюстій, ни одинъ изъ множества сообщниковъ Катилины не польстился на обѣщанное награжденіе, и ни одинъ не ушелъ изъ лагеря Катилины. Да и не одни соучастники заговора, а также весь плебсъ былъ расположенъ къ перемѣнѣ и желалъ Катилинѣ успѣха,—добавляетъ добросовѣстный историкъ.

Всѣ представленные нами факты и сами по себѣ уже много говорятъ въ пользу того мнѣнія, которое хочетъ оправдать Катилину отъ обвиненія въ чудовищныхъ, гнусныхъ замыслахъ, гибельныхъ не для аристократин, а для всего народа римскаго. Но еще болѣе получаютъ значенія всѣ эти обстоятельства, когда вспомнимъ рядъ происшествій, доведшихъ Цезаря до его цѣли—овладѣть правленіемъ государства. Едва-ли въ Катилинѣ можно найти хоть одно общественное преступленіе, котораго не совершилъ бы, или на которое не покушался бы Цезарь. Избранный эдилемъ, Цезарь составилъ замыселъ, совершенно такой же, какъ Катилина: онъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ М. Крассомъ и еще нѣсколькими приверженцами, напасть на Сенатъ, убить многихъ сенаторовъ, провозгласить Красса диктаторомъ и затѣмъ

захватить все управленіе въ свои руки. Крассъ струсилъ, и потому замыселъ не былъ выполненъ. Несмотря на это, Цезарь не отсталъ отъ своихъ намѣреній: она участвовалъ въ замыслахъ Пизона, не чуждъ былъ и участія въ заговорѣ Катилины. Назначенный правителемъ Испаніи, онъ отправился туда ранѣе срока, уговоривши своихъ кредиторовъ подождать присылки имъ денегъ изъ провинціи. Въ Лузитаніи онъ разграбилъ нѣсколько городовъ, въ Галліи похитилъ сокровища изъ храмовъ, во время консульства своего укралъ изъ Капитоліи 3,000 фунтовъ золота, положивъ туда, вмѣсто того, позолоченную мѣдь; съ Птолмеемъ сторговался за 6,000 талантовъ, чтобы продать ему дружбу Рима. Роскошь и изнѣженность его доходили до смѣшного: напримѣръ, въ походахъ онъ приказывалъ возить за собою особые штучные паркетные полы. Любовныя похождения его неисчислимы. И при всемъ томъ, во время своего управленія государствомъ, онъ болѣе принесъ пользы народу, нежели предшествовавшее ему господство аристократіи. Онъ учредилъ, чтобы велись протоколы занятіямъ Сената и чтобы они постоянно обнародывались во всеобщее свѣдѣніе; онъ предложилъ новый поземельный законъ въ пользу народа; онъ раздѣлил казенное Кампанское поле двадцати тысячамъ гражданъ, имѣвшимъ троихъ дѣтей или болѣе; онъ пополнилъ Сенатъ, далъ права дѣтямъ опальныхъ гражданъ, далъ народу большія права при выборахъ чиновниковъ и пр. Можно сказать, что народъ римскій, въ томъ состояніи, въ какомъ находился онъ во время Цезаря, не могъ быть управляемъ лучше. Цезарь оставилъ по себѣ хорошую славу въ исторіи, и никто не сравниваетъ его съ извергомъ Катилиной: а вся разница между ними состоитъ, можетъ быть, въ томъ только, что одинъ успѣлъ добиться того, къ чему бесплодно стремился другой. Можетъ быть, попытка Катилины даже облегчила путь Цезарю. Цѣли ихъ были одинаковы, но, наученный опытомъ, Цезарь умѣлъ быть осмотнительнѣе и лучше умѣлъ заискать расположеніе народа, который самъ тяготился правленіемъ аристократовъ. Въ этомъ случаѣ Цезарь былъ одушевляемъ, конечно, тѣми же чувствами, какъ и Катилина, и чувства ихъ были вполне законны. Мы съ полнымъ согласіемъ приводимъ здѣсь слова г. Клеванова, изъ его біографіи Саллюстія:

„Естественна ненависть Катилины къ тому порядку общественному, гдѣ гражданину нѣтъ дороги по его достоинствамъ, гдѣ ни умъ, ни высокія дарованія ничего не значатъ безъ денегъ и особенно связей, гдѣ немногіе, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ власть, тѣсною толпою не пропускаютъ къ ней никого, кто не принадлежитъ къ ихъ категоріи. Катилина хотѣлъ каждому открыть дорогу къ власти, какъ и слѣдовало бы въ вольномъ государствѣ. Попытка его не была преступною; онъ благороднѣе и выше Суллы, Марія и другихъ, которые оружіемъ торжествовали надъ соотечественниками. Катилина прибѣгъ къ оружію, но по необходимости, прижатый, какъ бѣшеный волкъ, къ горамъ Аппенинскимъ войскомъ Антонія. Если бы Катилина былъ такъ неразборчивъ въ средствахъ, какъ его обвиняютъ, то онъ не погибъ бы, а торжествуя, вошелъ бы въ Римъ“.

Положеніе всякаго честолюбца, достигшаго власти, въ отношеніи къ тогдашнему народу римскому, довольно хорошо рисуется въ письмахъ Саллюстія къ Цезарю. Саллюстій восхваляетъ Цезаря за униженіе аристократической партіи и совѣтуетъ ему принять мѣры для того, чтобы воскресить народъ римскій и сдѣлать его способнымъ пользоваться вольностью, кака была у него прежде. У насъ изстари, говоритъ онъ, были двѣ партіи: патриціевъ и плебеевъ, спорившія одна съ другой. Борьба вела все къ большому расширенію правъ народа и къ ограниченію власти аристократіи. Тогда «каждый гражданинъ пользовался вольностью, не стараясь поставить свою волю выше законовъ; граждане соперничали другъ съ другомъ не въ богатствѣ и спѣси, а старались превзойти одинъ другого на пути чести и добра. Послѣдній изъ гражданъ не зависѣлъ отъ другихъ и могъ быть полезенъ себѣ и отечеству и на войнѣ, и въ мирѣ». Но все перемѣнилось съ увеличеніемъ римскаго могущества и съ распространеніемъ территоріи. Одни страшно обогатились, другіе же потеряли поземельные участки, бывшіе у нихъ; завидуя богатству нѣкоторыхъ, стали стремиться къ обезпеченію своего матеріальнаго положенія и уже менѣе думали о своей свободѣ, и вольность свою, и выгоды государства продавали ради своихъ частныхъ выгодъ. «Такимъ образомъ,—заключаетъ Саллюстій,—большинство народа утратило въ стремленіи къ частнымъ интересамъ идею общаго блага, и, по моему мнѣнію, сдѣлалось неспособнымъ къ участію въ управленіи государственными дѣлами». Аристократы были этому очень рады и, захвативши правленіе въ свои руки, стали употреблять свою власть для личныхъ выгодъ, ни мало не заботясь о народѣ и еще поддерживая въ немъ тѣ склонности и то положеніе, которое мѣшало народу пользоваться своими правами на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Изложивши свой взглядъ на положеніе Рима до Цезаря, Саллюстій говоритъ далѣе о томъ, что же теперь нужно дѣлать Цезарю, какъ человеку, въ рукахъ котораго сосредоточена вся власть. Не обинуясь, онъ указываетъ правителю цѣль его дѣйствій. Возвелченіе Рима извнѣ и удержаніе за собой верховной власти онъ считаетъ предметами, слишкомъ недостойными великаго духа Цезаря. Призваніе его Саллюстій полагаетъ въ томъ, чтобы воззвать къ жизни заморающей народъ, даровавъ ему возможность существованія свободнаго и обезпеченнаго. Помпей много повредилъ республикѣ, по мнѣнію историка: верховную власть, распоряженіе государственнымъ приходомъ и расходомъ, власть судебную онъ дѣлалъ исключительнымъ правомъ немногихъ сенаторовъ; народъ же римскій, бывший прежде главою правленія, обратилъ въ рабство, уничтоживъ даже равенство всѣхъ сословій предъ закономъ. Правда, что должности судебныя, какъ бы по старому, остались принадлежностью всѣхъ трехъ сословій; но тѣ же немногіе управляютъ и ими,

даютъ и отнимаютъ ихъ по произволу, отстраняютъ людей добросовѣстныхъ, всѣ почести готовятъ только для своихъ. «Они расхищаютъ и грабятъ все, что у нихъ подъ рукою, и въ городѣ нашемъ, точно взявши его приступомъ, не признаютъ другихъ правъ, кромѣ права сильнаго». Все это ведетъ неминуемо къ паденію государства, и потому Саллюстій совѣтуетъ Цезарю поступить совершенно противоположно Помпею, который допускалъ все это, не думая ни о чемъ, кромѣ своего возвышенія. Именно, Цезарь долженъ, во-первыхъ, распространить право гражданства на возможно большее количество народа и, во-вторыхъ, дать всѣмъ гражданамъ право голоса при выборахъ въ судебныя должности. Тамъ уже нѣтъ вольности, говоритъ онъ, гдѣ выборъ судебныхъ властей въ рукахъ немногихъ. Потому власть судебная должна принадлежать всѣмъ гражданамъ перваго класса, число которыхъ нужно увеличить (Салл. въ русск. переводѣ, стр. 166). Въ примѣръ приводитъ онъ родосцевъ, у которыхъ всѣ приговоры безпристрастны, потому что всякій, и бѣдный, и богатый, имѣютъ равное право голоса, даже въ самыхъ важныхъ дѣлахъ. Этимъ способомъ, по мнѣнію Саллюстія, могло бы уменьшиться въ обществѣ и корыстолюбіе, такъ какъ многіе ищутъ богатства не столько для наслажденій, имъ доставляемыхъ, сколько изъ честолюбивыхъ видовъ: какъ скоро богатство не будетъ придавать общественнаго значенія человѣку, то можно надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, честные люди не будутъ стремиться къ пріобрѣтенію его, а прямо будутъ стараться отличиться истинными заслугами. Да и дурные люди меньше станутъ искать богатства, потому что «и къ злу человѣкъ стремится всегда изъ-за какихъ-нибудь выгодъ: отними ихъ, и никто даромъ не будетъ дѣлать зла». Далѣе, Саллюстій говоритъ, что «аристократія вся нигуда не годится: они хотятъ повелѣвать другими, — замѣчаетъ онъ, — а сами, облѣнившись и изнѣжившись, способны скорѣе быть рабами, чѣмъ господами». Ихъ слушать нечего: могутъ-ли подать хорошіе совѣты въ управленіи государствомъ тѣ, которые не успѣли сбереечь собственную свободу? Сами сенаторы потеряли сознаніе собственнаго достоинства и сдѣлались орудіемъ въ рукахъ немногихъ. Чтобы уничтожить это, надобно увеличить число сенаторовъ и установить тайную подачу голосовъ: тогда, не опасаясь ничего, никто не пожертвуетъ своимъ вліяніемъ въ пользу сильнѣйшаго, потому что «чувство самостоятельности и независимости равно есть у всѣхъ гражданъ: и у благонамѣренныхъ, и у дурныхъ, и у дѣятельныхъ, и у лѣнивыхъ. Большая часть измѣняетъ ему отъ страха и, по неразумительности, добровольно принимаетъ рабство, которое не ушло бы отъ нихъ и въ случаѣ неудачи въ борьбѣ; а ея результатъ еще могъ быть сомнительнымъ» (стр. 169). Саллюстій оканчиваетъ свое письмо увѣщаніемъ Цезарю отъ лица предковъ его и отъ имени отечества. Содержаніе

его слѣдующее: «Мы пріобрѣли отечество, честь и славу, говорятъ предки Цезаря, а ты все это получилъ готовымъ. Чтобы возблагодарить насъ за все, возвысь еще славу нашего рода дѣломъ, которое выше всѣхъ подвиговъ, всѣхъ доблестей: возстанови ниспроверженную свободу народа, клонящагося къ паденію... Иначе гибель отечества неизбежна». Цезарь не исполнилъ желанія Саллюстія, не исполнилъ его и Августъ,—оба, можетъ быть, потому, что не могли исполнить: Римской Имперіи суждено было пасть съ паденіемъ доблести народной.

По сдѣланнымъ нами извлеченіямъ можно судить, сколько интереса представляетъ изученіе эпохи, изобраителями которой являются Саллюстіи, Цезарь и Цицеронъ. Г. Клевановъ вполне заслуживаетъ благодарность публики за избраніе этихъ писателей для перевода. Къ сожалѣнію, переводъ сдѣланъ не совсемъ удовлетворительно. Попадаютъ такія ошибки, какъ съ сестерціями; иныя слова переводятся странно, какъ напримѣръ, *imperator* вмѣсто полководца вездѣ переводится *императоромъ*; говорится: заботиться о своей *народности*, то-есть, стараться пріобрѣсти любовь народа; *manu bona laceravit*—переведено: проигралъ имѣніе *въ карты*; *in exstruendo mari divitias profundunt* переведено—вырываютъ пруды, подобные морямъ—тогда какъ тутъ дѣло идетъ о зданіяхъ на морѣ. Такихъ промаховъ не мало, и они показываютъ, что переводчикъ мало справлялся съ комментаторами переводимыхъ писателей. Иногда переводъ его очень удаляется отъ подлинника, не выражая его силы и точности, иногда же слишкомъ букваленъ и тяжеловатъ. Напримѣръ: «никогда не пожелаю я, цѣною того, чтобы быть внѣ обвиненія, знать, что Катилина обнажилъ мечъ», и пр.; попадаютъ нерусскія выраженія, въ родѣ: скрѣпивъ *душу* (вмѣсто сердце), *скопнице зла*, и т. п. Изданіе перевода не можетъ назваться изящнымъ; корректурная часть также не безукоризненна. И, несмотря на то, цѣна назначена очень высокая: три книжки, листовъ въ пятнадцать каждая, стоятъ 5 рублей сер. Это дорого, сравнительно даже съ русскими книгами.

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ.

Изъ записокъ отставнаго надворнаго совѣтника Щедрина.
Собралъ и издалъ М. Е. Салтыковъ. Томъ третій. Москва. 1857.

Прошелъ съ небольшимъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ первые «Очерки» г. Щедрина появились въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и встрѣчены были восторженнымъ одобреніемъ всей русской публики. До настоящей минуты г. Щедринъ не сходитъ съ своей арены и продолжаетъ свою благородную борьбу, не обнаруживая ни малѣйшаго истощенія силъ. Онъ печатаетъ рассказъ за рассказомъ, постоянно выказывая въ нихъ, какъ великъ запасъ его средствъ, какъ неисощимъ источникъ его наблюденій. Мало того: къ нему постоянно присоединяются новые бойцы, и даже тѣ, которые молчали до сихъ поръ и прятались въ толпѣ безпечныхъ зригелей, — и тѣ, смотря на него и «вящимъ жаромъ возгоря», отважно ринулись на поле безкровной битвы, со всемогущимъ оружіемъ слова. Публика все еще съ любопытствомъ слѣдитъ за зрѣлищемъ этихъ подвиговъ, и рассказы *въ щедринскомъ родѣ* прежде всего прочитываются въ журналахъ. Но нельзя не видѣть, что теперь нѣтъ уже, ни въ публикѣ, ни въ литературѣ, прежняго увлеченія, прежней горячности, и что многіе донашиваютъ теперь сочувствіе къ общественнымъ вопросамъ, какъ старомодное платье. Кто началъ читать русскіе журналы только съ нынѣшняго года и не имѣетъ понятія о томъ, что было у насъ два года тому назадъ, тотъ потерялъ нѣсколько прекраснѣйшихъ минутъ жизни. Странно говорить объ этомъ времени, какъ о давно-прошедшемъ: но тѣмъ не менѣе — нельзя сомнѣваться въ томъ, что оно прошло и что не скоро русская литература дождется опять такой же поры. Мы вообще какъ-то очень скоро и внезапно вырастаемъ, пресыщаемся, впадаемъ въ разочарованіе, не успѣвши даже хорошенько очароваться. Ростемъ мы скоро, истинно по-богатырски, не по днямъ, а по часамъ, но, выросши, не знаемъ, что дѣлать съ своимъ ростомъ. Намъ внезапно дѣлается тѣсно и душно, потому что въ насъ образуются все широкія натуры, а міръ-то нашъ узокъ и низокъ, — развернуться негдѣ, вы-

прямиться во весь ростъ невозможно. И сидимъ мы, съезжившись и сгорбившись «подъ бременемъ познанья и сомнѣнья», въ совершенномъ бездѣйствіи, пока не расшевелитъ насъ что-нибудь уже слишкомъ чрезвычайное. Одинъ изъ ученыхъ профессоровъ нашихъ, разбирая народную русскую литературу, съ удивительной прозорливостью сравнилъ русскій народъ съ Ильей Муромцемъ, который сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ и потомъ, вдругъ, только выпивши чару пива крѣпкаго отъ каликъ переходящихъ, ощутилъ въ себѣ силы богатырскія и пошелъ совершать дивные подвиги. Въ самомъ дѣлѣ, вся наша исторія отличается какой-то порывистостью: вдругъ образовалось у насъ государство, вдругъ водворилось христіанство, скоропостижно перевернули мы вверхъ дномъ весь старый бытъ свой, мгновенно догнали Европу и даже перегнали ее: теперь ужъ начинаемъ ее побранивать, стараясь сочинить русское воззрѣніе... Такъ было въ большомъ, тоже происходило и въ маломъ: рванемся мы вдругъ къ чему-нибудь, да потомъ и сядемъ опять, и сидимъ, точно Илья Муромецъ, съ полнымъ равнодушіемъ ко всему, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Два года тому назадъ, насъ расшевелила война, заставивши убѣдиться въ могуществѣ европейскаго образованія и въ нашихъ слабостяхъ. Мы какъ-будто послѣ сна очнулись, раскрыли глаза на свой домашній и общественный бытъ и догадались, что намъ кое-чего недостаетъ. Едва эта догадка озарила нашъ умъ, какъ мы, съ рѣдкою добросовѣстностью и искренностью, принялись раскрывать «наши общественныя раны». Теперь многіе уже начинаютъ смѣяться надъ этимъ, и скептики, увѣрявшіе съ самаго начала, что все это

„Тяжелый бредъ души больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье“,

теперь злобно торжествуетъ, иронически поглядывая на взрослыхъ дѣтей, всегда склонныхъ къ увлеченію и видящихъ все въ розовомъ свѣтѣ. Но, какъ хотите, а надъ ними нечего смѣяться; въ ихъ увлеченіи было такъ много прекраснаго, благороднаго, такъ много юности и свѣжести. Любо смотрѣть было, въ самомъ дѣлѣ, на общее одушевленіе: самый робкій, самый угрюмый человѣкъ не могъ, кажется, не увлечься, видя, какъ всѣ единодушно и неумолимо хлопотали о томъ, чтобы раскрыть «наши общественныя раны», показать наши недостатки во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Какихъ тогда вопросовъ ни подняли, до какихъ закоулковъ ни добрались!.. «Отъ Перми до Тавриды» пронесся одинъ громкій энергическій возгласъ: идите всѣ, кто можетъ, спасать Русь отъ внутренняго зла! И все поднялось, все заговорило—твердо, сильно, разумно. Старые люди стряхнули, повидимому, свою давнишнюю лѣнь, возникли молодые дѣятели и съ свѣжими силами принялись за общее дѣло. Литература, какъ

всегда, послужила первою выразительницею общественныхъ стремленій, приводя ихъ въ ясность и умѣряя ихъ силу строгимъ и обдуманымъ об-суживаньемъ всѣхъ затронутыхъ вопросовъ. И литература получила, по-видимому, общественное значеніе: она почти исключительно обратилась къ тѣмъ вопросамъ, которыми занято было вниманіе публики. Публика заговорила о путяхъ сообщенія, и въ журналахъ были десятки статей о желѣзныхъ дорогахъ и другихъ средствахъ сообщенія, съ искреннимъ созна-ніемъ, что до сихъ поръ мы мало имѣли хорошихъ дорогъ и оттого не мало потеряли. Поднялся вопросъ о тарифѣ, и тотчасъ явился рядъ ста-тей о свободной торговлѣ и запретительной системѣ. Обратили вниманіе на экономическія отношенія народа, и литература заговорила о состояніи земледѣльческаго класса, о свободномъ трудѣ и другихъ экономическихъ вопросахъ, выставляя преимущественно, чего у насъ нѣтъ, и что нужно сдѣлать. Послышались въ обществѣ голоса о важности воспитанія и о не-удовлетворительности того, что доселѣ у насъ было принято, — и тотчасъ о воспитаніи пишутся горькія статьи, предпринимаются педагогическіе жур-налы, и публика тѣмъ большими рукоплесканіями вознаграждаетъ статью, чѣмъ болѣе горька правда, въ ней высказанная. Поднимается голосъ про-тивъ злоупотребленій бюрократіи, — и «Губернскіе очерки» открываютъ рядъ блестящихъ статей, беспощадно карающихъ и выводящихъ на свѣ-жую воду всѣ темныя продѣлки мелкаго подъячества. Горькія упреки слы-шались отовсюду, и никто не думалъ противорѣчить имъ. Поэты и про-заики, ученые и диллетанты, теоретики и практики — всѣ бросались са-моотверженно въ мрачное болото невѣжества и злоупотребленій съ пла-менникомъ обличенія. Въ душѣ ихъ кипѣла могучая сила, ихъ рѣчи го-рѣли огнемъ вдохновенія, сожигая плевелы родной нивы. Возстань, поэтъ, ободряли поэты самихъ себя, размышляя о своемъ призваніи,

„Да звучитъ твой стихъ обронный,
Правды Божіей набать,
Въ пробужденье мысли сонной,
Въ кару жизни беззаконной,
На погибель всѣхъ неправдъ“.

Борьба во имя высшей правды противъ мелкихъ интересовъ времени! — восклицали высоко-образованные критики. «Съ первыхъ лѣтъ жизни, при самомъ начальномъ воспитаніи, должно пріучать къ этой борьбѣ, которая ожидаетъ въ нашемъ обществѣ каждаго порядочнаго человѣка!..» — «На-ука должна смѣло вступить въ борьбу противъ невѣжества и предразсуд-ковъ», — говорили лучшіе изъ нашихъ ученыхъ. «Мы должны благода-рить войну за то, что она открыла намъ многія темныя стороны нашей жизни, противъ которыхъ мы дружно должны идти теперь, отстаивая честь родины!..» Эти мощные, благородные, безкорыстные призывы не

могли не находить отзыва къ сердцахъ людей, сочувствующихъ благу отечества,—и точно: у многихъ сердце билось сильнѣе отъ этихъ вдохновенныхъ звуковъ. Многие съ грустной улыбкой, даже со слезами на глазахъ выслушивали русскую всенародную исповѣдь, но потомъ гордо поднимали голову, давая торжественный обѣтъ дѣятельности честной, неутомимой и безбоязненной. Были и такіе, силою обстоятельствъ и собственной слабостью увлеченные въ пошлость жизни, которые съ ужасомъ смотрѣли на собственное попріще и съ горечью сознавались въ его гадости. И что имѣли въ виду всѣ эти люди? Что заставляло ихъ съ такимъ увлеченіемъ подвергать себя торжественному самообвиненію? Ничего особеннаго. Они просто повторяли слова одного изъ своихъ глашатаевъ:

„Раскаянья слеза намъ будетъ въ облегченье
И къ новымъ подвигамъ насъ мощно воззоветъ“,—

и добродушно вѣрили, что вслѣдъ за словомъ не замедлитъ явиться и дѣло. Самое пустозвонство приняло тогда характеръ серьезно-обличительный. Пустѣйшій изъ пустозвоновъ г. Надимовъ, смѣло кричалъ со сцены Александринскаго театра: «крикнемъ на всю Русь, что пришла пора вырвать зло съ корнями!» и публика приходила въ неистовый восторгъ и рукоплескала г. Надимову, какъ будто бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, принялся вырывать зло съ корнями... «Что смѣтесъ? надъ собой смѣтесъ»,— вслухъ припомнилъ слова Гоголя кто-то изъ скептиковъ, во время одного изъ представлений «Чиновника». Но эти слова никого не смутили: на скептика сосѣди его посматрѣли такъ гордо и прямо, какъ будто бы хотѣли отвѣтить ему словами того же комика: «да, надъ собой смѣмся: потому что слышимъ благородную русскую нашу породу, потому что слышимъ приказанье высшее быть лучшими другихъ».

Такъ все оживало, все воодушевлялось желаніемъ идти впередъ по пути просвѣщенія и нравственнаго усовершенствованія. Два года тому назадъ, человѣкъ сторонній, услышавшій эти клики, увидавшій это движеніе, не премѣнно подумалъ бы, что это—пробужденіе исполина, который, послѣ продолжительнаго сна, расправляетъ свои члены, приводитъ въ порядокъ свои мысли и готовится искупить свое долгое бездѣйствіе подвигами изумительнаго величія. И такое предположеніе было совершенно естественно: чистыя, возвышенныя стремленія общественныхъ и литературныхъ дѣятелей казались такъ мощны, быстры и кипучи, что они должны были идти впередъ неудержимо, разрушая всѣ преграды, поставляемыя невѣжествомъ, омывая всѣ нечистоты, произведенныя въ русской жизни силою эгоизма, корысти и лѣни общественной. Сердца бились тогда сильно и радостно. въ полномъ убѣжденіи, что сознаніе недостатковъ есть уже половина исправленія, и что русскій человѣкъ ничего не любитъ дѣлать въ половину.

Святотатствомъ сочли бы тогда, если бы кто осмѣлился утверждать, что этотъ Илья Муромецъ, столько лѣтъ сидѣвшій сиднемъ, поднялся теперь только за тѣмъ, чтобы толчись на одномъ мѣстѣ. Напротивъ, онъ долженъ былъ безостановочно идти впередъ, наслаждаясь жизнью и совершая славныя дѣла. И всѣ ждали этихъ подвиговъ, всѣ были въ напряженномъ ожиданіи чего-то великаго, необычайнаго. Все принимало видъ какого-то торжественнаго приготовленія, точно наканунѣ великаго праздника,

„И вились тогда толпою
Легкокрылые друзья:
Юность легкая съ мечтою,
И живыхъ надеждъ семья“...

Отрадно было то время, время всеобщаго увлеченія и горячности... Какъ-то открытѣе была душа каждаго ко всему доброму, какъ-то свѣтлѣе смотрѣло все окружающее. Точно теплымъ дыханіемъ весны повѣяло на мерзлую, окоченѣлую землю, и всякое живое существо съ радостью принялось вдыхать въ себя весенній воздухъ, всякая грудь дышала широко, и всякая рѣчь понеслась звучно и плавно, точно рѣка, освобожденная ото льда. Славное было время! И какъ недавно было оно!

Но прошло два года, и хотя ничего особенно важнаго не случилось въ эти годы, но общественныя стремленія представляются теперь далеко уже не въ томъ видѣ, какъ прежде. Много разочарованій испытали уже мы на новой дорогѣ, многія надежды оказались пустыми мечтами, много видѣли мы явленій, способныхъ сбить съ толку самаго простодушнаго изъ оптимистовъ, вообще отличающихся простодушіемъ. И нѣтъ прежняго увлеченія, прежняго задумшевно-гордаго тона...

„Гдѣ дѣвалась
Рѣчь высокая,
Сила гордая?..“

Разговоры и теперь, конечно, продолжаются, и мы вовсе не хотимъ сказать, чтобъ общественное вниманіе вовсе забыло о тѣхъ вопросахъ, которые недавно возбуждены были съ такой энергіей. Мы говоримъ только, что въ дѣятельности, въ жизни общества мало оказывается результатовъ отъ всѣхъ восторженныхъ разговоровъ, чѣмъ и доказывается, что большинство нашихъ доморощенныхъ прогрессистовъ играло до сихъ поръ, по выраженію г. Щедрина, «не внутренностями, а кожей».

Литература продолжаетъ свое дѣло добросовѣстно: служеніе дѣлу общественнаго совершенствованія она считаетъ своимъ священнѣйшимъ назначеніемъ. Она уже навсегда теперь вышла изъ пеленокъ и, что бы ни случилось, не получаютъ въ ней теперь права гражданства ни швейцарскія поздравленія съ высокоторжественнымъ праздникомъ, ни лакейскія оды на пожалованіе такого-то господина такимъ-то чиномъ, ни трактирные ди-

опрамбы въ честь какого-нибудь праздника съ фейерверкомъ и иллюминаціей. Литература дѣятельно продолжаетъ свои обличенія, свои вызовы на все хорошее и благородное; она по прежнему твердитъ обществу о честной и полезной дѣятельности, она все поетъ ту же пѣсню—

„Встань, проснись, подымись,
На себя погляди!“

Но уже нѣтъ прежнихъ восторженныхъ отзывовъ со стороны публики. Она уже утомилась, она уже едва-ли не считаетъ свое дѣло конченнымъ, едва-ли не считаетъ себя достойною вѣнка за участіе, оказанное общественнымъ вопросамъ и новымъ дѣятелямъ литературнаго обличенія. Только по временамъ вспыхиваетъ теперь кое-гдѣ, неровно и порывисто, огонь одушевленія, похожаго на прежнее. Но и эти вспышки скоро пропадаютъ безъ слѣда, не имѣя никакого вліянія на общественную дѣятельность. Оказывается, что увлеченіе и надежды были преждевременны, и что многіе изъ людей, горячо привѣтствовавшихъ зорю новой жизни, вдругъ захотѣли ждать полудня и рѣшились спать до тѣхъ поръ, что еще большая часть людей, благословлявшихъ подвиги, вдругъ присмирѣла и спряталась, когда увидѣла, что подвиги нужно совершать не на однихъ словахъ, что тутъ нужны дѣйствительные труды и пожертвованія. Всѣ нетерпѣливо ждали, желали, просили улучшеній, озлобленно кричали противъ злоупотребленій, проклинали чужую лѣнь и апатію,—но рѣдко-рѣдко кто принимался за настоящее дѣло. Испуганные воображаемыми трудностями и препятствіями, многіе изъ тѣхъ, кто даже могъ дѣлать истинно-полезное,—

„Въ началѣ поприща увяли безъ борьбы“.

Произошло явленіе, не слишкомъ возвышенное и даже довольно неподвиженное: русское общество разыграло въ нѣкоторомъ родѣ талантливую натуру. Читатели, конечно, прочли уже «Губернскіе очерки» и потому, вѣрно, знакомы съ нѣкоторыми изъ талантливыхъ натуръ, очерченными г. Щедринымъ. Но не всѣ, можетъ быть, размышляли о сущности этого типа и о значеніи его въ нашемъ обществѣ. Потому мы рѣшаемся подробнѣе рассмотреть эти натуры, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, довольно ярко выражается господствующій характеръ нашего общества. Виды талантливыхъ натуръ чрезвычайно разнообразны, но есть у нихъ и нѣчто общее, состоящее именно въ ихъ *талантливости*, которая можетъ иногда вызвать истинное сожалѣніе и навести на очень грустныя думы. Положеніе ихъ, конечно, смѣшно, даже отвратительно, но насмѣшку надъ положеніемъ этихъ господъ не нужно переносить на самую натуру ихъ, вовсе не лишенную добрыхъ качествъ. Занятія и свойства ихъ г. Щедринъ изображаетъ такимъ образомъ.

„Одни изъ нихъ занимаются тѣмъ, что ходятъ въ халатѣ по комнатамъ и отъ нечего дѣлать посвистываютъ; другіе проникаются желчью и дѣлаются губернскими мефистофелями; третьи барышничаютъ лошадьми или передергиваютъ въ карты; четвертые выпиваютъ огромное количество водки; пятые цевариваютъ на досугѣ свое прошедшее и съ горя протестуютъ противъ настоящаго... Общее у всѣхъ этихъ господъ, во-первыхъ, „червякъ“, во-вторыхъ то, что „на жизненномъ пирѣ“ для нихъ не случилось мѣста, и, въ-третьихъ, необыкновенная размашистость натуры. Но главное—червякъ. Этотъ глупый червякъ причиною тому, что наши Печорины слоняются изъ угла въ уголь, не зная, куда преклонить голову; онъ познакомилъ ихъ ближайшимъ образомъ съ помѣщиками Полежаевымъ, Сопиковымъ и Храповицкимъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что Печорины водятся исключительно между молодыми людьми. Старый, заиндевѣвшій чиновникъ или помѣщикъ не можетъ сдѣлаться Печоринымъ; онъ на жизнь смотритъ съ практической стороны, а на тернія или неудобства ея—какъ на неизбѣжныя и неисправимыя. Это блохи и клопы, которые до того часто и много его кусали, что сдѣлались не врагами, а скорѣе добрыми знакомыми его. Онъ не вникаетъ въ причины вещей, а принимаетъ ихъ такъ, какъ онѣ есть, не задаваясь мыслию о томъ, какими бы онѣ могли быть, если бы... и т. д. Молодой человекъ, напротивъ того, начинаетъ уже смутно понимать, что вокругъ него есть что-то неладное, разрозненное, неклеящееся; онъ видитъ себя въ странномъ противорѣчьи со всѣмъ окружающимъ, онъ хочетъ протестовать противъ этого, но, необладая никакими живыми началами, необходимыми для примиренія, остается при одномъ зубоскальствѣ или псевдотрагическомъ негодованіи („Губерн. очерки“, т. III, стр. 69 и сл.).

Видите-ли,—при всей насмѣшливости отношеній г. Щедрина къ талантливымъ натурамъ, онъ самъ не можетъ не обнаружить, что въ основаніи ихъ лежитъ нѣчто хорошее. Ихъ стремленія не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго, напротивъ—стремленія эти ставятъ ихъ дѣйствительно выше тѣхъ апатическихъ безличностей, которыя, смотря на жизнь съ практической стороны, находятъ блаженное успокоеніе отъ всѣхъ сомнѣній и вопросовъ въ учительской указкѣ или въ подписи того, кто повыше ихъ чиномъ. Вся бѣда пропавшихъ талантливыхъ натуръ состоитъ въ томъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ живыхъ началъ. Стоитъ дать имъ во время эти начала, и изъ нихъ можетъ выйти что-нибудь положительно доброе. Давно уже кто-то замѣтилъ, что на свѣтѣ нѣтъ собственно неспособныхъ людей, а если только *неумѣстные*; что плохой извозчикъ и вываленный имъ изъ саней плохой чиновникъ, выгнанный изъ службы за неспособность,—оба, быть можетъ, не были бы плохими, если бы помѣнялись своими мѣстами: чиновникъ, можетъ быть, имѣетъ отъ природы склонность къ управленію лошадьми, а извозчикъ въ состояніи отлично разсуждать о судебныхъ дѣлахъ... Все горе происходитъ отъ ихъ неумѣстности, въ которой опять не виноваты ни чиновникъ, ни извозчикъ, а виновата ихъ судьба, эта «глупая индѣйка», по залхватскому выраженію. То же самое происходитъ со всѣми талантливыми натурами: онѣ получаютъ одностороннее развитіе, несоотвѣтственное ихъ потребностямъ, и, уступая силѣ враждебныхъ обстоятельствъ, попадаютъ на ложную дорогу. Онѣ не столько животны, слабодушны и слѣпы, чтобы уступить безъ всякаго усилія, въ

простодушной увѣренности, что такъ должно быть: это ихъ достоинство. Но онѣ не имѣютъ и настолько внутренней силы, ума и благородства, чтобы выдержать до конца, чтобы не измѣнить своимъ добрымъ влеченіямъ и не впасть въ апатію, фразерство и даже мошенничество: вотъ ихъ существенный, страшный недостатокъ. Но этотъ недостатокъ, очевидно, не природный. Онъ происходитъ отъ слабости характера, соединенной съ пылкостью стремленій. Пылкость стремленій сама по себѣ—вещь весьма похвальная, и притомъ составляетъ въ человѣкѣ не что иное, какъ простой признакъ живой молодости,—а характеръ, какъ все согласны, не рождается съ человѣкомъ, а приобрѣтается имъ во время воспитанія, устанавливаясь окончательно въ послѣдующихъ тревоженіяхъ жизни. Слѣдовательно, по строгомъ разсужденіи, на сторонѣ самой личности остается только живая воспріимчивость натуры, признакъ вовсе не дурной; а все остальное ложится на отвѣтственность окружающей ее среды. Намъ скажутъ: отчего же эта среда не оказываетъ такого же вліянія на другихъ, отчего именно на талантливую натуру она дѣйствуетъ такъ губительно? Отвѣтъ простъ: эти натуры, по своей впечатлительности, забѣгаютъ дальше другихъ, часто захватываютъ больше, чѣмъ сколько могутъ вынести, и при этомъ чаще, чѣмъ другіе, встрѣчаютъ противодѣйствія, которымъ онѣ не въ силахъ противиться. Между тѣмъ какъ дѣти милыя и благодѣтельны наслаждаются спокойствіемъ блаженнаго невѣдѣнія, помня, что они дѣти и, слѣдовательно, должны составлять свой маленькій міръ, не вступаясь въ дѣла большихъ,—дѣти воспріимчивыя и пылкія суются безпрестанно туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ, рано знакомятся съ житейскими дразгами и рано получаютъ отъ большихъ практическія опроверженія своихъ дѣтскихъ разсужденій. Въ иныхъ, естественная логика и привычка къ дѣятельности беретъ верхъ: они разсматриваютъ практическіе взгляды со всѣхъ сторонъ и оцѣниваютъ ихъ очень вѣрно; они не падаютъ предъ силою обстоятельствъ, не опускаются до злобнаго фразерства и цинической лѣни—съ досады, что ничего великаго сдѣлать нельзя,—а до конца идутъ противъ враждебной силы и если не успѣютъ ее покорить, то падаютъ, звукомъ самого паденія созывая на трупъ свой новыхъ самоотверженныхъ дѣятелей. Но такихъ крѣпкихъ людей немного. Большая часть не выдерживаетъ враждебнаго напора и гибнетъ нравственно, безъ пользы, а часто даже съ вредомъ и для другихъ. Въ общественномъ отношеніи, разумѣется, хвалить ихъ нечего: они всегда являются въ обществѣ или тунеядцами, или мошенниками. Отъ этого мы и не думаемъ ихъ оправдывать, равно какъ не думаемъ возвеличивать ихъ бездѣйствіе насчетъ незамѣтной дѣятельности скромныхъ тружениковъ. Мы только хотимъ сказать, что въ сущности своей талантливыя натуры даютъ больше задатковъ хорошаго развитія, нежели благо-

нравныя, милыя, послушныя и т. д. дѣти—и что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, ихъ развитіе принесло бы хорошіе плоды. Мы можемъ сравнить ихъ, пожалуй съ плодородной землей. Засѣйте гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Петербурга хорошую почву (если таковая найдется) маисомъ, рожью и крапивою. Маисъ, разумѣется, не примется, по причинѣ разныхъ прелестей петербургскаго климата, а рожь заглушена будетъ крапивою. Вотъ поле и не годится никуда. Какъ же можно сравнить его по плодамъ съ другимъ, довольно, правда, скуднымъ полемъ, которое, однако же, выростило рожь, хотя и очень тощенькую. А все-таки нельзя не сказать, что въ первомъ полѣ земля лучше. Брошенное и запущенное, да еще закрытое отъ солнышка какими-нибудь заборами да постройками, заваленное всякимъ мусоромъ, оно и все поростетъ крапивою. Но попадись оно въ руки хорошему хозяину, такъ тотъ не только его отъ мусора очиститъ и крапиву выполетъ, не только хорошую жатву соберетъ, а еще цѣлую оранжерею на немъ разведетъ и самыя нѣжныя растенія воспитаешь, оградивши ихъ отъ разныхъ неблагопріятныхъ петербургскихъ вліяній.

Если нужно доказать наши слова примѣрами, то за ними ходить недалеко. У г. Щедрина представлены талантливыя натуры трехъ разрядовъ: мефистофельская, спившаяся съ кругу и пустившаяся въ мошенничество. Нельзя не сознаться, что выборъ этихъ трехъ категорій самъ по себѣ весьма удаченъ. Неудавшаяся дѣятельность талантливыхъ натуръ обыкновенно имѣетъ одинъ изъ этихъ исходовъ. Всѣ они гадки и вредны, или, по крайней мѣрѣ, бесполезны; но посмотрите на начало жизненнаго поприща этихъ господъ, вникните въ сущность ихъ натуры, и вы увидите, что всѣ ихъ увлеченія имѣютъ доброе начало, а паденіе происходитъ просто отъ безсилія противиться внѣшнимъ вліяніямъ. Отчего такое безсиліе происходитъ, мы уже отчасти объяснили. Прибавимъ только, что, завися отъ естественной, каждому предмету въ мірѣ присущей инерціи,—качество это усиливается отъ постоянной привычки къ пассивному воспріятію чужихъ идей, и дѣлается тѣмъ отвратительнѣе, чѣмъ больше ума и свѣжихъ силъ въ такой пассивной натурѣ. На человѣка, не умѣющаго пяти словъ сказать со смысломъ, не досадно, если онъ цѣлый вѣкъ сидитъ за переписываньемъ. Да его и не замѣтишь: онъ доволенъ своею судьбою и высоко не заносится, зная, что безъ крыльевъ опасно подниматься на воздухъ... Но человѣкъ, легко и быстро понимающій предметы, имѣющій живыя и высокія стремленія, знающій очень хорошо степень собственныхъ силъ,—такой человѣкъ вдругъ, поддаваясь лѣни, отстаеетъ отъ всякаго дѣла и употребляетъ свои способности только на пересыпанье изъ пустого въ порожнее или на различныя неохвальныя продѣлки: это уже досадно и горько. Такого человѣка сейчасъ всѣ замѣтятъ, потому что онъ всѣмъ надоѣдаетъ своими жа-

лобами на несправедливость судьбы, ко всѣмъ навязывается съ пересмѣиваньемъ своихъ ближнихъ, всѣмъ кидается въ глаза своимъ сознательнымъ, преднамѣреннымъ бездѣльничествомъ. Вотъ, напримѣръ, передъ вами г. Корепановъ. Онъ не потому замѣченъ крутогорскимъ обществомъ, что тунеядствуетъ и въ пустякахъ всю свою жизнь проводитъ. Онъ пусть не больше другихъ; какъ другіе, онъ служитъ, — какъ другіе, — является на дѣтскіе балы княжны Анны Львовны, — какъ другіе, ничѣмъ особенно не занимается. Словомъ, въ немъ ничего нѣтъ замѣчательнаго, и вы проходите мимо его, бросая на него разсѣянный взглядъ и думая: «вотъ еще одинъ изъ множества тѣхъ, которые прозябаютъ въ Крутогорскѣ, серьезно занимаясь дѣланьемъ ничего и не имѣя понятія о другихъ, лучшихъ сферахъ дѣятельности...» Но г. Корепановъ вдругъ останавливаетъ васъ восклицаніемъ: «прошу не смѣшивать меня съ этой толпой; я увѣряю васъ, что я гораздо лучше всѣхъ ихъ. Не смотрите на то, что я толкусь между ними, и такъ же, какъ они, ничего не дѣлаю... Повѣрьте, что я могъ бы сдѣлать многое, очень многое, если бы только захотѣлъ... Но я не хочу...» — «Тѣмъ хуже, — отвѣчаете вы, — значитъ, вы, мсьё Корепановъ, вы сами виноваты въ своемъ ничтожествѣ. На этихъ людяхъ нечего спрашивать: они дѣлаютъ то, что могутъ; виноваты-ли они, что у нихъ не хватаетъ силъ на большее? А вы гораздо хуже ихъ, потому что не дѣлаете и того, что можете. Вы просто дрянь, мсьё Корепановъ». — И что же бы вы думали? Корепановъ мгновенно съ вами соглашается и начинаетъ ругать себя. «Да, — говоритъ онъ, впрочемъ, не безъ оттѣнка тонкой ироніи, — я глупъ, я слабъ. у меня мелкая, ничтожная душонка. Я завидую даже этому пошлому довольству и безмятежію, которое написано на лицахъ моихъ сослуживцевъ: все-таки, значитъ, ихъ жизнь прошла не даромъ... А я только все сомнѣвался да метался безъ толку, изъ стороны въ сторону... А къ чему?.. Гораздо было бы спокойнѣе — добыть себѣ тепленькое мѣстечко, какъ Николай Федорычъ, жениться на Анфисѣ Ивановнѣ, которая изъ старыхъ панталонъ шаль устраиваетъ, да считаетъ себѣ денежки, какъ Семень Семенычъ»... Вы соглашаетесь, что это, дѣйствительно, было бы спокойнѣе, чѣмъ безъ толку цѣлый вѣкъ маяться; но Корепановъ обнаруживаетъ полное омерзѣніе къ дѣятельности Николая Федорыча, Семена Семеныча и подобныхъ. Онъ даже дѣтямъ Семена Семеныча и Николая Федорыча внушаетъ отвращеніе къ воровству и скаредной жизни родителей и гордится своими заслугами въ этомъ отношеніи. Онъ называетъ Крутогорскъ помойной ямой и очень недоволенъ тѣмъ, что здѣсь всякій долженъ беземѣнно носить однажды накинутую на себя ливрею. По выходкамъ Корепанова вы видите, что онъ былъ въ хорошей школѣ, умѣетъ зло отъ добра отличить и имѣетъ понятіе о настоящей нравственности. Онъ и самъ признается, что

въ молодости своей умныхъ людей съ кафедры слушалъ, но только ученіе не пошло ему въ прокъ. Онъ, видите, не хотѣлъ корпѣть надъ книжкой и клевать по крупицѣ, а ждалъ все, что ему кто-нибудь «вольетъ знаніе ковшомъ въ голову, и сдѣлается онъ послѣ того мудръ, какъ Минерва». Вотъ вамъ и первое паденіе передъ трудностями, первое торжество лѣни. Далѣе, Корепановъ за тѣмъ не остался служить тамъ, гдѣ бы лучше могли развернуться его таланты, что «онъ желаетъ кушать, а въ Петербургѣ или Москвѣ этого добра не найдешь сразу». А ему—видите—лѣнь добиваться чего-нибудь трудомъ, понемножку; все сразу хотѣлось бы. Вотъ онъ и ѣдетъ въ Крутогорскъ, гдѣ у него есть родные, «которыми, слѣдовательно, ужъ насижено мѣсто и для него»... Здѣсь онъ кое-какъ служитъ, какъ и всѣ, но, главнымъ образомъ, злобствуетъ противъ всѣхъ, стараясь выставить собственное превосходство и несправедливость судьбы. Если хотите, судьба точно несправедлива къ нему, но несправедлива тѣмъ, что дала ему родныхъ, которые, съ грѣхомъ пополамъ насидѣвши тунейдцу мѣсто, освободили его отъ необходимости работать самому для пріобрѣтенія мѣста и хлѣба. Не будь этого, Корепановъ былъ бы славнымъ работникомъ и не погибъ бы для честной и полезной дѣятельности, обратившись въ мефистофеля средней руки.

Теперь посмотримъ на Лузгина, тоже талантливую натуру, только другого разбора. Положительно дурного въ этой натурѣ ничего нѣтъ. Припоминая прежніе годы Лузгина, г. Щедринъ говоритъ, что онъ былъ тогда безразсечно добръ и великодушенъ, что въ немъ сильно кипѣла кровь, обильна и неистощима была животворная струя молодости. Самъ Лузгинъ, въ откровенномъ разговорѣ, высказываетъ, что у него и въ пожилыхъ лѣтахъ сохранилось еще много любви, горячности, жару. Онъ сожалѣетъ, что погано провелъ свою молодость и не столько лекціями, сколько ухарствомъ занимался. Въ жизни его есть прекрасныя явленія. Онъ женился на бѣдной гувернанткѣ своего сосѣда, которую притѣсняли сладострастный хозяинъ и капризная хозяйка. Онъ не хотѣлъ служить въ Петербургѣ за тѣмъ, что тамъ «выморозки, что-то холодное, ослизлое», бѣгаютъ цѣлый день, чтобъ имѣть счастье искривить ротъ въ улыбку при видѣ нужнаго лица. Онъ пересталъ ѣздить къ школьному товарищу, когда тотъ вздумалъ пустить ему въ глаза пыль въ видѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стрекозы, княгини Оболдуй-Таракановой, и такъ далѣе. Все это, нельзя не сознаться, обнаруживаетъ натуру добрую, симпатичную, съ склонностями истинно благородными. Можно бы почестъ его просто прекраснымъ мирнымъ помѣщикомъ, нашедшимъ, наконецъ, въ кругу семейномъ успокоеніе отъ житейскихъ тревоженій. Но такое заключеніе было бы неудачно: Лузгинъ хоть и не занимался лекціями,

по его собственному признанію, но все же кое-что изъ высшихъ наукъ запало ему въ голову,—и онъ уже не можетъ довольствоваться своей тѣсной сферой, «размѣры насъ душать,—говоритъ онъ: — природа у насъ широкая, желалъ бы захватить и вдоль, и поперекъ, а размѣры маленькіе. Жару и теперь еще пропасть осталось, только некуда его дѣвать: сфера-то у насъ узка, разгуляться негдѣ»... Да кто же вамъ не велѣлъ, г. Лузгинъ, захватывать именно столько, сколько ваши силы позволяютъ? Зачѣмъ вы киснете въ деревнѣ и даже не служите, хоть бы по выборамъ?—А вотъ видите,—когда Лузгинъ воротился изъ ученья, то мать стала его упрашивать: «около меня посиди», да и сосѣди лихіе нашлись,—онъ и остался, тѣмъ болѣе, что къ лѣности съ юныхъ лѣтъ сердечное влеченіе чувствовалъ... Но въ деревнѣ его томить скука: образованіе его не столько полно, чтобъ онъ могъ довольствоваться самимъ собою и семейнымъ кругомъ; онъ ищетъ другихъ развлеченій и находитъ ихъ, разумѣется, безъ особенныхъ затрудненій; онъ начинаетъ каждый день напиваться до пьяна, приводя въ отчаяніе свою жену и разстраивая собственное здоровье... Ну, скажите на милость, природа-ли тутъ виновата? Лузгинъ всячески старается всю вину сложить на природу, хотя онъ, собственно говоря, и не думаетъ себя оправдывать. Напротивъ, онъ, какъ и всѣ талантливныя натуры, безбоязненно и безстыдно распространяется о своихъ недостаткахъ, увѣряя, что онъ свинья, что онъ опустился, что онъ гнусенъ съ верхняго волоска головы до ногтей ногъ. Но все это самообвиненіе мало помогаетъ. Подняться онъ уже не въ силахъ: я, говоритъ, до такой степени привыкъ къ праздности, такъ вѣлся въ нее, что даже ужъ и думать ни о чемъ не хочется. При всемъ томъ, онъ не хочетъ принять на себя отвѣтственности за все. Чувствуя, что не въ силахъ подняться, онъ старается увѣряться, что такъ ужъ судьбой рѣшено, что иначе и быть не можетъ, что такъ, видно, «и суждено этому огню перегорѣть въ груди, не высказавшись ни въ чемъ». И въ этой увѣренности принимается съ отчаянія за чарочку, чтобъ утопить въ винѣ свои досадные порывы. А потомъ жалуется на природу весьма комическимъ образомъ. «Для чего,—говоритъ,—она не сдѣлала меня Зенономъ, а наградила наклонностями сибарита? Для чего она не закалала мое сердце для борьбы съ терніями суровой дѣйствительности, а, напротивъ того, размягчила его и сдѣлала способнымъ отликаться только на доброе и прекрасное?... Природа-то вѣдь дура, выходитъ»... Какая же тутъ природа, г. Лузгинъ? Природа всѣхъ людей рѣшительно выпускаетъ на Божій свѣтъ слабыми и безпомощными: никого она не калитъ и не смягчитъ нарочно, въ томъ соображеніи, что вотъ этотъ господинъ долженъ будетъ бороться, а тотъ нѣтъ, такъ—въ видахъ предусмотрительности—надобно дать имъ такія-то и такія-то свойства. Это вы все для оправданія своей

лѣни выдумываете, что природа какъ-то непріязненно къ вамъ расположена и по какимъ-то интригамъ вздумала васъ размягчить. Ничего подобного не бывало: закаляются люди не на лонѣ природы, а въ горнилѣ житейской опытности. А этой-то закалки и нѣтъ у васъ, потому что вамъ не случилось надобности съ самаго начала преодолѣть вашу лѣнь, и вы позволили другимъ за васъ думать и дѣйствовать. Въ результатѣ и вышло, что хоть у васъ сердце доброе, хоть оно и отликается на все прекрасное, а сами-то вы вышли человѣкъ не только плохой, но и пошлый, даже грязный. Такъ скажемъ мы Лузгину, не желая поощрять его лѣни и цинизма. Но, обращаясь къ читателямъ, мы, разумѣется, не можемъ не прибавить, что дѣйствительно судьба была довольно жестока къ Лузгину. Его вывели изъ непосредственной простоты и патріархальности деревенскихъ отношеній, дали нѣкоторое понятіе о предметахъ высшихъ, но не дали основательныхъ и твердыхъ началъ, не заинтересовали даже наукой хоть бы до такой степени, чтобы предпочитать ее разнымъ ухарскимъ развлеченіямъ. При первыхъ попыткахъ что-нибудь дѣлать, ему встрѣчаются препятствія: тамъ, мать и родимое гнѣздо отвлекаютъ отъ службы, тамъ, *лихіе* сосѣди увлекаютъ въ отбѣзжее поле да въ буйную оргію, тамъ, надменные выскочки и мягкотѣлые низкопоклонники отталкиваютъ его отъ петербургской жизни. Для него это уже слишкомъ много: его склонность къ лѣни, привычка подчинять себя требованіямъ чужой воли и слишкомъ поверхностное образованіе не могутъ устоять противъ безпрестанныхъ искушеній. А тамъ—судьба позаботилась приготовить родимое гнѣздо, въ которомъ можно жить на чужой счетъ... Вотъ и погибъ человѣкъ, изъ котораго, при другихъ обстоятельствахъ, могло бы и выйти что-нибудь.

Есть еще особаго рода талантливая натура, повидимому, совершенно не похожая на два образца, которые нами рассмотрѣны, но въ сущности чрезвычайно къ нимъ близкая. Образчикъ такихъ натуръ представляетъ Горехвостовъ, описанный г. Щедринымъ. Этотъ, съ перваго раза, можетъ показаться, пожалуй, очень дѣятельнымъ. Онъ прожектеръ, мошенникъ, шулеръ; онъ и въ оффиціальное платье переодѣвался, и казенныя деньги кралъ, и заставлялъ кое-кого въ окно прыгать, и самъ изъ онаго прыгивалъ, и фортуна себѣ умѣлъ составить и потерять оную. Кажется, чего больше дѣятельности—энергической, постоянной, только дурно направленной. Это ужъ, кажется, не слабая натура, носившая въ себѣ задатки добра, но погибшая только вслѣдствіе своей лѣни и слабости; эта сильная, злѣйшая душа, талантливая только на мерзости всякаго рода. Онъ совсѣмъ непохожъ на двухъ малодушныхъ, только-что нами видѣнныхъ у г. Щедрина. Такъ кажется съ перваго взгляда. Но если всмотрѣться пристальнѣе, то найдется, что и Горехвостовъ, въ сущности, рѣшительно то

же самое, что Корепановъ и Лузгинъ. Разница между ними только въ томъ, что тѣ двое все-таки учились чему-нибудь и, при всей поверхностности своего образованія, усвоили нѣкоторыя, наиболѣе простыя внушенія, какъ на примѣръ, что кража постыдна, шулерство гнушно, и т. п. Горехвастову же и этого не внушили, а учили его имѣть только пріятныя манеры и *causer* обо всемъ. Какъ натура талантливая, онъ поддавался этому направленію, и манеры его, дѣйствительно, казались хороши, и *causer* вышелъ изъ него отличный. Товарищи его ѣздили къ французенкамъ по воскресеньямъ, и онъ ѣздилъ, потому что не въ силахъ былъ противиться искушенію, не имѣя никакой внутренней опоры, точно такъ, какъ и Лузгинъ съ Корепановымъ. Петръ Бурковъ сводитъ его съ людьми, которыхъ карьера и назначеніе въ жизни ограничивается не совсѣмъ честными подвигами на зеленомъ полѣ, и онъ подвизается вмѣстѣ съ ними; затѣиваютъ эти люди штуку *en grand*, чтобы купца надуть, и онъ является ревностнымъ исполнителемъ проекта; говоритъ ему Петръ Бурковъ о жизни *en artiste*,—онъ и *en artiste* жить соглашается; зоветъ его по ярмаркамъ ѣздить,—онъ и на это готовъ. Иногда, какъ будто добрые инстинкты въ немъ просыпаются: ему, на примѣръ, неловко становится продать себя безобразной барынѣ, которая задумала воспользоваться его атлетическими формами. Но Бурковъ сказалъ ему, что это вздоръ, *вельмъ* ему рѣшиться, во имя правъ дружбы,—и Горехвастовъ рѣшился. Скажите, на что же еще слабодушнѣе человѣка? Онъ гораздо слабѣе Лузгина и Корепанова, потому что еще менѣе, чѣмъ они, имѣетъ внутреннихъ убѣжденій; онъ рѣшительно не можетъ противиться окружающимъ вліяніямъ, не можетъ даже уклониться отъ нихъ въ бездѣйствіе, а прямо имъ подчиняется... А тамъ ужъ онъ идетъ дальше, по силѣ инерціи, и даже нерѣдко выказываетъ наружную твердость и храбрость, приличную обстоятельствамъ. Только эта энергія и твердость походятъ на храбрость лакея, который громогласно кричитъ съ крыльца «подавай!», а потомъ тотчасъ же подобострастно усаживаетъ барина въ карету и смиренно стоитъ передъ нимъ, если тому вздумается намылить ему шею. Храбрость Горехвастова мгновенно исчезаетъ: онъ трясется и блѣднѣетъ, какъ только увидитъ гдѣ-нибудь около себя *кавалера* или другую полицейскую власть, или даже просто въ чужомъ обществѣ получить «подлеца», съ любезнымъ обѣщаніемъ выбросить его изъ окна. Безсиліе противиться внѣшнимъ вліяніямъ обнаруживается въ немъ на каждомъ шагѣ, еще болѣе, чѣмъ въ Корепановѣ и Лузгинѣ.

Лѣнь, отвращеніе отъ труда тоже составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ его характера, несмотря на видимую неутомимую дѣятельность. Онъ не хотѣлъ служить и сдѣлался мошенникомъ именно потому,

что не хотѣлъ «сидѣть каждый день семь часовъ въ какой-то, душной конурѣ, облизываясь на мѣсто помощника столоначальника». Онъ чувствуетъ, что «стоитъ выше общаго уровня», что можетъ быть и поэтомъ, и литераторомъ, и прожекторомъ, и капиталистомъ. Но ему непременно хочется получить какъ можно больше безъ всякаго труда, и онъ избираетъ шулерство, какъ легчайшее средство обогащенія. Раззорившись, онъ живетъ въ четвертомъ этажѣ, на манеръ артиста, и тутъ всего болѣе нравится ему полная безпечность, которой онъ можетъ предаваться. Ему тошно смотрѣть даже на своего сосѣда, Дремилова, только потому, что тотъ сидитъ все за книжкой. Негодование разыгрывается въ немъ при одномъ воспоминаніи о такомъ труженичествѣ. «Ну, что это за жизнь, спрашиваю я васъ,—воскликаетъ онъ,—и можетъ-ли, имѣетъ-ли человѣкъ право отдавать себя въ жертву геморрою? И чего, наконецъ, онъ достигнетъ?» и т. д. Горехвастову мало быть практическимъ лѣнтяемъ: онъ старается свою лѣнь возвести въ теорію. Онъ даже положительно выражается, что «геніальная натура науки не требуетъ, потому что до всего собственнымъ умомъ доходить. Спросите, на примѣръ, меня... Ну, о чемъ хотите!.. на все отвѣтъ дамъ, потому что это у меня русское, врожденное». Какъ видите, и этотъ господинъ, подобно Лузгину, не прочь бы свалить свою пустоту на природу, на врожденность. Но въ его словахъ и разказахъ нельзя не видѣть крайняго развитія лѣнкости, далеко превосходящей естественное и всякому человѣку дозволительное влеченіе къ покою.

«Однако онъ играетъ, мошенничаетъ, прожектируетъ,—могутъ возразить намъ.—Для этого тоже нужно много дѣятельности. Горехвастовъ работалъ и умомъ, и руками, и ногами, и всѣми членами тѣла, для пріобрѣтенія фортуны. Онъ цѣлыя ночи проводилъ безъ сна, опасностямъ подвергался, странствовалъ по ярмаркамъ, путешествовалъ черезъ окна изъ втораго этажа на улицу. Какъ хотите, а къ этому неспособна натура пассивная, лѣнливая, находящая высшее блаженство въ апатическомъ бездѣйствіи». Все это кажется очень справедливымъ при первомъ взглядѣ. Но при нѣкоторомъ вниманіи не трудно сообразить, что и дѣятельность Горехвастова—совершенно пассивная, вынуждаемая обстоятельствами чисто внѣшними. Почти всегда онъ дѣйствуетъ по чужой указкѣ, ведомый другими мошенниками, почти всегда слѣдуетъ неуклонно тому направленію, на которое его толкнули. Пожалуй, если хотите, и онъ не совсѣмъ безъ дѣла. Но развѣ тогда можно найти на свѣтѣ хоть одного человѣка бездѣльнаго? Тотъ бѣгаетъ цѣлый день около бильярда, другой сидитъ за шахматами, третій глубокомысленно куритъ сигару. Иной половину дня гуляетъ для моціона, а другую половину—употребляетъ на то, чтобы задавать работу своему желудку, который едва въ цѣлыя сутки ее выпол-

нить... Иной всю жизнь свою вѣсти разноситъ, другой каждый вечеръ въ театрѣ томится, и т. д., и т. д. Все это вѣдь тоже дѣло, если хотите и ни одинъ человѣкъ безъ дѣлъ подобнаго рода обойтись въ своей жизни не можетъ, потому что законъ самой природы непремѣнно какое-нибудь движеніе предписываетъ. Но что это за движеніе, къ чему оно стремится, какая сила его производитъ,—вотъ на что нужно обращать вниманіе при оцѣнкѣ человѣческой дѣятельности. И камень бросить, такъ онъ полетитъ, и дажи, если его искусно направить на воду, то кружки на ней произведетъ. И если воду вскипятить, то она такъ разбушуется, что и черезъ край пойдетъ; но затѣмъ разольется по полу и простынетъ тотчасъ,—только лужа останется. Подобными вспышками ограничивается и дѣятельность пропавшихъ талантливыхъ натуръ. Внутреннее влеченіе къ дѣятельности имъ уже сдѣлалось непонятно; сознательно и постоянно преслѣдовать свою цѣль—у нихъ не хватаетъ терпѣнія и твердости. На одинъ порывъ, и даже сильный, ихъ еще станетъ, потому что они вообще, по слабости своихъ внутреннихъ силъ, склонны увлекаться внѣшними впечатлѣніями; но одна неудача, одно препятствіе, котораго нельзя удалить сразу—и энергія оставляетъ ихъ, и природная лѣнь беретъ свое. Всѣ они являются дѣятельными представителями того взгляда на вещи, который высказываетъ Горехвостовъ такимъ образомъ:

„Я, Николай Ивановичъ, патриотъ, я люблю русскаго человѣка за то, что онъ не задумывается долго. Другой вотъ, нѣмецъ или французъ, надъ всякою вещью остановится, даже смотрѣтъ на него тошно, точно родить желаетъ, а нашъ братъ только подошелъ, глазами вскинулъ, руками развелъ: „этого-то не одолѣтъ? — говоритъ: — да съ нами крестная сила! да мы только глазомъ мигнемъ!“ И дѣйствительно—какъ почнетъ топоромъ рубить, — только щепки летятъ; гениальная, можно сказать, натура! безъ науки всѣ науки прошелъ!.. Люблю я, знаете, иногда посмотрѣтъ на нашего мужичка, какъ онъ тамъ дѣйствуетъ: лежитъ, кажется, цѣлый день на боку, да за то ужъ какъ примется, такъ у него словно горитъ въ рукахъ дѣло, откуда что берется!“

Вмѣстѣ съ слабодушіемъ и лѣнностью, Горехвостовъ имѣетъ и другіе второстепенные признаки талантливыхъ натуръ. Онъ съ удивительною откровенностью рассказываетъ свои подвиги и при этомъ энергически ругаетъ себя, превосходя въ этомъ случаѣ Корепанова и Лузгина настолько, насколько натура его размашистѣе ихъ натуръ.—«Я подлець,—восклицаетъ онъ и рветъ при этомъ свои волосы:—я не стою быть въ обществѣ порядочныхъ людей! я подлець, я погубилъ свою молодость! я долженъ просить прощенія у васъ, что осмѣлился осквернить вашъ домъ своимъ присутствіемъ». Какое сильное раскаяніе!—можете вы подумать. Не безпокойтесь: это такъ, вспышка, для успокоенія собственной совѣсти. «Мы, дескать, не такіе пошляки, какъ другіе-прочіе; мы чуемъ нашу вышнюю русскую породу и знаемъ, что если бы захотѣли, такъ могли бы быть очень хорошими людьми». На дѣятельность же Горехвостова всѣ подобныя

вспышки не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія. Въ то самое время, какъ онъ декламируетъ о своемъ недостойнствѣ, его арестуютъ за кражу казенныхъ денегъ женщиною, съ которой онъ находился въ «непозволительной» связи. Проживъ свою молодость, этотъ господинъ до того излѣнился, что уже и украсть самъ не хочетъ, а заставляетъ свою любовницу.

Оставимъ теперь въ сторонѣ талантливыхъ пріятелей г. Щедрина и поставимъ вопросъ въ болѣе отвлеченномъ видѣ, чтобы не задѣвать никакихъ личностей. По нашему мнѣнію, въ обществѣ молодомъ, не успѣвшемъ еще основательно переработать всѣхъ своихъ взглядовъ и мнѣній, не успѣвшемъ, по причинѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, развить въ себѣ самоопредѣляемости къ дѣйствию (говоря по ученому), непременно являются два главные разряда членовъ. Одни—вполнѣ пассивные, безличные и крайне ограниченные, какъ въ своихъ способностяхъ, такъ и въ потребностяхъ. Эти — смиренны; они не волнуются, не сомнѣваются и не только не выходятъ изъ своей колеи, но даже не подозрѣваютъ, что можно изъ нея выйти. Въ ученѣ, въ службѣ, въ жизни—они всегда *исправны*; что имъ прикажутъ, то они сдѣлаютъ, что дадутъ выучить, выучатъ, до какихъ границъ позволятъ дойти, до тѣхъ и дойдутъ. Это уже люди убитые, безнадежные; нечего ждать отъ нихъ, нечего стараться направить въ хорошую сторону. Какъ ихъ ни направьте, они не выйдутъ изъ своего ничтожества, не разовьютъ вашихъ идей, не будутъ вашими помощниками. Они, какъ балластъ на кораблѣ, даютъ только устойчивость кораблю общества противъ бурныхъ вѣтровъ и толчковъ взволнованнаго моря. Они тяжелы на подъемъ, неподвижны и тупо вѣрны одному, разъ навсегда заученному правилу, разъ навсегда принятому авторитету. Отступленія дѣлаются ими только на практикѣ, и всегда безсознательно. Они могутъ похвалить романъ Жоржъ-Санда, пока не знаютъ, что онъ написанъ Жоржъ-Сандомъ; могутъ даже посмѣяться надъ нелѣпостью, если вы имъ не скажете, что взяли эту нелѣпость изъ уважаемой ими книги; могутъ осудить гнусный поступокъ, не зная, что онъ учиненъ генераломъ. Но какъ скоро авторитетъ является наружу, сознание ихъ просвѣтляется, и тутъ ужъ никакія убѣжденія не помогутъ... Убѣжденій и принциповъ нѣтъ для этихъ людей: для нихъ существуютъ только правила и формы. Въ дѣятельности ихъ есть что-то похожее на медвѣжью пляску для выгоды хозяина и для потѣхи празднаго народа; въ разговорахъ же своихъ они напоминаютъ попугая, который на всѣ ваши вопросы отвѣчаетъ одно, заученное слово, и часто совершенно невпопадъ говоритъ вамъ «дуракъ» за всѣ ваши ласки. Нѣкоторые, впрочемъ, и этимъ утѣшаются: интересно, дескать, что птица говоритъ, точно человѣкъ.

Другую половину молодого общества составляютъ именно тѣ люди, ко-

торыхъ называютъ современными героями, «провинціальными Печоринскими» «уѣздными Гамлетами», наконецъ, «талантливыми натурами». Последнее названіе, можетъ быть, менѣе другихъ соотвѣтствуетъ мысли, которую мы хотимъ высказать: но — дѣло не въ названіи. Натуры тутъ, конечно, не много, а болѣе дѣйствуютъ обстоятельства житейскія, состоящія, во-первыхъ, въ отношеніяхъ времени. Печоринскія замашки и претензіи на талантливость натуры являются всегда, какъ уже замѣтилъ г. Щедринъ, въ молодомъ поколѣніи, обладающемъ сравнительно большею свѣжестью силъ, болѣе живою воспримчивостью чувствъ. Подвергаясь разнообразнымъ вліяніямъ, молодые люди находятся въ необходимости сдѣлать, наконецъ, выборъ между ними. Начинается внутренняя работа, которая въ иныхъ исключительныхъ личностяхъ продолжается безостановочно, идетъ живо и самостоятельно, съ строгимъ разграниченіемъ внутреннихъ органически-естественныхъ побужденій отъ внѣшнихъ вліяній, дѣйствующихъ болѣе или менѣе насильственно. Но подобныя личности представляютъ исключеніе, тѣмъ болѣе рѣдкое, чѣмъ ниже стоитъ образованность всего общества. Самая же большая часть людей, начинающихъ работать мыслью въ обществѣ мало образованномъ, оказывается слабою и негодною, чтобы устоять противъ ожидающихъ ихъ препятствій. Съ самаго появленія своего на бѣлый свѣтъ, въ самые первые впечатлительные годы жизни, — люди новаго поколѣнія окружены все-таки средою, которая не мыслить, не движется нравственно, о мысли всякаго рода думаетъ, какъ о дьявольскомъ навожденіи, и бессознательно-практически гнетъ и ломаетъ волю ребенка. Это второе обстоятельство, — противодѣйствіе начальнаго воспитанія и всей окружающей среды идеямъ времени, которому уже принадлежитъ новое поколѣніе, — и приводитъ къ паденію болшую часть талантливыхъ натуръ. Возникли у нихъ кое-какія требованія, которымъ прежняя среда и прежняя жизнь не удовлетворяютъ: надобно искать удовлетворенія въ другомъ мѣстѣ. Но для этого надо много продолжительныхъ усилій, надо долго плыть противъ теченія. Между тѣмъ, корабль давно уже стоитъ на мели, и балласть грузно лежитъ внизу. Талантливыя натуры, замѣтивъ, что все около нихъ движется, — и волны бѣгутъ, и суда плывутъ мимо, — рвутся и сами куда нибудь; но снять корабль съ мели и повернуть по своему они не въ силахъ, уплыть одни далеко отъ своихъ — боятся: море невѣдомое, а пловцы они плохіе. Напрасно кто-нибудь, болѣе ихъ искусный и неустрашимый, переплывшій на противный берегъ, кричитъ имъ оттуда, указывая путь спасенія; плохіе пловцы боятся броситься въ волны и ограничиваются тѣмъ, что проклинаятъ свое малодушіе, свое положеніе, и иногда, заглядѣвшись на бѣгущую мимо струю, или ободренные крикомъ, вылетѣвшимъ изъ капитанскаго рунора, вдругъ воображаютъ, что корабль

ихъ бѣжить, и восторженно восклицаютъ: «пошелъ, пошелъ, двинулся!» Но скоро они сами убѣждаются въ оптическомъ обманѣ и опять начинаютъ проклинать или погружаются въ апатичное бездѣйствіе, забывая простую истину, что имъ придется умереть на мели, если они сами не позаботятся снять съ нея корабль и, прежде всего—хоть помочь капитану и его матросамъ выбросить балластъ, мѣшающій караблю подняться.

Какой изъ этихъ двухъ разрядовъ лучше,—конечно, не затруднится сказать никто. Въ настоящемъ они *оба хуже*, и горе тому обществу, которое долго остановится на этихъ двухъ категоріяхъ, и въ которомъ не будетъ съ года на годъ увеличиваться число спасительныхъ исключеній. Отсутствие всякой самостоятельности, лѣнивая апатія и увлеченіе внѣшностью составляютъ существенные признаки—какъ талантливыхъ натуръ, такъ и людей, принадлежащихъ къ общественному балласту, хотя и не во всѣхъ находятся эти качества въ одинаковой степени. Слѣдовательно, и тотъ, и другой сортъ людей—не большая находка для общества, которое хочетъ жизни и дѣятельности сознательной и самобытной. Лучшая изъ талантливыхъ натуръ не пойдетъ дальше теоретическаго пониманія того, что нужно, и громкаго крика, когда онъ не слишкомъ опасенъ. Въ случаѣ же обстоятельствъ неблагопріятныхъ, они или заговорятъ двусмысленно, или и совсѣмъ противно своимъ убѣжденіямъ. Самые отважные—замолчатъ, и свое молчаніе будутъ считать геройствомъ. «Мы, дескать, мученики своихъ убѣжденій: всѣ говорятъ противъ совѣсти и получаютъ отъ этого выгоду; и мы могли бы тоже получить выгоду, проповѣдуя чужія мысли, которыхъ не раздѣляемъ; но мы не хотимъ кривить душой и молчимъ, затаивъ въ себѣ собственное, самобытно-сочиненное воззрѣніе до того времени, когда можно будетъ его высказать безъ опасеній». Такимъ образомъ и водворяется въ обществѣ невозмутимѣйшая тишина, полнѣйшая неподвижность, возмущаемая только развѣ дебоширствами талантливыхъ натуръ, посягающихъ на безопасность смиренныхъ гражданъ.

Но у молодого, еще не совсѣмъ развитого, общества есть будущее. И для этого будущаго второй разрядъ людей, т.-е. люди съ размахистыми натурами даютъ все-таки несравненно больше хорошихъ надеждъ, чѣмъ убитыя существа безъ всякихъ стремленій. Они, по крайней мѣрѣ, не будутъ имѣть такого парализующаго вліянія на дѣятельность слѣдующихъ за ними поколѣній, потому что въ нихъ есть уже хоть смутное предчувствіе истины, хоть робкое, слабое оправданіе молодыхъ порывовъ. Лузгинъ уже не смѣетъ высѣчь своихъ дѣтей за то, что они уличаютъ его во лжи; Корепановъ безбоязненно внушаетъ крутогорскому молодому поколѣнію «отвращеніе къ тѣмъ мерзостямъ, въ которыхъ закоренѣли ихъ милые родители». Рудинъ (тоже талантливая натура) имѣлъ болѣе благотворное

вліяніе на молодого студента Басистова, чѣмъ всѣ его профессора вмѣстѣ. Въ талантливыхъ натурахъ есть хоть слабые зачатки дѣятельности, хоть желаніе перевертывать на разныя манеры то, что имъ передано другими; въ натурахъ безталантныхъ, безличныхъ, нѣтъ даже мысли о томъ, что нужно и можно дѣйствовать самому; пассивное воспріятіе внѣшнихъ внушеній не только не возбуждаетъ ихъ къ дѣятельности, но даже еще болѣе усыпляетъ и успокаиваетъ въ томъ процессѣ механическаго передвиженія, который они называютъ жизнью и дѣятельностью... Винить этихъ несчастныхъ тружениковъ было бы несправедливо уже и потому, что у нихъ нѣтъ своей воли, нѣтъ своей мысли, слѣдовательно, имъ и отвѣчать не за что. Но нельзя не жалѣть объ ихъ положеніи, нельзя не желать, чтобы все уменьшалось въ человѣчествѣ число подобныхъ людей, напрасно носящихъ образъ человѣческій.

Обращаясь теперь къ началу нашей статьи, мы намѣрены предложить читателямъ вопросъ: не состоитъ-ли и большинство нашего общества изъ членовъ двухъ названныхъ нами категорій? Не составляютъ-ли у насъ исключенія люди, соединяющіе съ правдивостью и возвышенностью стремленій честную и неутомимую дѣятельность? Вѣроятно, каждый изъ читателей можетъ насчитать въ числѣ своихъ знакомыхъ десятки людей, которымъ, кажется, сроду не приходило въ голову ни одного вопроса, не касавшагося ихъ собственной кожи, и десятки другихъ, бесплодно тратящихъ всю жизнь въ вопросахъ и сомнѣніяхъ, не пытаясь разрѣшить своей дѣятельностью ни одного изъ нихъ, и измѣняющихъ на дѣлѣ даже тѣмъ рѣшеніямъ, которыя ими сдѣланы въ теоріи. Сколько мы видимъ людей, унижающихся передъ тѣми, кого они внутренно презираютъ, смѣющихся надъ тѣми, чего боятся, дѣлающихъ то, чего гадость они очень хорошо знаютъ, говорящихъ то, чему сами не вѣрятъ, и т. п. Отчего происходитъ все это? Оттого же, отчего погибаютъ талантливыя природы, — отъ недостаточнаго развитія внутренней силы, необходимой, чтобы устоять противъ внѣшнихъ вліяній. Теперь мы, слава Богу, всѣ уже знаемъ кое-что, потому что всѣ учились понемногу. Но бѣда въ томъ, что ученье это рѣдкимъ изъ насъ впрокъ идетъ: рѣдкіе рѣшаются собственнымъ умомъ провѣрить чужіе внушенія, внести въ чужія системы свѣтъ собственной мысли и ступить на дорогу безпощаднаго отрицанія для отысканія чистой истины; большая часть принимаетъ ученье только памятью, и если дѣйствуетъ иногда разсудкомъ, то не потому, чтобы внутренняя, живая потребность была, а потому только, что въ голову заброшено такое ученіе, въ которомъ именно приказывается мыслить. И начинается мышленіе на заказъ, безъ всякаго участія сердца, съ соблюденіемъ только діалектическихъ тонкостей. И то хорошо, конечно: все-таки лучше, чѣмъ совершенное, мертвое безсмысліе. Но жизнь не

уловляется діалектикой, и кто не вникалъ въ разнообразіе ея вліяній самъ, не стѣсняясь теоріями, навязанными въ лѣта невѣдѣнія, — тотъ не пойметъ ея хода. Въ томъ обществѣ, гдѣ сильно еще дѣйствуютъ въ отдѣльныхъ личностяхъ чужія, бессмысленно взятыя на вѣру формы и формулы, долго нельзя ожидать плодотворной и послѣдовательной дѣятельности. Во многихъ умахъ могутъ появляться прекрасные порывы, произведенные пристальными убѣжденіями; но всѣ они — и порывы, и самыя убѣжденія — бесполезно погибаютъ и разсыпаются въ прахъ, не въ силахъ будучи противиться давленію темной и тяжелой массы, со всѣхъ сторонъ заграждающей имъ путь. Оттого-то и бываетъ такъ медленъ переходъ народовъ изъ состоянія пассивнаго воспріятія въ состояніе самобытной дѣятельности. Медленно, чуть замѣтно увеличивается, изъ поколѣнія въ поколѣніе, число людей самобытно мыслящихъ, и еще медленнѣе получается возможность приложить мысль къ дѣлу. Идеала лично-самостоятельной дѣятельности не достигъ еще ни одинъ народъ, и немного есть народовъ, въ которыхъ сознательно развитыя личности не составляютъ исключенія.

Наше общество еще очень молодо въ отношеніи къ европейской цивилизації, и потому нечего удивляться, что огромное большинство его относится къ наукѣ и мысли чисто-страдательно. Между этимъ большинствомъ есть мирные люди, отличающіеся изумительной способностью легко переваривать всѣ противорѣчія, проистекающія изъ смѣшенія новыхъ понятій, вносимыхъ жизнью, съ старыми привычками, пріобрѣтенными въ дѣтствѣ. Есть и талантливыя натуры разныхъ сортовъ, шумно дающія знать о своемъ бездѣйствіи и переваривающія на досугѣ свое прошедшее, протестуя противъ настоящаго. Они-то обыкновенно и толкуютъ о высшей своей русской породѣ, которой достоинства опредѣляютъ на манеръ Горехвастова: «геніальная, дескать, натура у русскаго человѣка; безъ науки всѣ науки прошли!» И дѣйствительно, — продолжимъ мы рѣчь Горехвастова, соображая нѣкоторыя явленія нашей общественной жизни, — «какъ почнетъ топоромъ рубить — только щепки летятъ... Лежитъ, кажется, цѣлый день на боку, да за то ужъ какъ примется»... — «Въ полтора вѣка Европу мы догнали, да и перегнали», — восклицаютъ у насъ, вторя Горехвастову, многія талантливыя натуры. «Да помилуйте, мы уже восемь вѣковъ назадъ были далеко впереди отъ Европы, — возражаютъ другія, — мы всегда были не то, что прочіе люди; мы давно уже безъ науки всѣ науки прошли, потому что геніальная натура науки не требуетъ: это ужъ у насъ у всѣхъ русское, врожденное».

Къ сожалѣнію, все это — слова, слова, не имѣющія внутренняго смысла. Самые толки о необыкновенно быстромъ ростѣ нашемъ оказываются краснорѣчивымъ тропомъ. Отъ древней Руси довольно осталось намъ на-

ивно-разсказанныхъ фактовъ кормленія и продѣлокъ подъячества. Сто лѣтъ тому назадъ Сумароковъ пріобрѣлъ благодарность современниковъ за успѣшное преслѣдованіе «крапивнаго сѣмени». За шестьдесятъ лѣтъ до нашего времени, по поводу комедіи Капниста, журналы предсказывали искорененіе взяточничества. Не дальше, какъ въ прошломъ году самъ господинъ Щедринъ похоронилъ прошлыя времена. Но вотъ опять всѣ покойники оказались живехоньки и зычнымъ голосомъ отозвались въ третьей части «Очерковъ» и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени. Доказываетъ-ли это, что мы очень выросли въ нравственномъ и умственномъ отношеніи? Не напоминаетъ-ли это, напротивъ, Горехвастова, трагически декламирующаго о своей гадости и подлости, съ вырываніемъ собственныхъ волосъ приносящаго раскаяніе и, въ то же время, затѣвующаго новое воровство?..

«До чего-жь вы, наконецъ договорились,—возражаютъ намъ практичeskіе люди:—вы сами сознаетесь, наконецъ, въ безсиліи вашего хваленаго рода литературы? Къ чему же привели всѣ эти отвратительныя картины, грязныя сцены, пошлые и подлые характеры? Къ чему привело все это раскрытіе общественныхъ ранъ, которое вы всегда такъ превозносили? Выходить, что отъ вашихъ литературныхъ обличеній никакого толку нѣтъ, да и быть не можетъ. Повѣрьте, что исправники и становые вашихъ разсужденій и очерковъ читать не станутъ, а если и прочтутъ, такъ только васъ же ругнутъ: хорошо, молъ, имъ сочинять-то у бездѣля, а тутъ на шеѣ столько обязанностей виситъ, что только дай Богъ вынести. И повѣрьте, что сознаніе своихъ обязанностей въ отношеніи къ желудку, семейству, начальству, и пр., будетъ въ человѣкѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ убѣжденія всѣхъ вашихъ книжекъ. Напрасно только литература унижаетъ себя, опускаясь изъ свѣтлыхъ высотъ фантазіи въ омутъ грязной дѣйствительности. Она должна приносить чистыя жертвы на алтарь музъ, а вмѣсто того жрецы ея берутся за метлу. Вы рождены для вдохновенія, для звуковъ *сладкихъ* и молитвъ; зачѣмъ же вы пускаетесь въ житейскія волненія, зачѣмъ преслѣдуете какія-то цѣли, достиженіе которыхъ васъ, кажется, очень интересуетъ? Искусство цѣлей внѣ себя допускать не должно. Иначе оно искажается, профанируется, низводится на степень ремесла, и все это безъ малѣйшей пользы для общества, единственно за тѣмъ, чтобы дать исходъ желчи какого-нибудь господина. Оставьте лучше этотъ родъ: онъ не приводитъ ни къ чему хорошему. Вѣковой опытъ долженъ убѣднить васъ въ этой непреложной истинѣ. Изображайте намъ лучше чувства возвышенныя, натуры благородныя, лица идеальныя. Дайте намъ образцы добраго и изящнаго, которыми мы могли бы восхищаться, на которыхъ душа наша могла бы отдохнуть и успокоиться отъ тревоженій и сердечныхъ зрѣ-

лицъ жизненнаго поприща. Пишите объ искусствѣ, о предметахъ, повергающихъ сердце въ сладостное умиленіе или благоговѣйный восторгъ,—описывайте, наконецъ, красоты природы, неба... Тогда ваша литература будетъ исполнять свое прямое назначеніе—служеніе искусству и, слѣдовательно, будетъ полезна, пріятна и, главное, художественна».

Въ словахъ практическихъ людей звучитъ ожесточеніе беспощадное. Они давно уже косятся на это направленіе, которое насолило ихъ теоріи, да не оставило-таки задѣть немножко и практику. Всѣ ихъ возраженія, конечно, не новы и составляютъ варіаціи стихотворенія Пушкина «Чернь», съ прибавленіемъ, можетъ быть, чувствительныхъ стишковъ изъ Ильи Муромца.

„Ахъ, не все намъ слезы горькія
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ...
На минуту позабудемся
Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ“.

Отчего же и не позабыться, если хотите,—особенно, если это только на минуту. Но, при врожденной талантливимъ натурамъ лѣни, онѣ любятъ забываться надолго, даже навсегда, если можно. Онѣ готовы въ своей дремотѣ отъ всего сердца проклясть «правды гласъ», если онѣ вдругъ разрушить ихъ сладостныя мечтанія. Многія, эстетически обученныя талантливыя натуры сильно желаютъ этого забытья, чтобы блаженствовать въ покоѣ. Но, признаемся, мы никогда не понимали «блаженства безумія», и еще менѣе понимаемъ, зачѣмъ люди хотятъ сдѣлать искусство служителемъ этого безумія. Вамъ не хочется смотрѣть на гадость и пошлость жизни; да литература-то что же за штопальщица, что вы хотите заставить ее зашивать кое-какъ прорѣхи вашего изношеннаго наряда? Вы знаете, что человѣкъ не въ состояніи самъ отъ себя ни одной песчинки выдумать, которой бы не существовало на свѣтѣ; хорошее или дурное, все равно, берется изъ природы и дѣйствительной жизни. Когда же художникъ болѣе подчиняется заранѣе предположенной цѣли,—тогда-ли, когда въ своихъ произведеніяхъ выражаетъ истину окружающихъ его явленій, безъ утайки и безъ прикрасъ, или тогда, когда нарочно старается выбрать одно возвышенное, идеальное, согласное съ опрятными инстинктами эстетической теоріи? И чѣмъ же искусство болѣе возвышается,—описаніемъ-ли журчанья ручейковъ и изложеніемъ отношеній дола къ пригорку, или представленіемъ теченія жизни человѣческой и столкновенія различныхъ началъ, различныхъ интересовъ общественныхъ? Вамъ угодно называть служителей общественнаго направленія подметателями всякаго сора. Пусть такъ; мы противъ этого не станемъ спорить; мы даже выскажемъ вамъ нашу искреннюю благодарность и удивленіе къ вашей эстетической мудрости, уподо-

бывъ васъ тому нѣмецкому профессору (подумайте—профессору! нѣмецкому!), который у Гейне

„Mit seinen Nachtmützen und Schlafrockfetzen
Stopft die Lücken des Weltbaues“.

А что литературныя обличенія не производятъ практически-благотворныхъ результатовъ, или производятъ ихъ весьма мало,—такъ кто же опять виноватъ въ этомъ? Неужели опять вы скажете, что литература? Да на нее и безъ того вы же сами взводите обвиненія въ излишней рѣзкости, вмѣшательствѣ не въ свои дѣла и пр. Она дѣйствуетъ такъ сильно, какъ только можетъ, а вы недовольны ея дѣйствіями и хотите ихъ прекратить, потому что они слабы! Гораздо послѣдовательнѣе было бы съ вашей стороны, если бы вы сказали, что надобно, поэтому, усилить тонъ литературныхъ обличеній, для легчайшаго достиженія практическихъ результатовъ. Тогда бы мы съ вами и спорить не стали, хотя все-таки не рѣшились бы обѣщать слишкомъ замѣтнаго успѣха въ улучшеніи нравовъ посредствомъ литературы. Литература въ нашей жизни не составляетъ такой преобладающей силы, которой бы все подчинялось: она служитъ выраженіемъ понятій и стремленій образованнаго меньшинства и доступна только меньшинству; вліяніе ея на остальную массу—только посредственное, и оно распространяется весьма медленно. Да и по самому существу своему, литература не составляетъ понудительной силы, отнимающей физическую или нравственную возможность поступать противозаконно. Она не любитъ насилія и принужденія, а любитъ спокойное, безпристрастное и безпрепятственное разсужденіе. Она поставяетъ вопросы, со всѣхъ сторонъ ихъ разсматриваетъ, сообщаетъ факты, возбуждаетъ мысль и чувство въ человѣкѣ, но не присвоиваетъ себѣ какой-то исполнительной власти, которой вы отъ нея требуете. Намъ приходитъ теперь на мысль начало одного знаменитаго въ свое время французскаго сочиненія объ одномъ важномъ вопросѣ. «Меня спросятъ,—говоритъ авторъ,—что я за правитель или законодатель, что смѣю писать о политикѣ? Я отвѣчу на это: оттого-то я и пишу, что я ни правитель, ни законодатель. Если бы я былъ тѣмъ или другимъ, то не сталъ бы напрасно тратить время въ разговорахъ о томъ, что нужно сдѣлать: я сдѣлалъ бы, или бы молчалъ»... Нужно же понять наконецъ значеніе писателя, нужно понять, что его оружіе—слово, убѣжденіе, а не матеріальная сила. Если вы признаете справедливость его убѣжденій и все-таки не исправляете по нимъ своей дѣятельности,—въ этомъ вы сами ужъ виноваты: въ васъ, значить, нѣтъ характера, нѣтъ умѣнья бороться съ трудностями, не развито понятіе о честномъ согласованіи поступковъ съ мыслями. Если же самыя убѣжденія вамъ не нравятся,—тогда другое дѣло. Тогда выскажите намъ всенародно ваши собственныя убѣжденія, до-

кажите, что г. Щедринъ говоритъ неправду, что онъ изобрѣтаетъ небывалыя вещи. Публика послушаетъ и васъ, разберетъ тогда, на чьей сторонѣ правда. Въ такомъ случаѣ, литература, разумѣется, и значенія больше получить, хотя, конечно, и тогда чудесъ дѣлать не будетъ и не остановитъ хода исторіи. Для примѣра укажемъ хоть на древнюю исторію, чтобы не вмѣшивать сюда новыхъ народовъ. Ужъ на что, кажется, литературный народъ были аѳиняне. Судебныя дѣла рѣшались умиленіемъ судей отъ чтенія хорошей трагедіи; краснорѣчіе судьбою государства правило, но ничто не отвратило упадка аѳинской силы, когда народная доблесть пропала. Аристофанъ, не чета нашимъ комикамъ, не въ бровь, а въ самый глазъ кололъ Клеона, и бѣдные граждане рады были его колкимъ выходкамъ; а Клеонъ, какъ богатый человѣкъ, все-таки управлялъ Аѳинами съ помощью нѣсколькихъ богатыхъ людей. Демосѳенъ цѣлому народу громко проповѣдывалъ свои филиппики. Филиппъ зналъ силу оратора, говорилъ, что боится его больше, чѣмъ цѣлой арміи и, понимая, что борьбу надобно производить равнымъ оружіемъ, подкупилъ Эсхина, который могъ помѣряться съ Демосѳеномъ. Борьба продолжалась долго, наконецъ самый ходъ событій оправдалъ Демосѳена: аѳиняне послушались его, собрали наконецъ войско и пошли на Филиппа. Но все краснорѣчіе Демосѳена было не въ силахъ возвратитъ времена Мильтіадовъ иThemistoclesовъ. Аѳины покорилась Филиппу. Неужто и тутъ Демосѳенъ виноватъ: зачѣмъ, дескать, онъ говорилъ? Какъ бы не говорилъ, такъ, можетъ, было бы и лучше.

Впрочемъ, подумавши хорошенько, мы убѣждаемся, что серьезно защищать г. Щедрина и его направленіе совершенно не стоитъ. Все отрицаніе г. Щедрина относится къ ничтожному меньшинству нашего народа, которое будетъ все ничтожнѣе съ распространеніемъ народной образованности. А упреки, дѣлаемые г. Щедрину, раздаются только въ отдаленныхъ, едва замѣтныхъ кружкахъ этого меньшинства. Въ массѣ же народа имя г. Щедрина, когда оно сдѣлается тамъ пзвѣстнымъ, будетъ всегда произносимо съ уваженіемъ и благодарностью: онъ любитъ этотъ народъ, онъ видитъ много добрыхъ, благородныхъ, хотя и не развитыхъ или невѣрно направленныхъ инстинктовъ въ этихъ смиренныхъ, простодушныхъ труженикахъ. Ихъ-то защищаетъ онъ отъ разнаго рода талантливыхъ натуръ и безталанныхъ скромниковъ, къ нимъ-то относится онъ безъ всякаго отрицанія. Въ «Богомольцахъ» его великолѣпный контрастъ между простодушной вѣрой, живыми, свѣжими чувствами простолюдиновъ и надменной пустотой генеральши Дарьи Михайловны или гадостнымъ фанфаронствомъ откупщика Хрептюгина. И неужели это будетъ отрицаніе народнаго достоинства, нелюбовь къ родинѣ, если благородный человѣкъ расскажетъ, какъ благочестивый народъ разгоняютъ отъ святыхъ мѣстъ, которымъ онъ

искренно вѣруеть и поклоняется, для того, чтобы очистить мѣсто для генеральши Дарьи Михайловны, небрежно говорящей, что *c'est joli*; или какъ полуграмотный писарь глумится надъ простодушной вѣрой старика, увѣряя, что «простой человекъ, окромѣ какъ своего невѣжества, натурального естества ни въ жизнь пронзойти не въ силахъ»; или какъ у истомленныхъ, умирающихъ отъ жажды странницъ отнимають ото рта воду, чтобы поставить серебряный самоваръ Ивана Онуфрича Хрептюгина. Нѣтъ, отрицательное направленіе принадлежитъ именно тѣмъ людямъ, которые обижаются подобными разказами и безумно отрекаются отъ своей родины, ставя себя на мѣсто народа. Они—гнилыя части, сухія вѣтви дерева, которыя отмѣчаются знатокомъ для того, чтобы садовникъ обрѣзалъ ихъ, и они-то поднимають вопль о томъ, что рѣжутъ дерево, что гибнетъ дерево. Да, дерево можетъ погибнуть именно отъ этихъ гнилыхъ и засохшихъ вѣтвей, если онѣ не будутъ отсѣчены. Безъ нихъ же дерево ничего не потеряетъ: оно свѣжо и молодо, его можно воспитать и выпрямить; его растительная сила такова, что на мѣсто обрѣзанныхъ у него скоро выростутъ новыя, здоровыя вѣтви. А о сухихъ вѣтвяхъ и жалѣть нечего: пусть ихъ пригодятся кому-нибудь хоть на ростокъ печки.

Сочувствіе къ неиспорченному, простому классу народа, какъ и ко всему свѣжему, здоровому въ Россіи, выражается у г. Щедрина чрезвычайно живо. Мы думаемъ, что самый эстетическій, самый восторженный человекъ можетъ отдохнуть на общей картинѣ богомольцевъ и странниковъ, ожидающихъ на соборной площади появленія святыхъ иконъ. Тутъ нѣтъ сентиментальничанья и ложной идеализаціи; народъ является какъ есть, съ своими недостатками, грубостью, неразвитостью. Тутъ и горе, и бѣдность, и лохмотья, и голодь являются на сцену, тутъ и пѣсни о томъ, что пришло время антихристово, потому что

„Власы, бороды стали брѣти,
Латынскую одежду носить“...

Но эти бѣдные, невѣжественные странники, эти суевѣрные крестьянки возбуждають въ насъ не насмѣшку, не отвращеніе, а жалость и сочувствіе; становится грустно, какъ послушаешь толки женщинъ о предстоящемъ имъ переселеніи по-за Пермь, въ сибирскія страны. Жалко стараго мѣста, жалко родительскія могилки оставить, но что дѣлать? Житье-то плохое на старомъ мѣстѣ: земля—тундра да болотина, семья большая, кормиться нечѣмъ и подати взять неоткуда. А въ сибирской сторонѣ, говорятъ, и хлѣбъ родится, и скотина живетъ... Вздыхають собесѣдницы, и разговоръ, по-видимому, стихаетъ. Но, продолжаетъ г. Щедринъ,—

„Этой боли сердечной, этой нуждѣ сосущей, которую мы равнодушно называемъ именовъ ежедневныхъ будничныхъ явленій, никогда нѣтъ скончанія.“

Они безконечно зрѣютъ въ сердцѣ бѣднаго труженика, выражаясь въ жалобахъ, всегда однообразныхъ и всегда безплодныхъ, но тѣмъ не менѣе повторяющихся непрерывно, потому что человѣку невозможно не стонать, если стонъ, совершенно созрѣвшій безъ всякихъ съ его стороны усилій, вылетаетъ изъ груди.

„ — Такъ-то вотъ, братъ,—говоритъ пожилой и очень смиренный съ виду мужичекъ, встрѣтившись на площади съ своимъ односельяниномъ:—такъ-то вотъ, и Матюшу въ некруты сдали!

„Въ загорѣлыхъ и огрубѣвшихъ чертахъ лица его является почти незамѣтное судорожное движеніе, въ голосѣ слышится дрожаніе, и обыкновенный сдержанный вздохъ вырывается изъ груди.

„ — А добрый парень былъ,—продолжаетъ мужичекъ:—какъ есть на свѣтѣ муха, и той не обидѣлъ, робилъ непрекословно, да и въ некруты непрекословно пошелъ, даже голосу не подалъ, какъ „лобъ“ сказали!

„Воображенію моему вдругъ представляется этотъ славный, смиренный парень Матюша, не то, чтобъ веселый, а скорѣе боязливый, трудолюбивый и честный. Я вижу его за сохой, бодрого и сильнаго, несмотря на капли пота, струящіяся съ его загорѣлаго лица; вижу его дома безропотно исполняющаго всякую домашнюю нужду; вижу въ церкви Божіей, стоящаго скромно и истово знаменующагося крестнымъ знаменіемъ; вижу его позднимъ вечеромъ, засыпающаго сномъ невиннымъ послѣ тяжелой дневной работы, для него никогда не кончающейся. Вижу я старика отца и старуху мать, которые радуются не нарадуются на ненаглядное дѣтище; вижу урну съ свернутыми въ ней жеребьями, слышу слова: „лобъ“, „лобъ“, „лобъ“!..

„ — Чтожъ, помолиться, что-ли, ты пришелъ, дядя Иванъ?—спрашиваетъ у мужичка его собесѣдникъ.

„ — Да, вотъ къ угоднику... Помиловалъ бы Онъ его, нашъ Батюшка! — отвѣчаетъ старикъ прерывающимся голосомъ:—никакого, то-есть, даже изъяну въ немъ не нашли, въ Матюшѣ-то; тѣло-то, слышь, бѣлое разбѣлое, да крѣпко таково...

„И вся эта толпа пришла сюда съ чистымъ сердцемъ, храня, во всей ея непорочности, душевную лепту, которую она обѣщала повергнуть къ пречестному и достохвальному образу Божьяго угодника. Прислушиваясь къ ея говору, я самъ начинаю сознавать возможность и законность этого стремленія къ душевному подвигу, которое такъ просто и такъ естественно объясняется всѣми жизненными обстоятельствами, оцѣпляющими незатѣйливое существованіе простого человѣка“ (т. III, стр. 152—154).

Мы остановимся здѣсь, подѣ влияніемъ этого трогательнаго чувства. Замѣтимъ только, въ заключеніе, какъ ровно, безпорывно, но за то какъ беззавѣтно, просто и открыто выражается глубокое чувство, глубокая вѣра этого народа, и выражается не въ восклицаніяхъ, а на дѣлѣ. Это не то, что фразеры, о которыхъ говорили мы въ началѣ статьи. Толками тѣхъ господъ нечего увлекаться, на нихъ нечего надѣяться: ихъ стаетъ только на фразу, а внутри существа ихъ господствуетъ лѣнь и апатія. Не такова эта живая, свѣжая масса: она не любитъ много говорить, не щеголяетъ своими страданьями и печалями, и часто даже сама ихъ не понимаетъ хорошенько. Но ужъ за то, если пойметъ что-нибудь этотъ «міръ», толковый и дѣльный, если скажетъ свое простое, изъ жизни вышедшее слово, то крѣпко будетъ его слово, и сдѣлаетъ онъ, что обѣщаль. На него можно надѣяться.

1858.

Сочиненія Пушкина. Седьмой (дополнительный) томъ. Изданіе П. В. Анненкова. Спб. 1857.

Всѣ еще помнятъ, вѣроятно, какой живой восторгъ возбудило, три года тому назадъ, во всей читающей публикѣ извѣстіе о новомъ изданіи Пушкина, подъ редакціею г. Анненкова. Послѣ вялости и мелкоты, которою отличалась наша литература за семь или за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, это изданіе, дѣйствительно, было событіемъ, не только литературнымъ, но и общественнымъ. Русскіе, любившіе Пушкина, какъ честь своей родины, какъ одного изъ вождей ея просвѣщенія, давно уже пламенно желали новаго изданія его сочиненій, достойнаго его памяти, и встрѣтили предпріятіе г. Анненкова съ восхищеніемъ и благодарностью. И въ самомъ дѣлѣ, память Пушкина какъ будто еще разъ повѣяла жизнью и свѣжестью на нашу литературу, точно окропила насъ живой водой и привела въ движеніе наши окостенѣвавшіе отъ бездѣйствія члены. Вслѣдъ за Пушкинымъ вышло второе изданіе «Мертвыхъ душъ», потомъ второй томъ ихъ, затѣмъ полное изданіе Гоголя, потомъ изданіе Кольцова съ біографіею его, написанною Бѣлинскимъ... Впрочемъ, нечего и перечислять столь недавніе и общеизвѣстные факты; довольно сказать, что со времени изданія Пушкина, первые томы котораго вышли въ началѣ 1855 года, наша литература оживилась весьма замѣтно, несмотря на громы войны, несмотря на тяжелыя событія, сопряженныя съ войною. Послѣдствія показали, впрочемъ, что эти самыя бѣдствія имѣли весьма полезное значеніе для нашего умственнаго совершенствованія: они заставили насъ и дали намъ возможность лучше рассмотретьъ самихъ себя, пооткровеннѣе сообщить другъ другу свои замѣчанія, побольше обратить вниманія на свои недостатки. Литература тотчасъ же явилась у насъ выразительницею общественнаго движенія и ея дѣятели одушевились сознаніемъ важности своего долга, любовью къ дѣлу, горячимъ желаніемъ добра и правды. Это одушевленіе, при новомъ положеніи литературы, скоро выразилось рѣшительно во всемъ, даже въ бібліографіи, бывшей у насъ долгое время бесплоднымъ занятіемъ празднолюбцевъ, для развлеченія ихъ скуки. Въ прежнее время бібліо-

графы наши подбирали факты ничтожные, вели споры объ обстоятельствахъ пустыхъ, занимались часто рѣшеніемъ вопросовъ ни къ чему не ведущихъ. Мы помнимъ за послѣднія десять лѣтъ множество статей, написанныхъ даже людьми дѣльными и почтенными, но пускавшимися въ такія ненужныя мелочи и дѣлавшими при этомъ такія наивныя ошибки, что со стороны становилось, наконецъ, досадно, хотя и забавно, смотрѣть на трудолюбивыхъ бібліографовъ. И замѣчательно, что цѣлыми годами труда самаго копотливаго—не добывалось тогда ровно никакихъ результатовъ: публику душили ссылками на №№ и страницы журналовъ, давно отжившихъ свой вѣкъ, а она часто и не знала даже, о чемъ идетъ дѣло. Въ послѣднее время и бібліографія перемѣнила свой характеръ: она обратила свое вниманіе на явленія, важныя почему-нибудь въ исторіи литературы, она старается въ своихъ поискахъ по архивамъ и бібліотекамъ отыскать что-нибудь дѣйствительно интересное, и нерѣдко сообщаетъ читателямъ вещи, доселѣ бывшія вовсе неизвѣстными въ печати. Такъ, на примѣръ, недавно были напечатаны—«Сумасшедшій домъ» Воейкова, пародія Батюшкова на «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», и пр.; такъ, представлены были (въ запискахъ г. Лонгинова, въ «Сборникѣ» студентовъ Спб. Университета) новыя интересныя свѣдѣнія о мартинистахъ, о Радищевѣ и Новиковѣ, и пр. Ставя это въ заслугу бібліографамъ послѣднихъ лѣтъ, мы, разумѣется, вовсе не думаемъ этимъ унижать лично прежнихъ дѣятелей. На поприщѣ бібліографіи и нынѣ подвизаются, большею частію, тѣ же лица, что и прежде, и, слѣдовательно, за нынѣшніе полезные труды упрекать ихъ въ прежнихъ бесполезныхъ было бы съ нашей стороны совершенно несправедливо. Мы очень хорошо понимаемъ, что удача или неудача бібліографа, въ сообщеніи читателямъ интересныхъ свѣдѣній, весьма часто не зависитъ отъ его воли. Онъ всегда радъ бы печатать все хорошее, но что же дѣлать, если не имѣетъ средствъ къ этому. Личности литературныхъ дѣятелей обвинять за это нельзя,—и мы хотимъ обратить вниманіе читателей на вопросъ именно съ той точки зрѣнія, что въ послѣднее время наша бібліографія значительно расширилась въ своихъ предѣлахъ и средствахъ.

Вышедшій нынѣ седьмой томъ Пушкина служитъ однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ этого расширенія средствъ нашей бібліографіи, особенно въ отношеніи къ возможности и легкости сообщать публикѣ свои находки. Правда, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи она еще и теперь далеко несовершенна, даже неудовлетворительна; но все же, какое сравненіе съ тѣмъ, что было прежде, и незадолго прежде! Мы помнимъ, какъ, лѣтъ пять тому назадъ, двое ученыхъ—старый и молодой—ожесточенно ратовали другъ противъ друга за то, какъ нужно произнести одинъ стихъ Пушкина: на

четыре *стороны* или *стороны*; помнимъ, какъ двое молодыхъ ученыхъ глумились другъ надъ другомъ изъ одного вздорнаго стихотворенія, съ подписью Д-гъ, не зная, кому приписать его—Дельвигу или Дальбергу. Да мало-ли что можно вспомнить изъ этого времени въ томъ-же безвредномъ родѣ, какъ будто вызванномъ отчаяніемъ скуки. И ничего не вышло изъ этихъ споровъ, изслѣдованій и открытій: г. Анненковъ взялъ просто рукописи Пушкина, да съ нихъ и печаталъ большую часть его стихотвореній: библиографическія справки также наведены имъ, кажется, почти совершенно независимо отъ указаній прежнихъ библиографовъ. Говоримъ это потому, что большая часть стихотвореній и отрывковъ, помѣщенныхъ въ VII томѣ, или является нынѣ въ первый разъ въ печати, или указана не ранѣе прошлаго года, въ «Библиографическихъ замѣткахъ» г. Лонгинова. Тамъ имъ указаны были пьесы: «На лирѣ скромной, благородной», «Когда средь оргій жизни шумной», «И нѣкій духъ повѣялъ невидимо» (отрывокъ), нѣсколько строфъ изъ Евгенія Онѣгина и другихъ стихотвореній, нѣсколько эпиграммъ, и пр. Объ этихъ произведеніяхъ мы не станемъ говорить, потому что читатели «Современника», вѣроятно, помнятъ ихъ содержаніе или, по крайней мѣрѣ, характеръ. Изъ стихотвореній, напечатанныхъ нынѣ въ первый разъ, замѣчательны особенно два, относящіяся къ послѣднему времени жизни Пушкина: «Когда по городу задумчивъ я брожу» и «Когда великое свершалось торжество». Оба они напечатаны были въ прошедшей книжкѣ «Современника», и потому о нихъ мы тоже не станемъ распространяться. Изъ ранняго періода дѣятельности Пушкина напечатаны два превосходныхъ посланія къ Аристарху, силою и серьезностью мысли напоминающія посланіе «Лицинію», а по энергіи выраженія не уступающія лучшимъ ямбамъ Пушкина позднѣйшей эпохи. Чтобы яснѣе обрисовать характеръ выраженія пьесы, приведемъ изъ нея то мѣсто, гдѣ поэтъ опредѣляетъ обязанности своего Аристарха. (Пушкинъ, томъ VII, стр. 32).

„О, варваръ, кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
 Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
 Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
 Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
 Ни слогъ пѣвца „Пировъ“, столь чистый, благородный—
 Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
 На все кидаешь ты косою, невѣрный взглядъ,
 Подозрѣвая всѣхъ—во всемъ ты видишь ядъ.
 Оставь, пожалуй, трудъ, ни мало не похвальный:
 Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный,
 И, право, никогда искусный коновальъ
 Излишней пылкости Пегаса не лишаль“.

За этимъ стихомъ въ изданіи г. Анненкова перерывъ: вѣроятно, поэтъ допустилъ «нѣкоторые намеки на современныя лица и событія», отъ которыхъ издатель старался, по его словамъ, *очистить* пьесы Пушкина. Не

знаемъ, до какой степени полезно это очищеніе, потому что не имѣемъ подъ руками полной пьесы, но думаемъ, что пьеса нисколько не потеряла бы своего художественнаго значенія, если бы была напечатана вполнѣ. Да если бы и такъ, то все-таки слѣдовало бы выпущенные въ пьесѣ стихи помѣстить хоть въ примѣчаніяхъ. Впрочемъ, такъ какъ этого не сдѣлано, и, конечно, по уважительнымъ причинамъ, то мы обращаемся къ тому, что есть. Поэтъ продолжаетъ свое обращеніе къ Аристарху:

„Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читаль-ли ты Наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ.
Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной.

Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры,
Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры;
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ;
Наперсникъ „Душеньки“ двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала,—
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бѣ раздѣлались они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зеркало,
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать“...

За этимъ стихомъ, заключающимъ въ себѣ столь высокую и благородную мысль, опять находится у г. Анненкова перерывъ, тѣмъ болѣе досадный, что тутъ слѣдовали, вѣроятно, какія-нибудь подробности, которыя могли бы объяснить намъ нѣкоторые литературные взгляды Пушкина. Но тутъ издатель опять оставляетъ насъ въ недоумѣніи, и за послѣднимъ, приведеннымъ нами, стихомъ слѣдуютъ стихи, заключающіе въ себѣ возраженіе Аристарха, выказывающее его личность въ нѣсколько комическомъ свѣтѣ.

„Все правда, скажешь ты,—не стану спорить съ вами.
Но можно-ль мнѣ, друзья, по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить.
Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
Читаю да крещусь,—марая наудачу.
На все есть мода, вкусъ. Бывали, на примѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
Я бѣдный человѣкъ; къ тому жъ жена и дѣти“...

Разсерженный этой репликою, поэтъ заключаетъ ее, съ своей стороны, слѣдующими стихами:

„Жена и дѣти, другъ, повѣрь,—большое зло;
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!“

Второе посланіе къ Аристарху, писанное въ томъ же 1827 г., отличается уже тономъ гораздо болѣе умѣреннымъ. Тутъ Пушкинъ уже очень

доволенъ тѣмъ, что Аристархъ его разрѣшилъ завѣтные доселѣ эпитеты: *божественный, небесный*, въ приложеніи ихъ къ красотѣ,—и приписываетъ это благотворному вліянію Шишкова, «воспріявшаго тогда правленіе наукъ». Стихи: «Сей старецъ дорогъ намъ», и пр., находятся въ этомъ посланіи. Мысли обоихъ посланій интересно сличить, между прочимъ, съ позднѣйшими «Мыслями о цензурѣ», чтобы видѣть, какимъ образомъ Пушкинъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе умѣренности въ сужденіяхъ объ общественныхъ вопросахъ.

Въ VII томѣ являются также въ первый разъ довольно полныя отрывки изъ «Моей родословной» (1830 г.); но и здѣсь она напечатана не вполнѣ, вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ выкинуты нѣкоторые стихи изъ посланій къ Аристарху. Но нѣкоторые изъ выпущенныхъ стиховъ едва-ли могли бы вредить пьесѣ въ какомъ нибудь отношеніи.

Вообще, мы не понимаемъ, отчего до сихъ поръ не печатались многія изъ стихотвореній Пушкина, давно извѣстныя въ рукописяхъ и не заключающія въ себѣ ничего предосудительнаго. Ихъ бы тѣмъ скорѣе слѣдовало напечатать, что ихъ видѣть ужъ знаютъ же почти наизусть всѣ почитатели Пушкина. Напримѣръ, зачѣмъ не напечатаны многія литературныя эпиграммы? Мы не хотимъ подозрѣвать издателя въ согласіи съ мнѣніями «Сѣверной Пчелы» и фельетонистовъ «Русскаго Инвалида»; но все-таки не можемъ не замѣтить, что въ изданіи напрасно сдѣлана эта уступка мнѣніямъ нѣкоторыхъ господъ, которые боятся, чтобы не помрачилась память Пушкина отъ напечатанія его эпиграммъ. Въ «Сѣверной Пчелѣ» недавно помѣщена была благодарность «Инвалиду» за его брань на эпиграммы. Къ этой благодарности «Пчела» отъ себя прибавляетъ сравненіе эпиграммъ и полемическихъ статей Пушкина съ доносомъ Ломоносова на Миллера (хотя еще неизвѣстно, кто, въ отношеніяхъ Булгарина и Пушкина, болѣе приближался къ Ломоносовскому образу дѣйствій), и весьма замысловато замѣчаетъ, что отъ обнародованія этого доноса гораздо болѣе проигралъ въ мнѣніи публики Ломоносовъ, нежели Миллеръ. Изъ этого ясно должно быть выведено заключеніе, что и отъ изданія полемики Пушкина гораздо больше проиграетъ онъ самъ, нежели гг. Гречъ и Булгаринъ. Такъ думаетъ «Сѣверная Пчела» и осыпаетъ г. Анненкова укоризнами. Спрашивается теперь, къ чему же послужила деликатность г. Анненкова, вездѣ выставившаго только заглавныя буквы именъ тѣхъ, на кого нападалъ Пушкинъ, и даже вмѣсто «Видокъ Фигляринъ» поставившаго только В. Ф.? Совершенно напрасно думалъ издатель, что гг. Гречъ и Булгаринъ сконфузятся отъ напоминанія о томъ, какъ честилъ ихъ Пушкинъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоило взять одно изъ изданій, выходившихъ подъ редакціею сихъ двухъ журналистовъ во время Пушкина. Не говоря о пошлой брани, расточав-

шейся тамъ великому поэту, мы нашли бы тамъ, что гг. Булгаринъ и Гречъ все умѣютъ растолковать въ свою пользу!.. Недаромъ же г. Булгаринъ столько лѣтъ подвизался на поприщѣ журнальномъ вмѣстѣ съ Н. И. Гречемъ; недаромъ же про него и аллегорія была сложена, что онъ владѣль нѣкогда мечемъ обоюду-острымъ. Нѣтъ, совершенно напрасно было церемониться съ тѣми господами, которые сами не церемонились съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Намъ могутъ сказать, что о гг. Гречѣ и Булгаринѣ лучше не говорить, потому что участь ихъ въ литературѣ уже рѣшена... Пусть имя ихъ своею смертію умретъ; пусть ихъ писательская дѣятельность не донесется до потомства, не взирая на то, что ими самими многократно чужая дѣятельность доносима была до свѣдѣнія любителей въ ихъ разборахъ, и еще большею частію въ искаженномъ видѣ... Это все такъ, и въ литературномъ ничтожествѣ гг. Булгарина и Греча мы нисколько не сомнѣваемся. Но вѣдь объявляютъ же они сами о себѣ,—объявляетъ же, вѣроятно въ трехсотый разъ, книгопродавецъ Лисенковъ о томъ, что у него *поступили въ продажу* или *могутъ быть получаемы* сочиненія Ѳ. Булгарина,—вышедшія лѣтъ 20 тому назадъ,—о чемъ, впрочемъ, объявленіе благоразумно умалчиваетъ... Напоминаютъ же они о себѣ: отчего же и намъ не напомнить имъ кое-чего? Въ полемику, разумѣется, съ ними никто ужъ вступать не будетъ. Что для нихъ могли бы значить скромные, деликатные намеки и упреки новѣйшаго времени, когда яркія, живыя, энергическія, убійственно-остроумныя статьи Теофилакта Косичкина не могли устыдить ихъ. Имъ сказали, что напрасно они пренебрегаютъ Александромъ Анѣимовичемъ Орловымъ, который ничуть не хуже ихъ, а г. Гречъ возразилъ на это, что въ мизинчикѣ г. Булгарина гораздо болѣе ума, чѣмъ въ головахъ многихъ рецензентовъ!.. За то и досталось имъ за этотъ мизинчикъ... Жаль только, что «настоящій Выжигинъ», обѣщанный Пушкинымъ въ концѣ статьи о мизинчикѣ,—не появился въ свѣтъ. Тамъ, вѣроятно, интересны были бы въ литературномъ отношеніи многія главы, особенно VIII и XV.

Изъ другихъ полемическихъ статей, напечатанныхъ въ VII томѣ, интересенъ «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей», съ неподражаемымъ юморомъ рассказывающій исторію о томъ, какъ г. Каченовскій «принималъ другія (нелитературныя) мѣры» противъ игриваго произвола Полевого, «бывъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ г. Каченовскій имѣлъ счастье продолжать оную». Исторія была въ самомъ дѣлѣ забавна, и положеніе почтеннаго профессора крайне незавидно: Пушкинъ скромно и спокойно, но совершенно ясно успѣлъ изобразить дѣйствія Михаила Трофимовича такъ, что для публики не могло остаться насчетъ ихъ

ни малѣйшаго сомнѣнія, особенно при помощи ядовитой эпиграммы: «Обиженный журналами жестоко», которая появилась въ то же время.

Изъ статей историческихъ въ VII томѣ вошли всѣ записки Пушкина, составленныя имъ только, какъ матеріаль для обработки: «Матеріалы для первой главы исторіи Петра Великаго» и «О камчатскихъ дѣлахъ». Обѣ онѣ впервые являются теперь въ печати. Точно также впервые напечатана статья Пушкина о Радищевѣ, совершенно конченная и отдѣланная. Относительно этой статьи мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ издателя, что она принадлежитъ къ тому зрѣлому, здравому и проницательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина о людяхъ незадолго до его кончины.—Въ этой статьѣ мы видимъ взглядъ весьма поверхностный и пристрастный. Пушкинъ увлекся здѣсь мыслью единственно о прямодушіи, необходимомъ въ авторскомъ дѣлѣ, и понялъ все дѣло односторонне. Онъ никакъ не хотѣлъ отдѣлать *преступленія печати*, совершеннаго Радищевымъ въ молодости, отъ всей его послѣдующей жизни. Стараясь видѣть въ Радищевѣ полу-невѣжду и полу-негодяя, Пушкинъ нерѣдко впадаетъ даже въ противорѣчія съ самимъ собою. Въ концѣ статьи онъ говоритъ о немъ съ рѣзкостью, какую рѣдко позволялъ себѣ: «Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе предъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему,—вотъ, что мы видимъ въ Радищевѣ». Такой приговоръ слишкомъ жестокъ, и эпитеты—слабоумнаго, невѣжественнаго, слѣплого—слишкомъ положительны, чтобы можно было ожидать отъ Пушкина высокаго мнѣнія объ умѣ Радищева. Несмотря на то, мы находимъ, что Пушкинъ, упрекая Радищева за его книгу, говоритъ, что онъ могъ бы лучше прямо представить правительству свои соображенія, потому что оно всегда «чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ»; такимъ образомъ, поэтъ не отказывается поставить въ число людей «просвѣщенныхъ и мыслящихъ» этого человѣка, которому самъ же приписалъ невѣжество, слабоуміе, поверхность, и пр. Это непослѣдовательно. Или нужно было признать Радищева человѣкомъ даровитымъ и просвѣщеннымъ, и тогда можно отъ него требовать того, чего требуетъ Пушкинъ; или видѣть въ немъ до конца слабоумнаго представителя полупросвѣщенія, и тогда совершенно неумѣстно замѣчать, что лучше бы ему, вмѣсто «брани, указать на благо, которое Верховная власть можетъ сдѣлать, представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ, потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы, съ одной стороны, сословіе писателей не было притѣснено, и мысль, священный даръ Божій,

не была рабой и жертвой бессмысленной и своенравной управы; а съ другой—чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной». Зачѣмъ такія высокія требованія отъ человѣка, въ которомъ, тремя строками выше, не признается ничего, кромѣ невѣжества, слабоумія, и проч.,—что толковать съ такимъ человѣкомъ?.. Зачѣмъ укорять его, что онъ не сдѣлалъ того, чего-мы хотимъ, если мы сами признаемъ, что онъ не могъ этого сдѣлать?.. Но Пушкинъ не одинъ только разъ впадаетъ въ такую ошибку. Въ другомъ мѣстѣ, онъ старается оправдать Радищева въ томъ, что онъ подъ старость «перемѣнилъ образъ мыслей и не питалъ уже въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему». Отъ какого же обвиненія оправдываетъ онъ Радищева? Конечно, ужъ не отъ обвиненія въ томъ, что онъ оставилъ свою злобу; само по себѣ, это обстоятельство должно было представляться Пушкину очень похвальнымъ. Оправданіе здѣсь возможно было для Пушкина только въ отношеніи къ самому факту *перемѣны* мнѣній. Но стоило-ли оправдывать перемѣну мнѣній въ человѣкѣ, который отличается только «*слѣпымъ* пристрастіемъ къ новизнѣ, *поверхностными* свѣдѣніями, *наобумъ* приноровленными ко всему»? Такой человѣкъ, разумѣется, долженъ мѣнять свои мнѣнія тотчасъ, какъ только проходитъ мода на нихъ. Не забудьте, что онъ *слѣпо* увлекается всѣмъ новымъ, не мыслить самъ, а только *наобумъ* приноровляетъ ко всему свои поверхностныя свѣдѣнія. Но Пушкинъ считаетъ нужнымъ оправдывать перемѣну Радищева, слѣдовательно, тѣмъ самымъ признаетъ въ немъ искреннія и честныя убѣжденія, оставленіе которыхъ можетъ бросать тѣнь на самый характеръ человѣка. Еще яснѣе выражается, безъ вѣдома автора, уваженіе его къ Радищеву, въ самомъ оправданіи, рѣшительно противорѣчащемъ строгому приговору, произнесенному относительно всей дѣятельности этого человѣка вообще. «Время измѣняетъ человѣка,—говоритъ Пушкинъ. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ (слѣдовательно, Радищевъ не былъ глупъ, не былъ невѣжественнымъ представителемъ полупросвѣщенія, а постоянно развивался и пользовался опытами времени). Могъ-ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время *ужаса*? (слѣдовательно, онъ не *слѣпо* увлекался всѣмъ новымъ). Могъ-ли онъ безъ омерзѣнія глубокаго слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? (гдѣ же тутъ слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ?). Увлеченный однажды лвинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сантиментальнаго тигра» (значить-ли это, что онъ наобумъ примѣнялъ ко всему свои поверхностныя свѣдѣнія?)... Выразивши такимъ

образомъ, противъ воли, высокія понятія о Радищевѣ, котораго непременно хочеть выставить съ дурной стороны, поэтъ-критикъ рассказываетъ вслѣдъ затѣмъ смерть Радищева и поводъ къ ней, съ явнымъ желаніемъ и тутъ осудить его. Дѣло происходило такимъ образомъ. Императоръ Александръ, по вступленіи на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ и, замѣтивши въ сочинителѣ «Путешествія» «отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды», опредѣлилъ его въ Коммиссію Составленія Законовъ и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Радищевъ исполнилъ это со всею откровенностью и смѣлостью своихъ задушевныхъ убѣжденій. Начальникъ, которому принесъ онъ свой проектъ, замѣтилъ ему: «Эхъ, Александръ Николаевичъ! охото тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?»—Видя, что убѣжденія его принимаются такимъ образомъ, Радищевъ глубоко оскорбился и, пришедши домой, отравилъ себя. Рассказывая эту исторію, Пушкинъ, какъ бы съ намѣреніемъ кольнуть Радищева, замѣчаетъ, что «авторъ «Путешествія» вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ». Объ этомъ обстоятельстве, вѣроятно, забылъ Пушкинъ, когда высказалъ свое требованіе, чтобы Радищевъ, вмѣсто брани, представилъ лучше свои соображенія, и пр. Несчастный авторъ, вѣрно, зналъ себя и обстоятельства, въ которыхъ онъ находился, гораздо лучше, нежели его беспощадный критикъ.

Въ заключеніе своей статьи, авторъ спрашиваетъ: «какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ?» И говоритъ за него: «на сіи вопросы врядъ-ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно», то-есть, по мнѣнію Пушкина, несчастный авторъ, печатая свое «Путешествіе», самъ не понималъ, къ чему онъ это дѣлаетъ, и не имѣлъ въ виду никакой опредѣленной цѣли. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе того, справедливо-ли это мнѣніе само по себѣ, но замѣтимъ, что такое сужденіе противорѣчитъ другому мѣсту той же самой статьи, гдѣ Пушкинъ говоритъ: «не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ, *политическаго фанатика*, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью». Если онъ былъ фанатикомъ, только заблуждающимся въ своихъ стремленіяхъ, то, значить, все-таки у него была же какая-нибудь цѣль, къ которой онъ стремился. Фанатизмъ непременно долженъ привязываться къ какому-нибудь предмету, и намъ кажется, что невозможно представить себѣ фанатика, который бы не зналъ, чѣмъ онъ увлекается. Возможно-ли примирить сужденія Пушкина, что Радищевъ былъ политическимъ фанатикомъ и чтобы, несмотря на то, онъ не имѣлъ никакой цѣли въ своемъ поступкѣ?

Вообще нужно замѣтить, что статья о Радищевѣ любопытна какъ фактъ, показывающій, до чего можетъ дойти умъ живой и свѣтлый, когда онъ хочетъ непременно подвести себя подъ извѣстныя, заранѣе принятыя опредѣленія. Въ частныхъ сужденіяхъ, въ фактахъ, представленныхъ въ отдѣльности, постоянно виденъ живой, умный взглядъ Пушкина; но общая мысль, которую доказать онъ поставилъ себѣ задачей, ложна, неопредѣленна и постоянно вызываетъ его на сбивчивыя и противорѣчащія фразы. Къ сожалѣнію, статья о Радищевѣ представляетъ не единственный примѣръ подобнаго несправедливаго увлеченія. Онъ составилъ себѣ кругъ идей, которыя уже были для него неприкосновенны въ своей святынѣ, хотя бы даже несправедливость ихъ и была очевидна. Онъ уже восклицаетъ:

„Да будетъ проклятъ правды гласъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной
Онъ угождаетъ праздно“.

Проклиная правду, когда она благопріятна была для посредственности, и наивно признаваясь въ этомъ, поэтъ, разумѣется, старался поддерживать въ себѣ всякій обманъ, казавшійся ему благороднымъ и возвышеннымъ. «Насъ возвышающій обманъ» былъ для него, дѣйствительно, дороже тьмы *низкихъ* истинъ. Въ раздѣленіи истинъ, на низкія и высокія, опять отражалось, разумѣется, вліяніе старой риторической школы, допускавшей еще и *среднія* истины, такъ же точно, какъ допускала она высокій, средній и низкій слогъ. И Пушкинъ, при всемъ своемъ презрѣніи къ риторической школѣ, не могъ отъ нея освободиться въ этомъ случаѣ, и въ послѣднее время жизни, вмѣстѣ съ полнымъ обращеніемъ его къ чистой художественности, усилилось въ немъ и пристрастіе къ нѣкоторымъ исключительнымъ истинамъ, соединенное съ отвращеніемъ отъ другихъ. Онъ уже заглушалъ въ себѣ нѣкоторые изъ прежнихъ сердечныхъ звуковъ, называя ихъ дѣйствиємъ безумства, лѣни и страстей; онъ уже позволилъ себѣ въ одномъ стихотвореніи назвать наглцомъ Наполеона, о которомъ самъ писалъ за десять лѣтъ: «да будетъ омраченъ позоромъ тотъ малодушный, кто безумнымъ омрачитъ укоромъ его развѣнчанную тѣнь»... Прежнія задушевные мечты высказывались теперь уже тономъ шутливымъ и даже насмѣшливымъ, а то, что въ молодости вызывало насмѣшки, теперь пробуждало въ поэтѣ благоговѣйное умиленіе. Прежде писалъ онъ къ одному изъ друзей гордое посланіе (не напечатанное почему-то у г. Анненкова), въ которомъ повѣрялъ своему другу свои надежды и мечты о славѣ пророка-обличителя земли своей, а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ писалъ:

„Но, въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена“.

Немудрено, что при такомъ расположеніи ему очень не нравилось все, что мѣшало лѣни и тишинѣ, и что по этому случаю Радищевъ заслужилъ особенное его нерасположеніе.

Впрочемъ, здравый природный умъ предохранялъ Пушкина отъ излишнихъ крайностей въ принятомъ имъ направленіи, и, при всемъ недостаткѣ серьезнаго образованія, онъ умѣлъ понимать ошибки людей, заходившихъ слишкомъ далеко въ примѣненіи тѣхъ началъ, вѣрности которыхъ онъ самъ, повидимому, вполне довѣрялъ. Въ этомъ обстоятельствѣ мы находимъ ясное подтвержденіе того, что направленіе, принятое Пушкинымъ въ послѣдніе годы, вовсе не исходило изъ естественныхъ потребностей души его, а было только слѣдствіемъ слабости характера, не имѣваго внутренней опоры въ серьезныхъ, независимо развившихся убѣжденіяхъ, и потому скоро павшаго отъ утомленія въ борьбѣ съ внѣшними враждебными вліяніями. Оттого-то, въ послѣдніе годы его жизни, мы видимъ въ немъ какое-то странное бореніе, какую-то двойственность, которую можно объяснить только тѣмъ, что, не смотря на желаніе успокоить въ себѣ сомнѣнія, проникнуться какъ можно полнѣе заданнымъ направленіемъ,—все-таки онъ не могъ освободиться отъ живыхъ порывовъ молодости, отъ гордыхъ, независимыхъ стремленій прежнихъ лѣтъ. До сихъ поръ въ печати извѣстны были почти только тѣ произведенія послѣднихъ лѣтъ жизни Пушкина, въ которыхъ выражалось, болѣе или менѣе ярко, направленіе, господствовавшее въ немъ въ эти послѣдніе годы. Нынѣ изданный дополнительный томъ сообщаетъ много произведеній совершенно противоположнаго характера, и они-то доказываютъ, что Пушкинъ и предъ концомъ своей жизни далеко еще не всей душою преданъ былъ тому направленію, которое принялъ, повидимому, такъ пламенно, которое за то произвело охлажденіе къ нему въ лучшей части его почитателей. Извѣстно, напр., что въ послѣднее время въ немъ особенно сильно развились генеалогическіе предразсудки; но нынѣ напечатанное стихотвореніе: «Когда по городу задумчивъ я хожу» обнаруживаетъ воззрѣніе совершенно чистое, равно какъ и нѣкоторые стихи пьесы, озаглавленной «Изъ VI Пиндемонте» и написанной, также какъ и «Кладбище», въ 1836 г. Въ ней есть, между прочимъ, такіе стихи:

„Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
Или мѣшать... другъ съ другомъ воевать...
. . . Иныя, лучшія мнѣ дороги права!
. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать...
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи...
—...Вотъ счастье! вотъ права!..“

Извѣстно также, что въ стихотвореніяхъ Пушкина, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ ярче, постоянно высказывалось чрезмѣрное уваженіе къ штыку и презрѣніе къ оружію слова. Судя по знаменитому стиху: «Кому вѣнецъ? мечу иль крику?» предполагали, не безъ основанія, что Пушкинъ рѣшительно не признавалъ силы убѣжденія; между тѣмъ, напечатанныя нынѣ статьи его о Родищевѣ, о мнѣніи г. Лобанова, о нападкахъ на дворянство—доказываютъ, что онъ придавалъ очень большое значеніе—не только вообще литературѣ, но даже и тѣмъ памфлетическимъ возгласамъ, которые именно можно назвать крикомъ. Слѣдовательно, до конца жизни онъ не былъ рѣшительнымъ, слѣпымъ поклонникомъ грубой силы, не оживленной разумностью.

Въ послѣднее время Пушкинъ окончательно также склонился, повидимому, къ той мысли, что для исправленія людей нужны «бичи, темницы, топоры», а не сила слова, не сатира, не литературное обличеніе. Онъ отталкивалъ отъ себя общественные вопросы жестокимъ восклицаніемъ:

„Подите прочь! какое дѣло
Поэту мирному до васъ?..“

Но нынѣ, въ VII томѣ, напечатано его стихотвореніе, въ которомъ онъ самъ хочетъ приняты за сатиру и клеймить пороки. Стихотвореніе это написано въ 1830 году, слѣдовательно, въ то же время, какъ и пресловутая «Чернь». Начинается это стихотвореніе такъ:

„О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный кличъ“,

а оканчивается:

„О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!..“

Поэтъ, какъ мы знаемъ, не исполнилъ своего предположенія; но уже самое намѣреніе его служить лучшимъ опроверженіемъ мыслей, высказанныхъ въ «Черни» и увлекшихъ многихъ силою своего выраженія.

Въ отношеніи къ сужденіямъ о нѣкоторыхъ литературныхъ явленіяхъ, Пушкинъ тоже является не всегда вѣренъ самому себѣ. Боязливая попечительность о соблюденіи нравственности, похожая на заботу жены Платона Михайлыча о здоровьи своего мужа, въ «Горе отъ ума», все больше и больше овладѣвала Пушкинымъ въ послѣдніе годы жизни. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ изданія «Записокъ палача Самсона» и говорилъ, что слѣдовало бы запретить ихъ. Но онъ же, въ послѣдній годъ своей жизни, очень энергически возсталъ противъ г. Лобанова, когда сей академикъ произнесъ въ Академіи рѣчь, «о нелѣпости и безнравіи» современной литературы, и говорилъ, что «по множеству сочиненныхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензура должна проникать всѣ ухищренія пишущихъ», и что Академія должна ей помогать въ этомъ, «яко сословіе, учрежденное для

наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка», то-есть для того, чтобы «неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло» на попрощѣ словесности. Пушкинъ возражалъ на это слѣдующей репликой, которая также напечатана въ изданномъ нынѣ томѣ, и которую мы считаемъ не лишнимъ выписать для того, чтобы показать, что и въ самыхъ уклоненіяхъ своихъ отъ здравыхъ идей, въ самомъ подчиненіи рутинѣ Пушкинъ не доходилъ никогда до обскурантизма и даже поражалъ, когда могъ, обскурантизмъ другихъ. Вотъ его мысли, опровергающія г. Лобанова.

„Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся испровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? и можно-ли упрекать у насъ цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, цензура не должна *проникать въ ухищренія пишущихъ*. Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону. (Уставъ о цензурѣ, § 6). Такова была Высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей цензуры и можетъ показаться льготой чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону“ (т. VII, стр. 109, второй нумераціи).

Мы коснулись всего, наиболѣе замѣчательнаго въ дополнительномъ томѣ сочиненій Пушкина. О литературныхъ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ концѣ тома, сказать нечего; они интересны только въ томъ отношеніи, въ какомъ «всякая строка всякаго великаго писателя интересна для потомства». Читая ихъ, мы можемъ припоминать знакомыя черты, знакомыя пріемы любимаго поэта; но подобные отрывки не подлежатъ критическому разбору.

Въ заключеніе, мы должны сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи. Оно аккуратно по прежнему; опечатокъ значительныхъ не много: въ правописаніи сохраняются своенравныя ошибки Пушкина (такъ напри- мѣръ: писатель, отечество—печатаются съ большой буквы, а Горацій— съ маленькой); при каждой статьѣ находятся примѣчанія, большею частію библиографическія; въ концѣ тома приложены: алфавитный указатель всѣхъ сочиненій Пушкина, помѣщенныхъ въ семи томахъ изданія г. Анненкова, и подробный указатель къ матеріаламъ для біографіи Пушкина, помѣщеннымъ въ первомъ томѣ того же изданія. Этотъ послѣдній указатель значительно облегчаетъ пользованіе матеріалами, которое до сихъ поръ было нѣсколько затруднительно, по недостатку раздѣленія ихъ на главы. Теперь, съ изданіемъ VII тома Пушкина, дѣло г. Анненкова кончено, и всякій любитель литературы, кромѣ развѣ людей, сочувствующихъ издателямъ «Сѣверной Пчелы», почтитъ, конечно, искренней благодарностью его труды по изданію нашего великаго поэта, какъ истинную заслугу предъ русской литературой и обществомъ.

Новыя стихотворенія В. Бенедиктова. Спб. 1857.

Много смѣялись надъ господиномъ Бенедиктовымъ, много разъ повторяли о немъ давно извѣстныя всему міру истины, но только все не въ прокъ. Г. Бенедиктовъ издаетъ новыя стихотворенія, пріобрѣтаетъ новыхъ хвалителей, принимаетъ новое направленіе,—но, въ сущности, все не измѣняетъ себѣ, все фигурируетъ по прежнему. Нельзя иначе: такъ онъ привыкъ, привычка вторая природа. Слѣдовательно, критика должна наконецъ убѣдиться, что ей не остановить г. Бенедиктова, неудержимаго «какъ бурныя силы природы», по его собственному сравненію. Критика должна оставить гордыя притязанія на улучшение *манеры* г. Бенедиктова. Остается ей смиренная лѣтописная роль: отмѣтить фактъ появленія «Новыхъ стихотвореній», г. Бенедиктова и сказать, что въ нихъ онъ остался вѣренъ своему прежнему характеру, какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ.

«Но какъ же это можно? Это несправедливо, это недобросовѣстно», возопіютъ противъ насъ многочисленные почитатели г. Бенедиктова, пріобрѣтенные имъ послѣ того, какъ онъ обнаружилъ свое новое направленіе. «Помилуйте,—то-ли теперь г. Бенедиктовъ, что онъ былъ прежде? Прежде онъ воспѣвалъ только аппетитныхъ дѣвъ, съ грудями въ цѣлый океанъ, бурно кидающихся на пышный диванъ и вонзающихъ въ уста сердечный поцѣлуй. Прежде онъ только и дѣлалъ, что утоплялъ въ эфирномъ станѣ таковыхъ красавицъ пылающую ладонь свою и припекалъ поцѣлуями ихъ кудри-кольца, кудри-змѣйки. Прежде, горы представлялись ему побѣгами праха въ небеса, рванувшимся въ высь и повиснувшими отъ ужаса между небомъ и землею; пожаръ казался ему молодымъ красавцемъ, прильнувшимъ сладострастно къ груди дѣвы и разметавшимъ кудри свои въ воздушныхъ кругахъ. Вотъ какъ выражалась и вотъ на что обращена была прежняя дѣятельность г. Бенедиктова. А теперь, есть-ли что подобное? Г. Бенедиктовъ сталъ простъ, естественъ, остроуменъ въ выраженіи; а содержаніе его нынѣшнихъ стихотвореній дѣлаетъ честь не только ему, но и всей русской литературѣ. Онъ затрагиваетъ важнѣйшіе современные вопросы, преслѣдуетъ общественные пороки; онъ проникнутъ глубокимъ сочувствіемъ къ добру и правдѣ, горячею любовью къ человѣчеству, стремленіемъ къ прогрессу, и проч. Сказать, что г. Бенедиктовъ и теперь то же самое, что былъ прежде, значитъ обнаружить самое грубое пристрастіе или непростительное равнодушіе къ благороднымъ порывамъ поэта».

Такіе голоса раздаются отвсюду. Одинъ фельетонистъ увѣряетъ даже, что вся русская публика въ одинъ голосъ вопіетъ такимъ образомъ. Нечего дѣлать, приходится остановить лѣтописную, безыскусственную правду нагляднаго впечатлѣнія и вооружиться критическимъ разсмотрѣніемъ. Раз-

смотряніе наше все будетъ направлено противъ новыхъ почитателей г. Бенедиктова, которые, за нынѣшними его заслугами, не видятъ ни нынѣшнихъ его недостатковъ, ни прежнихъ достатковъ. Въ разборѣ нашемъ мы будемъ серьезны, потому что старыя насмѣшки надъ г. Бенедиктовымъ не нуждаются въ повтореніи, а новыми поражать его мы не хотимъ, изъ уваженія къ тому направленію, котораго онъ сталъ все болѣе придерживатся въ послѣднее время.

Увѣряютъ, что г. Бенедиктовъ сталъ простъ и естественъ въ своихъ новѣйшихъ стихотвореніяхъ; а мы, напротивъ, утверждаемъ, что онъ до сихъ поръ сохранилъ свою прежнюю манеру и что гиперболическая изысканность фразъ и нынѣ отличаетъ его стихъ по прежнему. Представляемъ примѣры. Поэтъ говоритъ, что Шекспиръ своими созданіями *бьетъ его* и, ударомъ *съ плеча*, возводитъ въ рыцари и, обвинивши его молніей, *благородитъ просторожденца*. Неужели это простое и естественное выраженіе мысли? Неужели это не можетъ стать рядомъ съ сладострастнымъ красавцемъ-пожаромъ и съ побѣгами праха въ небеса? Да вы, можетъ быть, думаете, что мы нарочно выдумали, будто Шекспиръ прибилъ г. Бенедиктова и такимъ образомъ возвелъ въ рыцари? Вотъ вамъ собственные стихи вашего поэта (Нов. стих., стр. 80).

„Онъ *бьетъ*, и я, принявъ ударъ,
Ударомъ тѣмъ не опозоренъ,
Зане ударъ тотъ—Божій даръ.

Когда предъ вѣщимъ на колѣни
Я становлюсь, чело склоня,
Онъ, ставъ на горнія ступени
И молніей обвинъ меня,
Просторожденца благородитъ,
Раба подъемлетъ и *съ плеча*
Плебея въ рыцари возводитъ
Ударомъ божьяго меча“.

А хороша-ли вотъ эта гипербола: во «Встрѣчномъ голосѣ», описывая торжества, бывшія въ Москвѣ лѣтомъ 1856 г., г. Бенедиктовъ замѣчаетъ, что глаза у собравшагося на иллюминацію народа такъ ярко горѣли, что помрачали даже огни фонарей, пламень шкаликовъ и фейерверковъ; сердца бились такъ громко, что заглушали звонъ всѣхъ колоколовъ московскихъ. Вотъ его стихи (стр. 2).

„Но огней потѣшныхъ пршественной ночи
Ярче тамъ горѣли радостныя очи
Русскаго народа; бой сердець довольныхъ
Тамъ гудѣлъ слышнѣе звоновъ колокольных“.

А каково уподобленіе сѣнокоса—цырюльнѣ? (стр. 141).

„Гдѣ твои волосы, шелковый лугъ?
Гдѣ твои косы?—Все сбрито вокругъ“.

Хорошо-ли также, что деревья въ лѣсу стоятъ на постелѣ мховъ (стоятъ

на постелѣ!) и посылають свои вершины на поискъ бурныхъ облаковъ? Это находится въ недавно напечатанномъ стихотвореніи г. Бенедиктова: «Къ лѣсу» (Нов. стих., стр. 101).

„Твои стволы, какъ исполины,
Поправъ пятой постелю мховъ,
Стоять, пославъ свои вершины
На поискъ бурныхъ облаковъ“.

Просто-ли также желаніе поэта, чтобы сердце его взвѣсило число лѣтъ (?), превратилось въ камень и поросло мхомъ? (стр. 27).

„Лучше бь вымерь этотъ пламень!
Лучше бь, взвѣсивъ лѣтъ число,
Обратилось сердце въ камень
Да и мохомъ поросло!“

Намъ кажется, что все это напоминаетъ довольно сильно прежняго г. Бенедиктова и ни мало не подтверждаетъ той мысли, что онъ дошелъ теперь до художественной простоты выраженія. Мы привели немного примѣровъ, но внимательное чтеніе стихотвореній г. Бенедиктова покажетъ, что эти приведенныя нами мѣста не составляютъ исключенія: въ стихотвореніяхъ безпрестанно, то поэтъ желаетъ, чтобы ему кто-нибудь дружбу бросилъ въ окошко (стр. 134), то онъ яркимъ взглядомъ брызнетъ (стр. 109), то небо къ нему нагнулось, подошло и просится въ окно (стр. 139), и т. п. Изобразительность великолѣпная! Если нѣтъ въ ней прежней размашистой, можно сказать, азартной живости, это ужъ происходитъ единственно отъ преклонныхъ лѣтъ поэта. Онъ самъ съ сожалѣніемъ отзывается объ этомъ въ одномъ стихотвореніи:

„Будь-ка ты еще со мною,
Вихорь—молодость моя.
Какъ съ тобой, моей родною,
Погулялъ бы нынче я;
Этимъ юношамъ степеннымъ
Даль бы я какой урокъ!“

Желанія поэта остались, какъ видите, тѣ же,—«Пыль чувства я сохранилъ», признается онъ самъ. Но силы ужъ не тѣ, нельзя дѣлать того, что прежде, и поневолѣ дѣлаешься скромнѣе, хотя въ душѣ все остаешься тѣмъ же:

„Еле ходишь, сухопарый,
Ломить поясицу,
Кашель душить,—а и старый
Любишь молодицу“.

Только ужъ молодица не отвѣчаетъ на селадонство старика, и онъ, понимая это, ограничивается грустнымъ сожалѣніемъ:

„Во многомъ доживъ до изъяна,
Теперь не могу не тужить:
Зачѣмъ я родился такъ рано,
Зачѣмъ торопился я жить“.

Вотъ вамъ и объясненіе,—кажется, весьма простое,—почему поэтъ менѣе выказываетъ теперь азарта въ своихъ стихотвореніяхъ и почему

онъ пересталъ описывать аппетитныхъ красавицъ. Это совсѣмъ не означаетъ какой-нибудь особенности въ развитіи таланта, а просто показываетъ, что есть время всякой вещи на свѣтѣ. Поэтъ вспоминаетъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 51) о томъ, какъ онъ, бывало, ударялъ кулакомъ по столу, читая свои стихотворенія: въ молодости, разумѣется, и это ничего не значило, когда кровь кипѣла сильнѣе, да и руки были крѣпче,—еще не обломались; а въ старости, слишкомъ сильно ударять кулакомъ по столу, пожалуй, и опасно для тѣлеснаго благосостоянія. Тутъ опять нѣтъ особенности въ развитіи поэтическаго таланта, а просто неизбежное по чину естества ослабленіе физическихъ силъ. Зато г. Бенедиктовъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ свою молодость,—что, конечно, нисколько не предосудительно,—и даже соблазняетъ собственное воображеніе намеками нескромнаго характера,—что, по нашему откровенному мнѣнію, уже излишне. Конечно, мы понимаемъ, что и старости позволительно увлекаться, подобно молодости, и что увлеченія г. Бенедиктова минутны и даже, можетъ быть, совершенно безотчетны. Мы не имѣемъ права обвинять поэта въ беззубомъ цинизмѣ, которому предаются иные старички, пожуировавшіе въ своей жизни и непременно желающіе сыграть до конца роль шалуновъ и повѣсь. Но, все-таки, намъ показались не слишкомъ опрятными слѣдующіе стихи, находящіеся въ юмористическомъ стихотвореніи: «Плачь остающагося въ городѣ, при видѣ отъѣзжающихъ на дачи» (стр. 49). Описывается возъ, на которомъ перевозится на дачу мебель, и, между прочимъ, стулья—

„И—что за дерзкій видъ! И стулья, и столы,
Предъ всею публикой—(у нихъ стыда ни крошки)—
Сцѣпились ножки вверхъ, и ножки черезъ ножки
Продѣты такъ и сякъ,—трясутся, дребезжатъ“...

Въ числѣ прекрасныхъ изображеній, представленныхъ въ разныхъ стихотвореніяхъ г. Бенедиктовымъ и «такъ много говорящихъ уму и сердцу»,—эти стихи займутъ, вѣроятно, не послѣднее мѣсто. Современемъ, на нихъ могутъ указывать въ литературныхъ характеристикахъ наряду съ извѣстными стихами о «нагромѣ сукѣ» изъ «Душеньки». Впрочемъ, тамъ—фривольное изображеніе совершенно естественно и понятно: рѣчь идетъ прямо о женщинѣ. А здѣсь—помилосердуйте, о поэтъ!—здѣсь вѣдь столы и стулья. Слѣдовательно, ваше замѣчаніе объ ихъ безстыдствѣ (о, еслибъ не было этого несчастнаго замѣчанія!) совершенно неестественно, натянуто и можетъ быть объяснено только нечистой игрой вашего старческаго воображенія.

Справедливость требуетъ, однако же, замѣтить, что эротическія стремленія не составляютъ главнаго элемента поэзіи г. Бенедиктова. Она по-прежнему слагается изъ вычурности и эффектовъ, для которыхъ канвою служатъ нынѣ нерѣдко общественные вопросы, такъ какъ прежде служили

заоблачныя мечты, выписныя чувства, величественныя картины природы, и т. п. Мы совсѣмъ не думаемъ унижать этимъ современныхъ стихотвореній г. Венедиктова и вовсе не хотимъ сказать, чтобы его нынѣшнее направленіе не вытекало изъ самой глубины его сердца. Напротивъ, мы имѣемъ въ виду доказать, что его сочувствія давно уже влекли его къ нынѣшнему его поприщу, и что только недостатокъ таланта удерживалъ его до послѣдняго времени отъ выраженія своихъ истинныхъ стремленій. Въ самомъ дѣлѣ, г. Венедиктовъ давно уже, и очень громозвучно, очень рѣшительно, провозгласилъ міру свое призваніе:

„Я въ мірѣ боець! Да, я биться хочу...
 Смотрите—я бросилъ ужъ лиру:
 Я мечъ захватилъ и открыто лечу
 Навстрѣчу нечистому міру.
 И Богъ да поможетъ мнѣ зло поразить,
 И въ битвѣ, глубоко, глубоко,
 Могучей рукою сталь правды вонзить
 Въ шипучее сердце порока.
 Не бойтесь, друзья, не падетъ нашъ пѣвецъ!
 Пусть грозно враговъ ополченье,—
 Какъ левъ я дерусь,—какъ разумный боець,
 Упрочилъ себѣ отступленье“.

Какъ видите, стремленіе содѣлаться дней новѣйшихъ Ювеноломъ и провозвѣстникомъ добра и правды давно уже признано было г. Венедиктовымъ очень ясно. Онъ давно уже чувалъ, что въ противорѣчіяхъ современной общественной жизни, въ уклоненіяхъ человѣчества отъ естественнаго пути можно найти неизсякаемый источникъ потрясающихъ эффектовъ; а это ему было нужнѣе всего, по самой сущности его дарованія. Но что же помѣшало ему исполнить свое намѣреніе въ то же время, какъ оно было высказано? Почему онъ такъ долго не являлся въ роли бойца, которую принялъ на себя такъ рѣшительно? Причину этого надобно искать въ недостаткѣ таланта. Въ то время, когда желаніе биться было впервые признано г. Венедиктовымъ, общественное мнѣніе въ Россіи еще не созрѣло для того, чтобы вызвать открытую борьбу съ порокомъ. Въ литературѣ тогда ужъ проявлялось вліяніе Гоголя и Бѣлинскаго, но читающая масса находилась еще въ Пушкинскомъ періодѣ, за весьма немногими исключеніями. Чтобы дать побѣду новому направленію, нуженъ былъ—или новый сильный талантъ, который увлекъ бы за собою публику, или обстоятельства, постороннія литературѣ, житейскія, которыя бы доказали истинность новыхъ стремленій въ литературѣ. Дарованію дюжинному нельзя было идти противъ господствующихъ мнѣній; оно должно было увлечься общимъ теченіемъ. Такъ вообще бываетъ съ второстепенными литературными талантами. Они могутъ предупредить современное имъ направленіе или остаться въ сторонѣ отъ него только въ двухъ случаяхъ. Первый—бываетъ тогда,

когда человекъ, не имѣя замѣчательнаго таланта поэтическаго, обладаетъ однакоже очень свѣтлымъ умомъ и, при помощи теоретическаго изученія или живой наблюдательности, угадываетъ тѣ потребности, которыя общество должно сильнѣе почувствовать уже спустя нѣкоторое время. Такіе писатели пользуются большимъ успѣхомъ въ избранныхъ кружкахъ, но не увлекаютъ за собою массы, именно потому, что до ихъ возрѣвнїи она еще не доросла, а художественная сторона ихъ произведеній не столько совершенна, чтобы ясно говорить душѣ каждаго читателя. Другой случай бываетъ тогда, когда писатель настолько ограниченъ умственно, что уже рѣшительно ничего не въ состоянїи видѣть внѣ той тѣсной сферы, которая нашла сочувствіе въ его душѣ и въ которой онъ можетъ создавать иногда вещи, дѣйствительно недурныя. Такою сферой для поэта могутъ особенно сдѣлаться изображенія и впечатлѣнія природы, и второстепенный талантъ, не одаренный особенною умственною проникательностью, можетъ преспокойно воспѣвать солнце и луну, зимніе вечера и майскія ночи, хотя бы міры рушились предъ его глазами. По счастью, или по несчастью,—г. Бенедиктовъ не принадлежалъ ни къ тому ни къ другому сорту людей: онъ шелъ за вѣкомъ. А идя за вѣкомъ, онъ долженъ былъ поневолѣ искать для своихъ эффектовъ чего-нибудь другого, а не общественныхъ пороковъ. Тогда въ модѣ были, благодаря отчасти Марлинскому, волканическія страсти и грандіозныя картины. Г. Бенедиктовъ радъ былъ и этому, хотя, вѣроятно, и самъ чувствовалъ, что здѣсь для трескучихъ фразъ недостаетъ порядочнаго содержанія; чувствуя это, онъ, можетъ быть, безсознательно, можетъ быть и намѣренно, рѣшился прикрыть недостатокъ содержанія,—напропалую, отчаянно увеличивая трескучесть самыхъ фразъ. Такимъ образомъ и произошли великолѣпныя созданія, возбуждавшія столько насмѣшекъ лѣтъ 15 тому назадъ. Между тѣмъ, въ литературѣ нашей явился Лермонтовъ; Бѣлинскій продолжалъ дѣйствовать на сознаніе публики; событія смѣнялись одно другимъ, война пробудила общество и литературу отъ недавней апатїи; публика наша выросла въ три-четыре послѣдніе года; битва, которую замышлялъ когда-то г. Бенедиктовъ, поднялась со всѣхъ сторонъ: чего же лучше?—онъ и воспользовался общимъ движеніемъ, изыскивая наиболѣе эффектные предметы для своихъ звучныхъ фразъ. И, дѣйствительно, избранные имъ предметы были способны возбудить эффектъ, хотя мысли о нихъ, изложенныя г. Бенедиктовымъ, уже и не были новостью послѣ «Губернскихъ очерковъ», нѣкоторыхъ статей «Морского Сборника», «Русскаго Вѣстника» и другихъ журналовъ. Поэзіи въ нихъ, признаемся, мы находимъ не больше, какъ и въ грандіозныхъ описаніяхъ и огнедышащихъ страстяхъ того же поэта. Напримѣръ, длинное аллегорическое повѣствованіе (стиховъ въ 400) о «Посѣщенїи правды»

не оживлено ни однимъ поэтическимъ мотивомъ. Однако же, это стихотвореніе, при своемъ появленіи, возбудило сильный восторгъ въ публикѣ— за нѣсколько здравыхъ мыслей, въ немъ высказанныхъ. Другія стихотворенія того же рода всѣ полны мыслей самыхъ благонамѣренныхъ и полезныхъ, и потому тоже обращали на себя вниманіе публики. И разумѣется, мысли эти, сами по себѣ, стоили общаго вниманія, кѣмъ бы и какъ бы онѣ ни были изложены. Напримѣръ, во «Встрѣчномъ голосѣ» поэтъ обращается къ Русскому Царю съ такими словами:

„Пусть, отецъ нашъ, тѣми, кто къ тебѣ приближенъ,
Не глушится голосъ, что идетъ изъ хижинъ.
Родственно-живая связь царя съ народомъ
Пусть урокомъ будетъ алчнымъ воеводамъ.
Ты бь насъ вѣрно не далъ никому обидѣть,
Да вѣдь гдѣ жь, родимый, одному все видѣть?
Пусть же смотря зорко верхніе-то мужи,
Чтобъ внутри все было чисто и снаружи“, и пр.

Въ »Современной молитвѣ« поэтъ говоритъ:

„Гнѣздо нечестья было свито
Отъ давнихъ лѣтъ въ родномъ краю.
Средь обновившагося быта—
Ты видишь, Господи, открыто
Несемъ мы исповѣдь свою.
Публично наше покаянье
Въ давно-тайвщихся грѣхахъ:
Текущихъ дней книгописанье
Есть нашей плоти истязанье—
Верига въ прозѣ и стихахъ.
Себя мы письменно бичуемъ,
Да болью новою своей
Болѣзни духа уврачуемъ,
И тихо, мирно завоюемъ
Свѣтъ человѣческихъ идей“.

Въ стихотвореніи: «Что шумишь» иронически изложены возраженія нѣкоторыхъ практическихъ людей противъ гласности литературныхъ обличеній. Что намъ за дѣло до какихъ-то вашихъ истинъ, говорятъ практическіе люди,—

„Что намъ въ нихъ, когда и съ ложью,
Благъ земныхъ имѣя часть,
Можно славить правду Божью,
И, чтобъ духомъ не упасть
Да и плоти не ослабить,
Иногда немножко грабить,
Иногда немножко красть?
Не смущая нашу повѣсть,
Не ворочая души,
Дай намъ пѣсню, сказку, совѣсть,
Позабавь насъ, посмѣши—
Такъ, чтобъ было все пустенько,
Непридирчиво, легко,
И попрыгало маленько
Въ смѣхѣ круглое брюшко,
Посреди отдохновенья

Въ важный часъ пищеваренья!
 Не ломись въ число судей,
 Не вноси къ намъ ни уроковъ,
 Ни обидныхъ намъ намековъ,
 Ни мучительныхъ идей,
 И не будь бычемъ пороковъ,
 Чтобъ не бить бичемъ людей!
 Если жъ дико и сурово
 Заревешь ты свысока,—
 Эко диво! Намъ не ново:
 Мы какъ разъ уйдемъ дружка...“

Въ стихотвореніи на «Новый 1857 г.» Бенедиктовъ тоже представляетъ подобныхъ господъ, и на ихъ возгласы, что «тѣхъ, что мысль колышутъ, надо бы связать», отвѣчаетъ:

„Но друзья-ль тутъ{Руси
 Съ гласностью въ борьбѣ?
 Нѣтъ,—вѣдь это гуси
 На умѣ себѣ!
 Въ маскѣ патріотовъ
 Мраколюбцы тутъ
 Изъ своихъ расчетовъ
 Голосъ подаютъ“, и пр.

Повторяемъ; тутъ поэзіи нѣтъ и слѣда (что, впрочемъ, читатель и самъ видитъ); но мысли—превосходны. Кто бы и какъ бы ихъ ни высказалъ въ Россіи въ настоящее время,—всякій заслуживаетъ привѣта и благодарности. И шлются эти благодарные привѣты г. Бенедиктову со всѣхъ сторонъ; и мы сами готовы отъ всей души уважить въ поэтѣ благородство его чувствованій, возвышенность стремленій (совершенно не кстати вспомнились тутъ намъ нескромные стулья; но вы, читатели, постарайтесь забыть о нихъ)... Только все же общественныя заслуги г. Бенедиктова не ослѣпятъ насъ насчетъ степени его поэтическаго таланта. Мы знаемъ, что еслибъ его дарованіе имѣло хоть сколько-нибудь внутренней силы, а не было чисто-внѣшнимъ, то онъ бы выступилъ на то поприще, на которомъ теперь подвизается съ такимъ успѣхомъ, гораздо раньше,—по крайней мѣрѣ, немедленно послѣ того, какъ провозгласилъ, что онъ въ мірѣ боецъ. Что дарованіе г. Бенедиктова внутренней силы не имѣетъ, это видно даже изъ современныхъ его стихотвореній. Онъ въ своихъ стихотвореніяхъ не только не ставитъ новыхъ вопросовъ, не изыскиваетъ новыхъ предметовъ, но даже и въ предметахъ, давно уже вызванныхъ на Божій свѣтъ, не отыскиваетъ новыхъ сторонъ, не составляетъ новыхъ комбинацій. Характеръ его новѣйшей литературной дѣятельности можно объяснить въ немногихъ словахъ: то зло, которое повержено или, по крайней мѣрѣ, клеймено общественнымъ мнѣніемъ,—онъ караетъ; то добро, которое сдѣлано—прославляетъ; предъ зломъ, еще нетронутымъ, обнаруживаетъ полное безсиліе, о добрѣ, еще не сдѣланномъ, или вовсе не заводитъ рѣчи, или говоритъ

общія фразы, давно сдѣлавшіяся ходячими въ обществѣ. Правда, что это не есть недостатокъ, свойственный одному только г. Бенедиктову: такова почти вся наша литература послѣдняго времени. Характеръ ея очень напоминаетъ намъ школьный анекдотъ, читанный нами когда-то въ одной дѣтской книжкѣ. «Въ одной школѣ между многими благонаправными мальчиками, были два негодяя. Они были старше другихъ и потому исправляли въ классѣ какую-то должность. Пользуясь этимъ, они всячески притѣсняли маленькихъ мальчиковъ, — били ихъ, отнимали у нихъ разныя вещи, несправедливо жаловались на нихъ учителю. Добрые мальчики очень страдали и много плакали, но все терпѣли. Наконецъ, учитель самъ замѣтилъ въ чемъ-то старшихъ негодяевъ, преболно высѣкъ ихъ и лишилъ должности въ классѣ. Тогда добрые мальчики очень обрадовались и, желая исправить негодяевъ, начали упрекать ихъ въ прежнихъ поступкахъ, говоря: что взяли, гордецы, воры, забіяки, ябедники, мошенники,—что взяли? Скверно вы дѣлали? Признайтесь, вѣдь скверно? Хорошо, что добрый нашъ учитель наказалъ васъ, право, хорошо; давно пора бы... Негодные мальчики, слушая эти упреки, не знали, что отвѣчать, и имъ было очень стыдно».

Возвращаясь отъ дѣтской сказочки къ г. Бенедиктову, мы должны замѣтить у него одну мысль, которая не имъ, конечно, выдумана, но имъ развивается съ особенной любовью въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Это—мысль о благѣ мира и о противоестественности войны. Въ предисловіи этой мысли, г. Бенедиктовъ возвышается даже до поэтическихъ образовъ, которые вообще ему такъ рѣдко удаются. Стихотворенія «Война и миръ», «И туда», «Ваня и няня», по нашему мнѣнію—рѣшительно лучшія изъ современныхъ стихотвореній г. Бенедиктова. Между прочимъ, эти самыя произведенія могутъ служить яснымъ доказательствомъ того, до какой степени сильно бываетъ подчиненіе рутинѣ у второстепенныхъ литературныхъ дарованій. Личное отвращеніе отъ дѣйствительныхъ ужасовъ войны выразилъ г. Бенедиктовъ въ давнишнемъ, чуть-ли не одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній «Золотой вѣкъ». Тамъ говоритъ онъ, между прочимъ, довольно недурными стихами:

„Вы были-ль когда-то, златые года,
Какъ праздно лежало въ недвижномъ покоѣ,
Въ родномъ подземельи, желѣзо тупое
И имъ не играла пустая вражда,
И хпщная сила по лику земному
Границъ не чертила кровавой чертой,
Но тихо катилось отъ рода къ другому
Святое наслѣдье любви родовой“.

Но въ то время, какъ это было писано, у насъ сильно было бранное направленіе поэзіи. Привычка восхищаться пространствомъ Россіи и си-

лой несмѣтныхъ ея штыковъ со временъ Ломоносова, или даже Симеона Полоцкаго, господствовала въ нашей литературѣ. Около 1830 г. Пушкинъ подновилъ воинственность нашей поэзіи нѣсколькими бранными стихотвореніями (лишенными, впрочемъ, поэтическаго достоинства), и могъ-ли г. Бенедиктовъ противиться общему направленію? Онъ, и въ самомъ дѣлѣ, не только не противился, а даже ревностно послѣдовалъ ему, оставивъ свою мысль о безчеловѣчности войны,—до болѣе удобнаго времени. Онъ воспѣлъ громозвучными стихами «Ватерлоо», съ большимъ одушевленіемъ описывалъ сраженія въ разныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ, говорилъ, что во время пира онъ «ждалъ втайнѣ праздника мечей», и что

„Юной жизни пламя
Сладко несть отчизнѣ въ дань.
Ей да служить въ охраненьѣ
Этотъ мечъ головосѣкъ!“

Въ томъ же самомъ стихотвореніи, желая прославить Русь, онъ не находитъ ей другихъ похвалъ, кромѣ обширности и крѣпости бранной—

„Широка она, родная,
Ростомъ міру по плечо,
Вся одежда ледяная,
Только сердце горячо.
Чуть зазнала пиръ кровавый,
И разсыпались враги;
Высоко шумитъ двуглавый,
Землю топчуть русской славы
Семи-мильные шаги!..“

Совершенно противно своему убѣжденію, поэтъ восхищается здѣсь ложнымъ блескомъ, потому что имъ тогда восхищались. Онъ не въ силахъ былъ сказать что-нибудь свое, не въ силахъ былъ развить той мысли, которую мимоходомъ выразилъ, въ родѣ мечты, въ одномъ изъ своихъ же стихотвореній. Мало того, онъ отрекся отъ своей мысли, принявшись воспѣвать предметъ, который, по его собственному признанію, былъ ему ненавистенъ. За то посмотрите, какъ смѣло и рѣшительно говоритъ онъ объ этомъ теперь, когда гуманныя идеи созрѣли, когда война всѣми признается тяжкимъ зломъ, которое становится все менѣе и менѣе неизбѣжнымъ въ человѣчествѣ. Теперь г. Бенедиктовъ не увлекается уже бранной славой русскаго народа, а прямо и рѣшительно говоритъ, что

„Онъ упивался ложнымъ блескомъ,
Величья въ прахъ онъ искалъ,
И въ вихрѣ браней, съ шумомъ, съ трескомъ,
Непобѣдимый—общимъ плескомъ
Себѣ онъ самъ рукоплескалъ“.

Даже о своей собственной дѣятельности и о трудахъ, подобныхъ ему воспѣвателей брани, г. Бенедиктовъ отзывается теперь съ похвальнымъ негодованіемъ. Во время войны, говоритъ онъ,

„Злобствуетъ даже поэтъ, сынъ слезы и молитвы:
Музу свою окуривъ испареньями битвы,

Опіумъ ей онъ подносить, не нектаръ; святыню
Хлещетъ бичомъ; стервенить своихъ пѣсенъ богиню;
Судорогъ полныя, бьютъ по струнамъ его руки;
Лира его издаетъ барабанные звуки.
„Бейтесь“, кричатъ сорванцы, притаясь подъ заборомъ,
И поражаютъ любителей мира укоромъ“.

Вообще о войнѣ г. Бенедиктовъ говоритъ теперь съ явнымъ пренебреженіемъ. Еще во время войны извѣстно было его стихотвореніе «Молитва», въ которой онъ съ благороднымъ отвращеніемъ говорилъ о тѣхъ, которые смѣютъ молить у Бога успѣха въ убійствахъ, и заключалъ, что единственно приличная христіанину молитва во время войны есть молитва о мирѣ. Почти тѣ же мысли повторяются имъ и въ стихотвореніи «Война и миръ». Тутъ, говоритъ онъ,

„Брошены въ прахъ всѣ идеи, въ почетъ гремушки;
Проповѣдь мудрыхъ молчитъ, проповѣдуютъ пушки;
И опьянѣлые въ оргіи дикой народы
Цѣпи куютъ себѣ сами во имя свободы;
Чувствуя въ злобѣ своей сатану душегубца
Распри заводятъ во имя Христа-миролюбца!..“

Все стихотвореніе заключается грустнымъ восклицаніемъ: «жаль мнѣ тебя, человѣчество, бѣдное стадо»!

Въ приведенныхъ нами стихахъ опять-таки нѣтъ поэзіи: главное ихъ достоинство—смѣлость и твердость мысли. Но на ту же тему написаны г. Бенедиктовымъ еще два стихотворенія, въ которыхъ мы не можемъ не признать нѣсколькихъ искръ поэзіи. Одно изъ нихъ, «И туда», испорчено вычурностью представленія предмета и желаніемъ, во что бы то ни стало, произвести эффектъ. Дѣло въ томъ, что англійскіе корабли подплыли къ берегамъ Камчатки и начали ихъ обстрѣливать. Камчадалы съ изумленіемъ встрѣчаютъ незваныхъ гостей и не знаютъ, чтобы могло значить ихъ враждебное посѣщеніе. Съ виду, пришельцы, кажется, похожи на людей, но поступки ихъ вовсе не человѣческіе. Странно, «а вѣдь все же это люди», говорятъ камчадалы. Вдругъ самимъ камчадаламъ дается приказаніе защищаться:

„Камчадалъ! Пускай въ нихъ стрѣлы!
Ну, прицѣливайся! Бей!
Не зѣвай! Въ твои предѣлы,
Видишь, вторгнулся злодѣй“.
И дикарь въ недоумѣньи
Слышитъ странное велѣнье:
„Какъ? Стрѣлятъ? Въ кого? Въ людей?“
И, ушамъ своимъ не вѣря,
„Нѣтъ“, сказалъ, „стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря;
Человѣка я не бью!“

Содержаніе нѣсколько аффектировано, особенно если мы вспомнимъ, что камчадалы хоть и не любятъ сражаться по своей трусости, но убійство человѣка не считаютъ неслыханнымъ дѣломъ, по крайней мѣрѣ, съ

того времени, какъ они дрались съ русскими въ началѣ прошедшаго столѣтія. Поэтому, поэтическій образъ, выбранный г. Бенедиктовымъ, не совсѣмъ удаченъ. Но уже одно то, что для выраженія своей мысли поэтъ обратился къ образу, а не къ словеснымъ фразамъ,—одно уже это заслуживаетъ большую похвалу въ такомъ поэтѣ, какъ г. Бенедиктовъ.

Другое стихотвореніе: «Ваня и няня» проще и лучше. Мальчикъ спрашиваетъ няню про войну. Та ему начинаетъ рассказывать. «Такъ они дерутся?» — прерываетъ мальчикъ. — «Да», говоритъ няня. — «Да вѣдь драться стыдно», снова возражаетъ Ваня:

„Мнѣ сказалъ папаша самъ:
Заниматься этимъ
Только пьянымъ мужикамъ,
А не умнымъ дѣтямъ“.

«Разъ мы съ Мишей поссорились за игрушки, такъ папаша высѣкъ насъ обоихъ».

„Стыдно драться, говоритъ,
Ссорятся лишь злые“.
Ишь, и маленькимъ-то стыдъ!
А вѣдь тамъ большіе.
Самъ я видѣлъ сколько разъ:
Мимо шли солдаты.
У! большущіе! Я глазъ
Не спускалъ: все хваты!
Шапки мѣдныя, съ хвостомъ!
Ружей много, много!
Барабаны тромъ томъ-томъ,
Вся гремитъ дорога.
Тромъ-томъ-томъ! И весь горитъ
Отъ восторга Ваня;
Но, подумавъ, говоритъ;
„А вѣдь вѣрно, няня,
На войну шло столько ихъ,
Гдѣ палятъ изъ пушки:
Вѣрно вышла и у нихъ
Ссора за игрушки“.

Если судить слишкомъ строго, то, конечно, и это стихотвореніе можно уподобить «Разговору въ царствѣ мертвыхъ». Но г. Бенедиктову и такіе разговоры рѣдко удаются. Его «Посѣщеніе» тоже «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ», но тотъ разговоръ крайне вялъ и утомителенъ, а здѣсь въ представленіи чувствъ и мыслей мальчика есть даже какъ будто немножко поэтическаго воодушевленія. Поэтому, стихотвореніе «Ваня и няня» мы причисляемъ къ наиболѣе удачнымъ стихотвореніямъ г. Бенедиктова не только по мысли, но даже и по исполненію.

Недурныя мѣста попадаются у г. Бенедиктова во многихъ стихотвореніяхъ; но цѣлаго стихотворенія, вполне выдержаннаго, мы не можемъ указать ни одного. То какой-нибудь нелѣпый тронъ испортитъ картину, то странное изображеніе ослабитъ мысль, то сравненіе какое-нибудь за-

темнить дѣло, то безчеловѣчныя фразы нарушаютъ впечатлѣніе. И это прилагается не только къ созданіямъ собственной музы г. Бенедиктова, но даже къ его переводамъ, которыхъ помѣщено въ новой книжкѣ его до двѣнадцати. Все это вообще приводитъ насъ къ тому, чтобы повторить наше заключеніе, которымъ мы начали рецензію стихотвореній г. Бенедиктова. Онъ остался тѣмъ же, что и былъ, не измѣнивши себѣ ни въ формѣ, ни въ содержаніи своей поэзіи. Эффе́кть и вычурность попрежнему остались ея элементами, только канва перемѣнилась сообразно съ обстоятельствами времени. Въ зародышѣ, въ предчувствіи г. Бенедиктова давно являлись тѣ прекрасныя мысли (да и у кого же изъ мыслящихъ людей онѣ не являлись?), которыя онъ излагаетъ нынѣ; но какъ дарованіе очень слабое, второстепенное, г. Бенедиктовъ не рѣшался высказывать своихъ мыслей, пока справедливость ихъ не была наконецъ признана лучшею частью общества. И общество встрѣтило рукоплесканіями его убѣжденія въ томъ, въ чемъ оно само давно ужъ убѣждено было. (Тѣ, которые не были убѣждены, не убѣдились и стихами г. Бенедиктова и не рукоплескали ему). Въ этомъ фактѣ мы видимъ, между прочимъ, доказательство того, что публика наша все еще не совсѣмъ твердо стоитъ на почвѣ современныхъ идей: ей нужна еще поддержка, нуженъ лишній голосъ для ея ободренія, откритыхъ приверженцевъ и постоянныхъ дѣятелей новаго направленія еще мало. Но все же ихъ ужъ несравненно больше, чѣмъ сколько было два-три года тому назадъ. Можно надѣяться, что если все пойдетъ такъ, какъ идетъ теперь, то чрезъ нѣсколько лѣтъ новыя идеи перейдутъ изъ области общихъ фразъ къ настоящимъ, живымъ примѣненіямъ, и проповѣдывать, что свѣтъ лучше тьмы, и что надо открыто идти противъ зла, будетъ столько же бесполезно и странно, какъ странно теперь серьезно доказываетъ, что, напри́мѣръ, убить человѣка дурно, или что напиться пьянымъ непохвально. Тогда-то можно ожидать и истинно-поэтическихъ произведеній въ нынѣшнемъ общественномъ направленіи. А пока оно входитъ въ поэзію только какъ общая фраза, какъ отвлеченная теорія, до тѣхъ поръ, разумѣется, публика можетъ довольствоваться и стихами г. Бенедиктова, у котораго все-таки, надобно отдать ему справедливость, есть много мыслей, изложенныхъ очень звучно и весьма поучительныхъ.

Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ. Замѣтки Михаила Семевскаго. Спб. 1857 г.

Обращаемъ на книжку г. Семевскаго особенное вниманіе г. Бенедиктова. Въ ней увидитъ онъ, что въ наше время общія фразы о современ-

ныхъ идеяхъ, сочувствіе общественнымъ вопросамъ и т. п. уже перестаютъ быть рѣдкостью, и что на нихъ однихъ нельзя далеко уѣхать. Нынѣ, какъ бы ни былъ бездаренъ писатель, какъ бы ни ограниченъ былъ кругъ его зрѣнія, какъ бы ни смутны были понятія о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ,—все-таки онъ уже понимаетъ вредъ невѣжества, незаконность взятокъ, притѣсненій, гадость обмана, ханжества и т. п. Это уже теперь обязанность писателя, а не достоинство, подобно тому, какъ нынѣ уже не составляетъ достоинства умѣнье писать грамотно и складно; а прежде, всякаго, кто умѣлъ составить порядочную строку, считали уже за нужное хвалить, какъ человѣка, «слогъ имѣющаго». Нынѣ безграмотные писатели до того доведены, что имъ ужъ и носа показать нельзя въ литературѣ,—просто сунуться некуда, развѣ только учебникъ составить или дѣтскую книжку сочинить имъ еще дозволяется. Нынѣ даже простое глумленіе надъ грамматическими промахами авторовъ считается излишнимъ; всякій готовъ пропустить безъ вниманія даже дѣйствительную ошибку противъ языка въ статьѣ, интересной въ какомъ-нибудь отношеніи. Пропускаются же эти ошибки не потому, чтобы ихъ не считали ошибками и одобряли, а просто потому, что не хотятъ въ нихъ видѣть доказательствъ безграмотности писавшаго, а считаютъ ихъ слѣдствіемъ разсѣянности, недосмотра, опечатки и т. п. Нынѣ уже смѣшно видѣть, если кто-нибудь, въ спорѣ о важномъ предметѣ, опровергая своего противника, вдругъ начнетъ разбирать его фразу: гдѣ тутъ подлежащее, гдѣ сказуемое? и потомъ объявить торжественно, что въ фразѣ глагола нѣтъ, слѣдовательно грамматическаго смысла нѣтъ, и потому онъ ея не понимаетъ. Къ такимъ грамматическимъ фигурамъ нынѣ прибѣгаютъ люди ужъ только тогда, когда они ничего дѣльнаго сказать не умѣютъ: до того вошло въ литературу сознание о томъ, что кто берется писать, тотъ ужъ не можетъ быть неграмотнымъ. То же самое скоро совершится и съ мнѣніями, провозвѣстники которыхъ теперь еще вызываютъ столь громкое, и иногда не совсѣмъ заслуженное, одобреніе публики. Отчасти, въ отношеніи къ нѣкоторымъ мнѣніямъ, это уже и начинается: теперь, на примѣръ, никто не удивится и не подниметъ восторженнаго шума похвалы, если кто-нибудь скажетъ, что у насъ въ чиновничьемъ мірѣ есть злоупотребленія, что общее образованіе важнѣе спеціальнаго, что насильственные мѣры всегда дурны и т. п. А нѣсколько лѣтъ тому назадъ считали же вѣдь очень дерзкимъ и отважнымъ того, кто осмѣливался сказать, что и гвардейскіе офицеры иногда дурно танцуютъ, или что и пряжка безпорочная не всегда знаменуетъ дѣйствительное отсутствіе пороковъ въ томъ, кто ее носитъ. Тогда не много нужно было, чтобы прослыть передовымъ человѣкомъ. Но теперь ужъ дѣла совсѣмъ въ другомъ положеніи. Къ тому, что было, ужъ нѣтъ

возврата. Всѣ наши quasi поэтическіе возгласы противъ людей, любящихъ тьму, теперь несвоевременны и излишни. Не мы съ вами дѣлаемъ литературу, г. Бенедиктовъ: мы съ вами и прежде существовали, да вѣдь не говорили же того, что нынѣ говоримъ. Да и не мы одни,—и г. Щедринъ съ г. Печерскимъ существовали, и г. Пироговъ тоже, и г. Бабстъ тоже,—да мало-ли и еще кто былъ; а вѣдь не писалось же ничего такого, пока общество само не заговорило, пока въ немъ не являлась потребность гласности, свѣта, правды, дѣятельности. Но произошло движеніе мысли въ обществѣ,—и литература пришла въ движеніе, отдавая всѣ свои средства на служеніе общественнымъ интересамъ. Общество съ благодарностью ими воспользовалось, обратило на литературу больше вниманія, тѣснѣе сблизилось съ ней, видя что она объясняетъ ему весьма многое и придаетъ болѣе разумности и сознательности его собственнымъ стремленіямъ.

Говоря все это, мы вовсе не хотимъ утверждать той мысли, будто наше общество такъ ужъ высоко стоитъ, что ему почти и не нужно литературы. Мы только указываемъ на то, что г. Бенедиктовъ и подобные ему обличители пороковъ, останавливающіеся все на однѣхъ и тѣхъ же общихъ фразяхъ, сильно отстаютъ уже, воображая, что безъ нихъ общество и говорить не умѣетъ. Напротивъ, дѣла только дѣлать мы еще не умѣемъ, а говоримъ-то мы ужъ очень бойко и очень много, можетъ быть больше, чѣмъ требуется для настоящаго пониманія дѣла, и ужъ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ позволяетъ себѣ литература. Литература во всякомъ случаѣ умѣряетъ слишкомъ необдуманые порывы всестороннимъ показаніемъ вопроса и хладнокровнымъ, разумнымъ его обсужденіемъ; въ этомъ и состоитъ вообще ея заслуга предъ обществомъ. Этой-то заслуги и не имѣютъ общія фразы, какія съ важностью произносятся г. Бенедиктовымъ, г. Семейскимъ и т. п. Кстати, возвратимся къ г. Семейскому, о которомъ мы совсѣмъ позабыли, заговорившись съ г. Бенедиктовымъ.

Книга г. Семейскаго замѣчательна, какъ мы уже сказали, въ томъ отношеніи, что авторъ ея, при крайней ограниченности понятій и знаній, все-таки выражаетъ сочувствіе къ современному направленію. О степени его знаній историческихъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій примѣръ: рассказывая исторію Великихъ Лукъ, онъ распространяется, неизвѣстно для чего, о томъ, что христіанство было водворено въ Россіи Владиміромъ Святославичемъ, внукомъ св. Ольги, который, по общему совѣту епископовъ, уничтожилъ идолопоклонство и пр. И чтобы кто-нибудь не усомнился въ открытомъ имъ фактѣ, имѣющемъ столь близкое отношеніе къ исторіи города Великихъ Лукъ, онъ дѣлаетъ ссылку на «Исторію Псковскаго Княжества» и на «Степенныя книги». Статистическіе приемы г. Семейскаго характеризуются тѣмъ, что онъ представилъ таблицу числа жи-

телей, домовъ, церквей, заводовъ и пр. въ Великолуцкомъ уѣздѣ, и поспѣшилъ замѣтить, что онъ не ручается за вѣрность и точность нѣкоторыхъ цифръ. Какихъ именно *нѣкоторыхъ*, онъ не сказалъ, и, такимъ образомъ, на всѣ цифры падаетъ подозрѣніе въ невѣрности и неточности; зачѣмъ же было и составлять невѣрную и неточную таблицу? Въ этнографіи г. Семевскій показываетъ себя большимъ знатокомъ, потому что подробно описываетъ, какъ особенность Великихъ Лукъ, то, что тамъ женихи свахъ засылаютъ, на дѣвичникѣ и на свадьбѣ пѣсни поютъ; что за столомъ великолучане пьютъ и ѣдятъ и т. п. При этомъ онъ съ гордостью замѣчаетъ, что «Замѣтки его есть страница не бесполезная при описаніи быта русскаго народа» (стр. 146). Но всего замѣчательнѣе то, что авторъ приводитъ изъ своего «Сборника великолукскихъ пословицъ» (довольно значительнаго по его замѣчанію) такія пословицы, какъ: «чужое добро въ прокъ нейдетъ», «заставь дурака Богу молиться, онъ лобъ разобьетъ», «глупому сыну не въ помощь богатство и т. п. Если всѣ такія пословицы относить собственно къ Великолуцкому уѣзду, то, разумѣется, не трудно составить и очень значительный сборникъ: стоитъ переписать Снегирева со всѣми дополненіями. Словомъ, авторъ почти на каждой страницѣ своей книжки обнаруживаетъ такое наивное невѣдѣніе о самыхъ простыхъ предметахъ, что мы нисколько не удивились бы, еслибъ увидѣли, что онъ къ особенностямъ Великолуцкаго уѣзда причисляетъ и то, что тамъ люди вверхъ головой ходятъ.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ фактовъ, сообщаемыхъ въ книжкѣ г. Семевского, нужно отмѣтить слѣдующія свѣдѣнія: 1) что *въ нашемъ* городѣ (такъ г. Семевскій называетъ Великія Луки), на правомъ берегу Ловати, В. И. Семевскій, дѣдъ автора «Замѣтокъ о Великихъ Лукахъ», построилъ въ 1788 г. каменный домъ для богадѣльни; что Егоръ Семевскій, дѣдъ автора (вѣроятно, другой), былъ въ числѣ лицъ, подписавшихся на сочиненіе «Историческое описаніе города Пскова, 1790 г.»; что И. Е. Семевскому, отцу автора, принадлежитъ село Федоровцево; что 12 № «Москвитянина» за 1856 г. (одинъ, увы! изъ послѣднихъ номеровъ издыхавшаго «Москвитянина») украшенъ былъ статьею автора Великихъ Лукъ «о фамиліи Грибоѣдовыхъ». Свѣдѣнія сіи будутъ, конечно, драгоцѣнны для великолукскихъ гражданъ, сообщая имъ родословное древо ихъ историка и этнографа.

И, однако же, этотъ самый наивный юноша, изъ «Исторіи Псковскаго Княжества» узнавшій о водвореніи въ Россіи христіанства Владиміромъ и полагающій, что свахи и дружки составляютъ исключительную принадлежность великолукской жизни, онъ же находитъ въ себѣ силы для того, чтобы пускать вотъ какія громоносныя фразы: «Сердце невольно сжимается

при взглядѣ на картину невѣжества, изувѣрства, тупоумія, поразительной жестокости, пошлаго ябедничества и тому подобныхъ пороковъ тогдашнихъ владѣтелей крестьянъ. Чѣмъ отличался помѣщикъ отъ своего крестьянина—рѣшить трудно: платьемъ и большею возможностью дѣлать всевозможныя преступленія, начиная отъ воровства и заключая явнымъ разбоемъ и убійствомъ» (стр. 129). «Подъячіе тѣснили помѣщиковъ, пользовались всякимъ предлогомъ, объѣдали и обирали ихъ. Помѣщики грызлись между собою, сильный давилъ слабого; крестьяне великолуцкіе, по пословицѣ, каковъ попъ, таковъ и приходъ, грабили, рѣзали другъ друга безъ стыда, безъ зазрѣнія совѣсти, а главное, почти всегда безнаказанно» (стр. 437). «Замѣчательно, что на Руси, ѣдкія и въ высшей степени остроумныя изреченія противъ злоупотребленій воеводъ, судей, поповъ, приказныхъ и подъячихъ составляютъ едва-ли не наибольшую часть народныхъ пословицъ» (стр. 200). И г. Семеvскій даже не останавливается на фразѣхъ, какъ г. Бенедиктовъ: онъ приводитъ самые факты о томъ, какъ помѣщики дрались и тягались межъ собой. Приводитъ и нѣкоторыя изъ ѣдкихъ пословицъ, хотя давно уже общеизвѣстныхъ, но тѣмъ не менѣе подтверждающихъ его мысль. Въ своихъ воззрѣніяхъ, авторъ доходитъ до такой гуманности, что, въ заключеніе своей книги, говоритъ слѣдующую фразу, тоже общеизвѣстную, но все-таки благонамѣренную: «страсть мужичка—вино; угнетаемый безвыходностью и безотрадностью положенія, онъ *опускается* во всѣхъ отношеніяхъ: пьетъ съ горя, чтобы забыть пошлую дѣйствительность, голодныхъ ребятишекъ, брань и упреки жены, нѣмца-управителя, либо баринова приказчика» (стр. 211). По закону справедливости, г. Семеvскому слѣдовало бы пріобрѣсти такую же громкую славу, какую пріобрѣлъ Бенедиктовъ: заслуги ихъ предъ обществомъ одинаковыя; но, къ своему несчастію, г. Семеvскій сказалъ свои прекрасныя фразы двумя годами позже г. Бенедиктова, и на него теперь уже не хотятъ обращать вниманія такъ, какъ еще черезъ два года не будутъ обращать вниманія и на г. Бенедиктова.

О СТЕПЕНИ УЧАСТІЯ НАРОДНОСТИ ВЪ РАЗВИТІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Очеркъ исторіи русской поэзіи. А. Милюкова. Второе, дополненное изданіе. Спб.. 1858 г.).

Книжка г. Милюкова — наша старая знакомая. Первое изданіе ея было въ 1847 г., и тогда же она была оцѣнена по достоинству въ нашихъ журналахъ. Новое изданіе этой книги пріятно напомнило намъ время перваго ея появленія и заставило подумать о томъ, что произошло въ нашей литературѣ въ послѣднее десятилѣтіе. Повидимому, ничего не произошло особеннаго: въ 1847 г. высказывались идеи и стремленія, совершенно близкія къ тѣмъ, какія высказываются въ 1858 г. Книжка г. Милюкова можетъ служить лучшимъ тому доказательствомъ. Слѣдуя мнѣніямъ Бѣлинскаго о русскихъ литературныхъ явленіяхъ, г. Милюковъ составилъ тогда очеркъ развитія русской поэзіи,—и этотъ очеркъ до сихъ поръ не теряетъ своей правды и значенія. Тогда находилъ онъ хорошими только тѣ явленія русской поэзіи, въ которыхъ выражалось сатирическое направленіе; и теперь не нашелъ онъ ничего, что можно бы было похвалить у насъ внѣ сатирическаго направленія. Тогда заключилъ онъ свой очеркъ словами Лермонтова: «Россія вся въ будущемъ»—и теперь заключаетъ его тѣми же словами... Ожидаемое будущее еще не настало для русской литературы; продолжается все то же настоящее, какое было десять лѣтъ тому назадъ... Мы еще въ томъ же Гоголевскомъ періодѣ, и напрасно ждемъ такъ давно новаго слова: для него еще, вѣрно, не выработалось содержанія въ жизни.

Но если не замѣтно ничего особеннаго во внутреннемъ содержаніи и характерѣ литературы, за то нельзя не видѣть, что внѣшнимъ образомъ она развилась довольно значительно. Вспомнимъ, какіе люди дѣйствовали у насъ на литературномъ поприщѣ въ сороковыхъ годахъ и до 1847 г. включительно. Хотя въ этомъ году Гоголь уже издалъ «Переписку», но

все же онъ былъ живъ, и надежды на него не покидали его почитателей. За Гоголемъ возвышался геніальный критикъ его, энергически, громко и откровенно объяснившій Россіи великое значеніе ея національнаго писателя. За Бѣлинскимъ высились еще два-три челоуѣка, возбуждавшіе вниманіе публики къ вопросамъ философскимъ и общественнымъ. Подъ ихъ знаменемъ ратовала тогда литература противъ неправды и застою; отъ нихъ заимствовала она свою энергію и жизнь.

Теперь тоже литература призываетъ общество къ правдѣ и дѣятельности, тоже возстаетъ противъ злоупотребленій, — но кто несетъ наше знамя? Вокругъ кого собрались литературные дѣятели? Изъ тѣхъ, кто одушевлялъ литературу въ сороковыхъ годахъ.

„Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече“.

Изъ новыхъ же дѣятелей нѣтъ никого, кто бы, по своему таланту и вліянію, равнялся Гоголю или Бѣлинскому. Теперь нѣтъ литературныхъ вождей, подобныхъ прежнимъ; они исчезли одинъ за другимъ: русская литература утратила ихъ въ самый годъ смерти Бѣлинскаго или недолго спустя. Нѣкоторые изъ нихъ продолжали дѣйствовать и послѣ, даже еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде; но для большинства русской публики труды ихъ оставались неизвѣстными въ эти года. Такъ, Гоголь до конца жизни не переставалъ работать надъ своимъ созданіемъ; но только немногіе, близкіе къ нему люди знали, какое произведеніе готовить онъ. До прочихъ едва доходили темные, неопредѣленные слухи о продолженіи «Мертвыхъ душъ». Такъ было и съ нѣкоторыми изъ другихъ литературныхъ дѣятелей. Такъ и до сихъ поръ, послѣ смерти Гоголя и прекращенія дѣятельности Бѣлинскаго и нѣкоторыхъ его сподвижниковъ, продолжается у насъ отсутствіе громкаго имени, отъ котораго приходила бы въ движеніе литература, которымъ бы направлялась извѣстнымъ образомъ ея дѣятельность.

А между тѣмъ, кто не видитъ, что литература, при всѣхъ своихъ утратахъ и неудачахъ, осталась вѣрною своимъ благороднымъ преданіямъ, не измѣнила чистому знамени правды и гуманности, за которымъ она шла въ то время, когда оно было въ сильныхъ рукахъ могучихъ вождей ея. Теперь никого нѣтъ во главѣ дѣла, но всѣ дружно и ровно идутъ къ одной цѣли: каждый писатель проникнуть тѣми идеями, за которыя, лѣтъ десять тому назадъ, ратовали немногіе, лучшіе люди; каждый, по мѣрѣ силъ, преслѣдуетъ то зло, противъ котораго прежде возвышалось два-три энергическихъ голоса. То, что было тогда достояніемъ немногихъ передовыхъ людей, перешло теперь во всю массу людей образованныхъ и пишущихъ. Кто не умѣлъ или не хотѣлъ усвоить себѣ этихъ живыхъ уроковъ недавняго прошедшаго, тотъ уже считается отсталымъ, отчужденнымъ отъ общаго дѣла, мертвецомъ между живыми, и его хоронятъ за-живо, несмотря ни на уче-

ность, ни на талантъ. Да что же иначе и дѣлать съ человѣкомъ, который самъ зарываетъ талантъ свой въ землю и мертвой буквой убиваетъ жизнь духа? Богъ съ ними; пусть сочиняютъ себѣ надгробныя надписи, должествующія нѣкогда напомнить объ ихъ безсмертіи. Живой о живомъ думаетъ, и нынѣшняя литература стремится извѣдать жизнь и на практикѣ приложить и провѣрить истины, привитыя общему сознанию достопамятными дѣятелями прежнихъ лѣтъ. Все проникнуто этимъ духомъ, и,—повторимъ еще разъ,—хотя во внутреннемъ содержаніи литература не подвинулась впередъ, кругъ идей ея не расширился, но кругъ приверженцевъ этихъ идей значительно увеличился; усвоеніе ихъ стало тверже и полнѣе. Въ этомъ видимъ мы внѣшнее развитіе литературы, составляющее прогрессъ ея въ послѣднія десять лѣтъ, и несомнѣнную, дѣйствительную ея заслугу. Она собственною силою сохранила еще свое достоинство отъ мелкихъ продѣлокъ и жалкихъ поползновеній, унижавшихъ въ другія времена званіе писателя. Она собственною силою завоевала себѣ этотъ кружокъ людей, со всею энергіей правды и молодости отдавшихъ себя на служеніе правому дѣлу, при первой возможности честно и правдиво послужить ему. Въ этомъ уже не малая заслуга, и она можетъ сдѣлаться громадною, если распространеніе идей добра и правды будетъ продолжаться такимъ же образомъ, и если интересы, возбужденные литературою, проникнуть наконецъ въ массы народа. Тогда-то нельзя будетъ не признать великаго значенія литературы.

Но это все будущее и, безъ сомнѣнія, довольно отдаленное. Книга же г. Милюкова даетъ намъ поводъ прослѣдить значеніе русской литературы въ прошедшемъ. Кстаті, здѣсь же, мы можемъ объясниться съ нѣкоторыми книжками, которые взводятъ на «Современникъ» обвиненіе, будто онъ совершенно отвергаетъ всякое значеніе литературы для общества.

Книжные приверженцы литературы очень горячатся за нее, считая прекрасныя литературныя произведенія началомъ всякаго добра. Они готовы думать, что литература заправляетъ исторіей, что она измѣняетъ государства, волнуется или укрощаетъ народъ, передѣлываетъ даже нравы и характеръ народный; особенно поэзія,—о, поэзія, по ихъ мнѣнію, вноситъ въ жизнь новые элементы, творитъ все изъ ничего. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, они указываютъ на великія поэмы первыхъ вѣковъ человѣчества, на поэзію индійскую, еврейскую, греческую и на продолженіе ихъ въ твореніяхъ величайшихъ геніевъ новыхъ временъ. «Сколько великихъ тайнъ,—говорятъ они,—повѣдано міру въ великолѣпныхъ созданіяхъ фантазіи юнаго человѣчества! Безъ индійской и персидской поэзіи не было бы въ человѣчествѣ сознанія о бореніи двухъ началъ, добра и зла, во всемъ мірѣ; безъ Гомера не было бы Троянской войны, безъ Вир-

гилія Эней не странствовалъ бы въ Италію, безъ Мильтона не было бы Потеряннаго Рая, безъ Данте—живыхъ представленій ада, чистилища и рая». Не было бы,—это въ высшей степени справедливо; всѣ эти прекрасныя созданія принадлежатъ творческой фантазіи младенчествующаго народа или увлеченнаго вдохновеніемъ поэта. Но знаете-ли что?—созданія фантазіи такъ вѣдь и остаются въ области фантастическихъ призраковъ и не переходятъ въ дѣйствительность. Несмотря на все величіе гомерическихъ рапсодій, героическій вѣкъ, съ своими богами и богинями, не явился въ Греціи во времена Перикла, равно какъ и въ Италіи Виргилій, при всемъ своемъ краснорѣчїи, не могъ уже возвратить римлянъ имперіи къ простой, но доблестной жизни ихъ предковъ, и не могъ превратить Тиберію въ Энея. Мало того—явленія, изображенныя во всѣхъ названныхъ нами поэмахъ, и сами по себѣ-то не имѣютъ дѣйствительности и, съ каждымъ годомъ, все далѣе отодвигаются въ туманный міръ призраковъ... Увы!

„ Мечты поэта!
Историкъ строгій гонить васъ!“

Юнона не обольщала Зевса, Афродита не спасала Париса на полѣ битвы, Аѳина не обманывала Гектора, Эней не видался съ Дидоной, Шива не боролся съ Брамой, и т. д. Если во всѣхъ этихъ преданіяхъ и есть что-нибудь достойное нашего вниманія, то именно тѣ части ихъ, въ которыхъ отразилась живая дѣйствительность. Самыя заблужденія, какія мы въ нихъ находимъ, интересны для насъ потому, что нѣкогда они не были заблужденіями, нѣкогда цѣлыя народы вѣрили имъ и по нимъ располагали жизнь свою. Оттого-то и нравится намъ доселѣ поэзія древняго міра и нѣкоторыя фантастическія произведенія поэтовъ новаго времени, тогда какъ ничего, кромѣ отвращенія, не возбуждаютъ въ насъ нелѣпыя сказки, сочиняемыя разными молодцами на потѣху взрослыхъ дѣтей и выдаваемые нѣрѣдко за романы, были, драмы, и пр. Тамъ видна жизнь своего времени, и рисуется міръ души человѣческой, съ тѣми особенностями, какія производитъ въ немъ жизнь народа въ извѣстную эпоху; а здѣсь—ничего нѣтъ, кромѣ праздныхъ выдумокъ, стоящихъ въ разладѣ съ жизнью и происходящихъ отъ фантастическаго, произвольнаго смѣшенія понятій и вѣрованій разныхъ временъ и народовъ. Такъ, въ музыкѣ нравятся намъ нѣрѣдко дикіе аккорды, уклоняющіеся отъ правилъ музыкальной гармоніи, но удачно выражающіе какой-нибудь, дѣйствительно существующій диссонансъ въ природѣ; между тѣмъ, намъ деретъ уши, а вовсе не производитъ пріятнаго впечатлѣнія, нечаянно сдѣланная ошибка, когда артистъ возьметъ одну ноту вмѣсто другой. Дѣлая это сравненіе, мы хотимъ сказать, что поэзія и вообще искусства, науки слагаются по жизни, а не жизнь за-

виситъ отъ поэзіи, и что все, что въ поэзіи является лишнимъ противъ жизни, т.-е. не вытекающимъ изъ нея прямо и естественно, все это уродливо и бессмысленно. Что отжило свой вѣкъ, то уже не имѣетъ смысла; и напрасно мы будемъ стараться возбудить въ душѣ восхищеніе красотой лица, отъ котораго имѣемъ только голый черепъ. Боги грековъ могли быть прекрасны въ древней Греціи, но они гадки во французскихъ трагедіяхъ и въ нашихъ одахъ прошлаго столѣтія. Рыцарскія воззванія Среднихъ вѣковъ могли увлекать сотни тысячъ людей на брань съ невѣрными, для освобожденія Святыхъ мѣстъ; но тѣ же воззванія, повторенныя въ Европѣ XIX в., не произвели бы ничего, кромѣ смѣха. Пиндаръ воспѣвалъ олимпійскія игры, и вся Греція благоговѣнно внимала ему; въ наше время, никто уже серьезно не воспѣваетъ церемоніальныхъ процессій и торжествъ всякаго рода; а если и находились господа, воспѣвавшіе излеровскіе фейерверки и иллюминаціи на разные случаи, то они всѣмъ показались до того пошлы, что даже не возбудили смѣха. Конечно, не поэзія произвела всѣ эти явленія въ жизни, а жизнь заставила иначе смотрѣть на поэзію. Пора намъ освободить жизнь отъ тяжелой опеки, налагаемой на нее идеологами. Начиная съ Платона, встаютъ они противъ реализма и еще, не понявши хорошенько, перепутываютъ его ученіе. Непремѣнно хотятъ дуализма,—хотятъ дѣлить міръ на *мыслимое* и *являемое*, увѣряя, что только чистыя идеи имѣютъ настоящую дѣйствительность, а все являемое, т.-е. видимое, составляетъ только отраженіе этихъ высшихъ идей. Пора бы ужъ бросить такія платоническія мечтанія и понять, что хлѣбъ не есть пустой значокъ, отраженіе высшей, отвлеченной идеи жизненной силы,—а просто хлѣбъ—объектъ, который можно съѣсть. Пора бы отстать и отъ отвлеченныхъ идей, по которымъ, будто бы, образуется жизнь, точно такъ, какъ отстали, наконецъ, отъ теологическихъ мечтаній, бывшихъ въ такой модѣ во времена схоластики. Бывало, вѣдь добрые люди пренаивно рассуждали, какъ это удивительно глазъ приоровила природа къ тому, чтобы видѣть: и зрачки, и сѣточки, и оболочка, все, точно нарочно, такъ ужъ и придѣлано, чтобы видѣть; и никакъ вѣдь не хотѣли сообразить добрые люди, что не потому глазъ такъ устроенъ, что намъ такая крайняя есть необходимость видѣть, и видѣть именно вверхъ ногами и въ миниатюрѣ; а просто видимъ мы, и видимъ такъ, а не иначе, именно потому, что глазъ нашъ такъ ужъ устроенъ. Или удивлялись, какъ рѣки текутъ: водѣ, видите, надо всегда внизъ бѣжать, и,—непостижимая предусмотрительность природы!—въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка течетъ, непременно въ руслѣ есть склонъ; ну вода-то и течетъ себѣ свободно... Добрые люди и того не хотѣли подуматъ, что рѣка по склону-то именно и течетъ: не будь его вправо, такъ она пойдеть влѣво, а не станетъ дожидаться, куда подъ нею

склонъ образуется. Нѣтъ, по мнѣнію добрыхъ людей, если Волга течетъ въ Каспійское море, такъ это потому единственно, что она питаетъ особенное, невещественное, идеальное сочувствіе къ Каспію, и, въ силу такой идеи, она должна была непременно дойти именно до Каспія, хотя бы цѣлыя Альпы встрѣтились ей на дорогѣ.

Въ естественныхъ наукахъ всѣ подобныя аллегоріи давнымъ-давно оставлены; пора бы покончить съ ними и въ области литературы и искусства. Не жизнь идетъ по литературнымъ теоріямъ, а литература измѣняется сообразно съ направленіемъ жизни; по крайней мѣрѣ такъ было до сихъ поръ, не только у насъ, а повсюду. Когда человѣчество, еще не сознавая своихъ внутреннихъ силъ, находилось совершенно подъ вліяніемъ внѣшняго міра и, подъ вліяніемъ неопытнаго воображенія, во всемъ видѣло какія-то таинственныя силы, добрыя и злыя, и олицетворяло ихъ въ чудовищныхъ размѣрахъ, тогда и въ поэзіи являлись тѣ же чудовищныя формы и та же подавленность челоука страшными силами природы. Когда же челоукъ немножко попривыкъ къ этимъ силамъ и созналъ отчасти свое собственное значеніе, тогда и силы природы сталъ онъ представлять антропоморфически, приближая ихъ къ себѣ. Такимъ образомъ развивалась поэзія греческая, съ своими божествами. Въ себѣ челоукъ созналъ прежде всего внѣшнія, физическія качества—и на первой ступени развитія каждаго народа являются героическія сказанія. Сила доставляетъ однимъ—преимущества, которыхъ лишаются другіе; въ элементъ поэзіи входитъ воспѣваніе того, какъ одинъ побѣдилъ другого и какіе получилъ трофеи. Трофеи доставляютъ побѣдителямъ возможность давить побѣжденных своимъ великолѣпіемъ, а побѣжденных заставляютъ склониться предъ силою побѣдителя и признать надъ собою ея права; въ поэзіи въ это время является восторженная ода, воспѣвающая покорность рабовъ и вассаловъ. Но побѣдители забываются и начинаютъ ужъ слишкомъ тѣснить побѣжденных; является ропотъ, негодованіе, и въ литературѣ оно выражается сатирой, сначала глухой, дѣйствующей намеками—въ баснѣ, потомъ болѣе открытой—въ сатирѣ лирической и драматической. Возбужденное негодованіе пробуждаетъ, разумѣется, въ обѣихъ сторонахъ взаимныя опасенія, желаніе уладить дѣло къ выгодѣ собственной, и какъ можно больше вытянуть для себя отъ противной стороны. Это обстоятельство заставляетъ обратить вниманіе на устройство общественной и семейной жизни, на отношенія однихъ членовъ общества къ другимъ, и литература склоняется къ общественнымъ интересамъ. Разнообразіе этихъ интересовъ и успѣхи борьбы изъ-за нихъ опредѣляютъ дальнѣйшее развитіе литературы. Бываетъ время, когда народный духъ ослабѣваетъ, подавляемый силою побѣдившаго класса, естественныя влеченія замираютъ

на время, и мѣсто ихъ заступаютъ искусственно возбужденныя, насильно навязанныя понятія и взгляды, въ пользу побѣдившихъ; тогда и литература не можетъ выдержать: и она начинаетъ воспѣвать нелѣпыя и незаконныя затѣи класса побѣдителей, и она восхищается тѣмъ, отъ чего съ презрѣніемъ отвернулась бы въ другое время. Такъ было, на примѣръ, у нѣмцевъ въ началѣ прошлаго столѣтія, когда хотѣли заставить ихъ забыть за разными потѣхами кровавыя передраги предшествовавшаго времени. Подобное тому бывало и у другихъ народовъ. Но какъ скоро общество или народъ очнется и почувствуетъ, хотя смутно, свои естественныя нужды, станетъ искать средствъ для удовлетворенія своимъ потребностямъ,—и литература тотчасъ является служительницею его интересовъ. И голосъ ея обыкновенно бываетъ тѣмъ рѣзче, тѣмъ тверже, чѣмъ болѣе силы пріобрѣтаетъ въ обществѣ дѣло, ею защищаемое. Наоборотъ не бываетъ; а если иногда и кажется, будто жизнь пошла по литературнымъ убѣжденіямъ, то это иллюзія, зависящая отъ того, что въ литературѣ мы часто въ первый разъ замѣчаемъ то движеніе, которое, непримѣтно для насъ, давно уже совершалось въ обществѣ. Иначе и не можетъ быть: откуда вдругъ взялись бы, хоть у насъ, на примѣръ, жалобы на злоупотребленія чиновниковъ или толки о желѣзныхъ дорогахъ, если бы въ обществѣ не было давно уже потребности въ правосудіи и въ хорошихъ путяхъ сообщенія? Для того, чтобы извѣстная идея высказалась наконецъ литературнымъ образомъ, нужно ей долго, незамѣтно и тихо созрѣвать въ умахъ людей, имѣющихъ прямое, непосредственное соотношеніе съ практической жизнью. На вопросы жизни отвѣчаетъ литература тѣмъ, что находитъ въ жизни же. Поэтому—направленіе и содержаніе литературы можетъ служить довольно вѣрнымъ показателемъ того, къ чему стремится общество, какіе вопросы волнуютъ его, чему оно наиболѣе сочувствуетъ. Разумѣется, все это мы говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда голосъ литературы не стѣсняется разными посторонними обстоятельствами. Нельзя, напр., думать, что индійцы спокойно смотрятъ на неистовства англичанъ, потому что въ остъ-индскихъ газетахъ не было, нѣкоторое время, рѣзкихъ статей противъ англійскихъ злоупотребленій. Мы знаемъ, что причина такого страннаго спокойствія вполне внѣшняя—запрещеніе остъ-индскаго генераль-губернатора. Точно такъ, зная, что въ Австріи почти не выходитъ порядочныхъ философскихъ книгъ, нельзя полагать, чтобы нѣмцы, живущіе въ Австріи, отъ природы лишены были способности философствовать, которою такъ богаты ихъ единоплеменники, живущіе въ другихъ государствахъ. Не выходитъ же книгъ потому, что католическіе монахи зорко за ними смотрятъ и стараются не допускать ихъ до печати. Но это явленія исключительныя, возможныя только при австрійской по-

дозрительности, да при остъ-индскомъ произволѣ; большею же частію общественные, жизненные интересы тотчасъ проявляются въ литературѣ, съ большею или меньшею сознательностью и ясностью.

Сознательности и ясности стремленій въ обществѣ литература много помогаетъ,—въ этомъ мы ей отдаемъ полную справедливость. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на то, чѣмъ полна теперь вся Россія, что отодвинуло далеко назадъ всѣ остальные вопросы,—на измѣненіе отношеній между помѣщиками и крестьянами. Не литература пробудила вопросъ о крѣпостномъ правѣ; она взялась за него, и то осторожно, непрямо, тогда только, когда онъ уже совершенно созрѣлъ въ обществѣ; и только теперь, когда онъ уже прямо поставленъ правительствомъ, литература осмѣливается прямо и серьезно разсматривать его. Но какъ ничтожно было участіе литературы въ возбужденіи вопроса, столь же велико можетъ быть ея значеніе въ строгомъ и правильномъ его обсужденіи. Намъ уже много разъ приходилось слышать отъ многихъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, что теперь необходимо, чтобы люди науки и мысли, равно какъ и люди жизненнаго опыта, одинаково приняли на себя трудъ высказать печатно свои замѣчанія о томъ, какъ, по ихъ мнѣнію, лучше устроить это дѣло, столь важное и благодѣтельное. Въ этомъ случаѣ—литература незамѣнима. По нашему мнѣнію, она можетъ принести здѣсь гораздо болѣе пользы, чѣмъ даже открытыя, публичные совѣщанія. Совѣщанія эти, во всякомъ случаѣ, должны имѣть болѣе или менѣе частный характеръ, и кромѣ того, въ нихъ слишкомъ много страстности, импровизація нерѣдко замѣняетъ строго послѣдовательное разсужденіе и рѣшеніе. Литературныя разсужденія имѣютъ характеръ всеобщности: ихъ можетъ читать вся Россія. Кромѣ того, въ литературномъ изложеніи пылъ перваго увлеченія непременно сглаживается, и мѣсто его необходимо заступаетъ спокойная обдуманность, хладнокровное соображеніе мнѣній разныхъ сторонъ и выводъ строго логическій, свободный отъ впечатлѣній минуты. Здѣсь роль литературы чрезвычайно важна, и великость ея значенія ослабляется въ этомъ случаѣ только малостью круга, въ которомъ она дѣйствуетъ. Это послѣднее—такое обстоятельство, о которомъ невозможно безъ сокрушенія вспомнить, и которое обдаетъ насъ холодомъ всякій разъ, какъ мы увлечемся мечтаніями о великомъ значеніи литературы и о благотворномъ вліяніи ея на человѣчество.

Въ самомъ дѣлѣ, мы впадаемъ въ страшное самообольщеніе, когда считаемъ свои писанія столь важными для народной жизни; мы строимъ воздушные замки, когда полагаемъ, что отъ нашихъ словъ можетъ перемѣниться ходъ историческихъ событій, хотя бы и самыхъ мелкихъ. Конечно, пріятно и легко строить воздушные міры,

„И увѣрять, и спорить,
Какъ въ нихъ-то важны мы!“

Но сдѣлайте маленькій, безпристрастный расчетъ, и вы увидите, какъ велико ваше самообольщеніе. У лучшихъ нашихъ журналовъ, въ которыхъ сосредоточивается вся литературная дѣятельность, насчитывается до 20,000 подписчиковъ; столько же будетъ и у газетъ (хотя подписчики на журналы обыкновенно подписываются и на газеты). Если на каждый экземпляръ положить 10 читателей, то окажется 400,000. Можно порадоваться такой цифрѣ, забывъ на минуту, что она преувеличина. Но скажите, что же значать эти сотни тысячъ предъ десятками милліоновъ, населяющихъ Россію? Какъ же живутъ эти остальные 64,600,000, не читающіе нашихъ газетъ и журналовъ? Участвуютъ-ли они въ тѣхъ разсужденіяхъ о возвышенныхъ предметахъ, какія мы съ такою гордостію стараемся повѣдать міру? Интересуютъ-ли ихъ наши художественныя созданія, которыми мы восхищаемся? Находятъ-ли они отраду въ тѣхъ живыхъ мысляхъ, какія мы высказываемъ, въ нашихъ литературныхъ обличеніяхъ, общественныхъ вопросахъ, поднятыхъ во имя цѣлаго человѣчества? Знаетъ-ли это человѣчество, что мы о немъ хлопочемъ, что мы лѣземъ изъ кожи, готовы подратъся между собой, споря о его благосостояніи?.. Знаютъ-ли крестьяне села Безводнаго или Многоводнаго, Затишья или Залѣся, что ихъ исправники, становые и управители давно уже преданы суду общественнаго мнѣнія,—въ литературныхъ очеркахъ, картинахъ, воспоминаніяхъ, и т. п.? Знаютъ-ли они все это и чувствуютъ-ли облегченіе своей участи, подъ благотворнымъ вліяніемъ литературы. Да и сами-то исправники, становые и управители знаютъ-ли о литературномъ судилищѣ? Многіе слышали, вѣроятно, а иные, можетъ быть, и сами читали; но большая-то часть, вѣроятно, не читала. Да и когда имъ читать? Имъ надобно службой заниматься; бросить служебныхъ занятій нельзя, потому что они выгоду доставляютъ;—а читаньемъ, вѣдь, сытъ не будешь. Если же и случится прочесть кое-что, такъ каждый пойметъ по-своему и приметъ къ свѣдѣнію то, что наиболѣе приближается къ его понятіямъ. Можно предполагать, что число негодяевъ и мошенниковъ, исправленныхъ литературою, крайне ограничено. Кажется, мы не ошибемся, если на сто тысячъ общаго числа читателей положимъ одного исправленнаго негодяя (да и то мы боимся, чтобы читатели не осердились на насъ за то, что мы предполагаемъ въ ихъ числѣ такихъ нехорошихъ людей; но просимъ извиненія, оправдываясь пословицею: въ семьѣ не безъ урода). Слѣдовательно, всѣ эти, столь многія сотни литераторовъ, проникнутыхъ горячею любовью къ добру и еще болѣе горячею ненавистью къ пороку, всѣ эти доблестныя фаланги мирныхъ рыцарей слова должны ограничить кругъ своихъ подвиговъ только *четырьмя* обращеніями (да и то

сомнительными, замѣтитъ читатель). Ту же самую ограниченность круга дѣйствій нужно замѣтитъ и въ тѣхъ отдѣлахъ литературы, которые имѣютъ предметомъ распространеніе знаній. Напр., сколько было у насъ толковъ о воспитаніи и обученіи. Толковали преимущественно о школьномъ воспитаніи. А сколько народу у насъ учится въ школахъ? Всего на всего, во всѣхъ вѣдомствахъ и на всѣхъ степеняхъ обученія, съ небольшимъ 350,000 мальчиковъ, да дѣвочекъ до 40,000. Изъ всего числа ихъ, статьи о воспитаніи были прочитаны, разумѣется, только нѣсколькими студентами. Да онѣ, правда, не для воспитанниковъ и назначались, а для учителей. Учителей у насъ тысячъ 15 (на всю-то Россію!), и можно полагать, что десятая часть изъ нихъ прочитала то, что было писано о недостаткахъ современнаго воспитанія и обученія. Изъ этой десятой части, половина, навѣрное, знала еще гораздо раньше то, на что, наконецъ, указываетъ литература; а изъ остальныхъ, одни прочитали и не согласились, а другіе согласились, да поняли по-своему, и хорошо, если хоть десятая доля поняла все, какъ слѣдуетъ. Изъ понявшихъ же, вѣроятно, не болѣе, опять, какъ десятина приняла на себя трудъ приложить писанья мудрости къ дѣлу, да и изъ нихъ, дай Богъ, чтобы хоть десятая часть имѣла успѣхъ. Такимъ образомъ и окажется только полтора человѣка, въ практической дѣятельности которыхъ проявится благодѣтельное вліяніе литературы. Результаты не до такой степени блистательные, чтобы за нихъ сочинять себѣ триумфы, соплетать вѣнки и воздвигать памятники!—Напрасно также у насъ и громкое названіе *народныхъ* писателей: народу, къ сожалѣнію, вовсе нѣтъ дѣла до художественности Пушкина, до плѣнительной сладости стиховъ Жуковскаго, до высокихъ пареній Державина и т. д. Скажемъ больше: даже юморъ Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли до народа. Ему не до того, чтобы наши книжки разбирать, если даже онъ и грамотѣ выучится: онъ долженъ заботиться о томъ, какъ бы дать средства полмилліону читающаго люду прокормить себя и еще тысячу людей, которые пишутъ для удовольствія читающихъ. Забота немалая! Она-то и служитъ причиною того, что литература доселѣ имѣетъ такой ограниченный кругъ дѣйствія. Не навязывай мы народу заботы о нашемъ прокормленіи и о всякомъ нашемъ удовольствіи, такъ, конечно, мы же были бы въ выигрышѣ; наши просвѣщенныя идеи быстро распространились бы въ массахъ, и мы стали бы имѣть больше значенія, наши труды стали бы цѣнить выше. Но, къ сожалѣнію, литература, т.-е. ея восхвалители и многіе дѣятели находятся въ горькомъ самообольщеніи, изъ котораго трудно извлечь ихъ. Изобразивши художественнымъ образомъ красу природы, неба, цвѣтъ розо-желтый облаковъ, или совершивши глубокой анализъ какого-нибудь перегороженнаго сердца, или трогательно рассказавши исторію будочника, вынужденнаго пятакъ изъ

кармана пьянаго мужика, литераторъ воображаетъ, что онъ ужъ невѣсть какой подвигъ совершилъ, и что отъ его созданія произойдутъ для народа послѣдствія нечислимые. Напрасно: созданіе это, во-первыхъ, и не дойдетъ до народа, а во-вторыхъ, если и дойдетъ, то ни мало не займетъ его и не принесетъ ему пользы. Массѣ народа чужды наши интересы, непонятны наши страданія, забавны наши восторги. Мы дѣйствуемъ и пишемъ, за немногими исключеніями, въ интересахъ кружка, болѣе или менѣе незначительнаго; оттого обыкновенно взглядъ нашъ узокъ, стремленія мелки, всѣ понятія и сочувствія носятъ характеръ парціальности. Если и трактуются предметы, прямо касающіеся народа и для него интересные, то трактуются опять не съ общесправедливой, не съ человѣческой, не съ народной точки зрѣнія, а непременно въ видахъ частныхъ интересовъ той или другой партіи, того или другого класса. Въ нашей литературѣ это послѣднее обстоятельство еще не такъ замѣтно, потому что вообще у насъ въ прежнее время мало толковали о народныхъ интересахъ; но, въ литературахъ западныхъ, духъ парціальности выставляется несравненно ярче. Всякое явленіе историческое, всякое государственное постановленіе, всякій общественный вопросъ, обсуживается тамъ въ литературѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія, сообразно интересамъ различныхъ партій. Въ этомъ, конечно, ничего еще нѣтъ дурнаго, — пусть каждая партія свободно выскажетъ свои мнѣнія: изъ столкновенія разныхъ мнѣній выходитъ правда. Но дурно вотъ что: между десятками различныхъ партій почти никогда нѣтъ партіи народа въ литературѣ. Такъ, напр., множество есть исторій, написанныхъ съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла, и съ католической точки зрѣнія, и съ рраціоналистической, и съ монархической, и съ либеральной, — всѣхъ не перечесть. Но много-ли являлось въ Европѣ историковъ народа, которые бы смотрѣли на событія съ точки зрѣнія народныхъ выгодъ, разсматривали, что выигралъ или проигралъ народъ въ извѣстную эпоху, гдѣ было добро и худо для массы, для людей вообще, а не для нѣсколькихъ титулованныхъ личностей, завоевателей, полководцевъ, и т. п. Политическая экономія, гордо провозглашающая себя наукою о *народномъ* богатствѣ, въ сущности, заботится только о возможно-выгоднѣйшемъ употребленіи и возможно скорѣйшемъ увеличеніи капитала, слѣдовательно, служитъ только классу капиталистовъ, весьма мало обращая вниманія на массу людей безкапитальныхъ, не имѣющихъ ничего, кромѣ собственнаго труда. Нѣсколько голосовъ поднималось, правда, во Франціи въ защиту этихъ беспомощныхъ людей отъ односторонняго могущества капитала; но капиталисты назвали эти голоса безуміемъ и сочинили противъ нихъ великое множество системъ, въ которыхъ строго-логически доказывали, что никто не имѣетъ права запретить имъ приумножать свои капиталы посредствомъ труда людей без-

капитальныхъ. Да ужъ что говорить о наукахъ? Даже поэзія, всегда столь сочувствовавшая всему доброму и прекрасному и презиравшая мелкіе, своекорыстные расчеты, даже поэзія постоянно увлекалась духомъ партій и классовъ, и только въ немногихъ частныхъ явленіяхъ возвышалась до точки зрѣнія чисто человѣческой, превышающей частные интересы кружковъ или какихъ-нибудь особенныхъ личностей. Она избирала всегда возвышенныя идеи, возвышенныя личности, далеко выдающіяся изъ толпы, и рѣдко спускалась до простого люда. У грековъ это еще было такъ себѣ, ничего потому что и жизнь у нихъ была устроена особеннымъ образомъ, такъ что масса народа не исключалась изъ участія въ общемъ ея ходѣ. Поэтому и въ литературѣ ихъ, хотя возвышеннѣйшія роли играютъ богами, полубогами, царями и героями, но, съ другой стороны, и народъ является нерѣдко въ видѣ хора, играющаго роль здравого смысла и хладнокровно обсуживающаго преступленія и глупости главныхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. Въ началѣ греческой поэзіи видимъ мы, правда, взбалмошныхъ Менелаявъ и Агамемноновъ, да сладострастныхъ Парисовъ, изъ-за которыхъ народы проливаютъ кровь свою; но во время высшаго развитія греческой цивилизаціи являются и Аристофановы поселяне. Вообще, въ греческой поэзіи интересы народа уважались еще нѣсколько. Но въ Римѣ находимъ уже не то: тамъ уже развивается односторонняя государственная идея, и человѣкъ имѣетъ значеніе только какъ принадлежность Рима. Тамъ уже не трогаютъ страданія народа, не занимаютъ его интересы и радости. Римская поэзія воспѣваетъ отвлеченныя, возвышенныя идеи да сильныхъ мужей, въ родѣ того, который не поблѣднѣетъ, если весь міръ станетъ предъ нимъ разрушаться. Это отталкивающее преклоненіе предъ безчеловѣчіемъ—мертвить всю поэзію Рима, и человѣческое чувство пробуждается въ ней почти только для эпикурейскихъ наслажденій. Даже сатира имѣетъ тамъ характеръ вовсе не гуманный, а, или отвлеченный, или лично раздражительный. При императорахъ народъ особенно подвергся презрѣнію: даже слово *vulgaris* (*vulgaire* собственно: народный) приняло значеніе пошлаго, даже неприличнаго. Въ среднихъ вѣкахъ продолжается та же исторія, только въ болѣе грубомъ видѣ. Барды, прославляющіе подвиги побѣдителей, да трубадуры и менестрели, воспѣвающіе воинскую доблесть, знатное происхожденіе и неестественно-возвышенныя чувства, овладѣваютъ всей поэзіей. Народъ награждается полнымъ презрѣніемъ; ему за милость только дозволяютъ любоваться подвигами знатныхъ рыцарей, а ужъ если придется простому человѣку угостить рыцаря, такъ это такая честь, отъ которой онъ весь вѣкъ долженъ быть счастливъ. Въ первое время, преобладаніе физической силы было такъ громадно, страхъ, нагнанный побѣдителями на побѣжденныхъ, такъ былъ силенъ, что самъ народъ какъ будто убѣждался

въ томъ, что всё эти высококомѣрные бароны и ордалы всякаго рода—особы священные, высшей породы, и что онъ долженъ чтить ихъ съ трепетомъ и вмѣстѣ съ радостью. Не одни сановные трубадуры, вѣздившіе съ оруженосцами, жонглерами и всякими приспѣшниками, не одни придворные паразиты, а самъ народъ наивно воспѣвалъ героевъ, «погубившихъ болѣе народа, чѣмъ жесточайшая чума», и «величавые, недоступные дворцы, у воротъ которыхъ стояли львы, какъ живые, будто готовые поглотить всякаго, кто, неприглашенный, дерзнетъ приблизиться къ великолѣпному жилищу». Скоро, впрочемъ, народъ воспользовался иначе орудіемъ, которое дали ему въ руки: въ XV вѣкѣ онъ рѣшительно измѣняетъ тонъ и слагаетъ злѣйшія сатиры на своихъ притѣснителей и на тѣхъ, отъ которыхъ онъ прежде ждалъ спасенія, но въ которыхъ жестоко обманулся,—на католическихъ духовныхъ. У народовъ западной Европы до сихъ поръ сильно распространенъ этотъ родъ поэзіи, но настоящая, свѣтская, аристократическая литература пренебрегаетъ такой поэзіей. Она имѣетъ другія стремленія, другой характеръ: ей нужно сочувствіе извѣстныхъ кружковъ общества, полныхъ своими обыденными заботами и вовсе не беспокоящихся о томъ, что дѣлалось и дѣлается въ остальномъ человѣчествѣ, за предѣлами ихъ тѣснаго круга. Интересы этихъ кружковъ и отражаются въ поэтическихъ созданіяхъ новыхъ народовъ. Если же, когда вздумается литератору взглянуть и на свои отношенія къ массѣ, то онъ взглянетъ на это непременно по-своему, съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ. Съ теченіемъ времени, разумѣется, все больше и больше начинаютъ обращать вниманіе на требованія массъ, иногда литература и расшумится, если произойдетъ какое-нибудь замѣтное столкновеніе интересовъ различныхъ классовъ въ самой жизни. Но способъ разсужденія, употребляемый въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно напоминаетъ графа де-Местра и его книгу о папѣ. Графъ, какъ набожный католикъ и отставной пьемонтскій сенаторъ, разсуждаетъ очень мило. «Народы страдаютъ,—говоритъ онъ,—отъ произвола, жестокости и насилій свѣтской власти; нужно противодѣйствіе этой власти. Но самъ народъ глупъ, грубъ, безнравственъ, подлъ, и потому противодѣйствія составить не можетъ. Единственно-возможное и дѣйствительное средство для его спасенія и охраненія состоитъ въ томъ, чтобы обратиться къ святѣйшему папѣ и признать надъ собою его духовную и свѣтскую власть»... Въ такомъ же родѣ и современные, хоть бы французскіе писатели сочиняютъ: одинъ мелодраму — для доказательства, что богатство ничего не приноситъ, кромѣ огорченій, и что, слѣдовательно, бѣдняки не должны заботиться о матеріальномъ улучшеніи своей участи; другой—романъ, для убѣжденія въ томъ, что люди сладострастные и роскошные чрезвычайно полезны для развитія промышленности, и что, слѣ-

довательно, люди, нуждающіеся въ работѣ, должны всей душою желать, чтобы побольше было въ высшихъ классахъ роскоши и расточительности, и т. п.

Рѣдко, и то у высшихъ геніевъ поэзіи, являлась чистая любовь къ человѣчеству, не возмущаемая интересами партій. Еще въ невѣжественной Европѣ XVI вѣка раздались знаменательныя слова: «Человѣкъ былъ онъ», и въ нихъ выразилось сознаніе генія о достоинствѣ человѣка. Въ эпоху, близкую къ нашей, другой геній той же націи, называемый, обыкновенно, ненавистникомъ человѣчества, сказалъ пророчески, что «пройдетъ на землѣ царство меча, и невозможны будутъ поработители». Злобными сарказмами мстилъ недавно торжествующимъ партіямъ за германскій народъ Генрихъ Гейне, полагавшій весь смыслъ искусства и философіи въ томъ, чтобы пробуждать отъ сна задремавшія силы народа. Всѣ горести и труды бѣдняковъ нашли себѣ живой и полный отголосокъ въ пѣсняхъ національнаго французскаго поэта, котораго недавно парижское правительство похоронило съ такой оффиціальной торжественностью. Въ своемъ поэтическомъ пониманіи общихъ нуждъ и стремленій человѣчества, Беранже возвысился до такихъ стиховъ:

„Le pauvre a-t-il une patrie?
Que me font vos vins et vos blés,
Votre gloire et votre industrie,
Et vos orateurs assemblés!“

Но немного подобныхъ стиховъ въ европейскихъ литературахъ; немногіе поэты возвышались надъ интересами кружковъ и рѣшались отказаться отъ воспѣванія отвлеченныхъ добродѣтелей—храбрости, рѣшительности, вѣрности, терпѣнія и т. п., или отъ сіяющихъ игрушекъ, въ родѣ великолѣпныхъ мостовъ, зданій, фейерверковъ, и пр., или, наконецъ, личныхъ ощущеній при взглядѣ на звѣзды, при прогулкѣ вдвоемъ, при посѣщеніи музея и т. п. Возвыситься надъ мелкими интересами кружковъ, стать выше угожденія своекорыстнымъ требованіямъ меньшинства, къ сожалѣнію, не умѣла еще до сихъ поръ ни одна европейская литература.

Это небольшое отступленіе, сдѣланное нами по поводу ограниченности круга дѣйствій русской литературы, приводитъ насъ теперь именно къ тому, съ чего мы хотѣли начать нашу статью,—къ разсмотрѣнію содержанія и характера, успѣвшаго проявиться въ исторіи нашей литературы. Выше мы замѣтили, что у насъ не такъ замѣтно выказывался характеръ парціальности, развившейся въ литературахъ западной Европы. Слова эти требуютъ поясненія. Мы вовсе не хотѣли ставить нашу литературу выше всѣхъ европейскихъ, вовсе не думали приписать ей небывалаго безпристрастія и широты взгляда, отрѣшенія отъ частныхъ интересовъ въ пользу

общихъ, высшее сознаніе человѣческаго достоинства и т. п. Совсѣмъ нѣтъ; мы хотѣли только сказать, что такъ какъ у насъ до сихъ поръ литература не считалась важной и существенной принадлежностью жизни, то, по большей части, никто и не думалъ дѣлать ее орудіемъ своихъ плановъ, никто не обращалъ вниманія на то, служить-ли литература какимъ-нибудь партиямъ, и какимъ именно, къ чему она расположена, противъ чего возстаетъ. Всѣ очень хорошо понимали, что мало кто можетъ у насъ соображаться съ тѣмъ, что говорится въ книгахъ, и что ходъ нашей жизни зависитъ не отъ писанныхъ убѣжденій, до которыхъ никому нѣтъ дѣла, а отъ вещей гораздо болѣе существенныхъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе, по пословицѣ, къ *своей рубашкѣ* cadaго. Поэтому-то никто и не заботился о духѣ и направленіи литературы, и въ ней не выразилось такого замѣтнаго увлеченія духомъ различныхъ партій, какъ на Западѣ. Но нельзя же было оставаться ей безъ всякаго направленія; нужно же было выразить какія-нибудь стремленія и понятія: безъ этого не можетъ обойтись ни одно произведеніе мысли человѣческой. Всего ближе, разумѣется, было выразиться въ литературѣ интересамъ и мнѣніямъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ было книжное дѣло, тѣхъ, въ комъ оно находило хоть маленькую поддержку и опору. Такъ и случилось.

Во время языческой древности, у русскихъ, какъ и у всѣхъ славянъ, существовала уже поэзія народная. Не зная древней языческой русской поэзіи, въ ея настоящемъ, неспорченномъ видѣ, мы можемъ судить о ней только по аналогіи съ поэзією другихъ славянскихъ племенъ и по намекамъ, сохранившимся въ томъ, что до насъ дошло отъ русской древности въ измѣненіяхъ позднѣйшаго времени. Сравнительное изученіе поэзіи славянскихъ народовъ привело многихъ къ полному убѣжденію въ томъ, что въ древности выражались въ ней дѣйствительно обще-народные интересы и воззрѣнія на жизнь. Это, разумѣется, и было совершенно естественно при господствѣ патріархальныхъ отношеній, когда еще не существовало ни малѣйшаго разлада между жизнью семейною и государственною, а, напротивъ, онѣ сливались въ одно нераздѣльное цѣлое. Что можетъ быть проще и естественнѣе того, что

„Всякъ отецъ въ дому своемъ владыка:
 Мужи пашутъ, жены шьютъ одежду,
 А умретъ глава всѣхъ домочадцевъ,
 Дѣти всѣмъ добромъ съобща владѣютъ,
 Выбравъ старшину себѣ изъ рода,
 Чтобъ ходилъ, для пользы ихъ, на сеймы,
 Гдѣ съ нимъ кметы, лехи и владыки“ ¹⁾.

¹⁾ Кметы—простые поселяне, лехи—богатые владѣльцы, владыки—мелкіе владѣтели.

Когда жизнь устроена еще такимъ образомъ, то, само собою разумѣется, поэзія непременно должна выражать народные интересы. Но, къ сожалѣнію, почти ничего не имѣемъ мы отъ той древности, когда кметы разсуждали съ лехами и владыками на общественныхъ сеймахъ. По всей вѣроятности и разсуждали-то они плохо, потому что мало имѣли образованія, слишкомъ сильно еще были подавлены внѣшними вліяніями. Разсужденіямъ ихъ недоставало многого для того, чтобы удовлетворить всѣхъ, и чтобы быть вполне справедливыми и разумными. Не было у нихъ пособія ни въ жизненной опытности прошедшихъ вѣковъ, ни въ знаніи природы и умѣньи владѣть ею, ни въ знаніи міра души человѣческой. Кругъ ихъ зрѣнія былъ узокъ, они ходили ощупью, дѣлали неурядицу, и, не понимая выгодъ своего положенія, сами должны были искать исхода изъ тѣхъ беспорядковъ, къ которымъ сами себя привели. Исходъ нашелся, конечно, такой же, какъ и вездѣ,—нѣсколько леховъ сказали безтолковымъ кметамъ: «вы ничего не понимаете и дѣлаете только глупости; предоставьте все намъ и дѣлайте то, что мы прикажемъ». По врожденной человѣку лѣни и по сознанію своего безсилія, кметы съ радостью согласились и даже начали сочинять пѣсни во славу мудрыхъ и сильныхъ леховъ, умѣвшихъ водворить между ними тишину и порядокъ. Тутъ-то народная поэзія и должна была измѣнить свой характеръ, сообразно съ новымъ устройствомъ жизненныхъ отношеній. Но и при этомъ измѣненіи остались слѣды общаго характера прежней поэзіи: народныя пѣсни не скоро потеряли свой простой, естественный характеръ, не скоро увлеклись чуждыми интересами, и до сихъ поръ въ нихъ замѣчаютъ слѣды первоначальной простоты естественныхъ условій быта. Въ этомъ отношеніи славянская народная поэзія имѣетъ даже преимущество предъ прочими европейскими: въ ней болѣе пѣсенъ бытовыхъ и менѣе воинственныхъ, рыцарскихъ повѣствованій, да и тѣ, какія есть, относятся болѣею частью къ позднѣйшимъ эпохамъ, когда уже и народъ приучился ко множеству одностороннихъ отвлеченностей. Вообще же, по отзыву одного изъ любителей-славянистовъ (Бродзинскаго), «въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ выражаются люди, не властолюбивые, жестокіе, страстные ко всему необыкновенному, привязанные къ мечтамъ собственнаго воображенія, но люди, далекіе отъ желаній причудливыхъ и странныхъ, отъ страстей буйныхъ и насильственныхъ» и пр. Сужденіе это вполне можетъ быть примѣнено къ русской народной поэзіи. По нашему мнѣнію, въ ней заключается много доказательствъ того, что въ народѣ нашемъ издревле хранилось много силъ для дѣятельности обширной и полезной, много было задатковъ самобытнаго, живого развитія. Въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ г. Милюковымъ, который все безобразіе русскихъ сказокъ и пѣсенъ складываетъ на народность и говоритъ, что отъ

нея нечего было ожидать безъ коренной реформы. Мы думаемъ, что нѣтъ у насъ достаточно данныхъ для того, чтобы обвинять народность въ безобразіяхъ поэзіи и даже самой жизни; а есть, напротивъ, данныя, позволяющія видѣть причину ихъ въ обстоятельствахъ, пришедшихъ извнѣ. Народная поэзія, какъ видно, долго держалась своего естественнаго, простаго характера, выражая сочувствіе къ обыденнымъ страданіямъ и радостямъ, и инстинктивно отвращаясь отъ громкихъ подвиговъ и величавыхъ явленій жизни, славныхъ и бесполезныхъ. На дѣлѣ, народъ долженъ былъ терпѣть ихъ и даже принимать въ ихъ участіе, но въ поэзіи его нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ хоть какого-нибудь сочувствія къ подобнымъ явленіямъ. Въ этомъ отношеніи намъ кажется любопытною замѣтка г. Бодянского (въ сочиненіи «О славянской народной поэзіи», стр. 124), въ которой онъ говоритъ объ участіи народа въ удѣльныхъ ссорахъ князей. «Народъ не бралъ къ сердцу ихъ счетовъ между собою, — говоритъ онъ, — не интересовался ихъ выгодами и потерями; ему все равно было пустошить землю, взять на щитъ городокъ и т. п., подъ стягомъ-ли Олеговичей или Мономаховичей. Это была дѣятельность, не склонявшая въ свою пользу сердца ратовавшихъ, дѣятельность, такъ сказать, машинальная. Доказательствомъ служитъ то, что народъ не почтилъ этихъ усобицъ ни одной своей пѣсней, никакимъ почти преданіемъ, ни малѣйшею, хоть бы глухою, темною молвой». Это замѣчаніе, высказанное слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ не опровергнуто ни однимъ фактомъ, несмотря на множество вновь изданныхъ съ тѣхъ поръ памятниковъ и изслѣдованій. Въ самомъ дѣлѣ, можно полагать, что до самой татарской эпохи народъ держалъ себя совершенно равнодушно въ отношеніи къ политическимъ событіямъ Руси, имѣвшимъ, со временъ Владиміра, большею частію династическій интересъ. Только во времена бѣдствій родной земли вспомнилъ онъ минувшую славу и обратился къ разработкѣ старинныхъ преданій, оставшихся, конечно, еще отъ временъ норманновъ. Тутъ онъ началъ организовать разбросанныя сказанія, перепуталъ лица, мѣстности и эпохи, и цѣлый трехсотлѣтній періодъ сгруппировалъ около лица одного Владиміра, бывшаго ему памятнѣе другихъ. Возбуждалась любовь къ этимъ пѣснямъ, конечно, горькимъ чувствомъ при взглядѣ на современный порядокъ вещей. При нашествіи народа невѣдомаго, ожиданія всѣхъ обратились, разумѣется, къ князьямъ; они, которые такъ часто водили свой народъ на битву съ своими, должны были теперь защитить родную землю отъ чужихъ. Но оказалось, что князья истощили свои силы въ удѣльныхъ междоусобіяхъ и вовсе не умѣли оказать энергическаго противодѣйствія страшнымъ ненрїателямъ. Они бѣгали отъ монголовъ, пока не узнали, что они не вмѣшиваются во внутреннее управленіе и довольствуются собира-

ніемъ подати. Тогда они признавали себя данниками монголовъ и народъ узналъ, что онъ сталъ татарскимъ улусомъ и что подати на немъ прибавилось. Горько было настоящее положеніе народа, обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ; онъ невольно сравнилъ нынѣшнія событія съ преданіями о временахъ давно минувшихъ и грустно запѣлъ про славныхъ, могучихъ богатырей, окружавшихъ князя Владиміра. Пѣсня эта была сначала горькимъ упрекомъ настоящему, а потомъ, доставляя народу забвеніе и даже утѣшеніе, стала увлекать его и заставляла примѣнять прежнія событія къ современному теченію дѣлъ. Такимъ образомъ, богатырей Владиміровыхъ заставили сражаться съ татарами и самого Владиміра сдѣлали данникомъ «грознаго короля Золотой Орды, Этмануїла Этмануїловича». Дальнѣйшія искаженія объясняются также легко: въ живой дѣйствительности народъ не видѣлъ никакого средства управиться съ своими поработителями и долженъ былъ безмолвно склониться предъ ихъ силою. Но тяжела ему была эта покорность, и онъ все не оставлялъ мечтать о средствахъ освобожденія. Чѣмъ далѣе эти мечты были отъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе онѣ принимали дѣтскій характеръ: въ нихъ являлись и волшебники, и оборотни, и неестественныхъ размѣровъ богатыри, и разумные кони, и наговоры еретическіе. А когда попались эти пѣсни въ руки книжникамъ, то и послѣднюю жизненность потеряли подъ ихъ риторическими прикрасами. Но вліяніе книжной литературы на народную словесность заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора. Г. Милюковъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ этого, и потому его статья о народной поэзіи русской не имѣетъ окончательной полноты. Мы скажемъ здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ, которыя кажутся намъ не лишними для того, чтобъ яснѣе понять причины и свойства разлада, постоянно господствовавшаго у насъ между литературою книжною и словесностью народа.

Наша книжная словесность, начавшаяся со временъ Владиміра, не была, какъ всѣмъ извѣстно, произведеніемъ національныхъ элементовъ, а была перенесена къ намъ съ-чужа. Мало того, она явилась къ намъ не вслѣдствіе того, что въ народѣ явилась потребность замѣтствованія чужой образованности, а просто по случайному обстоятельству. Простодушный рассказъ Нестора убѣждаетъ насъ неопровержимо, что народъ во времена Владиміра еще не созрѣлъ для той высшей цивилизаціи, которая при немъ принесена была на Русь, вмѣстѣ съ божественнымъ ученіемъ христіанства. Самъ Владиміръ отослалъ отъ себя магометанъ болгарскихъ только потому, что ему не понравилось обрѣзаніе и запрещеніе пить вино, а нѣмцевъ, — потому, что «отцы наши этого не приняли». Бояре, посланные для испытанія вѣрѣ, вовсе не думаютъ о внутреннемъ ихъ содержаніи и достоинствѣ, а обращаютъ вниманіе только на внѣшность: болгарская служба

имъ не понравилась, у нѣмцевъ не нашли они никакой красоты, а отъ Византіи были въ восторгѣ, потому что тамъ, по наивному разсказу Нестора, патріархъ, услышавъ объ ихъ прибытіи,—«повелѣ создати крилось, по обычаю сътвориша праздникъ, и кадила возжгоша, пѣнія и лики съставиша; и иде съ ними въ церковь, и поставиша я на пространнѣ мѣстѣ, показующе красоту церковную, пѣнія и службы архіерейски» (Несторъ, подъ годомъ 6495). А другіе бояре, не стоявшіе на мѣстѣ пространнѣ во время архіерейскаго служенія,—тоже подали голосъ въ пользу Византіи, но уже отказываясь рѣшительно отъ собственнаго мнѣнія въ такомъ важномъ дѣлѣ, а ссылаясь просто на авторитетъ Ольги. Владиміръ удовлетворился ихъ мнѣніями. Если же князь и бояре дѣйствовали такимъ образомъ, то, разумѣется, и странно было бы ожидать отъ народа какого-нибудь сознательнаго убѣжденія. Черезъ столѣтіе послѣ самаго событія, одинъ, безъ сомнѣнія, изъ просвѣщеннѣйшихъ людей тогдашней Руси—Несторъ лѣтописецъ—и тотъ еще не понималъ необходимости внутренняго убѣжденія въ подобныхъ случаяхъ. Онъ находитъ совершенно естественнымъ, что наканунѣ невѣрные людье плачутъ о Перунѣ, котораго бросили въ Днѣпръ, и кричатъ ему: выдыбай, боже! а на другой, день слышатъ приказъ: «аще не обрящется кто на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ», и съ радостью идутъ на рѣку, говоря: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяху». Разсматривая этотъ случай безпристрастно, можно приложить къ нему то же самое мнѣніе, какое высказано г. Бодянскимъ объ участіи народа въ междоусобныхъ ссорахъ князей. А между тѣмъ, Несторъ заключаетъ свой разсказъ тѣмъ, что «бѣша си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ, а дьяволъ стена глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь» (Нест., 6496 г.).

Все это неопровержимо доказываетъ, что народъ не былъ предварительно приготовленъ къ принятію тѣхъ высокихъ истинъ, которыя ему предлагались, и не въ состояніи былъ еще воспользоваться, какъ слѣдуетъ, благодѣяніями новой цивилизаціи, входившей въ Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ. Для полнѣйшаго убѣжденія въ этомъ, нужно вспомнить продолженіе того же разсказа Нестора о томъ, какъ вели себя русскіе люди въ отношеніи къ новой цивилизаціи. Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, началъ поставлять церкви, разрушать кумиры, ставить поповъ и «нача помати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ; еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но яко по мертвеци плакахуся». Нисколько не сочувствуя, конечно, обращенію народа отъ ученья, нельзя, однако же, съ грустію не согласиться, что фактъ этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и что даже въ

наше время въ простомъ народѣ онъ не утратилъ своего значенія. Ни самаго ученья, ни тѣхъ, которые боятся его, обвинять тутъ нечего, да и вообще здѣсь никого обвинять нельзя, кромѣ развѣ несовершенства рода человѣческаго, которое всегда мѣшаетъ исторіи идти, какъ бы намъ хотѣлось теперь, при нашихъ просвѣщенныхъ воззрѣніяхъ. Разумѣется, если бы русскіе были болѣе образованны во времена Владиміра, болѣе приготовлены самою жизнію къ отверженію своихъ языческихъ понятій и вѣрованій, то послѣдствія мѣръ, произведенныхъ Владиміромъ, были бы несравненно благотворнѣе. Но что же дѣлать, если этого не случилось? Нельзя сердиться на это, а можно только отмѣтить факты, послѣдовавшіе затѣмъ и имѣющіе непосредственную связь съ положеніемъ образованности русскаго народа при Владимірѣ. Факты эти, правда, неутѣшительны; но пропустить ихъ нельзя, потому что они слишкомъ рѣзко обозначились и въ жизни, и въ поэзіи народной, и не истребились до сихъ поръ. Мы говоримъ о множествѣ суевѣрій и предрасудковъ, доннынѣ охватывающихъ всю жизнь крестьянина и составляющихъ несомнѣнный остатокъ языческихъ вѣрованій. Эти суевѣрія тѣмъ глубже вкоренились въ народной жизни, что они издавна перемѣшались съ христіанскими воззрѣніями и, такимъ образомъ, какъ будто получили нѣкоторую законность на взглядъ простолюдина. Такого смѣшенія, разумѣется, не могло бы быть, если бы высокія истины христіанства съ самаго начала были хорошо поняты въ народѣ, и если бы онъ самъ дошелъ до сознанія ложности язычества. Тогда и успѣхи цивилизаціи въ массахъ народа были бы быстрѣе, и ходъ развитія былъ бы правильнѣе, потому что не было бы двойственности въ началахъ, управлявшихъ жизнью и дѣятельностью народа. Теперь эта двойственность должна была проявиться въ размѣрахъ весьма обширныхъ. Съ одной стороны, новое ученіе должно было проникать постепенно въ сознаніе народа, и о внушеніи его должны были стараться тѣ лица, въ рукахъ которыхъ находилась власть надъ народомъ; съ другой стороны, языческія понятія и преданія были слишкомъ сильно вкоренены во всѣхъ проявленіяхъ народнаго быта и оказывали сильное противодѣйствіе новымъ началамъ. Возникло неизбежное противорѣчіе въ народной жизни, и оно, самымъ естественнымъ образомъ, должно было привести къ тому, что имѣвшіе въ рукахъ своихъ силу воспользовались ею для того, чтобы доставить торжество своимъ началамъ. Мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій объ этомъ отъ первыхъ временъ христіанства въ Россіи; но послѣдующее время постоянно даетъ намъ аналогическіе факты, подтверждающіе мысль, что такъ велось и съ самаго начала. Въ концѣ XI столѣтія, «Правило» Іоанна митрополита возстаетъ противъ волхвованія и языческихъ обычаевъ; въ половинѣ XII в. обличаются суевѣрія языческія въ «Вопрошаніяхъ Киррика къ Нифонту»; въ

XIII в. Серапіонъ обличаетъ ихъ. Начиная же съ XIV в., сохранилось множество окружныхъ посланій и грамотъ, запрещающихъ «бѣсовскія игрища» съ пѣснями. Обличенія пастырей противъ смѣшенія языческихъ понятій съ христіанскими, не прерывались до временъ Тихона Воронежскаго, котораго поученія противъ Ярилы, и т. п. отличаются жестокою нетерпимостью. Къ несчастію, всѣ ихъ усилія не были въ состояніи возвысить народъ до совершенно чистыхъ и правильныхъ понятій о христіанской религіи. Нужно было употребить другое средство, заставить народъ, по крайней мѣрѣ, отставать хоть понемногу отъ привязанности ко всему языческому. Для этого надобно было дѣйствовать запрещеніями, направленными противъ всего, что носило на себѣ отпечатокъ язычества. Очевидно, что такое положеніе дѣлъ не могло быть благопріятно для развитія народной поэзіи, родившейся у славянъ тоже на языческой почвѣ. Ихъ древнія преданія должны были заглухнуть среди новыхъ условій быта или измѣниться сообразно съ этими условіями. Заглухнуть совершенно они не могли, потому что народъ, не имѣющій еще письменной литературы, и притомъ народъ славянскій, не могъ оставаться безъ устной поэзіи. Но сохранить свою первоначальную чистоту и свѣжесть эта поэзія тоже не могла; потому что новыя понятія неизбѣжно примѣшивались къ кругу прежнихъ вѣрованій и измѣняли характеръ произведеній народной фантазіи. Книжная словесность, вынесенная къ намъ изъ Византіи, старалась, конечно, внести въ народъ свои идеи; но, какъ чуждая народной жизни, она могла только по своему сказать то, что было живого въ народѣ, и не въ состояніи была ни проникнуться истинными его нуждами, ни спуститься до степеней его пониманія. Что книжная словесность хотѣла сдѣлаться близкою къ народу, это доказывается множествомъ духовныхъ стиховъ, которые носятъ на себѣ самыя яркіе слѣды книжнаго вліянія. Объ этихъ стихахъ г. Милюковъ совершенно справедливо говоритъ, что они «принесены къ намъ первоначально изъ Греціи и остались совершенно чуждыми народу, который, слушая слѣпыхъ нищихъ, не заимствовалъ у нихъ ни одной пѣсни и не зналъ, о чемъ они поютъ». Безъ всякаго сомнѣнія, размноженіе у насъ духовныхъ стиховъ не было случайнымъ явленіемъ, естественно возникшимъ вслѣдствіе потребности самаго народа. Необходимо предположить, что учителя наши, прибывшіе изъ Византіи, старались о томъ, чтобы привить народу чуждыя ему преданія, и даже прибѣгали для этого къ самымъ преданіямъ народнымъ, передѣлывая ихъ на свой ладъ и примѣшивая къ нимъ то, что считали нужнымъ. Самымъ яркимъ примѣромъ можетъ служить «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ», въ сравненіи съ «Словомъ о полку Игоревѣ». Сравнительный разборъ этихъ двухъ произведеній очень хорошъ у г. Милюкова, и мы привели бы его здѣсь, еслибъ онъ

не былъ слишкомъ обширенъ (стр. 15—24). Въ немъ весьма ярко выставляются прибавки позднѣйшаго книжника, челоуѣка, принадлежавшаго къ клиру и потому старавшагося замѣнить народныя воззрѣнія своими понятіями, болѣе или менѣе чуждыми народу и доселѣ. Извѣстно, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» вполне господствуетъ языческое міросозерцаніе: предзнаменованія, сны, обращеніе къ природѣ,—все это противно духу христіанства. А между тѣмъ, составлено это сказаніе могло быть не ранѣе конца XII вѣка,—вотъ доказательство, какъ мало новыя понятія успѣли укорениться въ умахъ народа даже въ теченіе двухъ столѣтій. Но еще черезъ два столѣтія, книжникъ, вовсе не знавшій народа, вздумалъ воспользоваться канвою народнаго эпическаго сказанія для примѣненія ея къ другому событію, въ которомъ бы могъ выразиться другой взглядъ на міръ и на жизнь. И вотъ іерей Софроній пишетъ, какъ Мамай, попущеніемъ Божіимъ, отъ наученія діавола, идетъ казнить улусъ свой, русскую землю; какъ великій князь Дмитрій прежде всего обращается за совѣтомъ къ митрополиту Кипріану; какъ тотъ совѣтуетъ «*утолить* Мамай *четверницею* (т.-е. дать ему вчетверо больше того, что прежде давалось), дабы не разрушилъ Христовой вѣры»; какъ Дмитрій получилъ благословеніе двухъ воиновъ-монаховъ отъ св. Сергія; какъ онъ припадаетъ съ молитвою слезною къ чудотворнымъ иконамъ; какъ предъ битвою вѣшаетъ присланной ему отъ св. Сергія просфоры, какъ участь сраженія рѣшается святою помощью Бориса и Глаба. Во всей повѣсти господствуетъ строго-благочестивый взглядъ, и повсюду предвѣщанія и дива языческія замѣнены знаменіями и чудесами христіанскими. Ясно, что новыя вѣрованія много бы выиграли отъ подобнаго образа дѣйствій, если бы книжные учителя древней Руси, при своемъ благочестіи, владѣли еще умѣньемъ постигнуть духъ народный и имѣли бы сколько-нибудь поэтическаго такта. Къ сожалѣнію, этого не было у нихъ; въ поэтическихъ произведеніяхъ древнихъ книжниковъ господствуетъ вялость, мертвенность, отвлеченность, отсутствіе всякой поэзіи. Оттого-то они и не проникли въ народъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и идеи, вставленные въ нихъ, распространялись очень слабо. Тѣмъ не менѣе, народная поэзія не могла уже остаться неприкосновенною, и позднѣйшіе наросты ясно видны въ томъ, что по основѣ своей должно относиться къ древнѣйшему времени. Очень жаль, что г. Милюковъ мало принялъ въ соображеніе тѣ измѣненія, какія должны были произойти въ народныхъ, особенно въ историческихъ, пѣсняхъ съ теченіемъ времени, и всю ихъ грубость и всѣ недостатки отнесъ на счетъ древней русской жизни,—не опредѣляя, какую именно древность онъ разумѣетъ. Поэтому, нѣкоторыя явленія древней русской поэзіи поняты имъ, кажется, не совсѣмъ вѣрно. Напримѣръ, онъ, говоря, что въ историческихъ пѣсняхъ русскихъ

есть даже попытки на изображеніе характеровъ, указываетъ для примѣра на лицо Владиміра, которое будто бы имѣетъ сходство съ историческимъ Владиміромъ. Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться. Въ личности Владиміра, по нашему мнѣнію, болѣе, нежели въ чемъ-нибудь, выразилось византійское вліяніе на нашу народную поэзію. Не такими представлялъ народъ нашъ своихъ князей, близкихъ къ норманскому періоду; это мы видимъ въ народныхъ преданіяхъ, записанныхъ Несторомъ. Вспомнимъ величавый образъ Святослава, храбраго, дѣятельнаго, раздѣляющаго съ подданными всѣ труды и недостатки, заботящагося о богатствѣ земли своей, говорящаго: «не посрадимъ земли русскія, — ляжемъ костями ту». Вспомнимъ и позднѣйшее изображеніе князя Игоря, въ «Словѣ», мало подвергшемся книжной порчѣ: и онъ, подобно древнимъ князьямъ, является храбрымъ и дѣятельнымъ; онъ самъ идетъ, во главѣ своего войска, въ чужую землю, чтобы отомстить врагамъ за обиду земли русской; онъ не смущается предъ опасностями и говоритъ: «лучше потягу быти, неже полонену быти»... Не такимъ является Владиміръ въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ. Въ немъ нѣтъ и признаковъ русскаго князя; это ничто иное, какъ византійскій владыка, или вообще восточный правитель, недоступный для народа, стоящій отъ него на недостижимой высотѣ, счастливый избранникъ судьбы, не имѣющій другого дѣла, кромѣ пировъ и веселья. Въ народныхъ пѣсняхъ Владиміръ постоянно является пирующимъ. Почти каждая пѣсня начинается тѣмъ, что у ласкова князя Владиміра было пиrowанье — почетной пиръ, было столованье — почетной столъ. Князь Владиміръ потѣшается на этомъ пирѣ, и что бы ни случилось, онъ ничего другого не дѣлаетъ, какъ только «по свѣтлой гриднѣ похаживаетъ, да черныя кудри расчесываетъ». Являются во время пира его служители, израненные, булавами буйны головы пробиваны, съ извѣстіемъ о какихъ-то невѣдомыхъ людяхъ, появившихся на княжеской землѣ, — а князь пьетъ, ѣстъ, прохлаждается, ихъ челобитья не слушаетъ. Нападаетъ на Кіевъ Калинъ царь, Владиміръ «весьма закручинился, запечалился, повѣсилъ буйну голову и потушилъ очи ясныя», оттого, что «нѣтъ у него стоятеля, нѣтъ оберегателя...» Пріѣзжаетъ Илья Муромецъ съ Соловьемъ разбойникомъ и велитъ ему свиснуть въ полсвиста, а князя Владиміра, вмѣстѣ съ его княгинею, беретъ подъ пазуху, чтобы они не упали отъ свисту соловьиного. А въ другой пѣснѣ, князь Владиміръ и «*окорачъ ползетъ*» отъ сильнаго свисту конскаго... Есть-ли во всемъ этомъ хоть какое-нибудь сходство съ чисто-русскимъ, собственнымъ, народнымъ представленіемъ князей? Есть-ли что-нибудь подобное вообще въ славянскихъ пѣсняхъ, не подвергшихся восточному вліянію? Какъ хотите, сваливать подобныя представленія на коренную русскую народность невозможно. Они

могли явиться только въ позднѣйшую эпоху, принесшую къ намъ много восточныхъ понятій, усердно распространявшихся въ народѣ книжниками, которые столь же плохо понимали требованія поэтической истины, какъ и нужды русскаго народа. Невозможно сомнѣваться, что значительная доля искаженій въ русской народной поэзіи произведена была—намѣрено или ненамѣренно—именно этими книжниками.

Съ теченіемъ времени, народная поэзія все теряла свое значеніе, слабѣла и глхла, а книжная словесность принимала все болѣе широкіе размѣры и вторгалась съ своими опредѣленіями во всѣ отдѣлы народной жизни. Но въ ней не было жизненной силы, она не могла проникнуть въ самый духъ народа и должна была ограничиться только внѣшностью, формой. Съ самаго начала, не понявши народнаго характера, она стала совершенно чуждою народности русской и заключилась въ тѣсной сферѣ своихъ схоластическихъ опредѣленій. Въ этой схоластической отвлеченности держалась она невозмутимо до тѣхъ поръ, пока жизнь Руси тянулась молчаливо и однообразно, безъ прогресса, безъ самобытнаго развитія, подъ неурядицей удѣльныхъ междоусобій, подъ игомъ татаръ, подъ вліяніемъ неустановившихся государственныхъ отношеній... Отличительною чертою этой книжной, схоластической словесности было безсиліе предъ существующимъ фактомъ и безмысленное подчиненіе ему, даже безъ желанія объяснить его. Если встрѣчались факты противоположныя, книжники склонялись предъ тѣмъ, который бралъ перевѣсъ, и во имя его преслѣдовали другой, противный. Такъ возставали они противъ языческихъ суевѣрій, съ теченіемъ времени, все больше и больше, между тѣмъ какъ, по естественному порядку вещей, надобно полагать, что они съ теченіемъ времени все-таки постепенно ослабѣвали. Такъ, въ концѣ XIII столѣтія, вздумалъ Серапіонъ говорить противъ княжескихъ междоусобій, когда въ это время, подъ игомъ татаръ, удѣльныя распри сами собою уже значительно ослабѣли. Такъ было и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Но, при всей своей жалкой немощи, при всемъ отсутствіи живыхъ силъ, явленія, подобныя Серапіону, представляютъ еще отрадную сторону нашей древней письменности. Они были прогрессомъ въ сравненіи съ тою безжизненною схоластикой, какая господствовала въ большинствѣ книжниковъ. Тѣ уже стояли совершенно въ сторонѣ отъ русской жизни и толковали, весьма горячо и пространно, именно о томъ, до чего русскому не было ровно никакого дѣла. Замѣчательно, чѣмъ начали свое письменное поприще въ Россіи древніе книжники. Первое, по времени, произведеніе, написанное въ Россіи, было посланіе Льва митрополита (умеръ въ 1007 г.) противъ латинянъ, гдѣ онъ подробно разсуждаетъ объ опрѣснокяхъ, о постѣ въ субботу, о безженствѣ священниковъ, и т. п. Нельзя не сознаться, что трудно было выбрать

предметъ, болѣе далекій отъ русской жизни. Но выборъ его объясняется, конечно, отношеніями Византіи, которая была тогда въ самомъ разгарѣ своей вѣковой распри съ Римомъ.

Впрочемъ, при всей видимой неподвижности древней русской письменности, при всей ея отвлеченности и безжизненной схоластикѣ, и въ ней нельзя не видѣть нѣкотораго развитія, которое съ теченіемъ времени дѣлается все примѣтнѣе. И въ ней выразился общій законъ распространенія образованности, постепенно расширяющей свой кругъ, несмотря ни на какія препятствія. Литература вообще—всегдашній спутникъ образованности; развитіе ея идетъ параллельно съ развитіемъ потребностей образованныхъ классовъ. Пока образованныхъ людей немного, литература необходимо служитъ выраженіемъ интересовъ немногихъ; когда все будутъ образованы, литература,—нѣтъ сомнѣнія,—будетъ отзываться на потребности всѣхъ, расширивъ кругъ своего дѣйствія и избавившись отъ духа кружковъ и партій. Это самое расширение круга дѣйствія литературы совпадаетъ съ другимъ, не менѣе важнымъ обстоятельствомъ—приближеніемъ ея къ настоящей, дѣйствительной жизни, съ избавленіемъ отъ всего призрачнаго и съ признаніемъ интересовъ истинныхъ и существенно-важныхъ. Любопытно было бы сдѣлать очеркъ всей русской литературы съ этой точки зрѣнія. Г. Милюковъ не могъ этого сдѣлать, потому что въ древней Руси онъ отвергаетъ всякое развитіе, а въ новой, послѣ-петровской, видитъ развитіе уже слишкомъ быстрое. Въ основаніи, конечно, и то и другое вполне справедливо, особенно въ отношеніи къ поэзіи; но намъ кажется, что если мы согласимся вполне съ первымъ, отрицательнымъ положеніемъ г. Милюкова, то окажется нѣсколько преувеличеннымъ второе положеніе—о новой поэзіи. Дѣло въ томъ, что и въ древней письменности все же замѣтно нѣкоторое расширение взгляда, доказывающее, что, съ теченіемъ времени, книжное дѣло начинаетъ интересоваться уже большее количество лицъ, чѣмъ прежде, и что эти лица принадлежатъ къ болѣе разнообразнымъ кругамъ. Въ первое время, письменность никого не интересовала, кромѣ духовенства, и ни для чего не нужна была, кромѣ распространенія истинъ вѣры. Другихъ потребностей еще не было въ обществѣ, и вслѣдствіе того являются только книги священныя, богослужебныя, и разсужденія о предметахъ, занимавшихъ только духовенство, и притомъ не русское, а византійское. Такимъ образомъ и являлись посланія противъ латинянъ, поученія о постѣ, о молитвѣ во храмѣ, объ иконахъ, и пр., вызванныя не нуждами русской жизни, а возраженіями, которымъ эти предметы подвергались въ Византіи. Вскорѣ основаны были у насъ монастыри, и вслѣдъ затѣмъ явились монашескіе уставы, сочиненія о монашескомъ житіи, и пр. Почти при самомъ же своемъ началѣ, письменность не огра-

ничивается уже, однако, исключительно религіозными интересами: она служитъ также орудіемъ власти свѣтской, хотя все еще не выходитъ изъ круга духовныхъ предметовъ. Владиміръ издаетъ уже «Уставъ о церковномъ судѣ», которымъ опредѣляется отчасти формальное отношеніе духовенства къ народу. За то и со стороны духовенства является вскорѣ похвала кагану Владиміру, написанная митрополитомъ Иларіономъ (полов. XI ст.). Долгое время затѣмъ въ письменности русской видно почти исключительное проявленіе интересовъ княжескихъ и духовныхъ. Не говоря о поученіяхъ, посланіяхъ, грамотахъ монастырямъ и церквамъ, житіяхъ святыхъ,—даже древнія путешествія и лѣтописи отличаются тѣмъ же характеромъ. Путешествія предпринимались преимущественно на Востокъ, съ религіозной цѣлью, и на всѣ предметы смотрѣли наши древніе путешественники съ точки зрѣнія иноческой. Свѣтскіе интересы ихъ не занимали; игумень Даніиль былъ въ Іерусалимѣ тогда, какъ имъ владѣли крестоносцы, видѣлся съ Балдуиномъ и, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на такое историческое событіе, какъ крестовые походы, со всею теплотою души рассказалъ, какъ онъ ставилъ свое кадило и пересчиталъ за какихъ именно князей русскихъ онъ поставилъ его. Тоже и въ лѣтописяхъ: внесены сюда и проповѣдь Грека-философа предъ Владиміромъ, и исповѣданіе Владимірово, и исторія построенія Печерской обители, и житіе Бориса и Глѣба, и множество текстовъ и духовныхъ разсужденій. Съ другой стороны, тщательно записывается время рожденія и смерти всякаго князя, описывается его нравъ, его наружность; его отношеніе къ духовенству никогда не забывается,—и только. Если отношеніе князя къ дружинѣ указывается, то лишь за тѣмъ, чтобы восхвалить князя; дружина упоминается только къ слову. Если говорится, что князь былъ милостивъ и нищелюбивъ, то опять это говорится не потому, чтобы благо народное трогало душу лѣтописца, а потому, что этимъ доказывается дорогая для него мысль: «бѣ бо князь сей любя словеса книжная»; а въ словесахъ этихъ сказано: «блаженъ мужъ милуяй», и т. п. Такимъ образомъ, первые представители просвѣщенія въ Россіи, ставшіе выше массы народа, выражали въ письменности свои стремленія и интересы, тѣсно связанные одинъ съ другимъ и взаимно другъ друга поддерживавшіе. Но отношенія ихъ къ массѣ народа естественно вынуждали ихъ обратить вниманіе и на это, чтобы устроить, сколько возможно лучше, эти отношенія. Выраженіе этой потребности въ книжныхъ произведеніяхъ является, съ одной стороны, въ свѣтскомъ законодательствѣ, начинающемся весьма рано, съ «Русской Правды», а съ другой стороны—въ духовныхъ поученіяхъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ жизни. Таковы были нравственные наставленія о смиреніи, терпѣніи, отреченіи всѣхъ благъ мірскихъ и покорности волѣ Бо-

жіей, и т. п. Бывало даже и болѣе прямое отношеніе къ народной жизни, очевидно вызванное обстоятельствами, имѣвшими значеніе въ глазахъ князей и духовныхъ. Такъ напр., еще въ XI в., въ Правилѣ митрополита Іоанна, находимъ статью противъ торговли рабами; такъ, въ XII в., въ посланіи Никофора, читаемъ увѣщаніе князю, чтобы онъ самъ входилъ во все и не слушалъ навѣтовъ людей, окружающихъ его. Въ XII и XIII вѣкѣ самыя лѣтописи нѣсколько болѣе начинаютъ обращать вниманіе на положеніе народа: обстоятельство это, безъ сомнѣнія, произошло не безъ отношенія къ тому, что въ это время встрѣчаются между писателями многіе изъ бѣлаго духовенства, бывшіе, конечно, въ ближайшемъ соприкосновеніи съ народомъ, чѣмъ монахи. Для Нестора, жизнь ограничивалась Печерскимъ монастыремъ, а для какого-нибудь попа Іоанна или пономаря Тимоея—не могла ограничиваться даже однимъ ихъ приходомъ. Поэтому-то мы и встрѣчаемъ, напр., въ Новгородской лѣтописи (подъ 1230 г.) подробное и живое описаніе дѣйствій голода на новгородскихъ жителей, съ замѣчаніями даже о цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ. Далѣе, кругъ людей грамотныхъ (значитъ, по тогдашнему, образованныхъ) расширяется, какъ видно, и въ XIV—XV в. предпринимаются и описываются путешествія уже свѣтскими людьми, какъ напр., Стефаномъ Новгородцемъ, Василиемъ—гостемъ московскимъ, Афанасіемъ Никитинымъ—тверскимъ купцомъ; въ то же время организуются цѣлыя системы вѣроученія, противныя православію, и нерѣдко составлявшіяся безъ всякаго участія лицъ духовныхъ. Кругъ дѣятельности духовенства расширяется и находитъ себѣ предметъ, имѣющій дѣйствительное значеніе въ народѣ и вызванный явленіями самой жизни. Точка зрѣнія, разумѣется, остается та же, отвлеченно-возвышенная; безъ малѣйшаго приноровленія къ народнымъ нуждамъ и возрѣніямъ, безъ всякаго живого взгляда на жизненные отношенія, производящія то или другое явленіе въ народѣ. Но важно уже и то, что содержаніе письменности все-таки расширяется и обращается къ настоящему положенію дѣлъ: значитъ, въ самой жизни была сила, которая могла вывести даже книжную схоластику изъ ея мертвыхъ отвлеченій на поприще дѣятельности, хоть сколько-нибудь живой. Мало того, изъ среды самой массы поднимаются отголоски на явленія общественной и государственной жизни. Въ этомъ отношеніи интересны дошедшія до насъ двѣ различныя повѣсти о взятіи Пскова. Одна изъ нихъ составлена въ Москвѣ и восхваляетъ подвиги московскаго воинства, приходя въ негодованіе отъ своеволія псковитянъ. Другая повѣсть принадлежитъ псковичу и смотритъ на дѣло съ другой стороны: обвиняетъ московскаго намѣстника въ притѣсненіяхъ, князя—въ вѣроломствѣ, и сожалеетъ объ утратѣ вольности. Это—несомнѣнный знакъ, что литературные интересы теперь уже такъ расши-

рились, что въ письменности можетъ даже отражаться мнѣніе большинства народа, въ противность покоряющей его силѣ. Въ XVI вѣкѣ размножаются частныя лѣтописцы отдѣльныхъ областей, раздаются обличенія Максима Грека, направленные даже противъ митрополита и самого царя, и, кромѣ того, это столѣтіе представляетъ намъ двѣ книги, въ высшей степени замѣчательныя: «Домострой» и «Сказанія Курбскаго». «Домострой» во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ вѣренъ старой рутинѣ и съ этой стороны даетъ только новое доказательство того, какъ книжное ученіе портило у насъ самыя простыя и естественныя отношенія, какъ оно узаконяло собою множество нелѣпыхъ и грубыхъ понятій. Появленіе этой книги важно въ другомъ отношеніи: оно свидѣтельствуетъ, что въ XVI вѣкѣ чувствовали уже надобность примѣнить книжную мудрость и къ семейной жизни, слѣдовательно, письменность служила уже не однимъ интересамъ церковнымъ и государственнымъ. Сказанія Курбскаго имѣютъ другое значеніе. Здѣсь и самый взглядъ на дѣло рѣзко отличается отъ того взгляда, который старались усвоить Россіи греческіе и огречившіеся наши книжники. Представителемъ этого взгляда является тутъ уже самъ Іоаннъ, бывшій, какъ извѣстно, весьма искуснымъ въ книжномъ ученіи. Въ перепискѣ его съ Курбскимъ, весьма интересно слѣдить, какъ онъ располагаетъ арсеналомъ доводовъ, взятыхъ изъ книгъ того времени, для того, чтобы оправдать свое поведеніе и во что бы то ни стало обвинить Курбскаго. Онъ силится доказать, что бояре, какъ и всѣ подданные, обязаны были до конца претерпѣть съ кротостью и незлобіемъ всѣ его жестокости; въ примѣръ подобной кротости приводитъ онъ раба Курбскаго, Василья Шебанова, который спокойно стоялъ предъ Іоанномъ, когда этотъ своимъ костью пригвоздилъ его ногу къ полу, и облокотясь на костью, читалъ письмо Курбскаго. Но Курбскій уже не убѣждается доводами Іоанна: у него другая точка опоры—сознаніе своего собственнаго достоинства. Взглядъ его не можетъ еще возвыситься до того, чтобы объяснить надлежащимъ образомъ поступокъ Грознаго съ Шебановымъ; нѣтъ,—Шебановъ пусть терпитъ, ему это прилично, и князю Курбскому дѣла нѣтъ до того, что приходится на долю Васьки Шебанова. Но съ собой, съ княземъ Курбскимъ, аристократомъ и доблестнымъ вождемъ, онъ не позволитъ такъ обращаться. За себя и за своихъ сверстниковъ-аристократовъ онъ мститъ Іоанну гласностью, исторіей. Книжное дѣло призывается теперь для служенія не одной духовной власти и правительственнымъ распоряженіямъ, а ужъ и для интересовъ иного класса—бояръ и вышихъ сановниковъ. Къ нимъ преимущественно относились жестокія казни и опалы Іоанновы; изъ ихъ среды и нашелся человекъ, который употребилъ оружіе слова для выраженія своего неудовольствія. Но въ Россіи того времени нельзя было писать того,

что написал Курбскій; только въ наше время его сказанія могли быть повторены русскимъ исторіографомъ и изданы въ Россіи въ подлинномъ видѣ. Въ царствованіе Грознаго, горькая истина должна была высказываться въ чужой землѣ, далеко отъ Россіи, въ которой вся письменность блуждала еще въ византійскихъ отвлеченіяхъ, не касаясь жизни. Книга Курбскаго первая написана отчасти уже подъ вліяніемъ западныхъ идей; ею Россія отпраздновала начало своего избавленія отъ восточнаго застоя и узкой односторонности понятій. Вслѣдъ за нею начинаются событія, болѣе и болѣе сближающія насъ съ Западомъ и оживляющія нашу литературную дѣятельность. Унія возбуждаетъ религіозные споры, не ограничивающіеся схоластическими преніями, не сопровождающіеся важными послѣдствіями въ самой жизни. Въ то же время, вмѣстѣ съ желаніемъ, съ той и другой стороны, доказать народу превосходство своихъ мнѣній, является потребность дать ему средства къ образованію. И вотъ являются катехизисы для народа, руководства къ правой вѣрѣ, и т. п. Но этого мало: надо дать возможность читателямъ понимать и обсуждать самимъ спорный вопросъ. Теперь уже нельзя ограничиться одними положеніями и запрещеніями: какъ скоро есть споръ, сомнѣніе, нужно, во что бы то ни стало, разсѣять его, подѣйствовавши на разумъ. А для разсудка нужны данныя, факты, знанія; и вотъ являются учебныя книжки, очевидно назначенныя для первоначальнаго образованія: грамматики, словари, синописы, и пр. Разумѣется, вездѣ, гдѣ можно было, во всѣхъ этихъ книжкахъ высказывался односторонній взглядъ той партіи, къ которой принадлежалъ авторъ; разумѣется само собою и то, что ни та, ни другая партія не заботилась ни о какихъ другихъ интересахъ, кромѣ своихъ собственныхъ, и что до народнаго блага имъ дѣла не было. Но важно здѣсь то, что книжки уже поставлены были въ такое положеніе, въ которомъ должны были допустить надобность нѣкотораго образованія и въ другихъ классахъ народа, не принадлежащихъ къ сословію, имѣвшему до того монополію книжнаго дѣла и вообще образованности. Въ этомъ отношеніи, Унія имѣла сходство съ Реформаціею; при движеніи реформаціонныхъ идей, папы тоже поставлены были въ невозможность поддерживать свое значеніе запрещеніемъ народу читать Библію, оставленіемъ его въ невѣжествѣ, и т. п. Все нужно было разяснить, все выставить наружу. Конечно, движеніе, возбужденное Уніею, не имѣло такихъ размѣровъ, какъ движеніе Реформаціи, но все же оно имѣло съ нимъ нѣкоторое сходство, по своему характеру. Оно выразилось преимущественно въ западной и южной Руси, но не могло не коснуться и сѣверо-восточнаго края, тѣмъ болѣе, что онъ пришелъ съ Западомъ въ ближайшее соприкосновеніе во время самозванцевъ. Тутъ интересъ былъ еще ближе къ жизни, нежели въ за-

падной Руси во время Уніи, обращеніе къ народу еще необходимое, чѣмъ тамъ. Книжники должны были понять теперь, какъ слабы узы, доселѣ державшія старый порядокъ: онѣ разорваны были самимъ народомъ при первомъ появленіи призрака, принявшаго имя законнаго государя. Видя, что невѣдѣніе народа о самыхъ простыхъ вещахъ губительно дѣлается для тѣхъ самихъ, которые его воспитывали; догадавшись, наконецъ, что невѣжество ненадежно, что на него нельзя положиться ни въ чемъ, потому что оно постоянно можетъ служить орудіемъ въ рукахъ перваго обманщика, книжники рѣшились вразумлять народъ относительно нѣкоторыхъ предметовъ: толковали ему о самозванцахъ, рассказывали исторію Годунова и Дмитрія, писали увѣщательныя грамоты, и пр. Грамоты и повѣствованія эти читали теперь уже не только духовенство и правительственные люди: книжность спустилась уже и въ классъ мелкаго чиновничества, которое не только читало, но даже и само принялось сочинять. Много произведеній XVIII вѣка принадлежитъ въ Россіи дьякамъ, подъячимъ, переводчикамъ приказовъ и другимъ чиновникамъ. Одно изъ такихъ сочиненій, написанное опять-таки не въ Россіи, а въ чужой землѣ—русскимъ подъячимъ Посольскаго Приказа—выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній старой Руси и обнаруживаетъ уже замѣчательную силу анализирующей мысли. Мы говоримъ о Кошихинѣ. У него уже взглядъ болѣе широкій, болѣе человѣчный, чѣмъ у всѣхъ русскихъ, до него писавшихъ о Россіи, даже въ отрицательномъ духѣ. Онъ является образованнымъ представителемъ интересовъ средняго сословія, надъ которымъ налегло старинное барство съ своимъ невѣжествомъ и спесью. У Кошихина ужъ не тѣ идеи, что у Курбскаго: онъ уже сожалеетъ и о грубости семейныхъ отношеній, и о невѣжествѣ высшаго класса, и объ административныхъ обманахъ, и о жестокости пытки, и объ отчужденіи Россіи отъ Европы. И замѣчательна его точка зрѣнія: въ немъ нѣтъ непріязни къ Россіи: онъ не смотритъ на ея недостатки, какъ на нераздѣльные съ природою народа, онъ объясняетъ ихъ обстоятельствами, отношеніями различныхъ классовъ между собою. и тому подобное. Такъ, напримѣръ, говоря о безстыдствѣ и невѣжествѣ бояръ, Кошихинъ объясняетъ его тѣмъ, что они наученія никакого не принимаютъ отъ другихъ народовъ: не принимаютъ же потому, что обычая не повелось ѣздить за-границу, изъ опасенія нарушить чистоту вѣры и старые обычая. «Россійскаго государства люди породою своею спесивы и необычайны ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ поученія никакого добраго не имѣютъ и не приемятъ, кромѣ спесивства, и безстыдства, и ненависти, и неправды. Понеже для науки и обычая въ инныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычая, начали бѣ свою

вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили... А который бы человѣкъ, князь или бояринъ, или кто-нибудь, самъ, или сына, или брата своего, послалъ для какого-нибудь дѣла въ иное государство, безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, и такому бѣ человѣку за такое дѣло поставлено было въ измѣну, и вотчины, и помѣстья, и животы взяты бѣ были на царя; и ежели бѣ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его остались сродственники, и ихъ пытали бѣ, не вѣдали-ли они мысли сродственника своего, или бѣ кто послалъ сына, или брата, или племянника, и его потому жѣ пытали бѣ, для чего онъ послалъ въ иное государство, не напроваживаючи-ль какихъ воинскихъ людей на московское государство, хотя государствомъ завладѣти, или для какого иного воровскаго умышенія по чьему наученію, и пытавъ того такимъ же обычаемъ» (стр. 41). Этотъ отзывъ привели мы для того, чтобы показать, что уже въ половинѣ XVII вѣка сознавалась людьми средняго сословія необходимость разумныхъ заимствованій отъ Европы. Сужденіе Кошихина можетъ, пожалуй, показаться исключительнымъ явленіемъ; но здѣсь важно не то, во сколькихъ лицахъ мысль выразилась, а то, что она могла появиться въ это время, и появиться, какъ естественный выводъ изъ данныхъ, существовавшихъ въ самой жизни. Значить, жизнь уже сама по себѣ вела къ сближенію съ Западомъ и къ заимствованію его знаній и обычаевъ; и, значить, совершенно напрасно утверждаютъ нѣкоторые, что мѣры Петра шли совершенно наперекоръ естественному ходу нашей исторіи. Онъ, конечно, ускорилъ движеніе и еще, можетъ быть, отъ него зависѣла отчасти форма, въ которой проявилось заимствованіе. Но, зная нѣсколько относящихся сюда фактовъ изъ временъ, предшествовавшихъ Петру, нельзя не убѣдиться, что и здѣсь отъ естественнаго хода дѣлъ зависѣло болѣе, чѣмъ отъ личной воли преобразователя. Обыкновенно петровскій реформъ дѣлаютъ тотъ упрекъ, что, совершивши сближеніе наше съ Европой слишкомъ быстро, Петръ не далъ установиться у насъ на этотъ счетъ здоровымъ и солиднымъ идеямъ, а все подражаніе обратилъ только къ одной формѣ, къ внѣшности. Фактъ самъ по себѣ справедливъ. Но невозможно приписывать его только вліянію быстроты петровской реформы: какъ бы медленно мы ни заимствовали, все-таки стали бы заимствовать сначала только внѣшность: таково было состояніе просвѣщенія даже въ высшихъ классахъ, которые болѣе другихъ имѣли средствъ къ сближенію съ «иныхъ государствъ людьми». Одни, какъ видно изъ Кошихина, вовсе не хотѣли тогда ничего иностраннаго; другіе же, какъ видно изъ фактовъ, признавали необходимость введенія нѣкоторыхъ вещей на иностранный манеръ, — но на какіе же предметы обращалось ихъ вниманіе? Изъ-за границы выисывали отличныхъ архи-

текторовъ, кое-какихъ музыкантовъ и комедіантовъ, которые «комедь ломали», и т. п. Развѣ это не внѣшность была? И развѣ этимъ путемъ Русь вѣрнѣе могла дойти до истинныхъ началъ образованности, чѣмъ путемъ обширной, всеобщей реформы, предпринятой Петромъ? Напротивъ, при этихъ-то мелочныхъ заимствованіяхъ, удовлетворявшихъ вкусу немногихъ бояръ, которые желали воспользоваться европейскою образованностью для собственной потѣхи, Русь всегда менѣе могла бы успѣть въ своемъ развитіи, тогда какъ реформа Петра, взволновавши давнишній застои Руси, разорвавши узы, которыми связывали всѣхъ остатки мѣстничества и другіе боярскіе предрасудки и обычаи, давши больше простора всѣмъ классамъ, значительно ускорила ходъ самой образованности, — которая до того подвигалась такимъ медленнымъ, едва примѣтнымъ шагомъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ раздвинула и предѣлы литературы. Въ періодѣ послѣ-петровскомъ литературное развитіе, не отступая отъ своего главнаго хода, идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде, хоть не до такой степени быстро, какъ полагаетъ г. Милюковъ.

Мы чувствуемъ, что читатели уже недовольны нами за то, что мы такъ долго останавливаемъ ихъ вниманіе на предметѣ, не имѣющемъ ни малѣйшаго соотношенія ни съ однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ, волнующихъ современное общество. Мы знаемъ, что теперь, когда умы всѣхъ обращены къ интересамъ первой важности, къ отмѣненію крѣпостного права, къ гласности, злоупотребленіямъ между чиновниками, недостаткамъ воспитанія и образованія, и т. п., теперь немногіе захотятъ заглянуть въ статью, толкующую о вопросахъ литературныхъ, не касающихся жизни. Знаемъ мы, что плохое время выбрали для своей скромной статьи, столь далекой отъ всѣхъ общественныхъ вопросовъ. Но что же дѣлать, если дѣло литературы такъ мило намъ, — хоть насъ и бранятъ за мнимое пренебреженіе къ ней, — если судьбы ея такъ насъ занимаютъ, что мы не умѣемъ остановиться, разъ заговоривши о ней. А говоря объ ея историческихъ судьбахъ, что же могли бы мы сказать интереснаго для современныхъ читателей, когда общественные вопросы до самаго послѣдняго времени были чужды нашей литературѣ, когда она держалась совершенно особнякомъ и существовала «для немногихъ»? Впрочемъ, мы чувствуемъ, что оправданія наши очень неудовлетворительны и, сознавая свою вину, постараемся окончить наши замѣтки какъ можно скорѣе, такъ какъ въ дальнѣйшемъ развитіи нашей литературы (нужно предупредить читателя) интересы, волнующіе нынѣ общество, оставались почти въ той не неприкосновенности, какъ было и до Петра.

Познакомившись съ нравами и государственнымъ устройствомъ другихъ народовъ, Петръ увидѣлъ, какъ важно образованіе народное для

блага цѣлаго царства. Поэтому, постоянной заботой его было водвореніе въ Россіи образованія по примѣру Европы. Лучшимъ средствомъ для распространенія образованности онъ справедливо считалъ книги, и въ его время письменность русская является рѣшительно провозвѣстницею воли монарха для подданныхъ. Онъ понялъ, что, при заботѣ о просвѣщеніи народа, необходимо призвать на помощь живое убѣжденіе, и это убѣжденіе распространялъ посредствомъ книгъ. Всякое событіе его царствованія, всякій новый законъ, новое распоряженіе, находили себѣ объясненіе и оправданіе въ произведеніяхъ письменности. Такъ, являются во время Петра книга «О причинахъ, какія имѣлъ онъ къ началу войны со шведами», «Правда воли монаршей о наследованіи престола», множество регламентовъ, спеціальныхъ книгъ по части инженерной, артиллерійской, морской, и пр., наконецъ, «Вѣдомости», въ которыхъ въ первый разъ русскіе увидели все-народное объявленіе событій военныхъ и политическихъ. Всѣ новыя потребности, возбужденныя Петромъ, непременно, по его же мысли и желанію, сопровождались книжными явленіями, которыя, такимъ образомъ, служили разумнымъ оправданіемъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Почти всѣ книги такого рода были изданы не частными людьми, а по распоряженію самого же правительства; но самая возможность писать о всяческихъ предметахъ, начиная съ политическихъ новостей и оканчивая устройствомъ какой-нибудь лодки,—расширила кругъ идей литературныхъ и вызвала на книжную дѣятельность многихъ, которые въ прежнее время никогда бы о ней и не подумали. Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ тогдашней письменности былъ, безъ сомнѣнія, крестьянинъ Посошковъ, рѣшившійся разсуждать самоучкой о вопросахъ политической экономіи,—о средствахъ умножить избытокъ въ народѣ и отвратить скудость. Не говоря о точкѣ зрѣнія Посошкова, которая, можетъ быть, не совсѣмъ удовлетворитъ требованіямъ живой народной науки,—замѣтимъ здѣсь только о томъ, какъ въ этомъ случаѣ простой здравый смыслъ русскаго человѣка сошелся съ результатами, добытыми, наконецъ, въ многолѣтнихъ опытахъ и изслѣдованіяхъ людей ученыхъ. Посошковъ принялся за разсужденія о богатствѣ народномъ просто потому, что этотъ предметъ былъ къ нему ближе всякаго другого и проще для него; а между тѣмъ, этотъ самый предметъ составляетъ науку, служащую вѣнцомъ всѣхъ такъ-называемыхъ общественныхъ наукъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что Посошковъ, хотя и крестьянинъ, не былъ вполне представителемъ своего класса, а скорѣе выходцемъ изъ него: онъ занималъ какую-то начальственную должность, и въ его разсужденіяхъ, вмѣсто естественнаго побужденія прямыхъ нуждъ народныхъ, видны нерѣдко разные административные виды. То что въ маленькихъ размѣрахъ примѣтно у Посошкова, въ колоссальномъ видѣ выказалось у

другого крестьянина, который, благодаря Петровой реформѣ, получилъ возможность выучиться разнымъ наукамъ, побывалъ за-границей и сдѣлался тоже выходцемъ изъ своего сословія. Ломоносовъ сдѣлался ученымъ, поэтомъ, профессоромъ, чиновникомъ, дворяниномъ, чѣмъ вамъ угодно, но ужь никакъ не человѣкомъ, сочувствующимъ тому классу народа, изъ котораго вышелъ онъ. Иначе, впрочемъ, и не могло быть въ то время: хотя Петръ и уничтожилъ китайскую стѣну, отдѣлявшую до него боярина отъ окольного, окольного отъ думнаго человѣка, и т. д., хотя онъ, признавши права заслугъ и образованія, далъ всѣмъ просторъ идти впередъ, — но не могли же всѣ вдругъ приобрѣсть образованіе и отличиться заслугами. Всего легче могли воспользоваться средствами образованія опять-таки дѣти бояръ, окольных, и т. п. Низшія сословія могли также высылать теперь на состязаніе своихъ избранныхъ; но состязаніе, во всякомъ случаѣ, было неравное, и эти избранные все-таки оставались едва замѣтными исключеніями изъ цѣлой массы. Если русская аристократія петровскаго времени не стала во главѣ цѣлой націи по своей образованности и нравственному превосходству, то причина этого заключается, конечно, ужь не въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, а просто въ разбѣдающемъ и отупляющемъ вліяніи нашего стариннаго барства. Впрочемъ, если не по умственнымъ совершенствамъ, то по своему общественному положенію, по табели о рангахъ, боярство все-таки завладѣло тогда литературою, и она, не сдѣлавшись непосредственнымъ достояніемъ высшихъ классовъ, какъ была прежде достояніемъ духовенства, постоянно, однакоже, употреблялась посредственно къ ихъ услугамъ. Мы говоримъ здѣсь о меценатствѣ, которое такъ распространилось у насъ во времена послѣ Петра и дѣлало Россію отчасти похожею въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на Римъ временъ имперіи и послѣднихъ годовъ республики. Князь Кантемиръ, принадлежавшій еще къ вѣку самого Петра, и притомъ самъ аристократъ, держался довольно независимо и по влеченію сердца воспѣвалъ правительственныя и общественныя реформы Петра. Но Ломоносовъ имѣлъ уже своихъ *милоштивцевъ*, въ угоду которымъ сочинялъ разныя «стиховныя штуки», какъ говорилъ Тредьяковскій. Ломоносовъ много сдѣлалъ для успѣховъ науки въ Россіи: онъ положилъ основаніе русскому естествовѣдѣнію, онъ первый составилъ довольно стройную систему науки о языкѣ; но въ отношеніи къ общественному значенію литературы онъ не сдѣлалъ ничего. Какъ до него схоластическая поэзія ограничивалась изображеніемъ «Орла російскаго», или сочиненіемъ аллегорическаго «Плача и утѣшенія», въ виршахъ Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева, такъ точно и Ломоносова поэзія не шагнула дальше дидактическаго правоученія да напыщеннаго воспѣванія бранныхъ подвиговъ. Дѣйствительной жизни онъ не хотѣлъ знать и даже полагалъ, кажется, что

о ней можно говорить не иначе, какъ низкимъ слогомъ, котораго долженъ избѣгать порядочный писатель. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, рассказывая хоть бы, на примѣръ, о затрудненіяхъ мужика, у котораго послѣдняя лошадь пала, возвыситься до того паѳоса, до какого доходили наши поэты, описывая ужинъ и фейерверкъ, данный знатнымъ бояриномъ. Тутъ уже не только чувства не тѣ, самый языкъ не тотъ будетъ. Возвышеннымъ, краснорѣчивымъ, витіеватымъ слогомъ можно воспѣвать только высокія явленія жизни—взятіе непріятельскаго города, отбитіе у врага нѣсколькихъ пушекъ, торжество по случаю побѣды, иллюминацію, раздачу наградъ, и т. п. Вслѣдствіе такихъ соображеній, лучшіе представители тогдашней литературы старались, такъ сказать, вести себя сколько можно аристократичнѣе въ отношеніи къ низкимъ предметамъ и къ подлому народу, какъ называли тогда публику, не принадлежавшую къ высшему кругу. Ломоносовъ, правда, говорилъ иногда судіямъ земнымъ, чтобъ они блюлись отъ буйности и подданныхъ не презирали, а наблюдали народную льготу; но это говорится такъ, *en masse*, въ видахъ отвлеченной добродѣтели и справедливости и, отчасти даже, для краснаго словца, а ничуть не по глубокому сердечному сочувствію къ нуждамъ народа. Такъ точно Сумароковъ возставалъ противъ невѣжества, спеси дворянской, взяточничества, и т. п., и въ то же время сочинялъ трагедіи, въ которыхъ разные герои, владыки и ихъ напереники вѣщали высокимъ слогомъ нелѣпѣйшія безсмыслицы. Тѣ, противъ кого писалъ Сумароковъ грозныя сатиры, слушали эти нелѣпости и хвалили, зная, что авторъ въ милости у знатныхъ особъ; а простая публика, видя, что тутъ для нея ничего нѣтъ, преоткровенно грызла орѣхи во время представленія. Тутъ уже Сумароковъ пришелъ въ истинное негодованіе и отъ души высказалъ, что этотъ «подлый народъ» не стоитъ чести смотрѣть трагедіи російскаго Корнеля и Расина, и что сей подлый народъ есть необразованная скотина, не признающая даже такихъ авторитетовъ, какъ г. Вольтеръ и онъ, г. Сумароковъ. Но Сумарову еще можно простить: у него ужъ такой нравъ былъ; онъ всѣхъ ругалъ, сколько силъ хватало, хотя самъ и восхищался очень наивно своимъ чиномъ и кавалерствомъ. Можно, съ другой стороны, простить и пресмыканіе предъ знатными какому-нибудь Тредьяковскому, котораго можно было высѣчь за непоставку къ сроку оды на маскарадъ: это ужъ былъ человѣкъ убитый; его такъ всѣ и принимали за шута. О всѣхъ этихъ Петровыхъ, Костровыхъ, и т. п.—говорить нечего: они только и жили милостивцами, стараясь потѣшать ихъ невѣжество то великолѣпной стиховной галиматьей, то собственной фигурою. Такъ, въ Римѣ, послѣ покоренія имъ Греціи, образованные рабы, гувернеры, пѣты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, шуты и полные невольники невѣжественныхъ патриціевъ служили имъ своимъ умомъ, обра-

зованностью, ловкостью и вмѣстѣ щеками и спиною. Учиться и работать считалось въ тогдашнемъ Римѣ недостойнымъ патриція; наука и работа признавались и въ тогдашней Россіи недворянскимъ дѣломъ. Высшій классъ выпустилъ изъ головы своей мысль объ образованности и думалъ удержать ее въ своихъ рукахъ посредствомъ подачекъ своимъ паразитамъ, торговавшимъ дарами просвѣщенія. Къ удивленію, находимъ, что барамъ нашимъ продѣлка ихъ удавалась очень долго. Г. Милюкову кажется, что Державинъ цѣлымъ вѣкомъ отдѣленъ отъ Ломоносова; но мы никакъ этого не находимъ. Державина сама Императрица приняла подъ свое покровительство, но и тутъ не избавила его отъ необходимости отыскивать милостивцевъ, которыхъ производилъ онъ и въ геркулесы и въ гиганты, и чуть не въ полубоги. Что же касается до взгляда на народъ, его нужды и отношенія, то Державинъ подвинулся немного со временъ Ломоносова или даже Симеона Полоцкаго. Довольно припомнить его восклицаніе:—

„Прочь, дерзка чернь, непросвѣщенна,
И презираемая мной!“

Восклицаніе, нужно признаться, не совсѣмъ гуманное, какъ и вообще произведенія Державина, носящія на себѣ отпечатокъ то отвлеченной мертвой схоластики, то эпикурейскихъ ощущеній, не очищенныхъ ни изящнымъ вкусомъ, ни здравой мыслью, то придворнаго шутовства въ духѣ нравовъ того времени. Нѣтъ, мы рѣшительно несогласны съ г. Милюковымъ, будто отъ Ломоносова до Державина совершилось какое-то громадное развитіе въ русской поэзіи. Если развитіе и было, то самое ничтожное, да и то скорѣе въ отношеніи къ внѣшности, къ формѣ выраженія, а ужъ никакъ не въ отношеніи къ развитію и расширенію содержанія. Какъ прежде воспѣвались отвлеченныя добродѣтели и совершенства, такъ и теперь, только еще утомительнѣе. Ни одна изъ нравственныхъ одъ Ломоносова не можетъ поравняться величиной съ подобными же одами Державина, изъ которыхъ въ иныхъ нѣтъ-ли, пожалуй, стиховъ до тысячи. Какъ прежде поэтъ падалъ ницъ, въ нѣмомъ восторгѣ, предъ мужемъ брани, мѣряя свое благоговѣніе числомъ людей, убитыхъ подъ его начальствомъ, такъ точно и теперь,—да еще восторженнѣе прежняго. Какъ прежде на всемірныя событія смотрѣли изъ маленькой форточки своего узенькаго окошечка съ рѣшеткой и мѣряли всю землю собственной четвертью, такъ и теперь кругъ зрѣнія нисколько не расширился. Довольно привести одинъ фактъ. Державинъ былъ кѣмъ-то обиженъ и написалъ оду *на коварство*. Черезъ три года произошла французская революція; онъ придѣдалъ къ своей «Одѣ на коварство» нѣсколько строфъ и пустилъ ее въ свѣтъ подъ названіемъ: «Ода на коварство французскаго возмущенія». Не удовольствуясь этимъ,

онъ пришилъ къ ней еще похвалу князю Пожарскому. Такія воззрѣнія существовали у русскихъ поэтовъ прошедшаго вѣка!..

На кого еще указать изъ этого же періода литературы? На Хераскова и Княжнина? У нихъ еще менѣе народности, еще менѣе возвышенія до интересовъ общественныхъ, чѣмъ у Державина. Предметы поэмъ Хераскова и трагедій Княжнина уже сами собою показываютъ, какъ мало чуяли духъ русской народности сіи высокопарные пѣнты, пѣвшіе «отъ варваровъ Россію свободенну» и гремѣвшіе своими Росславами. Выборъ событій мифологическихъ или ненародныхъ, отвлеченная точка зрѣнія, стараніе дѣлать намеки, пріятные высшимъ (какъ, напр., въ «Титовомъ Милосердіи»), все это обличало отчужденіе отъ народности, пренебреженіе къ нуждамъ и страданіямъ людей, если они только не пользуются громкими титулами.

О Карамзинѣ говорили у насъ, какъ о писателѣ народномъ, впервые коснувшемся родной почвы, спустившемся изъ области мечтаній къ живой дѣйствительности. Правда-ли все это? Можно-ли сказать, что Карамзинъ избавился отъ призраковъ, которые тяготили надъ его предшественниками, и взглянулъ на дѣйствительную жизнь свѣтло и прямо? Едва-ли. Правда, державинское и ломоносовское пареніе является у Карамзина уже весьма слабо (а все-таки является); правда и то, что онъ изображаетъ нѣжныя чувства, привязанность къ природѣ, простой бытъ. Но какъ все это изображается! Природа берется изъ Армидиныхъ садовъ, нѣжныя чувства—изъ сладостныхъ пѣсенъ труверовъ и изъ повѣстей Флоріана, сельскій бытъ—прямо изъ счастливой Аркадіи. Точка зрѣнія на все попрежнему отвлеченная и крайне аристократическая. Главная мысль та, что умѣренность есть лучшее богатство и что природа каждому человѣку даетъ даромъ такія наслажденія, какихъ ни за какія деньги получить невозможно. Это проповѣдуетъ человѣкъ, живущій въ довольствѣ и который, послѣ вкуснаго обѣда и пріятной бесѣды съ гостями, садится въ изящномъ креслѣ, въ комнатѣ, убранной со всѣми прихотями достатка, описывать блаженство бѣдности на лонѣ природы. Выходитъ умилительная картина, въ которой есть слова: природа, простота, спокойствіе, счастье, но въ которой на дѣлѣ нѣтъ ни природы, ни простоты, а есть только самодовольное спокойствіе человѣка, не думающаго о счастіи другихъ. Отчего происходило это? Неужели писатели карамзинской школы въ самомъ дѣлѣ полагали, что наши сѣверные поселяне похожи на аркадскихъ пастушковъ; неужели они не видѣли, что въ простомъ народѣ есть свои нужды, свои стремленія, есть нищета и горе житейское, а не призрачное? Конечно, они это знали и видѣли; но имъ казалось, что этого незначѣмъ вносить въ литературу, что это будетъ даже неприлично и смѣшно. Такъ, въ наше время, что ска-

зали бы мы о писателѣ, который бы описалъ съ паѳосомъ и подробностью страданія лошади, оторванной отъ корму, запряженной противъ воли въ карету и принужденной ударами кнута ѣхать, куда ей вовсе не хочется? Такъ въ карамзинское время дико было снисходить до истинныхъ чувствъ и нуждъ простого класса. Въ самой исторіи, Карамзинъ держится постоянно той точки зрѣнія, которая выразилась въ заглавіи его творенія: *Исторія Государства Россійскаго*. Черезъ 20 лѣтъ послѣ него, Полевой хотѣлъ писать исторію русскаго народа, но ему весьма плохо удалось его дѣло. Нельзя, впрочемъ, винить ни его за неудачу, ни Карамзина за его образъ воззрѣнія. Исторія не сочиняется, а составляется по даннымъ, сохранившимся болѣе всего въ письменныхъ памятникахъ. А что представляла исторіку наша древняя письменность? Мы уже видѣли, что въ ней принимали участіе только два малочисленнѣйшіе класса народа, и ихъ только интересы выражались въ ней. Слѣдовательно, исторіи народа по даннымъ лѣтописнымъ составить было невозможно, если человѣкъ не умѣлъ, какъ говорится, читать между строкъ. А Карамзинъ, если и имѣлъ отчасти это искусство, то единственно для проведенія своей главной идеи о государствѣ. Такимъ образомъ нашелъ онъ, что Іоаннъ III въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше Петра Великаго; такимъ образомъ умѣлъ провести нить великихъ князей кіевскихъ, а потомъ владимірскихъ, чрезъ весь удѣльный періодъ; такимъ образомъ порядку государственному онъ противопоставилъ свободу народную; не умѣвши понять, что они нераздѣльны и взаимно другъ друга поддерживаютъ, онъ говорилъ: народы дикіе любятъ свободу, народы просвѣщенные любятъ порядокъ... До какой степени Карамзинъ сблизилъ русскую литературу съ дѣйствительностью, видно изъ твореній его поклонника и послѣдователя—Жуковскаго. Мечтательность, призраки, стремленіе къ чему-то невѣдомому, надежда на успокоеніе тамъ, въ заоблачномъ туманѣ, патріотическія чувства, обращенныя къ русскимъ шлемамъ, панцырямъ, щитамъ и стрѣламъ, соединеніе державинскаго паренія съ сентиментальностью Коцебу—вотъ характеристика романтической поэзіи, внесенной къ намъ Жуковскимъ. Одно только изъ русской народности воспроизвелъ Жуковскій (въ Свѣтланѣ), и это одно—суетвѣріе народное. И, кажется, только въ этомъ отношеніи романтическая поэзія и могла соприкасаться съ нашимъ народнымъ духомъ; во всемъ остальномъ она отдѣлялась отъ него неизмѣримой пропастью.

И однако же, Карамзинъ и Жуковскій получили въ русскомъ обществѣ такое значеніе, какого не имѣлъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ писателей. Чѣмъ же объяснить это? Тѣмъ, разумѣется, что оба они удовлетворяли потребностямъ того общества, которое ихъ читало. Вопросъ

остается за тѣмъ, что это было за общество? Говорятъ, что Карамзина и Жуковскаго любить и знаетъ Россія, и этому вѣрятъ зѣло ученые люди, которые полагаютъ, что они-то, ученые и образсванные, и составляютъ Россію; а все остальное, находящееся внѣ нашего круга, вовсе недостойно имени русскаго. Коренная Россія не въ насъ съ вами заключается, господа умники. Мы можемъ держаться только потому, что подъ нами есть твердая почва—настоящій русскій народъ; а сами по себѣ мы составляемъ совершенно непримѣтную частичку великаго русскаго народа. Вы, можетъ быть, намѣрены возразить мнѣ, заговоривши о преимуществахъ образованности, которая даетъ человѣку власть надъ неодушевленной природой, надъ неразумными животными, и возвышаетъ насъ надъ толпой. Но погодите хвалиться вашей образованностью, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока вы не найдете средствъ обходиться безъ этой толпы, или давать ей столько же, сколько она вамъ даетъ. Всякій законъ, всякое пріобрѣтеніе, всякое положеніе, всякая вещь, наконецъ, тѣмъ лучше, чѣмъ большому количеству личностей или предметовъ доставляетъ пользу или удобство. А это что же за великое явленіе, которое въ теченіе вѣковъ все ограничивается сотнями и тысячами людей, не обращая вниманія на милліоны!.. И повѣрьте, что эти милліоны вовсе не виноваты въ своемъ невѣжествѣ: не они отчуждаются отъ знанія, отъ искусствъ, отъ поэзіи,—а ихъ чуждаются и презираютъ тѣ, которые успѣли захватить умственное достояніе въ свои руки. Если же имъ и даютъ что-нибудь, въ родѣ мертвыхъ схоластическихъ стиховъ, вмѣсто живой народной поэзіи, то народъ, естественно, отвращается отъ подобныхъ прелестей, какъ вовсе неподходящихъ къ его потребностямъ и къ его положенію. Кѣмъ же ограничивалась литература даже во времена Карамзина и Жуковскаго? Кругъ людей, требованіямъ которыхъ удовлетворяли эти писатели, былъ, правда, шире прежняго. Ломоносовскія и державинскія оды восхвалялись и повторялись только людьми, нечуждыми придворной жизни; повѣсти Карамзина и баллады Жуковскаго перечитывались, можно сказать, во всемъ дворянскомъ кругѣ. Это и составляетъ значительный шагъ впередъ, сдѣланный карамзинскою школою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она неизбѣжно должна была теперь нѣсколько спуститься къ дѣйствительности,—хотя все еще далеко не достигла ея. Что въ прежней, пиндарической школѣ было призрачное величіе, то здѣсь—призрачная нѣжность; тамъ великолѣпіе, здѣсь недостатокъ; тамъ громъ и молнія, здѣсь роса и радуга; тамъ фейерверки, здѣсь каскады; тамъ трубы и кимвалы, грохочущіе славу князей на удивленіе смертныхъ, здѣсь арфы, призывающія простыхъ дѣтей природы наслаждаться чувствительностью. Здѣсь приближеніе къ дѣйствительной жизни находимъ мы, по крайней мѣрѣ въ томъ, что уже менѣе возбуждаются всякія страшилища

и разрушители земного счастія. Литература сама еще не смѣетъ подойти къ дѣйствительности и объявить себя на сторонѣ настоящаго положенія вещей; но уже съ меньшей охотой, чѣмъ прежде, восхваляетъ она то, что противорѣчитъ естественному порядку дѣлъ. Въ литературѣ видимо является склонность къ примиренію съ жизнью и характеръ консервативный. Теперь, если недовольство дѣйствительнымъ міромъ и является, то уже не во имя какихъ-нибудь громкихъ исключительныхъ явленій, а во имя чего-то «очарованнаго», какъ выражался Жуковскій, во имя какихъ-то глубочайшихъ стремленій человѣческаго духа, которыхъ однако же, поэтъ и самъ не признавалъ хорошенько. Такая перемена необходимо должна была явиться при расширеніи круга людей, интересующихся литературою. Очевидно, что въ древнія времена какой-нибудь скальдъ, для котораго весь міръ заключался въ высокородномъ рыцарѣ, — его господинѣ и милостивцѣ, — могъ безъ зазрѣнія совѣсти, съ самымъ искреннимъ восторгомъ, пѣть его бранные подвиги, оставаясь совершенно равнодушнымъ къ страданіямъ человѣчества. Его вѣдь никто и не слышалъ изъ этого человѣчества; онъ пѣлъ для своего рыцаря и его дружины. Если же какіе-нибудь скандинавские плѣнники и присутствовали тутъ же во время пѣсни, то ихъ стоны и проклятія только возвышали славу пѣвца и удовольствіе доблестнаго рыцаря съ дружиною. Нельзя было оставаться при такомъ же направленіи въ то время, когда не одна рыцарская дружина, но уже и мирные граждане стали интересоваться поэтическими созданіями. Нужно было и ихъ потѣшить чѣмъ-нибудь: и вотъ является для ихъ удовольствія украшенная природа, граціозныя китайскія куколки, изящныя чувства, и т. п. Это былъ — неудачный суррогатъ дѣйствительности, на которую явилась уже потребность, но которую боялись дать живьемъ, боясь оскорбить отвлеченныя требованія искусства.

Батюшковъ, любившій дѣйствительную жизнь, какъ энциклопедистъ, но тоже боявшійся пустить ее въ ходъ прямо, увидѣлъ, однако, что наши попытки на созданіе золотого вѣка изъ простой жизни нигде не годятся. Онъ пошелъ по другой дорогѣ, и въ своей недолгой литературной дѣятельности выразилъ такое умозаключеніе: «вы боитесь изображать просто природу и жизнь, чтобы не нарушить требованій искусства; но у древнихъ вы признаете соблюденіе правилъ искусства, смотрите же, я буду вамъ изображать жизнь и природу на манеръ древнихъ. Это все-таки будетъ лучше, чѣмъ выдумывать самимъ вещи, ни на что не похожія». Это, дѣйствительно, было лучше, но все-таки было еще плохо, тѣмъ болѣе, что у насъ почти не было людей, которые могли бы сказать, такъ-ли Батюшковъ изображаетъ міръ и жизнь, какъ древніе, — или вовсе непохоже на нихъ.

Пушкинъ пошелъ дальше: онъ въ своей поэтической дѣятельности первый выразилъ возможность представить, не компрометируя искусства, ту самую жизнь, которая у насъ существуетъ, и представить именно такъ, какъ она является на дѣлѣ. Въ этомъ заключается великое историческое значеніе Пушкина. Но и въ Пушкинѣ проявилось это не вдругъ, и притомъ проявилось не съ тою широтой взгляда, какой можно бы ожидать отъ художественной личности. Карамзинская опрятность, мечтательность Жуковского и эпикуреизмъ Батюшкова сильно проглядываютъ въ немъ; а къ этому присоединяется еще вліяніе Байрона, котораго, какъ справедливо замѣчаетъ г. Милюковъ, Пушкинъ не понялъ и не могъ понять, какъ по основѣ собственнаго характера, такъ и по характеру общества, окружавшаго его. Натура неглубокая, но живая, легкая, увлекающаяся и, притомъ вслѣдствіе недостатка прочнаго образованія, увлекающаяся болѣе внѣшностью, Пушкинъ не былъ вовсе похожъ на Байрона. «Пушкинъ не могъ понимать,—говоритъ г. Милюковъ,—той ужасной болѣзни, какою томилось общество европейское, не могъ питать къ нему той неумолимой ненависти и презрѣнія, какія кипѣли въ душѣ британскаго пѣвца, рожденнаго среди самаго просвѣщеннаго народа, не могъ проливать тѣхъ горькихъ, кровавыхъ слезъ, какими плакалъ Байронъ. Общество русское не было похоже на европейское, и если въ то время въ самой Европѣ не оцѣнили еще значенія пѣвца Чайльдъ-Гарольда и называли его главою *сатанинской школы*, то, разумѣется, Пушкинъ совсѣмъ не въ состояніи былъ понять его... Онъ плѣнился только разочарованнымъ и гордымъ характеромъ его героевъ, мрачнымъ колоритомъ картинъ и свободною легкостью формы». Такимъ образомъ, Пушкину долго не давалась русская народность, и онъ изображалъ разочарованныхъ «Плѣнниковъ» и «Алеко», вовсе не подозревая, что такое разочарованіе не въ русскомъ характерѣ, хотя и встрѣчалось въ нашемъ обществѣ. Одаренный проницательностью художника, Пушкинъ скоро постигъ характеръ этого общества, и, не стѣняясь уже классическими приличіями, изобразилъ его просто и вѣрно; общество было въ восторгѣ, что видитъ, наконецъ, *настоящую*, не игрушечную поэзію, и принялось читать и перечитывать Пушкина. Съ его времени литература вошла въ жизнь общества, стала необходимой принадлежностью образованнаго класса. Но опять вопросъ: какъ относится этотъ классъ по количеству и качеству, къ населенію цѣлой Россіи? Здѣсь нельзя не сознаться, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что классъ людей, изображенныхъ Пушкинымъ и находящихся въ близкихъ отношеніяхъ къ нему, слѣдовательно имъ интересующихся, весьма малочисленъ у насъ. Повторяемъ: говоримъ это съ удовольствіемъ, потому что если бы въ Россіи было большинство такихъ талантливыхъ натуръ, какъ Алеко или Онѣ-

гинъ, и если бы, при своемъ множествѣ, они все-таки оставались такими пошляками, какъ эти господа, — москвичи въ гарольдовомъ плащѣ, — то грустно было бы за Россію. Къ счастью, ихъ у насъ всегда было мало, и ихъ изображеніе не только народу было бы вовсе не понятно; но даже и въ образованномъ обществѣ интересовало не всѣхъ. Гораздо болѣе привлекли къ Пушкину вниманіе публики тѣ картины русской природы и жизни, какія разсыпаны повсюду въ его стихотвореніяхъ и выполнены съ удивительнымъ художественнымъ совершенствомъ. Въ то время и живое изображеніе природы было въ диковину, а Пушкинъ такъ умѣлъ овладѣть формой русской народности, что до сихъ поръ удовлетворяетъ въ этомъ отношеніи даже вкусу очень взыскательному.

Мы сказали: *формой* народности, потому что содержаніе ея и для Пушкина было еще недоступно. Народность понимаемъ мы не только какъ умѣнье изобразить красоты природы мѣстной, употребить мѣткое выраженіе, подслушанное у народа, вѣрно представить обряды, обычаи и т. п. Все это есть у Пушкина: лучшимъ доказательствомъ служитъ его «Русалка». Но чтобы быть поэтомъ истинно-народнымъ, надо больше: надо проникнуться народнымъ духомъ, прожить его жизнью, стать вровень съ нимъ, отбросить всѣ предрасудки сословій, книжнаго ученія и пр., почувствовать все тѣмъ простымъ чувствомъ, какимъ обладаетъ народъ, — этого Пушкину не доставало. Его генеалогическіе предрасудки, его эпикурейскія склонности, первоначальное образованіе подъ руководствомъ французскихъ эмигрантовъ конца прошедшаго столѣтія, самая натура его, полная художнической воспріимчивости, но чуждая упорной дѣятельности мысли, — все препятствовало ему проникнуться духомъ русской народности. Мало того, — онъ отвращался даже отъ тѣхъ проявленій народности, какія заходили изъ народа въ общество, окружавшее Пушкина. Особенно проявилось это въ послѣдніе годы его поэтической дѣятельности. Жизнь все шла впередъ; міръ дѣйствительности, открытый Пушкинымъ и воспріятый имъ такъ очаровательно, началъ уже терять свою поэтическую прелесть; въ немъ осмѣлились замѣчать недостатки, уже не во имя отвлеченныхъ идей и заоблачныхъ мечтаній, а во имя правды самой жизни. Ждали только человѣка, который бы умѣлъ изобразить недостатки жизни съ такимъ же поэтическимъ тактомъ, съ какимъ Пушкинъ умѣлъ выставить ея прелести. За людьми дѣло не стало: явился Гоголь. Онъ изобразилъ всю пошлость жизни современнаго общества; но его изображенія были свѣжи, молоды, восторженны, можетъ быть, болѣе, чѣмъ самыя задуманные пѣсни Пушкина. Пушкинъ тоже тяготился пустотою и пошлостью жизни; но онъ тяготился ею, какъ Онѣгинъ, съ какимъ-то бессильнымъ отчаяніемъ. Онъ говорилъ о жизни:

„Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я“.

Но онъ не видѣлъ исхода изъ этой пустоты, его силъ не хватило на серьезное обличеніе ея, потому что внутри его не было ничего, во имя чего можно было предпринять подобное обличеніе. Онъ могъ только восклицать съ лирической грустью:

„Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ“.

Оттого-то онъ не присталъ къ литературному движенію, которое началось въ послѣдніе годы его жизни. Напротивъ, онъ покаралъ это движеніе еще прежде, чѣмъ оно явилось господствующимъ въ литературѣ, еще въ то время, когда оно явилось только въ обществѣ. Онъ гордо воскликнулъ въ отвѣтъ на современные вопросы: подите прочь! Какое мнѣ дѣло до васъ! и началъ пѣть Бородинскую годовщину и отвѣчать клеветникамъ Россіи знаменитыми стихами:

„Вы грозны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?“

Можно было бы спросить: это-ли направленіе чистой художественности? Не поднимаетъ-ли здѣсь поэтъ тоже общественныхъ вопросовъ, съ тою разницею, что здѣсь выражаются интересы совсѣмъ другого рода? Да, эти произведенія были въ поэтической дѣятельности Пушкина шагомъ назадъ,—къ державинской и ломоносовской эпохѣ. Но общество наше было теперь уже не то. Г. Милюковъ справедливо говоритъ: «Общество скоро поняло, что любимый поэтъ оставилъ его, что народныя радости и печали не находятъ уже въ немъ горячаго сочувствія и даже встрѣчаютъ холодное презрѣніе. Тогда публика, въ свою очередь, по невольному инстинкту, оставили поэта. Это охлажденіе публики сильно тревожило Пушкина въ послѣдніе годы его жизни. Онъ видѣлъ, какъ разорвалась та симпатическая связь, которая соединяла его съ обществомъ, и началъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ бросаться во всѣ отрасли литературы: въ исторію, романъ, журналистику, отыскивая какой-нибудь струны, которая связала бы его съ публикою. Но ничто не помогало, и смерть избавила его отъ печальной необходимости видѣть себя живымъ мертвецомъ посреди того общества, которое прежде рукоплескало каждому его слову» (стр. 177). Все это служитъ доказательствомъ того, что Пушкинъ постигъ только форму русской народности, но не могъ еще войти въ духъ ея. Этимъ-то и объясняется, что въ послѣднее время онъ сталъ писать стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи» и т. п., имѣвшія, можетъ быть, прекрасную худо-

жественную отдѣлку, но, по своей мысли, все-таки назначенныя «*для немногихъ*», а никакъ не для большинства публики. Впрочемъ, недавно изданный VII томъ Пушкина доказываетъ, что воспримчивая натура поэта не оставалась глуха къ призывамъ общественныхъ вопросовъ; только недостатокъ прочнаго глубокаго образованія препятствовалъ ему сознать прямо и ясно, къ чему стремиться, чего искать, во имя чего приступать къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ.

Болѣе силъ нашель въ себѣ Гоголь, котораго значеніе въ исторіи русской литературы не нуждается уже въ новыхъ объясненіяхъ. Но и онъ не смогъ идти до конца по своей дорогѣ. Изображеніе пошлости жизни ужаснуло его; онъ не созналъ, что эта пошлость не есть удѣлъ народной жизни, не созналъ, что ее нужно до конца преслѣдовать, нисколько не опасаясь, что она можетъ бросить дурную тѣнь на самый народъ. Онъ захотѣлъ представить идеалы, которыхъ нигдѣ не могъ найти; онъ, не въ состояніи будучи шагнуть черезъ Пушкина до Державина, шагнулъ назадъ до Карамзина: его Муразовъ есть повтореніе Фрола Силина, благодѣтельнаго крестьянина, его Уленька—блѣдная копія съ блѣдной Лизы. Нѣтъ, и Гоголь не постигъ вполне, въ чемъ тайна русской народности, и онъ перемѣшалъ хаосъ современнаго общества, кое-какъ изнашивающагодохмотья взятой займы цивилизаціи, съ стройностью простой, чистой народной жизни, мало испорченной чуждыми вліяніями и еще способной къ обновленію на началахъ правды и здраваго смысла.

Если окончить Гоголемъ ходъ нашего литературнаго развитія, то и окажется, что до сихъ поръ наша литература почти никогда не выполняла своего назначенія: служить выраженіемъ народной жизни, народныхъ стремленій. Самое большое, до чего она доходила, заключалась въ томъ, чтобы сказать или показать, что есть и въ народѣ нѣчто хорошее. Съ теченіемъ времени, подобныя замѣчанія и указанія дѣлаются все чаще и чаще, и въ этомъ пока заключается развитіе нашей литературы. Въ числѣ исключительныхъ личностей, мало имѣвшихъ вліянія на литературное движеніе, нельзя забыть Кольцова и Лермонтова. Кольцовъ жилъ народною жизнью, понималъ ея горе и радости, умѣлъ выражать ихъ. Но его поэзіи недостаетъ всесторонности взгляда; простой классъ народа является у него въ уединеніи отъ общихъ интересовъ, только съ своими частными житейскими нуждами: оттого пѣсни его, при всей своей простотѣ и живости, не возбуждаютъ того чувства, какъ, напримѣръ, пѣсни Беранже. Лермонтовъ же обладалъ, конечно, громаднымъ талантомъ и, умѣвши рано постичь недостатки современнаго общества, умѣлъ понять и то, что спасеніе отъ этого ложнаго пути находится только въ народѣ. Доказательствомъ служить его удивительное стихотвореніе «Родина», въ которомъ онъ стано-

вится рѣшительно выше всѣхъ предразсудковъ патріотизма и понимаетъ любовь къ отечеству истинно, свято и разумно. Онъ говоритъ:

„Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднago мечтанья“.

Что же любить въ родинѣ этотъ поэтъ, равнодушный и къ воинской славѣ, и къ величавому покою государства, и даже къ преданьямъ темной старины, записаннымъ смиренными иноками-лѣтописцами? Вотъ что онъ любитъ:

„Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ,
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о нощлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жѣивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску, съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ“.

Полнѣйшаго выраженія чистой любви къ народу, гуманнѣйшаго взгляда на его жизнь нельзя и требовать отъ русскаго поэта. Къ несчастью, обстоятельства жизни Лермонтова поставили его далеко отъ народа, а слишкомъ ранняя смерть помѣшала ему даже паразитировать пороки современнаго общества съ тою широтою взгляда, какой до него не обнаруживалъ ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ...

Таковъ былъ, по нашему мнѣнію, общій ходъ развитія русской литературы съ древнѣйшихъ ея временъ.

А сатирическое-то направленіе? восклицаетъ читатель. Вы о немъ ничего не говорите? Что литературное развитіе вообще было слабо, это мы знаемъ; это и г. Милюковъ говоритъ, и еще гораздо сильнѣе васъ. Но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, превозноситъ сатирическое направленіе. Г. Милюковъ говоритъ, что безъ сатирическаго направленія никакого спасенія не было для русской литературы, и что сатирическое направленіе всегда ее поддерживало, оживляло, возносило и прославляло. Г. Милюковъ говоритъ, что «сатира всегда сражалась съ массою, которая постепенно уменьшается; что она враждовала съ настоящимъ, какъ съ остатками прошедшаго, указывая на славное будущее; что она всегда производила благотворное дѣйствіе на

правы, что въ сатиру общество наше нашло того двигателя, который постоянно продолжает вести его по пути къ совершенству, уничтожая преграды, поставленныя вѣковымъ отчужденіемъ и невѣжествомъ». Вотъ что говоритъ г. Милюковъ о значеніи сатиры. А вы даже не упомянули о ея благотворномъ вліяніи.

Да,—отвѣчаемъ мы,—вѣрите г. Милюкову! Онъ слишкомъ нѣжно смотритъ на русскую литературу; онъ проникнутъ такою горячею любовью къ ней, что непременно хочетъ въ ней отыскать нѣчто превосходное и благодѣтельное для нравовъ общества. Не за что взяться, такъ онъ и принялся за сатиру, какъ за прекрасное средство дать почувствовать благородныя стремленія литературы. Это съ его стороны большая поблажка, дѣлающая честь добротѣ его сердца, но, тѣмъ не менѣе, излишняя. Что касается до насъ, то мы вполне вѣримъ г. Милюкову только тогда, когда онъ бранитъ что-нибудь: ужъ если такой добрый и снисходительный человѣкъ находитъ, что это дурно, думаемъ мы, то ужъ вѣрно и въ самомъ дѣлѣ дурно. Но когда онъ хвалитъ, то нельзя не видѣть, какъ его доброе сердце преувеличиваетъ значеніе восхваляемой вещи. Вотъ хоть бы и сатира русская... Мы о ней нарочно не говорили, именно потому, что г. Милюковъ такъ превозноситъ ее. «Очеркъ поэзіи» г. Милюкова составленъ такъ хорошо, какъ ни одна изъ исторій русской литературы, и потому намъ не хотѣлось спорить съ почтеннымъ авторомъ о предметѣ, который такъ послѣдовательно проведенъ имъ по всей книгѣ. Сатирическое направленіе, разумѣется, хорошо; кто же объ этомъ спорить? Но зачѣмъ приходитъ отъ него въ такой восторгъ? зачѣмъ приписывать ему исправленіе нравовъ общества, зачѣмъ считать его какимъ-то двигателемъ? Стоитъ всмотрѣться пристальнѣе въ нашу сатиру, чтобы убѣдиться, что она проповѣдывала зады. Положеніе нашихъ сатириковъ было, въ самомъ дѣлѣ, отлично-выгодное: они видѣли передъ глазами, въ другихъ частяхъ Европы, лучшій порядокъ, и могли смѣяться надъ нашимъ дурнымъ порядкомъ, зная, чего именно хотятъ они. Они могли выставять на позоръ наши заблужденія, наше невѣжество, почерпнувъ изъ западной науки истины, еще неизвѣстныя и недоступныя нашему обществу. Но что же дѣлала сатира? Она всегда шла позади жизни, тогда какъ, по своему исключительному положенію среди нашего общества, могла опережать ее; она видѣла порокъ только тогда, когда онъ былъ ужъ уличенъ, опубликованъ и всенародно наказанъ; ранѣе она не осмѣливалась дотронуться до него. Вѣдь были у насъ, конечно, люди образованные и раньше Кантемира; были и противники просвѣщенія: отчего же только послѣ указа Петра о томъ, что стыдно быть невѣждою, особливо дворянину, и что всѣ дворяне должны учиться,—отчего только послѣ этого является сатира на хулящихъ ученіе? Пьянство испоконъ вѣку у насъ было

распространено; противъ него были указы еще въ XVI и XVII вѣкѣ; а до Кантемира опять никто сатирически не изобразилъ его. Мѣстничество при Петрѣ уже окончательно пало, а Кантемиръ потѣшается надъ нимъ (то-есть, вообще надъ боярской спесью) въ цѣлой длиннѣйшей сатирѣ. А ханжество, лесть, обманъ, и т. п., развѣ меньше были распространены до Кантемира? Что же никто не поражалъ ихъ? Отвѣтъ, конечно, легокъ: тогда и сатиры вовсе не было, а на нѣтъ и суда нѣтъ. Ну, хорошо; а почему Кантемиръ не поражалъ тѣхъ пороковъ, какіе въ его время были сильны? Вы спросите, какіе пороки? Да возьмите современныя записки или хоть немножко пораньше. Возьмите хоть Котошихина. Вотъ на примѣръ, онъ говоритъ, что при царскомъ погребеніи, которое совершается всегда ночью, бываетъ страшный грабежъ, потому что московскихъ людей *натура не богобоязливая*: «и сыщется того дни, какъ бываетъ царю погребеніе мертвыхъ людей, *убитыхъ* и *заръзанныхъ*, больше ста человѣкъ. И изойдется на царское погребеніе денегъ на Москвѣ и въ городахъ близко того, что на годъ придетъ съ государства казны» (стр. 17). Или, на примѣръ, тотъ же почтенный подъячій пишетъ, что «во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ», и описываетъ эти обманства. А они продолжались, съ разными видоизмѣненіями, и во времена Кантемира. Или—у Котошихина есть такое извѣстіе о чиновникахъ: хотя, говоритъ онъ, за взятки и положено наказаніе, и чиновники клянутся и крестъ цѣлуютъ, чтобы посуловъ не принимать, но «ни во что вѣра ихъ и заклинательство, отъ прелести очей своихъ удержати не могутъ и руки ко взятію скоро допускаютъ, хотя не сами собою, однако, по задней лѣстницѣ, чрезъ жену, или дочь, или чрезъ сына, и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ» (стр. 93). Или вотъ это: «а буде (бояре и дворяне) учинятъ надъ подданными своими крестьянскими женами и дочерьми какія блудныя дѣла, или у жонки выбьютъ робенка, или мученая и битая съ робенкомъ умретъ, и будетъ на такихъ злочинцевъ челобитье, и по ихъ челобитью отсылаютъ такія дѣла на Москву къ патриарху» (стр. 114). Да чего тутъ ждать челобитья! Сатирой бы ихъ хорошенько, этихъ злочинцевъ! Ихъ-то именно и прикрыть бы сатирой? Но сатира Кантемирова молчала объ этомъ, а возставала съ благороднымъ негодованіемъ противъ Медора, завивающаго кудри, противъ Менандра, переносящаго вѣсти, противъ скупого Хризиппа, противъ расточительнаго Клеарха. А главной ея заботой было воспѣть пользу преобразованій, уже сдѣланныхъ Петромъ, и посмѣяться надъ тѣми, которые безсильно, на словахъ, еще отвергали ихъ пользу. А то мало-ли было во время Петра и вскорѣ потомъ пороковъ, подлежащихъ обличенію литературы! Загляните только въ «Записки Желябужскаго»: чего тамъ нѣтъ! «Въ 193 (1685) г. князю Петру Крапоткину учинено наказанье:

бить кнутомъ за то, что въ дѣлѣ своровалъ, выскребъ и приписалъ своею рукою. Въ томъ же году князь Яковъ Ивановъ, сынъ Лобановъ-Ростовскій, да Иванъ Андреевъ, сынъ Микулинъ, ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ, къ красной соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ, съ ихъ великихъ государей казною, и тѣхъ мужиковъ они разбили, и казну взяли себѣ, и двухъ человекъ мужиковъ убили до смерти.—Въ 201 (1693) году князю Александру Борисову, сыну Крупскому, чинено наказанье: бить кнутомъ за то, что жену убилъ.—Въ 202 г. Земскаго Приказу дьякъ Петръ Вязмитиновъ передъ московскимъ Суднымъ Приказомъ подыманъ съ козелъ и, вмѣсто кнута, бить батоги нещадно: своровалъ въ дѣлѣ, на правезѣ ставилъ своего человека, вмѣсто отвѣтчика». Такія явленія заслуживали, я думаю, литературнаго обличенія болѣе, нежели завиванье кудрей и пристрастіе къ французскимъ модамъ. Если хотите прослѣдить явленія русской жизни, подлежащія сатирѣ, то можете заглянуть во многія книги, только не въ сатирическія творенія. Въ русской сатирѣ современность вы рѣдко найдете; скорѣе попадетъ она вамъ въ какихъ-нибудь мемуарахъ Манштейна, Миниха, Храповицкаго, Грибовскаго, въ «Семена Порошина запискахъ», въ «Актахъ, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ» Тургеневымъ, въ «Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи». Въ Полномъ Собраніи есть, на примѣръ, указъ Петра I о томъ, «что крестьянъ продаютъ на розницу, какъ скотовъ, и даже такъ, что отъ семей, отъ отца или отъ матери, дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ». Сатира не коснулась такихъ явленій до послѣдняго времени. Можно-ли же послѣ этого сказать, что она была двигательницею общества по пути къ совершенству? стоитъ-ли также говорить о ея благотворномъ вліяніи на исправленіе нравовъ? Сумароковъ преслѣдовалъ взяточничество; это было хорошо, хотя и поздно немножко, потому что объ этомъ злѣ есть уже положительныя упоминанія въ XVI столѣтіи. Но что же вышло изъ его обличеній? Черезъ 25 лѣтъ послѣ него Капнистъ опять обличалъ то же; черезъ 40 лѣтъ потомъ Гоголь возсталъ противъ того же въ «Ревизорѣ»; нынѣ, черезъ 20 лѣтъ послѣ «Ревизора», образовалась цѣлая литература приказной казуистики: видно, что мало пользы принесли сатиры русскихъ авторовъ, какъ онѣ ни были разнообразны и ядовиты. А все отчего? оттого, что сатира всегда была робка, мелочна, близорука, пока сама жизнь не опережала ея. Кого выводили преслѣдователи взятокъ? Городничаго, исправника, становаго, квартальнаго, предсѣдателя гражданской палаты, да еще какого-то нарицательнаго судью, вѣроятно, уѣзднаго. Предположите же, что всѣ подобныя мелкіе чиновники исправились бы послѣ сатирическихъ нападеній на нихъ: думаете-ли вы, что этого было бы довольно для прекращенія взяточничества въ цѣлой Россіи?—Притомъ, посмотрите, съ ка-

кой точки зрѣнія дѣлаются у насъ всѣ обличенія сатирическія. Говоря, совершенно справедливо, что

„...Законы святы,
Да исполнители лихіе супостаты“,

наши сатирики, на этомъ и успокоиваются. Не принимая въ расчетъ состоянія общественной нравственности, ни историческихъ обстоятельствъ развитія порока, ни общаго положенія администраціи, ни отношеній одного класса къ другому, сатирики рады свалить всю бѣду на бѣдную личность чиновника, которая часто вовсе безъ вины виновата. Такъ, одинъ умный администраторъ, въ родѣ Сквозника-Дмухановскаго, хотѣлъ предать суду одного человѣка, пойманнаго на мѣстѣ въ азартной игрѣ. «Съ кѣмъ же онъ было пойманъ?» Да одинъ, видите: онъ вѣлъ азартную игру самъ съ собою!..

Возьмите другой порокъ, который преслѣдовала наша сатира, — невѣжество. Кантемиръ смѣялся надъ тѣми, которые не слушаются указовъ Петра I; чувства его очень похвальны, хотя опять нельзя сказать, чтобъ они предупредили жизнь... Но посмотримъ, что изъ того вышло. Прошло 30—40 лѣтъ; Сумароковъ опять выводитъ господина, который говоритъ:

„... Не надобно наукъ:
Пускай убытчатся, уча ребятокъ, моты,
Мой мальчикъ не ученъ, а въ тѣ жъ пойдетъ ворота“.

Прошло еще лѣтъ 20; г-жа Простакова говоритъ: что за географія? извозчики есть; что за дѣленіе? ни съ кѣмъ дѣлиться своимъ добромъ не надобно, и пр., въ этомъ духѣ. Проходитъ еще лѣтъ 40, и мы слышимъ сожалѣніе о князѣ Ѳедорѣ, который, Богъ знаетъ зачѣмъ, учится разнымъ наукамъ... Что изъ этого слѣдуетъ? По нашему, — то, что одно изъ двухъ положеній г. Милюкова въ пользу сатиры невѣрно: или сатира не производила благотѣтельнаго вліянія на нравы; или же она производила его, и тогда, значить, послѣ Кантемира, она ужъ все повторяла зады единственно для своего удовольствія.

Повторять зады, впрочемъ, не въ диковинку было русской сатирѣ; она отлично умѣла бранить то, что ужъ отжило свой вѣкъ и было неопасно. Въ этомъ отношеніи особеннымъ искусствомъ отличался Державинъ. Онъ умѣлъ сочинить даже оду сатирическую, обративши стрѣлы своего остроумія на прошедшее, да на нѣкоторыя анонимныя личности, которыхъ, впрочемъ, испугался, узнавъ, что до нихъ дошла его ода. Между прочимъ, онъ остроумно и справедливо говоритъ, что при дворѣ Фелицы

„... Свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ;
Не щелкаютъ въ усы велможъ;
Князя насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ“.

А вѣдь когда это все совершалось, ничей сатирической голосъ не поднялся для порицанія подобныхъ потѣхъ! Вотъ вамъ и могущество русской сатиры!

Если же не на прошедшее обращались нападенія сатириковъ, то ужъ на такіе микроскопическіе недостатки, отъ которыхъ общественная нравственность рѣшительно не измѣняла своего положенія. Напримѣръ, въ прошломъ столѣтіи каждый сатирикъ непременно преслѣдовалъ со всѣмъ жаромъ «плохихъ стихотворцевъ». На нихъ и сатиры, и басни писались, и въ посланіяхъ они задѣвались, и даже, кажется, въ разговорахъ въ царствѣ мертвыхъ осмѣивались. Не правда-ли, какое достойное занятіе для русскаго сатирика! Какъ хорошо рисуется этимъ домашнее, патріархальное значеніе русской литературы, которая писалась сама для себя, находила предметы въ своемъ тѣсномъ кружкѣ и довольна была тѣмъ, что производила посланія одного поэта къ другому, эпиграммы другого на третьяго, критики третьяго на посланія перваго, сатиры перваго на критики третьяго, и т. д. Вотъ ужъ въ подлинномъ смыслѣ литература была сама для себя цѣлью: художественная, видно, была литература!

Что же касается до дѣйствительныхъ и важныхъ злоупотребленій поэзіи, они никогда не встрѣчали своевременнаго обличенія. Пиндаризмъ, имѣвшій въ виду

„... Награду перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ“,

не встрѣтилъ насмѣшки ни въ ломоносовское, ни въ державинское время; а уже тогда, когда онъ отжилъ свой вѣкъ, явилась злая сатира Дмитріева: «Чужой толкъ». Надъ поэмами Хераскова тоже стали смѣяться только съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Только надъ Жуковскимъ Батюшковъ осмѣлился посмѣяться очень скоро, сочинивши пародію на его «Пѣвца»; за то пародія эта не была извѣстна публикѣ до прошедшаго года.

А подражаніе французамъ! Отъ Кантемира, Сумарокова, фонъ-Визина до «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», издаваемаго съ прошлаго года нѣкимъ господиномъ Вышнеградскимъ—всѣ, вотъ ужъ слишкомъ сто лѣтъ, всѣ нападаютъ на подражаніе французамъ; но только все не въ прокъ! Богъ знаетъ отчего это! — кажется ужъ «Русская Бесѣда» и русское воззрѣніе сочинила на мѣсто французскаго, а все толку нѣтъ; какъ открылась первая возможность, такъ и отправились десятки тысячъ за границу... А замѣтите, что подражаніе французамъ распространено вѣдь въ ничтожномъ меньшинствѣ русскихъ: народъ и до сихъ поръ, хотъ и не чуждается иноземцевъ, какъ прежде, но и не думаетъ перенимать ихъ нравы. Что же это за могучая сатира, которая съ ничтожнымъ кружкомъ въ частномъ вопросѣ, не можетъ справиться?

Нѣтъ, какъ вы хотите, и въ сатиру нашей постоянно господствовала та мелкость, та узкость взгляда, которыя мы затѣтили вообще въ нашей литературѣ. И сатира не возвышалась у насъ до пониманія народныхъ интересовъ. Нельзя же вѣдь Сумарокова, на примѣръ, назвать представителемъ народныхъ интересовъ только потому, что у него есть такіе стихи:

„На то ль дворяне мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Мужикъ и пьетъ, и ѣстъ, родился и умретъ;
Господскій также сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое нерѣдко славить,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ:
Ахъ, должно ли людьми скотинѣ обладать!“

Этими стихами обольщаться не должно; смыслъ ихъ не простирается далѣе такого заключенія: людьми надобно обладать не скотинѣ, а людямъ, и обладать по-людски, т.-е. милостиво и справедливо. Та же мысль и у фонъ-Визина, въ отзывахъ Простаковой о Палашкѣ. Въ случаѣ надобности, это можно доказать другими мѣстами изъ ихъ сочиненій.

Вообще, что русская сатира не народна, это видно ужъ изъ того, что она противорѣчитъ народной пословицѣ: «лежачаго не бьютъ». Она постоянно возставала на лежачаго, какъ только переставала пересыпать изъ пустого въ порожнее. А большею частію занималась этимъ полезнымъ пересыпаньемъ. Вѣдь придетъ же, въ самомъ дѣлѣ, въ голову русскому сатирику переводить «Боалову сатиру о различіи страстей человѣческихъ»! Или передѣлывать на русскіе нравы Ювеналову сатиру о благородствѣ! Грибоѣдовъ какъ будто имѣлъ въ виду русскихъ сатириковъ, изображая Чацкаго. Ни къ селу, ни къ городу, людямъ, которые не хотятъ ихъ слушать и не могутъ понять, а если поймутъ, то не могутъ выполнить ихъ требованій, начинаютъ они кричать о Кузнецкомъ мостѣ и вѣчныхъ нарядахъ, объ иголкахъ и шпилькахъ (не замѣчая слона), возстаютъ противъ фраковъ и бритья бородъ (а сами выбриты и во фракѣ), противъ мелочныхъ недостатковъ, зависящихъ отъ обычая или даже приличій, принятыхъ всѣми и въ сущности никому не мѣшающихъ. И тутъ же вдругъ, какъ снѣгъ на голову, грянуть съ какимъ-нибудь маленькимъ требованьемъ: будь, дескать, добродѣтеленъ, служи безкорыстно, ставь общее благо выше собственнаго, и т. п. абстракціи, весьма милая и вполне справедливая, но, къ несчастью, рѣдко зависящая отъ воли частнаго человѣка... Совершенно такъ, какъ Чацкій издѣвается надъ фраккомъ, очень хорошо понимая, однако, что носить или не носить фракъ, брить или не брить бороду, вовсе не зависитъ отъ восклицаній какого-нибудь одного азартнаго господина.

Нѣтъ, мы рѣшительно недовольны русской сатирой, исключая сатиры Гоголевскаго періода. Вотъ почему и не хотѣли мы говорить о ней, такъ

какъ мы о многомъ не хотѣли говорить въ этой статьѣ. Просимъ читателей не видѣть въ нашихъ отрывочныхъ замѣткахъ какихъ-нибудь особенныхъ претензій. Мы даже не хотѣли проводить своего взгляда по всѣмъ явленіямъ русской литературы; мы сказали только, что любопытно было бы представить ходъ развитія русской литературы съ такой точки зрѣнія: какъ она постепенно сближалась съ народомъ и дѣйствительностью, постепенно избавляясь отъ исключительнаго вліянія книжниковъ-монополистовъ и отъ призрачныхъ, туманныхъ идей, насильно навязанныхъ ими литературѣ. Г. Милюковъ отчасти имѣлъ въ виду этотъ взглядъ въ послѣдней половинѣ своего труда, именно, въ оцѣнкѣ дѣятельности Пушкина, Лермонтова и Гоголя; но, увлекшись жаркою любовью къ сатирическому направленію,—онъ не могъ провести этого взгляда по всей книгѣ. Да если бы и провелъ, то результаты его оказались бы, вѣроятно, излишне плодотворны, опять по тому же крайнему уваженію къ сатирѣ. Мы же, съ своей стороны, признаемъ только плодотворность сатиры Лермонтова, Гоголя и его школы,—да и то не въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ представляетъ г. Милюковъ. Мы видимъ, что и Гоголь, хотя въ лучшихъ своихъ созданіяхъ очень близко подошелъ къ народной точкѣ зрѣнія, но подошелъ бессознательно, просто художнической оцѣнкой. Когда же ему растолковали, что теперь ему надо идти дальше и уже всѣ вопросы жизни пересмотрѣть съ той же народной точки зрѣнія, оставивши всякую абстракцію и всякіе предрассудки, съ дѣтства привитые къ нему ложнымъ образованіемъ, тогда Гоголь самъ испугался: народность представилась ему бездной, отъ которой надобно отбѣжать поскорѣе, и онъ отбѣжалъ отъ нея и предался отвлеченнѣйшему изъ занятій—идеальному самоусовершенствованію. Несмотря на то, художническая его дѣятельность оставила глубокіе слѣды въ литературѣ, и отъ нынѣшняго направленія можно ожидать чего-нибудь хорошаго, потому что нынѣшніе дѣятели начинаютъ явно стыдиться своего отчужденія отъ народа и своей отсталости во всѣхъ современныхъ вопросахъ. Предупредить жизни литература не можетъ, но предупредить формальное, оффиціальное проявленіе интересовъ, выработавшихся въ жизни, она должна. Пока еще извѣстная идея находится въ умахъ, пока еще она только должна осуществиться въ будущемъ, тутъ-то литература и должна схватить ее, тутъ-то и должно начаться литературное обсужденіе предмета съ разныхъ сторонъ и въ видахъ различныхъ интересовъ. Но ужъ когда идея перешла въ дѣло, сформировалась и рѣшилась окончательно, тогда литературѣ нечего дѣлать: развѣ только одинъ разъ (не больше) похвалить то, что сдѣлано. Поздняя же брань будетъ просто постыднымъ пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее и будетъ только напоминать того хохла, который, будучи сильно побитъ, пришелъ домой и

храбрился передъ родными, хвастаясь, что когда его били, такъ онъ тоже свое дѣло дѣлалъ—«показывалъ фігу»—въ карманѣ.

Пора, наконецъ, и разстаться съ г. Милюковымъ. Но мы не можемъ разстаться съ нимъ, не обративши вниманіе читателей на его превосходный разборъ «Мертвыхъ душъ», по всѣмъ правиламъ эпической поэмы. Примѣненіе всѣхъ этихъ правилъ къ «Мертвымъ душамъ» обнаруживаетъ въ авторѣ большой діалектической талантъ. Какъ, напримѣръ, умѣлъ онъ найти *чудесное* въ «Мертвыхъ душахъ?»—это было трудная задача, а онъ нашелъ и напалъ такъ искусно, что мы не можемъ удержаться отъ удовольствія выписать это мѣсто.

„Въ героической поэмѣ, по условіямъ теоріи, должно быть чудесное: таково въ Энеидѣ вмѣшательство Эола и Юноны въ судьбу сына Анхизова, а въ Илиадѣ—участіе боговъ Олимпа во всѣхъ битвахъ и событіяхъ подъ стѣнами Трои. И это мы находимъ въ нашей отечественной эпопее. Что можетъ быть чудеснѣе этихъ мертвыхъ душъ, которыя „окончили въ нѣкоторомъ родѣ свое земное существованіе“, а между тѣмъ невидимо присутствуютъ передъ вами во всей повѣсти и служатъ главнымъ основаніемъ подвиговъ героя, важнѣйшимъ средствомъ его къ достиженію высокой цѣли обогащенія? И кому не покажется сверхъестественнымъ, что души крестьянъ, давно уже совершившихъ свое жизненное поприще, существуютъ еще за стиксовой гранью гражданской палаты, незримо живутъ въ грудяхъ бумагъ и ревизскихъ сказокъ, таинственно прикованы еще къ землѣ и не смѣютъ вкусить успокоенія въ Елисейскихъ поляхъ, пока не прозвучитъ труба новой ревизіи и не освободитъ ихъ отъ невидимаго заключенія въ судебныхъ вертепахъ! Кто не увидитъ чудеснаго въ томъ, что эти мертвыя души продолжаютъ еще невидимо платить за себя подати и отправлять повинности, служить предметомъ сдѣлокъ и процессовъ, средствомъ обогащенія и спекуляціи, и даже вводятъ въ сомнѣнія Коробочку, не годятся-ли онѣ еще на что-нибудь въ домашнемъ хозяйствѣ. Все это въ высшей степени чудесно, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно и вполне естественно,—выгода, какой не имѣлъ рѣшительно ни одинъ изъ древнихъ эпическихъ поэтовъ“ (стр. 214—215).

Повторимъ въ заключеніе, что книжка г. Милюкова умнѣе, справедливѣе и добросовѣстнѣе прежнихъ исторій литературы, составившихся у насъ въ разныя времена, большею частью съ крайне-педантической точки зрѣнія. Особенно тѣмъ изъ читателей, которые стоятъ за честь русской сатиры и которымъ нашъ взглядъ на нее покажется слишкомъ суровымъ и пристрастно-неблагонамѣреннымъ, такимъ читателямъ лучше книжки г. Милюкова ничего и желать нельзя въ настоящее время.

Жизнь Магомета. Сочиненіе Вашингтона Ирвинга. Переводъ съ англійскаго, Петра Кирѣевскаго. Москва. 1857.

Сочиненіе Ирвинга не нуждается въ томъ, чтобы мы стали хвалить его, а о переводѣ г. Кирѣевскаго довольно сказать, что онъ читается очень

легко. За его добросовѣстность и вѣрность съ подлинникомъ ручается имя переводчика. Слѣдовательно, съ этой стороны намъ нечего распространяться, равно какъ не нужно, мы думаемъ, дѣлать подробнаго обзора содержанія книги Ирвинга. Кому же неизвѣстна исторія жизни Магомета въ главнѣйшихъ ея фактахъ? Поэтому мы рѣшаемся ограничиться здѣсь нѣсколькими размышленіями о частныхъ обстоятельствахъ, касающихся отчасти нашей исторической науки.

Странный видъ принимаютъ историческія знанія подъ перомъ нашихъ историковъ!.. Точно скучная, нелѣпая сказка для дѣтей, изъ числа тѣхъ, которыя такъ неискусно составляются къ празднику и издаются г. Генкелемъ! Начинается обыкновенно съ того, что такое-то царство основано такимъ-то царемъ, который завоевалъ такія-то страны и основалъ свою столицу въ такомъ-то городѣ. А тамъ и пойдетъ писать, все въ томъ же родѣ, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ государство падетъ, непременно отъ роскоши и развращенія нравовъ. Откуда вдругъ взялась эта роскошь и развращеніе, ученикъ никакъ не можетъ добиться въ нашихъ доморощенныхъ курсахъ исторіи. На историческое развитіе народа, на естественную, живую связь событій никогда не хотятъ обратить ни малѣйшаго вниманія наши историки. Ихъ исторія представляетъ обыкновенно не исторію, а какую-то плохо составленную «Всеобщую біографію великихъ людей». Это — Плутархъ для юношества, написанный въ дурномъ духѣ и безъ всякаго такта. Все въ нашихъ исторіяхъ предоставляется вліянію личностей: государство основалось оттого, что нашелся великій человекъ, который основалъ его; пало государство — оттого, что пять-шесть государей дурно имъ правили и допустили развращеніе нравовъ; новая религія явилась — оттого, что явился человекъ, который ее выдумалъ; война проиграна — оттого, что полководцы были неискусные; возстаніе произошло — оттого, что нѣсколько неблагонамѣренныхъ человекъ раздражили народъ... И такъ далѣе, и такъ далѣе, за что ни возьмитесь. Но вѣдь былъ же какой-нибудь матеріаль, надъ которымъ всѣ эти полководцы, правители и прочіе великіе люди производили свои упражненія? Вѣдь не одинъ же, самъ собою, полководецъ велъ войну, не самъ же собою какой-нибудь молодецъ, ни съ того, ни съ сего, основалъ вдругъ цѣлое «гражданское общество», какъ выражаются наши историки. Вѣрно, кто-нибудь помогалъ ему, служилъ орудіемъ его плановъ, и, вѣрно, его замыслы потому и удались, что удовлетворяли потребностямъ тѣхъ, которые согласились содѣйствовать ему? Что же это были за люди, каково было ихъ положеніе? отчего они слушались людей неблагонамѣренныхъ, а не слушались благонамѣренныхъ? и какіе были въ нихъ самихъ качества и недостатки, которыми великая личность могла воспользоваться для того, чтобы употребить ихъ орудіемъ

въ своихъ замыслахъ? Всѣ эти вопросы рождаются непременно въ головѣ всякаго ребенка, не совсѣмъ еще забитаго схоластикой; но отвѣтовъ нѣтъ на эти вопросы. Наши историческіе учебники совсѣмъ не хотятъ обращать вниманія на эти вопросы. Ужъ лучше бы они сказали прямо; «вы хотите знать, что за народъ были греки и римляне? Это были народы, не стоящіе ни малѣйшаго вниманія; о нихъ и говорить нечего. А были между ними десятка два порядочныхъ людей; о нихъ, пожалуй, мы вамъ расскажемъ съ великою охотою». Тогда мы знали бы, по крайней мѣрѣ, что обязательные историки хотятъ дать намъ «Bibliothèque amusante pour les enfants»,—и не стали бы ожидать отъ нихъ исторіи. Такъ нѣтъ, не хотятъ: скропаютъ кое-какъ десятка два-три біографій, большею частію воинственнаго характера, да и говорятъ, что сочинили исторію. Помилуйте, какая исторія! Біографіи-то,—и тѣ плохо сшиты и еще хуже приставлены къ общему ходу дѣлъ историческихъ! По мнѣнію нашихъ историковъ—захотѣла великая личность совершить что-нибудь — и совершила: ей честь и слава! Если же она произвела что-нибудь не по нраву нашимъ историкамъ, бѣда исторической личности! Окажется, что это былъ обманщикъ, безнравственный человѣкъ, злодѣй, и т. д. Не хотятъ понять, что вѣдь историческая личность, даже и великая, составляетъ не болѣе какъ искру, которая можетъ взорвать порохъ, но не воспламенить камней, и сама тотчасъ потухнетъ, если не встрѣтитъ матеріала, скоро загорающагося. Не хотятъ понять, что этотъ матеріалъ всегда готовится обстоятельствами историческаго развитія народа и что, вслѣдствіе историческихъ-то обстоятельствъ, и являются личности, выражающія въ себѣ потребности общества и времени.

Вотъ, напр., хоть бы Магометъ: какъ онъ рисуется въ нашихъ исторіяхъ? Во-первыхъ—какъ обманщикъ, ни съ того ни съ сего вдругъ сочинившій новую вѣру и морочившій людей ложными чудесами; во-вторыхъ — какъ завоеватель, внезапно принесшій, неизвѣстно изъ какихъ тайныхъ источниковъ, новыя силы народу, слабому и лѣнивому, и мгновенно превратившій мирныхъ пастуховъ въ хищныхъ завоевателей. Почтеннымъ историкамъ не представляется ни малѣйшей надобности подумать серьезно, какъ же это, однако,—обманщикъ могъ увлечь столько милліоновъ людей и не быть уличеннымъ въ обманѣ? Что же это за сверхъестественныя силы могъ онъ вдругъ сообщить народу? Откуда взялись въ немъ-то самомъ такія силы? Читающій исторію долженъ думать, что все это произошло отъ какихъ-нибудь калекъ переходящихъ, точно такъ, какъ богатырскія силы Ильи Муромца. Въ самомъ дѣлѣ, если Илья Муромецъ, напившись пива крѣпкаго, вдругъ пошелъ совершать славные подвиги, то почему же и съ Магометомъ не могло случиться того же самаго?

Но туманъ мало-по-малу проясняется. У насъ начинаютъ переводить хорошія историческія сочиненія, и можно надѣяться, что это будетъ имѣть вліяніе вообще на изложеніе исторіи въ нашихъ курсахъ. Въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, Вашингтонъ Ирвингъ изображаетъ личность Магомета, его характеръ, его ученіе, и дѣлаетъ очеркъ состоянія страны и народа, въ которыхъ онъ появился. Изъ этого изображенія ясно видно и естественное происхожденіе магометовой религіи, и развитіе мусульманскаго могущества, сообразное съ характеромъ самаго ученія и съ характеромъ народовъ, которые его приняли. И во-первыхъ—быль-ли Магометъ грубымъ обманщикомъ, какъ думаютъ о немъ нѣкоторые историки? Для разрѣшенія этого вопроса, Ирвингъ прежде всего спрашиваетъ: была-ли Магомету выгода обманывать, была-ли какая-нибудь надобность изобрѣтать религію? Подробный обзоръ фактовъ приводитъ къ отрицательному заключенію. Чего бы онъ могъ искать, стараясь привлечь къ себѣ поклонниковъ? Могъ бы онъ имѣть въ виду вещественныя выгоды, которыя дали бы ему средства жить пышно и безпечно:—но онъ и безъ того былъ очень богатъ. Имѣніе, пріобрѣтенное имъ женитьбою на Кидиджѣ, дѣлало его однимъ изъ богатѣйшихъ людей Мекки и давало возможность дѣлать большіе обороты. Но онъ выказалъ въ этомъ отношеніи большую умѣренность: онъ скоро вовсе отсталъ отъ торговли, чтобы вполне предаться своимъ таинственнымъ созерцаніямъ. Слѣдовательно, богатства онъ не искалъ. Онъ могъ увлекаться тщеславнымъ желаніемъ—заслужить общее уваженіе; но и этого не нужно ему было желать. По своему происхожденію изъ знаменитаго рода Корейшъ, по своему богатству, по умственнымъ и нравственнымъ своимъ качествамъ, онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ своихъ согражданъ. Одинъ изъ его историковъ, Абульфедъ, говоритъ, что Магометъ, по своей честности и прямотѣ, былъ извѣстенъ всѣмъ и даже получилъ прозвище—Аль-Аминъ—т.-е. вѣрный. Могъ онъ искать еще власти и могущества, но, въ такомъ случаѣ, онъ могъ избрать множество другихъ, болѣе легкихъ путей. Въ его родѣ преемственно переходилъ, уже нѣсколько поколѣній, санъ блюстителя Каабы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главенство надъ священнымъ городомъ; Магометъ могъ добиваться этого сана и, при своемъ богатствѣ, прекрасныхъ душевныхъ качествахъ и всеобщемъ уваженіи къ нему, безъ сомнѣнія, успѣлъ бы въ своихъ исканіяхъ. Но онъ пренебрегъ всѣмъ этимъ и избралъ другой путь. Могло быть, наконецъ, то, что Магометъ страдалъ ненасытнымъ честолюбіемъ и хотѣлъ непременно совершить что-нибудь громкое, необычайное, чтобы прославить свое имя во всемъ человѣчествѣ. Но и тутъ, еслибъ онъ былъ хитрый обманщикъ, то скоро бы оставилъ свое дѣло, видя начало совершенно неблагопріятное. У насъ въ учебникахъ говорится обыкновенно, что

ученіе Магомета *быстро* распространилось при посредствѣ огня и меча. Но на самомъ дѣлѣ происходило это не такъ быстро. Магометъ долженъ былъ вытерпѣть много испытаній, переносить порицанія, насмѣшки, отчужденіе ближнихъ и родныхъ, наконецъ гоненіе, пока ученіе его не стало торжествовать. Въ первое время послѣ того, какъ онъ объявилъ о своемъ призваніи преобразовать вѣру, ему нельзя было показаться на улицахъ Мекки: толпа бѣгала за нимъ съ бранью и грубыми насмѣшками, распѣвая злые пасквили, сложенные про него молодымъ поэтомъ Амру Ибпъ-эль-Аассомъ. Даже во время молитвы Магомета, въ Каабѣ, не давали ему покою, бросали въ него грязью, а одинъ разъ даже чуть не задушили его. Въ четыре года своей проповѣди онъ пріобрѣлъ только 15 явныхъ приверженцевъ: одиннадцать мужчинъ и четырехъ женщинъ; и тѣхъ на пятый годъ принужденъ былъ отправить въ Абиссинію, чтобы спасти отъ ярости своихъ враговъ. Противъ него самого вѣшаютъ въ Каабѣ приговоръ отчужденія, и въ продолженіе трехъ лѣтъ существуетъ запрещеніе входить въ какія бы то ни было сношенія съ нимъ и съ его приверженцами. Наконецъ, онъ принужденъ былъ спасать свою жизнь бѣгствомъ въ Медину, скрываясь на пути въ пещерахъ и пустыняхъ. Всѣ эти факты очень ясно говорятъ противъ мнѣнія о Магометѣ, какъ о безчестномъ обманщикѣ. «Зачѣмъ же онъ—замѣчаетъ Ирвингъ—сталъ бы стоять столько лѣтъ за свои обманы, которые у него отняли все земное, что у него было, и въ ту пору жизни, когда уже поздно было пріобрѣтать что-либо сызнова» (стр. 255).

Какъ доказательство шарлатанства въ Магометѣ, приводятъ обыкновенно его мнимыя чудеса. Но въ этомъ случаѣ наши историки оказываются дѣтски легковѣрными, несравненно легковѣрнѣе даже многихъ изъ поклонниковъ пророка. Невѣжественная часть его почитателей сложила про него преданія, изукрашенные всѣми чудесами восточной фантазіи. Противники его вѣры стали злостнымъ образомъ объяснять его чудеса, увѣряя, что онъ пріучалъ голубя клевать изъ своего уха, чтобы сказать народу, что это ангелъ прилеталъ къ нему; что онъ зарылъ тихонько въ землю горшки съ молокомъ и медомъ, чтобы потомъ всенародно вырыть ихъ, будто посланные небомъ, по его молитвѣ, и пр. Умнѣйшіе изъ мусульманскихъ писателей сдѣлали гораздо проще: они сказали, что всѣ эти чудеса,—позднѣйшія выдумки невѣжества, и что самъ Магометъ признавалъ одно только чудо—Коранъ. Это рѣшеніе мусульманскихъ писателей доказывается словами самого Магомета въ Коранѣ, приводимыми Ирвингомъ. «Какого вамъ нужно чуда больше, чѣмъ самъ Коранъ?—говоритъ Магометъ.—Книга откровеній, начертанная безграмотнымъ человѣкомъ, такая высота языка и неопровержимость доводовъ, что совокупное искусство людей и дьяволовъ не

могло бы написать ничего подобного! Чего же еще больше въ доказательство того, что дать Коранъ могъ одинъ только Богъ? Самъ Коранъ—уже чудо». Въ этихъ словахъ замѣчательно рѣзко выражается предпочтеніе, оказываемое Магометомъ внутреннимъ и нравственнымъ ручательствамъ дѣла предъ внѣшними, какъ бы посторонними признаками. Основываясь на такихъ свидѣтельствахъ и самого Магомета, и лучшихъ его послѣдователей, Ирвингъ имѣлъ полное право сказать положительно: «нѣтъ доказательствъ, чтобы Магометъ унижился до подобныхъ хитростей, подкрѣплялъ ими свое ученіе и утверждалъ притязаніе свое на апостольство. Онъ, кажется, вполне опирался на свой умъ и краснорѣчіе, а въ первую, еще шаткую эпоху своего поприща, поддержанъ былъ и религіознымъ одушевленіемъ» (стр. 59). Если же кто усомнился бы въ томъ, могли-ли сложиться преданія о подобныхъ чудесахъ сами собою, можно привести рассказы о множествѣ чудесъ, совершившихся, будто бы, при самомъ рожденіи и въ малолѣтство Магомета. Рассказываютъ, что мать его не страдала муками рожденія, что необыкновенное сіяніе явилось на небѣ въ самую минуту его рожденія, небо и земля колебались, озеро Сава потекло вспять, Тигръ вышелъ изъ береговъ, священный огонь Зороастровъ, хранившійся неугасимымъ уже болѣе тысячи лѣтъ, внезапно потухъ, и пр., и пр. Муль, на которомъ везли его, еще младенца, получилъ вдругъ даръ слова; когда онъ, еще мальчикомъ, легъ отдохнуть подъ скудной тѣнью засохшаго дерева, оно мгновенно покрылось свѣжей зеленью... Такихъ чудесныхъ рассказовъ необыкновенно много сохранилось въ преданіяхъ мусульманъ; суевѣрная толпа вѣритъ имъ, но болѣе умные послѣдователи умѣютъ смотрѣть на нихъ надлежащимъ образомъ.

Чѣмъ же объясняетъ Ирвингъ дѣятельность Магомета? Онъ очень просто считаетъ ее естественнымъ слѣдствіемъ его природныхъ склонностей, воспитанія, характера страны, въ которой онъ жилъ, — всѣхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложился его характеръ и взглядъ на вещи. Прѣсто, какъ умный человекъ, онъ понялъ нелѣпость сабеистическаго поклоненія звѣздамъ и идоламъ, и гебрскаго обожанія огненнаго начала, — двухъ вѣръ, которыя въ его время господствовали въ Аравіи. Затѣмъ, въ своихъ путешествіяхъ съ караванами, въ которыя пустился онъ съ 12-ти-лѣтняго возраста, сходилъ онъ съ людьми разныхъ вѣръ и, между прочимъ, съ евреями и христіанами, отъ которыхъ узналъ о принципѣ единобожія. Получивъ потомъ возможность жить независимо, не занимаясь дѣлами торговли, Магометъ предался размышленіямъ о предметахъ богопочитанія, часто удалялся въ пещеры, въ которыхъ проводилъ по нѣсколькимъ дней, изнурялъ себя постомъ, сосредоточивалъ духъ свой въ молитвѣ и, наконецъ, дошелъ до такого состоянія, въ которомъ ему начали мерещиться разныя видѣнія, слышатся голоса, и пр. Міръ соб-

ственной души принялъ для него такую осязательность, что онъ не могъ не приписать ему дѣйствительности явленій внѣшняго міра.

Все это вполнѣ естественно и тысячу разъ повторялось другими людьми, которые вовсе не хотѣли обманывать, а сами бывали обмануты галлюцинаціями собственнаго воображенія. Тѣмъ болѣе естественно это было въ Магометѣ, отличавшемся пылкостью чувствъ и воображенія даже предъ своими восточными соплеменниками. Точно такъ же весьма естественно фізіологически и то явленіе, что Магометъ всегда приходилъ въ нѣкоторый родъ изступленія предъ тѣмъ, какъ хотѣлъ высказать вновь открытую ему волю Божію. У него были припадки падучей болѣзни, при которыхъ нервное раздраженіе увеличивалось, и видѣнія представлялись ему яснѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ объяснялъ однажды своимъ приверженцамъ, что знаетъ о приближеніи откровенія по особенному звону, который слышитъ у себя въ ушахъ; а это есть одинъ изъ симптомовъ, обыкновенно означающихъ приближеніе припадка падучей болѣзни. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя не видѣть въ Магометѣ энтузіаста, одушевленнаго горячимъ негодованіемъ противъ идолопоклонства и старающагося обратить своихъ соплеменниковъ къ новой вѣрѣ, которая, послѣ его созерцанія, составила у него въ головѣ—отчасти изъ собственныхъ соображеній, отчасти же изъ вещей, узнанныхъ имъ отъ евреевъ и разныхъ христіанскихъ сектъ, существовавшихъ тогда въ Аравіи. Что онъ всѣ свои мысли выдавалъ за боговдохновенныя, это опять объясняется его мистическимъ самообольщеніемъ и вовсе не служитъ доказательствомъ того, что онъ былъ злонамѣренный обманщикъ.

Какимъ же образомъ вышелъ завоеватель изъ этого энтузіаста, искавшаго только распространенія своей вѣры? Какими силами придалъ онъ воинственность *номадамъ* Аравіи? Вотъ здѣсь-то особенно и видно ничтожество личности предъ общимъ ходомъ исторіи. Дѣло въ томъ, что онъ самъ былъ вызванъ на это своими послѣдователями. Принятый хорошо въ Мединѣ, онъ продолжалъ открыто проповѣдывать и пріобрѣталъ множество поклонниковъ между богомольцами, приходившими въ Медину. Въ числѣ ихъ было много молодыхъ, отважныхъ арабовъ, привыкшихъ къ хищничеству, постоянно упражнявшихся въ войнѣ и доселѣ не производившихъ значительныхъ завоеваній только потому, что не было общаго интереса, который бы связалъ ихъ въ одномъ дѣлѣ... Племена были разъединены и безпрестанно воевали одно съ другимъ: никто не думалъ обратить свое оружіе на служеніе какому-нибудь другому дѣлу, кромѣ племенной вражды. Эта племенная вражда выразилась и теперь, когда они соединились въ вѣрѣ Магометовой. Они вызвали его на мщеніе корейшанамъ, потомкамъ одного съ нимъ племени, но изъ другой отрасли, враждебной гашемидамъ. И первыя воинскія предпріятія мусульманъ обращены были, дѣйствительно, противъ

меккскихъ каравановъ, принадлежавшихъ корейшанамъ. Это былъ тотъ же степной разбой, къ какому давно привыкли арабы; но теперь Магометъ долженъ былъ узаконить его, сказавши, что Аллахъ послалъ его съ мечемъ въ рукахъ утвердить господство истинной вѣры, и что, поэтому, нападать на враговъ пророка есть дѣло похвальное. Долго всѣ предпріятія Магомета не выходили изъ предѣловъ этой племенной вражды, соединенной съ ревностью о распространеніи вѣры. Даже взятіе Мекки, предавшее въ руки его почти всю Аравію, было предпринято не безъ расчета уничтожить господство корейшанъ, въ рукахъ которыхъ находилось тогда храненіе Каабы. Но такова оболъстительная сила власти: чѣмъ Магометъ становился могущественнѣе, тѣмъ дальше простирались его замыслы, и, мало-по-малу, самая пропаганда вѣры принимаетъ у него завоевательный характеръ. Послѣ одной неудачной битвы (при Оходѣ), когда всѣ были поражены отчаяніемъ, Магометъ открылъ всѣмъ положеніе о предопредѣленіи, будто бы ниспосланное ему Богомъ въ это самое время. Извѣстно, какъ много задержало оно развитіе мусульманскаго Востока впослѣдствіи; но нельзя обвинять въ этомъ только Магомета. Мысль о предопредѣленіи, явившаяся въ головѣ Магомета со всей опредѣленностью, была вполнѣ естественна въ головѣ каждаго араба того времени, да и вообще всякаго восточнаго челоука, столь лѣниваго на дѣятельность мысли. На первый же разъ, пока продолжались завоеванія, она была очень полезна исламу. Ирвингъ замѣчаетъ, что ту же самую мысль о предопредѣленіи Наполеонъ старался внушать своимъ солдатамъ, и не безъ успѣха.

Такіе результаты извлекаются, между прочимъ, изъ данныхъ представленныхъ въ книгѣ Ирвинга. Она можетъ представить еще много подобныхъ фактовъ и соображеній; но мы не касаемся ихъ, потому что это могло бы далеко завести насъ. Мы хотѣли только сдѣлать нѣсколько указаній на тѣ стороны историческаго явленія, которыя особенно въ должномъ свѣтѣ представляются обыкновенно въ нашихъ курсахъ исторіи, не вѣрящихъ, какъ видно, возможности естественнаго объясненія историческихъ событій.

Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ материка, инженеръ-полковника Лебедева З. — *Sur l'application des chemins de fer à la défense du continent*, p. lieutenant-colonel du génie, P. Lébedeff З. Trad. par El. Tikhanovitsch (sœur de l'auteur). Спб. 1857.

Какое торжество братской любви, или лучше сказать, сестринскаго самоотверженія! А вмѣстѣ съ тѣмъ—какое неопровержимое доказательство той

истины, что наука вошла уже у насъ въ общественное сознаніе, проникла въ армію, въ гостиныя, въ будуары къ дамамъ, у которыхъ братья служатъ инженерными полковниками! Только въ литературу не проникла еще, къ несчастью, наука, особенно математическая. О, въ этой наукѣ самые ученые литераторы, знающіе все, что есть на свѣтѣ, и даже все, что было въ древнемъ мірѣ, и тѣ оказываются полнѣйшими невѣждами. Недавно вся русская литература позорно признавалась, въ лицѣ своихъ критиковъ и фельетонистовъ, что она «не можетъ смѣть свое сужденіе имѣть» о статьѣ г. Коркина о какихъ-то функціяхъ. Ужъ какъ же за то и посмѣялись надъ ея безсиліемъ ученые спеціалисты! Теперь готовится имъ новое торжество: скоро вы услышите, что русская литература откажется свое сужденіе имѣть о книгѣ, переведенной съ русскаго на французскій языкъ, для назиданія Европы, г-жею Тихановичъ, *sœur de l'auteur*. Я первый начинаю такое признаніе и торжественно увѣряю васъ, что ничего не смыслу въ книгѣ, переведенной сестрою ея автора... Что прикажете дѣлать? Пришлось предъ женщиною стыдиться своего невѣжества! Я воображаю, какъ должно быть пріятно сестрѣ автора понимать таинственныя предназначенія своего брата! И какъ должно быть пріятно автору имѣть сестру, которая ему сочувствуетъ и пропагандируетъ на обще-европейскомъ языкѣ его идеи, которыя онъ, — вѣроятно, изъ ложнаго патріотизма, — изложилъ по-русски! Да, сестра съ авторомъ и братъ съ переводчицей должны быть довольны другъ другомъ! Но мнѣ отъ этого не легче: я очень недоволенъ тѣмъ, что не могу до тонкости понимать всѣхъ красотъ и всѣхъ выгодъ изобрѣтенія, сдѣланнаго авторомъ книги, переведенной его сестрою. Предо мною два столбца — русскій и французскій; слова, кажется, извѣстны почти всѣ, а о неизвѣстныхъ во французскомъ лексиконѣ можно справиться; а не могу войти во вкусъ изобрѣтенія, сдѣланнаго братомъ переводчицы книги г. Лебедева Э. Я, къ сожалѣнію, могу восхищаться только главной идеей автора *en bloc*, не дерзая входить въ подробности. Идея эта высказана въ предисловіи: авторъ желаетъ гоняться за кораблями на сухомъ пути. Его возмущаетъ пассивная роль, которую до сихъ поръ игралъ материкъ въ морскихъ войнахъ. «Флотъ, — говоритъ онъ, — вредитъ матеріку на выстрѣль, послѣднему недоступный, и удаляется въ море; а матерікъ, хотя и можетъ нанести сильный вредъ своему врагу, но не иначе, какъ выждавъ его приближенія». Столь горестное положеніе материка возбуждаетъ сожалѣніе автора, и, вѣроятно, переводчицы его книги. Они задумали «уравнять силы двухъ противниковъ разныхъ стихій», т.-е. доставить возможность матеріку «вредить кораблямъ на выстрѣль, недоступный ему». Авторъ и переводчица сознаются, что это намѣреніе должно казаться химерою, *chimérique*. Но, говоритъ авторъ (и ученая сестра-переводчица повторяетъ за нимъ то же

самое по-французски), «для нашего вѣка, сбогащеннаго практическими приложеніями многихъ таившихся, такъ сказать, теорій, невозможности почти не существуетъ». И, какъ истинный представитель своего вѣка, г. Лебедевъ 3-й предлагаетъ обстроить всѣ морскіе берега желѣзными дорогами, съ которыхъ, по его мнѣнію, выстрѣлы будутъ легче достигать кораблей, чѣмъ съ обыкновенныхъ батарей. Я не знаю, такъ-ли это, но вѣрю г. Лебедеву 3-му, потому особенно, что ученая сестра его то же утверждаетъ по-французски. Я, въ своемъ невѣжествѣ, долженъ отказаться отъ разбора подробностей. Напримѣръ, я не понимаю устройства парка, который г. Лебедевъ считаетъ необходимымъ при желѣзной дорогѣ, и въ которомъ онъ помѣщаетъ канцелярію, офицерскіе покои, кузницу, конюшню, ледники и прочее. Можетъ быть, это все необходимо для того, чтобы выстрѣлы дальше хватили; но я никакъ не смѣю объ этомъ судить. Кромѣ этого, г. Лебедевъ говоритъ, что «не излишне было бы имѣть при паркѣ—огородъ, баню и пороховой погребъ». Еще бы! Это ужъ и я понимаю, что не излишне было бы. Не излишне было бы также имѣть тутъ оранжерею, кондитерскую, кафе-ресторанъ, бібліотеку для чтенія, театръ... Да что вы думаете? Великолѣпная идея! Я превзойду г. Лебедева въ изобрѣтательности. У меня вотъ какая мысль есть: крѣпости строить на желѣзныхъ дорогахъ! Невозможно себѣ представить, какія неисчислимыя выгоды произойдутъ отъ этого для блага человѣчества! Городъ построенъ на рельсахъ. Подходитъ непріятель, чтобы взять его; видитъ, что нѣтъ никакихъ приготовленій къ оборонѣ, и заранѣе радуется легкому успѣху. Вдругъ... фить... и крѣпость умчалась изъ виду по желѣзной дорогѣ... Непріятель остался одинъ, среди голой равнины. Отличная мысль! Я непременно изложу ее, съ планами, чертежами и выкладками, и издамъ непременно съ французскимъ переводомъ, если только у меня будетъ сестра, подобная по учености сестрѣ г. Лебедева 3-го. А до тѣхъ поръ я сдѣлаю опытъ осуществленія моей идеи въ малыхъ размѣрахъ. Опытъ этотъ будетъ состоятъ вотъ въ чемъ: лѣтомъ, живя на дачѣ, я всегда страдаю отъ комаровъ и мошекъ: невозможно въ садѣ выйти,—такъ и облѣпять. При защитѣ отъ нихъ я, разумѣется, играю въ высшей степени пассивную роль. И это мнѣ столь же непріятно, какъ г. Лебедеву 3-му безсиліе материка передъ флотомъ. Силы наши, разумѣется, неравны: комаръ можетъ укусить меня, и потомъ улетѣть, а я летать за нимъ не могу. Доселѣ я безмолвно покорялся своей участи, отмахиваясь, по возможности, отъ своихъ враговъ, находящихся совершенно въ другой стихіи. Но теперь изобрѣтеніе г. Лебедева внушило мнѣ преполезную мысль: воспользоваться желѣзными дорогами для защиты отъ комаровъ. Въ слѣдующемъ же году вокругъ своей дачи и внутри ея—по всѣмъ дорожкамъ садика—проведу рельсы и заведу маленькіе локомотивы и вагоны. Какъ только увижу, что

летитъ комаръ, брошусь въ вагонъ и мгновенно удеру отъ него. Если же онъ захочетъ преслѣдовать, то я самъ начну наступательныя движенія и буду гоняться за комарами въ открытомъ вагонѣ, размахивая по нимъ какой-нибудь дубовой вѣткой. Вы увидите, какъ это будетъ полезно. Осенью же издамъ непременно книжку: «Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ дачниковъ отъ комаровъ».

Физиологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни. Сочиненіе заслуженнаго профессора В. Берви. Казань. 1858.

Продолженіе жизни мало интересуется г. заслуженнаго профессора Берви; заботу о продолженіи жизни онъ считаетъ даже матеріальнымъ направлениемъ, ведущимъ къ грубову сенсуализму. Чтобы стать отъ матеріи сколько возможно далѣе и чтобы, по его выраженію, «содѣйствовать по силѣ возможности» отвлеченію человѣка отъ заботъ о настоящей жизни, г. заслуженный профессоръ Берви бросаетъ физиологическо-психологическій взглядъ на человѣка—до его рожденія и послѣ его смерти, т.-е., говоря поэтически,

„Конецъ съ началомъ сопрягаетъ
И смертію животь дарить“...

Психологическія идеи г. Берви относятся болѣе къ младенцу, находящемуся въ утробѣ матери, а физиологическія изслѣдованія—къ мертвому трупу, въ которомъ уже прекратились всѣ физиологическія отправленія. Въ трупѣ этомъ г. Берви уловляетъ нѣкій духъ и подвергаетъ его физиологическимъ соображеніямъ, не подозревая того, что духъ, отдѣляющійся при гніеніи трупа, подлежитъ уже не физиологіи, а химіи. Для всякаго другого, смѣшать химію съ физиологіей въ наше время довольно трудно; но для г. Берви это было легко, потому что онъ не хочетъ принадлежать нашему времени и всячески хлопочетъ о томъ, нельзя-ли какъ-нибудь уничтожить, убить его, наше-то время. Съ такою цѣлію издалъ онъ свой физиологическо-психологическій взглядъ, въ которомъ выражаетъ, между прочимъ, свое неудовольствіе на то, что всѣ естественныя науки обратились къ матеріальнымъ изслѣдованіямъ, полезнымъ для настоящей жизни. Такое направленіе естественныхъ наукъ для г. Берви пуще ножа востраго. Изъ-за естественныхъ наукъ онъ негодуетъ на все наше время, и, прочитавъ его брошюру, мы вполне понимаемъ причину негодованія г. заслуженнаго профессора и даже сочувствуемъ ему въ его печальномъ положеніи, хотя, къ сожалѣнію, пособить его горю ничѣмъ не можемъ. Въ самомъ

дѣлѣ, каждая страница фізіологическо-психологическаго взгляда г. Берви доказываетъ, что онъ изучалъ естественныя науки когда-то давнымъ-давно, въ отдаленныя времена, когда Шубертъ и Эшенмайеръ царили въ области антропологіи, а можетъ быть, и еще раньше, въ тѣ историческія времена, когда еще и Лавуазье не было. Кажется, мы немного погрѣшили бы, если бы даже отнесли время образованія г. Берви къ среднимъ вѣкамъ, судя по тому, что онъ, для подтвержденія своихъ мнѣній, приводитъ латинскія цитаты изъ Бэкона, Сенеки, Цицерона и даже (кажется, въ объясненіе всей своей брошюры) латинскую пословицу: «Errare humanum est», что, какъ извѣстно, означаетъ: человѣку свойственно ошибаться. Изслѣдованія новѣйшихъ натуралистовъ совершенно неизвѣстны г. Берви. Болѣе всего основывается онъ на авторитетѣ Плинія; изрѣдка указываетъ на Блуменбаха, на Бугенвиля, а изъ новыхъ знаетъ только «своего ученаго сотрудника, П. А. Пелля, осязательно доказавшаго, какъ обманчивы всѣ выводы, долженствовавшіе доказать превращеніе овса въ рожь» (стр. 61). Мудрено-ли же, что, при такомъ состояніи своихъ познаній, г. Берви крайне недоволенъ нашимъ временемъ, въ которое естественныя науки сдѣлали такой огромный шагъ впередъ, примиривши философскія разсужденія о силахъ природы съ результатами опытныхъ изслѣдованій надъ матеріею. Нынѣ въ естественныхъ наукахъ усвоенъ положительный методъ, всѣ выводы основываются на опытныхъ, фактическихъ знаніяхъ, а не на мечтательныхъ теоріяхъ, когда-то и кѣмъ-то составленныхъ на обумъ, и не на темныхъ гаданіяхъ, которыми въ старыя времена довольствовалось невѣжество и полужнаніе. Нынѣ уже не признаются старинныя авторитеты, предъ которыми благоговѣетъ г. Берви, да и вообще авторитеты въ дѣлѣ научныхъ изслѣдованій не имѣютъ большого значенія. Молодые люди нынѣ не только парацельсовскія мечтанія называютъ, не обвиняясь, вздоромъ, но даже находятъ заблужденія у Либиха, о которомъ г. Берви, кажется, и не слыхивалъ, читаютъ Молешотта, Дюбуа-Ремона и Фохта, да и тѣмъ еще не вѣрятъ на слово, а стараются провѣрять и даже дополнять ихъ собственными соображеніями. Нынѣшніе молодые люди, если ужъ занимаются естественными науками, то соединяютъ съ этимъ и философію природы, въ которой, опять, слѣдуетъ не Платону, не Окену, даже не Шеллингу, а лучшимъ, наиболѣе смѣлымъ и практическимъ изъ учениковъ Гегеля. Какъ же на все это не сердиться г. Берви, когда онъ въ философіи остановился на Фихте, котораго, впрочемъ, не понимаетъ и котораго ученіе (какъ самъ г. Берви сознается на стр. 13) «представляется ему въ какой-то туманной отдаленности». Какъ не сердиться ему на наше время, когда успѣхи естественныхъ наукъ совершенно уничтожаютъ его средневѣковыя теоріи и дѣлаютъ его смѣшнымъ не только въ глазахъ спеціалиста, слѣдящаго за

успѣхами положительныхъ знаній, но даже и въ глазахъ всякаго образованнаго человѣка, родившагося немножко позже Лавуазье и Фихте. Г. Берви не любитъ нашего времени за то, что оно пережило его. Но время-ли въ томъ виновато? Кто же велѣлъ отставать? А если не хватило силъ для продолженія пути, то зачѣмъ оставаться на дорогѣ, понапрасну мѣшая другимъ? Не можетъ же ходъ времени и знаній остановиться и дожидаться одного изъ адептовъ науки, хотя бы этотъ адептъ былъ и профессоромъ... Да, отсталъ, сильно отсталъ отъ науки г. заслуженный профессоръ Берви, и, право, намъ отъ души жаль его. Намъ всегда внушали грустное чувство—и запоздавшія осенью птички, не успѣвшія отлетѣть въ теплыя страны, и возъ, отставшій отъ обоза и уныло подвигающійся одинъ среди пустынной дороги, и цыпленочекъ, который, заглядѣвшись по сторонамъ, не поспѣлъ, вмѣстѣ съ другими, за матерью, и потомъ мечется, какъ угорѣлый, отыскивая ее тамъ, гдѣ она была за минуту передъ тѣмъ, но гдѣ теперь, увы! ужъ нѣтъ ея, нѣтъ ея!.. Подобно симъ отставшимъ существамъ, внушилъ намъ грустное чувство и г. Берви, стоящій, по выраженію поэта, на распутіи живыхъ.

„Какъ будто памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ“...

Изъ сожалѣнія къ г. Берви, мы хотѣли было вовсе умолчать о немъ и его фізіологическо-психологическомъ взглядѣ, но, послѣ прочтенія брошюры и краткаго размышленія, мы убѣдились, что наше сожалѣніе къ г. Берви совершенно напрасно. Мы увидѣли, что почтенный авторъ «Взгляда» стоитъ на той степени самодовольствія, которая вызываетъ не состраданіе, а чувство всѣмъ другого рода. Онъ не сознается въ своей отсталости, не старается даже понять то, что выработано новыми ислѣдователями, не хочетъ догонять опередившихъ его, а—что бы вы думали?—силится остановить тѣхъ, которые мимо г. Берви идутъ по той же дорогѣ знанія. Онъ говоритъ, что естественныя науки занимаютъ теперь не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, что онѣ идутъ ложнымъ путемъ, иначе сказать—онъ отвергаетъ значеніе тѣхъ результатовъ, которые добыты положительными изслѣдованіями новаго времени. Что же это за задачи, которыя, по мнѣнію г. Берви, предстоятъ наукамъ и отъ которыхъ онѣ уклонились? Задачи эти весьма замысловаты, и если бы онѣ не были исчерпаны въ среднихъ вѣкахъ, то изобрѣтеніе ихъ сдѣлало бы честь даже сообразительности Кифы Мокіевича. Видите: психологія должна стремиться къ опредѣленію разницы между жизненнымъ началомъ и душою въ человѣкѣ; фізіологія должна заниматься изслѣдованіемъ жизненныхъ процессовъ въ мертвомъ трупѣ; физика должна отыскать силу, отдѣльную отъ матеріи, и матерію, свободную отъ вліянія силы; химія должна, подвергая своему анализу тѣла, отыски-

вать въ нихъ что-нибудь сверхъ-чувственное. Вообще, перемѣшивая науки естественныя съ нравственными, г. Берви налагаетъ на натуралистовъ такое обязательство, какого никому, кромѣ средневѣковыхъ алхимиковъ, и въ голову не приходило. Онъ хочетъ, чтобы физическія изслѣдованія имѣли въ виду не познаніе измѣненій и дѣйствій матеріи, а отысканіе въ матеріи — духа, архея, ээира, жизненной силы, словомъ чего-нибудь, только чтобы это «что-нибудь» не было положительнымъ, матеріальнымъ, а было что-нибудь «чувствамъ недоступное». Требованіе, разумѣется, нелѣпое; но для г. Берви оно очень хорошо, потому что такимъ манеромъ онъ думаетъ прикрыть свое незнаніе. «Не потому, дескать, я новѣйшихъ изслѣдованій не привожу, что я не знаю ихъ, а потому, что я ихъ отвергаю, какъ вредныя и нечестивыя, ведущія къ грубому сенсуализму. Не потому, старыхъ понятій держусь, что до новыхъ не дошелъ, а потому, что новыя не заключаютъ въ себѣ стремленія къ сверхъ-чувственному». А когда такъ, то уже нечего и жалѣть о положеніи отставшаго, но самодовольнаго путника, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же задираетъ тѣхъ, которые стараются идти впередъ, и ругается надъ ними. Мы болѣе не хотимъ укрывать г. Берви и выставяемъ его забавлять почтеннѣйшую публику своими мистически-алхимическими взглядами, которые въ средніе вѣка, можетъ быть, показались бы схоластическою мудростью (*sapientia scholastica*), но нынѣ могутъ быть приняты не иначе, какъ за балаганное фиглярство. Будемъ открывать наудачу разныя страницы; все равно — на каждой есть какая-нибудь курьезная штука.

Вотъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ изслѣдованія (стр. 6—7), вы находите сравненіе рожденія съ смертію, въ такомъ смыслѣ: до рожденія младенца, мать его страдаетъ; послѣ рожденія — радуется. Такъ точно, послѣ смерти человѣка родные и друзья его плачутъ и страдаютъ. Что изъ этого? Слушайте:

„Это терзаніе, эта тоска, волнующія нашу грудь, ведутъ насъ къ успокоительному убѣжденію въ безсмертіи: подобно тому, какъ родовыя потуги, предшествуя родамъ, предвѣщаютъ радостное появленіе на свѣтъ новаго чловѣка“ (стр. 7).

Не правда-ли, какъ ловко умѣетъ г. Берви обращаться съ своимъ предметомъ? Онъ беретъ доказывать предметъ, о которомъ между образованными людьми давно уже не существуетъ никакихъ сомнѣній, но несмотря на всю легкость задачи, шутовскимъ сравненіемъ умѣетъ обратить въ смѣхъ самый предметъ. Это даже лучше того остроумца, который доказывалъ, что умноженіе чиновниковъ предвѣщаетъ скорое просвѣщеніе государства, дѣлая такое сравненіе: заря *занимается* на небѣ предъ восхожденіемъ солнца, все освѣщающаго; такъ чиновникъ *занимается* въ департаментѣ предъ распространеніемъ просвѣщенія во всемъ государствѣ.

А вотъ какъ г. Берви компрометируетъ популярность изложенія. На стр. 9, онъ говоритъ слѣдующее:

„Кто взглянетъ на трупъ человѣка или на застрѣленнаго зайца, или на зарѣзанную курицу, не останавливаясь скажетъ, что это суть тѣла мертвыя. Почему? потому, что они перестали жить, лишились жизни. Слѣдовательно, смерть лишаетъ животное жизни, и мертвое тѣло есть отрицаніе живого, или нѣчто противоположное живому тѣлу“.

Повидимому, какъ намъ кажется, можно такъ думать, что г. Берви, почтенный г. В. Берви, г. заслуженный профессоръ В. Берви полагаетъ, даже имѣетъ убѣжденіе и твердую увѣренность въ томъ, что популярность, простота изложенія, общепонятность представленія вещей или предметовъ состоитъ въ томъ, не въ другомъ чемъ заключается, какъ въ томъ, чтобы повторять нѣсколько разъ, много разъ повторять, переворачивать на разные лады простыя истины, самыя простыя положенія, всѣмъ понятныя вещи, предметы ни въ комъ не возбуждающіе недоумѣнія. Почтенный г. В. Берви, авторъ «Физиологическо-психологическаго взгляда», г. В. Берви—нисколько, повидимому, не сомнѣвается, что многократное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ въ разныхъ видахъ составляетъ популярность изложенія.

Къ сожалѣнію, почтенный авторъ не всегда держится такой популярности: почти на каждой страницѣ попадаются у него длинныя періоды, непроницаемыя для человѣческаго разумѣнія и даже лишенные логическаго, а иногда и грамматическаго смысла. Напр., на стр. 16 есть такой періодъ:

„Если впечатлѣнія, полученныя посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, насъ не ведутъ къ познанію внѣшняго міра, такъ что мы не можемъ увѣриться въ нашемъ духовномъ бытіи, которое безъ содѣйствія своего тѣла лишено самаго необходимаго условія всѣхъ духовныхъ дѣятельностей въ семь мірѣ“.

Точка, читатели, точка. Чего вы еще ждете? Неужели вамъ мало того, что насаждалъ вамъ г. Берви въ этой первой половинѣ недосказаннаго условнаго періода? Если и тутъ уже нашлось «духовное бытіе съ своимъ тѣломъ», то что же нашлось бы еще, если бы это «если» было приведено къ желанному концу!

Если вы перевернете два листа, то найдете на стр. 21 еще вотъ какой періодъ:

„Подобно духу человѣческому, одаренному свободною волею; жизненное начало проявляется въ творящихъ качествахъ самостоятельнымъ бытіемъ, превращающимъ въ кругъ дѣйствія онаго поступившія вещества, соответственно своей цѣли, не подчиняясь общимъ законамъ физики и химіи, которыя минераль отклонять не можетъ“.

Не мы это сочинили; увѣряемъ, что не мы. Мы даже ничего не прибавили, ничего не убавили въ словахъ г. Берви; даже правописаніе его мы сохранили.

За то г. Берви очень остроумно умѣетъ смѣяться надъ скептиками, или, по его выраженію, nihilist'ами. «Позволяю себѣ думать,—ядовито замѣчаетъ онъ,—что nihilist'ы, будучи укушены собакою въ ногу (замѣчаете-ли здѣсь тонкое выраженіе презрѣнія?), или обрѣзавши себѣ палецъ, не примутъ боль, отъ этого происходящую, за призракъ» (стр. 14). Чрезвычайно остроумно и ядовито! Всѣмъ nihilist'амъ должно быть очень совѣстно, послѣ издѣвокъ г. Берви. Жаль только, что ядовитыя издѣвки сіи повторяются чуть-ли не со временъ Сократа, а на русскомъ языкѣ напечатаны въ первый разъ, кажется, въ Письмовникѣ Курганова.

Г. заслуженному профессору Берви не должно казаться обиднымъ, что мы отнимаемъ у него честь изобрѣтенія остроты надъ скептиками. У него остается много изобрѣтеній, лично ему принадлежащихъ, и чтобы угодить г. Берви, мы готовы передать нѣкоторыя, наиболѣе любопытныя изъ нихъ, нашимъ читателямъ.

На стр. 60, г. Берви говоритъ, что зародышъ въ утробѣ, лишенный познанія внѣшняго міра, занимается *самосознаніемъ*, или,—какъ выражается почтенный профессоръ, съ свойственной ему популярностью,—«погруженъ въ субъективную ночь самосознанія».

На стр. 36, г. Берви говоритъ, что «человѣкъ, какъ тѣло природы, не можетъ уклониться отъ законовъ оной». На страницѣ же 37-й, прибавляетъ: «но, какъ недѣлимое, онъ преслѣдуетъ свою собственную цѣль и *измѣняетъ всеобщіе законы природы*».

Любопытно бы узнать отъ г. Берви, какіе это *всеобщіе законы* природы, которые человѣкъ, какъ недѣлимое, измѣняетъ по своей волѣ?.. Впрочемъ, на стр. 25 находимъ положеніе, еще болѣе возвышающее надъ природою уже не только одного человѣка, но и всѣхъ животныхъ. Г. Берви утверждаетъ, что животныя живутъ внѣ условій пространства,—или приведемъ лучше собственные слова г. Берви:—«духъ міра въ сихъ тѣлахъ (животныхъ) проявляется дѣйствіями во времени, не стѣсняемыми предѣлами пространства».

Изображая материнскую попечительность природы о животныхъ, почтенный профессоръ указываетъ, между прочимъ, на стр. 26, цѣль, для чего животныя чувствуютъ голодъ и жажду. «Дабы животное вѣдало о своихъ потребностяхъ,—говоритъ онъ,—оно побуждается къ удовлетворенію ихъ чувствомъ голода, холода, жажды, и т. д.».

Впрочемъ, такая, доведенная до крайности, телеологія иногда приводитъ автора къ заключеніямъ, которыя не могутъ быть названы удачными. Къ числу такихъ неудачныхъ выводовъ относимъ мы высказанную на 24 стр. мысль, что «часть равна своему цѣлому». Г. Берви говоритъ, что

«вныя произведенія природы суть чистѣйшіе представители матеріи», и затѣмъ продолжаетъ:

„Эти произведенія не имѣютъ собственнаго значенія, ниже собственнаго центра, почему всякая часть оныхъ по своему значенію *равна цѣлому*. Сюда относятся тѣла, составляющія въ совокупности своей природу, такъ-называемую, мертвую: минералы, соли, воды, и т. п.“.

Повторяемъ: это напечатано, слово въ слово, на 23—24 страницахъ брошюрки г. заслуженнаго профессора В. Берви: «Физиологическо-психологическій взглядъ на начало и конецъ жизни». Намъ могутъ сказать, что г. Берви разумѣлъ тутъ что-нибудь другое, а не величину, и что слова: «по своему значенію» измѣняютъ дѣло въ его пользу. Но мы спрашиваемъ васъ и г. Берви: чѣмъ же опредѣляется значеніе одинаковыхъ по составу неорганическихъ предметовъ, какъ не величиной? На чемъ, кромѣ величины, можете вы основать свое сужденіе о значеніи двухъ кусковъ чистаго серебра различнаго вѣса, двухъ глыбъ одинаковаго гранита, мрамора, и т. п.? Нѣтъ, какъ ни смягчайте дѣло, а положеніе, что г. Берви считаетъ части нѣкоторыхъ тѣлъ равными своему цѣлому, остается во всей силѣ.

Скажутъ: не можетъ быть, чтобъ г. Берви не зналъ аксіомы, что часть всегда меньше своего цѣлаго. Нѣтъ, можетъ быть. У насъ есть на это аналогическое доказательство, очень убѣдительное. Вотъ что говоритъ г. Берви на стр. 50: «я полагаю, что у меня есть сердце, легкія, печень и т. д. Это есть умозаключеніе, на аналогіи основанное, *точно такъ, какъ я полагаю*, что Юпитеръ и Сатурнъ суть тѣла, подобныя нашей землѣ и имѣющія, подобно ей, своихъ обитателей». Видите, еслибъ мы вамъ сказали: г. Берви не знаетъ даже того, есть-ли у него сердце и легкія, вы бы не повѣрили. Но надѣмся—теперь вы повѣрите, когда мы приведемъ его собственные слова. Онъ высказываетъ самъ, что не знаетъ навѣрное, есть-ли или нѣтъ у него сердце; *я полагаю*,—говоритъ онъ,—что есть, *точно такъ, какъ я полагаю*, что есть на Сатурнѣ жители... А вѣдь можетъ быть, что ихъ и нѣтъ... Это простая аналогія.

Такъ разсуждаетъ г. Берви, и мы ничего не прибавили отъ себя къ его мыслямъ. Можете справиться сами, если не вѣрите: за тѣмъ мы и страницы вездѣ выставляли, приводя мнѣнія г. Берви.

Не правда-ли, что все это крайне забавно, и что приведенныя мнѣнія г. Берви одни были бы достаточны для того, чтобъ избавить критику отъ труда возиться съ его сочиненіемъ? Читатели, вѣроятно, давно уже дивятся, зачѣмъ мы хлопочемъ долго, выбирая разныя диковинки изъ книжки г. Берви, когда довольно бы было въ пяти строкахъ предать ее на общее посмѣяніе. Чтобы показать причину нашего вниманія къ г. Берви, мы приведемъ еще выписку, уже послѣднюю, и она, конечно, пока-

жетъ читателямъ, что тутъ одного смѣха не довольно, что дѣло г. Берви даже вовсе не забавно. На стр. 4-й онъ говоритъ: «я пускаю въ свѣтъ то, что ежегодно преподаю моимъ слушателямъ», и прибавляетъ: «слушатели мои—юноши, и, какъ таковые, воспримчивы ко всему высокому, идеальному». Вотъ гдѣ серьезная-то и плачевная сторона вопроса. Пусть бы г. Берви мечталъ, о чемъ ему угодно, пусть бы онъ проклиналъ современное развитіе естественныхъ наукъ, сомнѣвался въ существованіи у себя сердца и легкихъ, и въ то же время вѣрилъ, что часть равна своему цѣлому и что животное ѣсть хочетъ собственно для того, дабы вѣдать о своихъ потребностяхъ. Но вѣдь все это онъ преподаетъ своимъ юнымъ слушателямъ: вотъ въ чемъ бѣда. И, по всей вѣроятности, преподаетъ-то онъ имъ что-нибудь еще похуже; потому что, издавая въ свѣтъ свои лекціи, каждый профессоръ непременно старается обдѣлать ихъ получше. Да и кромѣ того, лекція г. Берви доказываетъ, что она составлена какъ будто на-показъ: крайне щеголевато и съ избыткомъ учености, совершенно ненужной и, правду сказать, крайне дешевой. Тутъ идетъ рѣчь и о Сципіонѣ, и о Регулѣ, и о Людовикѣ XIV, и о Наполеонѣ, и о созвѣздіи Вола, и о плодородіи крысъ, и о щукѣ, пойманной въ 1497 г., и о трудолюбіи пчель, и о дикихъ сибирскихъ лисицахъ, и пр., и пр. Тутъ приводятся стихи Вольтера и Гёте, говорится, что планету Нептунъ слѣдовало бы назвать Ньютономъ, что арабскія лошади превосходны, что Сѣверо-Американскіе Штаты суть ужасное зло въ человѣчествѣ, и т. п. Позаботившись о томъ, чтобы вставить въ свои лекціи подобныя, не относящіеся къ дѣлу, разсужденія, г. Берви позаботился бы, конечно, еслибъ могъ, и о правильности своихъ научныхъ понятій, и о логичности выводовъ, или, по крайней мѣрѣ,—о толковости изложенія. А то вѣдь, въ самомъ дѣлѣ,—предположимъ даже, на примѣръ, что г. Берви и знаетъ о томъ, что часть всегда меньше своего цѣлаго (предположеніе смѣлое и сдѣланное совершенно a priori, безъ всякихъ фактическихъ основаній; но предположимъ, въ уваженіе профессорскаго званія г. Берви): легче-ли оттого его слушателямъ, если онъ съ ними такъ объясняется, какъ написана вся его брошюра? Можно думать, что нисколько не легче. И вотъ кого надобно отъ души пожалѣть въ этомъ случаѣ, а не самого г. Берви. Онъ уже потому не заслуживаетъ сожалѣнія, что, несмотря на свою отсталость въ наукѣ и невѣроятные проступки противъ здраваго смысла, обладаетъ невозмутимымъ самодовольствіемъ. Но эти «воспримчивые юноши», находящіеся подъ его руководствомъ, вполне достойны сожалѣнія всякаго образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что они, во что бы то ни стало, непременно обязаны слушать г. В. Берви, какъ своего профессора.

Атила и Русь IV и V вѣка. Сводъ историческихъ и народныхъ преданій. А. Вельмана. Москва. 1858.

Великій споръ о народно-славянскомъ воззрѣніи, еще недавно возобновленный въ «Русской Бесѣдѣ» г. Кривошапкинымъ изъ Енисейска, приходитъ, кажется, къ концу. Г. Вельманъ, давно извѣстный русской публикѣ игривостью своего воображенія, избрѣлъ средство примирить славянъ съ человѣчествомъ и славянофиловъ съ западниками. Средство, придуманное имъ, чрезвычайно просто. Давно уже западники говорили, что славяне—люди и что, слѣдовательно, ничто человѣческое имъ не чуждо; но противники ихъ справедливо утверждали, что мысль эта есть ни что иное, какъ переводъ извѣстной латинской пословицы, и что, слѣдовательно, она, какъ родившаяся не на русской почвѣ, ничего не можетъ доказывать. Теперь г. Вельманъ, въ видахъ пользы славянофиловъ, беретъ давно высказанное, общечеловѣческое понятіе навыворотъ, т.-е. говоритъ: всѣ люди славяне, и, слѣдовательно, ничто славянское имъ не чуждо. Такимъ всеобъемлющимъ панславизмомъ доказывается совершенное тождество людей со славянами и, слѣдовательно, тождество славянскаго воззрѣнія съ общечеловѣческимъ. Затѣмъ, споръ долженъ уже прекратиться, по крайней мѣрѣ со стороны «Русской Бесѣды», которая должна остаться совершенно довольною изслѣдованіями г. Вельмана, такъ какъ его тенденціи, свойства его учености, самые приемы его весьма близко подходятъ къ славянофильскимъ требованіямъ. Тенденція г. Вельмана заключается именно въ безпредѣльномъ панславизмѣ. Въ силу такой тенденціи онъ утверждаетъ, что если теперь не всѣ люди представляются славянами, такъ это только кажется, а въ самомъ-то дѣлѣ всѣ—славяне или, по крайней мѣрѣ, были славянами въ мифологическія времена. Мифологическія времена славянской исторіи были, по мнѣнію г. Вельмана, до потопа; послѣ же потопа начинаются историческія сказанія, которыя для нашего панслависта представляются въ совершенной ясности. Въ третьемъ и четвертомъ столѣтіи по Р. Х.; русскіе князья представляются уже у г. Вельмана въ стройной генеалогической таблицѣ. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. описывается очень подробно война славянъ съ готами-даціянами. За 500 лѣтъ до Р. Х. славянскія государства уже имѣютъ свою исторію: меланхлены, скифы и кинокефалы, о которыхъ говоритъ Геродотъ,—были славяне. Даже за 1000 лѣтъ до Р. Х. славяне существовали въ Европѣ, и именно—жили при Днѣпрѣ (Атт., стр. 89). Мало того древній Иракль, иначе Арей, есть ни что иное, какъ древне-русскій Яро или Юрій (стр. 21 и 209). А вѣдь извѣстно, что Гераклъ былъ сынъ самаго Зевса и жилъ лѣтъ за 1300 до Р. Х. Но даже и этого недостаточно: г. Вельманъ намекаетъ

на еще болѣе отдаленную древность, говоря, что славяне жили въ Даниі прежде датчанъ, которые, по инымъ сказаніямъ, пришли сюда изъ Азіи, во времена Серуха, прадѣда Авраамова, т.-е. лѣтъ за 2500 до Р. Х. (стр. 61). Словомъ, если еще подлежитъ сомнѣнію, былъ-ли славяниномъ Ной, то одинъ изъ сыновей его навѣрное былъ уже славянинъ. Заключение для славянъ чрезвычайно лестное. Можно надѣяться, что послѣдующія розысканія г. Вельтмана, совокупно съ трудами г. Черткова, Егора Классена и барона Розена, въ самомъ непродолжительномъ времени, утвердятъ такой блистательный выводъ на основаніяхъ незыблемыхъ.

Свойства и приемы учености г. Вельтмана могутъ быть раздѣлены на общіе и частныя, собственно-филологическіе. Общія приемы относятся всего болѣе къ критикѣ источниковъ. Всѣ почти свѣдѣнія о гуннахъ, признаются г. Вельтманъ, почерпаются изъ Приска, Амміана, Иорнанда и народныхъ преданій. Но Амміанъ не понимаетъ происхожденія гунновъ, Иорнандъ пристрастенъ къ готамъ, а Прискъ, хотя и правдивъ, но считаетъ Аттилу варваромъ. Остаются народныя преданія, но и тѣ искажены, и, слѣдовательно,—нужно ихъ очистить и возстановить посредствомъ «сочувственнаго настроенія». Лучшее сочиненіе объ Аттилѣ принадлежитъ Тьерри; но Тьерри увлекся источниками и, притомъ, не имѣлъ «сочувственнаго настроенія», и потому тоже призналъ Аттилу не только гунномъ, но даже варваромъ. А между тѣмъ, это названіе греки дали ему просто изъ зависти, за то, что онъ крѣпко держался «народныхъ воззрѣній» и «не подчинялся эллинской премудрости» (стр. 7). Такимъ обращеніемъ съ источниками и обиліемъ «сочувственнаго настроенія» многіе изъ славянофиловъ должны быть очень довольны!

Филологическіе приемы г. Вельтмана основаны на слѣдующихъ, весьма простыхъ открытыхъ имъ законахъ языка.

1) При переходѣ словъ изъ одного языка въ другой, всякая гласная можетъ превращаться во всякую гласную.

2) Всякая согласная можетъ превращаться во всякую согласную.

3) Во всякомъ словѣ, согласно требованіямъ благозвучія, можетъ быть выпущена или прибавлена всякая, какъ гласная, такъ и согласная, буква, а равно и цѣлые слоги.

NB. Нерѣдко также гласныя превращаются въ согласныя, и наоборотъ.

Какъ видите, филологическая система—весьма простая, и г. Вельтманъ пользуется ею неумолимо и дѣлаетъ открытія, въ самомъ дѣлѣ блестящія. Напримѣръ, вотъ хоть бы гунны—кто бы это были, по вашему? По-латыни они пишутся *Guni* и *Huni*; теперь можете догадаться? Нѣтъ? Такъ г. Вельтманъ еще приближаетъ ихъ къ русскому: *Chuni*. Все еще не отгадываете? Ну, авторъ «Аттилы» даетъ имъ еще болѣе русской видъ: *Chueni*

(стр. 89). Неужели и теперь не знаете? Это ужъ, кажется, такъ чисто по-русски, что чище быть нельзя; только напишите это самое русскими буквами—что выйдетъ? Г. Вельтманъ увѣряетъ, что выйдетъ; *кыяне*, то есть кіевляне, обитатели города Кіева. Вотъ вамъ и отгадка. Къ чему она ведетъ, вы вполнѣ постигнете только тогда, когда прочтете VI главу изслѣдованія г. Вельмана, называющуюся такъ: «Аттила, великій князь Кіевскій и всея Руси самодержецъ» (стр. 129). Съ помощію своей филологической системы, авторъ рассказываетъ, что въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. были: «Великая Русь» (Vilzenland—велька Русь; потому что *Land* часто замѣняетъ *Reich*, а *Reich* извѣстное дѣло;—тоже, что Русь), обнимавшая Скандинавію (т.-е. Свевію или Славію), Кимврію (т. е. Сербію) и Vinland (т.-е. Вендскую землю); «Холмоградская Русь» (Ulmerugia) и «Кыянская Русь» (Hunigard). Въ этой-то Кыянской Руси и царствовали князья, которыхъ имена греками и латинами, разумѣется, исковерканы, но нынѣ г. Вельтманомъ реставрированы,—именно, Фриdleфъ, или, что совершенно одно и то же, Преславъ; Гернить, или по-русски Яровить; Донать или Данко; Роасъ или опять Яровить, Осидъ или Острой, и наконецъ—Аттила. Такъ, проходя черезъ струю русскаго правописанія, всѣ греческія и латинскія слова получаютъ смыслъ и форму, сообразныя народно-славянскому воззрѣнію.

Нѣтъ возможности передать всему образованному міру филологическихъ сокровищъ, обрѣтенныхъ г. Вельтманомъ на пользу славянскаго міра. Попробуемъ, однако же, указать хоть на нѣкоторые.

Аланы—славяне, потому что они называются иногда *Vulani*, т.-е. волинцы, отъ слова воля; это несомнѣнно подтверждаетъ Амміанъ, который повѣствуетъ, что аланы никогда не были подъ игомъ рабства.

Вандалы—славяне. Это—тѣ же венды.

Герулы—тоже славяне, потому что они лугари (герулы, гелуры, лугеры, лугари).

Испанцы и *португалцы*—славяне же, что несомнѣнно доказываетъ тѣмъ, что у нихъ есть лужичане (Лузитанія) и рѣки Туга (Tago) и Туръ (Duэро).

Козары—тоже славяне, за то, что они носили косы, т.-е. чубы, на головахъ, и потому собственное ихъ имя было—*чубатые*.

Кимвры—славяне (кимвры, цимбры, симбры, сербы).

Кельты—славяне; это была *челядь* у кимвровъ, т.-е. сербовъ, а историки, не имѣвшіе сочувственнаго настроенія, приняли ихъ за народъ.

Лонгобарды—славяне, т.-е. лугари пограничные (отъ словъ—*лугъ* и *брдо*, *бердо*, ребро, край).

Саксы—славяне. Названіе саксы есть испорченное имя чеховъ.

Франки—славяне. Это варяги, а варяги, известное дѣло—руссы. Иначе доказываетъ г. Вельтманъ то же самое, назвавши франковъ *гранками*, потому что они селились на *границахъ* съ Римомъ.

Шведы—славяне (свевы—славы, совершенно ясно).

Словомъ, всѣ народы древняго и новаго міра оказываются славянами, кромѣ только готвъ, которые, по этому самому, и признаются г. Вельтманомъ—скотами (Gothi, Scoti, Schothi).

Только два производства не совсѣмъ удачными показались намъ у г. Вельмана (собственно по-русски *Велемудра*, потому что *велмт*—явно есть искаженное *вельк*, *великъ*, а *ман*—есть санскритскій корень, означающій—*мудръ*.—См. «Сравненіе словъ славянскихъ съ санскритскими», составленное известнымъ нашимъ поэтомъ и санскритологомъ, г. Хомяковымъ, и помѣщенное въ Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ, за 1855 г.). Въ этихъ двухъ производствахъ мы не можемъ не отдать преимущества предшественнику г. Вельмана, знаменитому профессору элоквенціи, В. К. Тредьяковскому. Г. Вельманъ говоритъ, что Одоакръ былъ Годичъ (т.-е. Odoaker, Odoachos, Godoacns, Godeoc. Годичъ), а амазонки—галичане (Amazonoi, Alazonoi, Halazonoi галичане). Г. Тредьяковскій утверждаетъ, что амазонки были *омушонки*, т.-е. мужественныя женщины, а Одоацеръ—названъ такъ потому, что, сдѣлавшись царемъ, вскричалъ: «о, да я царь!»... Неправда-ли, что это несравненно проще и естественнѣе?

За то во всемъ остальномъ мы такъ довольны г. Вельтманомъ, какъ будто бы мы были нѣмцы, которыхъ присоединилъ онъ къ семьѣ славянской, т.-е. человѣческой. Воображаемъ, какъ же должны быть довольны славянофилы!

Впрочемъ, разсматривая строго, мы находимъ и нѣкоторыя черты различія между славянофилами и ихъ велемудрымъ сторонникомъ. Такъ, напр., г. Вельманъ имѣетъ необыкновенную склонность передѣлывать всѣхъ варваровъ въ славянъ, тогда какъ сотрудники «Русской Бесѣды» сильно желаютъ видѣть всѣхъ славянъ варварами. Г. Вельманъ полонъ любовью къ человѣчеству, потому что видитъ въ немъ славянъ; «Русская Бесѣда» любитъ славянъ потому, что въ нихъ только видитъ человѣчество. Свое сочувственное настроеніе г. Вельманъ выражаетъ болѣе на практикѣ, не говоря о немъ, но выражая его въ своихъ изслѣдованіяхъ. Сотрудники «Бесѣды», напротивъ, больше любятъ поговаривать о немъ, а въ изслѣдованія пока не пускаются. По мнѣнію г. Вельмана, правильному ходу развитія русской жизни помѣшалъ въ первомъ столѣтіи по Р. Х., царь Гильвъ, путешествовавшій въ чужія страны, допустившій готвъ въ свои владѣнія и принявшій отъ нихъ ученіе, «весьма отъ древней истины отдѣлявшееся;» славянофилы, какъ известно, утверждаютъ, что все это произведено не

Гильвомъ, а Петромъ Великимъ. Всѣхъ не-славянъ г. Вельтманъ считаетъ скотами (Saothi), а славянофилы—нѣмцами. Наконецъ, г. Вельтманъ, какъ видно изъ его книги, весьма расположенъ къ миру съ европейцами, какъ съ своими однородцами; славянофилы же, напротивъ, благословляютъ споръ, именуемый *борьбою*, и это послѣднее обстоятельство, вѣроятно, препятствовало до сихъ поръ славянофиламъ стать подъ мирное знамя г. Вельмана. Если бы они съ нимъ согласились, то имъ ужъ ровно нечего было бы дѣлать.

Стихотворенія Н. М. Языкова. При нихъ приложены: его портретъ, fac-simile, свѣдѣнія о его жизни и значеніи и написанное о немъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Двѣ части. Спб. 1858.

Языковъ—тоже славянофилъ въ своемъ родѣ, и вотъ почему нисколько не удивительно, что г. Перевлѣскій, издавшій уже славянскую грамматику и хрестоматию (въ которую, впрочемъ, не попалъ Языковъ), издаетъ, между прочимъ, и Языкова. Стихотворенія этого «пѣвца вина и страсти нѣжной» до того нравятся г. Перевлѣскому, что онъ, не довольствуясь однимъ разомъ, считаетъ нужнымъ, для удовольствія читателей, напечатать нѣкоторыя изъ нихъ два раза въ одной и той же книжкѣ. Такъ напр., въ 1-й части, на стр. 4-й, напечатаны три элегіи, а на стр. 94—95 той же части—тѣ же элегіи, только ужъ каждая порознь. На стр. 96-й, 1-й части, посланіе Т—ву; а на стр. 296-й, 2-й части, тоже посланіе съ заглавіемъ: Татаринovu. Изъ этого видно, что желаніе нѣкотораго библиографа, чтобы всѣ русскіе поэты изданы были такъ же тщательно, какъ теперь Языковъ, не совсѣмъ справедливо. Впрочемъ, изданіе г. Перевлѣскаго хорошо тѣмъ, что въ немъ помѣщены всѣ статьи, какія были писаны по поводу стихотвореній Языкова. вмѣстѣ съ статьями гг. Погодина, Шевырева, Ксенофонта Полевого, тутъ же есть и отзывъ Бѣлинскаго, который повторяетъ нѣтъ нужды. Для любителей веселаго чтенія, тутъ же находится и рецензія «Библиотеки для Чтенія», весьма остроумная.

Не считая нужнымъ входить въ разсужденія по поводу значенія Языкова въ исторіи русской литературы, мы рѣшаемся указать только на одну сторону таланта Языкова, болѣе другихъ почтенную, но менѣе извѣстную русской публикѣ. На Языкова смотрятъ обыкновенно, какъ на пѣвца разгула, вина, сладострастія, или какъ на возвышеннаго патріота, бранившаго всѣхъ нѣмцевъ нехристью, прославлявшаго Москву, старину и хвалившаго

„Метальный, звонкій, самогудный,
Разгульный, мѣткій нашъ языкъ“...

Все это было въ своемъ родѣ превосходно. Но мы считаемъ нелишнимъ указать также и на первое время поэтической дѣятельности Языкова, когда «шалости любви нескромной, пиры и разгуль» воспѣвалъ онъ только между прочимъ, а лучшую часть своей дѣятельности посвящалъ изображенію чистой любви къ родинѣ и стремленій чистыхъ и благородныхъ. Въ то время муза его была еще свободна отъ многихъ предразсудковъ кружка, которые замѣтны въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ послѣднихъ годовъ его жизни. Тогда онъ воспѣвалъ родину—не какъ безусловно-совершенную страну, которой одно имя должно повергать въ священный трепетъ, не говоря уже о ея пространствахъ, ея рѣкахъ, морозахъ, кулакахъ и прочихъ затѣяхъ русской остроты. Нѣтъ, источникъ его тогдашняго сочувствія къ родинѣ былъ гораздо выше: онъ славилъ ея подвиги, ея благородные порывы, безъ всякаго затаеннаго желанія приписать ихъ именно извѣстному времени или странѣ. Онъ потому любилъ родину, что видѣлъ въ ней много великаго, или, по крайней мѣрѣ, способности къ великому и прекрасному, а вовсе не находилъ прекраснымъ и великимъ все русское только потому, что оно народное—русское. Впослѣдствіи времени Языковъ уклонился отъ своего первоначальнаго чистаго направленія и сначала призналъ разгуль счень хорошею вещью, всображая, что тутъ сидитъ русская народность.

„Не призывай чужого Бога,
Живи и пей по своему“,

совѣтовалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей.

Такъ точно, впослѣдствіи увлекся онъ другими особенностями русской природы и жизни и, воображая, что въ нихъ-то и есть чистая народность, издѣвался надъ нѣмцами, неумѣющими ходить по гололедицѣ, увѣрялъ съ увлеченіемъ, что картины Волги краше, чѣмъ распрекрасный Кавказъ, да побранивалъ—и очень безцеремонно—тѣхъ, кому не нравились публичныя лекціи г. Шевырева, въ которыхъ, по выраженію поэта, ожила—

„Святая Русь—и величава,
И православна какъ была“...

Всего этого не было въ произведеніяхъ ранней молодости поэта, въ періодъ 1822—1825 г. Тогда онъ обращался къ временамъ бѣдствій Россіи, среди которыхъ именно могъ проявиться великій духъ народа. Таковы, напр., пѣсни барда, изъ временъ монгольскаго ига. Вотъ, что поетъ бардъ, обращаясь къ Дмитрію Донскому, предъ битвой съ Мамаемъ (стих. Языкова, ч. I, стр. 25):

„Твои отцы—славяне были,
Желѣзомъ страшные врагамъ;
Чужія руки ихъ рукамъ;

Не цѣпи—злато приносили.
 И не свобода-ль имъ дама
 Ихъ знаменитыя дѣла?
 Когда съ толпой отважныхъ братій
 Ты грозно кинешься на бой,—
 Кто, сильный, сдержитъ предъ тобой
 Враговъ тьмочисленные рати?
 Кто сгонитъ блѣдность съ ихъ лица,
 При видѣ гнѣвнаго бойца?

Рука свободаго сильнѣе
 Руки, измученной ярмомъ:
 Такъ съ неба падающій громъ
 Подземныхъ грохотовъ звучнѣе;
 Такъ пѣснь побѣдная громчѣй
 Глухого-скрежета цѣпей“!..

Освобожденіе Руси отъ ига монгольскаго внушило Языкову нѣсколько стихотвореній, которыя, по силѣ выраженія и по чистотѣ выражаемаго въ нихъ чувства—любви къ отечеству — должны быть отнесены къ числу лучшихъ его произведеній. Нельзя безъ удовольствія перечитывать, даже въ настоящее время, его «Пѣсни барда во время владычества татаръ въ Россіи» (стр. 18). Она сопровождается у Языкова примѣчаніями, взятыми изъ исторіи Карамзина и поясняющими его выраженія (стих. Языкова, ч. I, стр. 18—19); но мы полагаемъ, что читатели наши не нуждаются въ этихъ примѣчаніяхъ, и потому приведемъ только самые стихи, ярко рисующіе бѣдствія Руси при татарахъ.

„И вы сокрылися, вѣка полночной славы,
 Побѣдъ и вольности вѣка!
 Такъ сокрывается ликъ солнца величавый
 За громовыя облака.
 Но завтра солнце вновь возстанетъ...
 А мы... намъ долго цѣпи влечь;
 Столѣтья протекутъ, и русскій мечъ не грянетъ
 Тиранства гордаго о мечъ.
 Неутомимыя страданья
 Погубятъ память объ отцахъ,
 И геній рабскаго молчанья
 Возсядетъ, вѣчный, на гробахъ.
 Теперь вотще молодой баянъ
 На голосъ предковъ зацѣваетъ:
 Жестокихъ бѣдствій ураганъ
 Рабовъ полмертвыхъ оглашаетъ;
 И онъ, дрожащею рукой
 Поднявъ холодныя желѣзы,
 Молчитъ, смотря на нихъ сквозь слезы“.

Тѣ же чувства выражаются и въ другихъ стихотвореніяхъ ранней поры Языкова. Но, къ сожалѣнію, источникъ ихъ былъ не въ твердомъ, ясно-сознанномъ убѣжденіи, а въ стремительномъ порывѣ чувства, не находившаго себѣ поддержки въ просвѣщенной мысли. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ всѣхъ поэтовъ пушкинскаго кружка. Языковъ не могъ удержаться сознательно на этой высотѣ, на которую его

поставило непосредственное чувство; у него не доставало для этого зрѣлыхъ убѣжденій и просвѣщеннаго умѣнья опредѣлить себѣ ясно и твердо свои стремленія и требованія отъ своей музы. Оттого-то во всей его поэтической дѣятельности выражается какое-то намѣреніе, никогда не исполняемое, потому что поэтъ безсиленъ его исполнить. Онъ восклицаетъ иногда довольно рѣшительно:

„Во прахъ надежды мелочныя,
И дѣлъ и мыслей мишура!
У насъ надежды золотыя
Сердца насытитъ молодья—
Дѣлами чести и добра!..“

И въ то же самое время, тотъ же поэтъ восклицаетъ, съ неменьшею рѣшительностію:

„Послѣдній грошъ ребромъ поставлю,
Упьюсь во имя прошлыхъ дней
И поэтически отправлю
Поминки юности своей!“

Такъ вотъ, чѣмъ насыщаются молодья надежды относительно чести и добра! Вотъ, гдѣ поэзія находитъ полное осуществленіе!

Немного спустя, Языковъ опять говоритъ, въ стихотвореніи «Поэту»:

„Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ пророка,—
Но въ міръ будь величественъ и святъ!
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно-ли сіяніе денницы,
Ужасенъ-ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ!..“

Переверните страницу (7-ю) въ нынѣшнемъ изданіи стихотвореній Языкова, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, и вы прочтете въ стихотвореніи «Кубокъ»—

„Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ!
Кубокъ взялъ; душѣ угодны
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ;
Сѣлъ и напилъ; ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой...“ и пр.

Вотъ каковъ этотъ смѣлый и отважный орелъ, этотъ пророкъ, грядущій въ міръ! Вотъ каковы его поэтическіе звуки, стройные и сладостные.

„Въ которыхъ рабъ свои забудетъ муки
И царь Саулъ заслушается ихъ“.

Поэтъ напрасно ищетъ во всемъ мірѣ этого чуднаго забвенія; онъ находитъ его только въ винѣ.

Съ теченіемъ времени, остепенился и Языковъ. Г. Перевлѣсскій говоритъ объ этомъ съ откровеннымъ простодушіемъ, можетъ быть даже не чуждымъ ироніи,—по крайней мѣрѣ, оборотъ рѣчи, употребленный издателемъ Языкова, не особенно благопріятенъ для послѣдняго періода дѣятельности поэта. «Во время странствованій Языкова по цѣлебнымъ водамъ,—пишетъ г. Перевлѣсскій,—въ годы тяжелыхъ страданій отъ сокрушительнаго недуга, разгульный строй его лиры нерѣдко мѣнялся на важный и торжественный; вмѣсто игривыхъ, разудалыхъ пѣсенокъ, слышались спокойныя, величавыя и благоговѣйныя пѣснопѣнія отчизнѣ и религіи». Итакъ, нужны были страданія сокрушительнаго недуга, чтобы отучить Языкова отъ его пѣсенокъ! Но, отучивши отъ пѣсенокъ, къ чему же болѣзнь приучила его? Ни къ чему,—рѣшительно. Въ это время, какъ и прежде, подъ вліяніемъ важнаго настроенія духа, Языковъ могъ написать двѣ-три возвышенныхъ пьесы; но общій характеръ, содержаніе поэзіи до конца жизни осталось у Языкова одно и то же. Измѣненіе только въ томъ, что поэтъ безпрестанно *сожалеетъ* теперь о томъ, что прежде воспѣвалъ съ такимъ восторгомъ. Изъ пьесъ серьезнаго направленія, написанныхъ Языковымъ въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ его жизни, есть одна, дѣйствительно, замѣчательная вещь — «Стихи на памятникъ Карамзину». Особенною живостью и силою отличается здѣсь изображеніе временъ Грознаго. Но, вообще говоря, безсиліе Языкова предъ серьезными вопросами и идеями было въ концѣ жизни, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ въ началѣ его поэтической дѣятельности. Въ стихотвореніи «Землетрясеніе» онъ задаетъ поэту задачу, которою, какъ извѣстно, восхищался Гоголь.

„Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Несись душой превыше страха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены“.

И прежде, какъ мы видѣли, Языковъ призывалъ поэта къ проповѣданію истинъ людямъ; теперь онъ только иначе мотивируетъ свое требованіе. Какъ же это призваніе выражается у него въ тотъ періодъ его поэзіи, къ которому относится «Землетрясеніе»? Вотъ какъ:

„Въ Москвѣ тамъ васъ,—я помню, я
Не разъ, не два, п всенародно,
Пѣлъ горячо и превосходно,
Громко-хвалебными стихами
Усердно поклонялся вамъ.
И подобаетъ тѣмъ стихамъ
Хвала моя...“

... Смотрите вотъ:

Лишь мало-мальски успокоенъ,
Въ моемъ житьѣ, еще разстроенъ
Толпой болѣзненныхъ заботъ
Почти весь день, еще надеждѣ
Почти не смѣю довѣрять,
Что буду нѣкогда опять
Такимъ, какимъ бывалъ я прежде“.

Смѣемъ думать, что послѣдніе стихи относятся не къ одному только восстановленію здоровья поэта, а и къ его поэтическому характеру. То же можетъ подтвердить и другое посланіе, относящееся къ тому же времени и начинающееся стихами:

„Въ достопамятные годы
Милой юности моей,
Вы меня, пѣвца свободы
И студентскихъ кутежей,
Восхитительно ласкали“,

и продолжающееся такъ:

„Поэтически-живая,
Отцвѣла весна моя,
И дана мнѣ жизнь иная,
Жизнь тяжелая,—но я...
Тотъ же я...“

Оба эти стихотворенія писаны, какъ видно, тогда, когда Языковъ немножко выздоравливалъ. Они объясняютъ намъ, какъ смотрѣть на его грустныя сожалѣнія о томъ, что онъ вину и кутежу

„Уже не можетъ, какъ бывало,
Пѣть вольнодумную хвалу...“

Да, въ натурѣ Языкова были, конечно, нѣкоторые задатки хорошаго развитія; но у него мало было внутреннихъ силъ для разумнаго поддержанія своихъ добрыхъ инстинктовъ. Онъ погубилъ свой талантъ, воспѣвая пирушки да побранивая нѣмецкую нехристь, тогда какъ онъ могъ обратиться къ предметамъ, гораздо болѣе высокимъ и благороднымъ. Такъ, впрочемъ, погибъ не одинъ онъ: участь его раздѣляютъ, въ большей или меньшей степени, всѣ поэты пушкинскаго кружка. У всѣхъ ихъ были какіе-то неясные идеалы, всѣмъ имъ видѣлась «тамъ, за далью непогоды» какая-то блаженная страна. Но у нихъ не доставало силъ неуклонно стремиться къ ней. Они были слабы и робки...

„А туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!..“

К О Н Е Ц Ъ П Е Р В А Г О Т О М А .